Г.Ф.МИЛЛЕР

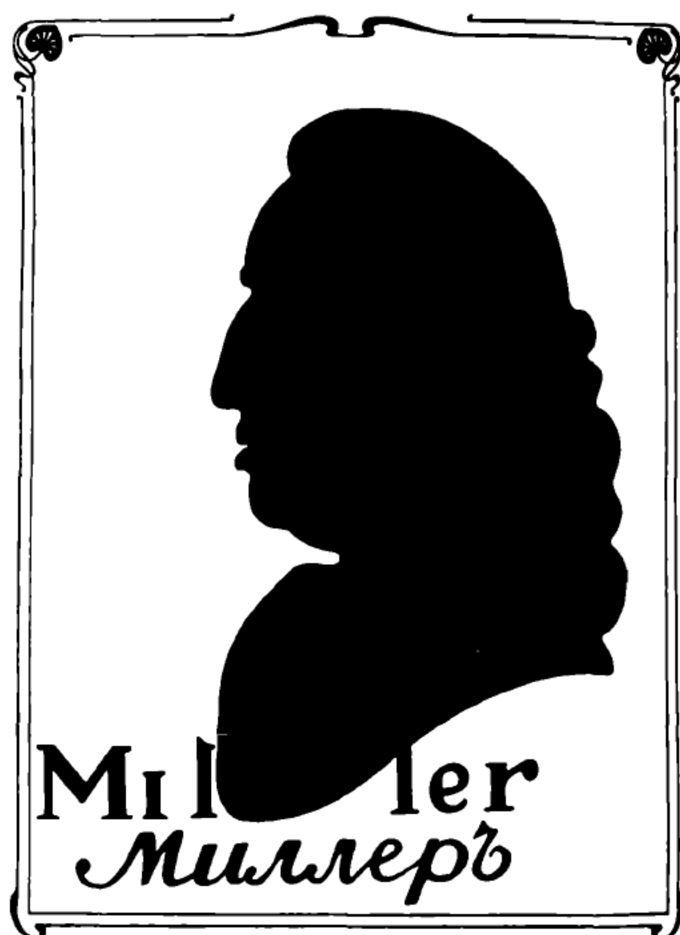
ИСТОРИЯ СИБИРИ

Том III

Г.Ф.МИЛЛЕР

ИСТОРИЯ СИБИРИ

Том III


Müller
Миллеръ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая

Г.Ф.МИЛЛЕР

ИСТОРИЯ СИБИРИ

Том III

МОСКВА
Издательская фирма
«ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА» РАН
2005

УДК 94 (571)
ББК 63.3(253)
М60

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
согласно проекту № 98-01-1602*

Настоящее издание подготовлено
С.И.ВАЙНШТЕЙНОМ (руководитель проекта)
и Е.П.БАТЬЯНОВОЙ

Редактор издательства
Л.С.ЕФИМОВА

Миллер Г.Ф.
М60 История Сибири / Г.Ф. Миллер; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. — М. : Вост. лит., 1999. — ISBN 5-02-018100-5
Т. III. — 2005. — 598 с. : ил., карты — ISBN 5-02-018422-5 (в пер.).

Книга завершает трехтомное издание классического труда выдающегося историка Сибири Г.Ф.Миллера (1705–1783) «История Сибири». Третий том издается впервые, в год 300-летия Г.Ф.Миллера. Включает главы 10–13 «Истории Сибири», предисловие и примечания к ним, а также Приложение, содержащее 219 грамот XVII в., три этнографические карты Сибири, статью Г.Ф.Миллера «Известие о песошном золоте в Бухарии...», «Обзор рукописей Г.Ф.Миллера...» Н.А.Баклановой и А.И.Андреева (ч. 2) и указатели.

ББК 63.3(253)

ТП-2004-II-260
ISBN 5-02-018100-5
ISBN 5-02-018422-5

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Предлагаемый читателю третий том «Истории Сибири» Г.Ф.Миллера, издаваемый Институтом этнологии и антропологии РАН, в отличие от первого и второго томов этого труда[1] публикуется впервые. Он издается в год 300-летнего юбилея Г.Ф.Миллера.

Том подготовлен к печати на базе рукописи, хранящейся в Архиве Государственного музея антропологии и этнографии (ГМАЭ) Российской академии наук в Санкт-Петербурге[2]. Она была составлена А.И.Андреевым и С.В.Бахрушиным[3].

После смерти А.И.Андреева (1959 г.) рукопись поступила в Архив АН СССР в Ленинграде и вскоре была передана в Архив Института этнографии АН СССР. Согласно описи передачи[4], рукопись содержала 1181 машинописную страницу, в том числе краткое предисловие, тексты глав 10–13 «Истории Сибири», комментарии к ним ряда видных историков, тексты 282 исторических актов (грамоты 1622–1680 гг.), статью Н.А.Баклановой и А.И.Андреева «Обзор рукописей Г.Ф.Миллера и других участников Второй Камчатской экспедиции по истории, географии, этнографии и языкам народов Сибири, хранящихся в московских и ленинградских архивах и библиотеках (Ч. 2)»[5], карту Сибири XVII в.

Публикуемые в томе главы рассказывают о продвижении русских в Восточную Сибирь, основании городов Илимска и Якутска, создании ряда ясачных зимовий и острогов, отношениях русских и коренного населения этого региона, выходе российских землепроходцев к Тихому океану. Рассматриваются государственное управление Сибирью, взаимоотношения России и Джунгарии в процессе освоения Сибири русскими, освещаются внутриполитическая жизнь Джунгарии, этнический состав населения Сибири и другие вопросы.

Главы даны в переводе с немецкого языка, на котором их написал Г.Ф.Миллер, осуществленном под руководством А.И.Андреева.

В ходе подготовки архивного экземпляра рукописи третьего тома к печати издателями было проведено дополнительное редактирование перевода текста глав. Вместе с тем лексические и синтаксические архаизмы, использованные переводчиками для передачи колорита XVIII в., в основном оставлены в тексте без изменений, даже в тех случаях, когда они противоречат современным нормам русского литературного языка.

Подстрочные примечания к тексту глав, написанные Г.Ф.Миллером и А.И.Андреевым, оставлены без изменений, примечания издателей заключены в угловые скобки. Текст глав сопровождают комментарии А.И.Андреева, С.В.Бахрушина, Л.П.Потапова, Н.Н.Степанова, С.А.Токарева, написанные ими еще в 1940–1950-е годы. Они публикуются нами с минимальными сокращениями, так как поныне сохраняют самостоятельную научную ценность. Лишь в некоторые из них внесены небольшие изменения и уточнения в свете современной исторической литературы. Дополнительные комментарии написаны Е.П.Батьяновой, С.И.Вайнштейном, В.А.Кореняко. Фамилии авторов комментариев указаны, как и в предыдущих томах, в сокращенном виде: Андреев — *А.*, Батьянова — *Бат.*, Бахрушин — *Б.*, Вайнштейн — *В.*, Кореняко — *К.*, Мухамедьяров — *М.*, Потапов — *П.*, Степанов — *С.*, Токарев — *Т.* Перед каждым параграфом текста, к которому даны примечания, поставлена звездочка.

В том включены 219 исторических документов (грамот XVII в.).

При получении нами для публикации копии рукописи III тома из Архива ГМАЭ выяснилось, что во время хранения в Архиве из нее исчезли более 400 страниц машинописного текста, в том числе Предисловие к тому, подготовленное А.И.Андреевым, тексты 121 исторического документа (грамоты XVII в.), статья Н.А.Баклановой и А.И.Андреева «Обзор рукописей Г.Ф.Миллера... (Ч. 2)», карта Сибири XVII в., подготовленная Г.Л.Гессерманом.

Работа по восстановлению утерянных материалов рукописи велась нами в различных архивах Санкт-Петербурга и Москвы, в результате удалось восстановить значительную часть утра-

ченного. Так, были подготовлены к публикации на базе архивных источников и включены в данный том 54 пропавшие из рукописи копии грамот XVII в., а также 8 новых грамот (№ 4, 5, 17, 21, 38, 46, 48, 55). Подготовка к печати грамот 1–62 осуществлена археографом О.В.Новохатко. При передаче текстов грамот ею в основном были сохранены принципы, которыми руководствовались при подготовке настоящего тома к публикации Андреев и Бахрушин. Устранение неточностей и опечаток в грамотах № 63–129 осуществлено издателями.

Нам удалось обнаружить и считавшуюся утерянной вторую часть статьи Баклановой и Андреева «Обзор рукописей Г.Ф.Миллера...»[6]. Она включена в данный том. Для уточнения сведений, приведенных в статье, издателями была проведена дополнительная работа в архивах.

В данном томе мы публикуем также статью Г.Ф.Миллера «Известия о песошном золоте в Бухарии», которая была намечена к изданию в третьем томе «Истории Сибири» А.И.Андреевым еще в довоенные годы[7]. Она дана нами в его редакции; в ее тексте устранены лишь опечатки и неточности на основании сверки с текстом этой статьи, опубликованной Миллером[8]. Комментарии к статье написаны В.А.Кореняко, Ш.Ф.Мухамедьяровым и Е.П.Батьяновой.

Взамен утраченной карты Г.Л.Гессермана в томе публикуются две карты XVIII в.[9], составленные по материалам Первой и Второй Камчатских экспедиций, а также карта родоплеменного состава народов Сибири XVII–XVIII вв., составленная Б.О.Долгих[10].

Иллюстрации, включенные в данный том, представляют копии 19 гравюр с изображением сибирских городов из альбома, хранящегося в Библиотеке РАН в Санкт-Петербурге[11]. Гравюры выполнены в середине XVIII в. с рисунков художников И.-В.Люрсениуса и И.Беркхана, участвовавших во Второй Камчатской экспедиции[12].

Включенный в том список цитированной литературы составлен Е.П.Батьяновой, указатели — именной и географических и этнических названий — подготовлены О.Б.Зайцевой. Ссылки на работы в тексте, как и в предыдущих томах, приводятся в сокращенном виде. Ссылки на страницы первого и второго томов «Истории Сибири» везде даны по изданиям 1999 и 2000 гг.

Выходом в свет данного тома завершается намеченное издание «Истории Сибири» Г.Ф.Миллера в трех томах. В последнее десятилетие интерес к бесценным материалам Второй Камчатской экспедиции все более возрастает не только в нашей стране, но и за рубежом[13]. Материалы «Истории Сибири» Г.Ф.Миллера, не вошедшие в опубликованные тома и хранящиеся в российских архивах, еще предстоит издать. Это долг отечественной науки.

Е.П.Батьянова, С.И.Вайнштейн

[1] История Сибири. Т.1. М., 1937; дополненное и уточненное переиздание тома: М., 1999. Т. 2. М.–Л., 1941; дополненное и уточненное переиздание тома: М., 2000.

[2] Архив ГМАЭ РАН, ф. 5, оп.1, д. 745.

[3] См.об этом: *Батьянова, Вайнштейн.* Из истории подготовки нового издания труда Г.Ф.Миллера.

[4] ПФА РАН, ф. 934, оп. 1, д. 732, л. 615.

[5] Первая часть этого обзора опубликована в первом томе «Истории Сибири» (Миллер. История Сибири, 1937, с. 541–569; изд. 2: 1999, с. 540–567).

[6] ПФА РАН, ф. 934, оп. 1, д. 69.

[7] *Миллер.* История Сибири. Т. I, 1937, с. 14.

[8] *Миллер.* О песошном золоте в Бухарии.

[9] Карты хранятся в Отделе картографии ГИМ (ГО-1882/3; ГО-7712).

[10] *Долгих.* Родовой и племенной состав народов Сибири.

[11] Библиотека РАН (Санкт-Петербург). Сектор картографии. Считаем необходимым поблагодарить заведующую Сектором картографии О.А.Красникову за оказанную нам помощь в подборе иллюстраций.

[12] См.: *Алексеева.* «Собрание российских и сибирских городов».

[13] Отметим, в частности, публикации: Актовые источники по истории России и Сибири; Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф.Миллера; *Элерт.* Народы Сибири в трудах Г.Ф.Миллера; Вторая Камчатская экспедиция. Документы 1730–1733. Ч. I. Морские отряды; Georg Wilhelm Steller. Stepan Kraseninnikov. Johahn Eberhard Fischer. Reisetagebücher 1735 bis 1743; Исторические памятники Второй Камчатской экспедиции.

Г.Ф.МИЛЛЕР

ИСТОРИЯ СИБИРИ

Том III

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

КАЛМЫЦКИЕ ВЕЛИКИЕ КНЯЗЬЯ ДЖУНГАРСКОГО ПОКОЛЕНИЯ. КУЧУМОВЫ ЦАРЕВИЧИ И МАЛЫЕ КАЛМЫЦКИЕ КНЯЗЬЯ

* § 1. Приступая к изложению истории самого известного калмыцкого княжеского рода (поскольку она связана с историей Сибири), необходимо предварительно сказать несколько слов о Каракула-тайше, джунгарском родоначальнике, о котором мы уже несколько раз упоминали[1]. Он умер, вероятно, около 1635 г., если исходить из того, что его сыну, преемнику Батыр-тайше, в этом году впервые присваивается титул контайши, а об отце его, Каракуле, после этого более нет упоминаний. Кроме Батыра, называемого также Баатырем, Богатырем, Батур-тайшой или, по китайским документам, Ходохозином и известного нам по предыдущим событиям на реках Ишиме и Тоболе, мы встречаем и второго сына Каракулы — Чокура[2]. Люди, оставившие известия, из которых мы черпаем наш рассказ, по большей части не знали калмыцкого языка и во всяком случае калмыцкой грамоты, поэтому нас не должно смущать различное написание его имени, так как он встречается также под именами Шокура, Шогура, Чогура, Чугура и Чокура Убаши. Кроме этих двух, по некоторым известиям, у Каракулы было еще два сына — Байбагиш и Чин-тайша, из которых о первом мы знаем[3], что он в 1622 г., спасаясь бегством от монголов, пришел к реке Тоболу. Правда, в данном случае Байбагиш там не назван сыном Каракулы, но что он им был, мы узнаем из рассказа о смерти Чин-тайши, последовавшей в 1625 г., когда между обоими братьями, Чокуром и Байбагишем, разгорелась борьба из-за оставшихся людей, числом 10 000. В этой борьбе Байбагиш оказался побежденным.

* § 2. В некоторых архивных документах упоминаются калмыцкие кочевья под названием Байбагачев улус, под которым, вероятно, подразумевается стан тайши Байбагиша, если Байбагач и Байбагиш действительно одно и то же имя. Надо думать, что Байбагиш вскоре после того умер, так как больше не упоминается. В 7143 (1634) г. 26 сентября пришли в Томск послы от двух калмыцких тайшей, Кужи Понаева и Очета Байбагачева[4], бить челом о свободной торговле и принести шерть за своих тайшей. Вероятно, здесь нужно подразумевать тайшу Куйшу, сыновья которого

[1] История Сибири, II, гл. 9, § 5–7, 39.
[2] Там же, § 8, 11, 17, 20, 34, 35.
[3] Там же, § 13.
[4] Прилож. № 42.

незадолго до этого воевали город Тару. Поэтому нет ничего невероятного в том, что именно он в то самое время, когда происходило нападение на Тару, отправил послов в Томск, чтобы не опасаться с этой стороны противодействия. Куйша упоминался уже несколько раз в предыдущих рассказах. Очет, как указывает добавление к его имени, был сыном неоднократно упоминавшегося тайши Байбагиша. Оба вместе, по словам послов, имели до 20 000 людей и кочевали на расстоянии пяти недель пути от Томска. Если приведенное число по тогдашним обстоятельствам является явно преувеличенным, то о кочевьях Куйши мы имеем более точные сведения: они находились по сю сторону Алтайских гор, на реке Иртыше[5].

* § 3. В это же время мы встречаем калмыцкий род орчаков, кочевавших в степи у реки Оби, в шести днях пути от Томска. Нахождение там же курчакского князца Кексеша заставляет предполагать, что курчаки и орчаки ничем друг от друга не отличались и что в этом месте в хранящихся в архиве документах произошла описка. Верно ли, однако, что орчаки были калмыками, и не следует ли их скорее считать теленгутами? То обстоятельство, что они кочевали вместе с последними и что их князья не носили калмыцкого почетного титула тайши, делает это предположение правдоподобным. Ведь называют же теленгутов, как в старинных русских архивных документах, так и в настоящее время на канцелярском языке, также калмыками, хотя с прибавкой слова «белые»[6]. Мы имеем много примеров, когда совсем различные народы вследствие случайного сходства смешивались под общим названием и, наоборот, составлявшие, по сути дела, один народ рассматривались как разные только потому, что отдельные роды их имели разные названия.

* § 4. В описываемое время орчаки подчинялись князцу Кохтобею, который в 1635 г. отправил в Томск послов бить челом о приеме его со всеми улусными людьми в вечное холопство. Послы шертовали в Томске, а сам Кохтобей принес шерть в присутствии посланного к нему сына боярского Семена Лаврова. Но когда от него потребовали, чтобы он сам приехал в Томск, он стал отговариваться тем, что у него-де самого находятся послы из Байбагачева улуса от Куйша-тайши. Другое посольство его, сопровождавшее на обратном пути в Томск сына боярского, имело целью только торговлю.

Но так как одновременно с ними прибыли калмыцкие послы от тайши Сенгея, или Исенгея, из Байбагачева улуса, то представился случай и для дальнейших переговоров.

§ 5. Сенгей пожелал также быть под царскою рукою, и, когда послы по его поручению дали шерть на верность, от него потребовали, чтобы он шертовал сам лично и для этого приехал в Томск. Это было причиной отправления к нему 7 мая 1636 г. посольства, во главе которого был десятник Семен Мезеня. Хотя Сенгей и дал шерть, но на большее не соглашался. Десятнику было приказано пригласить в Томск для торжественного шертования также и прочих калмыцких тайшей из Байбагачева улуса, Кужу и Очета, а также и самого знатного калмыцкого тайшу — Батыра-контайшу. Но дело ограничилось только тем, что каждый из них отправил в Томск своих послов, которые дали за них шерть. С подарками для тайшей послы были отправлены обратно.

---

[5] История Сибири, II, гл. 9, § 62.

[6] История Сибири, I, гл. 1, § 24.

* § 6. Мы упоминали уже о войнах калмыков с Казахской ордой в 1620 и 1626 гг.[7]. В 1635 г. Батыр-контайша был опять в походе против казахов и имел дело главным образом с ханом Ишимом туркестанским[8], сын которого Янгир в этой войне стоял во главе казахов. Сначала было похоже на то, что Янгир должен победить, но вскоре он сам попал в руки калмыков.

Наши источники ничего не говорят о том, каким образом он получил свободу, но мы его скоро увидим снова в походе; после смерти отца в качестве хана он продолжал войну против калмыков. В этой войне с Казахской ордой Кужа, Тоургоча и Далай-тайша названы союзниками контайши. Кочевья казахов находились тогда по обеим сторонам Иртыша, причем указано, что Кула-тайша, как наместник контайши, имел также свой стан в степи между Обью и Иртышом, в двух днях пути от орчаков, и что у него насчитывалось до 200 человек.

§ 7. В 1634 г. Кула-тайша совершил нападение на Тарский уезд и увел с собой несколько татарских семейств или же принял участие в описанных выше враждебных действиях[9]. Это произошло без ведома контайши, который хотел жить с русскими в мире и согласии, что, как он думал, позволит ему, с одной стороны, оказать наибольшее сопротивление обоим своим врагам — монголам и Казахской орде, а с другой — довести до конца начатое им важное дело установления единовластия над калмыками. Так как за последние несколько лет к его людям присоединились различные перебежчики из Тарского уезда, в особенности же изменившие в 1628 г. барабинцы, то он приказал их всех разыскать. Чтобы доказать на деле свои добрые намерения, он отправил в 1635 г. сто семейств и принадлежащий им табун в 1000 лошадей на Тару[10], причем через своих послов просил, чтобы русские со своей стороны не нападали на его улусы.

§ 8. Посольство из Тары с казаком Федором Плотниковым во главе доставило за это контайше и его братьям, а также Кула-тайше в подарок сукна, которые были приняты с благодарностью. Послы были наилучшим образом приняты и отправились обратно вместе с новым посольством контайши. Послы контайши заверили, что он будет и впредь разыскивать в своих улусах и выдавать всех перебежчиков из русских земель; кроме того, он предлагает доставлять ежегодно через своих людей соль из озера Ямышева для судов, приходящих туда из Тобольска, о чем Кула-тайша имеет уже приказ. В случае если русским границам будет грозить нападение враждебных народов, контайша обещал не только заблаговременно извещать об их приближении, но и помогать русским против их неприятелей — по получении вестей сам контайша выступит в поход.

§ 9. После этого, в 1636 г., было отправлено к контайше посольство во главе с сыном боярским Томилой Петровым[11], которому, согласно данному ему наказу, было поручено следующее: он должен был напомнить контайше его обещание, сделанное относительно выдачи остальных перебежчиков, и настаивать, чтобы контайша не принимал к себе таких беглых. В ответ на предложенную помощь против вра-

[7] История Сибири, II, гл. 9, § 7, 8, 21.

[8] См. о нем: Abulgazi. Histoire généalogique des Tatars, c. 758.

[9] История Сибири, II, гл. 9, § 63.

[10] Прилож. № 62.

[11] <Сын боярский Томила Петров неоднократно упоминается в документах 1616–1640 гг. См.: История Сибири, II, Прилож. № 119, 122, 292, 298, 382 и др.>

гов были даны заверения, что и ему, контайше, будут в случае надобности в равной мере помогать против его врагов, но чтобы контайша не велел своим людям кочевать по соседству с русскими ясачными волостями и отвел своих людей обратно на их прежние кочевья, потому что иначе невозможно предупредить возникновение ссор и раздоров между обеими сторонами. Что же касается погрузки соляных судов, во время которой также обыкновенно происходил спор, то от контайши требовали, чтобы он склонил и остальных тайшей к мирному образу действий и удерживал бы их от враждебных нападений. Таков был ответ на предложения бывших в Тобольске послов. То, что следовало далее в наказе Томиле Петрову, относится к другим, прежде случившимся событиям, частью уже описанным, частью же впервые упоминаемым в наказе.

* § 10. В рассказе об осаде Тары 1634 г. мы уже говорили[12], что во главе осаждавших стояли сыновья Куйша-тайши — Онбо и Ялси. Теперь отметим, что участвовал в осаде также зять Куйши, муж его дочери[13], вместе с царевичем Аблаем и что все дело было затеяно Куйша-тайшою. Незадолго до того в Тару приехал по торговым делам бухарский посол Кази Казиев. Он поддерживал связь с Куйша-тайшою, и поэтому тарский воевода приказал его задержать до тех пор, пока Куйша не возместит причиненных убытков и не возвратит захваченных в Тарском уезде пленных. Куйша со своей стороны отправил в 1635 г. в Тобольск и на Тару послов, чтобы бить челом о прощении ему его враждебных действий против Тары и об освобождении бухарского посла. Согласно своему обещанию, Куйша должен был прислать обратно всех находившихся в его улусе русских пленных. В ожидании этого бухарский посол был освобожден. Но Куйша не выполнил своего обещания и отложил дело до будущего года, когда русские приедут за солью к Ямышеву, где представится удобный случай передать им пленных. По этому делу потребовалось содействие контайши. Он должен был также побудить тайшу Талая, согласно клятвенному обещанию, данному послом Талая в Тобольске, освободить людей, захваченных в плен тарханом Батыром в Тюменском уезде[14].

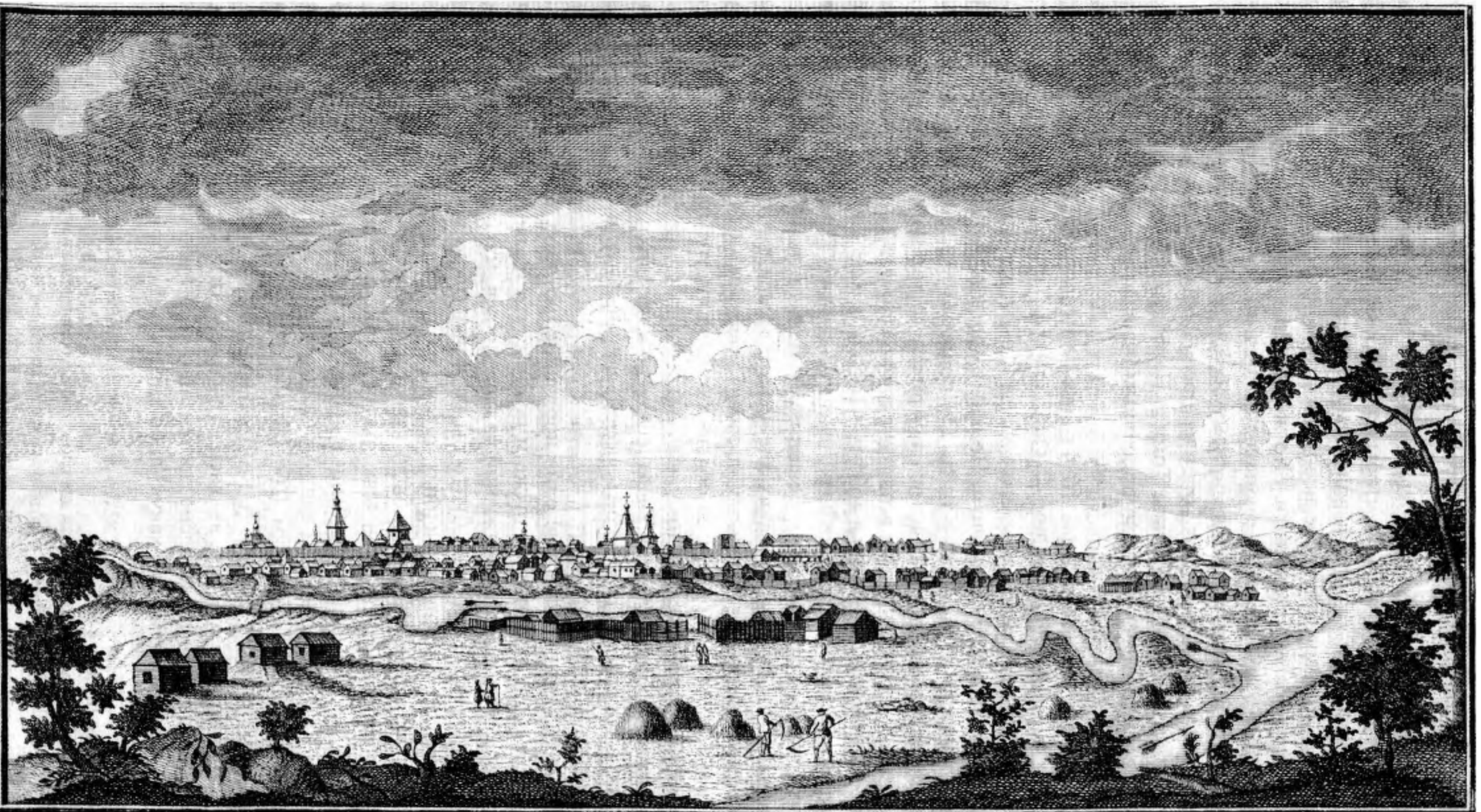
* § 11. Томила Петров имел еще одно поручение, которое, вследствие его значения для последующих событий, а также и потому, что из него еще более явствует необоснованность калмыцких притязаний на барабинцев, мы считаем очень важным. В 1634 г. Кула-тайша потребовал, будто бы по приказанию контайши, ясак с барабинцев, незадолго до того возвращенных; о том, что подобные требования уже были сделаны другими тайшами, Куле не было известно[15]. Кула основывал свои притязания на том, что барабинцы платили ясак его господину с тех пор, как они стали под его защиту в 1628 г. Барабинцы не были в состоянии противиться его требованиям, так как кочевья Кулы находились слишком близко от них и в случае отказа они подверглись бы еще большим насилиям. Сборщики ясака — брат Кулы Чулуйга и двоюродный брат его Тарлак — объявили, что будущей весной они придут вновь за ясаком. Было нетрудно доказать, что, являясь в течение многих лет русскими ясачными, на которых никогда не было заявлено претензий с чьей-либо стороны, они не могли поэтому предоставить калмыкам какую-либо власть над собой. Контайша возвратил

[12] История Сибири, II, гл. 9, § 65.

[13] Это мог быть также муж его сестры, так как слово «зять» означает и то и другое.

[14] История Сибири, II, гл. 9, § 66.

[15] Там же, § 24.



Видъ города Тары. ⅩⅩ *Vuë de la Ville de TARA.*

их и даже выставлял это обстоятельство себе в заслугу, когда требовал чего-нибудь от русских. Томиле Петрову было приказано настойчиво жаловаться контайше на эти новые требования ясака, добиваться возвращения уже собранного и настаивать на примерном наказании тех, кто вымогал ясак.

* § 12. Батыр-контайша признал неправильность отмеченных поступков. По возвращении в Тобольск сын боярский Томила Петров привез с собой посла от контайши по имени Абан Бугонаев[16], который объяснил, что контайша впредь не будет требовать ясака от барабинцев и не будет возражать против того, чтобы они платили его только русским. Но уже через несколько лет прежние требования были возобновлены, как это будет показано ниже. Хотя первоначально требование относилось только к 100 семействам, возвращенным контайшей, и, следовательно, только к Барабинской и Чойской волостям, где жили эти люди, но постепенно требование ясака было распространено калмыками и на все прочие волости. Таким образом, барабинцы сделались, по русскому выражению, двоеданцами, то есть платили два ясака: один — русским, а другой — калмыкам[17], или преемникам Батыр-контайши, что и продолжалось во все время их господства, хотя и не без споров со стороны русских. Из-за этого не считали необходимым употреблять против калмыков силу, так как барабинцы редко жаловались и рассматривали уплату калмыкам ясака как средство, благодаря которому они с этой стороны обеспечивали себе безопасность.

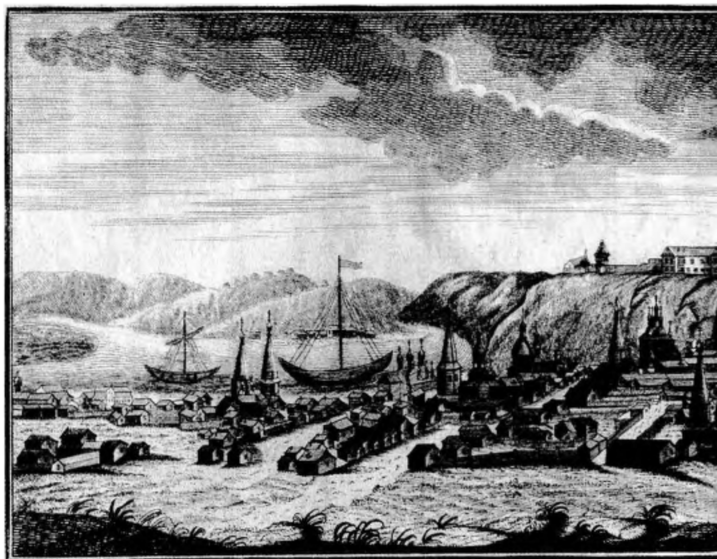
§ 13. По поводу пленных, уведенных из Тарского и Тюменского уездов Куйшой и Талаем, контайша через своего посла Абана обещал содействие и приводил в виде примера, что он уже освободил и отправил обратно на Тару одного русского крестьянина из Тарского уезда, которого Куйша хотел послать для продажи в Бухару. Также было повторено старое обещание выдачи находящихся еще у контайши татарских изменников. Но одновременно посол дал понять, что контайша ожидает за свои услуги более значительных подарков, чем те, какие ему до того времени посылались из Тобольска. Позднее контайша указал те подарки, которые он более всего хотел получить. Он утверждал, что Томила Петров подал ему надежду на получение подарков ценою в 500 рублей. Но это было недоразумением. Томила Петров показывал противное, да и не было в обычае определять заранее стоимость подарков.

* § 14. Частые посольства калмыцких тайшей имели также задачей торговлю, которую вели сопровождавшие посланников купцы, а от имени своего тайши и сами посланники. Но те же посольства имели целью получение подарков, которые обычно давали при отпуске посольства домой. По-видимому, это и было причиной, почему в Тобольск вместе с послом Абаном приехали также послы от матери контайши Абахай Катун, от его брата Чокура и его зятьев Ирки Табуна и Тушаты. Брать и получать подарки настолько в обычае у всех восточных народов, что никакая дружба не может без них существовать. Но если калмыцкий посол привозил в подарок хотя бы только одну заморенную лошадь, несколько плохих корсачьих шкур, куски бухарских бумаж-

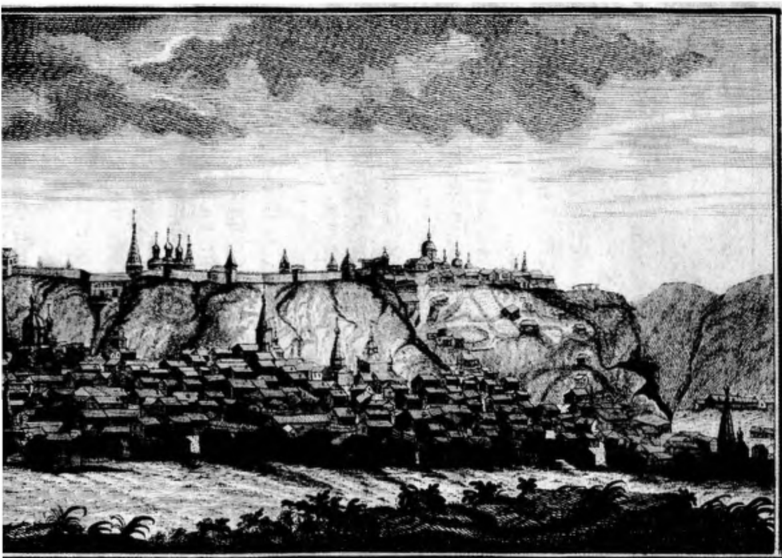
---

[16] Хотя подобные отчества, как, например, в данном случае Бугонаев, неупотребительны у калмыков, как и у других восточных народов, но я его указываю, так как оно встречается в архивных документах. Спрашивать об имени отца и называть его вместе с собственным именем для различения — согласно русским обычаям. Бугонаев обозначает, следовательно, что отца Абана звали Бугонаем.

[17] Про барабинских и кузнецких татар, из которых часть, как мы уже видели выше (История Сибири, II, гл. 9, § 24), тоже были двоеданцами, говорили, что они платят русским ясак, а калмыкам — алман. Калмыцкое слово «алман» имеет то же значение, что и ясак.



Видъ города Тобольска.



X   *Vue de la Ville de* TOBOLSK.

ных материй и китайские камки, то его тайша всякий раз при этом получал в ответ с лихвою, так как русские подарки обычно стоили гораздо больше.

§ 15. В это же время в посольстве у контайши находился один тарский казак, который по своем возвращении 7 октября 1636 г. привез весть, что Куйша-тайша просил у контайши 1000 человек в помощь для похода против сибирских пограничных городов, но что контайша ему в этом отказал, сказав, что как сам он не предпримет ничего враждебного против русских, так и другим не даст помощи против них.

* § 16. Вскоре после этого ездил к тайше Куйше, как уже говорилось выше[18], казачий голова Назар Жадобский. По возвращении в Тару 27 августа он доносил следующее: от Тары до кочевий Куйши, находившихся на реке Ямын, он доехал в шесть недель. Но он не застал там Куйшу, так как тот, по рассказам находившихся там русских пленных, вместе со своим сыном Омбо отправился в поход против монголов. Между тем свое поручение, состоявшее в требовании возвратить русских пленных, Жадобский передал жене Куйши по имени Конжа. Она сразу же осведомилась о подарках и сослалась на пример контайши, пользовавшегося от царского величества многими милостями. На это голова ответил: «Контайша заслужил высокую царскую милость к себе тем, что выдал 100 семейств барабинцев; если Куйша сделает то же самое и выдаст находящихся у него русских пленных, то его царское величество не оставит и его без своего жалованья». После этого Конжа держала у себя голову в течение двух месяцев. Она собиралась ехать навстречу своему мужу, но так как пришла весть, что калмыки были разбиты монголами, то она направилась к Иртышу, к соляному озеру Ямышу.

* § 17. В 1638 г. был в посольстве у контайши тобольский казак Дружина Кулагин. Он вернулся в следующем году и привез с собой посла по имени Урускай[19], который стал настойчиво требовать, чтобы его отпустили в Москву. Но, так как незадолго до его приезда был повторен прежний указ о том, чтобы не пропускать калмыцких послов в Москву, Урускаю оставалось только отправиться из Тобольска в обратный путь, что он и сделал 18 июня 1639 г. Новое посольство, отправленное к контайше из Тобольска одновременно с Урускаем и состоявшее из казака Кузьмы Абрамова и тобольского татарина Хожи Мамет Итеева, заслуживает быть отмеченным ввиду важности вестей, привезенных им.

§ 18. Контайша просил через своего посла Уруская, чтобы ему прислали панцирь, который не могла бы пробить пуля, а также несколько свиней и маленьких постельных собачек. Эта просьба не была выполнена, и из-за этого русские послы в пути должны были выслушать от Кула-тайши много упреков. Но они не сочли нужным перед ним оправдываться. Им нужны были от него только верные проводники, которых они и получили. Путь от барабинских волостей до кочевий Кула-тайши они проехали в девять дней, а оттуда до стана контайши в один месяц. Они нашли его на речке Ясыти, недалеко от монгольских границ, и немедленно же были им приняты. После изложения главного дела — выдачи остальных барабинских татар — они объяснили, почему не привезли контайше желаемых им подарков. Панцирей такой доброты, чтобы пуля их не пробивала, не было в Тобольске, и об этом отписано было в Москву, везти же с собой свиней и постельных собачек было невозможно по при-

[18] История Сибири, II, гл. 9, § 73.
[19] История Сибири, II, Прилож. № 382.

чине дальности дороги. Вместо этого они передали ему в подарок кусок сукна, который он принял честно и с удовольствием.

§ 19. Контайша сумел при этом отметить свои услуги, оказанные русским, выдачею 100 семейств барабинцев. Он говорил, что он их не подзывал и не пытался удерживать, что Куйша и Кучумовы царевичи уговаривали его отдать этих людей им, но он, желая послужить его царскому величеству, отправил их обратно на их старые жилища; то же самое он собирается сделать с остальными перебежчиками, состоявшими из 12 семей, как только их удастся найти. Он выслал своих людей, чтобы их разыскать, и перебежчики действительно были привезены обратно в Барабу.

§ 20. Три дня спустя, в течение которых послам давали корм довольный, контайша отправился с ними к своей матери Абахай Катун, которая вместе с женами контайши жила в десяти верстах от него. Здесь они были приняты в юрте Абахай, после чего контайша сказал им, что они могут отправляться обратно и что он с ними отправит еще двух посланников, чтобы опять просить о присылке подарков, которые желал иметь, а также о некоторых других вещах. Послами были назначены Нойенда и тот же Урускай. Один из них должен был отправиться в Москву, а другой — возвратиться с подарками из Тобольска. Но если бы никто из них не был пропущен в Москву, то один должен был возвратиться прямым сухим путем, а другой, для большего удобства, доставить подарки водой до Ямышева. На этот раз контайша просил прислать следующие подарки: панцирь, пищаль и к ней немного свинца, потому что у контайши есть сын, который будет пользоваться им на охоте; далее — десять свиней и к ним два борова, несколько индейских кур и десять маленьких постельных собачек.

* § 21. В то время контайша строил город в трех днях пути от своего стана, на монгольской границе, в урочище Кубаксары; там жил один лама, который при посредстве переселенных в это место бухарцев завел пашню; семена пшеницы и проса были доставлены туда из Бухары[20]. При отпуске контайша сказал русским, что новый город будет его резиденцией, там же он будет держать свиней и индейских кур, которых ему пришлют из Тобольска. Вероятно, он собирался ежегодно некоторое время кочевать неподалеку от этого места. Но трудно предположить, чтобы он решился изменить образ жизни и избрать себе постоянное место жительства, потому что все кочевые народы очень ценят те преимущества, которые видят в непрерывной перемене местожительства. Впрочем, это и на самом деле не произошло.

§ 22. С этим Козьма Абрамов и Хожа Мамет Итеев и с ними два калмыцких посланника — Нойенда и Урускай приехали 6 декабря 7148 (1639) г. в Тобольск, где вскоре был получен из Москвы указ, чтобы пропустить в Москву послов контайши, если они этого пожелают[21]. Согласно с этим указом, послам было объявлено разрешение на поездку и предоставлено решать, поедут ли оба в Москву или только один из них. По желанию послов их отправили обоих. Они выехали 26 февраля 1640 г. с обычными провожатыми из Тобольска, а в июне отправились из Москвы в обратный путь.

§ 23. Тогда же из Москвы было послано то жалованье, которое с таким нетерпением ожидал контайша. Но еще до того, как узнали о его последней просьбе, в на-

[20] Значит, это было место, подобное Аблайкиту; о последнем см. мой труд «De scriptis tanguticis in Sibiria repertis» в томе 10 «Comment. Acad. Scientiarum Imp. Petropolitanae».

[21] Прилож. № 59.

граду за выдачу барабинских перебежчиков ему и Кула-тайше были отправлены подарки[22], которые были в Москве оценены: для контайши в 250 рублей, а для Кула-тайши в 150 рублей; эти суммы свидетельствуют о дешевизне тех времен или же о высокой цене денег.

* § 24. При отпуске из Москвы послов контайши был дан царский указ от 30 мая 7148 (1640) г.[23], чтобы свиньи, постельные собачки и индейские куры были куплены в Сибири и отправлены к Ямышеву озеру, где контайша, или Кула-тайша, или же кто-нибудь от их имени должен был их принять. Но так как постельные собачки и индейские куры в те времена были еще в Сибири редкостью, то прошло почти два года, прежде чем была произведена отправка. В 1642 г. 3 июня из Тобольска были отправлены к Ямышеву озеру для контайши[24] индейский петух с двумя курами и четыре постельных собачки. Посланный с ними Яков Бугалаков должен был принять в Таре еще шесть постельных собачек, четыре свиньи и двух боровов. Путь от Тобольска до Тары продолжался две с половиной недели, а от Тары до Ямышева озера — четыре с половиною недели. Здесь Бугалаков застал тайшу Кулу и передал ему все в исправности, после чего отправился обратно и провел в пути от Ямышева до Тары три недели, а от Тары до Тобольска — две недели.

§ 25. Если этими подарками думали еще больше склонить контайшу на свою сторону и окончательно втянуть его в сферу русских интересов, то это все же не удалось. Он сделался от этого только высокомерным и нимало не скрывал, что он у русского царя в большом почете, чем и возбуждал зависть в других тайшах. Чокуру, контайшину брату, было особенно обидно, что Куле выпала такая большая честь, которая, по его мнению, более подобала ему. Его посол представлял в Тобольске, что Кула является только слугой контайши и никаким образом не заслуживает такого большого жалованья, какое он получил; но так как это уже сделано, то его господин надеется, что и он, Чокур, получит государево жалованье — серебряные кубки, братины, сукна, камки и атласы. В ответ на это 1 мая 1641 г. тобольские воеводы отправили Луку Кызылова в посольство к Чокуру[25] и велели передать ему, что контайша заслужил у его царского величества жалованье тем, что выдал барабинских перебежчиков, и что если Чокур-тайша также покажет свою службу, то и о нем будут помнить и не преминут сделать соответствующие представления в Москве.

§ 26. Одновременно с Кызыловым были отправлены также послы к контайше; их звали Семен Неустроев и Мелмамет Кутабердеев. До Тары они провели в пути три недели и оттуда направились к кочевьям Кулы, которых достигли через две недели. В известиях об этом посольстве[26] Кула называется не тайшою, а только кошучи — чиновником. Оттуда они в две недели доехали до переправы через Иртыш. Здесь послы к контайше расстались с Кызыловым, которому оттуда до Чокура оставалось еще четыре недели езды. Он возвратился в Тобольск 30 декабря 1641 г. и привез от Чокура посла по имени Могонако, который повторил его прежнюю просьбу. Такая настойчивость совершенно соответствует обычаям этого народа. Они легко принимают вежливость за нечто должное, а Чокур считал себя еще вправе получить подар-

---

[22] Прилож. № 61 и 62.
[23] Прилож. № 62.
[24] Прилож. № 71.
[25] Прилож. № 64.
[26] Там же.

ки, потому что он слышал, что государево жалованье было послано контайше в награду за выдачу барабинцев, в чем, по его утверждению, он участвовал наравне со своим братом. Ошибка его состояла в том, что свою просьбу он подкреплял угрозами, что и было причиной, почему она не была исполнена.

§ 27. Еще одна поездка послов по делам, касавшимся контайши и Чокура, состоялась в 1642 г.; вместе с двумя бывшими в Тобольске послами контайши, Топшуном и Урускаем, тобольский казак Ларион Насонов и тобольский татарин Мамет Тохтасинов отправились в декабре 1642 г. из Тобольска[27]. За десять дней доехали до Тары, где остановились на неделю, и оттуда в два месяца достигли кочевий Кула-кошучи, который три месяца не отпускал их. Кула смело заявлял, что он это делал нарочно, потому что послов контайши, желавших ехать в Москву, так долго задерживали в Тобольске. После этого они провели еще один месяц в пути к стану контайши, который в то время находился в урочище Сары-Кубу[28]. Они прибыли туда вечером и в тот же день были у контайши в избе. Через несколько дней они поехали к тайше Чокуру, затем опять возвратились к контайше и пробыли у него еще четыре недели. В продолжение этого времени они получали достаточный корм и питье. При их отъезде контайша отправил с ними своего посла Ургудая и с ним лист, в котором просил об освобождении нескольких киргизов, содержащихся в качестве пленных в Томске. С этим Ларион Насонов с товарищем возвратились 2 сентября 1642 г. в Тобольск, проведя в дороге от ставки контайши до кочевий Кулы один месяц, оттуда до Барабы — три недели, далее до Тары — десять дней и, наконец, до Тобольска — 11 дней.

* § 28. Главнейшей причиной этого посольства было то, что контайша снова начал брать ясак с барабинцев, против чего следовало протестовать. Непонятно, что же, собственно, побудило контайшу нарушить свое прежнее обещание. Калмыцкие сборщики алмана появились уже в 1641 г. Но дело дошло до жалоб только в 1642 г., когда они пришли снова и наложили такой ясак, который барабинцы едва могли уплатить. Они брали по полукоже красной, по сажени сукна и орлиному перу[29] с каждого юрта. Ясак был собран со всех волостей, даже с тех, которые при прежних сборах не были им обложены. Поименно перечислены при этом волости Тураш, Люба и Тунус, с которых был взят этот тяжелый ясак[30].

* § 29. Когда Ларион Насонов указывал контайше на неправильность этого сбора ясака, контайша со своей стороны жаловался, что русские также берут ясак с киргизов, которые являются его, контайшиными, подданными, что томские служилые люди недавно их повоевали, причем много людей было убито и много захвачено в плен. Среди же пленных находится киргизский князец Изеней, состоящий с ним, контайшей, в родстве, а следовательно, он с одинаковым правом может требовать ясак с русских подданных — барабинцев. Точно такие же речи говорил Кызылову Чокур. Действительно, непостоянные киргизы повсюду искали поддержку, чтобы только избегнуть подчинения русским. За несколько лет до того они заключили договор

[27] Прилож. № 65, 70.

[28] Возможно, что Сары-Кубу — то же, что Кубаксары, так как это последнее урочище называется иногда Сары-Кубак, отчего могло произойти Сары-Кубу.

[29] Орлиные перья высоко ценятся в Сибири, потому что они более всего пригодны для оперения стрел. В другом месте сказано, что калмыки брали с каждого двора по орлиному хвосту. Красную кожу, или юфть, и сукна барабинцы должны были покупать у русских.

[30] Прилож. № 67, 70, 75 и 81.

с калмыками, имевший целью окончательное отпадение от русских и подчинение контайше. Но и без того была допущена большая несправедливость, когда контайша обещал принять в число своих подданных киргизов, уже много лет плативших ясак русским, и незачем было поступать так же неправильно с барабинцами.

§ 30. При отпуске в 1643 г. калмыцкого посла Ургудая в Тобольске не упустили случая снова написать к контайше[31] по поводу возникшего дела и особенно настаивать на правах русских и киргизов, потому что от этого зависело разрешение вопроса о сборе калмыками ясака с барабинцев. Контайша в то время находился в урочище Кара-Адсегир. Русские посланники застали там только его жен и детей, так как сам контайша со своим младшим братом, Чокуром, и с другими тайшами, между которыми названы зять его Учурту и Абулай (или правильно Аблай), находились в походе против султана Казахской орды Янгира. Главная жена контайши — Дара-уба Салча приняла русских посланников, взяла у них подарки, состоявшие из двух кусков сукна. В остальном сослалась на мужа. К концу июля контайша возвратился из своего похода, после того как посланники прождали его четыре месяца.

* § 31. Русские узнали следующие подробности об этом походе: все калмыцкое войско, в которое входили также вспомогательные монгольские отряды, состояло из 50 000 человек. После того как при первом нападении калмыки овладели двумя землицами, или двумя народами — мат-киргизами и токманами — численностью до 10 000 человек, Янгир выступил против контайши с 600 человек. Половину своих людей он посадил в засеку, в теснине между двумя горами, а сам с другой половиной спрятался за горою, ожидая прихода калмыков и их нападения на засеку. Произошло так, как Янгир предполагал: в то время как сидевшие в засеке храбро оборонялись, Янгир напал на врагов с тыла, и так как его люди были по большей части вооружены пищалями, то он нанес сильное поражение калмыкам: 10 000 человек их остались на месте. В то же время на помощь Янгиру пришел татарский князь Ялантуш с 20 000 человек. Это побудило контайшу к отступлению, но он сохранил и привел с собой в улус захваченных при первом нападении пленных. Абулгази упоминает[32] о нападении, которому подвергся от калмыков в своих владениях ургенчский хан Шариф-Магомет, умерший в 1052 г. хиджры (христ. 1642). Из этого следует заключить, что султаны Казахской орды были вассалами ургенчского хана или же что война с Янгир-султаном была следствием войны с ханом Шариф-Магометом.

* § 32. В посольских делах с контайшей мы не находим никаких упоминаний о переговорах или соглашениях относительно киргизов и барабинцев. Контайша жаловался только на кузнецких служилых людей, что они незадолго до того повоевали керсагалов, татарское племя, кочевавшее в верховьях реки Томи. Но керсагалы были объясачены из Кузнецка еще в 1632 г.[33], год спустя они вновь отпали и примкнули к калмыкам. Поэтому их хотели опять привести в повиновение. Кузнецкие служилые люди убили некоторых из них, а нескольких человек захватили в плен и за освобождение их требовали сообразно с их числом выкуп. Этого контайша не хотел допустить. Он выдавал керсагалов за своих людей и требовал поэтому возвращения пленных без выкупа. Русские посланники Григорий Ильин и его товарищ не знали о правах русских на этот народ. Они хотели оправдать кузнецких служилых людей и при-

[31] Прилож. № 75.

[32] *Abulgazi*. Histoire généalogique des Tatars, с. 733.

[33] Прилож. № 72. См. также: История Сибири, II, Прилож. № 409.

писывали все ошибке, происшедшей оттого, что, желая отомстить теленгутскому князцу Мачику, причинившему им много бед, кузнецкие служилые люди вместо него натолкнулись на керсагалов. Таким образом, претензии контайши в отношении керсагалов были только подтверждены, и он стал упорнее настаивать на освобождении пленных.

* § 33. Если посольскими сношениями не всегда достигались главные цели, то нужно признать, что они все же приносили известную пользу благодаря получаемым через них вестям; мы приведем здесь некоторые, привезенные Григорием Ильиным из калмыцкого стана и основанные на его собственных наблюдениях и на рассказах других лиц. Во время пребывания там Григория Ильина контайша жил в урочище Кубак-Сары. В то время было три таких города, и к ним должен был прибавиться еще четвертый, который тогда строился. Города лежали друг от друга в расстоянии одного дня пути, и все были выстроены из камня. В них жили тангутские ламы, а также бухарцы, которых контайша поселил там ради пашни. Сам он по калмыцкому обычаю кочевал или, вернее, жил в кибитке, которая могла переноситься с одного места на другое; так же жили все знатные и простые калмыки, находившиеся под его властью.

При отъезде Ильина стан находился у реки Имыла, из чего можно заключить, что и самое урочище Кубак-Сары находилось неподалеку от реки Имыла. Жена контайши Дара-уба Салача была дочерью тайши Урлюка. У нее был сын Очотбу Батыр, незадолго до того женившийся на дочери Куйши. На свадебном пиру Куйша напился пьян, говорил в хмелю, что он пойдет в поход против сибирских городов Тары, Тобольска и Тюмени и будет добиваться того, чего сын его Омбо не смог сделать в прошлый поход. На это Очотбу ответил, что в таком случае он станет на сторону русских и в отсутствии своего тестя разорит его улусы. Во время последнего похода против Казахской орды контайша предлагал Кунделен-тайше присоединиться к нему со своими людьми; Кунделен, однако, отказал под тем предлогом, что он-де живет в дружбе с Янгир-султаном, признавшим себя его сыном[34]. Контайша собирался следующей весной отправиться в новый поход против Янгир-султана и одновременно против тайши Кунделена. Поэтому вскоре после своего возвращения из похода он отправил послов к своему тестю тайше Урлюку с просьбой напасть на тайшу Кунделена в то время, когда он, контайша, будет воевать с Янгир-султаном. Но так как послы должны были проехать мимо кочевий Кунделена, то их там захватили вместе с письмом; замысел был раскрыт, и против него приняты меры. Силы Урлюка определялись в 70 000 человек, контайша будто бы мог выставить в поле 20 000 человек, и, кроме того, у него было 10 000 ясачных людей, войско Янгира состояло из 15 000 человек, а Ялантуша — из 20 000 человек.

* § 34. С этими вестями 12 февраля 1644 г. возвратились в Тобольск Григорий Ильин и Кучумбердей Кучуев. С ними приехали два посла[35] от контайши — Долги Чанбаев и прежний Ургудай, привезшие два листа: один — на татарском, а другой — на калмыцком языке. В то время в Тобольске еще не было калмыцкого толмача.

[34] Признание себя сыном означает у этих народов, что один князь отдается под защиту другого. Они называют себя также братьями, что подразумевает полное равенство в дружбе. Но если договариваются, что один рассматривается как старший, а другой — как младший брат, то старший имеет преимущество, так как при отсутствии отца младший брат должен слушаться старшего, как главу семьи.

[35] Прилож. № 76.

В листе, писанном по-татарски, в русском переводе, сделанном одним тобольским татарином, читаем:

«Великому государю и великому князю Баатырь контайша челом бьет. А мы здесь, дал Бог, здоровы. Ты, государь и великий князь, как тебя Бог милует? Ты, государь великий князь<...> я контайша советовали: Ты мне батюшко, я твой сын[36], меж нами орды хто издалече слышит, что меж нами мирно, наши люди меж вашими людьми, а ваши меж нашими не грабливали и не воевали, мирно живут. Вверх Томи воеводы кирсагали наших воевали и погромили, тебе, государю, ведомо ли? А буде по твоему государеву указу громили, вели, государь, наш ясырь отдать назад без окупу. А буде без твоего государева ведома сами погромили, вели, государь, на тех воеводах нам бесчастие доправить и прислать к нам. А за тот ясырь, который парень 10-ти лет, и за того просят 400 соболей[37], по твоему ли государеву указу или собою? А буде ты, государь, не пожалуешь, того ясырю прислать нам не велишь, и совет будет не по-старому. Государь царь, тебе гостинца два елбарса да наручи[38], 2 коня. Вели, государь, меня пожаловать, дать доспех, да пищаль стрельную, да 4 петуха, да 8 куриц индейских. О том, государь, бьем челом. Что тебе, государю, надобно, и о том ко мне лист пиши.

Четыре воеводы[39], наших посланников отпустите ко государю к Москве. С теми ж, с коими Семена послали».

§ 35. Через несколько недель калмыцкие послы были отпущены из Тобольска обратно, но без сопровождения их, как это обычно бывало, русскими посланниками. Было приказано их провожать от Тобольска до Тары и от Тары до ближайших калмыцких кочевий. Последние находились в то время очень недалеко, потому что незадолго до того некоторые калмыцкие семьи из числа людей контайши поселились среди барабинцев, а многие другие жили всего на расстоянии двух дней пути от них. Тарские конные казаки, посланные провожать посланников, уже 12 мая 1644 г. возвратились домой[40]. От них узнали, что контайша грозит русским и собирается воевать Тару, чтобы получить удовлетворение за керсагалов. Опасались, что чрез своих людей, беспрестанно ездивших от него к барабинцам и обратно, он побудит этот народ к совершенному отпадению, но ничего не произошло, и дело окончилось одним страхом.

§ 36. В Калмыцкой земле, по ту сторону Алтайских гор, был сильный голод, и поэтому многие калмыки перешли в русские пределы[41]. Причину этого голода следует искать в условиях тогдашнего военного времени и неудач, которые контайша потерпел в войнах против монголов и Казахской орды, или же в падеже скота. Многие калмыки умерли от голода, другие же питались рыбой из озера Нор-Зайсан, которая обычно у них в пищу не употреблялась. На этом основано устное предание калмы-

---

[36] Это означало, что контайша признавал себя под покровительством русских.

[37] Отсюда видно, что это был ясак, потребованный кузнецкими служилыми людьми от керсагалов, как от русских ясачных людей, и что пленные рассматривались в Кузнецке как аманаты.

[38] Жесть или толстая кожа, которой закрывают нижнюю часть руки, чтобы не повредить ее при натягивании лука. Слово это русское, происходит от выражения «на руки». По этому примеру можно судить о простоте этого народа и о ценности подарков.

[39] Это обращение относится к двум воеводам и двум дьякам, стоявшим обычно во главе управления в Тобольске.

[40] Прилож. № 78.

[41] Прилож. № 77, 82, 83, 85, 86.

ков, что озеро получило в то время свое теперешнее название из благодарности за его помощь во время голода: калмыки как бы хотели дать ему некоторые преимущества, так как слово «зайсан» означает на их языке «повелитель», тогда как раньше озеро называлось Кысалпу-нор. Барабинцам голод у калмыков причинил также немало осложнений. Их запасы были съедены новыми пришельцами, переполнившими к тому же все окрестные степи и, таким образом, лишившими их возможности охотой и рыбной ловлей пополнить свои запасы. На это они жаловались в Тару, откуда неоднократно напоминали калмыкам, чтобы они не прикочевывали к русским уездам, не чинили притеснений и обид барабинцам; к контайше был отправлен даже нарочный посол Станислав Буткевич из Тобольска для необходимых представлений. Уже собирались применить силу, если бы не удалось ничего добиться добром; однако вскоре калмыки сами ушли из русских пределов, и причин на них жаловаться более не стало.

§ 37. В это время в Астраханском уезде русские нанесли поражение торгоутскому тайше Урлюку. Еще когда к походу только готовились, в Москве пожелали узнать, как на это дело посмотрит контайша. Поэтому было приказано отправить к нему из Тобольска посольство[42], чтобы выяснить, в каких отношениях друг к другу находятся он и Урлюк. В Москве хотели даже, чтобы контайша соединился с русскими против Урлюка и напал на него со своей стороны в то время, когда русские выступят против него; поэтому предполагали открыть ему русские планы, которым он должен был способствовать. С этою целью 7 декабря 1643 г. из Тобольска был отправлен к нему стрелецкий сотник Владимир Клепиков с несколькими казаками и татарами[43]. Проведя 22 недели в дороге до стана контайши, находившегося в обычном месте в Кубаксарах, и пробыв там десять недель, они отправились обратно и через 12 недель, 14 октября 1644 г., прибыли в Тобольск.

§ 38. Когда Клепиков изложил свое посольское дело контайше, последний ничем не показал, что ему было бы неприятно, если бы русские повоевали Урлюка; однако сказал, что он не пошлет своих людей вместе с русскими, потому что он взял в жены дочь Урлюка и нет такого обычая, чтобы дети воевали со своими отцами; что и другие калмыцкие тайши, из его, контайшиных, друзей, не будут принимать участия в войне с Урлюком. Между тем во время пребывания Клепикова у контайши пришли вести о гибели Урлюка; стало известно также, что сыновья Талай-тайши собирались отомстить оставшимся в живых сыновьям и внукам Урлюка за совершенное им убийство их брата Тайчина. Контайша хотел примирить их и для этого отправился к тайше Кунделену на совет, куда велел позвать и враждующие стороны вместе с другими калмыцкими тайшами. Но сын Талая, Гумба, со своими людьми уже отправился в поход, прежде чем это известие дошло до него.

§ 39. Клепикову было приказано потребовать также возвращения русских ясачных людей, захваченных в плен еще в прошлые калмыцкие набеги Куйшой и сыновьями Талай-тайши. На это контайша возразил, что он в этом деле ничего сделать не может, так как названные тайши от него не зависят. С одинаковой холодностью ответил он на сделанное предложение показать свою верность и дружбу русским, и расположить других тайшей в их пользу, и удерживать от военных действий про-

[42] Прилож. № 84, 86, 88.
[43] Прилож. № 84.

тив русских границ, а если некоторые все же начнут враждебные действия, то идти на них войною. Со своей стороны, он повторял свои прежние жалобы по поводу находившихся в плену в Томске и Кузнецке киргизов и керсагалов, которых он требовал отпустить на свободу, не считаясь со сделанными ему указаниями, что эти люди должны быть наказаны за измену, так как в прежние времена они были русскими ясачными людьми. Он заявил, что в случае неисполнения его требования он будет продолжать взимать ясак с барабинцев. К тому же он угрожал еще начать военные действия против Нарымского острога, но опасаться выполнения этой угрозы было, конечно, мало оснований.

* § 40. С Клепиковым прибыли в Тобольск два посла от контайши, которых документы называют Чуна и Сырян, а иногда — Мурыган или Ямутыга и Сырян[44]. Они требовали, чтобы их пропустили в Москву, куда они были отпущены 20 мая 1645 г. Переданный ими лист контайши содержал следующее: «Баатырь-контайша. Белой царь[45], здорово ли живешь? Я здеся здорово. Меж нами послы ходят. Киргизы наши твоих государевых людей воевали, а твои государевы люди наших киргизов воевали. Меж мирными людьми то неправда. Ты ведаешь деревянные избы, а мы ведаем земляные избы[46]. А о чем тебе, государю, бью челом, и ты меня тем не жалуешь: у тебя, государя, белого царя, прошаю пансырь доброй, чтоб пищаль не взяла, 10 куриц больших, 5 куриц малых, да 3 борова, да 7 свиней. А с первыми послами послал государю 2 барса да наручи, а с нынешними послами послал к тебе, ко государю, 2 барса. А с теми поминками послов моих отпустити ко государю к Москве; а только не отпустите, и вы, отпустив их назад без государевых послов, и впредь послов меж нами не будет. А что ты, государь, приказывал о царевиче[47], и царевич кочует от меня далече на своей земле, и в том твоя государская воля. А что, государь, ко мне послал 5 выдр да 2 сукна[48], и то до меня дошло. И к тебе, ко государю, послал 2 посла да 2 кашевара; вели, государь, послов моих взять к себе, к государю, к Москве, чтоб мои послы твои царские светлые очи видели[49]. Затем, государь, челом бью».

§ 41. Пока калмыцкие послы ездили в Москву, контайшу хотели удовлетворить тем, что можно было достать в Тобольске. Из просимых им подарков послали к Ямышеву озеру на соляных судах[50] двух индейских петухов и трех индейских кур, трех боровов и семь свиней, которые там должны были быть переданы ему или кому-нибудь из его людей, кто будет там находиться. Но там не нашлось никого, кто бы мог их принять, и подарки были доставлены обратно в Тобольск.

---

[44] Прилож. № 84, 88–90.

[45] С древнейших времен у всех татарских, калмыцких и монгольских народов принято называть русских государей белыми царями; причина этого достоверно неизвестна.

[46] В русском переводе этого письма, сделанном в Тобольске, написано: «земляные избы», но земляных изб у калмыков не было, и под ними следует понимать их обычные кибитки. Переводчик мог допустить здесь ошибку.

[47] В доезде Владимира Клепикова ничего не говорится о таком поручении. Вероятно, дело касалось царевича Девлеткирея, против которого контайша был готов заключить с русскими наступательный союз. Было слишком большой честью для татарских народов называть их ханов царями, а их сыновей — царевичами; однако же это было в обычае.

[48] Подарки, посланные тобольскими воеводами с Владимиром Клепиковым.

[49] Русское старинное выражение, которое, без сомнения, принадлежит переводчику.

[50] Прилож. № 91 и 94.

§ 42. О чем велись переговоры с калмыцкими послами в Москве, можно заключить по царскому указу, данному из Посольского приказа в Тобольск в день отъезда посольства из Москвы, 14 декабря 7154 (1645) г.[51]. Видимо, послы были желанными гостями, так как контайша в ответ на свой лист и переданные послами устно поручения был пожалован царской грамотой. Послы, вероятно, подали надежду на подчинение контайши русским, почему тобольским воеводам при отпуске послов из Тобольска было приказано дать им заверения в высокой царской милости в случае, если контайша будет верно служить его царскому величеству и даст на этом шерть. Его торговых людей будут тогда беспрепятственно пропускать в сибирские города и позволят им беспошлинно торговать. Кроме того, воеводам было приказано, если впредь будут приезжать от контайши в Тобольск послы и требовать, чтобы их пропустили в Москву, то их пропускать без задержки.

* § 43. Это разъяснение было дано послам в Тобольске 30 января 1646 г. Чтобы отстоять права русских, на которые посягал контайша, были сделаны новые представления относительно прежних спорных вопросов. 3 февраля послы отправились через Тару к себе домой[52], с ними был отправлен к контайше сын боярский Данила Аршинский, наказ которому мы приводим здесь не вследствие важности его содержания, а скорее как образчик подобных документов того времени. В нем много новых известий, о которых мы узнаем только из этого наказа.

§ 44. «Тобольскому сыну боярскому Данилу Аршинскому с товарищи, приехав, с контайшей говорить: Божиею милостью великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии самодержца и многих государств государя и обладателя его царского величества Тобольского города воевода князь Михайло Семенович Гагарин, да дьяк Иван Переносов, да Григорий Лукин велели тебе поклониться и о здоровье спросить. И буде контайша, выслушав речь, спросит великого государя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии о здоровье, и Данилу Аршанскому с товарищи говорить: Божиею милостью великий государь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии самодержец и многих государств государь и обладатель на своих преславных великих государствах Российского царства, дал Бог, здорово. И буде контайша спросит про воевод и дьяков о здоровье, и Данилу с товарищи говорить: Божиею милостью великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии жалованьем воевода князь Михайло Семенович Гагарин, да дьяки Иван Переносов, да Григорий Лукин на ево государеве службе в Сибири в Тобольску, дал Бог, здорово. А изговоря речь, говорити ему Данилу с товарищи: в прошлом, во 152-м году пришли в Тарской уезд в Теренинскую волость его контайшины ясашные люди з женами и з детьми 9 изб и живут з государевыми с теренинскими ясашными людьми вместе, да и иные многие контайшины люди от Теренинские и от Барабинской волостей кочуют неподалеку в полуднище и во днище и в дву днищах во многих разных местах, изб во 60 и больши, и ясак с теренинских и з барабинских ясашных людей на него, контайшу, емлют у государевых ясашных людей, в речках бобры выловили, их зверовые промыслы отняли. Да в прошлом же, во 152-м году приходили на Тару з государевым ясаком барабинские ясашные люди — ясаул Улкилдейко Садрасаев с товарыщи — и били челом государю, что-де им от колмацких от его контайшиных людей и обиды многие, отняли у них зверовые промыслы и зве-

[51] Прилож. № 96.
[52] Прилож. № 98.

ровать им не дадут, потому что от них колмацкие люди кочуют поблиску. Да в прошлом, во 153-м году к Барабинской, и Теренинской, и Чоинской волостям Кон Талай да Учерту тайши [приходили] со многими калмыцкими людьми, и кочуют от тех волостей в днище и в полуднище, и зверовые угодья у ясачных людей поотнимали, и обиды и насильства ясачным людям чинят большие, и за тем ясачным людем государев ясак, зверя, добывать стало негде. Да в прошлом же, во 152-м году взял контайша из Барабинской волости к себе в улусы с ясаком барабинскова князца Кулебердейкова брата Касымка с товарыщи 8 человек, и те ясачные люди от нево, контайши, назад не бывали. Да ты ж, контайша, посылал людей своих на государевых киргиских людей войною и их разорил. И ты бы, контайша, государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Русии служил по-прежнему, Тарского уезду из Барабинской, и ис Теренинской, и ис Чойнской волостей велел колмацких своих людей свесть в свои улусы, и впредь государевых киргиских людей не воевать, и войною в Тарской уезд в Барабинскую и в иные государевы ясачные волости людей своих не посылал, и ясаку з государевых киргиских и с тарских ясачных людей на себя имать и обид и насильства никакова государевым ясачным людем чинить не велел, и Барабинской волости осми человек ясачных людей, которых к себе взял, отпустил назад в Барабинскую волость на старые их кочевья. И вперед людей своих ни по што Тарского уезду в государевы ясачные волости въезжати и обид и насильства чинить не велел. А будет контайша учнет говорить, что киргиские люди преж сего ясак ему контайше давали, и Данилу говорить: хотя будет киргиские люди ясак ему и давали, и то было в ту пору, как они государю изменили, а ныне они, киргиские люди, учинилися под государевою царскою высокою рукою в прямом холопстве по-прежнему и аманаты дали. А наперед сего к государю служба твоя, контайша, была: отдан в Тарской уезд барабинских, и чойских, и теренинских ясачных людей, которые было государю изменили, семей со 100, и за тое службу контайша государевым жалованьем пожалован, послано к тебе государево жалованье, и большое: кубки и ковши серебряные, и отласы, и камки. И ныне б тебе, контайше, государю служить и прямить и добра хотеть. Да в прошлом, во 153-м году по указу блаженные памяти великого князя Михаила Федоровича всеа Русии и по твоему, контайшину, челобитью велено послати ис Тобольска к тебе, контайше, куров индейских и свиней; и в прошлом-де, во 153-м году куры индейские и свиньи посланы ис Тобольска к соляным озерам, а с Тары воеводы послали к человеку твоему Куле, чтоб он послал к соляным озерам и велел принять государево жалованье — куры индейские и свиньи. И к соляному Ямышу озеру человек твой Кула не прислал, и государева жалованья — куров индейских и свиней — отдать было некому. Да будет контайша учнет говорить, что людей своих из государевых ясачных волостей не сведет, и з государевых ясачных людей ясак на себя имать и зверовые промыслы у них отымать велит, и барабинсково князца Кулебердейкова брата Касимка с товарыщи восми человек не отдаст, и впредь государевых киргиских людей воевать и ясак на себя имать учнет, и Данилу с товарыщи говорить, что он, контайша, от государя на себя гневу и на улусы свои войны и разоренья не навел, не так бы, что Урлюк тайша з детьми своими и со внучаты воровством приходил под государеву отчину под Астрахань и государевых астраханских нагайских и едисанских мурз и татар изменою подсылал и в улусы к себе примал, и за то ево, Урлюково, воровство посыланы на него, Урлюка, с товарыщи государевы ратные люди с вогненным боем, и ево Урлюка з детьми и со

внучаты и улусных их многих людей побили, и улусы их войною разорили, а достальные ево Урлюковы дети, не дав з государевыми служивыми людьми бою, ушли бегом в дальные места; и он бы контайша однолично первой своей службы к государю не потерял, государевых тарских ясачных людей отпустил от себя в Томской уезд тотчас и людей своих з государевой земли из Барабинской, и ис Таренинской, и ис Чойнской волости и вперед людей своих ни по што Тарского уезду в государевы ясачные волости въезжати и обид и насильства чинить не велел. Да и иными бы всякими мерами от контайши отговариватца, смотря по тамошнему делу, чтоб ему все неправды выговорить, а в большой задор с ним не войти. Да будет контайша учнет говорить о Изене и о ясыре, который взяли кузнецкие служилые люди в Керсакальской волости, и Данилу контайше говорить, что в прошлых годех киргиские люди государю изменили, ясаку с себя платить не учали, а учали приходить в государевы в томские и в кузнецкие ясачные волости войною, и во 148-м году приходил он Изень с киргискими людьми Томсково уезду в государевы ясачные волости, и многих ясачных людей грабили и побивали и в улусы к себе з женами и з детьми забирали, и за то воровство взят он, Изень, в Томской боем и отдать ево, Изеня, ему, контайше, не доведетца, что он природный киргизженин, а не ево, контайшин, улусный человек: а киргиские князцы и все улусные люди учинились под государевою царскою высокою рукою в холопстве по-прежнему и в винах своих государю добили челом и аманатов в Томской и в иные городы дали. А про Керсакальскую волость и про иные волости и про ясырь от контайши ему, Данилу, отговариватца тем, что приходил Мазик с колмацкими людьми войною под Кузнецкой острог оманом будто для торгу и государевых служилых людей побили и в полон поимали, и за им, за Мазиком, посыланы ис Кузнецкого острогу государевы ратные люди и его, Мазика, не сошли, а нашли в Кузнецком уезде в Керсакальской, в Мудуской, и в Тутошской, и в Кергедцкой волостях государевых изменников ясачных людей, которые преж того государю ясак платили, а после того государю изменили, надеяся на киргизов, ясаку с себя давать не учали и з государевыми служилыми людьми билися, и тех непослушников и изменников — разных землиц князцов и ясачных людей захребетников, а не ево контайшиных людей, государевы ратные люди войною и под государеву царскую высокую руку привели и государев ясак с них взяли; а которые будет прямые ево, контайшины, улусные люди взяты в полон за неведы, и государь по сыску тех полоняников для его, контайшины, службы отдать ему велел: а он бы контайша в тех людей, которые от него отдалели и живут юртами своими в разных местах, а подошли блиско государевых сибирских городов и х Кузнецкому и х Красноярскому острогу, а преж сего государев ясак платили, или которые ясаку государю не платили, а от него от контайши отдалели и не его контайшины разных землиц князцы и их ясачные люди захребетники, а нехотя государю ясаку платити и послушны быть, закладываютца за него за контайшу, так же что и наперед сего Тарского уезду князец Когутейко с товарищи, изменя государю, отходили к нему х контайше в улусы, и он, контайша, служа государю, тех тарских татар князца Когутейка с товарыщи, и з женами, и з детьми в Тарском уезде государю отдал, и он бы контайша ныне так же служил государю, в тех людей князцов и ясачных людей, которые от него удалели, а живут близко Кузнецкого и Красноярского острогов, в юрты разных землиц захребетники, не вступался и закладыватца им за себя не велел. И которые воры впредь изменят государю, учнут к нему контайше в улусы приходить, и он бы кон-

тайша тех воро́в государевых изменников к себе в улусы не принимал и отдавал их в сибирские городы на старые их кочевья, где они жили наперед сего, а ссоры в том и задору не чинил. А государь на его контайшины улусы ратных своих людей посылать не велел и впредь потому ж посылать не велит, только от него контайши и от улусных ево людей задору государевым служилым и ясачным людем нигде никакой тесноты и войны не будет. А будет контайша про Изена и про Мазика и про керсакальской ясырь говорить не учнет, и ему, Данилу, тех речей не говорить. Да ему ж, Данилу, контайше говорить: как он, контайша, вперед учнет послов своих в Тобольск присылать и о каких делах, а учнетца ему в Тобольск писать, и он бы прислал листы татарским письмом, а контайшиным письмом листов не присылал, потому что калмыцково письма и на Москве перевесть некому. Да ему ж, Данилу с товарыщи, будучи у контайши в улусах, всяких вестей проведывать тайно, чтоб ему было не явно, и что у них про то в улусех говорят, что государевы ратные люди Урлюка тайшу з детьми и со внучаты побили и улусы их разорили, есть ли на них от того ужась и чево от них вперед чаять».

§ 45. У нас нет сведений о том, что́ последовало за посольством Данилы Аршинского. Мы знаем только, что в 1647 г. был в Москве посол от контайши Нойенда[53], который в 7157 (1648–1649) г. возвратился в кочевья к контайше, что в конце 7155 (1647) г. контайша грозил войною сибирским пограничным городам и что в конце зимы 1649 г.[54] контайшины калмыки во главе с Секылом, сыном Кулы, произвели нападение на Томский уезд, причем опустошили Шегарскую волость и убили много людей. По указу, посланному из Москвы в Тобольск, следовало отправить к контайше посольство, чтобы говорить с ним об этом открытом нарушении мира, но так как в то время в Тобольске не было никаких послов ни от контайши, ни от других калмыцких тайшей, то этот указ не был исполнен, потому что тобольские воеводы опасались, что едущие без охраны послы могут быть ограблены или даже убиты разъезжавшими в степи калмыками. Кроме того, было известно, что жившие на пути калмыки, которые должны были снабжать послов лошадьми, это не делали, если их к тому не понуждали знатные люди их собственного народа.

§ 46. В марте 7158 (1650) г. в Тобольске от послов калмыцкого тайши Дойен-Онбо[55] узнали, что контайша твердо решил воевать Томский, Тарский и Тюменский уезды, для чего он требовал от Дойен-Онбо помощи людьми, в которой, однако, Дойен-Онбо ему отказал[56]. Как на причину войны, контайша указывал на то, что посланные им в Москву послы еще не возвратились и что с русской стороны воевали киргизов, которые являлись людьми контайши. Но так как в это время не было предпринято похода против киргизов и после 1647 г. от контайши не ездили послы в Москву, то это известие следует отнести к событиям предыдущих лет.

§ 47. Между тем по приказу из Москвы к контайше было отправлено в 1650 г. посольство, о чем первого июля того же года была послана в Москву отписка[57]. Во главе посольства был поставлен вновь стрелецкий сотник Владимир Клепиков, в наказе которому было предписано требовать возвращения пленных, захваченных Секылем,

---

[53] Прилож. № 132.
[54] Прилож. № 129.
[55] Может быть, Доенба, о котором см.: История Сибири, II, гл. 9, § 78.
[56] Прилож. № 127.
[57] Прилож. № 132 и 141.

сыном Кулы, в Шегарской волости, и наказания Секыля и его отца Кулы, и предотвращения в будущем подобных враждебных действий. Клепиков застал контайшу в его обычном кочевье, в Кубаксарах (Сары-Кубаке), где он все еще был занят постройкой города. Сначала можно было думать, что контайша даст полное удовлетворение русским за все понесенные убытки; он утверждал, что ничего не знал о набеге Секыля, и, казалось, его не одобрял. Но когда Секыль был призван к ответу, то он привел в свое оправдание несколько пустых поводов, побудивших его напасть на русских: так, он ложно утверждал, что незадолго до того набега томские служилые люди напали на один улус контайшиных людей, который он так и не сумел назвать, и из сорока семей часть перебили, часть захватили в плен. После этого контайша признал, что нападение было законной местью, и Клепикову был дан ответ: пусть выдадут находящихся в Томске калмыцких пленных, тогда контайша прикажет разыскать русских ясачных людей, которые находятся в плену у его людей, и отправит их обратно в Томск.

§ 48. Клепиков возвратился в Тобольск 4 декабря 1650 г. С ним приехало девять калмыцких послов от контайши, от его жен и детей. Самого знатного из них звали Енеем. Они требовали, чтобы их отпустили в Москву, но в предыдущем году в Тобольске был получен указ, согласно которому желание послов не могло быть исполнено. Часть привезенных ими подарков поражала своей ценностью и редкостью, другие же являлись обыкновенными и ничего не стоящими вещами. В архивном документе об этом посольстве приводится список их вместе с денежной оценкой, сделанной им в Тобольске[58]. То, что контайша просил в обмен, состояло из вещей, о которых уже вошло в обыкновение вести посольские сношения, но в том же перечне появилось нечто новое, что показывало совсем новые стремления и новые желания контайши; так, он просил отпустить к нему с его послами разных ремесленников; в его списке были названы: два плотника, два каменщика, два кузнеца, два бронника; кроме того, он хотел получить один панцирь, пищаль винтовую, свинец, меди-шумихи, 20 свиней, пять боровов, пять индейских петухов, десять куриц и колокол.

* § 49. Само собою разумеется, что только меньшая часть того, о чем просил контайша, могла быть отправлена к нему. Было признано достаточным послать десять фунтов меди-шумихи, свиней и индейских петухов, которых следовало купить в Тобольске и передать послам. Указ об этом пришел в Тобольск только 24 октября 7160 (1651) г., послы к тому времени уже уехали обратно. Они сами настаивали на своем скором отпуске, в чем им не хотели отказывать. Сын боярский Иван Байгачев отправился с ними в качестве посланника к контайше. В Тобольске было получено известие, что послы находятся еще в Таре, и, следовательно, медь-шумиха могла быть послана им вслед. Свиней же и индейских петухов послы сами просили прислать следующим летом на соляных судах к Ямышеву озеру, куда контайша со своей стороны пришлет кого-нибудь для их приема.

* § 50. Это было время, когда Батыр-контайша покорял различных мелких тайшей, до того не признававших над собой никакой власти, и строил основание для внутреннего могущества своего государства; приготовления к этому мы уже видели выше[59]. Описание удачных последствий его политики не входит в нашу задачу. Для

[58] См. прилож. № 132 и 141.
[59] История Сибири, II, гл. 9, § 94.

достижения их ему было необходимо сохранять мир со своими соседями. В отношении Сибири он совершенно не хотел иметь каких-либо дел с русскими. Он не отправлял более послов в Тобольск, и к нему, следовательно, также никто не приезжал. Возможно, что он не желал, чтобы о его успехе стало известно прежде, чем он довел свое дело до конца. Он умер около 1660 г.; в этом году в управлении стали принимать участие его сыновья, Батыр же после этого года больше не упоминается.

* § 51. Два калмыцких тайши — Учурту и Аблай были в то время очень могущественны и жили всегда в полном согласии с Батыр-контайшей. Учурту был женат на дочери контайши, а Аблай был братом Учурту[60]. Они происходили из отдельной орды Хошот и были сыновьями Гузи-хана, жившего со своими людьми в стране Коконор[61]. После своего ухода оттуда Учурту обычно кочевал около озера Зайсан; Аблай же жил на Иртыше, где и до сих пор можно видеть построенные им каменные палаты, называемые Аблайкит[62]. Мы уже видели выше[63], что в 1643 г. они участвовали в войне против контайши с Казахской ордой. Упоминалось также[64], что Аблай в 1650 г. отправлял в Тобольск посольство, чтобы просить для себя панцирь, оставшийся от Ермака. В 1654 г. на своем пути в Китай мимо него проехал с посольством Федор Байков[65]. Другие происшествия с ними будут рассказаны далее.

§ 52. Мы переходим опять к событиям, относящимся к Кучумовым царевичам и малым калмыцким тайшам, изложение которых было прервано в предыдущей главе. Несмотря на редко представлявшиеся к тому случаи, и те и другие не прекращали враждебных действий против русских. Не помогало и то, что русские, имея целью установить мирные сношения, только в крайних случаях прибегали к мерам строгости и наказаниям за дерзость. Бедность вынуждала калмыков на грабежи, а привычка сделалась второй натурой. Кучумовы царевичи совершенно сроднились с калмыками, вместе с которыми они постоянно кочевали и с которыми были связаны брачными отношениями.

§ 53. В марте 1649 г. калмыки произвели небольшой набег на Исеть; в устье реки Барневки были пограблены и захвачены в плен слободские жители, приехавшие туда для ловли рыбы[66]. Бывшие на посольстве у Девлеткирея служилые люди привезли в июне в Тобольск вести[67], что царевич Бугай намерен при помощи калмыков произвести во время жатвы нападение и что он призвал к совместным действиям Девлеткирея. В конце июля в Тобольск вернулись посланники, бывшие у контайши[68], от которых узнали, что Ирдени-контайша преследовал оставшихся в живых сыновей и внуков тайши Урлюка, которым нанес несколько поражений, но оказался сам под угрозой нападения со стороны Батыр-контайши. Кунделен и Дойен-Онбо приложили все свои силы, чтобы прекратить эти междоусобия, но Ирдени не желал их слушать. Его кочевье находилось в верховьях реки Яика. Отпустив тобольских посланников, Ирдени снарядил посольство и торговый караван в Уфу, которые, однако, не могли

---

[60] См. выше, § 30. По некоторым известиям, оба были зятьями контайши.

[61] Это заимствовано из китайских источников.

[62] <См.> мой труд «De scriptis tanguticis» в томе 10 «Комментариев».

[63] См. выше, § 30. См. также прилож. № 71.

[64] История Сибири, I, гл. 3, §74.

[65] Samml. Russ. Gesch., IV, с. 485.

[66] Прилож. № 107.

[67] Прилож. № 110.

[68] Прилож. № 112.

там быть приняты вследствие царского указа, запрещавшего Уфе заниматься посольскими делами. На обратном пути послы Ирдени подверглись нападению со стороны башкир и были ограблены. В следующем октябре 500 калмыков с тайшой Тоялбу во главе пограбили русских и татар в шести днях пути от Тюмени, на реке Тоболе[69]. В ноябре калмыки дошли до Мияса[70]. Они были особенно озлоблены против уфимских татар и башкир, незадолго до того по дороге в Уфу напавших на калмыцкое посольство и побивших его людей[71].

* § 54. В 1650 г. к царевичу Девлеткирею был отправлен из Москвы посол[72], которого он почти до смерти заморил голодом, выдавая ему и его людям не более одного барана на месяц. В то же самое время сопровождавший посла уфимский татарин содержался в довольстве и с избытком снабжался продовольственными припасами. Этот уфимский татарин рассказал царевичу, что брат его Аблай умер в Москве, а в Уфе делаются приготовления, чтобы воевать его самого и его двоюродных братьев. Но приготовления были направлены против калмыков. 800 человек башкир и кипчаков (башкирское племя, сохранившее еще старое название их страны) отправились тогда из Уфы в поход, в то время как в уезде на реке Аи оставалось еще 600 человек на случай нападения калмыков.

* § 55. С этого времени калмыцкие тайши и Кучумовы царевичи стали серьезно готовиться к войне. Несколько тобольских и тарских служилых людей, бывших на посольстве у Кунделен-тайши и у тайши Талая Убаши[73], привезли в августе месяце вести, что Тайчин-тайша, сын Урлюка, Кунделен-тайша, Дойен-Онбо и царевичи Девлеткирей и Бугай грозят нападением. Из Уфы пришла весть[74], что царевичи и калмыцкие тайши имеют до 3000 человек воинских людей. Действительно, они пришли в сентябре месяце 1651 г. и одновременно произвели два набега: один — на реку Исеть, где сожгли Далматов Успенский монастырь, и другой — на Тарский уезд.

§ 56. Посланные предыдущим летом в посольство к тайшам Ешкепу и к Лаузану тобольские казаки возвратились в Тобольск 8 сентября и рассказали[75] со слов калмыков, что Девлеткирей действительно вышел с 200 человек и пошел войною под сибирские города, но куда именно, они не знали; Девлеткирей требовал помощи людьми от Чечен-тайши, но получил отказ. Это побудило Чечен-тайшу отправить в Тобольск посольство, чтобы отметить свои заслуги перед Россией. Об участии самого Девлеткирея в нападении на Далматов монастырь мы ничего не знаем. На обратном пути пленных в количестве 20 человек вел царевич Кучук. На Ишиме, около устья речки Бурлука, их повстречали тобольские казаки и татары, бывшие на посольстве у калмыцкого тайши Дойен-Онбо и у вдовы Талай-тайши Ахайи[76], и выкупили часть этих пленных.

* § 57. Тарский уезд подвергся двойному нападению. Первое произвел царевич Бугай, имея с собой не более 30 человек[77], причем он применил хитрость и выдал

[69] Прилож. № 113.
[70] Прилож. № 114.
[71] Прилож. № 115.
[72] Прилож. № 123, 124.
[73] Прилож. № 125, 126.
[74] Прилож. № 128.
[75] Прилож. № 134, 137, 138.
[76] Прилож. № 139.
[77] Прилож. № 137.

себя и их за людей, принадлежавших к посольству. 17 сентября 1651 г. они пришли в татарскую деревню Биргамакову[78] Аялынской волости на реке Таре. Так как благодаря их обману никто не думал защищаться, то Бугаю и его людям было нетрудно разграбить деревню, а жителей с их женами и детьми захватить в плен. Слабость заставила неприятеля, как это было в обычае у Кучумовых царевичей и калмыков, поспешить укрыться с захваченной добычей в безопасном месте. По этому случаю в Таре решили предпринять поход против царевича, но так как он успел уже далеко уйти, то удар пришелся не по тем, на кого он был направлен.

§ 58. Сын боярский Влас Чередов во главе служилых людей[79] шел десять дней по вражеской сакме, не встречая никого. Наконец около урочища Беш Тавалга он наехал на калмыцкие улусы, которые и должны были вознаградить его за понесенные труды. В улусах было 17 кибиток, принадлежавших людям тайши Ешкепа, и три кибитки улусных людей тайши Талай-Абаши, брата Ешкепа. Калмыки оказали русским сопротивление. Произошло сражение, в котором калмыки потерпели поражение, и 70 человек из них было захвачено в плен. Кроме того, в добычу досталось 40 верблюдов, 300 лошадей и 500 голов рогатого скота. Однако Ешкеп и Талай жили в мире с русскими. Русские обменивались с ними посольствами и вели с ними торговлю. Поэтому обращаться описанным образом с их людьми казалось несправедливым. На это жаловался Талай-Абаша одному тобольскому татарину, приехавшему к нему для торговли, и просил его сообщить в Тобольске о возврате захваченных пленных, за что обещал воевать Кучумовых царевичей и в случае, если удастся их захватить, доставить в Тобольск. Но если верить тарским казакам, у них были свои основания, почему калмыки были в ответе. Среди калмыцких лошадей они будто бы узнали некоторых своих лошадей, угнанных у них раньше. Кроме того, они видели у калмыков русскую одежду. Поэтому калмыки были заподозрены в том, что они перед тем занимались грабежом русских. Дело было переслано для решения в Москву, и мы не имеем сведений о том, чем оно кончилось. Впрочем, по слухам, царевич Бугай со своими людьми, число которых не превышало числа находившихся при нем во время последнего нападения, кочевал около озера Богданай-бейду, Девлеткирей же имел 200 человек и кочевал обычно на Ишиме или, вернее, на впадающей в него речке Четете, неподалеку от горы Итик.

§ 59. Вскоре после этого, 18 ноября, калмыки произвели новое нападение на татарскую деревню Чиплиярову, лежавшую на Таре[80]. Во главе их был Девлеткирей. При нем был его сын, не названный по имени, и зять Гуру Багашаев. Захватив полон и имущество жителей, они подожгли деревню и поспешили возвратиться вверх по Иртышу. Для преследования их вновь были высланы служилые люди и татары под начальством ротмистра Андрея Кропотова, проявившего довольно рвения и, вероятно, достигшего бы цели, если бы неповиновение собственных людей не помешало ему в этом. Перед выступлением служилые люди не получили жалованья. Поход обещал быть долгим. Возможно, что для пропитания служилых людей не было взято довольно припасов. Одним словом, 50 человек одновременно покинули своего начальника[81], и у Кропотова осталось не более 80 человек русских и 30 человек татар.

[78] Ныне там находится Бергаматская слобода.
[79] Прилож. № 140, 142.
[80] Прилож. № 142–144.
[81] Прилож. № 143.

Это произошло в урочище Карташев Яр, на восточном берегу реки Иртыша, где впоследствии было построено село Карташев погост. Кропотов хотел все же продолжать свой путь, но, придя к острову, носившему издавна, неизвестно почему, название «Серебряный остров», получил предостережение от калмыцких послов, отправленных тайшою Аблаем в Тару, что перед своим походом на Тару Девлеткирей оставил повыше этого острова свой кош, а их послов заставил до своего возвращения оставаться там же, чтобы на Таре не узнали о его намерении. Теперь же он возвратился из похода и стоит в полной готовности. Получив такие вести, Кропотов возвратился обратно, а непослушные казаки, которые, кроме того, во время похода чинили насилия татарскому населению Аялынской волости, понесли заслуженное наказание[82].

§ 60. На проходившее в исходе ноября месяца мимо стана Девлеткирея калмыцкое посольство, отправленное вдовой Куйша-тайши и его старшим сыном, Абатур-тайшой, вместе с несколькими бухарскими купцами, напали люди царевича, заставили их не только бросить всех лошадей, весь рогатый скот, овец и все товары, которые были с ними, но даже покинуть несколько раненых бухарцев. Желание получить добычу у царевича было так велико, что он не пощадил не только своих кровных союзников-калмыков и отправленное ими посольство, но даже и торговый караван, пользующийся у восточных народов исключительным правом неприкосновенности.

§ 61. С наступлением лета 1652 г. снова возникло беспокойство из-за Девлеткирея, потому что бывший у тайши Кокшетбы посланцем тобольский татарин привез весть[83], что Девлеткирей и Дойен-Онбо собирают большое войско из калмыков и хотят произвести набег на русские границы. То же подтверждалось и другими[84]. Однако ничего значительного не произошло, и нам известно только, что в августе и в сентябре месяцах на реке Исети показывались калмыки[85], но не говорится ничего об их враждебных действиях.

§ 62. В это время происходила кровопролитная война между башкирами и торгоутскими калмыками[86]. Сперва напали башкиры и захватили большую добычу, но сыновья тайши Урлюка, собрав большое число калмыков, бросились за ними вслед и убили 300 башкир, но и сами потеряли 400 человек.

§ 63. В ноябре месяце прошел слух, что Ешкеп-тайша готовится к войне с русскими[87], и, судя по сказанному выше, этому можно было поверить. Однако позднее стало известно[88], что он сильно озабочен своей собственной безопасностью, так как боится нападения контайши и его союзника тайши Аблая, вдовы Куйша-тайши и ее сына Абатур-тайши.

* § 64. В связи с этим упоминается калмыцкий род дербенцы, или, по калмыцкому произношению, дербень. Это название как будто противоречит приведенному нами ранее объяснению слов «дербень уйрят»[89]. Во всяком случае, такой род существовал и отчасти существует до сих пор, и отличительным названием его всегда бы-

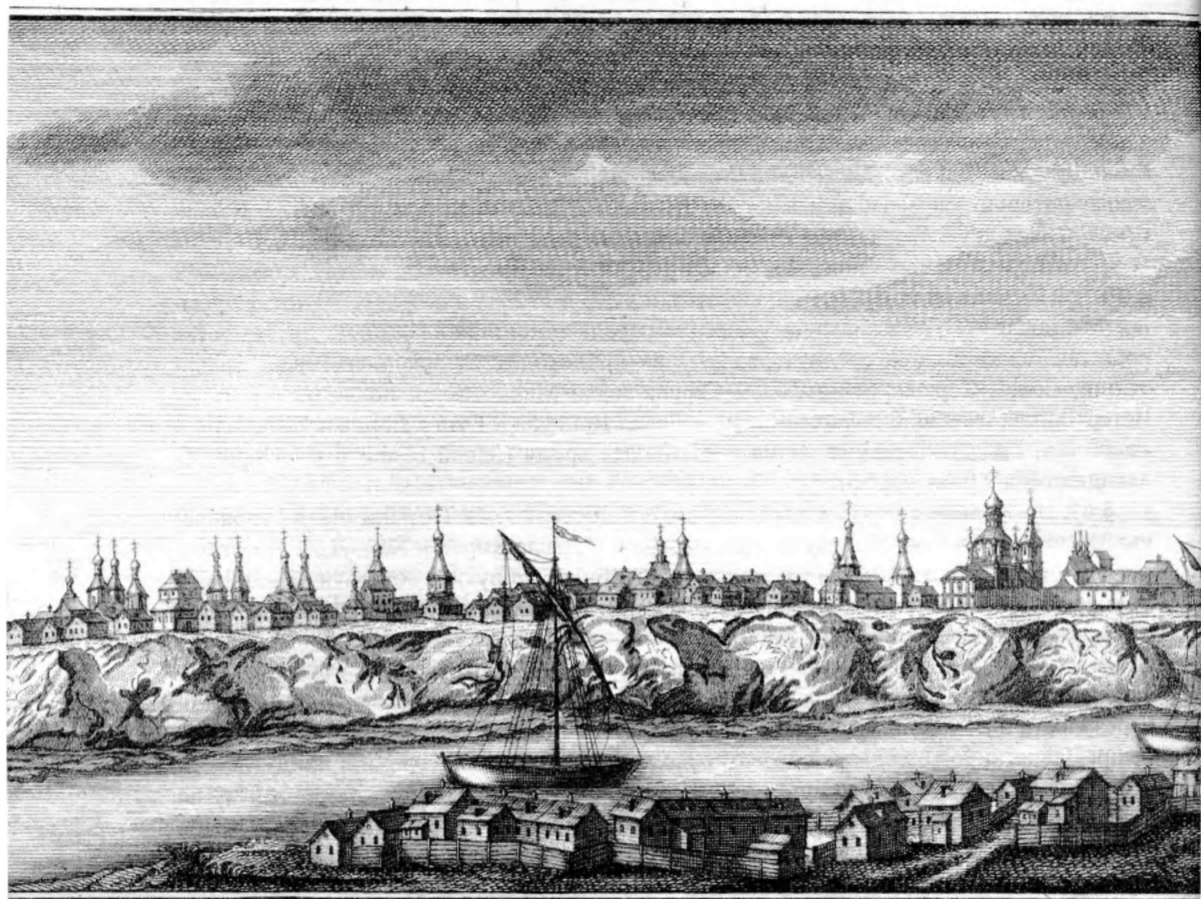
[82] Прилож. № 143, 145.
[83] Прилож. № 147.
[84] Прилож. № 151.
[85] Там же.
[86] Прилож. № 152.
[87] Прилож. № 153.
[88] Прилож. № 155.
[89] История Сибири, I, гл. 1, § 26.

ло «дербен». Когда калмыки в начале прошлого столетия пришли в Сибирь, то во главе их орды был Далай, или Талай-тайша, о котором приходилось часто упоминать. Его отец Чечен-Онбо, как это видно из китайских известий, жил в стране Коконор. Некоторые из его потомков соединились с элютскими калмыками, другие — с тергетскими. Они происходят от Тайчин-тайши, сына Талая. Его сын и наследник Ешкеп, или Гешкеп-тайша, назван в известиях, записанных мною со слов калмыков, Гишкип. Сын Ешкепа, Джал-тайша, кочевал около той каменной постройки на Иртыше, которую калмыки называют по его имени Джалин-Обо, а русские — Калбасунской башней[90]. Попав под власть элютов, он был принужден покинуть Сибирь. В конце концов Джал-тайша поселился у реки Чой, на границе между калмыками и землей Казахской орды, где он, кажется, и умер в 1729 г. в возрасте 90 лет. Его сыновья и после того пользовались уважением среди тамошних калмыков. Другая ветвь рода дербен оказалась среди тергетов; она происходит от младшего сына Талай-тайши, Солом-Серена. Сына Солом-Серена звали Менкотемир, после него остался Четер-тайша, имевший двух сыновей — Лаван Дондука и Гунгу Дорджи. Сын первого из них, Галдан-Черен, является в настоящее время главой семьи и всех причисляющих себя к роду дербен.

§ 65. Но вернемся опять к нашему рассказу. В 1653 г. из Тюмени были отправлены 350 человек к реке Ишиму против царевичей Девлеткирея и Канзуяра. По отсутствию хороших проводников служилые люди сбились с пути и возвратились, ничего не сделав. Во главе этого похода были казачий и стрелецкий голова Никита Янцов и татарский голова Афанасий Бибиков. В августе того же года калмыки произвели набег на Исеть[91]. В ноябре 1653 г. царевичи Бугай, Кучук и Канзуяр стояли с воинскими людьми вблизи Тобола[92]. В мае 1654 г. калмыцкие воинские люди перешли через Исеть и подошли к реке Пышме[93]. В августе того же года прошел слух, что царевич Девлеткирей ожидает послов от русских[94] и собирается, если они придут, вести себя смирно, если же не придут, то продолжать свои набеги. В октябре 1654 г. на Тобол пришли калмыки под предводительством Айгучи, или Айгуши, тайши, сына Тайчин-тайши и внука Талай-тайши[95], и ограбили нескольких охотившихся там тюменских татар. Тайша велел объявить, что он сделал это потому, что из Тюмени ходили в поход против калмыков и забирали у них полон.

§ 66. В то же время продолжалась война между Батыр-контайшей и ханом бухарским Янгырем[96], и малые калмыцкие тайши немало боялись обоих, а потому многие из них прикочевали ближе к русским пределам. Ездивший в посольство к Чечен-тайше тобольский служилый татарин привез весть[97] о враждебных намерениях Кучумовых царевичей и многих калмыцких тайшей. Тобольские посланники, которые в июле 1655 г. были у калмыцких тайшей Дора и Карачи[98], встретили царевича Бугая и его братьев. Последние не скрывали, что осенью собираются идти воевать русские

[90] См.: «De scriptis tanguticis».
[91] Прилож. № 159, 160.
[92] Прилож. № 161.
[93] Прилож. № 162.
[94] Прилож. № 163, 164.
[95] Прилож. № 165.
[96] Прилож. № 165.
[97] Прилож. № 166.
[98] Прилож. № 170.

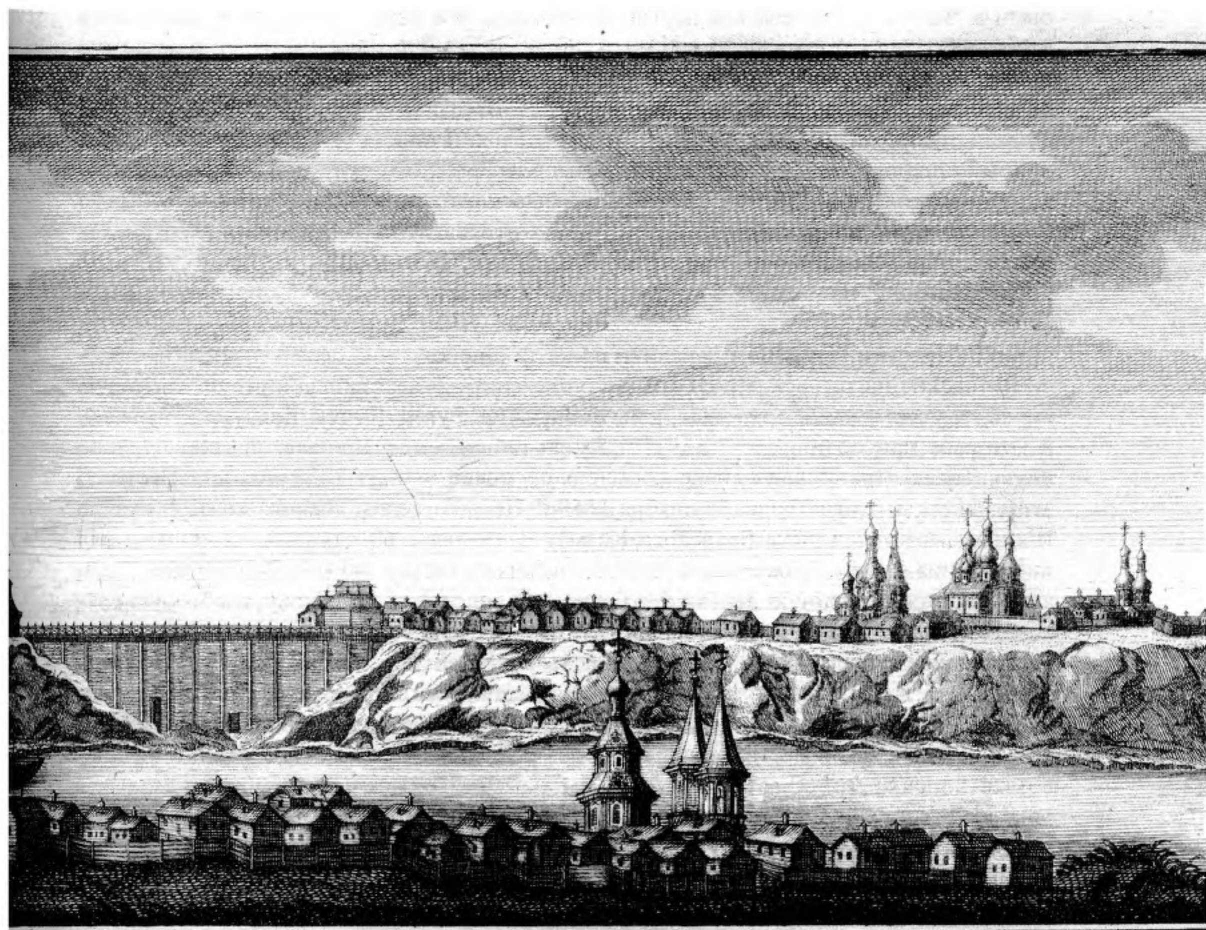


Видъ города Тюменя.

уезды. Действительно, в августе того же года они сделали набег на тобольские волости[99]. С другой стороны, в том же году башкиры произвели удачный поход против калмыков. Улус Айгуши-тайши был разгромлен в его отсутствие, много людей перебито, жены и дети уведены в плен, и захвачена богатая добыча, состоявшая из скота[100].

§ 67. Про царевича Бугая и его двоюродных братьев Канзуяра и Чучелея, сыновей Аблая, сообщали в 1656 г.[101], что они покинули общие с Девлеткиреем кочевья на Ишиме и отправились куда-то воевать. В июле 1657 г. Чечен-тайша, внук Талай-тай-

[99] Прилож. № 171, 172.
[100] Прилож. № 169.
[101] Прилож. № 174, 218.



ши, велел своим посланцам сообщить тюменскому воеводе[102], что Девлеткирей и его родные и двоюродные братья стоят на Иртыше в полной боевой готовности с 600 людей. Повод к войне Девлеткирей видел в том, что в августе от него сбежали на суда, пришедшие к Ямышеву за солью, 22 татарина, взятые им в 1651 г. в плен в Тарском уезде[103]. Он послал требование об их выдаче, угрожая в противном случае идти под государевы города.

§ 68. Подобные угрозы продолжались также в 1658 г.[104], однако ничего существенного не произошло. Кучумовы царевичи старались получить помощь людьми от тайши Аблая, но последний отказывал им. Между тем ямышевские соляные суда не

[102] Прилож. № 180.
[103] Прилож. № 181,182.
[104] Прилож. № 184.

были в безопасности, так как царевичи занимали оба берега Иртыша и были почти всегда в боевой готовности.

§ 69. В 1659 г. в Тюмени было два калмыцких посольства. Одно — от Евчен-тайши, сына Тайчина и внука Талая, другое — от сыновей Кунделен-тайши — Ерки Тайчина, Дорджи и Далая-Убаши — и сына Ерки Тайчина — Ишкепа, с которыми прибыло для продажи 1150 лошадей, 234 головы рогатого скота и 1000 овец. По поводу подарков, привезенных послами для царского двора, по калмыцкому обычаю был запрошен Сибирский приказ, следует ли отправлять эти подарки в Москву, так как они часто бывают очень плохими. 29 февраля 7168 (1660) г. на это последовало распоряжение[105] прислать в Москву только те подарки, которые будут представлять особую ценность.

§ 70. Наконец Кучумовы царевичи привели в исполнение свои угрозы и произвели нападение на татарские волости, расположенные в Барабинской степи[106]. Девлет-кирей не участвовал в этом деле, а были царевичи Бугай, Кучук, Канзуяр и Чучелей, к которым присоединились калмыки Кузан-тайши, сына Урлюка, и Ешкеп-тайши, внука Талая. Вражеское войско состояло не менее чем из 1000 человек. Весть об этом набеге достигла Тары 28 ноября 1659 г. Первым делом воевода князь Михайло Шаховской выслал сына боярского Козьму Заливина с 60 служилыми людьми для наблюдения за передвижениями неприятельских воинских людей. Они должны были защищать единственную деревню в Тунусской волости — Чичакову, в которую служилые люди прибыли 30 ноября. Раньше, чем из Тары успели отправить второй, более сильный отряд служилых людей, пять волостей Тарского уезда — Тунусская, Любайская, Кулебинская, Чойская и Барабинская — уже были разорены, 59 мужчин и две женщины убиты, 358 человек мужского и 375 женского пола, считая и детей, захвачены в плен, и все их имущество разграблено. После этого царевичи спешно возвратились обратно.

§ 71. Когда весть о нападении пришла в Тобольск, оттуда были отправлены на помощь Таре 100 русских служилых людей и 100 татар под начальством литовского ротмистра Данилы Аршинского и татарского головы Саввы Турского. Они прибыли туда 26 декабря и увидели, что их помощь более не нужна, так как тарские служилые люди уже сами пустились в погоню за врагом. Идя по его следу, они зашли за реку Омь, при этом погибло 50 человек калмыков, людей Кузана-тайши. Это произошло в первых числах декабря под начальством сотника Юрия Шатова и сына боярского Козьмы Заливина, причем никто с русской стороны не был убит и только 13 человек были ранены. Один пленный калмык рассказал, что он и его товарищи без ведома своего тайши присоединились к нападавшим, когда они проходили мимо их улуса. Ввиду этого нападения из Москвы последовал 27 февраля 7168 (1660) г. указ предпринять против Кучумовых царевичей и калмыков совместный поход из Тобольска, Тары и Тюмени.

§ 72. Это было уже несколько лет заветным желанием русских и татар Тарского уезда. Приказ городовым воеводам не предпринимать похода против царевичей и калмыков без ведома тобольского воеводы, а требовать из Тобольска в случае нужды помощи и дожидаться ее был особенно тягостен для Тары, которая чаще других

---

[105] Прилож. № 202.

[106] Прилож. № 190, 192, 200, 201.

подвергалась неприятельским нападениям. Служилые люди имели выгоду от этих походов, так как забирали добычу и полон, а татары надеялись ослаблением врага обезопасить себя впредь от его нападений. В 1659 г. тарские ясачные люди подали тарскому воеводе челобитную, в которой просили предпринять поход против царевичей и калмыков. Когда последним нападением им были причинены большие убытки и разорение, они с еще большей настойчивостью повторили свою просьбу. Они приписывали смелость врагов тому обстоятельству, что те будто бы были осведомлены о запрещении предпринимать против них военные действия без ведома тобольского воеводы. Но, несмотря на это, отмеченный выше московский указ о походе против Кучумовых царевичей и калмыков не мог быть исполнен прежде, чем последовало новое вражеское нападение.

§ 73. Тарский воевода успел уже отпустить обратно 200 человек, присланных к нему на помощь из Тобольска, когда поступило известие[107], что 17 января 1660 г. калмыки напали на Тунусскую волость и разорили деревню Алтымбаеву и еще несколько других татарских деревень. В деревне Чичакове был острожек, в котором стоял тарский сын боярский с отрядом служилых людей. Накануне нападения другой отряд служилых людей прошел мимо острожка, направляясь в Барабинскую волость. Каждый отряд состоял не более как из 30 человек. Предполагали, что враги постараются сперва уничтожить служилых людей, чтобы потом иметь свободные руки для расправы с татарами. Они совещались об этом, но считали себя недостаточно сильными, чтобы вступать в бой с русскими, обладавшими огнестрельным оружием. Нападавшие принадлежали к теленгутам, бывшим под защитой Ешкепа, кочевья которых находились на Иртыше. Нагрузив бывших при них 30 свободных верблюдов награбленным добром, теленгуты поспешно удалились.

§ 74. Тогда же была получена весть[108], что со времени последнего нападения Кучумовых царевичей тергетские калмыки все еще находятся в Барабинской степи, около озера Чана, на реках Чилиме и Карагате. На этих реках раньше жили барабинские татары, а те, которые сами там не жили, ходили туда на охоту и ловили в этих реках бобров. Теперь они были оттуда вытеснены калмыками. Они просили об оказании им помощи, так как калмыки не уйдут по доброй воле с этих земель, и их можно прогнать только силой. Утверждали, что царевичи Бугай, Кучук, Канзуяр и Чучелей тоже стоят неподалеку, на речке Юргел, впадающей в реку Багал[109], или Балагу, но это было неверно, так как царевичи кочевали около Иртыша, и вблизи Чана оставались только в небольшом числе калмыки.

§ 75. Наконец 30 марта из Тобольска к Таре на помощь были отпущены служилые люди в количестве 100 человек русских и 100 татар, как и в предшествующем походе, и под начальством тех же Данилы Аршинского и Саввы Турского[110]. 6 апреля вслед за ними были отправлены еще 90 человек под начальством сына боярского Ивана Ушакова, а на Тюмень послан приказ отправить оттуда прямою дорогою в Тару 75 человек. Аршинский и Турский прибыли со своими людьми на Тару 18 апреля. Остальные служилые люди задержались надолго, и поход пришлось отложить на несколько недель.

---

[107] Прилож. № 193–196.

[108] Прилож. № 197–199, 203.

[109] Вероятно, Баган: речка под таким названием впадает с южной стороны в озеро Чан.

[110] Прилож. № 204, 205, 207, 208.

§ 76. Тем временем в исходе зимы барабинские татары сами произвели нападение на калмыков, кочевавших около озера Чана; им оказал содействие находившийся в Барабинской волости с 30 служилыми людьми сын боярский Иван Макшеев[111]. Он согласился стать во главе татар, взяв с собою, кроме того, 19 человек служилых людей. Самих татар было 150 человек. Поход был совершен большинством участников на лыжах, так как конных было только 40 человек. Они потратили почти целую неделю, чтобы найти калмыков. Наконец, у речки Юргел, неподалеку от озера Чана, по сю сторону речки Кара-су и Бихини, они встретили от 20 до 30 кибиток, принадлежавших людям тайши Лаузана. При первом же нападении было убито до 50 калмыков, а остальные вместе с женами и детьми были захвачены в плен; их было 40 человек. Все их животы достались в добычу. 3 мая сын боярский Иван Макшеев возвратился на Тару, где его участие в нападении без приказания на врага не встретило одобрения. Он оправдывался тем, что татары заставили его силой участвовать в нападении, и в доказательство приводил то, что он получил от них на свою долю всего четырех полонеников, так как остальных 36 они оставили себе, чтобы обменять их потом у Лаузан-тайши на пленных татар.

§ 77. В это же время от Лаузан-тайши возвратились на свои прежние места 50 и от Кучумовых царевичей 40 человек барабинских татар и рассказали[112], что своим освобождением они обязаны сыновьям контайши и тайше Аблаю, которые отправили к Лаузану и к Кучумовым царевичам послов и с большими угрозами потребовали от них освободить всех пленных барабинцев и отпустить их к себе домой. Но царевичи и Лаузан отправили обратно только старых и немощных людей, а здоровых и молодых оставили у себя. Из сыновей контайши здесь при этом был назван Чечень-тайша, который вместе со своими братьями отправил послов. Цель у них была та, чтобы не понести убытков от барабинских татар, так как они не хотели отказываться от начатого покойным контайшей взимания ясака с барабинских татар.

§ 78. 31 мая выступили с Тары, согласно указу, в поход[113] сперва тобольские служилые люди, прибывшие в первую очередь, затем к ним были присоединены тарские служилые люди под начальством сотника Юрия Шатова и детей боярских Козьмы Заливина и Александра Чередова. На следующий день прибыл Иван Ушаков с остальными тобольскими людьми и из Тюмени — Петр Олсуфьев и Карп Ошурков с тюменскими служилыми людьми. Они отправились 7 июня. Дальнейших сведений об этом походе не имеется, но можно заключить, что он был успешным, так как после него наступило более спокойное и безопасное положение в Сибири.

[111] Прилож. № 208–210.
[112] Прилож. № 208–212.
[113] Прилож. № 211.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ ЕНИСЕЙСКИХ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ НА ВЕРХНЕЙ ТУНГУСКЕ, ИЛИМЕ И ЛЕНЕ. ОСНОВАНИЕ ОСТРОГОВ РЫБЕНСКОГО, БРАТСКОГО, УСТЬ-ИДИРМСКОГО, УСТЬ-КУТСКОГО И ТУГИРСКОГО. НАЧАЛО ГОРОДОВ ИЛИМСКА И ЯКУТСКА. УЧАСТИЕ МАНГАЗЕЙСКИХ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В ЗАВОЕВАНИИ БЛИЗЛЕЖАЩИХ К ЯКУТСКУ ЗЕМЕЛЬ

§ 1. Мы снова продолжаем общую историю Сибири, которую прервали в главе восьмой, перейдя к рассказу об отдельных событиях. Она поведет нас в области, все более и более отдаленные, и нужно признаться, что с каждым новым открытием, если не с каждым новым шагом вперед, увеличивалось количество достопримечательного. Следует принять во внимание число русских людей, бывших в Сибири в то время, дальность расстояний, немногочисленность русских по сравнению с громадным числом местных народов, большую и бесспорную опасность, которой подвергались русские люди, и незначительность понесенных ими потерь, и все это, наконец, сопоставить с важностью достигнутых результатов. Потомство едва ли поверит всем нашим рассказам, но мы предоставим говорить за себя тем мудрым и великодушным мероприятиям, которые были введены в Сибири русскими и которые особенно служили к чести русского народа; за себя будут говорить также не допускающие никаких сомнений письменные источники.

* § 2. В 7131 (1623) г. казак Яков Плещевской с сорока товарищами был отправлен из Енисейска для объясачения бурят, или братских людей, на Верхней Тунгуске[1]. Он возвратился в Енисейск, не выполнив возложенного на него поручения. За этим последовала вторая посылка стрелецкого сотника Поздея Фирсова и казачьего атамана Василия Алексеева, которые отправились в путь 30 мая 7133 (1625) г. с сорока людьми. Возникшие среди тунгусов волнения помешали, однако, быстрому успеху предприятия.

§ 3. 30 октября 7133 (1624) г. из Енисейска был послан для сбора ясака с ранее объясаченных тунгусов Верхней Тунгуски[2], с князца Иркинея с его детьми, стрелец-

[1] Об этой посылке у меня нет других письменных свидетельств, кроме кратких заметок, сделанных в Енисейском архиве, которые находятся в моих путевых дневниках. Впредь в подобных случаях я их буду обозначать словом «Заметки».

[2] История Сибири, II, гл. 7, § 26.

кий пятидесятник Терех Савин[3]. Когда он прибыл к тому месту, где служилые люди обычно сообща ловили рыбу и которое так и называлось местом «Рыбная ловля», на него напали тунгусские люди князца Тасея, пришедшие с реки Тасеевой, названной по имени этого князца, и нанесли ему и его людям сильное поражение. Несколько служилых людей были при этом убиты, остальные вместе со своим начальником заперлись в избушке, где должны были шесть дней ожидать ухода тунгусов.

*§ 4. Следующей весною одновременно с сотником Поздеем Фирсовым был послан атаман Василий Тюменец и с ним 25 человек служилых людей[4], чтобы опять привести к повиновению князца Тасея и его людей, а в случае если они на это не согласятся добровольно, объявить им полное прощение. Но Тасей совсем не был склонен к этому. Река, при которой он жил, не имела еще в те времена своего настоящего названия и, как показывают документы Енисейского архива, обозначалась тунгусским словом «бирья», что означает реку вообще. До того места, где в нее с южной стороны впадает речка Усолка, она называется теперь Тасеевой. От этого места далее вверх она именуется Чуной, а еще ближе к истокам — Удой. В реке Чуне имеется очень много порогов. По словам атамана Василия Тюменца, он перешел через пятнадцать, в число которых он, вероятно, включил разные мелкие места, которые порогами обычно не называют. Наконец он подошел к большому порогу, через который ему было очень трудно перетащить свои суда. В этом месте река протекала между двумя утесами, и ширина ее была всего вполовину лучного перестрела, по обе же стороны берега ее поросли густым лесом. В этом месте на него внезапно напали тунгусы и вынудили его отойти от берега и стать на якоре посреди реки. Он велел толмачу напомнить им об их прежней шерти на верность, но не получил никакого ответа. Четыре человека служилых людей были убиты, а пятый тяжело ранен. Эта потеря вынудила атамана вернуться обратно, после чего его еще долгое время преследовали неприятельские стрелы.

* § 5. Следующей осенью была получена весть, что тунгусы во главе с тем же Тасеем усиленно готовятся к войне и хотят собраться у «Рыбной ловли», чтобы затем разрушить Енисейск и Маковский острог и тем самым закрыть русским дорогу через Маковский волок на реку Енисей. Выполнить это смелое решение было, однако, не по силам тунгусам. Маковскому, или, как его тогда еще называли, Намацкому, острогу в начале лета пришлось все-таки выдержать нападение тунгусов. Вследствие этого число служилых людей Енисейска, которых до того было только 100 человек, было увеличено многими ратными людьми, присланными из Тобольска.

* § 6. Между тем атаман Василий Алексеев был отправлен вниз по Енисею для сбора ясака с питских тунгусов, причем некоторых из них он побил, а иных побрал в плен. Это стало причиной больших беспорядков в Енисейске. Все население разделилось на две партии, во главе которых стояли воевода Андрей Леонтьев сын Ошанин и атаман Василий Алексеев. Они вели между собою открытую войну, и, может быть, партия атамана, как наиболее сильная, одержала бы верх, если бы из Тобольска к воеводе не прибыла помощь. Василий Алексеев и десять человек его самых видных сторонников были отправлены в Тобольск, чтобы понести там наказание и уже больше не возвращаться в Енисейск. Остальных наказали в Енисейске. Атаманом же был

[3] Прилож. № 2.
[4] Прилож. № 3.

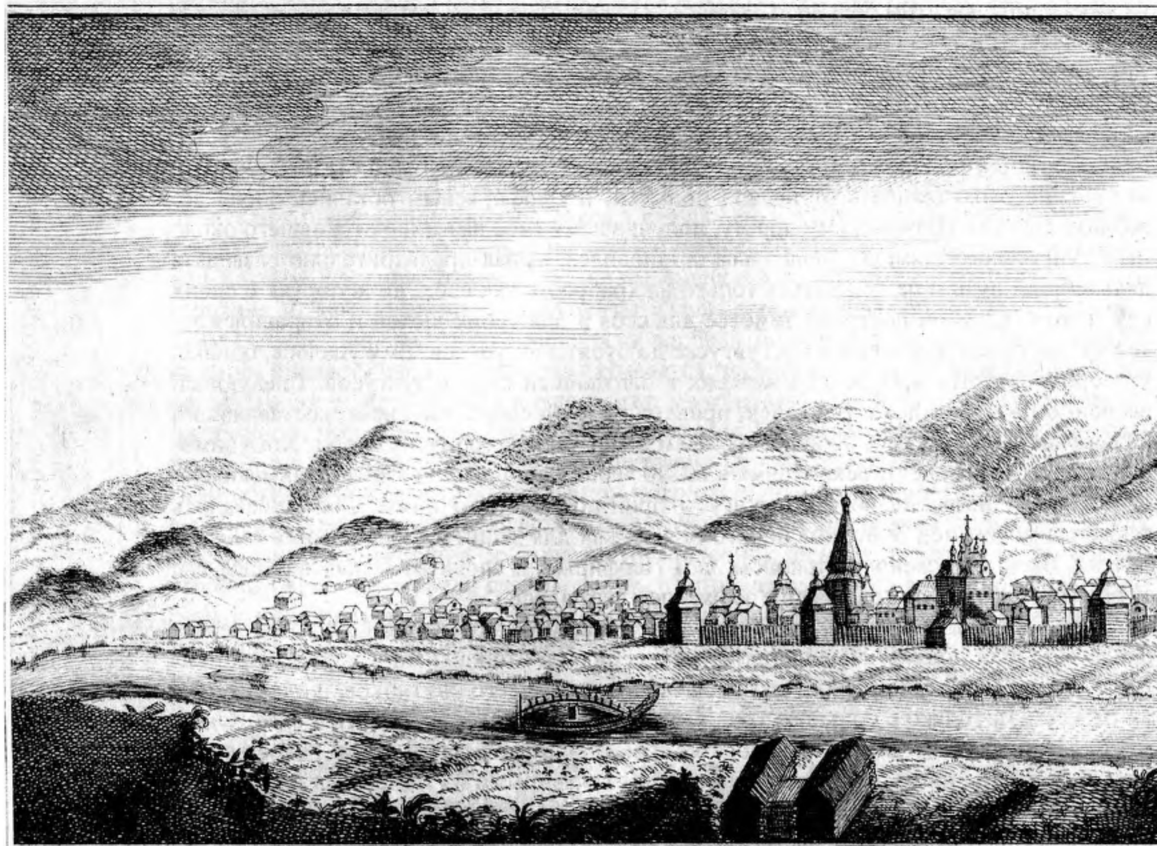
назначен Максим Перфирьев, много потрудившийся при последующих завоеваниях и стяжавший себе этим большую славу.

§ 7. Когда в 7135 (1627) г. в Енисейске решили предпринять новый поиск к бурятам, то во главе сорока человек служилых людей, отправленных в этот поход, был поставлен Максим Перфирьев[5]. Он первый достиг по Тунгуске устья реки Илима и объясачил тунгусов как по этой реке, так и далее вверх по Тунгуске до больших Братских порогов. Пройти и оставить позади себя эти пороги было бы больше того, что можно было ожидать от первой попытки, и Перфирьевым остались очень довольны. Придя к Шаманскому порогу, получившему свое название от жившего около него тунгусского шамана, Перфирьев остановился, желая предварительно разведать дальнейший путь и не полагаться только на храбрость как свою личную, так и своих спутников. Здесь он построил зимовье для себя и для своих людей и отправился затем сухим путем далее вверх по Тунгуске до бурятских улусов. Ему удалось, однако, уговорить платить ясак только живших в ближайшей округе тунгусов. Следующей весною он возвратился в Енисейск, привезя с собою собранный ясак, составлявший 10 сороков и 28 соболей, 30 недособолей и 3 тунгусских собольих шубы. Хотя зимовье лежало в стороне от реки Илима в 60–70 верстах, оно было названо Илимским по реке Илиму, название которой тунгусы произносили — «Иним». Оно называлось также «зимовем под Братским порогом». Так как для защиты от нападений оно, вероятно, было окружено частоколом, сам Перфирьев в своих отписках называл его также острожком, но это название за ним не удержалось.

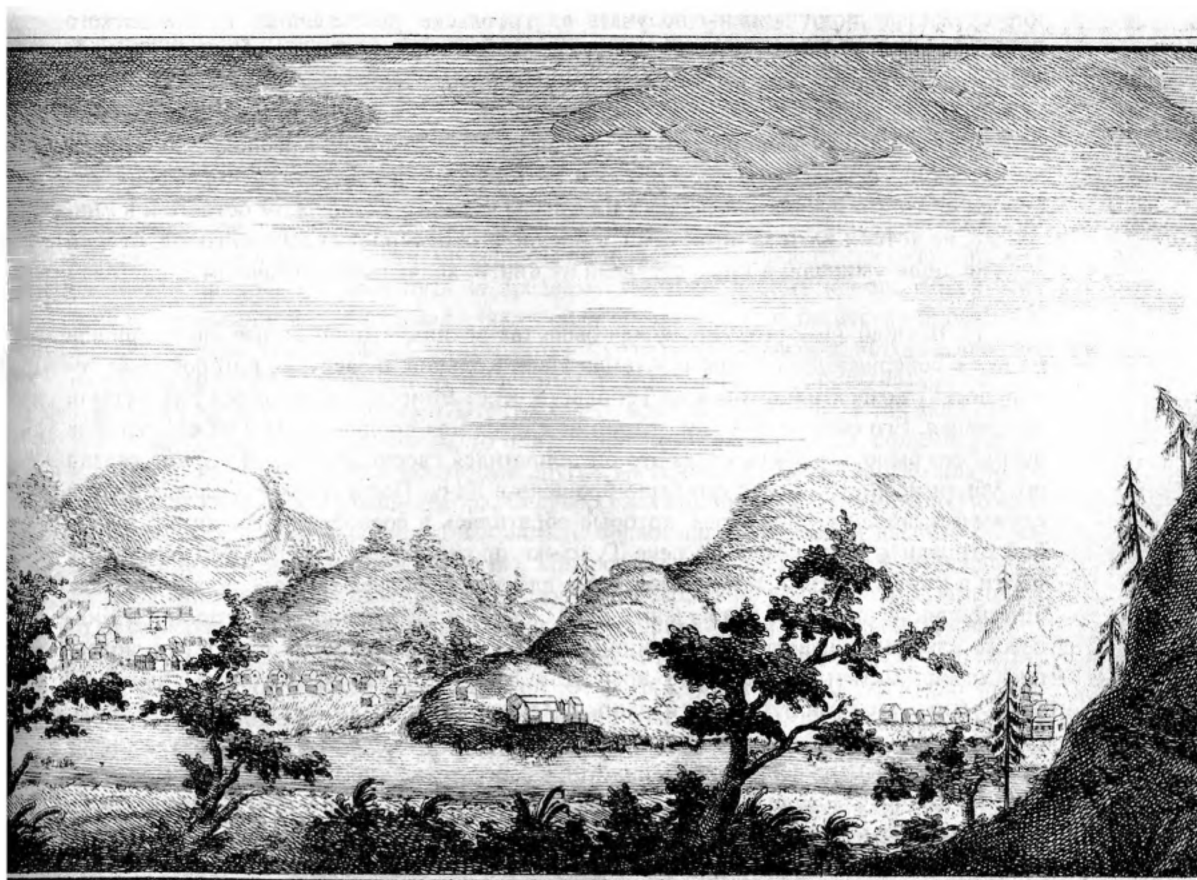
* § 8. На обратном пути Перфирьев, так же как и пятидесятник Савин, подвергся около «Рыбной ловли» неожиданному нападению со стороны многочисленных тунгусов[6], которые сильно ранили его самого и 10 человек его спутников, а одного убили на месте, и только с большим трудом удалось уйти от них и укрыть в безопасном месте ясачную казну. Эта враждебность, проявленная во второй раз, и новое возмущение были причиной того, что по прибытии Перфирьева из Енисейска был немедленно же отправлен сотник Петр Бекетов с служилыми людьми. Он должен был построить острог в том самом месте, где оба раза были произведены нападения, чтобы держать в повиновении тунгусов, следить за сбором ясака и оберегать тех русских, которые приехали бы туда для рыбной ловли или пожелали бы здесь остановиться во время пути. Этот острог до сих пор известен под названием «Рыбенского». Он расположен на северном берегу Тунгуски, в 90 верстах от ее устья и в 156 верстах от Енисейска. Множество островов разделяет в этом месте Тунгуску на небольшие протоки, весьма удобные для рыбной ловли, что вполне оправдывает название острога; в то же время острова являются очень удобными для пашни.

§ 9. Когда большая часть работы по строению Рыбенского острога была закончена, тем же летом 7136 (1628) г. Бекетов с тридцатью людьми отправился в Илимское зимовье, чтобы начать дальнейшее проведывание и покорение тамошних народов с того места, где остановился Перфирьев[7]. Он проехал все пороги, взяв с собою только два небольших струга, а все крупные суда оставил в Илимском зимовье. Неизвестно, однако, имел ли он проводников, которые показывали ему путь через так называемые «ворота» в порогах. Если он их имел, то это могли быть только тунгусы.

[5] Прилож. № 20.
[6] Прилож. № 20.
[7] Прилож. № 7, 8, 16.



Его суда были настолько малы и легки, что за ними могли следовать только лодки. Как только подошли к третьему большому порогу, названному вследствие своего высокого падения «Падуном», один струг разбился в мелкие щепы, и люди едва спаслись от смерти. Из запасов на этом судне ничего не было спасено. Так как Бекетов и без того имел с собою только по два пуда муки на человека, то потеря эта должна быть признана очень большой, и она могла бы стать препятствием для дальнейшего продолжения пути. Тем не менее Бекетов отправился в путь вверх по реке на одном судне и был, вероятно, уже недалеко от озера Байкала, когда вынужден был возвратиться обратно. Он собрал с бурят на реке Оке первый ясак, состоявший из двух сороков и семи соболей, и, не дожидаясь сбора ясака с тунгусов, возвратился весною 7137 (1629) г. в Енисейск, где приход ясака за этот год составил около 170 со-



Vüe de la Ville d'ILIMSK.

роков соболей, не считая других мехов[8]. Енисейский воевода Василий Алексеев сын Аргамаков отправил этот ясак вместе с 15 сороками, поднесенными ему лично, в государеву казну.

* § 10. Теперь следует описать большой поход против бурят бывшего енисейского воеводы Якова Игнатьева сына Хрипунова, но предварительно надо рассказать об одном событии, находящемся с ним в некоторой связи, а по своим причинам имеющем право на то, чтобы о нем сообщить прежде описания похода. При построении Красноярска было определено[9], чтобы продовольственные запасы, которые тамош-

[8] Прилож. № 7.

[9] Прилож. № 6, 8.

ние служилые люди должны получать из Тобольска, доставлялись из Маковского острога сухим путем в Енисейск и оттуда далее водою в Красноярск енисейскими служилыми людьми. Это вызывало сильное недовольство и жалобы последних. Свое нежелание выполнять эту повинность енисейские служилые люди оправдывали тем, что им приходится совершать много других дальних походов. Красноярские же служилые люди, ссылаясь на свое право и на имеющиеся указы и распоряжения, несмотря на то что предназначавшиеся им запасы лежали в Маковском остроге и в Енисейске, не хотели идти за ними сами, а предпочитали терпеть крайний голод, от чего многие люди умирали, а иные страдали от цинги, являющейся обычным следствием голода.

§ 11. Весною 7137 (1629) г. нужда была так велика, что служилые люди пришли от нее в совершенное отчаяние. Атаман Иван Кольцов, о заслугах которого уже говорилось[10], возвратился тогда из Тобольска через Енисейск с деньгами для раздачи жалованья. Его обвиняли в том, что он не сделал для продвижения хлебных запасов всего, что было в его власти; за это он поплатился своею жизнью. Во время свалки его убили на торгу, а тело его было брошено в Качу. После этого собралась партия служилых людей в 50 человек, которые обратились к воеводе Дубенскому с просьбой отправить их в поход по реке Тунгуске против бурят, а перед тем разрешить пойти в Енисейск взять там необходимые для дороги запасы. Вскоре после того, как они получили просимое разрешение, через крестьян, державших их сторону, в Енисейске сделались известными истинные намерения красноярских служилых людей: они хотели мстить енисейскому воеводе и всех, кто стал бы им сопротивляться, убить, города разграбить, то же сделать в Маковском, а самим по Оби, через Березов, бежать на Русь. Когда красноярские служилые люди подошли к Енисейску, енисейский воевода был уже наготове и, впустив в город только немногих из них, мог схватить и посадить в тюрьму зачинщиков этих беспорядков, которые понесли потом заслуженное наказание.

§ 12. Остальные принуждены были идти в поход против бурят[11], который они выдвинули ранее лишь в качестве предлога. Они догнали воеводу Хрипунова, к которому присоединились, но вскоре опять от него отделились и тою же осенью поспешили обратно в Енисейск. Там от них отобрали 46 обращенных ими в холопство бурятских женщин, девушек и детей; их решено было сохранить в качестве аманатов и отсылать понемногу обратно бурятам или же обменивать их на новых аманатов, так как взятый Бекетовым с бурят ясак заставлял рассматривать этот народ как русских ясачных людей, которых поэтому нельзя было обращать в холопство.

§ 13. Я не нашел известий о том, что произошло в дальнейшем с красноярскими служилыми людьми. Зато имеются известия[12], что Красноярск был по приведенным выше причинам очень близок к своему концу, так как в ответ на многие представления, сделанные из Енисейска, о незначительности приносимой Красноярском пользы, а также о том, что служилые люди Красноярска выполняют то самое, что прежде входило в обязанности и выполнялось Енисейском, из Москвы уже последовал указ о переводе оставшихся в Красноярске служилых людей в Томск и Енисейск и о по-

[10] История Сибири, II, гл. 7, § 43.
[11] Прилож. № 26.
[12] Прилож. № 10, 13, 14, 19.

сылке в Красноярск, по примеру таких острожков, как Маковский и Мелесский, годовальщиков из Енисейска. Приказ этот уже стали выполнять, когда томские воеводы, имевшие тогда главное начальство над всем этим краем[13], не будучи, как енисейские, движимы завистью и ясно видевшие, что из-за киргизов и соседних монголов необходим в этом месте пограничный город, добились того, что Красноярск вскоре был опять восстановлен в своем прежнем положении.

* § 14. По распоряжению из Тобольска воевода Яков Игнатьев сын Хрипунова был послан для поисков серебряной руды; ему не были указаны какие-либо земли, до которых он должен был дойти, но если бы он не встретил никаких препятствий, ему следовало продолжать свой путь за пределы известных к тому времени бурятских земель. Основанием для отправки послужила общая молва о богатстве бурят; она, в свою очередь, основывалась на том, что у бурят видели серебро, которое, однако, не родилось на их родине, а получалось ими от монголов, приобретавших его путем торговли с китайцами и даурами. Буряты хвалились этим серебром, а так как некоторые из них знали кузнечное дело, то они украшали им свои стрелы, колчаны, седла и уздечки, как это делали и некоторые другие восточные народы. Однако для этого требовался небольшой запас серебра. Серебро расплющивалось в очень тонкую пластинку, накладывалось на железные листы с мелкой крестообразной насечкой и набивалось молотом на неровное железо, которое от этого приобретало вид серебра. В отношении серебра нельзя было поэтому рассчитывать на успех похода, но польза от него сказалась в том, что благодаря походу покорение бурят двинулось вперед.

§ 15. Хрипунов выступил из Тобольска весною 1628 г. и отправился водою по рекам Иртышу, Оби и Кети до Маковского острога, откуда осенью он пошел сухим путем к реке Енисею и зазимовал в Енисейске. Редко бывало, чтобы в таких походах дело обходилось без озорства и безобразий. Участники их воображали, что длительный поход защитит их от наказания или что они сразу приобретут такие заслуги, за которые им будут прощены все совершенные ими вины. Таким образом, когда на реке Оби, неподалеку от Нарыма, они повстречали промышленных людей с дорогой мягкой рухлядью, возвращавшихся обратно на Русь, они отняли у них все; и ограбленные ими почитали себя еще счастливыми тем, что могли за умеренную цену выкупить своих соболей у служилых людей Хрипунова[14].

§ 16. Во время своей зимовки в Енисейске Хрипунов выслал вперед своего шурина Никиту Воейкова с 12 служилыми людьми[15], чтобы разведать дороги и другие обстоятельства этой местности и чтобы узнать, нельзя ли уже на реке Тунгуске найти серебряную руду. Нет надобности говорить о том, какие жалобы из-за этого возникли. Воейков возвратился в Енисейск, не выполнив ничего из того, что ему было поручено. Весною 7137 (1629) г. Хрипунов продолжал свой путь на десяти кочах или, может быть, дощаниках и десяти стругах (род больших челнов)[16]. По большому количеству судов можно заключить, что число людей, которых он имел при себе, было немалое.

§ 17. Когда он пришел в Илимское зимовье, было решено оставаться здесь с судами до тех пор, пока не установится удобный зимний путь. В ожидании его Хрипу-

[13] История Сибири, II, гл. 7, § 74.
[14] Прилож. № 5.
[15] Там же.
[16] Прилож. № 11.

нов не желал сидеть без дела. Он оставил при судах в зимовье 20 человек, а 30 человек выслал на Лену для новых открытий и завоеваний. Сам же с остальными людьми пошел берегом вверх по Ангаре и имел сражение у реки Оби с бурятами, в котором одержал победу. С помощью бурятских проводников он хотел продолжить свой путь еще дальше, к озеру Байкалу и в страну монголов с тем, чтобы оставленные им под Братским порогом люди присоединились к нему следующею весною; но выполнить это намерение ему помешало упорное сопротивление бурят, которого он был вправе опасаться. В это время беглые служилые люди из Красноярска[17] находились еще при нем; они отделились от Хрипунова уже за рекой Окой и привезли вести о нем в Енисейск.

§ 18. Увидев, что имеется мало надежды на счастливый исход похода, Хрипунов возвратился обратно в Илимское зимовье. Там он хотел провести зиму и ожидать будущим летом благоприятного случая. Однако смерть постигла его прежде, чем он успел довести до конца свое намерение. Во время похода было проявлено много усердия и было сделано немало ценного. Для продолжения похода из Тобольска послали новые запасы продовольствия. Был даже отправлен на помощь к Хрипунову сын боярский Михайло Байкашин с несколькими людьми, который, получив в Енисейске известие о смерти Хрипунова, не стал продолжать свой путь. После смерти Хрипунова, последовавшей 17 февраля 7138 (1630) г. в Илимском зимовье, его служилые люди, собранные из разных сибирских городов, поспешили к себе на родину. Участвовавший в походе с несколькими енисейскими служилыми людьми атаман Максим Перфирьев отписал о происшедшем в Енисейск, и, как только прошел лед, и открылся путь по воде, он вместе с енисейскими служилыми людьми отправился в Енисейск. Собранный за этот поход ясак состоял всего из двух сороков, десяти соболей, 55 недособолей, двух собольих шуб и другой мелочи.

* § 19. В связи с походом Хрипунова можно сделать одно географическое примечание. Река, известная теперь под двойным названием — Тунгуски и Ангары, в архивных документах об этом походе, в отличие от современного употребления, носит название Тунгуски до самого устья реки Оки. Название Тунгуски произошло от того, что, когда она была открыта, на ней жили исключительно тунгусы; по той же причине были названы также Тунгуска Подкаменная и Нижняя Тунгуска. Ангара же является бурятским названием этой реки, в то время оно еще не было известно русским. Когда же эти названия вошли в употребление, границу между Тунгуской и Ангарой установили около впадения Илима, что не находится ни в какой связи с природными условиями, так как река Илим вовсе не имеет такого значения, чтобы служить причиной для изменения названия реки, в которую она впадает.

§ 20. Когда служилые люди, бывшие в походе с Хрипуновым, возвратились в Енисейск, они привели с собою 21 человека бурятского ясыря[18]. В их числе были самые знатные женщины и девушки этого народа. Тогда произошло опять то же самое, что за год до того с красноярскими служилыми людьми: все пленники были отобраны у служилых людей воеводой князем Семеном Ивановичем Шаховским. Он хотел подкупить бурят великодушием, полагая, что, увидя своих родичей, которых они считали уже потерянными, они скорее подчинятся русским. Однако этого уда-

[17] См. выше, § 12.
[18] Прилож. № 26, 32.

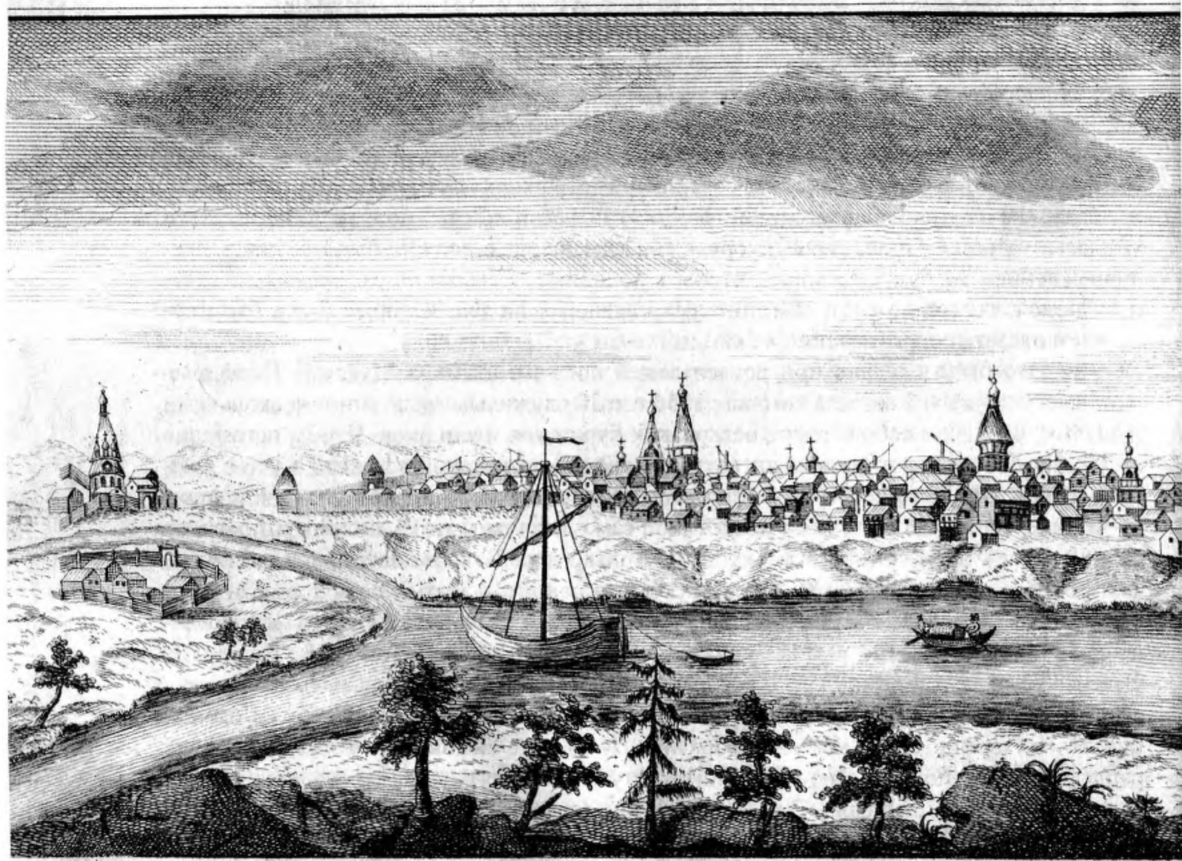
лось достигнуть не сразу. Подобно калмыкам и киргизам, буряты держались все вместе, и это служило им защитой, тогда как разрозненность тунгусов больше всего способствовала их покорению.

§ 21. Первый опыт подействовать на бурят ласкою был сделан с двумя пленниками, которые 14 марта 7138 (1630) г. были отпущены в сопровождении служилых людей — Вихоря Савина и Сидора Аникиева[19]. После их передачи Вихорь Савин был убит бурятами, а Сидор Аникиев совершенно ограблен и отпущен обратно босым и нагим. Речка, называвшаяся до того по-тунгусски «Гея», получила из-за этого убийства у русских название «Вихоревка». Происшедшее должно было служить предупреждением на будущее время, чтобы в подобные посылки не отправляли отдельных людей, но сильные отряды опытных служилых людей, которые были бы в состоянии оказать сопротивление и сами могли бы употребить силу.

§ 22. Это было сделано при последующей посылке атамана Максима Перфирьева[20], выступившего 3 августа того же, 1630 г. с 30 служилыми людьми и несколькими пушками; он взял с собою также нескольких бурятских пленников. Чтобы поручение его произвело на бурят больше впечатления, ему было велено поставить в устье реки Оки острог. Придя 11 сентября в Илимское зимовье, он оставил там под присмотром 15 человек свои суда со всеми припасами, а сам с остальными 15 людьми отправился сухим путем к бурятским улусам, чтобы не только передать там пленников, но и призвать бурят «под высокую государеву руку» и уговорить давать с себя ясак. Он имел в виду также приискать угожее крепкое место, где бы поставить острог. При передаче пленников бурятские князцы уплатили Перфирьеву 15 соболей (все, что, по их словам, у них в то время было), которые и были приняты Перфирьевым в качестве ясака; князцы дали обещание с наступлением весны уплатить полный ясак. В ожидании этого Перфирьев возвратился обратно в Илимское зимовье и зазимовал там, не решаясь с имевшимися у него людьми приступить к постройке острога, как это ему было приказано, и отписал в Енисейск, что для этого ему требуется большее количество людей.

§ 23. 8 мая 7139 (1631) г. из Енисейска были отправлены на помощь Перфирьеву для постройки острога пятидесятник Василий Москвитинов с 20 человеками и 21-го числа того же месяца пятидесятник Петр Ропот с 30 человеками, с тем чтобы они затем остались на годовую службу в остроге. Перфирьеву же с его людьми было разрешено возвратиться обратно, что он и сделал. Он прибыл 18 июля в Енисейск и привез с собою 78 соболей собранного им ясака. По словам Перфирьева, острог был поставлен не в намеченном месте, но неподалеку от него, а именно в полудня пути ниже устья реки Оки, около большого порога Падуна. Некоторые бурятские князцы сразу же изъявили при этом покорность и дали шерть на верность. Но эта покорность продолжалась до тех пор, пока Перфирьев оставался там. После его отъезда, соединясь с окрестными тунгусами, буряты решили не платить больше ясак русским, убивать их всюду, где бы их ни пришлось встретить, и даже по возможности уничтожить новый острог, названный Братским. Восьмого августа через своего шамана они сообщили о своих намерениях в острог для сведения пятидесятника Москвитинова, который немедленно донес об этом в Енисейск. Следует отметить, что бу-

[19] Прилож. № 13, 26.
[20] Прилож. № 13, 16, 19, 20, 26.

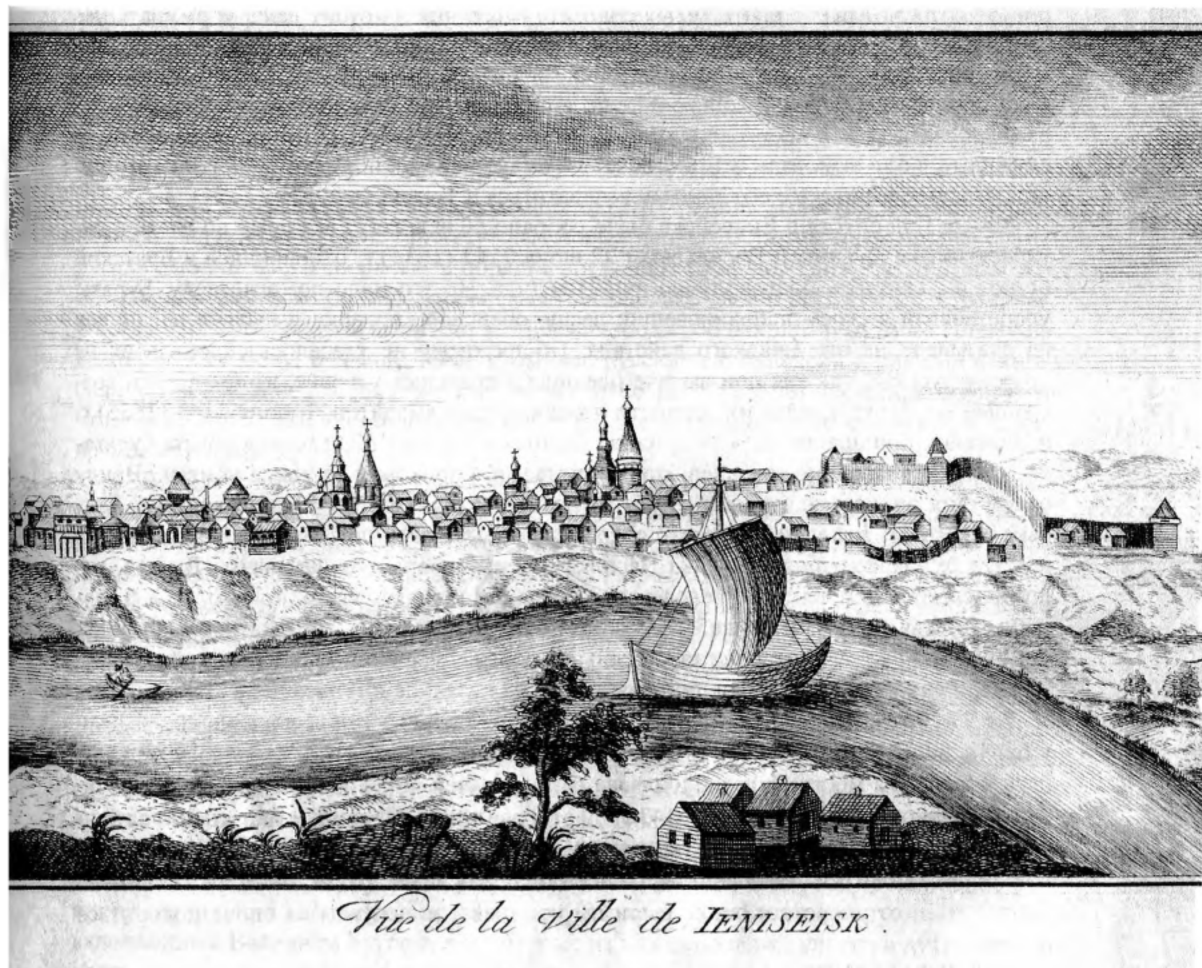


Видъ города Енисейска.

ряты отказались признавать, что они уже раньше платили ясак русским: то, что они дали атаману Перфирьеву, по их словам, было сделано только для того, чтобы выкупить пленников. Таким образом, при первоначальном покорении народов могло, конечно, произойти немало недоразумений оттого, что дающий имел иное намерение, чем то, которое предполагал получающий.

§ 24. Это восстание в Енисейске пытались усмирить не силою оружия, а возвращением нескольких пленников и подарками бурятским князцам; последнее, однако, принесло мало пользы и только усилило злобу бурят, так как долготерпение и великодушие были для них неизвестными добродетелями. Сами буряты в некотором роде господствовали над соседними тунгусами и брали с них дань[21]. Они запрещали тун-

[21] Прилож. № 26, 32.


Vüe de la Ville de IENISEISK.

гусам давать с себя ясак русским. Ясак, который должны были платить буряты, возместил бы русским труды и расходы на постройку и содержание Братского острога. Весною 7140 (1632) г. в Братском остроге было собрано ясака не более трех сороков соболей, большая часть которых была к тому же очень худыми. С этим ясаком 30 служилых людей возвратились в Енисейск, причем они не могли достаточно описать, с каким презрением обращались с ними бурятские князцы.

§ 25. Недостаток в Енисейске людей и запасов[22] помешал применить в 7140 и 7141 гг. решительные меры против бурят; к тому же на помощь к князцам, жившим на Оке, пришел с озера Байкала бурятский же князец Когун с сотней людей, что еще более усилило их упорство. Если теперь и поступал какой-либо ясак в Братский ост-

[22] Прилож. № 29, 32, 35, 43.

рог, то буряты давали таких худых соболей, что о них не стоит даже упоминать. Из Томска сначала хотели оказать помощь Братскому острогу и с этой целью послали в Енисейск атамана Дмитрия Копылова с 50 служилыми людьми. Но они промешкали и пришли в Енисейск только 17 сентября 7142 (1633) г., когда уже нельзя было рассчитывать ранее наступления зимы дойти до Братского острога. Пока томские служилые люди зимовали в Енисейске, в Томске переменили свое намерение и приказали атаману вместе с его людьми возвратиться в Томск.

* § 26. Год спустя в Енисейске было собрано 60 человек[23], которые во главе с пятидесятником Дунайкой Васильевым 22 июня 7142 (1634) г. отправились в Братский острог и 2 сентября благополучно прибыли туда. Но это мало помогло делу. Буряты упорствовали в своем неповиновении: ласки, обещания, подарки и выдача пленников не оказывали на них никакого действия. По-прежнему не удавалось склонить их на сторону русских, так как при выдаче пленников ставилось условие, чтобы взамен возвращаемых бурят в залог их верности давали других аманатов. 2 июня 7143 (1635) г. в Енисейск пришла весть, что Дунайка Васильев и с ним 52 человека убиты бурятами, причем последние завладели также ружьями, порохом и свинцом убитых. Ввиду отсутствия архивных известий об этом несчастье приходится воспользоваться устным рассказом жителей Братского острога, которые говорили, что они слышали этот рассказ от своих отцов. Дунайка Васильев, или, как они его называют, Дунаев, отправился против бурят с 50 человеками; когда он поднялся вверх по Оке, то в 8 верстах от устья Оки, при речке, называемой бурятами «Сиби», он был окружен большим числом бурят и потерпел такое сильное поражение, что ни один русский не ушел живым. Речка Сиби получила поэтому у русских название «Дунаевой».

* § 27. Этот несчастный случай показал, что для того, чтобы достичь своей цели у бурят, необходимо послать к ним более значительные силы и осторожнее приступать к делу. На место Дуная Васильева был назначен енисейский сын боярский Николай Радуковский[24]. В том же, 7143 г. он отправился в Братский острог со 100 служилыми людьми. У нас нет сведений, каким образом Радуковский привел к повиновению бурят. Только из позднейших записей о сборах ясака в тамошних местах можно заключить, что упорствовавшие были им усмирены и вынуждены снова покориться русским.

§ 28. В 7148 (1637) г. от бурят, живших около Братского острога и по реке Оке, было получено 73 соболя, а от тамошних тунгусов — три сорока, 27 соболей и девять недособолей. В том же году пятидесятник Василий Черменин объясачил бурят и тунгусов, живших далее вверх по реке Ангаре и по Уде; он взял с них 75 соболей. В 7146 г. буряты с Ангары и Уды снова вышли из повиновения: они бились со служилыми людьми, высланными к ним из Братского острога для сбора с них ясака, и даже подступали к Братскому острогу. В 7147 г. сын боярский Илья Барсов лаской привел бурят снова к повиновению и взял с них два сорока соболей ясака. Он увеличил также на два сорока ясак с бурят, живших около Братского острога, не считая трех сороков и 36 соболей, собранных им с тунгусов. В 7148 и 7149 гг. ясак, собираемый в Братском остроге, достигал ежегодно восьми сороков и семи соболей. Следует заметить при этом, что уезд Братского острога в то время начинался от Шаманского

---

[23] Прилож. № 43, 51, 52.

[24] Прилож. № 52.

порога или, вернее, от речки Вихоревки и простирался от нее вверх по Ангаре до упомянутой выше речки Уды, что составляло 384 версты. Местность же ниже Шаманского порога, а следовательно, и Илимское зимовье вместе с рекою Илимом составляла отдельный уезд, центр которого находился первоначально в устье реки Идирмы, впоследствии же был перенесен дальше вверх по Илиму на место теперешнего Илимска.

* § 29. Мы ограничимся здесь изложением этих ранних известий о земле бурят, пока последующие годы не принесут нам новых данных о дальнейшем продвижении русских по Ангаре. Теперь же, в порядке времени и расположения городов, нам необходимо вернуться обратно, чтобы сказать несколько слов о реке Илиме, о том, как и когда были покорены жившие по этой реке народы, об открытии пути по Илиму на великую реку Лену, о самой Лене, о том, как русские ею овладели и как они открывали все новые и новые народы. Так как все эти события имели место в то же время, что и описанные выше события в земле бурят, то необходимо познакомиться одновременно с ними.

§ 30. Ясак с илимских тунгусов через посланных к ним служилых людей собрал впервые еще атаман Максим Перфирьев, когда он в 7135 г. в первый раз ходил походом против бурят и зимовал в Илимском зимовье по соседству с тунгусами[25]. Это подтверждается тем, что в енисейских ясачных книгах того же, 7135 г. находим те же самые названия тунгусских родов, которые впоследствии встречаются на реке Илиме вперемежку с названиями родов самого Илимского зимовья. После него в 7136 (1628) г. приходил к ним десятник Василий Бугор[26], посланный отдельно с десятью людьми на реку Илим. Находясь в зимовье в устье Идирмы, он собрал здесь ясак. Далее он перешел на реку Куту, которая впадает в Лену; спустился по Лене вниз до устья Чаи, собирая кое-где ясак. В устье реки Киренги он оставил четырех человек служилых людей и двух других — в устье реки Куты. Летом 1630 г. Бугор благополучно возвратился в Енисейск. О 30 служилых людях, которых в 1629 г. отправил из Илимского зимовья на Лену Яков Хрипунов, было уже упомянуто выше. Они присоединились к Василию Бугру на реке Илиме. Подчинение тунгусов происходило без принуждения, при помощи одних уговоров. Так как люди Якова Хрипунова действовали заодно с Василием Бугром, а некоторые из них сопровождали его в пути на реку Куту, то они взяли себе половину собранного ясака и привезли к Хрипунову; однако эта доля не могла быть значительной, так как мы уже выше видели[27], сколько ясака было собрано Хрипуновым.

§ 31. Столь успешное начало и приходившие с реки Лены благоприятные вести давали надежду на дальнейшие успехи. Изобилие прекраснейших соболей, которых еще нигде не видели в таком количестве, казалось там неиссякаемым. Дело облегчалось еще тем, что народы, до которых добрались от реки Илима, были теми же самыми тунгусами, которые до того всегда без особенного труда были покоряемы русскими. О них были получены некоторые сведения от бурят, живших в верховьях Лены. Посланный в 7138 (1630) г. атаман Иван Галкин с 30 служилыми людьми получил наказ[28] сначала собрать ясак на реке Илиме, после чего отправиться на реку Лену

[25] См. выше, § 7.
[26] Прилож. № 8, 9, 12, 13.
[27] См. выше, § 18.
[28] Прилож. № 12, 14, 15, 19.

и построить на ней острог; далее он должен был проведывать вверх и вниз по Лене и обычным способом, т.е. лаской, призывать местные народы к повиновению и уплате ясака; наконец, ему поручено было собрать дальнейшие сведения, которые могли быть полезными для распространения русской власти.

* § 32. Для выполнения всего этого[29] по приходе на реку Илим Иван Галкин велел прежде всего укрепить зимовье в устье Идирмы и поставить над воротами сторожевую башню, благодаря чему зимовье стало похоже на небольшой острог. Оно, вероятно, расширилось бы еще больше, если бы как раз в эту пору не были открыты новые пути на реку Лену, вследствие чего это зимовье сделалось совершенно ненужным, и пришлось на Илиме, дальше вверх по реке, поставить другое зимовье, или острожек. До того времени на Лену был известен только один путь — вверх по Идирме. По ней плыли на каюках, поднимавших до десяти или больше мешков запасов, и через два дня приходили в устье речки Дидитмы, откуда шли далее волоком, и через два дня достигали устья реки Купуя (ныне — Купа). Для того чтобы сократить путь волоком, нужно было еще один день плыть вверх по Идирме, после чего сворачивали в небольшую речку Чухторму, по которой можно было идти на каюках еще в течение одного дня. Наконец, начинался волок, приводивший на следующий день к речке Ялыку. На лодках или же на небольших плотах спускались вниз по Ялыку в течение одного дня до впадения Ялыка в Купуй, по Купую и затем по Куте в два дня доходили до Лены.

§ 33. Оба пути казались Галкину слишком длинными и трудными. Подарками и хорошим угощением он расположил к себе одного тунгуса, чтобы тот дал ему обстоятельные сведения о тамошних местах и сообщил бы, нельзя ли найти более близкий и удобный путь к реке Лене. От него Галкин узнал, что до волока на реку Куту нужно плыть еще два дня вверх по реке Илиму; по волоку тунгусы легко доходят пешком до реки Лены в один день, а с оленями и со всем необходимым для жилья — в два дня.

§ 34. Это и есть тот путь, по которому теперь еще ездят на реку Лену и из-за которого пришлось перенести ясачное зимовье с реки Идирмы в то место, где путь этот отходит от реки Илима. Однако перенесение зимовья было совершено не сразу и не в один прием. Приказчики, которых посылали из Енисейска на реку Илим, имели пребывание то в одном, то в другом месте. Через несколько лет новое зимовье заняло первое место и было названо зимовьем на Илиме, на Ленском волоку, а после того как оно было укреплено, — Илимским острогом. Когда же для ускорения дальнейших завоеваний туда стали посылать из Москвы отдельных воевод, зимовье на Ленском волоку превратилось в город Илимск.

§ 35. По приказанию Галкина два служилых человека под руководством тунгуса исследовали упомянутую дорогу, причем все оказалось действительно так, как было описано выше. Галкин послал этим путем на реку Лену десятника Илью Ермолина и с ним пять человек служилых людей, которых до реки Купуя сопровождало еще 18 человек, чтобы помочь им нести предназначенные для них запасы. Там они повстречали двух тунгусов с их обычными лодками, сделанными из бересты. Ермолин откупил у них эти лодки и поплыл на них по направлению к реке Лене. Около впадения реки Куты они нашли оставленных там Василием Бугром двух служилых людей

[29] Прилож. № 12.

вместе с судном, на котором они туда приплыли и которое в пути сослужило им большую службу. В устье реки Киренги Ермолин с товарищами думал встретить также других четырех людей из отряда Василия Бугра и получить от них необходимые сведения, но оказалось, что с промышленными людьми, пришедшими из Туруханского зимовья, они ушли в землю якутов по Нижней Тунгуске. Об этом они узнали от тунгусов, кочевавших в большом числе при впадении Киренги и Чаи, до которых Ермолин продолжал свой путь; эти тунгусы уже были приведены к шерти на верность Василием Бугром. От них же Ермолин с товарищами получил первые известия о том, что ниже по течению реки Лены живут якуты, которые богаты скотом и никому не подчинены. Как ни было это заманчиво для служилых людей, все же некоторые соображения заставили Ермолина воздержаться от посещения этого нового народа.

§ 36. Наступила осень. Приходилось зимовать в земле тунгусов. Последние предупредили Ермолина, что чем раньше он отправится в обратный путь, тем это будет лучше. Они говорили, что тунгусы, живущие по Нижней Тунгуске, дикий и воинственный народ, который не раз нападал и побивал большие отряды русских в 70–100 человек. Если бы они узнали о пребывании здесь русских, то пришли бы на реку Лену и перебили бы всех. Ответственность же пала бы на них, тунгусов с реки Чаи, так как подумали бы, что они перебили служилых людей. Эти соображения побудили Ермолина с наступлением первых морозов возвратиться на реку Илим. Они едва не умерли с голоду, так как пробыли в пути пять недель.

* § 37. То, что было рассказано о тунгусах с Нижней Тунгуски, соответствовало действительности. Их враждебность распространялась не только на русских, но и на их соплеменников, на живших по соседству с ними тунгусов других родов, которые часто подвергались их нападениям. Галкин узнал об этом в начале ноября 7139 (1630) г., когда велел собрать в Усть-Идирме илимских тунгусов, чтобы получить с них ясак. В это время пришла весть о приближении тунгусов с Нижней Тунгуски, вследствие чего илимские тунгусы, как более слабые, немедленно убежали в верховья реки Илима и даже в Братскую степь, как это они всегда делали в подобных случаях. В предыдущем году погибли шесть человек ясачных тунгусов, живших на реке Куте, и двое, живших на реке Идирме. Тунгусы с Нижней Тунгуски упрекали илимских в том, что те жалкие трусы и без всякого сопротивления дали себя покорить русским. Они сами принадлежали к роду мучугов и шилягов. Летом они иногда прикочевывали для рыбной ловли к реке Лене. Здесь Галкин хотел их наказать, однако ему не представлялось для этого случая.

§ 38. 15 сентября 7139 (1630) г. Галкин отправил из устья Идирмы на верховья реки Лены четырех человек во главе с Терентием Колягой[30]. После двухнедельного плавания, длительность которого нужно отнести за счет течения и мелководья позднего времени года, так как езды туда сухим путем следует считать не более пяти дней, они прибыли к тунгусскому князцу Гипке (в других документах он назван Липка), который хотя никогда не видал еще русских, тем не менее без всякого противодействия согласился давать с себя ясак. Отсюда до бурятских улусов оставалось будто бы еще два дня пути. На этот раз решили не заходить так далеко и дальнейшие открытия предоставить более сильному отряду служилых людей. Тогда же служилые

[30] Прилож. № 15.

люди, оставленные Василием Бугром в устье реки Куты, просили в Енисейске разрешения отправиться на реку Кампу, которая несколько выше впадает в реку Лену, чтобы заставить живших по ней тунгусов уплатить русским ясак. Разрешение им было дано немедленно.

* § 39. Весною 7139 (1631) г. отправился на Лену сам атаман Галкин[31]. Ему было приказано поставить на Лене острог. Место для него он выбрал в устье реки Куты, но он успел построить только зимовье наподобие тех, какие обычно строили промышленные люди, после чего отправился в обратный путь на реку Илим. Его преемник по ленским открытиям и завоеваниям Петр Бекетов старался опорочить выбор места для зимовья ввиду того, что поблизости нет тунгусов. В самом деле для сбора ясака острог был излишним, но в последующем он был удобной остановкой для людей, ехавших из Илимска на Лену или с Лены в Илимск. Таково происхождение небольшого Усть-Кутского острога с малым числом жителей, который только благодаря своему положению получил название острога.

* § 40. На реке Илиме, в устье Идирмы, Галкин ожидал себе перемены: 16 июля 7139 (1631) г. на смену ему прибыл сотник Петр Бекетов, после чего Галкин возвратился в Енисейск. Бекетов не имел отношения к сбору ясака на реке Илиме; для этого был послан с десятью людьми десятник Фирс Никифоров, имевший пребывание уже не в Усть-Идирме, а в Илимском острожке[32]. Служба же Бекетова была на Лене. Несмотря на ее сложность, Бекетов все же выполнил данное ему поручение. Таким образом, благодаря заслугам Бекетова было положено на Лене первое и в то же время самое важное основание всему последовавшему за тем. Он привел с собой из Енисейска 30 человек[33] и должен был получить еще десять человек от атамана Галкина, которых последний указал ему взять «в Якутах». Этой помощью он мог, следовательно, воспользоваться не ранее прибытия на место. Вероятно, по их просьбе Галкин отпустил этих служилых людей с промышленными людьми, которые в то время часто отправлялись в землю якутов, так как об отдельной посылке их туда, равно как о том, что они там сделали, найти ничего не удалось. Архивные документы того времени называют эту землю «Якольской землей», потому что название якутов в произношении тунгусов было «яко», а у самих якутов об этом названии мы не нашли никаких известий.

§ 41. Вскоре после своего прихода в Усть-Кут Бекетов решил предпринять поход вверх по Лене против бурят. Действительно, отправившись с 20 людьми 1 сентября, он потратил две недели на переход водою до реки Куленги, где начинается степь, в которой кочуют буряты. Когда он пешим проходил последнюю часть пути, то на пятый день заметил людей, которые уже в течение некоторого времени следили за тем, в которую сторону направятся русские. Как только они увидели, что их заметили, они поспешили скрыться бегством и не стали слушать того, что Бекетов велел им кричать через своих тунгусских толмачей. С полным основанием Бекетов решил, что улусы бурят должны находиться где-то поблизости. Так как недалеко был лес, то Бекетов для безопасности устроил из деревьев и кустарников засеку на случай, если бы на него было сделано враждебное нападение. Было бы безрассудством, если бы эта мелкая кучка русских захотела сопротивляться бурятам, насчитывавшим в своих

[31] Прилож. № 15, 18.
[32] Прилож. № 23.
[33] Прилож. № 22.

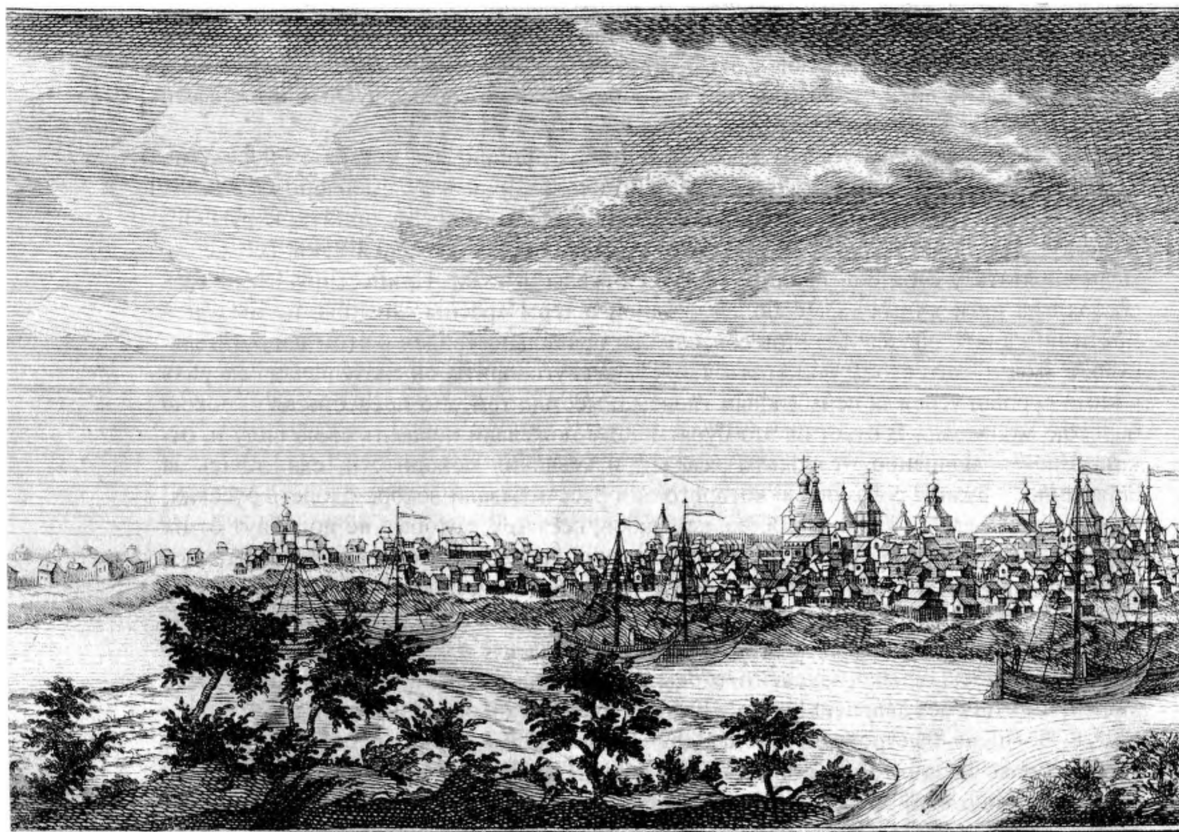
улусах до 200 человек. Бекетов нашел более разумным отправить к ним толмача, чтобы он ласковыми словами советовал бурятам подчиниться и платить по примеру всех других сибирских народов ясак. В ответ на это бурятские князцы просили обождать несколько дней, чтобы они могли собрать ясак со своих улусных и привести его к русским.

§ 42. Под предлогом уплаты ясака 26 сентября пришли два князца с 60 людьми. Бекетов, готовый ко всему и не ожидавший ничего хорошего, немедленно же велел своим людям приготовиться к бою. Бурятам было разрешено прийти к русским в засеку, правда без оружия, но они, хотя и оставили свои стрелы и луки, все же сумели спрятать у себя под шубами сабли, кинжалы и ножи. Принесенный ими ясак состоял из пяти худых недособолей и одной шкуры красной лисицы, не имевшей почти ни одного волоса. Бекетов совершенно правильно увидел в этом надругательство, и вместо того чтобы постараться их сначала уговорить, он сразу начал говорить с ними сурово, угрожая неизбежным гневом и местью тем, кто пренебрегал высокою царскою милостью. В ответ на это буряты тоже пожелали показать свою силу и, отказавшись совершенно от уплаты ясака и изъявления покорности, схватились за спрятанное оружие, с помощью которого они рассчитывали вскоре одолеть русских; они грозили поделить между собою, как рабов, всех тех, которые не погибнут от их оружия. Однако исход этого дела не оправдал их надежд. 40 человек бурят остались на месте, прочие же были тяжело ранены, тогда как с русской стороны были убиты только три тунгуса и ранен один служилый человек. Но тем дело еще не кончилось: буряты, услыхав о судьбе своих товарищей, сбегались все в большом числе. Бекетову посчастливилось, однако, захватить столько бурятских лошадей, сколько у него было людей, и на них без дальнейших препятствий пуститься в обратный путь.

* § 43. После быстрого перехода, длившегося целые сутки, русские очутились снова на реке Лене в той местности, где в нее с восточной стороны впадает река Тутура. Там жило в то время много тунгусов, которые прежде платили ясак бурятам, теперь же стали давать его русским. Их князцом был тогда Липка[34]. Он погиб в упомянутом походе против бурят, в котором он также принимал участие. Здесь Бекетов узнал о дороге, ведущей на верховья реки Киренги, и что по этой реке находится еще больше тунгусов. Эти вести заставили Бекетова, чтобы удобнее собирать ясак с тунгусов и оберегать их от притеснений со стороны бурят, построить в устье реки Тутура острог и притом найти средства, которые позволили бы легко подчинить тунгусов, живущих на Киренге. Скоро стало известно, что, как только слух о постройке этого нового острога дошел до бурят, они все бежали к озеру Байкалу, чтобы искать защиты у монголов. Но они, по-видимому, недолго там оставались, так как в дальнейшем будет отмечено, что русские снова встретили их в той же самой местности и в конце концов покорили. Название «Байкал», являющееся бурятским словом, в то время еще не употреблялось русскими. Вместо него они слышали от тунгусов название «Лама», которое и было перенято русскими. Бекетов оставил в Тутурском остроге десять человек, а с остальными тою же осенью возвратился в Усть-Кутский острог.

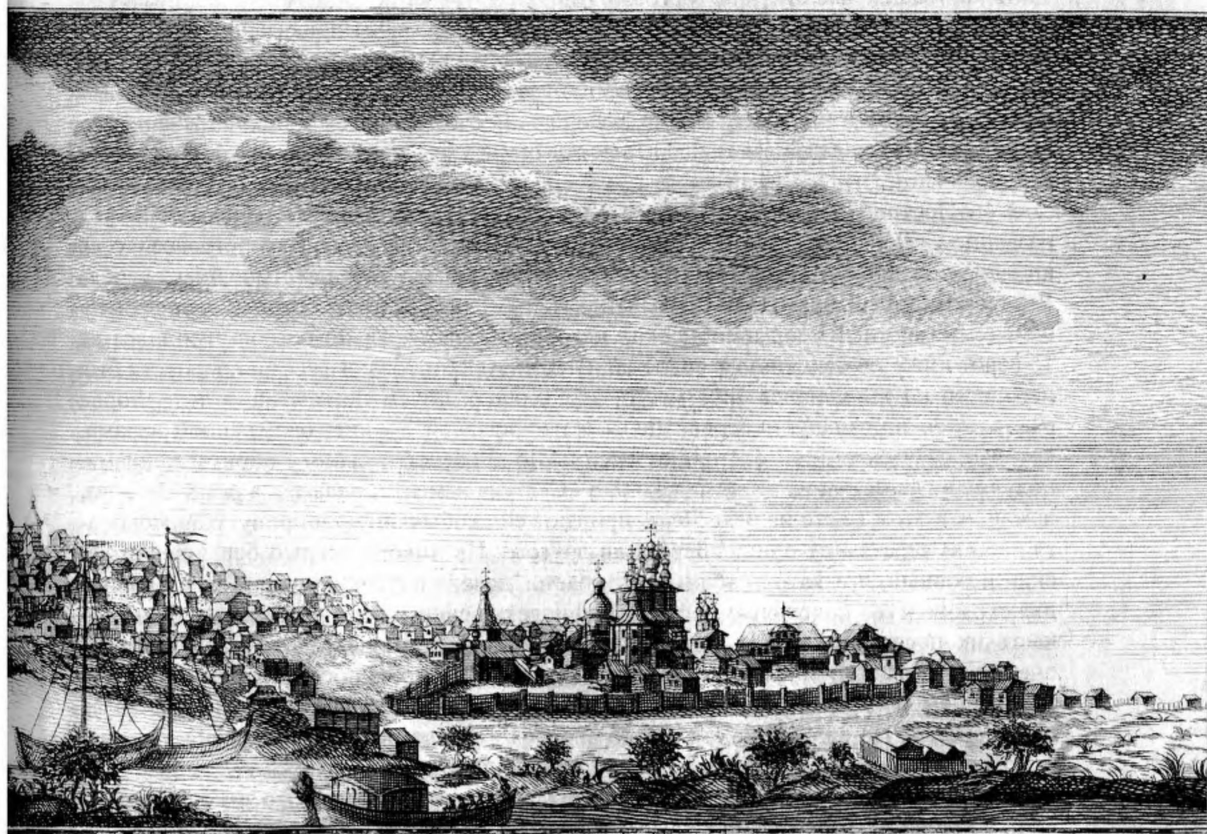
* § 44. Так как Бекетову все равно приходилось зимовать в этом остроге, у него было достаточно времени и возможности, чтобы приготовиться к следующему походу, который он предпринял весной 7140 (1632) г. вниз по реке Лене до тех мест, где

[34] См. выше, § 38.


Видъ города Якуцка.

жил многочисленный народ якуты. Бекетов прошел до самой середины их страны, где население было особенно густым. Как это уже известно из многочисленных прежних примеров, первым делом в подобных случаях была всегда постройка острога. То же самое было приказано сделать Бекетову. Он выполнил это поручение[35] с таким небольшим числом людей, что одинаково кажется невероятным, как русские на это отважились и почему якуты остались при этом спокойными. Во всяком случае, последние были либо приучены уже к покорности многочисленными промышленными и отдельными служилыми людьми, которые бывали у них, либо же не верили, что такое небольшое число служилых людей может причинить им какой-нибудь вред и что им необходимо сопротивляться.

[35] Прилож. № 28.



* § 45. Чрез посредство русских якуты получали много товаров, без которых, как они считали, не могли обойтись. Среди них, несомненно, важнейшим было все то, что относилось к одежде, т.е. разные сукна и украшения, а также медные котлы, цена которых вначале определялась количеством соболей, которых в них можно было наложить. До своего знакомства с русскими якуты варили себе пищу в глиняной посуде. Они изготовляли посуду сами, но не умели делать ее достаточно прочной и поэтому должны были часто заниматься этой скучной работой, от которой их освобождали теперь эти бесценные медные котлы. Они не знали никакой другой одежды, кроме той, которую сами себе изготовляли из шкур диких и домашних животных. Украшения их состояли из пестрых пятен и полос, которые они делали на своих шубах, наносили их красной глиной на дубленую кожу. Им так нравились цветные сукна и стеклянные бусы, украшать себя которыми, подобно другим народам, они научились, что вскоре они не желали уже носить никаких иных украшений. Можно при-

знать как общее явление, что торговля этими и другими подобными товарами, а также подарки, состоявшие из тех же вещей, которые русским приказано было дарить вновь открытым народам, много способствовали их покорению. Однако этого совершенно нельзя было ожидать от якутов, так как по своим духовным и телесным данным, а равно и по образу жизни, совершенно отличному от бродячей жизни тунгусов, они, как калмыки и монголы, могли бы оказать русским достаточно сильное сопротивление.

§ 46. Построенный сотником Бекетовым острог был известен в первые годы под названием «Ленского острога». Но так как по Лене было несколько острогов, то со временем он получил название «Якутского». Это и было началом нынешнего города Якутска, который благодаря своим открытиям и завоеваниям оставил в последующем очень важный след в сибирской истории. Первоначально острог находился на 15 верст ниже по течению от современного Якутска и только десять лет спустя был перенесен на теперешнее свое место, что, однако, ничем не изменило дела. Город расположен на западном берегу Лены в полукруглой долине, окруженной горами, которые со всех сторон отстоят от него на 15–20 верст и своими обоими концами, получившими названия «Кангалаской» и «Сергуев камень», вдаются в реку. Острова, лежащие в этом месте на реке Лене, придают ей необычайную ширину, равняющуюся восьми верстам от одного берега до другого. Противоположный берег реки плоский и ровный, и в этом виде он простирается далеко внутрь страны. Такое удобное для скотоводства положение местности привлекло сюда якутов и заставило большую часть их поселиться здесь. Следовательно, местоположение города надо признать очень выгодным. Вначале, до возникновения там русских поселений, большим затруднением являлась дальность расстояния: от Усть-Кутского острога оно равнялось 1763 верстам. Но это неудобство было впоследствии до некоторой степени устранено, о чем в своем месте будет рассказано подробно.

§ 47. В это же время служилые люди из Мангазеи и Туруханского зимовья приходили по Нижней Тунгуске на реку Лену, причем некоторые из них получали помощь и защиту из Тобольска. Если они до некоторой степени способствовали общему делу, то все же необходимо признать, что несогласия и зависть между служилыми людьми разных городов, в то время как никто не хотел повиноваться или уступать, причинили немало зла. Под предлогом новых завоеваний каждый стремился захватить себе часть ленских богатств. Вследствие этого возникали местные войны, во время которых одни служилые люди ходили походами против других служилых людей. Якуты были приведены в недоумение и не знали, кого им следует слушаться, а притеснения с разных сторон и мест довели их до отчаяния, возбудили ненависть, упорство, строптивость и возмущения, тогда как прежде все требования встречали с их стороны дружелюбное и добровольное выполнение. В Мангазее рано начали предпринимать такие походы, и название «Лена», несомненно, стало известным там раньше, чем в Енисейске, чему причиной была близость Лены к верховьям Нижней Тунгуски.

* § 48. Покорение тунгусов на Нижней Тунгуске, рассказ о котором мы начали в другом месте[36], подвигалось довольно быстро, несмотря на то, что при этом приходилось преодолевать различные препятствия и переживать много бедствий, которые могли бы отпугнуть робких душою, но которые наших служилых людей еще более

[36] История Сибири, II, гл. 6, § 47.

воодушевляли не щадить ничего, что могло бы приблизить их к конечной цели. В 7128 (1620) г. на этой реке было уже три ясачных зимовья: Небуканское (Енканское), Усть-Турышское и Мезенское[37]. Год спустя[38] с Нижней Тунгуски были доставлены в Мангазею шесть «иноземцев», назвавших себя буляшами и говоривших, будто бы они пришли с Оленьей реки, впадающей «в Лин, в большую реку», по которой живет многочисленный народ; он занимается скотоводством, носит такое же платье, как и русские, живет в деревянных избах, похожих также на русские. С этим народом буляши, по их словам, вели торговлю. Это было первое известие о реке Лене и о якутах, оно на десять лет старше известия енисейских служилых людей[39], и хотя в нем не названы якуты, но все же в народе, упомянутом в описании, нетрудно признать якутов. О сходстве платья и изб якутов с русскими следует судить по понятиям буляшей, которые по своим нравам и обычаям, по всей вероятности, отличались от русских еще больше, чем якуты, и поэтому могли увидеть полное сходство там, где было только незначительное подобие. Для большей ясности может служить также то, что «Лин» есть название реки Лены у тунгусов. Следует думать также, что буляши, по всей вероятности, были отдельным тунгусским родом, а река Оленья была притоком реки Вилюя, куда в последующие годы направлялись из Мангазеи многие служилые люди.

§ 49. Нет надобности описывать те меры, которые в 7133 (1622) и 7134 (1623) гг. были приняты в Москве, в Тобольске и в Мангазее с целью наилучшим образом использовать приведенные известия. Так как успех их неизвестен, то рассказ об этих мерах был бы только новым примером того, о чем имеется много данных, а именно об общем рвении как можно больше расширить сибирские открытия. Вместо того я хочу привести здесь устный рассказ, известный очень многим в Туруханске и, по общему тамошнему мнению, заключающий известие о первой причине и начале последовавших открытий и завоеваний на Лене. Он гласит следующее.

* § 50. Пенда, или Пянда, промышленный человек из России, отправился в старые времена из Туруханска водою вверх по Нижней Тунгуске с собранными им из разных мест 40 людьми, желая открыть новые землицы. В первое лето он дошел до речки Нижней Кочомы, где тунгусы загородили реку, навалив на нее множество деревьев. Так как он не мог пройти дальше на своих судах, Пенда построил там зимовье, которое известно еще до сих пор под названием «Нижне-Пендинское зимовье». Зиму он провел за соболиной охотой, а когда тунгусы делали попытки напасть на него, он без труда прогонял их огненным боем. Следующей весною, когда полая вода снесла сделанную тунгусами преграду, он снова двинулся в путь на своих судах, но встретил такое сильное сопротивление, что это лето и всю следующую зиму ему пришлось провести по соседству с тамошними местами. Свидетельством этому якобы служит построенное им в расстоянии всего 100 верст от предыдущего, недалеко от устья речки Середней Кочомы, Верхне-Пендинское зимовье. Наконец, третий год был для него настолько благоприятным, что он достиг той части реки Тунгуски, где от нее шел небольшой волок на реку Лену, который назывался «Чечуйский волок», по реке Чечую, впадающей в Лену. Несмотря на это, Пенда не решался сразу же перейти волок, так как думал, что на Лене его караулят тунгусы, собравшиеся в большом числе.

[37] «Экстракт из ясачных книг города Мангазеи 7115–7152 гг.».
[38] Прилож. № 1.
[39] См. выше, § 35.

Действительно, он имел с ними несколько столкновений. Возможно, однако, что третье зимовье он построил на этом волоке для соболиного промысла и прожил в нем до открытия водного пути. В четвертый год он проехал по Лене до тех мест, где после был построен Якутск. Тою же осенью или же следующей весной он возвратился обратно и пошел затем вверх по Лене до реки Куленги, откуда степью перешел на реку Ангару и далее через Енисейск снова вернулся в Туруханск.

* § 51. Отнести этот рассказ к определенному времени помогут нам Мангазейские ясачные книги[40], в которых находим, что в 7132 (1624) г. на Нижней Тунгуске было Пендинское зимовье, где был взят ясак с тунгусов Оленьей реки. Так как названия обоих зимовий сохранились на самом деле, то тем менее у нас оснований сомневаться в рассказе об их возникновении. Конечно, я не хочу утверждать, что можно верить всем подробностям приведенного рассказа. Для этого нужно быть очень легковерным, потому что подобные рассказы, передаваемые из рода в род, очень часто изукрашены разными добавлениями. Чтобы судить о том, как далеко заходили русские в Нижнюю Тунгуску уже в 7132 г., следует обратить внимание на местоположение этих двух зимовий, которые были значительно ближе к Верхней Тунгуске, к ее нижнему течению, и поэтому некоторое время служили местом сбора ясака с тунгусов, живших на верховьях той реки. В 7133 (1625) г. в Мангазейских ясачных книгах упоминаются 94 человека шилягиров и 64 человека мучугиров, уплативших на Нижней Тунгуске в том же году свой первый ясак. Это те самые тунгусские роды, о которых сообщалось выше[41] в связи с их враждебным отношением к русским и другим тунгусам.

* § 52. О большом количестве промышленных людей, находившихся в то время в тамошних местах и помогавших их покорению, можно судить по одной отписке 7134 (1626) г. из Туруханска. В ней сообщали в Мангазею, что на Нижнюю Тунгуску отправились в этом году 28 каюков с 189 промышленными людьми и что 44 каюка с 312 людьми пошли на Подкаменную Тунгуску; причем промышленные люди более чем на 20 каюках, занятые рыбною ловлею неподалеку от устья реки Турухана, не сообщают еще, в которую из этих двух рек они собираются направиться. Промышленные люди защищали мангазейских служилых людей, которые не могли выступать против тунгусов большими отрядами, и даже помогали им сражаться, когда дело шло о спокойной и свободной соболиной ловле. Тунгусы, в свою очередь, побивали промышленных людей, когда имели за собой численное превосходство; особенно много убийств они совершали, когда на соболиной ловле русские расходились поодиночке по разным местам. Об этом промышленные люди подавали челобитные, которые доходили даже до Москвы, так как в Мангазее были не в силах помочь этому злу.

* § 53. Об этом говорится, например, в наказе 18 января 7135 (1627) г., данном отправлявшимся в этот день в Мангазею воеводам Тимофею Васильеву сыну Бобарыкину и Поликарпу Семенову сыну Полтеву. В нем между прочим сообщается о намечавшемся походе из Тобольска на Нижнюю Тунгуску против тунгусов, чтобы их смирить и привести под государеву царскую высокую руку, а промышленных людей оборонить от их нападений. Некоторые возвратившиеся из Сибири в Москву промышленные люди предложили, чтобы в походе приняли участие 60 служилых людей

---

[40] «Экстракт из ясачных книг города Мангазеи 7115–7152 гг.».

[41] См. выше, § 36, 37.

и 40 кодских остяков; они должны были направиться через Енисейск и на небольших каюках, какие употребляют промышленные люди, подняться вверх по Нижней Тунгуске, где предстояло оставаться в течение двух лет. Впрочем, вопрос о том, сколько и каких людей назначить, а также послать ли их через Мангазею или Енисейск, был оставлен в Москве на усмотрение тобольского воеводы князя Андрея Андреевича Хованского. Ему было также предложено для совета по этому делу привлечь людей, знакомых с местными условиями. Мангазейские воеводы получили наказ всячески помогать упомянутому походу и в случае надобности выслать против тунгусов тамошних служилых и яса́чных людей, сколько пригоже, чтобы тем временем достичь намеченной цели.

* § 54. Вследствие этого из Тобольска был отправлен на четырех кочах[42] через Тазовскую губу в Мангазею сын боярский Михайло Байкашин, а с ним 90 русских служилых людей и кодских остяков, к которым должны были присоединиться еще 10 человек. Однако коч, на котором плыл сам сын боярский, разбило дорогою в Тазовской губе, вследствие чего Байкашин с 14 людьми возвратился в Тобольск. Так как в Тобольске полагали, что остальные три коча все же достигнут Мангазеи, то следующей весною 7136 (1628) г. через Енисейск должен был выйти на Турухан другой сын боярский, Самсон Навацкий, с 13 людьми, чтобы стать во главе похода. Не имеется, однако, известий о том, что сделано Навацким, и кажется, что поход вовсе не состоялся или же кончился не так, как того хотели, потому что жалобы на враждебное отношение тунгусов продолжались и после того. В мангазейских ясачных книгах за 7139 г. упоминается столкновение между бывшими тогда на Нижней Тунгуске сборщиками ясака и шилягирскими тунгусами, в котором у последних было захвачено несколько бобров и медных котлов.

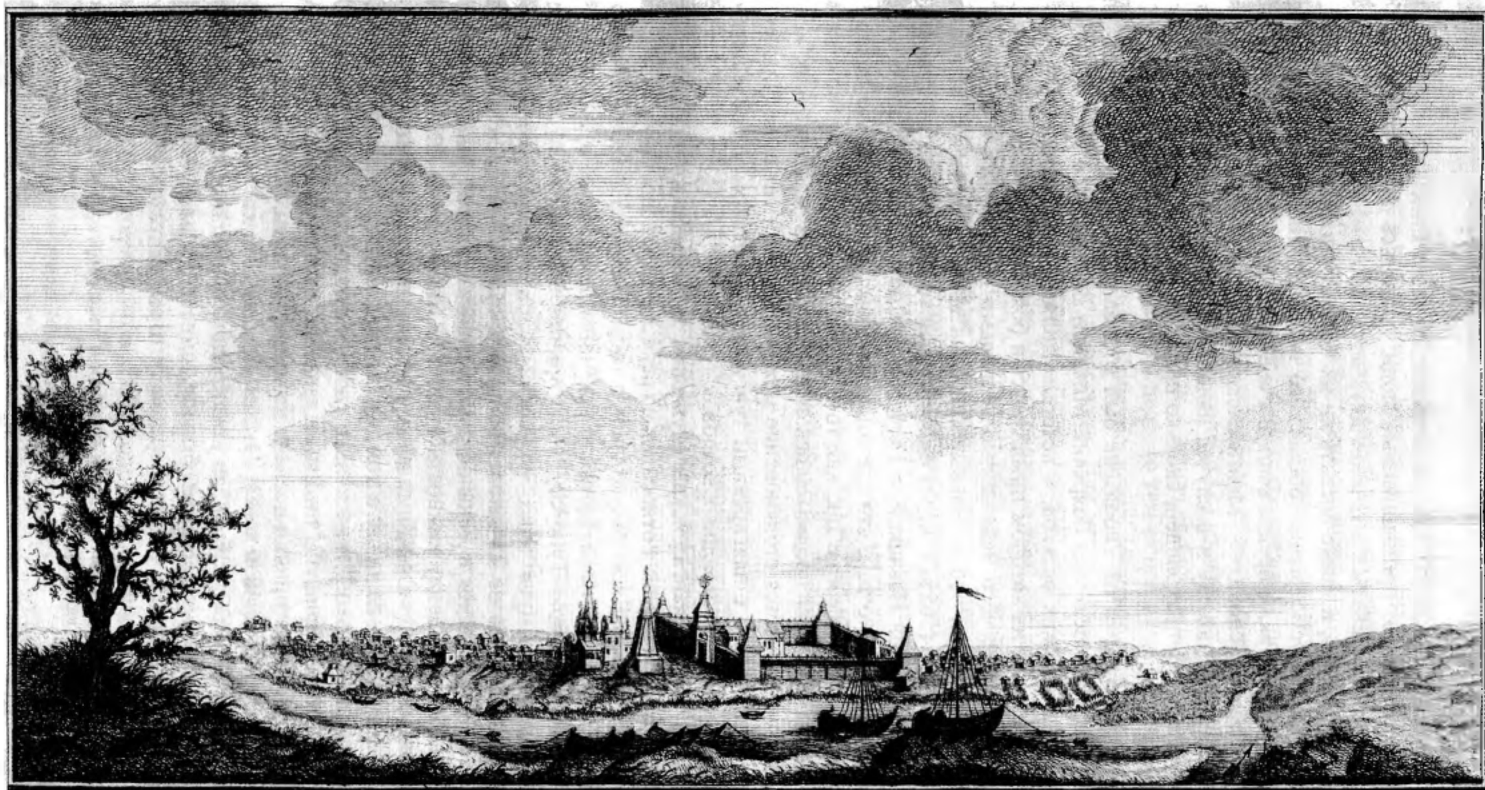
§ 55. Несмотря на это, мангазейским служилым людям все же удалось довольно рано осуществить свои намерения относительно реки Лены, так как уже в 7138 (1630) г. они объездили и объясачили всю реку Вилюй, а также посетили якутов на Лене и положили начало сбору с них ясака. Близость рек Чоны, впадающей в Вилюй, и Романихи, впадающей в Нижнюю Тунгуску, была причиной того, что путь по реке Вилюю стали предпочитать пути через Чечуйский волок[43]. Один отряд мангазейских служилых людей в количестве 30 человек во главе с Мартыном Васильевым возвратился в 7139 (1631) г. с Вилюя и Лены обратно в Мангазею с собранными там пятью сороками и 30 соболями; ввиду важности этого события Мартын Васильев и шесть его товарищей вместе с собранным ими ясаком были отправлены в Москву.

§ 56. Тогда еще ничего не знали о том, что́ тогда же было сделано на Лене енисейскими служилыми людьми[44] и насколько удобнее продолжать завоевания на Лене через Илимский волок. Напротив того, мангазейские служилые люди сами предложили в Москве, чтобы их вторично послали по прежнему пути, потребовав только из Тобольска подкрепления в 40 человек. Этими силами они хотели подчинить весь якутский народ. В 7140 (1632) г. был дан указ придать служилому человеку Мартыну Васильеву и шестерым его товарищам, бывшим вместе с ним в Москве, еще 40 человек, а именно: 20 из Тобольска, 10 из Березова и 10 из Мангазеи, выдать им денеж-

[42] <Коч — тип судна, пригодного для плавания по рекам и вдоль морского побережья. Об этом подробнее пишет Г.Ф.Миллер ниже, гл. 12, § 36.>

[43] См. выше, § 50.

[44] См. выше, § 40, 44.



Видъ города Мангазеи X Vüe de la Ville de MANGASEI.

ное и хлебное жалованье на три года вперед и отправить их через Мангазею и Туруханск на реку Лену. Однако вскоре после этого на Мартына Васильева и его товарищей поступили жалобы, что будто бы в прошлую поездку они более заботились о своей собственной пользе, чем об интересах казны, и привезли с собою для самих себя 306 соболей, не считая другой мягкой рухляди. Поэтому другим указом было запрещено посылать их на Лену, а тобольскому воеводе было предложено отправить туда кого-либо из тобольских детей боярских с 40 людьми, выдав им то же жалованье, что и Мартыну Васильеву, с тем чтобы они всячески старались продолжить начатые мангазейскими служилыми людьми завоевания на Лене.

* § 57. Между тем в 7140 (1632) г. из Мангазеи была произведена на реки Вилюй и Лену двойная посылка служилых людей[45]. Первая из них, кажется, не была доведена до конца, но при этом упоминается о ясачном зимовье на реке Вилюе, основателем которого, наверное, был упомянутый выше Мартын Васильев. Во главе второй стоял «иноземец» Степан Корытов, названный в другом месте[46] черкашенином, который вышел со своими служилыми людьми из Туруханска 13 июня 7140 г. На основании полученной от него в Мангазее отписки известно, что он следовал по открытому уже раньше пути по реке Чоне и имел несчастье весною 7141 г. при переходе через находящийся на этой реке порог потерпеть крушение, во время которого подмокли все хлебные запасы и весь порох, данный ему с собою. Но он все же сумел снять свое судно с камней, починить его и продолжал свой путь на Лену. 23 мая он отправил упомянутые отписки с Вилюя, откуда было уже недалеко до реки Варки (теперь — Марха).

§ 58. Под 7141 (1633) г. в мангазейских ясачных книгах отмечен сбор ясака мангазейскими служилыми людьми с ленских якутов и других народов; ясак состоял из 18 сороков и 13 соболей. Этот ясак был собран не Корытовым, а кем-либо из служилых людей, отставших от Мартына Васильева, так как кажется невероятным, чтобы Корытов мог отправить в Мангазею ясачную казну в том же самом году, когда он прибыл на Лену. Что случилось дальше с Корытовым и как по упомянутому указу из Москвы[47] был послан из Тобольска на Вилюй сын боярский, должно быть изложено в связи с историей Якутска и потому найдет свое место в следующей главе.

---

[45] Прилож. № 24, 25, 27.

[46] Прилож. № 37.

[47] См. выше, § 56.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ДРЕВНЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЯКУТСКА И ЯКУТСКОГО УЕЗДА. ОСНОВАНИЕ ЯСАЧНЫХ ЗИМОВИЙ И ОСТРОГОВ: ЖИГАНСКОГО, УСТЬ-КИРЕНГСКОГО, ОЛЕКМИНСКОГО, БУТАЛЬСКОГО И ДР. ОТКРЫТИЯ У ЛЕДОВИТОГО ОКЕАНА, ОХОТСКОГО МОРЯ И ПО РАЗНЫМ РЕКАМ

§ 1. После построения Якутска все заботы были направлены на то, чтобы объясачить тамошние народы и открытиями новых народов еще больше расширить пределы Российского государства. Как первоначально не встретилось никаких трудностей в отношении якутов, так и жившие в более отдаленных местах тунгусы проявляли одинаковую с ними уступчивость. В свою очередь, они распространяли среди других народов слух о непреодолимом могуществе русских, так что всюду, где только показывались русские служилые люди, хотя бы в самом небольшом числе, им редко кто осмеливался сопротивляться.

* § 2. С этой целью служилые люди были отправлены из Якутска прежде всего к тунгусам в низовьях реки Лены[1], из которых два рода, ижиганы и долганы, кочевавшие около устья речки Понгоры, уплатили 7 октября 7141 (1632) г. свой первый ясак. Слово «ижиганы», как называли сами себя эти тунгусы, объясняет нам наименование зимовья Жиганского; оно, вероятно, было построено именно тогда, так как это всегда было первой заботой служилых людей во вновь открытых местностях. Под 7143 (1635) г. мы находим точные известия об этом зимовье с упоминанием его названия. Из этого ясно, почему оно или вся тамошняя местность обычно назывались во множественном числе: «в Жиганах». Что же касается названия «долганы», то кажется, что его следует производить из русского языка и, возможно, оно было дано тунгусам этого рода первыми служилыми людьми или промышленными людьми из-за их отличного, большого роста.

§ 3. После этого весною 7141 (1633) г. несколько служилых людей во главе с Яковом Щербаком соединились, чтобы, поднявшись вверх по реке Вилюю на реку Варку (Марка), объясачить живших на этой реке тунгусов. Они настолько были уверены в успехе своего дела, что заранее обещали привезти от этих тунгусов два сорока соболей ясака. Они были посланы Петром Бекетовым, бывшим в то время в Якутске. Дойдя до устья реки Вилюя, они 4 июля повстречали Стефана Корытова[2], шедшего

---

[1] См. «Заметки».

[2] См. выше, гл. 11, § 57.

со своими мангазейскими служилыми людьми, который заставил Щербака с товарищами отказаться от своего намерения и присоединиться к нему. Корытов достигал этим троякой цели: он усиливал свой отряд, приобретал людей, знакомых с тамошней местностью, и не пускал на реку Вилюй якутских, или в то время еще енисейских, служилых людей, чтобы они не нарушали прав мангазейских служилых людей. Якутские служилые люди говорили, что Корытов завладел их судном и хотел оставить их на берегу; чтобы не помереть голодною смертью в пустынном месте, они были вынуждены подчиниться ему.

§ 4. Затем Корытов разделил свой отряд на две части. Одна во главе с казачьим десятником Надежей Сидоровым отправилась вниз по Лене в Жиганы, где около ясачного зимовья, чтобы подчинить тамошних тунгусов, и зазимовала. Другая часть во главе с самим Корытовым пошла вверх по Лене, свернула в Алдан и направилась к реке Амге, чтобы попытать счастья у якутов. О Надеже Сидорове ничего больше не известно. Около устья Алдана Корытов повстречал князца долганских тунгусов по имени Дикинчу, который уже уплатил в Якутске свой ясак за текущий год. Он вместе со своей семьей и с остальными находившимися при нем людьми добровольно пришел к судам мангазейских служилых людей и принужден был вторично уплатить ясак и, кроме того, оставить в залог своей верности в руках Корытова одного из своих сыновей, так как перед тем от него не были взяты аманаты.

§ 5. По прибытии на Амгу Корытов построил зимовье, в котором он мог бы продержаться зимою. Он это делал не даром. Он потребовал, чтобы якуты, уже приведенные в Якутске к шерти на верность и туда же уплатившие свой ясак, платили бы также ясак и ему. Однако якуты нашли, что это несправедливо. Пятерых служилых людей, посланных к ним Корытовым с таким требованием, они убили. Вслед за этим все якуты стали готовиться к восстанию, и, как это видно из якутских отписок, виною всему были мангазейские служилые люди, так как якутам было не под силу подчиняться двум господам, которые не только не имели согласия между собою, но один из которых стремился уничтожить приказы другого. Если бы Корытов стал со своей стороны оправдываться и защищаться, то, может быть, вина была бы приписана якутским служилым людям или их начальникам.

§ 6. Тем временем, в начале лета 7141 (1633) г. в Якутск на место Бекетова прибыл из Енисейска сын боярский Парфен Ходырев[3]. Он отправился из Енисейска еще годом раньше и зазимовал в устье реки Илима, чтобы собрать ясак в верховьях реки Лены и по реке Киренге, так как эти местности, так же как и его предшественнику, было приказано ведать ему. В 7141 г.[4] впервые упоминается ясачное зимовье в устье реки Киренги, построенное самим Ходыревым или по его приказанию. Впоследствии оно превратилось в Киренгский острог. В начале 7142 (осенью 1633) г. в Енисейск возвратился Бекетов. Уже в предыдущем году он послал вперед себя значительную ясачную казну[5], теперь он снова привез ясак, собранный им с якутов и тунгусов в течение последней зимы своего пребывания в Якутске, состоявший из 22 сороков соболей и 25 собольих шуб.

§ 7. Одновременно с Парфеном Ходыревым был послан также сын боярский Иван Кузьмин с особой партией служилых людей для разведывания реки Олекмы и объя-

---

[3] Прилож. № 31.

[4] См. «Заметки».

[5] Прилож. № 31.

сачения людей, которых он там найдет. В 7142 (1634) г. в устье этой реки он основал зимовье, в котором и жил, собирая ясак с тамошних тунгусов и десятину с соболиных промышленников, что вызвало многочисленные жалобы на него со стороны якутских приказных. В самом деле, это было вмешательство в присуд Якутского острога, в который эти тунгусы вносили свой ясак. Точно так же и право на сбор соболиной десятины на реке Лене было предоставлено только якутским приказным. Согласно данному ему наказу, Кузьмин во время своего похода вверх по реке Олекме должен был отыскивать новые землицы и народы. Однако из личных удобств и по своеволию он этого не стал делать. Место, где он находился, лежало в низовьях Олекмы; от бывшего в нем когда-то прежде богатого соболиного лова оно сохранило и до настоящего времени название «Богатого Наволока». Каждый промышленник, приходивший туда часто в компании в 30, 40 и до 50 человек, получал там на свою долю за одну зиму до семи сороков соболей. В 7142 г. в устье реки Олекмы находились на соболиных промыслах 20 промышленников и в устье реки Нуи 13 человек; все они принадлежали к одной компании, и каждый из них получал на свою долю по три с половиной сорока соболей.

§ 8. Ввиду этих богатств, на которые во всяком случае можно было содержать не только одного приказного, и особенно вследствие все увеличивающегося числа ясачных народов, в 7141 (1633) г. по приказанию енисейского воеводы весь край от реки Витима до Олекмы был выделен из подчинения Якутскому острогу. С этого времени на Лену стали посылать ежегодно два отряда служилых людей, причем верховья этой реки, от устья реки Киренги, оставались в ведении Якутска. Приказными людьми здесь были[6] атаман Иван Галкин, пришедший в Якутск на смену сыну боярскому Ходырёву, и десятник Семен Родюков[7], поставленный над землями по рекам Олекме и Витиму. Вышедший из Енисейска 12 июня 7131 г. с 30 людьми, Галкин не пожелал зимовать в Усть-Идирме или в Илимском остроге. Он оставил там половину своих служилых людей, которым поручил собрать ясак на верховье Лены и раннею весною следовать за ним в Якутск. Сам же он с остальными людьми поспешил к месту своего назначения, куда и прибыл, несмотря на очень позднее время, еще водным путем.

§ 9. Год спустя на место атамана Галкина прибыл в Якутск казачий или стрелецкий голова Богдан Байкашин, имя которого писалось также Балкашин и Болкашин, а Петр Бекетов, пробывший в Енисейске всего лишь одну зиму, сменил в устье Олекмы десятника Родюкова[8]. Во вверенной ему местности Бекетову было поручено основать на Витиме или на Олекме новый острог. Он избрал для него место на берегу реки Лены, от устья реки Олекмы в 14 верстах вверх по течению, и в 7143 (1635) г. построил там острог. Бекетов доносил, что острог начали строить в устье Олекмы, но это не следует понимать буквально, так как нет никаких известий о том, что этот острог в устье Олекмы когда-либо был перенесен в другое место; в пустынных же местностях расстоянию в 10–15 верст не придается никакого значения. Поэтому острог был назван по реке Олекме «Олекминским» и в первое время писался часто также и «Олеконский», так как тунгусы и якуты называют эту реку «Олокно».

[6] Прилож. № 33.
[7] Прилож. № 44, 45.
[8] Прилож. № 44, 45.

§ 10. Бекетов жаловался на своего предшественника[9], обвинял его в том, что он отпустил на свободу тунгусских аманатов и тем вызвал среди тунгусов восстание, во время которого было побито много промышленных людей и разорено зимовье, находившееся там, где ныне стоит Паледуйская слобода. Весьма вероятно, что измена якутов, весть о которой, должно быть, быстро дошла до тунгусов, также способствовала этому восстанию. Впрочем, в этих же самых жалобах находится и немало доказательств того, что восстать тунгусов заставили притеснения, чинившиеся им. Имеется известие, что Бекетов сам захватил среди олекминских тунгусов одного из могущественнейших князцов на Лене по имени Якона, у которого было много людей. Существовала вполне твердая уверенность в том, что благодаря этому захвату тунгусы скоро снова подчинятся русским, что и произошло на самом деле.

* § 11. Примечательно, что в это время около Олекминского острога, на Вилюе, и по нижнему течению Лены еще не было якутов[10], они занимали тогда только местность около Якутска и далее к востоку от него до реки Амги, впадающей в Алдан. Расселение же их по другим местам, где они живут и в настоящее время, было вызвано лишь последующими восстаниями, так как таким путем они надеялись избежать наказания, которого вследствие своей непокорности они опасались. Можно даже сказать, что бегством и переменой места жительства они пытались совершенно уклониться от покорности русским, не задумываясь над тем, что не существует такого отдаленного угла Сибири, в котором они были бы в безопасности и где их не разыскали бы служилые люди и не привели снова в прежнюю зависимость. Поэтому здесь следует исправить приведенное в первой части этой «Истории»[11] собственно якутское предание о том, что их предки с самого начала поселились по Олекме. В отписках Бекетова, вообще говоря очень подробных, мы совершенно не находим упоминаний о якутах на Олекме. Мангазейские служилые люди не встречали их также на Вилюе. Но возможно, что они прежде всего пришли в обе эти местности, и то обстоятельство, что Олекминский острог в те времена зависел не от Якутска, могло сулить им некоторую защиту от их прежнего начальства. Кроме того, своим удобством для скотоводства Вилюй подобно их прежним кочевьям мог им понравиться. Однако следует выяснить при этом, каким образом народ, занимавшийся обычно скотоводством, мог оказаться в низовьях реки Лены, в Жиганах, и даже у самого устья этой и других рек, впадающих в Ледовитый океан. Это, конечно, могло произойти только вследствие крайней нужды и отчаяния. Первое восстание, о котором сейчас будет речь, служит доказательством того, что сделанное замечание не лишено основания.

§ 12. Это было зимою 7142 (с 1633 на 1634) г., когда, как сказано выше, мангазейские служилые люди во главе со Стефаном Корытовым находились у реки Амги и, как уже отмечено, заставили якутов взяться за оружие[12]. Правда, и в 7141 г. бывали примеры, когда якуты убивали в одном месте двух служилых и трех промышленных людей, а в другом — одного служилого человека и одного промышленного, а также пограбили служилых людей, посланных к ним для сбора ясака; однако на это не обращали внимания до тех пор, пока якуты в общем спокойно и покорно платили

[9] Прилож. № 44, 45.
[10] См. «Заметки».
[11] История Сибири, I, с. 180.
[12] Прилож. № 36.

ясак. К тому же легко могло быть, что и сами убитые и ограбленные навлекли на себя постигшую их беду. Но когда атаман Галкин в начале зимы 7142 г. послал в разные волости объявить о своем прибытии и напомнить якутам об уплате ясака, то все они вдруг отказались ему повиноваться. В то время в Якутске общее число русских служилых, торговых и промышленных людей было несколько сот. Парфен Ходырев со своими людьми также находился в Якутске. Были там и служилые люди из числа первых спутников Бекетова. Всякий, кто туда попадал, не желал оттуда уходить; тот же, кто бывал там прежде, желал снова туда возвратиться. Даже самый суровый край может сильно привлекать к себе людей, если они могут в нем оправдать свои расчеты или поправить свои обстоятельства. Торговые и промышленные люди боялись, однако, заниматься теперь торговлей или ловом соболей и были принуждены искать себе защиты в остроге.

§ 13. С таким количеством верных людей Галкин мог вполне решиться на водворение порядка среди изменников. Все находившиеся в Якутске, даже если по их обычным занятиям этого от них и не требовали, готовы были всеми своими средствами помочь ему восстановить спокойствие. К тому же можно было надеяться при этом кое-что и приобрести, потому что обычно в таких случаях в руки победителя попадала хорошая добыча. Обстоятельства вынуждали в то же время принять крайние меры, чтобы избежать недостатка в припасах, так как русские получали их обычно от якутов. С этой целью тою же зимою Галкин предпринял несколько походов в различные якутские волости и высылал иногда и более значительные партии, судьбы которых, так как военное счастье изменчиво, бывали различны. Эти походы были предприняты: 28 сентября, 11 октября, 10 ноября, 18 декабря, 5 января, 1 марта. Исходом первых четырех походов можно быть довольным, потому что русские одерживали в них верх и побежденные вынуждены были изъявить покорность, по крайней мере на некоторое время, прийти в острог и уплатить ясак. Пятый же поход, самый многочисленный из всех, во время которого в Якутске не оставалось почти никого, кто мог носить оружие, снова лишил почти всего, что было достигнуто в предыдущие походы.

§ 14. Было получено известие, что на другом берегу Лены у князца Мымака собралось свыше 600 человек (по некоторым известиям, 700, по другим — 800) якутов разных родов и волостей: кангаласцы, мегинцы, батулинцы, бетунцы и дубчинцы, которые намереваются напасть на русских в Якутском остроге и силою оружия или голодом принудить его к сдаче. Желая предупредить беду, Галкин 5 января со всеми людьми, каких он только мог собрать, хорошо вооруженными и на конях, выехал навстречу якутам к месту их собрания. Так как те были также наготове, то и произошло кровопролитное сражение. Численностью якуты превышали русских в три или четыре раза. Они были все на конях и имели кроме луков и стрел копья и пальмы. Якуты произвели на подходивших русских внезапное нападение, которого последние не ожидали. Несмотря на то что русское огнестрельное оружие сослужило хорошую службу — более 40 якутов были убиты на месте, большинство остальных оказалось тяжело раненными, а лошади под ними застреленными, — русские также не избежали вредного действия неприятельского оружия: двое служилых людей было убито, только немногие не получили по нескольку тяжелых ран, а сам Галкин был ранен в четырех местах; почти все потеряли своих коней. Русские были вынуждены отправиться в обратный путь в Якутск пешком, и якуты преследовали их до тех пор,

пока в восьми–девяти верстах не показался в виду острог; причем русским приходилось все время отражать нападения якутов.

§ 15. За этим последовало то, чего так опасались и что хотели предотвратить походом, — осада Якутского острога, начавшаяся 9 января и продолжавшаяся до конца февраля месяца. Якуты окружили со всех сторон острог и принесли к нему в большом количестве сено и бересту, посредством которых они хотели его зажечь. Частыми вылазками осажденные причиняли им, в свою очередь, значительные потери; и если некоторые русские были ранены, то все же никто из них не был убит, и они достигли того, что острог, состоявший из простого частокола, оставался невредимым. Худшим было то, что стал ощущаться недостаток в продовольственных припасах, отчего многие заболевали; и эта беда даже после ухода якутов не могла быть сразу же исправлена. Причины их ухода не указаны. Из этого ясно, что о состоянии русских якуты не имели точных сведений и потому потеряли надежду голодом принудить их к сдаче. Если бы якуты все же попытались это сделать, то дела в остроге приняли бы, пожалуй, плохой оборот, так как острог едва ли мог бы продержаться до лета, когда после прохода льда, и во всяком случае не раньше этого, можно было ожидать прибытия с верховьев Лены одновременно с новыми людьми также продовольственных припасов.

§ 16. Не успели якуты уйти, как уже 1 марта Галкин выслал в Бетунскую волость служилых людей под предлогом наказания одного тамошнего знатного якута, принимавшего участие как в бою на другом берегу Лены, так и в осаде Якутского острога. Можно предположить, что он это сделал более с целью добычи убойного скота, чем в надежде достичь у якутов какого-нибудь большого успеха. Выполнить это удалось, причем одновременно были получены вести о настроениях прочих якутов, многие из которых находились в страхе, что за их «воровство» они получат достойное наказание, а потому собирались бежать в разные отдаленные волости. Подобное намерение на самом деле было выгодным для русских, так как якуты, жившие до этого все вместе, таким образом рассеивались и становились не столь опасными. Но Галкин, обеспокоенный тем, что из-за этого уменьшится количество собираемого ясака, так как в незнакомых волостях было бы не так-то легко вновь разыскать людей, и, может быть, думая, что после ухода якутов Якутск будет с большим трудом снабжаться скотом, старался всеми силами отвратить якутов от этого решения. 9 марта с достаточным числом служилых людей Галкин отправился сам к одному якутскому князцу, уже приготовившемуся к отъезду, обещал ему и всем его людям милость и прощение, если только они успокоятся, не будут более проявлять враждебных действий и с неизменной покорностью станут уплачивать наложенный на них ясак. Плодом этого было то, что этот князец действительно остался на своем прежнем месте и снова стал уплачивать ясак; однако другие, вероятно не доверяя обещаниям Галкина, отъехали за окружающие Якутский уезд горы, по-видимому, к реке Вилюю, а Галкин со 150 людьми в продолжение семи дней не мог их настичь.

* § 17. Между тем большая часть якутов все же оставалась на своих прежних местах, несмотря на то что их не сразу могли привести к повиновению. До прихода русских над всеми якутами в некотором роде господствовали князцы Кангаласской волости, самым знатным из которых был Тынья, имевший несколько сыновей, из коих старшего звали Откураем. Он и еще один кангаласский князец по имени Бюк сопротивлялись сильнее всех. Они насмерть преследовали тех, кто платил ясак русским.

Если князцы, от которых были взяты аманаты, не могли не платить ясак, то они делали это из боязни, почти тайком и сами не осмеливались приходить в острог, а посылали ясак через своих холопов.

§ 18. На беду для русских, весною 7142 (1634) г. полая вода причинила Якутскому острогу, стоявшему тогда очень близко от реки, значительные повреждения, обвалив берег, который увлек с собою часть острожной стены, а также смыв несколько домов и амбаров. Галкин отправил по этому случаю настойчивую отписку, так как это произошло в очень тревожное время, когда мятежные якуты легко могли воспользоваться этим в своих целях. После этого было ясно, что на указанном месте острог не мог оставаться постоянно, но пока не было возможности предпринять что бы то ни было для переноса его в другое место. Пришлось заняться постройкой новой острожной стены и как-нибудь обходиться, пока благоприятный случай не позволит сделать что-либо другое. Именно в этом смысле, как мне кажется, следует понимать позднейшие известия о том, что Галкин построил острог[13]. В тех же известиях упоминается также острог, построенный Петром Бекетовым, но из тех же источников видно, что оба острога находились на одном и том же месте, будучи построены разными людьми и в разное время.

§ 19. Во время этих происшествий мангазейские служилые люди[14] спокойно сидели на реке Амге, и мы не находим известий о том, чтобы они чем-нибудь оказали содействие Якутскому острогу или постарались помочь подавить восстание якутов. Конечно, можно было думать, что после прохода льда они отправятся в обратный путь в Мангазею. Поэтому, чтобы ясак, собранный мангазейскими служилыми людьми с принадлежащих к Якутскому острогу народов, не попал вместо Якутска в Мангазею и чтобы не пропустить без уплаты десятины находившихся с ним промышленных людей, Галкин, как только вскрылась река, послал к устью Алдана служилых людей в количестве 29 человек, чтоб они дождались мангазейцев и привели их в Якутск. Однако Стефан Корытов, прибывший со своими спутниками туда 29 мая, вовсе не хотел подчиняться приказам из Якутского острога. Дело дошло до рукопашной схватки. Один якутский служилый человек оказался убитым, многие другие — ранеными. Корытов силою открыл себе дорогу и отправился вниз по Лене, не сворачивая на Вилюй, желая, по-видимому, разыскать своих остальных товарищей, зимовавших в Жиганах.

§ 20. Как только в Якутске была получена весть об этом, атаман Галкин с сыном боярским Ходыревым и 40 служилыми людьми отправился преследовать беглецов. Их нагнали в расстоянии одного днища ниже устья реки Вилюя. И здесь снова произошло сражение. Из отряда Галкина был убит один служилый человек, другому была прострелена рука. Корытов был принужден сдаться, после чего его повели в Якутск. Часть собранного им ясака[15] и находившиеся при нем аманаты были у него отобраны; 2 сорока и 19 соболей, полученных им от долганского князца Дикинчи, и 5 сороков, данных ему князцом Новеканом на реке Вилюе, были взяты у него по той причине, что оба князца уже раньше были объясачены из Якутска енисейскими служилыми людьми. Собранные же им на Вилюе с других, до того же объясаченных тунгусов 2 сорока и 10 соболей, а также и соболи, добытые промышленными людь-

[13] Прилож. № 74, 87.
[14] См. выше, § 5.
[15] Прилож. № 39.

ми, выменянные на товары или полученные в поминки, были ему оставлены, и сам он отправлен вместе с ними через Енисейск обратно в Мангазею.

§ 21. После стольких столкновений и ввиду того, что путь из Мангазеи на Вилюй и на Лену был значительно длиннее, чем путь из Енисейска через Илимск, казалось бы вполне естественным, что из Мангазеи вообще прекратятся какие бы то ни было посылки на Лену. Однако в то же время и позднее такие посылки предпринимались; возможно, что служилые люди сами, в интересах своей личной выгоды добивались их. Во исполнение упомянутого выше указа из Москвы[16], в 7141 (1633) г. из Тобольска был отправлен сын боярский Воин Шахов[17] и с ним 40 человек тобольских и березовских служилых людей для продолжения сделанных ранее на реках Чоне, Вилюе и Лене открытий и завоеваний. Одновременно с ними из Мангазеи на реку Вилюй вышла партия, во главе которой стоял Константин Чукомин; вслед за ней[18] в 7142 (1634) г. из Мангазеи была отправлена еще одна партия под предводительством черкашенина Остафья Колова. Последний перезимовал на Нижней Тунгуске, в зимовье, называемом «Батенево», где зимовал также сын боярский Воин Шахов, который решил идти через Мангазею и, следовательно, должен был тоже пройти по Нижней Тунгуске, чтобы выйти на реку Чоун.

* § 22. Тогда уже начался тот разлад между мангазейскими служилыми людьми и сыном боярским Шаховым, который со всею силою проявился, когда все они прибыли на Вилюй. Он произошел оттого, что Шахов стал себе требовать преимуществ, которых мангазейские служилые люди не хотели за ним признавать. На Вилюе у мангазейских служилых людей было зимовье Туканское, лежавшее при впадении реки Тукана. В нем они держали аманатов от трех тунгусских родов или волостей, вследствие чего последние туда доставляли обычно свой ясак. Здесь собиралась также десятина с собольих промышленников. Но Шахов считал себя вправе присвоить сбор ясака и десятины себе одному. Он остановился неподалеку от Туканского зимовья и стал требовать себе и принимать ясак от некоторых принадлежавших к зимовью тунгусов, отчего последние взялись за оружие и перебили всех русских, какие им повстречались. Это лишило Колова почти всех его людей. В 7143 и 7144 (1635 и 1636) гг. из Мангазеи были отправлены на Вилюй еще две партии, которые должны были сменить одна другую, так как на путь туда и обратно обычно затрачивалось три года. Во главе этих партий стояли Петр Переславцов и вторично черкашенин Стефан Корытов. Об их судьбе мы не имеем никаких известий; знаем только[19], что с реки Вилюя в 7144 (1636) г. в Мангазею было получено с промышленных людей 30 сороков соболей десятины. Кажется, что они были последними, которые были отправлены из Мангазеи на Лену. Что касается Воина Шахова, то он оставался все время на Вилюе и построил у устья этой реки новое зимовье, в котором находился до тех пор, пока в 7149 (1641) г. в Якутск не стали присылать воевод непосредственно из Москвы, которые и присоединили к своему уезду, как это и подобало, всю реку.

§ 23. 10 мая 7142 (1634) г. в Якутск прибыл пятидесятник Василий Колесников с десятью людьми и привез указ, касавшийся возвращения отставших от Бекетова и Ходырева служилых людей; причем ему были даны также 100 рублей денег и неко-

[16] См. выше, гл. 11, § 56.
[17] Прилож. № 34.
[18] Прилож. № 39.
[19] См. «Заметки».

торые излюбленные якутами товары, как-то: медные котлы и тазы, оловянные блюда и тарелки, олово в кусках и одекуй[20], на которые атаман Галкин должен был купить и выменять соболей. Здесь произошел новый случай, показавший, как неохотно енисейские служилые люди соглашались покидать Якутск и возвращаться обратно. Одни из них подали челобитные, чтобы их отпустили на реку Марху, впадающую в Вилюй, на которую Бекетовым была произведена первая, но неудачная посылка[21], и обещали доставить с тамошних тунгусов 2 сорока соболей ясака. Другие просили разрешить идти вверх по Алдану, обещая за это полтора сорока соболей. Наконец, третьи желали и дальше служить в Якутском остроге. Галкин удовлетворил все эти просьбы. Причины, побудившие его к этому, он объяснил в Енисейске тем, что Якутский острог вследствие продолжающейся для него опасности со стороны мятежных якутов не может быть оставлен без защиты, а наоборот, ввиду предстоящих многих и дальних открытий и завоеваний, скорее нуждается в увеличении, а не в уменьшении числа людей, что в самом деле было вполне основательно.

* § 24. Предложение некоторых служилых людей состояло в том, чтобы идти вниз по Лене до реки Ляпиты, на которой, по их словам, кроме тунгусов жили еще юкагиры, имя которых в то время было услышано впервые; никто из русских не бывал у юкагиров, они были очень многочисленны и кочевали со своими оленьими стадами. Галкин хотел отпустить также этих служилых людей. Но случившееся происшествие помешало этой отправке, к тому же она не имела бы большого значения, так как слух о юкагирах по реке Ляпите, впадающей в Лену с западной стороны, конечно, не имел никаких оснований. Они жили не ближе реки Яны, впадающей в Ледовитый океан, к востоку от Лены, но даже там юкагиры встречаются еще редко. Известие о том, что будто бы тунгусы кочуют вместе с якутами, противоречит к тому же действительности; впрочем, это могли быть кочевавшие по соседству с якутами ламуты, которые также говорят на тунгусском языке и получили свое название от тунгусского названия Охотского моря — «Лама»[22], по берегам которого они преимущественно кочуют.

* § 25. С покупкой соболей на деньги и привозные товары возникли сначала большие трудности, так как якуты по большей части все еще находились в неповиновении. Но со временем дело это устроилось, и от этой торговли были получены такие выгоды, которые по современным условиям кажутся едва ли вероятными, но вполне соответствовали тому времени.

Далее в тексте приводится начало приложения № 66 (записи за время с 11 июня 1634 г. по 30 января 1635 г.), к нему два примечания Миллера: о безмене[23] и гривенке[24].

* § 26. Выше было уже сказано[25], что атаман Галкин был заменен казачьим головою Богданом Байкашиным. Одновременно с этим[26] в 7143 (1635) г. в Якутск возвра-

[20] Одекуй — мелкий бисер.

[21] См. выше, § 3.

[22] См. гл. 11, § 43.

[23] Обычай счислять все по безменам принят в России, кажется, от татар. Может быть, русский безмен следует производить от татарского батмана, ибо, хотя один батман и весит полтора русских фунта, тогда как один безмен содержит два с половиной, однако это не мешает сходству, потому соотношение между русским и татарским весом в прежние времена могло отличаться от теперешнего.

[24] Гривенка — это, собственно, старинный русский фунт. Сколько весила малая гривенка, не совсем ясно; мне кажется, что равнялась полуфунту по нашему теперешнему весу.

[25] См. § 9.

[26] Прилож. № 57.

тились отпущенные Галкиным на Алдан служилые люди[27] во главе с Федором Чиркиным; они поставили небольшой острог в устье реки Камнуны, среди каталинских тунгусов, покорили их князца Даваню и взяли в аманаты его сына. Это было сделано десятью человеками. Они привезли с собой два сорока соболей ясаку. С тех пор в течение многих лет в устье Камнуны было ясачное зимовье. Тем не менее ныне в Якутске никто не знает, где находилось это зимовье, неизвестно даже, где следует искать реку Камнуну. Только тунгусы с реки Алдана объяснили, что по дороге в Якутск они обычно переправлялись через реку Камнуну, которую якуты называли «Ноторой». Следовательно, это зимовье стояло около впадения реки Ноторы, там, где ныне проходит почтовая дорога через Алдан на Охотск. Присоединив в последующие времена ясачных тунгусов этого зимовья к жившим выше по Алдану, это зимовье забросили и даже забыли его название. Так же малоизвестны каталинские тунгусы, если только в их названии не произошла ошибка и они на самом деле назывались не каталинскими, а буталинскими. О них в дальнейшем будет сообщено довольно много известий.

§ 27. Некоторые из упомянутых небольших отрядов служилых людей[28], например отряд Второго Гаврилова с его товарищами, прошли даже вверх по рекам Мае и Юдоме и, по их словам, собрали ясак с якутов, бурят, тунгусов и ламутов. Якуты и буряты названы здесь, вероятно, по недоразумению. О ламутах упоминалось уже выше[29], но здесь они названы впервые. Отправленные Галкиным на Вилюй служилые люди во главе с Посником Ивановым[30] имели не меньший успех. И хотя они не дошли до реки Мархи, а поворотили в реку Туну (собственно Тьюну), впадающую почти на 200 верст ниже Мархи, но и здесь они повстречали тунгусов, от которых взяли аманатов и два сорока и 11 соболей ясака, с которыми возвратились в Якутск. Наконец, упоминается еще о поступлении ясака в том же, 7143 г. от тунгусов с низовий реки Лены, с устья реки Вакалы[31], о которой ничего нельзя сказать, так как название ее с тех пор изгладилось из памяти людей.

* § 28. В конце 7143 г. на место Байкашина в Якутск вторично прибыл сын боярский Парфен Ходырев, а год спустя его опять сменил атаман Иван Галкин[32]. При первом из них снова восстали некоторые якутские князцы, причем были убиты пятидесятник Трофим Выродов с шестью людьми и один толмач. На обратном пути из Якутска на самого Ходырева напали кангаласские князцы Откурай и Богейко, и на этот раз тоже не обошлось без убийств и кровопролития. Оставшиеся верными русским якуты раскинули свои юрты неподалеку от Якутского острога. Однако это не помогло им уберечься от гнева кангаласцев. Откурай и Богейко собрали 400 человек, с которыми они выступили против этих якутов, и захватили в числе других жен, детей, слуг и весь скот у князца Логуя. Их жестокость дошла до того, что они не оставили в живых даже женщин и детей. Для наказания их Галкин отправил против кангаласцев служилых людей и верных ему якутов под начальством Никифора Галкина,

[27] См. Выше, § 23.
[28] См. «Заметки».
[29] См. выше, § 24.
[30] См. «Заметки».
[31] См. «Заметки».
[32] Прилож. № 56.

которые побили кангаласцев и вернули угнанный скот. Но вскоре же после этого Откурай снова собрал 600 человек, с которыми осадил русских в Якутске, и стал устрашающе приступать к острогу. Служилым людям приходилось очень трудно защищаться от врагов. Наконец, видя, что они не могут причинить городу вред, кангаласцы отошли с богатой добычей, захваченной ими у окрестных якутов.

* § 29. Кангаласцы и их союзники жили в своего рода острогах, состоявших из двойных деревянных стен, заполненных в промежутках землею и камнями, а снаружи, так как дело было зимою, обложенных снегом и облитых водою. На эти укрепления Галкин должен был произвести нападение, если он хотел смирить кангаласцев и принудить их к покорности. Он со всеми своими людьми, каких только мог собрать, отважно приступил к этому и по прошествии двух дней и двух ночей в беспрерывных приступах на третий день овладел наконец одним из якутских острожков. При этом было убито три служилых человека и ранено десять человек. Среди убитых находился один князец и около 50 других знатных якутов, не считая кыштымов и женщин. Когда весть об этом пришла к Откураю и к прочим кангаласцам, жившим в других, подобных этому острожках, то все они сдались, торжественно шертовали на верность, дали в Якутск аманатов и стали снова платить ясак, который в 7146 (1638) г. состоял из 58 сороков соболей и 53 собольих шуб, не считая других, малоценных мехов, тогда как за год до того приход ясака равнялся всего 24 сорокам соболей. Если к этому прибавить еще, что в том же году там было собрано десятинной пошлины соболями 30 сороков, а 28 сороков куплено на деньги или выменяно на товары, то это еще больше будет свидетельствовать о том, каким заманчивым был этот край и насколько полезным для блага государства было то, что не щадили трудов к все большему расширению тамошних открытий.

* § 30. В 7144 (1636) г.[33] енисейский служилый человек Илья Перфирьев спустился вниз по Лене и прошел морем до реки Яны; это была первая поездка морским путем, предпринятая из Якутска. Она, кажется, не принесла особенной пользы, так как для последующих посылок и открытий имела лишь то значение, что Перфирьев снабдил проводником десятника Елисея Юрьева Бузу, продолжавшего после него открытия на Ледовитом океане. Эта часть Ледовитого океана была известна только по рассказам тунгусов, почему получила тунгусское название «Лама». При пользовании старинными сибирскими архивными документами нужно быть осторожным, чтобы не принять одно море или озеро за другое, так как Ледовитый океан, Охотское море и озеро Байкал носили в то время одинаковое название.

* § 31. Дело с отправкой десятника Елисея Бузы обстояло следующим образом[34]: согласно данному ему из Енисейска наказу, он должен был отправиться на Лену, прибрать себе там охочих людей и обследовать реки, впадающие в Ледовитый океан, а в случае обнаружения им там людей обложить их ясаком. Во исполнение этого наказа летом 7144 (1636) г. Буза отправился из Енисейска и, перезимовав в Олекминском остроге, по первой свободной воде в 7145 (1637) г. вместе с десятью служилыми и 40 промышленными людьми двинулся к устью реки Лены, куда и прибыл через 14 дней. Здесь он встретил Илью Перфирьева, возвращавшегося с реки Яны, который

[33] См. «Заметки».
[34] Прилож. № 68.

дал ему проводника. Его первая поездка была к реке Оленеку, протекающему к западу от Лены, и с этою целью он вышел, вероятно, через западную протоку реки Лены, так как отписки указывают, что он провел только один день в пути между обеими реками.

* § 32. Об Оленеке, или, как тогда он назывался, Оленке, поступали уже и раньше вести[35] с волока между ним и рекой Вилюем, так как впадающие в Вилюй реки Туна и Марка берут свое начало там, откуда другие реки текут в Оленек; так что тунгусы обеих рек пользуются этим сообщением при переходах из одного края в другой. Промышленные люди всегда подмечали подобные пути. Они пошли по следам тунгусов, и уже в 7144 (1636) г. их было так много на Оленеке, что было признано необходимым послать туда из Якутска кого-нибудь для сбора с них десятинной пошлины. В 7145 (1637) г.[36] этим же путем от живших на верховьях Оленека тунгусов были взяты аманаты. Таким образом, одну и ту же реку одновременно сверху и снизу посетили разные служилые люди, не зная, может быть, друг о друге. Во всяком случае, нигде не находим известия, чтобы они встретились.

* § 33. Буза шел от устья Оленека вверх по реке, пока не повстречал тунгусов, от которых взял пять сороков соболей ясака. При этом в устье реки Пиридды (может быть, Пирикты) упоминается ясачное зимовье, которое, должно быть, он сам же построил. Говорят, что река Пирикта впадает в реку Оленек с востока, и от ее впадения идет волок к реке Лене, к Сиктаку, что ниже Жиганов, примерно на 100 верст. Мне рассказывали также, что в 200 верстах от устья с запада в Оленек впадает река Пыр, Пур, или Пурка. Может быть, все это только разные наименования одной и той же реки; что же касается указания местности, где она протекает, то и в том, и в другом случае могла произойти ошибка. Перезимовав еще до того как сошел снег, Буза возвратился через вышеупомянутый волок обратно на Лену, построил в устье реки Молоды, впадающей немного выше Сиктака, с западной стороны, два коча, на которых летом 7146 (1638) г. совершил свое второе путешествие.

* § 34. В десять дней они дошли до моря, а еще через пятеро суток при благоприятном ветре они достигли устья Яны. В старинных известиях эта река почти всегда называется «Янгой», а иногда «Югандой». По-видимому, таковым было тунгусское произношение этого названия, переделанное впоследствии в Яну. Затем в течение трех недель они шли вверх по реке, из чего можно заключить, что в нижнем течении этой реки в то время еще никого не было. Наконец, они повстречали якутов, с которых взяли ясаку два сорока и 27 соболей и четыре собольи шубы, одну чернобурую и 12 других лисиц. Так как ко времени прихода Бузы якуты занимали только верхнее течение Яны, то это показывает, что они лишь незадолго до того перешли на Яну.

* § 35. В следующем, 7147 (1639) г. Буза на четырех кочах, вновь построенных им на берегу Яны, совершил еще третье путешествие и, согласно его отписке, прошел по протоке этой реки, впадающей в морскую губу. Собственно говоря, это — большое озеро, соединенное устьем наподобие реки с Ледовитым океаном и принимающее с другой, противоположной стороны реку Чендон. В устье этой реки они встретили юкагирского шамана, который и провел Бузу с товарищами вверх по Чендону к юкагирским юртам. Здесь Буза нашел удобное место для постройки зимовья

[35] См. «Заметки».

[36] Прилож. № 69.

и оставался там некоторое время, объясачив юкагиров (без всякого сопротивления с их стороны). Этим кончаются наши известия о походах Бузы, несмотря на то что он только в 7150 (1642) г. возвратился в Якутск. Посланный им туда в 7148 (1640) г. с устья реки Чендона с собранной за это время ясачной казной служилый человек Прокофий Лазарев дошел до устья Ламы в десять дней, оттуда в две с половиной недели — в Жиганы. С ним возвратились четыре человека, а 17 человек остались с Бузой. Было бы, однако, слишком поспешным заключить из этого, что у Бузы за три года погибло более половины его людей, взятых им из Олекминского острога, так как следует помнить, что большая часть его спутников состояла из охочих и промышленных людей, которые могли не выдержать поход до конца.

* § 36. Одно обстоятельство этого похода Бузы заслуживает объяснения, потому что иначе может возникнуть сомнение в достоверности отписок, из которых заимствован предыдущий рассказ. Имею в виду известие о кочах, построенных Бузой неподалеку от Сиктака, на реках Молоде и Яне, в пустынных местах, где нельзя было достать никаких нужных для постройки и снаряжения судов материалов. Может быть, следует предположить, что необходимые для этого материалы Буза возил с собою, но это невероятно. Нельзя также и предположить, что в отписках была допущена явная неправда, которая не могла принести никакой пользы. Мне кажется, что это известие можно легко объяснить, если под кочами понимать не большие морские суда, какие обычно обозначаются этим словом[37], а лишь средней величины дощаники, или сколоченные из досок большие лодки, или же, наконец, парусные шняки, которые вполне пригодны для плавания по рекам и вдоль берегов Ледовитого океана, где между материком и постоянным льдом по большей части остается только узкий проход. Мы имеем несколько примеров того, что такие небольшие суда назывались также «кочами». В первое время из Енисейска ходили вверх по Тунгуске не иначе, как на кочах[38]. Воевода Яков Хрипунов взял для своего похода десять кочей[39], а Прокофий Лазарев возвратился в Жиганы на одном из кочей Бузы, которым управляли всего только пять человек. Не следует думать, что для постройки таких судов необходимо иметь железо; железные гвозди можно вполне заменить деревянными, а якорь можно сделать из дерева и прикрепить к нему большие камни. Ремни из оленьих шкур дают материал для снастей, а ровдуги, дубленые оленьи кожи, — для парусов. Известно, что голь на выдумки хитра. Мы знаем, что еще и в настоящее время в тамошних местах, вдоль берегов Ледовитого океана, ходят на судах, построенных и оснащенных таким образом.

§ 37. Ежегодно увеличивавшееся громадное пространство Якутского уезда и частые требования, поступавшие из Якутска в Енисейск и из Енисейска в Томск, о высылке в дальние волости все больше ратных людей, заставили томских воевод, бывших тогда главными начальниками в этой части Сибири, в 7144 (1636) г. послать туда атамана Дмитрия Копылова с 50 томскими служилыми людьми, но их поездка была отложена в 7142 (1634) г.[40]. Вместо того чтобы идти в поход против бурят, как это ему было приказано раньше, Копылов должен был теперь направиться

[37] История Сибири, I, с. 303.
[38] Прилож. № 3.
[39] См. гл. 11, § 16.
[40] См. гл. 11, § 25.

в Якутск[41]. Эта посылка, может быть, принесла бы больше пользы, если бы Копылову было приказано действовать совместно с приказными Якутского острога и ничего не начинать без их согласия или же если бы этим последним было приказано одобрять все начинания Копылова. Копылов получил особый наказ ехать для новых открытий на Лену и впадающие в нее реки. Ни одна из сторон не только не зависела от другой, но даже и не должна была знать, что делала, делает или собирается делать другая. Из этого не могло получиться ничего, кроме большого беспорядка.

* § 38. По прибытии на реку Лену в 7145 (1637) г. Копылов отправился дальше на реку Алдан, поднялся по ней и основал там зимовье или острожек, в котором остановился и из которого стал объясачивать окрестных тунгусов. Это зимовье было названо «Бутальским» — от родового названия тамошних тунгусов «буты». В Якутске до сих пор можно услышать это название. В последующее время под этим названием стали понимать также и тунгусов Усть-Камнунского зимовья[42]. До сих пор еще туда ежегодно посылаются ясачники для сбора ясака с бутальских тунгусов, которые возвращаются обратно со своим сбором. Тем не менее прошло уже немало лет с тех пор, как Бутальское зимовье больше не существует. Едва ли у кого-нибудь из якутских жителей сохранилось воспоминание о том, где зимовье находилось раньше. Чтобы объяснить все это и несколько пролить свет на описание тамошнего края, я хочу привлечь на помощь не только документы Якутского архива, но и сведения, полученные мною от самих бутальских тунгусов.

* § 39. В одном архивном документе говорится, что Копылов плыл вверх по Алдану семь недель. В другом сказано, что он остановился, проехав четыре дня вверх от Алданского, то есть Усть-Камнунского, зимовья. В третьем, наконец, указано пять дней пути. Тунгусы говорят, что первое Бутальское зимовье находилось при устье речки Джукдакан, впадающей с запада в Алдан. Если мы теперь будем считать расстояние от устья реки Камнуны, или Ноторы, до устья реки Маи равным двум дням пути, а это расстояние и в самом деле проходили в такой срок при походах в Охотск водным путем, то окажется, что от устья реки Маи до устья речки Джукдакан было немногим дальше. Тунгусы определяли это расстояние равным от 13 до 14 нюльге, а тунгусское нюльге содержит примерно три-четыре русских версты, и следовательно, все расстояние равняется одному днищу вверх по реке, то есть около 40 или 50 верст. Если же Копылов провел в пути по Алдану семь недель, прежде чем решился остановиться в укрепленном зимовье, то он, очевидно, либо очень медленно продвигался и подолгу останавливался, или же зашел дальше, но потом снова возвратился к месту зимовья, о чем, однако, ничего определенного сказать нельзя. Позднее это зимовье пришло от времени в разрушение. В нем не считали нужным держать служилых людей-годовальщиков, и только во время сбора ясака туда посылали несколько человек, которые останавливались то в одном, то в другом месте, где раньше были зимовья промышленных людей или тунгусские юрты. Таким образом, точное место, где находилось Бутальское зимовье, было забыто. Ныне бутальский князец ко времени сбора ясака прикочевывает в урочище Джапангда, представляющее собой луг с озером, расположенный в расстоянии одного нюльге вверх по речке Джукдакан, на западном берегу реки Алдана, куда собираются также и остальные

[41] Прилож. № 50.

[42] См. выше, § 26.

тунгусы из тамошних волостей, и юрта князца заменяет теперь прежнее Бутальское зимовье.

* § 40. Возможно, что при построении Бутальского зимовья якутскими служилыми людьми были объясачены не все якуты, жившие между Леной и Алданом, которые легко могли избежать их или укрыться от них. Следовательно, не лишено вероятности сообщение о том, что Копылов, по его словам, повстречал на Алдане якутов, которые жили еще в состоянии первобытной свободы; он имел полное основание обложить их ясаком в пользу своего зимовья. Но его нельзя оправдать в том, что он без ведома якутских приказных то же сделал в отношении тех якутов, которые, по их собственному признанию, уже раньше платили ясак в Якутск и сбежали во время тамошних волнений. Мы уже прежде видели примеры несогласий среди якутов. Известно также, что временами среди них господствовала жажда добычи, так что один род воевал с другим, чтобы обогатиться за его счет. Таким настроениям и намерениям следует, несомненно, приписать сообщение, сделанное некоторыми якутами атаману Копылову, о том, что в тех краях живут другие якуты, с которых в Якутске еще не взимался ясак; он, Копылов, может их также покорить себе, а они, советчики, готовы быть ему вожами и помощниками. В Якутске уверяли, что те самые якуты, из-за которых произошел последующий раздор, шум, уже давно были объясачены из Якутска.

* § 41. Таким образом, тот род, который тогда, так же как и ныне, назывался «зиланцами» или «Зиланскими улусами», Копылов решил вновь подчинить, не справившись предварительно, так ли действительно обстояло дело, как ему доносили. Было бы еще допустимо, если бы при этом он стал действовать ласкою, которую в таких случаях было приказано применять, но Копылов решил воспользоваться для этого силой. С этой целью были отправлены несколько служилых людей, которых сопровождало довольно много якутов. В это время в Якутске в третий раз был приказным сын боярский Парфен Ходырев, сменивший сотника Петра Бекетова, который в 7146 (1638) г. занял место атамана Ивана Галкина[43]. Ходырев предпринял поездку к якутам и как раз по реке Амге, когда в июне 7147 (1639) г. томские служилые люди отправились в поход из Бутальского зимовья. Он немедленно принял меры против них, что ему удалось в полной мере. Когда томские служилые люди, считая, что они удачно выполнили свою задачу, находились уже на обратном пути со значительной добычей, состоявшей из лошадей и рогатого скота, Ходырев неожиданно появился перед ними и потребовал от них отчета в совершенном беззаконии. Если уже предыдущее следует рассматривать как междоусобную борьбу одной партии служилых людей против другой, то теперь получилось нечто худшее. Дело дошло до сражения между обеими партиями, в котором томские служилые люди потерпели поражение и, что им было особенно больно, увидели себя ограбленными на 300 лошадей и 300 голов рогатого скота, составлявших награду за их труды. Ходырев никогда не пользовался хорошей славой в Якутске, и здесь он показал свою жестокость и корысть, приказав зарубить около тридцати якутов из числа сопровождавших томских служилых людей, взяв себе и своим служилым людям отбитый скот, который ему следовало возвратить прежним владельцам.

§ 42. Несмотря на такой печальный исход, Копылов в том же году отправил к якутам на Амгу еще одну партию, во главе которой поставил своего сына Никифо-

[43] Прилож. № 58.

ра. На этот раз дело окончилось лучше, так как в результате похода Копылов получил несколько сот голов скота. Но теперь не было никакого предлога, который мог бы придать этому походу законный характер. Можно было выставить, конечно, причиной его нужду, которая заставила Копылова искать добычи, так как шел уже третий год его пребывания в этом пустынном крае и в течение этого времени могли иссякнуть все привезенные из Томска запасы. Во всяком случае, это насилие вызвало против Копылова сильное недовольство и послужило основанием к обвинению его в том, что он больше заботился о своем собственном благе, а не о государевом деле.

* § 43. Напротив, к немалой его славе послужило то, что все в том же, 7147 (1639) г. он положил первое основание распространению русских пределов до самого Охотского моря, послав туда служилого человека Ивана Юрьева Москвитина с 20 товарищами и с присоединившимися к ним 11 красноярскими служилыми людьми[44]. Они, отправившись вверх по реке Мае на реки Улью и Охоту, захватили в аманаты знатнейшего тамошнего князца Ковыру и впервые собрали там ясак. Небесполезными оказались и вести, привезенные этими людьми после своего двухлетнего отсутствия. Желая дать сведения, которые могут быть использованы в будущем, они представили описание своего похода и тех рек, по которым они сами плыли или же о которых они получили какие-либо известия, а также описание живших по этим рекам тунгусов.

* § 44. По их словам, от Якутского острога можно за сутки дойти до Алдана и оттуда в пять недель до устья реки Маи. По ней до шести недель идти до реки Нюдмы и затем через шесть дней на стругах дойти до хребта, перевалив через который можно в полдня достичь Ламских вод, впадающих в Охотское море. Сходство названий рек Нюдмы и Юдомы может дать основание думать, что речь идет о реке, известной под последним названием, которой пользуются также в настоящее время для плавания к Охотскому морю и по которой доплывают до реки Ураки. Но этому предположению, однако, противоречит, с одной стороны, слишком большое расстояние по реке Мае, по которой нужно идти шесть недель, а с другой — слишком маленький волок к Ламским водам, проходимый в полдня. Но, кроме того, по Нюдме приходили не к Ураке, а к реке Улье. Из последующего видно, что Нюдма была рекой, впадающей в Маю выше, чем все остальные реки. Сходство же названий не может служить доказательством, что связано со столь многими противоречиями. Можно полагать, что различие в названиях Нюдмы и Юдомы существовало только в русском произношении и что у тунгусов обе реки назывались одинаково, потому что обе они сходны в том, что приводят к Ламским водам.

* § 45. Далее в том же известии находим следующее: хотя через полдня путь волоком приводит к истокам реки Ульи, но так как в этом месте река эта еще несудоходна, то нужно еще один день идти вдоль нее пешим путем до тех пор, пока с нею не соединится вторая рассоха. Здесь, собственно говоря, начинается река Улья. Пять дней надо спускаться на судах по этой реке до ее устья. Из рек, впадающих в Маю, упоминаются следующие: Чабча — без указания, с которой стороны она впадает в Маю; Юнома, называющаяся ныне «Юдома», впадает с левой стороны, если ехать вверх по Мае; Аим впадает справа; Маймакан и Уй — с той же стороны; Кутога — с левой стороны и, наконец, Нюдма — с правой стороны. Чтобы понять, как Нюдма,

[44] Прилож. № 59, 100.

впадая с правой стороны, все же служит путем к Ламским водам, нужно знать, что Мая, направляющаяся в своем нижнем течении с юга на север, вблизи от своих истоков имеет как раз обратное направление. Она начинается неподалеку от Юдомы, поблизости от большой Охотской дороги, и течет сначала к югу, но затем поворачивает к западу и далее изменяет свое направление к северу, по которому и течет до своего впадения. Поэтому, если Нюдма является самым верхним притоком и течет со стороны моря, совершенно необходимо, чтобы она впадала именно с правой стороны. По всем этим рекам жило в те времена бесчисленное количество тунгусов, упоминаемых в документе по своим родовым названиям, которые я, однако, опускаю, потому что большинство из них с тех пор вымерло, а прочие могут иметь некоторое значение только при сборе ясака.

* § 46. В устье реки Ульи томские служилые люди построили зимовье и объездили морской берег к северу и к югу от него. На основании собственных исследований, а отчасти по слухам они составили описание этого берега; согласно их отписке, к северу от реки Ульи в море впадают реки: Урака, Охота, Куктуй, Улбизан (Улбе), Инга (Ина) и Тон. На всех этих реках было очень много тунгусов, кочевавших там со своими оленями; но больше всего их было на Охоте, потому что она более других рек богата рыбой. В устье Охоты тунгусы жили из года в год, не кочуя. О тунгусах в верховьях Охоты отмечено, что они — народ боевой и воинственный. Можно думать, что это удержало служилых людей от захвата уже тогда этой действительно богатой реки. Они, по-видимому, проводили свое время в разъездах по разным местам, причем ездили более на север, чем на юг, так как известия о севере являются более полными и более достоверными, чем о юге. К югу от Ульи протекала, по их словам, река Тюкча, против устья которой, далеко в море, виднеется скалистый остров, где разного рода птицы высиживают свои яйца. Яйца этих птиц тунгусы во множестве употребляют в пищу. Единственные реки, открытые ими далее к югу, были: Алыима (вероятно, Алдама) и Уда (Уд).

* § 47. Об удских тунгусах служилые люди рассказывали, что их было около 300 человек и они вели меновую торговлю с другим народом, который жил оседло по рекам Чие (Дши, тунгусское название реки Зеи) и Сылкаре (Шилка) и занимался земледелием, обменивая у него на хлеб своих соболей. Река Чия, по их словам, впала в реку Сылкар, а последняя — в Амур, который течет в океан. Им говорили также, что по реке Омуте (может быть, Амгуни) живут тунгусы, ведущие торговлю с живущими около самого моря натканами, говорящими на своем особом языке. Тунгусы сбывают им своих соболей и получают за них серебро и большие медные чаши, в которых варят свою пищу, а также одекуи, шелковые и шерстяные ткани, которых натканы сами не имеют, а получают откуда-то из другого места. Те же удские тунгусы рассказывали, что есть, кроме того, река Амур, по которой живут люди, занимающиеся скотоводством и земледелием; они курят вино по русскому обычаю, в медных кубах с трубами, держат кур и свиней и привозят натканам по Амуру муку. Как ни хотелось томским служилым людям самим побывать на всех этих реках и посетить эти народы, для чего они уже и совсем собрались перейти с реки Уды на реку Зею, все же вследствие недостатка запасов и отказа тунгусов в вожах они были вынуждены возвратиться обратно. При выходе из Бутальского зимовья каждый служилый человек имел при себе не более двух пудов запасов: они думали, что в походе найдут себе достаточное пропитание в рыбе, которую море давало им всюду в большом изобилии.

* § 48. Пробыв в Бутальском зимовье до осени 7148 (1639) г., Копылов дождался наконец себе смены из Томска в лице сына боярского Остафья Михалевского. Они сообща составили опись, или так называемый росписной список, того, что один сдал, а другой принял, из которого можно видеть плохое состояние этого зимовья. Так, хотя зимовье и называлось острогом, в нем было всего лишь 23 человека, а хлебных запасов — не более четырех пудов муки. В следующем году Бутальское зимовье было присоединено к Якутскому уезду.

§ 49. Поход атамана Максима Перфирьева, отправленного в 7146 (1638) г. из Енисейска для открытий на реке Витиме[45], замечателен не столько полученной от него прибылью, сколько собранными им вестями. В первом году Перфирьев перезимовал в Олекминском остроге. Весною 7147 (1639) г. он отправился вверх по Витиму, имея при себе 36 человек, из коих только 13 человек были даны ему из Енисейска, остальные были промышленными людьми, присоединившимися к нему в дороге добровольно. Преодолев большой порог, уже не первый, встреченный им в пути, он счел необходимым остановиться на зиму в устье реки Кутомары (ныне — Кутомала) и поставить там зимовье. Еще в том же году он дошел оттуда до реки Маи, где повстречал тунгусов и взял в аманаты самого знатного из них. На следующее лето он пошел еще дальше вверх по Витиму и через восемь дней пришел к реке Зыпир, относительно которой от своего аманата он получил известие, что на ней живут тунгусы. Эта река известна теперь под названием Зипы; она вытекает из большого озера Баунта, где действительно находится главный стан тунгусов. Однако Перфирьев не дошел до него. После девятидневного пути по Зипе, или Зыпиру, Перфирьеву пришлось остановиться из-за встретившегося большого порога и недостатка запасов. Он был вынужден возвратиться обратно, не успев ничего сделать. За все время его пребывания на Витиме поступило ясаку только 74 соболя. Полученные им от тунгусов вести заключались в следующем.

* § 50. Тунгусы рассказывали ему о даурах — народе, который живет в верховьях реки Витима и оттуда далее по реке Шилке; он богат скотом, и многие дауры занимаются земледелием. Оружие их состоит из луков и стрел. Их жилища сделаны из бревен, которые, как Перфирьев представил это на основании рассказа, кладутся одно на другое и соединяются на углах. Перфирьев назвал их рублеными юртами. Дауры говорят на особом языке, не похожем на тунгусский и якутский язык. Все эти сведения, собранные из разных мест рассказа, вызывают у меня предположение, что Перфирьев должен был уже раньше иметь некоторые, хотя и недостаточные сведения о даурах, полученные им, может быть, от ангарских бурят, и поэтому-то в соответствии с полученными им уже раньше данными он так, а не иначе ставил свои вопросы и, согласно уже имеющимся представлениям, понял и записал ответы. Иначе было бы невозможно представить, каким образом тунгусы, которые, как это видно из их рассказов, довольно хорошо знали дауров, могли сообщить ему о них такие подробные сведения.

* § 51. Я исхожу из того, что в то время в степи в верховьях Витима, о котором идет здесь речь, жил тот же народ, который был обнаружен там при завоевании этой местности несколько лет спустя. Это были тунгусы, которые отличались от прочих тунгусов тем, что вместо северных оленей они имели лошадей и коров, от которых

[45] Прилож. № 106.

главным образом и кормились. Поэтому маловероятно, чтобы встреченные Перфирьевым тунгусы называли их «даурами», так как это название можно услышать только от бурят и монголов, которые употребляют его в том смысле, в каком оно встречается и здесь, а именно понимая под ним как степных тунгусов, так и собственно дауров с Амура. Тунгусы, которых встретил Перфирьев, должны были бы скорее употребить название «эвены», как все тунгусы называют не только самих себя, но и другие тунгусские роды, к которым принадлежат также дауры. К тому же русская форма названия — «Шилка» дает основание думать, что Перфирьев слышал уже не раз и прежде это название; в противном случае, если бы это название было сообщено ему впервые, можно предположить, что оно сохранило бы свою тунгусскую форму — «Силкар», «Силкир» или «Шилкир». Далее в описании даурских жилищ, кажется мне, имеется смешение их с деревянными зимними жилищами бурят, которые Перфирьев, может быть, имел при этом в виду; во всяком случае, его описание совершенно не подходит для юрт степных тунгусов, которые в этом отношении во всех подробностях похожи на монгольские и калмыцкие юрты. Наконец, что касается приведенного выше утверждения о различии языков, то, как это показывают составленные мною словари, различие это совершенно незаметно не только с языком степных тунгусов, но и с языком собственно дауров, так как либо дауры происходят от тунгусов, либо тунгусы — от дауров и большой разницы в их языке нет; даже маньчжурский язык, на котором говорят в Китае, имеет большую часть слов, общих с языком сибирских тунгусов. То, что следует в этом рассказе дальше, имеет, кажется, больше значения и достоверности, хотя и не следует принимать буквально все его подробности, на что я укажу в кратких примечаниях под текстом.

* § 52. Тунгусы говорили, что вверху Витима, в устье реки Карги[46], живет даурский князец Ботога, до которого от устья реки Кутомары вверх по реке водяным путем один месяц. Этот князец имеет много всякого скота, а кроме того, у него есть еще соболи, а также серебро и шелковые ткани, которые он покупает на реке Шилке у князца Ладкоя[47]. Далее вверх по реке Витиму, близ озера Яравна, жили такие же дауры, имевшие много скота. От князца Ботоги в три с половиной дня можно было волоком дойти до реки Шилки[48]. На всем ее протяжении до самого устья можно было встретить в большом количестве дауров, пахавших землю и сеявших, как и русские, разный хлеб[49]. В устье реки Уры[50] жил князец Ладкой; поблизости от его улуса копали в горе серебряную руду[51], которую даурские князцы переплавляли и обменивали на соболей. Этих соболей, в свою очередь, скупали у них китайцы и привозили

---

[46] Под этим названием можно было бы понимать реку Карангу, если бы только места по ней были степными и удобными для скотоводства. «Карга» является, конечно, опиской, и под этим названием следует понимать реку Конду, но в таком случае не следует понимать известие буквально, а отвести князцу Ботоге кочевье где-нибудь выше по этой же реке.

[47] Настоящее его имя было Лавкой, как это станет видно из исторического описания реки Амура.

[48] Здесь вместо Шилки следует понимать реку Ингоду, впадающую в Шилку.

[49] Тунгусы называют Шилкой также реку Амур, поскольку они ее знают. На ней-то, собственно говоря, и находились улусы дауров-землепашцев, а не на той реке, которая называется теперь «Шилкой». Еще менее занимались земледелием в нижнем течении Амура, ближе к устью.

[50] Это название ныне произносится «Урка». Это река, впадающая в Амур. Что же касается Лавкоя, то он жил несколько дальше вниз по Амуру, как об этом будет сказано в своем месте.

[51] Здесь, кажется, имеется в виду серебряная руда на реке Аргуне, хотя она и находилась в довольно большом расстоянии от улуса князца Лавкоя.

им взамен шелковые ткани и разные другие товары. На Шилке имелись также медные и свинцовые руды. От медных руд до устья реки надо было плыть еще пять или шесть дней, где река впадает в Великий океан, который они называли «Ламой». Там жили килорцы[52], которые вели торг с китайцами, приходившими к ним морем. В устье Шилки китайцы имели свои языческие храмы. Язык килорцев отличается от языков всех других народов. Ни китайцам, ни народам, жившим по реке Шилке или вдоль морского берега, не был известен огненный бой. Князь Ладкой и другие даурские князцы собирали много хлеба, а князец Ботога с реки Витима покупал его в обмен на соболей. Большинство жителей на Шилке занималось земледелием и от него кормилось, но воевать они не умели. С левой стороны в реку Шилку впадает река Гиль. По ней жили якуты и тунгусы. Тунгусы, встреченные Перфирьевым на реке Витиме, имели на своих шашках и на своем платье серебряные круги и пуговицы. Перфирьев приводил это между прочим в доказательство обоснованности своих вестей.

§ 53. Изложив кратко то, что стало известно тогда об этом крае, мы отложим до последующего рассказа полное и всестороннее описание всех открытий, сделанных там. Следить же за постепенным развитием человеческого знания бывает всегда приятно и полезно. Для начала по тамошним местам нельзя было требовать больших сведений, но имелось достаточно оснований, чтобы посредством новых посылок собрать более подробные данные о том крае. В то время, когда русские распространялись на юг, они не забывали также северные части Якутского уезда, куда в 7146 (1638) г. был совершен следующий поход.

* § 54. Во главе был поставлен енисейский служилый человек Посник Иванов[53], который вместе с 30 другими служилыми людьми, отпущенными по их челобитью из Якутска, отправился через горы сухим путем на реку Яну, чтобы объясачить все народы, которые им пришлось бы встретить. По этому пути не ходил еще никто из русских. Якуты жили уже тогда в верховьях реки Яны[54], и следовательно, этот путь был им известен, почему от них и могли быть взяты проводники. 25 апреля 7146 г. они двинулись в путь из Якутска на конях. Четыре недели спустя, перейдя горный хребет, служащий водоразделом между Алданом и Яной, они достигли реки Яны около ее истоков; следуя некоторое время вниз по этой реке, служилые люди прибыли к якутам, жившим по самой реке Яне и по реке Олье. Около истоков Яны находились также ламуты, а ниже по Яне они встречали и тунгусов, к которым на этот раз решили, однако, не ехать. Все внимание было обращено тогда на якутов, которые без всякого сопротивления подчинились русским при их приходе и принесли шесть сороков соболей ясака. При этом ничего не говорится о построении на Яне острога или ясачного зимовья; нет также упоминаний о встрече с Елисеем Бузой или о каких-либо вестях про него. Так как якуты оказались народом мирным и служилые люди могли спокойно расположиться в якутских юртах, то Посник Иванов счел, вероятно, излишней постройку зимовья. Здесь служилые люди перезимовали, когда получили известие о реке Индигирке, на которой в те времена кочевали одни юкагиры, хотя и в значительно большем количестве, чем в настоящее время. Поэтому на следующее лето Посник Иванов с 27 людьми отправился в путь, и четыре случайно встреченных им юкагира должны были указывать им путь.

---

[52] Настоящее название народа, живущего около устья реки Амура.
[53] Прилож. № 146.
[54] См. выше, § 34.

* § 55. Идти надо было вверх по речке Толстаку. На этот путь было затрачено четыре недели. Однако в источнике ничего не говорится о том, в каком месте русские вышли на Индигирку, где были встречены юкагирами, которые вышли к ним в большом количестве в надежде прогнать их обратно или по крайней мере не пустить в свою землю. Но как ни трудно было русским вначале, однако в конце концов юкагиры были вынуждены уступить. Во время боя было замечено, что юкагиры направляли свое оружие главным образом на лошадей служилых людей, которые были для них совершенно неизвестными животными, от которых они, кажется, ожидали больших бед, чем от самих служилых людей. В бою погибло поэтому много лошадей, но ни один из служилых людей. Юкагиры же, напротив, потерпели большое поражение, а два их лучших человека попали в плен и были сделаны аманатами, после чего русские, не встречая дальнейшего сопротивления, построили на Индигирке зимовье.

* § 56. Вскоре после этого, 16 августа 7147 (1639) г., юкагиры снова возвратились и произвели на русских сильное нападение. В течение целого дня пришлось беспрестанно обороняться от них. Непрерывные потери, которые юкагиры несли, и взятие в плен их лучшего князца и шамана, попавшегося в руки к русским, вынудили их наконец отступить. Вследствие этого русские решились сами пойти в поход против юкагиров. Они быстро построили струги и 13 сентября 7148 (1639) г. пустились в путь вверх по Индигирке. Этот поход дал первый ясак с юкагиров, состоявший из четырех сороков соболей. С ним Посник Иванов возвратился в Якутск, оставив 16 человек служилых людей на Индигирке и трех человек — на Яне, которые должны были, каждый в своем месте, до прихода к ним смены из Якутска удерживать юкагиров в обещанном ими повиновении.

* § 57. На этом дело не кончилось. Оставшиеся на Индигирке 16 человек во главе с Иваном Родионовым Ерастовым распространили в 7148 (1640) г. свое влияние еще дальше. Они захватили в аманаты лучшего юкагирского князца с низовья Индигирки, Уянду, после чего его люди сразу же принесли пять сороков соболей ясаку. По имени этого князца названа река Уяндина, впадающая с западной стороны в Индигирку. Два года спустя на Индигирке упоминаются два ясачных зимовья — Верхнее и Нижнее, из коих первое, кажется, построено раньше; второе же, по всей вероятности, возникло после описанных событий, когда был захвачен Уянда, так как оно находится в местах его кочевьев, на правом берегу реки Уяндины, неподалеку от ее устья, и носит также по его имени название «Уяндинского» или «Уяндина».

* § 58. Когда собранный в Уяндине ясак уже был отослан Ерастовым в Якутск, оттуда пришли к нему на помощь служилые люди. В 7149 (1641) г. они отправились еще дальше вниз по реке Индигирке и имели кровопролитный, но удачный бой с юкагирами, во время которого был взят в плен князец Бурулга. Благодаря этому служилые люди получили в обладание всю реку Индигирку до самого ее впадения в Ледовитый океан. Память об этом князце сохранилась до сих пор в названии Бурулгина зимовья: вероятно, он кочевал в том месте, где ныне находится это зимовье. Оно стоит, как известно, там, где Индигирка начинает делиться на несколько протоков, из которых каждый в отдельности впадает в Ледовитый океан. Еще большую пользу служилым людям принес Бурулга своими рассказами, указав им путь для дальнейших открытий по направлению к востоку. Он сообщил им, что на реке Алазее жили также юкагиры и что к ней ведет удобный водный путь вдоль берегов Ледовитого океана. То, что последовало за тем, будет описано в своем месте. Теперь же необхо-

димо упомянуть еще об одном открытии, относящемся, собственно говоря, к естественной истории Сибири, но о коем тем не менее следует вспомнить здесь. Если бы не помешали другие обстоятельства, которые указали для этого более близкий или более удобный путь, то это открытие, о котором будет речь, обеспечило бы Якутский уезд солью.

§ 59. В 7147 (1639) г. из Тобольска был послан указ на реку Вилюй сыну боярскому Воину Шахову проведать как можно лучше об имеющихся в этих местах соляных ключах, что последний поручил сделать промышленным людям, в то время еще часто бывавшим на Вилюе. В следующем же году он получил 100 пудов самосадочной соли. Эта соль происходила из соляного источника около речки Кептендей, впадающей в Вилюй с южной стороны, куда вела также не очень дальняя дорога по реке Ламане, впадающей в Лену пониже Олекминского острога. Если приходится удивляться образованию соли в южных степях России и Сибири, где в летнее время это происходит в озерах от солнечного жара, то насколько более заслуживает удивления соляной источник в этой холодной местности, где благодаря действию воздуха из выступающего рассола сразу же испаряется влага, и сухая соль остается на земле, образуя, если ее не убирать, высокие кучи и холмы. И чем больше брать эту соль, тем быстрее она вновь нарастает почти таким же образом, как у встречающихся иногда источников, где при замерзании вода пробивается сквозь лед, образуя так называемый «налипной лед». Недалеко от этого соляного источника находится целая гора отличной чистой каменной соли, а в 100 верстах ближе в сторону Якутска, около впадающей в Вилюй реки Тонги, находится озеро, содержащее тоже хороший рассол. Это служит доказательством, насколько тамошняя почва должна быть богата солью.

* § 60. Можно было бы думать, что это открытие послужило Якутскому уезду на большую пользу. Однако мы не находим никаких свидетельств об использовании этого открытия в течение целого ряда лет. В это же самое время была устроена варница в Усть-Кутском остроге. Она вполне могла снабжать солью Якутск. Ее устроил в 7147 (1639) г.[55] промышленный человек, сольвычегодец Ерофей Хабаров. Он же впервые начал пахать пашню в устье реки Киренги, после того как устроил тоже впервые пашню в устье реки Тига, в том месте, где ныне находится Назимовский погост. Человек, принесший столько пользы, заслуживает, чтобы имя его было увековечено. Еще большими были его заслуги во время последовавших завоеваний на реке Амуре, о чем будет сказано в своем месте. Усть-Кутскую варницу в 7140 г. отобрал у него в казну первый якутский воевода, посланный из Москвы.

§ 61. Последним приказным, присланным в Якутск из Енисейска, был атаман Осип Галкин, сменивший в мае 7148 (1640) г. сына боярского Парфена Ходырева. В свою очередь, его сменили два, присланные из Москвы воеводы: стольник Петр Петров сын Головин, и Матвей Богданов сын Глебов — и дьяк Евфимий Филатов. С этими воеводами в Якутской истории начинается нечто новое, о чем в дальнейшем будет рассказано.

[55] Прилож. № 93; см. также «Заметки».

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

НЕСЧАСТЬЯ И ПЕРЕМЕНЫ В РАНЕЕ ОСНОВАННЫХ ГОРОДАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ. ОСНОВАНИЕ НОВЫХ ОСТРОГОВ, СЛОБОД, ЦЕРКВЕЙ И МОНАСТЫРЕЙ. ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ ТОБОЛЬСКОЙ АРХИЕПИСКОПСКОЙ КАФЕДРЫ. НАЧАЛО СИБИРСКОГО ПРИКАЗА В МОСКВЕ И КАК ДО ТОГО УПРАВЛЯЛАСЬ СИБИРЬ

* § 1. Возвращаясь снова к Западной Сибири, я буду говорить прежде всего о постигших ее несчастиях. В 7141 (1633) г. в Туринском уезде свирепствовало моровое поветрие, по внешним признакам оно было похоже на чуму и стоило жизни многим людям. Одновременно случился также конский падеж. Как только в Тобольске была получена об этом весть, немедленно же во избежание распространения заразы было сделано распоряжение об устройстве в Усть-Ницынской слободе заставы, чтобы прекратить всякое сообщение между Туринским острогом и Тюменью. Позднее в Туринске почти ежегодно бывали падежи скота, и особенно сильный в 7149 г., когда там пали все лошади. В этом же году был конский падеж в Енисейске вместе с повсеместным неурожаем хлебов. В 7150 (1642) г.[1] отмечается большая смертность среди самоедов Мангазейского уезда, а в 7153 (1645) г. в Илимском уезде погибло много тунгусов от оспы.

* § 2. Из пожаров, бывших в сибирских городах, отметим следующие: в ночь со 2 на 3 декабря 1639 г. в Верхотурье сгорела таможенная изба[2]; ночью же 7 ноября 7166 (1657) г. в Тобольске сгорело под горою 265 домов, в том числе много татарских юрт. Наконец, чтобы довести наше изложение до 1660 г., следует отметить, что 23 мая этого года загорелся от молнии Знаменский тобольский монастырь и погорел весь прежде, чем начали его тушить[3].

§ 3. Мы опускаем описание бедствий и опустошений, причиненных некоторым острогам и слободам нападениями калмыков и Кучумовых царевичей, потому что о них говорим более подробно при описании калмыцких дел. Здесь же следует упомянуть о двух больших наводнениях, случившихся в 7157 (1649) и 7168 (1660) гг.

---

[1] См. «Заметки».

[2] О пожаре в Верхотурье в ночь с 8 на 9 октября 1657 г. см.: История Сибири, II, гл. 8, §14; о пожаре в Нарыме 30 сентября 1639 г. см. там же, §3; о пожарах в Березове и Мангазее в 1642 г. см. там же, § 7.

[3] См. «Летописи».

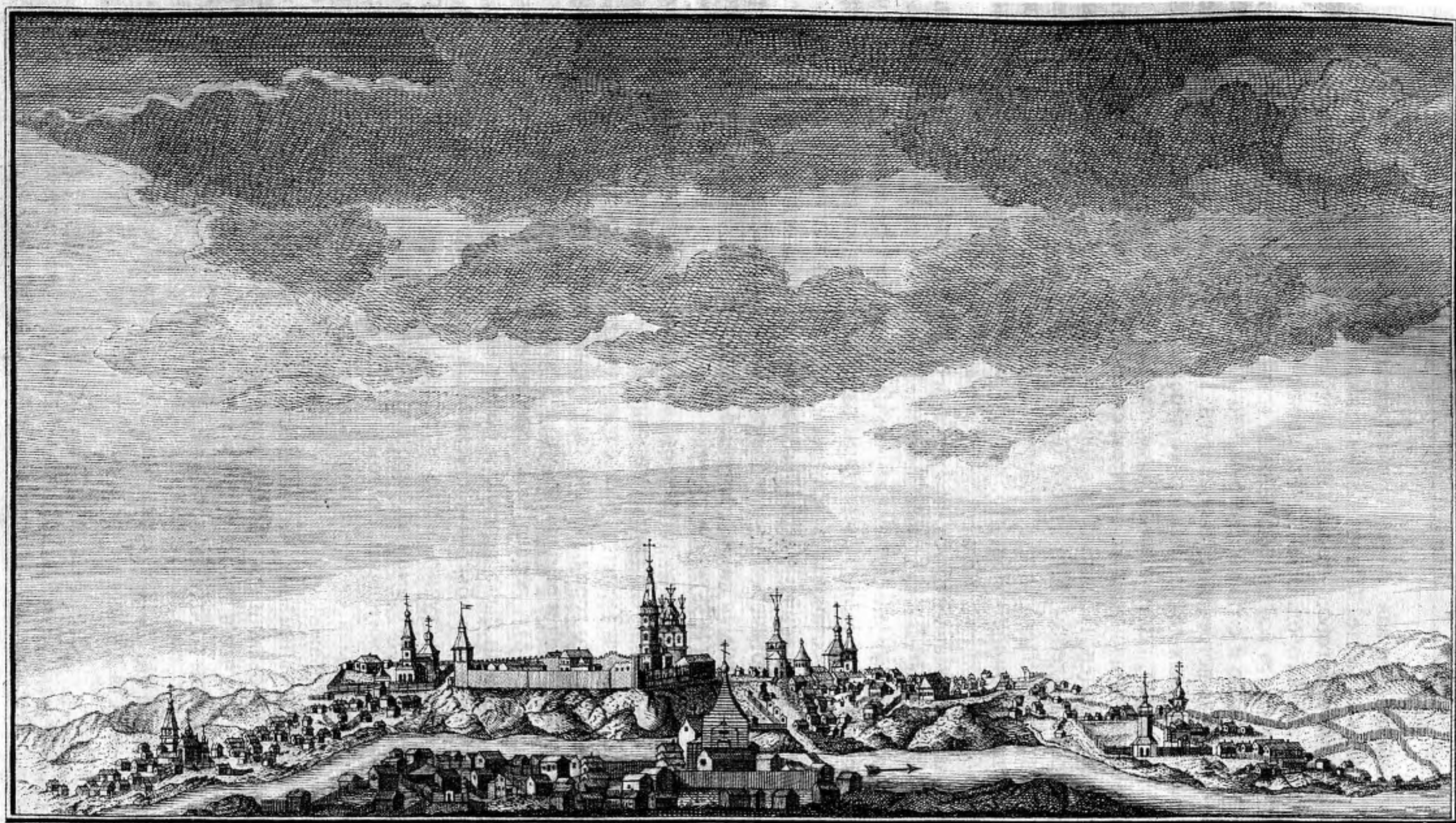
в городе Енисейске[4]. Эти наводнения подтверждают отмеченное уже раньше положение города на низком месте[5]. (Подобные же наводнения происходили и в более позднее время и причиняли городу не меньший вред.) Оба раза вода во время весеннего вскрытия рек заливала город. В 1649 г. это произошло 13 мая, а в 1660 г. — в ночь на 17 апреля. Казалось, что все притоки Енисея вскрылись одновременно. В последний раз лед шел так плотно и с таким напором, что покрыл повсюду низкие берега, увлекая за собою все, что встречалось ему на пути. Тогда была смыта часть внутреннего острога и многих жилых домов. Несколько деревень также были снесены водой. На полях, залитых водою, погиб озимый хлеб, так как были подмыты посевы или же стебли растений не могли пробиться затем сквозь слой песка и ила, глубина которого доходила до колен. Не оставалось ничего другого, как снова вспахать землю и засеять ее яровым хлебом. Хуже всего было то, что в 1660 г. оставалось в запасе хлеба только на посев. Цена на хлеб поднялась, и едва не наступил голод, тогда как прежде было такое обилие хлеба, что, как это видно из других архивных документов[6], в 7158 (1650) г. пуд ржи в Енисейске стоил не более семи копеек.

§ 4. Уже давно замечено на Руси, что пожары обычно способствовали улучшению внешнего вида городов, так как возобновлявшиеся после них постройки возводились лучше прежних. Поэтому и в данном случае не приходится сомневаться в том, что вызванные упомянутыми выше несчастьями разрушения были исправлены, а разрушенные здания были восстановлены в лучшем виде. Но так как необходимо коснуться также и других улучшений, не вызванных, правда, подобными бедствиями, то нам, придерживаясь хронологической последовательности, придется обратиться сперва к городам Таре и Тюмени.

* § 5. В Таре в 7146 (1638) г. внутренний острог был отстроен заново и окружен стеной и рвом по представлению тогдашнего воеводы князя Федора Афанасьева сына Борятинского[7]. Его племянник князь Григорий Петров сын Борятинский с 7148 до 7150 (1640–1642) г. был в Тюмени[8] в качестве тамошнего воеводы. Он сделал то же самое с тем отличием, что город Тюмень был лучше отстроен и снова получил деревянный острог, какой имел и раньше, то, что русские называют «рубленым городом». Этот острог в 7166 (1658) г. подвергся опасности; река смыла берег под ближайшей к нему стеной. Задумали было перенести острог на новое место. Перенесение это, однако, не состоялось; было бы очень стеснительно для жителей города, если бы им пришлось с их домами уступить место острогу, а положение города между Турой и Тюменью таково, что невозможно было бы расшириться иначе, как в ту сторону, которая была застроена жителями. Поэтому удовольствовались тем[9], что одна стена, грозившая падением, была отнесена подальше от берега, отчего острог стал тогда меньше и получил неправильную форму. Что же можно было теперь ожидать от будущего, принимая во внимание, что рыхлость тамошней почвы и подмыв берегов рекою неоднократно бывали причиной сокращений площади и ущерба? Кстати, следует здесь упомянуть, что в это же время и татарская слобода, расположенная на берегу, противоположном городу Тюмени, была окружена острогом.

---

[4] Прилож. № 108, 109, 206.
[5] История Сибири, II, гл. 7, § 19.
[6] См. «Заметки».
[7] «Тарские ведомости», № 23.
[8] История Сибири, II, Прилож. № 483.
[9] Там же.



Видъ города Верхотурья   X   Vue de la Ville de Werchotourie.

* § 6. В одной посланной из Верхотурья в Москву отписке 7150 (1642) г.[10] подробно описаны работы по укреплению этого города и указано, сколько понадобится бревен для постройки нового внутреннего острога. Из этой отписки видно, что город тогда заметно был улучшен. Более, чем Верхотурье, выиграл с внешней стороны Тобольск, в котором после пожара 7151 (1643) г.[11] острог был заменен настоящей деревянной крепостью в 7154 (1646) г. Тогда же на месте прежней соборной церкви была возведена новая, более красивая, хотя и деревянная, но с 13 главами. Ее начали строить в 7154 (1646) г. и закончили в 7157 (1649) г., когда она и была освящена во имя «Софии Премудрости Божией». По этой церкви был назван «Софийским двором» построенный при ней впоследствии архиерейский дом, и это название сохранилось за ним, несмотря на то что при позднейших переделках церковь получила другое название. В том же, 7154 (1646) г. в Пелыме[12] была построена вновь и освящена церковь Рождества Христова с приделами во имя Алексея и Николая.

* § 7–9. *<Повтор.> См.: Г.Ф.Миллер. История Сибири, II, гл. 8, § 5, 6, 7, 78, 79.*

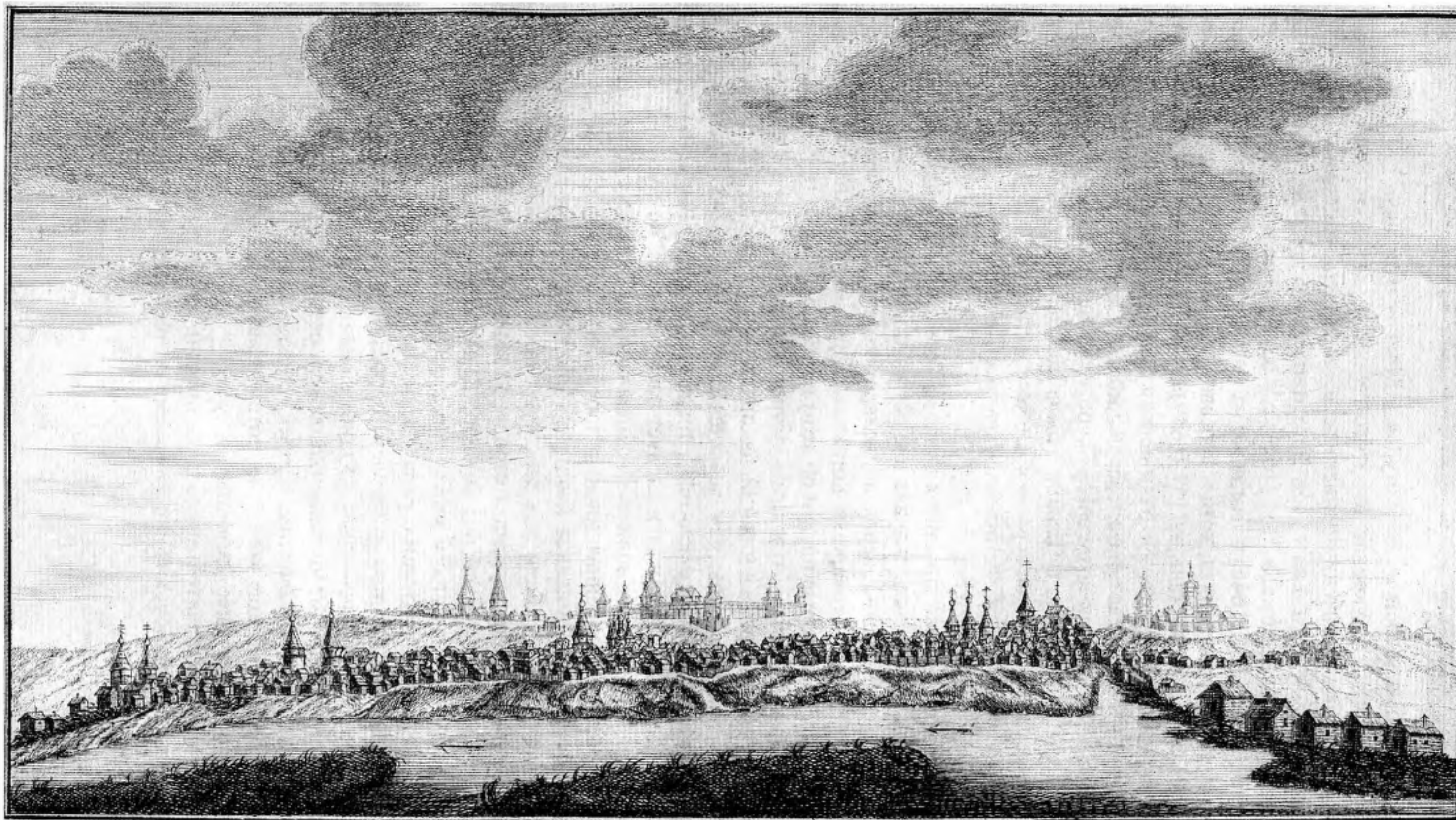
§ 10. *Начало § 10 см. там же, гл. 8, § 5.*

Внутри острога в Томске находится церковь Троицы. Она была поставлена внутри острога не сразу, а находилась сначала вне острога, на гостином дворе. Перенесение ее в острог было произведено, вероятно, вследствие отписки воеводы Михайлы Петровича Волынского и его товарища Богдана Андреева сына Коковинского и дьяка Михайлы Ключарева, которые писали об этом в Москву в 7158 (1650) г. и предлагали перенести церковь из гостиного двора в острог. Позднее и сам гостиный двор был перенесен из верхнего города в нижний, находящийся под горою.

* § 11. Немаловажным событием является получение в 7143 (1635) г. всеми сибирскими городами городовых печатей[13], тогда как до того в Сибири только три города имели свои печати. Эти печати следует рассматривать не только как знаки удостоверения, обычно употреблявшиеся в официальной переписке, но и в связи с развитием науки о гербах. Найденная мною в тобольском архиве под указанным годом роспись дает следующее описание печатей: 1) Тобольск — два соболя, между ними стрела; 2) Верхотурье — соболи под деревом; 3) Березов — соболь и стрела; 4) Обдорская застава — лисица, держащая стрелу; 5) Мангазея — северный олень; 6) Тара — лисица; 7) Тюмень — лисица и бобр; 8) Туринск — росомаха; 9) Пелым — лось; 10) Сургут — две лисицы и между ними соболь; 11) Томск — венец; 12) Енисейск — два соболя, между ними стрела, под ними лук, обращенный тетивой книзу; 13) Кетск — лисица; 14) Нарым — белка и горностай, между ними стрела; 15) Красноярск — белка; 16) Кузнецк — волк. О щитах, полях, украшениях и других подробностях печатей в росписи нет упоминаний; даже в настоящее время на сибирских печатях они точно еще не определены. Поэтому лицам, коим в России поручено смотрение за гербами, следует еще несколько потрудиться над сибирскими печатями, чтобы привести их в надлежащее состояние.

§ 12. Введение этих печатей имело цель пресечь недоразумения и злоупотребления, происходившие при пользовании воеводами своими личными печатями. Поэтому

[10] История Сибири, II, Прилож. № 405.
[11] См. «Летописи».
[12] См. «Заметки».
[13] Прилож. № 38, 40.



Видъ города ТОМСКА. X *Vüe de la Ville de TOMSK.*

одновременно с введением печатей были снова подтверждены указы[14] о подробном досмотре всех проезжающих на таможенных заставах в Верхотурье, Березове и на Обдоре и запрещена дорога через Пелым, на которой не было удобного места для учреждения заставы. Вместо этой дороги в 7164 (1656) г. была найдена новая (окольная) дорога от реки Чусовой на Кунгур и на Казань[15]. Эта дорога еще больше нарушала интересы казны, сокращая таможенные доходы. Она обходила труднопроходимые Верхотурские горы и большие изгибы рек, которые так затрудняли путь через Березов и Обдорск, и была особенно удобна для ехавших в Сибирь из южных мест России. Из Верхотурья стало поступать на это много жалоб, и указом из Москвы от 22 января 7167 (1659) г.[16] было запрещено ездить этой дорогой, для чего на Чусовой учреждалась застава, с которой всех проезжающих отсылали в Верхотурье для осмотра и взимания там пошлин с товаров. Но, конечно, это запрещение не могло послужить препятствием в такой стране, где существовало бесчисленное множество окольных путей, каждый из которых причинял новые неустранимые затруднения для казны. Позднее на этой дороге было много перемен. Ее то открывали, то вновь закрывали, то делалось распоряжение, что ею могут пользоваться только гонцы и другие лица, едущие наспех по казенной надобности, то она предназначалась исключительно для сообщения между двумя сходящимися в этом месте уездами — русским и сибирским. Безусловно одно, что эта дорога имела много преимуществ перед Верхотурской дорогой и поэтому, несмотря на запрещения и связанную с ними опасность, ею все же многие пользовались.

§ 13. Частые посылки служилых людей из Тобольска и соседних городов в отдаленные места на восток, откуда редко кто возвращался обратно, а также постоянно возраставшая опасность со стороны кочевавших в степи калмыков требовали неоднократного пополнения Сибири новыми служилыми людьми из России. Самой значительной была присылка 7143 (1635) г.[17] для городов Тобольска, Тюмени и Тары. Стрельцы были собраны из разных русских городов: из Нижнего Новгорода — 140 человек иноземцев (вероятно, пленных поляков и литовцев), из Вологды — 200 человек, из Холмогор — 500 человек, из Каргополя — 20 человек, из Устюга — 50 человек. Для наблюдения за перевозкой людей из Москвы было послано несколько дворян, а именно: Иван Долговой Сабуров, Тимофей Шушерин, Прохор Данилов и Михайло Дурной. Из общего числа присланных людей 500 холмогорских стрельцов получила Тюмень; Тобольск — устюжан и каргопольцев и 40 нижегородских иноземцев, всего 110 человек; Тара — остальных 100 иноземцев и 200 вологодских стрельцов. Женатые и семейные брали с собой всех своих домочадцев, что, в частности, указано в отношении вологодских стрельцов, переведенных в Тару[18].

§ 14–28. *<Повтор.> См. Историю Сибири, II, гл. 8, § 56, 57, 59–69.*

§ 29. В это же время в Тобольске было принято решение укрепиться на реке Исети и не только устроить там слободу, но и поставить острог для защиты этого края

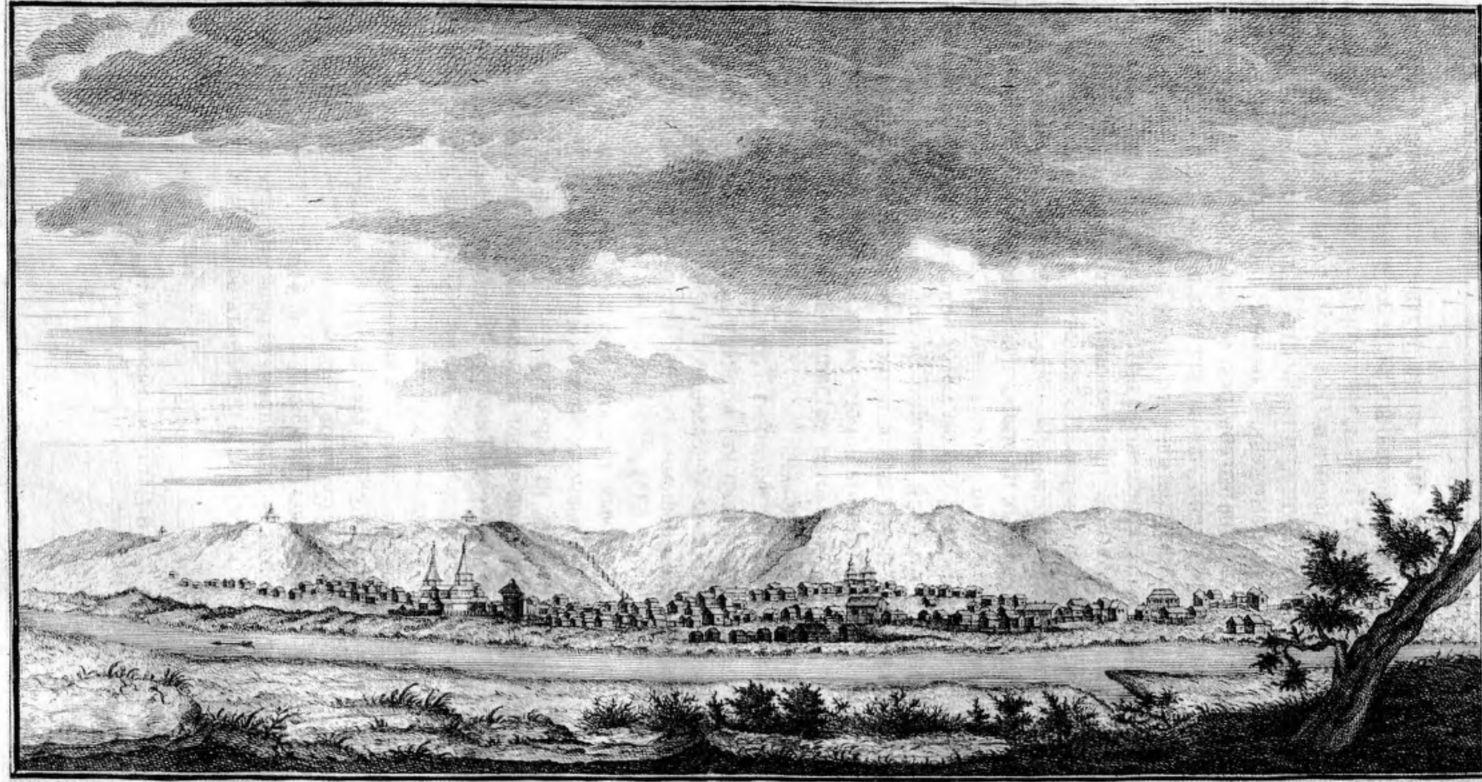
[14] Прилож. № 49.

[15] Прилож. № 186, 187, 189, 191, 214. В 7151 г. упоминается застава на реке Чусовой в Верхотурском уезде (прилож. № 101), которая, по-видимому, была устроена для контроля сообщения с Кунгурским уездом.

[16] Прилож. № 186.

[17] См. «Заметки».

[18] См. там же.



Видъ города Кузнецка. X Vûe de la Ville de Kousnezk.

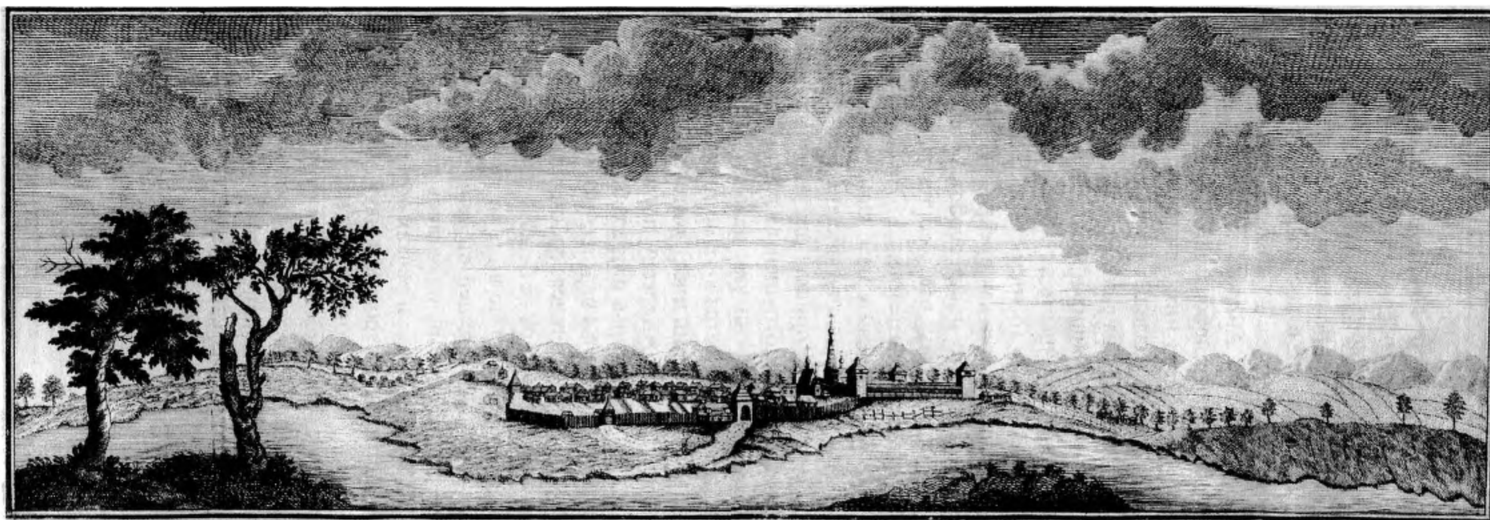
и для ограждения Тюменского уезда от кочевавших поблизости калмыков и Кучумовых царевичей. Первая мысль о построении такой слободы принадлежала слободчику и прежнему приказчику Туринской слободы Давыду Андрееву, которому это дело было поручено тобольским воеводою Василием Борисовичем Шереметевым. В 7157 г. были сделаны первые распоряжения о построении слободы, о чем имеются только случайные указания. На самом же деле до ноября 7158 (1649) г. ничего не было выполнено, так как до этого времени Андреев находился еще в Туринской слободе, и все отписки об устройстве новой слободы на Исети, посланные из Тобольска в соседние города, не старше 7158 г.[19]. В них Давыд Андреев назван исетским конным казаком, так как сибирские казаки разделялись на пеших и на конных. Давыду Андрееву было велено объездить города на реке Туре и соседние с ними слободы и призывать из них в новое поселение гулящих и иных вольных охочих людей. Всем этим людям давалась льгота в податях на шесть лет. Место на реке Исети, куда они должны были перейти жить, называлось в то время «На Красном бору». Но теперь его не следует искать под этим названием, так как прекрасный бор, давший название месту, уже давно вырублен. Возможно, что новая слобода с самого начала была названа «Исетским острогом» именно потому, что уже тогда предвидели недолговечность леса, от которого произошло старое название.

§ 30. На постройку острога и церкви в нем, как это было предписано, из окрестных городов и слобод брали определенное число служилых людей и крестьян. Туринские служилые люди и крестьяне пришли для работ на реку Исеть 30 марта 7158 (1650) г. и 21 мая того же года были отпущены назад в Туринск[20], так как постройка острога и церкви была к тому времени уже закончена. Таким образом, время построения Исетского острога определяется вполне точно. В 7159 (1651) г. было сделано новое распоряжение[21] об увеличении числа жителей в Исетском остроге, согласно которому исетскому казаку Давыду Андрееву поручалось призывать туда людей из городов Тюмени, Туринска и Верхотурья и из слобод. От Тюмени до Исетского острога считалось по обычной дороге 84 версты, но существовал и более короткий путь — всего в 76 верст. Острог находился, собственно говоря, на северной стороне реки Исети, в расстоянии полуверсты от ее берега, около истока из озера, называемого «Лебяжьим». Отсюда прямою дорогою вниз по реке Исети до ее устья было примерно 60 верст. Места там были в высшей степени плодородными и привлекательными, и поэтому вблизи острога вскоре появились деревни, а несколько позднее на реке Исети и на впадающих в нее реках и речках возникли новые остроги и слободы. Нашлись также монахи, которые построили в двух местах монастыри, а это всегда является признаком хорошей и плодородной местности.

§ 31. Кажется удивительным, что, несмотря на существовавшую тогда в тех краях опасность от набегов калмыков, все же решились основывать там монастыри, причем первые монахи приходили туда не по приказанию, а по своему собственному желанию и, может быть, даже без ведома своего начальства. Но их попытка оправдала себя и служит примером того, что даже у самых диких народов религия внушает почтение к посвященным ей лицам и предметам. Во всех азиатских странах можно видеть, как духовные лица беспрепятственно путешествуют даже через вражеские края,

---

[19] Прилож. № 116–118, 121.
[20] Прилож. № 122.
[21] Прилож. № 130.



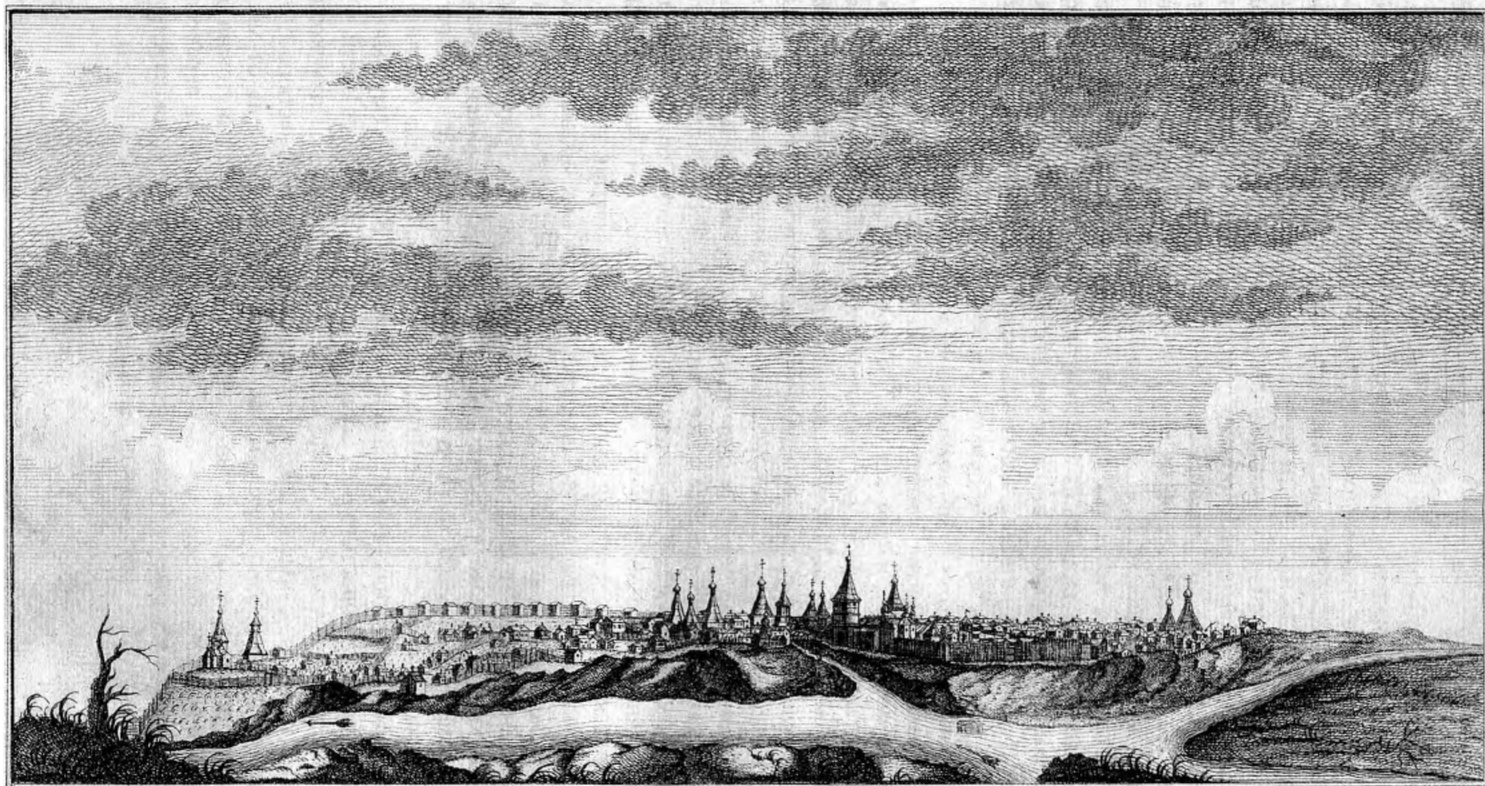
Видъ города Пелыма. X Vuë de la Ville de Pelim.

и как бы различны ни были у разных народов учения о божественном, все же никто не решается трогать духовных лиц, их считают непричастными к мирским спорам, полагая, что они заняты только своими молитвами, и, следовательно, достойными более уважения, а не враждебных действий. Нет никаких сомнений, что основатели двух монастырей, о которых идет теперь речь, руководствовались тоже такими соображениями, и если в отношении их правило неприкосновенности не было соблюдено, то это надо считать исключением из общего порядка. Если Кучумовы царевичи попытались с помощью калмыков разорить один из этих монастырей вскоре после его основания, то это свидетельствует об их более чем варварской жестокости и об их отвратительной жажде к грабежу.

§ 32. Вследствие такого несчастья сделался впервые известным Далматовский Успенский монастырь, находящийся на северном берегу реки Исети, в 160 верстах от Исетского острога и в трех верстах вверх по течению от устья реки Течи, впадающей с юга в реку Исеть. Свое название монастырь получил от имени основателя его, старца Далмата, и от построенной в нем церкви во имя Успения. 7 сентября 7160 (1651) г.[22] к монастырю неожиданно подошли 100 воинских людей царевичей Девлеткирея и Аблаева сына Кучука, разграбили и пожгли монастырь, убили трех старцев и 17 человек монастырских служек и увели с собою 20 человек обоего пола. Основатель и строитель монастыря старец Далмат отсутствовал в это время в монастыре. Весть обо всем происшедшем принесли один старец и мальчик, бежавший из плена. Позднее нашли еще четырех спрятавшихся монастырских служек. В известиях, относящихся к этому делу, монастырь называется «Новым монастырем», а так как в нем в то время не было церкви, а была только часовня, то можно безошибочно считать его основанным одновременно с Исетским острогом. Впоследствии этот монастырь стал одним из самых значительных монастырей во всей Сибири. Ныне церкви, кельи и наружные стены монастыря каменные, и он имеет богатые вотчины, которыми содержится также основанный при нем девичий монастырь.

§ 33. Второй монастырь, Рафаилов Троицкий, получил свое название также по имени своего основателя, старца Рафаила, и от построенной в нем церкви во имя Троицы. Он немного лишь моложе первого монастыря, так как упоминается уже в архивных документах от ноября месяца 7162 (1653) г.[23] под названием «пу́стыни»; последнее свидетельствует о том, что в то время монастырь не был еще окончательно устроен или же вследствие своей незначительности, малого числа братии и возможной бедности не заслуживал еще названия монастыря. В 7165 г. ему были отведены пашенные земли[24]. Монастырь этот лежит на южном берегу реки Исети, в шести верстах выше Исетского острога. Около него находится большое Илимское село, принадлежащее монастырю. Рассказывают, что первоначально монастырь был построен на месте этого села, но первая монастырская церковь сгорела от молнии, а когда ее вновь построили, то вторично возник пожар, который уничтожил дотла весь монастырь и все ближайшие к нему дома. После этого монастырь перенесли на то место, где он стоит в настоящее время, так как сочли эти пожары доказательством того, что прежнее место приносит монастырю несчастье.

[22] Прилож. № 135–138.
[23] Прилож. № 161.
[24] Прилож. № 179.



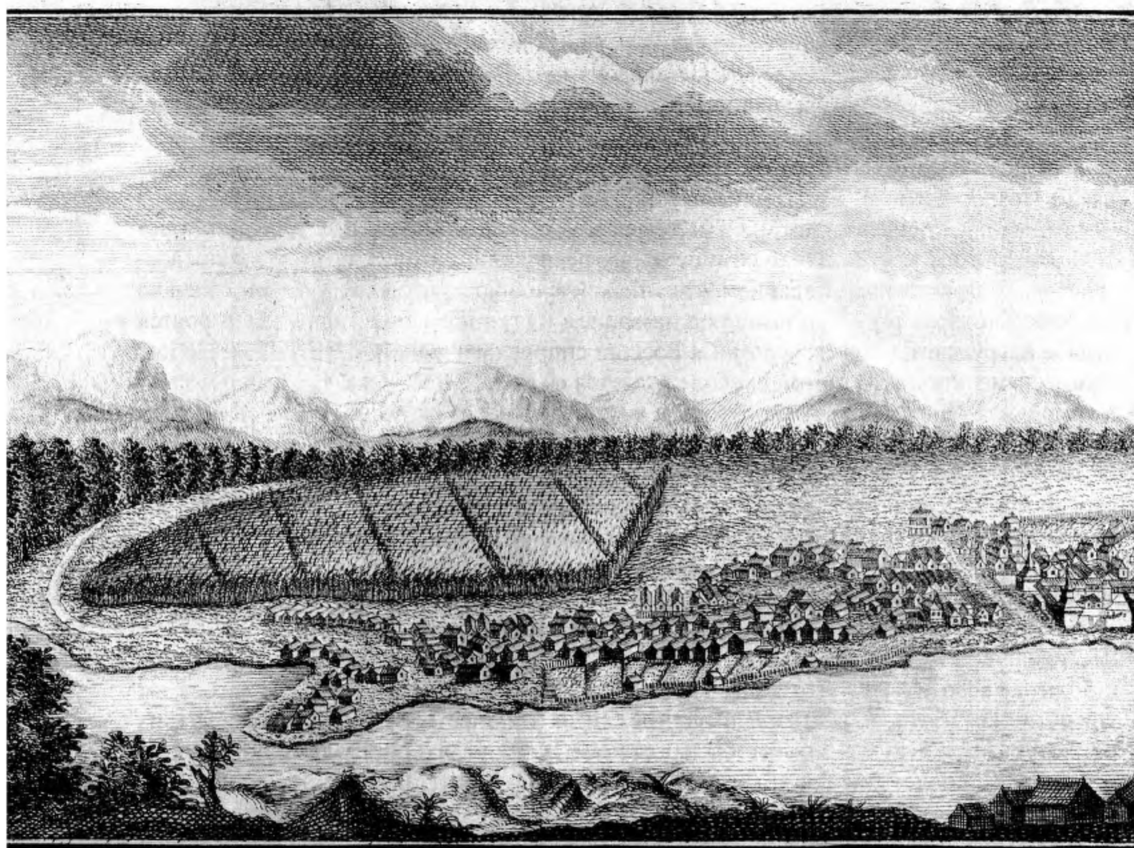
Видъ города Туринска. X Vue de la Ville de TOURINSK.

§ 34. Теперь наступило время для заселения русскими крестьянами верховьев реки Чусовой, принадлежавших также к Сибири. Хотя вся эта река, начиная от своих истоков, как это уже указано в первом томе, была пожалована Строгановым, но они освоили ее не далее тех мест, где начинались юрты сибирских вогулов. Последние входили в состав Верхотурского уезда, и верхотурские воеводы имели, следовательно, право селить на реке Чусовой русских государевых крестьян. Начало этим поселениям положили в 7159 (1651) г. два соликамских жителя — Семен Васильев и Афанасий Иванов Гилевы[25], подавшие челобитную о разрешении им переселиться туда самим, а также поселить там охочих людей и устроить слободу. Для этого они просили отвести им места по верхнему течению реки Утки, которые и были им предоставлены. Тогда-то под названием «Уткинской слободы» и было положено начало местечку, которое известно ныне под названием «Уткинская пристань», где строятся суда и нагружаются для перевозки в Россию сибирского железа и других металлов. Самым замечательным в этой слободе является ее положение. Река Чусовая образует в этом месте большую, овальной формы луку в пять верст окружностью и снова подходит к своему прежнему течению на расстояние не более 50 саженей. Это место было избрано для слободы, которая оказалась вследствие этого орошаемой с двух сторон рекой Чусовой, с третьей — имела перед собой большой, замкнутый той же рекою луг, а с четвертой — была защищена высокой горой. Впрочем, слобода занимает правый, или северный, берег реки Чусовой, а река Утка впадает в упомянутую луку реки Чусовой с юго-восточной стороны, в расстоянии полуверсты от слободы.

§ 35. Едва только приступили к постройке слободы, как в Петров пост 1651 г. на нее напали татары с верховьев реки Сылвы и присоединившиеся к ним человек с 50 черемисов Казанского уезда, которые считали, что новая слобода нанесет им ущерб. Они разогнали жителей и разграбили их имущество. Пришлось послать из Верхотурья воинскую силу, чтобы восстановить в правах пострадавшую сторону и добиться удовлетворения убытков. Два года спустя жители слободы решили, что им будет лучше, если они будут подчинены Тобольску, а не Верхотурью, ссылаясь на то, что их слобода находится ближе всего к слободам Тобольского уезда (они имели в виду Мурзинскую и Краснопольскую слободы). В Тобольске хотели сначала удовлетворить их челобитье, но когда из Верхотурья поступили возражения, заключавшиеся главным образом в том, что если исходить из приведенных соображений, то в ведении Верхотурья не останется почти никаких слобод, так как неподалеку стоят тобольские слободы, и что Уткинская слобода находится в ясачных волостях Верхотурского уезда, то было признано правильным оставить все по-прежнему. Впрочем, расстояние Мурзинской слободы, к присуду которой хотели присоединить Уткинскую слободу, определялось тогда в 100 верст.

§ 36. В 7160 (1652) г. из Верхотурья писали в Москву[26] о необходимости построить острог на речке Барневе, впадающей с южной стороны в реку Исеть, чтобы можно было копать в изобилии растущий там черенковый и копытчатый ревень, нужный казне для торговли. В окрестностях Далматова монастыря и около впадения реки Синары в реку Исеть было накопано до 300 пудов корня ревеня[27], но так как торговля ревенем оказалась не настолько выгодной, как предполагалось, то и острог остался

[25] Прилож. № 133, 154, 155, 173, 175.
[26] Прилож. № 150.
[27] Прилож. № 156, 160.

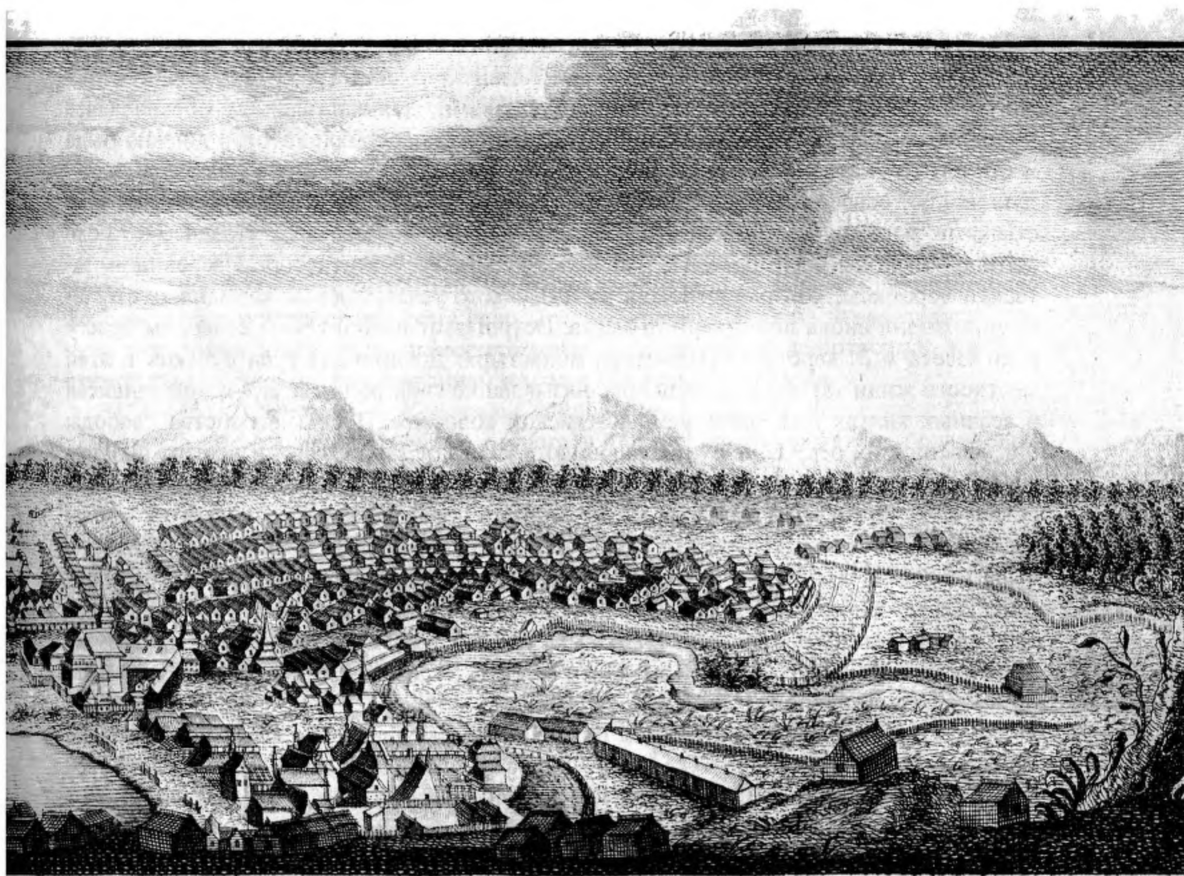


Видъ Невянскаго завода.

незаконченным. В 7166 (1658) г. под страхом смертной казни из Сибири был воспрещен всякий вывоз ревеня, как копытчатого, так и черенкового, который, как тогда утверждали, не имел на Руси покупателей[28]. Как долго продолжало действовать это запрещение, будет показано в своем месте. Слобода, известная в настоящее время под названием «Борисовской», имеет более позднее происхождение, и поэтому упомянутое выше предложение о постройке острога не могло быть причиной ее возникновения.

* § 37. Уже в то время в Верхотурье очень хорошо знали реку Исеть и, несмотря на дальность расстояния, намеревались расширить до нее пределы Верхотурского уезда. Постепенно захватили бо́льшую часть тамошних мест. Сперва построили на реке Пышме слободу, названную «Новопышминской». Начало ее было положено

[28] Прилож. № 183.



Vuë des fabriques de NEWIANSK.

в 7162 г. Я не могу указать точно положение этой слободы относительно других, ранее построенных слобод. От Беляковской слободы до нее считали вверх по реке Пышме 122 версты; таково же примерно было и ее расстояние от Ирбитской слободы, если плыть вверх по реке Ирбиту до озера, из которого она вытекает, ибо от этого озера до Новопышминской слободы не более 20 верст. Новопышминская слобода лежит на северном берегу реки Пышмы, она основана слободчиком Пятым Ощепковым.

§ 38. После того был построен на реке Исети Катайский острог. Первоначально он предназначался только для таможенной заставы, так как мимо него проходила большая дорога из Тобольска и Тюмени на Уфу; однако вскоре его сделали настоящей слободой, поскольку признаком слободы является то, что жители ее занимаются земледелием. Устройство этой слободы было поручено в 7165 (1657) г. верхотурско-

му сыну боярскому Панкратию Семенову сыну Перхурову[29]. Он перевез из Невьянской, Ницынской, Арамашевской и Белослудской слобод 30 семей, согласившихся на переезд, и они были первыми жителями Катайского острога. В соответствующих документах они названы беломестными казаками; этим названием обозначалась в старину известная часть населения в пограничных слободах, которая должна была нести службу наравне со служилыми людьми, но вместо жалованья получала пахотную землю, освобожденную от податей. Это преимущество перед пашенными крестьянами выражалось словом «беломестные», или «беломестцы». Позднее в число жителей слободы были приняты пашенные крестьяне, а в некоторые деревни — татары и черемисы, которые перешли из Казанского уезда; последние, однако, с течением времени снова покинули эти места. Острог этот находится на северном берегу реки Исети в 21 версте от Далматова монастыря. До прихода туда русских в этой местности жили татары или башкиры, называвшие свой род «Катай» и числившиеся в ясачных книгах под названием «Катайской волости». После устройства слободы они перешли на реку Синару, впадающую в Исеть, и так как они известны под тем же названием в теперешней Исетской провинции, то, следовательно, название свое острог получил от них. Слобода, которую по распоряжению верхотурского воеводы следовало завести около речек Глинки и Бобровки, на верхнем течении реки Режи, не была устроена, потому что жители Мурзинской слободы заявили против этого протест, указав, что эта местность была еще раньше отведена им и что они уже завели там свои пашни[30]. Одновременно с этим казаком Давыдом Андреевым по приказу из Тобольска была построена на реке Исети слобода Мехонина курья, называемая ныне «Мехонским острогом»[31].

§ 39. Необходимо упомянуть еще о двух слободах, основание которых падает тоже на это время. Первая из них — это Липовская слобода, ныне Гилев погост, основателем которой в 7165 (1657) г. был крестьянин Елисей Гилев. Относительно второго, Ялуторовского, острога мы усматриваем из архивных документов[32] следующее: как челобитье о разрешении его постройки, так и самая постройка относится к 7167 (1659) г., а так как при этом имелось в виду только занятие земледелием, то в устройстве приняли участие одни пашенные крестьяне во главе с упомянутым выше Елисеем Гилевым. Ялуторовский острог основан на месте заброшенного с незапамятных времен старого татарского городка, и выбор этого места дал то преимущество, что позволил сберечь много расходов на сооружение острога. Впрочем, городок этот был такой же, как и все остальные. Его природное положение было прекрасным. Он находился на возвышенном, выступающем в реку Тобол мысу, образующем почти прямой угол и окруженном, следовательно, с двух сторон рекой; с третьей стороны находилось озеро, а с четвертой — два рва глубиною в три сажени с насыпанным между ними земляным валом. Так был описан старый городок до постройки на его месте слободы. Место, занимавшееся городком, имело в длину 70 и в ширину 50 саженей, которые нужно считать равными 73 и 46 саженям современной меры, ибо таковы размеры маленького четырехугольного острожка, построенного там при заве-

[29] Прилож. № 177, 178, 213.
[30] Прилож. № 215, 216.
[31] Прилож. № 217.
[32] Прилож. № 185 и «Заметки».

дении слободы. Татары называли этот городок исстари по неизвестной причине «Явлутуром», и отсюда произошло название «Ялуторовского острога», который в то время назывался также «Ялуторовской слободой». Вообще же можно часто слышать в просторечии также название «Бачамской слободы», или «слободы на Бачамке», происходящее от речки Бачамки, впадающей в Тобол с восточной стороны, в 32 верстах ниже по течению.

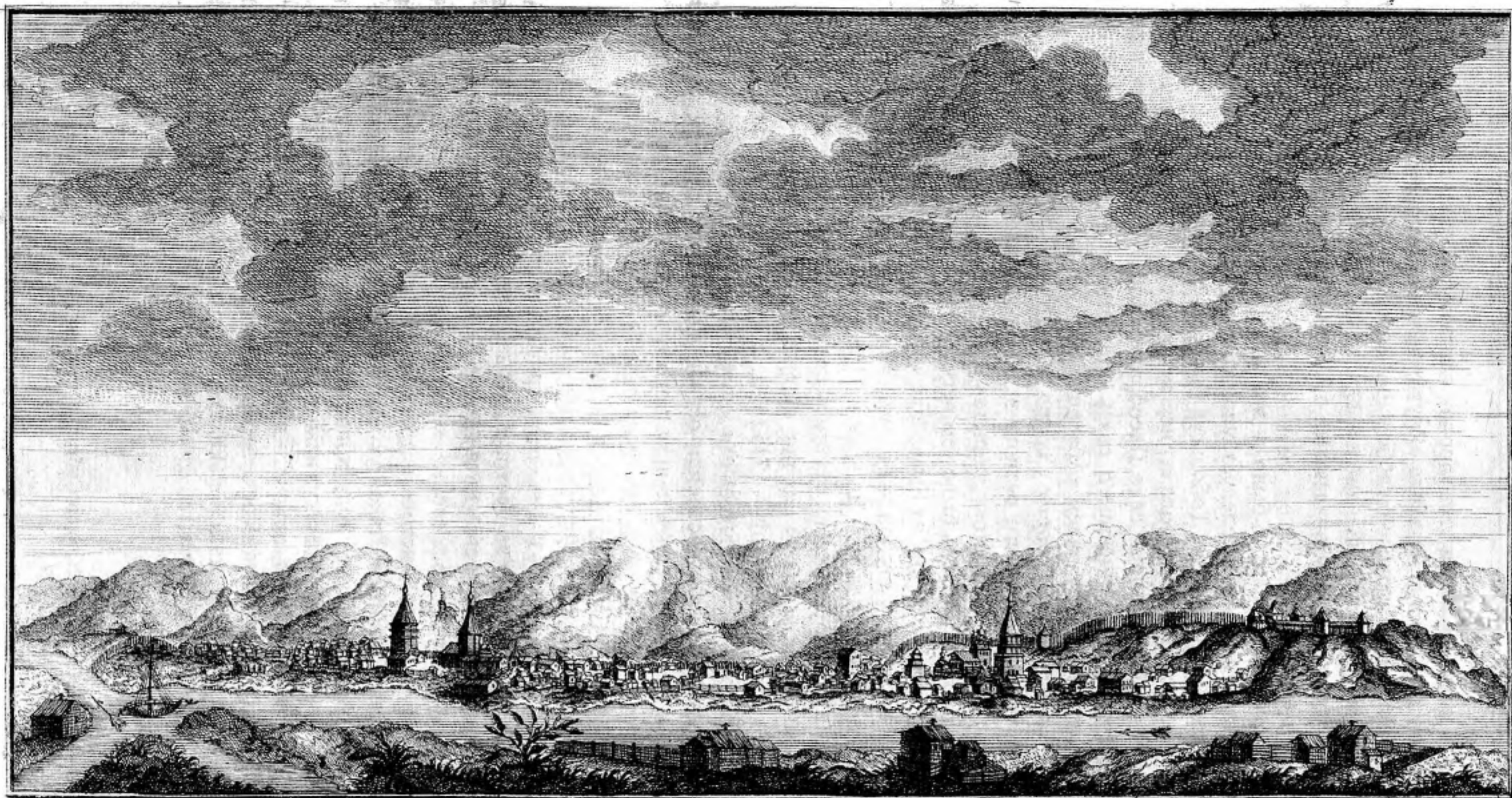
§ 40. Поблизости от Тобольска было в это же время основано также несколько новых поселений, о которых следует упомянуть. Знаменитое Абалацкое село[33] в 22 верстах вверх по течению от Тобольска было основано в 7145 (1637) г., после того как уже было построено расположенное неподалеку от него и принадлежащее Тобольскому архиерейскому дому село Преображенское. Весьма замечательна причина постройки этого села, имеющего связь со знаменитой чудотворной иконой, чтимой там до сих пор, под названием «Абалацкой Божией матери».

* § 41–45. *<Повтор.> См. Историю Сибири, II, гл. 8, § 70–75, 82.*

§ 46. После основания Канского острога в 1640 г.[34] стали думать о подчинении бурят, живших оттуда далее к востоку, попытка к чему была предпринята уже в 7137 (1629) г.[35]; осуществить это теперь было тем легче, что буряты были сильно ослаблены частыми походами против них из Енисейска вверх по Тунгуске и по Ангаре и что они были окружены со всех сторон народами, уже признавшими над собою власть русских. Надежды эти оправдались. За этим в 7155 (1647) г. последовало основание Удинского острога[36], причем нужно отметить следующие обстоятельства. В Удинском остроге можно видеть еще до сих пор старый деревянный крест с именами нескольких служилых людей и датой — 7152 год. Жители города рассказывают, что этот крест был поставлен красноярскими служилыми людьми, которые впервые объясачили тамошних бурят и построили острог. Однако по справке с архивными документами этому рассказу верить нельзя, потому что на основании его следовало бы думать, что местность на реке Уде была разведана из Красноярска уже в 7152 (1644) г. и тогда же была сделана первая попытка к покорению тамошних бурят, причем, вероятно, тогда же погибли служилые люди, поименованные в надписи на кресте. В 7153 (1645) г. по приказанию красноярского воеводы Петра Данилова сына Протасьева был предпринят поход против бурят на реке Уде, в результате которого буряты были значительно усмирены, хотя ясака с них не было еще получено. В 7155 (1647) г. по приказанию того же воеводы[37] к тем же бурятам поехал в сопровождении котовцев служилый человек Канского острога, чтобы обещаниями милости призывать их к покорности. Это имело такой успех, что самый знатный бурятский князец Иланка, которому в предыдущем году пришлось отражать вооруженное нападение монголов, послал с упомянутыми служилыми людьми в Красноярск своих людей, прибывших туда 7 марта. Они дали от его имени и от имени всего народа шерть на верность и обещали платить ясак. После этого 6 июля князец Иланка пришел сам со своим сыном и в сопровождении нескольких своих людей в Красноярск для шертова-

---

[33] См. «Летописи».
[34] История Сибири, II, гл. 8, § 82.
[35] Там же, гл. 7, § 58.
[36] Прилож. № 104, 105. См. также: История Сибири, II, прилож. № 179.
[37] Прилож. № 102, 103.



Видъ УДИНСКАГО *острога.* X *Vue de la place fortifiée* OUDINSK.

ния[38] и принес 26 соболей в поминки. Он бил челом, чтобы в его земле был поставлен острожек, который служил бы для оберегания бурят от других враждебных народов и для удобного сбора ясака.

§ 47. Таково было происхождение Удинского острога. Место для острога было присмотрено бывшими уже раньше у бурят служилыми людьми. Удобство расположения острога заключалось в том, что на Уду можно было попадать[39], хотя и обходным путем, по рекам Енисею, Тунгуске, Тасеевой и Чуне, что позволяло доставлять хлебные запасы для тамошних служилых людей водою. Этим путем воспользовались также летом[40] при отпуске из Красноярска для острожного строения служилых людей во главе с атаманом Елисеем Тюменцевым. Красноярский воевода Михайло Федоров сын Дурной писал в 7156 (1648) г. енисейскому воеводе Федору Потапову сыну Полибину, что ротмистр Степан Коловский со служилыми людьми[41] отпущен им водою в Братскую землю, в Покровский городок. Это было первым наименованием нового острога на реке Уде, названного так по построенной в нем часовне или же по дню, в который была закончена постройка этого городка. Однако позднее это название больше не встречается, ибо сразу же после этого появилось название «Удинский острог», которым с тех пор стал постоянно обозначаться этот городок. Расположен он на восточном берегу реки Уды; расстояние его от Канского острога составляет 253 версты и, следовательно, от Красноярска — 415 верст.

§ 48. Теперь мы переходим к Енисейскому уезду, где в 7142 (1634) г. хотели построить на реке Тасеевой или Чуне новый острог[42], чтобы держать в покорности тамошних тунгусов. 10 июля того же года туда был отправлен пятидесятник Тарас Мелентьев со служилыми людьми для приискания удобного для острога места и для производства работ. Так как Мелентьев не нашел там тунгусов, которые перекочевали в другие места, и так как даже в 7144 (1636) г. тунгусов там все еще не было, то это дело было оставлено, ибо острог, известный позднее под названием «Тасеевского», более позднего происхождения и был построен по совсем другому поводу.

§ 49. Зато в той же самой местности были построены две соляные варницы[43] на речке, названной поэтому «Усолкой», а прежде носившей название «Манзы». Эта речка впадает в реку Тасееву с южной стороны, и от ее устья до устья реки Тасеевой считают 58 верст. Дело происходило так: торговый человек Алексей Тихонов Хромой и промышленный человек Алексей Федоров нашли первый рассол на восточном берегу речки Манзы, или Усолки, в 50 верстах от ее устья. В 7149 (1641) г. они подали в Енисейске челобитную, в которой просили дозволить им завести в указанном месте соляную варницу, обязуясь за это отдавать в казну десятую часть всей добываемой соли. Челобитье их было немедленно удовлетворено, и они так быстро соорудили варницу, что уже в 7151 (1643) г. енисейским служилым людям могло быть выдано соляное жалование той солью, которая поступила в казну от этой варницы в виде десятины. Рассол, находившийся в 12 верстах от первого, также на восточном

[38] Прилож. № 104.

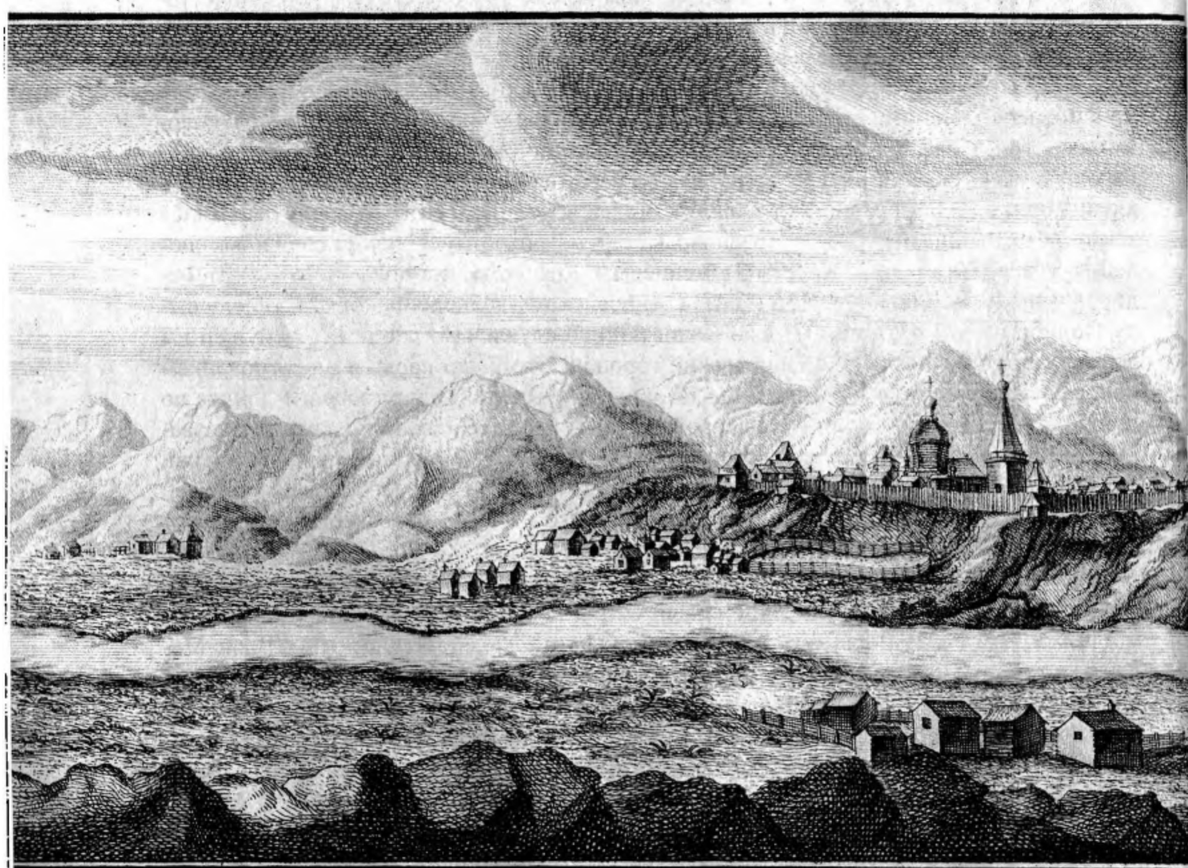
[39] История Сибири, II, гл. 11, § 3 и 4.

[40] Прилож. № 104.

[41] Челобитную Коловского, в которой он перечисляет все свои службы и, в частности, указывает, что тогда же вновь укрепил Покровский городок, см. в прилож. № 11.

[42] Прилож. № 53, 55.

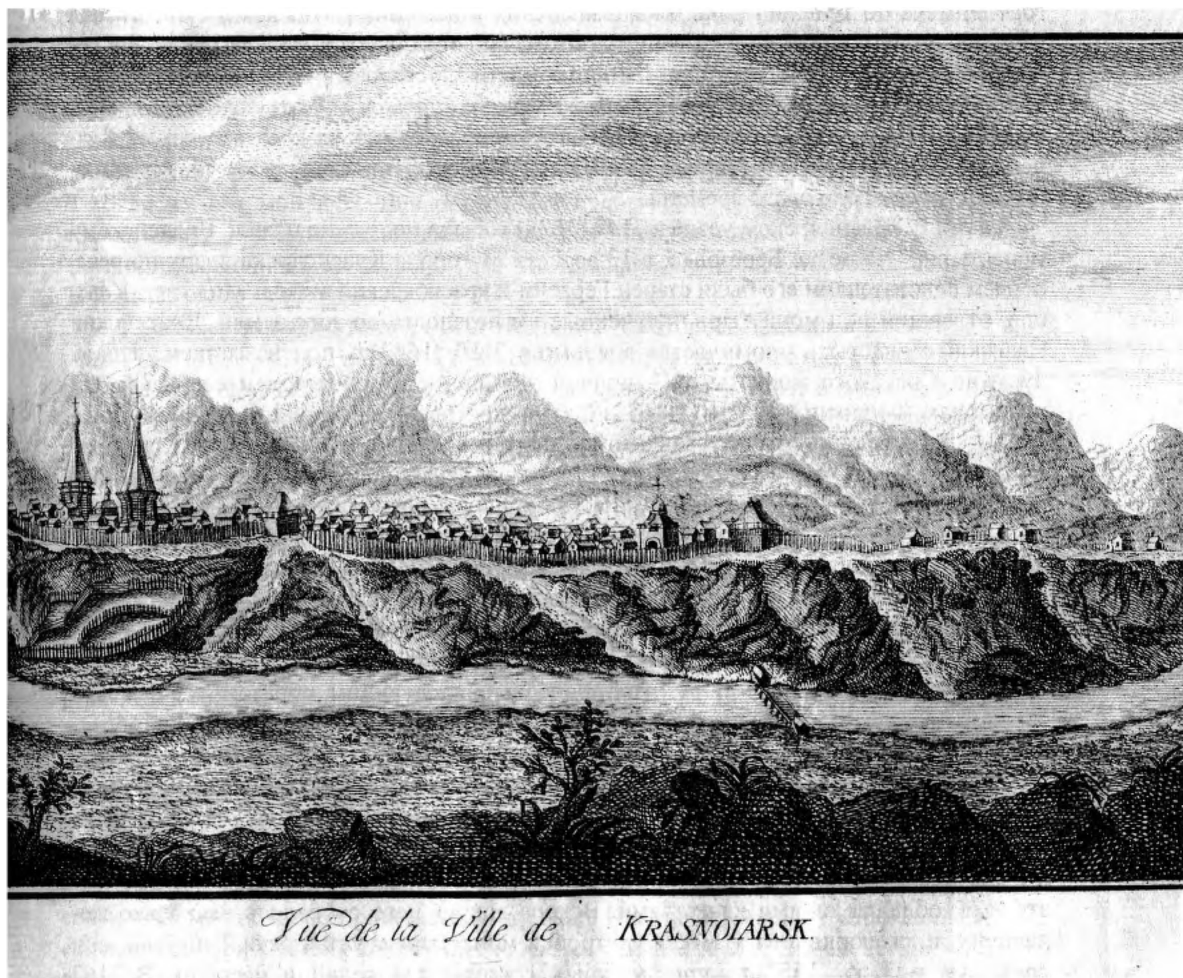
[43] Прилож. № 63, 92, 97, 131.


Видъ города Красноярска.

берегу речки Усолки, в том же году и на тех же льготных условиях, предоставленных енисейским воеводой, стал добывать крестьянин Троице-Сергиева монастыря Андрей Лаврентьев. В 7152 (1644) г. около этих соляных варниц хотели было устроить казенные варницы, но, сметив расходы и приняв во внимание небольшой сбыт соли в этом тогда еще мало заселенном краю, где не могла быть распродана даже соль, добывавшаяся на обеих частных варницах, решили от устройства казенных варниц отказаться. Позднее обе варницы перешли по вкладам к двум монастырям — Енисейскому[44] и Туруханскому, об основании которых будет сказано далее.

§ 50–52. *<Повтор.> См. Историю Сибири, II, гл. 8, § 76, 77, 80, 81.*

[44] Во владении Спасского монастыря в Енисейске с 7156 (1648) г. (см. прилож. № 219).



§ 53. Упомяну еще о нескольких вновь основанных монастырях. В 7151 (1643) г. в Томске был основан на месте Успенского монастыря новый мужской монастырь[45], в котором первая церковь была во имя Казанской иконы Божией Матери с двумя приделами — во имя Алексея человека Божия и во имя Флора и Лавра. Но когда через несколько лет эту церковь уничтожил пожар, то новую построили во имя одного Алексея человека Божия, и по ней монастырь стал называться «Алексеевским». По другим известиям[46], в Томске в 7159 (1651) г. было четыре моровых поветрия на людей и скот, и жители дали тогда обет воздвигнуть церковь во имя Алексея человека Божия; этот обет они выполнили в 7162 (1654) г. К этому времени в шести верстах от

[45] История Сибири, II, гл. 8, § 27.
[46] Прилож. № 167 и 168.

города, вниз по течению реки, около впадения в нее речки Киргиски, существовал уже монастырь, носивший название «Богородицкого»[47]. Этот монастырь не сохранился впоследствии, но место, на котором он стоял, осталось в числе вотчин Алексеевского монастыря. Вследствие недостатка известий не может быть точно указан год основания Рождественского монастыря, находившегося в двух-трех верстах от Кузнецка, на восточном берегу реки Томи, против устья реки Абы, который, вероятно, был построен около этого времени.

* § 54. В Красноярском уезде в 7147 (1639) г. было положено начало Введенскому монастырю[48] на речке Березовке, в 13 верстах от города Красноярска вверх по реке, причем основателями его были старец Герасим и красноярский атаман Милослав Кольцов, отдавший под монастырь полученные им незадолго до того земли. Енисейский Спасский монастырь упоминается впервые в 7150 (1642) г. под названием «Новой пу́стыни Спасского монастыря»[49], причем указано, что основателем ее был некий иеромонах Феодосий. В 7161 (1653) г. был построен Енисейский девичий монастырь[50], названный «Рождественским» по церкви в нем во имя Рождества Христова. В то время место около города, по ту сторону Мельничного ручья, на котором был построен монастырь, было совсем не заселено или заселено очень мало, что видно из того, что в челобитной о разрешении построить церковь, посланной тобольскому архиепископу, местность названа «Новым местом». Впрочем, все заботы о строении этого монастыря следует приписать тогдашнему енисейскому воеводе Афанасию Филиппову сыну Пашкову, о котором нам придется еще много говорить.

* § 55. Спустя некоторое время в устье реки Нижней Тунгуски был основан Троицкий Туруханский монастырь, что произошло следующим образом[51]. Уроженец Устюга поповский сын Тимофей Семенов постригся в Енисейске в 7164 (1656) г. в монахи и вследствие притеснений со стороны тогдашнего воеводы ушел в Туруханск. В те времена для основания монастырей не требовалось еще распоряжения властей, а было достаточно, чтобы в местность, где еще не было монастыря, пришел какой-нибудь старец, который мог представить людям монашескую жизнь как путь к спасению души. Тимофей, или, вернее, Тихон, ибо при пострижении он получил это имя, обладал такими качествами. Вскоре вокруг него собралось несколько желающих, и, сговорившись о месте постройки монастыря в устье реки Тунгуски, они сразу же, в 7165 (1657) г., приступили к сооружению келий и часовни. В 7167 (1659) г. Тихон отправился в Тобольск за разрешением на постройку в своем новом монастыре церкви и для посвящения в сан священника. Там он добился своей цели и потом до самой своей смерти, в течение 36 лет, был строителем этого монастыря.

* § 56. Здесь же следует привести дальнейшие известия о Тобольской архиепископской кафедре, основание которой было описано в главе восьмой настоящей «Истории»[52]. Там же были отмечены[53] те исправления, которые необходимо сделать

---

[47] Прилож. № 176.

[48] «Канцелярские ведомости», т. VII, № 24–31.

[49] См. «Заметки».

[50] Прилож. № 149, 157 и 158.

[51] Подробный рассказ об основании этого монастыря приложен к первому тому Енисейского архива под № 193.

[52] См. Историю Сибири, II, гл. 8, § 15 и сл.

[53] Там же, § 34.

в известиях сибирской летописи об отъезде первого архиепископа, Киприана, и о прибытии его преемника Макария. Макарий вступил в управление Тобольской кафедрой 1 апреля 7133 (1625) г. Известие, сообщенное мне из Тобольской архиепископской канцелярии[54], вполне совпадает с этим утверждением; в исчислении лет, проведенных архиепископом Макарием в Тобольске, то же известие вполне совпадает с моим, тогда как летописи и в этом отношении продолжают свою ошибку. В то время как мой источник определяет пребывание архиепископа в Тобольске в десять лет, не считая нескольких месяцев и дней, летопись говорит об 11 годах; однако оба источника согласны в том, что Макарий скончался в Тобольске 24 июля 7143 (1635) г.

* § 57. Преемником Макария был Нектарий[55], который прибыл в Тобольск 1 апреля 7144 (1636) г., а 7 января 7148 (1640) г. отправился обратно в Москву. Прибыв туда, он самовольно снял с себя сан архиепископа и ушел в монастырь. Вместо него был назначен в Тобольск Герасим, вступление которого отмечено под 1 января 7149 (1641) г. Он умер в Тобольске в 7158 (1650) г., и день его смерти остался нигде не отмеченным. Однако можно думать, что это произошло в начале этого года, так как там же сказано, что он управлял архиепископской кафедрой в течение девяти лет.

* § 58. После него тобольским архиепископом был назначен игумен Пафнутиева Боровского монастыря Симеон. Посвящение его состоялось в Москве 9 марта 7159 (1651) г., после чего он прибыл в Тобольск; согласно данным архиепископской канцелярии, это было 20 декабря 7160 (1651) г., а согласно сибирской летописи — 17 апреля 7160 (1652) г. Он привез с собою указ, которым в 7160 г. тогдашнему архимандриту Знаменского Тобольского монастыря и всем его преемникам было предоставлено право во время богослужения носить белый клобук. Этот архиепископ поставил впервые в соборных церквах Тобольска, Томска, Енисейска и Верхотурья протопопов. 25 января 7162 (1654) г. он выехал, согласно полученному указу, в Москву, но 25 декабря 7163 г. (и следовательно, еще в том же, 1654 г.) возвратился обратно в Тобольск. Начиная с Рождества 7166 г. и до Рождества 7167 г. (1657–1658) архиепископ Симеон был по приказанию патриарха Никона отрешен от управления архиепископией. Причины его отрешения остаются неизвестными. Впоследствии Симеон возвратился в Москву, но год, когда это произошло, нигде не указан, а в ведомости, полученной из архиепископской канцелярии, сказано только, что он занимал архиепископскую кафедру девять лет. Следуя этому указанию и исключая 11 месяцев его отсутствия в 1654 г., а также тот год, в течение которого он был отрешен от управления кафедрой, мы должны считать, что его отъезд из Тобольска произошел в ноябре 1662 г. или в марте 1663 г. Однако это уже выходит за пределы того времени, о котором здесь идет речь, и вынуждает нас прервать на этом рассказ и обратиться к высшему гражданскому управлению Сибири, чтобы вкратце рассказать о его организации в данное время.

* § 59. Я имею в виду не тобольских воевод: список первых тобольских воевод до 7126 (1618) г. приведен в главе шестой настоящей «Истории»[56]; эти воеводы были

[54] «Канцелярские ведомости», т. VII, № 2.
[55] См. летописи и упомянутую ранее ведомость Тобольской архиепископской канцелярии.
[56] История Сибири, II, гл. 6, § 30.

весьма похожи на современных губернаторов. В Томске начиная с 7137 (1629) г. были воеводы того же значения, как и тобольские[57]; в последующие годы такие же воеводы появились в Енисейске и также в Верхотурье. Было бы слишком долго и неинтересно приводить здесь имена всех воевод. Мне кажется, что, сведя их имена в таблицы, удобнее всего приложить их к концу одной из частей «Истории». Там же можно перечислить также воевод прочих сибирских городов, повторив кратко в хронологическом порядке важнейшие события каждого города.

§ 60–67. *<Повтор.> См. Историю Сибири, II, гл. 8, § 87–96.*

---

[57] Там же, гл. 7, § 74.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПЕРЕЧЕНЬ ПРИЛОЖЕНИЙ
(<ГРАМОТЫ> № 1–219)

11. 1630 г. не ранее февраля 11. — Отписка тобольских воевод князя Алексея Трубецкого с товарищами томским воеводам князю Петру Пронскому с товарищами о перевозке из Маковского острога хлебных запасов для Красноярского острога и для экспедиции Якова Хрипунова (с. 147).

12. 1630 г. не ранее ноября 28. — Отписка из зимовья на устье Идирмы-реки атамана Ивана Алексеева енисейскому воеводе князю Семену Шеховскому о вьюках на реку Лену, о вестях про Василия Бугра и поход служилых людей в «Якольскую землю», о враждебном отношении мучугов и шилягов к русским, о сборе ясака с налягов и шаманов, о бегстве части их «под Браты» и о намерении идти летом походом против налягов и шаманов на Лене (с. 152).

13. 1630 г. декабря 5. — Отписка енисейского воеводы князя Семена Шеховского томскому воеводе князю Петру Пронскому о посылке в Братскую землю десятника Вихора Савина и Сидора Аникиева, об убийстве первого из них, об отправке туда же атамана Максима Перфильева для сбора ясака и устройства острога, о недостатке служилых людей в Енисейске и о полученном государевом указе о переводе красноярских служилых людей в Енисейск (с. 155).

14. 1631 г. января 25. — Память енисейского воеводы князя Семена Шеховского на Лену атаману Ивану Галкину с товарищами, посланным туда ставить острог, о переводе из уничтожаемого Красноярского острога служилых людей в Енисейск и о посылке части их на перемену служилых людей на Лене (с. 159).

15. 1631 г. не ранее марта 28. — Отписка енисейского атамана Ивана Галкина енисейскому воеводе князю Семену Шеховскому о сборе ясака с налягов и шаманов по рекам Илиму, Идирме и Лене и с жившего вверх по Лене князца Гипки, об отсылке собранного ясака, якорей и судовой снасти в Енисейск, о походе к цынгогарским людям, об отсутствии у него проводника в его походе на Лену для устройства там острога (с. 161).

16. 1631 г. не ранее мая 6. — Отписка из Братской земли атамана Максима Перфильева енисейскому воеводе князю Семену Шеховскому о получении наказной памяти, о невозможности поставить острог против устья Оки, о способе передвижения служилых людей по Тунгуске и о невозможности ввиду малолюдства идти вверх по Ангаре для объясачения братских людей (с. 163).

17. 1630–1631 гг. — Челобитная енисейских служилых людей Семена Родюкова с товарищами из Братской земли (с. 165).

18. 1631 г. не ранее июля 16. — Отписка енисейского стрелецкого сотника Петра Бекетова, посланного в новый острог на Лене на смену атаману Ивану Галкину, енисейскому воеводе князю Семену Шеховскому о недостатке у него корма и запасов для приезжих иноземцев, о бедности посланных с ним служилых людей и об отсутствии ясачных книг на тунгусов, живущих по Лене (с. 166).

19. 1631 г. — Отписка в Москву енисейского воеводы князя Семена Шеховского о присылке в Енисейск из Томска вместо 200 только 41 человека, о задержке остальных в Красноярске, об оставлении им, в свою очередь, в Енисейске красноярских служилых людей, зимовавших там, о приборе 64 человек из гулящих людей, о посылке этих людей в Братскую землю, на Лену и в другие землицы, о приезде атамана Максима Перфильева в Енисейск 18 июня, о вестях, полученных с Лены от атамана Ивана Галкина, и о невозможности использовать для службы присланных из Томска людей ввиду их слабости и бедности (с. 168).

20. 1631 г. не ранее июля 28. — Отписка в Москву енисейского воеводы князя Семена Шеховского о службе атамана Максима Перфильева (с. 172).

21. 1631 г. не ранее 30 сентября. — Отписка енисейских служилых людей Михаила Торского и Степана Потылицына енисейскому воеводе Ждану Кондыреву о посылке их в Братский острог и о уведомлении, что под Шаманским порогом у них судно проломило и люди занемогли (с. 175).

22. 1631 г. не ранее декабря 25. — Отписка енисейского стрелецкого сотника Петра Бекетова енисейскому воеводе Ждану Кондыреву о приеме им от атамана Ивана Галкина на устье Идирмы запасов и части людей, об остроге, поставленном Иваном Галкиным на устье Куты, о недостатке у него олова, одекуя, жира и вина, о раздаче им служилым людям хлебного жалованья на 141-й год, о посылке челобитчика о денежном жалованье, о походе вверх по Лене в Братскую землю, об устройстве в устье Тутура острога, об уходе братов в Мунгалы, на Ламу-озеро, и о промышленных людях с Нижней Тунгуски (с. 175).

23. 1631–1632 гг. — Отписка Илимского острога десятника Фирса Никифорова енисейскому воеводе Ждану Кондыреву о ясаке, собранном им с шаманцев, ордынцев, налягов и других тунгусов (с. 180).

24. 1632 г. не ранее июня 13. — Отписка мангазейских и тобольских служилых людей Степана Корытова с товарищами мангазейским воеводам Василию Давыдову и Дмитрию Клокачеву о том, что они отправились из Туруханского зимовья на реку Лену без толмача (с. 180).

25. 1632 г. не ранее июля 1. — Отписка в Москву томского воеводы Ивана Татева о посыланных в разные времена людях в Братскую землю, о непослушании братских людей, о построении острожка в Братской землице (с. 181).

26. 1632 г. не ранее августа 5. — Отписка в Москву томских воевод, князя Ивана Татева с товарищами об устройстве в Братской земле (около порога Падуна) острога, о ясаке, собранном там в 1630–1632 гг., и невозможности действовать на братов только ласкою (с. 185).

27. 1632 г. августа 18. — Грамота с прочетом в Тобольск воеводам князю Федору Телятевскому с товарищами об освобождении от повинностей, подводной и других, гостиной сотни Василия, Гурия и Афанасия Федотовых и их родных и людей, торгующих и промышляющих в Сибири (с. 190).

28. 1632 г. не ранее сентября 3. — Память енисейского воеводы Ждана Кондырева на Лену енисейскому сыну боярскому Парфену Ходыреву о посылке к нему весной прибавочных людей, об отпуске в Енисейск сотника стрелецкого Петра Бекетова и отправке с ним соболиной казны, о поставке в случае надобности другого острога на Лене и о возвращении весной в Енисейск (с. 192).

29. 1632 г. не ранее ноября 7. — Отписка из Братского острога казачьих десятников Бажена Поленова и Фомы Кочергина с товарищами енисейскому воеводе Ждану Кондыреву о непослушании братских князцов, о приезде от Байкала братских людей и о поселении их в устье Оки, об отношении братов и тунгусов к русским и о недостатке запасов в остроге (с. 193).

30. 1633 г. не ранее февраля 3. — Отписка из Илимского острога пятидесятника Тереха Терского енисейскому воеводе Ждану Кондыреву (с. 194).

31. 1633 г. не ранее апреля 3. — Отписка с устья Идирмы енисейского сына боярского Парфена Ходырева енисейскому воеводе Ждану Кондыреву о собранном с тунгусов ясаке и о тамошних происшествиях (с. 195).

32. 1633 г. не ранее мая 29. — Отписка енисейского воеводы Ждана Кондырева томскому воеводе князю Ивану Татеву о братском ясыре и о посылке в Братскую землю пятидесятника Василия Черменина с товарищами (с. 197).

33. 1633 г. июня 12. — Наказная память енисейского воеводы Ждана Кондырева енисейскому атаману Ивану Галкину, посланному приказным в новый Ленский острог (с. 200).

34. 1633 г. июня 30. — Наказная память тобольских воевод князя Андрея Голицына с товарищами тобольскому сыну боярскому Воину Шахову, отправленному на реки Чону, Вилюй и Лену (с. 201).

35. 1633 г. июля 14. — Наказная память томских воевод князя Ивана Татева с товарищами атаману Дмитрию Копылову, посланному со служилыми людьми в Братскую землю (с. 205).

36. 1633–1634 гг. — Роспись енисейских служилых людей и тобольских казаков, бывших на службе в Ленском остроге с атаманом Иваном Галкиным, и их послужной список (с. 207).

37. 1633–1634 гг. — Отписка из Ленского острога енисейского атамана Ивана Галкина енисейскому воеводе Андрею Племянникову о «смуте» в Якутской земле из-за того, что с тамошних людей сбирают ясак одновременно мангазейские и енисейские служилые люди (с. 210).

38. 1634 г. декабря 19. — Грамота в Енисейск воеводе Андрею Племянникову о посылке енисейской городовой печати, о мягкой рухляди и о печатных пошлинах (с. 211).

39. 1634–1635 гг. — Отписка мангазейских служилых людей, Евстафия Колова с товарищами, мангазейскому воеводе Григорию Орлову и дьяку Василию Атарскому о невозможности проехать с государевою соболиною казною мимо Ленского острога (с. 214).

40. 1635 г. не ранее февраля 26. — Отписка тобольского воеводы князя Андрея Голицына мангазейскому воеводе Григорию Орлову и дьяку Василию Атарскому о посылке городовой печати, о соболях и лисицах, которые следует брать в качестве ясака и поминков, и о печатных пошлинах (с. 214).

41. 1635 г. марта 12. — Грамота в Енисейск воеводе Прокопию Соковнину о посылке в Томск требования на денежное жалованье, пищали и припасы для новоприборных служилых людей и о посылке последних в Братский острог (с. 217).

42. 1635 г. июня 18. — Грамота в Томск воеводе князю Ивану Ромодановскому с товарищами об отношении к черным калмыкам тайшей Кужи Панаева и Очети Бабагачева (с. 221).

43. 1635 г. июля 9. — Грамота в Томск воеводе князю Ивану Ромодановскому с товарищами о походе в Братскую землю енисейского пятидесятника Дуная Васильева с товарищами и о посылке к нему прибавочных людей, с наказом ему (с. 222).

44. 1635 г. не ранее июля 10. — Отписка с устья Олекмы енисейского сына боярского Петра Бекетова енисейскому воеводе Андрею Племянникову о неправильных действиях олекминских приказных, Семена Родюкова с товарищами, и о сношениях и столкновениях с олекминскими тунгусами (с. 226).

45. 1635 г. не ранее июля 17. — Отписка с устья Олекмы енисейского сына боярского Петра Бекетова енисейскому воеводе Андрею Племянникову о начале работ по построению острога на Лене, против устья Олекмы, и о «плутовстве» служилых людей: Семена Родюкова с товарищами (с. 227).

46. 1635 г. не ранее сентября 1. — Грамота томским воеводам, князю Ивану Ромодановскому и Андрею Бунакову, о приведении князца Кохтобея и Сенгея-тайши в подданство (с. 229).

47. 1635 г. не ранее декабря 25. — Отписка томского воеводы князя Ивана Ромодановского енисейскому воеводе Прокопию Соковнину о невозможности прислать в Енисейск прибавочных служилых людей (с. 231).

48. 1631 г. января 3. — Грамота енисейскому воеводе Прокопию Соковнину о расспросе сына боярского Парфена Ходырева с товарищами, сколько они на реках Лене и Олекме ясаку взяли (с. 231).

49. 1636 г. января 14. — Грамота енисейскому воеводе Прокопию Соковнину о ясыре, привозимом из Сибири и возвращаемом обратно в Енисейск (с. 233).

50. 1636 г. января 31. — Отписка томского воеводы стольника князя Ивана Ромодановского енисейскому воеводе Прокопию Соковнину о посылке из Томска для прииску новых землиц атамана Дмитрия Копылова с товарищами (с. 234).

51. 1636 г. апреля 23. — Грамота в Томск воеводам князю Ивану Ромодановскому с товарищами о посылке в Енисейск пищалей и припасов и об отправке из Томска служилых людей против братов, побивших пятидесятника Дунайку Васильева с товарищами (с. 235).

52. 1636 г. апреля 24. — Грамота в Томск воеводам князю Ивану Ромодановскому с товарищами о посылке в Енисейск в прибавку служилых людей и об отправке их в Братскую землю (с. 236).

53. 1636 г. сентября 16. — Грамота в Томск воеводе князю Ивану Ромодановскому с товарищами о посылке енисейскими воеводами служилых людей за ясаком и для покорения немирных землиц по их усмотрению и о приводе новых землиц под царскую руку ласкою (с. 238).

54. 1636 г. октября 31. — Грамота в Томск воеводе князю Ивану Ромодановскому о сукнах и верхах шапочных, розданных калмыцким тайшам и их людям, и о лошадях, полученных от них (с. 240).

55. 1637 г. февраля 4. — Память енисейского воеводы Прокопия Соковнина в Усть-Олекминский острожек атаману Осипу Галкину о посылке к нему на перемену казачьего пятидесятника Семена Серебряника (с. 242).

56. 1637 г. февраля ... — Память енисейского воеводы Прокопия Соковнина енисейскому атаману Ивану Галкину о невозможности прислать на Лену прибавочных служилых людей, о ясаке с Киренги и Куты, о присылке илимского ясака, об отсылке в Енисейск судов и судовых снастей, на которых Иван Галкин и Семен Серебряник посланы на Лену и Олекму (с. 243).

57. 1637 г. апреля 8. — Грамота в Енисейск воеводе Прокопию Соковнину о присылке в Москву соболиной казны, собранной на Лене с каталинских людей (с. 245).

58. 1638 г. не ранее сентября 2. — Отписка с Ленского волока Парфена Ходырева енисейскому воеводе Никифору Веревкину о прибытии на Ленский волок, о посылке служилых людей на Лену, Киренгу, Илим и в Ленский острожек, о присылке прибавочных людей и о выходе служилых людей, Ильи Перфильева с товарищами, с государевою казною с реки Янги (с. 247).

59. 1639 г. ноября 1. — Грамота в Тобольск воеводам князю Петру Пронскому с товарищами об отпуске контайшиных послов в Москву (с. 247).

60. 1640 г. января 28. — Грамота в Тобольск воеводам князю Петру Пронскому с товарищами о посылке к контайше и к Кула-тайше тобольского сына боярского с государевыми подарками и с посольскими речами (с. 249).

61. 1640 г. января 28. — Роспись государева жалованья, посланного из Москвы калмыцким тайшам — контайше и Кула-тайше (с. 251).

62. 1640 г. мая 30. — Грамота в Тобольск воеводам князю Петру Пронскому с товарищами о посылке к контайше с его послами, Урускаем и Ноедой, 10 собачек постельных, 10 свиней, 2 вепрей, петуха и курицы индейских и об отпуске послов к контайше (с. 252).

63. 1641 г. не позднее марта 5. — Челобитная торгового человека Алексея Тихонова Хромого и промышленного человека Сергея Федорова о даче на оброк «соляных пожилин» на притоке реки Тасеевой Манзе и приговор енисейского воеводы Никифора Веревкина об устройстве варницы на притоке реки Тасеевой (с. 253).

64. 1641 г. не ранее декабря 30. — Отписка в Москву тобольских воевод князя Пронского с товарищами о посольстве к Чокур-тайше тобольского новокрещена Луки Кызылова с приложением его доезда (с. 254).

65. 1641 г. декабря ... — Наказ тобольскому конному казаку Лариону Насонову, посланному из Тобольска к калмыцкому тайше Чокуру (с. 256).

66. 1642 г. февраля 18. — Память верхотурского воеводы князя Никифора Мещерского приказчику Невьянской и Арамашевской слобод Дмитрию Лабутину о подыскании места под острог в Арамашевской слободе и о составлении сметы на его постройку (с. 257).

67. 1642 г. не ранее июня 17. — Отписка тарского воеводы Василия Чеглокова тобольскому воеводе князю Петру Пронскому о сборе контайшиными людьми ясака в волостях Тарского уезда (с. 257).

68. 1642 г. июня 25. — Память якутских воевод Петра Головина с товарищами енисейскому казачьему десятнику Елисею Бузе по поводу его отписки о чендонских юкагирах (с. 258).

69. 1642 г. июля 31. — Наказная память якутских воевод Петра Головина с товарищами служилым людям Ивану Реброву с товарищами, отправленным на реку Оленек (с. 259).

70. 1642 г. не ранее сентября 2. — Расспросные речи тобольского конного казака Лариона Насонова, ездившего из Тобольска к калмыцкому контайше и тайше Чокуру (с. 260).

71. 1642 г. не ранее сентября 21. — Доезд тобольского новокрещена Якова Бугалакова, посланного на Ямыш-озеро с подарками контайше (с. 262).

72. 1643 г. не ранее апреля 2. — Отписка кузнецкого воеводы Дементия Кафтырева томскому воеводе стольнику князю Семену Клубкову-Масальскому о походе кузнецких служилых людей против керсагальских людей, о бое с людьми Мачикова улуса и о посылке служилых людей вверх по Кондоме-реке в Усленскую, Салунскую, Коляшскую, Мундусскую, Тотошскую и Кезегецкую волости (с. 263).

73. 1644 г. января 9. — Грамота в Томск стольнику и воеводе князю Семену Клубкову-Масальскому о принятии мер в случае нападении Алтын-царя и калмыков на Томский, Кузнецкий и Красноярский уезды (с. 264).

74. 1644 г. февраля 10. — Наказ ленским (якутским) воеводам Василию Пушкину, Кириллу Супоневу и дьяку Петру Стеншину (с. 265).

75. 1644 г. не ранее февраля 16. — Отписка в Москву тобольских воевод князя Григория Куракина с товарищами о посылке к контайше тобольских служилых людей Григория Ильина и юртовского татарина Кучебердея Кучеева, о переговорах их с контайшей, о разных вестях про калмыцких тайшей, которые получены посланниками за время посольства, о приеме воеводой калмыцких послов, прибывших с посланниками, о посылке в Москву калмыцких листов ввиду невозможности перевести их в Тобольске и отпуске калмыцких послов назад (с. 276).

76. 1644 г. не ранее февраля 16. — «Колмацкий контайшин лист» в переводе тобольского служилого татарина Баянды Янкучукова и посольские речи калмыцких послов Долги и Ургудая на съезжем посольском дворе в Тобольске (с. 280).

77. 1644 г. не ранее марта 30. — Отписка в Москву тобольских воевод князя Григория Куракина с товарищами о посылке ими к контайше тобольского литвина Станислава Буткеева и юртовского татарина Кутуная для переговоров о запрещении контайшиным людям промышлять в волостях Тарского уезда (с. 280).

78. 1644 г. не ранее мая 29. — Отписка в Москву тобольских воевод князя Григория Куракина с товарищами о намерении контайши воевать осенью Тарский уезд и о «шатости» в Барабинской волости (с. 281).

79. 1644 г. не ранее июня 16. — Отписка туринского воеводы князя Петра Барятинского верхотурскому воеводе Максиму Стрешневу о запрещении сажать крестьян на Большой Елани (Красном Поле) ввиду принадлежности ее не к Верхотурскому, а к Туринскому уезду (с. 282).

80. 1644 г. не ранее июня 20. — Отписка туринского воеводы князя Петра Барятинского тобольскому воеводе князю Григорию Куракину о препятствиях со стороны верхотурских воевод к устройству в Ермолаевой волости новой Краснопольской слободы и о необходимости размежевания Туринского уезда с Верхотурским (с. 284).

81. 1644 г. августа 22. — Грамота в Тобольск воеводам князю Григорию Куракину с товарищами об ответах контайше на его требования отпустить киргизского князя Изеню, о принадлежности ясачных людей Керсагальской, Мундусской, Тутошской и Кезегецкой волостей Кузнецкого уезда и других волостей, которые от контайши удалены, о посылке к контайше, согласно его просьбе, четырех петухов и восьми кур немецких и о предложении контайше прислать в Тобольск листы, писанные татарским, а не калмыцким письмом (с. 285).

82. 1644 г. не ранее августа 25. — Отписка тобольского воеводы князя Григория Куракина с товарищами томским воеводам князю Дмитрию Щербатому с товарищами о посылке из Тары к контайшиным ясачным людям сына боярского Герасима Костелецкого и конного казака Федора Плотникова и о намерении контайши воевать осенью сибирские города (с. 291).

83. 1644 г. не ранее октября 10. — Отписка в Москву тобольских воевод князя Григория Куракина с товарищами о том, что калмыки контайши и других калмыцких тайшей промышляют в Тарском уезде и близко от него, и о посылке из Тары посланников к контайше с предложением о запрещении его людям «зверовать» на государевых землях (с. 292).

84. 1644 г. не ранее октября 22 — декабря 5. — Докладная выписка о посольстве к контайше сотника стрелецкого Владимира Клепикова (с. 293).

85. 1644 г. ноября... — Грамота в Тобольск воеводам князю Григорию Куракину с товарищами о посылке к контайше послов для переговоров о запрещении его людям въезжать и промышлять в волостях Тарского уезда (с. 299).

86. 1645 г. января 20. — Грамота в Тобольск воеводам князю Григорию Куракину с товарищами о посылке служилых людей к контайше для переговоров о запрещении его людям въезжать и промышлять в волостях Тарского уезда, об уводе кочующих там его людей, об отпуске татар Барабинской волости, взятых в 1644 г., о «кузнецком полоне» и о ведении переговоров, не входя «в большой задор» (с. 300).

87. 1645 г. января 30. — Сказка енисейского атамана Никифора Галкина о построении воеводою Петром Головиным нового Якутского острога, о содержании его товарищей в тюрьме, о построении семи тюрем в новом остроге и о переполнении их (с. 302).

88. 1645 г. февраля 11. — Грамота в Тобольск воеводам князю Григорию Куракину с товарищами о посольстве к контайше тобольского сотника стрелецкого Владимира Клепикова с товарищами и о посылке к контайше кур индейских и свиней и отпуске его послов из Тобольска в Москву (с. 302).

89. 1645 г. не ранее мая 20. — Отписка тобольского воеводы князя Григория Куракина верхотурскому воеводе Максиму Стрешневу об отпуске в Москву Чуны и Сыряна — послов контайши — и о корме и питье им (с. 304).

90. 1645 г. не ранее мая 26. — Отписка в Москву тобольских воевод князя Григория Куракина с товарищами об отпуске Чуны и Сыряна — послов контайши — в Москву (с. 304).

91. 1645 г. мая 30. — Наказная память тобольскому сыну боярскому Меньшому Ремезову, отправленному к соляным озерам с петухами, курами и свиньями для калмыцкого контайши (с. 305).

92. 1645 г. июня 16. — Грамота в Енисейск воеводе Федору Уварову о взимании десятины с соляных варниц Алексея Хромого (Тихонова) и Сергея Федорова солью, об употреблении собранной пошлинной соли на жалованье и о запрещении заводить вновь государевы варницы в Енисейском уезде (с. 306).

93. 1645 г. июля 16. — Грамота в Якутск воеводам Василию Пушкину с товарищами об отпуске на родину, к Соли Вычегодской, Ерофея Хабарова (с. 307).

94. 1645 г. августа 29. — Доезд тобольского сына боярского Меньшого Ремезова о поездке его к соляному озеру Ямышу, об израсходованном им в пути зелье ружейном и пушечном и о сдаче им обратно в разрядный стол посланных с ним для контайши кур и петухов индейских, свиней и боровов (с. 308).

95. 1645 г. не ранее октября 13. — Отписка в Москву верхотурского воеводы Максима Стрешнева и подьячего Максима Лихачева о размежевании Верхотурского и Туринского уездов (с. 308).

96. 1645 г. декабря 14. — Грамота в Тобольск воеводам князю Григорию Куракину с товарищами о послах контайши, возвращающихся из Москвы, об отправке их к контайше, о беспрепятственном пропуске в Москву следующих послов контайши, если контайша даст шерть государю, и о разрешении торговым людям контайши торговать под Тобольском и под другими сибирскими городами (с. 310).

97. 1646 г. января 3 — 1647 г. августа 29. — Отписка в Москву енисейского воеводы Федора Уварова о соли, выдаваемой енисейским служилым людям, ружникам и оброчникам (с. 312).

98. 1646 г. января 30 — февраля 3. — Дело об отпуске из Тобольска послов контайши, ездивших в Москву, и об отправке к контайше тобольского сына боярского Данилы Аршинского (с. 312).

99. 1646 г. марта 25. — Грамота в Туринск воеводе князю Петру Барятинскому о размежевании Туринского и Верхотурского уездов и о делах туринских татар с верхотурскими крестьянами (с. 314).

100. 1646 г. июня 10. — Наказная память якутских воевод Василия Пушкина с товарищами десятнику Ленского острога Семейке Шелковинскому (Шелковнику) с товарищами, отправленному на реки Улью и Охоту (с. 316).

101. 1646 г. не ранее сентября 1. — Отписка верхотурского воеводы Михаила Стрешнева тобольскому воеводе боярину Ивану Салтыкову о печатях верхотурских слобод и застав (с. 318).

102. 1647 г. не ранее марта 7. — Отписка красноярского воеводы Петра Протасьева енисейскому воеводе Федору Уварову о запрещении русским и тунгусам по Уде (Чуне) и Муре воевать с бурятами (с. 318).

103. 1647 г. не ранее апреля 5. — Отписка в Москву томского воеводы князя Осипа Щербатого с товарищами о приходе в Красноярск посланников от братского князца Оланка (Ойланка), о получении от них поминков, об их шерти и об отправке в Братскую землю служилых людей (с. 319).

104. 1647 г. августа 25–31. — Отписка в Москву томского воеводы князя Осипа Щербатого с товарищами о принятии прибывшим в Красноярск братским князцом Ойланкой (Иланкой) шерти и о построении острога на реке Уде (с. 321).

105. 1648 г. марта 4–24. — Отписка енисейского воеводы Федора Полибина томскому воеводе князю Осипу Щербатому о сборе ясака в Тубе и в Киргизах на Алтынцаря и о разрешении послать взаймы свинец в Красноярский острог (с. 323).

106. 1648 г. ноября 29. — Грамота в Якутск воеводе Дмитрию Францбекову о поверстании казака Никифора Аргамакова в пятидесятники (с. 323).

107. 1649 г. не ранее марта 27. — Отписка тюменского воеводы Селивестра Чеглокова туринскому воеводе Василию Кокореву о калмыках, бывших на реке Берневке (с. 324).

108. 1649 г. не ранее мая 13. — Отписка в Москву енисейского воеводы Федора Полибина о наводнении в Енисейске (с. 325).

109. 1649 г. не ранее мая–июня. — Отписка в Москву енисейского воеводы Федора Полибина о втором наводнении в Енисейске и уезде и о гибели яровых хлебов (с. 326).

110. 1649 г. не ранее июня 23. — Отписка в Москву туринского воеводы Василия Кокорева о полученных вестях про поход царевича Бугая и калмыков под сибирские города и уезды, о недостатке служилых людей в остроге и о присылке прибавочных конных служилых людей (с. 326).

111. 1649 г. не ранее июня 24. — Отписка туринского воеводы Василия Кокорева тобольскому воеводе стольнику Василию Шереметеву о вестях про царевича Бугая, о недостатке служилых людей в Туринском остроге и присылке указаний, как охранять от калмыков Туринский уезд (с. 328).

112. 1649 г. июля 29. — Расспросные речи тобольских служилых людей Федора Иванова и Байбагиша Якшигулова о посольстве в калмыцкие улусы к Ирдени-контайше, о сношениях с ним и об отказе уфимского воеводы Дмитрия Долгорукого принять посланных с ними калмыцких послов (с. 328).

113. 1649 г. октября 12. — Расспросные речи татар, бежавших от калмыков тайши Тоялбы, кочевавших за Тоболом, в Тюменском уезде (с. 329).

114. 1649 г. не ранее ноября 18. — Отписка приказчика Нижней Ницынской слободы Федора Воронова туринскому воеводе Василию Кокореву о вестях про калмыков на реке Миясе (с. 330).

115. 1649 г. не ранее ноября 28. — Отписка тюменского воеводы Селивестра Чеглокова туринскому воеводе Василию Кокореву о полученных вестях про намерение калмыков идти войной на Тобольск и Тюмень (с. 330).

116. 1649–1650 гг. — Отписка тобольского воеводы стольника Василия Шереметева верхотурскому воеводе Рафу Всеволожскому о поручении исетскому казаку Давыду Андрееву призывать в пашенных городах и уездах Тобольского разряда в крестьяне в новый острог на Исети и о высылке туда из Верхотурского уезда стрельцов и крестьян для острожного ставленья (с. 331).

117. 1649–1650 гг. — Отписка тобольского воеводы стольника Василия Шереметева верхотурскому воеводе Рафу Всеволожскому о дополнительной посылке верхотурских крестьян на Исеть для острожного ставленья (с. 332).

118. 1649–1650 гг. — Отписка тобольского воеводы стольника Василия Шереметева туринскому воеводе Василию Кокореву о поручении исетскому казаку Давыду Андрееву призывать в пашенных городах и уездах Тобольского разряда в крестьяне в новый острог на Исети и о высылке туда из Туринского уезда стрельцов и крестьян для острожного ставленья (с. 332).

119. 1650 г. января 21. — Грамота в Тобольск стольнику и воеводе Василию Шереметеву с товарищами о торгах с калмыками в Тюменском уезде (с. 332).

120. 1650 г. февраля 22. — Грамота в Енисейск воеводе Афанасию Пашкову о даче посадскому человеку Андрею Свешнину земли под «плавильню», двор и пашню в том месте Енисейского уезда, где он отыщет железную и «укладную» руду (с. 334).

121. 1650 г. не позднее марта ... — Отписка тобольского воеводы стольника Василия Шереметева туринскому воеводе Василию Кокореву об убавке числа туринских пашенных крестьян, посылаемых на Исеть для острожного ставленья (с. 335).

122. 1650 г. не ранее мая 21. — Отписка исетского казака Давыда Андреева туринскому воеводе Василию Кокореву об отпуске обратно туринских крестьян ввиду окончания острожного и церковного дела на Исети (с. 336).

123. 1650 г. не ранее августа 22. — Отписка тюменского воеводы Селивестра Чеглокова тобольскому воеводе стольнику Василию Шереметеву о намерениях Кучумовых внучат — Девлеткирея и Бугая воевать сибирские города и о мерах безопасности, принятых им на Тюмени и в Тюменском уезде (с. 336).

124. 1650 г. августа 25. — Память тюменского воеводы Селивестра Чеглокова приказчику Нижней Ницынской слободы Борису Деткову о намерении Кучумовых внучат — Девлеткирея и Абугая с племянниками воевать сибирские города и Уфу (с. 337).

125. 1650 г. сентября 5. — Память тюменского воеводы Селивестра Чеглокова приказчику Нижней Ницынской слободы Борису Деткову о намерении тайшей Томчина, Кунделека и Доен-Онбо и царевичей Девлеткирея и Бугая идти войною на сибирские города и слободы и на Уфу (с. 337).

126. 1650 г. сентября 14. — Память тюменского воеводы Селивестра Чеглокова приказчику Нижней Ницынской слободы Борису Деткову о намерении калмыков воевать сибирские города и слободы (с. 338).

127. 1650 г. октября 10. — Грамота в Тобольск стольнику и воеводе Василию Шереметеву с товарищами о принятии мер на случай нападения на сибирские уезды калмыков контайши Каракулы (с. 338).

128. 1650 г. не ранее октября 14. — Отписка тюменского воеводы Селивестра Чеглокова туринскому воеводе Василию Кокореву о намерении царевичей Бугая и Девлеткирея вместе с калмыцкими тайшами идти войною под Тюмень и Невьянскую слободу (с. 339).

129. 1650 г. не ранее октября 30. — Отписка в Москву тобольских воевод стольника Василия Шереметева с товарищами о принятии мер на случай нападения на сибирские уезды калмыков и о невозможности отправить к контайше посланников (с. 340).

130. 1650–1651 гг. — Отписка тобольского воеводы стольника Василия Шереметева туринскому воеводе Матвею Мусину-Пушкину об оказании содействия исетскому казаку Давыду Андрееву, посланному прибирать крестьян в новый Исетский острог (с. 341).

131. 1650 г. — Грамота в Енисейск воеводе Афанасию Пашкову о соляных промыслах енисейского посадского Алексея Тихонова Меньшого, о взимании с них пятой пошлины солью, о сборе с новых соляных промыслов пошлин деньгами и об охране промыслов Алексея Тихонова (с. 342).

132. 1651 г. января 17. — Отписка в Москву тобольских воевод стольника Василия Шереметева с товарищами о посольстве к контайше тобольского сотника стрелецкого Владимира Клепикова с товарищами и о послах, прибывших с ними от контайши (с. 343).

133. 1651 г. не ранее мая–июня. — Отписка в Москву верхотурского воеводы Рафа Всеволожского об основании на реке Чусовой новой слободы слободчиками Семеном и Афанасием Гилевыми и о насилиях сылвинского татарина Мамая Туранбаева с товарищами (с. 345).

134. 1651 г. не ранее сентября 14. — Отписка тюменского воеводы Ивана Веригина туринскому воеводе Матвею Мусину-Пушкину о походе Девлеткирея войною под сибирские города и об отказе Чечень-тайши помогать ему (с. 347).

135. 1651 г. сентября 15. — Доезд тюменского сына боярского Ильи Бакшеева, ездившего в Успенский Исетский монастырь после его погрома и пожара (с. 347).

136. 1651 г. сентября 18 — октября 15. — Докладная выписка по делу Тобольской воеводской избы о погроме Успенского Исетского монастыря (с. 348).

137. 1651 г. октября 5–8. — Отписка в Москву тобольского воеводы стольника Василия Шереметева с товарищами о сожжении и разграблении Успенского монастыря на Исети, об отказе тарских служилых людей идти на государеву службу из-за невыплаты жалованья, о намерении тайши Кончака воевать Нарымский уезд, об отсутствии денег в тобольской, тарской и туринской государевой казне, о нападении царевича Бугая на Аялынскую волость Тарского уезда (с. 350).

138. 1651 г. не ранее октября 19. — Отписка в Москву тюменского воеводы Ивана Веригина о погроме Успенского Исетского монастыря и о мерах, принятых им в связи с этим погромом (с. 353).

139. 1651 г. октября 25. — Память тобольского воеводы стольника Василия Шереметева приказчику Нижней Ницынской слободы Григорию Загарину о сборе с ни-

цынских пашенных крестьян по 4 деньги с двора для откупа калмыцких полонеников (с. 355).

140. 1651 г. не ранее ноября 16. — Отписка в Москву тобольского воеводы Василия Шереметева о нападениях татар и калмыков на деревни Тарского уезда, о походе против царевича Бугая тарского сына боярского Власа Чередова, о допросах и пытках калмыков и татар (с. 356).

141. 1651 г. ноября 16–24. — Отписка в Москву тобольских воевод — стольника Василия Шереметева с товарищами об отпуске послов контайши и о посылке к контайше меди-шумихи (с. 357).

142. 1651 г. не ранее ноября 28. — Отписка тобольского воеводы Василия Шереметева тарскому воеводе князю Василию Горчакову о получении от него вестей про поход тарского сына боярского Власа Чередова против царевича Бугая, о допросе и пытках взятых в плен калмыков, о нападении калмыков на деревню Чиплиярову, о посылке против них ротмистра Андрея Кропотова, о челобитье служилых людей, о жалованье на 159-й и 160-й годы, о запрещении посылать без государева указа служилых людей на калмыцкие улусы, о полученных в Тобольске вестях про передвижения калмыков, претензии и обиды калмыцкого посла Ишмана и об осторожном обращении с калмыками и бережении от них (с. 360).

143. 1651 г. не ранее декабря 4. — Отписка тарского воеводы князя Василия Горчакова тобольскому воеводе Василию Шереметеву о нападениях царевича Девлеткирея на Аялынскую волость, о походе против него ротмистра Андрея Кропотова, об уходе от него из похода части служилых людей, о прибытии в Тару калмыцких послов и бухарцев, о нападении на них в пути царевичевых людей, об отказе служилых людей ехать из Тары в степь с калмыцкими послами, о просьбе тарских волостных татар послать служилых людей против калмыков и об отказе татар ехать из деревень в город (с. 363).

144. 1651 г. не ранее декабря 10. — Отписка приказчика Нижней Ницынской слободы Григория Загарина приказчику Верхней Ницынской слободы Никифору [...] о вестях про Девлеткирея с сыном и про калмыков (с. 365).

145. 1651 г. декабря 17. — Приговор тобольского воеводы стольника Василия Шереметева о наказании тарских служилых людей, ушедших из похода и чинивших обиды ясачным татарам, и о запрещении посылать служилых людей против калмыков без государева указа (с. 365).

146. 1651–1652 гг. — Челобитная ленского казака Ивана Ерастова о жалованье за службу в 146–160-м годах в Якутском уезде (с. 366).

147. 1652 г. не ранее июня 23. — Отписка в Москву тюменского воеводы Ивана Веригина о мерах, принятых им для укрепления города ввиду вестей о приходе калмыков, и о недостатке в городе служилых людей и ружей (с. 370).

148. 1652 г. не позднее августа 20. — Челобитная енисейских всяких чинов людей архиепископу сибирскому Симеону о построении церкви Рождества и девичьего монастыря в Енисейске (с. 372).

149. 1652 г. августа 20–31. — Отписка енисейского воеводы Афанасия Пашкова архиепископу сибирскому Симеону о челобитной енисейских всяких чинов людей о построении церкви Рождества и девичьего монастыря в Енисейске (с. 372).

150. 1652 г. августа 27–31. — Отписка в Москву верхотурского воеводы Льва Измайлова о найденном на Исети черенковом ревене и на Синаре — копытчатом ревене и о необходимости построения острога на речке Барневе, притоке Исети (с. 372).

151. 1652 г. не ранее сентября 4. — Память тюменского воеводы Ивана Веригина приказчику Нижней Ницынской слободы Григорию Загарину о калмыках, которых видели на реках Пышме и Исети (с. 374).

152. 1652 г. не ранее сентября 10. — Память тюменского воеводы Ивана Веригина приказчику Нижней Ницынской слободы Григорию Загарину о походе башкир на калмыков и о сборе последних в поход (с. 374).

153. 1652 г. не ранее ноября 22. — Отписка тюменского воеводы Ивана Веригина приказчику Нижней Ницынской слободы Григорию Загарину о вестях про Ешкептайшу и его походе под сибирские города (с. 375).

154. 1653 г. не ранее февраля 9. — Отписка верхотурского воеводы Льва Измайлова тобольскому воеводе князю Василию Хилкову о неправильной приписке Чусовской слободы к Тобольску (с. 375).

155. 1653 г. не ранее июня 18. — Отписка тюменского воеводы Ивана Веригина приказчику Нижней Ницынской слободы Прокопию Протопопову о вестях про сбор в поход контайши и тайшей Абдулая, Гунжи и Батура против Ешкепа и дербенцев (с. 376).

156. 1653 г. августа 22–31. — Отписка в Москву верхотурского воеводы Льва Измайлова об уничтожении калмыками черенкового ревеня, оставленного на Исети, и о посылке туда проезжей станицы (с. 377).

157. 1653 г. не позднее августа 28. — Челобитная енисейских всяких чинов людей архиепископу сибирскому Симеону о присылке попа к новым церквам и игуменьи в новый девичий монастырь (с. 377).

158. 1653 г. августа 28–31. — Отписка енисейского воеводы Афанасия Пашкова архиепископу сибирскому Симеону о посылке к нему челобитной енисейских всяких чинов людей о присылке попа к новым церквам и игуменьи в новый девичий монастырь (с. 378).

159. 1653 г. августа 29. — Отписка в Москву верхотурского воеводы Льва Измайлова о нападении калмыков на сараи на реке Исети, где хранился ревень (с. 378).

160. 1653 г. августа 29. — Отписка приказчика Ирбитской, Туринской и Белослудской слобод Андрея Бернацкого верхотурскому воеводе Льву Измайлову о сохранности ревеня, оставленного в горах на Исети, и о вестях про калмыков (с. 379).

161. 1653 г. не ранее ноября 20. — Отписка тобольского воеводы князя Василия Хилкова тюменскому воеводе Ивану Веригину о посылке воинских людей против Кучумовых внучат Бугая, Кучука и Кансуера (с. 380).

162. 1654 г. не ранее мая 28. — Отписка из Арамашевского острога Панкратия Перхурова верхотурскому воеводе Льву Измайлову о переходе калмыков через реку Исеть, об отгоне ими коней и коров пышминских татар и о недостатке служилых людей в остроге (с. 380).

163. 1654 г. не ранее сентября 11. — Отписка тюменского воеводы Никифора Елдезина приказчику Нижней Ницынской слободы Прокопию Протопопову о намерении людей царевича Девлеткирея воевать Тару и тарские волости (с. 381).

164. 1654 г. не ранее сентября 22. — Отписка тюменского воеводы Никифора Елдезина приказчику Нижней Ницынской слободы Прокопию Протопопову о намерении царевича Девлеткирея воевать сибирские уезды в «замороз» и в «ясашное время» (с. 381).

165. 1654 г. не ранее октября 20. — Отписка тюменского воеводы Никифора Елдезина приказчику Нижней Ницынской слободы Прокопию Протопопову о вестях про калмыков Айгучи-тайши и их намерении воевать Тюмень и Уфу (с. 382).

166. 1654 г. не ранее октября 24. — Отписка тюменского воеводы Никифора Елдезина приказчику Нижней Ницынской слободы Прокопию Протопопову о намерении калмыцких тайшей воевать осенью Тюмень и Тару (с. 382).

167. 1655 г. марта 4. — Челобитная томских служилых и посадских людей и пашенных крестьян о разрешении отпустить в Кузнецк для сбора на строящуюся в Томске церковь посадского человека Потапа Большенина (с. 383).

168. 1655 г. марта 4–5. — Отписка томского воеводы стольника Никифора Нащокина кузнецкому воеводе Федору Баскакову об отпуске из Кузнецка для сбора на строящуюся в Томске церковь посадского человека Потапа Большенина (с. 383).

169. 1655 г. августа 8–15. — Отписка тюменского воеводы Никифора Елдезина приказчику Нижней Ницынской слободы Прокопию Протопопову о погроме уфимскими башкирами улуса Айюши-тайши (с. 384).

170. 1655 г. августа 15–31. — Отписка тюменского воеводы Матвея Полуехтова приказчику Нижней Ницынской слободы Прокопию Протопопову о намерении Кучумовых внучат воевать осенью Тобольск и уезды (с. 384).

171. 1655 г. августа 19–31. — Отписка тюменского воеводы Матвея Полуехтова приказчику Нижней Ницынской слободы Прокопию Протопопову о нападении воинских людей на татарские юрты Индерской волости (с. 384).

172. 1655 г. августа 26–31. — Отписка тюменского воеводы Матвея Полуехтова приказчику Нижней Ницынской слободы Прокопию Протопопову о нападении воинских людей на Индерские юрты и о походе царевичей под Тюмень (с. 385).

173. 1656 г. января 31. — Грамота на Верхотурье воеводе Ивану Хитрово о подтверждении данных Афанасию Гилеву и Фролу Арапову на строение Чусовской слободы, о высылке из слободы приказчика и с новоприискного места поселившегося там татарина (с. 385).

174. 1656 г. марта–мая. — Отписка тюменского воеводы Ивана Шадрина тобольскому воеводе князю Василию Хилкову о полученных вестях про царевичей Абугая, Канзуяра и Чучелея и дядю их Девлеткирея (с. 387).

175. 1656 г. мая 15. — Данная и наказная память верхотурского воеводы Ивана Хитрово Чусовской слободы крестьянам Афанасию Гилеву и Фролу Арапову на пустые места по рекам Чусовой, Черемшанке и Утке (с. 388).

176. 1656 г. августа 27–31. — Отписка кузнецкого воеводы Федора Баскакова томскому воеводе князю Ивану Приимкову-Ростовскому об отпуске в Томск помолиться кузнецкого казака Кондратия Ерофеева с женою (с. 393).

177. 1657 г. марта 20. — Наказная память верхотурского воеводы стольника Ивана Хитрово Панкратию Перхурову о переводе из слобод Верхотурского уезда беломестных казаков в Катайский острог (с. 394).

178. 1657 г. не ранее марта 29 — августа 31. — Отписка Панкратия Перхурова верхотурскому воеводе Ивану Хитрово о переводе им из разных слобод 30 казаков в Катайский острог (с. 394).

179. 1657 г. июня 7. — Данная тюменского воеводы Ивана Шадрина Троицкой Исетской пустыни строителю Филарету с братией на землю по Исети (с. 395).

180. 1657 г. августа 22–31. — Отписка уфимского воеводы Алексея Головина тюменскому воеводе Ивану Шадрину о полученных от него вестях про поход Кучумовых внучат — Девлеткирея с братьями и с племянниками (с. 396).

181. 1657 г. не ранее сентября 10. — Отписка тобольского воеводы Алексея Буйносова-Ростовского тюменскому воеводе Ивану Шадрину об угрозе царевича Девлеткирея с братией воевать сибирские города, если им не будут возвращены бежавшие от них тарские и тюменские полоненики (с. 396).

182. 1657 г. сентября 25. — Память тюменского воеводы Ивана Шадрина приказчику Нижней Ницынской слободы Воину Дементьеву об угрозе царевича Девлеткирея с братией воевать сибирские города (с. 397).

183. 1657 г. не ранее ноября 21. — Отписка тобольского воеводы стольника Алексея Буйносова-Ростовского туринскому воеводе Леонтию Андреевичу о запрещении вывоза из Сибири ревеня (с. 397).

184. 1658 г. не ранее сентября 16. — Отписка в Москву тюменского воеводы Федора Веригина о полученных вестях про поход царевичей и калмыков против сибирских городов и о недостатке свинца в Тюмени (с. 399).

185. 1658–1659 гг. — Отписка в Москву тюменского воеводы Федора Веригина об устройстве слободы на месте татарского городка Явлутура (с. 400).

186. 1659 г. января 22. — Грамота на Верхотурье стольнику и воеводе Ивану Камынину об устройстве заставы на новой дороге из Сибири через Утку и Кунгур и об отсылке проезжающих через нее в верхотурскую таможню (с. 401).

187. 1659 г. не ранее февраля 27. — Отписка в Москву верхотурского воеводы стольника Ивана Камынина о новой дороге из Сибири через Утку и Кунгур на Каму и о челобитных верхотурских крестьян о запрещении ездить гонцам через слободы (с. 402).

188. 1659 г. октября... — Сказка красноярского сына боярского Степана Коловского об его службе (с. 403).

189. 1659 г. не ранее ноября 18. — Отписка заставщиков Чусовской слободы Афанасия Иванова и Елисея Иванова верхотурскому воеводе стольнику Ивану Камынину об объезжей дороге на Мурзино и на Исеть (с. 405).

190. 1659 г. не ранее декабря 26 — не позднее 1660 г. января 15. — Отписка посланного с тобольскими служилыми татарами в поход против царевичей и калмыков тобольского ротмистра литовского Данилы Аршинского тобольскому воеводе (с. 405).

191. 1659–1660 гг. — Отписка тобольского воеводы князя Ивана Хилкова туринскому воеводе князю Ивану Мещерскому об отпуске гонцов с делами и казною в Москву по ямам, а не на слободы, за исключением самых нужных и скорых гонцов (с. 406).

192. 1660 г. января 15–22. — Отписка в Москву тобольского воеводы князя Ивана Хилкова с товарищами о нападениях царевичей и калмыков на Тарский уезд, о походе против них тарских сотников Юрия Шатова и сына боярского Кузьмы Заливина, о переписи ясачных людей Тарского уезда, оставшихся в живых, побитых и взятых в плен, и об отсылке в Москву калмыка, взятого в языках (с. 407).

193. 1660 г. не ранее января 23. — Отписка тарского воеводы Михаила Шеховского тобольскому воеводе князю Ивану Хилкову о нападении калмыков на Тунусскую волость (с. 410).

194. 1660 г. не ранее января 25. — Отписка тарского воеводы князя Михаила Шеховского тобольскому воеводе князю Ивану Хилкову о нападениях калмыков на Тунусскую волость и о посылке служилых людей в верхние и нижние волости Тарского уезда для бережения от царевичей и от калмыков (с. 411).

195. 1660 г. не ранее января 31. — Отписка тарского воеводы князя Михаила Шеховского тобольскому воеводе князю Ивану Хилкову о полученных вестях про «кошеутов» и «теленгутцев», их нападениях на деревню Алтымбаеву Тунусской волости, о присылке служилых людей и о пополнении казны сукнами и холстами (с. 411).

196. 1660 г. не ранее февраля 7. — Отписка в Москву тобольского воеводы князя Ивана Хилкова с товарищами о посылке на Тару на помощь тобольских служилых людей, о возвращении их с ротмистром Данилой Аршинским и головой Саввой Турским в Тобольск, о новом нападении калмыков на деревню Алтымбаевскую, о подготовке тобольских служилых людей к новому походу и о недостатке в Тобольске служилых людей, денег и оружия (с. 413).

197. 1660 г. февраля 16. — Расспросные речи калмыков Бурачи и Ожги, послов Ешкеп-тайши (с. 415).

198. 1660 г. не ранее февраля 16. — Отписка тарского воеводы князя Михаила Шеховского тобольскому воеводе князю Ивану Хилкову о вестях про намерение царевичей и калмыков идти походом на Тару и о посылке в Тобольск расспросных речей калмыков, присланных Ешкеп-тайшой (с. 416).

199. 1660 г. не ранее февраля 26. — Отписка в Москву тобольских воевод князя Ивана Хилкова с товарищами о подготовке тобольских служилых людей к походу против царевичей и калмыков и о задержке послов Ешкеп-тайши в Таре (с. 417).

200. 1660 г. ранее февраля 27. — Челобитная царю Алексею Михайловичу тарских ясачных людей о защите их от нападений царевичей и калмыков и о посылке против них служилых людей «нынешные весны по пластам» (с. 418).

201. 1660 г. февраля 27. — Грамота в Тобольск воеводе князю Ивану Хилкову с товарищами о походе тобольских, тюменских и тарских служилых людей против Кучумовых внучат и калмыков (с. 419).

202. 1660 г. февраля 29. — Грамота в Тюмень воеводе Андрею Кафтыреву о подарках, присланных калмыцкими тайшами (с. 420).

203. 1660 г. не ранее февраля ... — Отписка тарского воеводы князя Михаила Шеховского тобольскому воеводе князю Ивану Хилкову о посылке в разные места Тарского уезда служилых людей для охраны от калмыков и царевичей и об Ишкеповых послах, содержащихся на Таре под караулом (с. 422).

204. 1660 г. апреля 6–27. — Отписка в Москву тобольских воевод князя Ивана Хилкова с товарищами о посылке на Тару служилых людей с ротмистром Данилой Аршинским и головой Саввой Турским и о выполнении государева указа от 2 апреля о посылке тобольских, тарских и тюменских служилых людей против Кучумовых внучат и калмыков (с. 423).

205. 1660 г. не ранее апреля 8. — Отписка томских воевод стольника Ивана Бутурлина с товарищами тобольским воеводам князю Ивану Хилкову с товарищами о полученных ими вестях про намерения черных калмыков воевать Томск, Тобольск и Тару, о походе Девлеткирея на Тарский уезд и о кочевьях сына мунгальского Алтын-царя Лоджана на реке Кемчике (с. 425).

206. 1660 г. не ранее апреля 17. — Отписка в Москву енисейского воеводы Ивана Ржевского о наводнении в Енисейске и Енисейском уезде (с. 426).

207. 1660 г. апреля 29 — мая 4. — Отписка тарского воеводы князя Михаила Шеховского тобольскому воеводе князю Ивану Хилкову о прибытии в Тару служилых людей во главе с ротмистром Данилой Аршинским и головой Саввой Турским и о неявке в Тару до 4 мая служилых людей, посланных дополнительно из Тобольска, а также тех, которые должны быть посланы из Тюмени (с. 426).

208. 1660 г. мая 3–5. — Отписка из Тары тобольского головы Саввы Турского тобольским воеводам князю Ивану Хилкову с товарищами о прибытии его с служилыми людьми на Тару 16 апреля, о вестях, полученных им от тарского воеводы и от сына боярского Ивана Макшеева, о походе последнего к озеру Чаны против калмыков, о местах кочевий калмыков и об отпуске пленников, взятых калмыками в Барабинской волости, и о намерении отправиться в поход «после Николина дни вешнего вскоре» (с. 427).

209. 1660 г. мая 8. — Расспросные речи прибывших из Тары в Тобольск казака Григория Лукьянова и татарина Кабыла Турмаметева о походе против калмыков русских и татар во главе с сыном боярским Иваном Макшеевым (с. 429).

210. 1660 г. мая 11. — Расспросные речи прибывшего из Тары в Тобольск тарского сотника стрелецкого Нефеда Матвеева о походе сына боярского Ивана Макшеева против калмыков Улузан-тайши и об отпуске последним и царевичами пленников (с. 430).

211. 1660 г. не ранее июня 7. — Отписка тарского воеводы князя Михаила Шеховского тобольскому воеводе князю Ивану Хилкову об отправке в поход против калмыков и царевичей тобольских и тарских служилых людей, о прибытии после того новых тобольских и тюменских служилых людей и об отправке их также в поход, об отсутствии сведений о намерениях царевичей и калмыков, о новом кочевье Улузан-тайши и об отпуске им и царевичами пленников (с. 431).

212. 1660 г. не ранее июня 18. — Отписка тарского воеводы стольника князя Михаила Шеховского тобольскому воеводе князю Ивану Хилкову о замыслах Абулай-тайши и о нежелательности отпуска из Тобольска его посла Иркемула (с. 432).

213. 1660 г. не ранее сентября 10. — Отписка Панкратия Перхурова верхотурскому воеводе Ивану Камынину о количестве людей, прибранных на оброк в Катайский острог в 166–169 гг. (с. 433).

214. 1660 г. декабря ... — Память верхотурского воеводы стольника Ивана Камынина в новую Чусовскую слободу верхотурскому стрельцу Петру Конно, таможенному целовальнику Андрею Варфоломееву и слободчику Афанасию Гилеву о назначении туда двух таможенных сборщиков и о сыске про окольную дорогу, проложенную мимо Чусовской слободы (с. 434).

215. 1661 г. не ранее сентября 5. — Отписка тобольского воеводы князя Ивана Хилкова верхотурскому воеводе Ивану Камынину о запрещении арамашевским казакам Ивану Смоле с товарищами селиться на землях Мурзиной слободы по рекам Режу, Бобровке и Глинке (с. 435).

216. 1661 г. не ранее октября 4. — Отписка верхотурского воеводы Ивана Камынина тобольскому воеводе князю Ивану Хилкову о своде арамашевских казаков Ивана Смолы с товарищами с Бобровки-реки и о запрещении им пахать пашню на реках Режу, Бобровке и Глинке (с. 436).

217. 1662 г. не ранее января 25. — Отписка верхотурского воеводы Ивана Камынина тобольскому воеводе князю Ивану Хилкову о том, что он писал в верхотурские слободы близ Исети о запрещении ездить за пошлинами в Мехонину курью, Царево городище и Бариево (с. 437).

218. 1662 г. июня 10. — Грамота в Тюмень воеводе Михаилу Павлову о сношении с Тобольском по делу о татарских выходцах (с. 438).

219. 1680 г. февраля 26. — Грамота в Енисейск воеводе Александру Салтыкову о землях, угодьях и промыслах Спасского Енисейского монастыря (с. 439).

<ГРАМОТЫ 1622–1680 гг.>

1. *1622 г. не ранее марта 2. — Отписка тобольского воеводы боярина Матвея Годунова мангазейским воеводам Дмитрию Погожему и Ивану Тонееву о посылке из Тобольска стрелецкого пятидесятника Григория Семенова с служилыми людьми в буляшские земли на реках Оленьей и Лине.*

Господам Дмитрею Семеновичю, Ивану Федоровичю Матфеи Годунов челом бьет. В нынешнем во 130-м году, марта в 2 день в государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии грамоте писано в Тоболск, что писали вы к государю к Москве в прошлом во 129-м году, июля в 28 день, привезли к вам в Мангазееской город Тоболскова и Березова города служилые люди Супонко Васильев с товарыщии из Мангазеиского уезду из Нижны Тунгуски иноземцов и неясашных людеи буляшеи шесть человек, и те де булящии перед вами в роспросе сказывали, что они люди кочевные, а живут на реке на Олене, а та река впала в Лин в болшую реку, а которые де буляшии к ним привезены в Мангазеискои город, а которые на тои реке люди живут с ними, и те преж сего государю ясаку не плачивали и руских людеи на промыслех и ясашных тунгусов побивали, а сказывали вам, что про государево царево и великаго князя Михаила Федоровича всея Русии царское величество не слыхали и не ведали, кому ясак платить, а ныне они государю ради ясак платить по вся годы. А роду своего те буляши сказали, которые живут по реке Оленье, человек з двести. Да они же, буляши, в роспросе вам сказывали, что та река Оленья впала в Лин в болшую реку, а по тои де по болшои по Лине реке живут многие люди и с ними, з буляши, торгуют (*л. 118об.*) соболи, у них покупают на железо; язык де у них меж собои осне[1], ходитца и с ними не воютца и огненного бою у них никакова нет, а избы де у них, как и у руских людеи, и лошади есть же; а про то они не ведают, пашенные ли они люди или не пашенные; а платье носят таково ж, как и руские люди. А ходу де сухим путем от Мангазеиского уезда до Еукансково зимовья до реки до Оленьи нидели с четыре, а воденого ходу до себя не сказывают. И по тем их гуляшским роспросам речам посылали вы из Мангазеиского города для государева ясачнова збору в Мангазеискои уезд в Нижную Тунгуску вь Еукалское зимовье Тоболского города служилого человека Ивашка Коковку, да с ним же, Ивашком, и с промышленными людми послали вы из них гуляших трех человек для росказу своим и иным родом гуляжским людем, чтоб они жили под государевою царскою высокою рукою в тишине и в покое без всякаго сумнения, и ясак бы с себя государю платили по вся годы рядовои, и руских бы людеи и государевых ясашных тунгусов не побивали. И толко

[1] *Так в рукописи.*

б де в Мангазеиском городе государевы служилые люди, которые приезжают из Тоболска, (*л. 119*) из Березова, были государевым дережным и хлебным жалованьем пожалованы человек с тритцать годы на два и на три, и до тех бы до гуляшских орд, где они живут на Оленье реке и вниз по Оленье до Болших людеи, которые живут на Болшои на Лине реке, доити и под государеву царскую высокую руку привести мочно, и с теми б де служилыми людми торговых и промышленных людеи для торгов и промыслов пошло много. И как к нам государева грамота придет, и нам велено послать ис Тоболска, выбрав служилых людеи, тритцать человек добрых, и государево им денежное и хлебное жалованье велено дать года на два и на три вдруг полные их оклады; и велено послать в Мангазею, или б мангазеиским годовалщиком служилым людем послать ис Тоболска государево денежное и хлебное жалованье потому ж полные их оклады года на два и на три, кому б было такое государево дело за обычеи; и в походе бы им быти без нужи. И в Мангазею велено к вам отписать и велеть бы из Мангазеи послать в те гуляшские земли на Оленью реку и на болшую на Лин реку, и велети б тех гуляшских людеи переписывать имяны с прозвищи и под государеву высокую руку к шерти (*л. 119об.*) привести, чтоб им быти под государевою царскою высокою рукою и ясак государю платить ежегод беспереводно. А приветчи к шерти, велети б с них государев ясак собрати как будет мочно, чтоб их не ожесточить, велети б к ним держати ласку и привет и накормити и наделити государевыми запасы доволно, чтоб их обнадежить, и впередь бы им от государевы царские высокие руки быти неотступным. Да что у нас учнет делатца, и кого имянны служилых людеи в те новые землицы пошлем, и кто б именем служилых людеи к государю служба и раденье будет, и нам о том подлинно велено писати к государю, чтоб государю про то было ведомо и служилых бы людеи служба была незабвенна. И ныне по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всея Русии указу послан ис Тоболска на государеву службу в Мангазею в Тазовскои город для прииску гуяшских людеи тоболскои стрелецкои пятдесятник Гриша Семенов, а с ним послано тоболских служилых людеи десеть человек, а государево им денежное и хлебное жалованье дано в Тоболску на три годы оклад их сполна. И как тоболскои пятдесятник (*л. 120*) Гриша Семенов с товарыши к вам в Мангазею в Тазовскои город приедет, и вам бы, господа, дав ему толмача Ханептека пустозерца, и послать их по государеву указу в буляшские земли на Оленью реку и на болшую на Лин реку, а с ними послати из Мангазеи торговых и промышленных людеи или, будет похотят итти с ними в буляшку[1] землю которые торговые или промышленные или иные какие люди для торгов, и вам бы, господа, потому ж велети их в буляшскую землю служилыми людми отпустить. И велеть тех булявских людеи переписать имяны и с прозвищи, и велети их привести к шерти и под царскую высокую руку, чтоб им быти под царскою высокою рукою, ясак бы государю платили ежегод беспереводно. А приветчи к шерти, велеть с них государев ясак собрать как будет мочно, чтоб их не ожесточити, и велети к ним держати ласку и привет, а за ясаком велети б вам, господа, привести в Мангазею буляшских людеи человек дву или трех. А как Гриша Семенов с товарыщии Буляшские земли людеи под царскую высокую руку и к шерти привет[2], и ясак возмут, и за ясаком в Мангазею в Тазовскои город булящских людеи приве-

[2] *Так в рукописи, следует читать* приведетъ.

дет, и вам бы, господа, тем булящским людем говорити, чтоб они со всею своею буляшскою землею были под царскою высокою рукою[3].

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 21, лл. 118–120.

2. *1625 г. не ранее февраля 28. — Отписка енисейского воеводы Якова Хрипунова тобольскому воеводе князю Юрию Сулешову о погроме тунгусами с реки Тасеевой ясачников Тереха Савина с товарищами.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии боярину и воеводе князь Юрью Еншиевичю Яков Хрипунов челом бьет. В нынешнем во 133-м году, октября в 30 день посыланы были из Енисеиского острогу к тунгуским князцом князцу Иркинею с товарыщы по государев ясак Енисеиского острогу пятидесятник стрелецкои Терех Савин с товарыщы, а велено ему, Тереху с товарыщы, по государеву указу с тунгуских людеи, с князца Иркинея с товарыщы, государев ясак на нынешнеи на 133 год збирати и про новые землицы проведывати, которые новые землицы и великому государю ясаку з себя не платят, и тех землиц князцеи и лутчих людеи под государеву высокую руку велено приводить и ясак с них збирать, и князцеи и лутчих людеи вь Енисеискои острог ко государеве милосте призывать, и государеву милость и жалованье слово велено сказывать. И декабря 26 день Енисеиского острогу пятидесятник Терех Савин с товарыщы пришел вь Енисеискои острог и в съезъжеи (*л. 7*) избе в роспросе сказал, как де он, Терех, будет вверхь по Тунгуске реке на рыбнои ловле, и пришли де на них ис Тасеевы реки тунгуские князца Тасеевы люди ночью, и Терех Савин учал им о государеве ясаке говорить, чтоб они государю ясак на нынешнеи на 133 год заплатили, и велико[1] бы государю служили и прямили по прежнему. И тунгуские князца Тасеевы люди с Терехом Савиным с товарыщы учинили бои и Тереха Савина из лука ранили, пробили левую руку навылет, и рухлядь их и запасы все отгромили, а сам Терех с товарыщы в ызбушку от тунгуских людеи одва ушел. И сидели от тунгуских людеи в осаде шесть днеи, а сами де тунгуские люди говорят, нам де государю ясаку не платить, а буде де к нам будут служивые люди по ясак, и нам де их побивать. И тунгуские люди февраля по 28 число государева ясаку не плачивали, а государева указу о тунгуских людех вь Енисеискои острог не бывало — воевати ли их за их воровство, что оне великому государю изменили, ясаку с себя не платят и государевых[2] служивых людеи, которые были посланы к ним по государев ясак, побили до смерти, и впредь государевых служилых людеи побивати хотят же, и о том что государь укажет.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, лл. 6об.–7.

3. *1625 г. не ранее мая 30. — Отписка енисейского воеводы Якова Хрипунова тобольскому воеводе князю Юрию Сулешову с товарищами о посылке сотника Поздея Фирсова и атамана Василия Алексеева вверх по Верхней Тунгуске и атамана Василия Тюменца на реку Тасееву к князцу Тасейку.*

---

[3] *Далее текст документа обрывается.*

[1] *Так в рукописи, следует читать* великому.

[2] *Слово написано над строкой.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии боярину и воеводе князь Юрью Еншиевичю Яков Хрипунов челом бьет. В нынешнем во 133-м году, маия в 30 день посланы из Енисеиского острогу на государеву службу вверхь по верхнеи Тунгуске на кочах сотник стрелецкои Поздеи Фирсов да атаман Васка Алексеев, а с ними служилых людеи сорок человек к тунгуским, напленским и к шаманским князцом и в Брацкую землю. А велено им, сотнику Поздею Фирсову да атаману Васке Алексееву с товарыщы, с тунъгуских, напленских и с шаманских людеи государев ясак на нынешнеи на 133 год збирать и про новые землицы проведывать, которые новые землицы великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии ясаку не платят, и тех землиц князьцеи и лутчих людеи под государеву высокую руку велено приводить к шерти ласкою, а не жесточью, и ясак с них збирать. И в том им тунгуским, напленским и шаманским князцом, велено говорити, чтоб они, князцы и лутчие люди, со въсеми своими людми великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии служили и прямили, и ясак бы с себя великому государю по прежнему платили, и аманатов бы вь Енисеискои острог давали, и были бы под его, государевою высокою рукою навеки неотступныи. Да в нынешнем же во 133-м году, маия 30 день послан из Енисеиского острогу на государеву службу вверхь по Тасееве реке Енисеиского острогу атаман Василеи Тюменин, а с ним послано служилых людеи дватцать пять человек к тунгускому князцу Тасеику с товарыщы, и велено ему, Василью, князцу Тасеику с товарыщы говорити, и что он, князец Тасеико, забыв к себе государеву милость и свою правду и шерть, на чом он великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии жертовал, государю изменил и государевых служилых людеи (*л. 6об.*) побил и ясаку с себя не платил. И он бы, Тасеико, попомня к себе государеву милость и свою правду прежнюю шерть, на чем он великому государю шертовал, ко государю обратился и в своеи вине великому государю добил челом, и ясака б с себя давал, и закладчиков вь Енисеискои острог присылал. А как князец Тасеико, попомня к себе государеву милость и свою правду, на чом он великому государю шертовал, ко государю обратитца и в своеи вине великому государю добъет челом, и ясак с себя и своих людеи великому государю учнет платить, и закладчиков вь Енисеискои острог даст, и Василью велено ему, князцу Тасеику с товарыщы, государево жалованное слово сказать, что ево, Тасеика, великии государь царь и великии князь Михаило Федоровичь всеа Русии пожалует, велит ево держати в своем царском милостивом призъренье и от недругов их велит оберегать, и вины ево и измены воспомянуть не велит. А велено ему, Василью, князца Тасеика с товарыщы под государеву высокую руку приводить ласкою, а не жесточью, и обиды ни которые и насилства чинити не велено. А как Енисеиского острогу сотник Поздеи Фирсов да атаман Василеи Тюменец с товарыщы з государевы службы придут и что у них каких вестеи объявитца, и много ль ясаку возмут, и о том о всем отпишу в Тоболеск тотчас.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, л. 6–6об.

4. *1627 г. не ранее июня 24. — Отписка целовальника Василия Гребнева мангазейским воеводам Ефимию Мышецкому и Андрею Волохову о выменянных на хлебный запас на Енисейском волоке соболях.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводам (*л. 137*) князю Ефимию Федоровичю, Андрею Афонасьевичю выделнои запасной целовалник Васка Гребенев челом бьет. В нынешнем, государи, во 135-м году, июня в 24 день послали вы, государи, ис Тазовъсково города государева хлебново запасу, и я, Васка, на Енисеиском волоку того запасу променил на соболи пятдесять девять четвертеи, а соболеи выменил на тот запасъ (*л. 137об.*) четыре сорока, а послал, государи, те соболи с Семеном с Юрьевым сыном Коткиным, а что, государи, в Тазовском городе недочлись пяти четвертеи запасу, и я того запасу здеся не сыскал.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 21, лл. 136об.–137об.

5. *1629 г. не позднее июля 26. — Отписка в Москву енисейского воеводы Василия Аргамакова о грабеже служилыми людьми полка Якова Хрипунова промышленных людей в Нарыме и по Тунгуске.*

В прошлом во 136-м году, как шол ис Тоболска вь Енисеискои острог Яков Хрипунов и служивые люди, его полк, встретя в Нарыме промышленых людеи, которые отпущены были из Енисеиского острогу к Русе с соболиною мяхкою рухлядью, перегрwelcome грабили и соболи у них поимали, а у иных имали[1] за соболи откупу денгами. И торговые и промышленые люди, которые было пошли вь Енисеискои острог для соболиного торгу и промыслу, видя над своею братьею, что их служивые люди Яковлева полку Хрипунова перегрwelcome грабили, вь Енисеискои острог за грабежом не пошли и поворотили в Томск и в Сургут и в ыные сибирские городы. Да и потому ж не брать твоеи государевы десятинные пошлины, что посылал Яков Хрипунов в нынешнем во 137-м году в Тунгускую реку шурина своего, Никиту Воеикова, а с ним двенатцать человек служивых людеи, пятидесятника Терешку Савина, да Игънашку Проскурякова, да толмача Розгилдеика Сеитова, бутто для сыску серебреные руды, и Микита Ваеиков служивыми людми ходил в Тунгуску блиско Брацкого порогу и, вперед идучи и назад, имели по Тунгуске с промыслов промышленых людеи под себя и под запасы в подводы, а с ыных промышленых людеи имали денгами, с ватаги рублев по десяти и болше, и платье и запасы. И промышленые люди от Микитина и от служивых людеи насилства и грабежа промышляли мало, а ныне сошли с промыслов осереди зимы, потому что у них запасы пограбили. [2]И привезли[2] ис Тунгуски Микита (*л. 21об.*) с служивыми людми сороков с пятнатцать соболеи и болше, да шуб з дватцать и болше, и вь Енисеиском остроге продавали, а десятую пошлину с тех соболеи и с шуб имал Яков Хрипунов. А что перекупали вь Енисеиском остроге з городов служивые люди, которые были с ним посланы для серебра, и он их отпущал назад по городом, а с перекупных соболеи имал десятую он же, а в их место вь Енисеиском осътроге прибрал ярыжных да взял с собою.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, л. 21–21об.

6. *1629 г. не ранее июля 16. — Отписка в Москву енисейского воеводы Василия Аргамакова о заговоре енисейских пашенных крестьян Васьки Каргопола с товари-*

[1] *Слово написано над строкой.*
[2-2] *Написано над строкой.*

щами, о неожиданном приезде качинских служилых людей в Енисейский острог, об их требованиях, об убийстве ими в Красноярске атамана Ивана Кольцова, о походе качинских служилых людей на Тунгуску и о грабежах их там.

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии холоп твои Васка Аргамаков челом бьет. В нынешнем, государь, во 137-м году, марта в 8 день бил челом тебе государю и извещал вь Енисеиском остроге в съезжеи избе Енисеиского острогу[1] пашеннои кресътянин Онъдрюшка Пучеглаз Енисеиского ж осътрогу[2] на новоприсылных ис Тоболска на опалных[3] людеи, что присланы в Енисеискои острог в пашенные крестьяня за розбои, на Васку Каргапола, да на Киришку Соловья, да на Мишку Седунова с товарыщи, на осми человек, да на старых пашенных крестьян на Корнилка Павлово с товарыщы, на четырех человек. А сказал, заводят де они воровство и прибирают к себе воров из гулящих людеи и из крестьян, договорясь с качинскими служивыми людми с Ывашком Носком с товарыщи, а товарыщеи де у него будет с Красново Яру человек с пятдесят и болше, и собрався де, хотят бежать из Енисеисково острогу на Кеть и на Обь реки и поимав в Маковском отстрожке хлебные запасы и суды, хотят розбивать на реке на Кети и на Оби проезжих торговых и промышленых и всяких людеи, хто бы попадет встрече [4]и в полях[4], и разграбя, хотят ехать к Русе через Камень. И марта ж, государь, в 9 день ис того же воровского заводу, пришед в съезжую изъбу, пашеннои крестьянин Гришка Федоров (*л. 24об.*) извещал на товарыщев своих на того ж Васку Каргапола, да на Киришку Соловья[5], да на пашенного ж кърестьянина на Корнилка Павлова[6] с товарыщы, что хотят де они бежать из Енисеиского осътрогу и призывают к себе в товарыщы ис крестьян и из гулящих людеи, а сказывает, что будут с нами беглы с Красново Яру служивые люди Ивашко Носко с товарыщи человек с пятдесят и болши, и хотят де итти[7] на реку на Кеть и имав в Маковском острожке запасы и суды, и розбивать на Кети и на Обе реке проезжих торговых[8] и промышленых и всяких людеи, а перегробя, бежать к Русе через Камень. И марта ж в 10 день пашеннои крестьянин Корнилко Павлов в съезжеи избе роспашиван, а в роспросе сказал, что звали его, Корнилка, Васка Каргопол да Кирюшка Соловеи с товарыщи, да пашеннои крестьянин Гришка Федоров с собою бежать к Русе, и он, Корнилко, с ними в думе был же, а про качинских служивых людеи про Ивашка Носка с товарыщы, сказывали ему Васка Каргопол да Кирюшка Соловеи, что хотят де с ними ж бежать те качинские служивые люди Ивашко Носко с товарыщы, человек с пятдесят и болше, и Васька Каргопол да Кирюшка Соловеи с товарыщи в съезжеи избе с пашенными крестьяны з Гришкою и с Корнилком с очи на очи ставлены и роспрашиваны. А в роспросе, государь, запиралисъ, а сказали, что они з Гришкою и с Корнилком в думе не бывали и бежать из Енисеисково острогу некуды не хачивали, такое они на них (*л. 25*) воровство затевают. И я, холоп твои, велел их пытати, и у пытки Васка Каргопол да Кирюшка Соловеи с товарыщи рос-

[1] *Далее знак вставки — три кружка.*
[1-2] *Вставка на правом поле.*
[3] *Далее зачеркнуто* ис Тобольска.
[4-4] *Написано над строкой.*
[5] *Далее знак вставки — три кружка.*
[5-6] *Вставка на левом поле.*
[7] *Далее зачеркнуто* на рыку.
[8] *Далее зачеркнуто* людеи.

прашиваны, а в роспросе повинились, а сказали, что хотели они, восемь человек, да старых крестьян Карпинко Павлов да Гришка Федоров с товарыщы, четыре человека, да с Красново Яру к ним же хотели быти служивых людеи Ивашко Носко с товарыщы, человек с пятдесят и болше, и бежать было им на реку на Кеть и на Обь и розбивать торговых и промышленых всяких людеи, а с Кети бежати к Русе по разным городем, где хто жил. Васка Каргапол да Кирюшка Соловеи с товарыщи и старые пашенные крестьяне Корнилко Павлов да Гришка Федоров с товарыщи ж пытаны, а с пытки на себя и на товарыщеи своих говорили тож, что хотели оне бежать из Енисеисково острогу на реку на Кеть и на Обь через Камень, а в заговоре их было новоприсылных опалных людеи восемь человек, да и старых крестьян пять человек, Корнилко Павлов, Гришка Федоров, Оска Сухотин, Волотка Мерин да Ларка Семенов, да Метка Житвин, Гаврилко Прудников, да из гулящих людеи Пашко Федоров, Пронка Петров, да ссылных было им прибирать с собою из гулящих людеи, сколко приберут, да с Красново Яру служивых людеи человек с пятдесят и болше, Ивашко Носко с товарыщы хотел быть вь Енисеискои острог и бежать с ними ж. А в Маковском де было им острожке, поимав суды и хлебные запасы, итти на Кеть и на Обь чрез Камень и на Кети и по Оби грабити торговых и промышленых всяких людеи. И те, государь, пашенные крестьяне за воровство сидели в тюрме и биты кнутьем по торгу и круг всего острогу, и взяты по них поруки з записью, (*л. 25об.*) что им быти впредь вь Енисеиском остроге в пашне и будучи такова воровскова заводу не заводить и из Енисеиского острогу никуды не збежать. И июля, государь, в 27 день приехали вь Енисеискои острог ис Качинские землицы с Красного Яру Енисеиского острогу служилые люди Ивашко Коновал да Кондрашка Микифоров, что посыланы были на Красной Яр ис киргызи[9] для лошадиные покупки. А в роспросе Конъдрашка сказал, слышел де он на Красном Яру в острожке у качинских служивых людеи, у Якунки Петрова с товарыщы, что похваляютца качинские служивые люди приходить на Енисеискои осътрог грабежем за то толко, де к ним на Красной Яр из Енисеиского острогу запасу не пришлют, и им де будет ехать в Енисеискои острог и промышлять на Енисеиском острогом как мошно, и заслать де будет им в острог человек з десять и болше, и отнять ворота Тунгуские и промышлять в остроге всякими мерами. Андреи де Дубенскои им говорил, я де вас не посылаю, ни уимаю, как де хотите. И июня ж, государь, в 30 день пригребли в стругу под Енисеискои осътрог бестрелбы[9] и без вести с Красново Яру служивые люди пятидесятник Офонка Путимец да десятник Федка Псковитин с товарыщы, тритцать человек, а ныне они служивых людеи в дву стругах да в дву дощаниках оставили в западе у острова, повыше Енисеиского острогу, для умыслу. И я, холоп твои, велел от них острог запередь, для того что пригребли под острог, не подав про себя вести[10] — острог украинной, без вестовщиков и бестречи[9] в осътрог не приезжают. И то, государь, учинилось знатно, что (*л. 26*) приехали[11] воровством. И качинскои пятидесятник Афонка Путимец да десятник Фетка Псковитин пришли в острог с Ондреевою отпискою Дубенсково, а в отписке его написано, что посланы они, Офонька[9], на твою государеву службу

[9] *Так в рукописи.*

[10] *Далее зачеркнуто* ни языку *и затем написано* ниясы испища — *видимо, переписчик не разобрал слова подлинника.*

[11] ехали *написано сверху зачеркнутого* жали.

в Тунгуску на братцких людеи, а с ним качинских служивых людеи сто тритцать семь человек, а хлебное им жалованье по тои Ондрееве отписке велено взяти вь Енисеиском осътроге ис качинских хлебных запасов свои окълады, чем им мочно на службу поднятца, а то имянно де написано, на сколко они по Тунгуске недель [12]посланы и сколко им запасы дать[12], и после того с час погодя пригребли и товарыщы ихъ[13]. И я, холоп твои, велел того пятидесятника Офонку Путимца да Фетку Псковитина подержать за приставом, покаместо про них сыщетца допряма, для чего они таким собраньем вь Енисеискои острог приехали и куды они едут, а в Тунгуску было реку им итти таким збором не для чего, потому что по Тунгуске реке и до Брацково порогу живут Енисеиского осътрогу твои государевы ясашные люди, а за Братцким порогом в нынешнем во 137-м году братцкие люди, которые живут по Тунгуске и по Оке реке, учинились под твоею государскою высокою рукою без воины, и ясак з себя дали сотнику стрелецкому Петру Бекетову с служилыми людми в Енисеискои острог. А Ондрею Дубенскому Енисеиского уезду в Тунгуску реку в ясашные волости по твоему государеву указу для ясачного збору посылать не указано, толко б ему не для воровства и грабежеи послать в Тунгуску служивых людеи не для чего, и на нынешнеи[14] на 137 год ясак с тунгуских и з братцких людеи (*л. 26об.*) взять в Енисеискои ж острог. И качинские, государь, служивые люди, собрався под острог, стояли два дни. И зерновои откупщик Богдашко Голои, пришед в острог, в роспросе сказал, зовут де ево с собою качинские служивые люди Макарко да Климко Березовъские в Тунгуску и в Братцкую землицу, а сказывали де ему, Богдашке, что они[15] на Красном Яру заворовали, атамана Ивана Колцова убили до смерти и в воду вкинули, и он де, Богдашко, с ними не пошел. И июля, государь, в 1 день пришел в острог качинъскои служивои человек Васка Анисимов и извещал в съезжеи избе на качинских служивых людеи на пятидесятника на Афонку Путимца да на Фетку Псковитина с товарыщы. А сказал, как де пришел из Енисеиского острогу на Краснои Яр качинскои атаман Иван Колцов с твоею государевою денежною казною, что прислана ис Тоболска качинским служивым людем в жалованье, и то де у него казну Ондреи Дубенъскои взял, а его де, Ивана, изезъжие[9] избы выслал вон, и те де качинские служивые люди Офонка Путимец да Фетка Псковитин, да Ивашко Халдеи, да Онашка Васильев с товарыщы, от съезжие изъбы Ивана Колцова поволокли на площадь, его били осълопы и поволокли за острог и, убив до смерти, вкинули в Качю реку, а убили де его за то, что бутто от него к ним на Краснои Яр запас не пошел; и убив атамана, учели прошать у Андрея Дубенсково на службу в реку в Тунгуску, да отобравъся де сто сорок человек и пошли в Тунгуску, и Ондреи де им наказную память дал, что им итти в Тунгуску. А на Енисеискои, государь, острог поедучи похвалялись и хотели, приехав, убити меня, холопа твоего, и острог грабити за то, что де к ним на Краснои Яр служивые люди запасу не перевезли. А поимав де было им запасы в Енисеиском, (*л. 27*) иттить в Тунгуску и в Братцкую землю, а повоевав братцких людеи, итти назад на Краснои Яр, чтоб им тем воровство свое покрыть. И того ж, государь, дни прислали в съезжую избу качинские служивые люди

[12-12] *Написано на правом поле.*
[13] *Далее зачеркнуто* посланы и колко по Тунгуске.
[14] *Далее зачеркнуто* на сто.
[15] *Слово написано над строкой.*

челобитную качинского ж казака ж Ивашка Клементьева о запасе, чтоб им выдать запасу, с чем им иттити в Тунгуску, и чтоб взять их старшинам. И я, холоп твои, того качинского казака Ивашка Кълеменьтьева против извету качинского же казака Васки Анисимова роспрашивал. А в роспросе он запирался, что того он нечего не ведает, и я его велел пытать, и с пытки он, Ивашко, повинился, сказал то ж, что и Васька Анисимов в роспросе сказывал, что качинские служивые люди Офонка Путимец да Фетка Псковитин с товарыщы на Красном Яру заворовали, атамана Ивана Колцова убили до смерти и на службу де они в Тунгуску пошли самоволством, а, едучи де, они на пороге старшин и ясаулов у себя выбрали пять человек ва[9] старъшины, Офонку Путимца, да Фетку Псковитина, да Онашку Васильева, да в ясаулы приходца, да Гъришку Чюсовитина, что было им ехать к Енисеискому острогу наперед тритцатью человеки и ворота Тунгуские у острогу отняти, а последним за ними ж приехать вскоре и меня, холопа твоего, убить, а осътрог грабить. Качинскои же оставленои служивои человек Семенко Елисеев сын Серои в роспросе сказал, как де приехал на Краснои Яр атаман Иван Колцов и денежную де казну у него Андреи Дубенскои взял, и качинские де служивые люди Офонка Путимец с товарыщы Ивана Колцова убили, за то что бутто от него на Краснои Яр запас не пришел, а иного он ничего не ведает. И Васка Онисимов на него, Семена, говорил, что он, Семена[9], и Ивана Колцова кочергою добил, как ево приволокли к Каче реке. И я, государь, того Семенку велел пытать, [16]и Семенка у пытки[16] повинился, а сказал, что он с качинскими служивыми людми, как ево, Ивана Колцова, убили, был тут же, его ударил и после того занемог цынгою; и Ондреи Дубенковъ[9] и служивы[9] оставили[17] ис Красново Яру[17] (*л. 27об.*) отписку; и он ехал с Красново Яру с теми ж качинскими служивыми людми, на берег выходили и в круг де збирались, и уставили у себя старшинами Офонку Путимца, да Фетку Псковитина, да Онашку Васильева, и ослоп им на себя дали, а ясаулов они выбрали Пашка Балахонца да Гришку Чюсовитина, а его де, Семенку, из судна к себе не взяли, потому что он от службы оставлен; и как де опять собрались в струги, и Офонка де Путимец с товарыщы, отобравъся в струг тритцать человек, поехал наперед, а тем стругам велел ехать за собою позаде, старшине Онашке Васильеву с товарыщы, то де он, Семенка, слышал же у них, что де, приехав им вь Енисеискои острог, воеводу убить и острог грабить. И качинские, государь, служивые люди Онашка Васильев да Ивашка Носко с товарыщы стояли под острогом три дни и, прибрав к себе промышленых людеи и ярыжек, и пошли в Тунгуску, и в Тунгуске, государь, реке промышленых людеи, которые было пошли на соболиные промыслы, многих переграбили донага и запасы у них всякие и соболины промыслы, и котлы, и ружье всякое, и суды поимали. И те грабленые промышленые люди с промыслов прибрели вь Енисеискои острог. И в роспросе те промышленые грабленые люди, Васка Весна с товарыщы, сказали, как де их грабили в Тунгуске качинские служивые люди Онашка Васильев да Ивашко Носко с товарыщы и, грабечи де, говорили, не гараздо де мы зделали, что к Енисеискому острогу приехали наперед людно и старшего отпустили в острог, и для того в остроге и остереглися, приехать де было наперед в острог десяти человеки, ино бы де в острог пустили, а досталным было де людем в верхнеи деревне крестьян перевезать, чтоб де в остроге вести не было, а са-

[16-16] *Написано над строкой.*
[17-17] *Написано другими чернилами.*

мим бы де приехать к острогу начью, и те бы де нам десять человек ворота отперли, и нам де было, вломя в город, воеводу убити (*л. 28*) и острог грабити; да и то де мы просто зделали, что де на Красном Яру енисеисково служивого человека Кондрашку Никифорова не убили, ино бы де вь Енисеискои острог вести не было. Июля ж, государь, в 4 день, пришед в острог Енисеиского острогу пашенной крестьянин Васка Каргапол в роспросе сказал, как де пошли от острогу в Тунгуску качинские служивые люди и приезжали к ним в верхную деревню, и угрожал де ему, Васке, Ивашко Носко с товарыщы, ты де на нас с пытки говорил, от тебя де про нас весть пронеслась вь Енисеиском остроге, и толко бы де на которово нибуди хотя однежды кнутом[18] ударили, и мы бы де тебя пришед и убили до смерти. Июля ж, государь, в 9 день качинские служивые люди Офонка Путимец да Фетка Псковитин против роспросных и пыточных[19] речеи качинских казаков Васки Онисимова, да Ивашка Клементьева, да Семенку Серово и против роспросных речеи промышленых людеи Васки Весны с товарыщы роспрашиваны, а роспросе они во всем запирались, что у них никакова умыслу на Енисеискои острог и на меня, холопа твоего, не бывало, а послал их Ондреи Дубенскои на службу в Тунгуску на братцкие люди. И я, государь, велел их пытать, и с пытки они на себя и на товарыщеи своих ничего не говорили. И качинскои казак Ивашко Клементьев пытан в другои ряд, а с пытки на них на Офонку и на Фетку с товарыщи, говорил то ж, что и на прежнои пытке на них говорил. Июля, государь, в 16 день велел я тех старшин Офонку да Фетку против прежних роспросных и пыточных речеи пытать в другои ряд, пробрив голову, и велел лить на него воду[20], для того что они ведомством закрепились, и кнут и огонь их не нял, и ничего на себя с пытки не говорят. И Фетка и Офонка у пытки повинились, а говорили на себя и на товарыщеи своих то ж, что в роспросе (*л. 28об.*) и с пытки на них говорили качинские казаки Васка Онисимов да Ивашко Клементьев, да отставленои казак Семенка Серои и промышленые люди Васка Павлов с товарыщы, что было им, приехав вь Енисеискои острог, меня, холопа твоего, убить и острог грабить, а поимав запасы, итти в Тунгуску в Братцкую землю воиною. А с пытки, государь, я тех старшин Офонку и Фетку велел посадить в тюрму до твоего государева указу, которые на них изъвещали, Васку Онисимова, а с пытки говорили, Ивашка Клементьева, Семенку Серово, послал за приставом в Тоболеск, а кого имяны промышленых людеи в Туннуске те качинские служивые люди Онашка Васильев да Ивашко Носко с товарыщы перегрaбили, и сколко у кого каких запасов грабежем взяли, и торговых и промышленых людеи Лука Олексеев с товарыщы подали челобитную, и я тое челобитную, подклея под сю отписку, послал к тебе ко государю.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, лл. 24–28об.

7. *1629 г. не позднее июля 26. — Выписка из приходных ясачных книг Енисейского острога 137-го года.*

Во 137-м году сентября с 1 числа при воеводе при Василье Аргамакове ясашные и поминочные и десятинные мяхкие рухляди в приходе:

---

[18] *Слово написано сверху зачеркнутого* стегнули.

[19] и пыточных *написано дважды.*

[20] *Слово написано над строкой.*

С Пумпоколские волости с ясашных людеи с князца с Сурнуека с товарыщи с тритцати человек взято государевых поминочных 30 соболеи, по соболю с человека, да ясаку по 11 соболеи с человека, итого 8 сороков 10 соболеи.

Да с остяка с Тенетеика для толмачества поминочнои соболь да ясаку 5 соболеи.

А донять с князца с Урнука с товарыщы за прошлои за 135 год Ондреева невыбору Ошанина ясаку 24 соболя.

На реке ж на Кети с Кадцкие волости с князца с Вепеи Хабыцына с товарыщы з 20 человек взято государевых поминочных 20 соболеи.

Да ясаку по 11 соболеи с человека, итого 5 сороков 20 соболеи.

С остяка с Атабаика Кобыцына для толмачества поминочнои соболь да ясаку 5 соболеи.

С недорослу с остяка Бобаика взято ясаку 6 соболеи.

А осталось в доимке на князце Епее с товарыщы на прошлои на 135 год онъ[1] Андреева ж невыбору Ошанина поминочных 4 соболя.

Да ясаку 47 соболеи.

На реке на Енисее с Кузнецкие волости с князца (*л. 19*) с Тымки Переорова с товарыщы с 15 человек взято государевых поминочных 15 соболеи да ясаку 4 сорока 5 соболеи.

А в доимке осталось на князце на Тымке с товарыщы на прошлые на 134 и на 135 год Ондреева невыбору Ошанина ясаку и поминков 5 сороков 26 соболеи.

На реке ж на Енисее с Сымские и Касовские волости с князцеи с Калгана и с Акдона с товарыщы с 23 человек взято государевых поминочных 8 соболеи, да за 8 соболеи поминочных взято 8 бобров, да 7 соболеи поминочных же взято, 16 соболеи ясачных, да ясаку взято 6 сороков 13 соболеи.

Да з дву недорослеи взято поминочных два соболя да ясачных 7 соболеи, да 3 бобра да кошлок.

С сымскова ж остяка Имкетка взято недоборного ясаку за прошлои за 136 год[2] 7 соболеи.

И всего с ясашных с окладных волостеи во 137 году взято государевых поминочных 2 сорока 13 соболеи, да 8 соболеи поминочных взято, 8 бобров, да ясаку 24 сорока 31 соболь, да 3 бобра да кошлок.

Да на прошлои на 136 год взято недоборного ясаку 7 соболеи, а ь доимке осталось на ясачных людех Ондреева недобору Ошанина прошлых 134 и 135 году поминочных 23 соболя да ясаку 6 сороков 38 соболеи.

Волости неокладные

С волости с Кемских Вершин с Атьнжачатаева с товарыщы взято государева ясаку на 137 год 60 соболеи с пупки и с хвосты

да десять недособолишков с пупки ж и с хвосты.

С веслонских з дву остяков взято государева ясаку 20 соболеи с пупки и с хвосты. (*л. 19об.*) С волости с пицких тунгусов с князца с Лупы с товарыщы взято государева ясаку 2 сорока 35 соболеи с пупки и с хвосты.

С новые землицы з варкаганских тунгусов взято государева ясаку 73 соболя с пупки и с хвосты да шубенко соболье тунгуское ветчаное рукава у неи бобровые.

---

[1] *Так в рукописи.*

[2] *Слово написано дважды.*

В Тунгуске реке на рыбнаи ловле в новом острожке взято с тунгуских людеи государева ясаку с князца с Ыркинея с товарыщы взято два сорока 9 соболеи с пупки и с хвосты, да шуба соболья тунгуская бес рукавов, да[3] 2 бобра.

На рыбнои же в острожке[4] с князца с Мукотея с товарыщы взято государева ясаку 3 сорока 13 соболеи с пупки и с хвосты да два бобра.

На рыбнои же[5] в острожке с князца з Болкея с товарыщы взято государева ясаку 4 сорока 9 соболеи с пупки и с хвосты, да шуба соболья тунгуская без рукавов, да бобр, да кошлок.

Да на рыбнои же, которых тунгусов понаходили служивые люди по лесом, и с тех людеи взято 45 соболеи с пупки и с хвосты.

В Тасееве реке с князца с Лукашки Тасеева с товарыщы взято государева ясаку 2 сорока 19 соболеи да 9 недособолеи с пупки и с хвосты.

С Осанские землицы взято государева ясаку 13 соболеи с пупки и с хвосты.

С Аплинские землицы и с Чидобчи реки взято государева ясаку с князцов с Тюлкинея да с Менцидикура с товарыщы 8 сороков 19 соболеи с пупки и с хвосты, да 12 недособолеи с пупки ж и с хвосты, да бобр кареи, да кошлок, да 2 подволоки лыжные бобровые.

С новых землиц в Тунгуске реке под Брацким порогом збирал государев ясак сотник стрелецкои Петр Бекетов служилыми людми. (*л. 20*) З братцких князцеи с Кулзуза да с Адачи с товарыщы взято государева ясаку на 137 год вновь 60 соболеи, да 27 недособолеи с пупки и с хвосты, да пластина лисья красная.

С новые землицы с верхних тунгусов с князца Корота с товарыщы взято государева ясаку 40 соболеи да 11 недособолеи с пупки и с хвосты.

С новые землицы с Шаманские с князца Когоня с товарыщы взято государева ясаку 4 сорока 3 соболя, да 22 недособоля, все с пупки и с хвосты, да две подволоки лыжные бобровые.

С новые ж землицы с чипогурских тунгусов взято государева ясаку 3 сорока 15 соболеи да 20 недособолеи, все с пупки и с хвосты.

С новые землицы с налягов с князца Корюбыля с товарыщы взято государева ясаку 2 сорока 22 соболя с пупки и с хвосты.

С новые ж землицы с Мунгулеи с князца Едака с товарыщы взято государева ясаку 25 соболеи с пупки и с хвосты.

С новые ж землицы с назляских людеи взято государева ясаку 55 соболеи да 9 недособолеи, все с пупки и с хвосты.

С новые ж землицы с тетюков взято государева ясаку 14 соболеи да 6 недособолеи с пупки и с хвосты.

И всего во 137 году с неокладных волостеи и с новых землиц и вновь з братцкие землицы взято государева ясаку 43 сорока 29 соболеи, да 3 сорока 5 недособолеи с пупки и с хвосты, да 2 шубы собольи тунъгуские без рукавов, шубенко соболья ж ветчаное, рукава у неи бобровые, да 6 бобров карих и рыжих, да 2 кошлака, да 4 подволоки лыжные бобровые, да пластина лисья красная. (*л. 20 об.*) И обоего во 137 году государевых поминков и ясаку с окладных и с неокладных волостеи и с но-

---

[3] *Сверху написана буква* д, *видимо, недописанное слово* два.

[4] *Слово написано поверх зачеркнутого* ловле.

[5] *Далее зачеркнуто* ловле.

вых землиц и вновь з братцкие з[е]мли взято 71 сорок соболеи, да три[6] сорока 5 недособолеи, 17 бобров, 3 кошлока, 4 подволоки лыжные бобровые, 2 шубы собольи тунгуские без рукавов, шубенко соболье ветчаное, рукава у неи бобровые, пластина лисья красная.

А по розбору государевым поминкам сибирская цена 129 рублев, да ясаку по розбору цена 1687 рублев 30 алтын 2 денги.

Да к тому ж довелось было взять против прошлого 136 году государева ясаку енисеиского ж уезду с ясашных с неокладных волостеи с Телкинские землицы 2 сорока 20 сорболеи с пупки и с хвосты, да с Васанские землицы 4 соболеи с пупки ж и с хвосты, да с Енисеиского ж с подгородного остяка Кузнецкие волости с Ывашка Тюминкова 12 соболеи, и те землицы, Телкинскую и Васанскую, и подгородново остяка Ивашка Тюмиткова отнял вь ясак Красному Яру Ондреи Дубенскои во 137-м году без государева указу.

Да с торговых и промышленых людеи во 137-м году взято государевы десятые пошлины соболми 99 сороков 13 соболеи, да 15 пластин собольих, 4 бобра, да 3 кошлока, подволока лыжная бобровая, 9 пластинишек собольих, 105 сороков пупков собольих, 19 сороков 37 хвостов собольих, а по розбору цена тои государеве десятинной мяхкои рухляди 3381 рубль 32 алтына.

И обоего во 137-м году при воеводе при Василье Аргамакове сентября с 1 числа взято государева ясаку и поминъков и десятои пошлины соболми 170 сороков 13 соболеи, 3 сорока 5 недособолеи, 24 пластин собольих, 21 бобр да 6 кошлоков, пять подволок лыжных бобровых, две шубы собольи тунгуские без рукавов, шубенко соболье тунгуское ветчаное, (*л. 21*) рукава у неи бобровые, 105 сороков пупков собольих, 19 сороков 37 хвостов собольих, пластина лисья красная, а по розбору государева ясаку и поминкам и десятои пошлины мяхкои рухляди сибирская цена 5198 рублев 29 алтын.

А та государева поминочная и ясашная[7] и десятинная и соболиная казна отпущена ко государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии к Москве во 137-м году, июля в 26 день с енисеискими служивыми людми, з десятником Фирсаном Микифоровым да стрелцы, с Ываном Тимофеевым с товарыщы.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, лл. 18об.–21.

8. *1629 г. не ранее июля. — Отписка в Москву енисейского воеводы Василия Аргамакова о перевозке части качинских хлебных запасов из Маковского острога в Енисейск.*

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии холоп твои Васка Аргамаков челом бьет. В нынешнем, государь, во 137-м году, сентября в 17 день по отписке ис Тоболска воеводы князя Алексея Никитича Трубецково прислано вь Енисеискои осътрог твоих государевых хлебных запасов качинским служивым людем на жалованье тысяча шесть сот девяносто две чети муки ржанои, триста осмнатцать чети круп и толокна, четыреста пятдесят три пуда соли с толбоскими детми боярскими с Карпом Павлоцким да с Кондратьем Бовыкиным. А велено, государь, мне

---

[6] *Написано сверху зачеркнутого* да четыре.

[7] *Далее зачеркнуто* казна.

послати по те хлебные запасы в Макотцкои острожек енисеиских служилых людеи, сколких человек пригоже, а велеть им те хълебные запасы и соль, взяв из Макотцково острожку, с тоболскими детми боярскими[1] с Карпом и с Кондратьем, и с качинскими и с енисеискими служивыми [2]и с опалными[2] людми, которые за теми хлебными запасы посланы ис Тоболска, и провадить из Макотцково острожку вь Енисеискои острог з береженьем, не мешъкая, а на чом им те хлебные запасы и соль провадить, того мне не указано. А как они с теми хлебными запасы вь Енисеискои острог придут, и мне б, государь, те хлебные запасы и соль у тоболских детеи боярских у Карпа и у Кондратья и у служивых людеи велеть взять, а их, Карпа и Кондратья, отпустить в Тоболеск (*л. 22*) на весну по первои полои воде, а хлебные запасы и соль отпустить из Енисеисково острогу в Качинскую землицу на Краснои Яр к Ондрею Дубенскому с енисеискими служивыми люди в судех, в каких пригоже, по первои же полои воде вскоре, и велеть отдать те хлебные запасы и соль Ондрею Дубенскому сполна. И Енисеисково, государь, острогу служивые люди все розосланы были по твоим государевым службам для ясашново збору до тое тоболские отписки, и послать было мне по те твои государевы хлебные запасы в Макотцкои острожек неково. В прошлом, государь, во 136 году посланы с твоею государевою соболиною казною к Москве служивых людеи четыре человека, сотник стрелецкои Петр Бекетов, а с ним служивые люди тритцать человек. В прошлом во 136-м году посланы на твою государеву службу для ясашново збору в Тунгуску под Братцкои порог и в Братцкую землю на годовую служивые ж люди Васка Бугор с товарыщы десять человек, посыланы для ясачново ж збору по И[...]му[3] реке выше Братцкого порогу десятник Семеика Родюков с товарыщы, а с ним десять человек, посланы для ясачново ж збору по реке по Чадобче и по иным рекам, в Тунгуске ж на рыбнои ловле, в осътрожке для ясашново збору и для обережи от тунгуских людеи по двенатцати человек служивых людеи, посыланы для ясачново збору на реку на Пить два человека, на реку на Сым и в Кан реку два человека, на Кеть реку два человека, по тоболскои отписке воеводы князя Олексея Никитича Трубецково отдано Якову Хрипунову для сыску серебреные руды служилых людеи десять человек, в Тоболск с отписками и сметными списками посълан человек, а вь Енисеиском остроге приставлены к городовои службе в целовалники к твоим государевым житницам да к мелнице два человека, да к десятиннои пашне за крестьяны два человека, в Маковском острожке у твоеи государевы казны у хлебных запасов три человека, а за посылками, государь, и за службами осталось вь Енисеиском остроге служилых людеи всего десять человек, и тем служивым людем вь Енисеиском остроге по воротом и у атаманов беспрестанно караул. И послать было, государь, мне по те твои государевы хлебные запасы (*л. 22об.*) в Маковскои острожек некого, потому что служивые люди приезжают с твоих государевых служеб с ясаком по полои воде на Петров день и позже. А не послать было, государь, мне сотника и служивых людеи в Тунгуску реку и по иным рекам для твоего государева ясачново збору нелзя, потому что собралось, государь, твоего государева ясаку с тех рек в прошлом во 136-м году при мне, холопе твоем, вновь осмнатцать сороков одиннатцать соболеи, опричь мяхкие рухляди. И в ны-

---

[1] *Слово написано над строкой.*

[2-2] *Написано над строкой.*

[3] *В рукописи между буквами* И *и* м *оставлен пробел; следует читать* Илиму.

нешнем, государь, во 137-м году собралось твоего государева ясаку с тех же рек перет прошлыми 136 году вновь же четырнатцать сороков десять соболеи, опричь иные ж мяхкои рухляди. А толко, государь, было послать сотника и служивых людеи в те реки для ясачново збору, ино было не токмо что прибыли тебе, государю, что учинити, ино было и ясаку ничем не собрати. И я по отписке воеводы князя Алексея Никитича Трубецково велел тоболским детям боярским и тоболским и качинским служивым людем з двум человеком, которые присланы за теми хлебными запасы, и енисеиским служивым людем, что остались за службами, десяти человеков, те качинские хлебные запасы и соль возить из Маковского острожку вь Енисеискои острог. И тоболские и качинские и енисеиские служивые люди, что остались за службами, в тои запаснои возске мне сказали, что им отнюдь тех качинских запасов и соли из Маковского острожку вь Енисеискои острог перевозить невозможно, потому что у них лошадеи нет, а наимовать нечем[1], а волок из Маковского острожку вь Енисеискои острог болшои и гористои, верст его за двести, и возят торговые и промышленые люди свои хлебные запасы на лошадех, а дают найму с пуда по гривне, и толко де наимывать, и намава[4] будет дать от тое запасные воски (*л. 23*) и соли с пуда по [г]ривне, итого восемьсот пятдесят рублев, а давать де нам наима от воски нечево. И я те качинские хлебные запасы почел возить наперед собою и перевез тех качинских запасов на своих лошадях тритцать три чети, а в них сто тритцать два пуда, и накинул на торговых[5] и на промышленых[5] и на гулящих людеи, и на пашенных крестьян по росмотренью, кому сколко возможно привесть. И перевез[6] тех качинских запасов из Маковского вь Енисеискои острог всякими людми тысячю тритцать три чети муки ржанои, двести восемдесят четыре чети крупы и толокна, а осталось в Маковском острожке качинских хлебных запасов не перевезно шесть сот пятдесят девять чети муки ржанои, тритцать четыре чети крупы и толокна, четыреста пятдесят три пуда соли. И те, государь, хлебные запасы и соль в Маковском острожке устроены в анбарех до зимнего нового пути, и которые, государь, качинские хлебные запасы я из Маковского острожку вь Енисеискои острог перевез, и тех мне запасов и[з] Енисеиского осътрогу на Краснои Яр к Ондрею Дубенскому послать было не с кем. А к Онъдрею, государь, Дубенскому я на Краснои Яр писал об людех, чтоб по те хлебные запасы людеи прислал, и суды вам проводить и судовые снасти. И Ондреи Дубенскои с Красново Яру суды и судовые снасти прислал, а людеи, кем хлебные запасы проводить, не прислал. Июля, государь, в [...][7] день [...]сак[8] приехал з годовые службы вь Енисеискои острог с твоим государевым ясаком сотник стрелецкои Петр Бекетов (*л. 23об.*) с служивыми людми, и я по отписке воеводы князя Алексея Никитича Трубецково велел сотнику и сълуживым людем те качинские хлебные запасы весть на Краснои Яр, и сотник и служивые люди мне сказали, что они, будучи на твоеи государеве службе, з голоду оцынжали, а иных тунгуские люди побили, и им де качинских запасов провадить на Краснои Яр некем[9]. А как де в прошлом во 136-м году

---

[4] *Так в рукописи.*

[5] *Далее зачеркнуто слово* «людеи».

[6] З *написано сверху зачеркнутого* сть.

[7] *В рукописи пробел.*

[8] *Начало слова написано неразборчиво.*

[9] *Далее в квадратных скобках зачеркнутое* им де качинских запасов провадить на Краснои Яр.

шол на твою государеву службу Андреи Дубенскои на Краснои Яр, и качинские де служивые люди хлебные запасы, свои оклады, ис Маковского острожку вь Енисеискои острог за волок и на Краснои Яр возили сами. А как де в прошлых годех ис Тоболска к ним вь Енисеискои острог присыланы были хлебные запасы, и они де, служивые люди Енисеиского острогу, по те хлебные запасы из Енисеиского острогу на реку на Кеть и до Кетцково острогу и до Нарыма ходили сами, в Тунгуску де и в ыныне реки, которые впали в Тунгуску, Енисеиского острогу служивые люди хаживали мало, и твоего государева ясаку с тунгуских людеи збиралось немного. И ныне, государь, толко им на Краснои Яр на качинских служивых людеи запасы возит будет, ясачнои збор в Тунгуске и в иных реках по Тунгуске реке впредь залежит, и подали мне челобитную. И я тое их челобитную, подклея под сю отписку, послал (*л. 24*) к тебе, ко государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, лл. 21об.–24.

9. *1629 г. не ранее октября 2. — Отписка енисейских стрельцов Василия Бугра с товарищами енисейскому воеводе князю Семену Шеховскому о сборе ясака с князца Кипеги с товарищами на реке Куте.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводе князю Семену Ивановичю енисеиские стрелцы Васка Бугор с товарыщы челом бьет. В нынешнем[1] во 138-м году октября в 21[2] день ходили мы для государева ясаку на Куту реку, два человека служилых людеи, да толмачь, да Якова Игнатьевича полку служивые люди два ж человека, да толмачь, и взяли государева ясаку с ясашных людеи с князца Акинеги с товарыщы сорок соболеи, да с новых людеи с атягов взяли государева ясаку две шубы собольи. И как пришли с Куты, и Якова Игнатьевича полку литвин Григореи Кулик с товарыщы те соболи и шубу у него на Игырме взяли к себе и сослами[3] с Ыгырми в Ынимское зимовье Якову Игнатьевию, и Яков Игнатьевичь те соболи, которые взяты с ясачных людеи, с князца Кипеги с товарыщы, сорок соболеи, отдал нам, а две шубы собольи, что взяты с налягов вново, собе взял в государев ясак, а нам тех шуб не отдал и паю в них нечево не дал, то де взяты с новых людеи, а ходили за един человекъ[4].

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, л. 31.

10. *1629 г. не ранее сентября 9. — Грамота енисейскому воеводе князю Семену Шеховскому о переводе красноярских служилых людей в Енисейск и о передаче вопроса о дальнейшем существовании Красноярского острога на разрешение томских воевод.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь вь Енисеискои острог воеводе (*л. 36 об.*) нашему Семену Ивановичю Шеховскому. В нынеш-

[1] *Далее зачернуто* во сто.
[2] *Последняя цифра написана неясно.*
[3] *Так в рукописи, следует читать* сослали.
[4] *Далее зачеркнуто* на Игырме.

нем во 138-м году писал еси к нам, что в прошлом во 134-м году приезжали под Енисеискои острог Качинсково острогу служилые люди сто пятдесят человек казаков, воровством убив у себя в Качинском остроге атамана Ивана Колцова, и хотели де Енисеискои острог розграбить. И такое их воровское умышленье Василеи Аргамаков сведал с енисеискими служилыми людми, которые у них были в воровстве болшие завотчики, Афонька Путимец да Фетка Псковитин, и тех де началных воров Офонку Путимца да Фетку Псковитина поимали, и с пытки они сами на себя говорили, воровство свое сказали, что было им Енисеискои осътрог грабить. И про то их воровство в прошлом во 137-м году писал к нам к Москве Василеи Аргамаков. И как де те качинские служилые люди пошли от Енисеиского острогу вверхь по Тунгуске реке и, идучи по Тунгуске, наших промышленых людеи, которые было пошли по Тунгуске реке на соболиные промыслы, ста четырех человек переграбили и хлебные и всякие запасы и промышленую рухлядь у них поимали, и они де, промышленые люди, которых пограбили, поворотились все с промыслов своих в Енисеискои острог и с нужи и з голоду розбрелись по хлебным сибирским городом кормитца, а иные побрели к Русе. (*л. 37*) А которые торговые и промышленые люди в прошлом во 137-м году шли струги из сибирских городов вь Енисеискои острог для своих торговъ[1] и промыслов, и те торговые и промышленые люди, услыша такое воровство, поворотились многие в ыные сибирские городы, а вь Енисеискои острог не пошли. Да в нынешнем де во 138-м году сентября 9 день пришли вь Енисеискои острог с нашие службы енисеиские служилые люди пятидесятник Васка Черменев с товарыщы, которых посылал Василеи Аргамаков по тои же Тунгуске реке вверхь для нашего ясачного збору в Тасееву реку вновь землиц приискивать, и они, служилые люди пятидесятник Васка Черменинов с товарыщы, привезли с собою тунгуса имянем Сиваулка. И сказывали тебе служивые люди и тунгус, что ясачные люди, которые живут по краи Тасеевы и Тунгуске реки, в побегех. Как де шли вверхь Тунгускою рекою качинские служивые люди, и ясачных де людеи перегрбили, годовые их запасы поимали и юрты их запустошили, и им де, ясачным людем, от них насилства и грабежу нашего ясаку отбыть и помереть голодною смертью. И бил нам челом тот тунгус Сиваулко Теминов и во всех товарыщев своих место, тунгуских людеи, чтоб нам их, тунгуских людеи, пожаловать, велеть о[т] тех качинских[2] служилых людеи их оборонить (*л. 37об.*) и впередь бы к ним тем качинским служивым людем по Тунгуске реке ходити не велети. А те де тунгуские люди, которые живут по реке по Тунгуске и по иным рекам, которые впали в Тунгуску реку с правую и с левую сторону, все наши ясачные люди Енисеиского острогу[3] с тех мест, какь и Енисеискои острог[4] стал, и по ся места наш ясак платят в Енисеискои острог. И те де качинъские служилые люди пошли[5] по тои Тунгуске реке для своего воровства, да и впередь де от тех качинских служилых людеи чаят великово воровства, а в Енисеиском осътроге наших служилых людеи мало, да и те де живут розосланы все по нашим службам беспеременно. И от тех де качинъских воров нашеи казне в нынешнем во 138-м году вь ясачном зборе и в десятнои пошлине будет убыль великая. Да они ж де, качинские

[1] *Окончание слова исправлено из* ых.
[2] *Слово написано дважды.*
[3] *Далее знак вставки — три кружка.*
[3-4] *Вставка на левом поле.*
[5] *Слово написано над строкой.*

служивые люди, наш ясак збирают к себе в Качинскои острог насилством сь енисеиских ясашных волостеи, которые прежде сего платили наш ясак вь Енисеиской острог, Тюлкинская, Качинская да Васанская землицы. А зъбирано де с тех землиц нашего ясаку вь Енисеиской острог по три сорока[6] по дватцати соболеи, и тово де ясаку в окъладе вь Енисеиском зборе впередь не будет. А и острог Качинскои поставлен на Енисеиской же земле. А вь Енисеиском де остроге служивых людеи всего сто человек, и те де все служилые люди не заводные, толко де у десяти человек дворишка поставлены, а у тех (*л. 38*) у всех пристанища ни у какова человека нет, потому что де люди все неженатые, одинакие. И многие де служилые люди, которых посылают из Енисеиского осътрогу за нашею соболиною казною к нам к Москве, и те де многие служилые люди назадь вь Енисеиской острог не приезжают, а иные де нарочитые служилые люди на наших службах побиты, и служилыми де людми вь Енисеиском остроге скудно, в наши службы недоставает, потому что к Енисеискому де острогу прилегали многие землицы, ис которых землиц князцы с людми преж сего нам были непослушны и ясаку з себя и с людеи своих в нашу казну не платили. И тех землиц къязцы и с людми своими учинились под нашею царскою высокою рукою послушны и наш ясак с себя и с людеи своих в нашу казну платят. И посылаетца де из Енисеиско острогу служилых людеи на те наши службы в старые и в новые землицы для нашего ясачного збору и по иным розсылкам по девяносту человек, а в Енисеиском остроге за теми службами оставаетца служилых людеи по десяти человек. А в нынешнем де во 138-м году не осталось служилых людеи за нашими службами ни одново человека, а которые де остались в остроге за розсылками невеликие люди, и те все у наших дел у аманатов, и у тюрем, и у мелницы, и за пашенными крестьяны, и у житниц в целовалникех ходят, и на остроге караулят они ж, а по иным де землицам и по речкам вновь для нашего ясачного збору послать некого. А противу де (*л. 38 об.*) посылок надо быть служилых людеи вь Енисеиском остроге двести человек и болши, и толко де мы укажем вь Енисеиском остроге служилых людеи прибавить, и Брацкая б земля и те землицы, в которые служивых людеи за скудостию не посылаетца, учинились быть под нашею царскою высокою рукою послушны и наш бы ясак платили противь иных наших ясачных людеи, и в нашем бы ясачном зборе была нам прибыль великая. И бес прибавочных служилых людеи вь Енисеиском остроге для наших служебь быти немочно, а по сколку человек в которые землицы и реки наших служилых людеи из Енисеиского острогу для нашего ясачного збору посылаетца и сколко вь Енисеиском остроге у наших дел, и в которые землицы послать некого, прислал еси к нам имянную роспись. И мы твоих отписок, и имянной росписи, и выписки из отпусков Анъдрея Дубенского слушав, указали есмя в Сибири с Красново Ярку острог, что поставил Ондреи Дубенской, свести и впередь в том остроге воеводам нашим и служилым людем быти не велели, потому что Ондреи Дубенской тот острог поставил, назвався сам, а сказал, как на Красном Яру острог поставить, и в том нам будет прибыль немалая, и учинятца многие землицы и ясачные люди под нашею царскою высокою[5] рукою навеки неотступны. И по тои ево Андрееве скаске по нашему указу острог на Красном Яру поставить велено и служивые люди вновь прибраны. И в том ево Ондрееве и служилых (*л. 39*) людеи в отписке и в нашем в денежном и в хлебном жалованье и во всяких подъемех учинилось с того

[6] *Исправлено из* соболя.

времяни, как острог поставлен, по се время нам росходы многие, а прибыли нам в том остроге нималые не учинилось, толко Ондреи Дубенскои в нынешнем во 138-м году прислал к нам к Москве с Красъново Ярку, собрав с ясачных людеи, восемь сороков тритцать восемь соболеи с пупки и хвосты, московская цена тем соболям и пупкам сто шездесят девять рублев двенатцать алтын три денги, да с торговых и с промышленых людеи десятинных тритцать девять соболеи, цена им дватцать рублев. И те соболи собрал он с ясачных людеи с тех, которых напередь сего наш ясак платили вь Енисеискои острог, и тово ясаку в то число вь Енисеиском остроге не взято. А воеводе Архипу Окинфову указали есмя быти к нам к Москве, а служилых людеи дву человек атаманов, и пятидесятников, и десятников, и рядовых казаков, всего дву сот дву человек, указали есмя перевести ис Красъноярсково острогу и нашу службу служити вь Енисеиском остроге, для того что вь Енисеиском остроге служилых людеи мало для всяких наших служебь, и для приводу под нашу царскую высокую руку непослушных и немирных землиц, и для ясачного збору посылать неково. А как служилым людем бывает из Енисеисково острогу для ясачного збору розсылка и всякая наша (*л. 39об.*) служба, и за теми розсылками и за службами оставаетца вь Енисеиском остроге служивых людеи мало, человек по десяти и менши. Да и для того указали есмя тем красноярским служилым людем двусот дву человеком, быти к прежним служилым людем в прибавку, что по твоеи князь Семеновои отписке и по росписи к Енисеискому острогу прилегли многие немирные и непослушные землицы, и толко устроит вь Енисеиском остроге служилых людеи триста человек, и те немирные и непослушные землицы будут нам подручны и ясачнои збор будет с них великои. А досталных служилых людеи, атамана, и пятидесятников, и десятников, всего ста одного человека, указали есмя с Красного Ярку перевесть и нашу службу служить в Томском городе, в тех служилых людеи в место, которых по нашему указу велено в прошлом во 137-м году для нового розряду прибрать в Томскои город сто пятдесят один человек, будет те служилые люди по ся места не прибраны. А про то указали есмя в Томском городе воеводам, князю Петру Проскому[7] с товарыщы, разсмотрети всякими мерами накрепко, смотря по тамошнему делу, мочно ли тому острогу впередь в том месте на Красъном Яру быти, а в него б посылати из Енисеисково острогу на время служилых людеи по невелику, человек по сороку или по пятидесят, или того острогу убавить, а зъделати б по людем невеликои острожек, также как Мелецкои и Макотцкои острожки. И будет мочно на Красном Яру острожку быти, и служилым (*л. 40*) людем тот острожек на годовую из Енисеисово острогу посылать, и для чего тому острожку на Красном Яру впередь мочно быти, какие в нем впередь нам прибыли чаят, ясачново ли збору или для иново каково нашего дела, и будет ли в том острожке нам какая прибыль, и не будет ли в том острожке служилым людем от немирных землиц какова дурна и истесьненья, да будет по росмотрению и по сыску на Красном Яру такову же острожку и ратным людем, как и Мелескои и Макотцкои острожки, быти мочно, и нам в том чаят какие прибыли, и нашим служилым людем от немирных землиц ни чаять ни которого дурна, и смотря по тамошняму делу и по их князя Петра Пронсково с товарыщы высмотру, а на Красном Яру осътрожку быть велели и посылати из Енисеисково острогу в тот острожек на Краснои Яр на годовую служилых людеи с атаманы или з детми боярскими

[7] *Следует читать* Пронскому.

человек по сороку или по пятидесят, или по сколку человек пригоже, смотря по тамошнему делу. А как учнут в тот острожек на Краснои Яр служилых людеи из Енисеиского острогу на годовую посылать, и тем служилым людем наше денежное годовое жалованье давати вь Енисеиском остроге, а для хлебного жалованья тех служилых людеи указали есмя устроить в том острожке пашенных крестьян, сколко человек пригоже, смотря по тамошнему делу, чтоб тем енисеиским служилым людем красноярским годовалшиком нашего хлебного жалованья из Енисеиского острогу на Краснои Яр в тот острожек не посылать, а напахивать бы на тех годовалшиков наше хлебное жалованье годовые оклады теми пашенными крестьяны и слишком. А пашенных крестьян указали есмя в тот острожек послати (*л. 40об.*) ис Томского города или в котором городе или остроге крестьян болши, и хлеба из году в год оставаетца сверхь окладов служивых людеи. А будет смотря по тамошнему делу тому острожку на Красном Яру и в нем и малым людем быти не пристоино, и нашему делу никотоые прибыли не чаят, и на том месте никакову острожку быти не велети, и служилых людеи не посылати, и даровых росходов бе[з] разсмотреня нашеи казне не чинити, пушки и пушечные запасы, зелье и свинец, и церковное строенье, и попа, и дякона, все перевести вь Енисеискои острог с теми служилыми людми вместе, и церковь воздвигнути вь Енисеиском остроге. И как к тебе ся наша грамота придет, а по росмотрению томских воевод князя Петра Пронсково с товарыщы, по нашему указу будет на Красном Яру острожку и впредь быти велеть по тому, или ево велят убавить и служилых людеи в нем оставить, атамана да казаков человек сорок или с пятдесят или сколко человек пригоже годовалщиков, как живут в Макотцком или в Мелецком острожках, а к тебе вь Енисеискои острог велят перевести атамана да сто пятдесят человек казаков и переменят из Енисеиского острогу, а досталных одного человека атамана да сто человек казаков перевести с Красново Яру в Томскои город на нашу службу служити в Томском городе в тех служилых людеи в место, которых по нашему указу велено в прошлом во 137-м году для нового роздряду прибрать в Томскои город сто пятдесят один человек, будет те служилые люди по ся места не прибраны, и как к тебе вь Енисеискои острог тех казаков переведут, и ты б им велел нашу службу служить вь Енисеиском остроге, наше денежное и хлебное жалованье (*л. 41*) им велел давати вь Енисеиском остроге по прежнему нашему указу, и впередь на Краснои Яр в острожек на годовую перемену от себя из Енисеиского острогу посылал по тому ж, почему ныне томские воеводы князь Петръ[5] Пронскои с товарыщы по своему высмотру в том в Красноярском острожке служилых людеи оставить велят, да в наше денежное и хлебное жалованье. А будет по высмотру томских воевод князя Петра Пронсково с товарыщы впередь на Красном Яру острогу и служилым людем быти не велять, что вперед нам никакие прибыли от него не чаять, и вь Енисеискои острог по нашему указу с воеводою с Архипом Окинфовым пришлют служилых людеи дву человек атаманов да дву сот человек[5] казаков.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, лл. 36–41.

11. *1630 г. не ранее февраля 11. — Отписка тобольских воевод князя Алексея Трубецкого с товарищами томским воеводам князю Петру Пронскому с товарищами о перевозке из Маковского острога хлебных запасов для Красноярского острога и для экспедиции Якова Хрипунова.*

Господам князь Петру Ивановичю, Олексею Степановичю, Бажену Степановичю Олексеи Трубецкои, Григореи Загряжскои, Семен Сабакин, Емельян Евсевьев челом битю[1]. В государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии грамоте писано в Тоболеск, а велено по тои государеве грамоте, будет Ондреи Дубинскои в Качинскои земле на Красном Яру острог поставит, и государевы люди в том остроге сидети учнут, и прибыль в том остроге будет, и в Качинскую землицу на Красной Яр и кь Якову Хрипунову покаместа он, Яков, для сыску серебряные руды где быти учнет, (*л. 154об.*) провадить в те места хлебные запасы тоболскими и иных сибирских городов, которые подоши к Тоболску ближе, служивыми людми без новоприбылых людеи. А будет по самои конечнои нуже, что никоторыми мерами без новоприбылых людеи в те места тоболскими и иных сибирских городов однеми служивыми людми запасов провадить немочно, и нам бы по здешному делу и по розмотренью и сметясь по окладу сибирских городов с служилыми людми, для тех посылок прибрать в службу волных гулящих людеи человек со сто или с полтараста, а по самои конечнои нуже и з двесте, и устроити их государевым денежным и хлебным жалованьем против тоболских служивых людеи. Да и с вами [...][2] вневои Красноярскои острог и кь Якову Хрипунову денежное и хлебное жалованье на всяких служивых людеи провадити велено сослатись. И в нынешнем же, господа, во 138-м году, февраля в 11 день писали вы к нам в Тоболеск про хлебные запасы, которые в прошлом во 137-м году посланы ис Тоболска вь Енисеискои острог с тоболскими детми боярскими с Ываном Бовыкиным (*л. 155*) да с Матвеем Фалкою качинским служивым людем на жалованье, и к Якову Хрипунову, что вы о тех хлебных запасех в прошлом же во 137-м году вь Енисеискои острог к воеводе ко князю Семену Шеховскому писали, как те хлебные запасы ис Тоболска в Макуцкои острожек придут, и ему б по те хлебные запасы из Енисеиского острогу служивых людеи и лашадеи в Макуцкои острог прислать, и вь Енисеискои острог те хлебные запасы тоболскими и енисеискими служивыми людми по первому зимнему пути перевесть велеть, и на весну, как лед вскроетца, в Качинскои острог и к Якову Хрипунову отпустити те хлебные запасы сь енисеискими ж служивыми людми не замотчав, по первои полои воде с первою крою[3] в судех, в каких пригоже. И написано, господа, в тои вашеи отписке, что послано ис Тоболска в прошлом во 137 году в Качинскую землицу качинским суживым людем на жалованье триста девятнатцать чети круп и толокна, не высмотря тоболскои отписки, какова к вам о хлебных запасех ис Тоболска писана, потому что (*л. 155об.*) послано ис Тоболска в прошлом во 137-м году в Качинскую землицу, и в тои тоболскои отписке к вам написано, тех круп и толокна триста двенатцать чети, а не триста девятнатцать чети, и приписано в вашеи отписке сверхь тоболскои отписки в посылке лишка шесть чети круп и толокна. И в нынешнем, же господа, во 138-м году, декабря в 1 день писал к вам из Енисеисково острогу князь Семен Шеховскои, что те хлебные запасы, которые посланы ис Тоболска в Качинскую землицу и кь Якову Хрипунову в прошлом во 137-м году с тоболскими детми боярскими с Ываном Бовыкиным да с Матвеем Фалкою да с тоболскими ж служивыми людми, замерзли на Кети реке, не дошед да Макоцково острожку за три днища, а зимним путем нартным ходом за два днища, да и старых де хлебных запасов прежние тобол-

[1] *Так в рукописи, следует читать* бьют.

[2] *В оригинале оставлено место для слова, видимо не прочитанного переписчиком.*

[3] *Так в рукописи.*

ские присылки, что послано было в Качинскои же острог и кь Якову Хрипунову, стоит в Макуцком и вь Енисеиском острогах восемь сот семдесят одна четь муки ржанои, (*л. 156*) двести девять чети с осминою круп и толокна, четыреста пятдесят три пуда соли. А перевесть де тех хлебных запасов вь Енисеискои острог и из Енисеисково острогу в нынешнем во 138-м году на весне, как лед вскроетца, в Качинскую землицу и кь Якову Хрипунову послать будет не с кем, потаму что де енисеиские служивые люди живут розосланы по государевым службам для ясашново збору и по иным розсылкам беспрестани, а с служеб приезжают вь Енисеискои острог о Петрове дни и пожже, и в те же де поры те служивые люди опять на те ж государевы службы посылаютца, для того что переменить де их некем, служивых людеи вь Енисеиском остроге мало и сь енисеиские их службы недостовает. И Яков де Хрипунов в прошлом во 137-м году пошол из Енисеисково острогу вверхь по Тунгуске реке и под Брацким де порогом оставил служивых людеи дватцать человек, и тритцать человек служивых же людеи послал на Лену реку, а сам пошол з досталными людми вверхь (*л. 156об.*) по Тунгуске реке в Братцкую землю лехким делом. И ныне де сказывали ему, князю Семену, про Якова качинские служивые люди, что он, Яков, выше Оки реки пошол от них по Тунгуске вверх, взяв с собою братцких людеи вожа, а итти де ему да Баитала озера, а там де ему и зимовать. А на весну де хотел и под осталных людеи прислать, которые оставлены у нево под порогом, и хотел де итти за Баитал озеро Мугалскою землею, и ходить ему да серебреные руды, и з запасы де итти за ним не ведома куда. А судов де у нево, у князя Семена, вь Енисеиском остроге и судовых никаких запасов, в чом послать кь Якову Хрипунову хлебные запасы, нет. Да и проводить де за такие великие пороги хлебных запасов тяжолым судном не мочно. А как де в прошлом во 137-м году на тое государеву службу Яков с служивыми людми из Енисеисково острогу подымался и вь Енисеиском де остроге зделал было по тоболскои отписке под ево, Яковлев, и под служивых людеи запасы десять кочеи да десять стругов гребных, (*л. 157*) а от дела от тех кочеи и от стругов дано денег пять сот рублев, а присланы те денги на судовое дело были ис Тоболска. Да вы же, господа, писали в отписке своеи, что в нынешнем же во 138-м году, ноября в 3 день в государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии грамоте писано к вам в Торскои город, что в прошлом во 137-м году, декабря в 31 день послана к нам в Тоболеск государева грамота, а велено по тои государеве грамоте, будет Ондреи Дубенскои в Качинскои земле на Красном Яру острог поставит, и государевы люди в том остроге сидеть учнут, и прибыль в том остроге будеть, и в Качинскую землицу на Краснои Яр и кь Якову Хрипунову, покаместа он, Яков, для сыску серебреные руды где быти учнет, провадить в те места хлебные запасы тоболскими и иных сибирских городов, которые подошли к Тоболску ближе, служивыми людми без новоприбылых людеи; а будет по самои конечнои нуже что никоторыми мерами без новоприбылых (*л. 157об.*) людеи в те места тоболскими и иных сибирских городов однеми служивыми людми запасов провадить не мочно, и нам бы по здешнему делу и по разсмотренью и сметясь по окладу сибирских городов служивыми людми для тех посылок прибрать в службу волных гулящих людеи человек со ста или с полтораста, а по самои конечнои нуже и з двесте, и устроити их государевым денежным и хлебным жалованьем против тоболских служивых людеи. Да вы ж писали, что по другои государеве грамоте велено нам, высмотря гораздо и сослався с вами, учинить как будет пригоже, будет однеми тоболскими и иных сибирских городов и острогов

служивыми людми без новоприбылых людеи в те места, где Яков Хрипунов, и в Качинскои, в Красноярскои острог хлебных запасов проводить немочно, и нам по тому ж, смотря по здешнему делу и по размотренью прибрати для тех посылок вновь волных гулящих людеи человек со сто или с полтораста, а по самои конечнои нуже (*л. 158*) и з двесте, и устроити денежным и хлебным жалованьем противо тоболских служивых людеи. И всем ли тем новоприборным служивым людем быти в Тоболску, или половине быти в Торском городе, или бес тех новоприборных служивых людеи быти мочно, и тоболскими ль и иных сибирских городов и острогов служивыми людми на Краснои Яр и кь Якову Хрипунову хлебные запасы провадить, чтоб нам о том по государеву указу к вам в Торскои город отписать. И в Тоболску, господа, служивых людеи мало, и с тоболские государевы службы их недостанет дватцати дву человек, а ближных городов Тоболсково розряду всего два города, Сургут да Тюмен. И тем сургуцким служивым людем будет в нынешнем во 138-м году соляная и иные многие прибылые службы, а за службами их останетца в Сургуте толко дватцать человек. А с Тюмени имать служивых людеи для хлебново провожанья отнюд нелзя, потому что Тюмень место степное. А в ыных сибирских городех Тоболсково розряду, которые (*л. 158об.*) к Тоболску ближе, на Верхотурье и Туринском, служивых людеи мало и о городе быть некому. А в Томском, господа, городе государевых служеб тоболсково многим менше, а служивых людеи голов и детеи боярских, и литвы, и казаков будет по здешнеи смете за службами в остатке, которые торские службы по прежним отпуском в Тоболску ведомы, двесте семдесят девять человек, да подгородных татар сто человек, да Торсково розряду в острогех служивых людеи будет за службами в остатке — в Кузнецком остроге семдесят человек, в Нарымском остроге пятнатцать человек, вь Енисеиском остроге сорок пять человек, всего в Торском городе и Торсково разряду в острогех будет в нынешнем во 138-м году всяких служивых людеи за службами в остатке пять сот девять человек. И теми было, господа, торскими и Торсково розряду служивыми людми и енисеискими пашенными крестьяны хлебные запасы из Макуцково острожку вь Енисеискои острог на лошадех перепровадить мочно, потому что останетца тех торских и Торсково розряду служивых людеи за службами много. (*л. 159*) А и то было, господа, росмотреть мочно ж, пока б места енисеиские служивые люди хлебные запасы кь Якову Хрипунову и в Качинскую землицу провожали, и до тех было мест мочно послати вь Енисеискои острог для береженья и для мелких служеб торских и кузнецких служивых людеи, которые будут за службами же в остатке. А сколко в Тоболску и Тоболсково розряду в государевех и в острогех, и что в Торском городе и Торсково розряду в острогех служивых людеи, и что ис тово числа в нынешнем во 138-м году будет против прежних отпусков по государевым службам в отсылке, и что за теми службами останетца, и о том ко государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии ис Тоболска напередь сего писано. А ныне, господа, по здешнему ж высмотру тоболским и Тоболсково разряду ближних городов служивым людем на Качинские и на тех служивых людеи, которые сь Яковом Хрипуновым, хлебные запасы от Тоболска да Макоцково острожку однем провадить мочно. А от Макацково острожку чрез волок до Енисеисково острогу сь енисеискими служивыми людми (*л. 159об.*) с пашенными крестьяны на лошадех провадить им те хлебные запасы мочно ж. А без лошадеи и без енисеиских стрелцов и без пашенных крестьян тех хлебных запасов через волок и болшими людми провадить отнюд не мочно. А толко енисеиские служивые

люди и пашенные крестьяне через волок на лошадех те хлебные запасы торболским[3] служивым людем перевесть пособят, и из Енисеиского острогу кь Якову Хрипунову те хлебные запасы по самои конечнои нуже тоболским и Тоболсково розряду служивым людем провадить мочно ж. А качинским, господа, служивым людем мочно по свои хлебъные запасы приходить вь Енисеиской и самим, потому что их на Красном Яру человек с триста и болши, а служеб им живет мало. И однем, господа, и без лошадеи тоболским и Тоболсково розряду служивым людем из Макуцково острожку чрез волок вь Енисеиской острог отнюд провадить хлебных запасов не мочно, потому что лошадеи им с собою для тое воски ис Тоболска в Макуцкои острожек завесть нелзе, и в Макуцком острожке (*л. 160*) лошадеи надо быть же. А вь Енисеиском, господа, остроге однех пашенных крестьян человек со ста, а у всяково крестьянина лощади по две и по три, потому што тем крестьяном сукна, и олово, и одекуи, и денги на лошади по государеву указу ежегод ис Тоболска посыланы. А того, господа, что новоприборным служивым людем с ступятидесят человек половине быти в Томском городе учинити нелзе ж, для того что и с теми со стом с пятьдесят человеки в Тоболску служивых людеи з государевы службы не достовает, и государевых служеб в Тоболску перед прежним гораздо умножилось, и службы учили[4] быти далние, с которых служеб в год и в два назад служивые люди не поворачиваютца. И вам бы, господа, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу по те старые и новые хлебные запасы, что посланы кь Якову Хрипунову и в Красноярскои острог, воеводе князю Семену Шеховскому из Енисеиского острогу в Макуцкои острожек служивых людеи и пашенных крестьян с лошадми велеть прислати, и вь Енисеиской им острог те (*л. 160об.*) хлебные запасы с тоболскими служивыми людми вместе через волок перевесть велет же. А как, господа, те хлебные запасы из Макуцково острожу вь Енисеиской острог перевезут, и из Енисеиского острогу на Якова Хрипунова учнут проводити те хлебные запасы одне тоболские служивые люди, а будет вы, господа, по те хлебные запасы, что посланы ис Тоболска в прошом во 137-м году с Тоболскими детми боярскими с Ываном Бовыкиным да с Матфеем Фалкою, и по другие хлебные запасы, что посланы ис Тоболска напередь сего, енисеиских служивых людеи и пашенных крестьян с лошадми в Макуцкои острожек прислать и перевесть тех хлебных запасов из Макуцково острожку вь Енисеиской острог тем енисеиским служивым людем и пашенным крестьяном с тоболскими служивыми людми вместе не велите, и от того учинитца тем государевым хлебным запасом поруха и мотчанье великое, а служивым людем, которые за теми хлебными запасы посланы (*л. 161*) ис Тоболска в провожатых, будет нужа и проесть болшая, да и тем служивым людем, которые посланы сь Яковом Хрипуновым и которые на Красном Яру, по тому ж будет без хлебных запасов нужа великая, а государеву делу мотчанье. И то зделаетца оттово, что енисеиские служивые люди и пашенные крестьяне из Енисеиского острогу в Макуцкои острожек с лошадми по хлебные запасы будут не присланы, и перевесть тех хлебных запасов тоболским служивым людем через волок не пособят. И про то писал к вам князь Семен Шеховской, что хлебные запасы замерзли от Макуцкова острожку за три днища, а зимним путем за два днища не прямо, потому что писали про то в Тоболеск тоболские дети боярские, которые за теми хлебными запасы посланы в провожатых, Иван Бовыкин да Матвеи Фалка, что

---

[4] *Так в рукописи, следует читать* учинили.

замерзли те хлебные запасы от Макуцково острожку недалече, водою за днища, а горою всего за половину (*л. 161об.*) днища. А что, господа, писал к вам князь Семен же Шеховской про суды, что судов де у него и судовых никаких запасов, в чом послать кь Якову Хрипунову хлебные запасы, вь Енисеиском остроге нет, и что в прошлом во 137-м году делано вь Енисеиском остроге под Яковлевы и под служивых людеи запасы десять кочеи да десять стругов гребных, а от дела дано пять сот рублев, и присланы были на то судовое дело денги ис Тоболска, и в прошлом, господа, во 137-м году посланы были денги ис Тоболска вь Енисеискои острог на судовое дело пять сот рублев потому, что присланы были те денги в Тоболеск с Москвы нарочно, а ныне денег на судовое дело с Москвы в Тоболеск не присылывано. А писал в нынешнем же во 138-м году из-за Брацково порогу в Тоболеск Яков Хрипунов, что он те суды, кочи и струги, в которых из Енисеисково острогу отпущен, нынешние весны назад вь Енисеискои острог пришлет, а для поделки, господа, тех судов денги ис Тоболска вь Енисеискои острог посланы. А под качинские, господа, хлебные запасы мочно вам, (*л. 162*) высмотря, суды делать томскими и Томсково розряду острогов денежными доходы, и по хлебные запасы по свои оклады мочно приходить вь Енисеискои острог самим красноярским служивым людем. И к государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии о всем о том ис Тоболска писано.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 17, лл. 154–162.

12. *1630 г. не ранее ноября 28. — Отписка из зимовья на устье Идирмы-реки атамана Ивана Алексеева енисейскому воеводе князю Семену Шеховскому о вьюках на реку Лену, о вестях про Василия Бугра и поход служилых людей в «Якольскую землю», о враждебном отношении мучугов и шилягов к русским, о сборе ясака с налягов и шаманов, о бегстве части их «под Браты» и о намерении идти летом походом против налягов и шаманов на Лене.*

Государя царя и великого[1] князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводе князю Семену Ивановичю[2] Шаховскому Енисеисково острогу атаман Ивашко Алексеев челом бью. В прошлом, государь, во 138-м году посланы мы, холопи государевы, из Енисеисково острогу на государскую службу вверхь по Тунгуске реке до усть Илима реки и по Илиме реке вверхь до усть Идирмы реки, и на Куту реку, и на Лену реку, и по иным сторонним рекам, которые впали в Лену реку, для государева ясашново збору и острожные поставки. И пришед, государь, мы на усть Идирмы реки в зимовье, и старое зимовье укрепил, зделал городки и на верхь поставил башню для ради караулу. А хотел было, государь, я итти всеми судами вверхь по Идирме реке со всеми запасы, и Идирма, государь, река мелкая, болшими судами итъти по неи не мошно, а малых судов не было, а в малых, государь, судах мошно возить четвертеи по десяти и болши. А по Идирме, государь, водяного ходу до усть Чюхтармы реки три дни, а по Чюхторме итти до волоку день водяным же путем, а волок на реку на Ялыку, а сухово волоку с Чюхтормы на речку на Ялыку днем переходят рано, а по Ялыку до Куты плыти день, а до другово волоку итти по Идирме реке вверхь до усть Дидилмы два дни, а с усть Дидилмы сухово (*л. 52об.*) волоку итти на реку на Куту, на

[1] го *написано поверх зачеркнутого* му.
[2] *Далее написано и зачеркнуто* Семену Ивановичю.

усть Кутоя два дни. И я, государь, прикормил тунгуса и подарил его государевым жалованьем, одекуями, и доспрашивал его про иныя волоки, есть ли куды иные волоки на Куту и на Лену реку ближе тех волоков. И он, видя к себе государскую милость, сказал волок на реку на Купои, с усть Идирми итти вверхь по Иниму водяным путем до подволочья два дни. И я, государь, с тем тунгусом посылал служивых людеи дву человек, Ивашка Чюрочку да Якуньку Васильева, волоку отведывали. И они, государь, ходили с тем тунгусом волок отведали и, пришед, сказали про тот волок, что де лехко человек тот волок днем переидет, а с ношами тот волок итти два дни на реку на Купуи, а по Купую плыти на низ до Куты день водою, а Купуи река водяна и зимним путем чрез тот волок ходить немошно, потому что гористы крепко. И я, государь, с усть Идирмы посылал через тот волок на реку на Лену служивых людеи шесть человек, десятника Илеику Ермолина, Ивашка Романова, Исаика Васильева, Ярофеика Спиридонова, Марка Любовково, Гришку Ярославца, а за ними, государь, посылал осмнатцать человек запасы их несть за волок. И они, государь, запасы их перенесли за волок на реку на Купуи и нашли, государь, на реке на Купуе под волоком тунгусов дву человек, и купили они, служивые люди, у тех тунгусов лотки берестяные. И те, государь, шесть человек поплыли на низ по Купую и по Куте два дни до Лены реки и выплыв они на Лену и к енисеиским служилым людем, которые остались на ус[ть] Куты реки на Лене от Васки Бугра, к Тренке Корешу да к Фетке Михаилову. И дву человек, государь, Илеика Ермолин оставил на усть Куты реки для государева ясашнову збору, а четырми человеки взяли Бугровское судно и поплыли на низ до Керенги реки, где были осътавлены от Васки Бугра служивые люди четыре человека, и приплыли они на усть Киренги реки и тех служивых людеи, четырех человек, и они плыли их, служивых, проведывать, до Чаи реки, откуду воротился Васка Бугор. А тунгусов на усть Киренги и на усть Чаи живеть (*л. 53*) много. И Илья с товарыщи роспрашивал тунгусов про служивых людеи, живы ли они или их побили, и какие люди, и тунгусы им сказывали, которые де перешли промышленые люди с Ылима реки, Ортюшка Кырнаи с товарыщы, осмнатцать человек, на Лену реку, а иные де промышленые люди с Нижнеи Тунгуски на Лену реку, и они де, промышленые[3] и служивые, сошлися вместо и поплыли вниз по Лене реке вь Яколскую землю. А Яколскую, государь, землю сказывают тунгусы людну и скотну[4], и скот всякои есть, и кони, и коровы, и овцы, а ясаку де они, яколские люди, не платят никуда с себя, а живут де они на краи Лены реки. А про тех служивых и промышленых людеи вести подлинные нет, что они живы или мертвы. И Илья с товарыщы на усть Чаи на Лене реке заосеновал для государева ясаку. И учали они у тунгусов прошать государева ясаку, и тунгусы им государева ясаку не дали ни одново соболя и им, служивым людям, говорили, подите вы назад, а у нас де топерво государева ясаку нет; а послышав де вас, служивых людеи, здеся на Нижнои Тунгуске, что вы живете на Лене реке, мучюги и шаляги и, пришед де, вас побьют, а на Нижнои они Тунгуске всегда побивают руских людеи человек по семидесят и болши, и по сту; а толко де вас побьют, ино де слава худая на нас поидет, а на весну де мы государю ясак дадим, а топерво де[5] у нас соболеи нет, дать нечево. И Илья с товарыщы от тех тунгусов шли по Лене реке и волоком зимою на нартах да усть Идирмы пять недель, мало го-

[3] *Далее написано и зачеркнуто* люди.

[4] *Слово написано над строкой.*

[5] *Далее написано и зачеркнуто* не.

лодную смертью не померли. Да в нынешнем, государь, во 139-м году, ноября вь четверты день на Идирмы велел я собратися в зимовье ясашным тунгуским людем, наляским и шиманским князцем, наляскому князцу Агилче да брату ево Мукине, да шаманскому князьцу Окинге, и всем тунгуским, наляским и шаманъским и лутшим людем з государевым ясаком. И как они пришли на усть Идирмы в зимовье з государевым ясаком, князцы и лутчие люди, и велел (*л. 53об.*) я им толмачю говорить государево царево и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии жалованное слово, чтобы они, князцы и всякие улусные люди тех землиц, были бы на государскую милость надежны, и были бы под его государскою высокую рукою послушны, и ясак бы с себя и со всех своих улусных людеи великому государю платили, как их протчая братья, тунгусы[6] и иные земли[7] ясашные люди, государю ясак платят, и живут де в государском жалованье в тишине и в покое от иных зимлицы[7] в оберегание, а государь царь и великии князь Михаило Федоровичь всеа Русии их, князцеи и всяких улусных людеи, пожалует своим государским жалованьем, и велеть их оберегать от иных землиц своим государевым служивым людем Енисеисково острогу. И они, тунгуские, наляские и шаманские князцы и лутчие люди, слышачи к себе государское жалованъное слово, обрадовались и на его государьскую милость обнадежилося[8], рады де мы великому государю ясак с себя и со своих улусных людеи платить век и жити под его государскою высокою рукою неотступно. Наляские князцы Агилча да Мукиня дали государю ясаку по десяти соболеи, а шаманскои князец Окинга государю дал восемь соболеи, а преже, государь, те князцы платили великому государю по пяти соболеи с собя. И я, государь, взяв с тех князцеи и их людеи государев ясак, и напоил их и накормил государевыми запасы доволно, и государево им жалованье олово и одекуи дал. Да те же, государь, тунгуские люди, князцы наляские и шаманские, били челом великому государю, приходят де на нас с Нижнои Тунгуске мучюгирские люди и шиляги и нас де по вся годы побивают многих людеи, и государева де нам ясаку на тои стороне промышляти не дают и никакова звиря, а ясаку они с себя[9] никуды не дают, а бегаем де мы от тех мучюгов и шилягов на другую сторону или на реки под Браты, там де места степные и не соболные, государева ясаку промышляти негде, а там де нас брацкие мужики (*л. 54*) побивают же, а хотят с нас ясак имати. И они, государь, били челом великому государю о обороне, чтобы их, тунгуских, наляских и шаманских людеи, государь велел обороняти о мучюгов и о шилягов. Да те же, государь, тунгуские люди, наляские и шаманские князцы, сказывали, что называют де нас те мучуга и шиляги, худьче де вы люди, что де они ясак с себя платите государю, а руских людеи не побиваете[10], а мы де на Тунгуске реке и на Лене руских людеи побиваем[11] на всяк год, а ясаку с себя не даем, да и тута де[12] руские люди нам ничего не зделают. Да в прошлом де, государь, во 138-м году, как снег стаял, по чернои тропе приходили де на нас те мучюги и шиляги воиною на Куту реку и убили, государь, на Куте реке те мучюги и шиляги государевых ясашных людеи

[6] *Далее написано и зачеркнуто* их.
[7] *Исправлено из* землиц.
[8] *Далее написано и зачеркнуто* и на его государскую.
[9] *Далее написано и зачеркнуто* ни платят.
[10] *Далее знак вставки — три кружка.*
[10-11] *Вставка на левом поле.*
[12] *Далее написано и зачеркнуто* нам.

шесть человек, а на Иниме де реке на усть Идирмы убили дву человек, а иные, государь, тунгуские люди с Куты реки от мучюгов и от шилягов розбежалися под Браты и сыскати их немошно. А в прошлом, государь, во 138-м году на Куте реке с тех людеи взято было государево ясаку по книгам пятдесят соболеи, и нынече, государь, того ясаку взяти не с ково. Да в нынешнем, государь, во 139-м году, ноября в 28 день прибежал шаманскои тунгус Яктаз, а сказал им, тунгусам, идут де на нас с Нижнои Тунгуски мучюги и шиляги воевати, и они, государь, наляские, шаманские люди, все побежали с Ылима реки на Тунгуску под Браты, а иные де вверхь по Иниму реке, и те, государь, тунгуские люди, наляские и шаманские, не платя государева ясаку, збежали от тех мучюгов и шилягов, и в том государеву ясаку учинилася поруха великая. А про тех, государь, наляских и шаманских людеи и вести нет, куды забежали от тех мучюгов и шилягов. А летом де, государь, те мучюги и шиляги живут на Лене реке для рыбы и зъверя. И я[13], государь, хочю у бога милости прошать и над ними промышлять, колко милосердныи Бог помощи подаст, и государским счастием аманатов взять. (*л. 54об.*) Да в нынешнем, государь, во 139-м году о Покрове приезжали к ним брацкие люди князец Кодогур да брат его Котогур с товарыщы, и я их, государь, поил и кормил государским жалованьемъ; сказали, мы де з государевыми людми мирны. А с усть Идирмы, государь, до Братов на усть Оки реки блиско на коне ехати, два дни об одну ночь перезъжают, а пешеи человек три дни переходит, а волок, государь, таков же, как из Енисеисково острогу до Маковсково.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, лл. 52–54об.

13. *1630 г. декабря 5. — Отписка енисейского воеводы князя Семена Шеховского томскому воеводе князю Петру Пронскому о посылке в Братскую землю десятника Вихора Савина и Сидора Аникиева, об убийстве первого из них, об отправке туда же атамана Максима Перфильева для сбора ясака и устройства острога, о недостатке служилых людей в Енисейске и о полученном государевом указе о переводе красноярских служилых людей в Енисейск.*

Господину князю Петру Ивановичю Семен Шаховъскои челом бьет. В прошлом, господине, во 138-м году писал я к тебе напередь сего, что марта в 14 день посланы[1] были из Енисеисково острогу по твоеи отписке к братцким князцом к Бракану, да к Братаю, как[2] Кодагуню, енисеиские служивые люди десятник Вихорко Савин да Сидорко Аникиев. А велено им, пришед в Братцкую землю, сказати братцким князцом и их улусов братцким людем государево царево и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии жалованное слово, которои у них ясырь красноярские казаки и Яковлева полку служивые люди полонили, и тот ясырь по государеву указу у красъноярских казаков взят и вь Енисеиском остроге устроен на аманацком дворе, и государево им жалованье, питье и корм, дают дволно. И буде они, братцкие люди, ныне и впредь государю будут послушны, и правду свою государю и шерть дадут, и ясак платить станут по вся годы безпеременно, и государь их пожалует, вперед красноярским и Яковлева полку (*л. 32об.*) Хрипунова служивым людем воиною хо-

[13] *Далее написано и зачеркнуто* холоп.

[1] *Слово написано над строкой.*

[2] *Так в рукописи, ошибка переписчика; следует читать* да к.

дить на них и ясыре имать не велит, и от иных сторонних людеи велит их оберегать, и прежнеи ясырь, которои у них пойман, а ныне вь Енисеиском остроге, велит им государь отдать, и они б, брацкие люди, однолишно были на государскую милость надежны, а для уверенья посланы к ним, к братцким людем, служивыми людми с Вихорем и с Сидорком того брацкого погрому ясыри, князца Кодогуня сын Бугулдаико да Букиева улуса жонку имянем Уенка Буванчиева жена; а будет они, брацкие люди, и тем своим людем не поверят, что ясырь их вь Енисеиском остроге на аманацком дворе устроен, и они б, братцкие люди, для того прислали с ними, служивыми людми, вь Енисеискои острог кому они верят. А вь Енисеиском остроге задержал я[3] им никакова не будет, пожаловав их государевым жалованьем, отпустить из Енисеиского острогу вь их землю тотъчас. И енисеиские, господине, служивые люди Вихорко Савин да Сидорко Аникиев и тем государевым жалованным словом к братцким людем пришли в Кодогунев улус и ясырь их, Кодогунева сына Бугулдака да Букиева улусу жонку Уенку, с собою привели, и учали де им государское жалованное слово говорить, и про ясырь их сказывать, и их уговаривать. И брацкои де князец Баракан с людми своими, взяв ис Кодогунева улусу Вихоря, свезли в свои улусы, а Сидорка они, свеза, отпустили. И приехав, Сидорко вь Енисеискои острог в роспросе (*л. 33*) сказал, что[4] ево брацкие люди отпустили, а Вихоря у собя оставили, для того чтоб де [5]жены и дети[5] их и шамана, которого взяли у них служивые люди Яковлево полку Хрипунова, к ним из Енисеиского острогу отпустили, а они де, брацкие люди[6], в ту пору и Вихоря отъпустят. И в прошлом же, господине, во 138-м году после Сидоркова приезду вскоре пришли с Лены реки вь Енисеискои острог енисеиские служивые люди Васка с товарыщы, а сказали, что сказывали де им государевы ясачные тунгусы ис по[д] Брацкого порогу, что брацкои князец Бурукан, государь, служивого человека Вихоря Савина у себя в улусе убил, а за Сидором гонялся же и хотел ево убить, и Сидора де уберег брацкои же князец Кодогон, убить ево не дал и спровадил ево ис своих улусововъ[7] сам со своими людми до ясашных тунгусов. И я, господине, по государеву[8] цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу и под[7] твоеи отписке в прошлом же во 138-м году, августа в 3 день послал вдругорядь в Брацкую землю Енисеиского острогу атамана Максима Перфильева да десятника Семенку Родюкова, а с ними тритцать человек служивых людеи, с ними же послано тово брацково ясыре троя робят. А велено им, Максиму, итътити бережно и сторожливо, чтоб им, пришед под их брацкие улусы блиско, и росмотреть угожее крепкое место, и поставить острог, и, укрепясь гораздо, послал от себя к ним, брацким людем, тунгусов, которые живут блиско их, брацких людеи, и государю которые прямят, и велел им говорить, чтоб они, брацкие люди, ехали к ним, к Максиму и Семену с товарыщы, (*л. 33об.*) в острог к государскому жалованному слову и своих бы детеи осмотрели, которые со служивыми людми посланы, и как приедут, и их пожаловать, велел им жены и дети их отдати. И будет, господине, те брацкие князцы и лутчие люди к ним, к Максиму и к Семену, в острожек приедут, и Мак-

---

[3] *Так в рукописи, следует читать* задержанья.
[4] *Далее зачеркнуто* оне.
[5-5] *Написано сверху зачеркнутого* буде же и дете и ж дете и жены.
[6] *Далее зачеркнуто* отпустили.
[7] *Так в рукописи.*
[8] *Далее зачеркнуто* указу.

симу с товарыщы велено их, князцеи самих, и лутчих людеи взять в острожек в аманаты, а в их место тех робят, которые с ним, с Максимом, посланы, отпустить, и за теми князцы и лутчими людми, толко их будет можно взять, приводить их, брацких людеи, под государскую высокую руку и велети им шертовати на том, что впередь быти им под государскою высокою рукою навеки неотступным, и ясак с себя великому государю давати, и служити ему, государю, и прямити, и во всем добра хотети, и его государевых служивых [лю]деи не побивать. А которые брацкие люди десятника Вихоря Савина убили, и тех бы людеи оне, брацкие люди, меж себя сыскали, а сыскав, привели в острог к нему, к Максиму и к Семену. И в нынешнем, господине, во 139-м году, октября 25 день писали вь Енисеиской острог ис под Брацково порогу из Инимского острожку, где стоял напередь сего Яков Хрипунов, атаман Максим Перфирьев да десятник Семен Родюков с товарыщы, ходили де они в лехких стругех ис под Брацкого острогу к брацким людем и, пришед де на усть Геи реки, не доходя до брацких людеи, послал от себя к брацким людем ясашново тунгуса имянем Халинку, и велели брацких людеи к себе призывати, и брацкие де (*л. 34*) люди, кнезец Кожгун да брат ево, кнезец Кодогур, да Братаи с товарыщы, которые напередь сего государев ясак платили, к ним, к Максиму, приехали, и он де, Максим с товарыщы, им, брацким князцом, государево жалованное слово сказали, что государь их, братцких людеи, пожаловал, ясырь их, которои погромили Яковлева полку Хрипунова и красъноярские служивые люди, велел отдати, и они б, брацкие князцы, и с людми своими были под государевою высокою рукою послушны по прежнему и ясак государю с себя платили. И те де брацкие князцы Кодогон да брат ево Баратаи, [9]да Кодогор, да Брата[9] с людми своими под государскую высокую руку учинилися, а говорили де ему, Максиму, те брацкие князцы, что де они ево государские вековые холопи и ему, государю, служити и прямити и ясак с себя платити рады, и прежде сего они государю служили и прямили и ясак с себя платили, а дурна и задору никакова не чинили, а того де они не ведают, за што их красноярские и Яковлева полку служивые люди погромили, жены их и дети их в полон поимали, и совсем до основанья раззорили, и дали с себя ему, Максиму, они, брацкие, люди государева ясаку пятнатнатцать[10] соболеи, а в болшом де ясаке били челом оне, брацкие люди, государю о сроке до весны, а ныне де им болши тово государева ясаку дать с себя нечево, потому что де они люди грабленые, государева ясаку в прошлом году не промышляли, жили в побегах, блюдяся от служивых людеи досталново раззоренья, а ныне зимою учнут они, брацкие люди, государевым ясаком промышлять и весною де ясак дадут (*л. 34об.*) сполна. И били де челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии они, брацкие люди, чтоб государь пожаловал, велел им ясыри их отдати, которые троя робят с ним, Максимом, посланы. И он де, Максим, для веры отдал им одново парня, Ивашка Грошева сына, для веры и для приучки, чтоб им впредь государю служить, и ясак с себя платить, и к государеву жалованью к ним в острожек приезжать было поватно и бестрашно, а двоих робят, лутчих людеи князца Кодогуневу дочь да Кодогорова сына, оставил у себя. Да он же де, Максим, говорил им, брацким князцом Кодогуню с товарыщы, чтоб они государю послужили, государевых изменников, князца Баракана с товарыщы, которые убили енисеисково десятни-

[9-9] *Написано над строкой.*
[10] нат *написано дважды.*

ка Вихоря Савина, сыскав, привели к ним, к Макъсиму с товарыщы, в острог, и князец де Кодогор ему сказал, что де кнезец Баракан со въсеми своими людми с своих жилищ откочевал на степь от них далече, для того что блюдетца де на себя от служивых людеи приходу, а убил де Вихоря ево Бараканов брат, напился пьян. И, как Боже даст Бог, на весну лет вскроетца, и он де, Максим, и Семен с товарыщы поидут в Брацкую землю за лъдом по первои полои воде для государево ясашново збору и острог ставить в Брацкои земле тотчас не мешкая, а острог де им в Брацкои земле блиско брацких улусов поставити и в оманаты лутчих брацких людеи поимати можно, (*л. 35*) толко де надобе в остроге люди немалые. А ныне де всего послано тритцать человек, и ис тех людеи у них убудет в отсылку вь Енисеискои острог з государевою ясашною казною и с отписками шесть человек. И как де они[11] в Брацкои земле острог поставят и в аманаты лутчих людеи возмут, и мне бы, господине, к ним прислати из Енисеисково острогу на перемену служивых людеи немалых з запасы на весну по первои по полои воде, чтобы де им сидеть в острожке о[т] брацких людеи было бестрашно и голодною смертию не помереть, мстя свою обиду, что де ево на бою красноярские казаки ранили, а будет де князец Бараканъ[12] ныне зимою на свое жилище прикочюет, и он де, князец Кодогун, учнет ево, Баракана, государскои милости призывать к ним в острог, и они де, Максим и Семен, тех князцеи напоя и накормя государским жалованьем, отпустили опять вь их улус бы и велели им промышлять государевым ясаком. И толко, господине, милостию Божию и государским счастием они, служивые люди Максим Перфильев с товарыщы, брацкие улусы приведут по[д] государскую руку и острог в Брацкои земле посътавят, а мне послать к ним на перемену из Енисеисково острогу неково, потому что вь Енисеиском остроге служивых людеи по списку всех сто человек стрелцов, и ис того числа с ним, с Максимом, и з Семеном послано в Брацкую землю тритцать человек, да в новую землю на Лену реку с атаманом же с Ываном Галкиным послано (*л. 35об.*) для государева ясачнова збору и острогу ставить тритцать же человек, да енисеиских же служилых людеи на Лене осталось с прежние посылки, которые посланы при Василье Аргамакове, шесть человек, а досталные служивые люди розосланы для государева ясачново збору вь ясачные волости, на рыбную, в острожек и в ыныне волости, и к государю к Москве с казною и с отписками. И о том, господине, в Томскои город напередь сево писано, что бес прибавочных служилых людеи вь Енисеиском остроге быти неможно, потому что земли прилегли к Енисеискому острогу многие, и в которых будет новых землях государским счастьем енисеиские служилые люди остроги поставят и в государеве ясаке прибыль учинят, и в те, господине, остроги к ним на перемену из Енисеисково острогу служивых людеи послать неково, а бес острогов в таких далных землях быть немочно, потому что, господине, земли болшие и людные, и государевым служивым людем к ним бес крепости невеликими людми ходити и ясаку збирати неможно. А как, господине, учнут государевы служивые люди быть в острогах бесъпереводно и с переменю, и те все далные землицы будут под государскою высокою рукою навеки неотступны, и государю будет в ясачном зборе болшая прибыль. А по государеву указу о прибавочных людех писал я к тебе, господине, в Томскои город напередь сего многи ж, (*л. 36*) да и о том от тебя нынешняго 139-го году, октября по

---

[11] *Далее в рукописи прочерк.*

[12] *Далее зачеркнуто* на съво.

29-е число государеву указу не бывало. И в нынешънем же, господине, во 139-м году, ноября в 3 день в государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии грамоте за приписью дьяка Ивана Грязева писано ко мне, указал государь свести с Красново Яру вь Енисеискои осътрог служилых людеи двести человек для своих государевых служебь и для промыслу, куды я их, служивых людеи пошлю, приводити немирные земли под государскую высокую руку и ясак с них збирати, и о том от государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии к тебе в Томъскои город писано ж. И как, господине, по государеву указу тех красноярских служивых людеи двести человек вь Енисеискои острог перевести велиш вскоре по нынешнему зимнему пути, и к весне толко те служивые люди будет вь Енисеискои острог поспеют, и я, господине, тех служивых людеи в Брацкую землю и на Лену реку в острожки на перемену служилым людем атаманом Максиму Перфильеву, Ивану Галкину с товарыщы для государева ясачнова збору пошлю, сколко человек пригоже, смотря по тамошнему делу, чтоб государю учинить прибыль.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, лл. 32–36.

14. *1631 г. января 25. — Память енисейского воеводы князя Семена Шеховского на Лену атаману Ивану Галкину с товарищами, посланным туда ставить острог, о переводе из уничтожаемого Красноярского острога служилых людей в Енисейск и о посылке части их на перемену служилых людей на Лене.*

Лета 7139-го генваря в 25 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу память на Лену реку Енисеиского острогу служивым людем атаману Ивану Галкину с товарыщы. В прошлом во 138-м году, июля в 20 день посланы вы из Енисеисково острогу на Куту и на Лену реку для государева царева и великово князя Михаила Федоровича всеа Русии ясачново збору, а пришед на Иним и на усть Идирми реки в зимовье, и велено тебе посылати от себя из зимовья служилых людеи по Иниму реке вверхь и вниз к тунгуским людем, и к налягом, и к мунгулем, и к тетюком, ко князцом Корюбылю да к Едоке, да к Кинеге с товарыщы, и собрати с тех землиц с князцеи и с людеи их государев ясак на нынешнеи на 139 год по имянным книгам весь сполна и с прибылью, без недобору. А на Лену реку пришед, выбрав угожее место, и поставить (*л. 50об.*) острожек и, укрепя гораздо, поделав струги, и посылати[1] от себя из острожка по Лене реке вверхь и вниз служилых людеи с толмачи. И велел тех землиц князцеи и всяких немирных людеи, которые живут по Куте и по Лене реке, и по иным усторонним рекам, которые впали в Лену реку, призывати к себе в острожек всяких немирных землиц людеи ласкою. А как придут, и тебе, Ивану, велено тех землиц князцем и всяким улусным людем сказати государево царево и великово князя Михаила Федоровича всеа Русии жалованное слово, чтоб они, князцы и всякие улусные люди тех землиц, были на государскую милость надежны, и были бы под его государскою высокую рукою послушны, и ясак бы с себя и своих улусных[2] людеи великому государю платили так, как и протчая их бранья[3], тунгуские и иных землиц ясашные люди, государю ясак платят. А как тех

[1] *Между* по *и* сылати *написано и зачеркнуто* по Лене реке.
[2] *Слово написано над зачеркнутым* служивых.
[3] *Следует читать* братья.

землиц по Лене и по Куте реке, и по иным усторонным рекам князцы и всякия люди под государскую высокую руку учинятца и ясак с себя и своих людеи дадут, и тебе бы по прежнему наказу и по сеи памяти[4], взяв тех землиц государев ясак и, сколко соберетца, государева ясаку с Ынима и Чыдирмы, и с полягов, и со всяких ясашных людеи по имянным окладным книгам, а как, Боже даст Бог, на весну по рекам лет вскроетца, и тебе бы тот государев ясак, что соберетца по Иниму и по Дирме реке со всяких ясачных людеи, и что соберетца государева ясаку с Куты и с Лены, и с ыных усторонних рек, и тебе б тот государев ясак и ясачные книги прислать вь Енисеискои острог служивыми людми, сколки человеки пригоже. А велеть з государевым ясаком ехать вь Енисеискои осътрог бережно, и чтоб тот государев ясак до Енисеисково (*л. 51*) острогу довесть здорово. А самому бы тебе, атаману Ивану, и служивыми людми на Лене быть в острожке до перемены и государю послужить, чтоб иные вновь немирные землицы приискать и под государскую высокую руку привесть, и ясак с них взять против иных ясашных людеи. И о всем бы тебе отписать вь Енисеискои острог подлинно, что у вас на Лене и на Кате реке вновь с князцы и со всякими улусными людми в государеве ясаке и в острожном ставленье зделается, каков острог на Лене реке поставлен будет, и будет ли в том острожке вь ясачном зборе с Лены и с Каты реки государю болшая прибыль, и по сколку в том острожке надобе быть служивым людем годовалшиком, и не будет ли в том острожке от иноземцов государевым служивым людем болшова утесненья, и, опустя[5] бы тебе государеву ясачную соболиную казну вь Енисеискои острог, и жити в острожке до перемены бережно и усторожливо с караулом. Да в нынешнем во 139-м году, ноября в 3 день по государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии грамоте за приписью дьяка Ивана Грязева писано вь Енисеискои острог, а велено[6] енисеиским всяким людем сказати ево государево милостивое слово, что государь царь и великии князь Михаило Федоровичь всеа Русии пожаловал енисеиских всяких людеи, впередь им на красноярских служивых де людеи запасов возить не велел, а вам бы, служивым людем, впередь ему, государю, служити и во всем радети, и немирные землицы, которым немирным землицам прислати ко государю под отпискою своею роспись, и в ыные немирные земълицы, куды вас по государеву указу я пошлю, под ево государскую высокую руку приводити и ясак с них зъбирати, и привозити вь Енисеискои острог, и отдавати вь его государеву казну, и во всем ему, государю, искати прибыли, а он, государь, вас, служивых людеи, за тое вашу службу своим государским жалованьем пожалует свыше прежнего. И с тое государевы жалованные грамоты посълал список под Брацкои порог к отаману к Максиму Перфирьеву, а велено ему, с тово списка списав список, и послать тебе на Лену реку в острожек, и тебе бы тот список з государевы жаловалные грамоты (*л. 51об.*) велеть служивым людем вычесть вслуг. И вам бы, видя к себе такую государскую милость, служити ему, великому государю, и во всем искати прибыли, и новие мирные землицы приводить под его государскую высокую руку, и ясак с них збирать с прибылью. Да в нынешнем же во[7] 139-м году, декабря в 1 день в государевы ж цареве и великого князя

[4] *Слово написано над зачеркнутым* грамоте.
[5] *Следует читать* отпустя.
[6] *Далее написано и зачеркнуто* в.
[7] *Далее написано и зачеркнуто* сто.

Михаила Федоровича всеа Русии грамоте за приписью дьяка Ивана Болотникова написано вь Енисеискои острог, что государь, отписок моих, имяннои росписи землям, какову послал я, холоп ево, к нему, ко государю, и выписки из отпуска Ондрея Дубенсково слушав, указал в Сибирии с Красново Яру острог, что поставил он, Андреи Дубенскои, назвався сам, свести и впередь в том остроге воеводам и служивым людем отбыти не велел, потому что в том ево, Ондрееве, и служивых людеи в отписке и в государеве денежном и хлебном жалованье и всяких подъемах учинились с тово времяни, как острог поставлен, по се время государеве казне росходы многие, а прибыли государю в том остроге нималые не учинилось, толко Ондреи Дубенъскои в прошлом во 138-м прислал ко государю к Москве с Красново Яру, собрав сь ясашных людеи, восемь сороков тритцать восемь[8] соболеи с пупки и с хвосты, московская цена тем соболям и пупкам сто шездесят девять рублев двенатцать алтын три денги, да с иных с торговых и промышленых людеи десятинных тритцать девять соболеи, цена им дватцать рублев, и те соболи собрал он с ясашных людеи, с тех, которые напередь сего государев ясак платили вь Енисеискои острог, и тово ясаку в то число вь Енисеиском остроге не взято. А воеводе Архипу Акинфову указал государь быти к Москве, а служивых людеи дву человек атаманов, и пятидесятников, и десятников, и рядовых казаков, всего дву сот дву человек, указал государь перевести ис Красноярсково острогу и свою государеву службу служити вь Енисеиском остроге, для тово что вь Енисеиском остроге служивых людеи мало для всяких ево государевых служебъ (*л. 52*) и для приводу под ево царскую высокую руку непослушных и немирных землиц, и для ясачново збору посылать нековo. И как по государеву указу с Красново Яру дву человек атаманов да пятидесятников, и десятников, и рядовых казаков, всего дву сот дву человек, вь Енисеискои острог переведут и по государеву указу велят им государеву службу служить вь Енисеиском остроге, и тех служивых людеи тотчас к тебе на весну в острожек пришлют[9] перемену, и тебе бы однолично быть на государскую милость надежным и государю послужить с великим радением, острог на Лене поставить и, дождався перемены, ехать вь Енисеискои острог.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, лл. 50–52.

15. *1631 г. не ранее марта 28. — Отписка енисейского атамана Ивана Галкина енисейскому воеводе князю Семену Шеховскому о сборе ясака с налягов и шаманов по рекам Илиму, Идирме и Лене и с жившего вверх по Лене князца Гипки, об отсылке собранного ясака, якорей и судовой снасти в Енисейск, о походе к цынгогарским людям, об отсутствии у него проводника в его походе на Лену для устройства там острога.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводе князю Семену Ивановичю Шаховскому Енисеисково острогу атаман Ивашко Галкин челом бью. В нынешнем, государь, во 139-м году, марта в 28 день прислал ты, государь, ко мне из Енисеисково острогу отписку, а велел, государь, мне, собрав государев ясак, прислати вь Енисеискои острог за лдом. И я, собрав[1] государев ясак с Ылими

---

[8] *Слово написано дважды.*

[9] *Далее пропущено* на.

[1] *Далее написано и зачеркнуто* и я собрав.

и с Ыдирмы и с Лены реки, с наляских людеи по книгам два сорока дватцать семь соболеи, да шаманских, государь, взял по книгам государева ясаку два сорока пять соболеи. Да в нынешнем, государь, во 139-м году взял государева ясаку с шаманских и с наляжских людеи, с новых посторонних речках и з захребетников три сорока дватцать восемь соболеи. Да в нынешнем, государь, во 139-м году, сентября в 15 день посылал, государь, я вверхь по реке по Лене служилых людеи Енисеиского острогу Тренку Колягу, Якунку Васильева, Ивашка Лютка, да толмача Фетку Михаилова[2], (*л. 55*) да с ними же, государь, посылал вожа, наляскова мужика Ботогуня, в новую землюцу князцу Гипке и к людем его для ради государева ясаку. И тот, государь, князец Гипка дал великому государю ясак с себя и своих людеи внову шезъдесят семь соболеи, а преж, государь, сего тот Гипка князец своими людми великому государю ясаку не давывал, а платил, государь, он ясак братам, а браты, государь, живут от Гипки князца по Лене вверхь два дня, а до Гипки, государь, с усть Куты вверхь водяным путем итти две недели. Да с Лены ж, государь, реки принесли служивые люди Марко Любов да Гришка Ярославец государева ясаку шездесят одново соболя. И всего, государь, собралося государева ясаку на нынешнеи 139-и год по Иниму и по Дирме и Лене по книгам, и по сторонним рекам, и с новых людеи, и з захребетников одиннатцать сороков дватцать восемь соболеи. И послал, государь, я тот государев ясак и книги имянные ясашным людем вь Енисеискои острог служивыми людми з десятником с Ыльею Ермолиным, с Ысачкои Васильевым, с Оксенкои Васильевым же, да с ними же, государь, посылал суды, четыре якоря, и парусы, и всякую судовую снасть. Да в нынешнем же, государь, во 139-м году посылал я с усть Идирми енисеиских служивых людеи Буторку Онтонова, Дружинку Чистякова, с ними толмача и книги вниз по Иниму до Тубы для государева ясаку. И они, государь, пришли к тунгусом шаманским и с тех, государь, тунгусов шаманских взяли государев ясак от Максима испод Брацкого порогу Сидорко Оникиев (*л. 55об.*) да Завьялко Ондреев. А прежь, государь, того те тунгусы государев ясак под Брацкои порог не плачивали, а платили, государь, те тунгусы шаманские на Илиме и на усть Идирмы. И в нынешнем, государь, во 139-м году били челом государю енисеиские служивые люди, которые осталися от Васки от Бугра на Лене реке, Тренка Корешек, Фетка Михаилов, в новую землицу вверхь по Лене реке, в сторонную реку в Камту. А по тои де, государь, по Камте живут цынгогарские люди, а государева они ясаку с себя никуда не плачивали и руских людеи они не видали. И я, государь, им государева запасу дал пуд муки для ради их службы и отпустил их к тем к новым людем для ради государева ясаку. Да в нынешнем, государь, во 139-м году, февраля ь 20 день прислал ты, государь, ко мне из Енисеиско острогу отписку, что хотят промышленые люди, оторговав ясашных людеи, перетти на середную Тунгуску, и по их, государь, по всех промышленых людех поимал поруки Максим; а от меня, государь, те промышленые люди живут далече. А пошел, государь, я на Лену за волок для ради острожнои ставки без вожа, а вожа, государь, на Илиме и на Идирме взять негде, тунгусов нет, розбежалися вразнь от мучюгирских людеи и от шилягов.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, лл. 54об.–55об.

[2] *Слово написано сверху зачеркнутого* Васильева.

16. *1631 г. не ранее мая 6. — Отписка из Братской земли атамана Максима Перфильева енисейскому воеводе князю Семену Шеховскому о получении наказной памяти, о невозможности поставить острог против устья Оки, о способе передвижения служилых людей по Тунгуске и о невозможности ввиду малолюдства идти вверх по Ангаре для объясачения братских людей.*

Государя царя и великова князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводе князю Семену Ивановичю Енисеисково острогу атаманишко Максимко Перфирьев, (*л. 56*) Семенко Родюков челом бьют. В нынешнем, государь, во 139-м году, марта в 21 день писал ты к нам с енисеиским стрелцом с Миткою Шориным в наказнои памяти, чтоб нам однолично государю послужить и всяким радением в Брацкои земли, в самых тех брацких улусех, на усть Оки реки в угожем крепком месте острог поставити, на правои или на левои стороне реки Тунгуски, идучи вверхь, в угожем месте. И по скаске сотника стрелецкого Петра Бекетова пригоже де поставити острог противу усть Оки реки на заречнои на левои стороне Тунгуски реки, для тово что брацкие люди живуть все на правои стороне [1]и вверхь по Оке реке, а на левои стороне[1] Тунгуски брацких улусов поблиску нет. И будет де брацкие люди не похотят давати острогу ставити и похотят з государевыми людми битца, и им де будет за реку домышлятца мешъкотно, а государевым людем на заречнои стороне будет усторожливо. А как, даст Бог, в Брацкои земле острог поставитца, и нам велено брацких лутчих князцов к себе в острог призывати, чтоб они детеи своихь, которые с нами посъланы, для их уверенья осмотрели. А как придут брацкие князцы к нам в острог, и нам им, брацким людем, велено сказати государево жалованное слово, что их, брацких людеи, государь пожаловал, котoрои у них ясыр погромили Яковлева полку Хрипунова и красноярские казаки не по государева указу, и тот их ясырь у тех служивых людеи взят де вь Енисеиском остроге и устроен на аманацком дворце, и государевым жалованьем поят их и кормят доволно. А сказав им, брацким людем, государево жалованное слово, и велено с них взять государев ясак доброи, (*л. 56об.*) перет прежным с прибылью. А взяв государев ясак з брацких людеи и лутчих брацких князцов, велено держати у себя в оманатех в остроге, [2]а в их[2] место отпустити тех робят, которые с ними посланы, чтоб нам с теми лютчими людми в остроге сидеть было до перемены бестрашно. И за теми лутчими людми велено нам привести их всех, брацких людеи, к шерти, что им быти под государевою высокою рукою навеки неотступным, и ему, государю, служить и прямить, и ясак с себя давати по вся годы беспереводно. А нам бы самим быти в острожке до перемены. А будет нам мочно, и нам бы по Тунгуске вверхь от усть Оки реки проитить до верхних брацких улусов, покаместо ходил сотник стрелецкои Петр Бекетов, или будет и дале, сколко Бог помощи подаст, смотря по тамошнему делу, хотя и до Баикала озера. И мы, государь, прося у Бога милости, поидем в Брацкую землю для государева ясачново збору и осътрогу ставити тотчас, немешкав, за лдом по первои полои воде, как з берегов лет очиститца. А что сотник стрелецкои Петр Бекетов сказывал[3], что пригоже поставити острог против усть Оки реки на заречнои левои стороне, и то Петр Бекетов сказывал[4] не разсудя здешнои службы и ходы, хотя он и в Братах был, а то он себе забыл, как он ходил

[1-1] *Написано над строкой.*
[2-2] *Написано над строкой.*
[3] *Далее знак вставки — три кружочка.*
[3-4] *Вставка на левом поле.*

в Брацкую землю, мало в порогах и со всеми служивыми людми не потонул, а ходил он лехким делом в двух стругах, а не в кочах и не с полными годовыми запасы, толко у него по два пуда было с собою запасу на человека, а и тут у него в падуне в пороге струг один в щепы изломало и запасенка свои служивые люди потопили, а сами мало не притонули. А токо, государь князь Семен Ивановичь, служивые люди, которых ты по государеву указу пошлеш к нам на перемену, (*л. 57*) поидут в кочах з годовыми полными оклады, и им будет не доттить до усть Оки реки, не токмо что однем летом, и в полтора лета, потому что, государь, до усть Оки реки многие великие непроходимые пороги, первои Брацкои порог, словет Шаманскои, добре велик и долог, болшеи четырех верст, [5]а по обе стороны[5] порогу камень утес добре высок, и камени боица много, а ворота в нем дале полу реки, а не о берег; а другои, Долгои порог в Брацкои земле за Вихоревою рекою, болши десяти верст, а по обе стороны порогу камень же утес, добре высок, и бечевника в нем нет, а итти все за возами; а третеи порог Падун блиско под Братцкими улусами, толко в полы добре сух, и воды в нем мало, и крут добре, а подыматца на него, что на гору, а от Падуна порога до усть Оки реки в брацких улусех еще два порога. И в кочах, государь, порогов отнюдь будет не поднятца, не токмо что в кочах, но и в стругах грузных без выгрузки не поднятца, а запасы будет служивым людем в порогах и с кочеи или иструговъ[6] выгружать и носити на себе поверхь камени утесу, и в том служивым людем учинитца в ходу мешкота и работа великая. А вели, государь князь Семен Ивановичь, спрошати свидетелеи, которые были на государеве службе с Яковом Игнатьевичем с Хрыпуновым для сыску серебряные руды, как они ходили в Брацкую землю, и каковы пороги, и как их подымалися, полко[6], государь, служивые люди, полтора ста человек, одва с великою нуждою в десять день перепровадили в первом Брацком Шаманском пороге три коча порозжих, мало в пороге и кочеи не переломало, а под завозами, государь, в пороге у кочеи шесть стругов в шепы изъломало, и многие служивые люди, которые были в стругах, под завозами мало не перетонули, одва их на воде переимали, а запасы обнесли служивые люди по камени, толко по четыре пуда на человека, а Долгои порог и Падун подымались (*л. 57об.*) тож с великою нужею. Да не прогневаиса[7], государь князь Семен Ивановичь, пишу тебе, государю, не в указ, разьве, государь, послати служивых людеи из Енисеисково острогу к нам на перемену в кочах до первого Брацково Шамансково порогу, а как в Шаманском пороге служивые люди запасы свои ис кочеи выгрузять и за порог переносят, а от Шамансково бы порогу итти бы им к нам в каюках и в зырянских в стругах, в колких пригоже, и государеве службе будет поспешне, а служивым людем не в болшую работу, а каюки бы им и струги взяти с собою из Енисеисково острогу. А токо, государь, поидут служивые люди в кочах до усть Оки реки или до тех мест, в котором месте острог учинитца, и нам тое перемены никакои будет не дождатца, померети годною смертию, потому что служивые люди многие оцынжали, а у иных с собою в Брацкую землю не поидет запасу ни по единому пуду, служити им будет государевы службы нечем, толко им будет государева служба служити травою да сосновою корою. А как, государь, милостию Божию[8] и государевым счастием и твоим воевоцким промыслом[9] острог

[5-5] *Написано дважды.*
[6] *Так в рукописи.*
[7] прогне *написано дважды.*
[8] *Далее знак вставки — три кружка.*
[8-9] *Вставка на левом поле.*

в Брацкои земле поставити, хотя против Вихоревы реки, а по Тунгуске против Геи реки ниже[10] усть самые Оки реки, и тот, государь, острог будет в самои же Брацкои земле, толко от Вихоревы реки до усть Оки реки, до болших брацких улусов[11] сухим путем день ходу, а водяным путем в лехких стругах два дни ходу. А токо, государь, мочно и дадут брацкие люди поставити осътрог за Долгим порогом под Падуном порогом, вверхь идучи по Тунгуске реке на левои стороне, и тот острог будет под самыми брацкими улусами, толко ходу от Падуна порога до усть Оки реки в лехких стругах полднища. А на́добеть, государь, в Брацкои земле острог поставити по розсужению, смотря по здешнеи мере, а ни по чьеи скаске, в таком месте, чтобы был острог крепок[12] и во веки постоятелен, а служивым бы людем от брацких людеи (*л. 58*) чтоб в нем шкоты никакие не учинилося. А ходити нам вверхь по Ангаре реке и до Баикала озера некем, да и не успеть, потому что нам, хотя по нашеи силе и по людем в Брацкои земле острог поставити да брацких людеи под государеву высокую руку и к шерти привесть, и ясак с них взяти, а ходити, государь, вверхь по Ангаре реке и к Баикалу озеру надобе б не тритцатью человеки, а с нами и тритцать человек нет. А тритцатью человеки хотя и ходити, ино ничего не упахати, разве нужи да волокиты не будет ничего. А брацкие люди вверхь по Ангаре реке несмирны, хотят з государевыми служивыми людми битца, для того что они люди грабленые и совсем раззорены. А как даст Бог в Брацкои земле острог поставить и брацких людеи под государеву высокую руку к шерти приведем, и ясак с них возмем, и мы к тебе о том о всем отпишем тотчас и пошлем нарочно служивых людеи, сколких человек пригоже. Да в нынешнем, государь, во 139-м году, маия в 6 день били челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии енисеиские служивые люди десятник Семеика Родюков, Ивашко Панкратов, Петрушка Панкратов с товарыщы тритцать человек, чтоб их государь пожаловал, велел им на весну прислати перемену, и принесли челобитную. [13]И я их челобитную[13], подклея под сию отпискою, послал к тебе вь Енисеиской острог.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, лл. 55об.–58об.

17. *1630–1631 гг. — Челобитная енисейских служилых людей Семена Родюкова с товарищами из Братской земли.*

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии бьют челом холопи твои, енисеиские служивые людишка десятник Сенка Родюков, Петрушка Панкратов, Ивашко Понкратов, Костянтико Данилов с товарыщы тритцать человек. В прошлом, государь, 138-м году посланы[1] мы, холопи твои, из Енисеисково острогу на твою государеву службу в Брацкую землю для твоего государева ясачнова збору, и острогу ставить, и для приводу брацкихъ (*л. 58об.*) людеи под твою государеву[2]

[10] *Написано неясно.*
[11] *Далее написано и зачеркнуто* порогов.
[12] *Слово написано над строкой.*
[13-13] *Слово написано над строкой.*

[1] *Далее написано и зачеркнуто* были.
[2] *Далее написано и зачеркнуто* руку.

высокую руку. И мы, холопи твои, будучи на твоеи государеве службе, збираючи твои государев ясак и сыскивая промышленых людеи в Кате реке, перецынжали и запасенка свои в волокитах все издержали. А ходили, государь, промышленых людеи сыскивать на их промыслех до Нижнеи Тунгуски и до Непы реки восемь недель и, сыскиваючи, государь, промышленых людеи, одва голодною смертью[3] не померли, и от тое, государь, хотбы мы, холопи твои, перепухли и перецынжали. А ныне мы, холопи твои, пошли в Брацъкую землю для твоего государева ясачнова збору и острогу ставить без запасов, толко, государь, пошло у нас, холопеи твоих, с собою в Брацкую землю запасенку своего и у лутчего человека по два пуда, а у иных не поидет с собою ни по единому пуду. И нам, холопем твоим, твоеи государевы службы служить будет нечем. А службы, государь, когда не ведаем, потому что указано нам быти в острошке до перемены, а перемена, государь, не ведаем, когда нам будет. Милосердныи государь царь и великии князь Михаило Федоровичь всеа Русии, пожалуи нас, холопеи своих, вели, государь, прислать из Енисеисково острогу на перемену служивых людеи, сколко человек пригоже, в лехких стругах за льдом, чтоб нам, холопям твоим, голодною смертью не помереть, а твоему государскому величеству позору не учинить. Государь царь, смилуися, пожалуи.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, л. 58–58об.

18. *1631 г. не ранее июля 16. — Отписка енисейского стрелецкого сотника Петра Бекетова, посланного в новый острог на Лене на смену атаману Ивану Галкину, енисейскому воеводе князю Семену Шеховскому о недостатке у него корма и запасов для приезжих иноземцев, о бедности посланных с ним служилых людей и об отсутствии ясачных книг на тунгусов, живущих по Лене.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси воеводе князь Семену Ивановичю Енисеисково острогу сотник стрелецкои Петрушка Бекетов челом бьет. В нынешнем, государь, во 139-м году, маия в 31 день по государеву указу послан я из Енисеисково острогу служивыми людми с тритцатью человеки, на годовую в новои острожек на Лену реку атаману Ивану Галкину с товарыщы на перемену, где он, Иван, с товарыщы поставил острог за помочью Божиею, и велено мне с Ылима реки через волок перитить на Лену реку летним путем со всеми служивыми людми и, пришед на Лену реку в новои острожек, велено ево, Ивана Галкина с товарыщы, переменить и вь Енисеискои острог отпустить не задержав ни часу. И я с служивыми людми, пришед под волок июля в 16 день, и за волок ходил сам со всеми служивыми людми с Ылима реки на Купу реку, Купа река впала в Куту реку, а Кута вп...[1] а пълыти вниз[2] по Купе и по Куте реке дол... судах пять днеи, и волок немал с ноше... дит, а в болших судах по Купе рек... у, что мелка и порожиста. И я вс... переносил за волок на двенатцать ч... ти пуд на человека муки оржанои, и то на великую (*л. 61об.*) силу переносили, а болши тово не возможно было переносить запасы. И перенося те запасы, и отпустил служивых людеи на Лену реку атаману Ивану Гал-

[3] *Далее написано и зачеркнуто* смертью.

[1] На месте неразобранного текста копиист ставил многоточие. См. также далее по тексту документа № 18.

[2] *Далее написано и зачеркнуто* вниз.

кину на перемену. Да мне же велено, пришед на Лену реку в новои острожек, розсылать служивых людеи по Лене реке вверхь и вниз и по всем землицам для ради государева ясаку, и велено тех землиц князцеи и лутчих людеи тунгуских и всех землиц розных призывать в острожек и, как тех землиц князцы и лутчия люди со всеми своими людми чинятца под государскою высокою рукою и ко мне в острожек придут, и мне их велено поить и кормить государевым жалованье[3] доволно, и давать им олова и одякуи, и государево жалованное слово сказывать, и отпускати их в свои землицы, чтоб оне, видечи к себе государево жало... огим землицам росказывали... лости их с собою в острожек пр... им есаком. И на Лене реке зем... бесчисленно, и на государево жалов... будут приезжать в острожек князцы и лутчие люди многих землиц, и мне поить и кормить нечем, потому что государева жалованья, вина, и запасу, и олова, и одякую, послано со мною мало — вина всево два ведра, а хлебных запасов пять четь, олова четырнатцать гривенок, а одекую пять фунтов мелково, а жиру говяжья и рыбья ни однои гривенки мне не дано. А на 139-и год с атаманом с Ываном Галкиным посълано было государева жалованья на тех тунгуских людеи росходы, которые живут по Илиму реке, окроме Лены реке, а на Лене реке в те поры острогу не было, и землиц не проведано нисколко, олова пуд, а одекую пуд же, а жиру пуд же. (*л. 62*) И[4] у нево, Ивана, и на тех тунгуских людеи, которые живут по Илиму реке, кроме Лены, и тово государева жалованья не стало, вина и хлебных запасов, и жиру, и олова, и одякую на Лену... они сколко и тако, государь, не пришлешъ... острогу еще на тех тунгу... а жалованья вина и жиру... или масла коровья, и олов... государева ясаку собрать сполна нечем, не токмо что государю прибыль учинить, а иноземцы люди дикие, тако их не напоить и не накормить, и государева жалованья, олова и одякую, не дать, и их не видать, не токмо что есак с них собрать. А у служивых людеи взять нечево, потому что бедныи, одва и ружье есть, а государева им дано денежнова жалованья всево по полу окладу, а служба им будет на два годы, а хлебново жалованья давано им всево по шести чети, и у них запасов не станет, и яз не ведаю, как мне с ними государева служба служить. И яз ныне писал, государь, к тебе вь Енисеискои острог обо всем для ради тово, либо здесь учинитца в государеве есашном зборе недобор, и мне бы в том от государя в опале не быть, да мне... но и взять у тамана Ивана... век служивых людеи да... рье с ним годовали на... взял на Илиме реке три человека живых людеи на Лене реке взя... удалели от тех мне помочи (*л. 62об.*) нет, зимою до них не доитить. Да слух, государь, здесь меня дошел, которые промышленые люди здесь по Илиму селы, а товаров у них много, олова, и одекую, и котлов, и оне, промышленые люди, хотят здесь на Илиме реке торговать сь ясашными людми и, оторговав их и промышляв, хотят весною переитти на Лену реку, а с Лены хотят перитти на Турухан, и ты, государь, о том как укажеш. Да мне же велено взять у Ивана Галкина ясачным тунгуским людем и всем землицам ясачному збору книги, и он мне дал книги имянные те, с которых он збирал государев ясак весною, а тех имянных книг у него нет, которые живут на Лене реке около острогу,

---

[3] *Так в рукописи.*

[4] *Перед этим написано и зачеркнуто* и мне их велено поить и кормить государевым жалованьем доволно, и давать им олова, и одякуи, и государево жалованное слово сказати, и отпускати их в свои землицы, чтоб они, видечи они государево жалованье, и многим зелицам росказывали б их с собою в острожек есасом и на Лене реке бесчисленно.

а сказывает, что тем тунгусом имянные книги посланы вь Енисеискои острог с казною. И мне здесь государева ясаку со... нелзя по окладу, а со мною из Ени... к ним не пошло и мне, государь,... ных книг нельзя.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, лл. 61–62об.

19. *1631 г. — Отписка в Москву енисейского воеводы князя Семена Шеховского о присылке в Енисейск из Томска вместо 200 только 41 человека, о задержке остальных в Красноярске, об оставлении им, в свою очередь, в Енисейске красноярских служилых людей, зимовавших там, о приборе 64 человек из гулящих людей, о посылке этих людей в Братскую землю, на Лену и в другие землицы, о приезде атамана Максима Перфильева в Енисейск 18 июня, о вестях, полученных с Лены от атамана Ивана Галкина, и о невозможности использовать для службы присланных из Томска людей ввиду их слабости и бедности.*

Государю царю и велкому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии холоп твои Сенка Шаховскои челом бьет. В нынешнем, государь, во 139-м году декабря в 1 день в твоеи государевои царевои и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии грамоте за приписью твоего государева дьяка Ивана Болотникова писано ко мне, холопу твоему, вь Енисеискои острог, велено перевести ис Красноярсково острогу вь Енисеискои острог дву[1] человек атаманов, и пятидесятников, [2]и рядовыхъ[2] казаков, всего дву сот дву человек, и твою государеву службу служити вь Енисеиском остроге, для тово что по моеи, холопа твоего, росписи, какову роспись землям послал я, холоп твои, к тебе, ко государю, в прошлом во 138-м году, к Енисеискому острогу прилегли многие немирные и непослушные землицы, и ясак с себя тебе, государю, ни платят. И посылати, государь, в те землицы для приводу под твою царскую высокую руку и для ясашново збору из Енисеисково острогу неково, служивых людеи вь Енисеиском остроге мало. А о Кърасноярском, государь, остроге указал ты, государь, в Томском городе воеводе князю Петру Пронскому розсмотрить всякими мерами накрепко, смотря по тамошнему делу, мошно ли тому острогу впередь в том месте на Красном Яру быти, а в негоды послать из Енисеисково острогу на время служивых людеи поневелику, человек по сороку или по пятидесят, или того острогу убавить, а зъделать по людем невеликии острожек, также как Мелецкои и Маковскои острожки; да что, государь, по твоему государеву указу воевода князь Петр Пронскои о Красноярском остроге по своему высмотру учинит и сколко вь Енисеискои острог с Красново Яру казаков переведут, и мне бы, холопу твоему, с теми новоприбылными служивыми людми тебе, государю, послужить, порадеть, новые землицы приводить под твою царскую высокую руку и ясаку збирать, посылать и тебе, государю, искать во всем прибыль. И я, холоп твои, противу твоеи государевы указные грамоты декабря ж в 5 день писал в Томскои город к воеводе ко князю Петру (*л. 47*) Пронскому, что он, князь Петр, по твоему государеву указу велел перевесть с Красново Яру тех служилых людеи вскоре по зимнему пути, чтобы служивые люди на твою государеву службу к весне были готовы. И по тои, государь, твоеи государеве указнои грамоте воевода князь Петр Пронскои, о твоем государеве деле не радеючи, при-

[1] *Далее пропущены слова* сот дву.

[2-2] *Написано дважды.*

слал ко мне, холопу твоему, вь Енисеискои осътрог, испустя зимнюю пору марта в 26 день, красъноярских служивых людеи десятников Васку Ульянова да Ивашка Пестрядилново с товарыщы, сорок одново человека. И те, государь, служывые люди бедны и нужны, пропилися на Красном Яру у воеводы у Архипа Акинфова и проигралися зернью, пришли в Томскои город кормитца наги и босы. И писал он, князь Петр, ко мне, холопу твоему, что писал де к нему, князю Петру, с Красново Яру воевода Архип Акинфов, что отпущены де с Красново Яру те служивые люди Васка Ульянов с товарыщи в Томскои город кормитца, а дано де им твоего государева хлебного жалованья на нынешнеи на 139-й год по три чети муки, по четверти круп и толокна, да им же, служивым людем, дано в Томском городе по осмине ржи человеку. А о досталных де, государь, служивых людех о сте девяти человеках к тем сороку одному человеку на прибавку писал он, князь Петр, на Красной Яр к воеводе к Архипу Акинфову, чтобы он, Архип, прислал тех досталных служилых людеи сто девять человек вь Енисеискои острог по зимнему пути, а другои половине сту же пятидесят человеком[...][3] И воеводе Архипу Акинфову до твоего государева указу велел де он, князь Петр, быть на Красном Яру, потому что де о том о всем ис Томсково города писано к тебе, ко государю, к Москве. И воевода, государь, Архип Акинфов тех красноярских служилых людеи вь Енисеискои острог по зимнему пути не присылывал, рняся[4] тому, что ты, государь, указал с Красново Ярку перевесть служивых людеи вь Енисеискои острог, а на Красном Яру воеводам и служивым людем не быть, а ему, Архипу, указал ты, государь, ехать к Москве. И по весне, государь, по полои воде маия в 1 день прислал он, Архип, с Красново Яру (*л. 47об.*) четырнатцать человек, и тех выбрав воров, а иных людишок нужных и болных, да и тех, государь, прислал испустя пору, чтобы они, служивые люди, к твоеи государеве службе не поспели. А которые, государь, красноярские служивые люди вь Енисеиском остроге зимовали, пятидесятник Васка Москвитин с товарыщы сорок пять человек, и тем, государь, служивым людем велел он, Архип, быть к себе на Красной Яр. И я, холоп твои, о том писал в Томскои город к воеводе ко князю Петру Пронскому, что с Красново Яру воевода Архип Акинфов по твоему государеву указу и по ево, князя Петровым, отпискам вь Енисеискои острог служивых людеи на прибавку к тем сороку одному человеку, которые присланы от него, князя Петра, ис Томсково города, не присылал. А и те, государь, сорок один человек, которые от нево, князя Петра, а ис Томсково города присланы, наги и босы; а твое государево хлебное жалованье на нынешнеи на 139-й год по ево, князь Петрове, отписке дано им, служилым людем, на Красном Яру по три чети муки человеку, а крупы и толокна с полные оклады дано ж, да и ржи, государь, служивым людем дано в Томском городе вь их оклады по осмине ржы человеку, а всего им, служивым людем, доведетца донять вь Енисеиско же остроге твоего государева хлебного жалованья по две чети муки. И их, служивых людеи, бес хлебного жалованья на твои государевы на далные службы послать неможно, потому что у них, у служилых людеи, твое государево хлебное жалованье выбрано мало не все сполна на Красном Яру и в Томском городе. И ни дожидаяся, государь, ево, князя Петрова, указу я, холоп твои, противу тое своеи отписки велел тем красноярским служивым людем, которые зимовали вь Енисеиском

[3] *Предложение не закончено.*
[4] *Так в рукописи.*

остроге и ели твое государево жалованье даром, служить по твоеи государеве указнои грамоте вь Енисеиском остроге пятидесятнику Васке Москвитину с товарыщы сороку пяти человеком, потому что, государь, из Енисеисково острогу да Томсково города место неближнее и указу (*л. 48*) о тех служилых людех дожидатца будет долго. И к тем сороку пяти[5] и сороку ж к одному человеку, которые присланы ис Томсково города, велел я, холоп твои, прибрать вь Енисеиском остроге из гулящих людеи в то число в полтора ста человек шезъдесят четыре человека и дав им твое государево денежное жалованье из енисеиских доходов, а хлебное жалованье из присылных запасов, и послал их по твоим государевым службам в далние землицы, в Брацкую землю атаману Максиму Перфирьеву с товарыщы на прибавку и на перемену с пятидесятником с Васкою Москвитином пятдесят человек, а на Лену реку на перемену ж атаману Ивану Галкину с товарыщы Енисеисково острогу с сотником стрелецким с Петром Бекетовым сорок человек, и в ыные землицы человек по десяти и по дватцати, и по заставам. И о том я, холоп твои, писал к тебе, ко государю, в нынешнем же во 139-м году, июня в 10 день с красноярскими служивыми людми с пятидесятником з Гришкою Семеновым с товарыщи. А те, государь, атаманы Максим Перфирьев, Иван Галкин, которым те новоприбылые служивые люди посланы на перемену, в прошлом во 138-м году посланы на твои государевы на далные службы с енисеискими старыми служивыми людми, [6]служивых людеи[6] обралось. Максим Перфирьев послан был в Брацкую землю после воины Якова Хрипунова и красноярских служивых людеи их, брацких людеи, уговаривать, и острог вь их Брацкои земле поставити, и ясак з брацких людеи взять. И Максим, государь, Перфирьев, поставя острог в Брацкои земле и приветчи их, брацких людеи, под твою государскую высокую руку, и ясак взяв, и дождався тех новоприбылых служивых людеи пятидесятника Васку Москвитина с товарыщы себе на перемену, приехал с твоим государевым ясаком вь Енисеискои острог июня в 18 день. Иван Галкин послан по Тунгуске реке вверхь до усть Инима реки, а по Иниму вверхь до усть Идирмы реки, а по Идирме (*л. 48об.*) на Куту и на Лену реку. А прошед, государь, на Лену реку, велел ему, Ивану, служивыми людми, выбрав угоже крепкое место, и поставить острог и, укрепяся острогом и поделав струги, посылать от себя из острожку по Лене реке вверхь и вниз служивых людеи с толмачи и велеть тех землиц князцеи и всяких людеи, которые живут по Куте и по Лене реке, и по иным усторонним рекам, которые впали в Лену реку, призывати к тебе в острожек ласкою, и приводити их под твою государскую высокую руку, и велети им шертовати на том, что им, князцом и всяким иноземцом, тебе, государю, служити и прямити, и во всем добра хотети, и над твоими государевыми служивыми людми дурна никакова не мыслити, и не побивати. А казав им твое государево жаловалное слово и приветьчи их к шерти, и взяти с них твои государев ясак смотря по тамошнеи мере, чтоб их твоим государевым ясаком сперва не ожесточить. И в нынешнем, государь, во[7] 139-м году, маия в 8 день писал ко мне, холопу твоему, с усть Идирми реки из зимовья атаман Иван Галкин, как он служивыми людми пришол на усть Идирми реки в старое зимовье и зимовье укрепил, зделал городком, и башню де для караулу поставил. И в прошлом же де, государь, во

[5] *Далее написано и зачеркнуто* человеком.
[6-6] *Написано над строкой.*
[7] *Далее написано и зачеркнуто* сто.

138-м году послал он, Иван, ис тово зимовья чрез волок на Лену[8] реку для твоего государева ясачьново збору последним летним путем енисеиских служилых людеи десятника Илеика Ермолина с товарыщы шти человекъ[9], а за ними де, государь, послал запасы их перенесть через волок осмнатцать человек служивых людеи, а тово де волоку с Ыдирми реки да на Купуи реку с ношами итти два дни, а Купуем де рекою на низ на Куту (*л. 49*) реку, а Кутою на Лену реку плыти судном два же дни. И десятник, государь, Илеика[10] Ермолин с товарыщы на Лене реке с новых землиц с тунъгуских и с налязских людеи, и с сычегуров, и с князца Епки с товарыщы взял твоего государева ясаку соболми и шубами собольими, и оборами, и ярцами, и кошлоками за пять сороков за шесть соболеи. И с тем твоим государевым ясаком Илеика с товарыщи с Лены реки пришли к нему, Ивану[11], зимним путем на усть Ирдимы реки в зимовье в нынешнем во 139-м году. И тот ясак прислал он, Иван, вь Енисеиской острог и писал ко мне, холопу твоему, что такими, государь, невеликими людми вновь с таких великих людных земель болшово твоего государева ясаку взяти им, Илеике с товарыщы, было некем, потому что де, государь, тех землиц князцы и всякия люди под твою государскую высокую руку не приведены, а ему де, Ивану, со всеми служивыми людми и з годовыми запасы до зимнево пути с Ыдирмы из зимовья на Лену реку перетти было немошно. И он де, Иван, в нынешнем во 139-м году во всеми служивыми людми и з запасы из зимовья с Ыдирмы реки на Лену перешол, дал Бог, здорово и острог де за помочию божиею, выбрав угожее место, поставил, учнет приводити тех немирных и непослушных землиц и всяких людеи под твою государскую высокую руку и ясак на тебя, государя, збирати. А по Лене, государь, реке и по сторонним рекам, которые впали в Лену реку, живут тунгуские, и наленские, и сычегурские, и брацкие многие люди, а люди, государь, все сидячие; а внизу по Лене реке шиляги и мучюги, а те де, государь, мучюги и шиляги многие ж люди и тебе, государю, непослушны, а тем де, государь, всем землицам, тунгуским, и наленским, и сычегурским людем они силны и их де, приходя, громят по вся годы; а те де, государь, (*л. 49об.*) мучюги скотные люди, а живут по краи Лены реки. И толко, государь, милостию Божиею и твоим государским счастьем в тех новых острожках в Брацкои земле, что поставил атаман Максим Перфирьев, и на Лене реке, как Боже даст Бог, острог поставить атаман Иван Галкин, учнут быти твоих государевы службы немалые люди по переменам беспереводно, и те, государь, все немирные и непослушные землицы будут тебе, государь, послушны, и ясачнои збор будет с них великои. А как, государь, атаман Иван Галкин служивыми людми с тое твоеи государевы службы с Лены реки вь Енисеиской острог приедет и сколко тех немирных и непослушных землиц под твою государскую высокую руку приведет, и что с них твоего государева ясаку возмет, и о том я, холоп твои, отпишу к тебе, ко государю, толко бы, государь, по твоему государеву указу воевода князь Петр Пронскои, радеючи о твоем государеве деле, велел красноярских служивых людеи перевести вь Енисеиской острог не замотчав впору де их, сполна. И я бы, холоп твои, розослал их, служивых людеи, и зимою по твоим государевым службам по стороним улусом, кото-

[8] *Далее написано и зачеркнуто* ко князцу.
[9] *Слово написано над строкой.*
[10] *Далее написано и зачеркнуто* Ермолаев.
[11] *Слово написано над зачеркнутым* к нему.

рым людем водянову ходу нет, а с весны бы рано, за лдом потому же розослал по розным землицам и по речкам, по которым речкам межен лета в сухую воду ход судовои не бывает, и тебе, государь, в нынешнем во 139-м году вь ясачном зборе прибыль была великая. А тех, государь, красноярских служилых людеи сорока однова человека Ваbску Ульянова с товарыщы, которых прислал с Томского городу воевода князь Петр Пронскои, не токмо что на далную на твою государеву службу, и их, государь, и на ближную службу послать не мошно, потому что, государь, выдал им воевода Архип Акинфов твое государево хлебное жалованье на Красном Яру на нынешнеи на 139 год мало не все сполна и, выдав, перевел то у них хлебное и денежное жалованье винною (*л. 50*) продажею за себя же, а их роспустил по городом кормитца и им, государь, голодним людем, вряд толко в городе проживать и кормитца, а на твою государеву на далную службу послати их ни с чем.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, лл. 46об.–50.

20. *1631 г. не ранее июля 28. — Отписка в Москву енисейского воеводы князя Семена Шеховского о службе атамана Максима Перфильева.*

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии холоп твои Сенка Шаховскои челом бьет. В нынешнем, государь, в 139-м году, июля в 28 день бил челом тебе государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии Енисеиского острогу атаман Максим Перфильев, а сказал, служит де он вь Енисеиском остроге в атаманех всякие твои государевы службы и живет беспрестани на твоих государевых службах зимою и летом, и не малых тунгуских людеи вновь под твою государеву высокую руку привел, и в ясачном де зборе немалую прибыль тебе, государю, учинил. В прошлом де во 135-м году посылан де был он, Максим, из Енисеиского острогу на твою государеву службу вверхь по Верхнеи Тунгуске реке для сыску твоих государевых изъменников, чипогирских тунгусов князца Болтурина с товарыщы, которые де убили твоих государевых енисеиских служилых людеи, Левку Туреникова да толмача Куземку Семенова. И он де, Максим, тех чипогурских тунгусов, князца Болтурина с товарыщы, сыскал и уговорил, и под твою государскую высокую руку привел, и ясак де с них тебе, государю, шездесят соболеи да десять шубенок тунгуских собольих и бобровых, да ныне де те чипогурския тунгусы тебе, государь, ясак платят по вся годы беспереводно. Да в прошлом же де, государь, во 136-м году посылан де был он, Максим, из Енисеиско во острогу на твою государеву службу вверхь по Тунгуске реке под Брацкои порог на годовую, а с ним де, Максимом, послано было твоих государевых служивых людеи сорок человек. А велено де ему, Максиму[1], будучи на твоеи государеве службе, про новые землицы проведывати и под твою государеву высокую руку приводить, и ясак с них збирать. И он де, Максим, тебе, государю, служил, поставил выше Инима реки в двух днищах под Брацким под первым под Шеманским (*л. 44об.*) порогом острожек да привел де вновь под твою царскую высокую руку вверьхь по Иниму реке новую землицу налягов, князца Кенегу, да Балея, да Курябыля с товарыщы, и ясак де с них тебе, государю, взял. Да он же, Максим, тебе, государю, служил, привел де вновь под твою царскую высокую руку новую волость мунгулеи, князца Сидека Корока с товарыщы, да верхних тунгу-

[1] *Слово написано над строкой.*

сов, которые де тунгусы живут выше Шеманскова порогу в Гее реке з брацкими людми вряд князца Халенгу с товарыщы и ясак де с них тебе, государю, взял. Да он же де тебе, государю, служил, привел вновь под твою царскую высокую руку новую волость ардынцов Чеунку с товарыщы да верхних шаманских тунгусов князца Когоня с товарыщы и ясак де с них тебе, государю, взял. И всего де он, Максим, в прошлом во 136-м году собрал вновь твоего государева ясаку с новых волостеи с налягов, и с мугулеи, и с верхних тунгусов, и с ардынцов, и с шаманских тунгусов десять сороков дватцать восемь соболеи, да тритцать недособолеи, да три шубенка тунгуских собольи. Да ныне де тех новых волостеи тунгуские люди тебе, государю, ясак платят по вся годы беспереводно, а прежде ево, Максима, тех новых землиц тебе, государю, ясаку не имывано. А как де он, Максим, поехал с твоеи государевы службы от Брацково Шемансково [2]от перваго[2] порогу назад вь Енисеискои острог, и не доезжая де Енисеиского острогу за три днища на рыбнои ловле твои де государевы ясачные люди кънязец Иркинеи, да Бомкеи, да Мукотеико с товарыщы, забыв де к себе твою государеву милость и свою правду, на чом они тебе, государю, шертовали, собрався де со многими тунгусами, пришли на них обманом и учали де их из луков стреляти, и мъногих де служивых людеи переранили, а стрелца Поспелка Никитина до смерти убили, а ево де, Максима, ранили, пробили[3] обе руки насквоз да в левую бедру ранили, и от тех де ран он, Максим, стал увечен, (*л. 45*) правою рукою не владеет. А хотели де те тунгуские люди князец Иркинеи, да Бомкеи, да Мукотеико с товарыщы, твою государеву ясачную казну отгромити, и он де, Максим, в те поры от тунгуских людеи отбился и твою де государеву ясачную казну отстоял. Да в нынешнем во 139-м году посылан де был Максим на твою государеву службу в Брацкую землю для уговору брацких людеи после воины Якова Хрипунова и красноярских казаков, и для де острожные спавки[4], и для приводу брацких людеи под твою царскую высокую руку и ясачново збору, и он де, Максим, тебе, государю, служил, после погрому Якова Хрипунова да красъноярских казаков брацких людеи князца Кодогоня, да брата ево Кодогора, да князца Баратая, да Уныгивея с товарыщы уговорил и под твою государскую высокую руку и к шерти привел, и ясак де с них тебе, государю, взял четыре сорока дватцать три соболя, и осътрог де в самои Брацкои земле поставил в крепком и в угожем месте, и укрепил де всякими крепостьми, и впередь де в том остроге твоим государевым служивым людем от брацких людеи седеть и ясак збирать будет бестрашно. И твоего де государева изменника, брацково князца Маярахана, которои убил Енисеисково осътрогу десятника стрелецкого Вихоря Савина, и под твою де государеву высокую руку и к шерти привел, и ясак де с него тебе, государю, взял. Да он же де, Максим, тебе, государю, служил, в нынем же во 139-м году прибрал он, Максим, при прошлом 138-м году тебе, государю, твоего государева ясаку с тунгуских людеи с шаманских тунгусов с князца Когоня, да с ардынцов, с Чеунки, да в Гее реке с Халенги с товарыщи три сорока семь соболеи. И чтобы де ты государь царь и великии князь Михаило Федоровичь всеа Русии ево, Максима, пожаловал, велел те ево службы вь Енисеиском остроге выписать. И по твоему государеву указу[5] я, холоп твои, велел в съезжеи избе сыскать прошлых годов

[2-2] *Написано над строкой.*
[3] *Слово написано над строкой.*
[4] *Так в рукописи; следует читать* ставки.
[5] *Далее написано и зачеркнуто* указу.

отписки, куда он, Максим, посылан был для твоего государева ясачново збору и приводу тунгуских (*л. 45об.*) и иных землиц под твою государскую высокую руку, да из ясачных книг прошлых лет и нынешняго 139-м году[6] ясачнои збор, сколко он, Максим, с которые земли и в котором году сколко твоего государева ясаку вновь взял. И вь ясачнои, государь, книге прошлого 136 году при воеводе при Василье Аргамакове написано, с новых землиц в Тунгуские реки под Брацким порогом всял[6] твоего государева ясаку вновь атаман Максим Перфирьев служилыми людми с Шаманские землицы с князца Когоня с товарыщы, три сорока дватцать три соболя с пупки и с хвосты, да две шубы собольих тунгуские, да он же, Максим, взял твоего государева ясаку вновь с новые ж землицы с чипогирских и с липагурских тунгусов два сорока дватцать два соболя с пупки с хвосты, да шубу соболью тунгускую, да пластинку соболью, да лисицу красную, да он же, Максим, взял твоего государева ясаку с новые ж землицы с нялягов с князца с Корюбыля с товарыщы два сорока дватцать пять соболеи[7], да тритцать недособолеи[8] с пупки и с хвосты, да он же, Максим, взял твоего государева ясаку с новые ж землицы с мунъгулеи с князца Едока с товарыщы дватцать пять соболеи с пупки и с хвосты, да он же, Максим, взял твоего государева ясаку с верхних тунгусов с князца с Шамана с товарыщы дватцать пять соболеи с пупки и с хвосты, да с чипогурсково тунгуса восемь соболеи, да с шамансково тунгуса с Манцы десять соболеи да пластину соболью, да с шамансково ж тунгуса з Болтирина вновь же десять соболеи с пупки и с хвосты. А преже его, Максима, те землицы тебе, государю, были непослушны, и ясаку с них преже его, Максима, нихто не имывал. Да в сьезжеи[9], государь, избе сыскана записка и роспросные речи ево, атамана Максима Перфирьева (*л. 46*) с товарыщы, как он, Максим, ехал ис под Брацково порогу[10] с твоею государевою ясачною казною, и в Тунгуске ж на рыбнои ловле, где ныне поставлен вновь острожек, тунъгуские люди князцы Иркинеи, да Богкеи, да Мукотеи с товарыщы, собрався с тунгускими людми человек за триста и болши и приманя его, Максима, к берегу, бутто ему хотели ясак дать, иво, Максима, и служивых людеи[11] учали из луков стреляти и многих служилых людеи[12] переранили, а стрелца Поспелка Микитина убили до смерти, а его, Максима, ранили, обе руки у него пробили наскрость да ранили[13] в бедру левую, и хотели ево, Максима, и всех служилых людеи побити и твою государеву казну огромить, и атаман Максим Перфирьев служивыми людми тебе, государю, служилыми с ними, с тунгускими людми, бились и твою государеву ясачную казну отстояли, и от них отбились. И о том воевода Василеи Аргамаков писал к тебе, государю, в прошлом же во 136-м году. По твоему ж государеву указу в прошлом 138 году при мне, холопе твоем, посылан из Енисеиского острогу он, Макъсим, в Брацкую землю, после Якова Хрипунова и красноярских казаков погрому брацких людеи уговаривал и учинил в Брацкои земле крепость, и ясак с них з брацких людеи взял. И в нынешнем, государь, во

[6] *Так в рукописи.*
[7] *Далее знак вставки — три кружка.*
[7-8] *Вставка на левом поле.*
[9] *Далее написано и зачеркнуто* избе.
[10] *Далее начато и зачеркнуто* с тое.
[11] *Далее знак вставки — три кружка.*
[11-12] *Вставка на левом поле.*
[13] *Далее написано и зачеркнуто* да ранили.

139-м году атаман Максим Перфирьев с товарыщы брацкие улусы привел под твою государскую высокую руку и острог в них Брацкои земле поставил, и ясаку взял с князцеи з брацких с Кодогоня, да з брата его, с Кодогура, да з Братая, да с Уныгидедя, да с Маяракана и с людеи их четыре сорока дватцать три соболю, да пластину соболью, да лисицу красную. Да под Брацким под первым порогом приехал он, Максим, перед прошлым 138-м годом с шаманских людеи и с ардынцов из Геи реки твоего государева ясаку с оных три сорока семь соболеи с пупки и с хвосты [...][14].

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, лл. 44–46.

21. *1631 г. не ранее 30 сентября. — Отписка енисейских служилых людей Михаила Торского и Степана Потылицына енисейскому воеводе Ждану Кондыреву о посылке их в Братский острог и о уведомлении, что под Шаманским порогом у них судно проломило и люди занемогли.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводе Ждану Васильевичю Мишка Торскои, Стенка Потылицын челом бьют. 140-го, государь, сентября в 30 день пришли мы, холопи государевы, под Шаманскои порог, и по грехом над нами учинилось, судно переломило на шиваре, и люди незамогли, а один товарыщ помер, Юрья Емельянов, а Савко Максимов и топерво неможет, болен, и не с кем стало до Брацкого порогу доттить. И мы, государь, стали зимовать под Шаманским порогом, пониже за полднища, а я, Михалко, самдрук с Ывашком Грамоткою с государевою казною, сукны и с ясырем ходил к Василью Москвитину, и государеву службу в Брацком острожке служил, и во всякие посылки для ясашново збору ходилъ; а товарыща имал, Ивашку Грамотку, Василеи Мосъквитин, выбил с отпискою на Илим к Вирсу Микифорову во лду по последнему пути, и тот Ивашко ноги позноби‌л, гниет, без ног стал.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, л. 67об.

22. *1631 г. не ранее декабря 25. — Отписка енисейского стрелецкого сотника Петра Бекетова енисейскому воеводе Ждану Кондыреву о приеме им от атамана Ивана Галкина на устье Идирмы запасов и части людей, об остроге, поставленном Иваном Галкиным на устье Куты, о недостатке у него олова, одекуя, жира и вина, о раздаче им служилым людям хлебного жалованья на 141-й год, о посылке челобитчика о денежном жалованье, о походе вверх по Лене в Братскую землю, об устройстве в устье Тутура острога, об уходе братов в Мунгалы, на Ламу-озеро, и о промышленных людях с Нижней Тунгуски.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводе Ждану Васильевичю Енисеиского острогу сотник стрелецкои Петр Бекетов челом бьет. (*л. 63об*) В прошлом во 139-м году, маия в 31 день по государеву указу послан я из Енисеиского острогу служилыми людми с тритцатью человеки на государеву службу на годовую в новои острожек на Лену реку Енисеиского острогу атаману Ивану Галкину с товарыщы на перемену, где он, Иван, с товарыщы поставил острог на Лене реке, и велено мне перети волок с Ылима реки на Лену реку со всеми служивыми

[14] Далее текст обрывается.

людми летним путем и приняти у нево, Ивана, в острожке государева казна, которая у нево будет государева казна в остатке, пушечных запасов, пороху и свинцу, и ясачным людем окладные книги, с которых он землиц збирал государев ясак на Лене реке по своему окладу на прошлои на 139-и год. Да мне же велено взять у нево, Ивана, Енисеиского острогу толмача Федку Дунаика да десяти человек служивых людеи, которые бы пригодились в государеву службу, иные бы умели тынгускои язык, и во всем с ним, Иваном, велено росписатца и отпустить ево вь Енисеискои осътрог, и отписать об том обо всем вь Енисеискои острог, что у нево, Ивана, приметца против государева указу государевы казны. И яз служилыми людми под волок пришел июля в 16 день и принял государевы казны у атамана Ивана Галкина на сеи стороне волоку в зимовье на усть Идирмы реки: пороху пуд, да свинцу четырнатцать безмен, да толмача Федку Дунаика, да служивово человека Гаврилка Никитина, а иных служивых людеи мне отвел в яколех[1], и в тех мне ныне помочи нет; а книг ясачным людем окладных не дал мне; а про острог мне он, Иванъ, сказал, что поставил острог на Лене реке на усть Куты реки в угожем месте, и на усть Куты поставлено у него зимовье (*л. 64*) по промышленому, одна изба с сенцы, десяти человеком одва можно жити в твоем зимовье, а острожкова заводу около тово зимовья нет никаково, а ясашных людеи блиско тово зимовья нет ни одново человека, а вверхь от тово зимовья по Лене реке до ясачных людеи зимным ходом три недели итти, а вниз от тово зимовья до ясашных же людеи болше трех[2] недель итти. Да мне ж велено, пришед на Лену реку из острошку, розсылать служивых людеи по всем землицам для государева ясашново збору и велено тех землиц князцеи и лутчих людеи тунгуских и брацких и всех розных землиц призывати в острожек, и как тех землиц князцы и лутчие люди учинятца под государскою высокую рукою и учнут приходить ко мне в острожек, и мне их велено поить и кормить доволно и государево жалованье давать, олово и одекую, и государево жалованное слово сказати, и отпускати их в свои землицы, чтобы оне, князьцы и лутчие люди, видя к себе государскую милость, и иным многим землицам росказывали и ко государскои милости в острожек з государевым ясаком призывали. И на Лене реке людеи много, а мне их припоити и прикормити нечем, и давати государева жалованья, олова и одекую, нечево же, потому что послано со мною государева жалованья на тех ясачных людеи росходы, вина горячева всего два ведра, а олова на подарки четырнатцать гривенок, а одекую пять фунтов, а жиру никаково, ни однои гривенки не дано на те тынгуские люди. А на прошлои 139-и год послано было государева жалованья с атаманом с Ываном Галкиным на те тунгуские росходы, олова пуд, да одекую пуд же, да жиру рыбья пуд, а вина два ведра с осминою. (*л. 64об.*) И у нево, Ивана, и тово государева жалованья на те тынгуские росходы не стало, а здеся на государев обиход олова, и одекую, и жиру вязть негде, потому что у промышленых людеи без указу взять не смею, а у служивых людеи взяти нечево, пошли на государеву службу из Енисеиского острогу наги и босы, а у иных у многих и оружья нет, потому что служивые люди прибраны вново из гулящих людеи и посланы на государеву службу со мною, а становились в государеву службу от бедности должные люди. А государево им жалованье денежное дано на нынешнеи на 140-и год по полутретья рубли, да ис тово же полутретья рубли взять с них в госуда-

[1] *Так в рукописи.*

[2] *Далее написано и зачеркнуто* днеи.

реву казну оброк по девяти алтын с человека, и служивым людем на то государево[3] денежное жалованье и оружия залести нечем, не токмо что платия и харчю. А хлебново государева жалованья дано служивым людем по шти четвертеи человеку, а дано им государево жалование до службы недели за три, и они хлеба бес харчю приели вдвое, а ныне у служивых людеи хлебново запасу осталось с Рожества Христова по четыре пуда на человека, и им государевы службы дослужити было нечем, потому что здесь служивым людем государева служба на полтора года и болши. И я, не хотя службы государевы потеряти, и роздал им, служивым людем, государево хлебное жалованье вперед на 141-и год вь их оклады по полуторе четверте человеку, а роздал им тот государев запас, которои послан был со мною из Енисеисково острогу на служивых людеи, которых было велено взяти мне по государеву указу у атамана Ивана Галкина, десяти человек. А о денежном жалованье служивые люди послали челобитчиков государю и тебе, государеву воеводе, вь Енисеискои острог десятника Фетку Чакулца, да Семеику Митрофанова, да Игнашку Федотова, а мне здесь подали челобитную служивые люди о денежном жалование о недодаточном, и яз, у них взяв челобитную и подклея под сею[4] отпискою, послал к тебе, государеву воеводе, (*л. 65*) а вь Енисеискои острог с теми служивыми людми, которые пошли от меня, с Феткою Чакулцом, а прежь сево обо всем о том писал яз вь Енисеискои острог к тебе, государеву воеводе, о вине, и о подарках, и о жиру, а послана была отписка преж сево обо всем о том с атаманом с Ываном Галкиным, а против мне тое отписки указу никакова не бывало и по ся мест. А конечно служивым людем государевы службы служити не с чем, уружия у многих нет, а купити нечем, а купити у промышленых оружеи добудеца, и ты, государь, об том как укажеш. А ясаку государева собрали служивые люди государскою грозою на Лене реке до Рожества Христова полсема сорока, и еще служивых людеи розослал по речкам для ради государева ясашново збору. Да в нынешнем же во 140-м году, сентября в 1 день по государеву указу ходил я на государеву службу служивыми людми з дватцатью человеки из зимовья с усть Куты реки вверхь по Лене реке в Брацкую землю ко князку Бокою да ко князку Бороче для государева ясаку, а для вожеи и толмачества имал с собою ясашных тынгусов с усть Куты реки, имал дву человек, шамана з братом, да с усть Куленги реки ходил со мною наляскои лутчеи тынгусъкои князец Липка с сыном своим, а ходил со мною своею охотою. И шел я с усть Куты реки вверхь по Лене реке судном две недели, и вверху Лена река мелка и уска, судном итти нелзя, и яз взял служивых людеи с собою и пошел в Брацкую землю степью, шел пять ден и, не дошед брацких улусов за полдница, те брацкие люди меня сълуживыми людми подкараулили, и объявяся нам, и поскакали от нас в свои улусы наскоре. А яз толмачю велел их, брацких[5] людеи, кликати, и оне, брацкие люди, ко мне не поехали, и яз служивым людем велел зделати у лесу крепь, (*л. 65об*) срубити струб и поделати боиницы, и поставить велел надолобы, а в улусы к ним для тово не пошли, сказал нам, тех брацких людеи много болше двою сот человек. И укрепася яз служивыми людми, послал к тем брацким людем толмача, ясачново человека тынгуса шаманова брата, и велел тем брацким людем говорити, чтобы оне, брацкие люди, князец Бокои да князец Борочеи со всеми своими людми, учини-

[3] *Далее написано и зачеркнуто* государево.
[4] *Далее написано и зачеркнуто* челобит.
[5] *Далее написано и зачеркнуто* брацких.

лись бы под государскою высокою рукою, и были бы великому государю послушны навеки, и ясак с себя и своих людеи великому государю дали также, как изъная[6] их братия иноземцы великому государю ясак дают по вся годы и живут под ево государскою высокою рекою[7] в тишине и в оберегание ото всяких землиц. И оне, брацкие люди князец Бокои да князец Борочеи, приказали ко мне с тем же толмачем, чтобы де нас служилые люди подождали нас дни с три, а мы де в те поры зберем своих людеи государю вашему ясак и привезем к вам сами. И яз служивыми людми по их приказу ждал государева ясаку три дни от тех брацких людеи, и сентября в 26 день те брацкие люди князец Бокои да къназец Борочеи, приехали с людми своими ко мне, а людеи с ними приехало шездесят человек, а сказали мне, что оне приехали з государевым ясаком. И яз служивым людем велел приготовитца, у которых были пансыри, и тем велел надевати под платие, и оружие велел приготовить, и тех брацких людеи велел пустить к себе без оружия, без сагаидаков и без сабель. И брацкие люди тотчас с себя сагаидаки свои у конеи сметали, про сабли сказали, сабълеи де у нас нет не у одново человека. И как к нам в крепь вошли те брацкие люди, и яз велел (*л. 66*) толмачю им, брацким людем, про государское величество росказати, и сказати и государево жалованное слово, и почал у них просити государева ясаку, и оне, брацкие люди князец Бокои да князец Борочеи, принесли ко мне пять недособолишек да лисиченко красное вешное со всех своих людеи. И яз служилыми людми тем брацким людем почал говорити государскою грозою[8] об государеве ясаке, и те брацкие люди, понадеяся на свою безъбожную силу, что их много, начинали со мною и с служивыми людми спорити и государское величество почали себе не во что ставити, и почали оне говорити, ясаку де мы с сбя ни в которую землю не даем, а сами со многих землиц ясак емлем де, да ныне государю вашему ясаку не дадим и вас к себе в холопи розберем, из своеи земли вас не выпустим. И усмотрели служивые люди у них, брацких людеи, под тулупами сабли наголо и сказали мне, и яз служивыми людми видо то, что те государевы неприятели хотят государскому имени учинить позорно и нас, государевых холопеи, хотят побити, а иных хотят к себе взяти в холопи, и яз служивыми людми, не хотя государскому имяни позорно учинить в их безбожнои земле и прося у бога милости, и велел служивым людем прииматца за оружие. И те брацкие люди в те поры, выняв ис под тулупов своих собли, и кинулися на нас все с саблями неистово, и яз служивыми людми[9] Божиею милостию и государским счастием справился против тех государевых неприятелеи, и почали с ними битца, и на том бою, государь, нам поручил тех брацких людеи побити, и убили на том бою[9] брацких людеи сорок человек, а иных многих переранили, а у нас на том бою убили те брацкие люди ясашных людеи тынгусов трех человек, нalяскoво князка (*л. 66об.*) Липку с сыном ево да шаманова брата Юрога. Да на том же бою те брацкие люди ранили служивово человека Семеику Митрофанова, дали ему Семеике две раны, у правые руки отсекли два перста да в бок поколот слехка. И отлуча у тех брацких людеи конеи, и отъехали на тех конях от них отводом, дал Бог, здорово до усть Тутуры речки вниз по Лене реке, а ехали от них, брацких людеи, на конех на-

---

[6] *Так в рукописи, следует читать* иная.
[7] *Так в рукописи, следует читать* рукою.
[8] *Слово написано над зачеркнутым* пробою.
[9] *Слово написано над строкой.*

съкоре до усть Тутуры речки сутки день и ночь. А на усть тое де Тутуры реки живут ясашные люди, тунгусы, наляги, да тут же немного пониже Тутуры реки есть волок с Лены реки на Киренгу реку. А на Киренге, сказывают, живет людеи много тынгусов, никогирцы и камчагирцы, а волоку, сказывают, с Лены реки на Киренгу реку восемь ден ходу. И яз на Лене реке на усть Тутуры реки, приискав угожее место, и велел служивым людем поставити острожек. И те брацкие люди, слыша про то, что на усть Тутуры реки служивые люди поставили острожек, и не похотя быти под государскою высокою рукою, избежали все жити в мунгалы на Ламу озеро. И яз в том острожке на усть Тутуры реки оставил служивых людеи десять человек, десятника Ондрюшку Иванова с товарыщы, для государева ясашново збору. И десятник Ондрюшка Иванов с товарыщы собрал государева ясаку в том острожке на усть Тутуры реки с тунгуских, с наляжких людеи четыре сорока десять соболеи, окроме Киренги, а на Киренгу реку еще служивые люди не посланы для государева ясашново збору, потому что у служивых людеи на Лене реке запасу нет, летним путем за волок запасу многово добыти нелзя. А служивые люди, которые были на Лене реке на государеве службе со мною, те все ели кобылятину з голоду. А ныне служивые люди (*л. 67*) все добывают за волок запас зимним путем. И сказана им государева служба ити по речкам для государева ясачнова збору вверхь по Лене реке и вниз, и на Киренгу реку. А преже тово с тех тынгуских людеи, которые живут на усть Тутуры реки, имали ясак те брацкие люди, которых мы побили. И видя те тунгуские люди к себе государскую оборону, учинилися под государскою высокою рукою неотступны. Да в нынешном же во 140-м году посыланы были служивые люди вниз по Лене реке, Агапитко Иванов с товарыщы, для государева ясашново збору к тынгуским ясачным людем, ко Звероулку с товарыщы, и тот Звероулко людем своим государева ясаку давати не велит, а служивых людеи Огапитка с товарыщы хотел побити. А преже ево тот же Звероулко побил служивых людеи пяти человек, Казарина Кондратиева с товарыщы, да промышленых людеи убил тот же Звероулко восми человек, Ондрюшку Вятченина с товарыщы, и ево, Свороулкова, воровъства чинятца в государеве ясаке недобор вь ево людех, а без указу над ним, Свероулком, зделати ничево не смею. Да в нынешном во 140-м году приходили ко мне в зимовье промышленые люди, которые промышляют по Илиму реке, а бьют челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии, чтобы их, промышленых людеи, государь пожаловал, велел бы на весну взять с их мяхкои рухляди свою государеву десятинную пошлину здесь, на Илиме реке, а оне, промышленые люди, хотя государю послужити, служивыми людми хотят на Лене реке походити для государева ясачново збору. Да в нынешном же во 140-м году с Нижные Тунгуски перешли промышленые люди многие на Лену реку и промышляют по Лене реке по обе стороны по речкам, а седят те промышленые люди от зимовья с усть Куты реки вниз по Лене реке неподалеку, ходу до них десять ден, а на весну (*л. 67об.*) опять хотят уити на Турухан. И яз без государева указу с тех промышленых людеи с их мяхкие рухляди государевы десятинные пошлины взять не съмею, и ты, государь Ждан Васильевичь, об том обо всем как мне укажеш.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, лл. 63–67 об.

23. *1631–1632 гг. — Отписка Илимского острога десятника Фирса Никифорова енисейскому воеводе Ждану Кондыреву о ясаке, собранном им с шаманцев, ордынцев, налягов и других тунгусов.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводе Ждану Васильевичю из Ылимъсково острожку десятник Фирско Никифоров с товарыщы много челом бьет до лица земного. Посъланы мы по государеву указу и по твоему воевоцкому приказу в Ылимскои острожек для ради государева ясачново збору, и ноча[1] государева ясашново збору собрано девять сороков двенатцать соболеи на Тунгуске, и на Илиму, и на Идирме, а шаманцов (*л. 63*) и с ордынцов взято четыре сорока двенатцать соболеи. А посылал я на Идирму для государева ясаку служилых людеи Богдашку Фадеева да Гришку толмача, и оне собрали государева ясаку с налягов пять сороков. И оне ко мне писали грамотку, ходили скат мы по Туре реке вверхь за тунгусами до Брацкие земли до Букиева улуса, и мы скат с уст Игли мужиков Убукиева улусу и мы скат стали государева ясаку прошать, и оне государева ясаку не дали, а чинятца силны, а не дадим де ясаку, а платим де мы ясак в Браты. А ходили мы скат за ними два месяца, а пришли скат мы с Туры реки на Идирму и стали мы у тунгусов ясаку прошать, и оне сказали, соболеи де у нас выторговал скат Петр Сотник, а продал скат нам 2 лошади, да лук брацкои, да котел, да стрел брацких оторговал прежде государева ясаку, а в том торгу государев ясак в недоборе стал. А писано у нас в государеве наказе вверхь по Тунгуске в Чуне реке государев ясак с князца с Короты и с людеи его нам имать, и яз, Фирско, посылал в Гею реку служивых людеи, и ныне пришли, стали государева ясаку прошать у тунгусов, и оне стали говорить, взял де у нас ясак ис под Брацково порогу пятидесятник Василеи Мосъвитин, а послано санами государевых подарков мало, олова и одекую, и мы дарили тунгусов своим оловом и одекуями и издержали олова два безмена да две тысячи одекую, а всево тово ясаку собрано здесе 9 сороков двенатцать соболеи с шаманцов, и с ордынцов, и с налягов, и со всяких тунгуских людеи.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, лл. 62об.–63.

24. *1632 г. не ранее июня 13. — Отписка мангазейских и тобольских служилых людей Степана Корытова с товарищами мангазейским воеводам Василию Давыдову и Дмитрию Клокачеву о том, что они отправились из Туруханского зимовья на реку Лену без толмача.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа России воеводам Василью Але[...][1]еевичю, Дмитрею Федеровичю мангазеиские и тоболские служилые люди иноземец Степанко Корытов, Надежка Сидоров с товарыщи челом бью. В нынешном во 140-м году по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всея Росии указу и по вашеи наказнои памяти посланы мы вверхь по Нижнои Тунгуске на захребетную реку Лену для государева ясашново збору проведывать новых неясашных землиц, писали вы в Туруханское зимовье к сотнику стрелецкому Ивану Патракееву, и по вашеи памети велено нам дать в Туруханском зимовье толмача, и сотник Иван Патраеев толмача нам не дал, и пошли мы на государеву службу июня

[1] *Так в рукописи; может быть, следует читать* нонча.

[1] *В рукописи пробел.*

в 13-й день без томача[2], и будет государьскому имяни позор и делу поруха и казне изтеря, и нам бы от государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея России в опале и в казне не быть.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 21, л. 147.

25. *1632 г. не ранее июля 1. — Отписка в Москву томского воеводы Ивана Татева о посыланных в разные времена людях в Братскую землю, о непослушании братских людей, о построении острожка в Братской землице.*

[...][1] острожке зимовал, а на свену[2] де ему, Максиму, мошно в Брацкои земле острог поставить, толко с ним надобе люди немалые. А как, господине, он, Максим, служилыми людми и с ясырем в Ынимском острожке зимовал, и он, Максим, взял у торговых и у промышленых людеи, которые были на соболином промыслу, брацкому ясырю на корм и в Брацкую землю для брацких росходов с собою четыре чети муки ржаные. И в прошлом же, господин[3], во 139 году, маия в 8 день воевода князь Семен Шеховскои послал из Енисеиского острогу к нему, к Максиму с товарыщи, на прибавку острожново ставленья переводных с Красново Яру служивых людеи пятдесятника Васку Москвитина с товарыщи (*л. 204об.*) дватцать человек в легких в дву стругах наскоро, а велел ему, Васке, атамана Максима Перфирьева с служилыми людми сходить и острог в Брацкои земле с ним, с Максимом, поставить вместе. Да после, господине, того маия ж в 21 день к тем служивым людем к пятидесятнику к Васке Москвитину с товарыщи послал князь Семен в тот Брацкои острожек, где они поставят, на годовую государеву службу пятидесятника Петрушку Ропота с товарыщи тритцать человек, дав им государево денежное и хлебное жалованье годовые их полные оклады, и велел им, пятидесятником Васке Москвитину да Петрушке Ропоту с товарыщи пятидесят человеком, быть в том Брацком острошке, где они поставят, на государеве годовои службе до перемены для государева ясачново збору, а ата...[4] в осаде. А они де, брацкие люди, меж собою и с тунгускими людми уговорились, что им служивых людеи везде, которые поидут из острошку для ясаку и на рыбных и на всяких промыслах, побивать. А говорят де они, брацкие люди, что де они атаману Максиму Перфирьеву соболи не в ясак дали, выкупили де теми соболми (*л. 205*) у атамана у Максима свои ясырь. И августа ж, господине, в 24 день воевода князь Семен Шаховскои против тех служивых людеи Васки Москвитина да Петрушки Ропота отписок послал в Брацкую землю к ним в острожек на прибавку енисеиских служивых людеи Мишку Тарсково да Степанка Потылицына с товарыщи шесть человек, а с ними, служилыми людми, послал того ж брацково ясырю ко князцу Котогуню, племянницу его, жонку именем Маню з дочерью да племянника его, Котогорева сына именем Ниткея. Да с ним же к брацким князцом послал подарков, Котогуню да Котогуру, да князцом Баратаю да Уныгидею по четыре аршина лазоревои лятчины, да Маяраканову сыну Норозану аршин сукна настрафили черчатово, да

[2] *Так в рукописи.*

[1] *В рукописи отточие на месте утраченного текста.*
[2] *Так в рукописи, следует, видимо, читать* весну.
[3] *Слово написано над строкой.*
[4] *В рукописи отточие и пропуск строки на месте утраченного текста.*

всем им, брацким князцом, по рубашке, по порткам, по чюлкам, по чаркам. А по енисеискои, господине, цене тех подарков послано на двенатцать рублев[5] на три алтына на две денги; да ясырю Мане з дочерью да Котогореву сыну Ниткею куплено платья и обуви на два рубли на три алтына на две денги; да с ними ж, служивыми людми с Мишкою Тарским да с Степанком Потылицыным, послано в Брацкую землю в острожек на брацкие росходы к прежнеи посылке на прибавку (*л. 205об.*) две чети муки ржанои, три чети муки овсянои, два пуда меду пресново, десеть безмен хмелю; да ясырю Мане с робяты дано в дорогу на корм да Брацкого острожку четь муки ржанои; да сверх, господине, того вышло тому всему братцкому ясырю в Енисеиском остроге на корм с тех мест, как тот ясырь взят[3] на оманацкои двор, октября с 3-го числа во 138-м, и во 139-м, и в нынешнем во 140-м году июля по 1-е число государевых хлебных запасов енисеиские пахоты четыреста восмьдесят восмь чети с осминою и с получетвериком муки ржанои, восмь чети круп и толокна, да на мясо и на рыбу денег сорок восмь рублев деветь алтын четыре денги. И всего, господине, тому брацкому ясырю вышло на корм в Енисеиском остроге хлеба и денег, и в Брацкую землю для брацких росходов хлебных и всяких запасов, и брацким князцом подарков послано, и ясырю платья и обиви куплено, и в дорогу на корм тому ж ясырю да брацкие земли хлебных запасов дано по енисеискои рядовои цене, как в прошлом во 138-м, и во 139-м, и в нынешнем во 140-м году в Енисеиском остроге приезжие торговые и промышленые люди меж собою (*л. 206*) хлебные запасы меняли и руские товары продавали, итого на тысечю на сто на сорок на три рубли, оприч судов и судовых снастеи, в которых судах в Брацкую землю в новои острожек ходили енисеиские служивые люди. А те суды и судовые снасти покупаны на денги из государевы казны, а назад в Енисеискои острог те суды не приходят, потому что на порогах те суды ломают и снасти, шеимы и бечевы, и завозы подрывает, а которые, господине, суды и придут, и те суды вперед в ход не годятца. А государево денежное и хлебное жалованье тем служивым людем для тое государевы брацкие службы давано полные их оклады, да в Брацкую ж землю к ним, брацким людем, с аманацково двора ясырю их послано мужиков и жонок и робят восмь человек. А прибыли, господине, в том Брацком острожке государеве казне учинено — в прошлом во 139-м году июля в 18 день атаман Максим Перфирьев привез государева ясаку з братцких князцеи с Кодогоня, да с брата его с Новогора, да з Братая, да с Уныдигея, да с Масяракана и с людеи их по записнои тетрати семдесят восмь соболеи, пластину соболью да лисиченко красное, (*л. 206об.*) а по енисеискои цене того ясаку на девяносто на восмь рублев на тринатцать алтын на две денги. А в ясачных, господине, книгах, каковы книги в съезжеи избе за князь Семеновою рукою Шаховсково, тово брацково ясаку с тех брацких князцеи и с людеи их написано во взятке четыре сорока дватцать три соболи, да пластина соболья, да за соболя лисиченко красное, и перед приемною записною тетратью того ясаку приписано сверх лишка два сорока дватцать пять соболеи. И о том, господине, лишнем ясаке енисеиские служивые люди Ивашко Панкратов, Панфилко Петров, Васка Микитин с товарыщи, которые были в Брацкои земле с атаманом с Максимом Перфирьевым, допрашиваны, сколко сороков соболеи они, служилые люди, с атаманом с Максимом з брацких людеи государева ясаку в Енисеискои острог да и своеи мяхкие рухляди привезли. И енисеиские служивые люди

[5] *Слово написано на правом поле.*

Ивашко Панкратов, Панфилко Петров, Васка Микитин с товарыщи сказали, привезли де они государева ясаку с атаманом с Максим Перфирьевым з брацких людеи всего за два сорока с пластиною и лисиченком, а которую де мяхкую рухлядишко они, служивые люди, привезли с собою (*л. 207*) свою, что они, служивые люди, сами промышляли, как зимовали в Ынимском острожку, и с тое де их мяхкие рухляди воевода князь Семен Шеховскои взял государеву десятую пошлину соболми, к брацкому ли де ясаку тое с них взятку князь Семен Шеховскои приложил или написал в десятинных книгах государевою десятою пошлиною, того де они, служилые люди, не ведают. И досматриваны, господине, в съезжеи избе десятинные книги, каковы за князь Семеновою рукою, и в тех десятинных книгах тое взятки с них, служивых людеи, что взято с их мяхкие рухляди государевы десятые пошлины, как они приехали из Брацкие земли, во взятке не написано, и то, господине, знатно, что те два сорока дватцать пять соболеи, которые взяты у них, у служивых людеи, в государеву десятую пошлину, воевода князь Семен Шеховскои приложил к тому брацкому ясаку ложно, для своеи службы. Да в нынешнем, господине, во 140-м году, маия в 20 день пришли в Енисеискои острог из Брацкие земли ис того ж нового острошку енисеиские служилые люди десятник Баженко Поленов с товарыщи дватцать деветь человек, а привезли (*л. 207об.*) с собою брацких людеи государю поминков шеснатцать соболеи, да четыре недособолишка летних голые, да ожерелье брацкое, цена три рубли, да ясаку сорок два соболя, да три соболишка опаленые, дватцать недоболишок, четыре пластинишка недособольи шубные, два сорока пять пупков собольих и недособольих, по енисеискои цене того ясаку на осмнатцать рублев на один алтын на две денги. Да они ж, служивые люди Баженко Поленов с товарыщи, привезли государева ясаку внов з брацких киштымов, которые живут блиско острожку, шестьдесят четыре соболи да сорок два пупка, по енисеискои цене того ясаку на четырнатцать рублев на шесть алтын. И всего, господине, из Брацкие земли из нового острожку енисеиские служилые люди Баженко Поленов с товарыщи привезли государева ясаку и поминков з брацких людеи и вновь сь их киштымов на нынешнеи на 140-и год по енисеискои цене на сорок на три рубли на восмь алтын. К ним, господине, брацким людем, государева жалованья, подарков, и вина горячево, и меду, и хмелю, и хлебных запасов прошлово 139-м году[6] (*л. 208*) послано по енисеискои цене на пятдесят на пять рублев на шеснатцать алатын на четыре денги, да ясырю их с аманацково двора жонка Маня да двое робят, оприч того, которые хлебные и всякие запасы и ясырь послал в прошлом во 138-м году с енисеискими служилыми людми с Вихорком Савиным да с атаманом с Максимом Перфирьевым. И обоего з брацких людеи взято государева ясаку и поминков в прошлом во 139-м году и в нынешнем во 140-м году по енисеискои цене на сто на сорок на один рубль на дватцать на один алтын на две денги. И о том, господине, брацком ясаке енисеиские служивые люди десятник Баженко Поленов с товарыщи допрашиваны, почему они з брацких людеи в государевы поминки и в ясак вешние, и летние, и опаленые, и голые соболишка и недособолишка имали, которые государеве казне негодны и не против государева жалованья, подарков и ясырю. И они, служивые люди десятник Баженко Поленов с товарыщи, в допросе мне[3] сказали, что де брацкие люди государю непослушны, толко де их государъскою грозою не умирить, и доброво де ясаку с них, брацких людеи, противу

[6] *Так в рукописи.*

иных ясачных (*л. 208об.*) людеи не будет. Да и тунгуским де людем они, брацкие люди, заказывают и доброво ясаку государю с себя давати не велят, которые тунгуские люди живут блиско острожку и с ними, брацкими людми, вместе. А около де Брацкие земли живут многие тунгуские люди пешие, и ясак де государю с тех тунгуских людеи в тот Брацкои острожек мошно им, служивым людем, имати, толко де, господине, их, тунгуских людеи, заступают они, брацкие люди, и ясаку с них им, служивым людем, взяти не дадут. А емлют де с них, тунгуских людеи, ясак они, брацкие люди, сами на собя, а сами де они, брацкие люди, соболеи не промышляют, потому что де они люди конные и скотные. Как де, господине, им, брацким людем, пришлют государево жалованье, питье, и корм, и подарки, и ясырь, и они де, брацкие люди, в тое пору и ясаком поманят и придут к ним в острог, а каковы де соболишка принесут, и они де, служивые люди, те худые соболишка и недособолишка емлют у них, брацких людеи, в ясак поневоле, потому что де им, служивым людем, по государеву указу и по наказнои (*л. 209*) памяти воеводы князя Семена Шеховсково их, брацких людеи, ничем гневить не велено, а велено де им их, брацких людеи, уговаривать ласкою. А из Брацкого, господине, нового острожку пятидесятник Васка Яковлев Москвитин писал в Енисеискои острог то ж, что десятник Баженко Поленов с товарыщи в роспросе мне сказали, что де брацкие люди государю ни в чем непослушны, и служивым людем, которые к ним в юрты ходят для ясаку, они, брацкие люди, наругаютца, и их де, служилых людеи, грабят, и в юрты к себе зимнею порою начевать не пускают, а называют де их, служивых людеи, худыми людишками. И толко де их, брацких людеи, государъскою грозою не умирить, и от них де, брацких людеи, и вперedь государеве казне прибыли не будет. А остался де он, Васка, в том острожке служивыми людми до перемены з дватцатью с пятью человеки, а хлеба де у них у всех у служивых людеи в острожке осталось непомногу, до переме[6] де им служивым людем в том острожке пробыть будет нечем. И я, господине, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу послал в тот Брацкои острожек из Енисеиского острогу служилых людеи по самои нуже за хлебною скудостью двунатцать человек, дав им государево хлебное (*л. 209об.*) жалованье из семянново хлеба, чтоб они, служивые люди, того острожку до государева указу от голоду не покинули, и болши, господине, того в тот Брацкои острожек ныне енисеиских служивых людеи за хлебною скудостью послать не с чем. А как хлебные запасы в нынешнем во 140-м году да Маковского острожку доидут, и я, господине, тех государевых запасов, сколко могу, летним путем перепровадить в Енисеискои острог, и к тем служивым людем на прибавку в тот Брацкои острожек пошлю служивых людеи, сколко будет пригоже. И о тех, господине, брацких людех вели мне государев указ учинити вскоре, ласкою ль их, брацких людеи, приводить и того острожку под государеву высокую руку или на них за их непослушанье послать ратных людеи и их умирить. А прибыли от них, брацких людеи, государеве казне никоторые нет, да и вперedь от них никакие ж прибыли по скаске и по отпискам служивых людеи не чает, оприч их дурна. Сами они, брацкие люди, государю непослушны, и ясаку с себя доброво не дают, и тунгуским людем ясаку давать не велят же. А по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу (*л. 210*) на непослушных людеи велено посылать ратных людеи воиною и тех непослушных людеи велено государъскою грозою умирять.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 17, лл. 204–210.

26. *1632 г. не ранее августа 5. — Отписка в Москву томских воевод князя Ивана Татева с товарищами об устройстве в Братской земле (около порога Падуна) острога, о ясаке, собранном там в 1630–1632 гг., и невозможности действовать на братов только ласкою.*

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси холопи твои Ивашко Татев, Сенка Воеиков, Якушко Бутримов, Ермошка Кашин челом бьют. В нынешнем, государь, во 140 году, августа в 5 день писал в Томскои город из Енисеиского острогу воевода Ждан Кондырев, в прошлом де во 138-м году, октября в 15 день пришли ис Тунгуски реки в Енисеискои острог красноярские служивые люди десятник Онашка Васильев с товарыщи и привезли с собою брацково ясырю жонок и девок и малых ребят сорок шесть человек, и воевода князь Семен Шеховскои у тех у красноярских служивых людеи у десятника у Онашки Васильева с товарыщи тот брацкои ясырь весь велел взять на аманацкои двор и велел де на аманацком дворе тот ясырь кормить до твоего государева (*л. 195об.*) указу красноярскими хлебными запасы из их, красноярских служивых людеи, окладов. Да во 138-м же де году того брацково ясырю воевода князь Семен Шаховскои взял на оманацкои двор у Якова Хрипунова и у тоболских и иных сибирских городов у служивых людеи мужиков и жонок и робят дватцать один человек и велел де тот ясырь с тем же де, государь, прежним ясырем посадить на оманацком дворе и кормить теми де государь красноярскими хлебными запасы до твоего государева указу, для того что де Яков Хрипунов с тоболскими с иных сибирских городов и с красноярскими служивыми людми погромил на Оке реке государевых брацких ясачных людеи улусы князца Баракая, да Братая, да Котогиня. А те де, государь, брацки князцы с людми своими платили государю ясак в прошлом во 137-м году при воеводе при Василье Аргамакове, а дали де ясаку два сорока семь соболеи да пластину лисъю красную. И в прошлом же де, государь, во 138-м году, марта в 14 день послал князь Семен Шаховскои в Брацкую землю енисеиских служилых людеи десятника Вихорка Савина да Сидорка Оникеева к тем брацким князцом к Абакаю, да к Братаю, да к Кодогиню с тоим[1] государевым жалованным словом их, брацких людеи, (*л. 196*) уговаривать, чтоб они, брацкие люди, были под твоею государевою царьскою высокою рукою по прежнему и ясак тебе, государю, платили. А с ними, служивыми людми, послал того брацкого ясырю князьца Котогунева сына имянем Бугулдаика да Букнева улуса женку имянем Уелку, Будачиеву жену. А по розходнои книге тому ясырю купено из твоеи государевы казны на денги платья и обуви на три рубли на дватцать на один алтын на две днеги, да им же де, государь, в дорогу дано корм до Брацкие земли четь муки ржа да осмина круп и толокна. И как де, государь, служивые люди Вихорко Савин да Сидорко Оникеев с тем ясырем в Брацкую землю пришли, и брацкие де люди тот ясырь у них взяли, и Вихорка Савина убили, а Сидорка Оникеева отпустили ограбя донога. И после де, государь, в прошлом же во 138-м году, августа в 3 день воевода князь Семен Шаховскои послал в другои ряд в Брацкую землю Енисеиско острогу атамана Максима Перфирьева да с ним енисеиских служивых людеи тритцать человек, дав им твое государево денежное и хлебное жалованье годовое их полное оклады, а велел ему, Максиму, с служивыми людми в Брацкои земле под их брацкими улусы поставити острог на усть Оки реки и их брацких людеи уговаривать, чтоб они,

[1] *Так в рукописи, следует читать* твоим.

(*л. 196об.*) брацкие люди, были под государевою царскою высокою рукою. А послано с ним, с Максимом с товарыщи, того брацкого ясырю с аманацкого двора ко князцу Котогуню дочь ево именем Малкеи, да брата его Котогорев сын именем Беремач, да Котогунева ж улуса паренек имянем Окои Горячинов сын. Да с ним же, с Максимом с товарыщи, послано в Брацкую землю для брацких росходов две чети муки ржанои, четыре чети муки ячнои, да четь круп овсяных, полтретья ведра вина горячего, пуд полосма безмена жиру рыбья, денег дано за жир два рубли дватцать алтын две денги. И в прошлом же де, государь, во 139-м году, октября в 25 день писал в Енисеиской острог ис под Брацкого порогу к воеводе ко князь Семену Шаховскому атаман Максим Перфирьев, пришол де он с служивыми людми во 139-м году, сентября в 11-м числе под Брацкои порог в Ынимское зимовье, где зимовал с служивыми людми Яков Хрипунов, и в том де острожке оставил он, Максим, твою государеву казну, наряд, и пушечные и хлебные запасы, а для обереганья твоеи государевы казны и хлебных запасов оставил в том острожке служивых людеи десятника Семеику Роюкова с товарыщи пятнатцать человек. А с собою взяв пятнатцать же человек служивых людеи да брацово ясырю малово Котогунева улусу именем Окоя Горячинова сына, а ясырь Котогуневу дочь (*л. 197*) и Котогорева сына, и ходил де он, Максим, в Брацкую землю служивыми людми в лехком стругу, и брацких князцеи Котогуня и Братая да Котогоря к себе призвал, и твое государево жалованное слово им сказал, что их, брацких людеи, ты, государь царь и велики князь Михаило Федорович всеа Руси, пожаловал, ясырь их, которои у них погромил Яков Хрипунов с красноярскими служивыми людми, велел им отдать. И они де, государь, брацкие люди, под твоею государевою царскою высокою рукою учинились послушны, и тово де малово им, брацким князцам, отдал. И те де брацкие князцы дали государю ясаку пятнатцать соболеи, а в болшом де ясаке просили у него, Максима, сроку до весны. И он де, Максим, от них, брацких князцеи, воротился назад в Ынерскои острожек ко государеве казне и к служивым людем и в том острожке зимовал. А на весну де ему, Максиму, мочно в Брацкои земле острог поставить, толко де с ким, государь, надобе люди немалые. А как де, государь, он, Максим, с служилыми людми и с ясырем в Ынирском острожке зимовал, и он, Максим, взял у торговых и у промышленых людеи, которые были на соболином промыслу, братцкому ясырю (*л. 197об.*) на корм и в Брацкую землю для брацких росходов с собою четыре чети муки ржаные. И в прошлом же де, государь, во 139-м году, маия в 8 день воевода князь Семен Шеховскои послал из Енисеиского острогу к нему, к Максиму с товарыщи, на прибавку для острожново ставленья переводных красноярских служивых людеи пятидесятника Васку Москвитина с товарыщи дватцать человек в легких в дву стругах наскоро. А велел Васке атамана Максима Перфирьева с служивыми людми сходить и острог в Братцкои земле с ним, с Максимом, поставить вместе. Да после де, государь, тово маия ж в 21 день к тем служивым людем к пятидесятнику к Васке Москвитину с товарыщи послал князь Семен в тот Брацкои острожек, где они поставят, на твою государеву годовую службу пятидесятника Петрушку Ропота с товарыщи тритцать человек, дав им твое государево денежное и хлебное жалованье годовые их полные оклады, и велел им, пятидесятником Васке Московитину да Петрушке Ропоту с товарыщи пятидесят человеком, быть в том в Брацком острошке, где они поставят, на твоеи государеве годовои службе до перемены для твоего государева ясачново збору, атамана Максима Перфирьева со всеми служивыми людми, которые с ним посланы,

(*л. 198*) отпустить в Енисеискои острог. А для брацких росходов послано с пятедесятником с Петрушкою Ропотом с товарыщи пять чети муки ржанои, пять чети овса, полтретья ведра вина горячево. И в прошлом же де, государь, во 139-м году, июля в 18 день атаман Максим Перфирьев с служивыми людми из Брацкие земли в Енисеискои острог приехал, а с ним, с Максимом, пятидесятник Васка Москвитин к воеводе ко князю Семену Шаховскому писал, да и он, Максим, в роспросе сказал, что они в Брацкои земле близко брацких улусов пониже Оки реки за полднище у Брацково порогу Падуна острог поставили, и брацких де, государь, князцеи Котогуня да Бараканова племянника Нарозана под твою государеву царьскую высокую руку привели, и ясак с них твои государев взяли, и учинились де брацкие люди тебе государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси послушны, и по своеи вере шертовали. И он де, атаман Максим, тот их ясырь, которои с ним послал ко князцу Котогуню, дочь ево да Кутогорова сына, отдал им, брацким людем. И после де, государь, того августа в 20 день писали ис того Брацкого острожку к воеводе ко князю Семену Шаховскому енисеиские (*л. 198об.*) служилые люди пятидесятники Васка Москвитин да Петрушка Ропот с товарыщи, августа ж де, государь, во 8 день прислали к ним брацкие люди в острог своих кыстымов трех человек, шемана с товарыщи, а велели им, служивым людем, сказать, что они, брацкие князцы, от твоеи государьскои милости отложились, и тебе государю изменили, и ясаку с себя и с своих улусных людеи тебе, государю, давати не хотят, и во всем де, государь, им, служивым людем, отказали, и впредь де они, брацие люди, ясаку с себя тебе, государю, давать не хотят, и звали де их, служивых людеи, к себе битца. А хотели де к ним быть под острог многие брацкие люди со всеми тунгускими людми, и они де, служивые люди, сели в острожке от них, брацких людеи, в осаде, а они де, брацкие люди, меж собою с тунгускими людми уговорились, что им служивых людеи везде, которые поидут из острожку для ясаку и на рыбных и на всяких промыслах, побивать. А говорят де они, брацкие люди, что де они атаману Максиму Перфирьеву соболи не в ясак дали, выкупили де теми соболми у атамана у Максима свои ясырь. И августа же де государь в 24 день воевода князь Семен Шаховскои (*л. 199*) против тех служивых людеи Васки Московитина да Петрушки Ропота отписок послал в Брацкую землю к ним в острожек на прибавку енисеиских служилых людеи Мишку Тарсково да Степанка Потылицына с товарыщи шесть человек, а с ними с служивыми людми послал тово ж брацково ясырю ко князцу Котогуню, племянницу его, жонку имянем Маню, з дочерью да племянника его, Котогорева сына имянем Киткея. Да к ним же де, государь, к брацким князцом, послал подарков, Котогуню да Котогуру, да князцом Баратаю да Уныгидею по четыре аршина лазоревои лятчины, да Маяраконову сыну Нозорану аршин сукна настрафили черчатово, да всем им брацким князцом по рубашке, по порткам, по чюлкам, по чаркам. А по енисеиской де, государь, цене тех подарков послано на двенатцать рублев на три алтына на две денги; да ясырю Мане з дочерью да Котогореву сыну Ниткею куплено платья и обуви на два рубли на три алтына на две денги; да с ними ж служивыми людми с Мишкою Тарским да Степанком Потылицыным послано в Брацкую землю в острожек на брацкие росходы к прежнеи посылке на прибавку две чети муки ржанои, три чети муки (*л. 199об.*) овсянои, два пуда меду пресново, десять безмен хмелю; да ясырю Мане с ребяты дано в дорогу на корм до Брацкого острожку четь муки ржанои; да сверх де государь тово вышло тому всему брацкому ясырю в Енисеиском остроге на корм с тех мест, как тот

ясырь взят на оманацкои двор, октября с 3-го числа во 138-м, и во 139-м, и в нынешнем во 140-м году июня по 1 число твоих государевых хлебных запасов енисеиские пахоты четыреста восмъдесят восмь чети с осминою и с получетвериком муки ржаной, восмь чети круп и толокна, да на мясо и на рыбу денег сорок восмь рублев деветь алтын четыре денги. И всего де, государь, тому брацкому ясырю вышло на корм в Енисеиском остроге хлеба и денег, и в Брацкую землю для брацких росходов хлебных и всяких запасов, и брацким князцом подарков послано, и ясырю платья и обуви куплено, и в дорогу на корм тому ж ясырю да Брацкие земли хлебных запасов дано по енисеискои рядовои цене, как в прошлом во 138-м, и во 139-м, и в нынешнем во 140-м году в Енисеиском остроге приезжие торговые и промышленые люди меж собою хлебные запасы меняли и руские товары продавали, итого (*л. 200*) на тысячю на сто на сорок на три рубли, оприч судов и судовых снастеи, в которых судах в брацкую землю в новои острожек ходили енисеиские служивые люди. А те суды и судовые снасти покупаны на денги из твоеи государевы казны, а назад в Енисеискои острог те суды не приходят, потому что на порогах те суды ломают и снасти, и шеимы, и бечевы, и завозы подривает, а которые де, государь, суды и придут, и те суды вперед в ход не годятца. А твое государево денежное и хлебное жалованье тем служивым людем для тое твоеи государевы брацкие службы давано полные их оклады. Да в Брацкую ж землю к ним, брацким людем, с аманацково двора ясырю их послано мужиков и жонок и робят восмь человек. А прибыли де, государь, в том Брацком острожке твоеи государеве казне учинено в прошлом во 139-м году, июля в 8 день — атаман Максим Перфирьев привез твоего государева ясаку з брацких князцеи с Кодогоня, да з брата его с Кодорога[2], да з Братая, да с Удиныгея, да с Масяракана и людеи их по записнои тетрати семдесят восмь соболеи, пластину соболью да лисиценко красное, а по енисеискои цене того ясаку на девяносто (*л. 200об.*) на восмь рублев на тритцать алтын на две денги. А в ясачных, господине, книгах, каковы книги в съезжеи избе за князь Семеновою рукою Шаховского, тово брацково ясаку с тех брацких князеи и с людеи их написано во взятке четыре сорока дватцать три соболя, да пластина соболья, да за соболя лисиценко красное, и перед приемною записною тетратью того ясаку приписано лишка два сорока дватцать пять соболеи. И о том де, государь, лишнем ясаке енисеиские служивые Ивашко Панкратов, Панфилко Петров, Васка Микитин с товарыщи, которые были в Брацкои земле с атаманом с Максимом Перфирьевым, допрашиваны, сколко сороков соболеи[3] они, служилые люди, с атаманом с Максимом з брацких людеи государева ясаку в Енисеискои острог да и своеи мяхкие рухляди привезли. И енисеиские служилые люди Ивашко Панкратов, Панфилко Петров, Васка Микитин с товарыщи сказали, привезли де они твоего государева ясаку с атаманом с Максимом Перфирьевым з братцких людеи всего за два сорока с пластинои (*л. 201*) и с лисиченком, а которую де мяхкую рухледишко они, служивые люди, привезли с собою свою, что они служивые люди сами промышляли, как зимовали в Ынимском острожку, и с тое де, государь, их мяхкие рухляди воевода князь Семен Шеховскои взял твою государеву десятую пошлину соболми, к брацкому ли де ясаку тое с них взятку князь Семен Шеховскои приложил или написал в десетинных книгах твоею государевою десятою пошлиною, того де они, служивые

[2] *Так в рукописи, следует читать* Кодогора.

[3] *Слово написано над строкой.*

люди не ведают. И досматриваны, государь, в съезжеи избе десятинные книги, каковы за князь Семеновою рукою, и в тех десетинных книгах тое взятки с них, служивых людеи, что взято с них мяхкие рухляди твоеи государевы десятые пошлины, как они приехали из Брацкие земли, во взятке не написано. И то де, государь, знатко, что те два сорока дватцать пять соболеи, которые взяты у них, у служивых людеи, в твою государеву десятую пошлину, воевода князь Семен Шеховскои приложил к тому брацкому ясаку ложно для своеи службы. Да в нынешнем де, государь, во 140-м году, маия в 20 день пришли в Енисеиской острог из Брацкие земли ис того ж нового острожку (*л. 201об.*) енисеиские служивые люди десятник Баженко Поленов с товарыщи дватцать деветь человек, а привезли с собою з брацких людеи тебе, государю, поминков шеснатцать соболеи, да четыре недособолишка летних голые, да ожерелье брацкое, цена три рубли, да ясаку сорок два соболя, да три соболишка опаленые, дватцеть недособолишок, четыре пластинишка недособольи шубные, два сорока пять пупков собольих и недособольих, по енисеискои цене того ясаку на осмнатцать рублев на один алтын на две денги. Да они ж де, государь, служивые люди Баженко Поленов с товарыщи, привезли твоего государева ясаку вновь з братцких кыштымов, которые живут блиско острожку, шестьдесят четыре соболи да сорок два пупка, по енисеискои цене того ясаку на четырнатцать рублев на шесть алтын. И всего де, государь, из Брацкие земли из нового острожку енисеиские служивые люди Бажеко Поленов с товарыщи привезли твоего государева ясаку и поминков з брацких людеи и вновь с их киштымов на нынешнеи на 140 год по енисеискои цене (*л. 202*) на сорок на три рубли на восмь алтын. А к ним де, государь, брацким людем, твоего государева жалованья подарков, и вина горячево, и меду, и хмелю, и хлебных запасов в прошлом во 139-м году послано по енисеискои цене на пятьдесят на пять рублев на шеснатцать алтын на четыре денги, да ясырю их с аманацкого двора жонка Маня да двое робят, опричь тово, которые хлебные и всякие запасы и ясырь послан в прошлом во 138-м году с енисеискими служивыми людми с Вихорком Савиным да с атаманом с Максимом Перфирьевым. И обоего з брацких людеи взято твоего государева ясаку и поминков в прошлом во 139-м и в нынешнем во 140-м году по енисеискои цене на сто на сорок на один рубль на дватцать на один алтын на две денги. И о том де, государь, брацком ясаке енисеиские служивые люди десятник Баженко Поленов с товарыщи допрашиваны, почему они з брацких людеи в государевы поминки и в ясак вешние, и летные, и опаленые, и голые соболишка и недособолишка имали, которые твоеи государеве казне негодны и не против твоего государева жалованья подарков и ясырю. И они, (*л. 202об.*) служивые люди десятник Баженко Поленов с товарыщи, в допросе мне сказали, что де брацкие люди тебе, государю, непослушны, толко де их твоею государьскою не умирить и добром де ясаку с них, брацких людеи, противу иных ясашных людеи не будет, да и тунгуским де людем они, брацкие люди, заказывают и доброво ясаку тебе государю с себя давати не велят, которые тунгуские люди живут блиско острожку и с ними, брацкими людми, вместе. А около де брацкие земли живут многие тунгуские люди пешие, и ясак де тебе де, государю, с тех тунгуских людеи в тот Брацкои острожек мошно им, служивым людем, имати; толко де, государь, их, тунгуских людеи, заступают они, брацкие люди, и ясаку с них им, служивым людем, взяти не дадут. А емлют де с них, тунгуских людеи, ясак они, брацкие люди, сами на собя, а сами де они, брацие люди, соболеи не промышляют, потому что де они люди конные и скотные. А как, государь, брацким людем пришлют твое

государево жалованье, питье и корм и подарки, и они, брацкие люди, в тое пору ясаком поманят и придут к ним в острог, каковы де соболишка принесут, (*л. 203*) и они де, служивые люди, те худые соболишка и недособолишка емлют у них, брацких людеи, в ясак поневоле, потому что де им, служивым людем, по твоему государеву указу и по наказнои памяти воеводы князя Семена Шаховского их, брацких людеи, ничем гневить не велено, а велено де им их, брацких людеи, уговаривать ласкою. А из Брацкого де, государь, нового острожку пятидесятник Васка Яковлев Москвитин писал в Енисеискои острог то ж, что десятник Баженко Поленов с товарыщи в роспросе мне сказали, что де брацкие люди тебе, государю, ни в чем не послушны, и служивым людем, которые к ним в юрты ходят для ясаку, они, брацкие люди, наругаютца и их де, служивых людеи, грабят, и в юрты к себе зимнею порою начевать не пошают[4], а называют де их, служивых людеи, худыми людишками. И толко де их, брацких людеи, твоею государъскою грозою не умирить, и от них де, брацких людеи, и впередь твоеи государеве казне прибыли не будет. А остался де он, Васка, в том острожке с служивыми людми до перемены з дватцатью с пятью человеки, а хлеба де у них у всех у служивых людеи в острожке осталось непомногу, до перемены де им, служивым людем, в том острожке пробыть будет (*л. 203об.*) нечем. И воевода Ждан Кондырев по твоему государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу послал в тот Брацкои острожек из Енисеиского острогу служивых людеи по самои нуже за хлебною скудостию двенатцать человек, дав им твое государево хлебное жалованье из семенново хлеба, чтоб они, служивые люди, того острожку до твоего государева указу от голоду не покинули. А болши де, государь, того в тот Брацкои острожек ныне енисеиских служивых людеи за хлебною скудостью послать не с чем. А как хлебные запасы в нынешнем во 140-м году до Маковского острожку доидут, и воевода де, государь, Ждан Кондырев тех твоих государых запасов сколко может летним путем перепровадить в Енисеискои острог и к тем служивым людем на прибавку в тот Брацкои острожек пошлет служивых людеи, сколко будет пригоже. И о тех де, государь, брацких людех вели нам, холопем своим, свои государев указ учини, ласкою их, брацких людеи, приводить ис того острожку под твою государеву царскую высокую руку или на них за их непослушанье послать ратных людеи и их умирить. А прибыли от них, брацких людеи твоеи государеве казне никоторые (*л. 204*) нет, да и впередь от них никакие ж прибыли по скаске и по отпискам служивых людеи не чает, оприч их дурна. Сами они, брацкие люди, тебе, государю, не послушны, и ясаку с себя доброво не дают, и тунгуским людем ясаку давать не велят же. А по твоему государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу на непослушных людеи велено посылать ратных людеи воиною и тех непослушных людеи велено твоею государъскою грозою умирять.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 17, лл. 195–204.

27. *1632 г. августа 18. — Грамота с прочетом в Тобольск воеводам князю Федору Телятевскому с товарищами об освобождении от повинностей, подводной и других, гостиной сотни Василия, Гурия и Афанасия Федотовых и их родных и людей, торгующих и промышляющих в Сибири.*

Список з государевы грамоты слово в слово.

[4] *Так в рукописи; следует, видимо, читать* не пускают *или* не пущают.

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь в Тоболск столнику нашему и воеводам князю Федору Андреевичю Телятевскому да Федору Ивановичю Погожему да дьяком нашим Дмитрею Прокопьеву да Науму Петрову. Били челом нам гостиные сотни торговые люди Василеи да Гуреи да Афонасеи Федотовы, а сказали, ездят де они и племянников своих, и прикащиков, и людеи посылают в Сибирь на Верхотурье, и в Туринскои, и на Тюмень, и в Тоболск, и на Тару, и на Березов, и в Сургут, и в Нарымскои, и в Кецкои, и в Енисеискои (*л. 168*) острог, и в Томскои городы, и в Носовое на заставу, и во все сибирские городы с товары своими, и ходят на соболиные промыслы, и отпущают в Нижную и в Верхнюю Тунгуску, и в Пясиду, и на иные сторонние реки покручеников своих человек по дватцати и по тритцати и болши, и с тех же их животов во всех сибирских городех с торгу и с проезду сходит государевых пошлин денгами рублев ста по три и болши, а с промыслу де их сходит соболми на всякои год сорока по два и по три и по четыре десятые пошлины, оприч тово, что с их товаров в руских городех и на Москве по государеву указу пошлины емлют, и в гостиную статью з дворов своих всякие подати платят, и государевы службы на Москве и по городом в отъезде служат з гостиною сотнею вместе. И как де они и их племянники и прикащики приезжают зимним и летним путем в Сибирь на Верхотурье и во все сибирские городы, и воеводы де и дьяки и приказные люди емлют на Верхотурье на дощаники и на лодки в подводы к хлебным запасом к груске и к сплавке до Тюмени и до Тоболска з животов их человек по десяти и болши мимо ямских охотников и служилых (*л. 168об.*) людеи, и в Тоболску и на Березове на кочи их, а в Мангазее на каючки наметывают хлебные запасы возить силно свои воеводцкие и казачьи, и каладников и аманатов сажают, и от тово де их море розбивает, а на соболиных промыслех до промышленых мест не доходят от воеводцкие и приказных людеи задержки, и от того де они вконец погибают. И во всех де сибирских городех покручеников их с кочеи и з дощеников и с каюков емлют на всякое зделье, городы, и остроги, и мелницы, и тюрмы, и бани делати для своеи корысти. И в Мангазее, и в Енисеиском остроге, и в Посовом[1] на заставе с них и с племянников, и с прикащиков, и с покручеников их емлют в подводы и во всякие мирские росходы денгами, оценивая животы их со всяково рубля денег по осми и по десяти и болши, а с них и с людеи их, и с племянников, и с покручеников их поголовно с человека алтын по дватцати и по тритцати и болши. А как де они выедут с соболиных промыслов ис Тунгуски на Турухан, и с них де со всяково сорока емлют мирские розметы алтын по дватцати и по тритцати и болши сверх государевы десятые пошлины. И во всех сибирских (*л. 169*) городех и племянников, и прикащиков, и людеи и их в поклепных и в духовных в поклепных искех продают напрасно и обиды чинят великие. И в нынешнем де во 140-м году по нашему и отца нашего великого государя святеишага патриарха Филарета Никитича Московского и всеа Русии указу дана ему, Василью, наша жалованная грамота из приказу Болшие казны, что ево и братью ево, и племянников, и прикащиков, и людеи их во всех городех судом и службами и никаким тяглом не ведати и питье ему всякое по себя держать безвыимочно. И нам бы их, Василья да Гурья да Афонасья, пожаловати, в сибирских городех на Верхотурье, на Тюмене, в Тоболску, на Березове, в Носовом на заставе, в Мангазее, на Турухане, в Сургуте, в Нарымском, в Кетцком, в Маковском, в Ени-

[1] *Так в рукописи.*

сеиском острогах, в Томском городе их племянников, и прикащиков, и людеи, и покручеников их задерживать, и лишних пошлин имать и наметных всяких изделеи делать, и с них, и с племянников, и с прикащиков, и с людеи, и с покручеников их и с их животов с мирскими людми тягла имать, и в поклепех и в духовных и поклепных же искех судом и службами и никаким тяглом ведати их (*л. 169об.*) не велеть. И велети бы суды, и кочи, и дощаники, и каюки их на соболиные промыслы пропущать без задержки, и питье всякое, пиво и вино, про себя держать безвыимочно. И велеть бы им о том во все сибирские городы дати нашу грамоту. А по нашему указу во всех сибирских городех под дощаники и на лодки в подводы торговых и промышленых приезжих людеи имати не указано, лучитца[2] из города в город проводить хлебные запасы, и те хлебные запасы провожают и под ними гребут сибирских городов служилые люди от города до города по переменам. А у городов и у острогов слуховые места и у рвов худые места поделывают и крепят сибирскими служилыми и жилецкими всякими и презжими торговыми людми. А накалства и продажи торговым людем чинить не велено. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б с Василья да Гурья да с Офонасья Федотовых, и их племянников, и с прикащиков, и с людеи в подводы и в зборы денег и изделеи делать и на дощаники в подводы людеи их мимо наш указ, чево в нашем указе не указано, и мимо прежнеи смотр боярина нашего князя Юрья Яншеевича Сулешова имать не велел, и вновь на них всяких поборов и розных наметов мимо нашего указу ни делом ничево (*л. 170*) наметывати и насилства и продажи чинить не велели ж. А вели[1] с них нашу всякую пошлину и в службы имати по нашему указу, как указано, для тово чтоб торговые и промышленые люди у таких наметов в Сибирь ходить не перестали и промыслов своих не отбыли. в Мангазею и в Енисеискои остроги о том от себя к воеводам отписали. А прочет сю нашу грамоту и списав с нее список слово в слово, оставили в Тоболску в нашеи казне в зъезжеи избе, а сю нашу подлинную грамоту велел отдать гостиные сотни торговым людем Василью да Гурью да Афонасью Федотовым или хто что нашею грамотою в Сибирь приедет, для того чтоб им тое нашу грамоту держать у себя впередь для иных наших бояр и воевод и приказных людеи. Писан на Москве лета 7140-го, августа в 18 день. У подлиннои грамоты припись дьяка Федора Попова, справка подъячево Третьяка Васильева.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 21, лл. 167об.–170.

28. *1632 г. не ранее сентября 3. — Память енисейского воеводы Ждана Кондырева на Лену енисейскому сыну боярскому Парфену Ходыреву о посылке к нему весной прибавочных людей, об отпуске в Енисейск сотника стрелецкого Петра Бекетова и отправке с ним соболиной казны, о поставке в случае надобности другого острога на Лене и о возвращении весной в Енисейск.*

По государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу память на Лену реку енисеискому сыну боярскому Парфентью Васильевичю Ходыреву. В нынешнем во 141-м, сентября в 3 день посланы из Енисеиско острогу под Брацкои порог, и на Иним, и на Идирму реку в острожек для государева ясачново збору енисеиские служивые люди пятидесятник Терентеи Савин с товарыщы, а веле-

[2] *Перед словом пробел.*

но ему под Брацким порогом, и на Иниме, и на Идирме реке собрать государев ясак по книгам, каковы к ним книги посланы, а собрав[1] государев ясак, велено ему с ясаком ехати по первои полои воде за лдом вь Енисеискои острог со штью человеки, а досталных служилых (*л. 69*) людеи штинатцати человек велено ему отослать к тебе на Лену реку по последнему зимнему пути на прибавку к прежним служилым людем, которые посланы с тобою, а ково имяны отослать служивых людеи велено, и тому послана к тебе имянная роспись под сю отпискою. И как тебе тех служилых людеи по росписи пятидесятник Терентеи пришлед, и тебе бы по государеву указу государю послужить, с прежними и с прибавочными служилыми людми вместе по наказу, каков тебе наказ дан, чтоб в государеве ясаке перед прежними учинить прибыль и вновь под государскую высокую руку немирные и непослушные земли привести, а сотника б стрелецъково Петра Бекетова з государевым ясаком выслать, да и своего збору, сколко у тебя ясаку в зборе будет, ехать вь Енисеискои острог, чтоб государева соболиная казна к Москову отпуску поспела. А что с ними ж послал служилои человек на Лену к Ывану Борисовичю Кумину, Гришка Кривагорницын, и тебе б ево отослать тотъчас к Ывану Кузмину, а к Ивану Кузмину о том Гришке из Енисеисково острогу писано ж. [2]А будет острожек сотник поставилъ[2] не у места, а ты служивыми людми острожек поставил блиско людеи у места, и тебе в том острожке оставить зимовать служилых людеи, сколко человек пригоже, смотря по тамошнему делу, чтоб служилым людем в том острожке утраты не учинить, а государеву бы ясачному збору тово острожку была прибыль немалая. А самому б тебе на весну, как Кеть вскроетца, з государевою казною ехать вь Енисеискои[3][...][4].

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, лл. 68об.–69.

29. *1632 г. не ранее ноября 7. — Отписка из Братского острога казачьих десятников Бажена Поленова и Фомы Кочергина с товарищами енисейскому воеводе Ждану Кондыреву о непослушании братских князцов, о приезде от Байкала братских людей и о поселении их в устье Оки, об отношении братов и тунгусов к русским и о недостатке запасов в остроге.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии государеву воеводе Ждану Васильевичю Кондыреву из нового Брацково острожку казачеи десятники Баженко Поленов да Фомка Кочергин с товарыщы челом бьют. Во 141-м году, ноября в 7 день, дал Бог здравы, с товарыщы посланы мы, холопи государевы, на государеву службу для государева царева и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии ясашново збору, им[1], государь, у брацких князцов государева ясаку прошали. И брацкие князцы государю чинятьца непослушны, ясаку не дали, а говорят, нам де дати нечево да и не за што, приезжали де преж вас для государева ясаку Максим да Василеи, и оне нам государевы подарки давали, сукна и олово, хлебом кормили доволно и вином поили, а от вас де государевых подарков нет. И мы, государь,

[1] *Далее написано и зачеркнуто* а собрав.
[2-2] *В рукописи подчеркнуто, напротив на полях стоит знак* NB.
[3] *Далее написано и зачеркнуто* острог.
[4] Далее текст обрывается.

[1] *Так в рукописи, следует читать* и мы.

противо тово говорили, за то вам государь подарков не прислал, давали государев ясак Василью соболишки худые опаленые, за то вам государевы подарки не присланы. И мы им говорили, дадите ясак добрые соболи, и государь вас пожалует и подарки пришлет. Да от Баикала озера приехал брацкои кисназц[2] Когуии, а с ним пришло улусных людеи сто человек, а стали жити на усть Оки реки с Котогуном вместе, а думы у них не ведаем, для чево вместо скопятца. Да брацкои князец Бараикан велит побивати служивых людеи своим брацким мужикам, которые живут блиско острогу, где которово ни увидя, а которые жили блиско острожку брацкие кыштыми, человек пять-шесть, и не[3] те государю ясак дали соболишъка по два и по три с человека, а иных кыштымов брацкие люди к себе взяли в улусы для тово, чтобы государю ясаку не дали. Около брацких людеи по стороним рекам людеи много пеших и, которые тунгусишка живут блиско острожку, для государева ясаку не ведут (*л. 70об.*) служивых людеи по сторонним рекам, а боятца брацких людеи. Велено нам, государь, поити, кормити иноземцов доволно, а нам, государь, на государевы расходы не дано ни жиру, ни масла, ни олова, на подарки не дано, а которые брацкие кышътыми государевым ясаком в острожек приходили, и мы давали в подарки свое оловишко, себя оскудили. А которые посланы на государеву службу в Брацкои острожек с Фомкою Кочергиным служивые люди на годовую, а дано им государева хлебного жалованья по четыре четверти, и у нас, государь, хлебных запасов не стало, и помираем на государеве службе голодною смертию. А Баженко Поленов и с товарыщы не дошел с хлебными запасы до Брацково острожку, замерзл под Шаманским порогом, и мы, государь, выслали служивых людеи для хлебные скудости вь Енисеискои острог, до весны прожити нечем, с отписками послали служилово человека Сенку Харитонова, с ним послали служилых людеи Вторка Афонасьева, да Ивашка Сидорова Зиму, да Поспелка Иванова.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, л. 70–70об.

30. *1633 г. не ранее февраля 3. — Отписка из Илимского острога пятидесятника Тереха Терского енисейскому воеводе Ждану Кондыреву.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводе Ждану Васильевичю пятидесятник Терех Терскои челом бьет. Послан, государь, я, холоп государев, на государеву службу для ясачнова збору в Ынимскои острог, а велено, государь, мне государев ясак збирати на Тунгуске реке вверхь, от Каты реки до Шаманскова порогу, и в Вихореве реке, Гее, и вверхь по Иниму, и по Игирме реке с шаманских людеи и с налясково кънязца Мукини и с ево людеи по книгам, каковы, государь, мне книги даны вь Енисеиском осътроге из съезъжие избы. И я, государь, февраля по 3 число собрал государева ясаку девять сороков тритцать соболеи, опричь князца Мукони и ево людеи. А к Мукине, государь, я посылал вверхь по Иниму реке для ясачново збору служивых людеи, и служивые, государь, люди ходили месяц и болше, хотели померети голодною смертью, и шли[1], государь, до Парфеновых служилых людеи, которые посъланы[2] от Парфена по ясак на Лину реку. И те, госу-

[2] *Так в рукописи, следует читать* князец.
[3] *Так в рукописи; возможно, следует читать* ныне.

[1] шли *написано над слабо зачеркнутым* во прошлом.
[2] *Далее написано и зачеркнуто* были.

дарь, служивые люди государев ясак с Мукини взяли шездесят соболеи, а взяти было, государь, с наляских людеи с князца Мукини по книгам с тритцати человек по пяти соболеи с человека. Да с Мукинею ж, государь, ушло вверхь по Иниму реке с Тунгуски осмнатцать человек ясашных людеи, которые, государь, у меня в книгах имяны писаны. Да от пана ж[3], государь, служивые люди с шаманских людеи з Бедкичи з братьею взял дватцать четыре соболя, да на усть Каты с шаманских же людеи, со одних братеи, служивые люди от Еремы с Алълинсково порогу взяли осмнатцать соболеи. Да генва[3], государь, в 14 день посланы у меня служивые люди для государева ясаку за Камень в новую землицу к мупоирцом, и те, государь, люди по се число не бывали.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, л. 69об.

31. *1633 г. не ранее апреля 3. — Отписка с устья Идирмы енисейского сына боярского Парфена Ходырева енисейскому воеводе Ждану Кондыреву о собранном с тунгусов ясаке и о тамошних происшествиях.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводе Ждану Васильевичю Енисеиского острогу сын боярскои Парфенко Ходырев челом бьет. В прошълом во 140-м году послан я, Парфенко, на государеву слу[ж]бу на Лену реку в Яколскую землицу и, не дошед Идирмы, послал з дороги с усть Илима десятника (*л. 71*) Устинка Никитина, да целовалника Ивашка Федорова, да Ивашка Кирилова к промышленым людем к Фетке Опаре, к Фомке Ермолину, к Ютке Ваенгину с товарыщы для государева судна, которое судно пришло от сотника Петра Бекетова з государевою казною на усть Куты реки. А на том судне шли служивые люди Илья Ермолин с товарыщы, чтоб те промышленые люди того государева судна не взяли, и те служивые люди, Устинко с товарыщы, тех промышленых людеи [1]не застали, и те промышленые люди[1] Фетка Опара, Фомка Ермолин, Юдка Ваенгин с товарыщы государево судно с усть Куты реки увезли вниз по Лене реке для своеи безделнои корысти, для промыслов и для торгов, а у меня государева служба за тем судном стала, что послать было мне вверхь по Лене реке для государева ясаку осмнатцать человек в том судне, и послать было не в чем, и государеву ясаку вверхь по Лене реке от тех промышленых людеи учинился недобор, а иных было судов на Лене реке тое осени зделать не поспел[2]. И как я пришел на усть Идирмы реки в казачье зимовье августа в 25 день, а послал на государеву службу с усть Идирмы вверхь по Лене реке и по иным сторониим рекам для государева ясаку служивых людеи Ивана Колмогорова с товарыщы двенатцать человек сентября в 10 день, и тот Иван с товарыщы з государевы службы долго не пришли, и я по тово Ивана Колмогорова с товарыщы посылал на усть Кочия реки служивых людеи Якунку Жита, Степанка Зыряна генваря в 23 день, для того что, сказывают тынгусы, хотели де вверхь Лены тунгуские ж люди служивых людеи побить, для того что в прошлом во 140-м году у сотника Петра Бекетова побили вожов тынгуских брацкие люди. (*л. 71об.*) И тот Иван Колмогор с товарыщы пришел з государевы службы на усть Идирмы февраля в 3 день, а взял

[3] *Так в рукописи.*

[1-1] *Написано над строкой.*

[2] *л исправлено из* ть.

он, Иван Колмогор, на Лене реке государева ясаку два сорока дватцать четыре соболя, и пришед с Лены реки, Иван Колмогор с товарыщы сказал, что де мы сошлись с тынусами на дороге идучи на реке Куленге, а идут де тынгусы из Братов, исторговались, соболи де они продали на скот брацким людем, и те де тынгусы говорят, впредь де ходите к нам по государев ясак рание водяным путем. Того ж числа, как послан Иван Колмогор на службу, послал на государеву службу для ясачново збору на низ по Лене реке служивых людеи Дружинку Москвина[3] с товарыщы четырех человек и те служивые люди Дружинка Москвин, Гриша Пермяк, Матюшка Лалетин, взад идучи з государевы службы, померли голодною смертью, а Фомку Назарова нашъли служивые люди Фома Федулов с товарыщы на Куте реке одва жива, а тот Фома послан был по государев ясак на реку Киренгу, и тово Фоку Назарова тот Фома велел спроводить на усть Идирмы служивому человеку Богдану Волхону, и тот Фока с тем Волханом пришли на усть Идирмы апреля в 3 день, а ясаку государева Фока Назаров принес два сорока восемнатцать соболеи, да кошлочишко. Да посылал ко мне с усть Илима Терентеи Савин Богдашку Колу с товарыщы на Куту реку для государева ясаку, и Богдашка Кола на Куте реке с тынгусов взял государева ясаку дватцать пять соболеи, а Терскому было на Куте реке государева ясаку брать не велено. Да посылал Иван Колмогор служилых людеи (*л. 72*) Васку Суморокова, Посничка Иванова ко князцу Мукине вверхь по Илиму для вожа, и он, Мукиня, вожа дал, и ясак с себя дал, и с людеи своих велел взять, потому что де я и тынгусы соидут на Ангару в Сукиев улус и ясаку де будет иным казаком взять не с ково. И они государев ясак с него, Мукини, и с людеи его взяли шездесят три соболя, потому чтоб государеве казне было прибылние. И тебе б пожаловать, Ждан Васильевичь, того ясаку Мукинина против колика заверстать те соболи в мои збор. Да посылал я для государева ясаку десятника Фому Федулова, Олешку Гнутова на Куту реку, и тот Фома на Куте реке с тынгусов взял ясаку пятнатцать соболеи. Да я ж, Парфенеи, послал служлых людеи для недобору десятника Устина Никитина целовалника Ивана Федорова, Олешку Гнутова, и они взяли с тынгусов на Куте реке надобору государева ясаку двенатцать соболеи. Да посылал я, Парфен, к пятидесятнику Терентью Савину на усть Илима служивых людеи Фетку Чюрочку, Фочку Михаилова по служивых же людеи, которые ко мне присланы на Лену реку, и тот Терентеи прислал ко мне всего десять человек, а семь человекъ[4] не прислал для своеи безделнои корысти для промыслов, а государевою службою не радеет. А учинились те служивые люди непослушны, и я, Парфенеи, послал в другои поем по тех досталных служивых людеи с усть Идирмы на усть Илима восемь человек служилых людеи и с прогонов, Посничка Иванова с товарыщы. И тот Посничко тех служилых людеи взяли на промыслу и привезли их на усть Идирмы марта в 15 день. Да что послано было с целовалником Иваном Старцовым (*л. 72об.*) толмачю Дунаю денежное жалованье и хлебнои оклад, и то я, Парфенеи, денежное жалованье и хлебнои оклад взял себе и отпись ему дал во всем, потому что говорил служивым людем, чтоб они толмачев запас за волок перволокли, и они отказали, мы де на толмача запасу не волочем. И я, Парфенеи, нанял под тот запас волочь за волок своими денгами, а дал отволочки наиму шесть рублев семь гривен. Да послано с целовалником Иваном Старцовым служивым людем для государевы службы пороху полпуда, свинцу полпуда ж, а служба,

[3] *В рукописи написано* Москвитина, и *зачеркнуто.*

[4] *Далее написано и зачеркнуто* а семь человек.

государь, далная, за тем свинцом и порохом служить будет нечем, и тебе б, Ждан Васильевичь, прислать на Лену реку для государевы службы пороху и свинцу служивым людем, чем бы им государева служба служить, а у них, государь, служилых людеи, своих порохов нет, а купить было не на што. Да послал я, Парфенеи, вь Енисеиское с енисеиским стрелцом с Ываном Колмогором толмачева окладу четыре четверти овса плохово, и тот овес, идучи дорогою, тонул, и мое все запасенко потонуло ж, и тот овес сушил, и тому овсу стала убыль, и того овса четырех четвертеи сполна не будет. А всего государева ясаку у меня в зборе пять сороков дватцать девять соболеи с хвостами и с пупки, да кошлочишко в соболя место. А за тою казною государевою послал вь Енисеискои острог служивых людеи Ивана Колмогора, Фоку Назарова, Фетку Бегоданова, да с ними ж приказана беречь государева казна промышленым людем Василью Нестерову, Родиону Иевлеву, Офоньке Мантурову. А что пришел з государевы службы Фока Назаров, и он, Фока, сказал, что де мы с покоиным (*л. 73*) с Матфеем Ивановым ходили вниз по Лене реке до усть Витима, не доходили за полднища, и людеи тынгуских многих видели, и они де государю учинились послушны, и вновь государева ясаку с них взяли 18 соболеи да кошлочишко за соболя место, и впредь де великому государю мошно прибыль учинить. И тот Фока на государеве службе живот свои мучил 30 недель 3 дни. Да послал я в государеву казну покоиново Гриши Пермяна тритцать восемь соболеи, да пять недособолеи, да дватцать девять пупков, да лоскутишко соболье и бобровое, и те де соболи велел сослать отцу своему, Никите Вахрушеву, или роднику его. И затинную, государь, послал вь Енисеиск с теми ж служивыми людми, для того что пороху, государь, дано мало. И паруса два, да якорь, да завоз болшеи послал с теми ж казаки. Да за волок переволокли на Лену реку два паруса да два якоря, да судовая снасть взята вся, а четвертои якорь отдали енисеиским служивым людем, Марку Любовскому с товарыщы, а он, Марко, подал государю челобитную о якоре, а свои они якорь изъломали на тынъгуском пороге. Да что были посыланы от Терского вверхь по Илиму к Мукине служивые люди Сава Зырян да Пашко Федоров для государева ясаку, и у них пошло запасу с ними с усть Идирмы по пуду всего, и им было государева служба служить не за чем, и доходили они до усть Кочуя, и запасу у них не стало, и у наших казаков запасу прошали, и они им не дали, и они и взять воротились, а с усть Кочюя до Мукини ходу две недели.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, лл. 70об.–73.

32. *1633 г. не ранее мая 29. — Отписка енисейского воеводы Ждана Кондырева томскому воеводе князю Ивану Татеву о братском ясыре и о посылке в Братскую землю пятидесятника Василия Черменина с товарищами.*

Список с отписки слово в слово.

Господину князю Ивану Федоровичю Ждан Кондырев челом[1] бьет. В нынешнем, господине, во 141-м году, октября в 1 день писал ты ис Томсково города в Енисеискои острог, что в прошлом во 140 году по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу посылан в Енисеискои острог писменои голова Федор Дементьев, а велено ему в Енисеиском остроге сыскать про есырь, которои ясырь взял князь Семен Шеховскои у сибирских служивых людеи, которые были

[1] *Слово написано дважды.*

с Яковом Хрипуновым, а служивым людем тот будет ясырь поймали[2] в немирных землицах за кровью, а не в государевых в ясачных волостях, и тот ясырь велено ему роздать тем служивым людем, хто ково взял; а будет тово ясырю отдать некому, тех служивых людеи, хто их поимал в Енисеиском остроге нет, и тот ясырь велеть ему привести в Томскои город с собою вместе; и будет которои ясырь поиман в государевых ясачных волостях, и ему тот ясырь велено отдовать в те государевы в ясачные волости, хто где взят, да тот сыск велено ему привести с собою в Томскои город. И писменои де, господине, голова Федор Дементьев приехал в Томскои город, обыски про тот ясырь отдал. И в обыску де енисеиских стрелцов тритцать пять человек про тот ясырь сказали, то де они ведают, что красноярские служивые люди и Яковлева полку Хрипунова поимали тот брацкои ясырь в государевых в ясачных волостях, а те де брацкие князцы Кодогон, да Братаи, да Букии, да Баракаи с сыном своим з Думкеем во 137 году учинились под государевою царьскою высокою рукою послушны и ясак с себя и с людеи своих государю платили енисеиским служилым людем сотнику стрелецкому Петру Бекетову с товарыщии без воины, и тот ясак и имена их в енисеиском остроге в ясачных книгах написаны. (*л. 219*) И по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу по обыском тот брацкои ясырь [...][3] брацким князцом, где хто взят, потому что [...][3] князцы и со всеми своими улусы под государевою царьскою высокою рукою послушны. И мне, господине, тот брацкои ясырь, которои взят у Якова Хрипунова и у красноярских служивых людеи, и как тот ясырь на аманацком дворе послать в новои острог, что поставлен под Брацким порогом. А из острогу б велеть послать к брацким князцом, чтоб они, брацкие князцы, тот свои брацкои ясырь имали и на государьскую милость впредь были надежны. А в то бы место у них, брацких князцеи, взять в оманаты добрых брацких людеи. А будет, господине, брацкие князцы учинятца государю непослушны, брацково своево ясырю не возмут и в оманаты добрых брацких людеи не додут, и мне б, господине, тот брацкои ясырь весь сполна взять по прежнему в Енисеискои острог и держать их по прежнему. А будет, господине, брацкие князцы и тот свои брацкои ясырь у служивых людеи возмут, а служивые люди в то место у брацких князцеи возмут добрых аманатов, и сколко человек аманатов возмут, и сколко человек брацково ясырю им, брацким князцом, отдадут, и о том бы мне, господине, по государеву указу о всем подлинно отписать в Томскои город. И в нынешнем же, господине, во 141 году, ноября в 23 день писал я к тебе в Томскои город о том брацком ясыре наперёдь сего, что того брацкого ясырю против твоеи отписки по осени полою водою в Брацкую землю отослать было неколи, потому отписка от тебя о том брацком ясыре прислана поздо. А зимою, господине, тово брацково ясырю послать в Брацкую землю до полые воды было нелзе ж, потому что, господине, Брацкои острожек от Енисеиского острогу отдалел. И в нынешнем же во 141 году, марта в [...][3] день писали в Енисеискои острог из Брацково из нового острожку, которои поставлен в Брацкои земле, казачеи десятник Баженко Поленов, Фомка Кочергин с товарыщии, что де брацкие князцы государю учинились непослушны, ясак с себя дать не хотят, а сказали, что де им ясаку давать государю не за што. Да приехал де от Беикала озера к ним же, брацким людем, князец Когун, а с ним де улусных людеи человек со сто и живут де (*л. 219об.*) на усть Оки реки. Да брацкои же де, господине, князец Баракан велит

[2] *Слово написано над строкой.*
[3] *В рукописи пробел.*

брацким людем государевых служивых людеи побивать, и тунгуских людеи пеших, которые живут блиско их брацких улусов и с ними брацкими людми вместе, и тех де всех тунгуских людеи взяли они, брацкие люди, к себе в улусы и ясаку де им, тунским[4] людем, государю с себя давать не велели. А тех де, господине, тунских[5] людеи около их братцких улусов и с ними брацкими людми вместе много, а называют де их, тунгуских людеи, они, брацкие люди, своими кыштымами и ясак де с них емлют на себя. А по сторонним де рекам тунгуских людеи пеших блиско Брацково острожку и около братцких улусов живут много ж, и их де, служивых людеи, к тем тунгуским людем тунгуские ж люди, которые живут у Брацково острожку блиско и ясак с себя государю дают и прямят, вести не смеют, потому что де брацкие люди их, служивых людеи, велят им побивать. Да в нынешнем же, господине, во 141 году, маия в 20 день писали из Брацково ж острожку служивые люди десятник Баженко Поленов с товарыщии и прислали ис того Брацково острожку в Енисеискои острог служилых людеи казачья десятника Фомку Кочергина с товарыщи, а привезли они с собою государева ясаку з брацких киштымов с тунгуских людеи, которые живут блиско острожку, и с качамарских и тунгуских же сидячих людеи два сорока дватцать соболеи. А брацкие де князцы государю учинились непослушны и государю ясаку с себя с людми своими доброво не дали, а дали ясаку кнезец Кодогон, да брат ево Котогур, да Братаи, да Уныгидеи со всеми своими улусными людми всего дватцать соболишков, да брацкои же князец Баракан дал тринатцать соболишков; а по енисеискои де, господине, оценке тех соболишков всего на шесть рублев, а ценили те соболишка приезжие з городов торговые люди Федор Бачюрин колмогорец, Олешка Карпов ярославец, Михалко Амельянов лалетин с товарыщии. И я, господине, в нынешнем же во 141-м году, маия в 29 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу и по твоеи отписке послал в тот Брацкои острожек енисеиских служивых людеи стрелцов пятидесятника Васку Черъменина (*л. 220*) с товарыщи десять человек да с ними ж на прибавку по нуже тоболских служивых людеи шесть человек, а болше, господине, тово послать было из Енисеиского острогу в тот Брацкои острожек служивых людеи неково, потому что, которые служивые люди по государеву указу переведены были ис Красноярсково острогу в Енисеискои острог для государевых служеб сто пятдесят человек, и те служивые люди по государеву ж указу отосланы на Краснои Яр, а которых, господине, служивых людеи велено прислать по государеву указу ис Тоболска, из Березова в Енисеискои острог к старым служивым людем на прибавку для государевых служеб двести человек, и те служивые люди к тем государевым службам в нынешнем во 141 году не поспеют. А послал, господине, я с теми служивыми людми с пятидесятником с Васкою Черменином с товарыщи в Брацкую землю того брацково ясырю, выбрав лутчих людеи, четырех человек, Кодогунева улусу жонку именем Секира, да парня имянем Хабара Басалганова сына, да другово Букеева улусу князца Буееву дочь именем Нухану, да женку имянем Боису Хонгоду жену. И велел, господине, им, служивым людем, за тем ясырем братцких людеи уговаривать и призывать их ко государеву жалованью к себе в острог ласкою. А как к ним они, брацкие князцы, в острожек придут, и я, господине, велел им, служивым людем, тот их ясырь с ними, брацкими людми, уговорясь, отдати, а у них в того ясыря место взяти в оманаты к себе в острожек брац-

---

[4] *Так в рукописи, следует читать* тунгуским.

[5] *Так в рукописи, следует читать* тунгуских.

ких лутчих людеи, чтоб они, братцкие люди, за теми аманаты были под государевою царьскою высокою рукою послушны и ясак бы с себя государю платили доброи против иных иноземцов, а государь их, брацких людеи, пожалует, велит им и досталнои их ясырь отдать. И болши, господине, тово брацково ясырю с ними, служивыми людми, в Брацкую землю послать не смел, потому что, господине, посланы служивые люди немногие. И чтоб над ними, служивыми людми, они, брацкие люди, дурна какова не учинили и того ясырю своего не отбили, и чтоб, господине, за безлюдством тово Брацково (*л. 220об.*) острожку до государева указу и до прибавочных служивых людеи даром не потерять, а велел им, служивым людем пятидесятнику Васке Черменину с товарыщии, их, брацких людеи, уговаривать и призывать их к себе ласкою, и задору с ними никаково чинить не велел, а велел их государевым жалованьем поить и кормить доволно. А то, господине, знатно, что они, брацкие люди, государю непослушны, дают государю в ясак рухлядишко худое, на смех, которое ни к чему не годно, и то невеликое, и за собою держат и ясак на себя емлют со многих тунгуских людеи, а государю ясаку с себя им, тунгуским людем, давать не велят, а велят служивых людеи им побивать. И о том, господине, их, брацких людеи, непослушанье писал я к тебе в Томскои наперед сего и не одиново ль. А то, господине, ныне у служивых людеи у пятидесятника у Васки Черменина с таварыщии з брацкими людми учинитца, и о том отписано будет ко государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии к Москве и в Томскои город подлинно.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 17, лл. 218об.–220об.

33. *1633 г. июня 12. — Наказная память енисейского воеводы Ждана Кондырева енисейскому атаману Ивану Галкину, посланному приказным в новый Ленский острог.*

Лета 7141-го июня 12 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу воевода Ждан Васильевичь Кондырев велел ехати из Енисеиского острогу Енисеиского острогу атаману Ивану Галкину (*л. 73об.*) с енисеискими служивыми людми вверхь по Тунгуске реке до усть Инима реки, да вверхь до[1] Иниму до усть Идирмы реки, а по Идирме вверхь на Куту реку, да через волок переити на Лену в новои острог[2], что поставлен на усть Куты реки для государева царева и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии ясачново збору, на перемену сыну боярскому Перфену Ходыреву, а прешед в острог на Лену, взяти у сыно боярсково у Парфена Ходырева толмача Федку Петрова, а государево ему денежное и хлебное жалованье к нему послано с целовалником с Феткою Петровым с Акулою, оклад ево сполна, да для толмачества ж взяти ему, Ивану, у енисеисково стрелца у Семенки Тимофеева Чюфариста яколскую жонку Бытея, да ему ж, Ивану, взяти у сыно боярсково у Парфена Ходырева и у сотника стрелецково у Петра Бекетова государевы суды и судовые снасти, парусы, дроги и ноги, и якори, зелье и свинец, скобы и гвоздье, теслы[3], оборони и скобели, и напарьи, сколко чево останетца, и из острогу ходить и служивых людеи посылать с толмачи вверхь и вниз по Лене, и по Киренге, и по иным сторонним рекам, которые впали в Лену реку, опричь Олокмы реки.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, л. 73–73об.

[1] *Далее написано и зачеркнуто* ти.
[2] *Буква* г *написана над зачеркнутым* жек.
[3] *Далее написано и зачеркнуто* топоров.

34. *1633 г. июня 30. — Наказная память тобольских воевод, князя Андрея Голицына с товарищами, тобольскому сыну боярскому Воину Шахову, отправленному на реки Чону, Вилюй и Лену.*

Список с наказу слов слово[1].

Лета 7141 июня в 20 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всея Русии указу память тоболскому сыну боярскому Воину Шахову. Ехати ему ис Тоболска в новые землицы на захребные[2] реки на Чону, и на Вилюи, и на Лену для того, в нынешнем во 141-м году, сентября в 24 день в государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всея Русии грамоте в Тоболеск к прежним к столнику и воеводам ко князю Федору Телятевскому с товарыщи писано, били челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всея Русии тоболские и березовские и мангазеиские служилые люди Мартынко Васильев с товарыщи, которые в прошлом во 138-м году были в новои землице на захребетных реках на Чоне, и на Вилюе, и на Лене, и проведывали на тех реках синягиреи, нанагиреи, долганов да якуцкую конную орду многих людеи и под государеву царьскую высокою руку тех людеи привели, и впередь де те земцы[1] государю ясак с себя давать[3] делех[1] хотят. А преж де сего те землицы государю ясаку не давывали, а ныне де те землицы государю челом ударили пять сороков тритцать соболеи с пупки, да четыре бобра, да кошлок. И тое новую ленскую мяхкую рухлядь[1] те служилые люди Мартынко Васильев с товарыщи привезли ко государю к Москве, и государь бы их пожаловал, велел их отпустить на те захребетные реки, тоболских и березовских служилых людеи сорок человек, с кем бы им мочно государева служба служить, и велеть бы им на те люди из государевы казны дать пансыри, потому что новых землиц люди, в которые (*л. 151об.*) им итти, куяшни и доспешни. Да с ними ж бы послати в те новые землицы товару, олову и одекую и меди зеленои. И с тех де людеи будет государю прибыль. Да их бы государь пожаловал, велел им дати своего государева жалованья на Москве для их подъему и покупки на три годы, чем бы им на государеву службу поднятца, а хлебное жалованье в их оклады на один год дати в Тоболску, а на два года в Мангазее, а суды каюки и всякую каючную снасть, якори, и веслы, и павоски, и завозни, и бечевы, дати на Енисеиском волоку. И государь царь и великии князь Михаило Федоровичь всея Русии тоболских и березовских и мангазеиских де служилых людеи пожаловал, вел[1] их на государеву службу на Лену и на иные реки, где они новые землицы приискали, для ясачново збору отпустить тоболских дватцать человек, да березовских да мангазеиских дватцать же человек, по десяти человек изс города. А своего государева денежного и хлебного жалованья для тое службы указ[1] государь им дати на три годы оклады их сполна и послати на то их жалованье денег с Москвы, а хлеб, муку и крупы и толокно, дати в Сибири в Тоболску и Мангазее. И в то число дано на Москве государева денежново жалованья сибирским служилым людем шти человеком на два годы оклады их сполна, тоболским казаку Куземке Аврамову да стрелцом Левке Вильянову, Данилку Рогозинникову, Томилку Вычегженину по четыре рубли с четью, березовскому казаку Мартынку Васильеву да мангазеискому стрелцу Гришке Романову по пяти рублев с четью человеку. Да с теми ж служилыми людми с Мартынком Васильевым указал государь послати для ясачно-

[1] *Так в рукописи.*
[2] *Так в рукописи, следует читать* захребетные.
[3] *Слово написано поверх стертого.*

го збору в новые землицы сто тысечь одекую, (*л. 152*) три пуда меди зеленые в котлах, пуд олова в блюдах, да для бою с ыноземцы, которые будут государю непослушны, сорок панцыреи. А суды тем тоболским и березовским и мангазеиским служилым людем, в чом им итить в новые землицы на Лену, и на Вилюи, и на иные реки, и всякие судовые запасы указал государь взяти на Енисеиском волоку или в Мангазее, а будет на Енисеиском волоку и в Мангазее готовых судов нет, отпуску указал государь зделати в Мангазее новые суды своими государевыми мангазеискими денежными доходы. Да в нынешнем де во 141-м году, апреля в 28 день в государеве ж грамоте в Тоболск к прежним ж к столнику и воеводам ко князю ж Федору Телятевскому с товарыщи писано, тоболских и березовских и мангазеиских служилых людеи, которые государю били челом, Мартынка Васильева с товарыщы, на Лену реку посылать не велено, потому в нынешнем во 141-м, декабря в 28 день писали ко государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всея Русии к Москве ис Тоболска прежние столник и воеводы князь Федор Телятевской с товарыщи, что в прошлом во 140-м году [...]вешил[1] им, князю Федору Телятевскому с товарыщи, в Тоболску [4]на тех[4] служилых людеи на Мартынка Васильева с товарыщи промышленои человек Алимпеико Фефилов, что те служилые люди Мартынко Васильев с товарыщи тритцать человек будучи в новых землицах воровали, торговали своими товары и выменяли на себя на олово и на одекуи триста шесть шуб собольих старых и новых, да тритцать шуб бельих, (*л. 152об.*) осмнатцать шуб горностальих. А велено в их Мартынково с товарыщи место послати на Лену реку иных тоболских и березовских служилых людеи сорок же человек, и в том числе велено послати в вожех прежних служилых людеи, которые напередь сего на Лене реке и в ыных в новоприискных землицах были и не чем не торговали, иным никаким воровством не воровали, человек двух или трех. А с теми служилыми людми велено послати на реку на Лену в новоприискные землицы для ясачново збору и впередь для прииску иных новых землиц ис Тоболска сына боярсково добра, ково пригоже, чтоб которому государева служба была за обычеи и которои бы к государеву делу был радетелен, и сам бы государевою соболиною и всякою мяхкою рухледью, которая на Лене реке учнет збиратца, не корыстовался и служилым людем потому ж корыстоватца не дел[1]. Да и служилых людеи, которых послали на Лену реку в Тоболску и на Березове, велено выбрати добрых же, чтоб которые едучи на государеве службе на Лене реке, государевою ясачною казною которыстовались[5] и которые напередь сего с Мартынком Васильевым с товарыщи на Лене реке не были, а выбрал сына боярсково и служилых людеи сорок человек добрых, и дан[1] им государево денежное и хлебное жалованье на три годы оклады их сполна, и пансыри, и колчюги, и шишаки, сколко будет пригоже, и для ясачного збору медь, и олово, и одекуи; и суды, в чом итти, велено отпустить ис Тоболска в Мангазею на весне, как лед скроетца тотчас безо всякого мотчанья. (*л. 153*) И велено ис Тоболска в Мангазею к воеводам к Василью Давыдову да к Дмитрею Клокачову столнику и воеводе князю Федору Телятевскому от себя отписати, а велети им те[1] тоболским и березовским служилым людем, которых пошлют на реку на Лену, дати в Мангазее суды, и велено их отпустить из Мангазеи на Лену реку для ясачново збору потому ж не задержать. А будет в Мангазее таких судов,

[4-4] *Написано дважды.*

[5] *Так в рукописи; следует читать* корыстовались.

в чом на Лену реку итти, нет, а есть такие суды на Енисеиском волоку, и тем служилым людем велено дати суды на Енисеиском волоку, а до Енисеиского волоку велено им дати суды в Мангазее, в каких бы им мочно доити. А буде и на Енисеиском волоку готовых судов таких, которые на Лену реку вход приходятца, нет же, и суды велено зделати в Мангазее или на Енисеиском волоку мангазеискими денежными доходы. И зделав суды, потому ж велено тех служилых людеи отпустить для ясачново збу[6] на Лену реку тотчас. По государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всея Русии указу послано с ним, с Воином, ис Тоболска не[7] реку на Лену и на иные захребные[2] реки в новые землицы для ясачново збору тоболских служилых людеи осмнатцать человек, а хто имяны тоболских служилых людеи с ним, Воином, посланы, и тому дана ему роспись под сею наказною паметью, а березовским служилым людем взяти ему имянная роспись на Березове у воеводы у Алексея Плещеева, (*л. 153об.*) и о том отписати в Тоболеск, хто имяны с ним, с Воином, березовские служилые люди на реку на Лену поидут. А на Березов к воеводе к Ивану Давыдову ис Тоболска от столника и воеводы от князя Федора Телятевсково писано, а велено ему выбрати на государеву службу на реку на Лену березовских служилых людеи дватцать человек, и Воину служилыми людми ехать ис Тоболска в Мангазею наспех и по городом нигде не мешкав, а приехав в Мангазею, взяти ему у воеводы у Григорья Орлова да у дьяка у Василья Атарского на Лену реку мангазеиских служилых людеи дву человек, вожа да толмача, которои бы тунгускои и якуцкои язык знал, Оску Степанова пустозерца или иново, которые б напередь сего на Лене и на иных реках бывали, а ничем не торговали и иным никаким воровством не воровали, и которые б напередь сего с Мартынком Васильевым с товарыщи на Лене не были. А государево денежное и хлебное жалованье велено им дати в Мангазее из мангазеиских доходов на три годы оклады их сполна. А ему, Воину, и тоболским служилым людем, кто в тоболской даче, что им дано хлебное жалованье на один год, а березовским на Березове на один де год, велено им дати хлебное жалованье в Мангазее на два года оклады их сполна ж. Да им же велено дать суды в Мангазее, которые б к ленскому ходу пригодились, а будеть в Мангазее годовых[8] судов нет, а есть такие суды на Енисеиском волоку, и ему (*л. 154*) взяти суды на Енисеиском волоку. А в Мангазею к воеводе к Григорью Орлову да к дьяку к Василью Атарскому о воже и о толмаче, и о хлебном жалованье, и о судех ис Тоболска писано. А будет в Мангазее и на Енисеиском волоку готовых судов нет, и суды велено им, Григорью и Василью, зделать в Мангазее или на Енисеиском волоку мангазеискими денежными доходы. А взяв ему, Воину, дву человек важа да толмача и суды, ехать из Мангазеи на реку на Лену не мешкая ни часу, а приехав ему, Воину, служилыми людми на реку на Лену и на иные реки в новоприискные землицы, которые учинились государю послушны, збирати на государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии ясак с великим раденьем ласкою, а не жесточью, и обид и насиств[9] тех новых землиц ясачным людем никаких не чинити, и на себя с них никакие мяхкие рухледи не имати, а служилым людем имати не велети ж, чтоб государю вь ясачном зборе учинити

[6] *Так в рукописи, следует читать* збору.
[7] *Так в рукописи, следует читать* на.
[8] *Так в рукописи, следует читать* готовых.
[9] *Так в рукописи, следует читать* насильств.

прибыль, а ясачным бы людем в ясачном зборе жесточи ни которые не было. Да что с которои землицы и сколких человек с ясачных людеи на которои год государева ясаку соболми и иными какими зверми возмут, и Воину Шахову то все велеть писать в книги имянно. А в немирные землицы для приводу под государеву царьскую высокую руку ходили[1] ему, Воину с служилыми людми, с великим береженом, чтоб тех новых землиц людеи под государеву царьскую высокую руку привести и ясак с них взять, а себя от них уберечь. Да как тех новых землиц людеи под государеву царьскую высокую руку приведут, и Воину (*л. 154об.*) служилым людем с тех новых землиц потому ж на государя ясак збирати и те новые землицы, которая землица на которои реке, и сколко в неи ясачных людеи будет, и что с них государева ясаку вновь возметца, и по чему с них впередь ясаку имати велети, то все писати потому ж в книгу имянно. Да те книги и ясачную всякую мяхкую рухледь, что на Лене зберетца, за своею печатью, а книгу за своею рукою привести в Тоболеск и отдати воеводам князю Ондрею Андреевичю Голицыну да Данилу Андреевичю Замыцкому да дьяком к Семену Копылову да Леонтью Полуехтову. И будучи ему, Воину, на Лене и на иных реках, служилых людеи от зерни и ото всяково во[...]въства[10] унимать. А однолично Воину, будучи на Лене и на иных реках в новоприискных землицах, которые учинились государю послушны, збирати на государя ясак с великим раденьем ласкою, а не жесточью, тех новых землиц ясачным людем никаких не чинити[1], и на себя с них никакие мяхкие рухляди не имати, и служивым людем имати не велети ж, чтоб государю в ясачном зборе учинить прибыль, а ясачным бы людем вь ясачном зборе жесточи не было. В немирные землицы для приводу под государеву царскую высокую руку ходити ему, Воину служилыми людми, с великим береженьем, чтоб тех новых землиц людеи под государеву царскую высокую руку привести и ясак с них на государя взяти, а себя однолично от них уберечь. И будет Воин, будучи на Лене и на иных реках в[1] новоприискных землиц, которые учинились государю послушны, учнет на государя имати ясак жесточью, или учнет тех новых землиц ясачным людем насилства какие чинить, или на себя с них учнет мяхкую рухлядь имати, или служилым людем имати велит, или ево, Воиновым, небереженьем учинитца не мирных землиц от людеи служилым людем истеря, (*л. 155*) и Воину от государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Русии за то быти в великои опале и в казни.

Да с ним же, Воином и служилыми людми, послано ис Тоболска на Лену реку и на иные реки для ясачново збору и для прииску их новых землиц сто тысячь одекую, три пуда меди зеленои в котлах, пуд олова в блюдах, да для бою с ыноземцы дано ему, Воину, и тоболским и березовским и мангазеиским служилым людем, которые с ним на Лену реку посланы, тритцать шесть пансыреи, пять колчюг, восмь шишаков, семь шапок мисюрских, осмнатцать фунтов зелья, осьмнатцать фунтов свинцу да в запас пять пуд зелья, пять пуд свинцу, да на книги для писмя три стопы бумаги.

Да память Воину ж Шахову, которые будет на Лене реке и на иных реках в новоприискных землицах рускую торговые и промышленные люди, и Воину тем торговым и промышленным людем велеть [...]етца[11] у себя имать у них сь их мяхкие рух-

---

[10] *В рукописи пробел, следует читать* воровъства.

[11] *Начало слова написано неразборчиво.*

ляди на государя десятая пошлина и с соболеи и изо всякои мяхкои рухляди из десятка десятои лутчеи зверь. И будет какие мяхкие рухляди менши десятка, и Воину ту мяхкую рухлядь служилым людем, которые мяхкие рухляди цену знают, велеть ценить, а оценя имать десятая пошлина с рубля по гривне ж. А будет у торговых и промышленных людеи объявитца вь их мяхкои рухляди добрая мяхкая рухлядь, лисицы черные и чернобурые и соболи добрые, которые годны в государеву казну, и Воину у тех у торговых и у промышленных людеи имать ту мяхкую рухлядь на государя, оценя пару соболеи рублев в десять, и в пятнатцать, и в дватцать, и в полтретьетцать, а сорок (*л. 155об.*) во сто рублев и болши, и им за ту мяхкую рухлядь по цене давати денги из государевы казны, которая учнет на Лене и на иных реках у торговых и у промышленных людеи збиратца, а будет у Воина на реке на Лене денег будет мало, торговым людем за мяхкую рухлядь дать будет нечево, и Воину с теми торговыми людми писать в сибирские городы, на которые городы те торговые люди поедут, сколко и у ково имянем какие мяхкие рухляди взято и что еи цена. И тем торговым или промышленным людем за ту мяхкую рухлядь денги дадут из государевы казны в тех городех. А велеть ценить мяхкую рухлядь, с которои на государя десятая пошлина, примериваясь к тоболскои цене. А которая мяхкая рухлядь пригодитца взять в государеву казну, и ту мяхкую рухледь велеть ценить смотря по тамошнему делу, как бы государеве казне было прибылнее. А что с торговых или с промышленных людеи и с ково имянем на Лене реке и на иных реках в новоприисканных землицах мяхкую рухлядь и денгами десятые пошлины возмут, или у ково добрую мяхкую рухлядь, которая пригодитца в государеву казну, возмет, и что за нее по цене денег даст, или о денгах в которои город отпишет, и Воину то все велеть писать в книги имянно порознь по статьям, да те книги и мяхкую рухлядь, как с Лены реки назад поедут, привести в Тоболеск и отдати в сьежеи избе воеводам князю Андрею Ондреевичю (*л. 156*) Голицыну да Данилу Андреевичю Замытцкому да [дь]яком Семену Копылову да Леонтью Полуехтову.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 21, лл. 151–156.

35. *1633 г. июля 14. — Наказная память томских воевод, князя Ивана Татева с товарищами, атаману Дмитрию Копылову, посланному со служилыми людьми в Братскую землю.*

Лета 7141 году, июля в 14 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу воеводы князь Иван Федоровичь Татев, Семен Ивановичь Воиков да дьяки [...][1] Бугримов да Ермолаи Какин велели итти атаману Дмитрею Копылову под Брацкои порох в новои Брацкои острожек, а с ним томских служивых людеи пятдесят человек для тово, в нынешнем во 141 году, июня в 13 день писал в Томскои город к воеводе ко князю Ивану Федоровичю Татеву из Енисеиского острогу воевода Ждан Кондырев, в нынешнем де во 141 году, марта в 31 день писали к нему, Ждану, в Енисеискои острог из Брацково нового острошку десятники Баженко Поленов да Фомка Кочергин с товарыщии, что де брацкие князци Барако, да Котогун, да Унычиве (*л. 221*) государю учинилися непослушны, ясаку с себя дать не хотят; да брацкои же де князец Баракан велит брацким людем государевых служивых людеи побивать и тунгуских людеи, которые живут их брацких улусов с ними, брац-

---

[1] *В рукописи пробел.*

кими людми, вместе, и тех де всех тунгуских людеи взяли они, брацкие люди, к себе в улусы и ясаку де им, тунгуским людем, государю с себя давать не велели, и ясак де с них емлют себе, и государю де оне, брацкие люди, учинились непослушны, государевых де служивых людеи им, тунгуским людем, велят побивать. А ему де, Ждану, ныне ратных людеи из Енисеиского острогу послать некого и их, брацких людеи, умирить и привесть под государеву царьскую высокую руку некем. И там де ныне[2] в Брацком острошке государевых служивых людеи немного, и чтоб де за безлюдством тово Брацково острошку до государева указу и до прибавочных служивых людеи не потерять и над государевыми бы де людми те брацкие люди кокова дурна не зделали, и по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу Дмитрею Копылову с томскими служивыми людми, приехав в Енисеиской острог, по наказу воеводы князя Ивана Федоровича Татева взять у воеводы у Ждана Кондырева суды, в чем ему, Дмитрею с томскими служивыми людми, итти на государеву службу в Брацкои острожек, и судовые снасти. А ково ис Томсково города по государеву указу воевода князь Иван Федоровичь Татев [...][1] и взяв суды, итти из Енисеиского острогу в новои Брацкои острожек наспех днем и ночью немешкав ни часу, и пришед Дмитрею с томскими служивыми людми в новои Брацкои острожек, и будет брацкие князцы и все брацкие люди учинилися государю непослушны, и в Брацкои (*л. 221об.*) острожек для брацково своево ясырю к служивым людем к пятидесятнику к Васке Черменину не пошли, и брацкого своего ясырю брацкие люди не взяли, и аманатов в то место в новои Брацкои острожек не дали, и государева ясаку по прежнему не дают, и Дмитрею с ратными людми тех брацких людеи уговаривать и приводить их ласкою и приветом, и чтоб их на государьскую милость учинить надежных, и под государеву царьскую высокую руку привесть, и учинить их послушных, чтоб оне, брацкие люди, государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии были послушны навеки в прямом холопстве и ясак с себя платили по прежнему. А будет они, брацкие люди, учинятца государеву имени непослушны, и к государьскои милости не придут, и есырю своего, которои [...][1] не возмут, и ясаку с себя не учнут давать государю по прежнему, и Дмитрею над ними промышлять по тамашнему делу, смотря, как бы их под государеву царьскую высокою руку привесть и государев ясак[3] доброи и против прежнего. А как милостию и государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии счастьем тех людеи он, Дмитреи, под государеву царьскую высокую руку приведет, и аманаты у них, брацких людеи, возмет, и государев ясак с них против прежнего зберет доброи, и Дмитрею с ратными людми итти из нового Брацково острогу назад в Томскои город. А будет, смотря по тамошнему делу, токо будет надобно там в новом в Брацком острожке до перемены быть ратным людем, а енисеиских будет людеи в том острошке в то время будет мало, и ему, Дмитрею, оставить в том новом Брацком острошке томских ратных людеи сколко будет пригож, а однолично Дмитрею все делать (*л. 222*) по тамошнему делу, смотря, как бы государеву делу было лутче [...][1] землицы брацкие улусы под государеву царьскую высокую руку привесть, и ясак с них, брацких людеи, государев собрать, и государевым делом промышлять неоплошно с великим радением, чтоб ему, Дмитрею, служба своя и раденье государеву делу показать, и учинить службу впредь

---

[2] *Слово написано над строкой.*

[3] *Так в рукописи; вероятно, пропущены слова* у них собрать.

свою явну. А хто томских служивых людеи имяны[2] с ним посланы, и тем служивым людем имяннои список [...][1]. Да Дмитрею ж, будучи на государеве службе, и дорогою служивых людеи ото всяково дурна [...][1] унимать, и итти неоплошно днем и ночью. К сему наказу государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии печать царьства Сибирскова Томскова города приложил воевода князь Иван Федорович Татев.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 17, лл. 220об.–222.

36. *1633–1634 гг. — Роспись енисейских служилых людей и тобольских казаков, бывших на службе в Ленском остроге с атаманом Иваном Галкиным, и их послужной список.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси воеводе Ондрею Ондреевичю Енисейского острогу атаман Ивашко Галкин челом бьет. В прошлом во 141-ом году по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу и по наказу воеводы Ждана Васильевича Кондырева послан я, Ивашко, на государеву службу на Лену реку в Новой острожек, что поставил в якольской земле сотник стрелецкой Петр Бекетов, на перемену сыну боярскому Парфенью Ходыреву, а служивых людей послано со мною сорок человек. И я, Ивашко, пришед с енисейскими служивыми людми[1] под Ленской волок на Иним[2] реку, и всеми служивыми людми[3] перенесли за Ленской волок на Лену реку на собе своих запасчиков по полу сема пуда на тринатцать[4] человек. И осенью по последнему пути служивыми людми с тритцатью человеки пришел я, Ивашко, в яколскую землю в Новой в Ленской (*л. 84*) острожек. И по государеву указу енисейской сын боярской Парфеней Ходырев Новой острожек, что поставил в яколской земле сотник стрелецкой Петр Бекетов, и толмачов [...][5] Быченка да Дунайка Петрова, и аманатов, которых он, Парфеней, взял у сотника стрелецкова у Петра Бекетова и которых он, Парфеней, у яколских людей взял после сотника Петра Бекетова, отдал мне, Ивашку. А енисейские служивые люди, которые по государеву указу для государевы службы оставлены на Лене реке от сотника стрелецкова от Петра Бекетова и которые служили с сыном боярским с Парфеньем Ходыревым, десятники Десятка Мелентьев, Фомка Федулов, Устинко Микитин с товарыщы, били челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии об том, чтоб им, служивым людем, государева служба служить и государев ясак збирать на Лене в Новом острожке со мною, с Ывашком, вместе. И по государеву указу тем служивым людем я, Ивашко, государеву службу велел служить и государев ясак збирать с енисейскими служивыми людми, которые пришли со мною, с Ывашком, вместе, заодин. И те служивые люди, Десятка Мелентьев с товарыщы, государевы многие службы служили и государев ясак збирали, и в осадех многие нужи терпели, и на гоударевых непослушников, у бога милости прося, ходили и над ними промышляли. А[6] что государева ясаку собрано, и тот государев ясак

[1] *В рукописи* люми.
[2] *Так в рукописи.*
[3] *Слово написано сверху.*
[4] *В рукописи слово написано нечетко; может быть, следует читать* тридцать.
[5] *В рукописи неразборчиво.*
[6] *Далее написано и зачеркнуто* и.

написан подлинно в ясачных книгах. А где они, служивые люди, государю служили головами своими и кровию ранены, и бедны, и какие нужи терпели, и которой служилой человек убил какова мужика или коней или ранил, и на какове государеве службе, и той государеве службе (*л. 84об.*) служивых людей[7] за руками челобитная и слубже имянная роспись под сею отпискою.

Роспись енисейским служивым людем, стрелцом и казаком, которые были на государеве службе на Лене реке и служили с атаманом с Ываном Галкиным и против государевых непослушников, якольских[2] людей, выезжали и бились явственным боем, и которой стрелец или казак во што ранен, и сколько коему дано ран, или которой стрелец или казак ранили или убили на какове драке якуцково мужика или под мужиком коня, или в осадех, на приступех хто дрались явствено, и хто сколько убил мужиков или коней или ранил, писано порознь по статьям.

Атаман Иван Галкин на драке и на приступех дрался явственно, убил якуцково куяжново мужика Дюкова брата князца Еттюя. Да он же ранил Тынинина сына пуднево князца Откурая. Да он же убил под князцем же Бойзоком коня Тынининым коня[2] в железных досках, да на приступе под острогом убил якутцково мужика, ранил смертной раной в брюхо по левую сторону пупа, да и правую руку дважды, в плече да в локоть, да в голову. И убили якуцкие люди под ним, атаманом Иваном[3], коня.

Десятник Фома Федоров дрался с якуцкими людми. Ранен стрельными раны в лицо да в левую руку, да у другие, у правые, руки ранен[3] в локоть.

Стрельци:

Фетка Васильев Чюрочка дрался явственно, убил в куяке мужика, да убил коня. Ранен стрельными раны[8] в правую руку в локоть да в левое плече.

Стрелец Олешка Гистой[9] в осаде, на приступех к острогу (*л. 85*) бился явственно и убил под якуцким мужиком коня.

Стрелец Ивашко Кирилов в осаде, на приступе дрался явственно.

Стрелец Богдашко Волхон ранен в груди[10] повыше левые титьки да в левую руку, в лопатку да в локоть, да в левую бедру.

Пронка Яков ранен в правую руку в локоть.

Вторко Гаврилов убил коня. Ранен повыше левые титьки в груди да в правую руку в локоть, да в ногу в правое стегно.

Матюшка Иванов ранен в левой бок да в правую руку в плече.

Федька Жунков ранен в голову в лоп, да в левую руку в мышку, да у правые руки в завить, да в левую ногу в колено.

Ивашко Каданец убил мужика да под [д]ругим коня ранил. Ранен в голову в левую косицу да в обе ноги трижды.

Ивашко Федоров Старцов в осаде, на приступех убил[11] якуцково мужика и дрался явственно.

Десятник Устим Микитин на драке[12] дрался явственно и убил с коня якуцково мужика Тынинина внука князца Итюгузия. Да он же убил под [д]ругим мужиком

---

[7] *Далее написано и зачеркнуто* били челом.

[8] *Написано* раными, ми *зачеркнуто.*

[9] *Слово написано неясно.*

[10] *Слово написано поверх зачеркнутого* в руку.

[11] *Слово написано трижды, последнее зачеркнуто.*

[12] *Далее написано и зачеркнуто* сам.

коня. Ранен четырми раны в груди повыше левые титьки да в обе руки по ране, да в правое плече. Да он же убил якуцково князца Дуруя.

Олешка Яковлев Олень убил на драке мужика с коня. Ранен в голову в лоп да в левую ногу ранен дважды, да в обе руки[12], в локти, в лопатку.

Мишка Леонтьев в осаде, на приступе ранил якуцково мужика.

Гришка Семенов был в осаде, дрался явственно, убил под мужиком коня, да он же на приступе поколол мужика.

Ульянко Микитин на драке ранен в правую ногу да в голову в шею.

Еремка Никифоров на драке убил коня под мужиком. Ранен в левой бок дважды да в левую ногу в стегно, да в правую руку.

Кондрашка Ларионов на драке ранил мужика. Ранен в голову (*л. 85об.*) дважды, в правую руку в завить, в левую руку в мышку, да в хребет меж крыльца.

Игашка Федотов дрался явственно, убил под мужиком коня да мужика ранил, другово убил до смерти.

Сенка Харитонов в осаде дрался явственно, на приступе ранил якуцкого мужика.

Мишка Тихонов на драке бился явственно, убил мужика. Ранен в левую ногу.

Семенка Чюфарист яслуго[2] в осадех дрался явственно, убил на приступех дву мужиков якуцких[13] да коня.

Васька Юрьев Горин дрался явственно, на драке убил с коня мужика да он же убил под мужиком коня. Ранен в голову в катку да дважды в левую ногу в стегно.

Десятник Десятой Мелентьев дрался явственно в осаде и на приступех, убил мужика с коня да он же ранил мужика копьем.

Гаврилко Микитин на драке убил коня да ранил мужика. Ранен в рожу дважды, в ногу.

Ивашко Лобан убил под мужиком коня. Ранен в бороду да в голову, да в поясницу, да в хребет.

Агапит Иванов дрался явственно, убил мужика с коня да другово пешево. Ранен в голову да в правую руку трижда.

Рычко Яковлев на приступе ранил пешево мужика.

Толмачь Дунайко Петров убил под мужиком коня. Ранен в рожу в правую щоку да в правую руку в плече дважды, да в правую ногу.

Ситко Семенов дрался явственно, убил под мужиком коня. Ранен в голову дважды да в правую ногу дважды.

Фетка Петров дрался явственно, убил мужика. Ранен в груди да в левое плече, да в правую ногу в стегно, да в хребет.

Епишка Соловьев убил под мужиком коня. Ранен в груди да в левую руку, да в обе ноги прострелян насквозь.

(*л. 86*) Марко Котков ранен в брюхо, в левую руку в мышку да в левую ногу, да в оба плеча дважды.

Гаврилко Исаков дрался явственно, убил под мужиком коня. Да он же ранил мужика. Ранен в брюхо да в левую руку дважды, да в левый бок.

Степка Потылицын был в осаде, на приступе, ранил коня.

---

[12] *Слово написано дважды, второе зачеркнуто.*

[13] *Далее написано и зачеркнуто* да мужика.

Давыдко Наумов в осаде и на приступех дрался явственно, убил на приступе куяжново[14] до смерти мужика, а другово ранил копием, да он же убил под бурухиным улусным мужиком коня, как посыланы были на бурухиных детей, и тово мужика взял жива.

Гулянко Гаврилов на драке дрался явственно, ранил под мужиком коня. Ранен в груди да в левой бок, да в левое стегно.

Стенка Марков был в осаде, дрался явственно, на приступе убил[15] под мужиком коня.

Тобольские казаки:

Офонка Степанов в осадех и на приступех убил коня.

Ивашко Яковлев Носко в осаде, на приступех дрался явственно.

Карпушка Сокол в осаде, на приступех ранил мужика.

Олешка Федосеев на драке убил мужика. Ранен в голову в правую косицу да в правую титьку, да в хребет, да в правую руку.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, лл. 83об.–86.

37. *1633–1634 гг. — Отписка из Ленского острога енисейского атамана Ивана Галкина енисейскому воеводе Андрею Племянникову о «смуте» в Якутской земле из-за того, что с тамошних людей сбирают ясак одновременно мангазейские и енисейские служилые люди.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводе Андрею Ондреевчу Енисейского острогу атаман Иван Галкин челом бьет. По государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу посылают (*л. 86об.*) нас из Енисейского острогу на государеву службу на Лену реку для государева ясаку и для прииску новых землиц немирных и непослушных князцов. А из Мангазейского города по государеву указу посылают служивых людей на государевы службы на тое ж Лену реку, и государев ясак емлют на Лене реке и по иным рекам с ясачных людей, которые ясачные люди государев ясак с собя платят на Лену в Новой острожек. И у тех ясачных людей аманатов, детей их и жон и улусных мужиков, емлют и скот побивают и во всем им чинят великую налогу. В прошлом во 141-м году посланы из Мангазейского города черкашенин Степан Корытов да тазовский казачей десятник Надежа Сидоров с тобольскими и с тазовскими служивыми людми, дватцать человек, на Лену реку для государева ясачново ж збору. И те, государь, служилые люди, черкашенин Степан Корытов да Надежа Сидоров[1], пришед на Лену реку, Надежа Сидоров с товарыщы сплыли вниз по Лене реке в Жиганы[2], которые посланы были по государеву указу для ясачново збору в тунгусы, в жиганы[2]. А с тех, государь, тунгусов и жиганов государев ясак емлют в Новой Ленской острожек. На прошлой, государь, на 141-й год и на нынешней 142-й год взято с них государева ясаку на год по шти сороков, а Надежа Сидоров с товарыщи государева ясаку тех же ясачных тунгусов с жиганов[3] прошал, к ним приходил многажды. А черкашенин Степан Корытов с то-

[14] *В рукописи* куяеново.
[15] *Далее написано и зачеркнуто* коня.

[1] *Далее написано и зачеркнуто* с товарыщи.
[2] *В рукописи ошибочно* выжиганы.
[3] *В рукописи* сыжиганов.

варыщи, пришед на усть Алдану реки в долганские в ясачные люди, у лутчево князца Дыгичи взял в аманаты сына ево, Илену. И тот тунгуской князец Дыгича государев ясак платил по два годы в Ленской острожек. И того аманата Илену тот Степан Черкашенин с товарыщы свезли вверх по Алтану[4] реке и н[а] Амгу реку и взяли под того (*л. 87*) Илену государева ясаку с отца ево, князца Дыгичи, на нынешней на 142 год девяносто девять соболей. А хотели ему, Дыгинче[5], отдать сына ево, Илену, а тот князец Дыгилча[5] государев ясак на нынешней на 142 год и на прошлые годы платил в Ленской[6] острожек, и тот ево ясак написан в ясачных книгах. Да он же, Степан Корытов с товарыщи, у ясачнова ж у подгородного князца у Камыска [7]взяли сильно улуснова ево мужика[7] Турженаса з женоюи з детми, и приведен[8] на Амгу реку. И з зимовья послал ево, Турженаса, ко князцом Кычею с товарыщы. И князец, очень осердя, ево, Турженаса, убил. И после смерти его, Турженасовы, жену его и дети Степан Корытов с товарыщы поделили по себе. Да он же, Степан Корытов с товарыщы, на Амге реке поймали ясачново лутчево князца Нарекана, держали его у собя в железах долгое время, и тот князец Нарекан дал[9] им под собя выкупу сорок каров да в аманаты сына его, Казелу. А государева ясаку взяли[5] с него на нынешней на 142-й год Степан Корытов двести соболей обманом для того, что хотели сына его Нареканова, Казелу, отпустить. А тот князец Нарекан государева ясаку в прошлом 141-м году дал с собя енисейским служивым людем, которые к нему присыланы были от сотника стрелецкова от Петра Бекетова, Васке Бестрому, пятдесят[10] соболей. И с тем государевыям ясаком того Васку с товарыщы, не допустя до Ленсково острожку, каргалаские[11] князцы Тынинины дети убили. А догон князца Нарекана от Ленсково острожку два дни ходу. И от того в якуцкой земле меж иноземцы смута великая, что емлют с них по два государева ясака. А в Тазавской город емлют неокладные великие ясаки с тех ясачных людей за аманаты, а в книги тот государев ясак собе пишут с новых землиц, и жон и детей у ясачных людей собе емлют. А на те государевы службы ис Тазовсково города посылаютца не по вся годы, потому (*л. 87об.*) что Лена река Тазовского города удалела. А служивые люди приходят на нея в третий год, а из Енисейсково острогу присылаютца служивые люди на Лену реку для государевы службы однем годом. И по государеву указу из Нового Ленсково острожку посылаютца вниз по Лене реке до озонских и до юкогорских людей и по иным сторонним по многим рекам, по Тате и по Амге. И в том же Тазовским и Енисейским городом смута великая и брань междуусобная.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, лл. 86–87об.

38. *1634 г. декабря 19. — Грамота в Енисейск воеводе Андрею Племянникову о посылке енисейской городовой печати, о мягкой рухляди и о печатных пошлинах.*

---

[4] *Так в рукописи, следует читать* Алдану.

[5] *Так в рукописи.*

[6] *В рукописи* Ленском, м *зачеркнуто и исправлено на* й.

[7-7] *Написано над строкой и частично на правом поле.*

[8] *Далее написано и зачеркнуто* к нам.

[9] *Исправлено по написанному* даты.

[10] *Далее написано и зачеркнуто* человек.

[11] *Слово написано неясно.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всея Русии в Сибирь в Енисейской острог воеводе нашему Ондрею Ондреевичю Племянникову. Наперед сего в Сибири в Енисейском нашей печати не было, а присылал ты и иные воеводы из Енисейсково острогу к нам к Москве нашу соболиную [1]и всякую[1] мяхкую рухлядь и отписки о той мяхкой рухляди и о всяких наших[2] делех за своими печатьми. А в отписках своих про те печати, каковы те печати, не описывали, и на Москве в приказе Казанского дворца те печати были неведомы. А у сибирских служивых людей и у целовальников, с которыми мяхкую рухлядь присылают к нам к Москве, многие мяхкие рухляди[3] на Москве[3] налицо недостает, и за тое недовозную мяхкую рухлядь на тех сибирских служивых людех и на целовальниках емлют на Москве в приказе Казанского дворца в нашу казну денгами по московской цене вдвое. И многую мяхкую рухлядь присылают к нам из сибирских городов — соболи бес хвостов и бес пупков, а лисицы бес хвостов и без лап. И в том сибирским служивым людем и целовальником, что они мяхкие рухляди не довозят, чинятца убытки, а в нашей казне убыль, потому, которые торговые и промышленные люди в Енисейском остроге торгуют или, сторговався, поедут в ыные сибирские городы или к Русе[4], и с тех торговых и промышленных людей с товаров их и з денег в Енисейском остроге печатных пошлин не имывано. И ныне по нашему указу послана от нас[5] с Москвы в Енисейской (*л. 105об.*) острог наша печать серебряная белая, весом четыре золотника бес чети, а на той печати вырезано: два соболя, меж ими стрела, а под ними лук вниз тетивою. А коло тое печати вырезано: «Печать наша земли Сибирские Енисейсково острогу». А послана та наша печать с сибирским Березова города с сыном боярским с Олексеем Лихачевым, а велено ему тое печать отдать в Тобольску воеводам князю Ондрею Голицыну с товарыщы. А князю Ондрею тое печать велено послати ис Тобольска в Томской к столнику нашему и воеводам ко князю Никите Егопову Черкаскому с товарыщы. А к столнику[6] князю Миките велено тое нашу печать послати и о том отписати к тебе в Енисейской острог с кем пригоже, незамечав. И указали есмя в Енисейском остроге нашу ясачную и поминочную, и десятинную, и всякую мяхкую рухлядь, и иные наши дела, и отписки, и у торговых и у промышленых людей мяхкую рухлядь, и проезжие грамоты печатать тою нашею печатью. А имати наши печатные пошлины против того, как емлют наши печатные пошлины в Тобольску и в Томском, и у торговых и у промышленных людей, которые в Енисейском остроге торговати учнут, с проезжих грамот, с товаров их и з денег с рубли по денге, а у бестоварных людей с человека по гривне, чтоб те торговые и промышленные люди, которые в Енисейском остроге учнут торговати, перед ними, перед своею братьею, которые торгуют в Сибири ж в Тобольску и в Томском, в ызбылых не были, а нашей бы пошлине перед прежним была нам прибыль. А которые торговые и промышленные люди учнут торговати в ыных сибирских городех, а мимо Енисейской острог поедут проездом, и проезжие у них грамоты на те тоьары и на денги будут ис тех (*л. 106*) городов[7], в которых оне городех и острогех торговали за нашими ж пе-

---

[1-1] *Написано дважды.*

[2] *Слово написано дважды, второе зачеркнуто.*

[3-3] *Написано сверху.*

[4] *Так в рукописи.*

[5] *Далее написано и зачеркнуто* к Москве.

[6] *Следует читать* А стольнику.

[7] *Перед этим написано и зачеркнуто* ис тех.

чатми, и у тех торговых и у промышленных людей тех проезжих грамот переписывати и печатных пошлин с них имать не велено, чтоб с тех торговых и промышленных людей печатные пошлины были не вдвое. И как к тебе ся наша грамота придет, а ис Томского стольник наш и воевода князь Микита Егупов Черкаской нашу енисейскую печать в Енисейской острог к тебе пришлет, и ты б вперед в Енисейском остроге у ясашных людей в наш ясак и в поминки имал соболи с хвосты и с пупки, а лисицы черные и чернобурые, и бурые, и красные с лапы и с хвостами. И ясашным зборщиком, с которых учнешь для ясашново збору в ясашные волости и в ыные землицы по наш ясак посылати, приказывать с великим подкреплением, чтоб они у ясашных людей имали в наш ясак и поминки соболя с хвостами и с пупками и лисицы черные и чернобурые, и бурые, и красные с хвостами ж и с лапы, и сами б ясашные зборщики не воровали и тем некоторым товарам от соболей и от лисиц хвостов и лап не отнимали. И ясашным людем, которые учнут с ясаки[8] приходить в Енисейской острог[9], приказывал бы еси накрепко, чтоб они вперед соболи приносили с хвостами и пупками и лисицы всякие с лапы и с хвостами. А как ты тое ясачную[10] и всякую нашу мяхкую рухлядь и о наших делех отписки учнешь из Енисейсково острогу посылати к нам к Москве, и ты б тое мяхкую рухлядь и отписки печатал нашею енисейскою печатью на черных воскех и выпечатывал гораздо, чтоб та печать была знатна. А своею б ты печатью нашей мяхкой рухляди и отписок и иных никаких дел вперед не печатал и держал тое нашу печать в съезжей избе в ящике за своею печатью, а у тебя б на дворе тое нашей печати не держал, а печатал бы еси тою (*л. 106об.*) нашею печатью всякие наши дела в съезжей избе. А печатных пошлин на нас имал против того, как емлют печатные ж пошлины по нашему указу в Сибири в Тобольску и в Томском у торговых и у промышленых людей, которые в Енисейском остроге торговати учнут — с проезжих грамот их и з денег с рубля по денге, а у бестоварных людей с человека по гривне, чтоб те торговые и промышленные люди, которые в Енисейском остроге учнут торговати, перед иными перед своею братьею, перед торговыми людми, которые торгуют в Сибири в Тобольску и в Томском, в ызбылых не были, а в нашей бы пошлине перед прежним была прибыль. Да сколько тех печатных пошлин в Енисейском в год зберетца, и то велел бы еси писати в приходных книгах и в сметных списках имянно себе статьею, а которые торговые или промышленные люди учнут торговати в ыных сибирских городех и острогех и мимо Енисейского острогу пойдут проездом, и проезжие у них грамоты на товары их и на денги будут ис тех городов и острогов, в которых они городех торговали, за нашими ж печатьми, и у тех бы еси торговых и у промышленных людей тех проезжих грамот переписывати и таваров перепечатывати и печатных пошлин с них имати не велел, чтоб с тех торговых и промышленных людей печатные пошлины были не вдвое. И велел бы еси пропускати тех торговых и промышленых людей мимо Енисейского острогу, пересмотря у них товаров по тем же проезжим грамотам, по которым они ис тех городов, где торговали, отпущены будут, без задержанья, чтоб в том торговым и промышленым людем в Енисейском остроге задержанья и тесноты, и обиды, и продажи, и напрасных убытков никаких не было. А которого числа ис Томсково к тебе (*л. 107*) в Енисейской стольник наш и воевода князь Микита Егупов Черкаской нашу печать

---

[8] *Написано* ясакими, ми *зачеркнуто.*

[9] *Далее написано и зачеркнуто* и.

[10] *Далее написано и зачеркнуто* казну.

пришлет, и ты б о том отписал к нам к Москве с ыными нашими делы вместе, а отписку велел подати в приказе Казанского дворца боярину нашему князю Борису Михайловичю Лыкову да дьяком нашим Федору Панову да Микифору Шипулину. А какова наша печать в Енисейской острог послана, такова ж восковая печать на Москве в приказе Казанскова дворца. Писан на Москве лета 7143-го декабря 19 день.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, лл. 105–107.

39. *1634–1635 гг. — Отписка мангазейских служилых людей, Евстафия Колова с товарищами, мангазейскому воеводе Григорию Орлову и дьяку Василию Атарскому о невозможности проехать с государевою соболиною казною мимо Ленского острога.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводе Григорью Никитичю, дьякону Василью Атарскому Мангазеисково города служилые люди Осташко Колов с товарыщи челом бьет. Да в промшлом[1], господа, во 144-м году по государеву указу и вашему по приказу посланы мы на государеву службу на Вилюи реку для государева ясачново и десятинново збору, зимовали на Тунгуске реки в Батеневе зимовье, да с нами ж зимовали тоболскои сын боярскои Воин Шахов с казаки, а хочет зимовати на Вилюи реки, [2]и нас[2] хотят утесняти, с торговых и с промышленных людеи нам десятои[3] имати дати не хочет, потому что де у меня писано в наказе, велено с промышленных людеи десятая имати. Да к нам же, господа, слых доходит с Лены, что в прошлом во 140-м году посланы из Мангазеисково города служилые люди тоболские и мангазеиские служилые люди Степанко Корытов с товарыщи на Вилюи реку для государева ясаку, и новоосрожные[1] ленские казаки того Степана взяли, отослали вь Енисеискои острог. И нам, господа, мимо Ленскои острог з государевою казною проехати не мошно, что те служилые люди нас отсылают вь Енисеискои острог. А с Вилюя[4], господа, назад на Тунугуску з государевою казною ходити не мошно, потому что дорога удалела, хлебъные запасы до Тунгуски прониматца не мошно. (*л. 182об.*) И вам, господа, в тои дороги учинить указ, чтоб в государеве казне торговым и промышленным людем простою не было.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 21, л. 182–182об.

40. *1635 г. не ранее февраля 26. — Отписка тобольского воеводы князя Андрея Голицына мангазейскому воеводе Григорию Орлову и дьяку Василию Атарскому о посылке городовой печати, о соболях и лисицах, которые следует брать в качестве ясака и поминков, и о печатных пошлинах.*

Господам Григорью Никитичю, Василью Елизарьевичю Ондреи Голицын челом бьет. В нынешнем во 143-м году, февраля в 26 день в государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всея Русии грамоте за приписью дьяка Микифора Шипулина писано в Тоболеск, напередь де сего в сибирских городех и острогех, в Мангазее, вь Енисеиском, в Тарском, на Тюмени, в Туринском, на Пелыми, в Сургуте, в Кетском, в Нарымском, в Красноярском, в Кузнецком острогех государевых печа-

[1] *Так в рукописи.*
[2-2] *Написано над строкой.*
[3] *Исправлено из* десятинную.
[4] *Слово написано неразборчиво по стертому.*

теи не было, а присылали ис тех сибирских городов и острогов ко государю к Москве государеву соболиную и всякую мяхкую рухлядь и отписки об тои мяхкои рухляди и о всяких государевых делех воеводы за своими печатми, а в отписках своих про ту печать, какова печать, не описывали, и на Москве в приказе Казансково дворца те их печати были не ведомы. А у сибирских служилых людеи и у целовальников, с которыми ту мяхкую рухлядь присылают, многие мяхкие рухляди налицо не доставает. И за тое недовозную мяхкую рухлядь на тех сибирских служилых людех и на целовальниках емълют на Москве в приказе Казансково дворца в государеву казну денгами по московскои цене вдвое, и в том сибирским служилым людем и целовальникам чинятца убытки, а государеве казне убыль, потому которые торговые и промышленные люди в тех городех торгуют и, исторговався, поедут в ыные сибирские городы и к Руси, и с тех торговых и промышленных людеи с товаров их и з денег в тех городех и острогех от проезжих грамот печатных пошлин не имывано. И ныне по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всея Русии указу в те сибирские городы и остроги, в Мангазею, вь Ениссискои, на Тару, на Тумень, в Туринскои, на Пелымь, в Сургут, в Кетскои, в Нарымскои, в Красноярскои, в Кузнецкои остроги послано от государя с Мосвы[1] с сибирским з березовским сыном боярским с Олексеем Лихачевым государевых одиннатцать печатеи (*л. 177об.*) сребрянных белых. А какова в которои город и острог государева печать послана, и что на неи вырезано, и что в тои печати весом серебра, и тому послана к нам под государевою грамотою роспись за приписью дъяка Микифора Шипулина. И указал государь царь и великии князь Михаило Федоровичь всея Русии в тех сибирских городех и острогех, в которые городы и остроги те государевы печати посланы, у торговых и у промышленных людеи с товаров их и з денег, с проезжих грамот имати печатные пошлины против иного, как в Сибири ж в Тоболску государевы печатные пошлины емлют у торговых и у промышленных людеи, которые в тех городех и острогех торговать учнут, с проезжих грамот, с товаров их и з денег, с рубля по денге, а у бестоварных людеи с человека по гривне, чтоб те торговые и промышленные люди, которые в тех городех и в острогех учнут торговать, перед ными перед своею братьею, которые торгуют в Сибири ж в Тоболску и в Томском, в ызбылых не были, в государеве пошлине перед прежними годы была прибыль. А корые[1] торговые и промышленные люди учьнут торговать в ыных сибирских городех, а мимо тех городов и острогов, в которые ныне государевы печати пошлютца, поедут проездом, и проезжие у них грамоты на те товары и на денги будут, или тех городов, в корых[1] они городех торговали за государевыми ж печатми, и у тех торговых и у промышленных людеи тех проезжих грамот переписывать, и товаров их перепечатывати, и печатных пошлин с них имати не велено, чтоб с тех с торговых и с промышленных людеи печатные пошлины были не вдвое. И велено те государевы печати по росписи послати ис Тоболска Тоболсково розряду в городы и в остроги, а Томскова розряду в Томскои город, и к воеводам о том Тоболсково розряду в городы велено писати. И я, господа, тое государеву печать и три грамоты послал к вам (*л. 178*) в Мангазею с тоболскими служилыми людми с Тренкою Денисовым да с Тамошкою Тарасовым. Да в тои же государеве грамоте писано, велено мне отписать во все сибирские городы и в остроги Тоболского розряду, чтоб в государев ясак и в поминки имали соболи с хвосты

[1] *Так в рукописи.*

и с пупками, а лисицы черные, и чернобурые, и бурые, и красные с лапы и с хвостами. И ясачным зборшиком, с которых воеводы учнут для ясачново збору посылати в ясачныя зимовья, велено приказывать с великим подкрепленьем, чтоб они у ясачных людеи потому ж имали в государев ясак и в поминки соболи с ховстами и с пупками, а лисицы черные, и чернобурые, и бурые, и красные с хвостами ж и с лапы. И сам б[1] ясачные зборшики не воровали и тем не корыстовались, от соболеи и от лисиц хвостов, и пупков, и лап не отнимали. И ясачным людям, которые учнут с ясаки приходить в городы, велено приказывать накрепко, чтоб они впереть соболи приносили с хвостами и с пупками, а лисицы всякие с лапами и с хвостами. А как они ясачную и всякую государеву мяхкую рухлядь и о государевых делех отписки учнут посылати ко государю к Мосве[1], и они б тое мяхкую рухлядь и отписки печатали теми государевыми печатьми на черных воскех, и выпечатывать велено гораздо, чтоб те печати были знатны. А своими печатми государевои мяхкои рухляди, и отписок, и иных никаких государевых дел впереть печатати не велено. А велено те государевы печати держати в съезжеи избе вь ящике за своими печатми, а у себя на дворех тех государевых печатеи держати не велено, и никаких государевых дел ими печатать не велено ж, а велено печатать теми ж государевыми печатми всякие государевы дела в съезжих избах. А печатных пошлин велено на государя имать против того, как емлют печатные ж пошлины по государеву указу в Сибири в Тоболску у торговых и у промышленных людеи, которые в тех городех (*л. 178об.*) и острогех торговати учнут, с проезжих грамот, с товаров их и з денег, с рубля по денге, а у бестоварных людеи с человека по гривне, чтоб те торговые и промышленные люди, которые в тех городех учнут торговать, перед иными перед своею братьею перед торговыми людми, которые торгуют в Сибири ж в Тоболску, и в Тоболску в ызбылых не были, а в государеве б пошлине перед прежним была прибыль. Да сколко тех печатных пошлин в год зберетца, и то велено писать в приходных книгах и в сметных списках себе статьею. А которые торговые и промышленные люди учнут торговать в ыных сибирских городех, а мимо тех городов и острогов, в которые ныне государевы печати посланы, поедут проездом, и проезжие у них грамоты на товары их и на денги будут из тех городов, в которых они городех торговали за государевыми ж печатми, и у тех торговых и у промышленных людеи тех проезжих грамот переписывать, и товаров перепечатывать, и печатных пошлин с них имать не велено, чтоб с торговых и с промышленных людеи печатные пошлины были не вдвое. И велено пропускать тех торговых и промышленных людеи мимо те городы и остроги, пересмотря у них товаров по тем же проезжим грамотам, по которым они ис тех городов, где торговали, отпущены будут, без задержанья, чтоб в том торговым и промышленным людем задержанья, и тесноты, и обиды, и продажи, и напрасных убытков никаких не было. И вам бы, господа, в государев ясак и в поминки имать соболи с хвостами и с пупъками и лисицы черные, и чернобурые, и бурые, и красные с лапы и с хвостами. И ясачным зборшиком, которых учните для ясачного збору посылати вь ясачные зимовья, велеть приказывати с великим подкрепленьем, чтоб они у ясачных людеи потому ж имали в государев ясак и в поминки соболи с хвостами и с пупками, а лисицы черные, и чернобурые, и бурые, и красные (*л. 179*) с хвостами ж и с лапы, и сами б ясачные зборшики не воровали и тем не корыстовались, от соболеи и от лисиц хвостов и пупков и лап не отнимали. И ясачным людем, которые учнут сь ясаком приходить в Мангазею, приказывать накрепко, чтоб они впереть соболи прино-

сили с хвостами и с пупками, а лисицы всякие с лапами с хвостами. А как вы ясачную и всякую государеву мяхкую рухлядь и о государевых делех отписки учнете посылати ко государю к Москве, и вам бы, господа, тое мяхкую рухлядь и отписки печатати государевою печатью на чорном воску, и велеть выпечатывать гораздо, чтоб та печать была знатна. А своими б печатми государевои мяхкои рухляди и отписок и иных никаких государевых дел вепереть не печатать. А держати б государеву печать вь съезжеи избе вь ящике за своею печатью, а у себя на дворе тое государевы печати не держати и никаких государевых дел тою печатью не печатать, а печатать бы тобе тою государевою печатью всякия государевы дела в съезжеи избе. А печатных пошлин велеть на государя имати против того, как емлют печатные ж пошлины по государеву указу в Тоболску у торговых и у промышленных людеи, которые в тех городех и острогех торговати учнут с проезжих грамот, с товаров их и з денег, с рубля по денге, а у бестоварных людеи с человека по гривне, чтоб те торговые и промышленные люди, которые в тех городех учнут торговать, перед ними перед своею братьею перед торговыми людми, которые торгуют в Сибири ж в Тоболску и в Томском в избылых не были, а в государеве б пошлине перед прежним была прибыль. Да сколко тех печатных пошлин в год зберетца, и то велети б вам писати в приходных (*л. 179об.*) книгах и в сметных списках имянно себе статьею. А которые торговые и промышленные люди учнут торговать в ыных сибирских городех, а мимо тех и острогов в которые ныне государевы печати посланы, поедут проездом и проезжие у них грамоты на те их товары и на денги будут ис тех городов, в которых они городех торговали, за государевыми ж печатми, и у тех торговых и у промышленных людеи тех проезжих грамот переписывати и товаров перепечатывати не велети и печатных пошлин с них не имати, чтоб с тех торговых и с промышленных людеи печатные пошлины были не вдвое. И велети б пропускать тех торговых и промышленных людеи мимо Мангазеиской город, пересмотря у них товаров, по тем же проезжим грамотам, по которым они ис тех городов, где торговали, отпущены будут, без задержанья, чтоб в том торговым и промышленным людем задержанья, и тесноты, и обиды, и продажи, и напрасных убытков никаких не было. И как тоболские служилые люди Тренка Денисов да Тимошка Тарасов в Мангазею приедут и государевы грамоты и печать привезут, и вам бы, господа, о том для ведома велеть отписать в Тоболеск.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 21, лл. 177–179об.

41. *1635 г. марта 12. — Грамота в Енисейск воеводе Прокопию Соковнину о посылке в Томск требования на денежное жалованье, пищали и припасы для новоприборных служилых людей и о посылке последних в Братский острог.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь вь Енисеиской острог воеводе нашему Прокофью Федоровичю[1] Соковнину. В нынешнем во 143-м году писал к нам из Енисеиского острогу воевода Андреи Племянников, в прошлом во 142-м году писал к нему, Ондрею, вь Енисеиской острог из Брацково острожку (*л. 101об.*) стрелецкои пятидесятник Васка Черменин, посылал де он, Васка, из Брацково острожку в брацкие улусы енисеиских служилых людеи Ивашка Колмогора, Бутурку Антонова да толмача Мишъку Тарсково к брацким к князцом х Кодоге, и х Кутогору, и к Братаю, и к Негутею для нашево ясачного збору и для

[1] *Слово написано над строкой.*

аманатов; и те де брацкие князцы Кодуга с товарыщи тех наших служилых людеи Ивашка да Бутурку держали у себя две недели, и им насилство чинили, и хотели их побить, а нам де ясаку с себя дали толко дватцать три соболишка да пять пластинишек собольих; да брацкои же де мужик Салмачко с сыном тех служивых людеи Ивашъка да Бутурку зберег и побить их не дали, и до Брацково острожку их допровадил. А которои де был брацкои ясырь по томскои отписке послан из Енисеисково острогу в Брацкои острожек с пятидесятником с Васкою Черемениным с товарыщы для перемены оманато́м, и за то де ему, Салманку, в Брацком осътрожке, которои прислан его, Салманков, сын Хабарко, отдан для того, чтоб иные брацкие люди, на то смотря, на нашу государскую милость были надежны. А с ыные де землицы для нашего ясачного збору послати не смел, и многих ясачных людеи тунгусов и налягов брацкие кънязцы овладели. Да брацкои же де князец Баракан з детми своими и с улусными людми по Вихореве реке по первому по зимнему пути приезжал на наших ясачных людеи, перегpабил и мужика де убил до смерти, а иных де живых побрал с собою. Да тот же де брацкои князец Баракан приказывал нашим ясачным людем, которые живут по Вихореве реке, толко де хто станет из них нам ясак давати с себя, и они де их всех до конца (*л. 102*) раззорят. А послать де им, служилым людем, из Брацково острожку для нашего ясачново збору служивых людеи некова, потому что в Брацком острожке служивых людеи мало, и оборонить наших ясачных людеи тунгусов, и налягов, и кочемаров некем, а он де, пятидесятник Васка Черменин служивыми людми, в Брацком острожке сидят в осаде. А которые де тунгуские люди нам прямят, и те де тунгуские люди, приезжая в острожек, ему, Васке, сказываютъ[2], хотят де их брацкие люди их, служилых людеи, обманом побить и острожек взять, и им де, служивым людем, в Брацком острожке от тех брацких людеи теснота, да и впредь де такими невеликими людми быти в Брацком острожке не уметь. Да из Брацково ж де острожку приехал вь Енисеискои острог енисеискои стрелец Ивашко Колмогор, а в роспросе де он Андрею сказывал, брацкие де князцы Кодогон с товарыщи и с улусными людми нашего ясаку не платят, потому что де Ждан Кондырев нашего жалованья к ним не посылал, а прежде того воевода князь Семен Шеховскои наше желованье[3] к ним посылал. И в прошлом же де во 142-м году по нашему указу послал де он, Андреи, из Енисеисково острогу на нашу службу в Брацкои острожек для нашево ясачново збору енисеиских служивых людеи пятидесятника Дунаика Васильева с товарыщи шездесят человек, а с ними послали нашего жалованья к брацким князцом х Котоге с товарыщы десять аршин сукна темново синево полуаглинскова, четыре рубашки, четверы штаны холшевые, пуд меди зеленые в котлах и в тазах, пять безъмен олова в блюдех и в торелех, и велел де ему, Дунаику, с товарыщы брацких князцеи Котогона, да брата ево Котогора, да Негутея, да Баярана и их улусных (*л. 102об.*) людеи призывать, чтоб они, брацкие князцы, и их улусные люди тот свои брацкои ясырь имали, впредь на нашу милость были надежны, а в то б место [...][4] у них, брацких князцеи, взять добрых брацких людеи в аманаты. А как де брацкие князцы тот свои ясырь возмут и в то место в аманаты[5] добрых людеи дадут, и ему, Дунаику с товарыщи, тем брацким князцом Котогоню с товарыщы и их улус-

---

[2] *Далее зачеркнуто* ли.

[3] *Так в рукописи.*

[4] *Далее неразборчиво из-за чернильного пятна.*

[5] *Слово написано поверх зачеркнутого* в амаманы.

ным людем велено сказать наше жалованное слово, чтоб они, князцы, и всякие брацкие и тунгуские люди были на нашу милость надежны, и были б под нашею царскою высокою рукою послушны, и ясак бы с себя и с людеи своих нам платили. А сказав им наше жалованное слово, и накормя их и напоя нашими запасы доволно, и наше жалованье, сукна, и рубашки, и штаны, тем брацким князцем дать, а с них взять наш ясак на 145 год перед прежним с прибылью, и держать к ним, брацким князцом, и к улусным людем ласка и привет. Да ему ж, Дунаику, велено прииcкивать вновь землицы, и приводить потому ж тех землиц князцеи и улусных людеи под нашу царскую высокую руку, и наш ясак с них имати потому ж против иных ясачных людеи. А будет брацкие князцы и улусные люди не похотят быть под нашею царскою высокою руку и нам учинятца непослушны, брацково своево ясырю не возмут, и в аманаты добрых брацких людеи нашего ясаку с себя давати не учнут, и Дунаику с товарыщы над теми нашими непослушники[6] поиск чинить, прося у Бога милости, над ними промышляти, сколко милосердныи Бог помочи подаст, чтоб тех наших непослушников умирить и под нашу царскую высокую руку привесть. А будет брацкие (*л. 103*) князцы и улусные люди учинятца под нашею высокую руку[7] послушны и ясак с себя им[8] учнут платить, и их, брацких князцеи и улусных людеи, велено привести по их вере к шерти, и их не воевать, и шкоты им никоторые не чинить. А болше де тово наших служивых людеи из Енисеиского острогу в Брацкои острожек послать было некова, потому что вь Енисеиском остроге за нашими службами не осталось никово, все розосланы на наши службы для нашево ясачново збору и для немирных землиц приводу под нашу царскую высокую руку. А которым де служивым людем по нашему указу велено быть на житье вь Енисеиском остроге березовским служивым людем пятидесят человеком, и те де березовские служивые люди вь Енисеискои острог июня по 1 число 142 году не бывали, а зимовали в Нерымском остроге. А которые де по нашему указу присланы вь Енисеискои острог сылные руские и литовские люди шездесят пять человек, и ис тех де людеи выбрано в нашу службу тритцать человек, и на тех де людеи ис Томсково города нашего денежного жалованья и пищалеи не прислано, и их де на нашу службу послати не с чем. А которые де торговые люди приезжают вь Енисеискои острог с русъкими товары, и у тех торговых людеи с руских товаров нашу десятую пошлину емлют в Тоболску, а збирать де денежных доходов не с чево. И как к тебе ся наша грамота придет, а ис Томсково будет вь Енисеискои острог нашего денежного жалованья нашим служивым людем, и ружья, ручных пищалеи, и зелья, и свинцу не прислано, и ты б в Томскои к воеводе ко князю Ивану Ромодановскому о нашом денежном жалованье нашим служивым людем, и о ручных пищалех, и о зелье, и о свинцу, и о иных (*л. 103об.*) наших делах писал тотчас немешкав. А как ис Томскова воевода князь Иван Ромодановскои то наше денежное жалованье, а нашим служивым людем вь Енисеиском остроге и вновь которые поверстаны из сылных людеи оклады их сполна, и ручные пищали, и зелье, и свинец пришлют, и ты б то наше жалованье нашим служивым людем на нынешнеи на 143-и год, будет им до сего нашего указу не дано, раздал всем налицо. И новиком, которые из сылных руских и литовских людеи в нашу службу поверстаны, вновь оклады их сполна, и ручные пищали, и зелье, и свинец велел им дати. А роздав им наше жало-

---

[6] *Далее зачеркнуто* ими.

[7] *Далее зачеркнуто* привесть, а будет брацкие князцы и улусные люди.

[8] *Слово написано над строкой.*

ванье и ручные пищали, у которых будет нет, послал их на нашу службу в Брацкои или в ыные которые острожки в прибавку, сколко доведетца послать, смотря по тамошнему делу с ыными нашими старыми служивыми людми, по сколку человек пригож. И приказывал тем служивым людем с великим подкреплением, чтоб они нам служили и прямили, и во всем нам добра хотели, и искали прибыли, и брацких бы князцеи и иных немирных землиц наших непослушников под нашу царскую высокую руку приводили ласкою и приветом, а не жесточью, и про иные новы землицы выведывать, и их под нашу царскую высокую руку приводить ласкою ж, а не жесточью, нашим жалованьем их обнадеживать, чтоб однолично тех наших непослушников брацких князцеи Бояракана и Кодоганя з братьею, и з детми[9], и с их улусными людми под нашу царскую высокую руку и к шерти привести, на том и их укрепить, чтоб они учинились в прямом нам холопстве навеки неотступны (*л. 104*) без измены, и в том у них аманатов поимать, самых добрых лутчих людеи, которым бы мочно в том верить, а прежних им отдавать, которые преж сего были взяты в оманаты, и ясак с них наш велеть збирать перет прежним с прибылью, и на прошлые годы, чево они против[10] прежняго окладу недоплатили, даимать у них тож ласкою и приветом. И то им велеть выговаривать, что они живут в нашем жалованье, а они с себя наш ясак платя не сполна против прежняго, как наперед сего платили в полы и менши, да и то дают с себя наш ясак соболишка самые худые, которые мало и в цену годятца, а наше жалованье емлют многое, и на чом они нам, великому государю, шерть свою дали, и в том не стоят, многих наших ясашных людеи грабят, и иных и до смерти побивают, и в полон емлют, и в том нам изменяют; и от тои их измены в нашеи мяхкои рухляди, в ясакех и в поминках, учал быть недобор и нашеи казне убыль великая; и нам во всем чинятца непослушны и впередь бы им от тово своего дурна и непослушанья отстать, и наших бы ясашных людеи не грабили, и не побивали, и в полон не имали, и никакова дурна не чинили; а будет от такова своего дурна не отстанут, и впередь учнут наших служивых людеи, которые к ним для нашего ясаку и поминков посланы будут, и наших де же ясачных людеи учнут также побивать, и грабить, и в полон имать, и з себя нашего ясаку не учнут давать, и во всем нам учинятца непослушны, и мы велим на них послать наших многих служивых людеи с огненым и со всяким боем, и велим их разорить, самих побить, а жон их и детеи в полон поимать, также над ними учинить, как (*л. 104об.*) и Яков Хрипунов с нашими служивыми людми учинил; и так им будет кровь самим от себя за свое непослушанье и измену. А выгаваря то им, велеть сказать наше жалованное слово, будет они ото всего такова своего дурна уимутца, и мы тех их прежних неправд воспомянути не велим, и во всем их пожалуем, и жели[3] б они в нашем государском жалованье безо всякого позыванья и шалости, и которых наших ясачных людеи в полон поимали, и тех бы они у себя наших ясашных людеи, сыскав, отпустить на старые их улусы. А будет те брацкие князцы своими улусными людми учинятца нам и впредь непослушны, и над ними и иных немирных землиц наших же непослушников велеть нашим служивым людем поиск учинити и промышлять, сколко милосердныи Бог помочи подаст, чтоб однолично тех наших непослушъников умирить, и под нашу царскую высокую руку привесть, и послушных учинить, и ото всякого дурна их унять,

[9] *Далее зачеркнуто* своими.
[10] *Далее зачеркнуто* против.

и с них наш ясак взять, и въперед бы от них нашим ясачным людем без опасенья и бестрашно было жить. А как наши служивые люди тех брацких людеи под нашу царскую высокую руку и к шерти их приведут, и что с них нашего ясаку и поминков возмут или что будет над теми брацкими людми поиску какова над ними учинят, и ты б о том отписал к нам к Москве с ыными нашими делы вместе, а отписку свою велел подати в приказе Казансково дворца боярину нашему князю Борису Михаиловичю Лыкову да дьяком нашим Федору Панову да Никифору Шипулину. И в Томскои воеводам[11].

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, лл. 101–104об.

42. *1635 г. июня 18. — Грамота в Томск воеводе князю Ивану Ромодановскому с товарищами об отношении к черным калмыкам тайшей Кужи Панаева и Очети Бабагачева.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси в Сибирь в Томскои воеводам нашим князю Ивану Ивановичю Ромадановскому да Андрею Андреевичю Бунакову да дьяку нашему Анисиму Трофимову. В нынешнем 143-м году писал к нам ис Томского столник и воеводы князь Микита Егупов Черкаской с товарыщи, что в нынешнем же во 143-м году, сентября в 26 день приходили де в Томскои город черных колмыков от таишеи от Кужи Понаева да от Очети Баибагачева три человека, Ерок [...][1], Ялту да Питикеи; и сказали им на съезжем дворе, что прислали де их таиши в Томскои бить челом нам, великому государю, чтоб нам их пожаловать, велеть таише их Куже да Очете быть под нашею царскою высокою рукою; и велел де им под Томск с торгом приходить, а качюют де от Томска таиши их Кужа и Очета своими улусы, от орчаков ходу конми месяц, а орчаки от Томского качюют во шти днищех, а улусных де людеи у ташеи их у Кужи да Очети тысячь з дватцать (*л. 250*) и болше; и прислали де таиши их Кужа да Очета, велели им в Томском городе за себя, за таишеи, и за весь свои улус нам, великому государю, дати шерть по своеи калмацкои вере на том, что таишам их нам, великому государю, служить и премить, и быть под нашею царьскою высокою рукою в прямом холопстве на веке[2] неотступным; и прислали де с ними [...][1] с товарыщи в Томскои таиши их Кужа да Очета нам челом ударить в поминках конь. И того ж де числа сентября в 26 день по нашему указу те черные колмыки Ерок, да Буялту, да Питикеи в Томском городе на съезжем дворе за своих таишеи за Кужу и за Очету и за их улус нам, великому государю, шертовали, что таишам их Куже да Очете и всему их улусу нам служити и прямить, и во всем добра хотеть, и быть под нашею царскою высокою рукою в прямом холопстве на веки неотступним, и ни х каким нашим изменником и непослушником не приставать, и никакова дурнова совету от них не принимать. А тово де от них коня, что нам челом [...][1] (*л. 250об.*) и никаким нашим изменником и непослушником не приставали б, и никакова дурнова совету от них не принимали, и наших бы служилых и ясашных людеи во всем оберегали, и служили нам и прямили, и во всем добра хотели, нам их те улусные люди Ерок с товарыщи за своих таишеи Кижу да Очету

[11] *Далее текст документа обрывается.*

[1] *В рукописи пробел.*

[2] *Исправлено из* навете.

и за всех своих улусных людеи шертовали. Да и впредь, которые их, черных колмаков, посланники и с таргом в Томской учнут приходить и шертовать, а как тех чорных колмаков таиши колмацких своих людеи в посланниках или с торги учнут присылать в Томской или в ыные остроги Томского разряду, и вы б у тех черных колматцких людеи для бережения велели быть приставом смотря по людем, сколким будет человеком пригож, чтоб им, колмацким людем, ни от ково никаких обид не было, и отпущать их велели без задержания, чтоб им вперед повадно было с торги приходить. Да и Томского разряду в остроги, в которые чаят тех черных колмиков для торгов (*л. 251*) приходи[3], ты, князь Иван, к воеводам от себя велел отписать притив сего ж нашего указу. А лошади, что таишины посланники нам челом ударили и прежним томским воеводам князю Миките Осипову Черкаскому с товарыщи привели по лошади, и взять на нас, будет добры и к нашему седлу пригодятца, и те лошади велели прислать к нам к Москве. А будет те лошади к нашему седлу не годятца, и те лошади велели в Томском продать, как бы нашеи казне прибылнее, а денги велеть записать в приход и держать на тамошние томские росходы, и в сметном списке те денги велеть описать особною статьею имянно. Да о том о колмацком приходе, что вперед учинитца и что за те лошади в продаже денег возмите или их к нам к Москве пошлите, велели о всем отписать к нам к Москве с ыными нашими делы, с кем будет пригож, и отписки велено подать в приказе Казанского дворца боярину нашему князю Борису Михаловичю Рыкову да дьяком нашим Федору Панову, Никифору Шипулину. Писан на Москве 7133 году, июня в 18 день.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 17, лл. 249об.–251.

43. *1635 г. июля 9. — Грамота в Томск воеводе князю Ивану Ромодановскому с товарищами о походе в Братскую землю енисейского пятидесятника Дуная Васильева с товарищами и о посылке к нему прибавочных людей, с наказом ему.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь в Томскои воеводам нашим князю Ивану Ивановичю Ромадановскому да Ондрею Андрееевичю Бунакову да дьяку нашему Онисиму Трофимову. В нынешнем во 143 году писал к нам из Сибири из Енисеиского острогу воевода Андреи Племянъников, в прошлом во 143 году по отписке из Енисеиского острогу воеводы Ждана Кондырева писали к нам к Москве ис Томского воевода князь Иван Татев с товарыщи, что в прошлом во 141-м году писали в Енисеискои острог к воеводе к Ждану Кондыреву из Брацкого острошку десятники Баженко Поленов да Фомка Кочергин с товарыщи, что де брацкие князцы Баракаи, да Кодогон, да Тогоул, да Уныгиде нам учинились непослушны, ясаку с себя дать не хотят, да брацкои же де князец Баракаи велел брацким людем наших служилых людеи воявать и тунгуских людеи, которые живут в их брацких улусах с ними, брацкими людми вместе, и тех де всех тиигунских[1] людеи взяли к себе в улусы (*л. 252об.*) и ясак с себя нам давать не велели, землю то[2] с них ясак на себя, и наших людеи тем тунгуским людем велят побивать же; а смирить де и привесть тех брацких людеи под нашу царьскую высокую руку некем, потому[3] что в но-

[3] *Так в рукописи, следует читать* приходу.

[1] *Так в рукописи, следует читать* тунгуских.
[2] *Так в рукописи, следует читать* и емлют.
[3] *Так в рукописи.*

вом Брацком острошке наших служилых людеи немного, и над теми служилыми людми брацкие люди какова дурна не учинили, а из Енисеиского острогу служилых людеи послать неково; и тово б де Брацкого острошку за безлютством да нашего указу и до прибавочных служилых людеи не потерять. И князь Иван Татев с товарыщи в тот новои Брацкои острог же послали ис Томского атамана Дмитрия Копылова, а с ним томских служилых людеи пятдесят человек, а велел ему в тот Брацкои острожек итти наспех, днем и ночью, не мешкая ни часу. И в прошлом во 142-м году, сентября в 17 день атаман Дмитреи Копылов с томскими служилыми людми с пятъюдесят человеки в Енисеискои острог пришол при Андрее Племянникове, и тово де атамана Дмитрия Копылова с томскими служилыми людми он, Ондреи, (*л. 253*) на нашу службу в новои Брацкои острожек не послал, потому что пришло поздое время, а наши де служилые люди посылаютца из Енисеиского острогу на нашу службу в новои Брацкои острожек для нашего ясашъного сбору весною, за лдом. И в прошлом же де во 142-м году, апреля в 7 день писал к нему, Андрею, ис Томского воевода да[4] князь Микита Егупов Черкаскои, чтоб атамана Дмитрия Копылова с томскими служилыми людми прислать в Томскои. И Дмитреи Копылов со служилыми людми из Енисеиского остърогу в Томскои город отпущены. И в прошлом же де во 142-м году, июня в 22 день по нашему указу послал он, Ондреи, из Енисеиского остърогу на нашу службу в Брацкои острожек для нашего ясашного збору енисеиских служилых людеи пятидесятника Дунаика Васильева с товарыщи шездесят человек, а с ним послал нашего жалованья к брацким князцом к Бoрокану с товарыщи десять аршин сукна темносинева полуаглинского, четыре рубашки да четверы штаны холшевые, пуд меди зеленые в котлах и в тозех, пять безмен олова в блюдах и в тарелях. (*л. 253об.*) А велено ему, Дунаику с товарыщи, брацких князцеи Баракана, да Кодогуна, да Тигоурда, да Куныгидея и их улусных людеи призывать, чтоб они, брацкие люди, князцы и их улусные люди свои брацкои ясырь имали, которои ясырь послан был из Енисеиского острогу в прошлом во 141-м году с стрелецким пятидесятником с Васкою Черминым, и нашу царскую милость вперед были надежны. А в то бы место у них, брацких князцеи, взять в оманаты добрых брацких людеи. А будет брацкие князцы, их улусные люди под нашею царьскою высокою рукою быти не похотят и нам учинятца не послушны, брацково своево ясырю не возмут и в аманаты добрых людеи и нашего ясаку с себя давать не учнут, и Дунаику с товарыщи на тех непослушников велено ходить воиною и поиск над ними чинить, сколко милосерды Бог помочи подаст. А болши де тово наших служилых людеи из Енисеиского острогу в Брацкои острожек послать было ему, Андрею, неково, потому что в Енисеиском остроге за нашими (*л. 254*) службами не осталось неково, все разосланы на наши службы для нашего ясашного збору и для немирных землиц приводу, х которым де служилым людем по нашему указу велено быть на житье в Енисеиском остроге березовским служилым людем пятидесят человеком. И те де березовские служилые люди в Енисеискои острог приехали в прошлом во 142-м году, августа в 19 день после отпуску служилых людеи. А которые ссылные руские и литовские люди выбраны в нашу службу тритцать человеков, и они де не посланы, потому что им ис Томского нашего денежного жалованья и пищалеи не прислано. А в прошлом же во 142-м году присланы ис Томского в Енисеискои острог тритцать пищалеи, и у тех замки все по-

[4] *Слово написано дважды.*

порчены, после того спустя многое время, как из Енисеиского острогу на наши годовые службы для нашего ясашного збору отпущены служилые люди. И в нынешнем во 143-м году, октября в [...][5] день писал к нему, Ондрею, из нового Брацкого острошку пятидесятник Дунаика Васильев с товарыщии, что (*л. 254об.*) пришли де они в новои Брацкои острожек в нынешнем во 143-м году, сентября в 2 день, и пришед в новои Брацкои острожек, послал он до вас в Брацкую землицу ко князцом служилых людеи десятника Федку Бобынина да толмача Ивашка Игнатьева, а велел он тех брацких князцеи и их улусных людеи призывати в острожек к нашему жалованному слову. И брацкие де люди послали от себя одново князца Акодогона да с ним брата ево сын Котугуров, и он де, Дунаика, ему, Кодогоню, наше жалованное слово сказал и ево, Кодогона, к нашему жалованью призывал, чтоб он, Кодогон, со всеми своими улусными людми были под нашею царскою высокою рукою навеки неотступны и жили б по старым своим кочевъям, а нам с себя и с людеи своих ясак давали перед прежъним с прибылью, и чтоб аманаты дали добрые, а старые б аманаты взяли. И он де, Кодогун, против нашего жалованново слово сказал, что он нам с себя (*л. 255*) и с людеи своих ясак на нынешнеи на 143 год даст по прежнему, как и преж сего нам давал, а про товарыщев своих и иных князцеи и про их улусных людеи сказал, того де не ведает, дадут ли с себя и с людеи своих наш ясак или не дадут. И он де, Дунаико, того Кодогона и племянника ево поил и кормил доволно, и наше жалованье ему, Кудогону, дал котел зеленою медь, да торель оловянную, да рубашку, а племяннику ево дал таз. А про аманаты де тот Кодогон отказал, что аманатов де им отнюдь не давывать, а которои брацки ясырь прислан из Енисеиского острогу, и им де того ясырю не имывать. Да приезжал де в острожек из Вихоревы реки тунгускои князец Корок и сказывал, чтоб де в острошке служилые люди жили бережъно, хотят де братцкие князцы наших служилых людеи побить всех, и они де, служилые люди, в Брацком острошке живут с великим береженьем, и впредь де теми невеликими служилыми людми быти в Брацком острошке и умирить братцких князцеи и их улусных людеи (*л. 255об.*) некем. И он де, Андреи Племянников, по нашему указу писал в Томскои к воеводе ко князю Миките Егупову Черкаскому о прибавочных служилых людех, чтоб он ис Томского наших служилых людеи прислал в прибавку к енисеиским служилым людем по последнему зимнему пути на лыжах, кем бы было брацких князцеи и их улусных людеи умирить и под нашу царьскую высокую руку привесть. А которые де тунгусы жили на Илиме, и по Вихорове реке, и по Идерме, а те де тонгусы были под нашею царскою высокою рукою послушны и ясак с себя нам платили. И брацкие де князцы тех тунгусов с Ылима, и с Вихоревы, и с Ыдирма реки взяли к себе и свели в далные свои улусы и кочевья на Онгору реку. И как к вам ся наша грамата придет, а из Енисеиского или из ыных острогов воеводы Томского разряду в Томском о наших о прибылых служилых людех учнут писати, и вы бы ис Томского в Енисеискои острог и в ыные остроги по воеводцким отпискам наших служилых людеи послали в прибавку по своему высмотру и смотря по тамошнему делу и по вестям, чтоб за служилыми людми нашему делу мотчания и порухи не было. И в Енисеискои (*л. 256*) острог к воеводе к Прокопью Соковнину ты, князь Иван, от себя велел отписати, чтоб он в Братцкои острожек к енисеиским служилым людем к пятидесятнику Дунаику Васильеву с товарыщии отписал, что ис Томского наших

[5] *В рукописи пробел.*

служилых людеи к ним в Брацкои острожек в прибавку пришлют, и велел им брацких князцеи Баракая, да Кодогою, да Тогоурда, да Уныгдея, призвав к острошку, прежния вины их выговорити, что они, брацкие князцы, забыв свою правду, на чом оне нам, великому государю, шертовали, что было им быти под нашею царьскою высокою рукою в прямым холопстве навеки неотступным и ясак с себя платить доброи против иных ясашных людеи, а ныне они своим воровством, забыв свою шерть, учинились нам непослушны, ясаку с себя давать не хотят и наших ясашных людеи, которые живут блиско их братцких улусов, поимали к себе в улусы и ясаку с себя нам давать не велят, а збирают ясак на себя и наших служилых людеи, которые по ясак приходят, велят побивать. (*л. 256об.*) И за тое их вину для их задоров довелось было на них послать наших многих ратных людеи с огненным боем и учинити над ними такое ж разорение, как их поваевал и розорил Яков Хрипунов. А выговоря им те их вины, велели братцким князцом сказати наше жалованное слово, что мы их пожаловали, вины их воспомянути и наших ратных людеи с вогненым боем послать на них воиною не велели, и братцкои их ясырь, которых у них имал воиною Яков Хрипунов, велели им отдати по прежнему. И они б, брацкие князцы, помня свою правду, на чом они нам, великому государю, напередь сего шерть дали, ныне потому ж за себя и за всех своих улусных людеи шертовали, и были бы со всеми своими улусными людми под нашею царскою высокою рукою в прямом холопстве навеки неотступным, и ясак с себя платили доброи против иных ясашных людеи, и наших служилых людеи, которые учнут к ним для ясашъного збору приходить, побивать не велели и оберегали, и тунгуских людеи к себе (*л. 257*) в улусы и ясаку с них на себя не имали. А как брацкие князцы со всеми своими[6] улусными людми учинятца под нашею царскою высокою рукою и шерть на том на всем дадут, и енисеиским служилым людем пятидесятнику Дунаику Васильеву с товарыщи велеть у них взяти в острожек аманатов добрых, сколко человек доведетца и кому б впредь мочно было верить, и собрав с них ясак доброи против прежнего и против иных ясашных людеи, и тех брацких и тунгуских людеи, с которых ясак возмут, написати в ясачные книги имянно. А будет брацкие князцы учинятца нам непослушны, и к нашему жалованному слову в новои Брацкои острожек и для своево есырю не придут, и ясырю своево не возмут, и аманатов в то место не дадут, и нашего ясаку платить по прежнему не станут, и тунгуских людеи, которые напередь сего ясак нам с себя платили, на старые ясачные кочевья их не отпущять, и за ту их измену и непослушание (*л. 257об.*) велеть тем нашим служилым людем, которые для того посланы будут[7], над ними промышляти и поиск чинити, сколко милосердый Бог помочи подаст, чтоб однолично тех наших изменников промыслом смирить и над ними поиск учинить, а себя б уберечь, и привесть под нашу царьскую высокую руку и ясак бы с них имати по прежнему. И о том тем нашим служилым людем приказать с великим подкреплением, чтоб они однолично тем нам послужили, и брацких князцеи тою своею службою и радением смирили, и под нашу царьскую высокую руку привели, и ясак с них взяли по прежнему, а которые будет братцкие ж и тунгуские и иные какие люди живут неподолеку от того Брацкого острошку, а нам будут непослушны ж и ясаку с себя давать не учнут, и им, служилым людем, велеть приводить под нашу царьскую высокою руку

---

[6] *Слово написано над строкой.*

[7] *Слово написано на левом поле.*

ласкою и болшим приветом. А будет их немочно ласкою под нашу (*л. 258*) царьскую выскою руку привести, и про тех ясачных тунгуских людеи высъпрашивая брацких же и тунгуских людеи тех, которые учнут быть под нашею царьскою высокою рукою и з себя ясак платить, а выспрашивая, их велети писати на роспись подлинно, сколко в тех новых землицах в котором улусе брацких и тунгуских людеи, и многими ль служилыми людми тех непослушъников под нашу царьскую высокою руку мочно привесть, и которыми обычаи нам их послушных учинить, и впередь от тех брацких и от тунгуских людеи нам прибыли чаяти. И что наши служилые люди з брацкими людми или какова поиску учинять, или что впередь новых землиц по приискy под нашу царьскую высокою руку приведут, и которые наши служилые люди нам послужат, а тою их службою те брацкие люди нам учинятца послушны и под нашею царьскою высокою рукою будут, и о том о всем велел ты, князь Иван, из Енисеиского (*л. 258об.*) острогу воеводе отписати к себе в Томскои, а ис Томского о том отписали бы есте к нам к Москве с ыными наши делы и отписку велели подати в приказе Казанского дворца боярину нашему князю Борису Михаиловичю Лыкову да дьяком нашим Федору Панову да Никифору Шипунову, а в Енисеискои острог от нас о том к воеводе к Прокопью Соковнину писано ж. Писан на[6] Москве лета 7143 году, июля в 9 день.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 17, лл. 252–258об.

44. *1635 г. не ранее июля 10. — Отписка с устья Олекмы енисейского сына боярского Петра Бекетова енисейскому воеводе Андрею Племянникову о неправильных действиях олекминских приказных, Семена Родюкова с товарищами, и о сношениях и столкновениях с олекминскими тунгусами.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводе Ондрею Ондреевичю Енисеиского острогу сыно боярскои Петр Бекетов челом бьет. В прошлом во 142-м году (*л. 9б*) июля в 12 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу послан я, Петр, служивыми людми на государеву службу на Витим реку, и на Чючюи реку, и на Олекну реку, и в новые и в ыные захребетные землицы для государева царева и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии ясачново збору и вновь землиц приводу под государскую царскую высокую руку, немирных и непослушных земель князцеи и их улусных людеи, а из Енисеиского острогу государевым ясачным людем имянные къниги мне, Петру, не даны были. И в прошлом во 141-м году посланы были прежде меня, Петра, из Енисеиского острогу служивые люди десятник Семен Родюков, да Пятои Федоров, да Осип Федоров, да Первои Яковлев, да Костянтин Данилов с товарыщы на ту ж государеву службу на Витим реку, и на Чичюи реку, и на Окъну[1] реку для государева ясачново збору, и мне, Петру, велено по государеву указу взять у них служивых людеи у Семена Родюкова с товарыщы государевым ясачным людем имянные книги. И в нынешнем во 143-м году, маия в 16 день приплыл яз, Петр, служивыми людми на усть Олекну реку[2], нашел енисеиских служивых людеи десятника Семена Ротюкова с товарыщы и взял по государеву указу у них служивых людеи у Семена Родюкова с то-

[1] *Так в рукописи, следует читать* Олекъну.

[2] *Далее знак вставки — три кружочка, вставка на левом поле не читается.*

варыщы государевым ясачным людем имянные книги. По тем имянным ясачным книгам у них служивых людеи у Семена Родюкова с товарыщы собрано государева ясаку на нынешнеи на 143-й год девять сороков дватцать один соболь со Олекны реки, и с Патомы реки с Киндигирскои волости с князца Якона и с людеи ево, взято у них служивых людеи у Семена Родюкова с товарыщы государева ясаку три сорока дватцать соболеи, да с Вилюя реки, с Нанагирскои волости бурнагирсково роду с князца Конкочана да с князца Иннякта дана, да с князца Дачеги взято государева ясаку у них у служивых у Семена Родюкова с товарыщы шесть сороков соболеи один соболь. А зъбирали де они, служивые люди Семен Родюков с товарыщы, весь государев ясак и за аманатов, (*л. 96об.*) а поиманы были аманаты у них у служивых людеи у Семена Родюкова с товарыщы с Вилюя реки Накагирскои волости бурнагирсково роду два князца, Конкочан князец да Инняк Такан князец. А собрав государев ясак, те служивые люди Семен Родюков, да Пятко Федоров, да Оска Федоров, да Костя Данилов, да Первушка Яковлев, для своеи безделнои корысти тех атаманов[3] князца Конкочана да князца Инняк Такана, спустили в свою землю, а те князцы, Колкочан князец да Иъняка Такан князец, вышли от них из аманатов от служивых людеи от Семена Родюкова с товарыщы сами, дали им, служивым людем Семену Родюкову, да Пятку Федорову, да Оске Федорову, да Первушке Яковлеву, да Косте Данилову, детеи своих в аманаты впредь для государева ясачново збору и для всякие шатости. Те служивые люди Семен Родюков, да Пятко Федоров, да Оска Федоров, да Первушка Яковлев, да Костя Данилов, не похотя государю прибыли впредь в ясачном зборе и утвержения земли новои, не радеючи праведному государю ни в чем, для своеи безъделнои корысти тем князцам вилюиским, князцу Конкочану да князцу Инняк Такану, детеи их им, князцам, выдали для своеи безъделнои корысти. А до меня, Петра, тех аманатов не додержали, и мне тех аманатов не отдали. А довелось было им, служивым людем Семену Родюкову, да Пятку Федорову, да Оске Федорову, да Первушке Яковлеву, да Косте Данилову, по государеву указу тех аманатов, князковых детеи, с Вилюя реки держать до государева указу для государева ясачново збору и для всякои шатости, потому что те землицы новые и дикие, без аманатов их топерво взять негде, и прокормить было тех аманатов мочно им, служивым людем, у Пятка Федорова, да у Оски Федорова, да у Первашка Яковлева, да у Костьки Данилова своеи[4].

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, лл. 95об.–96об.

45. *1635 г. не ранее июля 17. — Отписка с устья Олекмы енисейского сына боярского Петра Бекетова енисейскому воеводе Андрею Племянникову о начале работ по построению острога на Лене, против устья Олекмы, и о «плутовстве» служилых людей: Семена Родюкова с товарищами.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводе Ондрею Ондревичю Енисеиского острогу сын боярскои Петр Бекетов челом бьет. В прошлом во 142-м году, июля в 12 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу послан я, Петр, из Енисеиского острогу служивыми людми

[3] *Так в рукописи, следует читать* аманатов.

[4] *Далее текст документа обрывается.*

на государеву службу на Витим реку, и на Чичюи, и на Олекну реку, и в новые и иные захребетные землицы для государева царева и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии ясачново збору и вновь землиц приводу под государскую царскую высокую руку. А пришед мне, Петру, на Витим реку, и на Чичюи, и на Олекну реку, велено приискать крепкое и угожее место и поставить острог, где б пошло ближе к людем, откуды б чаеть вь ясашном зборе государю прибыли, и впредь бы государю тот острожек был прочен, и всякие крепости в осътрожке поделать, чтоб впредь в том острожке государевым служивым людем от иноземцов быть бесътрашно. И в нынешном во 143-м году пришед яз, Петр, служивыми людми на Лену реку и ходил сам служивыми людми по Олекне реке и по Патоме реке, а по Витиму и по Чичюю реке посылал яз, Петр, суживых людеи Ивана Романова да Ивана Тимофеева с товарыщы двенатцати человек для государева царева и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии ясачново збору, вновь землиц приводу (*л. 95*) под государскую царскую высокую руку. Да и приискивал яз, Петр, служивыми людми, ходечи на тех на всех реках, на Витиме реке[1], и на Чичюе, и на Олекне реке, и на Патоме реке[2], крепкова и угожева места, где б поставить государев острог для государева ясачнова збору. И яз, Петр, служивыми людми на тех реках, на Витиме, и на Чичюе, и на Олекне, и на Патоме реке, крепкова и угожева места не нашел, где поставить государев острог, а по Витиму, и по Чичюе, и по Олекне, и по Патоме реке людеи тунгуских и никаких яз, Петр, с служивыми людми наитти не мог ни одного человека. А по Патоме реке есть тунгуские люди, а живут на самои вершине, а ходу до них лехким стругом вверхь по Патоме реке недель восемь, а болшими судами по Патоме реке иттить вверхь нелзя нисколко, потому что порожиста добре да и мелка. И яз, Петр, служивыми людми приискал ныне крепкое и угожее место против усью Олекны реки над Леною рекою, где поставить государев острог для государева ясачнова збору, а приискав то острожное место, велел служивым людем ставить государев острог. И служивые люди по государеву указу почали государев острог ставить июля в 17 день, анбар государев казеннои и поставили, да две изъбы срубили и с нагородки. Да на острог, и на надолобы, и на караулню лес у служивых людеи весь вынят. А поставить топерво острогу служивые люди не успели, потому что недавно пришли з государевы службы с Витима реки и с Чичюя реки, а как успеют, и оне, конечно, в том месте острог государев поставят, а угожее места того по тем рекам отнют нигде нет, потому что по Витиму реке, и по Чичюю, и по Олекне реке рыбных ловель никаких нигде нет, да и зверя мало ж стало, жить им, тунгуским людем не у чево по тем рекам. А тот государев острог, которои и яз, Петр, служивыми людми по государеву указу поставлю на усть Олекны реки, будет государю впредь прочен, (*л. 95об.*) да и вь ясачном и десятинном зборе государю прибыль будет великая, потому что тунгуским людем и промышленым людем около тово нового острожку прилегли в се место угожее рыбные ловли и соболиные промыслы, да и всякого зверя много, и тунгуские люди и промышленые около тово новова острожку држатца впредь станут. А в прошлых годах тунгуские люди прихаживали со мъногих рек, с Вилюя реки, и с Патомы реки, и с ыных рек, и жили все тунгуские люди около того места, где яз, Петр, ныне поставлю государев острог. А ныне тунгуские люди для тово отшатну-

---

[1] *Далее знак вставки — три кружочка.*

[1-2] *Вставка на левом поле.*

лись от тово места, что их, тунгуских людеи, имали служивые люди десятник Семен Родюков с товарыщы в аманаты для своеи безделнои корысти, для торгу своего их, тунгуских людеи, мучили, вымучили у них, у тунгуских людеи, служивые люди Семен Родюков с товарыщы соболеи и шуб собольих собе много, да их, тунгуских людеи, спустили в свою землю. И ныне развее для тово те тунгуские люди не учнут ходить на те свои старые зверовья от их, служивых людеи, от Семена Родюкова с товарыщы, плутовства. А с Потомы реки у меня, Петра, служивыми людми аманат взят государским счастием для государева ясашново збору, и тунгуские люди с Патомы реки будут жить все на старых своих местах около тово ново острогу, да и промышленые люди з государевою десятою пошълиною уходить не учнут в Тазовскои город с Лены реки, не платя государевы десятые пошлины, потому что тово государева острожку и промышъленым людем миновать нелзя будет.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, лл. 94об.–95об.

46. *1635 г. не ранее сентября 1. — Грамота томским воеводам, князю Ивану Ромодановскому и Андрею Бунакову, о приведении князца Кохтобея и Сенгея-тайши в подданство.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь в Томскои воеводам нашим князю Ивану Ивановичю Ромадановскому да к Ондрею Ондреевичю Бунакову да дьяку нашему Онисиму Трофимову. Писали есте к нам, что в прошлом во 143-м году посылали вы в Черные Колмыки в Оргаки ко князцу Кохтобею томского сына боярского Семена Лаврова да с ним служилых людеи Сенку Поломошново с товарыщи, а велено сыну боярскому Семену Лаврову и служилым людем в Черных Колмыках, в Орчаках князцу Кохтобею говорить, что он присылал в Томскои улусных своих людеи Изенбея с товарыщи трех человек нам, великому государю, бить челом, чтоб нам ево, князца Кохтобея, и ево улусных людеи пожаловать, велеть им быть под нашею царскою высокою рукою в вечном холопстве. И за нево, князца Кохтобея, те ево улусные люди и за весь ево улус в Томском шерть дали, что ему, князцу Кохтобею и с улусными людми, быть в холопстве под нашею царскою (*л. 401*) высокою рукою. А для прямого укрепленья велели вы князцу Кохтобею для шертованья ехати самому в Томскои, а будет за которыми мерами князец Кохтобеи сам в Томскои не поедет, и томскому сыну боярскому Семену и служилым людем велено того князца Кохтобея и за всех ево улусных людеи привести к шерти в улусех. И нынешнего де 144-го году, сентября в 1 день сын боярскои Семен Лавров и служилые люди из колмаков, из орчаков от князца Кохтобея приехали, а в статеином списку их написано, как оне приехали в Черные Колмаки, в Орчаки князцу Кохтобею, и князцу Кохтобею нашу милость сказали, что мы ево, князца Кохтобея, пожаловали, велели ему и улусным ево людем быть под нашею государевою высокою рукою в холопстве, и для бы прямого уверения сам он, князец Кохтобеи, к шерти ехал в Томскои. И князец Кохтобеи в Томскои сам не поехал, для того что у него в те поры были в улусех присланы из Баибагичева улусу от Конжи таиши[1] посланники. И при нем, Семене, и при служилых людех тот князец Кохтобеи шертовал на том, что ему, Кохтобею, и ево детям, и братие, и племянником, (*л. 401об.*) и всем улусным

[1] *Напротив этого слова на правом поле написано* Kuisch *или* Knisch.

людем нам, великому государю, служить и прямить, и добра во всем хотеть, и улусных людеи с Тарчи в Томскои присылать. И того сына боярсково Семена и служилых людеи из улусов отпустил в Томскои с честью, и в улусех им честь и береженья было, и корм давали доволно, а с ними отпустил своих улусных людеи Изенбея с товарыщи с торгом. Да с ними ж, с сыном боярским с Семеном и с служилыми людми, [2]пришли в Томскои[2] ис Черных же Колмаков из Баибачева улусу Сенгея таиши улусныя люди Ерок да Чимак, а привели с собою в Томскои и нам челом ударил от Сенгее таиши конь рыж да тебе, князю Ивану, конь чал, а вам, Ондрею и Анисиму, три лисицы красны. А сказали, что прислал их ис Колмаков из Баибагалачева улусу Сенгеи таиша, бьет челом нам, великому государю, чтоб нам ево пожаловать, велети быти ему в холопстве под нашею царскою высокою рукою со всем сво[3] улусом, и им де улусным людем Ероку и Чимаку велел за себя и Сенгея и за всех своих улусных людеи в Томском шерть дать, что ему и Сенгею и с улусными людми быть под нашею царскою высокою рукою в холопстве. И вы де того Изсенгея таиши улусных людеи у Ерока и Чимака поминки приняв, а тех Изсенгея таиши улусъных людеи Ерока и Чимака (*л. 402*) за Сенгея таишу и за весь ево улус по шерътованнои записи к шерти привели и нашего жалованья князцу Кохтобею, чтоб он нам сам шертовал, послали четыре аршина сукна аглинсково доброго, а к Сенгею таише за поминошные лошеди и лисицы послали четыре аршина сукна аглинсково, да Исенгеи таиши улусным людем, которые в Томском были и за него шертовали, Ероку да Чимаку, дали де вы сукна летчины по четыре аршина человеку да по вершку шапочному. И приказывали де вы с ними, чтоб Исенгеи таиша князцу Кохтобею сказал, чтоб они к нашеи государьскои милости были в Томскои сами, и к ним в улусы для того ис Томсково служилых людеи пошлете ж, чтоб те калмацкие Исенгеи таиша и Кохтобеи князец к нашеи государьскои милости были сами в Томскои для укрепленья к шерти. И как к вам ся наша грамота придет, а в Томскои ис Черных Колмаков князец Кохтобеи и из Баибачачева улусу Исенгеи таиша приедут, (*л. 402об.*) и вы б сказали им, что мы, государь царь и великии князь Михаила Федоровичь всеа Русии, их, князца Кохтобея и Сенгея таишу, и с ых детми, и з братьею, и с племянники, и со всеми их улусными людми пожаловали, велели им быть под нашею царскою высокою рукою в холопстве, и на том бы они нам, великому государю, при вас шертовали, что им быти под нашею царскою высокою рукою в холопстве навеки неотступным своими детми, и з братьею, и с племянники, и со всеми своими улусными людми безо всякие измены, и нам, великому государю, служить и прямить, и во всем добра хотеть, и где мы велим им, на нашеи службе быть с нашими служилыми людми. И они б с нашими изменники и непослушники и с немирными землицы с воинскими людми бились, не щадя голов своих, и наших служилых людеи, которыя будут для нашего ясачново збору посланы, и ясачных людеи оберегали. А как тотъ (*л. 403*) князец Кохтобеи и Сенгеи таиша вам шертуют, и вы б велели их поить и кормить нашими запасы доволно и честь учинить, смотря по тамошнему делу. А как тот князец Кохтобеи и Сенгеи таиша которого числа в Томскои приедут и в Томском шертуют, и ис Томсково их отпустите, и вы б о том о всем отписали к нам к Москве. А что и Сенгея таиши улусные люди Ерок и Чимак нам челом ударили конь рыж да тебе, князю Ивану,

[2-2] *Написано над строкой.*

[3] *Так в рукописи.*

конь же чал, и будет те лошади к нашему седлу пригодятца, и вы б те лошади и мяхкую рухлядь, что принесли вам, Ондрею и Анисиму, в подарках же, с кем будет пригоже прислали к нам к Москве, и велели отписку подати, и с теми лошадми и с мяхкою рухлядью явитца в приказе Казансково дворца боярину нашему князю Борису Михаиловичю Лыкову да дьяком нашим Федору Панову да Микифору Шипулину.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 17, лл. 400об.–403.

47. *1635 г. не ранее декабря 25. — Отписка томского воеводы князя Ивана Ромодановского енисейскому воеводе Прокопию Соковнину о невозможности прислать в Енисейск прибавочных служилых людей.*

Господину Прокопью Федоровичю Иван Ромодановскои челом бьет. В нынешнем, господине, во 144-м году декабря, в 25 день писал ты ко мне в Томскои с енисеиским подьячим з Гарасимом Тимофеевым, в прошлых годех писали ис под Брацкого острогу пятидесятник Васка Черменин про непослушанье брацких князцеи и улусных людеи к воеводе к Ондрею Племянникову, (*л. 108об.*) а Ондреи Племянников о тех вестях писал к государю, и про те вести по отпискам Ондрея Племянниова государев указ к тебе прислан. А ныне ис под Брацкого острожку приехал атаман Иван Галкин, а про тех про брацких князцеи, и про их государевых ясачных людеи, и про непослушных людеи, землиц про непослушанье расказывал[1], что тех брацких князцеи и иных непосълушных землиц бесприбылных людеи под государеву царскую высокую руку привесть не мочно. И те, господине, по твоеи отписке вести ведомы, а что де было с ним, Иваном, и с Парфеном Ходыревым посланы невеликие люди, и теми де людми на Лене и на Олекне реке государевым делом промыслить неким, что Лена река и Олекна велики и людны, и в тое де в Лену реку болшие впали. И на Лену реку и на Олекну и в ыные в новые немирные землицы для умиренья и под государеву царскую высокую руку[2] прислал бы к тебе ратных людеи человек з двести и болши с огненным добрым боем, а не с такими де пищалми, что де в прошлом во 143-м году прислал ис Томского столник и воевода князь Никита Егупов Черкаскои, без замков и без шурупов. И ныне, господине, ис Томского города человек з двести послать неково, о прибавочных людех писано к государю к Москве, а будет по государеву указу прибавочных людеи с Москвы в Томскои пришлют, и вь Енисеискои острог к тебе прибавочных людеи ис Томского отпустят тотчас, а ныне и в Томском на томские и (*л. 109*) на всякие государевы сълужбы людеи мало.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, лл. 108–109.

48. *1631 г. января 3. — Грамота енисейскому воеводе Прокопию Соковнину о расспросе сына боярского Парфена Ходырева с товарищами, сколько они на реках Лене и Олекме ясаку взяли.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь вь Енисеискои острог воеводе нашему Прокофью Федоровичю Соковнину. В нынешнем во 144-м году писал к нам из Енисеисково острогу воевода Андреи Племянников, что в прошлом де во 143-м году по нашему указу послал он на нашу службу из Енисеи-

---

[1] *В оригинале слово написано так:* раска–зывал.

[2] *Пропущено слово* приводу.

сково острогу на Лену реку[1] для нашего ясачного збору сыно боярского Парфена Ходырева, а с ним енисеиских служилых людеи тритцать три человека, дав им наше денежное и хлебное жалованье на 143-й и впредь на нынешнеи на 144-й год для нашеи далнои службы оклады их сполна, да с ним же, Парфеньем, послал товару десять пуд меди зеленые в котлах и в тазех пуд, тритцать пять фунтов с полуфунтом одекую, тритцать четыре фунта бисеру белого, а за тем нашим товаром послан на веру мирскои выборнои целовалник торговои человек Ивашко Петров Курочкин, и велел ему те товары менять на добрые соболи и на всякую мяхкую рухлядь, как бы в нашеи казне было прибылнее. И сыну боярскому Перфенью сь якуцких людеи, которые учинились под нашею царскою высокою рукою, велел имати на нас ясак, смотря по тамошнему делу, что в нашеи казне вь ясачном зборе учинити прибыль. А которые де немирные землицы по сторонним речкам живут и нам ясаку с себя не дают, и он ему ж, Парфенью, с служилыми людми тех немирных землиц людеи велел приводити под нашу царскую высокую руку вновь ласкою и приветом, чтобы они нам были послушны и ясак с себя давали, как и прочая их братья. Да он же, Ондреи, послал на нашу службу на Лену же реку, а с Лены на Олекну реку и в сторонние же речки для приводу же под нашу (*л. 131об.*) царскую высокую руку немирных землиц атамана Осипа Галкина, а с ним енисеиских служилых людеи десять человек, дав им наше денежное и хлебное жалованье на прошлои на 143-и год и на нынешнеи на 144-и год оклады их сполна. Да с ним же, с Осипом, послал он, Ондреи, товару три пуда меди зеленои в котлах и тазех, полпуда одекую, и велел ему, Осипу, потому ж меняти на соболи на добрые и на всякую мяхкую рухлядь, как бы нашеи казне было прибылнее, и с тунгуских людеи, которые учинились под нашею высокою рукою, имати на нас ясак, смотря по тамошнему делу, а непослушных и немирных землиц, которые живут по сторонним речкам, потому ж под нашу царскую высокую руку приводить и ясак с них на нас имать. Да он же де, Ондреи Племянников, послал на Лену реку с сыном боярским с Парфеном же Ходыревым к нашим служилым людем, которые напередь сего посланы были в прошлом во 142-м году з головою з Богданом Балкашиным, на служилых людеи на дватцать человек нашего денежного жалованья сто рублев, потому что послать было из Енисеиского острогу на нашу годовую службу на Лену реку неково. И как к тебе ся наша грамота придет, а те служилые люди Парфен Ходырев, и Богдан Балкашин, и Осип Галкин с товарыщы, хто из них с Лены реки вь Енисеискои острог придут, и ты б их перед собою роспросил, а роспрося, на роспись велел написати, где они на Лене и на Олекне реке, и по иным по сторонним речкам с наших с ясашных людеи, которые преж сего под нашу царскую высокую руку приведены, на нас с них ясаку, соболеи и всяково зъверя, (*л. 132*) взяли, и что вновь на которых реках немирных землиц под нашу ж царскую высокую руку привели, и с них на нас ясаку ж, соболеи, и шуб собольих, и всякои мяхкои рухляди, взяли, и что на товары, что с ними посылано было, на медь, и на олово, и на одекуи, торгом выменяли, и какие нам прибыли в чем учинили. А роспрося про то про все подлинно и написав на роспись, да ту нашу ясачную и мяновную мяхкую рухлядь и о том свою отписку с их роспросными речми с ыными нашими делы прислал к нам к Москве, а отписку, и их роспросные речи, и ту ясачную и меновную мяхкую рухлядь велел отдати в приказе Казанского дворца боярину нашему князю Борису Михаиловичу

[1] *Далее написано и зачеркнуто* на Лену реку.

Лыкову да дьяком нашим Фодору Панову да Микифору Шипулину. А что будет они на Лене и на Олекне реке, и по сторонним речкам соболеи и иные какие всякие мяхкие рухляди ясаку на нас возмут, и что будет выменять на товары, на медь, и на олово, и на одекуи, соболеи же и иные какие мяхкие рухляди, и ты б ясачнои рухляди с меновною не съмешивал, а велел бы вь ясашные книги ясачную и что взято[2] в мене на товар всякую мяхкую рухлядь писати порознь, и збор год з годом не списывал, а писал бы всякого года збор порознь ж. Да те ясачные книги и что будет выменено на товар в тех же ясачных книгах и в отписках описав особно статьею, потому ж присылал к нам к Москве в приказ Казанского ж дворца. Писан на Москве лета 7144-го, генваря в 3 день.

На подлиннои грамоте в помете написано

Дияк Никифор Шипулин.

Справил подьячеи Петрушка Стеншин.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, лл. 131–132.

49. *1636 г. января 14. — Грамота енисейскому воеводе Прокопию Соковнину о ясыре, привозимом из Сибири и возвращаемом обратно в Енисейск.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь вь Енисеиской острог воеводе нашему Прокофью Федоровичю Соковникову[1]. В прошлом во 143-м году посланы наши грамоты на Верхотурье, да на Березов, да в Ыжемскую слоботку к таможенным (*л. 129об.*) и заставочным головам, а велено им на застовах того смотрети и беречи, как из сибирских городов воеводы, и дьяки, и писменные головы, и их братья, и дети, и племянники, и люди или хто сибирские служилые, и горговые, и промышленые люди, и оархиепископы[2], и дети боярские, и попы, и чернцы, и всякие люди поедут к Руси к Москве или в ыные в которые городы и повезут с собою сибирских татар и остяков, и их жен, осматривати и обыскивати всякими мерами накрепко, а у кого объявитца ясырь, татарове и остяки и их жены и дети, робята и девки, и им тот ясырь, которые взяты будут на Верхотурье, и на Березове, на Собскои, и на Обдорскои заставах отсылати в Тоболеск к столнику[3] нашему и воеводам ко князю Михаилу Темъкину Ростовскому с товарыщи, а которои ясырь возмут на Ижжемскои заставе, и им тот ясырь велено отсылати из Ыжемскои слоботки в Пусто озеро к воеводе и к подьячему с кем пригоже, а тому ясырю велено быти в Пусте озере до нашего указу. И в нынешнем во 144-м году писал к нам из Ыжемскои слоботки заставочнои голова Трофим Куилин, что он по нашему указу снял крещеного ясырю у Ондреевои жены Племянникова у Марьи мужского полу тринатцать человек да восемь девок болших и малых, да гостя у Надеина прикащика Светешникова у Мишки Васильева робенка, боярина у князя Юрьева крестьянина Яншеевича Сулешева у Демки Пахомава Муромца девку, да у сибирских у енисеиских[4] служилых людеи — у сыно боярского Ивашка Кузмина (*л. 130*) робенок, у казаков,

---

[2] *Далее написано и зачеркнуто* взято.

[1] *Так в рукописи; следует, видимо, читать* Соковнину.

[2] *Так в рукописи.*

[3] *В рукописи* сстолнику.

[4] *Далее написано и зачеркнуто* людеи.

у Ивашка Осипова Шербака жонку, у Васки Сумарокова девку, да у торгового человека устьюжанина, у Баженка Клеунова, жонку. И тот де выимочнои ясырь он, Трофим, послал в Тусто[2] озеро к воеводе и к подьячему. И ныне по нашему указу тот ясырь велено ис Пуста озера послать в Сибирь к тебе вь Енисеискои острог с пустозерцы до первого сибирского города до Березова, а з Березова вь Енисеискои острог служилыми людми, с кем пригоже. А что того ясырю вь Енисеискои к тебе велено послати, и тому под сею нашею грамотою роспись. И как к тебе ся наша грамота придет, а из Березова тот ясырь воевода Офонасеи Толочанов вь Енисеискои острог пришлет, и ты б тот крещенои ясырь мужскои пол поверстал в нашу службу, хто в какую статью пригодитца, и учинил им нашего денежного и хлебного жалованья, смотря по человеку. А будет хто того ясырю некрещеных татар и остяков, и ты б их устроил вь ясак, а жонки и девки велел отдавать отцам их[5] и матерям, и мужьям, и роду и племени, чтоб тем ясырем без нашего указу нихто никаких людеи не завладел. А поверстав тот ясырь, велел бы еси их написати в окъладную книгу имянно себе статьею, [6]хто в какую статью[6] поверстан будет, а девок и жонок крещеных же велел выдавати замуж за служилых людеи, за ково будет пригоже. А будет которые ясырь же взяты в немирных землицах, и ты б тот ясырь велел держати вь Енисеиском остроге (*л. 130об.*) на аманацком дворе до нашего указу, покаместа те немирные землицы учинятца под нашею царскою высокою рукою. А которого числа з Березова воевода отпишет, и с кем имянем с сибирскими служилыми людми, и на сколких подводах тот ясырь к тебе вь Енисеискои острог пришлет, и как тот крещенои ясырь в нашу службу поверстаешь, хто в какую статью пригодитца, и что кому нашего денежного и хлебного жалованья порознь учинишь, и за кого имянем за служилых людеи того ж крещеных же ясырев девок и жонок замужь выдашь, или некрещеных татар и остяков вь ясак устроишь, а жонок и девок отцом их и матерем, и мужьям, и роду племяни отдашь, и которых немирных землиц ясыр же хто имяны взят и на аманацком дворе до нашего указу будут посажены, о том о всем отписал к нам к Москве с ыными нашими делы вместе, а отписку велел подать в приказе Казанского дворца боярину нашему князь Борису Михаиловичю Лыкову да дьяком нашим Федору Панову да Микифору Шипулину. В Томскои к воеводам ко князю Ивану Ромодановскому с товарыщи, на Березов к воеводе к Офонасью Толочанову и в Пусто озеро к воеводе и к подьячему о том ясыре от нас писано ж. Писан на Москве лета 7144 году, генваря в 14 день.

На подлиннои грамоте в помете написано

Дияк Никифор Шипулин.

Справил подьячеи Петрушка Стеншин.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, лл. 129–130об.

50. *1636 г. января 31. — Отписка томского воеводы стольника князя Ивана Ромодановского енисейскому воеводе Прокопию Соковнину о посылке из Томска для прииску новых землиц атамана Дмитрия Копылова с товарищами.*

Господину Прокопью Федоровичю Иван Ромодановской челом бьет. В нынешнем, господине, во 144-м году, генваря в 31 день по государеву цареву и великого

[5] *Слово написано дважды.*

[6-6] *Написано над строкой.*

князя Михаила Федоровича всеа Русии указу посланы ис Томского на государеву службу для прииску новых землиц томские служивые люди пятдесят один человек, а государево хлебное жалованье впредь на 145-й год полнои оклад и на 146-й год вполы их окладов указано дать вь Енисеиском остроге ис красноярских доходов, а по государеву указу велено с теми служивыми людми быть атаману Демитрею Копылову да енисеискому подьячему Гарасиму Тимофееву.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, л. 109.

51. *1636 г. апреля 23. — Грамота в Томск воеводам князю Ивану Ромодановскому с товарищами о посылке в Енисейск пищалей и припасов и об отправке из Томска служилых людей против братов, побивших пятидесятника Дунайку Васильева с товарищами.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь в Томскои воеводам нашим князю Ивану Ивановичю Рамадановскому да Ондрею Андреевичю Бунакову да дьяку нашему Анисиму Трофимову. Писал к нам из Енисеиского острогу воевода Андреи Племянников, в прошлом де во 143-м году, июня в 2 день приехали вь Енисеискои острог из Брацкого острошку енисеиския служилыя люди Ивашко Гаврилов Лапа с товарыщи, а ему вь сьезжеи избе в роспросе сказали, что брацкие князцы Кошугун да Котогур с своими улусными людми енисеиских (*л. 398об.*) служилых людеи пятидесятника Дунаика Васильева с товарыщи пятдесят двух человек побили, и наши пищали и их зелье брацкие люди поимали, а два человека, каторыя были посыланы из Брацкого острожку вь Енисеискои острог с отписками, и тех дву человек на дороге тунгусы пограбили, и они от того их грабежу на дороге позябли. И он де, Андреи, по нашему указу в тех побитых людеи место велел прибрати в нашу службу из гулящих людеи пятдесят четыре человека, а наших казенных пищалеи в нашеи казне нет, дать им нечево. А которые де пищали присланы были ис Томского города, и те пищали розданы ссылным руским или томским людем. И он тем новоприборным служилым людем велел жити о городе, на караулех стояти. Да в прошлом же во 146-м году по нашѣму указу присланы с Москвы в Тоболеск дети боярские, которые[1] были в воровстве [...][2] Офонко Сулдешев братченин, Максимко Ларионов елчанин, Тимошка Ларионов, а ис Тоболска велено их послать вь Енисеискои острог, а вь Енисеиском остроге велено им наша служба служити. И на тех присылных людеи (*л. 399*) на Афонку Сулдешева с товарыщи на три человека, которые будут впредь пришлютца, наших казенных пищалеи с Москвы на них не прислано. И он де, Андреи, о том писал в Томскои город к воеводе ко князю Миките Егупову Черкаскому, чтоб он прислал вь Енисеискои острог для наших служеб пищалеи, чтоб за тем наши службы не стали. И ис Томсково города воевода князь Микита Егупов Черкаскои наших казенных пищалеи вь Енисеискои острог не присылывал, и впредь за теми пищалми наши службы станут, а Енисеискои острог место украиное, прилегли землицы многие немирные, без запасных пищалеи отнюд быти не уметь. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б по прежнеи и по сеи нашеи грамоте наших казенных пищалеи нашех новоприборных и на ссылных людеи из нашие казны, и зе-

---

[1] *Слово написано над строкой.*

[2] *В рукописи оставлено место; следующее за пропуском слово написано неразборчиво.*

лье, и свинец послали вь Енисеискои острог, сколко будет пригож, и послали бы наши пищали к ним сысцелны, чтоб замки, и у замков пружины, и с шурупы, и полки, (*л. 399об.*) и ложи самапалные были целы и не порчены. А на брацких людеи вы по своему высмотру ис Томсково послали наших служилых людеи сколко будет пригож, а велели им над теми брацкими людми, которые наших служилых людеи пятидесятника Дунаика Васильева с товарыщи побили и наше казенное ружье и зелье поимали, прося у Бога милости, над ними промышлять и поиск чинить, сколко милосердый Бог помочи подаст, чтоб тех брацких людеи воиною смирить и от такова их дурна унять, и впередь бы им иным, на то смотря, неповадно было так воровать, наших служилых людеи побивать и грабить. А служилым людем, которых учнетя посылать, приказывали бы есте им с великим подкреплением, чтоб они, будучи на нашеи службе, жили с великим бережением от немирных землиц и бе[с] сторож и без отхожих караулов у них не было. А вь Енисеискои острог ты, князь Иван, от себя к воеводе Прокофью Соковнину велел отписать и того Ивашка Гаврилова с товарыщи велел роспросить накрепко, коими (*л. 400*) обычаи их таких многих людеи Дунаика с товарыщи брацкие люди побили, и в которых местех, и на стану или на дороге, в день ли или ночью, и сколко человек з Дунаиком и наших служилых и иных каких промышленых людеи с ними было, и наша казна с ними какая была ли, и будет была, и сколко какои нашеи казны с ними было, и многие ли брацкие люди на них приходили, и где и в которых местех побили. А роспрося ево, Ивашка [...][3], про все подлинно, те роспросные речи за ево или [или][4] за отца ево духовнова рукою с отпискою велел прислать к нам к Москве и подати в приказе Казанского дворца боярину нашему князю Борису Михаиловичю Лыкову да дьяком нашим Федору Панову да Микифору Шипулину. Писан на Москве лета 7144-го, апреля в 23 день[5].

Подлинная грамота за закрепою на обороте дьяка Федора Шипулина.

За справою подьячего Петрушки Стеншина[6].

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 17, лл. 398–400.

52. *1636 г. апреля 24. — Грамота в Томск воеводам князю Ивану Ромодановскому с товарищами о посылке в Енисейск в прибавку служилых людей и об отправке их в Братскую землю.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь в Томскои воеводам нашим князю Ивану Ивановичю Ромадановскому да Андрею Андреевичю Бунакову да дьяку нашему Анисиму Трофимову. Писал к нам из Енисеиского острогу воевода Прокофеи Соковнин, в прошлом де во 142-м году писал в Енисеискои острог к воеводе к Ондрею Племянникову из Брацкого острошку стрелецкои пятидесятник Васка Черменин, посылал де он, Васка, из Брацкого острошку в брацкие улусы енисеиских служилых людеи Ивашка Колмогора, Буторку Антонова да толмача Мишку Тарсково к брацким князцом х Кодоге, и х Кутугору, и к Братаю, и к Негутею для нашего ясачного збору и для аманатов; и те брацкие князцы Кодога с товарыщи нам учинились непослушны, нашего есаку с себя и своих улусных людеи пла-

---

[3] *Далее в рукописи оставлена пустая строка.*

[4] *Квадратные скобки оригинала.*

[5] *Далее другими почерком и чернилами.*

[6] *Так в рукописи.*

тить не учали, и наших служилых людеи Ивашка да Буторка держали у себя две недели, и им насилство чинили, и хотели их побить; и по тем де вестям Андреи Племянников по отписке пятидесятника Васки Черменина послал наших служилых людеи из Енисеиского острогу (*л. 394об.*) в Братцкои острожек и в Брацкую и в ыныя землицы, которым не послушны, енисеиских служилых людеи шезьдесят человек с пятидесятником з Дунаиком Васильевым на перемену прежним служилым людем пятидесятнику Васке Черменину с товарыщи; а велел им с тех брацких князцеи и своих улусных людеи за аманаты наш ясак на прошълои на 143 год взять и иных немирных землиц приводить под нашу царскую высокую руку; и те де брацкие князцы со всеми своими улусными людми своровали, переступя свое шертование, на чом они нам преж сего шерть свою дали, изменили, тех наших служилых людеи пятидесятника Дунаика Васильева с товарыщи побили, пятдесят два человека, и пищали, и зелье, и свинец поимали, и о том к нам воевода Андреи Племянников напередь сего писал же. А по тем вестям по нашему указу[1] из Енисеиского острогу послал он, Ондреи, в Брацкои острожек и в ыныне землицы енисеисково сына боярсково Миколая Радуковсково, а с ним послал енисеиских служилых людеи сто человек для нашего ясачного збору, и непослушных землиц князцеи (*л. 395*) и их улусных людеи приводить под нашу царскую высокую руку, и над ними промышлять, и поиск чинить, сколко милосерды Бог помочи подаст. А из Брацкого де острожку от служилых людеи от Микулая Радуковсково с товарыщи нынешнего 144 году, сентября по 18 число вести никоторои не бывало. А по нашеи де грамоте велено ему в Брацкои острожек в прибавку на нашу службу служилых людеи послать, сколко человек доведетца, смотря по тамошнему делу. Из Енисеиского де острогу ныне до весны на нашу службу в прибавку послать некого, потому что заехал он, Прокофеи, вь Енисеиском служилых людеи, что осталось за посылками по смотру на лицо, всего семдесят человек, и тех семдесят человек надобе послать против прежнего для нашево ясачного збору к нынешнему ко 144-му году в разныя ясачныя волости, на Иним и на Дирму дватцать человек, в Чедобчю, и в Каду, и в Муру, и в Карабулу реку, и на Плискои порог четырнатцать человек, на [...][2]ас дана им два человека, и на Кеть два ж человека. И за теми нашими службами и за мелкими посылками останетца вь Енисиском остроге всего дватцать два человека. И теми невеликими людми в Енисеиском острогу беречь (*л. 395об.*) не с кем, а в Брацкую де землю в прибавку на нашу службу послать некого, и впред де толко по нашему указу ис Тоболска и ис Томсково города для тех непослушных землиц в прибавку служилых людеи вь Енисеискои острог не пришлют. А теми старыми енисеискими служилыми невеликими людми тех изменников брацких князцеи смирить, и под нашу царскую высокую руку привесть, и нашего ясаку с них и сь их улусных людеи взять некем. А толко де на тех брацких непослушных князцеи по нашему указу прибавочных людеи не будет, и от тех де воровских брацких князцеи будет нашему делу поруха и ясачному збору недобор, потаму что де те воровские брацкие князцы землица людная, и запрещают и угражают нашим ясашным людем, и те, которые ясачныя люди нам прямят и ясак с себя и с людеи своих нам плотят, чтоб они, наши ясашныя люди, также, смотря на них, нам были не послушны и нашего ясаку с себя и с своих улусных людеи нам не пла-

[1] *Слово написано над строкой.*
[2] *Первая буква написана неясно.*

тили. А иных наших ясашных людеи тунгусов и налягов и иных землиц (*л. 396*) грабят и побивают. И о том бы нам велети наш указ учинить. И как к вам ся наша грамота придет, а вь Енисеиском остроге будет и наших служилых людеи мало, и послать в Брацкои острожек в прибавку к прежним нашим служилым людем некововo, и брацких князцеи смирить, и под нашу царскую высокую руку привести, и с них на нас ясаку взять некем, и вы б ис Томсково по своему высмотру наших служилых людеи, смотря по тамошнему делу, вь Енисеискои острог послали, сколко человек пригоже. Да о том ты, князь Иван, от себя вь Енисеискои острог к воеводе к Прокофью Соковнину отписал, а велел ему наших служилых людеи на нашу службу для наших непослушных землиц в Брацкую землицу для приводу под нашу царскую высокую руку, умирения посылать и с них на нас ясак збирать, смотря по тамошнему делу, и поиск над ними чинить, сколко милосердыи Бог помощи подаст, чтоб тех брацких людеи смирить и послушных учинить, а себя б служилым людем от них оберечь.

(*л. 396об.*) А будет вь Енисеиском остроге нашими служилыми людми без томские присылки пронятца мошно, и ты б к нему по тому ж отписал и велел на наших непослушных землиц и на брацких людеи тож посылать енисеиских служилых людеи, смотря по тамошнему ж делу и по своему высмотру. А как вы о том по своему высмотру что учинитя, и сколко человек служилых людеи вь Енисеискои острог и которого числа пошлетя, и что те наши служилыя люди над нашими изменники над брацкими людми какова поиску учинят, и вы б о том о всем отписали к нам к Москве с ыными нашими делы и отписку велели подати в приказе Казанского дворца боярину нашему князю Борису Михаиловичю Лыкову да дьякам нашим Федору Панову да Микифору Шипулину. Писан на Москве лето 7144-го, апреля в 24 день[3].

Подлинная грамота за закрепои на обороте дьяка Микифора Шипулина.

За справою подьячего Петрушки Стенина.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 17, лл. 394–396об.

53. *1636 г. сентября 16. — Грамота в Томск воеводе князю Ивану Ромодановскому с товарищами о посылке енисейскими воеводами служилых людей за ясаком и для покорения немирных землиц по их усмотрению и о приводе новых землиц под царскую руку ласкою.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь в Томскои воеводам нашим князю Ивану Ивановичю Ромадановскому да Ондрею Ондреевичю Бунакову да дьяку нашему Онисиму Трофимову. В прошлом во 144-м году писал к нам из Сибири из Енисеиского острогу воевода Прокофеи Соковнин, что де вь Енисеиском остроге наши службы многие, а наших енисеиских служилых людеи мало, с наши енисеиские службы их не ставает; а как де он, Прокофеи, приехал на нашу службу вь Енисеискои острог, и он де заехал (*л. 413*) вь Енисеиском остроге служилых людеи в остатке за службами толко семдесят человек, и те де служилые люди розошлютца[1] на наши службы для нашего ясачного збору. И в прошлом же де во 144-м году, ноября в 24 день писал он, Прокофеи, из Енисеиского острогу в Томскои

[3] *Далее другим почерком.*

[1] *Слово написано над строкой.*

к тебе, ко князю Ивану, что Брацкие земли князцы с своими улусными людми нам чинятца непослушны, наших служилых людеи побивают и ясаку с себя и с людеи своих не дают, а из Енисеисково острогу енисеиских служилых людеи в Брацкую землю послать неково, и енисеискими невеликими служилыми людми и без толмачеи под нашу царскую высокую руку[1] привести, и умирити, и нашего ясаку взяти з брацких князцеи и с улусных их людеи некем, потому что Брацкая земля немалая и людная, и люди конные ж. Да в прошлом же де во 144-м году, марта в 10 день прислал ты, князь Иван, ис Томского города вь Енисеискои острог служилых людеи атамана Дмитрея Копылова с товарыщи пятдесят человек на нашу службу на Лену реку для прииску и приводу новых землиц людеи под нашу царскую высокую руку и для нашего (*л. 413об.*) ясачного збору, с которых землиц преже сего нам ясаку вь Енисеискои острог и в Мангазею не имывано. А в Брацкую ж землю на перемену прежним служилым людем, что посланы в прошлом во 143-м году, Микулаю Радуновскому с товарыщи с сту человеком енисеиских служилых людеи послать неково, на Лену и на Олекму реки для нашего ясачного збору служилых людеи перед прежним прибавить неково ж, а ис Томсково де для тех наших служеб служилых людеи апреля по 20 число вь Енисеискои острог не прислано. А брацкие де воровские князцы Котога с товарыщи с наших ясачных людеи, которые живут блиско ж брацких людеи, ясак емлют на себя и их побивают. Да в прошлом де во 143-м году пришел вь Енисеискои острог с Лены реки с нашею ясачною и з десятинною и с покупочною казною Енисеиского острогу атаман Иван Галкин служилыми людми и в съезжеи избе сказывал ему, Прокофью, в роспросе, что де на Лене и на Олекме реках наши ясашные люди (*л. 414*) тунгусы, и якуты, и наляги, и иных землиц люди, слыша про брацких воровских князцеи непослушанье и воровство, учали быти в смуте и ясаку с себя и с людеи своих нам полново давати не учали. А имали де они на 143 год с тех ленских ясачных людеи наш ясак с великою нужею, потому что с ним, Иваном, послано было служилых людеи из Енисеисково острогу мало, толко сорок четыре человека. Да в прошлом же во 143-м году послано было на Лену ж и на Олекну реку с сыном боярским с Парфеном Ходыревым служлых людеи на перену[2] атаману Ивану Галкину тритцать пять человек. И впередь де на Лену и на Олекну реку для нашего ясачного збору толко посылать служилых людеи по столку ж, по сколку посылано с Ываном Галкиным да с Перфеном Ходыревым, и теми ж невеликими людми на Лене и на Олекне реках нашим делом промышляти некем, потому (*л. 414об.*) что Лена и Олекна реки великие и людные, надобе де послати на Лену и на Олекну реку для нашего ясачново збору и приводу под нашу царскую высокую руку немалых ратных людеи, человек двесте и болши з добрым огненым боем. А толко де на Лену и на Олекну реку по нашему указу двесте человек пошлетца, и наш де ясак соберетца немалои, перед прежним вдвое и болши, и якуцкие де, и тунгуские, и налянские, и иных землиц люди будут от нашего царского величества страшны, и впередь де якуцкие и тунгуские нихляские[3] люди под нашею царскою высокою рукою будут навеки неотступны и иных землиц людеи учнут приискивать. И как к вам ся наша грамота придет, а из Енисеиского острогу воевода Прокофеи Соковнин для нашие ленские службы о служилых людех кь енисеиским служилым людем в прибавку о том к тебе, ко князю Ивану, будет пи-

[2] *Так в рукописи, следует, видимо, читать* на перемену.
[3] *Так в рукописи.*

сать и впередь учнет писати, и ты б, князь Иван, томских служилых людеи кь енисеиским служилым людем в прибавку послал (*л. 415*) из Томсково, сколко человек пригоже, смотря по тамошнему делу и по своему высмотру, чтоб за безлюдством ленская посылка не стала и нашему бы делу порухи и вь ясачнои и в поминочнои и в десятиннои казне недобору не было. А которого числа и кого имянем томских служилых людеи для ленские посылки вь Енисеискои острог к воеводе к Прокофью Соковнину пошлете, и вы б о том отписали к нам к Москве, а отписку велели подати в приказе Казанского дворца [4]боярину нашему князю[4] Борису Михаиловичю Лыкову да дьяком нашим Федору Панову да Сергею Матвееву. А вь Енисеискои острог к воеводе к Прокофью Соковнину от нас писано ж, велено ему о всяких наших делех о нашем указе писати в Томскои к тебе, ко князю Ивану. Писан на Москве лета 7145-го сентября в 16 день.

Подлинная грамота за приписью дьяка Сергея Матвеева.

За справою подьячего Петрушки Стеншева.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 17, лл. 412об.–415.

54. *1636 г. октября 31. — Грамота в Томск воеводе князю Ивану Ромодановскому о сукнах и верхах шапочных, розданных калмыцким тайшам и их людям, и о лошадях, полученных от них.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь в Томскои столнику нашему и воеводам князю Ивану Ивановичю Ромадановскому да Ондрею Андреевичю Бунакову да дьяку нашему Онисиму Трофимову. Писали есте к нам в прошлом во 143-м году, прислал в Томскои бити челом (*л. 408об.*) нам черных колмаков и зорчаков[1] князец Кохтебеи, чтоб нам ево пожаловати, велети ему быти под нашею царскою высокою рукою, и в Томском улусные ево люди за нево, Кохтебея, шерть дали, а к нему, Кохтебею, посылан ис Томсково сын боярскои Семен Лавров служилыми людми, и его, князца Кохтебея, привел к шерти у него в улусех, и тот князец Кохтебеи нам служит и улусных своих людеи с торги под Томскои присылает. Да в прошлом же во 144-м году, марта в 7 день посылали вы томских служилых людеи десятника Семеику Мезеню с товарыщи пяти человек в Черные Колмыки в Баибагачев улус к Сенге таише. А велели ему, Исенгею, говорити, присылал он, Исенгеи, в Томскои улусных своих людеи бити нам челом, чтоб нам ево пожаловати, велети ему быти под нашею царскою высокою рукою в холопстве навеки. (*л. 409*) И в Томском те ево улусные люди за него, Исенгея, шертовали, что ему, Исенгею, со всем своим улусом нам служити и прямити, и быти в холопстве навеки. И что он, Исенгеи, ударил челом лошедью и что вам прислал поминком, и за то к нему наше жалованье, сукна и вершки шапочные посланы. И он бы, Исенгеи, ехал в Томскои и нам шерть дал сам при вас. Да тем же служилым людем в Баибагачеве улусе таишам Куже и Очете и в болших колмацких улусех багатырю Кои тоише велели говорити, чтоб они, таиши, нам служили и прямили, и были б под нашею царскою высокою рукою в холопстве, и ехали в Томскои, и дали нам шерть при вас же, что им, таишам, нам служити и прямити, и быти в вечном холопстве, и под Томскои улусных

[4-4] *Написано над строкой.*

[1] *Так в рукописи.*

своих людеи с торги присылать. (*л. 409об.*) И мая в 19 день томския служилыя люди десятник Семеика Мезеня с товарыщи в Томскои пришли, а сказали, что они в Черных Колмаках были и Сенгею таише говорили, что мы ево пожаловали, велели со всем ево улусом приняти в холопство, и он бы, Исенгеи, ехал в Томскои. Исенгеи таиша под нашею царскою высокою рукою быти рад, а в Томскои не поехал, для того что хотел ехать в улусы для ясаку, а шертовал нам з братьею и за весь свои улус при них, служилых людех, у себя в улусе на том, что ему, Исенгею, нам служити и прямити, и быти в холопстве навеки, и улусных своих людеи с торги под Томскои послал. А таиши ж Кужа и Очета и богатырь Контаиша нам служити и прямити, и в холопстве быти готовы ж, отпустили в Томскои с служилыми людми улусных своих людеи Кужа и Очета четырех человек, а богатырь Контаиша пяти человек. Да Кужа таиша прислал с улусными своими людми в Томскои нам челом ударити лошедь коуру (*л. 410*) да тебе, князю Ивану, прислал в поминках лошедь соврасу, а вам, Ондрею и Онисиму, по три лисицы красных, а Контаиша прислал нам челом ударить лошадь карю, а вам в поминках по лошеди ж, и били нам челом, чтоб нам их пожаловати, велети их приняти под нашу царскую высокую руку. И велели тем своим улусным людем те таиши Кужа и Очета и богатырь Контаиша за себя нам шерть дати, и те их улусные люди в Томском при вас к шерти приведены на том, что им, таишам, со всеми своими улусными людми нам служити и прямити, и быти в вечном холопстве, и под наши городы воиною не приходить, и присылати под Томскои с торги. И за те лошади, что колмыцкие таиши нам ударили челом и вам прислали в поминках, дано нашего жалованья Куже таише три аршина сукна аглинсково червчатого, людем ево двум человеком по полутретья аршина сукна зеленово аглинскова ж, (*л. 410об.*) двем же человеком по полутретья ж аршина лазоревого летчины, да за поминки, что вам Кужа таиша прислал, по полутретья аршина сукна лазоревого летчины, богатырь Контаише три аршина сукна аглинсково червчетого, людем ево двем человеком по полутретья аршина сукна зеленово аглинсково да трем человеком по полутретья ж аршина сукна лазоревого летчины, да за поминки, что вам присланы[2], по полутретья ж аршина сукна лазоревого и зеленова летчины и ис Томска отпущены. А лошеди, которыми колмацкои таиша нам челом ударили и вам в поминках дали, розданы для нашеи пашни пашенным крестьяном. Да того ж числа писали есте к нам в другои своеи отписке, что в прошлом во 142-м году посылали вы в Белые Колмаки к Обакову сыну ко князцу Коке служилых людеи атамана Зинова Амосова с товарыщи трех человек, а велели им князцу Коке говорить, отец ево князец Абак нам служил (*л. 411*) и прямил, и был в вечном холопстве со всем своим улусом, а после отца своего Абака улусом белыми калмаками владеет он, Кока, и он бы, Кока, помня к нам службу отца своего, нам служил и прямил, и был со всем своим улусом в вечном холопстве, как был и отец ево Абак, и для утвержденья он, князец Кока, сам ехал в Томскои и при вас дал нам шертью в Томском. И Абаков сын князец Кока при томских служилых людех при атамане при Зинове Амосове с товарыщи в улусех своих за себя, и за свою братью, и за детеи, и за племянников, и за весь свои улус нам шертовал сам на том, что ему, князцу Коке, со всем своим улусом нам служити и прямити, и быти под нашею царскою высокою рукою в вечном холопстве. А в Томскои он, князец Кока, не поехал для того, что подкочевали блиско ево улусов чорные

[2] *Слово написано на правом поле.*

колмаки, а в свое место в Томскои для укрепленья и шерти послал брата своего родново, Абакова ж сына князца Имеса (*л. 411об.*) да улусных лутчих своих людеи трех человек. [3]И тот[3] Кокин брат князец Имес и улусные ево люди, в Томскои приехав, ударил челом нам от брата своево Коки бобр рыж да два соболя, да Имес нам ударил челом лошедь, а вам дал в подарках бобр да ярец рыжи, да четыре соболя. И к шерти того князца Имеса и улусных ево людеи трех человек привели на том, что брату ево князцу Коке и ему, Имесу, со всеми своими улусными людми нам служити и прямити, и быти под нашею высокою рукою в вечном холопстве, как был и отец ево Абак. И приведчи их к шерти, и наше жалованья князцу Коке за шертованья послали сукна аглинского четыре аршина, а князцу Имесу за конь и за шертованья дали сукно аглинское желтое четыре аршина, а улусным ево людем, которые с ним, Имесом, шертовали, для нашего жалованья двем человеком по четыре аршина сукна желтово лятчины, третьему (*л. 412*) человеку полчетверта аршина сукна зеленово лятчины ж, и отпустили их ис Томсково. А где те сукна и вершки шапочные, которые даваны колмыцким таишам и их улусным людем за их подарки, иманы, и что чему цена, и лошеди, которыми нам челом ударили колмацкие таиши, кому именем пашенным крестьяном и в какову цену даны, и та лошедь, которою нам челом ударил Абаков сын князец Имес, где ныне, и что ему цена, того в вашеи отписке имянно не написано. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б отписали к нам [к нам][4] к Москве, сукна и вершки шапочные, которые даваны колмацким таишам и их улусным людем за шертованье и за подарки, где иманы, в Томском ли у торговых людеи покупаны или в руских городех, и что тем сукнам цена, и те лошеди, которыми нам челом ударили и вам в подарках дали, и кому имянем и в какову ж цену пашенным (*л. 412 об.*) крестьяном розданы, и с которою лошедью нам челом ударил князец Имес, где ныне та лошедь, и что тои лошеди томская цена, а впередь бы есте о всяких наших делех в отписках своих писали к нам к Москве имянно. Писан на Москве лета 7145-го, октября в 31 день.

За справою подьячего Петрушки Стеншина.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 17, лл. 408–412об.

55. *1637 г. февраля 4. — Память енисейского воеводы Прокопия Соковнина в Усть-Олекминский острожек атаману Осипу Галкину о посылке к нему на перемену казачьего пятидесятника Семена Серебряника.*

По государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу память на Лену реку в новои (*л. 141об.*) Усть Олекминскои острожек Енисеиского острогу атаману Осипу Галкину. В прошлом во 144-м году весною по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу послан из Енисеиского острогу на государеву службу для государева ясачного збору на Лену реку в новои Ленскои острожек Енисеиского острогу казачеи пятидесятник Семен Исаев Серебреник с служилыми людми тебе, Осипу, на перемену, и о том к тебе напередь сего с ним, Семеном, писано ж; и как Семен Серебраник служилыми людъми в новои Усть Олеконскои острожек тебе на перемену приедет, и тебе б с ним, Семеном, во

[3-3] *Написано на правом поле напротив первой строки.*
[4] *Квадратные скобки в оригинале.*

всем росписавъся, не мешкая ни за чем, ехать из острожку з государевою соболиною ясачною и десятинною [1]и с покупочною[1] казною своего збору вь Енисеискои острог тотчас наспех, днем и ночью, для того чтоб та государева усть Олекинская соболиная ясачная и десятинная и покупочьная казна и что будет у тебя на государевы товары куплено, поспела отпустить ко государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии к Москве из Енисеиского острогу вместе з болшою государевою енисеискою соболиною ясачною и десятинною казною. А что у тебя, Осипа с товарыщы, собрано государева ясаку на усть Олекне на прошлои на 144-и год за тем аманатом, что взял аманата в прошлом во 144-м году Енисеиского острогу сыно боярскои Петр Бекетов, и тебе ж того государева ясаку, что ты собрал на прошлои год с нанагирских людеи, нынешняго 145 году с ясаком не смешивая, привесть вь Енисеискои острог поразнь, и тому государеву ясаку книги порознь же, сколко у тебя взято государева ясаку на прошлои на 144-и год, и что на нынешнеи на 145-и год. К сеи памяти (*л. 142*) государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии печать земли Сибирские Енисеиского острогу приложил воевода Прокопеи Федоровичь Соковнин. Лета 7145-го, февраля в 4 день.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, лл. 141–142.

56. *1637 г. февраля ... — Память енисейского воеводы Прокопия Соковнина енисейскому атаману Ивану Галкину о невозможности прислать на Лену прибавочных служилых людей, о ясаке с Киренги и Куты, о присылке илимского ясака, об отсылке в Енисейск судов и судовых снастей, на которых Иван Галкин и Семен Серебряник посланы на Лену и Олекму.*

По государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу память Енисеиского острогу атаману Ивану Галкину. В нынешнем во 145-м году, сентября в 6 день писал ты вь Енисеискои острог к воеводе к Прокофью Федоровичю Соковнину Енисеисково острогу с служилым человеком с Феткою Чюрочкою, что в прошлом во 144-м году по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу послан ты, Иван, из Енисеиского острогу на его государеву службу на Лену вь Якуты, в новои Ленскои острожек на перемену енисеискому сыно боярскому Парфену Ходыреву, а служилых людеи с тобою послано пятдесят человек, и теми де служилыми людми на Лене реке государевы казны ясаку с яколских князцов збирати неким, потому что якуцкие подгородные лутчие князцы Камук, да Урта, да Орту великому государю изъменили и у сына боярсково у Парфена Ходырева государевых служилых людеи, шти человек, пятидесятника Трофима Выродова с товарыщи и толмача Дунаика Петрова убили, а ныне де князцы, отступяся детеи своих в Ленском острожке в оманатех, отъехали своими родами на захребетные на далные реки, на Аргу да на Тату, князец Ногуи да князец Тусерга, и толмача де в Яколском острожке не стало, и тех служилых людеи, которые с тобою на государеву службу послано, пятдесят человек, мало, и государевы казны ясаку збирати неким, потому что розсылок из Яколсково острожку (*л. 139об.*) для государева ясаку в розные землицы и приводу под государеву царскую высокую руку многие. И тебе б из Енисеиского острогу ныне[1] прислать по государеву указу служилых людеи чловек

[1-1] *Написано над строкой.*

[1] *Написано нечетко.*

пятдесят. И вь Енисеиском остроге за посылками, что послано в прошлом во 144-м году для государева ясачново збору в разные острожки и волости, осталось мало, не будет и с те посылки, что будет надобе послать на государеву службу из Енисеиского острогу для государева ясачново збору в нынешнем во 145-м году в разные ж острожки и волости, на Лену реку и на Олекну, и в Брацкую землицу. А с тобою послано служилых людеи на Лену в новои Ленскои острожек болше прежних годов пятдесят человек. Да тебе же велено взять по государеву указу по наказнои памяти в Ленском острожке у сыно боярсково у Парфена Ходырева енисеиских же служилых людеи десять человек, и у тебя будет всех служилых людеи шездесят человек. Да ныне бы тебе по государеву указу взять на Лене в новом Ленском острожке у енисеисково сыно боярсково у Парфена Ходырева енисеиских служилых людеи сверхь тех десяти человек, что тебе велено взять по наказнои памяти, у Парфена же, десять же человек, и обоего тебе взять у Парфена, по прежнему и по нынешнему государеву указу, дватцать человек. И промышлять бы тебе со всеми служилыми людми государевым делом неоплошно, и [с] прежних ясачных людеи государев ясак збирати с прибылью, и вновь немирных и непослушных землиц под государеву царскую высокую руку, приискивая, приводить, сколко милосердныи Бог помочи подаст. А в прошлом во 143-м году с сыном боярским Перфеном Ходыревым на тое ж государеву службу на Лену послано служилых людеи всего тритцать человек, а вь Якольском острожке велено ему взять у стрелецкого головы у Богдана Болкошина тритцать человек, а в прежних годех по столку служилых людеи на Лену не посылывано. И о служилых о прибавочных людех и до твоеи (*л. 140*) отписки писано в Томскои город, чтоб для государевых многих далных годовых и двугодовых служеб прислали ис Томсково вь Енисеискои острог служилых людеи. И как с Томсково пришлют служилых людеи вь Енисеискои острог для далных служеб на прибавку, и к тебе на Лену служилые люди из Енисеиского пошлютца, сколко человек пригоже, смотря по людем, съколко ис Томсково пришлют. Да написано у тебя де, Ивана, в наказнои памяти, велено тебе, приехав в новои Ленскои острожек, росъпросить сыно боярсково Парфена Ходырева и служилых людеи, которые с ним посланы на государеву службу в прошлом во 144-м году, зимуючи на Ленском волоку, государева ясаку с Киреньги и с усть Куты на 144-и год против прошлого 143 году [2]с ясачных[2] людеи четыре сорока тритцать пять соболеи собрали ль, да будет собрали, и зачем в прошлом во 144-м году по первои полои воде того государева ясаку вь Енисеискои острог не прислал, и будет собран, а не послан, и тебе велено, взяв у него тот государев ясак, прислать вь Енисеискои острог с кем пригоже незамешкав, а будет он, Парфен служилыми людми, того государева ясаку, четырех сороков тритцати пяти соболеи, своею оплошкою не собрали, и тебе на них, на Парфене и на служилых людеи, велено, доправя весь сполна тож, и прислать вь Енисеискои осътрог. И в нынешнем же во 145-м году, сентября в 24 день писал вь Енисеискои острог к воеводе к Прокофью Федоровичю Соковнину с Лены, из нового Ленского острожку енисеискои сын боярскои Парфен Ходырев и прислал с енисеиским служилым человеком с Никиткою Нифаньтьевым государевых ясачных, что он собрал на прошлои на 144-и год с Киренги и с усть Куты реки, четыре сорока четырнатцать соболеи, а не дослано против прошлого 143-го году с Киреньги и с усть Куты государева ясаку дватцати одново (*л. 140об.*) соболя. И о том из Енисеисково острогу к нему, Парфену, писано,

[2-2] *Написано над строкой.*

чтоб ему тот государев недоборнои ясак с Киренги и с усть Куты, собрав, привесть с собою вместе. И тебе б, атаману Ивану, того государева ясаку по наказнои памяти, что у тобя писано, на нем, Парфене, и на служилых людех четырех сороков тритцати пяти соболеи править не велеть, потому что от него тот государев ясак, четыре сорока четырнатцать соболеи, вь Енисеискои острог прислан, а недоборного государева ясаку, дватцати одново соболя, буде он, Перфен, и служилые люди с собою вь Енисеискои острог не пъривезут, и на них тот недоборнои ясак велят доправить вь Енисеиском остроге. А с сею наказною памятью ныне посланы к тебе к Ленскому волоку енисеиские служилые люди Гуляико Федоров да Костка Михаилов, и тебе тем енисеиским служилым людем велеть быть на государеве службе у собя в полку вместе с енисеискими служилыми людми. Да что тебе, Ивану, по государеву указу велено собрати государев ясак на нынешнеи на 145-и год с ылимских с ясашных людеи, и тебе б, собрав тот государев ясак сполна, без недобору и с прибылью, как, Боже даст Бог, на весну лед скроетца, тот государев илимскои ясак послать тотчас по первои полои воде за лдом с первыми ездоки, с кем прогоже, и о том вь Енисеискои острог отписати к воеводе к Прокофью Федоровичю Соковнину. Да в которых государевых судех, в трех дощаниках, со всякими судовыми снастми по государеву указу послан ты, Иван, служилыми людми на государеву службу на Лену реку до Ленского волоку, и с вами ж вместе послан на государеву службу на Олекну пятидесятник Семен Серебреник в государеве ж в одном дощанике, а по государеву указу тебе и Семену с служилыми людми те государевы суды и судовые снасти до весны велено беречь накрепко, (*л. 141*) чтоб зимою в лед не закипели, и на весну б ледом не изломало, и водою не унесло; а по весне, как лед скроетца, те государевы суды, и парусы, и судовые снасти прислати все вь Енисеискои острог для отпусъков же на государевы службы служилым людем. И, как Боже даст Бог, на весну лет скроетца, и тебе б, Ивану, те государевы суды со всякими судовыми снастми, в которых шол ты, Иван, и что шел Семен Серебреник служилыми людми, прислать вь Енисеискои острог с служилыми, и с торговыми, и с промышлеными людми однолично не замотчав ни за чем. Да будет мошно, под Ленским волоком у торговых и у промышленых людеи купят судов добрых крепких отдешева гораздо или будет у них которые суды пометаны, а на государев обиход для посылок годятца, и тебе ж одналично судами промыслить и прислать с теми ж государевыми судами вместе. И о том обо всем отписать вь Енисеискои к воеводе к Прокофью Федоровичю Соковънину, с кем имянем и сколко каких судов и судовых снастеи отпустишь, чтоб про то в Енисеиском ведомо было. А однолично б тебе, Ивану, судами промыслить, чтоб за тем вь Енисеиском государевы службы не стали. К сеи памяти государеву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии печать земли Сибирские Енисеиского острогу приложил воевода Прокофеи Федоровичь Соковнин лета 7145-го, февраля в [...][3] день.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, лл. 139–141.

57. *1637 г. апреля 8. — Грамота в Енисейск воеводе Прокопию Соковнину о присылке в Москву соболиной казны, собранной на Лене с каталинских людей.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь вь Енисеискои острог воеводе нашему Прокопью Федоровичю Соковнину. Писал еси к нам,

---

[3] *В рукописи оставлено место.*

что в прошлых годех, во 142-м году, 143-м году, по нашему указу посыланы с Лены енисеиские служилые люди Фетка Чюркин с товарыщы на Лену в новую землицу вверхь по Алдану реке и немирных и непослушных землиц приискивати и под нашу царскую высокую руку приводить, и тот де Фетка Чюркин с товарыщы десять человек на Олдане реке, пришед в Каталинскую землицу, острожек поставили серед Каталинсково роду и тунгуских, и брацких людеи, и иных немирных многих землиц на усть Камнюни реки, и поставя острожек, князца Даваню и с его улусными и с тунгускими людми под нашу царскую высокую руку привели и ясак наш с него он, Фетка Чюркин с товарыщы, два сорока один соболь взяли, и вперedь де тот князец Даваня учинился нам послушен и в вечном холопстве, и для нашего ясаку дал тем служилым людем в оманаты сына своего, Сегу, что ему, князцу Даване, и со всеми своими улусными людми впередь по вся годы ясак нам платить и свою братью и улусных их людеи, которые преже сего нам ясаку не плачивали, к нашему величеству призывать. И в прошлом де, во 143-м году, пришед он, Федка Чюркин с товарыщы, с тою нашею ясачною соболиною казною и с аманатом Сегою на Лену реку в Ленскои острожек, и Енисеиского де острогу голове стрелецкому, Богдана[1] Болкашину, того аманата Сегу отдал. Да [в] прошлом де же, во 143-м году, тот Богдан Болкашин с Лены реки из острожку (*л. 133*) послал с тем аманатом Енисеиского острогу служивых людеи Фомку Кирилова с товарыщы десяти человек на Алдан реку для нашего ясачного збору, и те служилые люди Фомка Кирилов с товарыщы с того Катулинского князца Даваня и с его улусных и тунгуских людеи за тем же аманатом взяли нашего ясаку два сорока дватцать соболеи. Да те ж служилые люди Фомка Кирилов с товарыщы у тех калинских мужиков купили на наши товары, на олово и на одекуи, два ж сорока четыре соболя. Да и впередь де в том новом острожке на Алдане реке усть Камнюни будет в нашем ясаке многая прибыль. А тое де нашу соболиную казну, что собрали те служивые люди Фетка Чюркин с товарыщы вново нашего ясаку на Алдане с каталинских людеи во 143-м году, два сорока один соболь, и что десятник Фомка Кирилов с товарыщи взяли нашего ж ясаку с тех же каталинских людеи во 144-м году, два сорока дватцать соболеи, да купленых два сорока дватцать четыре соболя с Лены реки, стрелецкои голова Богдан Болкашин с теми служилыми людми с ыною нашею соболиною ясачною и поминочною и десятинною казною в нынешнем же, во 145-м году, привес вь Енисеискои острог. И как ся наша грамота придет, и ты б тое ясачную и купленую мяхкую рухлядь прислал к нам к Москве с ыною рухлядью вместе, а с кем тое рухлядь служилыми людми к нам к Москве пошлеш, и с кем имянем, и ты б о том для ведомо отписал к нам к Москве с ыными нашими делы вместе, (*л. 133об.*) а отписку велел подати в Сибирском приказе боярину нашему князю Борису Михаиловичю Лыкову да дьяку нашему Никифору Шипулину. Писан на Москве лета 7145-го, апреля в 8 день.

На подлинной грамоте в помете написано

Дияк Никифор Шипулин.

Справил подьячеи Петр Стеншин.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, лл. 132об.–133об.

---

[1] *Так в рукописи.*

58. *1638 г. не ранее сентября 2. — Отписка с Ленского волока Парфена Ходырева енисейскому воеводе Никифору Веревкину о прибытии на Ленский волок, о посылке служилых людей на Лену, Киренгу, Илим и в Ленский острожек, о присылке прибавочных людей и о выходе служилых людей Ильи Перфильева с товарищами с государевою казною с реки Янги.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводе Никифору Логиновичю Парфенко Ходырев челом бьет. В прошлом во 146-м году по государеву указу послан я, Парфенко, на государеву службу на Ленскои волок и в новои Ленскои острожек Енисеиского острогу служилыми людми на перемену Енисеиского острогу[1] сыно боярскому Петру Бекетову[2]. Пришол я на Ленскои волок з государевою казною августа 24-е число. А по государевым службам служилых людеи розослал для государева ясачново збору сентября в 2 число верхь по Лене реке десятника Семенку Чюхчерема с товарыщы пятнатцать человек, а вниз по Лене реке на усть Киренги семь человек — Дунаика Степанова с товарыщы, а на Киренгу реку шесть человек — Васку Тимофеева Сороку с товарыщы, а вниз по Илиму реке на усть Илима реки пять человек — Исачька Онфимова с товарыщы, а в Ленскои острожек с отписками к Петру Бекетову четырех человек — десятника Мишку Кожевникова с товарыщы, а толмачеи по государевым службам с ними служилыми людми, которые вниз и вверхь по Лене реке и на Киренгу реку для ясачного збору посланы, язычных людеи нет, да для государева судна наняты плотники служилые люди — Ивашко Овдеев с товарыщы четыре человека, и на тот дощаник судовых скоб нет, и делать того дощаника нечем, и у торговых людеи судовых скоб на Ленском волоку нет же. А со мною на Ленском волоку у государевы казны остался один человек, для того что со мною служилых людеи послано немного, всего сорок три человека. А на государевы службы вниз и вверхь по Лене реке послал служилых людеи для государева ясачного збору при старом болши, для того что иноземцы тунгуские люди внизу и верху по Лене реке самоволны, на поплаве ныне убили промышленых людеи трех человек, а се толмачеи с ними нет. И в прошлом во 146-м году вверху по Лене реке и на Киренге тунгуские князцы государева ясаку Петру Бекетову не давали, и в Ленском острожке многие далные новые[3] землицы сыскиваютца, а служилых людеи со мною мало, достать тех далных землиц людеи некем. И тебе б, Никифор Логиновичь, (*л. 2об.*) по государеву указу послать ко мне из Енисеиского острогу служилых людеи на прибавку в нынешнем во 147-м году зимою, а вь Енисеискои острог для судовых скоб с отписками послан с волоку енисеискои служилои человек Ивашко Васильев. Да в прошлом во 146-м году вышли из новые землицы з государевою казною с Янги реки служилые люди, Илья Перфирьев с товарыщы, и тамо збираетца государевы казны збор немалои, и о тои службе по государеву указу, Никифор Логиновичь, как прикажешь.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, л. 2–2об.

59. *1639 г. ноября 1. — Грамота в Тобольск воеводам, князю Петру Пронскому с товарищами, об отпуске контайшиных послов в Москву.*

---

[1] *Далее знак вставки — три кружка.*

[1-2] *Вставка на левом поле.*

[3] *Слово написано над строкой.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь в Тоболеск воеводам нашим князю Петру Ивановичю Пронскому да Федору Ивановичю Ловчикову да дьяком нашим Ивану Трофимову да Ондрею Галкину. В прошлых годех и в нынешном во 148-м году писали к нам из Сибири из Тоболска столники и воеводы князь Михаило Темскин[1] Ростовскои с товарыщи, а после князь Михаила писали к нам о колмацких Контаишиных послах, что те Конътаишины послы, приходя в Тоболеск, бьют нам челом, что Контаиша с нашими людми воины не вчинает и наших изменников, ясашных татар, которые бегают воровством в его Конташин и в ыныне колмацие улусы, и которых ясашных людеи колмацие таиши емлют воиною, сыскивает и отсылает назад в сибирские городы, в прошлом во 143-м году отдал на Тару наших тарских изменников, барабинского князца Кугутеика и барабинских ясашных людеи, которые изменили во 137-м году, да ясашных же людеи, которых Куля таиша взял воиною без Контаишина веленья во 142-м году з женами и з детьми и со всеми животы, сто семеи, да лошадеи с тысячю, а ныне и досталных наших изменников, тарских татар Куланчеика с товарыщи, сыскав, хочет отдать на Тару. Да и рускои де (*л. 33об.*) полон, выискав в ыных улусех, хочет выслать в наши городы. А которые де таиши присылают к нему, х Контаише, людеи своих и просят у него людеи, и ево, Конташу, под наши городы воиною зовут, и Кон де таша нам служит, тем колмацким таишам в том отказывает и от того их унимает, что он сам под наши городы ходить не хочет и людеи своих не посылает. А приказывает к тем таишам, будет они под наши городы поидут, и он, Конташа, в Тарскои город хочет весть учинить, а их самих воевать. А Мунгалские де земли люди хуже его, и службы их к нам никакои нет. И тех да мунгалских людеи послов отпущают к нам к Москве, а ево де, Конташины, к нам службы много, а нам бы его, Контаишу, за ево службу пожаловать, велети послов его отпущати к нам к Москве. И мы, слушав отписок, Контаишу пожаловали, послов его, которые впредь из колмаков в Тоболеск придут и учнут бити челом об отпуске к Москве, отпустить с приставом, с кем пригоже, велели, а на Москве тех Контаишиных послов указали приняти в Посолском приказе. А как тех Контаишиных послов изс Тоболска отпустить к нам к Москве и по чему им от Тоболска до Москвы давать поденнго корму, о том велено послати нашу грамоту ис Посолского приказу. Как к вам ся наша[2] грамота придет, а ис колмацких улусов, которыя будет впредь от Контаиши в Тоболеск послы придут и учнут бить челом об отпуске из Тоболска к нам к Москве, и вы б тем Контаишиным послом наше жалованье сказали, что мы Контаишу жаловали, их послов из Сибири ис Тоболска к Москве отпустить велели, и наше жалованье Контаише за его службу будет. И он бы, Контаиша, видя к себе наше жалованье, и впередь (*л. 34*) нам служил и во всем прямил, и досталных наших изменников, барабинских татар Куланчеика с товарыщи, сыскав, и отдал, и рускои полон, выискав в своих и в иных улусех, выслал в наши сибирские городы, а сказал тем колмацким таишиным послам наше жалованье, отпустили их из Сибири ис Тоболска к нам к Москве с приставом и с провожатыми, с кем пригоже, и корм им в дорогу велели дати против нашего указу, каков наш указ об отпуске тех Контаишиных послех, и о корму, и о провожанье прислан к вам будет из Посолского приказу. А хто имяны из колмацких улусов от Контаиши послов присланы, и которого чина тех послов, и с кем имяны с приставом и с провожатыми ис Тоболска к нам к Москве

[1] *Так в рукописи.*
[2] *Слово написано над строкой.*

отпустите, и вы б о том их отпуске отписали к нам к Москве наперед их отпуску с нарочным гонцом, а на Москве тое отписку велели подати в Сибирском приказе боярину нашему князю Борису Михаиловичю Лыкову да дьяком нашим Микифору Шипулину да Михаилу Патрекееву, да и в Посолскои приказ об отпуске тех Контаишиных послех потому ж отписали. Писан на Москве лета 7148-го, ноября в 1 день.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 11, лл. 33–34.

60. *1640 г. января 28. — Грамота в Тобольск воеводам, князю Петру Пронскому с товарищами, о посылке к контайше и к Кула-тайше тобольского сына боярского с государевыми подарками и с посольскими речами.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь в Тоболеск воеводам нашим князю Петру Ивановичю Пронскому да Федору Ивановичю Ловчикову да дьяком нашим Ивану Трофимову да Ондрею Галкин[1]. В прошлом во 143-м году писали к нам ис Тоболска столник и воевода князь Михаило Темкин Ростовскои с товарыщи, в том же во 143-м году, июня в 16 день писали к нему, ко князю Михаилу, в Тоболеск с Тары воеводы, князь Федор Белскои да Неупокои Кокошкин, что прислали ис колмацких улусов в Тарскои город с тарскими служилыми людми, которые в колмацкие улусы посыланы, Кула таиша по приказу Контаиши наших тарских изменников, барабинского князца Кугутеика и барабинских ясашных людеи, которые изменили (*л. 46*) во 137-м году; да ясашных же людеи, которых он, Кула таиша, взял воиною без Контаишина веленья во 142-м году, отдал з женами и з детьми и со всеми животы, сто семеи, да лошадеи с тысячю; и вперед де наших досталных тарских и иных изменников Контаиша в улусе у себя держать не велел. Да в нынешнем во 148-м году писали вы к нам Тоболского города с казаком атаманом з Гаврилом Ильиным по ево, Гаврилову, роспросу, и тарских воевод по отписке, и иных служилых людеи по роспросу о колмацких розных вестях; а в отписке вашеи написано, что тот Контаиша нам служит и радеет, которые ево иные таиши подговаривали под наши сибирские городы, а иные и без ево ведома хотели итьти воиною, и он тех таишеи от воины унимал, и послов их лаял, и бить хотел, и нож на них вынимал, и тем их послам и Талаи таишиным детям послом отказал, а говорил им, толко они под наши городы собою поидут, и он за то хотел на них сам итти воиною. И колмацкие таиши свою думу, что им иттить под наши городы воиною, отложили. А бил челом нам Контаиша, толко мы ево пожалуем нашим царским жалованьем и с Москвы ему пришлем, и он хотел и досталных тарских изменников, и барабинских и чоинских ясашных татар, Кулаиченка с товарыщи, на Тару отдать. И мы колмацких Контаишу и Кулаи таишу за прежнюю их службу, что Кулаи таиша по приказу Контаиши наших изменников на Тару отдал сто семеи да лошадеи с тысячю, и за иные их службы, (*л. 46об.*) что они к иным таишам сами к дурну не пристали и от дурна их унели, воиною им под наши городы итьти не велели, за то пожаловали их, велели к ним послать нашего жалованья, кубков, и братынь, и ковшов серебряных, и отласов золотных и гладких, и камок, и усов[2] добрых, х Контаише на две сте на пятьдесят рублев, х Куле таише на сто на пятьдесят рублев с сибирскими Томсково города с служилыми людми с сыном боярским с Васильем Старковым да с томскими казаки Федкою

[1] *Так в рукописи.*
[2] *Так в рукописи, следует читать* сукон.

Засухиным да с Макарком Колмогоровым с товарыщи, которые присланы к нам к Москве с алтыновыми послы. А что того нашего жалованья к тем таишам с ними послано, и тому под сею нашею грамотою роспись за дьячьею приписью. Как к вам ся наша грамота придет, а томскои сын боярскои Василеи Старков с товарыщи с тем нашим жалованьем, что по нашему указу послано х колмацким таишам, привезут, и вы б тово Василья кубки, и братыни, и ковши серебряные, и отласы золотные и гладкие, и камки, и сукна по росписи велели принять все налицо, а приняв, да то наше жалованье с тоболским сыном боярским, выбрав для того нарочно человека добра, и которои бы сам грамоте умел и с такое б дело ево стало, дав ему служилых людеи, сколко будет человек пригоже, послали в калъмаки х Кон таише да х Куле таише. А приехав ему в калмаки, Контаише и Куле таише велели нашего царьского величества милостивое и жаловалное слово сказати, что он, Контаиша, и Кула таиша нам служили и прямили, и изменников наших отдали, и иных колмацких таиш от дурна унимали, и сами к дурну (*л. 47*) не пристали, и за то мы, великии государь царь и великии князь Михаило Федоровичь всеа Русии самодержец, пожаловал своим царьским жалованьем, кубками, и братынями, и ковши серебряными, и отласы золотными и гладкими, и камками, и сукны добрыми, и они б, Контаиша и Кула таиша, вперед нам, великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии, служили и прямили, и радели, тарских бы изменников, барабинских и чоинских татар Кулаиченка с товарыщи, да тарского ж изменника Качашка Танатарова, и иных наших изменников, и тарскои же и тюменскои полон, которои у них в улусех есть, нам отдали — татар на старые их кочебья, а полон в те городы, хто откуды взят, а вперед бы они нам, великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии, служили и прямили, и радели, и иных бы свою братью, таишеи, на нашу царьскую милость призывали, и нашим царьским жалованьем обнадеживали, и от дурна их унимали, и под наши городы, и на слободы, и на ясашныя волости воиною сами не ходили и людеи своих не посылали, и иных колмаков не пропускали; а будет которые воровством поидут, и они б нам послужили, за то их воровство и непослушанье сами[3] на них воиною[4] ходили, и их смиряли, чтоб от тех воров над нашими городы, и над слободами, и над ясашными волостьми дурна никакова не было. А наше царьское величество за то их пожалуем, смотря по их службам и по раденью, да и то мы ево, Контаишу, пожаловали ж, что по ево челобитью послов ево к нам (*л. 47об.*) к Москве отпускать велели. А велели б вы тому сыну боярскому, ково в колмаки с тем нашим жалованьем пошлете, в наказ написали[5], как ему, приехав в колмаки, и таишам Контаише и Куле таише нашего царьского величества полную титлу написать, говорити[1] на писме, чтоб кому было за обычеи и нашего царьского величества титлу говорил остерегательно, а и говоря таишам нашего царьского величества титлу, да то наше жалованье отдать им по росписи, а отдавая, говорить ему то наше жалованье имянно, как что в росписи написано, так бы то и говорил, чтоб ин[6] то наше жалованье было явно и панятно. Да и тово б у тех таишеи в улусех тому сыну боярскому и служилым людем велели проведывать и, придобря, выспрашивать накрепко, нет ли у них в колмацких у самих таишей какова дурново умыслу, и не

[3] *Далее знак вставки — три кружка.*
[3-4] *Вставка на правом поле.*
[5] *Так в рукописи, следует читать* написати.
[6] *Так в рукописи, следует читать* им.

чаят ли на наши городы, и на слободы, и на ясачные волости приходу, и что у них какая дума, и есть ли к нам их раденье, и не обманом ли они нам бьют челом и послов своих посылают, чтоб однолично про то ему приказать и в наказе написать с великим подкреплением, домышляючи и придобря всякими мерами, проведывали чтоб в них, про то проведать подлинно. Аково имянем с тем нашим жалованьем х колмацким таишам, х Контаише и х Куле таише, сына боярского с служилыми людми пошлете, и как он в колмаки (*л. 48*) с тем нашим жалованьем сходит, и колмацким таишам то наше жалованье отдаст, и что они наших изменьников, тарских барабинских и чоинских татар, и полону, и ково имяны отдадут, и в колмацких в улусех что каких вестеи проведают, и вы б тому всему велели ему написати статеиной список да о том отписали, и тот статеиной список за ево рукою прислали к нам к Москве с ыными нашими делами вместе, а отписку и статеиной список велели подати в Сибирском приказе к боярину нашему князю Борису Михаиловичю Лыкову да дьяку нашему Микифору Шипулину. Писан на Москве лета 7148-го, генваря в 28 день.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 11, лл. 45об.–48.

61. *1640 г. января 28. — Роспись государева жалованья, посланного из Москвы калмыцким тайшам — контайше и Кула-тайше.*

Роспись, что послано государева царева и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии жалованья с Москвы в Сибирь, х колмацким таишам с сибирскими с служилыми людми Томского города, с сыном боярским с Васильем Старковым да с томскими казаки, с Федкою Засухиным да с Макарком Колмогоровым с товарыщи.

Х Контаише

Кубок серебрян золочен, чеканнои, с кровлею, у него на пузе три личины человечьи крылаты, под пузом и на кровли по три дуги литые, на кровле на столбике человек щитом и с копьем, весу шесть гривенок восемь золотников.

Братыня серебряна, у неи по венцу резано подпись, государево (*л. 48об.*) имя, в четырех местех резаны травы спускные, подпись и травы и поддон золочены, весу полпяты гривенки восмь золотников.

Ковш серебрян бел, в кругех подпись, государево имя, в ковше мишень золочена, на неи резан орел, весу две гривенки полшеста золотника.

Отлас золотнои по черленои земле, а на неи опахалы золоты в цветах, шолк бел, лазорев, зелен,

пять аршин сукна шарлату,

десять аршин камки куфтерю черленои,

десять аршин камки травнои, шолк рудожелт, черлен,

десять аршин камки черленои травнои,

десять аршин отласу черленово,

десять аршин отласу зеленого,

половинка сукна лундышу черлена,

половинка сукна лундышу вишнева,

постав сукна настрафилю одинцового черлен.

Х Куле таише

Кубок серебрян золочен с кровлею, на братинное дело, венец резнои, по кубку, и по кровле, и по поддону трубы, весу четыре гривенки дватцать шесть золотников.

Братына серебрена, у неи по венцу резана подпись, государево имя, венец, и спуски, и поддон золочены, на спусках резаны травы, весу две гривенки дватцать восмь золотинков.

(*л. 49*) Ковш серебрян бел, в кругех подпись, государево имя, в ковше мишень золочена, на неи резан орел, круги и мишень золочена, весу две гривенки три золотника.

Отлас золотнои по черленои земле, по нем ре[...]и[1] и листы косые золоты, в цветах шелк бел, зелен, лазорев.

Пять аршин сукна багрецу,
десять аршин камки куфтерю черленои,
десять аршин камки травнои, шолк рудожелт, черлен,
девять аршин камки алои мелко травнои,
десять аршин отласу зеленого,
половинка сукна лундушу черлена.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 11, лл. 48–49.

62. *1640 г. мая 30. — Грамота в Тобольск воеводам, князю Петру Пронскому с товарищами, о посылке к контайше с его послами, Урускаем и Ноедой, 10 собачек постельных, 10 свиней, 2 вепрей, петуха и курицы индейских и об отпуске послов к контайше.*

От царя и великого князя Михаила Федорочича[1] всеа Русии в Сибирь в Тоболеск воеводам нашим князю Петру Ивановичу Пронскому да Федору Ивановичю Ловчикову да дьяком нашим Ивану Трофимову да Ондрею Галкину. В Сибирскои приказ к боярину нашему ко князю Борису Михаиловичю Лыкову да к дьяком нашим к Никифору Шипулину и к Григорью Протопопову в память ис Посолского приказу за приписью дьяка нашего Максима Матюшкина написано, в нынешнем во 148-м году, апреля в 3 день писали вы к нам, что в нынешнем же во 148-м году, декабря в 6 день прислал ис калмыцких улусов в Тоболеск Контаиша дву человек послов своих, Уруская да Ноеду, бити нам челом (*л. 49об.*) чтоб нам его, Контаишу, пожаловать, велеть прислать к нему нашего жалованья пансыр доброи, да пищаль ручную, да свинцу не ото много[1], да на завод десять свинеи, да два вепря, да петуха, да курицу индеиских, да десять сабачек постелных малых. А он, Коитаиша, нам служил, выслал напередь сего от себя из колмацких улусов в Сибирь в Тарскои уезд в Барабу наших изменников, барабинских татар князца Когутеика с товарыщи, з женами и з детьми на старые их юрты сто семеи, да и досталных изменников, барабинских и чоинских татар Куланчеика с товарыщи, велел сыскати и выслать из земли своеи в Тарскои же уезд на старые их юрты тот час. И толко мы ево, Контаишу, тем, о чем он нам бьет челом, пожалуем. И то б наше жалованье прислати к нему к Соляным озерам, а с тем бы нашим жалованьем отпустити к Соляным озерам из тех ево послов одново человека, а дугово отпустить к нему, х Контаише, с вестью через степь. А он, Контаиша, по то наше жалованье пришлет от себя к Соляным озерам Кулу таишу и, приняв то наше жалованье, велит Куле таише от Соляново от Ямыша озера возить в наши суды соль на верблюдах своих, а для тое возни пришлет с Кулою к Соляным озерам сто верб-

[1] *Слово с нечетко написанной выносной.*

[1] *Так в рукописи.*

людав. А бив нам челом, те послы просились из Сибири ис Тоболска о том же бити нам челом к Москве, и вы тех колмацких Контаишиных послов Уруская и Ноеду отпустили (*л. 50*) к нам к Москве. А на Москве те послы били нам челом о том же, чтоб мы Контаишу пожаловали, велели прислати к нему за ево службу нашего жалованья пансыр, да пищаль добрые, да свинцу не ото многа, да десять сабачек постелных малых, да десять свинеи, да два вепря, да петуха, да курицу индеиских. И мы Контаишу за ево службу пожаловали, указали к нему послати нашего жалованья десять сабачек постельных малых, да десять свинеи, да два вепря, да петуха, да курицу индеиских из Сибири ис Тоболска, взяв в цену в Тоболску или в ыных сибирских в ближных городех, у каких людеи сыщетца, а денги за то за все указали есмя дати из нашеи казны ис тоболских доходов и отдати то все Контаишиным послом Урускаю да Ноеде, как они приедут с Москвы в Тоболеск. А отдав, с тем со всем отпустить из Тоболска одного из них к Соляным озерам с сибирскими служилыми людми вместе, а другово через степь х Контаише с вестью. И как к вам ся наша грамота придет, а колмыцкие Контаишины послы Урукаи и Ноеда с Москвы в Сибирь в Тоболеск приедут, и вы б велели взять в Тоболску или в ыных в сибирских в ближних гродех, у каких людеи сыщетца, десять сабачек малых постелных, да десять свинеи, да два вепря, да петуха, да курицу индеиских в цену, а денги за то за все велели дати по цене из нашеи казны ис тоболских доходов, и велели то все отдать Контаишиным послом Уруская и Ноеде. А отдав им, отпустили из них одново которово (*л. 50об.*) нибудь с тою посылкою изс Тоболска к Соляным озерам с сибирскими служилыми людми вместе, с кем пригоже, а другово посла отпустили б степью в колмацкие улусы х Контаише рез[2] степь. А которого числа те колмацкие Контаишины послы с Москвы в Сибирь в Тоболеск приедут, и как их с тою посылкою ис Тоболска отпустите, и с кем имянем одново к Соленым озерам с сибирскими служилыми людми, а другово через степь отпустите, и вы б о том отписали к нам к Москве незамотчав, а отписку велели подати в Сибирском приказе боярину нашему князю Борису Михаиловичю Лыкову да дьяком нашим Микифору Шипулину да Григорью Протопопову, да и в Посолскои бы есте приказ о том к нам отписали ж. Писан на Москве лета 7148-го, маия в 20 день.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 11, лл. 49–50об.

63. *1641 г. не позднее марта 5. — Челобитная торгового человека Алексея Тихонова Хромого и промышленного человека Сергея Федорова о даче на оброк «соляных пожилин» на притоке реки Тасеевой Манзе и приговор енисейского воеводы Никифора Веревкина об устройстве варницы на притоке реки Тасеевой.*

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьют челом сироты твои Олешка Тихонов, торговой человечишко, да Сергушко Федоров, промышленной человечишко. В нынешнем, государь, во 149-м году вверх по Тасееве реке, с устья 3 днища ходу нартного, выпала речка с правой руки, и по той речке вверх 4 днища ходу нартново под сосновым бором на левой стороне речки промеж ручьями, пониже водяново ручья, а повыше сухово нашли мы, сироты твои, соляные пожилины россольные признаки, а противо тех признак за речкою на правой строне сенные наволоки. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, пожалуй нас, сирот твоих, позволь, государь, нам на тех соляных рос-

---

[2] *Так в рукописи; следует читать* чрез.

сольных признаках трубу огнести и варницу поставить для солянаго промыслу и твоей государевы десятые пошлины с соли. И вели, государь, нам те соляные рассольные признаки и с лесом, и с сенными покосы, и с рыбными ловли, и со всеми угодьи около тех признак по той речке вверх и вниз и в гору по обоим сторонам кругом на две версты, будет соляной промысел объявитца, дать на оброк, а оброком годовым почему ты, государь, пожалуешь. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте: 149-го году марта в 5-й день по государеву цареву и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русии указу и по приказу воеводы Микифора Логиновича Веревкина на том месте Олешке да Сергушке, против сего челобитья, на тех соляных признаках трубу огнести и варница поставить; а как устроят варницу, и им про то объявить в Енисейском остроге в съезжей избе воеводе Никифору Логиновичу Веревкину, и тое варницу изоброчат, а нам с тои и на угодье против сего челобитья дадут отводную и данную за государевою енисейскою печатью. К сей челобитной государеву цареву и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русии печать земли Сибирские Енисейскаго острогу воевода Никифор Логинович Веревкин приложил.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, с. 296–297.

64. *1641 г. не ранее декабря 30. — Отписка в Москву тобольских воевод князя Петра Пронского с товарищами о посольстве к Чокур-тайше тобольского новокрещена Луки Кызылова с приложением его доезда.*

I. Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии холопи твои Петрушка Пронской, Федька Ловчиков, Ивашко Трофимов, Ондрюшка Галкин челом бьют. В прошлом, государь, во 149-м году августа в 31 день писали мы, холопи твои, к тебе, ко государю, с тобольскими служивыми людьми с Ивашком Резицким да с Тимошкою Пошехоновым, что в том же во 149-м году маия в 11 день посылали мы, холопи твои, к Чокуру тайше в посланниках тобольскаго новокрещена Луку Кызылова, а о чем, государь, Чокуру тайше говорить приказывали, и о том к тебе, ко государю, в том их вышеописанном холопи твои… И в нынешнем, государь, во 150-м году декабря в 30 день тобольской новокрещен Лучка Кызылов в Тоболеск приехал, а с ним, государь, приехал от Чокура тайши посланник Ногаж. И мы, холопи твои, тому Чокурову посланнику велели быть у себя на съезжем посольском дворе. И тот посланник тебе, государю, челом ударил от Чокура тайши барс да камку и бил челом тебе, государю, чтоб ты, государь…

II. 150-го году декабря 30 дня приехал в Тоболеск ис Колмаков от Чокура тайши тобольской новокрещен Лучка Кызылов, а в съезжей избе воеводам князю Петру Ивановичю Пронскому, да Федору Ивановичу Ловчикову, да Якову Ивановичю Трофимову, да Ондрею Галкину в роспросе сказал: пришел де с ним в Тоболеск ис колмацких улусов от Чокура посланник Моганак. А как де он, Лучка, отпущен ис Тобольска к Чокуру тайше, и ехал с тобольскими служилыми людьми с Сенькою Неустроевым да с Мельмаметком Кутабердеевым, которые отпущены были х контайше в посланниках, до Тары 3 недели, а с Тары до Кулы кошучи 2 недели, а от Кулы шли до Иртышского перевозу 2 недели, а с перевозу пошли врозно. И шел де он с перевозу до Чокура тайши 4 недели. А пришел де он к Чокуру тайше поутру рано. А как пришел, и Чокур де тайша велел ему, Лучке, быть к себе на посольстве. А как де он Лучка пришел к Чокуру на посольство, и Чокур де увидел ево встав, спрашивал

про государское многолетное здоровье. И он де говорил Чокуру тайше: Божьею милостию великий государь наш царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии самодержец и многих государств государь и обладатель на своих великих преславных государствах Российского царствия дал Бог здоров, и подал ему, Чокуру, государево жалованье — сукно. И Чокур тайша государево жалованье — сукно принял чесно и был челом на государском жалованье. А после де тово он, Лучка, Чокуру тайше говорил, что прислал он, Чокур, в Тоболеск посланников своих Алтара до Якшибая, а велел бити челом государю, чтоб государь ево, Чокура, пожаловал так же, что и брата ево контайшу, сукном шарлатным, и отласы, и камки, и кубки, и братынями... а что де пожаловал государь мужика Кулу, а ты де, Чокур тайша, не пожалован. Да ты ж, Чокур тайша, бил челом государю о трех пищалех да о свинцу, сколько государь пожалует, и про тебя, Чокура, по се время в Тобольску воеводы князь Петр Иванович Пронской с товарыщи не ведали и службы твоей ко государю не объявливалось; и с Тобольска воеводы князь Петр Иванович Пронской с товарыщи учнут писать ко государю к Москве, и государь тебя, Чокура, пожалует, смотря по твоей службе. А брата твоего контайшу великий государь наш пожаловал своим государевым жалованьем за ево контайшину службу, свое государево жалованье прислал с Москвы. И Чокур де тайша против того ему, Лучке, говорил, что есть де перед государем ево, Чокура тайши, служба, а он де русскаго обычая не ведал; а барабинских де татар контайша отдал государю с ним, Чокуром, по совету; а мужику де их Куле дано государево жалованье не по службе; а он де, Кула, живет по их приказу, Кула де живет от контайши, а от нево живет на приказе мужик его Карсай таков же, что и Кула, для тово: которые государевы посланники и торговые люди ездят через Барабу на Урчаки, и им приказано государевых посланников и торговых людей поить и кормить довольно и подводы давать без задержанья. Да и он же, Лучка, говорил Чокуру тайше, что прислал он, Чокур, в Тоболеск с посланники своими с Алтаром да с Якшибаем государю челом ударить барс без правой передней лапы, да полбарса да морской черный зверь, и те твои подарки к царскому величеству не пристойны, и отосланы те твои подарки с послы твоими к тебе назад, да и вперед тебе таких подарков царскому величеству присылати непристойно. И Чокур де тайша против тово говорил, что он, Чокур, перед государем виноват, что такие непристойные подарки послал, потому что де он, Чокур, человек степной и русково чину не знает. Да Чокур же де тайша бил челом государю, а с ним, Лучкою, приказывал: которые де государевы ратные люди присланы на ево Чокуровых людей на киргиз войною, и многих де ево людей государевы служилые люди побили, а живых де в полон взяли 150 человек, и государь бы ево, Чокура, пожаловал, впредь своим государевым людем ево Чокуровых киргиских людей воевать не велел, и которые де взяты в полон, тех бы людей велел ему пожаловать отдать; а которые де люди ево побиты, и в том де ево государская воля, тех де людей и спрашивать нечево. Да Чокур же ему, Лучке, говорил: только де он, Чокур, придет на государевы волости войною, и государю де то будет не гневно ли. Да Чокур же тайша бил челом государю, чтоб государь ево пожаловал, велел к нему прислать пансырь доброй, да пищалей добрых, да своих государевых послов и торговых людей, да пожаловал бы ево государь, Чокура, велел посла ево Моганака ис Тобольска отпустить к себе ко государю к Москве; а только де ево за подводами не отпустят, и он де, Чокур, и прогоны заплатит; пожаловал де государь брата ево контайшу своим государевым жалованьем, и послы де ево государ-

ские очи видели, и брат де ево контайша государскою милостию во всех землях хвалитца, и честен учинился государевым жалованьем, а ему де, Чокуру, также хочетца государские милости и жалованья к себе, что и брату ево контайше. Да он же, Лучка, слышал у контайши в улусе, едучи назад, у колмацких людей, что контайшин человек Мазик просился у контайши итти войною под Томской город и под иные городы, и контайша ему, Мазику, сказал, что он ево, Мазика, не унимает и не посылает. А как де придет кутухта, и кон де тайша з братьею к нему ездят на думу; а здумали де колмацкие люди, пошли на службу, а куды пошли, тово он, Лучка, не ведает. А больше тово с ним Чокур тайша ничево не приказывал; а велел к ним послать з дороги человеку своему Адаю Карсаеву посланника своего Могонака: а что де Маганаку Чокур с человеком своим говорить приказывал, тово он не ведает. А ему, Лучке, у Чокура тайши была честь и береженье, и корму и питья было довольно, и ни от ково никакова утесненья не было. Да и по дороге ему, Лучке, по ево, Чокурову, приказу корму было довольно и подводы давали без задержанья.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 11, лл. 52об.–54об.

65. *1641 г. декабря ... — Наказ тобольскому конному казаку Лариону Насонову, посланному из Тобольска к калмыцкому тайше Чокуру.*

...царскаго величества великаго государя царя и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русии самодержца его государские вотчины Сибирского царства воеводы князь Петр Иванович Пронский да Федор Иванович Ловчиков да дьяки Иван Трофимов да Ондрей Галкин велели тебе поклонитца и спросить о здоровье. И будет Чокур тайша спросит про великаго государя царя и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русии самодержца о его царском многолетнем здоровьи, и Ларке говорить: Божьею милостию великой государь наш царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии самодержец и многих государств государь и обладатель на своих преславных великих государствах Российскаго царства дал Бог здорово. И поднести сукна, а говорити: государь наш царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии жалует тебя, Чокура тайшу, своим государевым жалованьем сукнами червчатым да лазоревым. А после того говорить: прислал ты, Чокур тайша, в Тоболеск посла своего Могонака, а с ним прислал лист колмацкое письма, а что в том листу написано, того неведомо, потому что в Тобольску колмацких переводчиков нет, того листа перевесть некому; а впредь о чем учнешь великому государю нашему бити челом, и тебе присылать листы в Тоболеск написать татарским письмом, а не колмацким. Да будет Чокур тайша учнет говорить, что государевы служилые люди побили ево Чокуровых киргиских людей, а иных в полон поимали, и Ларке против того говорить, что государевы ратные люди по государеву указу посыланы ис Томскаго города на ево государевых изменников на киргиских людей, которые ему, государю, преже сево ясак давали, и ему, государю, изменили, и под Томской город и под иные городы приходили войною, и государевых людей побили, и великий государь наш для того на тех своих государевых изменников велел своих государевых ратных людей послати и своих государевых ратных людей от них оборонити, а их за измену разорити; а на твоих Чокуровых людей государевых ратных людей не посылывано; а будет государевы ратные люди подлинно твоих Чокуровых людей на бою з государевыми изменниками побили, а иных в полон имали, и великий государь наш велит про

то сыскати и людей твоих отдати. А будет Чокур тайша о том говорить не учнет, и Ларке самому тово не вчинати. Да Ларке ж Насонову говорити Чокуру тайше: говорил он, Чокур тайша, государеву посланнику Лучке Кызылову, чтоб государь пожаловал ево, Чокура тайшу, велел к нему в улусы присылати своих государевых посланников и торговых людей с товары; и государев посланник Лучка Кызылов бил челом государю в прошлом во... году, как был он Лучка у тебя, у Чокура, в посланниках, и ты де, Чокур, взял у него животы ево на 47 рублев, а хотел ему дать за те ево животы ясыря добрые ж, и ты де ясыря ему не дал, и тебе за тот ево живот прислать к нему, Лучке, ясыря доброва или велеть живот ево прислать к нему Лучке. И впредь бы тебе государевых послаников почетать, и честь им воздавать, а тем их не оскорблять, и живота у них грабежем не отымать, и назат их отпускать без задержанья; и будет впредь государевым посланникам честь и береженье будет и задержанья им не будет, и великий государь наш тебя, Чокура тайшу, пожалует и велит к тебе в улус послать своих государевых посланников и торговых людей со многими товары.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 11, лл. 54об.–56.

66. *1642 г. февраля 18. — Память верхотурского воеводы князя Никифора Мещерского приказчику Невьянской и Арамашевской слобод Дмитрию Лабутину о подыскании места под острог в Арамашевской слободе и о составлении сметы на его постройку.*

Лета 7150-го февраля в 18 день по государеву цареву и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русии указу память Верхотурскаго уезду на Невью Дмитрею Лабутину. В нынешнем во 150-м году февраля в 17 день писал ты на Верхотурье: велено де тебе быть по государеву указу в Арамашевской слободе в прикащиках, и Арамашевская де слобода стоит в степи, а от Невьянского острогу стоит та Арамашевская слобода верст с 50 и больши, а крепости в ней никакой от колмацких людей нет. И как к тебе ся память придет, и ты б в Арамашевской слободе осмотрел под острог крепково самово и погожего места; а где приищешь, и ты б то место измерил, сколько тово места сажен будет, и сметил, сколько на острог, и на башни, и на мосты, и на облама, и на отводы, и на надолбы, и на ворота бревен и на кровли драниц и ко всякому острожному делу лесу надобно, и каково лесу и кольких сажен надобно, и о том отписал на Верхотурье тотчас, а отписку велел подать в съезжей избе воеводе князю Микифору Федоровичю Мещерякову да Семену Звягину.

ЛОИИ, Верхотурские акты, кор. 91, тетр. 68, один сстав. Черновик. Список XVIII в. в ПФА РАН (ф. 21, оп. 4, д. 2, лл. 194об.–195).

67. *1642 г. не ранее июня 17. — Отписка тарского воеводы Василия Чеглокова тобольскому воеводе князю Петру Пронскому о сборе контайшиными людьми ясака в волостях Тарского уезда.*

Господину князю Петру Ивановичю Василей Чоглоков челом бьет. В нынешнем, господине, во 150-м году маия в 10 день послан был в Тарской уезд через Барабу в Чойскую волость тарской конной казак Игнашко Мезака для государева недоборново ясаку. И нынешнего 150-го году июня, господине, в 17 день приехал на Тару ис Чойские волости казак Игнашко, а приехав, в съезжей избе сказывал мне: как де он,

Игнашко, ехал ис Чойские волости через Барабу, и он де, Игнашко, выехав из Барабинския волости, встретил на дороге колмацких людей 11 человек, а неведомо которого тайши люди, а идут де они ис Тарскаго уезда ис Турашской волости дорогою. И тово же де дни он же, Игнашко, немного отъехав от колмаков, встретил Тунуской волости ясачнаго татарина Ивашка Шугурова, и тово де он Ивашка распрашивал: те колмацкие люди, которых он, Игнашко, встретил 11 человек, которово тайши люди, и где они и в которых волостях были, и для какова они дела в волости приходили. И ясачной де человек Ивашко Шугуров ему, Игнашке, сказал: те калмыки, которых он, Игнашко, встретил, контайшиных людей Кутенко с товарыщи, а идут де они ис Тарскаго уезда, ис Турашской волости и с Любайской и с Тунуской влостей, а приходили де они в те волости для ясаку и взяли де с тех волостей на контайшу ясак. Да тово ж числа приезжали на Тару ис Тунуской волости ясашной татарин Алменка Тугалаков для своего дела, и я, господине, тово татарина Алменка велел сыскать и привести с съезжую избу, и ево, Алменка, про тех калмацких людей роспрашивал, говорил ему на Таре учинилось что, приходили к нам колмацкие люди ныне весною, для чего приходили и от котораго тайши. И Тунуской волости ясашной татарин Алменко в роспросе сказал мне: ныне же весною после Велице дни колмацкие тайшины люди Кутенко с товарыщи, 11 человек, в их Турашскую, и в Любайскую, и в Тунускую волости приходили для ясаку и взяли де у них с трех волостей по полукоже красной, да по сажени сукна лятчинново, да по орловому перу; как тот Кутенко приходил к ним в волости, и ясашные люди о том ко мне с вестью в город не прислали. И наперед сево в прошлом во... году тот же контайшин человек Кутенко приходил в те ж волости для ясаку, и о том я в Тоболеск писал, чтоб мне в том от государя в опале не быть.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 11, лл. 51об.–52об.

68. *1642 г. июня 25. — Память якутских воевод Петра Головина с товарищами енисейскому казачьему десятнику Елисею Бузе по поводу его отписки о чендонских юкагирах.*

7150-го году июня в 25 день по государеву цареву и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русии указу память Енисейского острога казачью десятнику Елеске Юрьеву Бузе. В прошлом во 149-м году сентября в 24 день писал ты в Якуцкой острог к стольникам и воеводам к Петру Петровичю Головину да к Матвею Богдановичю Глебову: послан ты по государеву указу из Енисейскаго острогу на государеву службу на Лену реку и по иным сторонним рекам в новые землицы к якуцким, и к тунгусским, и к иным новым князцам для государева ясачного збору, и в прошлом во 147-м году выплыл ты с Яны реки протокою на губу, и государским счастьем усть Чендона реки поимал аманата шамана юкагирских людей родом кромым, и повелел де тобя тот шаман на Чендон реку к своим людем. И пришед на Чендон реку, и поставил зимовье, и призывал к государской милости юкагирских людей, и поимал двух аманатов лутчих людей — один аманат родом Тарбалцы именем Янготай, а другой аманат родом Яндагир именем Долгота, и взял ты государева ясаку на прошлой на 148-й год и на 149-й год с тех с трех аманатов и с родов их...

ПФА РАН, ф.21, оп. 4, д. 30, л. 311.

69. *1642 г. июля 31. — Наказная память якутских воевод Петра Головина с товарищами служилым людям Ивану Реброву с товарищами, отправленным на реку Оленек.*

Лета 7150-го году июля в 31-й день по государеву цареву и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русии указу, память тобольским, и березовским, и енисейским служилым людем Ивашку Реброву, Данилку Иванову, Ивашку Силному, Ларке Барабанщику, Трифанке Евсееву да целовальнику Ондрюшке Дубову. Итить им на государеву цареву и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русии службу на стороннюю реку на Оленек для того: в прошлом во 145-м году изиманы были с Оленека реки аманаты, и ясак под те аманаты иман был на государя со 145-го году и по 147-й год; и в прошлом же во 147-м году с теми аманатами посыланы были из Якуцкаго острогу для ясашнаго збору служилые люди Дружинка Чистяков с товарыщи, 7 человек, и те оленские аманаты 2 человека у Дружинки Чистякова служилова человека убили, а сами ушли, и тот Дружинка Чистяков со всеми служивыми людьми, которые с ним посланы, за теми аманаты пошли на Оленек реку, и по ся места про него, Дружинку, ведома нет, а ясак государев с тех оленских тунгусов с тех мест и по ся места не имывали. А в прошлом во 148-м году атаман Осип Галкин из Якуцкаго острогу для государева ясашного сбору на Оленек реку послал пятидесятника Федку Чюрку да с ним 6 человек служивых людей, и тот пятидесятник Федька Чюрка самовольством на Оленек реку не пошел, а пошел он Федька на море, к Собачье реке. А в нынешнем во 150-м году в Якутцком остроге торговые и промышленные люди гостя Надея Светешникова — прикащик Елизар Тимофеев, да гостинныя сотни Алексея Усова прикащик Федот Алексеев, да Кирило Ружейков с товарыщи били челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии, а в Якуцком остроге в съезжей избе подали челобитную, а в челобитной их написано, чтоб их государь пожаловал, велел отпустить на соболиной промысел на стороннюю реку на Оленек, а для приводу под его государскую высокую руку иноземцов, оленских мужиков, и для ево государева ясачного збору послать бы с ними служилых людей немногих, а он, Надеин прикащик Елизарей, и Федот, и Кирило, и все торговые и промышленные люди государю служить, иноземцов неясашных тунгусов под его царскую высокую руку приводить ради, заодно вместе с служилыми людьми. И ему, Ивашку Реброву с товарыщи, итить на Оленек реку у торговых и у промышленных людей на судах. И пришед в Оленек реку, прося у Бога милости, государевым делом, ясашным збором и аманатами над иноземцы промышлять с торговыми и промышленными людьми вместе неоплошно, сколько Бог помощи подаст. А милостию божиею и государским щастием возмут кого в аманаты, и те аманаты держать с великим береженьем и ясак с них на государя збирать, смотря по людем, как мошно, чтоб им было не в тягость, и тем бы их наперво не ожесточить и от государевы б царские высокие руки не отогнать. А будет прежних ясашных тунгусов тово роду, которые были аманаты оленские и милостию Божиею и государским щастием изимут вновь аманатов, и с тех родов на государя ясак взять и на прошлые годы, на 148-й и на 149-й, и на нынешней 150-й и на 151-й год сполна ж весь ясак по книгам имать и аманатов новых землиц у неясашных людей и из тех родов, кторые ушли аманаты у ленских служилых людей в Дружинки Чистякова с товарыщи, аманатов вновь взять же. А изимав аманатов, держать их Ивашку Ребреву и целовальнику Ондрюшке Дубову с товарыщи с великим береженьем, а не оплошно. А в прибавку имать для береженья

аманатцково в сторожи у торговых и у промышленных людей покручеников их поочередно, сколько доведетца, смотря по аманаты; а самим Ивашку Реброву с товарыщи аманатов потому ж беречь и всех короулить накрепко, а на промышленных людей на однех не уметь надеятьца. А ясак на государя збирать с великим раденьем, а вешних соболей и недособолей в государев ясак не имать; а что с ково государева ясаку возьмут на прошлые годы и на нынешней год, и то писать в книги порознь статьями, по годам служивому человеку Тришке Евсееву; а что с ково государева ясаку и поминков возмут, и в тех соболях давать иноземцом отписи за своими печатьми впредь для спору в ясаке. А толмачить всякие государевы дела у ясачново збору Ларке Барабанщику. А им, Ивашку Реброву с товарыщи, с тунгусами своими товары не торговать, мяхкие рухляди, соболей и лисиц черных не покупать. А государевым делом, аманатами и ясашным збором промышлять неоплошно со всяким раденьем, чтоб им, Ивашку, и Данилку, и Ивашку, и Трифанку, и Ларке, учинить государю своею службою и раденьем немалую прибыль; и целовальнику Андрюшке Дубову потому ж с служилыми людьми государевым делом промышлять, а себя бы им, Ивашку и целовальнику с товарыщи, видеть за то в государеве жалованье. А печатать государева соболиная казна и поминочная целовальнику Андрюшке Дубову своею печатью с ним, Ивашком Ребровым, вместе. А на весну, даст Бог, собрав государеву казну и книги ясашному збору, прислать в Якуцкой острог с Данилком Ивановым вместе с торговыми и промышленными людьми, с кем мочно прити до Якуцкаго острогу. А у аманатов и у тунгусов роспрашивать накрепко: много ль в Оленке реке тунгусов, и сколько родов, и по скольку в котором роду человек, и ясаку куда не дают ли, и про Набару реку, и про морской остров с заморным зубом роспрашивать подлинно, сколь далече Набара река, и какие в ней люди, и далече ли от Набары реки остров с заморным зубом, и какой к нему ход; и про иные реки потому ж роспрашивать накрепко; и те роспросные речи велеть писать на роспись Трифанке Евсееву или промышленным людем и прислать роспросные речи с казною вместе в Якуцкой острог. А у иноземцов на Оленке, у тунгусов и аманатов, роспрашивать накрепко: какая вера у них и шерть прямая что, и розведав допряма, что у них, иноземцов, шерть, и тех иноземцов лутчих людей приводить по их вере к шерте на том, чтоб государю служить и прямить, и добра во всем хотеть, и ясак с себя и с своих улусных людей платить полный, и государевых людей не побивать и не грабить; и быть под его царскою высокою рукою со всем своим родом и с улусными людьми навеки неотступно в прямом холопстве...

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 30, лл. 85об.–86. — Конец в копии отсутствует. Напеч. в ДАИ, II, с. 262–264, № 99.

70. *1642 г. не ранее сентября 2. — Расспросные речи тобольского конного казака Лариона Насонова, ездившего из Тобольска к калмыцкому контайше и тайше Чокуру.*

В прошлом во 150-м году декабря... день отпущены ис Тобольска в Колмаки к контайше послы Тепшун да Уруска, а с ними посланы х контайше в посланникех тобольской конной казак Ларка Насонов да татарин Маметко Тохтасынов, а с Ларкою и с Маметком послано в Колмаки х контайше государева жалованья против посылки: 2 сукна червчаты да сукно лазорево аглиское, по 4 аршина портишо; а что им, Ларке и Маметку, приехав к контайше, велено говорить, и даны им речи, и теи речи

вклеены в посольстве выше сего. И тобольской конной казак Ларка Насонов да татарин Маметка Тохтасынов приехали ис Колмаков в нынешнем во 150-м году сентября в 2 день, а в съезжей избе воеводам князю Петру Ивановичю Пронскому да Федору Ивановичю Ловчикову да дьяком Ивану Трофимову да Андрею Галкину в роспросе сказали, что идут де в Тоболск ис колмацких улусов от контайши посол Ургудан, а у него кошевар Аданчи, а отстался де тот посол от них на перевозе. А как де они, Ларка и Маметько, отпущены ис Тобольска х контайше, и ехали ис Тобольска до Кулы Кошуги 2 месяца, а у Кулы в улусе жили 3 месяца, для тово что Кула их долгое время не отпустил и х контайше пропустить их не хотел. И говорил им, Ларке и Маметьку, Кула, что их де послов в Тобольску задерживают, к государю к Москве не пропускают, а он де, Кула, так же к контайше не пропустит, а держал, отпустил х контайше. И он де, Ларка и Маметько, шли от Кулы до контайши месяц. И пришли х контайше в улус ввечеру рано. И кон де тайша велел им быть к себе. А как де они пришли х контайше в избу, и кон де тайша спрашивал про государское многолетнее здоровье. И они де, Ларка и Маметько, говорили контайше: Божиею милостию великий государь наш царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии самодержец и многих государств государь и обладатель на своих преславных великих государствах Российского царства дал Бог здоров, и подали контайше жалованье сукна. И после де тово они, Ларка и Маметько, контайше говорили, что писал он, конатйша, в листу своем о пансыре Добром, и о пищали цельной, и о свинцу, и о жемчюге, и о корольках, и о том писано ис Тобольска ко государю к Москве в указе; а что о пансыре, и пищали, и о свинцу, и о корольках, и о жемчюге с Москвы государева указу будет, и о том ис Тобольска ему, контайше, ведомо учинят. И он де, контайша, против того Ларке и Маметьке говорил: в том де государская воля, как он великий государь его, контайшу, пожалует. Да кон же тайше они, Ларка и Маметько, говорили, что он, контайша, бил челом государю о курах индейских, и о собаках, и о свиньях; и куров, и собачек; и свиней ныне послать было за дальным и за зимним путем нельзя, и на весне куров и собачек и свиней пришлют к соляным озерам. И он де, контайша, на государской милости бил челом и к соляным озерам послов своих и торговых людей посылал, соль в суды государевым людем пособлять своим колмацким людем грузить велел. Да кон же тайше они, Ларка и Маметько, говорили, что в прошлом во 150-м году ево контайшины люди Тарханко да Кутелько, а с ними 10 человек колмацких людей приезжали в государевы тарские ясачные волости: в Тураскую, в Любаскую, в Тунускую, и просили з государевых ясачных людей на нево, контайшу, ясаку, а сказывали те ево люди государевым людем, бутто они того ясаку просили по ево контайшиному приказу. И кон де тайша против того им, Ларке и Маметьку, говорил, что он, контайша, в государевы волости людей своих Тарханка да Кутелька, а с ними де 10 человек колмацких людей для ясаку посылал для того, что в Томском городе государевы люди ево контайшиных людей на государя ясак берут. Да кон же тайша бил челом государю, а с ними, Ларкою и с Маметком, приказывал, чтоб государь ево, контайшу, пожаловал, велел к нему прислать тарсково татарина Агучаков пансырь, да жемчюгу большово, и корольков красных, и свинцу. И послал де с ними контайша писма лист, писан татарским письмом. И воеводы князь Петр Иванович Пронской да Федор Иванович Ловчиком да дьяки Иван Трофимов да Ондрей Галкин велели тот лист перевесть тобольскому юртовскому служилому татарину Баянде Янкучукову. А переводу переводчика тобольсково юртовского служилово татарина Баянды Янкучюкова в листу написано:

Список с контайшину листу слово в слово.

Богатырь контайша Ордена Баатырь Белому царю грамоту писали. Белой царь здорово ли живет? А мы здесь здорово. Между нами взад и вперед посланники хаживали; што мы прошали, давали. Ныне наши ясашные люди киргизы ваши служилые люди погромили. А ясак прошали с ведома государскаго или не с ведома, будет только без царскаго ведома; и взяли там у меня посланника со многи ясырями. Вели, государь, назад отдать. А что мы писали, и против того опиши ко мне. И в гостинцах государю два барса послали.

А больши тово с ними, с Ларкою и с Маметьком, контайша ничево не приказывал. А послал с ними посла своего Ургудая в Тоболеск; а что с ним контайша приказывал говорить, тово они не ведают. А им де, Ларке и Маметьку, у контайши была честь, и корму и питья было довольно, да и в дорогу им контайша корму дал довольно ж. А жили они у контайши в улусе месяц. И отпустил их контайша от себя с урочища Сарыкубу; а шли де они от контайши до Кулы месяц, а у Кулы в улусе жил 10 ден, а от Кулы до Барабы шли 3 недели, а от Барабы шли до Тары 10 ден, а от Тары до Тобольска шли 11 дней, и пришли в нынешнем во 151-м году сетября во 2 день. Да им же, Ларке и Маметьку, велено ехать от контайши к Чокуру тайше, а приехав, велено им Чокуру тайше говорить речь и подать государева жалованья сукна. И он де, Ларка и Маметько, приехав к контайше в улусе 4 дни, и от контайши ездили они к Чокуру тайше, и Чокур тайша велел им быть к себе на посольство, и они де, Ларка и Маметько, пришли к Чокуру тайше, и Чокур де тайша спрашивал у них про государское многолетное здоровье. И они де, Ларка и Маметько, Чокуру тайше про государское многолетное здоровье сказывали, и речь против наказу говорили, и государевы сукна ему отдали. И Чокур де тайша на государской милости бил челом и государевы сукна принял чесно; а больши де тово ничево не говорил и ни о чем не приказывал.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 11, лл. 56–58.

71. *1642 г. не ранее сентября 21. — Доезд тобольского новокрещена Якова Бугалакова, посланного на Ямыш-озеро с подарками контайше.*

Лета 7150-го июля в 3 день по государеву цареву и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русии указу и по наказной памяти воевод князя Петра Ивановича Пронского да Федора Ивановича Ловчикова да дьяков Ивана Трофимова да Ондрея Галкина велено ис Тобольска тобольскому новокрещену Якову Бугалакову ехати за Тару к Ямышу озеру для того: послано было с ним, Яковом, х контайше, по его контайшину челобитью, петух, да 2 курицы индейских, да 4 собачки малых. Да ему ж, Якову, приехав на Тару, велено взяти на Таре у воеводы у Василья Чоглокова 4 свиньи, да 2 борова, да 6 собачек малых, а взяв на Таре собачек и свиней, велено ему, Якову, с Тары ехати к Ямышу озеру. А приехав к соляным озерам, будет контайша, или Кула, или ево контайшины калмыцкие улусные люди к соляному озеру придут, куры индейские, и свиньи, и собаки велено ему, Якову, отдать контайше, или Куле, или ево контайшиным улусным людем, кого контайша для того пришлет. И Яков Бугалаков от Тобольска шел до Тары на дощаниках полтрети недели. И приехав на Тару, у воеводы у Василья Чоглокова взял 6 собачек малых, да 5 свиней, да борова полугодовых. А на Таре стоял Яков неделю. А с Тары до Ямыша озера шел Яков

полпяты недели. А как Яков к Ямышу озеру пришел, и Кула колмак с контайшиными и с своими улусными людьми к соляному озеру пришел с Яковом Бугалаковым в один день. А сам контайша у Ямыша озера не был. И стоял Яков у Ямыша озера 2 недели 2 дни. И Яков на другой день своего прихода учал государево жалованье, подарки, которые с ним, с Яковом, посланы были х контайше, отдавать Куле. И Кула колмак у него Якова подарков не приимал 2 недели. И за подарками просил послов руских людей. И без государева указу ему, Куле колмаку, Яков послов дать не смел. А после того 2 недель спустя принял у него, Якова, Кула колмак подарки все: куры индейские, и свиньи, и собачки. И в то время послов руских людей не просил. Да ему ж, Якову, Кула колмак да Байбагиша тайши племянник Аблай у соляного же озера говорили: приказывал де нам контайша, а велел тебе, Якову, говорить: взят де на киркисском погроме киргиза… Иселко и иной де киргиской полон многой взят же, а ныне де тот Иселко сидит в Томском городе в тюрьме; и государь бы де контайшу пожаловал, велел де того Иселка отдать контайше, а иной бы де киргисской полон в православную християнскую веру крестить не велел. Да Кула ж колмак говорил ему, Якову, о торгу за контайшиных и за своих людей: торговать де им с рускими людьми и соль от Ямыша озера возить дать велел, а обиды де и тесноты от контайшиных и от многих людей руским людем никакие не будет. Да Кула ж колмак говорил ему, Якову: торгуйте де вы и соль емлите бережно, а берегитеся де от Урлюковых людей, а какое де худо над вами от них станется, и им де их унять не уметь, потому что де они не контайшины и не мои люди, и унять мне их некем, потому что де со мною контайшиных и моих людей мало, и к соли де со мною пришли невеликие люди. Да Кула ж колмак говорил ему, Якову, чтоб велел руским людем огненну стрельбу из наряду и из легкого ручного орудья оказать. И Яков Бугалаков служилым и торговым людем из наряду и из мелкаго ручного ружья стрелять велел. И Божьею милостью, а его государским счастьем соль в дощаники нагрузили в полной груз служилые и торговые люди. И Кула в то время от Ямыша озера контайшиных дву человек послов, да с ними дву кошеваров, да своего посла, да с ним кошевара с тобольским юртовским служилым татарином з Балычерею Итеевым степью в Тоболеск отпустил шти человек колмаков. И с теми колмацкими послы и с купленым скотом, который скот куплен у нево, Кулы, у Соли, отпустил Яков руских людей и татар двунадцать человек. А что государева вина и меду было послано с ними с Яковом ис Тобольска к Ямышу озеру, и Яков, будучи у Ямыша озера, тем вином и медом поил Кулу да Баибагиша тайши племяника Аблая. И торг невеликой руским людем у Ямыша озера с колмацкими людьми был. А от Ямыша озера шли до Тары с солью 3 недели, на Таре стояли 3 дни. А с Тары до Тобольска плыли 2 недели. И под Тарою и под Тобольском служилым и торговым людем из наряду и из мелкого ручного оружья Яков стрелять велел. А в Тобольск пришел Яков со всеми служилыми и с торговыми людьми в нынешнем во 141-м году сентября в 21 день. А доезд писал Фетька Шелонов.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 11, лл. 50–51об.

72. *1643 г. не ранее апреля 2. — Отписка кузнецкого воеводы Дементия Кафтырева томскому воеводе стольнику князю Семену Клубкову-Масальскому о походе кузнецких служилых людей против керсагальских людей, о бое с людьми Мачикова*

улуса и о посылке служилых людей вверх по Кондоме-реке в Усленскую, Салунскую, Коляшскую, Мундусскую, Тотошскую и Кезегецкую волости.

См. «Историю Сибири», т. II, с. 566–569.

73. *1644 г. января 9. — Грамота в Томск стольнику и воеводе князю Семену Клубкову-Масальскому о принятии мер в случае нападения Алтын-царя и калмыков на Томский, Кузнецкий и Красноярский уезды.*

От царя и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь, в Томской, стольнику нашему и воеводам князю Семену Васильевичю Клубкову-Мосальскому да Ондрею Офонасьевичю Молвянинову да дьяку нашему Дмитрею Жеребилову. Писал ты, князь Семен, да Иван Кобыльской, да дьяк Дмитрей к нам, что в прошлом во 151-м году февраля в 9-й день писал к вам в Томской из Красноярского острогу воевода Олферей Баскаков: в прошлом де во 151-м году ноября в 20-й день посылал он, Олферей, из Красноярсаго острогу для нашего ясаку в Точи и в Сояны красноярских служилых людей: пятидесятника казачья Первушку Драчева с товарыщи, 5 человек; а декабря де в 27 день те служилые люди Первушка Драчев с товарыщи, в Красноярский острог пришед, ему, Олферью, в съезжей избе сказали, что де в Киргиской в Точинской и в Соянской волостех стоит Алтын царь с людьми своими, а людей ево с ним с 500 человек, и поставил их на степи, а в улусе де их к себе не пустил, и присылал де к ним служилым людем племянника своево, и прошали де у них подарков; и он де, Первушка с товарыщи, говорил ему, что наших подарков с ними не послано; и Алтын де царь велел ево, Первушку с товарыщи, ограбить; а что де Алтын царь послал к нам к Москве своих послов, и тех де послов в руских городех в Чердыни пограбили. Да их же дорогой спрашивал Алтын царь, где на Красном Яру казачьи и татарские табуны ходят, и аринских татар браты кочюют, Алтын де царь на Красном Яру не даст пашен крестьянам пахати и из Енисеи реки воды пить, и аринских де татар всех побьет. Да им же де, Первушке Драчеву с товарыщи, сказывал киргиской князец Бехтен да тубинские князцы, что де пришел Алтын царь сам сибирских городов воевать, а войска де с ним 1000 человек, а они де войска Алтынова видели с 500 человек, и послал де Алтын царь в свою землю на прибавку к себе по своих но иных людей. А их де Первушку с товарыщи хотели Алтыновы люди побить, по четыре поимали и разоблакали их нагих и водили по снегу босых. Да Алтын же де царь говорил ему, Первушке с товарыщи: будет де мы велим ясак збирать с Точинские и с Соянские волости, и он де, Алтын царь, пришед под Красноярской острог, учнет ясак имать с красноярских служивых людей. Да ему ж, Первушке, сказывали киргиские люди, что пришел было Алтын царь к ним, киргизам, на пособь, а призывали было киргизы к себе ево, Алтына царя, на пособь против воеводы Ивана Кобыльскаго, как де еще нам киргизы в винах своих не добили челом, а ныне де они, киргизы, ему, Алтыну царю, и не рады, и Алтын де царь хочет собою воевать. Да в прошлом же де во 151-м году декабря в 28-й день приехал из Киргиз в Красноярской острог татарин Корокайка к аринским татарам для выкупу ясырей и сказывал де ему, Олферью, в съезжей избе: Алтын де царь был в Китайском царстве 3 годы, а ныне де едет ис Китайскаго царства на свою землю, и прислал де в Киргискую землю людей своих 20 человек для ясаку с киргизов; да приехал де от Алтына царя в Киргизы для кормли Сенжи тайша, а с ним де людей 60 человек нет.

и велел де Алтын царь с киргиз собрать 100 лошадей, а тот Сенжи тайша Алтыну царю племянник. И в прошлом во 151-м году декабря в 29-й день прибежал ис Киргиз аринской татарин Бангаш и в роспросе ему, Олферью, сказал: послал де ево тубинской князец Иженей на Красной Яр и велел ему проведать про красноярских служилых людей, которые были посланы для нашего ясаку в Точи и Сояны, живы ли де они или побиты, а Сенжа де тайша с мугальцы пошли зверовать по реке Абакану; и ему было Алферью мошно на того Сенжу тайшу послать красноярских служилых людей, и без нашего де указу послать он, Олферей, не смел. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б в Томском городе жили и всяким людем от воинских и от всяких людей велели жить с великим береженьем, по городу и по острогу служилым людем велели быть на караулех безпрестани и сами караулы надзирали почасту; и в Томском уезде в руских деревнях и в ясашных волостях всяким людем потому ж велели жить с великим береженьем; и в проезжие станицы служилых людей посылать почасту, до которых мест пригоже, чтоб воинские люди под Томской город и Томсково уезду на руские деревни и на ясашные волости безвестно не пришли и дурна какова не учинили. И в Красноярской и в Кузнецкой остроги к воеводам ты, князь Семен, против сего нашего указу отписать велел. А будет Алтын и колмацкие люди учнут под Томской город, и под Кузнецкой, и под Красноярской остроги, и на руские деревни, и на ясашные волости приходить войною, и вы б над теми воинскими людьми, прося у Бога милости, велели промышлять и поиск чинить, сколько милосердый Бог помощи подаст, чтоб над воинскими людьми поиск учинить, а нашим служилым людем себя уберечь и томских, и красноярских, и кузнецких ясачных волостей и руских деревень повоевать не дать. А напрасных никаких задоров с Алтыном и с колмацкими тайши и с их людьми чинить не велел... Да что вперед про воинских людей вестей объявитца, и вы б о том писали к нам к Москве, а отписки велели подать в Сибирском приказе боярину нашему князю Никите Ивановичю Одоевскому да дьяку нашему Григорью Протопопову. Писан на Москве лета 7152-го году генваря в 9-й день.

На обороте: Дьяк Григорий Протопопов.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 17, лл. 502об.–505об.

74. *1644 г. февраля 10. — Наказ ленским (якутским) воеводам Василию Пушкину, Кириллу Супоневу и дьяку Петру Стеншину.*

Лета 7152-го февраля в 10-й день государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии велел воеводам Василью Никитичю Пушкину да Кирилу Осиповичю Супоневу да диаку Петру Стеншину быти на своей государеве цареве и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русии службе на великой реке Лене, Василью Пушкину стольника на Петрово место Головина, Кириле Супоневу стольника ж на Матвеево место Глебова да диаку Петру Стеншину дьяка ж на Ефимково место Филатова. И воеводам Василью Никитичю и Кирилу и дьяку Петру ехати с Москвы по нынешнему зимнему пути в Сибирь до Верхотурья на подводах, нигде ни за чем не мешкая. А приехав на Верхотурье, взять по государеве грамоте у воеводы Максима Стрешнева да у подьячего у Максима Хачова под себя суды против прежнего отпуску стольника Петра Головина с товарыщи и что им по государеву указу для сибирской ленской службы хлебных запасов вина горячего дати указано, а взяв, ехать до Тобольска. А приехав в Тобольск, взяти у воевод у князя Григорья Куракина с това-

рыщи на перемену прежним тобольским служилым людем, которые ныне на Лене, тобольских 50 человек пеших казаков, и стрельцов с ружьем, и имянную роспись с денежными, и хлебными, и соляными оклады, да на них и на всех служилых людей и на ружников и оброчников, которые ныне на Лене, государево денежное и хлебное жалованье на 153-й год, будет не послано, по их окладам сполна. Да им же взять в Тобольске на ленских ясачных людей хлебных запасов: 50 четвертей муки ржаной, 20 четвертей солоду ржаново, 20 четвертей солоду яшного, 10 четвертей круп, 10 четвертей толокна, 100 ведер вина горячего, 20 пуд меду пресного, 15 стоп бумаги писчей, 50 пуд пороху, 50 пуд свинцу. А взявши все, ехать наспех, не мешкая ни часу, в Енисейск. А как в прошлом во 146-м году по государеву цареву и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русии указу посланы на великую реку Лену стольники и воеводы Петр Головин да Матвей Глебов да диак Еуфимей Филатов, и с ними послано для острожного строенья, и для прииску и приводу новых землиц неясачных людей, и для ясачного збору, и для всяких государевых дел с Москвы 2 человека письменные головы Василей Поярков да Еналей Бахтеяров да служилых людей из Казани 5 человек детей боярских да из сибирских городов пеших казаков и стрельцов: из Тобольска 245 человек, з Березова 50 человек, из Енисейскаго острогу 100 человек, всего 395 человек, — с огненным боем, да для оружейной починки и для всякого государева кузнечного дела 2 человека кузнецов добрых, которые умеют оружейному и всякому кузнечному делу, да на железное на всякое дело железа 20 пуд да укладу 4 пуда, да из Енисейскаго ж острогу для толмачества 2 человека толмачей; а кто служилые люди имяны посланы и что кому государева денежного и хлебнаго жалованья по окладу, и тому дана им в Тобольском роспись за дьячьею рукою; да с ними ж послано из Тобольска на Лену для приводу и для прииску новых землиц ясачным людем на корм хлебных запасов: 50 четвертей муки ржаной, 20 четвертей муки овсяной, 20 четвертей солоду ржаново, 10 четвертей круп и толокна, 50 пуд соли, 100 ведер вина горячево, 20 пуд меду, да для угрозы и приходов под острошки воинских людей 2 пушечки, ядром по гривенке, 17 пищалей полковых, ядром по гривенке, да к тем ко всем пушечкам и пищалям пушечных запасов: 26 пуд зелья пушечново, ядер и свинцу по 100 зарядов к пищали, да на 395 человек служивых людей ручного зелья вперед на запас в Ленской острог 30 пуд, а свинцу против того ж; да тем же служилым людем для проезду с Ленского острогу дано по фунту зелья, по фунту свинцу человеку да на приходные и на расходные книги и на иные на всякие государевы дела 15 стоп бумаги писчей. Да для письма всяких государевых дел посланы с ними с Петром с товарыщи с Москвы на Лену в съезжую избу 2 человека подьячих — Юрья Юрьев да Семен Абрамов — да в таможенную избу подьячей же Васька Степанов; да с ним же, Петром с товарыщи, послано в Сибирь на Лену реку из Казани 4 человека попов, два черных да два белых, да дьякон, чтоб на Лене реке без попов не было, и служилые б люди без покаянья и причастья не помирали. А храм в новом Ленском остроге велено воздвигнуть во имя Живоначальные Троицы, а для освещенья антимис велено взять в Сибири, в Тобольску, у Нектария, архиепископа сибирскаго и тобольскаго; а церковные сосуды и на престол и на жертвенник одеяние: срачицы, и хитоны, и покровцы и воздухи — к той церкве посланы с Москвы с ними, с Петром с товарыщи. А месной образ Живоначальные Троицы и царские двери да меж тех царских и северных дверей образ Пречистые Богородицы Одигитрия да Деисус невеликой в тое церковь велено написати в Сибири ж, в То-

больску, иконником, которые посланы в Тобольск к архиепископу с Устюга Великого да от Соли Вычегодские; а книги, по чему тем попом и дьяконом служити в дву острожках: 2 евангелия напрестольных, 2 евангелия толковых, 2 апостола, 2 псылтыри с следованием, 2 часовника, 2 минеи общих, 2 шестодневца, 2 трефолоя на весь год, 2 триоди посныя, 2 триоди цветные, 2 служебника, 2 потребника, 4 ризы поповские, 2 миткалиные, а 2 полотняные, 4 стихиря подризные полотняные ж, 4 поручи, 4 патрахели, 4 пояса нитяные да дьяконская служба: стихарь миткальной, уларь, поручи; да к той же церкве послано с ними, с Петром с товарыщи, 3 колокола: благовесник да два зазвонныя, да четвертой на острог вестовой колокол, а весу в них: в церковном благовеснике 9 пуд 15 гривенок, а в зазвонных: в одном 4 пуда 15 гривенок, а в другом 4 пуда без чети, в вестовом 13 пуд с полупудом. Да им же, Петру с товарыщи, велено взяти у воеводы Никифора Веревкина ленским острожком, которые наперед сего на Лене поставлены, и енисейским служилым людем, которые в те ж острожки посланы, росписи, и новых землиц ясачным людем, которые живут по Лене и по иным рекам, а государев ясак наперед сего платили в Енисейской острога, от Енисейского острогу удалели, а к Лене близко, для ведома подлинные ясачные платежные книги с имяны за его Микифоровою рукою. А итти им, Петру с товарыщи, велено из Енисейскаго острогу на государеву цареву и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русии службу на великую реку Лену в острожки, что поставили енисейские служивые люди, высмотрити накрепко: у места ль те острожки поставлены, и крепости у тех острожков какие есть ли, и в приход воинских людей в тех острожках быть мочно ль, и пашенная земля туто или в иных местех неподалеку есть ли, и многая ль пашенная и какова земля, и скольких человек на ту землю в которых местех устроити мочно; да будет те острожки поставлены у места и в приход воинских людей в тех острожках быти мочно, и им те острожки велено поделати, и рвы около тех острожков покопати, и надолобы поставити, и укрепити всякими крепостьми накрепко, и наряд в тех острожках, где пригоже, расставити, и государеву денежную казну и хлебные запасы, поставя в анбары, устроити и беречь от всякие порухи накрепко. И храм воздвигнути и освятити, и книгами и всяким церковным строеньем, что с ними с Москвы и из Тобольска послано будет, устроити. А будет по их высмотру и по выспросу всяких людей те старые острожки на Лене реке поставлены не у места, а иные будет места, где остроги поставить, лучте есть, и им, Петру с товарыщи, велено из тех острожков старых поставить новой острог, где пригоже, чтоб тот острог был на угожем месте; а поставя острог, укрепить всякими крепостьми, чтоб в том остроге от воинских людей жить было безстрашно ж; а поставя новой острог и укрепя всякими крепостьми, из старых острожков в тот новый острожек перейти и государеву всякую казну и наряд в том острожку устроити. И из того новаго острогу по Лене и по иным рекам в новые землицы к ясачным людем, которые учинились под государевою царскою высокою рукою, посылати и велети тех новых землиц лутчим ясачным людем быть к себе в острог, по скольку человек из которой землицы или из улуса пригоже. Да о том о всем и про весь свой высмотр, что на Лене реке учинят, велено им стольнику и воеводе Петру Головину с товарыщи отписать и Лене, и Алдану, и Чае, и Вилюю, и иным рекам и новым землицам, которые по тем рекам проведают, да и Ленскому острогу, каков они поставят, и прежним острожкам и дорогам, которыми они на Лену реку из Енисейскаго острогу пойдут, роспись

и чертеж прислать к государю к Москве. И стольники и воеводы Петр Головин [с товарыщи] в прошлом во 150-м году писали к государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии и прислали великой реке Лене и иным сторонним рекам только один чертеж с Ленскаго волоку; а когда они и котораго числа на великую реку Лену пришли и что они по своему высмотру на великой реке Лене учинили: острог поставили ль, и в том остроге церковь божию устроили ль, и что у них ныне на великой реке Лене делается, о том о всем ко государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии не писывали, только писали с великие ж реки Лены воевода Матвей Глебов да диак Ефимей Филатов о том, что де Петр Головин учинил с ними рознь, и никаким государевым делом не радеет, и делает с ними не по совету, и торговым, и промышленным, и ясачным, и всяким людем чинит утесненье и налогу великую; а живут де они в старом в Ленском в Якуцком острожке, что поставил атаман Иван Галкин, а церкви в том острожке нет. А приехав им в Якуцкой острог, велети быти в съезжей избе ленским детем боярским, и казаком, и стрельцам, и пушкарям, и затинщиком, и всяким жилецким людем и сказати им государево царево и великаго князя Михайло Федоровича всеа Русии самодержца жалованное слово, что государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии их пожаловал, велел им давать свое государево жалованье оклад их сполна и велел их, служилых и жилецких людей, беречь, чтоб им ни в чем ни от кого нужи, и тесноты, и убытков, и налогов не было, и они б, служилые и всякие люди, его царским милостивым призреньем жили в тишине и в покое без всякие нужи, и промыслы своими всякими промышляли без опасенья, и прибыли б себе во всем искали; а от кого будет им в чем какая нужа или обида, и продажа, и насильство какое было, и они б в том во всем приносили к вам, Василью и к Кирилу и к диаку к Петру, челобитные, а им, Василью с товарыщи, о том царского величества крепкой приказ: велено во всем расправа чинить вправду и береженье к ним держати и от обид, и от насильств, и убытков велено их беречь. А после руских людей велети им у себя в съезжей избе быти из волостей ясашным людем, и князцом, и улусным лутчим людем, по скольку человек пригоже, а им, Василью и Кирилу и диаку Петру, в те поры быти в съезжей избе в цветном платье, и руским служилым людем велети быть в те поры в цветном же платье с ружьем, и сказати ленским ясачным князцом и ясачным людем государево царево и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русии самодержца жалованное слово, что преже сего им от воевод, и от голов, и от приказных людей, и от детей боярских, и от атаманов, и от стрельцов, и от казаков, и от их братьи, и от иных от всяких людей было небереженье, и налоги, и продажи великие, как оне платят ясаки и у них и малые ясаки с прибавкою не по государеву указу, и тем сами корыстовались, а воеводы того не берегли и суда им прямого не давали, и в волости к ним для ясаков воеводы посылали детей боярских, и толмачей, и казаков, и те дети боярские, и толмачи, и казаки приезжали к ним, их ясашных людей продавали, имали у них посулы и поминки; и государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии их во всем пожаловал, велел им на тех людей, кто их чем изобидел или посулы и поминки имал, давати суд и сыск праведный и росправу, и оборонь им от русских и от всяких людей велел чинить, и во всем их велел беречь, чтобы им насильства, и убытков, и продажи, и налогов ни от ково не было, и они б, новых землиц ясашные люди, жили в ево царском жалованье во всем в покое и в тишине без всякого сумненья, и промыслы свои-

ми промышляли, и государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии самодержцу служили и прямили, и во всем добра хотели по своей шерти, на чем они великому государю шерть дали, и над воры воровства и шатости и всякаго лихого умышленья смотрели и берегли накрепко, и детей своих, и братью, и племянников, и друзей отовсюду на государеву милость призывали, и в городках юрты и в уездех волости полонили, а царское величество во всем их пожалует своим царским жалованьем; а в которых будет людех почают шатости и воровства, и они б о тех ворах не укрывали и не таили и тем государю службу свою и правду объявляли, и на тех воров, в которых почают шатость и воровство, сказывали и, имая, приводили их к вам, к воеводам к Василью и к Кирилу и к дьяку Петру; а кто на ково скажет какое воровство и измену, а сыщетца про то допряма, и государь тех людей, кто на ково скажет, пожалует своим царским жалованьем и животы и вотчины тех людей, на кого кто какую измену и воровство доведет, велит отдать им. А сказав им государево жалованное слово, велеть их напоить и накормить довольно, а кормить их и поить государевыми запасы от государя, а не от себя, а напоя их и накормя, отпустить их по домам. А о государевом ясаке и о поминках приказати, чтоб они государев ясак и поминки, готовя по вся годы, приносили сполна по окладу, соболи с пупки и с хвосты и лисицы с лапы и с хвосты ж; а как к ним для ясачного збору государевы служивые люди в землицы, и в улусы, и в юрты придут, и они б тем государевым служивым людем ясак с себя платили без замотчанья весь сполна, а утесненья им никакого для царскаго величества не чинили и отпускали б их с государевым ясаком к ним, к Василью с товарыщи, в острожек без задержанья. А за тем ясаком посылать с служилыми людьми для береженья и для того, чтоб служилые люди не воровали, государевым ясаком не корыстовались, лутчих ясашных людей, по скольку человек пригоже. А что будет те ясачные люди о их воеводском приезде принесут государю челом ударить соболей и лисиц или иново зверя какова или им, воеводам и дьяку, для государева имени что в поминках же принесут, и им та рухлядь, взяв у ясачных людей, велети записывать в приходные книги имянно и давать за то ясачным людям государева жалованья: олово, и медь, и одекую не по многу, смотря по их поминком, сколько кому дать доведетца. А отпустя им тех ясачных людей от себя, послати к ним в землицы и в улусы для ясачново збору тобольских, и енисейских, и березовских лутчих служивых людей да с ними по целовальнику или по два из торговых и из промышленных людей, которые будет на Лене есть и вперед будут, добрых, за государевым крестным целованием. И в иные новые землицы по великой реке Лене, и по Алдану, и по Чоне, и по Вилюю, и по иным рекам для проведывания, и для прииску, и для приводу служилых людей посылати ж, по скольку человек пригоже, смотря по тамошнему делу и по людем. И велети служилым людем новых землиц неясачных людей призывати, и под государеву царскую высокую руку приводити, и ясак с них збирать с великим радением, всякими мерами, ласкою, а не жесточью, чтоб тех новых землиц людей под государеву царскую высокую руку привести, и ясак с них на государя имати, и учинити б тех землиц людей вперед под государевою царскою высокою рукою в прямом холопстве на веки неотступных, и к шерти на том их привести. Да что служивые люди по Лене, и по Алдану, и по Чоне, и по Вилюю, и по иным сторонним рекам новых землиц людей проведают, и под государеву царскую высокую руку приведут, и ясаку с них на государя возьмут, и кто в тех землицах князцы

или тайши или иные какие лутчие люди имяны к шерти будут приведены, и что с них с которой землицы и на которой год первого ясаку возьмут, и то сибирским служивым людем велеть написать в ясашные книги подлинно, да с тем ясаком из новых землиц велеть им приезжать к себе в Ленской острог; а для береженья с собою за тем ясаком в аманаты велети им имати в острог к себе тех землиц лутчих людей, по скольку человек пригоже. А как служилые люди с государевым ясаком, и с ясачными книгами, и с аманаты в Ленской острог из которых мест приедут, и воеводам Василью Никитичю и Кирилу Осиповичю и дьяку Петру приимати у тех служилых и у ясачных людей ясачную и поминочную рухлядь в государеву казну и писати в ясачные книги имянно, все налицо, сколько с которых родов и на которые годы чего взято. Да в той ясачной и поминочной рухляди велети давати ясачным людем, которые живут от Ленского острогу блиско и с государевым ясаком и с поминками учнут приходить в острог сами, отписи за государевою печатью и за дьячею рукою. А которые будет ясачные люди от острогу живут далече и с ясачною поминочною рухлядью для дальнего пути в Ленской острог сами приходити не учнут, и тем ясачным людем в государеве ясачной и в поминошной рухляди, что у них на которой год у кого взято будет, велеть давати отписи ясачным сборщикам, ленским служилым людем, пишучи своими руками и за своими печатьми; а для тех отписей нарочно в дальние землицы для ясачнаго збору посылати грамотных служилых людей, хотя по человеку в землицу. А пашенных мест им, воеводам и дьяку, однолично по Лене реке и по иным рекам близко Лены проведывать накрепко, чтоб на Лене реке близко того острогу, где они, воеводы и дьяк с служилыми людьми, учнут жить, пашни завесть и крестьян устроить на пашни и хлеба на ленских служивых людей, и на ружников, и на оброчников, и на всякие тамошние расходы напахать, а из Тобольска б и из Енисейска вперед на Лену хлебных запасов не посылать. А называти на пашню крестьян вольных, всяких гулящих людей, из подмоги и из льготы, и ссуда и подмога им давати против прежнего государева указу и как пригоже, смотря по тамошнему делу. Да что служилые [люди] новых землиц проведают и под государеву царскую высокую руку и к шерти приведут, и сколько с них ясаку и аманатов и каких людей возмут, и кто имянем князцы или тайши теми землицами и улусами владеют, и про пашню, которые пашенные земли на Лене есть, и какова земля, и сколь далече от острогу, и мочно ль на тех землях пашенных людей устроить, и будет мочно, и сколько человек крестьян и пашни в которых местах устроити мочно, и сколько в которых местех стольники и воеводы Петр Головин с товарыщи на великой реке Лене и в иных местах и кого именем пашенных крестьян из подмоги или на льготу и из каких людей устроили, и что они на государя пашни пашут, из оброчного хлеба платят или вперед пахать учнут, и на сколько лет кому льготы дали, о том о всем им, воеводам Василью с товарыщи отписати. И Лене, и Алдану, и Чоне, и Вилюю, и иным рекам и новым землицам, которые проведаютца по тем рекам, и прежним острошкам, и пашенным местам, и крестьянам роспись прислать к государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии к Москве с сибирскими служилыми людьми, с кем пригоже, не замотчав, а на Москве отписки свои и ясачные книги и Лене, и иным рекам, и новым землицам, и острогом, и пашенным землям, и крестьянам росписи подать велети и з государевою ясачною и с поминочною казною явитьца в Сибирском приказе боярину князю Никите Ивановичю Одоевскому да

диаку Григорью Протопопову. А государева печать послана на великую реку Лену с стольники и воеводы с Петром Головиным с товарыщи серебряная, вырезан на ней орел поимал соболя, а около орла вырезано: «Печать государева новые Сибирские земли, что на великой реке Лене»; а в таможне на Лену реку послана с Москвы государева особая печать. А будучи им, воеводам Василью и Кирилу и дьяку Петру, на государеве службе на Лене, ясачных людей, которые придут в острог за государевым ясаком, велети кормить и поить государевыми запасы довольно, и велети из них князцом или иным лутчим людем, по человеку или по 2 из улуса, быти у себя в острожке в аманатах, по переменам, по году, или по полугоду, или помесячно, или как пригоже, смотря по тамошнему делу, а достальных ясачных людей отпущати к себе в улусы без задержанья; и держати к ним ласка, и привет, и береженье, а напрасные жесточи и никаких налогов им ни в чем не чинить никоторыми делы, чтоб их, ясачных людей иноземцов, ничем напрасно в ясаке не ожесточить и от государевы милости не отгонить. А разведая про новые тамошние землицы, с которых землиц иноземцы государева ясаку не платят, посылати им, воеводам и дьяку, из Ленского острожку по Лене и по иным рекам для проведывания и для приводу землиц и для ясачнаго збору служилых людей ежегод безпереводно. И приказывать тем служилым людем накрепко, чтоб они из Ленскаго острогу в ясашные волости вина и табаку и никаких своих товаров не имали и с ясачными людьми вином и табаком и товары никакими на мяхкую рухлядь не торговали и не меняли, соболей и лисиц и иной всякой мяхкой рухляди у ясачных людей не покупали и не выменивали, тем бы в государеве ясачном зборе помешки не чинили, не так бы делали, что наперед сего воровали енисейские служилые люди атаман Иван Галкин с товарыщи, ходячи из Енисейскаго острогу на Лену реку для государева ясачного збору, имали с собою товары свои многие, и на те свои товары и на деньги, будучи в ясачных волостях, и в улусах, и в землицах, у ясачных людей покупали и выменивали многую мяхкую рухлядь, лутчие соболи, и лисицы, и бобры и привозили с собою с Лены в Енисейской острог, а государева ясаку привозили мало; а воеводы в Енисейском остроге, дружа им и для бездельной своей корысти, те у них соболиные мяхкие заповедные рухляди на государя не имали, а имали у них с тое рухляди государеву десятую пошлину, и тех енисейских служилых людей воровством, а воеводскою к ним поноровкою и бездельною корыстию учинилась в государеве казне большая убиль, а ясачным людем теснота и обида, а иных людей и прочь от государя отогнали. И как при них будучи ленские служилые люди из новых землиц в Ленской острожек с государевым ясаком поедут, и им, воеводам и диаку, против тех служилых людей, не допустя из до Ленскаго острогу, посылати навстречу из Ленского острогу служивых людей, детей боярских, и атаманов, и стрельцов, и казаков, и целовальников добрых, кому б в том мочно верить, по скольку человек пригоже, и велети у тех служилых людей у ясачных зборщиков обыскивати всякие их соболиные мяхкие рухляди накрепко, да что у кого собиные мяхкие рухляди найдут, и тое у них всее собиную мяхкую рухлядь велеть имать и привозить к себе в Ленской острог; а как тое рухлядь в Ленской острог привезут, и воеводам Василью Пушкину и Кирилу Супоневу и диаку Петру Стеншину тех служилых людей ясатчиков при тое их собиную мяхкую рухлядь распрашивать допряма накрепко, где они тое рухлядь взяли, в посулех, или за ясачную поноровку, или насильством у ясачных людей, или купили, или на товары выменяли, или сами уло-

вили, да и целовальников, которые были с ними в посылке, про то роспрашивати ж, и иными какими людьми пригоже про то сыскати; да будет по сыску те служилые люди тое мяхкую рухлядь у ясачных людей взяли в посулех от ясачной поноровки, или насильством, или купили прежь государева ясачнаго збору, и по тому сыску тое мяхкую рухлядь имати на государя в государеву казну безденежно. А будет которые ленские служилые люди, приезжаючи из новых землиц в Ленской острог, соболиную свою мяхкую рухлядь, которую им учнут давать новых землиц ясачные люди для государева имени в почесть в поминках, учнут объявливать сами, и у них та поминочная мяхкая рухлядь потому ж имать на государя и писать в книги имяно, кому имянем служивому человеку которые землицы новые ясачные люди для государева имени сверх государевы ясачные и поминочные рухляди собинных поминков дали и, оценя тое их, служилых людей, поминочную мяхкую рухлядь, потому ж присылать к государю к Москве. А тем служивым людем, которые из новых землиц учнут поминочную свою мяхкую рухлядь привозити и сами объявливать, а не утаят, давати за тое рухлядь из государевы казны деньги по тамошней по прямой цене из ленских доходов и сказати тем служилым людем, что о той службе их, что приискали они, служилые люди, новые землицы, к государю к Москве они, воеводы и дьяк, писать учнут, и государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии служилых людей за их службы и за новоприисканные землицы пожалует своим государевым жалованьем, деньгами и сукны, да и наперед сего их братью сибирских служилых людей за их службу и за новоприискные землицы государь пожалует своим государским жалованьем — деньгами, и сукны, и камки, и тафты, смотря по их службе. А которые будет служилые люди ясатчики по сыску, будучи в новых землицах, какой зверь уловили сами или что небольшое после ясачного збору у ясачных людей на достальные свои запасишка или что на свою одежду выменяли и, приехав на Лену или на встречю кому детем боярским и целовальником тое свою рухлядь сами объявят, а не утаят, и про тое их рухлядь потому ж сыскивать товарыщи их целовальники, которые с ними были, и какими людьми пригоже; да будет по сыску ту рухлядь они сами уловили или на запасы и на платье выменяли после ясаку, и на государя взять та рухлядь в куплю, будет не пригодитца, и та рухлядь отдавати тем служилым людем для их службы и большие нужи; а того однолично над ними смотреть и беречь, чтоб та их рухлядь, которая отдать доведетца, была не посульная, и не насильством взята, и не преж государева ясачного збору куплена. Да и ясачным людем о том учинить заказ крепкой: которые служилые люди учнут у них ясашных людей, ехав из новых землиц, какую мяхкую рухлядь метати, и они б тое рухлядь привозили к ним в Ленской острог, да тое рухлядь потому ж, оценя торговыми людьми, которые на Лене будут, тамошнею сибирскою прямою ценою, присылать к государю к Москве, а без цены никакой рухляди не присылать. Или что будет им, Василью, и Кирилу, и Петру, ясачные и торговые и промышленные люди принесут соболей, и лисиц, и бобров, и всякие мяхкие рухляди в съезжую избу и на дворы в поминках, и им тое рухлядь, сколько с которой землицы и кто имяны ясачные и торговые люди принесут, велеть писать в ясачные книги именно да, оценя, потому ж тое поминочную рухлядь присылать с государевою ясачною и поминочною рухлядью ко государю к Москве, а самим воеводам Василью и Кирилу и диаку Петру тою рухлядью не корыстоваться. А жити в остроге ото всяких воинских людей с великим береженьем, держати

по острогу крепкие караулы, чтоб к ним под острог никакие воинские люди безвестно не пришли и дурна никакова над острогом и над ними не учинили. И служилым людем, которых они учнут посылать для приводу новых землиц и для ясачнаго збору по Лене, и по Алдану, и по иным рекам, приказывати накрепко, чтоб они, ходячи по ясак, ясачным людем напрасных обид и налогов отнюдь никому никаких никоторыми мерами не чинили, збирали б с них государев ясак ласкою и приветом, а не жесточью и не правежем, чтоб с них сбирати государева ясаку с прибылью, а жесточи б им в том никакой не учинити, имать бы с них государев ясак, поскольку будет мочно, но одиножды в год, а по два и по три ясаку на один год не имати. И служилым людем, ходячи по ясак, в новых землицах от ясачных людей велеть оберегатца, чтоб их скрадом нигде никакие люди не побивали, и шатости и измены им новых землиц в людех велеть высматривать и проведывать накрепко. А будет которые новых землиц люди учнут чинится непослушны и ласкою их под государеву царскую высокую руку привесть никоторыми мерами немочно, а от Ленскаго острогу те новые землицы неподалеку, и люди в них живут небольшие, и им, воеводам и дьяку, смотря по тамошнему делу, и на тех людей руских всяких служилых людей будет доведется посылати от себя из острожку, по скольку человек пригоже, и велеть их преже уговаривать ласкою, всякими обычаи, чтою ласкою и приветом уговорить и к шерти привесть на том, что им быть под государевою царскою высокою рукою и ясак с себя платить; а будет никоторыми мерами тех непослушников уговорить будет немочно, а вперед от них чаять будет какова дурна и тех непослушных людей велеть смирять войною, небольшим разореньем, для переду государева ясаку, чтобы их смирить слегка, и под государеву царскую высокую руку привесть, и ясак с них вперед имать. А приведчи их под государеву царскую высокую руку, имать у них в Ленской острог в аманаты князцей и ясачных лутчих людей по переменам, по скольку человек пригоже, и за теми аманаты потому ж с тех новых землиц людей збирать государев ясак, смотря по людем, примеряся к иным ясачным людем. А аманатов их в остроге велети кормити государевыми запасы и беречи накрепко, посадя их на особном дворе, где пригоже, за сторожи, чтоб они из острогу никуда не ушли и дурна какова над государевыми людьми не учинили; а в ясачной збор, как из их землиц, и из улусов, и из волостей с госыдаревым ясаком ясачные люди придут, и их аманатов тем ясачным людем оказывать, чтоб ясачным людем в том сумненья никакова не было. А будет которые князцы и улусные люди не похотят быти под государевою царскою высокою рукою в вечном холопстве и ясаку с себя платить не учнут или которые государевы ясачные князцы и улусные люди учнут государю изменять и ясаку платить не учнут же, а учнут те изменники и непослушники государевых служивых или промышленных людей на промыслу побивать или, собравси, на волости или под государевы городы и остроги приходить войною, и воеводам Василью с товарыщи на тех изменников и непослушников посылати государевых ратных людей с огненным боем и велеть их преже уговаривать всякими мерами ласкою, чтоб они в винах своих государю добили челом, и были под государевою царскою высокою рукою, и ясак с себя платили; а будет их уговорить не мочно, и учнут с служилыми людьми битца, и над теми изменники и непослушники, прося у Бога милости, велеть промышлять всякими обычаи, сколько милосердый Бог помочи подаст, чтоб их войною смирить, и под государеву царскую высокую руку привесть, и аманаты у них взять, а себя б от них

уберечь; да будет над ними поиск учинится, и которых изменников и непослушников пущих воров и завотчиков на бою возьмут, и тех воров посадити в тюрьму до государева указу, да о том отписать к государю к Москве. А которых немирных землиц людей русские служилые люди повоюют и в полон поемлют, а после будет те люди учинятся под государевою царскою высокою рукою и ясак с себя платити учнут, а о полоняниках своих учнут государю бити челом и прошати их на окуп, а те будет их полоняники не крещены, и Василью, и Кирилу, и дьяку Петру тот полон велеть сыскивать и на окуп отдавать. А к себе им, Василью и Кирилу и дьяку Петру, и подьячим и служивым людем никаких иноземцов и жон и детей их во двор к себе не имати, и засылкою самим ни у кого не покупати, и не крестити, и к Москве с собою не возити, и ни с кем не высылати; и служилым и всяким людем крестить не велеть же, чтоб Сибирская Ленская земля пространялась, а не пустовала. А будет кто из ясачных людей похочет самовольно креститься, и тех людей велеть крестить, сыскав до них допряма, что своею ли волею они хотят креститься, а крестя, устраивать их в государеву службу и верстать их государевым денежным и хлебным жалованьем, смотря по людем, кто в какую статью пригодится, в выбылые руских служилых людей места. А будет кто из их женскаго полу, жонки или девки, похотят креститься, и тех жонок и девок велеть крестить и выдать замуж за новокрещеново ж и за руских служилых людей. А к себе им, Василью и Кирилу и дьяку Петру, отнюдь во дворы никаких иноземцов не имать, и служилым и никаким людем таких людей держати у себя не велеть, и издельев никаких у себя на дворех руских людей и иноземцов крещеных и некрещеных делати не заставливати, чтоб в том руским людем и иноземцам утесненья и изгону не было...[1] И заводов, и кругов, и бунтов, и одиначесва большого в руских служилых людех и иноземцах при них и после них Васильевым, и Кириловым, и Петровым высмотром и строеньем не было, чтоб руские служилые люди и иноземцы всякие были под государевою царскою высокою рукою страшны и государю послушны и неподвижны ни на какое дурно. И самим им, воеводам и дьяку, будучи на государеве службе на Лене реке, в походех и в остроге государевым служилым и ясачным людем обиды, и насильства, и никакова утеснения не чинити, и без вины ничем ни к кому не приметываться, держати к служилым и ко всяким ружником ласку, и привет, и береженье, и государевою денежною, и соболиною, и всякою казною не корыстоваться, и товаров с собою с Руси в Сибирь и из сибирских городов на Лену реку, опричь государевых и своих указных запасов, ничего не возити, и с ясачными, и торговыми, и промышленными людьми ничем не торговати, и в ясачные влости и в новые землицы для торговли и для мены на мяхкую рухлядь денег, и товаров своих никаких, и платья, и вина, и табаку с ясачными зборщики не посылати, и над служилыми людьми, которые с ними посланы будут на Лену реку из Тобольска смотрити и беречи того накрепко, чтоб они вина, и табаку, и товаров никаких не имали и не возили, и на Лене реке в острожки и по ясак ходячи, с ясачными людьми на мяхкую рухлядь не меняли и ничем не торговали. А у кого будет у служилых людей на Лене реке табак или товары какие объявятца, и им те товары и табак имати на государя, а тем людям, у ково табак и товары вымут, велеть чинить наказанье, бити кнутом, и имати на них по государеву указу заповедь, чтоб отнюдь ни-

---

[1] *Пропуск в рукописи.*

кто служилые люди из сибирских городов на Лену реку вина, и табаку, и товаров с собою не возили и на Лене реке и нигде с ясачными иноземцы ничем не торговали, тем бы они в государеве ясачном зборе убыли не чинили, и мяхкою рухлядью и никакою государевою казною не корыстовались. И у торговых и у промышленных людей, которые будут на Лене реке, потому ж вина, и табаку, и лишних товаров, сверх проезжих грамот, обыскивать накрепко; а что у ково у торговых и у промышленных людей вина, и табаку, и лишних товаров, сверх проезжих грамот, найдут, и то вино, и табак, и лишние товары имати на государя и записывать то вино, и товары, и табак в книги именно, и поить и кормить тем вином иноземцов, которые учнут в Ленской острог приходити с ясаком, а товары держать на государевы расходы, на какие пригодитца. А будет ленские стольники и воеводы Петр Головин с товарыщи на великой реке Лене до их Васильева, и Кирилова, и Петрова приезду новаго острогу не поставили, а живут в старом Якутцком остроге, которой поставил атаман Иван Галкин, и Василью Пушкину и Кирилу Супоневу и дьяку Петру, по прежнему государеву указу пришед на великую реку Лену в Якутцкой острог, где ныне живут стольники и воеводы Петр Головин с товарыщи и которой поставил Петр Бекетов, и иных острожков, которые поставили енисейские и иных городов служилые люди, высмотрети накрепко: у места ль те острошки поставлены, и крепости у тех острожков какие есть ли, и сколь пространны, и церьков в том Якутцком острошке устроена ль и освящена ль, и в приход воинских людей в тех острошках быть мочно ль, и пашенная земля тута и в иных местах неподалеку есть ли, и многа ль пашни, и какова земля, и скольких человек крестьян в которых местех устроить мочно; да будет острожки поставлены у места и в приход воинских людей в тех острожках быти мочно, и им те острожки поделати, и рвы около тех острожков покопать, и надолбы поставить, и всякими крепостьми укрепить; и храм в том остроге, где им самим воеводам Василью и Кирилу и диаку Петру и служилым и всяким людем жити, будет по их приезд не поставлен, воздвигнуть и осветить по прежнему государеву указу по имя Живоначальные Троицы да предел Пречистые Богородицы Одигитрия и книгами и всяким церковным строеньем устроить, которое послано с Москвы наперед сего с стольники и воеводы с Петром Головиным с товарыщи. А будет по их Васильеву, и Кирилову, и Петрову высмотру и по выспросу всяких людей те старые острожки на Лене реке поставлены не у места, а будет иные места, где остроги поставить, лутче того и угоднее есть, и им, Василью и Кирилу и дьяку Петру, из тех старых острожков поставити новой острог, где пригоже, чтоб тот острог был на угожем месте, и укрепя и поставя острог и укрепя всякими крепостями, чтоб в том остроге от воинских людей жити было безстрашно, и из старых острожков в тот новой острог перешедчи, потому ж в том новом остроге церьков воздвигнути и освятить, и дворы себе и служилым людем и без чего быть не уметь то все велеть строить, и всяким государевым делом радеть и делать по сему государеву наказу, смотря по тамошнему делу и по своему высмотру; да о том по тому же отписать, и тому острогу, будет устроят на новом месте, роспись и чертеж прислать к государю к Москве, не замотчав, с нарочными гонцы...

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 30, лл. 124–139.
Напеч. в ДАИ, II, с. 264–275, № 100.

75. *1644 г. не ранее февраля 16. — Отписка в Москву тобольских воевод князя Григория Куракина с товарищами о посылке к контайше тобольских служилых людей Григория Ильина и юртовского татарина Кучебердея Кучеева, о переговорах их с контайшей, о разных вестях про калмыцких тайшей, которые получены посланниками за время посольства, о приеме воеводой калмыцких послов, прибывших с посланниками, о посылке в Москву калмыцких листов ввиду невозможности перевести их в Тобольске и отпуске калмыцких послов назад.*

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии холопи твои Гришка Куракин, Михалко Гагарин, Ивашко Переносов, Гришка Лукин челом бьют. В прошлом, государь, во 151-м году октября в 5 день при воеводах при князе Петре Пронском с товарыщи приходили в Тобольск от контайши послы Долги с товарыщи, 4 человека, и били челом тебе, государю, чтоб ты, государь, контайшу пожаловал, велел выдать человека ево Исенка, которой в Томском городе сидит в тюрьме. И князь Петр Пронской с товарыщи говорил ему, что о нем, Исеньке, писано к тебе, государю, к Москве и об нем де твой государев указ не бывал, а как твой государев указ будет, и ево де, Исенька, х контайше и отпустят. И тех контайшиных послов Долги с товарыщи ис Тобольска князь Петр Пронской с товарыщи отпустили х контайше, а с ними послали в посланниках томсково конново казака Гришку Ильина да юртовского служилого татарина Кучебердейка Кучеева, а с ними послано было х контайше твое государево жалованье: 2 сукна-червчатое да лазоревое аглинское, по 4 аршина сукно, да контайшиному присланному человеку Куле сукно лазоревое аглинское, 4 аршина. Да с ним же, с Гришкою, да с татарином с Кучебердейком послан х контайше лист, а в листу написано, что в прошлом во 151-м году писал он, контайша, в Тоболеск в листу своем, что твои государевы ратные люди ево контайшиных ясачных людей киргизов повоевали и взяли племянника ево со многим ясырем, а киргизы были под твоею госдарскою высокою рукою и ясак тебе, государю, платили; а как учинились тебе, государю, непослушны, и ясаку платить не учали, и твоих государевых людей побивали, и по твоему государеву указу в Томской город посыланы твои государевы ратные люди на тех твоих государевых изменников, а не на ево контайшиных ясачных людей, а о племяннике ево о Исенке писано к тебе ко государю об указе; а как твой государев указ будет, и ево, Исеня, к нему, к контайше, отпустят. Да в том же листу написано: в прошлом во 150-м году писал в Тобольск с Тары стольник и воевода Василей Чоглоков, что приходили в твои государевы ясачные волости: в Туринскую, и в Любайскую, и в Тунускую волости для ясаку ево контайшины люди Кутейко с товарыщи, 11 человек, и взяли ясак на нево, контайшу, с волости по полукоже красных, да по сажени сукна лятчины, да по орловому хвосту; да и наперед того тот ево контайшин человек Кутейко в прошлом во 149-м году в те твои государевы волости для ясаку приходил и с твоих государевых ясачных людей на нево, контайшу, ясак взял же; да и сам де он, контайша, твоим государевым посланником Ларке Насонову да татарину Маметку Тохтасынову говорил, что в те твои государевы волости людей своих Тарганка да Котейка, а с ними 10 человек калмыцких людей посылал и ясак с твоих государевых людей на себя имать велел; и он, контайша-то, делает задор, что в твои государевы ясачные волости для ясаку людей своих посылает и ясак с них емлет, и в том чинит ссору, и ему б, контайше, вперед в твои государевы ясачные волости людей своих не посылать и ясаку с твоих государевых ясачных людей на себя не имать и в том бы ссоры не чинить. И в нынешнем,

государь, во 152-м году февраля в 12 день тобольские служилые люди Гришка Ильин да юртовской татарин Кучебердейка Кучеев в Тобольск приехал, а с ними приехали от конатйши 2 человека послов Долги Чалбаев да Ургуда, да с ними 2 человека. А в роспросе нам, холопем твоим, Гришка и татарин Кучебердейко сказали: как де они пришли х контайши в улусы, и кон де тайши в те поры в улусех не было, ходил де войной з зятем своим с Учюртою, да с Абдулаем, да с меньшим своим братом с Чокуром тайшами, да с Кулою с Алтыном, да с черных мунгалов с Алтыновым сыном, и с мелкими тайши на Юлгиря царевича Казачьи орды да на Ялантуша да на... киргизов, а ходило с ними воинских людей 50 тысяч. И тово де дни, которово они пришли в контайшины улусы на урочища на Кара Адзегир, контайшина большая жена Деpауба Салча да меньшая жена велели им, Гришке и татарину Кучебердейку, с твоим государевым жалованьем с сукны к себе быть на посольство. И они де, Гришка и татарин Кучебердейко, пришед к ним, подали твое государево жалованье сукна, что было с ними послано ис Тобольска к контайше. И кон де тайшины жены твое государево жалованье сукна приняли у них честно, и на твоей де государской милости били челом, и спрашивали про твое государево царское многолетное здоровье. И жили де они в том улусе у контайшиных жен до ево контайшина приезду 4 месяца. А контайша с той службы приехал при них после Ильина дни. А как де он, контайша, приехал к себе в улус, и того ж де дни их, Гришку и татарина Кучебердейка, велел взять контайша к себе на посольство. И они де, Гришка и татарин Кучебердейко, подали ему, конатйше, лист, что с ними послан ис Тобольска. И кон де тайша, встав, лист у них принял и спрашивал про твое государево царское многолетное здоровье. Да кон же де тайша на посольстве им, Гришке и татарину Кучебердейку, говорил: в прошлом де году приходили на ево контайшин улус из Кузнецково острогу твои государевы ратные люди человек с полторасто и побили де ево улусных людей человек с 15 да в полон взяли 202 ясыря, а выкупу де у него контайши за тот ясырь в Кузнецкой острог просят много: за осмилетнево и за семилетнево робенка по 400 соболей, ему де выкупу столько дать невозможно да и дать де нечево; и те де твои государевы служивые люди на ево контайшиных улусных людей войною приходили по государеву ли указу, или по воеводскому веленью, или своим произволом, чтоб де ему, контайше, про то было ведомо; а будет де те государевы ратные люди приходили на ево контайшин улус войною без государскаго указу, и ево б де, контайшу, ты, государь, пожаловал, велел тот ево ясырь, что взят в Кузнецком остроге, отдать ему, контайше, без выкупу. И они де, Гришка и татарин Кучебердейко, против ево речей ему, тайше, говорили, что наперед той войны приходил ево контайшин человек Мазик под Кузнецкой острог с торгом обманом, и на их де торгу, выманя из Кузнецкого острогу служилых людей, тот ево Мазик побил кузнецких служилых людей 40 человек; и кузнецкие служилые люди за то на ево контайшина человека Мазика войною ходили, а Мазика де не нашли, и ево контайшиных улусных людей и тех ево улусных людей погромили невзначай. И кон де тайша против их речей Гришке и Кучебердейку говорил, чтоб ты, государь, ево, контайшу, пожаловал, велел тех ево полоняников, что взяты в Кузнецкой острог, отдать ему, контайше, без выкупу; и вперед бы де ты, государь, своих государевых ратных людей на ево контайшины улусы войной посылать и ясачных ево людей на зверовьях грабить и побивать не велел; а ево контайшины люди то ж под твои государевы городы и на уезды войною приходить не учнут, и твоих де государевых ясачных людей на зверовых промыслех грабить и побивать

потому ж не велит; а будет де где ево контайшины люди воруют твоих государевых людей на зверовых промыслех или где нибудь побьют или пограбят, и чтоб де ты, государь, ево, контайшу, пожаловал, велел к нему, контайше, про то писать и велел ему, контайше, ево государев указ учинить, что там ево контайшиным людем, которые что воруют, какое им наказанье чинить или их привесть в твои государевы городы, где ты, государь, укажешь; а будет ли где твои государевы люди ево контайшиных людей побивать или грабить учнут, и он де, контайша, про то в указе учнет писать к тебе, ко государю. Да он же де, контайша, на том же посольстве нам, Гришке и Кучебердейку, говорил, что он, контайша, твоею государскою милостию всем калмыцким тайшам хвалится, что де государь ево, контайшу, своим государевым жалованьем жалует и держит ево в своем царском милостивом призренье. И жили де они, Гришка и татарин Кучебердейко, в калмыцких улусех при нем, контайше, 2 месяца. И отпустил де их контайша в Тоболеск с урочища с Имилю реки и с ними послал в Тоболеск послов своих Долги Чалбаева да Ургудая да с ними 2 человека. Да Гришка и татарин Кучебердейко нам, холопем твоим, сказали, что слышали де они в контайшине улусе от полоняника от нагаетина: контайшина большая жена Дарауба Салча с сыном своим Охчотбу баатырем да с ними 100 человек улусных ево людей х Куле тайше того своего сына Охчотбу баатыря женить, а тот де нагаетин был с ними, и Куйша де тайша, напився пьян, похвалялся итти войною под твои государевы сибирские городы под Тару, и под Тоболеск, и под Тюмень однем ходом; а наперед де сего ходил сын ево Куйшин Акбутаиша под Тару войною, и ему де не удалось, и ныне де он Куйша тайша, с воинскими людьми под твои государевы городы сибирские хочет итить. И кон де тайшин сын, а ево Куйшин зять, Охчотбу баатырь против того де Куйши тайши говорил: только де он, Куйша тайша, под твои государевы сибирские городы войною пойдет, и он де Охчотбу баатырь без ихново Куйши тайши, как он под твои государевы сибирские городы войною пойдет, за то все ево улусы людьми своими до конца разорит, хотя де ему он, Куйша тайша, и свой. А сказывал де им тот нагаетин в тайне. Да Гришка и татарин Кучебердейко сказывали нам, холопем твоим, что слышали де они у него ж, контайши, в улусех от нагайских и от киргиских полоняников: как де он, контайша, ходил на Янгура царевича и на Ялантуша войною, и взял де он, контайша, две землицы Млат... киргизов да колмаков тысяч с 10, и после де тово учинилась весть Ялгирю царевичу, и Ялгир де х контайше пошел навстречу с войском, а войска было с Ялгирем 600 человек, и Ялгир де, покопав шанцы меж каменем, и в те шанцы посадил 300 человек с вогненным боем, а сам с тремя стами стал в прикрытие за каменем; и кон де тайша с воинскими людьми приступал к шанцам, и ис шанцов де у контайши побили многих людей; и с другую де сторону на нево ж, контайшу, приходил с воинскими людьми сам Янгир и побил де у контайши на тех дву боях людей тысяч с 10; и в ту ж де пору на тот бой Янгир царевичу пришли на помощь Ялантуш, а с ним пришло воинских людей тысяч с 20; и кон де тайша, увидя тех воинских людей, пошел назад; а тех де людей, которых он, контайша, взял у Янгиря, увес с собою; и ныне де те землицы за ним же, контайшою. А нынешние де весны контайша хочет итти войною на него, Янгиря, и на Ялантуша. А Урлюк де тайша кочует от контайши далеко, в 5 месяцах, и с Урлюком де тайшою контайша за далеком не ссылаетца, для того что меж ими кочуют многие тайши, которые с ним выбраны: Кунделень тайша, и Таила тайшины дети, и Ялгирь царевич, и Галантун; а кочюет де Урлюк тайша на Яицких и у Коржейна озера, а кон де тайша

ныне кочует у своих городов в кубаке; а у кон де тайши три города кирпишных, один белой, до города езды по днищу, а в тех де ево городах живут его контайшины люди и пахотные ево люди, а он де, контайша, кочюет около тех своих городов; и в нынешнем во 152-м году, пришед ис походу, контайша послал к тестю своему к Урлуку тайше людей своих 40 человек с листом, чтоб де Урлюк тайша дал ему, контайше, людей своих на помочь и велел бы де людем своим итти на Кулделеню тайшу войною, а он де, контайша, пойдет с другой стороны на Ялгиря царевича и на Ялантуша, для того что де с ним, контайшею, Кунделен тайша на Ялгиря и на Ялантуша войною сам не ходил и людей своих не посылывал и стоит за Ялгиря и называет ево названым сыном; и тех де ево контайшиных послов Кунделен тайша на дороге перенял, и лист у них отнял, и к Урлюку тайше их не отпустил. Да они же де, Гришка и татарин Кучебердейко, в контайшиных улусех слышали от тех де полоняников, что де у Урлюка тайши воинских людей, которые с ним на войну ходят, тысяч с 70, а у кон де тайши воинских и служилых людей, которые с ним на войну ходят, тысяч с 20 да ясачных людей тысяч з десять, а у Янгиря людей тысяч 15, а у Ялантуша тысяч з 20. И февраля, государь, в 16 день велели мы, холопи твои, тем колмацким контайшиным послом Долги Чаанбаеву да Урабаю быть у себя на своем посольском дворе и ево спрашивали, о чем их контайша прислал в Тоболеск. И колмацкие послы Долги да Урабай говорили нам, холопем твоим, что прислал де их контайша, а велел спросить про твое государево царское многолетное здоровье. И мы, холопи твои, колмацким послам Долги да Урабаю говорили, что ты великий государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии самодержец на своих преславных великих государствах Росийского царствия, дал бог здорово. Да те ж контайшины послы Долги да Урабай подали нам, холопем твоим, от контайши 2 листа: один лист писан по-татарски, а другой по-колмацки, да челом тебе, государю, ударил он, контайша, 2 бобры, да наручи, да 2 коня, и били челом тебе, государю, а нам, холопем твоим, говорили, что ты, государь, их пожаловал, велел их ис Тобольска отпустить к тебе, ко государю, к Москве, и о каких делах тебе, государю, бити челом, и о том де писано в тех листах. И мы, холопи твои, те листы приняли, а дары, что присланы к тебе, государю, велели принять. И велели мы, холопи твои, листы перевести, а переводу, государь, в том листу, которой контайшины послы подали татарским письмом, твоево государева имяни и титлы не написано, а прямо ль тот лист переведен, того мы, холопи твои, не ведаем, потому что переводчика в Тобольску, который язык русской грамоте умеет, нет, и колмацкого листа, что писан по-колмацки, перевести в Тобольску некому ж. И мы, холопи твои, те листы послали к тебе, государю: не послать тех листов к тебе, ко государю, и назад отослать х контайше мы, холопи твои, не смели, чтоб в том какая ссора не учинилась. И будет, государь, вперед колмацкие тайши листы учнут присылать тем же обрасцом, и те листы нам, холопем твоим, принимать или к ним назад отсылать, на том, государь, нам, холопем своим, вели свой государев указ учинить. А контайшиным посланником на посольстве мы, холопи твои, говорили, что в листу твоего государева имяни и титл не написано. И посланники нам, холопем твоим, говорили, что де у нас грамота не прямая и люди мы не заабычные, и чтоб де ты, государь, в том гневу своего не положил. А дары мы, холопи твои, велели оценить и послали к тебе, ко государю, с тобольскими служилыми людьми с пятидесятником с Ивашком Ковыргиным да з десятником з Борискою Ортемьевым. А тех де контайшиных посланников отпустить к тебе ко государю мы, холопи твои,

без твоего государева указу не смели, отпустили их к контайше. И буде, государь, вперед от контайши и от иных тайш учнут приходить в Тобольск послы и посланники и учнут нам, холопем твоим, говорить, чтоб их отпустили к тебе, ко государю, к Москве, и о том, государь, нам, холопем своим, вели свой государев указ учинить.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 11, лл. 59об.–67.

76. *1644 г. не ранее февраля 16. — «Колмацкий контайшин лист» в переводе тобольского служилого татарина Баянды Янкучукова и посольские речи калмыцких послов Долги и Ургудая на съезжем посольском дворе в Тобольске.*

Список с подлинного с контайшину листу по переводу тобольского служилово татарина Баянды Янкучюкова[1]. Затем следует: Да калмацкие ж послы Долги да Ургудай говорили: послал де с ним в Тобольск контайшин приказный улык Кула государю челом ударить коня, и тот де конь на дорге пристал, и они де тово коня в Барабинской волости продали, а взяли 2 лисицы и те лисицы привезли в Тобольск, и государь бы ево, Кулу, пожаловал, те лисицы велел принять. И воеводы князь Григорей Семенович Куракин да князь Михайло Семенович Гагарин да дьяки Иван Переносов да Григорей Лукин тем колмацким послом сказали, что государь Кулу пожаловал, подарки ево принять велел, а им послом, покаместа на то ответ будет, велели дать корм и питье против прежнево обычая. И подавали им государева жалованья вино и мед; да им же, что полагается, велели дать государева жалованья корму и питья на тот день против поденного корму вдвое. А елбарсы, и наручи, и лисицы велели оценить тобольским посацким людем и бухарцом. А по оценке тобольских посацких людей и бухарцов Родки Микулина и Якунки Харитонова, Алима Сулеманова... Бакьева, Мирьяки Авдеева: один елбарс цена 10 рублев, другой цена 5 рублев, наручи цена 5 рублев, 2 лисицы красные цена рубль, конь рыж цена... алтын, конь гнед грива на обое стороны, цена рубль 10 алтын.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 11, л. 59–59об.

77. *1644 г. не ранее марта 30. — Отписка в Москву тобольских воевод князя Григория Куракина с товарищами о посылке ими к контайше тобольского литвина Станислава Буткеева и юртовского татарина Кутуная для переговоров о запрещении котайшиным людям промышлять в волостях Тарского уезда.*

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии холопи твои Гришка Куракин, Михалко Гагарин, Ивашко Переносов, Гришка Лукин челом бьют. В нынешнем, государь, во 152-м году марта в 30-й день писали в Тоболеск ко мне, холопу твоему Гришке, с Тары воеводы князь Петр Щетинин да Федор Голованов, что в нынешнем же во 152-м году *посылали они с Тары тарских детей боярских Павла да Гарасима Костелецких Тарсково уезду в Барабинскую, и в Чойскую, и в Теренинскую волости для твоего государева ясаку; и пришед де на Тару ис тех волостей, они, Павел и Гарасим, в роспросе им, князю Петру и Федору, сказали: как де они были в Барабинской, и в Чойской, и в Теренинской волостях для ясаку, и они де видели в Теренинской волости контайшиных ясачных людей и з женами и з детьми, 9 изб, живут с теренинскими ясачными людьми вместе, а сказывали де им, что их

[1] См. выше, прилож. № 70.

контайша прислал в Теренинскую волость кормиться, потому что де у контайши голод; а таренинские де ясачные люди от них скучают, что их... и они де оттого оголодали; да иные контайшины многие люди от Теренинской волости кочуют неподалеко, в полуднище и в днище, во многих в разных местах, изб по штидесят и больши, и то в их де государевых ясачных людей зверовые их промыслы, где они наперед сего звеовали, отняли и зверовать де им не дадут; да и от Барабинской де волости контайшины ж многие люди кочуют во днище и в двух днищах и ясак де с них на контайшу емлют; и они де, Павел и Гарасим, барабинцом лучшим людем говорили, чтоб они твой государев ясак заплатили весь без недобору; и ясашные де люди им сказали: которые у них были вотчины бобровые, и они де в тех своих вотчинах бобры все без остатку выловили, добываючи твой государев ясак, а вперед де им бобров добывать будет негде, а ныне де зверовые прибыли отняли у них колмацкие люди. Да в нынешнем же де, государь, во 152-м году приходили на Тару с твоим государевым ясаком барабинские ясашные люди ясаул Улкинкилдейко Саврасаев, да Колчак Отачеев, да Тунгучачко Изнагилдеев с товарыщи, и они, князь Петр и Федор, тех ясачных людей распрашивали: нет ли им от колмацких людей какой обиды; и те де ясашные люди в роспросе им сказали: обида де им от колмацких людей: отняли де у них [колмацкие люди] зверовые промыслы и зверовать де им не дадаут, потому что кочуют блиско их волостей колмацкие контайшины многие люди, в полуднище, и в днище, и в дву днищах. А они де, князь Петр и Федор, тех контайшиных людей с тех ясачных людей угодей сослать не смеют, чтоб де с контайшою и с ево улусными людьми задору не учинить. И я, холоп твой Гришка, писал ис Тобольска на Тару к воеводам ко князю Петру Щетинину да к Федору Головачеву, а велел к тем х контайшиным ясачным людем, которые кочуют блиско твоих государевых ясачных волостей, послати с Тары тарсково сына боярского добра и велел тем контайшиным ясачным людем говорить, чтоб они с твоей государевой земли сошли на свою землю и твоим бы государевым ясачным людем утеснения и обид никаких не чинили, а твоим государевым людем с теми контайшиными людьми задоров никаких без твоего государева указу потому ж чинить не велел. А ис Тобольска, государь, послали мы, холопи твои, к контайше в посланниках тобольских литвина Станислава Буткеева да юртовского служилого татарина Котунайка Хабарчина; а приехав к контайше, велели им говорить, чтоб он, контайша, с твоей государевы земли... от Теренинской и от Барабинской волостей велели свести на свою землю и чтоб ево контайшины ясачные люди твоим государевым ясачным людем утесненья и обид никаких не чинили, и ясаку б на него, контайшу, не имали, и тем бы ссоры не чинили, и зверовых бы промыслов у твоих государевых ясачных людей не отнимали. И буде, государь, контайшины ясачные с твоей государевы...**

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 11, лл. 67–69об. Конец в копии отсутствует.

*Текст, помещенный между знаками * и **, повторяется с незначительными изменениями в прилож. № 85.*

78. *1644 г. не ранее мая 29. — Отписка в Москву тобольских воевод князя Григория Куракина с товарищами о намерении контайши воевать осенью Тарский уезд и о «шатости» в Барабинской волости.*

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии холопи твои Гришка Куракин, Михалко Гагарин, Ивашко Переносов, Гришка Лукин челом бьют.

В нынешнем, государь, во 152-м году маия в 29 день писали в Тоболеск ко мне, холопу твоему Гришке, с Тары воеводы князь Петр Щетинин да Федор Головачев: в нынешнем же де, государь, во 152-м году марта в 23 день посылали они с Тары в Тарской уезд в Барабинскую волость тарских конных казаков Алешку Кунавина да Онтошку Ильина провожать контайшиных посланников Долги да Ургудая до Барабинские волости; и в нынешнем же де, государь, во 152-м году маия в 12 день те тарские казаки из Барабинской волости на Тару приехали, а сказали: как де были они в Барабинской волости, и им де, Осташке и Онтошке, лутчей человек барабинской князец Когутейко сказывал тайно, что де хочет контайша прислать к человеку своему х Лабе сына своего с ратными людьми осенью и хочет де итти войною под Тарской город и воевати Тарский уезд, потому что воевали твои государевы люди томские и кузнецкие казаки кирсакальцов, ево контайшиных ясачных людей, а взял де, государь, полону человек с 300, а про те де вести князцу Когутею сказывал Барабинский волости татарин, а тот де татарин был у контайши в улусе. Да им же де, князь Петру и Федору, те ж тарские казаки сказывали, что чает де у Барабинской волости шатости, потому что приезжают де в Барабу беспрестанно контайшины многие люди и з барабинцы де, государь, торгуют. И я, холоп твой Гришка, писал на Тару к воеводам ко князю Петру Щетинину да к Федору Головачеву, а велел жить на Таре с великим береженьем, и под город и под острог караулы ставить крепкие, и в проезжие станицы... не вести служилых людей велел посылать почасту, до которых мест пригож, смотря по тамошнему делу и по вестям, чтоб, государь, воинские люди под Тарской город безвестно не пришли, и дурна нам никакова не учинили, и уезды и волости не повоевали. А барабинских татар велел я, холоп твой, велети проведывать тайным обычаем на Таре вестей. А что будет проведаетца, и мы, холопи твои, к тебе, государю, о том отпишем.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 11, лл. 69об.–70об.

79. *1644 г. не ранее июня 16. — Отписка туринского воеводы князя Петра Барятинского верхотурскому воеводе Максиму Стрешневу о запрещении сажать крестьян на Большой Елáни (Красном Поле) ввиду принадлежности ее не к Верхотурскому, а к Туринскому уезду.*

Господам Максиму Федоровичю, Максиму Яковлевичю Петр Борятинской челом бьет. В нынешнем во 152-м году июня в 14 день писали вы ко мне в Туринской острог, что в нынешнем же в 152-м году июня в 5 день писал к вам на Верхотурье из Ницынския слободы прикащик Тихон Текутьев: сказывал де ему в Ницынской слободе в судебной избе ницынской пашенной крестьянин Кирилко Бердякин, что приезжали де ис Туринского острогу служилые люди Туринского ясаку с татары по Нице реке к ним ницынским крестьянам в деревни на Большую Ялань досматривать пашенных земель, а хотят де на той Ялане строить государеву пашню, вновь крестьян садить, а острог де хотят ставить меж ницынских пашенных крестьян деревень; а та де Ялань прилегла с одну сторону с ницынскими пашенными крестьяны от Ивашка Кривого только с версту, а с другую сторону от Вахрушка Бердякина версты полторы; а на той же Ялане по государеву указу и по Верхотурской памяти в прошлом во 151-м году велено де слободчику Пятку Ощепкову прибрать вновь пашенных крестьян, и у того де слободчика у Пятка Ощепкова призвано и посажено на той

Ялане пашенных крестьян 5 человек, а только де на той Ялане станут ис Туринского государеву пашню строить, и в Ницынской де слободе вновь пашенных крестьян в государеву пашню называть и садить негде, потому что пашенных земель, опричь той ялани, около Ницынской слободы нет нигде, и ницынским де пашенным крестьянам от тех туринских руских людей и от татар и поготову де обида и изгоня будет великая; а в прошлом де во 151-м году Ницынской слободы пашенных крестьян староста Баженко Кирилов и все ницынские пашенные крестьяне били челом государю в обидах от воеводы от Микиты Кафтырева и от служилых людей и от татаровей, которых присылают ис Туринского досматривать в Ницынскую слободу пашенных земель; и мне б по государеву указу в Верхотурском уезде в Ницинской слободе той Большой Ялани занимать под государеву пашню не велеть. А в государеве цареве и великого князя Михаила Фдоровича всеа Русии наказе у меня написано: велено в Туринском остроге государева пашня строить, и вновь пашенных крестьян называть, и в Туринском уезде пашенных земель росматривать, где б устроить государевы слободы и посадить пашенных крестьян. И в нынешнем, господа, во 152-м году маия в 26 день посылал я ис Туринского острогу в Туринской уезд на Ницу в Ермолаеву волость, а не в Верхотурской уезд, пятидесятника Туринского Тимошку Микитина с товарыщи и велел им рассмотреть, где б устроить вновь государева слобода и посадить пашенных крестьян и розмежевать с верхотурскими пашенными крестьяны. И Тимошка с товарыщи в Туринской уезд в Ермолаеву волость ездили и доезду своего подали мне в съезжей избе память, а в памяти их написано: высмотрили де они пашенного места в Туринском уезде в Ермолаеве волости на Красном поле, на той Большой Ялани, где устроить государева слобода и вновь пашенных крестьян посадить, и с верхотурскими пашенными крестьяны разгранили, для того чтоб вперед меж пашенных крестьян в пашенной земле спору не было. А гранили и ямы копали верхотурские пашенные крестьяне: Петрушка Устюженин, Вторко Трубин с товарыщи. А то де Красное поле, Большая Ялань, лежит в пусте и не пашет ее никто. А Ницынской слободы прикащик Тихон Текутьев пишет к тебе не делом. А от туринских служилых людей и от ясачных татар верхотурским пашенным крестьяном обид и налоги никоторой ни от кого нет. И июня по 16-е число от верхотурских пашенных крестьян на туринских служилых людей и на пашенных крестьян и на ясачных татар челобитья ни от ково ни в чем не было. А туринские ясачные татаровя Тентюковы, и Ермолаевы, и Зензяровы волостей бьют челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии безпрестанно на пашенных крестьян, которые слободы построились с Верхотурья в Туринском уезде по Нице и по Ирбею реке, пашенных крестьян деревни и ясачным людем от пашенных людей обида и налоги великие, пашенные де их места, и звериные и рыбные ловли, и хмелевые ухожья у них все поотнимали, и с юрт их согнали, и им де вперед государева ясаку платить будет нечем, что от верхотурских от пашенных крестьян туринские ясачные татаровя обнищали и обдолжали великими долги. А ис Туринсково в Верхотурской уезд государевых слобод и пашенных крестьян древень не строят и пашенных крестьян не сажают, а строят государевы слободы по Нице и по Ирбею с Верхотурья в Туринском уезде. И вам бы, господа, по государеву цареву и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русии указу не велеть на том Красном поле, на Большой Ялани, сажать пашенных крестьян, что то пашенное место Туринского уезду, а не Верхотурского, чтоб от верхотурских пашенных крестьян туринским ясачным татаром госуда-

рева ясаку не отбыть. А буде вы учнете мимо государев указ сажать вновь пашенных крестьян в Туринском уезде в Ермолаеве волости на той Большой Ялани, и мне на вас писать ко государю к Москве и в Тоболеск.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 6, лл. 95об.–96об.

80. *1644 г. не ранее июня 20. — Отписка туринского воеводы князя Петра Барятинского тобольскому воеводе князю Григорию Куракину о препятствиях со стороны верхотурских воевод к устройству в Ермолаевой волости новой Краснопольской слободы и о необходимости размежевания Туринского уезда с Верхотурским.*

Господину князю Григорью Семеновичю Петр Борятинской челом бьет. В нынешнем во 152-м году маия в 26 день посылал я ис Туринского острогу в Туринской уезд в Ермолаеву волость туринского пятидесятника стрелетцкого Тимошку Микитина и с ним всяких туринских жилецких людей и велел им расмотреть пашенново место, где б устроить вновь государева слобода и посадить пашенных крестьян. И Тимошка с товарыщи в Туринской уезд в Ермолаеву волость ездили и доезду своего подали мне в съезжей избе за твоею рукою память, а в памяти их написано: высмотрели они пашенные места в Туринском уезде в Ермолаеве волости на Красном Поле, что словет Большая Ялань, и на том де месте мочно устроить государева пашня и вновь посажать пашенных крестьян. И пятидесятник стрелецкой Тимошка то Красное Поле елань с верхотурскими и ницинскими пашенными крестьяны розграници для того, чтоб вперед меж пашенных крестьян в пашенной земле спору не было; а грани де тесали и ямы копали верхотурские пашенные крестьяне Петрушко Устюженин, Фетько Трубин с товарыщи; а то де Красное Поле, что словет Большая Ялань, лежит в пусте и не пашет де никто; а та де Ялань в туринском уезде в Ермолаеве волости, а не в Верхотурском уезде. И в нынешнем же, господине, во 152-м году июня в 14 день писал ко мне с Верхотурья в Туринской воевода Максим Стрешнев да подьячей Максим Лихачев, что в нынешнем во 152-м году июня в 5 день писал де к ним на Верхотурье из Ницынские слободы прикащик Тихон Текутьев, что приезжали де ис Туринского служилые люди Туринского ясаку с татары по Нице реке к ницинским крестьяном в деревни на Большую Ялань досматривать пашенных земель, а хотят де на той Ялани строить ис Туринского государеву десятинную пашню, называть вновь пашенных крестьян и садити на той Ялани; а острог де хотят ставить меж ницинских пашенных крестьян деревень; а та де елань прилегла с ницынскими пашенными крестьяны, и мне б де в Верхотурском уезде в Ницынской слободе той Большой Ялани заимать под государеву пашню не велеть. И то, господине, Красное Поле, Большая Ялань, Туринского уезду Ермолаевы волости, а не Верхотурского уезду. А в государеве цареве и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русии наказе у меня написано: велено в Туринском остроге государева пашня строить, и вновь пашенных крестьян называть, и в Туринском уезде пашенных земель велено росматривать, где б устроить государевы слободы и посадить пашенных крестьян. И Тентюковы, и Ермолаевы, и Колмаковы, и Кичюбаевы, и Зензяровы и Илгибаевы волостей бьют челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии беспрестанно на верхотурских пашенных крестьян, которые слободы построили с Верхотурья в Туринском уезде по Нице и по Ирбею реке и пашенных крестьян деревни, и им де, ясачным людем, от пашенных крестьян обида и налоги великия,

пашенные де их места выбрали, и с юрт их и с кладбищ согнали, и звериные бобровые и рыбные ловли и хмелевые ухожья у них все поотнимали, и им де вперед будет государева ясаку отбыть, что платить будет им нечем. А ис Туринского в Верхотурском уезде государевых слобод и пашенных крестьян деревень не строят, а строят государевы слободы и пашенных крестьян деревни по Нице и по Ирбею с Верхотурья в Туринском уезде. И я писал на Верхотурье к воеводе к Максиму Стрешневу и к подьячему к Максиму Лихачеву, чтоб они в Туринском уезде в Ермолаеве волости на Красном поле, на Большой Ялани, государевы слободы и пашенных крестьян деревни не строили, потому что учнут тут государеву слободу и пашенных крестьян деревни строить ис Туринского, а то Красное Поле, Большая Ялань, Туринского уезду, а не Верхотурского. А в прошлом, господине, во 151-м году маия в 15 день писал я к тебе в Тоболеск с своего приезду о тех слободех, которые слободы строены с Верхотурья, и у русских людей деревни и туринских ясачных татар во всем изобижают. И по нынешней по 152-й год июня по число 20 мне в Туринск ис Тобольска ничево не писывано. И тебе б, господине, по государеву указу велеть по прежней и по нынешней туринским отпискам ко мне в Туринской отписать: Туринской уезд от Верхотурского вели отмежевать, чтоб мне было ведомо, где вновь слобода и государева пашня устроить, и что б туринским ясачным татаром от верхотурских пашенных крестьян от государева ясаку не отбыть и к тому ж туринских и верхотурских пашенных крестьян о землях и о угодьях спору не было.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 6, лл. 94–95.

81. *1644 г. августа 22. — Грамота в Тобольск воеводам князю Григорию Куракину с товарищами об ответах контайше на его требования отпустить киргизского князя Изеню, о принадлежности ясачных людей Керсагальской, Мундусской, Тутошской и Кезегецкой волостей Кузнецкого уезда и других волостей, которые от контайши удалены, о посылке к контайше, согласно его просьбе, четырех петухов и восьми кур немецких и о предложении контайше прислать в Тобольск листы, писанные татарским, а не калмыцким письмом.*

От царя и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь, в Тоболеск, воеводам нашим князю Григорью Семеновичю Куракину да князю Михаилу Семеновичю Гагарину да дьяком нашим Ивану Переносову да Григорью Лужину. В прошлом во 149-м году писали к нам из Сибири ис Томсково стоольник наш и воеводы князь Семен Клубоков-Масальской с товарыщи: в прошлом же во 148-м году июня в 5-й день прибежал в Томской из нашей ясачной Аргунской волости князец Косторгула, а в роспросе им сказал: пришли де к ним в ясашные в Аргунскую да в Байгульскую волости киргиские два князьца Бугачей да Изен да с ними киргиских улусных людей 4 человека, и наших де ясачных людей грабили, и жен их и детей поимали, и пошли де в наши ж ясачные волости верх по Чюлыму реке потому ж наших ясачных людей грабить, а иных с женами и з детьми имать к себе в Киргизы; и они де князь Семен с товарыщи посылали ис Томского в те наши ясачные волости томских детей боярских Самсона Навацкого да Михаила Яроцкого, а с ними томских русских служилых людей и подгородних татар 100 человек, а велели де им, Самсону с товарыщи, тех волостей наших ясачных людей от киргиз оберегать и ис тех наших ясачных волостей киргиских князцей и улусных людей выслать вон; и дети боярские де

Самсон Навацкой да Михайло Яроцкой и служилые люди сошли тех киргиских князцей и улусных людей вверх по Чюлыму реке в нашей в ясашной в Алтыбайковой волости, а они де тои Алтыбайковы волости наших ясачных людей грабят и в улусы к себе з женами и з детьми емлют; и как де тех наших служилых людей те киргиские князцы и улусные люди увидели и учали по них по служивых людей стрелять из луков, и наши де служивые люди, по их киргиских людей задору, учали по них стрелять ис пищалей, убили де у них лутчево князьца Бугачея, а улусных людей 4-х человек, а другово де князца Изеня ранили и, взяв, привезли ево в Томской; и от нас писано в Томской к стольнику нашему и воеводам ко князю Семену Клубкову-Мосальскому с товарыщи, а велено ево, Изеня, держать в томском за крепкими сторожи, чтоб он ис Томского в Киргизы и в иные ни в которые немирные землицы не ушел; а будет вперед Изенева жена или сын ево в Томском к нему, Изеню, приедут или киргиские князцы улусных своих людей для договору и аманатов в Томской пришлют, и им тое Изеневу жену, и сына, и аманатов потому ж в Томском велено держать вместе с князцом с Изенем за крепкими сторожи; и после того по нашему указу киргиские князцы и улусные люди приведены под нашу царскую высокую руку войною, как на них посыланы воеводы Яков Тухачевской да Иван Кобыльской; и в Сибирском приказе про того Изеня Яков Тухачевской и Иван Кобыльской в допросе сказали: как де они с нашими служивыми людьми наших изменников и непослушников киргиских людей повоевали, и к шерти привели, и аманатов поимали, и ему, Ивану, говорили киргиские князцы и улусные люди, чтоб ис Томсково князца Изеня в Киргизы не отпускали, для того что он в Киргизах на всякое дурно завотчик был большой, а только де Изеня ис Томсково отпустят, и он де, Изень, киргиских людей на всякое дурно учнет приводить по-прежнему. Да в прошлом во 151-м году писали к нам из Сибири, ис Тобольска, воеводы наши князь Петр Пронской с товарыщи: посылали они ис Тобольска к Чокуру тайше в посланникех тобольского новокрещена Лучку Кизылова, и тобольской новокрещен Лучка сказывал, приехав от Чокура тайши, в роспросе князю Петру с товарыщи сказал: слышал де он, Лучка, у контайши в улусе, что контайшин человек Мазик просился у контайши итти войною под Томской город и под иные наши сибирские городы, и кон де тайша ему, Мазику, сказал, что он ево, Мазика, не унимает и не посылает; а как де х контайше прибежал Кутухта, и кон де тайша з братьями своими ездил к нему, Кутухте, на думу, а з думы де колмацкие люди пошли в войну, а куды пошли, того он, Лучка, не ведает. Да в прошлом во 149-м году писал к нам из Сибири ж из Кузнецкого острогу воевода Дементей Кафтырев: в прошлом де во 148-м году приходили под Кузнецкой острог оманом, бутто с торгом, Бачикова улусу колмаков человек со 100 и стали в прикрытие, и от них де отделяся человек с 12, учали с русскими людьми торговать, и как де кузнецкие служивые люди вышли на тот торг, и те колмацкие люди, которые стояли в прикрытии, на колмацком торгу служилых и гулящих людей и подгородных юртовских татар убили 20 человек, да 8 человек ранили, да 4-х же жонок взяли в полон, а достальные служивые всякие люди от тех колмацких людей сели в крепи; и он де, Дементий, посылал из острогу атамана Петра Дорофеева с служивыми людьми, и атаман де Петр Дорофеев со служивыми людьми тех наших служивых и всяких людей у калмацких людей выручили и их, колмацких людей, отбили. Да в нынешнем во 152-м году писал к нам ис Кузнецкого острогу он же, Дементий Кафтыров: в прошлом де во 140-м году и во 141-м из Кузнецково уезду кергасальские ясачные люди

платили наш ясак в Томской и в Кузнецкой острог, а со 141-го году те кергасальские люди учали быть непослушны, нашего ясаку в Томской и в Кузнецкой острог давать не учали; а преж де того во 148-м году приходили те кергасальские люди под Кузнецкой острог с Мазиком войною и многих кузнецких служивых людей и подгородных юртовских татар побили; да они ж де, кергасальские люди, приходят с Мазиком Кузнецкого уезду в наши ясачные волости, и ясачных людей грабят и побивают, и нашего ясаку в Кузнецкой острог платить им не велят; и в прошлом во 151-м году посылал он, Дементей, ис Кузнецкого острогу на тех непослушников на кергасальских людей атамана Петра ж Дорофеева, а с ним кузнецких служивых людей и подгородных юртовских татар 106 человек и велел им тем кергасальским людем говорить, чтоб они были под нашею царскою высокою рукою по-прежнему и ясак с себя давали против Кузнецкого уезду ясачных людей, а будет де те кергасальские люди чинятцы непослушны и под нашею царскою высокою рукою быть и ясаку с себя давать не учнут, и он де, Дементей, велел атаману Петр Дорофееву и служивым людем над теми кергасальскими людьми, прося у Бога милости, промышлять, сколько Бог помощи подаст, чтоб их, непослушников, смирить и под нашу царскую высокую руку привесть войною; и кергасальские люди учинились непослушны, и атаману Петру Дорофееву и служилым людем в нашем ясаке отказали, и учали с ними, служивыми людьми, битьца; и Божиею милостию, а нашим счастьем, атаман Петр Дорофеев и служилые люди тех непослушников кергасальских людей повоевали, многих побили и в полон жон их и детей поимали; и после де погрому приходили в Кузнецкой острог кергасальских людей 32 человека с нашим ясаком и перед ним, перед Дементьем, в съезжей избе шертовали на том, что им впредь под нашею царскою высокою рукою быть навеки неотступным и наш ясак платить с себя по вся годы против кузнецких ясачных людей, а приветчи де он, Дементей, тех кергасальских людей к шерти, отпустил их ис Кузнецкого острогу назад в Кергасальскую волость на старые их кочевья, а лутчево человека князьца Вамергерикова брата оставил в Кузнецком остроге; да атаман же де Петр Дорофеев и служивые люди изошли в нынешних в ясачных в Кондоской и в Кимандинской волостях Мазикова улусу мужиков, а те де мазиковы мужики збирают с кондомских и с кумандинских ясачных людей на него, на Мазика, ясак, а прежде того те мазиковы мужики наших кондомских и кумандинских ясашных людей грабили и побивали; и учали де те мазиковы мужики с ними, служивыми людьми, дратьца, и служивые де люди атаман Петр Дорофеев с товарыщи тех мазиковых мужиков убили шти человек, а иных переранили, и наших кондомских ясашных людей от тех мазиковых мужиков оборонили; да посылал де он, Дементей, для нашего ясачного збору вверх по Кондоме реке во все улусы и волости кузнецких же служивых людей Шестачка Яковлева с товарыщи да подгородных татар, всего 24-х человек, а велел проведывать кондомскими ясачными людьми захребетных новых волостей, которые нашего ясаку не платят, и тех захребетных людей под нашу царскую высокую руку приводить; а буде которых волостей люди под нашей царскою высокою рукою быть не похотят и ясаку с себя не дадут, и ему де, Шестачку с товарыщи, над теми непослушники велел он, Дементей, промышлять, сколько Бог помощи подаст; и служивые де люди Шестачко Яковлев с товарыщи, пришед в нашу ясачную Кузенскую волость, посылали кузенского ясачного человека Ириака в Устьленскую да в Селунскую волости к ясачным людем, чтоб они были под нашею цар-

скою высокою рукою и ясак с себя давали; и те де устьленские да селунские тотаровя к ним, к Шестачку Яковлеву с товарыщи, пришли и принесли с собою нашего ясаку 43 соболя; да те же де служивые люди Шестачко Яковлев с товарыщи ходили в новые ж в захребетные в Мундунскую, и в Тутошскую, и в Кезегескую волости к ясашным людем для приводу под нашу царскую высокую руку, и те де мундунские, и тутошские, и кезегецкие захребетные люди под нашею царскою высокою рукою быть не похотели, и в нашем ясаке отказали, и с ними, служивыми людьми, учали дратьца; и Божиею милостию, а нашим счастьем, служилые люди Шестачко Яковлев с товарыщи тех многих непослушников побили и переранили, а жен их и детей в полон поимали, и привели в Кузнецкой острог мундусского мужика Ябута да Тутошские волости мужика Улуспая; и те де мужики в Кузнецком остроге шертовали на том, что и впредь быть под нашею царскою высокою рукою навеки неотступным и ясак с себя давать. Да Дементей же Кафтарев в допросе в Сибирском приказе сказал, что де с Керсагальские, и с Мундинские, и с Тутошские, и с Кизегецкие волостей ясак збирывали на контайшу и на киргиз и иные де землицы с них ясак имали. Да в нынешнем во 152-м году писали вы к нам, что в прошлом 151-м году при прежних воеводах при князе Петре Пронском с товарыщи приходили в Тоболеск от контайши послы Долги с товарыщи и били нам челом, чтоб нам его, контайшу, пожаловати, велети ему отдать человека ево контайшина Изенка, которой взят в Томском, и воеводы де князь Петр Пронской с товарыщи те контайшиных послов Долги с товарыщи ис Тобольска х контайше отпустили, а с ними послали в посланниках тобольского конного казака Гришку Ильина да юртовского служивого татарина Кучебердейка Кучеева, да с ними ж послан был к контайше лист, а в листу написано, что в прошлом во 151-м году писал он, контайша, в листу своем в Тоболеск, что наши де ратные люди ево контайшиных ясачных людей киргизов повоевали и взяли племянника ево со многим ясырем, и киргизы де не ево контайшины, а были под нашею царскою высокою рукою и ясак с себя платили; а как они, киргизы, учинились нам непослушны, и ясаку давать не учали, и наших служивых и торговых промышленных людей учали побивать, и по нашему указу за ту их измену и воровство посыланы на них, на киргиз, наши ратные люди, а не на ево контайшиных ясашных людей; а о племяннике де о ево, о Изене, о указе писали они к нам к Москве. Да в том же де листу писано к ему, х контайше: в прошлом де во 150-м году писал в Тоболеск с Тары стольник и воевода Василей Чеглоков, что приходили Тарского уезду в наши в ясачные в Турашскую, да в Любаискую, и в Тунускую волости для ясаку люди ево контайшины Кутейко с товарыщи, 11 человек, и взяли на нево, контайшу, с волости по полукоже красной, да по сажени сукна летчины, да по орловому хвосту; да наперед де того тот ево контайшин человек Кутейко в прошлом во 149-м году в те наши тарские ясачные волости приходил и с наших ясачных людей на него, на контайшу, ясак взял же; да и сам де он, контайша, тобольским служивым людем Ларке Насонову да татарину Маметку Токтасынову, которые к нему наперед того посыланы, говорил, что он в те наши тарские ясачные волости людей своих Тархана да Кутейка, а с ними 10 человек колмацких людей посылал и ясак с наших ясачных людей на себя имать велел; и он, контайша, то делает задор, что в наши ясачные волости для ясаку людей своих посылает и ясак с них емлет, и в том чинит ссору, и ему б, контайше, впредь так не делать, в наши ясачные волости людей своих не посылать и ясаку с наших ясачных людей на

себя имать не велел. А при вас де тобольские служивые люди конной казак Гришка Ильин да юртовский татарин Кучебердейко Кучеев, которые при князь Петре Пронском с товарыщи посыланы х контайше, с его контайшиными послы в Тоболеск приехали, да с ними ж, с Гришкою и Кучебердейком, приехал в Тоболеск от контайши посланник и тот же прежней Долги Чанбаев да Аргуда. А в роспросе вам служивые люди Гришка и татарин Кучубурдейко сказали: как де они были у контайши на посольстве, и кон де тайша говорил им: приходили де на ево контайшин улус ис Кузнецкого острогу наших ратных людей человек с 150 и побили ево улусных людей человек с 15 да в полон взяли 202 человека, а выкуп де за тот ясырь просят за осмилетнего и за семилетнего ребенка по 400 соболей; и те де наши кузнецкие служивые люди на ево улусных людей приходили войною по нашему ли указу, или по воеводцкому велению, или своим произволом, чтоб де ему, контайше, про то было ведомо; и будет де те наши ратные люди приходили на ево контайшин улус войною без нашего указу, и нам бы ево, контайшу, пожаловать, велети тот ево ясырь, сыскав, отдать ему без окупу; и он де, Гришка и татарин Кучебердейка, против ево контайшиных речей, говорил ему, что наперед той войны приходил под Кузнецкой острог ево контайшин человек Мазик с воинскими людьми обманом, бутто для торгу, и, выманя ис Кузнецкого острогу наших служилых и всяких людей, побили человек 40; и кузнецкие служилые люди, по тому Мазикову задору, ходили на него, Мазика, войною и его де, Мазика, не сошли, а нашли де ево контайшиных улусных людей и их погромили незначай; и кон де тайша говорил им, Гришке и Кучебердейке, чтоб нам пожаловать ево, контайшу, вперед наших ратных людей на ево контайшины улусы войною посылать и ясачных ево людей на зверовьях грабить и побивать не велел, а ево де контайшины люди потому ж под наши сибирские городы и на уезды войною приходить и наших ясачных людей на зверовых промыслах грабить и побивать не учнут; а хде де будет ево контайшины люди своруют, ясашных людей учнут побивать и грабить, и о том бы велеть к нему, контайше, писать, какое наказанье тем ворам за их воровство чинить. А контайшины посланники Долги Чанбаев да Ургудай подали нам на съезжем дворе от контайши 2 листа: один лист писан по татарскому письму, а другой по-колмацки; да они же де нам челом ударили от контайши 2 бобры, да наручи, да 2 коня; и вы те контайшины листы, и бобры, и наручи прислали к нам к Москве. И на Москве контайшин лист, которой писан татарским письмом, переведен, а написано в нем то ж, что контайша говорил тобольским служилым людем Гришке Ильину да татарину Кучебердейко, что взяли де кузнецкие служивые люди ево контайшина улуса Керсагала и иных улусов многих ясырей, а просят за семилетнево, за осмилетнего робенка по 400 соболей, и нам бы ево, контайшу, пожаловать велеть, тот ево ясырь отдать ему без окупу. Да в том же ево контайшине листу отписано, чтоб пожаловать, велеть прислать пищаль мерную, которая б убивала в цель в двулучных перестрелах, да к нему ж прислать 4 петуха да 8 кур немецких. И как к вам ся наша грамота придет, а контайша будет учнет вперед посланников своих в Тоболеск присылать, и те ево посланики учнут по ево контайшину приказу вам о Изене говорить, или как вы пошлете ис Тобольска к нему х контайше наших служилых людей, и тем будет служилым людем потому ж контайша о Изене учнет говорить, и вы б тем контайшиным посланником в Тобольску на съезжем посольском дворе говорили и с тобольскими служивыми людьми к нему, х контайше, приказали

и велели ему говорить, что в прошлых годех киргиские люди нам изменили, ясаку с себя платить не учали, а учали приходить в наши в Томские и в Кузнецкие в ясачные волости войною, и во 148-м году приходил он, Изень, с киргискими людьми в Томской уезд в наши ясачные волости и тех волостей наших ясачных многих людей грабить и побивать и в улусы к себе з женами и з детьми збирал, и за то воровство взят он, Изен, в Томской боем и отдать ево, Изеня, ему, контайше, не доведетца, потому что он природной киргишенин, а не ево контайшин улусной человек. А керсагальские князцы и все улусные люди учинились под нашею царскою высокою рукою в холопстве по-прежнему, и в винах своих нам добили челом, и аманата в Томском и в иные городы дали. А про Керсагальскую волость и в разные волости и про ясырь от контайши отговаривались тем, что приходил Мазик с колмацкими людьми войною под Кузнецкой острог омманом, бутто для торгу, и наших многих служивых людей побили и в полон поимали, и за ним, за Мазиком, посланы ис Кузнецкого острогу наши ратные люди и его, Мазика, не сошли, а нашли в Кузнецком уезде в Кергасальской, и в Мундуской, и в Тутошской, и в Кезегецкой волостях наших изменников ясашных людей, которые преж того нам ясаку платили, а после того нам изменили, а надеяся на киргисцов, ясаку с себя давать не учали и с нашими служивыми людьми билися, и тех непослушников и изменников разных землиц князцов и их ясачных людей захребетников, а не ево контайшиных, наши ратные люди войною под нашу царскую высокую руку привели и наш ясак с них взяли; а которые будет прямые ево контайшины улусные люли взяты в полон за неведы, и мы по сыску тех полоняников для ево контайшины службы отдать ему велим, и о том от нас в Кузнецкой острог к воеводе писано: а он бы, контайша, в тех людей, которые от него отдалели и живут юртами своими в разных местах, а подошли блиско наших сибирских городов и х Кузнецкому и х Красноярскому острогам, а преж де сево наш ясак платили или которые и ясаку нам не платили, а от него, от контайши, отдалели и на его контайшины разных землиц князцы и их ясачные люди захребетники, а те, нехотя нам ясаку платить и послушны быть, закладываютца за него, за контайшу. Так же что и наперед сего Тарского уезду князец Куготейко с товарыщи, изменив, отходили к нему х контайше в улусы, и он, контайша, служа нам, тех тарских татар князца Куготейка с товарыщи, и з женами, и з детьми в Томской уезд нам отдал; и он бы, контайша, ныне так же, служа нам, в тех людей князцов и в ясачных их людей, которые от него удалели, а живут блиско Кузнецкого и Красноярского острогу юрты, разных землиц захребетники, не вступался и закладыватьца им за себя не велел. И которые воры, впредь изменя нам, учнут к нему в улусы приходить, и он бы тех воров наших изменников себе в улусы не приимал и отдавал их в сибирские городы на старые их кочевья, где они жили наперед сего, а ссоры в том и задору не чинил. А мы на ево на контайшины улусы ратных наших сибирских людей посылать не велели и вперед потому ж посылать не велим, только от него, контайши, и от улусных ево людей задору и нашим служивым и ясачным людем нигде никакой тесноты и войны не будет. Да иными бы есте всякими мерами вымышляючи в Изене, и в Мазике, и в ясыре оговаривали, смотря по тамошнему делу. А что в контайшине листу написано, чтоб нам пожаловать ево, велети к нему прислать ис Тобольска 4 петуха да 8 кур немецких, и вы б велели купить в Сибири, в Тобольску или в иных городах 4 петуха да 8 кур немецких и послать к нему, х контайше, и с ево контайшины посланники или с то-

больскими служивыми людьми, которых учнет к нему, х контайше, посылать. Да с теми ж ево контайшиными посланники и с тобольскими служивыми людьми приказали быти к нему, х контайше, как он, контайша, вперед учнет к вам в Тоболеск посланников своих присылать и о каких делех случится ему в Тоболеск писать, и он бы, контайша, присылал к вам в Тобольск листы татарским письмом, а колмацким письмом в Тоболеск листов не присылал, для того что колмацкого письма и на Москве перевесть некому. Да как х контайше ис Тобольску служилых людей и с ними немецкие куры пошлете, и о чем контайша вперед посланников своих в Тоболеск учнет присылать, и что каких от него вестей будет, и вы о том о всем писали к нам подлинно, чтоб нам про то было ведомо, а отписки велели подавать в Сибирском приказе боярину нашему князю Никите Ивановичю Одоевскому да дьяку нашему Григорью Протопопову. Писан на Москве лета 7152-го августа в 22 день.

На обороте: Дьяк Григорей Протопопов. Справил Иван Селетцов.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 11, лл. 92–103.

82. *1644 г. не ранее августа 25. — Отписка тобольского воеводы князя Григория Куракина с товарищами томским воеводам князю Дмитрию Щербатому с товарищами о посылке из Тары к контайшиным ясачным людям сына боярского Герасима Костелецкого и конного казака Федора Плотникова и о намерении контайши воевать осенью сибирские города.*

Господам князю Дмитрию Ивановичю, Ондрею Офанасьевичю, Борису Исаковичю Григорей Куракин, Михайло Гагарин, Иван Переносов, Григорей Лукин челом бьют. В нынешнем во 152-м году августа в 25 день писали в Тоболеск с Тары воеводы князь Петр Щетинин да Федор Головачев: посылали они с Тары х контайше ясачных людей, которые кочуют близко государевых ясачных волостей, сына боярского Герасима Костелецкого да конного казака Федора Плотникова и приказали де им говорить контайшиным ясачным людем, чтоб они з государевы земли сошли на свою землю и государевым бы ясачным людем утеснения и обид никаких не чинили; и в нынешнем во 152-м году июля в 30 день сын боярской Герасим Костелецкий и конный казак Фетька Плотников приехали, а в роспросе сказали: были де они в степи, где кочевали зимою контайшины ясачные люди блиско государевых волостей, и контайшиных де ясачных людей они на том месте, где кочевали зимою, не съехали, откочевали де в степь далеко, говорити им было не с кем; а как де поворотили они с тово кочевья в город и шли через Барабинскую волость, и в Барабинской де волости наехали они контайшина дворового одново человека Бугачика з двема ево женами и з детьми; и они де ево спрашивали: по контайшину ли велению живет он в Барабинской волости или самовольством, и говорили ему, чтобы он из Барабинской волости пошел на свою землю; и им де, Герасиму и Федору, тот контайшин человек Бугачко сказал: живет он в Барабе собою кормитца, а не по контайшину велению, а обиды де он и тесноты барабинским ясачным людем никоторые не чинит; а барабинские де ясачные люди про него сказали им, что он им обиды никакой не чинит; да им же, Герасиму и Фетьке, сказывал барабинской князец Когутейко в тайне, а ему де, Когутейку, в тайне сказывал контайшин человек Кутейко по дружбе ему издавна: хочет де на осень контайша прислать сына своего с ратными людьми к человеку своему ж Куле, а с теми ратными людьми хочет итти войною под государевы

под Томской город, и под Нарымской, и под Кузнецкой, и под Красноярской остроги... потому что кузнецкие и красноярские казаки повоевали ево контайшиных людей карсакальцев, а те де карсакальцы ево контайшины ясачные люди; и говорил де контайша: как де пойдут ево ратные люди под государевы городы и будет над городами промыслу никаково не учинят, и им бы от государевых городов ясачных людей воевать и поворачивать контайше; а в прошлом де году контайша мыслил и хотел послать сына своего с ратными людьми под государевы городы, и у него де в улусе учинилась некоторая помешка, и за тем де контайша прошлые осени не послал с войною; а как де князец Когутейко проведает про приход контайшина сына, и с вестью де хотел прислать в город наскоро; да ему де, Когутейку, тот же контайшин человек Кутейко сказал: говорил контайша: отпустя де сына своего на войну, хочет к себе забрать барабинских, и чойских, и теренинских, и турашских, и любайских, и тунусских ясачных людей. А князец де Когутейко им, Герасиму и Фетьке, говорил: как пришлет контайша к ним хотя и невеликих людей и велит их к себе забрать, и они де бою против ево людей не поставят, для тово живут де они от государевых городов далеко, а от контайшиных улусов блиско, и для того они контайше ясак дают и с ними битьца не смеют. Да князец де Когутейко Герасиму и Фетьке сказывал: присылал де контайша в Барабу весною людей своих для ясаку и с ясаком велел к себе взять барабинских лучших людей, и контайшины де люди взяли из Барабы князцова Кулубердея родново брата Каимка да татар Акбаша да Аилчибака с товарыщи осми человек неведомо для чево, и те барабинские ясачные люди и ныне у контайши, в Барабу не бывали. И вам бы, господа, те вести были ведомы.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 17, лл. 477–478об.

83. *1644 г. не ранее октября 10. — Отписка в Москву тобольских воевод князя Григория Куракина с товарищами о том, что калмыки контайши и других калмыцких тайшей промышляют в Тарском уезде и близко от него, и о посылке из Тары посланников к контайше с предложением о запрещении его людям «зверовать» на государевых землях.*

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии холопи твои Гришка Куракин, Михалко Гагарин, Ивашко Переносов, Гришка Лукин челом бьют. В нынешнем, государь, во 153-м году октября в 10 день писали ко мне, холопу твоему Гришке, с Тары воеводы князь Петр Щетинин да Федор Головачев, что в нынешнем же де, государь, во 153-м году сентября в 24-й день приехал на Тару Барабинской волости князец Кулебердейко Багилчеев, а в роспросе им, князю Петру и Федору, сказал: прислали де ево, Кулебердейка, барабинские ясачные татаровя, а велели бить челом тебе, государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии, а им, князь Петру и Федору, сказывали, что прикочевали де к ним Барабинской, и к Чойской, и к Теренинской волостям многие калмацкие люди контайши, и Далая, и Урчюту, и иных многих тайшей, и кочуют де те колмацкие люди от их волостей во днище и в полуднище, и зверовые де у них места отняли, и от того государева ясаку добывать им негде, и чинят им тесноты и обиды большие: а в прошлом де во 152-м году взяты из Барабы х контайше с ясаком его Клебердейкова, брат Каилко с товарыщи, 8 человек лутчих людей, и сентября де по 24 число нынешнего 153-го году те ясашные татаровя в Барабу не бывали, а для де чево контайша их

у себя держит, тово де он, Кулебердейко, не ведает; и они де князь Петр и Федор чают от барабинских, и от чойских, и от теренинских ясачных людей шатости; и посылали де они х колмацким людем сына боярского Григорья Байгачева да конново казака Ивашка Сергеева Ясыря, а велели колмацким людем говорить, чтоб они с твоей государевы земли сошли на свою землю, а у твоих бы государевых ясачных людей зверовых промыслов не отнимали и тесноты им никоторой не чинили; а только де государь колмацкие люди не послушают, с твоей государевы земли не сойдут, и они де, князь Петр и Федор, твоих государевых ратных людей послать бес твоего государева указу не смеют. И я, холоп твой Гришка, писал на Тару к воеводам ко князю Петру Щетинину да к Федору Головачеву, а велел жить на Таре с великим береженьем, по городу и по острогу караулы ставить крепкие и в проезжие станицы на вести служилых людей велел посылать по часту, до которых мест пригоже, смотря по тамошнему делу и по вестям, чтоб воинские люди под Тарской город безвестно не пришли и дурна б никакова не учинили. А к контайшиным бы людем послали, чтоб они с твоей государевы земли сошли и твоим бы государевым ясачным людем тесноты и обиды никакой не чинили. И буде, государь, вперед колмацкие люди с твоей государевы земли не сойдут и твоим государевым людем учнут какую обиду и налоги чинить или иные какие задоры чинить, и о том, государь, нам, холопем своим, как укажешь. А что буде про колмацких людей и про барабинцов каких вестей объявитца, и мы, холопи твои, к тебе, ко государю, о том отпишем.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 11, лл. 71об.–72об.

84. *1644 г. не ранее октября 22 — декабря 5. — Докладная выписка о посольстве к контайше сотника стрелецкого Владимира Клепикова.*

1. *Изложение содержания наказа*

В прошлом во 152-м году декабря в 7-й день послан ис Тобольска в калмацкие улусы х колмацкому х контайше сотник стрелецкой Володимер Кляпиков, а с ним послано государева жалованья х контайше: 2 портища сукна червчатово, для проведывания всяких дел 5 выдер. А приехав, ему, Володимеру, контайше велено говорить, что наперед сего он, контайша, великому государю нашему царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии служа, отдал на Тару ево государевых изменников тарских татар и князца Когутейка с товарыщи, и женами, и з детьми, семей со 100, да с 1000 лошадей, и за тое ево службу послано к нему, х контайше, государево многое жалованье: кубки, и братины серебряные, и бархаты, и камки, и сукна; и он бы, контайша, великому государю нашему царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии служил во всем, под его царского величества высокою рукою был, и ево государевых изменников тарских и ясачных татар, которые у нево в улусех, и полоненников тарских же изменников у Талаевых детей и у Куиши тайши в улусех велел сыскать и в государевы городы на Тару и на Тюмень прислал; и государь контайшу пожалует, учнет ево держать в своем царском жалованье и от недругов ево оборонять, и велит на недруга ево на Урлюка тайшу послать из сибирских городов своих государевых многих ратных людей, которые киргиз побили и под его царскую высокую руку привели и аманатов взяли, да ис Казани, и из Астрахани, и с Уфы своих государевых ратных многих же людей с вогенным боем и нарядом велит послать и улус ево Урлюков разорить; и он бы, контайша, шол на Урлюка тай-

шу с иными тайши с други своими с своей стороны и недружбу свою мстил; и видя к себе государя нашего царского величества жалованье, вперед службу свою государю показал, ево государевых изменников, которые в улусех есть, сыскав, отдал; и вперед бы ни с которых городов, и из волостей и ис кочевьев изменников принимать не велел, и впред бы государю служил и прямил, и иных бы свою братью тайшей на государскую милость призывал, и царским жалованьем их обнадеживал, и от дурна их унимал, и под государевы городы, и на слободы, и на ясачные волости войною сам не ходил, и людей своих не посылал, и иных калмаков не пропускал; а будет которые воровством пойдут, и он бы государю послужил, за то их воровство сам на них войною ходил и их смирял, чтоб от тех воров над государевыми городы, и над слободами, и над ясачными волостями дурна никакова не было, а царское величество за те службы пожалует, смотря по ево службе и по раденью. Да что контайша против ево Володимеровых речей скажет, и государево жалованье примет с честью ль, и вперед какую службу учнет государю объявлять и учнет служить, то все велено ему, Володимеру, писать в статейной список подлинно. И ехать ис колмацких улусов назад в Тоболеск. А приехав в Тоболеск, явится и доезду своего статейной список подать в съезжей избе воеводам князю Григорью Семеновичю Куракину да князю Михаилу Семеновичю Гагарину да дьяком Ивану Переносову да Григорью Лукину.

2. *Изложение содержания отписки, посланной Владимиром Клепиковым с обратной дороги*

И в нынешнем во 153-м году октября в 22 день писал в Тоболеск к воеводам ко князю Григорью Семеновичю Куракину да к князю Михаилу Семеновичю Гагарину да к дьякам к Ивану Переносову да к Григорью Лукину з дороги сотник стрелецкой Володимер Кляпиков с конным казаком с Ивашком Фроловым, а в отписке пишет:

Государя царя и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводам князю Григорию Семеновичю, князю Михаилу Семеновичю да дьякам Ивану Григорьевичю да Григорью Лукичу Волотька Кляпиков челом бьет. В прошлом во 152-м году, по государеву указу, а по вашей наказной памяти, велено мне ехать ис Тобольска в калмыцкие улусы х колмацкому контайше з государевым жалованным словом. А как приехал я х контайше в улус, и на посольстве по наказной памяти говорил, и что контайшины речи были, и то писано в статейной список по статьям. Да контайша же со мной ко государю к Москве послал своих двух человек, имя Чуна да Сырян, да с ними в кошевары Босалан да Месугой, а в дарех ко государю шлет 2 барса да от сына контайши от Окчатбы богатыря конь. А на продажу у них, послов, лошадей нет, и всех, на коих едут и назад ехать, 14 лошадей, и те лошади на перевозе, где укажете, оставить, а за реку плавить сухи не переплывут. А дорогою едучи, послы оголодали, и о корму, как укажете.

И октября в 14-й день сотник стрелецкой Володимер Кляпиков с товарыщи приехали ис Колмаков, а в съезжей избе воеводам князю Григорью Семеновичю Куракину да князю Михаилу Семеновичю Гагарину да дьякам Ивану Переносову да Григорью Лукину подали доезду своего статейно список, а в списке пишет:

3. *1644 г. октября 27. — «Статейный список» посольства Владимира Клепикова*

Лета 7152-го году декабря в 7-й день по государеву цареву и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русии указу и по наказной памяти воевод князя Григорья Се-

меновича Куракина да князь Михаила Семеновича Гагарина да дьяков Ивана Переносова да Григорья Лукина велено тобольскому сотнику стрелецкому Володимеру Кляпикову ехать ис Тобольска в колмацкие улусы к колмацкому х контайше для того: что послано со мною, Володимером, государева жалованья контайше 2 портища сукна червчатова настрафилю, по 4 аршина, да 5 выдер. И Володимер Кляпиков, приехав в контайшины улусы, послал от себя служилого татарина Балнеря Итеева, а велел про себя ему сказать х контайше, что едет з государевым царевым и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русии жалованьем ис Тобольска, прислали воеводы князь Григорей Семенович Куракин да князь Михайло Семенович Гагарин да дьяк Иван Переносов да Григорей Лукин. И контайша велел быть к себе на посольство. А как пришел Володимер Кляпиков к нему, к контайше, на посольство, и контайша спрашивал государя царя и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русии и его государево многолетнего здоровья. И Володимер Кляпиков говорил речью: Божиею милостию государь наш царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии и самодержец многих государств государь и обладатель на своих великих преславных государствах Российского царствия, дал Бог, здоров. А изговоря речь, подал контайше государева жалованья 2 портища сукна червчатово настрафилю, по 4 аршина портищо, да 5 выдер. И контайша, приняв то государево жалованье, и на государеве жалованье челом бил. Да контайше ж говорил речь: в прошлых годех изменили государю нашему царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии тарские и тюменские ясачные татаровя, и иные татаровя ж и русские люди под Тюменью и под Тарою взяты в полон, а ныне те изменники и полененики живут у него, контайши, в улусах; а наперед сево что он, контайша, великому государю нашему и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии служил, отдал на Тару государевых изменников тарских татар князь Когутейко с товарыщи, з женами, и з детьми, 100 семей, да 1000 лошадей, и за тое ево контайшину службу послано было к нему, контайше, великаго государя царя и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русии ево государево многое жалованье: кубки, и братины серебряные, и бархат, и камки, и сукна, и он бы, контайша, великому государю нашему царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии служил во всем, и под его царскаго величества высокою рукою был, и ево государевых изменников тарских ясачных татар, которые у него в улусех, и полоненников тарских же и тюменских и у Талаевых детей, и у Куйши тайши в улусех велел сыскати и в государевы городы на Тару или на Тюмень, сыскав, прислать, а великий государь наш царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии тебя, контайшу, пожалует, учнет держати в своем царском желованье и от недругов твоих оборонять, и велит государь на недруга твоего на Урлюка тайшу послать из сибирских городов своих государевых многих ратных людей, которые киргиз побили и под государеву высокую руку подвели и аманатов взяли, да ис Казани, и из Астрахани, и с Уфы своих государевых ратных многих людей с вогненным боем и нарядом велел же послать, и улус ево Урлюков велит разорить, и он бы, контайша, шел на Урлюка тайшу с иными тайшами з други своими с своей стороны и недружбу бы свою на нево, Урлюка тайшу, мстил. И контайша, выслушав речь, против наказной памяти говорил: государевых ясачных людей я не воевал, и под городы не хаживал, и изменников к себе государевых ясачных татар и полоненников нигде под городы не имывал, и у меня де, контайши, в улусех в моих никаких государевых людей нет; а которые государевы изменники и полоненники у иных тайшей, у Талаевых

детей и у Куйши тайши в улусех до тех же улусов мне дела нет; а Урлюк де тайша мне не недруг, дочь де ево за мною, на отца дети коли войною ходят? И государь бы ево, контайшу, пожаловал, велел бы мимо ево, контайши, над ним Урлюком промышлять, а мне де на Урлюка войною не хаживать; да и иные де тайши, друзья мои, на нево, Урлюка, войною не пойдут же. Да Володимер же Кляпиков говорил речь, чтоб он, контайша, государю нашему царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии служил и прямил, и радел, и иных бы свою братью тайшей на государеву милость призывал, и царским жалованьем их обнадеживал, и от дурна унимал, и под государевы городы, и на слободы, и на ясачные волости войною сам не ходил, и людей своих не посылывал, и иных колмаков не пропускал; а будет хто станет на государевы на городы, и на слободы, и на ясачные волости войною ходить, и он бы, контайша, государю послужил, за то их воровство и непослушанье сам на них войною ходил и их смирял, чтоб от тех воров над государевыми городы, и над слободы, и над ясачными волостями дурна какова не было, а царское величество за те службы пожалует, смотря по ево службе и раденью. И контайша, ту речь выслушав, говорил: сам де я под городы, и на слободы, и на ясачные волости не хаживал, и никово не посылывал, и на такое дурно никово не учивал; а хто под государевы городы войною ходил и на слободы, и на волости, и государь бы велел над ними промышлять, а он де, контайша, им не силен.

Да он же, контайша, говорил: в прошлом во 149-м и во 150-м году посылал государь на моих людей на киргиз, и моих де людей государевы люди многих побили и жен и детей в полон поимали; и государь бы ево, контайшу, пожаловал: велел бы жен и детей сыскать, а, сыскав, ему, контайше, отдать. И Володимер Кляпиков, выслушав ево контайшину речь, говорил ему, контайше, что те киргизы были искони де государевы люди, и в прошлых годех великому государю изменили, и на государевы городы войною приходили в Томской и на Красной Яр, и многие пакости чинили, и за то их воровство посылал государь на них своих государевых ратных людей и велел их воевати за их непослушанье, не твои они контайшины люди. И контайша против тех речей замолчал. Да кон же тайша бил челом государю: что в прошлом во 151-м году Кузнецкого де острогу служилые люди повоевали де ево контайшиных людей Керсакальскую волость, жон и детей к его контайшиных людей многих поимали, и государь бы де ево, контайшу, пожаловал, велел тот погромной ясырь сыскать и ему б, контайше, отдать. Да он же, контайша, бил челом государю, чтоб государь ево пожаловал, велел к нему послать 5 свиней, да 5 баранов, да 10 куриц, 5 петухов, а ему де, контайше, свиньи... к пашне надобны. Да он же, контайша, бил челом государю: в прошлом де во 151-м году послал ко государю к Москве послов своих Долгу с товарыщи, и ис Тобольска де их к государю не пропустили; а ныне он, контайша, послал ко государю к Москве послов своих Чюну да Сыряня, а только де ис Тобольска ко государю к Москве послов моих не пропустят, и вперед де полно послы и ссылать де.

А ис Тобольска ехал я, Володимер, до контайши 22 недели, контайша держал у себя 10 недель, а от контайши ехал до Тобольска 12 недель. А контайши съехал на урочище на Сырыкабаке, а отпущен от контайши из улусу с Есети. А статейный список писал Петрушка Балча лета 7153-го году октября 27 день.

4. *Расспросные речи Владимира Клепикова*

Да Володимер же Кляпиков сверх статейного списка в роспросе сказал: как-де контайша поехал на думу х Кунделею тайше, как подымались Талай тайшины дети и внучата Гунба с товарыщи войною на Урлюковых достальных людей, которые остались от погрому, за обиду, что Урлюк их тайша убил Талай тайшина сына Тайчина, и кон де тайша велел их унять, *что де ево контайшины улусы войною не ходили. А на отпуске ему, Володимеру, контайши говорили: только де он, контайша, ево, Володимера, в улусе своем не застанет, и ему б де, Володимеру, сказать государю, что киргизы ис Керсакалы были преж сего ево контайшины люди, и государевы люди ево киргизов во 149-м году повоевали и жен их и детей в полон поимали, а Керсакальскую волость ево государевы люди повоевали и с Кузнецково острогу и жен и детей в полон поимали; и государь бы де тех ево людей велел сыскать и к нему прислать; а будет де государь тех ево людей сыскать не велит и к нему не пришлет, и он де, контайша, з государевых людей ясак имать учнет же: Бараба де у него, контайши, блиско, а к Нарыскому де острогу вожей у него, контайши, много**. А которые де ево, контайшины послы посланы были наперед сего в прошлом во 152-м году, Долги с товарыщи, ис Тобольска воеводы послов ево ко государю не пропустили; а что де с ними был послано ко государю в дарех, и то де в Тобольску воеводы взяли, а их послов воротили назад; а что де он, контайша, посылал в Тоболеск в дарах воеводам князю Григорью Семеновичю с товарыщи, и даров де ево воеводы себе не приняли, а корму де ево контайшиным послом ис Тобольска до Тары дано рубль, а с Тары до Барабы рубль же. Да кон же тайша им говорил: только де ево контайшиных послов ныне ко государю к Москве не пропустят, и ему де, контайше, впредь ссылаться не с чем, и впредь бы де государевых послов к нему, контайше, не посылали. А как де он, Володимер с товарыщи, приехал к контайше в улус, и кон де тайша велел у них взять, что у них было с собою: выдры, и кожи, и королки для конские покупки, на чем бы им выехать назат в Тобольск. И за тот де живот им Володимеру не дали десяти лошадей, а Якову Бугалакову 11 лошадей, потому что де контайшин посол Чюнай, по контайшинам улусам едучи, пил на контайшиных улусных людех, имал посул — овцы и кумыз, и в том де в контайшином приказу тот ево посол Чюна не исполнил.

5. *1644 г. октября 25. — Посольские речи калмыцких послов и ответы тобольских воевод*

И воеводы князь Григорий Семенович Куракин да князь Михайло Семенович Гагарин да дьяки Иван Переносов да Григорей Лукин калмыцких контайши послов и их кошеваров велели поставить на посольском дворе, где ставливали калмыцких послов наперед сево, и велели им давать государева жалованья поденно корм и питье, а в приставех у них велели быть сыну боярскому Якову Корвацкому да толмачю Панфилку Семенову, да на стороже на колмацком дворе литвы и конных казаков по 4 человека на сутки.

И октября в 25-й день воеводы князь Григорей Семенович Куракин да князь Михайло Семенович Гагарин да дьяки Иван Переносов да Григорей Лукин колмацким контайшиным послом Ямутыге да Сыряну велели быть у себя на съезжем посольском дворе и их спрашивали, что их приход, о чем их контайша прислал в Тоболеск. *И колмацкие послы Ямутыга да Сырян говорили: прислал де их контайша в Тобо-

леск, а велел говорить про великаго государя царя и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русии о его царском многолетнем здоровье. И колмацким послам Ямутыге и Сыряну, против их вопросу, ответ был: Божиею милостию великий государь наш царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии самодержец многих государств государь и обладатель на своих преславных великих государствах Росийсково царствия, дал Бог, здорово. И колмацкие послы Ямутыга да Сырян спрашивали воевод и дьяков о здоровье. И против их спросу ответ был: милостию Божиею и великаго государя царя и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русии жалованьем воеводы князь Григорей Семенович Куракин да князь Михайло Семенович Гагарин да дьяки Иван Переносов да Григорей Лукин на ево государеве службе в Сибири, в Тобольску, дал Бог, здорово. Да в те ж поры колмацкие контайши послы Ямутыга да Сырян объявили на посольстве: прислал де с ними в Тоболеск конатйша государю челом ударить 2 барса да конь и бить челом, чтоб государь контайшу пожаловал, подарки ево велел принять. И воеводы князь Григорей Семенович Куракин да князь Михайло Семенович Гагарин да дьяки Иван Переносов да Григорей Лукин колмацким послам Ямутыге да Сыряну сказали, что государь контайшу пожаловал, подарки ево велел принять. Да в те ж поры колмацкие послы Ямутыга да Сырян подали от контайши лист и били челом государю, чтоб государь их пожаловал, велел ис Тобольска отпустить их к себе ко государю к Москве бить челом государю о пансыре добром, чтоб пищаль не пробила, да 5 петухов, да 10 куриц индейских да 3 борова, да 7 свиней. И воеводы князь Григорей Семенович Куракин да князь Михайло Семенович Гагарин да дьяки Иван Переносов, да Григорей Лукин колмацким контайшиным посланникам сказали, что о том отпишут ис Тобольска к государю, а им посланником велели побыть в Тобольску и корм велели давать до государева указу**. А лист контайшин велели перевесть, а дары велели оценить тобольским посацким людем. И по переводу тобольсково служилово татарина Баянды Кучюкова в листу написано, а подлинный лист послан царю к Москве.

6. *Список с контайшина листа*
по переводу юртовского татарина Баянды Янкучукова,
слово в слово

Текст см. выше, гл. 10, § 40. Затем следует:

А подлинной лист послан ко государю с тобольским атаманом с Степаном Выходцовым да с казаком с Ивашком Ковырзиным декабря в 5-й день.

А по оценке тобольских пасацких людей: Гаврила Рогалева, Кондрашки Мурашкина, Ильи Носа, Василья Терокомельцева, Пашки Путимца, Семки Шатьева — бобру 5 рубль, а другой цена 3 рубли; конь гнед, грива направо с отметом, ухо левое и ноздря пороты, цена 33 алтына, продан съезжей избы сторожу Гришке Прокопьеву.

И декабря в 5-й день о тех контайшиных послех писано ко государю с тобольским атаманом с Степаном Выходцевым да с казаком с Ивашком Коршуновым, а в отписке пишет:

7. *1644 г. декабря 5. — Отписка в Москву тобольских воевод*
князя Григория Куракина с товарищами

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии холопи твои Гришка Куракин, Михалко Гагарин, Ивашко Переносов, Гришка Лукин челом бьют.

В прошлом, государь, во 152-м году декабря в 3 день в твоей государеве цареве и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русии грамоте за приписью дьяка Григорья Протопопова писано к нам, холопем твоим, а велено послать ис Тобольска х контайше твоих государевых посланников добрых и велено проведывать всяких вестей всякими мерами: прямо ли у контайши с Урлюком тайшою за что недружба и война ныне есть, и вперед меж ими войны чаять ли, и с кем с иными тайшами у контайши войны чаят ли. И в прошлом же, государь, во 152-м году по твоему государеву указу посылали мы, холопи твои, х контайше в посланниках сотника стрелецкого Володимера Кляпикова с товарыщи. И в нынешнем, государь, во 153-м году октября в 24-й день сотник стрелецкой Володимер Кляпиков с товарыщи ис Колмаков от контайши в Тоболеск прибыл, а с ним пришли от контайши 2 человека послов Чюна да Сырян да с ними 2 человека. И подал нам, холопем твоим, Володимер Кляпиков доезду своего список, а в списке написано... *Далее излагается содержание раздела № 3 до слов: «а он де контайша им не силен», и текст, поставленный между знаками* и ** *в разделе № 4, после чего следует:* И октября, государь, в 25 день велели им холопи твои тем колмацким контайшиным послам быть Чене да Сыряну быть у себя на съезжем посольском дворе и их спрашивали: о чем их контайша прислал в Тоболеск... *Далее приводится текст, поставленный между знаками * и ** в разделе № 5, после чего следует:* А контайшин лист и дары послали мы, холопи твои, к тебе, ко государю, с тобольским атаманом Степаном Выходцевым да с казаком с Иваном Корсуновым. И о контайшиных посланниках нам, холопем своим, вели свой государев указ учинить.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 11; 1) лл. 72об.–74об.; 2) лл. 74об.–76; 3) лл. 75–80об.; 4) лл. 80об.–81об.; л. 83–83об.; 5) лл. 83об.–85об.; 6) лл. 86–87; 7) лл. 87об.–92об.

85. *1644 г. ноября ... — Грамота в Тобольск воеводам князю Григорию Куракину с товарищами о посылке к контайше послов для переговоров о запрещении его людям въезжать и промышлять в волостях Тарского уезда.*

От царя и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь, в Тобольск, воеводам нашим князю Григорью Семеновичю Куракину да князю Михаилу Семеновичю Гагарину да дьякам нашим Ивану Переносову да Григорью Лукину. Писали есте к нам: в прошлом де во 152-м году писали к тебе, ко князю Григорью, с Тары воеводы князь Петр Щетинин да Федор Головачев... *Далее поворяется текст, поставленный в прилож. № 77 между знаками * и **, после чего следует:* земли не сойдут и нашим тарским ясачным людем вперед учнут чинить утесненье и налогу, и нам бы о том велеть указ наш учинить. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б послали с Тоболеска х контайше с ево контайшиными послы кого пригож, а велели ему, контайше, говорить, чтоб он, контайша, Тарского уезду из наших из ясачных ис Теренинской и из Барабинской и из иных волостей ясачных своих людей велел свести на старые их кочевья и в зверовые угодья у наших тарских ясачных людей вступатьца, и ясаку на себя имать, и впредь людем своим Тарского уезду в наши ясачные волости въезжать, и насильства никакова чинить не велел; тем бы он, контайша, ссоры не чинил. Да что контайша про то с тобольскими посланники к вам прикажет, и что вперед от нево от контайшиных ясачных людей объявитца, и вы б о том писали к нам к Москве подлинно, а отписки велели подавать в Сибирском приказе боярину

нашему князю Никите Ивановичю Одоевскому да дьяку нашему Григорью Протопопову. Писан на Москве лета 7153-го ноября в 18 день.

На обороте: Дьяк Григорей Протопопов. Справил Ивашко Селецкой.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 11, л. 105–105об.

86. *1645 г. января 20. — Грамота в Тобольск воеводам князю Григорию Куракину с товарищами о посылке служилых людей к контайше для переговоров о запрещении его людям въезжать и промышлять в волостях Тарского уезда, об уводе кочующих там его людей, об отпуске татар Барабинской волости, взятых в 1644 г., о «кузнецком полоне» и о ведении переговоров, не входя «в большой задор».*

От царя и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь, в Тоболеск, воеводам нашим князю Григорью Семеновичю Куракину да князю Михаилу Семеновичю Гагарину да дьякам Ивану Переносову да Григорью Лукину. В нынешнем во 153-м году писали к нам с Тары воеводы князь Петр Щетинин да Федор Головачев: в нынешнем же де во 153-м году сентября в 4-й день приехал на Тару Тарского уезду Барабинской волости ясачной князец Кучебердейко Бичигеев, а в распросе им сказал: прикочевали де к Барабинской, и к Теренинской, и к Чойской волостям Кон, да Тала, да Учерту тайш многие колмацкие люди, и кочюют де от их волостей во днище и в полуднище, и зверовые де у них, у ясачных людей, угодья поотнимали, и обиды и насильства ясачным людем чинят большие, и за тем де им, ясачным людем, в наш ясак зверя добывать стало негде; а в прошлом де во 152-м году взяты из Барабинской волости х контайше с ясаком ево, барабинского князца Кучебердейко, брат Наимко с товарыщи, 8 человек, лутчие люди, и августа по 28-е число 152-го году те ясашные люди от контайши назад в Барабинскую волость не бывали; та тот же де барабинской князец Кучебердейко в распросе сказал: чает де в тарских, и в барабинских, и в теренинских, и в чойских ясачных людех шатости; и они де посылали к тем х колмацким людем с Тары сына боярского Григория Байгачева да конного казака Ивашка Ясыря и велели им колмацким людем говорить, чтоб они с нашей земли сошли в улусы свои и нашим ясачным людем истисенья и обид не чинили и зверовых угодей у них не отымали; а войною де они наших служилых людей на тех на колмацких людей посылать без нашего указу не смеют, и о том бы нам велеть указ наш учинить. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б велели выбрать ис тобольских ис служивых людей человека или дву добрых, которых бы столько стало, и послали их к контайше, и велели тем служивым людем говорить, чтоб он, контайша, и наперед сего нам служил, отдал в Тарской уезд барабинских, и чойских, и теренинских ясачных людей, которые было нам изменили, семей со 100, и за тое службу он, контайша, нашим жалованьем пожалован, посланы к нему с Москвы наше жалованье большое: кубки, и ковши серебрены, и отласы, и камки, и после того от него, от контайши, и от ево людей нашим ясачным людем нигде обиды и насильства не бывало, а ныне он, контайша, прислал жить людей своих Тарского уезда в Барабинскую, и в Теренинскую, и в Чойскую волости, а иные ево ж контайшины люди тарским нашим людем истесненья и обиды чинят, и зверовые угодья у наших ясачных людей отняли, и ясак с наших ясачных людей на него, контайшу, насильством збирают; да ис той же из Барабинской волости взял он, контайша, к себе в улус сильно осми человек лутчих ясачных людей и держит их у себя в улусе, а в Барабинскую волость не отпустит неведомо для чего; да он же, контайша, посылал людей своих на наших киргиских лю-

дей войною и их разорил; и он бы, контайша, нам служил по-прежнему, Тарского уезду из Барабинской, и ис Теренинской, и ис Чойской волостей велел колмацких своих людей войной в Тарской уезд в Барабинскую и в иные наши ясачные волости людей своих не посылал, и ясаку с наших киргиских и с тарских ясашных людей на себя имать и обид и насильства никакова нашим ясачным людем чинить не велел, и Барабинской волости осми человек ясачных людей, которых к себе в прошлом во 152-м году взял, отпустил назад в Барабинскую волость на старые их кочевья, чтоб от нас на себя нашего гнева и на улусы свои войны и разоренья не навел, не так бы что Урлюк тайша з детьми своими и со внучаты воровством приходил под нашу вотчину под Астрахань и наших остраханских и контайшиных... мурзы и татар изменою подзывал и в улусы к себе забирал, и за то ево Урлюково воровство наши ратные люди с огненным боем и ево Урлюка з детьми и со внучаты и улусных их многих людей побили и улусы их войною разорили, а достальные ево Урлюковы дети, не дав с нашими служивыми людьми бою, ушли убегом в дальные места; и он бы, контайша, однолично первой своей службы к нам не потерял, наших тарских ясашных людей отпустил от себя в Тарской уезд тотчас, и людей своих велел с нашей земли из Барабинской, и из Теренинской, и из Чойской волостей свесть в улусы свои, и впредь людем своим ни пошто Тарского уезду в наши в ясачные волости въезжать и обид и насильства чинить не велел. А буде контайша учнет говорить тем, что киргиские люди давали ему ясак и наперед сего, и вы б ему, конатйше, велели говорить: будет киргиские люди ему, контайше, и давали, и то в ту пору, как они не изменили, а ныне они, киргиские люди, учинились под нашею царскою высокою рукою в прямом холопстве по-прежнему и аманаты дали. А будет контайша учнет говорить про кузнецкой полон, что кузнецкие служилые люди повоевали ево контайшиных людей керсагальских и в полон поимали, и вы б о том тобольским служивым людем велели отговариватца тем, как писано от нас к вам о том в нашей грамоте наперед сего; да и иными бы есте всякими мерами велели от него, контайши, отговариватца, смотря по тамошнему делу, чтоб ему все неправды ево выговорить, а в большой задор с ним не войти. Да тем же тобольским служивым людем велели б есте, будучи у контайши в улусех, всяких вестей проведывать тайно, чтоб ему было неявно, и что у них про то в улусех говорят, что наши ратные люди Урлюка тайшу з детьми и со внучаты побили и улусы их разорили есть ли на них от того... и чево от них вперед... Да что тем нашим тобольским служилым людем контайша, которые к нему ис Тобольска посланы будут, против сего нашего указу скажет, и что ж те тобольские служивые люди, будучи у контайши в улусех, каких вестей проведают и, в Тобольск приехав, вам скажут, и вы б о том о всем отписали к нам к Москве подлинно тотчас, а отписку велели подать в Сибирском приказе боярину нашему князю Никите Ивановичю Одоевскому да дьяку нашему Григорью Протопопову, чтоб нам про то было ведомо. Да и на Тару к воеводам ко князю Петру Щетинину да к Федору Головачеву о том ты, князь Григорей, велел от себя отписать, чтоб им потому ж было ведомо. А от нас на Тару к воеводам ко князю к Петру и к Федору писано ж, велено им, смотря по вестям, жить на Таре с великим береженьем неоплошно, чтоб от воинских людей над Тарским городом и Тарского уезду над ясашными волостями какое дурно не учинилось. Писан на Москве лета 7153-го генваря в 20-й день.

На обороте: Дьяк Григорей Протопопов. Справил Ивашко Селицкий.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 11, лл. 105об.–109об.

87. *1645 г. января 30. — Сказка енисейского атамана Никифора Галкина о построении воеводою Петром Головиным нового Якутского острога, о содержании его товарищей в тюрьме, о построении семи тюрем в новом остроге и о переполнении их.*

153-го году генваря в 30-й день в Енисейском остроге на съезжем дворе перед ленскими воеводы перед Васильем Никитичем, перед Кирилою Осиповичем Супоневым да перед дьяком Петром Стеншиным енисейской атаман Микифор Галкин в роспросе сказал: по их де отпуску, в Якутцком остроге государева соболиная казна и всякая мяхкая рухлядь и острог и воевода Петр Головин дал Бог здорово. А поставлен де тот новый острог от старого острогу, где было поставил Иван Галкин, вверх выше двумя днищами в урочищах в Табуке; а государевы де соболиной казны и иной рухляди ныне в Якуцком остроге много, 2 анбара, а сколько числом сороков, того ему не сказали. А товарыщи де ево, Петровы, Матвей Глебов, и дьяк Ефим Филатов, и писмяной голова Еналей Бахтеяров и ныне в Якуцком остроге сидят в тюрьмах, а посажены де они от Петра Головина еще в старом остроге в тюрьму; а как де он, Петр, новый Якутской острог поставил, и тех товарыщей своих Матвея, и Ефима, и писмяного голову из старого острогу перевез в судах и, пока в остроге тюрьмы поставили, держал их в судах на реке за сторожи, а у судов были поделаны решетки железные, и, поставя тюрьмы, ис тех судов перевел их в эти тюрьмы и посадил их вместе ж, и тому ныне 2 года, а сказывает де на них государево изменное дело; а поставлено де в том новом Якуцком остроге 7 тюрем, и в тех де тюрьмах служивых, и торговых, и промышленных людей посажено много, человек со 100 и больше, и те все тюрьмы полны.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 30, лл. 92–92об.

88. *1645 г. февраля 11. — Грамота в Тобольск воеводам князю Григорию Куракину с товарищами о посольстве к контайше тобольского сотника стрелецкого Владимира Клепикова с товарищами и о посылке к контайше кур индейских и свиней и отпуске его послов из Тобольска в Москву.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь, в Тобольск, воеводам нашим князю Григорью Семеновичю Куракину да князю Михайло Семеновичю Гагарину да дьякам нашим Ивану Переносову да Григорью Лукину. Писали есте к нам, что по нашему указу велено нам послать из Тобольска х контайше служилых людей добрых и проведывать всякими мерами: прямо ль у контайши с Урлюком тайшею за что недружба, и война у него, у контайши, с Урлюком есть ли, и вперед у него, контайши, с Урлюком и с иными тайшами войны чаять ли; и посылали де вы из Тобольска в посланниках тобольского сотника стрелецкого Володимера Кляпикова с товарыщи, пяти человек; и в нынешнем во 153-м году сотник Володимер Кляпиков с товарыщи от контайши в Тобольск приехал и подал вам статейной список, а в списке написано, что де с ними, с Володимером с товарыщи, послано было ис Тобольска х контайше нашего жалованья сукна и выдры, и то де наше жалованье контайша принял у них честно, и на том нашем жалованье нам бил челом, а отдав де они, Володимер с товарыщи, контайше наше жалованье, говорил ему, контайше, что в прошлых годех изменили нам тюменские и тарские ясашные татаровя, а иные татаровя ж и русские люди под Тюменью взяты в полон, и те изменники и полоненники

живут у него, у контайши, в улусе, а наперед того он, контайша, нам служил: отдал нам татар наших тарских изменников барабинского князца Когутейка с товарыщи, з женами и з детьми, 100 семей, да 1000 лошадей, и за ту ево контайшину службу послано к ему от нас с Москвы наше жалованье большое: кубки, и братины серебреные, и бархаты, и камки, и сукна, и он бы, контайша, нам служил по-прежнему, и был бы под нашею царскою высокою рукою, и наших изменников тарских ясашных татар, которые у него в улусех, и полонивиков тарских же де и тюменских у Талаевых детей и у Куиши тайши велел сыскать и отдать в наши городы на Тару или на Тюмень, и шел бы с воинскими своими людьми на Урлюка тайшу и недружбу свою ему отомстил. И кон де тайша, выслушав у него, у Володимера, речь, против того говорил, что де он, контайша, наших ясашных людей нигде не воевал, и под наши городы не хаживал, и изменников наших к себе ясачных татар и полонивиков нигде под городы не имывал, и в улусех де у нево, у контайши, наших... и никаких людей нет, а которые де будет наши изменники и полоненики у иных тайшей, у Талаевых детей и у Куйши тайши, и есть, и ему де до того дела нет; а Урлюк де тайша ему, контайше, тесть, дочь ево Урлюкова за ним, контайшою, родная, и на отца дети коли войною ходят? Да ему ж де, Володимеру с товарыщи, контайша говорил: прежде того киргизы и керсагалы были ево, контайшины, а в прошлом де во 149-м году тех киргизов повоевали наши ратные люди и жен и детей их в полон поимали, а керсгальцев де повоевали наши ж ратные люди из Кузнецкого острогу, и чтоб де нам ево, контайшу, пожаловать, велеть тот ево полон, сыскав, отдать, а только де того полону ево не сыщут и ему не отдадут, и он де, контайша, с наших тарских барабинских ясашных людей учнет на себя имать ясак. Да с ним же де, Володимером с товарыщи, прислал контайша в Тобольск послов своих Чону да Сыряна, и те ево контайшины послы Чона да Сырян подали вам от контайши лист, писан кагайским письмом, да челом нам ударили от контайши два бобра да конь; и били нам челом, чтоб нам пожаловать, велеть их из Тобольска отпустить к нам к Москве, а о каких делам нам бити челом, и о том де писано в контайшином листе; и вы тот лист и дары приняли и прислали тот лист и бобры к нам к Москве с тобольским атаманом Степаном Выхотцевым да с пешим казаком с Ивашком Коршуновым. Да те ж де контайшины посланники Чуна да Сырян били нам челом, чтоб нам контайшу пожаловать, велеть к нему прислать панцырь доброй, чтоб пищаль не пробила, да 5 петухов, да 10 куриц индейских, да 3 борова, да 7 свиней; и вы де тем контайшиным посланником, против челобитья их, сказали, что отпишите о том к нам к Москве, а тех посланников до нашего указу велели быть в Тобольску и кормец им давать велели; и о том бы вам велеть указ наш учинить. И мы указали послать к нему, контайше, ис Тобольска куры индейские, и боровы, и свиньи против ево контайшина челобитья: а послов ево контайшиных Чюну и Сыряна указ из Тобольска прислать и с провожатым отпустить к нам к Москве. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б велели купить в Тобольску или в иных сибирских городех 5 петухов, 10 куриц индейских, да 3 борова, да 7 свиней и послали те куры и свиньи к нему, контайше, с ево контайшиными послы, которые вперед в Тоболеск учнут приходить, или с тобольскими служивыми людьми, которых учнете к нему, х контайше, для каких наших дел посылать. А в панцыре велели б есте контайшиным послам отказать и отговариватца против прежнего нашего указу, как о том писано в Тоболеск в предних наших грамотах. Послов ево контайшиных Чону да Сыряна отпустили б есте из Тобольска к нам к Москве с тоболь-

скими приставы и провожатыми и корм им в дорогу от Тобольска до Москвы велели дать, смотря по тамошнему делу. А в котором числе и с кем имяны с приставы и с провожатыми с тобольскими служилыми людьми тех контайшиных послов ис Тобольска к нам к Москве отпустите, и на сколько недель в дорогу корму от Тобольска до Москвы, и по скольку человеку в день дано будет, и вы б о том отписали к нам к Москве подлинно, а отписку велели подать в Сибирском приказе боярину нашему князю Никите Ивановичю Одоевскому да дьяку нашему Григорью Протопопову. Писан на Москве лета 7153-го февраля в 11 день.

На обороте: Дьяк Григорей Протопопов. Справил Ивашко Селетцин.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 11, лл. 112об.–115.

89. *1645 г. не ранее мая 20. — Отписка тобольского воеводы князя Григория Куракина верхотурскому воеводе Максиму Стрешневу об отпуске в Москву Чуны и Сыряна — послов контайши — и о корме и питье им.*

Господам Максиму Федоровичю, Максиму Яковлевичю Григорей Куракин челом бьет. В нынешнем во 153-м году маия в 20 день по государеву цареву и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русии указу отпущены ис Тобольска ко государю к Москве колмацкие контайшины послы Чюна да Сырян да два человека кашеваров их Босолой да Мекогой, а в приставех с ними посланы тобольской сотник стрелецкой Володимер Кляпиков, да в толмачах литовского списку казак Ивашко Фролов, да в провожатых литовского списку казаки Петрушка Писарев, да Томилко Менков, да пешей казак Гришка Максимов; а корму тем послам дано от Тобольска до Москвы на 10 недель 9 рублев 26 алтын 4 денги, послом по осми денег человеку, а кашеваром по 6 денег, да питья послом и кашеваром до Верхотурья на 3 недели 168 чарок вина, 10 ведер с полуведром пива, по 2 чарки вина да по получети ведра пива на день человеку. И как Володимер Кляпиков с товарыщи с теми контайшины послы на Верхотурье приедет, и вам бы, господа, контайшиным послом дать питья на Верхотурье до Соли Камской на неделю по тому ж, по чему дан им ис Тобольска, по 2 чарки вина да получети ведра пива на день человеку. А дав им питье и по подорожной подводы, отпустить их к Соли Камской, не задержав. Да Володимеру ж Клепикову велети б вам дать от Верхотурья до Соли Камской колмацким послом под корм и под питье 2 подводы.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 2, л. 198–198об.

90. *1645 г. не ранее мая 26. — Отписка в Москву тобольских воевод князя Григория Куракина с товарищами об отпуске Чуны и Сыряна — послов контайши — в Москву.*

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии холопи твои Гришка Куракин, Михалко Гагарин, Ивашко Переносов, Гришка Лукин челом бьют. В нынешнем, государь, во 153-м году апреля в 16 день в твоей государеве цареве и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русии грамоте писано, а велено нам, холопем твоим, контайшиных послов Чюну да Сыряна отпустить из Тобольска к тебе, ко государю, к Москве с тобольскими приставы и с провожатыми и корм им в дорогу от Тобольска до Москвы давать; а в котором числе и с кем имены с приставы и с провожатыми с тобольскими служивыми людьми тех контайшиных послов из

Тобольска отпустить, и на сколько недель в дорогу корму от Тобольска до Москвы, и по скольку человеку на день дано будет, и о том нам, холопем твоим, велено отписать к тебе, ко государю, к Москве. И по твоему государеву указу мы, холопи твои, тех колмацких контайшиных послов Чюну да Сыряна да с ними дву человек кашеваров Босоло да Мекогой отпустили к тебе, ко государю, к Москве маия в 26-й день: а в приставех с ними послали сотника стрелецкого Володимера Клепикова, да в толмачах литовского списку казака Ивашка Фролова, да в провожатых литовского списка казака Петрушку Писарева, да Томилка Мелкова, да пешево казака Гришку Максимова. А как Володимер Кляпиков с товарыщи и с колмацкими послы приедут, и мы, холопи твои, велели Володимеру послать от себя к тебе, ко государю, с вестью служивого человека, велеть про колмацких послов сказать в Сибирском приказе твоему государеву боярину князю Никите Ивановичю Одоевскому да дьяку Григорию Протопопову, а самому ему, Володимеру, с колмацкими послы велели дожидатца. А корму, государь, дали тем контайшиным послам от Тобольска до Москвы на 10 недель 10 рублев 26 алтын 4 денги, послом по 6 денег человеку, а кошеваром по алтыну человеку, да питья дали им, послом и кашеваром, до Верхотурья на 3 недели 168 чарок вина, 10 ведер с полуведром пива. А на Верхотурье к воеводе к Максиму Стрешневу да х подьячему к Максиму Лихачеву я, холоп твой Гришка, писал, а велел контайшиным послам корму и питья дать от Верхотурья до Соликамска на неделю по тому ж, по чему дано. А от Соликамска и от Тобольска велели мы, холопи твои, контайшиным послам питье покупать с кабаков приставу сотнику Володимеру Кляпикову, а денег на то питье дано ему, Володимеру Кляпикову, в Тобольску из своей государевы казны, а от Соликамской до Москвы на 6 недель 4 рубли 8 денег. А что, государь, контайшины послы нам, холопем твоим, на съезжем посольском дворе говорили и в чем контайша прислал их в Тобольск тебе, государю, бить челом, и мы, холопи твои, о том писали, и контайшин лист послал к тебе, ко государю, наперед сево с тобольским атаманом пешим казаком Степаном Выходцевым да с пешим казаком с Ивашкой Коршуновым.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 11, лл. 115об.–116об.

91. *1645 г. мая 30. — Наказная память тобольскому сыну боярскому Меньшому Ремезову, отправленному к соляным озерам с петухами, курами и свиньями для калмыцкого контайши.*

Лета 7153-го маия в 20-й день по государеву цареву и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русии указу память тобольскому сыну боярскому Меньшому Ремезову. В нынешнем во 153-м году апреля в 16-й день в государеве цареве и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русии грамоте за приписью дьяка Григорья Протопопова в Тобольск писано, а велено послать х контайше по ево, контайшину, челобитью куров индейских да свинью. И ныне с ним, Меньшим, послано ис Тобольска к соляным озерам х контайше 2 петуха, да 3 курицы индейских, да 3 борова, да 7 свиней. И Меньшому, приехав к соляным озерам, будет контайша, или Кула, или ево контайшины колмацкие улусные люди к соляным озерам придут, и ему б, Меньшому, контайше, и Куле, или ево улусным людем говорить, что бил челом государю нашему царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии контайша, чтоб ево, контайшу, государь пожаловал, велел к нему прислать своево государева жало-

ванья куров индейских и свиней, и государь наш царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии ево, контайшу, пожаловал, велел к нему послать своего государева жалованья куры индейские и свиньи. И ныне с ним, Меньшим, послано государева жалованья к нему, контайше, 2 петуха, да 3 курицы, да 3 борова, да 7 свиней. И он бы, контайша, то государево жалованье принял, а, говоря те речи, куры индейские и свиньи отдать контайше, или Куле, или ево контайшиным улусным людем, ково конатйша для того пришлет. А будет конатйша, или Кула, или улусные ево люди Меньшова спросят про ево контайшиных послов, и ему, Меньшому, говорить, что послы ево контайшины Чюна с товарыщи отпущены ис Тобольска ко государю к Москве. А будет у соляного озера контайши и ево контайшиных людей не будет, и куров и свиней отдать некому, и Меньшому ехать назад в Тобольск, а приехав в Тобольск, явитись и про куры индейские и про свиньи сказать в съезжей избе воеводам князю Григорью Семеновичю Куракину да князю Михаилу Семеновичю Гагарину да дьякам Ивану Переносову да Григорью Лукину.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 11, л. 117–117об.

92. *1645 г. июня 16. — Грамота в Енисейск воеводе Федору Уварову о взимании десятины с соляных варниц Алексея Хромого (Тихонова) и Сергея Федорова солью, об употреблении собранной пошлинной соли на жалованье и о запрещении заводить вновь государевы варницы в Енисейском уезде.*

От царя и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь, в Енисейской острог, воеводе нашему Федору Федоровичю Уварову да подьячему Василью Шпилькину. Писал к нам из Енисейского острогу воевода Осип Оничков, что по нашей грамоте велено ему, Осипу, рассмотрить про соляные варницы, на которых соль варят в Енисейском уезде вверх по Тунгуске и по Тасееве да по Манзе рекам промышленные люди Олешка Хромой с товарыщи: мочно ль в тех местах устроити наши соляные варницы и во што тот завод станет, и как на тех наших варницах соли наварят, и та соль продавати ль или держать на наше жалованье служилым людем, и ружником, и оброчником; а на старые соляные варницы, на которых соль варят Олешка Хромой с товарыщи, велено положить денежной оброк или имать солью десятую пошлину. И в прошлом де во 149-м году воевода Микифор Веревкин отдал в Енисейском остроге вверх по Тунгуске реке и по Тасееве на сторонней речке, соленые пожилины торговому человеку Олешке Хромому да промышленному человеку Сергушке Федорову; а ходу де до того усолья от Енисейского острогу судном ден з 10 и больши; да он же де, Микифор, в другом месте по Тунгуске ж в сторонней речке Манзе отдал соленые ж пожилины Троицы Сергиева монастыря крестьянину Андрюшке Лаврентьеву, от Енисейского ходу судном до Манзы недели з 2 и больши, и велел с тех варниц нашу десятую пошлину с соли имать солью; и таможенной де голова Микифор Комлев с тех варниц на 150-й год нашу десятую пошлину с соли взял деньгами, а в прошлом де во 151-м году велел он, Осип, таможенному голове Микифору Комлеву с тех варниц с соли имать нашу десятую пошлину солью ж, и ныне де с тех варниц с соли емлют нашу десятинную пошлину солью и дают нашим служилым людем, и ружником, и оброчником в наше жалованье, и тое де нашие десятые соли енисейским служилым людем, и ружником, и оброчником с их оклады ставает; а Манза де речка суха и порожиста, не по вся годы из нее с солью

выходят; а которую де соль Олешка Хромой на ближней варнице варит, и та де соль в продажу годом не исходит, купить ее в Енисейском некому, а в иные ни в которые городы не возят; а красноярским служилым людем, и ружником, и оброчником тобольской присыльной соли будет годы на два, а на третий год дано им ленской присыльной соли, которая по нашему указу велено держать на енисейские и красноярские расходы; да ленские ж соли осталось в Енисейском остроге от Петра Головина с товарыщи 400 пуд, да тобольские присылки и енисейские вареные соли в Енисейском и Маковском острогах 1703 пуда; да в прошлом де во 152-м году взято десятой пошлины с варницы торгового человека Олешки Хромово 300 пуд; а которых людей в Енисейском уезде соленые варницы, и те де люди от варнишных заводов Олешка Хромой с товарыщи одолжали великими долгами и стоят на правеже; а Олешки де Хромово в усолье в Тасееве реке гнетена труба в камень 4 сажени печатные, а в цырене 450 полиц, и про тот варнишной завод Олешка Хромой с товарыщи в съезжей избе допрашиваны, и Олешка Хромой с товарыщи сказали, что тот ево варнишной завод стал ему больше 1000 рублев, а соли выварено во весь год в самую лутчую пору 3000 пуд, а в Манзу речку суды летом не ходят, а выплывают только одиножды в самую большую вешнюю воду, и то не в больших судах по ней не ходят; а только де устроить в Енисейском уезде на наш обиход соляная варница, и нашей де казне прибыли не будет, а будет большая истеря; а в Енисейском де остроге соли ку...

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, лл. 172–174. <Конец копии отсутствует.>

93. *1645 г. июля 16. — Грамота в Якутск воеводам Василию Пушкину с товарищами об отпуске на родину, к Соли Вычегодской, Ерофея Хабарова.*

От царя и великаго князя Олексея Михайловича всеа Русии в Сибирь на великую реку Лену воеводам нашим Василью Микитичю Пушкину да Кирилу Осиповичю Супоневу да дьяку нашему Петру Стеньшину. Бил нам челом Соли Вычегодские Ерофейко Хабаров: ходил де он для торгу и соболиного промыслу в сибирские городы и на великой реке Лене на усть Киренги распахал для заводу, покупаючи лошеди и наймуючи людей, дорогою ценою 60 десятин. А дана де была ему, Ерофейку, та земля по ево челобитью из десятого снопа изо всякие десятины. И стольник де и воевода Петр Головин взял с тое ево роспашной пашни на нас пятую лутчую десятину не против ево челобитья, как он нам о той земле бил челом; да Петр де Головин взял у нево на нас прежнюю ево роспашку усолье усть Куты реки с дворами и с варницею, и в той де пашне и в варнице учинил ему убытка 500 рублев. А опричь де ево нихто заводу пашенного и варнишново не заваживал, и он де в том пашенном заводе и от Петровы налоги Головина одолжал, и вперед де ему тое пашни заводить нечем. И ныне де ево, Ерофейка, держит Петр Головин у себя в Якутах, а к Руси ево не отпустит, а тот ево завод запустошил. А у Соли де Вычегоцкой двор ево без него запустел же, и жена ево и дети в долгах, что он займовал у Соли для того промыслу, стоят на правеже, и наших податей платить нечем. И нам бы ево пожаловать, велеть ево из Сибири с Лены для долговые расплаты отпустить к Соли Вычегоцкой, а в ево б, Ерофейково, место, покаместа он у Соли долги ево оплатить, велеть быть у пашни на Лене брату ево родному Микифорку Хабарову. А про разоренье ево, что Петр Головин пашню и варницу взял на нас, велеть бы на Лене сыскать. И будет так, как нам Ерофейко Хабаров бил челом, и как к вам ся наша грамота придет, а до Ерофейка

Хабарова будет в Ленском Якуцком остроге никакова нашего дела нет, и на пашню свою в оброке брата своего он оставит, и что с той ево пашни у него, Ерофейка, указано оброку имать, и тот оброк весь брат ево на себя соймет, и вы б его, Ерофейка, с Лены из Якуцкого острогу к Соли Вычегоцкой отпустить велели. А сколь давно и при котором воеводе ему, Ерофейку, та земля и варница на Лене дана и из десятово ль или ис пятово снопа, и на сколько лет, и что у нево с тое земли иных каких оброков велено имать, и будет ему, Ерофейку, та земля дана из десятово снопа, и для чево Петр Головин у нево, Ерофейка, с той земли взял пятой сноп, а не десятой, и для чево у нево тое землю и варницу взял на нас и его, Ерофейка, в Якуцком остроге держал и к Руси не отпустил, и вы б о том отписали к нам к Москве подлинно, а отписку велели подать в Сибирском приказе боярину нашему князю Никите Ивановичю Одоевскому да дьяку нашему Григорью Протопопову. Писан на Москве лета 7153-го июля в 16 день.

РГАДА, ф. Сиб. прик., стб. 136, лл. 935–939. Отпуск. Копия в ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 30, л. 156–156об.

94. *1645 г. августа 29. — Доезд тобольского сына боярского Меньшова Ремезова о поездке его к соляному озеру Ямышу, об израсходованном им в пути зелье ружейном и пушечном и о сдаче им обратно в разрядный стол посланных с ним для контайши кур и петухов индейских, свиней и боровов.*

Лета 7153-го году, по государеву цареву и великаго князя Алексея Михайловича всеа Русии и по наказной памяти воевод князя Григорья Семеновича Куракина да князь Михаила Семеновича Гагарина, дьяков Ивана Переносова, Григорья Лукина дано Меньшому Ремезову для соляные службы и государевы казны 7 пуд зелья ружейново, да 4 пуда зелья пушечново, да 8 пуд свинцу, да 6 ядер железных. И с тово числа вышло в расход на произхождение в день для колмацкого… приезду к соляным озерам: и пловучи к Таре, была стрельба, и вышло 14 гривенок зелья пушешнова да 3 ядра железных. Да что было послано с Меньшим Ремезовым государево жалованье х контайше куриц индейских: 3 курицы да 2 петуха, да к нему ж было послано государева жалованья х контайше 7 свиней да 2 борова, и контайши у соленых озер не было, и улусных ево людей к соляным озерам никово не бывало ж, и то государево жалованье — кур индейских и свиней — отдать было у соленово Ямыша озера некому. И Меньшой Ремезов привез с собою в Тобольск и отдал в съезжей избе с ведома воевод и князь Григорья Семеновича Куракина да князь Михайла Семеновича Гагарина да дьяков Ивана Переносова да Григорья Лукина розрядного стола подьячему Микифору Чаплину того ж году августа в 29 числе… А доезд писал Меньшой Ремезов своею рукою.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 11, л. 118–118об.

95. *1645 г. не ранее октября 13. — Отписка в Москву верхотурского воеводы Максима Стрешнева и подьячего Максима Лихачева о размежевании Верхотурского и Туринского уездов.*

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии холопи твои Максимко Стрешнев, подьячей Максимко Лихачев челом бьют. В прошлом,

государь, во 153-м году августа в 8 день блаженные памяти отца твоего государя царя и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русии грамоте, за приписью дьяка Григорья Протопопова, писано к нам, холопем твоим, велено послати с Верхотурья сына боярского да подьячево добрых, которых бы з дело стало, да с ними Верхотурского уезду, которых слобод пригоже, пашенных крестьян самых добрых, сколько человек пригоже, и велети им, съехався с туринскими с сыном боярским же, и с подьячим, и с пашенными крестьяны на Красном Поле, на Большой Ялани, и в иных местех, где сшолся Туринский уезд с Верхотурским уездом, сыскав тутошными и окольными рускими и ясачными людьми старожильцы допряма, Верхотурского уезду всякие угодья Туринского уезду от земель и ото всяких угодей розвести и розмежевати в правду, и велети им по межам грани потесати, и ямы покопати, и всякие межевые признаки учинити, и написать те всякие признаки в межевые книги имянно, чтоб вперед Верхотурского уезду слобод у пашенных крестьян и у ясачных людей Туринского уезду с пашенными ж крестьяны и со всякими с русскими и ясачными людьми в пашнях, и в сенных покосех, и в рыбных и в звериных ловлях, и ни в каких угодьях ссоры и спору никакова не было; да кого имяны с Верхотурья сына боярского и подьячево для межеванья пошлем, и хто имяны и которых Верхотурского уезду слобод пашенных крестьян на том межеванье с ними будут, и как Верхотурского уезду земли и всякие угодья Туринского уезду з землями и со всякими угодьи розмежуют и всякие межевые признаки учинят, и нам, холопем твоим, о том велено отписать и те межевые книги за отвотчиковыми сына боярина и за подьячевою руками прислати к Москве, а велети отписку и межевые книги подать в Сибирском приказе твоему государеву боярину князю Миките Ивановичю Одоевскому да твоему государеву дьяку Григорью Протопопову. И в прошлом же, государь, во 153-м году послали мы, холопи твои, в Верхотурский уезд для того межеванья верхотурских сына боярского Василья Муравьева да подьячево Федора Шилова и велели им взяти с собою Верхотурсково уезду, которых слобод пригоже, пашенных и оброчных крестьян самых добрых, сколько человек пригоже, и, съехався с туринскими с сыном боярским, и с подьячими, и с пашенными крестьяны на Красном Поле, на Большой Елани, и в иных местах, где сошолся Туринской уезд с Верхотурским уездом, сыскав тутошними и окольными русскими и ясачными людьми старожильцы допряма, Верхотурского уезду всякие угодья Туринского уезду от земель и ото всяких угодей розвести и розмежевать в правду, и по межам грани потесати, и ямы покопати, и всякие межевые признаки учинити, и написать те всякие признаки и межевые книги имянно; чтоб вперед Верхотурского уезду слободы у твоих государевых пашенных крестьян и у ясачных людей Туринского уезду с пашенными крестьяны и со всякими с русскими и ясачными людьми в пашнях, и в сенных покосах, и в рыбных и в звериных ловлях, и ни в каких угодьях ссоры и спору никакова не было. И в нынешнем, государь, во 154-м году октября в 13 день писали к нам, холопем твоим, верхотурские сын боярский Василей Муравьев да подьячей Федор Шилов, что они, взяв с собою Верхотурского уезду в Ирбитской, и в Ницынской, и в Невьянской слободах пашенных и оброчных крестьян добрых старожильцов, да с подьячим с Харитоном Григорьевым и с туринскими ж с пашенными крестьяны и с татары съехалися на Красном Поле, на Большой Елани, а Ермолаеве волости для межеванья; и они де в том месте с ними не межевали, а сказали де ис Туринского острогу сын боярской Семен Шарыгин, да подьячей Харитон, и пашенные крестьяне, и ясачные татаровя: того де

им места не межевать, потому что де то все место и всякие угодья Туринсково острогу Ермолаевы волости, а не Верхотурсково уезду, а доведетца де розмежевать Туринской уезд с Верхотурским и ехать де довелось для межеванья в Невьянскую волость, на усть Режу реки; и они де, Василей и Федор, с ирбитцкими и с ницынскими с пашенными и оброчными крестьяны и Туринского острогу сын боярской, и подьячей, и пашенные крестьяне, и татаровя в Невьянскую волость, на усть Режу реки, для межеванья ездили. И Туринского де острогу ясачные татаровя Енгилдейко Колмаков с товарыщи им, детем боярским, и подьячим, и пашенным крестьяном сказали: отойдет в Туринской уезд Невьянской волости по Режу реке и вниз по Нице реке 12 деревень, а в них жильцов пашенных крестьян 65 человек семьянистых, да Верхотурсково ж де уезду отойдет в Туринской же уезд Ницынская и Ирбитская слободы со всеми деревнями, да новая слобода, что строит слоботчик Пятко Ощепков, да новая ж Белослудцкая слобода со всеми ж деревнями. А по скаске же де, государь, Верхотурского уезду пашенных крестьян старожильцов Невьянские волости Первушки Клевакина с товарыщи Ницынские слободы, Ивашка плотника с товарыщи, Ирбитцкие слободы оброчных крестьян Гришки Новгородова с товарыщи и во всех Невьянские волости и Ницынские и Ирбицкие слобод пашенных и оброчных крестьян место: как де они поселены с Верхотурья в Невьянской волости и переведены де ис Казани, и тому 24 годы, а в Ницынской слободе 19 годов, а в Ирбицкой слободе 14 годов и прежде сего у них ссоры и споры меж ими Туринского и Верхотурского уездов у ясачных людей о пашенных землях, и о сенных покосах, и о рыбных ловлях, и о звериных промыслех, и о всяких угодьях никакова не бывало, и ясачные де люди Туринского острогу татаровя и Верхотурсково уезду вагуличи всякими промыслы промышляли, где кому сручно, меж собою смесицею; а как де их, пашенных крестьян, в те волости в государеву десятинную пашню поселили, и они де пашни на себя роспахали и сено косят в тех волостех на диких полях на пустых местах, а не на татарских пашнях и на сеных покосех; а как де и почали Невьянскую волость и Ницынскую и Ирбитскую слободы с Верхотурья населять и строить, и ис Туринского де острогу воеводы их, крестьян, с тех волостей и мест не ссылывали и тех волостей и мест в те годы Туринским уездом и не называли, и челобитья де никакова на них, крестьян, ис Туринского острогу не бывало, и ясачным туринским татарам от них обид, и налог, и тесноты никакие не бывало. А мы, холопи твои, крестьян называем и слободы строим в Верхотурском уезде с теми ж слободами вместе. А по твоему государеву указу и по грамоте велено размежевать и розвести Верхотурской уезд с Туринским уездом угодья, а не жилые места. А о том он, Василей, ездил в Невьянскую волость самовольством, не против твоего государева указу и наказной памяти. А те слободы в Верхотурском уезде, а не в Туринском.

ЛОИИ, Верхотурские акты, кор. 92, тетр. 17. Шесть сставов. Черновик. — Список в ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 2, лл. 223об.–226.

96. *1645 г. декабря 14. — Грамота в Тобольск воеводам князю Григорию Куракину с товарищами о послах контайши, возвращающихся из Москвы, об отправке их к контайше, о беспрепятственном пропуске в Москву следующих послов контайши, если контайша даст шерть государю, и о разрешении торговым людям контайши торговать под Тобольском и под другими сибирскими городами.*

От царя и великаго князя Алексея Михайловича всеа Русии в Сибирь, в Тобольск, воеводам нашим князю Григорью Семеновичю Куракину да князю Михаилу Семеновичю Гагарину да дьякам нашим Ивану Переносову да Григорью Лукину. По нашему указу отпущены от нас с Москвы колмацкие контайшины послы Чюна да Сырян да два человека кашеваров их; а в приставах с ними посланы с Москвы до Тобольска сотник стрелецкой Володимер Кляпиков да служилые люди Ивашко Фролов да Томилко Мелков. А на корм колмацким послом велено им дать в дороге по городом по проезжей грамоте послу по 8-ми денег, кашеварам их двум человекам по шти денег человеку, да питья послом по 3 чарки вина, по крушке меду, кашеварам их дву человекам по 2 чарки вина человеку, да послом же и кашеварам их вопче по полуведра пива в день. И как к вам ся наша грамота придет, а калмацкие послы Чюна да Сыряня с приставы в Тобольск приедут, и вы б им дали в Тобольске корм и питье по проезжей грамоте, какова наша грамота у приставов их у Володимера с товарыщи. И велели им, послам, быть к себе в съезжую избу. Да как к вам послы придут и вы б им говорили: были они, послы, у нас великаго государя и нашу царскаго величества милость и жалованье видели, а ныне вы по нашему царскаго величества указу отпущаете их х контайше, и как они будут у контайши, и они б нашу царскаго величества грамоту, которая им дана у нас, великого государя, на Москве, ему, контайше, подали и про нашу царскаго величества милость и жалованье ему сказали, что мы, великий государь наш, царское величество, памятуя отца нашего блаженные памяти великаго государя царя и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русии самодержца к нему контайше милость и жалованье и ево контайшину к нему, великому государю, правду и шерть, хотели ево, контайшу с братьею, и з детьми, и с племянники также держать под нашею царскаго величества высокою рукою в нашем царском милостивом жалованье и призренье; и он бы, контайша, з братьею, и з детьми, и с племянники, памятуя то, как он был у отца нашего великаго государя у его царского величества в милости и в жалованье, так бы и нам, великому государю, служил и правду нам, великому государю, дал, по своей вере шерть учинил, а мы, великий государь наше царское величество, учнем их держать и в нашем царскаго величества милостивом жалованье и торговых их людей со всякими товары под наши сибирские городы велим пропущать... и торговать велим беспошлинно. А выговоря и обнадежа их нашим жалованьем, отпустили их к контайше теми ж месты, которыми они от контайши приехали, или суды пригодные, которые места наперед сего контайшиных послов отпускивали, и корм им в дорогу велели дать по-прежнему, и проводити их велели, до коих мест наперед сево их проваживали. Да будет контайша под нашею царскою высокою рукою укрепитца, и правду нам, великому государю, даст, шерть по своей вере учинит, и во всем нам будет послушен, и пришлет в Тоболеск послов своих или с торгом торговых людей, а те послы ево учнут проситца к великому гсоударю, и вы б послов контайшиных велели пропущати к нам к Москве безо всякого задержания, и корму и подводы им давали, и приставов от Тобольска до Москвы с ними посылали по-прежнему. А торговым ево людем под Тобольском и под иными нашими городами велели торг давати по прежним нашим указам с великим береженьем. А которого числа калмыцкие послы от нас с Москвы в Тобольск приедут, и которого числа вы их ис Тобольска к контайше отпустите, и кому и скольким человекам и до коих мест корму им дадите, о том бы есте о всем отписали к нам к Москве, в Посольской при-

каз, к нашему думному дьяку Григорью Львову. Писан на Москве лета 7154-го декабря 14 день.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 11, лл. 119–121.

97. *1646 г. января 3 — 1647 г. августа 29. — Отписка в Москву енисейского воеводы Федора Уварова о соли, выдаваемой енисейским служилым людям, ружникам и оброчникам.*

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии холопи твои Фетка Уваров, Васка Шпилькин челом бьют. По твоему государеву цареву и великаго князя Алексея Михайловича всеа Русии указу в прошлых годех енисейским служилым людем, и ружником, и оброчником на твое государево жалованье присылали соль ис Тобольска. И в прошлом, государь, во 151-м году писал в Тобольск из Енисейского острогу воевода Осип Оничков, что в Енисейском уезде на реке Манзе варит посацкой человек Олешка Хромой и с него Олешки в твою государеву казну в Енисейском остроге за десятую пошлину имали солью, и давал твоим государевым служилым людем, и ружником, и оброчником на твое государево жалованье и тое, государь, десятинные соли на твое государево жалованье енисейским служилым людем, и ружником, и оброчником ежегод ставилось с остатком…

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, с. 333, 334. Конец в копии отсутствует.

98. *1646 г. января 30 — февраля 3. — Дело об отпуске из Тобольска послов контайши, ездивших в Москву, и об отправке к контайше Тобольского сына боярского Данилы Аршинского.*

1. *Речи тобольских воевод при отправке послов*

7154-го года января в 30 день воевода князь Михайло Семенович Гагарин да дьяки Иван Переносов, Григорей Лукин колмацким контайшиным послам велели быть у себя на съезжем посольском дворе и им говорили: Чюня да Сырян, были вы у великого государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всеа Русии и царскаго величества милосливого жалованья видели, а ныне мы по государеву указу отпущаем вас х контайше. И как вы будете у контайши, и вы б царскаго величества грамоту, которая вам дана на Москве великаго государя нашего царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии, контайше подали и царского величества милость и жалованье ему сказали, что великий государь царское величество, памятуя отца своего блаженные памяти великаго государя нашего царя и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русии самодержца к нему контайше милость и жалованье, а его контайшину к нему, великому государю, службу, и правду, и шерть, хотя ево, контайшу, з братьею, и з детьми, и с племянники также держать царскаго величества под высокою рукою в царском милостивом жалованье и в призренье, и он бы, конатйша, з братьею, и з женами, и с племянники, памятуя то, как он был у отца государева великаго государя у его царскаго величества в милости и в жалованье, так бы ему, великому государю нашему царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии служити и правду ему, великому государю, дали, по своей вере шерть учинили, и великий государь наш учнет их держать царского величества в милостивом жало-

ванье, и торговых людей со всякими товары под государевы сибирские городы велит пропущать безпенно, и торговать велит безпошлинно. Да* в прошлом во 152-м году пришли в Тарской уезд в Теренинскую волость ево контайшины ясашные люди з женами и з детьми, 9 изб, и живут з государевыми с теренинскими ясашными людьми вместе, да и иные многие контайшины люди от Теренинские и от Барабинской волостей кочюют неподалеку и в полуднище, и в днище, и в дву днищах во многих разных местах, изб во штидесят и больше, и ясак с теренинских и з барабинских ясашных людей на него, контайшу, емлют у государевых ясашных людей, в речках бобры выловили и зверовые промыслу отняли. Да в прошлом же во 152-м году приходили на Тару з государевым ясаком барабинские ясашные люди ясаул Улкилдейко Садрасев с товарыщи и били челом государю, что де им от колмацких от ево контайшиных людей и обиды многие, отняли у них зверовые промысли и зверовать им не дадут, потому что от них колмацкие люди кочуют поблиску. Да в прошлом во 153-м году прикочевали к Барабинской, и Теренинской, и к Чоинской волостям Кон Талай[1] да Учерту тайши со многими колмыцкими людьми, и кочуют от тех волостей в днище и в полуднище, и зверовые угодья у ясачных людей поотнимали, и обиды и насильства ясачным людем чинят большие, и за тем ясачным людем государев ясак зверя добывать стало негде. Да в прошлом же во 152-м году взял контайша из Барабинской волости к себе в улусы с ясаком барабинскова князца Кулебердейкова брата Касымка с товарыщи, 8 человек, и те ясачные люди от нево, контайши, назад не бывали.** А что он, контайша, наперед сего государю служил, отдал в Тарской уезд барабинских, и чоинских, и теренинских ясачных людей, которые было государю изменили, семей со 100, за тое службу он, контайша, государевым жалованьем пожалован, послано к нему государево жалованье большое: кубки, и ковши серебреные, и отласы, и камки; и после того от него, контайши, и от ево людей государевым ясачным людем нигде обид и насильства не было, а ныне он, конатйша, прислал жить людей своих Тарского уезду в Барабинскую, и в Теренинскую, и в Чоинскую волости, а ныне ево ж контайшины люди тарским государевым ясачным людем истесненья и обиды чинят, и зверовые угодья у государевых ясачных людей отняли, и ясак з государевых ясачных людей на него, контайшу, насильством збирают. Да ис той же Барабинской волости взял он, контайша, к себе в улусы сильно осми человек лутчих ясачных людей и держит их у себя в улусе, а в Барабинскую волость не отпустит неведомо для чево. Да он же, контайша, посылал людей своих на государевых киргиских людей войною и их разорил. И он бы, контайша, государю служил и прямил по-прежнему, Тарского уезду и с Барабинской, и с Теренинской, и с Чоинской волостей велел колмыцких своих людей свесть в свои улусы, и вперед государевых киргиских людей войной и в Тарской уезд в Барабинскую и в иные государевы ясачные волости людей своих не посылать, и ясаку з государевых киргиских и с тарских ясачных людей на себя не имать, и обид и насильства никакого государевым ясачным людем чинить не велеть, и Барабинской волости осми человек ясачных людей, которых людей к себе в прошлом во 152-м году взял, отпустил назад в Барабинскую волость на старые их кочевья, и впредь людей своих ни по што Тарского уезду в государевы ясачные волости въезжати и обиды и насильства чинить не велел. А будет киргиские люди ясак ему, контайше, давали что в ту пору, как они государю

[1] *В прилож. № 2* — Киндалай.

изменили, а ныне они, киргиские люди, учинились под государевою царскою высокою рукою в прямом холопстве по-прежнему и аманаты дали. И колмыцкие контайшины послы Чюня да Сырян говорили: присылает де контайша в Тарской уезд в Барабинскую волость людей своих для обереганья государевых ясашных людей, для того что иных колмацких тайш и Девлеткирея царевича люди в государевы в ясачные волости приезжают, и зверовые промыслы отнимают, и кочюют поблиску, а не ево контайшины люди, а ево контайшины люди государевым ясачным людем обид не чинили и промыслы де у ясачных людей не отымают, лишь де их оберегают; да и на Москве де перед государем те они речи слышали, а как же они будут у контайши, и они де те речи все контайше скажут. И воевода князь Михайло Семенович Гагарин да дьяки Иван Переносов да Григорей Лукин колмацким контайшиным послам подавали государево жалованье: вино и мед, да им же, послом Чюне и Сыряну, велели дать на тот день против поденного корму и питья вдвое.

2. *Наказ посланнику сыну боярскому Даниле Аршинскому*

Да с колмацкими послы посланы х контайше государевы посланники тобольской сын боярской Данило Аршинской с товарыщи. А приехав х контайше, велено им говорить и речи даны таковы <*см. далее: гл. X, § 44*>. И отпущены те государевы посланники Данило Аршинской с товарыщи с колмацкими послы генваря в 3-й день. А об отпуске их на Тару послана к воеводе отписка такова, а в отписке пишет:

3. *1646 г. февраля 3. — Отписка тобольских воевод князя Григория Куракина тарским воеводам князю Петру Щетинину и Федору Головачеву*

Господину князю Петру Ивановичю да Федору Федоровичю Григорей Куракин челом бьет. В нынешнем во 154-м году февраля в 3 день отпущены ис Тобольска на Тару колмацкие контайнишы послы Чюня да Сырян с тобольским сыном боярским з Данилом Аршинским с товарыщи. А государева жалованья тем колмыцким послом в Тобольску дано на корм до Тары на 10 ден рубль.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 11: 1) лл. 121–124об.; 2) лл. 124об.–130об.; 3) л. 130об.

99. *1646 г. марта 25. — Грамота в Туринск воеводе князю Петру Барятинскому о размежевании Туринского и Верхотурского уездов и о делах туринских татар с верхотурскими крестьянами.*

От царя и великаго князя Алексея Михаиловича всеа Русии в Сибирь, в Туринской острог, воеводе нашему князю Петру Романовичю Борятинскому. В нынешнем во 154-м году декабря в 26 день писал ты к нам: в прошлом де во 153-м году по указу блаженные памяти отца нашего великаго государя царя и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русии велено с Верхотурья воеводе Максиму Стрешневу да подьячему Максиму Лихачеву послать сына боярского да подьячево добрых, которым бы з дело стало, да с ними Верхотурского уезда, которых слобод пригоже, пашенных крестьян добрых, сколько человек пригоже, и, съехався с туринским сыном боярским, и с подьячими, и с пашенными крестьяны на Красном Поле, на Большой Елани, и в иных местех, где сшолся Туринской уезд с Верхотурским уездом, сыскать тутошними и окольными русскими и ясачными людьми старожильцы, а сыскав, ве-

лено Верхотурского уезда всякие угодья Туринсково уезду от земель и ото всяких угодей розвесть и розмежевать в правду; а тебе де потому ж велено послать из Туринского сына боярского да подьячева добрых, которых бы з дело было, и с ними Туринского уезду пашенных крестьян добрых же, сколько человек пригож, и велеть им, съехався с Верхотурским сыном боярским, и с подьячими, и с пашенными крестьяны на Красном Поле, на Большой Елане, и в иных местах, где сшолся Туринской уезд с Верхотурским уездом, сыскав тутошными и окольными русскими и ясачными людьми старожильцы допряма, Туринского уезду пашенные земли и всякие угодья Верхотурского уезда от земель и ото всяких угодей розвесть и розмежевать в правду, и по межам грани потесать, и ямы покопать, и всякие межевые признаки учинить, и написать те всякие признаки в межевые книги имянно, чтоб вперед Верхотурского уезду слобод наших пашенных крестьян и ясачных людей Туринского уезду с пашенными ж крестьяны и со всякими с русскими и с ясачными людьми в пашенных и в сенных покосех, и в рыбных ловлях, и ни в каких угодьях ссоры и спору никакова не было. И в нынешнем же во 154-м году сентября в 8 день посылал ты из Туринского сына боярского Семена Шарыгина да съезжей избы подьячего Харитона Григорьева да с ними старожильцов туринских служилых людей и пашенных крестьян и ясачных татар и велел им съехатца с верхотурским сыном боярским, и с подьячим, и с пашенными крестьяны на Красном Поле, на Большой Елани, и в ыных местах, где сшолся Туринской уезд с Верхотурским уездом, и, сыскав тутошними и окольными русскими и ясачными людьми старожильцы допряма, Туринского уезду пашенные земли и всякие угодья от Верхотурского уезду от земель и ото всяких угодей розвесть и розмежевать в правду по нашему крестному целованью, и по межам грани потесать, и ямы покопать, и всякие межевые признаки учинить, и написать те всякие признаки и межевые книги имянно, чтоб вперед Верхотурского уезду слободу у пашенных крестьян и у ясачных людей Туринского уезду с пашенными ж крестьяны и со всякими людьми с русскими и с ясачными людьми в пашнях, и в сенных покосех, и в рыбных ловлях, и ни в каких угодьях ссоры и спору никакова не было. И Туринской же сын боярской Семен Шарыгин и подьячей Харитон Григорьев на межеванье с туринскими служилыми людьми, и с пашенными крестьяны, и с ясачными татары ездили и съехалися с верхотурским сыном боярским с Васильем Муравьевым да с подьячим с Федором Шиловым и с пашенными крестьяны, Туринского уезду всякие угодья от Верхотурского уезду отмежевали и подали тебе в съезжей избе за своими руками доезду своего межевые книги, и ты де те межевые книги за их руками послал к нам к Москве с туринским стрельцом с Еремкою Кондратьевым, а другие таковы ж межевые книги за их отводчиковыми руками послал в Тоболеск ко князю Григорию Куракину, а третьи книги таковы ж оставил ты в Туринском в нашей съезжей избе. И ныне туринские ясачные люди бьют нам челом в обидах и в насильствах на верхотурских пашенных крестьян, которые слободы строены с Верхотурья в Туринском уезде, а тебе в съезжей избе подают челобитную и тебе де без нашего указу меж верхотурских крестьян и туринских ясачных татар в обидах и в насильстве расправу чинить не уметь; и нам бы тебе о том велеть указ наш учинить. И как к тебе ся наша грамота придет, а туринские будет пашенные крестьяне и ясачные люди в обидах своих на верхотурских крестян учнут к тебе приносить челобитные, и ты б тем крестьяном и ясачным людем на верхотурских всяких людей в обидах их о управе велел бити челом на Верхотурье воеводе и подьячему. А будет на Верхотурье воево-

да и подьячей им управы не учинит, и ты б о том писал и челобитные их посылал в Тоболеск к боярину нашему и воеводе к Ивану Ивановичю Салтыкову с товарыщи. Писан на Москве лета 7154-го марта в 25 день.

На подлиннике подписано: Дьяк Григорей Протопопов. Справа Алешки Обухова.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 6, лл. 109об.–110об.

100. *1646 г. июня 10. — Наказная память якутских воевод Василия Пушкина с товарищами десятнику Ленского острога Семейке Шелковинскому (Шелковнику) с товарищами, отправленному на реки Улью и Охту.*

7154-го году июля в 10-й день по государеву цареву и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русии указу и по приказу воевод Василья Никитича Пушкина да Кирила Осиповича Супонева да дьяка Петра Стеншина, память Ленскаго острогу служилым людем десятнику Семейке Ондрееву сыну Шелковинскому с товарыщи. Итти им из Якуцкаго острогу Леною рекою в государевых судах на низ до усть Алдана, а Алданом вверх до усть Маи реки, а Маею рекою вверх до верхнего Майского ясачного зимовья и до Ламского волоку, а зимою через волок итти на нартах на Улью реку до зимовья, где служилые и промышленные люди, которые ныне там на Улье реке от письменного головы от Василья Пояркова оставлены с аманаты, служилых и промышленных людей 20 человек, для государева царева и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русии ясачного збору и для прииску и приводу новых немирных землиц с неясачных людей. Да с ними ж посланы для того ж государева ясачнаго збору служилых людей 40 человек... с товарыщи; а хто служилых людей имяны посланы и на Улье от Василья Пояркова в зимовье с аманаты остались, и тем служивым людем под сей наказной памятью роспись. А по государеву цареву и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русии наказу, каков дан воеводам Василью Никитичю Пушкину да Кириллу Осиповичю. Супоневу да дьяку Петру Стеншину, написано: велено им, приехав в Якутцкой острог, от себя посылать Якутцкаго острогу в якуцкие землицы, и в улусы, и в иные новые землицы по сторонним рекам для государева ясачнаго збору, для проведывания и прииску и для приведенья новых землиц служилых людей, по скольку человек пригоже. И тем служилым людем новые землицы неясачных людей призывать, и под государеву царскую высокую руку приводить, и ясак с них имать на государя ласкою, а не жесточью, чтоб учинить тех землиц неясачных людей вперед под государевою царскою высокою рукою в прямом холопстве навеки неотступны и к шерти их приводить; а что служилые люди тех новых землиц людей проведают, и под государеву царскую высокую руку и к шерти приведут, и ясаку с них на государя возмут, и то служилым людем писать велено в ясачные книги подлинно. Да с тем ясаком и с тех новых землиц призвати к нам в Ленской острог для береженья за тем ясаком и в аманаты велено имать в острог тех землиц лутчих людей, по скольку человек пригоже. А товаров своих, им служилым людем, и табаку в ясачные волости возить и с ясачными людьми торговать не велено. И в нынешнем во 154-м году на Ленском волоку в съезжей избе перед воеводы перед Васильем Никитичем Пушкиным с товарыщи ленской служилой человек Нехорошко Иванов сын Колобов в роспросе сказал: в прошлом де во 147-м году с Алдана реки, из Бутыльского острожку, посылал де на государеву службу томской атаман Дмитрей Копылов ис томских служилых людей Ивашка Юрьева да их казаков 30 человек

на большое море окиян, по тынгускому языку на Ламу, а шли они Алданом вниз до Маи реки 8 сутки, а Маею рекою вверх шли до волоку 7 недель, а с той Маи реки малою речкою до прямого волоку в стругах шли 6 ден, а волоком шли день ходу и вышли на реку на Улью на вершину, а тою Ульею рекой шли до моря, а на устье той Ульи реки, где она впала в море, живут тунгусы многие роды. И, поставя зимовье с острогом, изымали иноземских мужиков князя Дорогу да киларских мужиков князца Ковырина сына, и взяли ис того зимовья с тонгусов погромом на государя ясаку 11 сороков соболей; а те де реки собольные, ясачного зверя много, и рыбные, а рыба большая, в Сибири такой нет. А тот десятник Семейка Шелковник с товарыщи ныне государю был челом, чтоб государь их пожаловал, велел их отпустить на государеву службу на ту реку Улью своих неясачных людей приводить под ево государеву царскую высокую руку и ясак с них на государя имать, а он де, Семейка, на той реке Улье и до моря государю послужит, и немирных землиц под государеву царскую высокую руку приведет, и ясак с них возмет, и прибыль государю учинит немалую. Да в нынешнем во 154-м году в Якуцком остроге в съезжей избе перед воеводы перед Васильем Никитичем Пушкиным с товарыщи аманат, который ныне с ним, Семеном, послан, с верх Маи реки тунгус Годышканского роду Чона в роспросе сказал: поиман де он в аманаты вверх Индигирской реки и тому ныне 5 лет, а жил де он, Чона, з братьями своими с Елною да з другим з Зезяном и с родом своим на верх Охоты реки и по Охоте реке, а роду ево 30 человек, как де ево поимали на Индигирке реке… и ево сына ж Чону служилой человек Михалко Стадухин с товарыщи свез на Собачью реку, и был де он, Чона, на Индигирке, и на Собачьей, и в Жиганех 3 года, и родники де ево жива не чаяли, потому что они с Охоты реки не ходили, и ево де, Чону, из Жиган привезли в Якуцкой острог, и из Якуцкого острогу стольник Петр Головин послал ево вверх по Мае реке в прошлом во 152-м году, когда он, Чона, был в ясашном зимовье, и тут де ево братья услышали и прислали к нему племянника ево Толка, а с ним ясаку 3 соболи, да в нынешнем во 154-м году приходил брат ево Илко, а приносил государю ясаку 19 соболей, а ко 155-му году будут братья ево… с родом своим, а ему де, Чоне, с Охоты реки на Маю реку приходить далеко; и бил челом государю, чтоб государь ево пожаловал, велел ево в аманаты послать на Охоту реку, и там де ево род государю ясак станет весь платить. Да по Охоте реке живут неясачные тунгусы Ребочан шаман да Можено, а роду у них 60 человек, Лестаргинского роду Тозеро, а у него 40 человек, Зелинкирского роду Колтоул, род де у него 100 человек. Да тот же Чона сказал: приходят де с Камени на Охоту реку кочевать Гобинканского роду Ярбинкан да Куньяр, а у них роду 100 человек; да от Охоты реки итить Ламою в левую сторону 4 дни в лотках на реку на Ангу, а по Анге живут Кукургирского роду Чепуней, а у того роду 50 человек, да по той же реке того ж роду Югдана, а у него роду 100 человек, Ингалканского роду Базян шаман, а у него 10 сынов да роду ево 100 человек, да долганских мужиков шаман Модара, а у них 100 человек, да по той же реке живут народы большие, и людей у них много, только де он, Чона, сам там не бывал; а соболя на Анге на устье немного, потому ж что с устья по оной реке камень голец; да за Ангою де рекою многие есть реки и впали в Ламу, и людей де по ней живет много, и там же пошли места лесные, а живут Некинского роду да билячи да Тоунскарской. И десятнику Семейке Шелковникову с служилыми людьми, собрав по росписи, какова под сею наказной памятью, и с тем аманатом с Чоною иттить им из Якутцкаго острогу для государева царева и великаго князя

Михаила Федоровича всеа Русии ясачнаго збору на Улью реку и сойтися с теми служилыми и с промышленными людьми, которые оставлены на Улье реке, 20 человек, и с теми служилыми и промышленными на Улье и на Охоте реке и по иным сторонним рекам, где они неясачных людей призывали и приводили под государеву царскую высокую руку ласкою, а не жесточью, и аманата из них взять лутчево мужика, или двух, или сколько доведетца; и где будет на которой реке пристойно ясашное зимовье поставить, и острогом огородить и всякими острожными крепостьми укрепить. И которые будут тунгусы или иных родов какие люди под государевою царскою высокою рукою будут покорны, и им, Семейке с товарыщи, с тех людей на государя царя и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русии ясак и поминки брать по их мочи, сколько с кого мочно взять, чтоб их сперва не ожесточить. А ково будут в аманаты посадит, и им тех аманатов поить и кормить государевым кормом, что с ними послано, и всем тем аманатом призывать братью, и детей, и племянников своих, и захребетников, и иных родов, о которых они где знают, чтоб те неясачные люди приходили к ясачному зимовью с ясаком и с роду своего платили...

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 30, лл. 309об.–311об. Конец в копии отсутствует.

101. *1646 г. не ранее сентября 1. — Отписка верхотурского воеводы Михаила Стрешнева тобольскому воеводе боярину Ивану Салтыкову о печатях верхотурских слобод и застав.*

Господину Ивану Ивановичю Максим Стрешнев челом бьет. В прошлом, господине, во 148-м году июня в 11-м числе присланы ис Тобольска на Верхотурье с верхотурским сыном боярским с Панкратьем Перхуровым 9 печатей медных, а велено те печати послати Верхотурского уезду в слободы и на караулы к прикащикам и к целовальникам, где которая подписана, и велено теми печатьми у торговых людей и у всяких людей всякие товары и таможенные выписки и гулящих людей оброчные отписи. И в прошлом во 154-м году августа 21-й день сказал в съезжей избе верхотурской стрелец Пятунка Резутин: в прошлом же во 151-м году при воеводе при князе Микифоре Мещерском посылан он был для государева таможеннаго пошлинного збору на Чюсовую заставу, и, едучи де по Чюсовой реке, в судне тонул, и утопил де он тобольскую присыльную печать, которая подписана была на Чюсовскую заставу, и он де про то, что таможенную печать утопил, извещал воеводе князю Микифору Мещерскому, и князь Никифор Мещерской про то ему ничево не сказал, а мне он, Пятунка, про тое печать наперед сего ничего не сказал, а ныне де на Чюсовской заставе таможенной печати нет. Да Верхотурского, господине, уезду в новую Белослуцкую слободу для государева таможенного пошлинного збору надобно печать. Да Верхотурского ж уезду в новую в Арамашевскую слободу при воеводе при князе Микифоре Мещерском для государева таможенного пошлинного збору зделана на Верхотурье печать, а я, господине, без государева указу и без тобольские отписки на Чюсовую заставу и в новую в Белослуцкую слободу печатей делать не смею.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 2, лл. 217об.–218об.

102. *1647 г. не ранее марта 7. — Отписка красноярского воеводы Петра Протасьева енисейскому воеводе Федору Уварову о запрещении русским и тунгусам по Уде (Чуне) и Муре воевать с бурятами.*

Господам Федору Федоровичю, Василью Григорьевичю Петр Протасьев челом бьет. В нынешнем, господа, во 155-м году посылан был из Красноярского острога служилой человек в Брацкую землю призывати их брацких людей к царскому величеству, чтоб они, брацкие люди, государева гневу и на себя разоренья и войны не навели, были б под ево царскою высокою рукою в вечном холопстве и в ясачных людех. И марта, господа, в 7-й день нынешнего 155-го году с красноярским служивым человеком, который посылан был в Брацкую землю, пришли из Брацкие земли из разных улусов в Красноярский острог два мужика: Курулдейко да Чибилдейско — и били челом великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии от брацково князца Оиланка и от братьев ево, и от племянников, и от их улусных людей, и от киштымов, чтоб их князцей, и их, и улусных людей государь пожаловал, своих государевых ратных людей войной посылать на них не велел, велел бы государь и прежние их вины отдать, а князцы де их и они готовы быть под его царскою высокою рукою в вечном холопстве и в ясачных людех. И на том де брацкие татарове Курулдейко и Чибилдейко и вместо своих улусных людей великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии по своей вере шерть дали. Да они ж, господа, брацкие татаровя, били челом государю, чтоб государь их пожаловал, велел х князцам их и к ним послать своих государевых служилых людей своим царским милостивым словом, что де князцом их и им быть на его царскую милость вперед надежным, и чтоб де государь своим государевым русским людем и ясачным татаром и тунгусом воеватца с ними не велел. И вам бы, господа, по государеву цареву и великаго князя Алексея Михайловича всеа Русии указу велеть руским людем и государевым ясачным татаром и тунгусом вверх по реке по Уде, а Чюна то же, и на Мурских вершинах, которые тунгусы живут порубежно з брацкими людьми, учинить заказ крепкой вскоре, чтоб они государевы ясачные тунгусы с теми брацкими людьми, которые государю добили челом, никаких задоров не чинили и воины б с ними вновь не вчинали, чтоб, господа, от русских людей и от ясачных тунгусов какими их задорами государеву делу порухи не учинилось. А тем, господа, брацким людем, которые учинятца под царскою высокою рукою, указано давать красноярским служилым людем памятцы для ведома, чтоб с ними государевы русские люди и ясачные татарове и тунгусы не воевались.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, с. 363–365.

103. *1647 г. не ранее апреля 5. — Отписка в Москву томского воеводы князя Осипа Щербатого с товарищами о приходе в Красноярск посланников от братского князца Оланка (Ойланка) о получении от них поминков, об их шерти и об отправке в Братскую землю служилых людей.*

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии холопи твои Оська Щербатой, Ондрюшка Мольвинов, Бориска Портикеев челом бьют. В нынешнем, государь, во 155-м году апреля в 5-й день писал ко мне, холопу твоему Оське, ис Красноярского острогу воевода Петр Протасьев: в нынешнем де, государь, во 155-м году посылал он, Петр, Красноярского уезду в Канскую ясашную волость для твоего государеву ясачново збору атамана Милослава Кольцова, а написано де ему, Милославу, от нево, Петра, в наказной памяти: велено ему послать ис Канского острожку служивого человека в Брацкую землю с канскими ясачными татары, которые

живут з брацкими людьми порубежно, призвать брацких кыштымов к твоему царскому величеству, чтоб они учинились под твоею государевою царскою высокою рукою в холопстве и ясак бы с себя тебе великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии давали так же, как иные их братья иноземцы киргизы и тубинцы и иных многих земель всякие люди Сибирского царства учинились под твоею государевою царскою высокою рукою в вечном холопстве в ясашных людех, что твое де государево царево и великаго князя Алексея Михайловича всеа Русии к нам, брацким людем, жалованье будет, брацких людей пожалуешь, прежние их вины велишь отдать и полон их служивым людем и тотаром велишь дать на выкуп и учнешь их ты, великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии, держать под своею царскою высокою рукою в своем царском милостивом призренье и береженье и в войну и в обиду их колмаком, и мугалом, и брацким людем, которые тебе, государю, непослушны, дать не велишь; а буде оне, брацкие люди, не учинятца под твоею царскою высокою рукою в вечном холопстве и ясаку тебе, великому государю, давать с себя не учнут, и на них ты, государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии, велишь послать своих государевых ратных людей з большою войною и велишь им разорить и попленить без остатку. И Красноярского де острогу служилой человек Юрка Нарымцов Красноярского ж уезду Канские ясашные волости с татарином с Похтыбаком в Брацкую землю ходили и по твоему государеву цареву и великаго князя Алексея Михайловича всеа Русии указу и по наказной памяти, какова дана ис Красноярсково острогу атаману Милославу Кольцову, брацким кыштымом говорили и к твоему царскому величеству их призывали. И марта де, государь, в 6-й день из Брацкие земли Красноярского острогу служилой человек Юрка Нарымской и Канские волости ясашной татарин Похтыбайко в Красноярской острог пришли, а с ними де, с Юшкою и с Похтыбайком, убояся твоего царскаго величества и твоей государевы войны, пришли из Брацкие земли два мужика кыштымы от брацкого князца от Оланка корчюнской лутчей мужик Курулдей да суртуской лутчей же мужик Чибелдейко Ашамахан же и били челом тебе, государю царю и великому князю Алексею, Михайловичю всеа Русии, чтобы князцев их и их ты, государь, пожаловал, вины их велел отдать, а князцы де их и они хотят быть под твоею государевою царскою высокою рукою в вечном холопстве и ясак тебе, государю, учнут с себя давать так же, как и иные твои государевы ясашные люди. Да брацкой же де мужик Оланков кыштым Чибелдейко принес 20 соболей, да бобр, да недособоль, а сказал: те де соболи и бобр прислал с ним, Чибелдейком, князец ево Оланко тебе великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии, челом бьет в поминках. Да они ж де брацкие мужики, Курулдейко и Чибелдейко, принесли с розных своих улусов 67 соболей да 2 бобра, челом бьют тебе, великому государю, в поминках же. И про ясак те брацкие мужики сказали: полново де твоего государева ясаку ныне было им взять негде, потому что оне люди разоренные: в прошлом во 153-м году повоевали их и разорили твои государевы ратные люди, а в прошлом, государь, во 154-м году приходили на них мугальские люди войною, да у них же де была война меж собя, а в нынешнем де во 155-м году жили оне все в крепях в больших в камени, бояся от твоих государевых воинских людей, и ходить де для промыслов своих никуды не смели. И марта де, государь, в 8-й день те брацкие люди Курулдейко и Чибелдейко и вместо улусных своих людей тебе, великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии, по

своей вере шертовали на том, что им, Курулдейку и Чибелдейку, и их улусным людем тебе, государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии, служить и прямить и во всем тебе, государю, добра хотеть, и шертовали де те брацкие люди по той же шертовальной записи, по которой привожены к шерти твои государевы служилые и ясачные татарове Красноярсково уезду. А поминошные твои государевы соболи и бобры князца Аланка и улусных брацких людей в твою государеву казну взяты. А шертовав де, те брацкие люди били челом тебе, государю, чтоб ты, государь, их пожаловал и обнадежил своею царскою милостию, велел бы ты, государь, к ним в Брацкую землю послать х князцом их и к улусным людем своих государевых служилых людей с своим царским милостивым словом, да с ними ж бы де велел ты, государь, отпустить для ведома ис полону их человек 2 или 3, ково ты, государь, укажешь, чтоб де им, брацким людем, на твою государскую милость быть надежным и князцу бы де их Оланку и ево Оланковым братьям, и детем, и племянником к твоей царской милости для договору и в аманатех и о твоем государеве ясаке приехать бы им бесстрашно. А твоим де государевым ясаком учнут оне, брацкие люди, промышлять ко 156-му году сполна. И с теми де брацкими делы посылает он, Петр, в Брацкую землю к князцам и к улусным людем служилых людей, а с ними отпускает для ведома брацким людем полону их 2 жонок. А брацким де мужиком Курулдайку и Чибелдейку для выходу дано твоего государева жалованья по полтретья аршина летчины, а конскому де ясашному татарину Похтыбайку, которой тебе, государю, служил, ходил с служилым человеком в Брацкую землю, дано твоего государева жалованья за службу аршин летчины; а куплена де та летчина на твои государевы денги ис красноярских доходов; а за аршин де, государь, дано по 20-ти алтын.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 17, лл. 445–447об.

104. *1647 г. августа 25–31. — Отписка в Москву томского воеводы князя Осипа Щербатого с товарищами о принятии прибывшим в Красноярск братским князцом Ойланкой (Иланкой) шерти и о построении острога на реке Уде.*

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии холопи твои Оска Щербатой, Илейка Бунаков, Бориско Потрекеев челом бьют. В нынешнем во 155-м году августа в 25-й день писал ис Красноярского острогу в Томской город ко мне, холопу твоему Оске, воевода Петр Протасьев: в прошлом де во 153-м году по указу блаженные памяти отца твоего государева великаго государя царя и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русии посылал он, Петр, красноярских служилых людей войною до брацково князца Иланка и на ево улусных людей, и милостию Божиею и твоим государским счастьем твои государевы ратные люди князка Иланка и улусных ево людей побили; и после де тово в нынешнем же де, государь, во 155-м году послал он, Петр, призывать ево, Иланка, и улусных ево людей к твоему царскому величеству в холопство и учинился б под твоею государевою царскою высокою рукою в вечном холопстве князец Ойланко со всею своею землицею, и в нынешнем, государь, 155-м году июля в 6 день князец Ойланко и со всем своим улусом приехал сам к твоему царскому величеству в холопство в Красноярской острог да с ним улусных людей 5 человек; и июля в 10-й день тот князец брацкой Ойланко и улусные ево люди были перед ним, Петром, в съезжей избе и челом ударили тебе великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии, в поминках 26 со-

болей с пупки и с хвосты, и те де у него соболи в твою государеву казну взяты; а по красноярской, государь, оценке тое мяхкой рухляди на 21 рубль на 19 алтын; а ево де, князца Ойланка, и сына ево Изеня и улусных людей 5 человек и во всех их брацких улусных и в ясачных людей место привел он, Петр, за тебя, государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всеа Русии, к шерти по той же шертовальной записи, по которой шертовали тебе, великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии, Красноярского острогу иноземцы, а на шертованье де брацкой князец Ойланко объявил тебе, великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии, в улусех своих ясашных людей 134 человека; да Корчунские земли улусной лутчей мужик Коктей объявил тебе, государю, в улусех своих ясашных же людей 60, и ясак де, государь, учнут тебе, государю, давати те брацкие люди против иных твоих государевых ясашных людей. Да брацкие ж де, государь, люди били челом тебе, государю, царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии, а ему, Петру, в съезжей избе говорили, чтоб ты, государь, их пожаловал, указал в их Брацкую землицу меж ясашных людей острожек поставить для обереганья им брацким людем от иных от немирных землиц и для твоего государева ясачного збору. А наперед де, государь, того, как посыланы были служилые люди в их Брацкую землицу призывать их к твоему царскому величеству ево, князца Ойланка, и улусных людей, и по ево Петрову приказу в Брацкой землице смотрели служилые люди места, где пригоже твоим государевым людем острожек поставить для укрепленья брацких людей и для де защиты от них же, брацких людей, и от иных от немирных землиц твоим государевым ясачным людем и как бы де, государь, мочно в ту Брацкую землицу твоим государевым служилым людем ис Красноярсково острогу хлебные запасы проводить. И в доездных, государь, памятях пятидесятников Первушки Драчева да Совостьки Самсонова с товарыщи написано, что в Брацкой во Иланкове землице мочно быть острошку на реке на Уде, и хлебные, государь, запасы ис Красноярсково острогу в тот острожек проводить будет мочно воденым путем в малых стругах. И в ту де, государь, Брацкую землицу послан в судех атаман Елисей Тюменцев да пятидесятник Первушка Драчев с служилыми людьми з годовыми с хлебными запасы, а велено им во Иланкове землице для твоего государева ясашного збору острожек поставить со всякими острожными крепостьми. Да ему ж де, государь, Елисею, велел он, Петр, в Брацкой землице переписать во всех улусех ясашных людей поимянно в именные ясашные книги и по твоему государеву указу приказал ему, Елисею, с тех твоих государевых людей на нынешней на 155-й год збирать твои государевы поминки и ясак сполна против иных твоих государевых ясашных людей. А князца де Ойланка оставил он, Петр, в Красноярском остроге в закладе самово да с ним улусново человека, а сынам ево князца Изеня з женою, ево Ойланкову жену и улусных людей, которые с ним приезжали в Красноярской острог в закладчиках вместо князца Ойлана, отпустил в Брацкую землю к нему, Ойлану, в улус. А приказал он, Петр, тому Иланкову сыну Изеню, чтоб он, Изень, сам приехал, или брата своего, или лутчих своих людей послал на перемену отцу своему Иланку в заклад. А по доездным, государь, паметям и по скаске красноярских служивых людей, которые в Брацкой землице были, сказали ему, Петру: чает де с тое Брацкие землицы тебе, государю, многие прибыли в ясачном зборе. И нам бы, холопем твоим, про ту ево Петрову службу Протасьева отписать к тебе, государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии, к Москве.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 17, лл. 449–451.

105. *1648 г. марта 4–24. — Отписка енисейского воеводы Федора Полибина томскому воеводе князю Осипу Щербатому о сборе ясака в Тубе и в Киргизах на Алтын-царя и о разрешении послать взаймы свинец в Красноярский острог.*

Господину князю Осипу Ивановичю Федор Полибин челом бьет. В нынешнем, господине, во 156-м году марта в 4-й день писал ко мне в Енисейской острог с Красново Яру воевода Михайло Дурной, что в нынешнем же во 156-м году пришли ясатчики ис Тубинской земли, а были де они в Киргизах, в то де, господине, время были от Алтына царя в Киргизах и в Тубе и збирали ясак на Алтына царя по 5 соболей с лука; да у них же де, господине, прошали 400 куяков да дву сот наручей; и прежде того, господине, у них таких запросов не бывало; а чают де, господине, они на себя мунгальских и колмацких людей большого приходу и говорят де они, колмацкие послы, что колмаки хотят итти войною на государевы сибирские городы. И мне, господине, в Енисейском остроге велеть жить с великим береженьем, чтоб колмацкие и мунгальские люди уезду не повоевали. А в Красноярском де, господине, остроге свинцу нет, а в Томской де, господине, о свинце он писал: и чтоб, господине, прислать из Енисейского из государевы казны в Красноярской острог взаймы 10 пуд свинцу. И по той, господине, Михайлове отписке велел я в Енисейском остроге и в уезде жить с великим береженьем. А свинцу, господине, я к нему, Михайлу, в Красноярской острог без государева указу послать не смел, что в Енисейском остроге в государеве казенном погребе свинцу за роздачею, как пойдут служилые люди на государеву службу, в остатке будет немного. И о том бы, господине, велеть мне государев указ учинить: на Красной Яр без государеву указу из Енисейского острогу свинец посылать ве̇лиш.

Марта в 24-й день з Дмитрием Копыловым.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, с. 410, 411.

106. *1648 г. ноября 29. — Грамота в Якутск воеводе Дмитрию Францбекову о поверстании казака Никифора Аргамакова в пятидесятники.*

От царя и великаго князя Алексея Михайловича всеа Русии в Сибирь на великую реку Лену в Якуцкой острог воеводе нашему Дмитрею Андреевичю Францбекову да дьяку нашему Осипу Степанову. Бил нам челом великие реки Лены Якуцкого острогу пешей казак Микифор Аргамаков, а сказал: в прошлых де годех служил он в Томском городе у пеших казаков в пятидесятниках многие наши отъезжие службы 20 лет, и в прошлом во 146-м году сотник князь Иван Ромодановской послал ево ис Томского города на Алдан реку в наше ясачное зимовье к атаману к Дмитрию Копылову с товарыщи с отписками, и он де на Алдане и на великой реке Лене служил четыре годы с своею братьею вместе, а нашего жалованья на те четыре года ему не дано. Да ево ж де Енисейского острогу атаман Максим Перфильев посылал с 10 человеки на Витим реку на ослушниках на якутах ясак имать, и он де на Витиме реке взял аманата князца Койбака, а ясаку де на тех якутах взяли 2 сорока соболей, и как де на великую реку Лену в Якуцкой острог стольник Петр Головин с товарыщи приехал, и которые де ево братья Томского города казаки служили на Лене, и он де, Петр, всех из Якуцкого острогу отпустил в Томской, а ево де оставил в Якуцком остроге и велел ему нашу службу служить на Лене и наше де жалованье со 151-го году велел ему давать рядовое, а не против ево братьи пятидесятников, а нам бы ево пожаловать:

велети ево в Якуцком остроге поверстать в пятидесятники. И как де к вам ся наша грамота придет, и вы б ему, Микифору, велели на Лене в Якуцком остроге быти в пятидесятниках и нашим денежным и хлебным жалованьем поверстали ево против ево братьи пятидесятником. Писан на Москве в лета 7157-го году ноября в 29-й день.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 30, л. 169–169об.

107. *1649 г. не ранее марта 27. — Отписка тюменского воеводы Селивестра Чеглокова туринскому воеводе Василию Кокореву о калмыках, бывших на реке Берневке.*

Господину Василью Борисовичю Селиверст Чоглоков челом бьет. В нынешнем во 157-м году марта в 27 день писал ко мне на Тюмень с Верхотурья воевода Раф Всеволожской, что же в нынешнем же во 157-м году марта в 21 день писал де к нему на Верхотурье Верхотурсково уезду с Ирбити земской староста Стенка Шипицын: марта де в 16-й день прибежал с вестью в Ирбицкую слободу брата ево Ивашка Шипицына <сын> на Исеть для рыбного промыслу, и марта де в 11-й день поутру ловил де он на речке Берневке животину, и приехали де к нему ис степи на конях верхами 5 человек с луками и с стрелами и говорят по-своему, и он де языка их и какие они люди не знает, а платье де на них тулупы и малохаи и сапоги калмытцкие, и ево де, Федьку, поимали и связали, и руки де у него были связаны в рукавицах, и сняли с него крест да отняли... да хлеб, и усмотрели де они на той же речке во лесе ево, Федькина, товарыща Исаяка Чапурина и к нему Исаяку поехали, а ево же, Федьку, оставили связана, и как де они заехали за мыс и ему де их стало не видать, и он де, Федька, с рук у себя рукавицы спустил, и розвязался, и збежал на берег на высокое место, и видел де он, Федька, за мысом в долу за рекою на конях стоят многие люди, и какие де люди, того он не ведает же. И убоялся де, збежал он в колок и в колке де лежал до вечера, а по вечеру же прибежал на стан к товарищам своим и им де про то сказывал, и они де, убояся, побежали в лесное место, и он де, Федька, с теми вестми побежал в Ирбицкую слободу. Да в нынешнем же во 157-м году марта в 14 день и в 15 числех писали ко мне на Тюмень Тобольсково... Нижней и из Верхней Ницынских и из Чюбарова слободы прикащики Федор Воронов, да Данило Аршинской, да Федор Яковлев, что в Нижнюю Ницынскую и в Киргинскую слободы прибежали с Исети реки пашенные крестьяне: в Нижнюю Ницынскую слободу Гришка Федоров с товарыщи, 4 человека, а в Киргинскую слободу Пронька Васильев с товарыщи, 4 ж человека, а в роспросе де прикащиком сказали: были де они на Исете для рыбной ловли на урочище усть реки Барневки, наехали де на них колмацкие люди человек с 30 и на стане у них пограбили котлы, и топоры, и огнива, и хлеб, и рыбу и с них поснимали кресты, а с лошадей узды, и рыбные снасти, пешак, и крюки, и их де били плетьми, а пограбя де их, поехали по Исете реке вверх тою ж сакмою, откуда приезжали; а Пронке де Васильеву те калмытские люди сказались: мы де улусу Талаи тайшина; да кигинских де пашенных крестьян 2 человек Мороска Степанова да Родку Малкова неведомо де убили, неведомо де живых взяли. И марта в 18 день по тем отпискам посылал я с Тюмени в поле до тех урочищ, где тех пашенных крестьян колмацкие люди грабили, тюменского сына боярского Илью Бакшеева да с ним 10 человек конных стрельцов и казаков юртовских служилых татар и велел им в поле розъезжать и росмотреть и проведать, какие люди: калмытцкие ль или иные какие

воры были; и тюменской сын боярской Илья Бакшеев с товарыщи в поле на Исеть и усть Барневки реки ездили и, приехав, доезду своего подали мне в съезжей избе доездную память, а в доезде у них написано: тюменской сын боярской Илья Бакшеев с служилыми людьми приехал на Исеть на усть Барневки реки, и знатно де калмыцкая сакма на усть Барневки реки большая, а та де Берневка река впала в Исеть реку, и приход де был колмацких людей с верх Исети, промеж Исети и Барнавки реки, и на станех де, где стояли русские люди и слобод пашенные крестьяне для рыбной ловли, знать же, что калмытцкие люди тех рыболовей грабили и рыбные снасти ломали, а по смете де было колматцких людей человек с 50, а лошадей за 100, а оттуды де с усть Берневки реки калмытцкие люди пошли назад тою же сакмою по Исети реке вверх. И тебе б, господине, те вести были ведомы.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 6, лл. 138–139.

108. *1649 г. не ранее мая 13. — Отписка в Москву енисейского воеводы Федора Полибина о наводнении в Енисейске.*

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии холоп твой Фетка Полибин челом бьет. В нынешнем, государь, во 157-м году маия в 13-й день волею Божиею, за умножение грех ради наших, пришла тунгуская и ис под Красново Яру енисейская и из иных изо многих рек вешняя вода большая вдруг вскоре, и Енисейской, государь, острог, и посад, и церковное богомолье, и церковь соборную, и иные церкви и колокольни, и в остроге гостин двор, и твой государев казенный зеленной и винной погреб, и твои государевы старые анбары с твоими государевыми ленскими хлебными запасы, старые тобольские присылки, и за острогом и за посадом твои государевы житницы с твоею государевою покупною ж рожью, которые житницы ставлены при прежних воеводах, тою большою водою потоплено, и у многих енисейских у служилых и у посадских людей избы и дворы на посаде совсем снесло. А енисейские, государь, дети боярские и атаманы и служивые и посацкие люди от тое большие воды з женами и з детьми сидели поверх высоких хором, збираясь вместе, семей по 5 и по 6 и больше. И я, холоп твой, из твоего государева казенного погреба зелье, и свинец, и вино велел выносить на Енисей реку в судно. И та, государь, вода стала на мере. И я, холоп твой, послал в лотках из съезжей избы выборных целовальников Сергушку Колмагора да Лучку Трескина к головам, и к детем боярским, и к отоманом, и к служилым и к посацким людем, чтоб оне к съезжей избе ко мне, холопу твоему, приехали в лотках. И как, государь, ко мне, холопу твоему, головы и дети боярские и служилые и посацкие люди в лотках к съезжей избе почели приезжать, и я, холоп твой, велел енисейским служилым людем и посацким людем велел с Енисея реки к твоим государевым хлебным житницам к покупной ржи привесть дощеники и ис тех твоих государевых житниц твой государев сухой хлеб, покупную рожь снимая с верху до моклой ржи, в дощениках велел возить в Спаской монастырь для поспешенья без меры и в кельи. А как, государь, та большая вода из Енисейского острогу и с пасаду и с лугу, где твои государевы житницы стоят, слилася, и те твои государевы житницы обсохли.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, с. 424–426.

109. *1649 г. не ранее мая–июня. — Отписка в Москву енисейского воеводы Федора Полибина о втором наводнении в Енисейске и уезде и о гибели яровых хлебов.*

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии холоп твой Фетка Полибин челом бьет. В нынешнем, государь, во 157-м году маия в 13-й день волею Божиею за умножение грех ради наших, тунгусская и ис пот Красново яру енисейская и из иных изо многих рек пришла вешняя большая вода вдруг вскоре, и Енисейской, государь, острог, и посад, и твое церковное богомолье церкви божии и колокольни, и гостиной двор, и ряды все, и твой государев казенной зеленной погреб, и твои государевы старые анбары тоболские прежние присылки с хлебными запасы, и твои государевы житницы с твоею государевою покупною рожью, и в селех и в деревнях твои государевы житницы, и крестьянские хлебы тою вешнею большою водою потопило, и хлеб размыло и снесло. А как, государь, та вешняя большая вода с полей и с лугов слилась и пашенная земля просохла, и я, холоп твой, выбрав лутчих енисейских служилых людей, коих мочно в твоей государеве пашне верить и пашня им за обычаи, и послал по всем селам и деревням вверх и вниз Енисея реки к старостам и к целовальником, велел им на тебя, государя сеять десятины ярью потому ж. И твои государевы крестьяне били челом тебе, государю, что у них яровые и ржаные семена все подмочило и водою розмыло и рознесло, и сеять им на себя яри и ржи нечем. И я, холоп твой, видя их от воды разоренья, что им сеять нечем, и велел им давать ис твоих государевых житниц овса и ячменя взаймы, в кабалы с поруки, и велел им после твоих государевых десятин пашни их пахать и насеять попрежнему, чтоб им вперед было чем сытым быти и голодною смертью не умереть и ис твоей государевы сибирские дальние вотчины не розбрестися, и твои государевы десятины и их крестьянские пашнишка посеяны были по-прежнему. И волею, государь, Божиею после тое вешние большие воды пришла другая вода большая и стояла долгое время, и те твои государевы села и деревни, и насеяные яровые твои государевы десятины, и их крестьянские хлебы ржи и яри, и посадцких людей пашни и сенные покосы потопило все, и корень ржаной и ярь выломило, и песком и илом нанесло в пояс в человека и больши, и твой государев насеяной ржаной и яровой хлеб и крестьянские насеяные хлебы от тое другие воды вверху и внизу по обе стороны Енисей реки, по досмотру и по скаске пашенных крестьян, и старост, и целовальников, и енисейских служилых людей, коим по твоему государеву указу над пашенными крестьяны за твоею государевою пашнею сеять и смотрить и беречь приказано, сказали мне, холопу твоему, в съезжей избе, что твой государев аржаной и яровой насеяной хлеб и крестьянские и посацких людей насеяные хлебы все без остатку водою вымыло и песком и илом занесло, и хлеб ис под песку и ис илу наверх земли не вышел.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, с. 426–428.

110. *1649 г. не ранее июня 23. — Отписка в Москву туринского воеводы Василия Кокорева о полученных вестях про поход царевича Бугая и калмыков под сибирские города и уезды, о недостатке служилых людей в остроге и о присылке прибавочных конных служилых людей.*

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии холоп твой Васька Кокорев челом бьет. По твоему государеву цареву и великаго князя Алексея Михайловича всеа Русии указу велено мне, холопу твоему, ис Туринского послать

в проезжие станицы детей боярских, и литву, и конных казаков и про нагайских, и про калмытцких, и про Ишимовых детей, и про всяких воинских людей велеть проведывать, где они кочюют, и в которых местах и сколько с ними людей, и что их умысл, и не чаят ли к которым сибирским городам и к острогам и на волости приходу, чтоб, собрався, калмытцкие и иные какие воинские люди к Туринскому острогу и на волости безвестно не пришли и дурна какова не учинили. И в нынешнем, государь, во 157-м году июня в 23 день писал ко мне, холопу твоему, с Тюмени воевода Селиверст Чоглоков, а к нему писали ис Тобольска твой государев стольник и воевода Василей Борисович Шереметьев: *приехали де в Тоболеск ис калмытцких улусов от Девлеткирея да от Бугая царевичей тобольские служилые люди Федка Волков с товарыщи, которые посланы были к ним царевичам в посланниках, и в роспросе сказали: слышали де они в калматцких улусех от сибирских татар, которые емлены к царевичам в полон, что Бугай царевич прислал к брату своему к Девлеткирею царевичю и звал де ево под сибирские городы войною, да и тайши де калмытцкие к нему, Девлеткирею, людей своих прислали, а зовут де ево воевать сибирские ж городы, и уезды, и волости, а хотят де итти войною под городы и на уезды летним путем в то время, как руские люди учнут сена косить и жать хлеб; и те б, государь, вести были ведомы и жить бы мне, холопу твоему, в Туринском с великим береженьем**. И в Туринском, государь, остроге всего 2 сына боярских, 50 человек стрельцов, и те служат пешую службу и посылают их на твою государеву службу в Тоболеск за хлебными запасы человек по 30 да за опальными людьми человек по 10 и больши, да они ж, служилые люди, стоят на заставах для беглых всяких людей, а в Туринском, государь, от служеб оставаетца человек по 5 и по 6, и больши 10 человек в Туринском остроге служилых людей летнею порою и не оставаетца, и те беспрестанно на остроге караулы караулят; а конных казаков в Туринском нет, в проезжие станицы по вестям для приходу калмыцких и всяких воинских людей в подъездах посылать неково. А степь, государь, пришла к Туринскому острогу и на уезде от приходу калмытцких воинских людей блиско. А как, государь, в прошлом во 150-м году приходили Тобольского уезда под Чюбарово городище калмытцкие люди войною, и от Туринского острогу всего в 30-ти верстах, и около Туринского острогу и уездов и татарских волостей от приходу калмытцких людей... учинить никакими мерами немочно, что прилегли к уездам и к волостям степи. И мне, холопу твоему, Туринского острогу и уездов от колматцких воинских людей сберечь будет и в проезжие станицы и на вести послать неково бес конных служилых людей некем. И о прибавочных служилых людех писал я, холоп твой, в Тоболеск к твоему государеву стольнику и воеводе к Василью Борисовичю Шереметьеву, кем Туринской острог и уезды от колмацких воинских людей оберегать и ково в проезжие станицы и на вести ис Туринского острогу посылать. И ис Тобольска, государь, ко мне, холопу твоему, писано: велено о прибавочных служилых людех писать мне, холопу твоему, об указе к тебе государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии, вели мне, холопу своему, государев указ учинить. А что, государь, учинитца без служилых людей поруха какая над Туринским острогом и над уездом от приходу калмытцких и всяких воинских людей, и мне б холопу твоему от тебя государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всеа Русии в опале не быть.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 6, лл. 139–140.

*Текст, поставленный между знаками * и **, повторяется в прилож. № 111.*

111. *1649 г. не ранее июня 24. — Отписка туринского воеводы Василия Кокорева тобольскому воеводе стольнику Василию Шереметеву о вестях про царевича Бугая, о недостатке служилых людей в Туринском остроге и присылке указаний, как охранять от калмыков Туринский уезд.*

Господину Василью Борисовичю Василей Кокорев челом бьет. В нынешнем во 157-м году июня в 23 день писал ко мне с Тюмени в Туринской острог воевода Селиверст Чоглоков, что в нынешнем же де во 157-м году июня в 19 день писал ты, господине, ис Тобольска к нему на Тюмень: *Далее следует текст, поставленный в прилож. № 110 между знаками * и **, после чего следует:* И в Туринском, господине, служилых людей и с пушкари 56 человек; и ис того числа посланы с Туринского ко государю к Москве з государевою ясачною казною служилых людей 4 человека да за верхотурскими хлебными запасы в Тоболеск 20 человек, и июня по 24-е число в Туринской острог те служилые не бывали, да в Туринской уезд на заставы посылали мы служилых же людей по 5-ти человек и больши за опальными людьми в провожатых по 10-ти человек. А которые служилые люди от служеб оставаютца в Туринском остроге, и те беспрестанно на остроге караулы караулят. А в проезжие станицы ис Туринского по колмацким вестям посылать некого, потому что в Туринском конных служилых людей нет, и обереч будет Туринского острогу и уезду туринскими служилыми людьми некем. А что, господине, от колмацких воинских людей над Туринским острогом или над уезды без служилых людей которое дурно учинитца, и мне бы от государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всеа Русии в опале не быть. А в прошлых, господине, годех по государеву указу и по тобольским отпискам по колмацким вестям для обереганья и проезжих станиц в Туринской острог служилые люди посылываны с Тюмени. И тебе, господине, по государеву указу велеть ко мне о том для ведома отписать, кем будет Туринской острог и уезды от колматцких воинских людей оберегать и на вести в проезжие станицы посылать.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 11, лл. 135–136об.

112. *1649 г. июля 29. — Расспросные речи тобольских служилых людей Федора Иванова и Байбагиша Якшигулова о посольстве в калмыцкие улусы к Ирдени-контайше, о сношениях с ним и об отказе уфимского воеводы Дмитрия Долгорукого принять посланных с ними калмыцких послов.*

157-го года июля в 29 день приехали из калмыцких улусов от Иртени контайши посланники тобольские служилые люди Федька Иванов да юртовской татарин Байба[г]ишко Якшигулов, а в съезжей избе стольнику и воеводам Василью Борисовичю Шереметьеву да Тимофею Дмитриевичю Лодыгину да дьякам Третьяку Васильеву да Василью Атарскому в роспросе сказали: посыланы де они, Федка и Байбагишко, ис Тобольска в Калмыки к Ирдени контайше в посланниках в нынешнем во 157-м году, и шли ис Тобольска до улусы 4 недели, и наехали де они Ирдени контайши улус на урочище на Иргызе, а что де с ними, с Федькою и з Байбагишем, послано было к Ирдене контайше царскаго величества жалованья полчетверти аршина сукна и костры ж лазоревого, и те де государево жалованье сукно они, Федка и Байбагишко, Ирдене контайше поднесли; и тайша де то государево жалованье принял честно и на государской милости бил челом; а жили де они у Ирдени контайши в улусе 7 месяцев, а живучи слышали, что Ирдень контайша с Юрлоковыми людьми и с контайшею

Каракулиным сыном меж собою воюютца, а при них де Ирдени контайша в поход никуды не ходил; а приезжали к нему в улус для миру Кунделен да Доен Онбо... тайши с своими людьми и иные многие тайши, чтоб ево, Ирденя контайшу, с Урлюковы людьми и с контайшею Каракулиным помирить, и Ирдени де тайша мирится не хочет, и Кунделен де и Доен Анбо тайши с своими людьми и иные тайши, которые с ним на миру были, поехали от Ирдени контайши для того же миру к Урлюковым людем в улус; а на государевы де городы, и на слободы, и на уезды, и на волости от Ирдени контайши и от ево улусных людей и от иных тайш, живучи в улусех, войны они не слыхали. А из улуса де от себя отпустил их Ирдени контайша с послами своими на Уфу, а послов с ними и с кашевары с торговыми калмыки отпущено было человек з 200, а в Тоболеск их прямо степью не послал, для того что Ирдени контайша Урлюковых людей с их кочевий збил и стал на тех кочевьях сам он, Ирденя, своим кочевьем, а то де кочевье близко Уфы, да и для того их отпустил тайша на Уфу, чтоб Урлюковых людей на Уфе и в Уфинском уезде оберегалися и от них Уфимскому уезду дурна какова не было; а он, Ирдени контайша, з государевыми людьми мирен; да о том ему, Фетке, и Байбагишку, приехав на Уфу, велел воеводе сказать имянно. А ехали де они из колмацково улусу до Уфы 15 ден. А приехав к Уфе, калмыцких послов оставили на урочище на Урчике речке, от города верст за 20, а сами поехали в город и, приехав в город, в съезжей избе воеводе князю Дмитрею Долгорукому Ирдени тайши приказ сказали; и воевода де им, Федке и Байбагишку, сказал, что калмытцких послов никоторого тайши на Уфу примать ему не велено, и послал из города служилых людей человек со 100 и тех послов с урочища с Урчики речки велел збить, а как де служилые люди колмацких послов збили, и сами пришли при них же, Фетке и Баибагишке, на Уфу, а калмацкие послы пошли в свои улусы. А слушали де они, Федка и Байбагишко, на Уфе, что башкирские татаровя тех калмыцких послов на дороге погромили. А с Уфы де их, Фетку и Баибагишка, воевода князь Дмитрей Долгоруков отпустил в Тоболеск по Казанской дороге, по которой ездят ис Тоболеска и с Тюмени русские люди и татарове в Казань с товары.

Июля в 29 день.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 11, лл. 131–132.

113. *1649 г. октября 12. — Расспросные речи татар, бежавших от калмыков тайши Тоялбы, кочевавших за Тоболом, в Тюменском уезде.*

158-го года октября в 12 день прибежали ис поля тюменские служилые, и захребетные, и ясашные татаровя Енто Гаев, Ивашко Табасов с товарыщи, 7 человек, а на Тюмени в съезжей избе воеводе Селиверсту Александровичю Чоглокову в роспросе сказали: были де они в поле на зверовье за Тоболом на урочище на Манязы, на промыслу на Тукман, от Тюмени в 6-ти днищах, и приехав де к ним на стан калмыцкие воинские люди 30 человек, а иные, не доехав их, стали, по смете человек с 500, и они де, увидя калмыцких людей, 5 человек убежали в крепкие места, а 2 человек, на стану их поимав, связали, и что де на стану у них какова борошню, и платья, и запасу, и промыслу было, все пограбили и одново де товарыща их Ивашка Табасова связана взяли с собою в улус к тайше своему Тоялбу возили, а другово покинули; и в улусе калмацково тайши лутчей человек ему, Ивашку, говорил: их де тайша Тоялбу з государевыми людьми мирен, задору чинить не велит, потому де тюменские татара из их

улусу лошади их покрали, а ныне де приходили с Тюмени тюменские татара и украли де у них из улуса 100 лошадей, и тайша де их Тоялбу посылал за теми татары гонять своих калмыцких людей 500 человек и велел тех татар, поимав, побить, и они де гнали за ними 3 дня и… пошли на Тюмень, и под Тюмень де они не пошли, воротились назат; и Тоялбу де тайша приказал людем своим, где зъехав татар на зверовье, за те лошади грабить; и в другой день ево, Ивашка, дав ему жеребенка, а добрую у него лошадь взяли; и он де, Ивашко, приехав на старой свой стан, собрався с товарыщи своими, прибежали на Тюмень, а тот де тайша Тоялбу кочюет от Тюмени в 7-ми днищах.

ПФА РАН, ф.21, оп. 4, д. 8, л. 152–152об.

114. *1649 г. не ранее ноября 18. — Отписка приказчика Нижней Ницынской слободы Федора Воронова туринскому воеводе Василию Кокореву о вестях про калмыков на реке Миясе.*

Господину Василью Борисовичю Федор Воронов челом бьет. В нынешнем во 158-м году ноября в 18 день прибежал ис поля з зверовья в Нижнюю Ницынскую слободу тюменской ясашной татарин Устьбердиевых юрт Шахимко Кутаделетов, а в судной избе в роспросе мне сказал: были де они з братом своим с Янгурчею на зверовье за Исетью рекою на Миесе речке, и слышали де они от уфинских татар от Кузаметко, да от Кучюкобайка, да от Аеичика, а отцов их имян не упомнит, что видели де они, Кузаметко с товарыщи, за Исетью рекою на Ургамыше речке калмытцких больших людей, а сказали им, Шахимку и брату ево Янгурче, что де идут к Тюмени, а они де, Кузаметко с товарыщи, просидели в колках, а какие люди — царевичевы или калмытцких которых тайш, и про то де они, Кузаметко с товарыщи, им не сказали; и после де того в третий день видел брат ево Шахимков Янгурча: грабят колматцкие люди на Миесе реке у бору на… тюменских же ясачных тотар Илигайка Аткулова с товарыщи, а убили ли ево, Илигайка, и товарыщев калмытцкие люди или в полон взяли и сколько человек по смете их было, и про то де они не ведают, потому что де брат ево Янгурча, убоясь калмытцких людей, побежал вскоре для вести на стан к нему, Шахимку, и к товарыщам своим; а пришли де калмытцкие люди на них из-за Тоболу реки, а пограбя де их, куда пошли, и тово де они не ведают же, а как де тово Илигайка с товарыщи грабили калмытцкие люди, и тому де ныне четвертый день. И тебе б, господине, те вести были ведомы.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 6, лл. 144об.–145.

115. *1649 г. не ранее ноября 28. — Отписка тюменского воеводы Селивестра Чеглокова туринскому воеводе Василию Кокореву о полученных вестях про намерение калмыков идти войной на Тобольск и Тюмень.*

Господину Василью Борисовичю Селиверст Чоглоков челом бьет. В нынешнем во 158-м году ноября в 28-й день писал ис Тобольска стольник и воевода Василий Борисович Шереметьев ко мне на Тюмень: в нынешнем же во 158-м году ноября в 10-й день приехали ис Калмыков в Тоболеск от Далай Убаши тайши тобольские конный казах Дружинка Карпов да юртовской служилой татарин Ишкипя Бектемиров, а в роспросе сказали: как де они ехали в Калмаки, и им сказала в калмыцких улусех русская поло-

нянка, что хотят калмыцкие люди итти под Тоболеск и под Тюмень войною за то, что послали де было колмацкие тайши на Уфу послов своих, и уфинские де татаровя их тех послов человек со 100 побили; и про те вести велено мне к тебе в Туринской отписать. И тебе б по государеву цареву и великаго князя Алексея Михайловича всеа Русии указу велеть в Туринском остроге от калмытцких воинских людей жить с великим береженьем. Да и в слободы б тебе Туринского уезду велеть отписать про те вести.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 6, л. 145–145об.

116. *1649–1650 гг. — Отписка тобольского воеводы стольника Василия Шереметева верхотурскому воеводе Рафу Всеволожскому о поручении исетскому казаку Давыду Андрееву призывать в пашенных городах и уездах Тобольского разряда в крестьяне в новый острог на Исети и о высылке туда из Верхотурского уезда стрельцов и крестьян для острожного ставленья.*

Господину Рафу Родионовичю Василей Шереметьев челом бьет. *В нынешнем во 158-м году по государеву цареву и великаго князя Алексея Михайловича всеа Русии указу велено исетцкому конному казаку Давыдку Андрееву Тобольского разряду в пашенных городех — на Верхотурье, в Туринском, на Тюмени, на Пелыме — и тех городов и Тобольского уезду в слободах призывати в новой острог на Исеть реку, на Красной Бор, во крестьяне гулящих и иных вольных охочих добрых людей на льготные годы на 6 лет. Да ему ж велено взяти у тебя на время, покаместа он на Верхотурье и в Верхотурском уезде в слободах побудет, для крестьянского призыванья бирича, да для острожново ставления указано к нему, Давыдку, послать с Верхотурья на Исеть реку, на Красной Бор, верхотурских стрельцов 20[а] человек с ружьем же да пашенных крестьян[б] из Верхотурсково уезду из Ирбицкие слободы 15 человек, из Ницынские слободы 10 человек[в] с лошадьми и с санми, а летним путем с лошадьми ж, и с телегами, и с топоры, и з заступы, и с кирки, и с лопаты. И как Давыдко Андреев на Верхотурье приедет, и тебе б по государеву цареву и великаго князя Алексея Михайловича всеа Русии указу велети ему дати бирича и на Верхотурье в городе и в Верхотурском уезде велел и в слободах в новой острог на Исеть реку, на Красной Бор, гулящих и иных вольных охочих добрых людей во крестьяне призывати ему велеть; да ему ж, Давыдку, дати верхотурских стрельцов 20 человек с ружьем да пашенных крестьян Верхотурсково уезду Ирбицкие слободы 15 человек, Ницынские слободы 10 человек с лошадьми и с санми, а летним путем посылати тех крестьян на Исеть с лошадьми и с телеги, да тем же крестьяном велети имати с собою на Исеть для острожного дела на 10 человек по 4 заступа, да по 2 кирки, да по топору, да по лопате человеку, а у которых ружье есть, тем и ружье велеть имать с собою, у ково что есть. А велети служилым людем и пашенным крестьяном на Исете для острожново дела быти по переменам, помесячно или как пригоже, до тех мест, покаместа острожной лес высекут, и острог поставят, и церковь в том остроге воздвигнут. Да в тех же бы служилых людех и в пашенных крестьянех были иные и плотники. А как Давыдко с Верхотурья в Туринской или в слободы поедет, и тебе б под него и под дьячка, который ему дан ис Тобольска для письма, велети дати подводы. А которово числа Давыдко на Верхотурье приедет, и с Верхотурья ево на Исеть с служилыми людьми и с пашенными крестьяны отпустишь, и тебе б о том отписати ко мне в То-

болеск, не замотчав. А как на Исете острог поставят и церковь воздвигнут, и верхотурских служилых людей и Верхотурсково уезду крестьян велено отпустить с Исети, стрельцов на Верхотурье, а крестьян в слободы тотчас**.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 2, лл. 253–254.

*Текст, поставленный между знаками * и **, повторяется с небольшими отличиями в прилож. № 118. Варианты по прилож. № 118:* [а]16; [б]*вместо:* из Верхотурсково уезду... 10 человек, *здесь*: 50 человек; [в] ис Туринского на Верхотурье.

117. *1649–1650 гг. — Отписка тобольского воеводы стольника Василия Шереметева верхотурскому воеводе Рафу Всеволожскому о дополнительной посылке верхотурских крестьян на Исеть для острожного ставленья.*

Госпоину Рафу Родионовичю Василей Шереметьев челом бьет. В нынешнем во 158-м году писано к тебе из Тобольска, а велено послати из Верхотурсково уезду, из Ирбицкой да из Ницынской слобод, на Исеть для острожного ставленья пашенных крестьян 25 человек, да к тому ныне в прибавку помечено послать из Ирбицкие ж, да из Ницынские, да из Белослуцкие слободы пашенных крестьян на Исеть для острожного ставленья пашенных крестьян из Ирбицкие, и из Ницынские, и из Белослуцкие слобод 40 человек. И тебе б по государеву цареву и великаго князя Алексея Михайловича всеа Русии указу велеть послати на Исеть для острожного ставленья из Ирбицкой, да из Ницынской, да из Белослуцкой слобод пашенных крестьян 40 человек с лошадьми, и с топоры, и с кирки, против прежней моей отписки, как к тебе писано наперед сего. А которово числа крестьян пошлешь, и тебе б о том отписать ко мне в Тоболеск.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 2, л. 254–254об.

118. *1649–1650 гг. — Отписка тобольского воеводы стольника Василия Шереметева туринскому воеводе Василию Кокореву о поручении исетскому казаку Давыду Андрееву призывать в пашенных городах и уездах Тобольского разряда в крестьяне в новый острог на Исети и о высылке туда из Туринского уезда стрельцов и крестьян для острожного ставленья.*

Господину Василью Борисовичю Василей Шереметьев челом бьет. *Далее повторяется текст, поставленный в прилож. № 116, между знаками * и**, с указанными в вариантах отличиями.*

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 6, лл. 149об.–150.

119. *1650 г. января 21. — Грамота в Тобольск стольнику и воеводе Василию Шереметеву с товарищами о торгах с калмыками в Тюменском уезде.*

От царя и великаго князя Алексея Михайловича всеа Русии в Сибирь, в Тоболеск, стольнику нашему и воеводам Василию Борисовичю Шереметьеву да Тимофею Дмитриевичю Ладыгину да дьяку нашему Третьяку Василеьву да Василью Атарскому. Писали есте к нам, что в прошлом во 154-м году в нашей грамоте писано в Тоболеск к боярину нашему и воеводам к Ивану Ивановичю Салтыкову с товарыщи: велено высмотрить того накрепко, как бы вперед калмацких тайшей от того отвесть,

чтоб они на Тюмень послов своих ни о каких делах не присылали, и для того, чтоб им тюменских мест и наших слобод не знать и воинской бы их приход на те наши слободы тем унять; а присылали б они, калмацкие тайши, о всяких делах послов своих и с продажными лошадьми и скотом в Тоболеск; а высмотря, велено о том отписать на Тюмень: будет вперед учнут калмацкие тайши присылать о каких делех послов своих или с торги на Тюмень, и тем колмацким послам велено отказывать и отсылать их совсем в Тоболеск, как бывало ис Тары, потому что на Тюмени калмыцких послов не приимывали и торгов им не давывали, и опричь Тобольска, и Томского, и Тары калмацких послов ни в которые сибирские городы принимать и торговать с ними не пристоит; и тот де наш указ боярин наш и воевода Иван Иванович Салтыков ис Тобольска на Тюмень к прежним воеводам к Ивану Бобрищеву Пушкину да к Ивану Тургеневу писал. И в прошлом во 157-м году писал в Тоболеск к тебе, стольнику нашему и воеводе к Василью Борисовичю, с Тюмени воевода Селивестр Чоглоков: июня де в 19 день да июля в 16 числех приходили на Тюмень на Пышму реку калмацкие Тояна Убаши тайши посол Урус с товарыщи, 12 человек, да Кунделеня тайши торговых калмыков 10 человек с продажными лошадьми, и он де, Селиверст, посылал тем колмацким послам на Пышму реку тюменских сотников стрелецких и подьячих да толмача и служивых людей, а велел им тех калмыцких послов и торговых людей за Пышмою рекою остановить и наш указ им сказать, что по оному указу их, калмыцких послов и торговых калмыков, на Тюмени принимать и торгов им давать не велено, а велено их со всем отсылать в Тоболеск; и калмацкие де послы сотнику и с подьячими говорили: послал де их Тоян Убаши тайша на Тюмень, а не в Тоболеск, а велел нам бити челом, чтоб их послов с торгом принять на Тюмени и дать им торг повольный, а к нему б, тайше, послать с Тюмени наших посланников; а только де их на Тюмени не примут, а им де со всем итти назат к тайше своему в Калмыки, а в Тоболеск не хаживать; а в прошлом де во 155-м году он же, посол, приходил от тайши своего на Тюмень, и ему де на Тюмени торг дан, а после де того от них, калмацких людей, воровства никакова не бывало и впредь не будет. И тебе б, стольнику нашему и воеводе Василью Борисовичю, к нему, Селиверсту, отписать, что колмацким послом на Тюмени торг давати. И ты де писал к нему, Селиверсту, чтоб он тем калмыцким послом учинил против нашего указу. И Селиверст де Чеглоков писал к тебе, чтоб он по нашему указу по отписке твоей калматцких послов и торговых колмаков Уруса с товарыщи с Тюмени в Тобольск отсылал, и те де послы били нам челом, чтоб велели им торговать по-прежнему на Тюмени, а будет де им на Тюмени торгу не дадут, и они де, пометав свои лошади, поедут к себе в Калмаки, а в Тоболеск не идут; и он де им, калмыцким людем, велел торговать против прежнего у Ондреевского озера для того, чтоб от тех тайшей за то задору не было. Да и в прошлом де во 156-м году писал ис Тобольска на Тюмень боярин наш и воевода Иван Иванович Салтыков к прежнему воеводе к Ивану Тургеневу, а велел колмацким послам лошадьми и иною животиною торговать на Пышме, а буде на Пышме торговать не похотят, и им велено торговать у Ондреевского озера, где и наперед того торговали; и как де те колмацкие послы Урус с товарыщи исторговались, и он, Селиверст, отпустил их с Тюмени в Калмыцкие улусы теми же месты, которыми они на Тюмень пришли. А в нынешнем во 158-м году, приезжая с Тюмени в Тоболеск, служивые и всякие люди сказывали вам в Тоболеску, что в нынешнем во 158-м году приходили на Тюмень ис колмацких улусов от разных тайшей с продажными лошадьми

и с иною животиною калмацкие послы и торговые люди дважды, а Селиверст де тем колмакам торговать велел по-прежнему у Ондреевского озера; а к тебе, стольнику нашему и воеводе к Василью Борисовичю, о том не писывал. А те урочища, на которых колмацкие послы торгуют, Пышма и Ондреевское озеро, по скаске тюменского казачьего головы Сергея Ушакова, от Тюмени не блиско, в верстах 15-ти, и только де вперед на те места учнут приходить с торгом многие колмацкие люди и на тех торгех обманом над нашими людьми, которые с ними торговать учнут, учинят какое дурно: побьют их или поемлют, и вам бы от нас в том в опале не быть. И от нас писано в Сибирь на Тюмень к воеводе к Селиверсту Чоглокову, а велено ему о колмацких и торговых приходех писать в Тоболеск к тебе, стольнику нашему и воеводе к Василью Борисовичю. И как к вам ся наша грамота придет, а с Тюмени воевода Селиверст Чоглоков о колмацких приходех и о торгех в Тоболеск о указе к тебе, стольнику нашему и воеводе к Василью Борисовичю, писати учнет, и вы б по прежнему нашему указу и по сей нашей грамоте о тех тюменских калмыцких торгех и о послех высмотрели гараздо накрепко и делами о тех тюменских калмацких торгех и о послех, примирясь к прежнему и смотря по тамошнему делу, чтоб однолично вашим высмотром в том нашему делу ни в чем никакой порухи не бывало, и за тем бы тюменские калмыцкие торги с калмацкими тайши и с их улусными людьми и уезды напрасные войны не навесть. Писан на Москве лета 7158-го генваря 21 день.

На обороте: Дьяк Григорий Протопопов. Справил подьячей Ивашка Селитцын.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 11, лл. 132–135.

120. *1650 г. февраля 22. — Грамота в Енисейск воеводе Афанасию Пашкову о даче посадскому человеку Андрею Свешнину земли под «плавильню», двор и пашню в том месте Енисейского уезда, где он отыщет железную и «укладную» руду.*

От царя и великаго князя Алексая Михайловича всеа Русии в Сибирь, в Енисейской острог, воеводе нашему Афонасью Филиповичю Пашкову. Бил челом нам Енисейского острогу посацкой человек Андрюшка Лаврентьев Свешник, а сказал: сыскал де он по Тунгуске в сторонней реке Манзе железную руду и соляные признаки и соляного росолу, и на тех росольных признаках росолу дошел, и варницу поставил, и соль варил со 149-го году да по 152-й год, и нашу десятую пошлину с соли платил солью, а ныне де ту варницу покинул он в пусте для хлебной скудости; а по нашему де указу отведено ему на Манзе реке и по Пелчюке пашенные земли; и та де пашенная земля от Енисейского удалена: водяным путем и нартным ходу итти две недели и больши, а конного пути зимою и летом нет, и ему де тое пашенные земли ис пятинного хлеба за дальним путем пахать невозможно; а которые де работные люди у соляной варницы работают, и тех работных людей денщики и служивые люди на воевоцкие и на всякие изделья и в подводы емлют и их изгоняют напрасно; и в той де соляной варнишной работе и в железной руде нашей десятой пошлине чинитца поруха; и нам бы ево, Андрюшку, пожаловать денщиком и служивым людем от соляной варнишной работы и от железной руды, где сыщетца, тех ево работных людей имать и изгони и налоги им чинить не велеть, чтоб в том нашим пошлинам порухи не было; и велети б ему, Андрюшке, около усольных мест по Тунгуске реке вверх и вниз по Енисею, до Подкаменные Тунгуски и до Соморсково зимовья или где будет в Енисейском уезде железная укладная руда сыщетца для плавленья плавилну

и двор построить меж Манзи и Пелчюки реки по другую сторону Тунгуски реки, и велети б ему дати для сенных покосов и под животинной выпуск наволок по верхнюю сторону Иркиневы реки, а он де, Ондрюшка, с того своего соляного промыслу учнет платить нашу десятую пошлину по-прежнему, а где сыщетца железная и укладная руда, и он учнет наш оброк платить со ржи с десятины по десяти алтын, а с ярового с десятины по две гривны, потому что за дальним путем ис пятинного хлеба та земля пахать ему невозможно. И будет так, как нам Андрюшка Свечник бил челом, и как к тебе ся наша грамота придет, и ты б ему, Андрюшке, где он приищет по Тунгуске реке вверх и вниз по Енисею в Енисейском уезде и с проезжих земель, а не из ясачных, где будет железная и укладная руда сыщетца, и под плавильню, и под двор, и под пашню, и для сенново покосу, и животинново выпуску наволок по верхнюю сторону Иркинеевы реки, велеть дать земли, сколько пригоже. И с соляново ево, Андрюшкина, промыслу велеть ему нашу пошлину в нашу казну платить до нашего указу по-прежнему, да и з железа и с укладу велеть платить железом и укладом десятую ж пошлину; а с пашенной ево земли со ржи з десятины велеть ему платить оброку по десяти алтын, а с ярового з десятины по две гривны на год, а работных ево людей у него от соляные ево варницы и от железные руды денщиком и служивым людем ни на какие изделья имать не велеть, чтоб ево работным людем от денщиков и от служивых людей изгони, и налоги, и напрасных убытков не было. Писан на Москве лета 7158-го февраля в 22-й день.

На обороте: Дияк Григорей Протопопов.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, с. 463–466.

121. *1650 г. не позднее марта... — Отписка тобольского воеводы стольника Василия Шереметева туринскому воеводе Василию Кокореву об убавке числа туринских пашенных крестьян, посылаемых на Исеть для острожного ставленья.*

Господину Василью Борисовичю Василей Шереметьев челом бьет. В нынешнем во 158-м году писал ты ко мне и прислал под отпискою своею туринских пашенных крестьян старост Ондрюшки Добрынина с товарыщи челобитную, а в челобитной их написано: по государеву указу велено их послати на Исеть для острожного ставленья 50 человек, а они де нужны и бедны, да они же де сверх государеву пашни делают многие изделия, и государь бы их пожаловал, не велел им на Исети острогу ставить, чтоб им от того острожного ставленья в конец не погинуть, и государевы пашни не отбыть, и врознь не розбрестися. И тебе б по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии указу велети убавити из тое исетцкие посылки туринских пашенных крестьян 15 человек, а послати их на Исеть для острожного ставленья 35 человек, чтоб им в том острожном ставленье большой тягости не было. А вместо туринских убавочных крестьян 15 человек велено послати на Исеть для острожново ставленья из Верхотурсково уезду из Ирбицкие, и из Ницынские, и из Белослуцкие слободы 15 человек пашенных крестьян, и на Верхотурье о том к воеводе к Рафу Всеволожскому и к исетцкому конному казаку Давыдку Ондрееву из Тобольска писано ж.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 6, л. 150–150об.

122. *1650 г. не ранее мая 21. — Отписка исетского казака Давыда Андреева туринскому воеводе Василию Кокореву об отпуске обратно туринских крестьян ввиду окончания острожного и церковного дела на Исети.*

Государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всеа Русии воеводе Василью Борисовичю исетцкой конной казак Давыдко Ондреев челом бьет. В нынешнем во 158-м году марта в 30-й день прислал ты на Исеть для острожного и церковного дела туринских крестьян 35 человек, и в нынешнем во 158-м году маия в 21 день те крестьяне острожное и церковное дело зделали до готова и отпущены в Туринск, а хто имяны, и тому написана роспись, подклея под сею отпискою. А Федька Галахтионов, да Федька Высота, да Васька Тимофеев отпущены преж сего для ради запасу в Туринской и ис Туринского Федька с товарыщи в Исетцкой острог и по се число не бывали. Да для ради неточи наняли в свое место работника Ондрюшка Карпова, и отпущен он Ондрюшка в Туринской преж сего.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 6, л. 151.

123. *1650 г. не ранее августа 22. — Отписка тюменского воеводы Селивестра Чеглокова тобольскому воеводе стольнику Василию Шереметеву о намерениях Кучумовых внучат — Девлеткирея и Бугая воевать сибирские города и о мерах безопасности, принятых им на Тюмени и в Тюменском уезде.*

Господину Василью Борисовичю Селиверст Чоглоков челом бьет. В нынешнем, господине, во 158-м году августа в 10 день по вестям посылал я с Тюмени в Уфинской уезд проведывать про воинских людей допряма в проезжих станицах тюменских служилых людей Фетку Вазьмина, Офоньку Карташа, да толмача Стеньку Трубачева, да юртовского служилого татарина вожа Ивашка Межлина и велел у татар розведать подлинно: хто имянем русской человек или татарин и ис которого улусу от которого тайши или от Девлеткирея царевича из улусу выбежал на Уфу и что они про воинских людей сказывали — и, розведав и роспрошав про воинских людей подлинно, ехать на Тюмень наспех днем и ночью. И августа в 22 день приехали ис станицы Федка Вязмин с товарыщи и подали мне за своими руками доезд, а в доезде написано: ездили де они в Уфинской уезд и, едучи, у тотар про воинских людей проведывали и татар роспрашивали, и в Катайских волостех им сказали уфимской татарин Кулмаметко, а чей сын, того не упомнят, да тюменские ясашные татаровя, которые живут в уфинских волостях, Кызабай, да Бееулы, да Англыч: был де он, Кулмаметко, в Петрово говенье на Уфе, а Кызылбай с товарыщи от уфимских от многих татар слышали: выбежали от Девлеткирея царевича из улуса от государева посла, которой к нему, Девлеткирею, послан от государя с Москвы, русской человек да татарин, а как их зовут имяны, не ведают; и они де, выхотцы, сказывали: собираютца Кучумовы внучата Девлеткирей да Бугай с племянники войною итти вскоре под государевы сибирские под 5 городов и под Уфу, а прошают воинских людей у тайшей в прибавку, а государева де посла морят: дают ему корму с кашеваром на месяц по барану, а уфинскому татарину Танагулку, которой з государевым послом был послан, у Девлеткирея корм большой; сказал де он, Тангулко, Девлеткирею: брат де ево Аблай на Москве умер; и на Уфе поставлено на стороже наших русских людей и татар 600 человек, а из Уфимсково уезду пошло против Кучюмовых внучат навстречу татар, башкирцов и кипчаков 800 человек и с походу не бывали; а жены их и дети

и татара живут в ретких местах в хоронах, а чаят де они воинских людей на сибирские городы и на Уфу приходу вскоре. И я велел на Тюмени по городу и по острогу и на отъезжих караулах стоять с великим береженьем, и в проезжие станицы ездить почасту, и бирючи кликать, чтоб на Тюмени и в Тюменском уезде от воинских людей жили с великим береженьем, а служилым людем велел быть со всею службою готовым. Да и в Туринской острог к воеводе к Василью Кокореву и в слободы прикащиком писал, чтоб те вести им были ведомы.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 11, лл. 136об.–137об.

124. *1650 г. августа 25. — Память тюменского воеводы Селивестра Чеглокова приказчику Нижней Ницынской слободы Борису Деткову о намерении Кучумовых внучат — Девлеткирея и Абугая с племянниками воевать сибирские города и Уфу.*

Лета 7158-го августа в 25 день по государеву цареву и великаго князя Алексея Михайловича всеа Русии указу память в Нижнюю Ницынскую слободу тобольскому сыну боярскому Борису Деткову. В нынешнем во 158-м году августа в 22 день приехали из Уфинского уезда ис станицы тюменские служилые люди Федька Ягислан с товарыщи и на Тюмени в съезжей избе воеводе Селиверсту Александровичу Чоглокову в роспросе сказали: сказывал де им уфинской татарин Кунмаметко, а чей сын, того не упомнят, да тюменские ясашные тотаровя, которые живут в уфинских волостях, Кизылбай, да Бек кулы, да Яиглыч: был де он, Кунмаметко, в Петрово говенье на Уфе, а Кызылбай с товарыщи слышали от многих, что выбежал де от Кучюмовых внучат от Кирея царевича из улуса от государева посла, которой к нему послан от государя с Москвы, русской человек да татарин, а как их зовут, имян не ведает, и они де выходцы сказали: собираютца Кучюмовы внучата Девлеткирей да Абугай с племянники войною идти вскоре под государевы сибирские под пять городов и под Уфу, а прошают воинских людей у тайшей в прибавку, а государева посла морят: дают корму с кашеваром по барану на месяц; а уфинскому татарину Танагулку, которой был послан з государевым послом, у Девлеткирея корм больше. Он де, Танагулко, сказал Девлеткирею, что брат ево Обла на Москве умер; и на Уфе де поставлено на сторожнях русских людей и татар 600 человек, а с Уфинского уезду пошло против Кучюмовых внучат навстречу татар, башкирцов и кипчаков 800 человек и ис походу воинских людей на сибирские городы и на Уфу вскоре. И тебе б в Нижной Ницынской слободе жить с великим береженьем, по острогу учинить караулы крепкие и в проезжие станицы посылать почасту. Да Тобольского и Верхотурского уезду в слободы к прикащиком велеть о том написать, чтоб им те вести были ведомы, чтоб они жили с великим береженьем от воинских людей. К сей памяти государеву цареву и великаго князя Алексея Михайловича всеа Русии печать земли Сибирские и Тюменсково города приложил воевода Селивестр Александрович Чоглоков.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 10, лл. 62–63.

125. *1650 г. сентября 5. — Память тюменского воеводы Селивестра Чеглокова приказчику Нижней Ницынской слободы Борису Деткову о намерении тайшей Томчина, Кунделека и Доен-Онбо и царевичей Девлетирея и Бугая идти войною на сибирские города и слободы и на Уфу.*

Лета 7159-го сентября в 5 день по государеву цареву и великаго князя Алексея Михайловича всеа Русии указу память в Нижную Ницынскую слободу тобольскому сыну боярскому Борису Деткову. В нынешнем во 159-м году сентября сего ж числа писал ис Тобольска стольник и воевода Василей Борисович Шереметев на Тюмень к воеводе Селиверсту Александровичю Чоглокову, что писали в Тоболеск от солянова Ямыша озера тобольские казачей голова Яков Шульгин да сын боярской Ларион Чеботов: сказывал де им у Ямыша озера тарской конной казак Онтонко Зуев: посылан де он был с Тары в посланникех в Калмыки к Талай Убаше и слышал от русских полонянников и от киргизцов, что Юрлюков сын Тайчин, да Кунделен, да Доен Онбо, тайша де Девлеткирей, да Бугай царевичи хотят приходить на государевы сибирские городы и на слободы и на Уфу войною. И как к тебе ся память придет, и тебе б велеть в Ницынской слободе от калмыцких воинских людей жить с великим береженьем, на отъезжие сторожи и в проезжие станицы до коих мест для вестей посылать почасту, чтоб колмацкие воинские люди под слободу безвестно не пришли и дурна какова не учинили. Да и во все б Тобольсково и Верхотурсково уезду Ницынскую, и Киргинскую, и в Чюбаровы слободы о том отписать и послать с нарочными гонцы, чтоб им те вести были ведомы; а которого числа отпишешь и с кем отписки пошлешь, и тебе б о том для ведома отписать на Тюмень. К сей памяти государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии печать земли Сибирские Тюменского города приложил воевода Селиверст Александрович Чоглоков.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 10, л. 63–63 об.

126. *1650 г. сентября 14. — Память тюменского воеводы Селивестра Чеглокова приказчику Нижней Ницынской слободы Борису Деткову о намерении калмыков воевать сибирские города и слободы.*

Лета 7159-го сентября в 14 день по государеву цареву и великаго князя Алексея Михайловича всеа Русии указу память в Нижную Ницынскую слободу тобольскому сыну боярскому Борису Деткову. В нынешнем во 159-м году сентября в 12 день писал ис Тобольска стольник и воевода Василей Борисович Шереметев на Тюмень к воеводе к Селиверсту Александровичю Чоглокову: в прошлом во 158-м году августа в 16 день приехали в Тоболеск из калмытцких улусов от Кунделеня тайши тобольские служилые люди Ивашко Ильин, Гришка Измайлов, Ивашко Вишневского, а в роспросе сказали: слышали де они в калмыцких улусех, что хотят калмыцкие люди итти под государевы сибирские городы и под слободы войною. И тебе б те вести были ведомы. И жить бы тебе в Нижной Ницынской слободе от воинских людей с великим бережением и в верхние б ницынские слободы с прикащиком про те вести отписать, чтобы им те вести были ведомы, и жили б они в слободах от воинских людей потому ж с великим бережением. К сей памяти государеву цареву и великаго князя Алексея Михайловича всеа Русии печать земли Сибирские Тюменского города приложил воевода Селиверст Александрович Чоглоков.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 10, лл. 63 об.–64.

127. *1650 г. октября 10. — Грамота в Тобольск стольнику и воеводе Василию Шереметеву с товарищами о принятии мер на случай нападения на сибирские уезды калмыков контайши Каракулы.*

От царя и великаго князя Алексея Михайловича всеа Русии в Сибирь, в Тоболеск, стольнику и воеводам нашим Василью Борисовичю Шереметеву да Тимофею Дмитриевичю Лодыгину да дьяком нашим Третьяку Васильеву да Василью Атарскому. В нынешнем во 159-м году сентября в 25-й день писали есте к нам, что в прошлом во 158-м году марта в 26-й день были в Тобольску Доен Онбо тайши послы Кичюдатовы, а вам на посольстве говорили: послал де их Кичю и Тозура Доен Онбо тайша в Тоболеск, а велел вам сказать, что присылал де к нему контайша Каракулин посла своего, что хочет де он, контайша, итти под наши сибирские городы — под Томской, и под Тару, и под Тюмень — и на слободы войною за то, что посылал де он, контайша, к нам к Москве послов своих, и послы де ево с Москвы к нему не бывали; да наши ж де сибирские служилые люди ходили на ево контайшиных людей, на киргиз, войною и их повоевали, и чтоб де Доен Онбо тайша послал с ним, контайшею, под наши сибирские городы и на слободы войною людей своих, и Доен де Онбо тайша в том контайше отказал и людей своих ему не дал. И ты де, стольник наш и воевода Василей Борисович, те вести писал ис Тобольска в наши сибирские городы: на Тару, на Тюмень к воеводам, а велел им на Таре, на Тюмени от калмацких воинских людей жить с великим береженьем, и на отъезжие сторожи и в проезжие станицы для вестей велел посылать почасту, чтоб колмацкие воинские люди под наши сибирские городы — под Тару и под Тюмень — и тех городов на уезды безвестно не пришли и дурна какова не учинили; да и в слободы де Тобольского уезду для ведома и береженья к прикащиком с Тюмени воеводе Селиверсту Чоглакову те вести писати велел же; и в Томской де город к воеводам к Михайлу Волынскому с товарыщи те вести писали ж. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б по тем калмацким вестям жили в Тобольску с великим береженьем. Да в городы и в остроги Тобольского разряду ты, стольник наш Василей Борисович, про колмацкие вести к воеводам и в слободы прикащиком от себя писали, чтоб в городех и в острогех воеводы, а в слободах прикащики от приходу калмыцких воинских людей жили с великим береженьем и на отъезжие сторожи и в проезжие станицы для весте посылали почасту, чтоб калмыцкие воинские люди под наши сибирские городы и остроги и тех городов на уезды безвестно не пришли и дурна какова не учинили. А про колмацких контайшиных послов, которые были у нас на Москве в прошлом во 155-м году, проведали б есте подлинно: в котором году они х контайше пришли, да о том отписали к нам к Москве, а отписку велели подать в Сибирском приказе боярину нашему князю Алексею Никитичю Трубецкому да дьяку нашему Григорью Протопопову. Писан на Москве лета 7159-го октября в 10-й день.

На обороте: Дьяк Григорий Протопопов.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 11, л. 139–139об.

128. *1650 г. не ранее октября 14. — Отписка тюменского воеводы Селивестра Чеглокова туринскому воеводе Василию Кокореву о намерении царевичей Бугая и Девлеткирея вместе с калмыцкими тайшами идти войною под Тюмень и Невьянскую слободу.*

Господину Василью Борисовичю Селиверст Чоглоков челом бьет. В нынешнем во 159-м году октября в 14-й день приехал с Уфы тюменской торговый бухаретин Куромбачак Алалетем, а мне в съезжей избе сказал: слышал де он на Уфе от уфинского

посланника, которой послан был з государевым послом с Уфы в калмытцкие улусы к Бугую и к Девлеткирею царевичам в послах: хотят де Бугай и Девлеткирей царевичи с калмытцкими тайши итти войною с 3000-ми воинскими людьми под Тюмень и под Невьянскую слободу. И тебе б, господине, те вести были ведомы.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 6, л. 154 об.

129. *1650 г. не ранее октября 30. — Отписка в Москву тобольских воевод стольника Василия Шереметева с товарищами о принятии мер на случай нападения на сибирские уезды калмыков и о невозможности отправить к контайше посланников.*

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии холопи твои Васька Шереметев, Тимошко Ладыгин, Третька Васильев, Васька Атарской челом бьют. В нынешнем, государь, во 158-м году октября в 10-й день в твоей государеве цареве и великаго князя Алексея Михайловича всеа Русии грамоте писано к нам, холопем твоим, в Тоболеск с томским сыном боярским с Яковом Морозовским, что в прошлом во 157-м году в 7 день писал к тебе, государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии, ис Томского города воевода Илья Бунаков: в прошлом же де во 157-м году, по скаске Томского уезду Шегирские волости ясачных людей, приходили на тое Шигирскую волость черные калмыки контайшина человека Кулы сына Секыл войною и многих людей побили и в полон поимали; да про тех же де, государь, черных колмаков сказывал ему, Илье, прибежал от калмыков ис полону Шегарской волости ясачной татарин Толга Куташев: слышал де он Толга от Кулина сына, что хочет он вперед приходить под твои государевы городы и остроги и на ясачные волости войною; и чтоб нам, холопем твоим, жить в Тоболеску с великим береженьем и в городы б и в остроги мне, холопу твоему Ваське, про те вести к воеводам отписать, чтоб они потому ж от приходу от калмыцких воинских людей жили у тебя в городе с великим береженьем и в острогах; а для, государь, калмыцкого приходу воинского, что Кулин сын приходил войною в Томской уезд, велено нам послать ис Тобольска х контайше твоих государевых посланников тобольских служилых людей добрых, ково б с такое дело стало, и приказывать им контайше говорить, что человек ево Кула послал сына своего Секыла с колмацкими людьми в Томской уезд на твои государевы ясачные волости войною, и твоих государевых ясачных людей побили и в полон поимали, и он бы, контайша, служа тебе, великому государю, про то сыскал, а по сыску человеку своему Куле, и сыну ево, и улусным людем за их воровство и за убойство твоих государевых ясачных людей учинил по своей вере, что доведетца, и вперед их от воровства унимал, чтоб они под твои государевы сибирские городы и на волости войною не ходили и твоих государевых ясачных людей не грабили, и не побивали, и в полон не имали; а которых полонянников Шегарские волости Кулин сын с товарыщи поимал, и он бы, контайша, тот весь полон сыскал, велел отпустить в Томской город безо всякого задержанья; да ково мы, холопи твои, ис Тобольска х контайше в посланниках пошлем, и как они от контайши в Тоболеск придут, и что контайша учинит, и нам бы, холопем твоим, о том о всем отписать к тебе, великому государю, к Москве. И по твоему государеву цареву и великаго князя Алексея Михайловича всеа Русии указу я, холоп твой Васька Шереметев, те вести ис Тобольска в городы Тобольского разряду, под которые городы, на Тару и на Тюмень, к воеводам ко князю Василью Горчакову да к Селиверсту

Чоглакову писал и велел им от калмыцких воинских людей жить с великим береженьем, чтоб калмыцкие воинские люди под Тару и под Тюмень и тех городов на уезды и на волости безвестно не пришли и дурна какова не учинили; в Туринской, государь, острог к воеводе к Василью Кокореву и Тобольского, и Верхотурского, и Туринского уезду в слободы и прикащиком велел я, холоп твой, сего дела отписать с Тюмени Селиверсту Чоглокову потому ж, не замотчав. А к контайше мы, холопи твои, твоих государевых посланников ныне не посылали, потому что в Тобольску контайшиных и иных тайш послов нет, послать тех твоих государевых посланников не с кем; да и для того, государь, не послали, что били челом тебе, государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии, Тобольского города дети борские, и литва, и казаки, и юртовские служилые татаровя, что де твоих государевых посланников х контайше без колмацких послов никоими меры посылать нельзя, потому что не токмо де калмыцкие воинские люди и зверовщики их, наехав в степи, побьют... да и в улусех де, государь, их калмыцкие люди до контайши не пропустят. А как, государь, контайшины или иных тайш, которые с контайшею мирны, послы в Тоболеск придут, и мы, холопи твои, по твоему государеву указу ис Тобольска х контайше посланников твоих государевых служилых людей, кого пригоже, пошлем тотчас и к тебе, государь, о том отпишем.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 11, лл. 139об.–140об.

130. *1650–1651 гг. — Отписка тобольского воеводы стольника Василия Шереметева туринскому воеводе Матвею Мусину-Пушкину об оказании содействия исетскому казаку Давыду Андрееву, посланному прибирать крестьян в новый Исетский острог.*

Господину Матвею Максимовичю Василей Шереметьев челом бьет. В нынешнем во 159-м году по государеву цареву и великаго князя Алексея Михайловича всеа Русии указу велено исетцкому конному казаку Давыдку Ондрееву Тобольского разряду в пашенных городех — на Верхотурье и Туринском, на Тюмени и тех городов и Тобольского уезду в слободах призывати в новой Исетцкой острог, на Красной Бор, на Исеть реку во крестьяне голящих и иных вольных охочих добрых людей и старых городовых и слободцких, пашенных крестьян, которые в свои места на государеву пашню на свои жеребьи крестьяны своими животами устроят, а похотят ехать в новой Исетцкой острог на льготные года на 6 лет. Да ему ж велено взять с собою для россылки исетцких же казаков 2 человек да у тебя на время, покаместа он в Туринском и Туринсково уезду в слободах побудет, для письма дьячка и для крестьянского призыванья бирича. И как он, Давыд, в Туринской приедет, и тебе б по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии указу велеть ему дати дьячка и бирича. И в Туринском и Туринского острогу в уезде, в селах и в слободах в новой Исетцкой острог на Исеть реку, на Красной Бор, гулящих и иных охочих добрых людей во крестьяне и старых пашенных крестьян, которые в свои места на государеву пашню на свои жеребьи крестьян своими животами устроят, а похотят ехать в Исетцкой острог, призывати ему велеть. А куда ему, Давыду, с товарыщи из Туринсково острогу ехать понадобитца, и тебе б велеть под них давать подводы, как пригоже. А как он, Давыд, с Верхотурья или из слобод с новоприборными крестьяны в Исетцкой острог поедет, и тебе б велеть ево пропущать без всякого задержанья.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 6, л. 157–157об.

131. *1650 г. — Грамота в Енисейск воеводе Афанасию Пашкову о соляных промыслах енисейского посадского Алексея Тихонова Меньшого, о взимании с них пятой пошлины солью, о сборе с новых соляных промыслов пошлин деньгами и об охране промыслов Алексея Тихонова.*

От царя и великаго князя Алексея Михайловича всеа Русии в Сибирь в Енисейский острог воеводе нашему Афанасью Филиповичю Пашкову. Бил челом нам енисейской посацкой человек Алешка Тихонов Меньшой, а сказал: жил де он в Енисейском остроге в торговых людех и торговал всякими отъезжими промыслы; и живучи в Енисейском, проведал и приискал по Тасееве реке, по сторонней речке, под сосновым бором, блиско подошло асанских татар, от Енисейского острогу 540 верст, пожилины росольные и под пашню земли; и в прошлом де во 149-м году по ево Олешкину с промышленным человеком Сергушкою Федоровым челобитью воевода Микифор Веревкин на те соляные пожилины и на землю дал им данную за нашею енисейскою печатью соляные пожилины на два года, а под пашню земли со 149-го по 159-й год, а со 159-го году велено им платить в наши житницы четвертой и пятой сноп, а с соли де велено платить от девяти десятой пуд солью в таможню; а ис таможни тое соль имали Енисейского острогу служилым людем и давали в наше жалованье и на неокладные расходы и ныне емлют со 149-го году и по сие число; и в том де соляном приску учинил он нам вновь прибыль немалую: ис Тобольска в Енисейской в жалованье соль не посылаетца; а ему де в том соляном промыслу стало заводу больши 4000 рублев, и от тово он одолжался великими долги; да у него ж ныне от внешнего водяного потопу соль вареная и всякой соляной завод потонул, варницы снесло водою, и соляной цырен изломало, и хлеб с анбары со всем и скот всякой потопило, и всякие хоромы разломало и снесло, и хлебной пашенной всякой завод без остатку потонул; а как де он шел трубою и добывал большого соляного россолу четыре годы, и на те пустые дальные места наимывал мастеров и работных людей и для обереганья от тунгусов, и от канских, и от котовских, и от быринских татар, и от киргизцов, и от тубинцов многих гулящих людей, и поил, и кормил, и ружье, и порох, и свинец все покупал дорогою ценою, а без оберегальщиков де к тому соляному промыслу работные люди не наимуютца; а ныне де должники ево в тех долгах хотят на Москве и по городам и в Енисейском остроге посадить в тюрьму; и нам бы пожаловать: для ево соляново промыслу и что он в Енисейском в нашем соляном жалованье, что даетца служилым людем, учинил нам прибыль, в долгу его испродати не велети и тем соляным промыслом промышляти ему бес перекупу; а он де, Олешка, учнет нам платить с того своего промыслу з десяти пуд по два пуда на енисейские и на красноярские расходы служилым людем в наше жалованье и на неокладные расходы без тобольские прибыли да сверх того и на Турухан нашим мангазейским служилым людем, которые посылаютца в зимовья, учнет жалованную соль давати; а будет де хто иной учнет соляные варницы держати, и тех бы велети с того своего соляного промыслу платить за нашу соляную пошлину деньгами против ево, Олешкина, платежу, а не меньше; и дати б ему о том в Енисейской нашу грамоту. И будет так, как нам енисейской посацкой человек Алешка Тихонов Меньшой бил челом, и как к тебе ся наша грамота придет, и ты б велел ему, Олешке, против ево данной, тою заимкою соляным промыслом владеть, и по закладной товарыща своего Сергушки Федорова промышлять без перекупу и оберегать ево во всем, чтоб ему в соляном промыслу и в пашне ни от кого тесноты не было. А с того ево соляного промыслу

велел у него имать солью от десяти пуд по два пуда и велел давать тое соль на енисейские и на красноярские расходы служилым людем, и ружником, и оброчником в наше жалованье и на неокладные расходы. А сверх того имал у него соль и на мангазейских служилых людей, которые служилые люди посылаютца с Турухану для нашего ясачного збору вверх по Енисею и вниз, и в Нижнюю Тунгуску, и в Подкаменную, и в Пясиду, и на Андабару. А будет иной хто похочет завесть соляной промысел, окроме ево, Олешки, или учнет соль варить в старом соляном промыслу на Манзе реке, или вновь хто где приищет, и ты б велел с тех людей и на Андрюшке Свечнике искать с тех промыслов в нашу казну за соль денгами против ево, Алешкина, всего соляного платежу, что у него соли в платеже по цене будет в Енисейском енисейским, и красноярским, и мангазейским служилым людем, и ружником, и оброчником, и на всякие неокладные расходы. А никаких насильств ему, Алешке, ни в чем никому чинити не велеть никоторыми делы, и на тот Алешкин соляной промысел больши того соляного платежу ничево не накладывать, чтоб ему ни от ково никаких обид ни в чем и от того нашей соляной пошлине убыли не было. А прочет сю нашу грамоту и списав с нее список, оставить у себя в съезжей избе за своею рукою, а сю нашу подлинную грамоту...

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, с. 458–463. Конец в копии отсутствует.

132. *1651 г. января 17*[1]. — *Отписка в Москву тобольских воевод стольника Василия Шереметева с товарищами о посольстве к контайше тобольского сотника стрелецкого Владимира Клепикова с товарищами и о послах, прибывших с ними от контайши.*

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии холопи твои Васька Шереметьев, Тимошка Лодыгин, Тренька Васильев, Васька Атарской челом бьют. В прошлом, государь, во 158-м году июля в 1-й день писали мы, холопи твои, к тебе, государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии, с тобольским конным казаком с Лучкою Выходцовым, что по твоему государеву указу послали мы, холопи твои, ис Тобольска в колмацкие улусы х контайше твоих государевых посланников тобольского сотника стрелецково Володимера Клепикова да с ним тобольских же литовского списку казака Любимка Скибина, да конного казака Сеньку Васильева, да юртовского татарина Радмангула Бучгаева, а с ними послали х контайше твоего государева жалованья портище сукна аглинского, мерою 4 аршина с четью, да выдру; а наказ ему, Володимеру, написали и велели ему контайше говорить Томского уезду Шегарские волости о погромных ясачных людех, что погромили во 157-м году тое Шагерскую волость ево, контайшины, черные колмаки Кулин сын Секыл с товарыщи и взяли в полон 8 человек ясачных людей да жон их и детей человек с 30, и чтоб он, контайша, служа тебе, великому государю, про то Кулина сына Секыла воровство сыскал, а по сыску отцу ево Куле и ему, Секылу, и улусным своим людем за их воровство учинил наказанье, каково доведетца, и впредь бы их от воровства унимал, чтоб они под твои государевы городы и на волости войной не приходили и ясачных людей не грабили, и не побивали, и в полон не имали; и тех бы полонянников, что поимал в Томском уезде в Шегирской волости Кулин сын, сыс-

[1] *О дате см. прилож. № 141.*

кав, он, контайша, отпустил в Томской город безо всякого задержанья и грабежное, что у них взято, велел им отдать. И в нынешнем, государь, во 150-м году декабря в 2 день тобольские служилые люди сотник стрелецкой Володимер Кляпиков с товарыщи ис калмыцких улусов от контайши в Тоболеск приехали. А как у них в Калмыках твое государево дело делалось, и тому они подали нам, холопем твоим, статейной список, а в статейном, государь, списке написано: наехали де они контайшу на урочище в Сары Кабаке, строить город каменной; и как де они х контайше приехали и твое государево жалованье ему поднесли, и кон де тайша спрашивал их про твое царское величество здоровье и твое государево жалованье принял у них честно; а про полон де им контайша сказал: улусного де он своего человека Кулина сына Секыла с товарыщи на твою государеву Томского уезду Шегарскую волость не посылывал и воевать не велел; а как де ево, Володимера, контайша учал от себя отпущать, и на отпуске тех своих улусных людей Кулина сына Секыла с товарыщи, сыскав, ставил перед себя и при нем их роспрашивал: для чего они твою государеву Томского уезда Шегарскую волость воевали и ясачных людей побили, а иных з женами и з детьми в полон поимали; и Кулин де сын в том не запирался, сказал, что повоевал де он твою государеву Шегарскую волость за то, что приходили твои государевы томские служилые люди на ево, контайши, улус войною и побили и в полон поимали семей с 40; и кон де тайша ему, Володимеру, говорил: неправда де в том твоих государевых Томского города воевод и служилых людей, что тем ево, контайшу, с тобою, великим государем, ссорят, а ево де контайшина человека Секыла и улусных людей в том вины нет, повоевали де они твою государеву Шегарскую волость по задору томских служилых людей. И бил де челом тебе, государю, контайша, чтоб ты, великий государь, ево, контайшу, пожаловал, велел тех ево контайшиных погромных людей в Томском городе сыскать и отдать ему, контайше, а он де, контайша, также твоих государевых ясачных людей Шегарские волости велит сыскать и отдать в Томской город. В наперед сего тот ево контайшин человек Секыл отпустил в Томской город твоих государевых ясачных людей Шегарские волости 5 человек, да тебе ж де, великому государю, бил челом контайша, чтоб ты, государь, ево, контайшу, пожаловал, не велел вперед своим государевым ратным людем ево контайшиных улусов воевать и тем задору чинить и велел бы, великий государь, присылать к нему, контайше, своих государевых посланников. Да кон же де тайша бил челом тебе, государю, чтоб ты, великий государь, ево, контайшу, пожаловал, велел к нему прислать для деревянного дела 2 человек плотников, да 2 человек каменщиков, да 2 человек кузнецов, да для пищального дела 2 человек бронников, да пансырь доброй, да пищаль винтовальную добрую ж, да свинцу, да меди шумихи, сколько ты, государь, пожалуешь, да 20 свиней, 5 куров, да 5 путехов, 10 куриц индейских, колокол. Да с Володимером же, государь, Кляпиковым с товарыщи прислали в Тоболеск контайша и жены ево и дети послов своих Енея с товарыщи, 9 человек. И мы, холопи твои, велели тем послом быти у себя на посольстве и спрашивали их, для чего их контайша и жены и дети ево в Тоболеск прислали; и послы говорили: прислали де их контайша и жены и дети ево в Сибирь, в Тоболеск, для того: велели спросить про ваше царскаго величества здоровье и велели тебе, великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии, бити челом, чтоб ты, великий государь, ево, контайшу, и жен и детей ево пожаловал, велел их послов для вашего государского поздравленья отпустить ис Тобольска к себе, великому государю, к Москве. И подали нам, холопем твоим,

лист татарским письмом. Да те же, государь, послы, будучи у нас, холопей твоих, на посольстве, ударили челом тебе, государю, от контайши и от жен... твоего государева указу не смели, потому что в прошлом во 157-м году апреля в 27 день в твоей государеве грамоте за приписью твоего государева думного дьяка Михаила Волошеникова писано к нам, холопем твоим, в Тоболеск с тобольским казачьим головою з Богданком Аршинским: которые калмыцкие послы учнут приходить в Тоболеск, и тех бы послов к тебе, государю, к Москве нам, холопем твоим, однолично не отпускать. И о тех, государь, контайшиных дарех и о послех велеть нам, холопем своим, свой государев указ учинити. Да в нынешнем же, государь, во 159-м году декабря в 11 день в твоей государеве цареве и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии грамоте писано к нам, холопем твоим, в Тоболеск с тобольским пешим казаком с Ваською Евсеевым, а велено про калмыцких контайшиных послов Ноенду с товарыщи, которые были у тебя, государя, на Москве в прошлом во 155-м году, проведывать подлинно: в котором году они х контайше пришли, да о том отписать к тебе, государь, к Москве; и как, государь, приехали в Тоболеск от контайши твои государевы тобольские служивые люди сотник Володимер Кляпиков с товарыщи, и мы, холопи твои, их распрашивали, что контайшины послы к нему, контайше, пошли ль; и Володимер с товарыщи нам, холопем твоим, сказали: слышади де они у контайши в улусе, что ево контайшины послы Ноенда с товарыщи, которые были у тебя, государя, на Москве, к нему, контайше, в прошлом во 157-м году пришли.

Такова отписка послана ко государю с архиепископским приказным с Иваном Павлуцким генваря 12-й день.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 11, лл. 141–143об.

133. *1651 г. не ранее мая–июня. — Отписка в Москву верхотурского воеводы Рафа Всеволожского об основании на реке Чусовой новой слободы слободчиками Семеном и Афанасием Гилевыми и о насилиях сылвинского татарина Мамая Туранбаева с товарищами.*

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии холопи твои Рафко Всеволожский, подьячей Гришка Жданов челом бьют. В нынешнем, государь, во 159-м году декабря в 30 день били челом тебе, государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии, а мне, холопу твоему Рафку, да подьячему Алексею Маркову на Верхотурье в съезжей избе подали челобитную Соли Камской уезду Сенька Васильев да Офонька Иванов Гилевы, а в челобитной их написано: приискали де они в Верхотурском уезде верх Чюсовой реки от Утки реки вверх, по обе стороны Чюсовые реки, пустые порозжие лесные дубровные места, и на розчисть под хлебную пахоту и под сенные покосы те места годны, а не владеет де тем местом нихто, лежит в пусте; и чтоб ты, государь, их пожаловал, велел те пустые порозжие места и со всеми угодьи дать им, Сеньке и Офоньке, на 10 семей на розчисть и твоего государева годового денежново оброку на льготные годы, на сколько ты, государь, укажешь. И я, холоп твой Рафко, с подьячим с Алексеем Марковым про те места велел сыскать всякими сыски накрепко: те дубровные и лесные места лежат в пусте ль, и не владеет ли [кто], и никому на оброк не отдано ль, и не ясачных ли людей татарская и вагульская вотчина, и к иным каким землям и к вотчинам не приписано ль. И в сыску, государь, Верх-Чусовской, и Верх-Туринской, и Ясачной, и Терсяцкой волос-

тей ясачные люди сказали: та земля Верхотурского уезду проезжая и вотчина не их. И я, холоп твой Рафко, и подьячей Алексей Марков тем местом Сеньке Васильеву да Афоньке Иванову Гилевым владеть, и пашни роспахивать, и сено косить, и на том месте крестьян селить во льготные годы велел; а как льготные годы отойдут, и им, Сеньке и Офоньке с товарыщи, с того места платить твой государев оброк, что ты, государь, укажешь. А по скаске, государь, тех слободчиков Сеньки да Офоньки Гилевых, на том пустом месте поселилося их 8 семей крестьян, да и впредь де на то место во крестьяне селитьца будут охочих людей много, и тебе, государю, в том будет прибыль немалая, потому что та новая слобода стала ко многим угодьям, к рекам и к бортным ухожеям. И в нынешнем же, государь, во 159-м году били челом тебе, государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии, тое новые слободы слободчики Сенька Васильев да Офонька Иванов Гилевы, а нам, холопем твоим, на Верхотурье в съезжей избе подали Соли Камской уезду на сылвинского татарина на Мамайка Турсунбаева з братьею челобитную, а в челобитной их написано: в нынешнем де во 159-м году в Петров пост приезжал к ним вверх Чюсовые реки в новую слободу тот Мамайко з братом своим с Тихонком и с воровскою черемисою, человек в 50, з боем и с грабежам, и их, Сеньку и Афоньку, с того места из новые слободы розгоняли, и иных крестьян на пашнях переимали, и животы де их все разграбили. И мы, холопи твои, велели тое новую слободу служилым людем оберегать от тех врагов, которых мы, холопи твои, в тое новую слободу с Верхотурья послали для береженья и новые селидьбы. И верхотурские де служивые люди стрелец Ивашко Лапин да пушкарь Гришка Констянтинов с арамашевскими беломестными казаками и с ясачными вогуличи того Мамайка с черемисином в новой слободе поимали, и тот Мамайко в зверовых юртах Верхотурского уезду животы, платье, и зипуны, и шубы их крестьянские, топоры, и косы, и серпы, и невод, и мережи, и всякую мелочь, и хлеб рожь, и муку тем крестьяном лицом отдавали; а не сыскали де они, Сенька и Офонька, животов своих, а цена де всего на 32 рубли на 21 алтын. И в тех де, государь, животах он, Мамайко, винился при верхотурских служивых людех при Ивашке Лапине с товарыщи, хотел все отдать назад. Да на того ж, государь, сылвинского татарина на Мамайка Турсунбаева с товарыщи били челом тебе, государю, Верхотурского уезда Аятской да другие Уфинской и Верх-Чюсовской волостей ясачные люди, а в челобитной, государь, Аяцкой волости сотника Игнашка Егитова с товарыщи написано: приезжает де тот Мамайко з братом своим с Тихонком да з зятем с Шадрыбайком и Казанского уезду с черемисою вверх Чюсовые реки в их Игнашки Егитова вагульские вотчины и всякими де промыслы промышляют, бобры, и соболи, и куницы, и всякой зверь в их вотчинах вылавливают, и бортной ухожей делают, а тебе де, государю, ясаку ни с чего не платят; а как де те татаровя Мамайко, да Тихонко, да Шадрыбайко в их вогульских вотчинах воровством своим промышляют, тому де есть лет с 15; и пускают де они тотаровя в их вагульские вотчины промышлять с собою Казанского уезду черемисы, человек по 20-ти и больши, а емлют с них на себя со всякого черемисика по 2 куницы. А в челобитной, государь, Уфинской и Верх-Чюсовской волостей ясачных людей Урузбайка Булатова да Кутлыбайка Апсаитова написано: завладели де тот Мамайко с братьею их Урузбайковою и Кутлыбайковою вотчиною, рыбною ловлею и звериными ухожеи вверх по Чюсовой реке и до Терсятской волости и до верх Бисери реки; да тот же де Мамайко взял у него Кутлыбайка насильством племянницу девку Дыбку и у себя похолопил; а та де пле-

мянница была просватана за иренского татарина за Бай мурзу Тайкулова, а калыму де ряжено за нее 50 рублев; и чтоб ты, государь, их пожаловал, велел в том свой государев указ учинить, чтоб де им впредь твоего государева ясаку не отбыть и врознь не розбрестися. А Ясачной, государь, и Чюсовской, и Уфинской волостей на ясачных людей ясаку доимка и недобору много. И мы, холопи твои, того сылвинского татарина Мамайка Турсунбаева и черемисина, которой с ним, Мамайком, поиман Верхотурского уезду вверх Чюсовые реки в новой слободе, Бекзялка Токтамышева, велели посадить на Верхотурье в тюрьму до твоего государева указу. И о том, что ты, государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии, укажешь.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 2, лл. 259об.–261.

134. *1651 г. не ранее сентября 14. — Отписка тюменского воеводы Ивана Веригина туринскому воеводе Матвею Мусину-Пушкину о походе Девлеткирея войною под сибирские города и об отказе Чечень-тайши помогать ему.*

Господину Матвею Максимовичю Иван Веригин челом бьет. В нынешнем во 160-м году сентября в 14-й день писал ис Тобольска ко мне на Тюмень стольник и воевода Василей Борисович Шереметьев: в нынешнем де во 160-м году сентября в 8-й день приехали ис калмытцких улусов от Гешкепа и от Улузана тайшей в Тоболеск тобольские конные казаки Оношка Федоров с товарыщи, которые посланы к тем тайшам ис Тобольска в посланниках, а в Тобольску они в съезжей избе в роспросе сказали: слышали де они, Оношка с товарыщи, в калмытцких улусех от калмытцких людей, что де Кучюмов внук Девлеткирей царевич с воинскими людьми пошли войною под сибирские городы, а под которые городы, того они не ведают, а воинских людей пошло с ними 200 человек, и просил де он, Девлеткирей, людей себе на помочь у Ченя тайши, и Чечень де тайша в том ему отказал, людей ему не дал, и для того Чечень тайша из улуса своего и послов в Тобольск послал. А велено мне к тебе в Туринской и на Верхотурье к воеводе к Рафу Всеволожскому и в слободы к прикащикам о тех вестях с Тюмени отписать. И тебе б, господине, те вести были ведомы. А на Верхотурье бы тебе по государеву указу тюменскую отписку о тех же вестях к воеводе к Рафу Всеволожскому послать с нарочным гонцом.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 6, л. 157.

135. *1651 г. сентября 15. — Доезд тюменского сына боярского Ильи Бакшеева, ездившего в Успенский Исетский монастырь после его погрома и пожара.*

Лета 7160-го сентября в 15-й день по государеву цареву и великаго князя Алексея Михайловича всеа Русии указу и по наказной памяти воеводы Ивана Тимофеевича Веригина велено ехать тюменскому сыну боярскому Илье Бакшееву до Исецкого Успенского монастыря: в нынешнем во 160-м году сентября в 7-й день прибежал на Тюмень Исецкого Успенского монастыря старец Долмат, а с собою привез того ж Успенского монастыря детеныша Митьку Иванова кузнецова, а в роспросе он, старец Долмат, сказал: был де он… в Туринском остроге, и прибежал ис Туринсково в Киргицкую слободу из Исетцково Успенсково монастыря трудник кузнец Ивашко Микифоров да сын его тот Митька, и сказал ему, старцу, кузнец Ивашко Микифоров, что, сентября в 3-й день пришед, воинские люди Успенской монастырь сожгли

и трудников и детенышев з женами и з детьми убили человек с полшестадесять, и ево Ивашков сын тот Митька был у них в полону; и для подлинного роспросу тово Митьку Иванова сына кузнецова привез с собою. И на Тюмени в съезжей избе воеводе Ивану Тимофеевичю Веригину тот Митька в роспросе сказал: сентября в 3-й день был де он, Митька, на рыбной ловле от монастыря в трех верстах, и увидел он, Митька, Успенской монастырь горит, и он, Митька, побежал к монастырю, и ево де, Митьку, на дороге схватили воинские люди и, связав, били и топтали, и кольями стращали, исколоть хотели, а спрашивали монастырсково живота, лошадей и скота; а будучи он в полону, видя тюменских ясашных татар Алашагурка Баишева да Бахтыбайка Абушина, да уфимских татар Корчебетка да Алагулка, и башкирских татар, и связана ево, Митьку, прикинули и войлоку глаза накрыли, и он де, Митька, в полночь розвязался и ис полону у них убежал в Киргискую слободу. И Илья Бакшеев с тюменскими служилыми людьми и с юртовскими служилыми татары ездил на Исеть реку, где был Успенский монастырь, и проведывал, и, розъездя, росматривал допряма, откуды воинские люди приходили и куды пошли. И воинские люди приходили из-за Исети реки, а перевозили из-за Исети повыше Успенскова монастыря за днище, а кошевые их люди стояли у броду за Исетью рекою на 20 станов. И приехав, воинские люди Успенской монастырь, и часовню, и кельи, и монастырской дворец, и крестьянские дворы сожгли, да 3 старца да 20 челочек белцов побиты и сожжены, да в полон взяли старца Ивана да белцов 20 человек мужеска и женска полу. А повоевав, они воинские люди перевезлися за Исеть реку в то же место и пошли в степь на Уи реку. А по смете по сакме лошадей сот с пять. А тюменских ясашных людей, про которых Митька сказывал, Акагулка Байшева да Бахтыбайка Абушина на юртах их не заехали и сыскати их не могли, и на юртах их нет никово, а иных татар юрт их блиско нет ничьих. А доезд писал по ево, Ильину, веленью Тимошка Позднеев.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 11, л. 152–152об.

136. *1651 г. сентября 18 — октября 15. — Докладная выписка по делу Тобольской воеводской избы о погроме Успенского Исетского монастыря.*

В нынешнем во 160-м году сентября в 18-й день писал в Тоболеск к стольнику и воеводе к Василью Борисовичю Шереметеву с Тюмени воевода Иван Веригин; сентября де в 14-й день прибежал к нему на Тюмень с Исети Исецкого Успенского монастыря старец Долмат, а в роспросе сказал: был де он в Туринском остроге, а из Туринского острогу приехал в Киргенскую слободу, а в те же де поры прибежал в Киргинскую ж слободу Исецкого Успенского монастыря кузнец Ивашко Микифиров с сыном с Митькою, а сказал: на Исети де Успенской монастырь воинские люди выжгли и старцев 5 человек да трудников и детенышев з женами и з детьми человек с полшестадесять побили, а сын де ево Ивашков Митька был взят и связан, да и кузнецова де сын Митька в роспросе ему, Ивану, сказал: был де он для рыбной ловли на речке на Тече, от Успенского монастыря в трех верстах, и того ж де дни увидел, что Успенской монастырь горит, и он де бежал к монастырю. Да сентября ж в 26-й день писал в Тоболеск к стольнику и воеводе к Василью Борисовичю Шереметеву с Тюмени ж воевода Иван Веригин и под отпискою своею прислал доезд тюменского сына боярского Дмитрея Текутьева, как он ездил для вестей в проезжую станицу. А в доезде Дмитрея Текутьева написано: ездил он, Дмитрей, с служилыми людьми до

Успенского монастыря, и тот де монастырь сожжен, а наехали в том монастыре старца Сергия да 4-х человек белцов, и старца Сергия он, Дмитрей, допрашивал: хто тот монастырь зжег и разорил; и старец ему сказал: в нынешнем де во 160-м году сентября в... день приходили в тот монастырь воинские царевичевы люди человек с 100, а с теми же де воинскими людми был Тюменского уезду ясачной татарин Илигтейков брат, а имени ему и отцу ево не ведает, а тот де татарин давно у царевичей живет, и те де воинские люди в том Успенском монастыре замучили и сожгли 3 старцев да 17 человек белцов да в полон взяли мужесково и женсково полу 20 человек, да и животы де монастырские, и лошади, и животину те воинские люди все взяли ж, да и он де, старец Сергей, в полону у них был же, а из полону де он от тех воинских людей ушел ночью; да тот же де старец сказал: преж де приходу на Успенской монастырь воинских людей приезжал в тот монастырь тобольской татарин Третейко Кривой и сказывал им, чтоб жили бережно, что будет де на Успенской монастырь калмыцкие воинские люди, а как Третейко от монастыря съехал, и того ж де дни воинские люди на монастырь и приехали; да старец же де Сергей сказал: как он был в полону, и он видел у тех воинских людей 4-х человек татар связанных, а которого они города и как их зовут, про то де он не ведает; а после де того приезжал к нему тюменской татарин Абушка, а отцу ево имяни не ведает, и сказывал ему, Сергею, что де те воинские люди взяли у него в полон сына, а видел де того ево сына Романка Хмелевщик на Катайском бору; да тот же де Абушка татарин сказывал ему, старцу Сергею: видел де он за Исетью рекою калмыцких людей человек с 50 или с 60; и он де, Дмитрей, сакмы тех воинских людей смотрел и розбежал, и по сакме де те воинские люди приходили к Успенскому монастырю из за Исети реки пониже Катайского бору да тою же де сакмою и назад пошли.

Да октября в 8-й день писал в Тоболеск к стольнику ж и воеводе к Василью Борисовичю Шереметеву с Тюмени воевода Иван Веригин и под отпискою своею прислал другую доезжую память тюменского сына боярского Ильи Бакшеева. А в доезде Ильи Бакшеева написано: ездил де он, Илья, с тюменскими служилыми людьми на Исеть до Успенского монастыря, и от того монастыря он, Илья, с тюменскими служилыми людьми и с юртовскими служилыми татары розъезжал и россматривал, откуда воинские люди на Успенской монастырь приходили и от тово монастыря куда пошли; а по досмотру де ево воинские люди на Успенской монастырь приходили из-за Исети реки, а перевозились выше Успенского монастыря за днище, а кошевые де их люди стояли у броду, за рекою Исетью, да 20 станов; и приехав де воинские люди в Успенской монастырь, и тот монастырь сожгли и разорили и многих монастырских работников сожгли и побили, а иных в полон поймали, а повоевав де Успенской монастырь, те воинские люди перевезлися за Исеть реку в том же месте, отколе приходили, и пошли в степь, а тюменских де ясачных татар, на которых сказывал кузнецов сын Митька, Алагулка Баишева да Бахтыбайка Абушкина на их юрты не заехали и сыскать их не могли.

Да октября в 15-й день в Тоболеск к стольнику и воеводе Василью Борисовичю Шереметеву писал с Тюмени воевода Иван Веригин, а в отписке ево написано: посылал де он в Тюменской уезд в ясачные волости тюменских служилых людей Неудачку Текутьева да Федьку Молява проведывать в ясачных волостях у татар тайным обычаем: нет ли у них какие шатости и измены, и Неудачка де Текутьев и Федька Молява привели с собою тюменсково ясачного татарина Алагулка Баишева, про кото-

рого сказывал Исецково Успенсково монастыря кузнец Ивашков сын Микифорова Митька: да де он Митька был у воинских людей в полону, которые приходили на Успенской монастырь, и он видел у воинских людей того Алагулка Баишева да Бахтыбайка Абушина, и Алагулко де ему, Ивану Веригину, в роспросе сказал: у воинских де людей он, Алагулко, не бывал и воинских людей не видел, а был де у них Алагулка на юртах изменник тобольской захребетной татарин Торбинских юрт Третейко Ковчижку, а сказал де им тот Третейко, что он у Аблиных детей убежал з дороги, как они приходили войною на Исецкой монастырь, и ночевал де тот Третейко у него, Алагулка, ночь, а у Козах Маметка Кутлегаева тот же Третейко жил 2 дни, а сказал де им Третейко, что на Тюмень де он ехать не смеет, а поехал де он к государю к Москве уфинскою дорогою через Уфу бить челом государю о своей вине, а он де Алагулко того Третейка поимать не смели, потому что он поехал к государю к Москве; да то же де Третейко, поедучи, сказывал: им будут же по снегу Аблины дети Кучюй с братом войною на волости Тюменского уезду и под слободы, и от того де Третейко велел беречись; да и Митька де Кузнецов с Алагулком Баишевым на очной ставке говорили прежние ж свои речи, что Алагулко с воинскими людьми был, и с кем воинские люди приходили на Исецкой монастырь войною и про него, Митьку, воинским людем сказывал, в то время как он связан был, что он, Митька, кузнец и ковать горазд.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 11, лл. 163–165.

137. *1651 г. октября 5–8. — Отписка в Москву тобольского воеводы стольника Василия Шереметева с товарищами о сожжении и разграблении Успенского монастыря на Исети, об отказе тарских служилых людей идти на государеву службу из-за невыплаты жалованья, о намерении тайши Кончака воевать Нарымский уезд, об отсутствии денег в тобольской, тарской и туринской государевой казне, о нападении царевича Бугая на Аялынскую волость Тарского уезда.*

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии холопи твои Васька Шереметев, Тимошка Лодыгин, Третька Васильев, Васька Атарской челом бьют. В нынешнем, государь, во 160-м году сентября в 12-й день писал к нам, холопем твоим, из Исецкого острогу в Тоболеск тобольской сын боярской Посняк Дементьев; а в отписке, государь, ево написано: в прошлом де во 159-м году августа в 3-й день приехали в Исецкой острог исецкие конные казаки Федка Федоров с товарыщи, 6 человек, которых он послал из Исетцкого острогу вверх по Исети реке и по сторонним речкам для хмелевой десятой пошлины; а в роспросе де, государь, ему, Поснику, те казаки сказали, что ездили де они за Исеть реку вверх по Миеси реке, по нижней стороне Миеси, и товарыщи де их Ивашко Денисов да Ивашко Васильев видели: на степи 12 человек ездят подле Миеси, а какие люди, того де они не ведают. А то де, государь, урочище от Исетцкого острогу в пяти днищах. И он де, Федька, с товарыщи после их ехали подле Миеси на низ от того урочища днище и видели де становье, были три огня, а по сакме де и по становью чаят было человек с 50, и поворотились де те люди от того места к Тоболу реке. А того ж, государь, числа писал ко мне, холопу твоему Ваське Шереметеву, с Тюмени воевода Иван Веригин, что писал де к нему из Исецкого острогу на Тюмень Посник Дементьев те ж вести, что и к нам, холопем твоим, писаны. И я, холоп твой Васька Шереметев, писал на Тю-

мень и в иные городы к воеводам и в слободы к прикащикам, а велел им жити в городе и в слободех с великим береженьем, чтоб безвестно калмыцкие воинские люди на городы и на слободы войною не пришли и дурна какова не учинили. И сентября, государь, в 14-й день писал ко мне, холопу твоему Ваське Шереметеву, Иван Веригин: сентября де в 11 день прибежал на Тюмень Тюменского уезду Кынырского городка ясашных татар ясаул мурза Гилдейко Анабеков, а в роспросе де ему сказал: приезжал де к ним в юрту тюменской казачей брат Мишка Голышев и сказывал им, что в Узбердеевых де юртах Верхтышминских Кашаевых юрт ясачной татарин Алашагурко Кошаев сказывал руским людем и татаром: видел де он, Алашагурко, бежит наскоро в слободы руской человек, а сказывал ему, Алашагурку, что де на Исети Успенского монастыря старцу воинские калмыцкие люди голову отсекли и монастырь сожгли; и он де Иван по тем вестям послал на Исеть до тех мест, где Успенской монастырь, в станицу тюменского сына боярского Дмитрия Текутева, а с ним 15 человек руских служилых людей и татар; а велел им про воинских людей проведать допряма. А сентября, государь, в 18-й день писал ко мне, холопу твоему Васке Шереметеву, Иван Веригин: сентября де, государь, в 14-й день прибежал с Исети на Тюмень Исетцково Успенсково монастыря старец Долмат, а в роспросе де ему, Ивану, сказал: был де он в Туринском остроге, а из Туринсково острогу приехал в Киргинскую слободу, и в те ж де поры прибежал в Киргинскую слободу Исетцкого Успенсково монастыря кузнец Ивашко Микифоров с сыном с Митькою, а сказал: на Исети де Успенской монастырь воинские люди выжгли и старцом 5-ти человек да трудником и детенышев з женами и з детьми человек с полшестадесят побили, и сын де ево Ивашков Митька взят был у тех воинских людей и связан; да и кузнецов де сын Митка в роспросе ему, Ивану, сказал, что был де он, Митка, для рыбной ловли на речке на Тече, от Успенского монастыря в 3-х верстах, и видел, что Исетцкой Успенской монастырь горит, и он де бежал к монастырю, и на дороге де его изымали воинские люди и, связав ево, били и копьями сколоть хотели; а спрашивали монастырских животов, и лошадей, и животины; а сам де он, Митка, был у них связан, и он де видел с теми воинскими людьми тюменских ясачных татар Алагулка Баишова да Бахтыбайка Абушкина, да уфимских татар Кочембатка да Алагулка, и башкирских татар, и от башкирских де татар он, Митка, слышал, что сказывал де им татаром туринской татарин Бехкеня, что на Исети де Успенского монастыря у старцов всяких животов много; а тех де воинских людей было человек с 300, и он де, Митка, ночью розвязался и у них ушел в Киргинскую слободу. Да сентября ж, государь, в 26 день писал ко мне, холопу твоему Ваське Шереметеву, Иван же Веригин и прислал под отпискою своею доезды за рукою тюменского сына боярского Дмитрия Текутева, которого он посылал в проезжую станицу для проведывания вестей, а в доезде, государь, ево написано, что на Исети Успенской монастырь сожжен; а заехали де они в том монастыре одного старца жива да 4 человек белцов; и он де, Дмитрей, того старца роспрашивал, какие люди Успенской монастырь сожгли, а в роспросе ему старец сказал: сентября де в 7 день приходило в Успенской монастырь воинских людей человек со 100, а чаят де, что те воинские люди приходили с царевичи с Кучюмовыми внучаты, и те де воинские люди в том Успенском монастыре убили и сожгли 3 старцов да 17 человек бельцов да в полон взяли мужеска полу и женсково 20 человек; и что де было в том монастыре собрано животов, и лошадей, и иной животины, и то де они взяли, да и он де, старец, у них в полону был же, а как де он в полону

у них был, и он де видел у них 4-х человек татар связанных, а которого они города и как их имяны зовут, того де он не ведает, и ночью де тот старец ис полону у них ушел; а преже де приходу воинских людей приезжал к ним в монастырь тобольской татарин Тетенько Кривой и говорил им, чтоб жили бережно, будут де на Успенской монастырь войною калмацкие люди, а он де, Тетенько, был у царевичов в полону, и которого де часу тот Тетенько из монастыря поехал, и того ж де часу калмацкие воинские люди к монастырю и пришли, и старцов и иных людей побили, и монастырь сожгли; и он де, Дмитрей, с служилыми людьми тех воинских людей сакмы рассматривал и розведывал, и знатно де, что приходили воинские люди к Успенскому монастырю из-за Исети реки, ниже Катайского бору, а назад де пошли тою же сакмою. А сентября ж, государь, писал ко мне, холопу твоему Ваське Шереметеву, с Тары стольник и воевода князь Василей Горчаков, а в отписке ево написано: сентября де в 19 день прибежал к нему на Тару Тарского уезда из Ялынские волости Биргамаковы деревни ясачной татарин Матюшка Урдабаев, а в роспросе ему сказал, что повоевали де их деревню над Большим озером царевичевы люди татарове, а не калмыки, и жон и детей их в полон поимали, а сколько жон и детей в полон взято, того де он, Матюшко, не ведает, а приходили де они обманом, сказався от послов, а всего де их приходило человек с 30, и он де, князь Василей, за теми воинскими людьми велел идти тарским служилым людем, и служилые де, государь, люди били челом тебе, государю, а ему, князь Василью, говорили, что итти де им на твою государеву службу за теми воинскими людьми не мочно, потому что де они твоим государевым денежным жалованьем на прошлой и нынешней год не пожалованы, и вперед де ему, князю Василью, служилых людей на твои государевы службы посылать нельзя, потому что они не пожалованы. Да того ж де, государь, числа прибежал на Тару ис Калмыков от Учюрты тайши тарской конной казак Гришка Резин, а в роспросе де ему, князю Василью, сказал: сказывал де ему, Гришке, у Учюрты тайши в улусе теленгилец Изенбайко, збираютца де идти войною Кокок, Текеша тайши сын, а дают де ему в помощь воинских людей контайшины люди, а будут де они воевать нынешнее осени Нарымского уезду волости. И мы, холопи твои, о тех вестях с товарыщи и в Нарымской острог к воеводе к Олферью Баскакову писали. Да князь Василей же Горчаков писал ко мне, холопу твоему Ваське Шереметеву, и прислал под отпискою своею тарских служилых людей челобитную за руками о твоем государевом денежном жалованье. И в Тобольску, государь, в твоей государеве казне денег нет, послать на Тару служилым людем твоего государева жалованья нечего; а наперед, государь, сего писали мы, холопи твои, к тебе, государю, к Москве о деньгах и не одново, что в Туринску в твоей государеве казне денег нет. А какову, государь, челобитную с Тары князь Василей Горчаков ко мне, холопу твоему Ваське Шереметеву, прислал, и мы, холопи твои, тое челобитную послали к тебе, государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии, к Москве под сею отпискою. А октября, государь, в 4 день писал ко мне, холопу твоему Ваське Шереметеву, князь Василей же Горчаков; сентября в 17-й день приходил Бугай царевич с воинскими людьми Тарского уезду на Ялынскую волость и тое волости в Бирхамакове де[ревне] взял 4-х человек ясачных людей з женами и з детьми, и он де, князь Василей, по тем вестям послал за теми воинскими людьми тарских служилых людей и велел над ними промышлять сколько Бог помочи подаст. Да в нынешнем же, государь, во 160-м году сентября в 8 день приехали из калмыцких улусов в Тоболеск от Гештепа и от Лаузи-

на тайшей тобольские конные казаки Онофрейко Федоров да Гришка Брюшинин с товарыщи, а нам, холопем твоим, сказали: слышали де они в калмыцких улусех от калмыцких людей, что Кучюмов де внук Девлеткирей царевич с воинскими людьми пошел войною под твои государевы сибирские городы, а в прибавку де к своим людем прошал воинских людей у418Чеченя тайши, и Чечень де тайша в том отказал и людей ему не дал. Да октября, государь, в 5 день приехали ис колмацких же улусов в Тоболеск от Талай тайши жены, от Ахая, тобольские конные казаки Илюшка Козлов да Микитка Куимов да юртовской служилой татарин Аим Чулгуров, а в роспросе нам, холопем твоим, сказали: как де ехали они из калмыцких улусов в Тоболеск, на дороге де у Ишима реки на Бурлукове устье встретили они царевича, Аблаева сына, Кучека с воинскими людьми и с полоном, которой они взяли в Исецком Успенском монастыре, а полону де у них человек з 20, и они де, Илюшка с товарыщи, выкупили у царевича ис полону ирбицкого пашенного крестьянина Гаврилка Иванова, а дали за него 11 лошадей и того полонянника с собою в Тоболеск привезли; и мы, холопи твои, того полонянника Гаврилка распрашивали, а в роспросе нам, холопем твоим, сказал: в нынешнем де во 160-м году, а в котором месяце и числе, и того де он не упомнит, был он, Гаврилка, в Новоуспенском монастыре; и часа де за 3 до вечера приходил под тот Новоуспенской монастырь царевич с воинскими своими людьми с татары, а воинских де людей было человек с 300, а калмыков де с ними не было ж, и Успенской де монастырь сожгли, а их де взяли живых в полон 16 человек, да сожгли в избе 16 человек, да одново человека убили; а как де монастырь сожгли, и их де повезли к себе в улусы; а под Исецкой де острог и под слободы царевич Илтеня идти не посмел, для того что про него и в Исецком остроге, и в слободах весть учинилась, и на Бурлукове де устье встретились с царевичем твои государевы посланники тобольские казаки Илюшка Козлов да Микитка Куимов и ево, Гаврилка, выкупили, дали за него 11 лошадей да в то ж де время тобольские татаровя, которые с теми тобольскими рускими людьми были в Калмыках у Талаи таишины жены в посланникех, царевича выкупили дву жонок да девку, а что за них дали, того де он не ведает.

Такова отписка послана с Воином Дементьевым с товарыщи октября в 8-й день.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 11, лл. 147об.–151об.

138. *1651 г. не ранее октября 19. — Отписка в Москву тюменского воеводы Ивана Веригина о погроме Успенского Исетского монастыря и о мерах, принятых им в связи с этим погромом.*

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии холоп твой Ивашко Веригин челом бьет. В нынешнем, государь, во 160-м году сентября в 11-й день прибежал с Исети на Тюмень кыргиской ясашных татар ясаул Мурзагилдейко Енебеков, а в роспросе мне, холопу твоему, сказал: новой де Исецкой монастырь, которой на Исети строит вновь старец Долмат, от Тюмени скорым ходом в пяти днищах и от нового Исецкого острогу скорым же ходом в 4-х днищах, после Уфинской волости, от Тюмени далеко, Уфы ближе, воинские люди, воевав, выжгли. И сентября ж, государь, в 14-й день прибежал на Тюмень Исецкого монастыря строитель старец Долмат, а с ним того же монастыря Митька Иванов кузнецов, а в роспросе мне, холопу твоему, сказал: был де он, старец Долмат, в Туринском остроге и Тобольсково уезду в слободах, а Митька де Иванов был в Исецком монастыре; и без него, Долмата, пришед безвестно, воинские люди Исецкой монастырь повоевали.

5 человек старцов, и монастырских служек, и трудников, и крестьян з женами и з детьми человек с полшестадесят в кельях сожгли, и побили, и в полон поимали и животы все пограбили, и лошади и всякой скот отогнали, и он де, Митька, ис полону выбежал в слободы. И Митька в роспросе сказал: сентября в 8-й день, в празник дни Рожества Пречистые Богородицы, ходил он, Митька, рыбной ловли смотрить на речку Течю, от монастыря в трех верстах, и о половине дня увидел: горит де Исецкой монастырь, и он же, Митька, бежал к монастырю, и как де он, Митька, прибежал блиско Исецкого монастыря, и ево де, Митьку, воинские люди, поимав, связали, а связав ево, молча били и топтали и ружьем страшали, а спрашивали монастырского живота, и лошадей, и скота; а как де он, Митька, связан был в полону, видел тюменских ясашных татар Алагулка Баишева да Бахтыбайка Абушина, да уфинских татар Козембатка да Алагулка, и башкирских татар и видел полоненых матерь свою, жену и детей и иных монастырских служек крестьян з женами и з детьми, а иных побитых и сожженных; и он де, Митька, в полночь развязался, ис полону бежал в слободу. И по тем вестям посылал я, холоп твой, тюменских детей боярских, и служилых людей, и татар в проезжие станицы и велел розъездить и россмотрить допряма и в татарах всяким… проведать: нет ли в них какой шатости, и откуды воинские люди приходили и куды пошли, и тюменских татар Алагулка Бакшеева да Бахтыбайка Абушина, сыскав, привести на Тюмень. И о том писал я, холоп твой, в Тоболеск к твоему стольнику и воеводе Василью Борисовичю Шереметьеву. И сентября же, государь, в розных числех приезжали ис проезжих станиц тюменские дети боярские, и служилые люди, и татара, а с собою привезли тюменсково ясашново татарина Алагулку Баишева, которого Митька кузнецов видел в монастыре с своими людьми, а Бахтыбайка Абушина привести на Тюмень не могли: ранен, лежит болен, и они де и громили ево воинские люди, матерь, и брата, и сестру взяли в полон, и животы пограбили, и скот отогнали; и подали мне, холопу твоему, доезды за своими руками, а в доездех у них писано: ездили де они на Исеть реку, где был Успенской монастырь, и воинские люди приходили из-за Исети реки, перевозились выше Исецкого монастыря за днище и монастырь, и в монастыре часовню, и кельи, и крестьянские дворы да 20 человек старцов и бельцов в кельях сожгли и побили, а иных старца да бельцов з женами и з детьми в полон взяли, и животы все пограблены, и лошади всякой скот отогнали, и, перевесшись за Исеть, пошли в степь на Ую реку; а по смете и по сакме лошадей с 500 было. Да у них же в доездах написано: слышали де они у тюменских ясашных татар, как де приходили воинские люди на Исецкой монастырь, и был де на юртах у тюменсково ясашново татарина у Алагулка Бакшеева тобольской захребетной татарин изменник Тетейко Колчиков, и взял де у него кобылу с жеребенком, и поехал де в уфинские волости. И Алагулко Бакшеев мне, холопу твоему, в роспросе сказал: с воинскими де людьми в Исецком монастыре он не был, а изменник де татарин Тетейко Колчиков у них на юртах был и сказывал им, что де он, Тетейко, шел в войне Кирея царевича и племянником с Кучюком Аблиным, и ночью де от Кучюка Аблина и воины ушол, и взял у него кобылу з жеребенком, и поехал на Уфу, и велел вперед от воинских людей беретшися, а Митька де Кузнецов на него говаривать в одно, и на очной ставке с Митькою Алагулко говорил прежние свои речи. И о том я, холоп твой, писал в Тоболеск. И по Тобольской отписке и из Исецкого монастыря строитель старец Долмат, и Митька Кузнецов, и татарин Алагулко Баишев взяты в Тоболеск. И октября в 19-й день приехали с Уфы на Тюмень тюменские

служилой татарин Канчю Раменглыбаев да бухаретин Тачкалко Измайлов, а мне, холопу твоему, сказали: видели де они в Уфинском уезде, в башкирских волостях, тобольсково татарина изменника Тетейка Колчикова, едет на Уфу на подводах, а сказывал им Тетейко: шол де было Девлеткирея царевича племянник Аблин сын Кучюк войною человек с полчетвертаста под Тюмень на Пышминские Токмаметевы юрты, и он де, Тетейко, ночью на стану у Кучюка Аблаева украл 4 ево кони лутчие и от него ушел и бежал на Исецкой монастырь, и на Миесе реке нагнал ево Тетейка Кучюк Аблин с воинскими людьми, и он де за тое реку у них ушел, и он, Тетейко, прибежал в монастырь, сказывал, что де идут за ним воинские люди и будут скоро, и пробежав монастырь, на юртах у Тюменсково ясашново татарина у Алагулка Баишова ночевал, и взял кобылу, и едет на Уфу для того: с Уфы ближе Тюмени пошлют на царевича служилых людей, а он де, Тетейко, служилыми людьми на царевича хочет итти вожем, а будет с ним служилых людей на царевичей не пошлют, и он де едет к Москве бити челом тебе, государю, в своей вине.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 8, лл. 157об.–160об.

139. *1651 г. октября 25. — Память тобольского воеводы стольника Василия Шереметева приказчику Нижней Ницынской слободы Григорию Загарину о сборе с ницынских пашенных крестьян по 4 деньги с двора для откупа калмыцких полонеников.*

Лета 7160-го октября в 25 день по государеву цареву и великаго князя Алексея Михайловича всеа Русии указу память в Нижную Ницынскую слободу Григорью Борисовичю Загарину. В нынешнем во 160-м году приехали из калмыцких улусов в Тоболеск тобольские конные казаки Томилко Мелков да Илюшка Козлов, да служилой татарин Разигул Шугуров, да приезжей бухаретин Ширипко Миясов, да приезжево бухаретина Алендара Алакбаева человек Кутабардейко, а с собою привезли полоненников руских людей: ирбицково пашенново крестьянина Гаврилка Михайлова, да тюменсково пашенново крестьянина сына Федьку Елизарьева, да Исецкого Успенского монастыря работниковы дву жон Дарьицу да Огрофенку да девку Овдотьицу. А в Тобольску в съезжей избе стольнику и воеводам Василью Борисовичю Шереметеву с товарыщи казак Томилко Мелков в роспросе сказал: как де он был в Калмыках у Доен Онбы тайши в посланникех, и Доен де Онба тайша взял у него живота ево на 30 рублей, а за тот де живот дал ему полоненника Федьку Елизарьева, а тот де Федька полонен с Тюмени в прошлом во 144-м году. А другой казак Илюшка сказал: был де он, Илюшка, у Талай тайшины жены у Ахая в посланникех, и как из калмыцких улусов ехал в Тоболеск, и на дороге де у Ишима реки на Бурлукове устье встретил царевича Аблаева сына Кучюка с воинскими людьми и с полоном, которой полон он взял в Исетском Успенском монастыре, и он де, Илюшка, выкупал у царевича того полону ирбицково пашенново крестьянина Гаврилка Михайлова, а дал за него 11 лошадей. А татарове Розгулко, и Ширипко, и Кутабердко в роспросе ж сказали: едучи де они из калмыков, выкупили у царевичевых людей русского полону Разкугулко жону Дарьицу, дал за нее 10 лошадей; Кутабердейко жонку ж Огрофенку, дал за нее 14 лошадей, а Ширипко девку Овдотьицу, дал за нее 4 лошади да шубу лисью. И те полоненики били челом государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии, чтоб государь пожаловал их, велел их откупить. А в государеве указе и в Уложенной книге написано: велено полоненников на откуп збирать

деньги ежегод з городов всего Московского государства; а на откуп полоненников велено давать за стрельцов и за казаков по 20-ти по 5-ти рублев, за посацких людей по 20-ти рублев, за пашенных крестьян и за боярских людей по 15-ти рублев за человека. И как к тебе ся память придет, и тебе б по госуареву указу и по Уложенью собрати тем полонеником на откуп с ницынских пашенных крестьян з дворов по 4 деньги, а собрав, те деньги прислать в Тоболеск; и о том отписать к стольнику и воеводам к Василью Борисовичю Шереметеву да к Тимофею Дмитриевичю Лодыгину да к дьяком к Третьяку Васильеву да к Василью Атарскому, не замотчав.

На подлинной подписано тако: Дьяк Третьяк Васильев. Справил Левка Коршунов.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 10, лл. 64–65.

140. *1651 г. не ранее ноября 16. — Отписка в Москву тобольского воеводы Василия Шереметева о нападениях татар и калмыков на деревни Тарского уезда, о походе против царевича Бугая тарского сына боярского Власа Чередова, о допросах и пытках калмыков и татар.*

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии холопи твои Васка Шереметев, Тимошка Лодыгин, Тренка Васильев, Васька Атарской челом бьют. В нынешнем, государь, во 160-м году сентября в 28 день писал ко мне, холопу твоему Ваське Шереметеву, с Тары в Тоболеск стольник и воевода князь Василей Горчаков, а в отписке ево написано: сентября ж де, государь, в 19-й день прибежал к нему на Тару Тарского уезду из Ялынские волости Биргамаковы деревни ясачной татарин Матюшка Урдубаев, а в роспросе ему сказал: повоевали де их деревню над Большим озером царевичевы люди татарове и жон и детей их в полон поимали, а сколько жон и детей их в полон взято, того де он, Матюшка, не ведает; а приходило де их человек с 30; а приходили обманом, сказались, бутто от послов; и он де, князь Василей, за теми воинскими людьми велел итти тарским служилым людем, и служилые люди били челом тебе, государю, а ему, князю Василью, говорили, что итти де им на твою государеву службу за теми воинскими людьми немочно, потому что де они твоим государевым денежным жалованьем на прошлой и на нынешней год не пожалованы. А октября, государь, в 4 день писал ко мне, холопу твоему Ваське Шереметеву, князь Василей Горчаков, что приходил Тарского уезду на Ялынскую волость Бугай царевич с воинскими людьми и тое де волости в Биргамакове деревне взял 4-х человек ясачных людей з женами и з детьми, и он де князь Василей по тем вестям послал за теми воинскими людьми тарских служилых людей и велел над ними промышлять, сколько Бог помочи подаст, а ноября, государь, в 5 день приехал из калмыцких улусов в Тоболеск тобольской юртовской татарин Сеит Сеитов, а нам, холопем твоим, сказал: был де он в Калмыках у Далай Абаши тайши для торгу, и ему де Далай Абаша приказывал сказать в Тобольску нам, холопем твоим, что приходили де с Тары тарские воинские люди на их калмацкие улусы и взяли у него, Далай Абаши, улусных людей 3 избы да у брата ево, у Гешкепа тайши, 17 изб, а много ли в тех избах калмыцких людей взяли и побили, про то де ему Далай Абаша тайша не сказал, и чтоб де ты, государь, пожаловал ево, Далай Абашу тайшу, велел тех их погромных людей отдать им назад, а он де, Далай Абаша тайша, велит царевичей посылать, которые воровали, на Тарской уезд приходили, отдать де их тебе, государю. И ноября

ж, государь, в 16 день писал ко мне, холопу твоему Ваське Шереметеву, князь Василей Горчаков <...>

А калмыцких, государь, тайшей люди сибирских, тобольских и тюменских служилых людей ежегод на зверовых промыслах грабят, и побивают, и в полон емлют. И мы, холопи твои, калмацким тайшам о том говорили, чтоб они твоих государевых людей на зверовых промыслах людям своим грабить, и побивать, и в полон имать не велели и тем задоров не вчиняли, а которые твои государевы люди в полон пойманы, и они б тех людей велели отдати; и тайши людей своих от того воровства не унимают и воровством задоры чинят, не сыскивают, ничево тем за то воровство не чинят и твоих государевых людей, которых в полон поимали, не отдают; и в прошлом де, государь, во 158-м году Ишкепа тайши люди твоих тобольских служилых и ясачного татарина на зверовых промыслех побили и поимали 12 человек. А с отпискою, государь, о калмыцком побое послал к тебе, государю, Василей Горчаков... А про царевичев, государь, на Таре калмыцкие посланники ему, Василью, в роспросе и с пытки сказали, что Бугай царевич кочюет на урочища Богданай Бейду озере, а людей де с ним 30 человек, а Девлеткирей царевич кочюет в Ишимских вершинах, в Истыковых горах на Четете речке, а людей де с ним 200 человек. И Василей с томским сыном боярским со Власом Чередовым за царевичи своих государевых ратных людей послал ли и калмыцких погромных людей где дел, того он, князь Василей, ко мне, холопу твоему, Ваське Шереметеву, в Тоболеск в отписке не писал.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 11, лл. 154–156об.

141. *1651 г. ноября 16–24. — Отписка в Москву тобольских воевод — стольника Василия Шереметева с товарищами об отпуске послов контайши и о посылке к контайше меди-шумихи.*

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии холопи твои Васька Шереметев, Тимошка Лодыгин, Третька Васильев да Васька Атарской челом бьют. В прошлом, государь, во 159-м году генваря в 17-й день писали к тебе, государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии, мы, холопи твои, с тобольским архиепискуплем приказным с Иваном Павлоцким, что по твоему государеву указу посылали мы, холопи твои, из Тобольска в колмацкие улусы х контайше тобольского сотника стрелецкого Володимера Клепикова с товарыщи говорить о томских погромных ясачных людех, что погромили во 157-м году в Томском уезде Шегарскую волость ево контайшины черные колмаки Кулин сын с товарыщи, чтоб он, контайша, служа тебе, великому государю, сыскав тех томских ясачных людей полоненников, отпустил в Томской город; и тобольской сотник стрелецкой Володимер Клепиков с товарыщи в прошлом во 159-м году из калмыцких улусов в Тоболеск приехали и подали нам, холопем твоим, статейной список, а в статайном их списке написано: говорил де контайша, что Кулин де сын Сакыл повоевал твою государеву Шегарскую волость за то, что приходили де твои государевы томские служилые люди на ево контайшин улус войною и улусных ево людей побили и в полон поимали семей с 40; и бил де челом тебе, великому государю, контайша, чтоб ты, государь, пожаловал ево, не велел впредь своим государевым ратным людем ево контайшиных улусов воевать и тем задор чинить, а велел бы ты, великий государь, прислать к нему, контайше, своих государевых посланников, да для деревянного де-

ла 2 человек плотников, да 2 человек каменщиков, 2 ж человек кузнецов, да для пищального дела 2 человек бронников, да пансырь доброй, да пищаль винтовальную добрую ж, да свинцу, да меди шумихи, сколько ты, государь, пожалуешь, да 20 свиней, 5 боровов, 5 петухов, 10 куриц и... колокол <...> И в нынешнем, государь, во 160-м году октября в 24-й день в твоей государеве цареве и великаго князя Алексея Михайловича всеа Русии грамоте писано к нам, холопем твоим, в Тоболеск, что указал ты, государь, калмыцких контайшиных послов Енея с товарыщи из Тобольска отпустить х контайше без задержанья, а по ево контайшину челобитью послать к нему, контайше, меди шумихи 10 фунтов, и свиньи, и петухи индейские, чего он просил. А в плотниках, и в каменщиках, и в кузнецах, и в бронниках, и в пансыре, и в свинцу, и в колоколе ему контайше отказать и отговариватца от него в том, против прежних твоих государевых указных грамот и смотря по здешнему делу. И 10 фунтов, государь, меди шумихи, которая послать к контайше, послана к нам, холопем твоим, в Тоболеск с верхотурским сыном боярским з Григорьем Гавриловым. И как верхотурской сын боярской Григорей Гаврилов медь шумиху в Тоболеск привезет, и нам, холопем твоим, тое медь шумиху у Григорья велено взять и контайшиных послов Енея с товарыщи отпустить ис Тобольска х контайше без задержанья. И меди, государь, шумихи 10 фунтов, и свиньи, и петухи, и курицы индейские купить в Тобольску велено, с ними послать или с тобольскими служилыми людьми, с кем пригоже, против ево контайшины челобитья. А про маковской отпуск тем послом Енею с товарыщи велено нам, холопем твоим, отговариватца в Тобольску, а тобольским служилым людем, ково х контайше пошлем, велено в плотниках, и в каменщиках, и в кузнецах, и в бронниках, и в пансыре, и в пищали, и в свинцу, и в колоколе у контайши отговариватца ж всякими мерами, против прежнего твоего государева указу и указных грамот и смотря по тамошнему делу. И наперед калмацких послов к тебе, государю, к Москве без твоего государева указу отпускать не велено. А с кем х контайше медь шумиху, и свиньи, и петухи, и курицы индейские ис Тобольска пошлем, и о том нам, холопем твоим, велено отписать к тебе, государю, к Москве. И мы, холопи твои, тех контайшинных послов Енея с товарыщи отпустили ис Тобольска назад в калмацкие улусы х контайше до твоея государевы грамоты, для того что они о пропуске тебе, государю, били челом. А с ними х контайше послали в посланниках твоих государевых тобольских людей сына боярского Ивана Байгачева да татарина Кучюгая Кизылбаева с товарыщи. А твоего государева жалованья х контайше и к женам и к детям ево с ними послали, сметя против их даров, 6 выдр, 20 корольков красных, 5 портищ сукна красного, 2 портища сукна зеленово, 2 ж портища сукна лазоревого аглинсково. Да Ивану ж Байгачеву велели контайше говорить: в прошлом во 159-м году прислал он, контайша, и жены и дети ево в твою царскаго величества отчину в Сибирь, в Тоболеск, в послах людей своих Енея Мулчина с товарыщи, а велели бити челом тебе, великому государю, чтоб ты, великий государь, ваше царское величество, ево, контайшу, и жон и детей ево пожаловал, велел их послов отпустить ис Тобольска к себе, великому государю, к Москве для своего царского поздравленья. Да он же, контайша, прислал в Тоболеск с послом своим с Енеем лист, писан татарским письмом, а по переводу в том листу написано, чтоб ты, великий государь, ево, контайшу, пожаловал, велел к нему прислать своего государева жалованья колокол. Да как были у нево, контайши, твои царскаго величества посланники Володимер Клепиков с товарыщи, и он, контайша, бил челом тебе, великому государю, чтоб ты,

великий государь, ево, контайшу, пожаловал, велел к нему прислать для деревянного дела 2 человек плотников, 2 ж человек каменщиков, 2 ж человек кузнецов, да для пищального дела 2 ж человек бронников, да пансырь доброй, да пищаль винтованную добрую, да свинцу, да меди шумихи, сколько ты, государь, пожалуешь, да 20 свиней, да 5 боровов, 5 петухов, 10 куриц индейских; и о том, мы, холопи твои, писали к тебе, государю, к Москве о указе; а как твой государев указ о том будет, и к нему, контайше, с тем для ведома пришлем нарочно твоих государевых посланников; а без твоего государева указу к Москве послов их отпустить и к нему, контайше, твоего государева жалованья колокола, и мастеровых людей, и пищали, и пансыря, и свинцу, и меди шумихи, и свиней, и боровов, и куриц, и петухов послать не смели. А ныне те их послы Енея с товарыщи отпущены ис Тобольска с твоими государевыми посланцы к ним в калмыцкие улусы, для того чтоб им дойти до них калмыцких улусов здорово. А в Тобольску было им твоего государева указу ожидать долго, потому что путь до Москвы от Тобольска дальной и в проезде нужно. А как их контайша и жена ево и дети от себя отпустят, и ему, Ивану с товарыщи, велели мы, холопи твои, ехать ис калмацких улусов в Тоболеск безо всякого мотчанья. И сентября, государь, в 31-й день писал ко мне, холопу твоему Ваське Шереметеву, воевода князь Василей Горчаков, что твои государевы посланники тобольские служилые люди Иван Багачев с товарыщи и контайшины послы ж пришли ис Тобольска на Тару октября в 13-й день и били челом тебе, государю, те контайшины послы о подводах, на чом им с Тары до колмацких улусов дойти, и за подводами Иван Байгачев с товарыщи и контайшины послы с Тары х контайше не отпущены. И я, холоп твой Васька Шереметев, ко князю Василью Горчакову писал, а велел твоих государевых посланников Ивана Байгачева и контайшиных послов отпустить с Тары в Калмыки, против прежних отпусков. Да ему ж, князю Василью, велел я, холоп твой Васька Шереметев, тех контайшиных послов допросить: учнут ли они того твоего государева жалованья, что указал ты, государь, послать х контайше, на Таре до весны ждать; да будет учнут ждать, и к ним то твое государево жалованье ис Тобольска я, холоп твой Васька Шереметев, весною на Тару пришло; а будет они скажут, что им того твоего государева жалованья дожидатьца на Таре долго, и учнут они проситьца в Калмыки, и он бы, князь Василей, им сказал, что то твое государево жалованье пришлем мы, холопи твои, ис Тобольска х контайше весною с нарочными твоими государевыми посланниками, а их бы контайшиных послов и Ивана Байгачева с товарыщи отпустил с Тары х контайше, не задержав. И ноября, государь, в 16-й день писал ко мне, холопу твоему Ваське Шереметеву, князь Василей Горчаков, что он по отписке моей контайшиным послом Енею с товарыщи про твое государево жалованье, что указал ты, государь, х контайше послати, сказывал и их об отпуске допрашивал; и контайшиных де послы Еней с товарыщи на твоем государеве жалованье тебе, государь, били челом; да они же де, Еней с товарыщи, били челом тебе, государю, чтоб ты, великий государь, пожаловал их, велел свое государево жалованье медь шумиху ис Тобольска на Тару прислать, чтоб им отвести то твое государево жалованье х контайше нынешние зимы, не замешкав; а про куры индейские и про свиньи они контайше скажут, и контайша де на весну по то твое государево жалованье, по куры индейские и по свиньи пришлет людей своих к соли. И по твоему государеву указу я, холоп твой Васька Шереметев, 10 фунтов меди шумихи послал ис Тобольска на Тару к Василью Горчакову с Тимошкою Даниловым, а велел ему, князю Василью, тое медь шумиху

отдать твоим государевым посланником сыну боярскому Ивану Байгачеву с товарыщи; и к Ивану Байгачеву о том мы, холопи твои, писали ж, а велели ему тое медь шумиху отвести к контайше; а про свиньи, и про боровы, и про куры индейские велели ему контайше сказать, что то твое государево жалованье, свиньи, и боровы, и куры индейские пришлем ис Тобольска на весну к соли, к Ямышу озеру, и он бы, контайша, по то твое государево жалованье к соли прислал своих калмыцких людей нарочно. А что контайша прислал в прошлом во 159-м году к тебе, государю, в поминках бобры, и седла, и узды упряжные, и те бобры, и седла, и узды упряжные, и иную рухлядь послали мы, холопи твои, х тебе, государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии, к Москве с тобольскими служилыми людьми с конным казаком литовского списку с Петрушкою Малининым, Софронком Кроемским, с казаки с Иваном Быковским да с новокрещеным Сенькою Степановым, а велели теми бобры, и седлами, и с уздами, и с мяхкою рухлядью приехав к Москве, явится в Сибирском приказе твоему государеву боярину князю Алексею Никитичю Трубецкому да дьяку Григорью Протопопову.

Такова отписка послана к государю с конным казаком с Петрушкою Малининым ноября в 24-й день.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 11, лл. 143об.–147об.

142. *1651 г. не ранее ноября 28. — Отписка тобольского воеводы Василия Шереметева тарскому воеводе князю Василию Горчакову о получении от него вестей про поход тарского сына боярского Власа Чередова против царевича Бугая, о допросе и пытках взятых в плен калмыков, о нападении калмыков на деревню Чиплиярову, о посылке против них ротмистра Андрея Кропотова, о челобитье служилых людей, о жалованье на 159-й и 160-й годы, о запрещении посылать без государева указа служилых людей на калмыцкие улусы, о полученных в Тобольске вестях про передвижения калмыков, претензии и обиды калмыцкого посла Ишмана и об осторожном обращении с калмыками и бережении от них.*

Господину князю Василью Андреевичю Василей Шереметев челом бьет. В нынешнем во 160-м году ноября в 16 день писал ты ко мне, что сентября в 19-й день приходил войною Бугай царевич Тарского уезду Аялмынской волости на Биргамакову деревню и ту деревню повоевал. А сентября в 20-й день писал я к тебе, что по скаске тобольских конных казаков Оношки Федорова с товарыщи, которые пришли из Калмыков от Гешкепа и от Лаузауна тайшей, что Девлеткирей царевич пошел войною под государевы сибирские городы, а под которые, того не ведают. И тебе б жить на Таре с великим береженьем; а где воинские люди объявятца, и тебе на тех воинских людей посылать государевых ратных людей, чтоб над ними поиск учинить. И ты де по моей отписке и по вестям посылал за Бугаем царевичем тарского сына боярского Власа Чередова да с ним служилых людей, и служилые де люди шли сакмою за царевичем 10 дней, и как будут служилые люди на урочище на Бештаволге, и на той сакме стоит улус, а в нем калмацкие люди, и те де калмацкие люди з государевыми служилыми людьми учинили бой, и милостию Божиею, а государевым счастьем, калмацких людей побили и взяли у них 20 изб, да 70 человек с женами и с детьми, да 40 верблюдов, да 300 лошадей, да с 500 всякие животины, а служилые тарские люди отошли все здорово; да в том же де в улусе узнали юртовские и ясач-

ные татарове Чюрючичко Телешов с товарыщи, которых грабили на зверовых промыслах калмацкие люди в прошлом во 159-м году, в калмыцких лошадях своих 8 лошадей да платье; и тех калмыков роспрашивали, которого они тайши люди и они ли воевали и грабили з Бугаем царевичем государевых ясачных людей и юртовских татар; а в роспросе тебе калмыки сказалися Кешкеня тайши люди, а за Бугаем царевичем они государевых ясачных людей и юртовских татар не воевали и не грабивали, а грабили де юртовских и ясачных татар Чагана тайши люди, и кочевали де они с теми Чагановыми людьми в прошлом году, а в нынешнем году с ними не кочевали; а юртовские служилые татаровя Чюрючичко Телешов с товарыщи тех калмыков Намахайка Менеева, Ужучка Санжина узнали, как де их грабили в прошлом году, и они де тут же были, а Ужичко да Санжин меж ними и толмачил; и ты де тех калмыков с татары ставил с очей на очи, и они запирались, а после того велел пытать, и с пытки они говорили прежние ж свои речи, что они государевых людей не воевали и не грабивали, а про лошади и про платье сказали, что лошади де и платье у них в улусе было, а отколе им достались, того не ведают, а про царевичей сказали, что Бугай царевич кочюет на урочище на Богданае Бегду озере, а людей с ним 30 человек, а Девлеткирей де царевич кочюет в Ишимских вершинах в Итыковых горах на Четете речке, а людей с ним 200 человек, а поспеть де к ним ратным людем мочно в 10 ден; и о том ты писал к государю к Москве с сыном боярским со Власом Чередовым. Да ноября ж в 28 день ты ж ко мне писал, что ноября ж в 19 день прибежал на Тару тарской конной казак Игнашка Галкин, а тебе в съезжей избе сказал: был де он, Игнашка, в Аялинской волости в Чиплиярове деревне, от города в полуднище, и в ту де деревню ночью прибежал аялынской татарин Кичейко Сарыбаев а сказал: был де он, Кичейко, на зверовье верх по Иртышу и на урочище де на Артыке, от города во днище, наехал он шлях конской, а по смете тово шляху воинских людей человек з 200, а идут те воинские люди к городу по за Иртышной стороне чернями, где живут аялынские ясачные татаровя и русские люди. Да ноября ж в 20 день прибежал на Тару тарской же конной казак Федька Перминов, а тебе в съезжей избе сказал: как де он про воинских людей услышал, и он де ночью в деревне своей стоял на карауле и видел в Чиплиярове деревне зарево, а в день увидел за рекою Иртышем станишников тарских служилых людей, и с теми станишники ездил он, Федька, в Чиплиярову деревню для проведывания воинского шляху и зарева, и в Чиплиярове де деревне наехали они служилых людей тутошних жильцов Данилка Пелымского с товарыщи, 5 человек, да в ту же де деревню прибежали ночью тарские ж служилые люди Петрушка Шишев с товарыщи, 4 человека, а сказали им, что у них отбили калмацкие люди лошади их да они де от калмыцких людей ушли, а в ночи де к ним в той Чиплиярове деревне калмыцкие люди приступали и дворы зажигали трижды, и на том де приступе калмыки убили конного казака Федку Федосеева, да аялынской татарин Яскул Кангачайко пропал безвестно, а камыцких де людей было человек с 50, а после де приступу от Чиплиярове деревни калмацкие люди пошли вверх по Иртышу на ясачные волости; и ты по тем вестям за теми калмыцкими воинскими людьми послал тарского ротмистра Ондрея Кропотова да с ним служилых людей, а велел им за теми калмыцкими воинскими людьми итти, покаместа мочно будет, а где дойдут, и ты велел им, прося у Бога милости, промышлять, сколько Бог помочи подаст, чтоб нам теми калмацкими воинскими людьми поиск учинить; и служилые люди, поедучи на государеву службу, били челом государю о ево государеве денежном жалованье на

прошлой на 159-й год и на нынешней на 160-й год, а будет де государь своим государевым жалованьем их не пожалует, и им де ево государевы службы служить больши того не мочно. А после тое посылки ноября де в 22 день прибежал на Тару из полону аялынской татарин Найгачачко, а тебе в съезжей избе сказал: приходили де войною на их Аялынскую волость Девлеткирей царевич с сыном своим да с тарскими изменники с татары, а не калмыцкие люди, и ево де, Кагачейка, взяли на рыбной ловле на речке Изюне, а жил де он у царевича 2 дни да и брат ево Бошкейко Сеяткулов да сын ево Алабердейко взяты же. И по твоей отписке те вести мне ведомы. А по отписке де твоей про побои калмыцких людей и что тарские служилые люди калмыцких людей в полон поимали, и к государю о том я писал и Власа Чередова с отписками твоими к государю к Москве отпустил. А на калмыцких людей, что тебе посылать на их улусы и их побивать и в полон имать, о том я к тебе не писывал, а писал к тебе, велел ратных людей посылать, будет приход калмыцких людей в Тарской уезд, а посылать тебе велел я ратных людей, смотря по людям, и то к тебе в отписке моей написано. И что тарские служилые люди калмацкие улусы повоевали, и тем бы задору не чинить, и чтоб калмацкие тайши за то над Тарским и над Тюменским уездом какова дурна не учинили. И тебе б вперед на калмыцкие улусы без государева указу и не описався со мною ратных людей не посылать. А которые колмыцкие люди ныне пойманы в полон, и тебе б тех людей велеть беречь до государева указу, чтоб они были все в лицах. А что ты послал ратных людей за Дивлеткиреем царевичем, и ты то зделал, как знал толком; надобно ведать, чтоб были не от больших людей, и, выманив государевых людей, на больших людей не навели, и чтоб большие люди государевых людей не побили. И тебе б вперед посылать ратных людей, проведывая накрепко: будет приход калмыцких людей не больших людей, и на них ратных людей посылать, а на больших людей тарских ратных людей не посылать, чтоб от больших людей государевым ратным людем порухи не учинилось и не потерять. Да приехали в Тоболеск государевы тобольские посланники конные казаки Якунка Обрядов с товарыщи, а в съезжей избе мне и товарыщем моим сказали: как де они ехали из Калмыков и на дороге слышали от калмыцких от Гешкеповых людей, что стоят де в скопе калмыцкие три тайши с людьми своими лехким делом, а животину де они всякую отогнали в крепкие места, а которые де тайши, и в которых местах стоят, и куды хотят итти, и того де им калмыцкие люди не сказали. Да неперед де сего писал я к тебе, что говорил на посольстве мне и товарыщем моим Кумшит жены Гунжи посол Ишмали: как де он был на Таре от Гунжи в послех, и ты де взял у него 8 сажен камок да лошадь, да ему ж де, Ишмалю, взять было на тарском казаке на Костьке за лошадь же полтора рубли, а чей сын Костька, того он не ведает, и бил де он челом государю, а тебе говорил, чтоб ты ему за камки и за лошадь велел дать цену, а за лошадь же взял на казаке денги, и ты ему за камку и за лошадь ничево не дал и на казаке за лошадь же денег взять не велел; да ты ж де Гунжу бесчестил, называл ее жонкою; и ты б, за камки и за лошадь цену что доведетца и на казаке взяв за лошадь же полтора рубли денег, прислал ко мне в Тоболеск, не замотчав. А вперед бы ты калмыцких тайшей и их жон ничем не бесчестил и ничего у них себе и никому даром имать не велел. И ты ко мне о том о всем не писывал. А ноября ж в 27 день тот же Гунжин посол Ишмали присылал ко мне и к товарищам моим в съезжую избу, говорит, пристава своего сына боярского Семена Полозова да толмача Федку Гаврилова: только де великий государь наш за Гунжино бесчестье, что ты ее обесчестил,

называл жонкою, указ тебе учинит не велит и за камки и за лошадей цены ты ей не заплатишь, и Гунжа де учнет посылать под Тарской город своих воинских людей и велит Тару воевать; и тебе б, государю, было то ведомо. И жить на Таре от калмыцких и ото всяких воинских людей с великим береженьем, по городу и по острогу держать караулы крепкие, и на отъезжие сторожи и в проезжие станицы для вестей посылать почасту, чтоб воинские люди под Тарской город, и на уезды, и на ясачные волости безвестно не пришли и дурна какова не учинили. Да в острожки тебе Тарского уезду к приказным людем о том отписать же, чтоб и в острожках от воинских людей жили с великим береженьем. А что вперед про воинских людей на Таре вестей объявитца, и тебе б о том писать ко мне в Тоболеск не замотчав.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 11, лл 156–159об.

143. *1651 г. не ранее декабря 4. — Отписка тарского воеводы князя Василия Горчакова тобольскому воеводе Василию Шереметеву о нападениях царевича Девлеткирея на Аялынскую волость, о походе против него ротмистра Андрея Кропотова, об уходе от него из похода части служилых людей, о прибытии в Тару калмыцких послов и бухарцев, о нападении на них в пути царевичевых людей, об отказе служилых людей ехать из Тары в степь с калмыцкими послами, о просьбе тарских волостных татар послать служилых людей против калмыков и об отказе татар ехать из деревень в город.*

Господину Василью Борисовичю Василей Горчаков челом бьет. В нынешнем господине, во 160-м году ноября в 22 день писал я к тебе о приходе калмыцких воинских людей, что приходил войною царевич Девлеткирей с сыном да с зятем своим, а зять ево Гуря Багашев сын Ишкепу тайше брат двоюродный, и с тарскими изменники с юртовскими служилыми татары, которые изменили, в калмыки к царевичю отъехали; в прошлом во 137-м году Кучашко, да Канашачко, да Кутлумергейко с товарыщи, Тарского уезду, [приходили] на Аялынскую волость и тое Аялынскую волость повоевали, ясачных людей и жен их и детей в полон взяли, а сколько ясачных людей и жен их и детей в полон взято, про то, господине, мне подлинно не ведомо, потому что татарове, поидучи на зверовые промыслы, жен и детей своих развозили по чорным лесам в разные места, где хто розвезены, друг про друга не ведают, а будет про то подлинно ведомо, как ясачные татаровя зверовых промыслов съедутца; и за теми, господине, воинскими людьми за Девлеткиреем царевичем посылал я в посылку тарских ротмистра Ондрея Кропотова и служилых людей и юртовских служилых татар, и как будет он, Ондрей, на урочище, на Карташовом яру, и от него, Ондрея, поворотили назад служилые люди многие, человек с 150 с ним, Ондреем, не пошли, а только с ним, Ондреем, отобрався, пошли руских людей 80 человек да 30 человек юртовских татар, и с теми людьми он, Ондрей, шел до урочища до Серебряного острова, на том урочище наехал он, Ондрей, калмыцких Абулаевых послов 2 человек да 5 человек бухарцов, идут на Тару, и ему, Ондрею, колмыцкие послы и бухарцы сказали: повыше де того урочища в займище царевич Девлеткирей, идучи войною под Тарской город, оставливал с ними своих людей 20 человек с лошадьми и с запасы и для тово, чтоб их не пустить в город до тех мест, покамест он, Девлеткирей царевич, поворотит назад, и он, Ондрей, с тово урочища поворотил назад, потому что ему, Ондрею, вдаль пройти не с кем, людей мало. И я, господине, служилых

людей, которые с Ондреем не пошли, допрашивал, для чево они поворотили назад, в поход с Ондреем не пошли, и они мне сказали, что нужны, и бедны, и наги, не пожалованы, а лошади де у них худы; да ис тех же, господине, служилых людей, которые поворотили назад, Гришка да Агафонко Казанцовы да Якунко Поваров с сыном остались на рыбной ловле. Да на тех же служилых людей, которые поворотили назад, с Ондреем в поход не пошли, приходили ко мне в съезжую избу ясачные татаровя, государю бить челом, что они служилые люди у них ясачных татар потравили конские корма сена, и овса, и ячмени. Да декабря, господине, в 4 день пришли на Тару колмацкие послы; Куиша тайши жены Гунжин посол Баида да Абатура тайши, Куиши ж тайша большого сына, посол Калту с кошевары да два человека бухарцов в город прибрели пеши, а в роспросе сказали мне: послали де их, Баиду Гунжа, а Калту Абатур тайша, в Тарской город за бухарцы и с торгом, и как де они будут пониже Черные луки, и на станицу де наехали на них калмыцкие воинские люди человек их с 30 и на них, на послов, и на бухарцов били из луков, по них стреляли и убили де у них одного человека бухаретина да ранили Гунжина посла Баиду да 3-х человек бухарцов, да у них же отбили 9 верблюдов, 19 лошадей, 6 коров и овец, все взяли, а вьюк де у них з борошнем и с седлы остались на стану, и на том же де стану остались 3 человека бухарцов ранены, в город итти не могли, а погромили де их царевичевы люди, которые шли, повоевав под Тарою, а опрично де царевичевых людей нихто иной их не грабливал, потому что стрелы, которыми по них стреляли, татарские, громляные; и били челом государю, чтоб государь пожаловал, велел бы послать на то место, где у них оставлены раненые люди и борошен их; и будет те раненые люди не побиты и борошен не взят, чтоб государь пожаловал, велел бы тех людей и борошен привести в Тарской город, а им де, послом, будет борошен не взят, привести не на чем, что у них верблюды и лошади взяты. И я, господине, по челобитью тех калмыцких послов по борошен их послал юртовских служилых татар 5 человек с санми, а служилых, господине, людей 10 человек послал я проводить калмыцких послов на то место, где у нас оставлен борошен для обереганья от воинских людей; и служилые люди десятники Гришка Казанцов, Осташко Мартинов, Гришка Логинов, Тришка Баженов, Ивашко Неупокоев били челом государю, сказали: ехать де им не на чем, что у них лошади нужны, а они люди бедны, не пожалованы, с теми калмыцкими послы в степь ехать служилых людей 10 человек не дали; а что учинитца вестей над калмыцкими послы, и мне бы в том от государя в опале не быть. Да тово ж, господине, числа прибежали в город Турашской и Тунушской волостей ясачные татаровя Ноятайко Акбиляков, Утчюбайко Шешкулин и в роспросе сказали мне: были де они на зверовье вверх по Иртышу, 15 их человек, и на усть де Оми реки наехали на них калмыцкие люди человек с 30, и их де те калмыцкие люди погромили, 2-х человек у них ранили да 2-х человек неведомо убили, неведомо их взяли, в волости они не бывали, а которого тайши люди их громили, тово они не ведают; да на том погроме взяли у них 19 лошадей и зверовую их добычю у них отняли; и те ж ясачные татаровя Ноятайко и Утчюбайко ото всех людей Турашской, Любаиской и Тунуской волостей государю били челом, прошали 100 человек служилых людей на добрых конях итти на тех калмыцких людей, которые их громили, а не пожалует государь служилых людей, дать им не велит, и они де собою, сколько их зберетца и сколько мочи их будет, хотят итти на тех калмыцких людей. И я, господине, тунуским татаром служилых людей, не описався с тобою, дать не смею, а им, ясачным татаром,

сказал, что о том писал я к тебе в Тоболеск. И по вестям, господине, служилым людем я велю жить бережно, из деревень в город з женами и з детьми ехать велю, чтоб от воинских людей было опасно; и служилые люди многие из деревень в город не едут, жон и детей своих не везут, а в том будет что учинитца или воинские люди придут, а в деревнях служилых людей побьют или в полон возьмут, мне бы в том от государя в опале не быть.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 11, лл. 160–162об.

144. *1651 г. не ранее декабря 10. — Отписка приказчика Нижней Ницынской слободы Григория Загарина приказчику Верхней Ницынской слободы Никифору [...] о вестях про Девлеткирея с сыном и про калмыков.*

Господину Микифору... Григорей Загарин челом бьет. В нынешнем во 160-м году декабря в 10 день писал с Тюмени ко мне в Нижную Ницынскую слободу воевода Иван Веригин, что в нынешнем же де во 160-м году декабря в 3 день писал к ним на Тюмень ис Тобольска стольник и воевода Василей Борисович Шереметев: ноября де в 23 день приехали в Тоболеск ис калмацких улусов тобольские конной казак Якушка Обрядов с товарыщи, а сказал: слушали де они, идучи на дороге от калмыцких от Гешкеповых людей, что стоят де в скопе калмыцкие 3 тайши с людьми своими лехким делом, а скот де они отогнали в крепкие места. Да ноября ж де в 23 день писал в Тоболеск с Тары воевода князь Василей Горчаков, что ноября де в 30 день приходили Тарского уезду Аялынские волости на Чипкулярову деревню Девлеткирей царевич с сыном своим да с тарскими изменники, и тое де деревню зажигали, и убили конного казака Фельку Тимофеева, да в полон взяли 3-х человек татар. И тебе б те вести были ведомы. Да в иные б тебе слободы к приказщиком отписать с нарочными гонцы, чтоб им те вести по тому ж были ведомы; а для того с теми вестьми послан к тебе в Верхную Ницынскую слободу ницынской конной казак Митька Базунов.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 10, л. 65об.

145. *1651 г. декабря 17. — Приговор тобольского воеводы стольника Василия Шереметева о наказании тарских служилых людей, ушедших из похода и чинивших обиды ясачным татарам, и о запрещении посылать служилых людей против калмыков без государева указа.*

160-го года декабря в 17 день стольник и воевода Василей Борисович Шереметев с товарыщи, сее отписки[1] слушав, велел отписати на Тару к воеводе ко князю Василью Горчакову, чтоб он тем тарским людем, которые посланы с ротмистром с Ондреем Кропотовым за царевичем и в погоню шли, воротились назад на Тару, а он де не со многими людьми... учинил наказанье, выбрав из них человек 5 или 6 лутчих людей, велел бить кнутом, а тех, которые не послушали... с послы и бухарцы и с Берельдеем пошли, того Лауш учинил наказанье, выбрав из них человек 2 или 3 лутчих же людей, кнутом же велел бить, чтоб им вперед не плутовать, нагло воровать, государеву указу не слушать. А что те тарские служилые люди сена и овса у ясачных людей потравили, и то на них велеть доправить и отдать ясачным людем. А что тарские

[1] *См. прилож. № 143.*

громленые ясачные люди били челом государю и просили на калмыцких воинских людей тарских служилых людей, а он им дать не велел, а писал о том в Тоболеск, и к нему о том писать, что на калмыцких людей войною послать не смели, потому что в Тобольску государеву указу нет, что нам на калмыков войною... и писать о том об указе. И как он учнет тарским служилым людем, которые из походу воротились, чтоб наказали, и ему велети им наказати, то их и общая вина, коли они бедны и в поход за царевичем итти не с чем, и им было бити челом о том государю в то время, как вы их в поход учали посылати, а не так было делать, что пошед в поход и отошед от города далеча...[2]

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 11, лл. 161–163.

146. *1651–1652 гг. — Челобитная ленского казака Ивана Ерастова о жалованье за службу в 146–160-м годах в Якутском уезде.*

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии бьет челом холоп твой ленской казак Ивашко Родионов Ерастов. В прошлом, государь, во 146-м году били мы челом блаженные памяти отцу твоему государеву великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии, а челобитную подали в старом Ленском остроге енисейскому атаману Ивану Галкину енисейский казак Посничко Иванов с 30 человеки, чтоб государь нас пожаловал, велел отпустить на твою государеву службу через горы конми на Яну реку и по иным сторонним речкам для ради прииску и приводу под твою государеву царскую высокую руку немирных землиц розных родов, которые преж сего твоего государева ясаку не плачивали, и руские люди к ним не бывали. А поднимались мы, холопи твои, на ту твою государеву службу своими кони и оружье и сбрую конную покупали и должились у торговых людей дорогою ценою, а подъемы нам, холопем твоим, ставились рублев по 100 и больше. А пришед мы, холопи твои, на Яну реку, собрали иноземских якуцких князцей и с их улусными людьми: Язамской волости князца тунгуса, низовских Ольгерских князцей... Тугу, шамана Авдуческого Селбука с родом их с улусными людьми — и сказали им твое государево царево и великаго князя Алексея Михайловича всея Русии жалованное слово, чтоб они, иноземцы, были надежны на твою государскую милость и учинились бы они под твоею государевою царскою высокою рукою в вечном холопстве неотступны навеки, а твой бы государев ясак платили они князцы с себя и с улусных людей по изложению, сколько которого сила ляжет. А собрали, государь, мы на Яне реке на прошлой на 147-й год 5 сороков с прибылью соболей. А выслали тое твою государеву казну с Балагурком Никифоровым в Енисейской острог. А мы, холопи твои, ходили на Камень и поимали 4-х человек юкагирских людей, и те юкагири перевели нас, холопей твоих, с Яны реки через Камень на конях на Индигирскую реку. А как мы, холопи твои, пришли на Индигирскую реку, и нас встретили многие воинские юкагирские люди и поставили с нами, холопи твои, крепкой бой, не хотя нас к себе в землю пустить, и у многих у нас, холопей твоих, коней побили. И на том, государь, бою я, холоп твой, убил мужика, а у меня, холопа твоего, убили они, иноземцы, двух коней. Да мы ж, холопи твои, на том бою поимали 2 человек лутчих людей: одного шоромбойского князца Полеву, а другого енгинских

[2] *Конец приговора опущен ввиду невозможности установить его смысл по данной копии.*

пеших мужиков шамана Пискуна, и тех, государь, аманатов посадили в ясачном зимовье. Да в том же, государь, во 147-м году августа в 16 день те ж коромбойские и енгинские князцы с своими улусными людьми, пришед на нас, холопей твоих, с другой ряд, и хотели нас, холопей твоих, побить и из земли выгонить и крепкой бой с нами, холопи твоими, поставили, и дралися мы с ними целой день до вечера, и Божиею, государь, милостию и твоим государским счастьем тех мы юкагирей многих побили и испереранили, и нас, холопей твоих, они юкагири изранили ж и коней побили, у меня, холопа твоего, коня убили, а я, холоп твой, поимал живьем шоромбойсково Черкаской волости князца и шамана именем Юледу, и посадили, государь, того Юледу в аманаты. Да в прошлом, государь, во 148-м году сентября в 13 день мы, холопи твои, поделав струги, ходили вверх по Индигирской реке для ради твоих государевых непослушников и изменников пеших мужиков на князца Чичю. И сошли мы, государь, того Чичю на их жильях на рыбной ловле и учали ему, Чиче, говорить, чтоб он дал аманатов и промышлял бы твоим государевым ясаком на 148-й год, и он, Чича, в аманатех и в твоем государеве ясаке отказал, и мы, холопи твои, напустя на него, Чичю, и на улусных людей, ево погромили и многих улусных людей побили, и жен и детей их в полон поимали, и дралися мы, государь, с ними многое время, и на том, государь, бою я, холоп твой, поимал князца Чичи брата ево меньшово, именем Нягилбу, и посадил того Нягилбу в аманаты, и под те, государь, аманаты они, юкагири, платили твоего государева ясаку на 148-й год 4 сорока соболей с прибылью, а тое твою государеву соболиную казну вывез енисейской служивой человек Посничко Иванов в Якутской острог, а я, холоп твой, остался на Индигирке реке с Кирилком Нифантьевым, всего 15 человек, збирать твой государев ясак на 149-й год и поимали, государь, мы с ним, Кирилком, лутчего енисейского низовского князца Уянду и посадили его, Уянду, в ясачном зимовье в аманаты, и собрали, государь, мы под тех аманатов твоего государева ясаку с ним, Кирилком, на 149-й год 5 сороков соболей с прибылью, и тое твою государеву соболиную казну вывез он, Кирило, в Якутцкий острог. А на перемену к нему пришел ленской служивой человек Димитрей Михайлов Ярило, и с ним, Дмитрием, я, холоп твой, ходил вниз по Индигирке реке в стругах к олюбинским мужиком и князцу Морлю и Бурулге, и те, государь, князцы, встретя нас, холопей твоих, бой поставили, и дралися, государь, с ними до половины дни, и Божиею, государь, милостию и твоим государским счастьем тех мы иноземцов многих побили и изпереранили, и я, холоп твой, на том бою убил олюбинского мужика. Да мы ж, холопи твои, взяли на том бою князцева Морлева племянника и пасынка ево именем Келтегу. Да того ж, государь, 149-го году мы, холопи твои, поимали олюбинского князца Бурулгу, взяли государь, под тех аманатов твоего государева ясаку на 149-й год 20 соболей, а на 150-й год 3 сорока соболей. И по их, государь, аманатским роспросным речам ходили мы, холопи твои, на твою государеву службу в новую землицу на Алазейскую реку с ним, Дмитрием, в коче морем 15 человек; а как, государь, мы пришли на Алазейскую реку, и алазейские, государь, юкагири, скопяся со многими воинскими людьми, нас, холопей твоих, на усть Алазейки реки встретили и, по обе стороны реки общед нас, холопей твоих, учали стрелять, и мы, холопи твои, у Бога милости прося, учали над ними умысляся промысел чинить, вышед к ним, иноземцам, на тундру, учали драться, и к ним в улус пробились, и взяли, государь, на том бою доброво алазейского мужика, именем Мымака, да князца Невгочи, племянника ево, именем Тимту. А как, государь, мы, холопи твои,

пошли по Алазейской вверх, и в том же, государь, во 150-м году июля в 19 день алазейские юкагири, скопяся с своими улусными воинскими людьми, пришед на нас, холопей твоих, в другой ряд войною, и с нами, холопи твоими, учали драться и многих нас испереранили, а мы на том бою убили у них алазейсково князца Невгочю и иных многих улусных людей, и меня, холопа твоего, болно ранили, правую руку пробили по мышке да в левую холку в поясницу. И дошед мы, холопи твои, до лесных мест, зимовье поставили и поимали, государь, алазейского лутчего шамана, имянем Унгандру, а взяли ево вместо сына ево Ниничи в аманаты; да мы ж, государь, взяли князца Манзиты брата ево меньшова, именем Тоиту, и взяли, государь, мы под тех аманатов твоего государева первого ясаку на 151-й год 5 сороков соболей, и тое твою государеву соболиную казну вывез ленской служивой человек Федор Чюкичев в Якуцкой острог. А я, холоп твой, воротился с Алазейской реки на Индигирскую, потому что, государь, стала на Индигирской реке в ясачных юкагирях измена, коней у служилых людей побили и к ним, служилым людем, к ясачному зимовью приступали, и я, холоп твой, пришед к ним, служилым людем, с ними вместе сидел в осаде и к ним, юкагирским князцам и их улусным людем, к ним в улусы ходил и их розговаривал, чтоб они были по-прежнему в ясачном холопстве и государевых бы они служилых людей и промышленных на лесах на их соболиных промыслах не побивали, и, меня, холопа твоего, они хотели убить, и на великую силу их, юкагирей, уговорил и от воровства унял. И того ж, государь, 151-го году июля в 27 день ушел у служилого человека у Онички Никитина аманат ковымской шаман Пороча, и мы, холопи твои, гонялись за ним и, в улус пришед, взяли ево шаманову жену да сына, и те, государь, юкагири, скопяся, хотели у нас аманацкую жену и с сыном ее отбить и учали нас стрелять, и мы, холопи твои, дралися с ними целый день до вечера, и меня, холопа твоего, на том бою больно ранили в левую ногу. И собрав, государь, мы, холопи твои, твою соболиную ясачную казну на Индигирской реке в Верхнем и в Нижнем зимовье на 151-й год перед прежним с большею прибылью, и тое твою государеву соболиную казну во 152-м году мы, холопи твои, вывезли в Якуцкой острог с ленским служилым человеком с Лаврушкою Григорьевым с товарыщи. Да в прошлом же, государь, во 156-м году по твоему государеву указу и по приказу воевод Василья Никитича Пушкина с товарыщи послан я из Якуцкого острогу на твою государеву службу на Алазейскую реку, а велено, государь, мне, холопу твоему, принять алазейских аманатов у ленских служилых людей у Ивашка Белянки с товарыщи, и те, государь, служилые люди мне, холопу твоему, аманатов не отдали. И прошлого ж, государь, 158-го году октября в 3 день те алазейские аманаты тебе, государю, изменили, убили 2 человек служивых людей — Сидорка Филимонова да Ларку Ермилова — и из аманатов ушли в свои Алазейские юкагирские улусы и на лесах побили промышленных людей 13 человек. И я, холоп твой, видячи, государь, что стала измена в алазейских юкагирях и православная християнская неповинная кровь напрасно проливается, весть разослал по лесам и собрал промышленных людей 40 человек, и ходил я, холоп твой, за теми изменники на Камень на их житья и тут их сойти не мог, ушли на Индигирскую реку к морю и Бурулге в ясачные волости. И я, холоп твой, ходил на Индигирскую реку и взял у пятидесятника казачья у контайши Стефанова 30 человек да 40 человек енгинских юкагирей и ходил за теми изменники на Камень и сойтить их не мог, ушли за Камень. И пришед, государь, на Алазейскую, ходил с теми промышленными людьми на другую розсоху и там их, изменников, не

мог настичь. И в прошлом же, государь, во 159-м году октября в 29 день собрал я, холоп твой, служилых и промышленных людей 33 человека, и ходил за теми алазейскими юкагири, и сошел их на их кочевных житьях, и говорил им, чтоб они, изменники, дали аманатов и твой бы государев ясак платили по-прежнему, и те, государь, алазейские юкагири в твоем государеве ясаке и в аманатех отказали, и покорны и послушны под твоею царскою высокою рукою не захотели, и, обшед нас, холопей твоих, кругом, стали стрелять, и бой с нами крепкой поставили, и дрались, государь, мы с ними целой день до вечера и ввечеру поздно, и на том, государь, бою нас, холопей твоих, 9 человек больно изранили да промышленного человека Никитку Прокопьева досмерти убили, а меня, холопа твоего, больно ранили в груди да тремя стрелами в спину пансырь пробили; и в осаде, государь, сидели мы 8 дней и на великую силу от них отошли в ясачное зимовье. И того ж, государь, 159-го году пришел с Ковыми реки на Алазейскую реку сын боярской Василей Власьев, а с ним пришло 18 человек служивых людей, и послал он с ними ленского служивого человека Второва Катаева, а я, холоп твой, ходил с алазейскими служилыми людьми с 30 человеки, и тех, государь, мы алазейских юкагирей сошли на их житьях вверх Алазейской реки в острожке и, осадя их накрепко, учали к ним приступать, и они, государь, выходя на выласки к нам, холопем твоим, билися по 6 дней, а в 7 день, на празник Николин день, взяли у них из-за бою 7 человек аманатов старых и новых, лутчих людей из Алазейской земли, и отдал я, холоп твой, тех алазейских аманатов с ево Василья Власьева с Иваном Пинепою ленскому казачью десятнику Панфилу Мокрушубову в отдачю. А будучи я, холоп твой, на тех твоих государевых дальных новых службах со 146-го году да до нынешнего 160-го году, тебе, государю, служил, на боях бился и аманатов имал, и ясачные зимовья с острожками ставили, и по их землям аманатов посадили, и в ясак земли обложили, и ныне, государь, с тех новых земель с Яны, и с Индигирской, и с Алазейской, и с Ковыми реки идет твоя государева ясачная и десятинная немалая казна з большою прибылью, и впредь, государь, те земли стали прочны и стоятельны, а те, государь, иноземцы учинились под твоей государевой царскою высокою рукою в вечном ясачном холопстве не отступны. А збирали, государь, с тех новых иноземцов твой государев ясак... и стрелы. А по твоему государеву крестному целованью указана нам, холопем твоим, будучи в полкех воевод и в посылках голов и всяких начальных людей, бится с недруги твоими досмерти, лица свого не щадя, и я, холоп твой, помня крестное твое целованье, с теми иноземцы с якутами, и тунгусами, и с юкагирями, и с иными разными языки [бился], и на боях и на аманацких имках я, холоп твой, избит и изранен весь, а от конново убойства и от подъему, что я, холоп твой, поднимался на те твои государевы службы, стал должен. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии, пожалуй, государь, меня, холопа своего, за мою к тебе, государю, службу, за раны и за кровь, и за аманатские имки, и за конное убойство, чем тебе, великому государю, Бог известит, и вели, государь, сию мою челобитную своему государеву стольнику и воеводе Ивану Павловичю Акинфову да диаку Осипу Степанову, подклея под отписку, послать к тебе к государю к Москве. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 30, лл. 201–206.

147. *1652 г. не ранее июня 23. — Отписка в Москву тюменского воеводы Ивана Веригина о мерах, принятых им для укрепления города ввиду вестей о приходе калмыков, и о недостатке в городе служилых людей и ружей.*

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии холоп твой Ивашко Веригин челом бьет. В нынешнем, государь, во 160-м году маия в 13-й день писал ко мне, холопу твоему, на Тюмень ис Тобольска стольник и воевода Василей Шереметев о вестях воинских людей: маия в 8-й день писал де к нему в Тоболеск из Атабашсково острожку атаман Петр Вайгачев: маия в 6-й день приехал де в Атабашской острожек Капканисской волости ясашной татарин Таулко, а сказал ему, Петру, что он, Таулко, видел на Вагайской перелазе руского человека с калмыцкими послы, и тот де руской человек велел ему, Таулуку, сказать в Атбашском острожке, что у них лошади пристали, ехать им в Тоболеск не на чем; а слышал де он в калмыцких улусех от калмыцкого тайши, у которого он был в посланникех, что де нарежаютца калмытцкие тайши войною под твои государевы сибирские городы, а ево де тайша, у которого он был в послах, для того отпустил с послами своими в Тоболеск наскоро, а велел в Тобольску сказать, чтоб жили с великим береженьем. Да маия, государь, в 31 день писал ис Тобольска ко мне, холопу твоему, на Тюмень стольник и воевода князь Василей Хилков: маия де в 31 день приехал ис калмыцких улусов в Тоболеск захребетной татарин Исенгилдейко Кутугаев, а в роспросе де ему сказал: послан де он был в калмыцкие улусы к Копчелбе тайше в посланникех, и Кочелба де тайша отпустил ево, Исенгилдейка, в Тоболеск нарошно, а велел сказати в Тобольску, что Девлеткирей царевич да калмацкой Доен Обо тайша збирают калмытцких многих воинских людей, а хотят де итти под твои государевы сибирские городы и на слободы войною. Да июня в 12 день писано ко мне, холопу твоему, ис Тобольска на Тюмень, что маия в 10 день писал в Тоболеск с Тары воевода Иван Чаадаев и прислал под отпискою своею исецково чернца Ивашка распросные речи, а в роспросных ево речах написано: в нынешнем во 160-м году после Семена дни полонили ево в калмацкие улусы Девлеткирея царевича воинские люди, и жил он в колмацких улусех больше полугода, а живучи, слышал он у царевича в улусе: хочет де Девлеткирей царевич с воинскими людьми итти войною под твои государевы городы и на слободы, а под которые городы и на слободы итти войною хочет, того он, чернец, не ведает, а подзывает де Девлеткирей царевич к себе на войну в помочь калмыцких тайш. Да июня в 23-й день писано ко мне, холопу твоему, ис Тобольска на Тюмень: в нынешнем же де во 160-м году июня в 17-й день писал в Тоболеск с Тары воевода Иван Чаадаев, что в нынешнем де во 160-м году июня в 1-й день пришли на Тару ис Калмаков калмыцкие посланники, а с ними пришли Бухарские земли торговые бухарцы: корованной голова Дасонко Мегдулов с товарыщи, и привез он, Досонко, с калмыком к нему, Ивану, грамотку от тарских бухарцов от Сели Овсова с товарыщи, а сказал Досонко: дали де ему ту грамотку бухаретин Селя Овсов с товарыщи, встретясь в степи, не дошед до Абулаевых улусов, и речью де с ним Досонко с товарыщи приказывали, а велели ему Ивану сказать, что одноконечно де царевич с калмыцкими большми людьми будет войною под твои государевы городы, как поспеет сенокос и жнитва. И я, холоп твой, тюменских служилых людей и юртовских служилых татар на отъезжие сторожи и в проезжие станицы в поле безперестани для вестей посылаю, чтоб воинские люди под Тюмень и на Тюменской уезд безвестно не пришли и дурна какова не учинили. И по всем, государь, тем тобольским вестовым отпискам призы-

вал я, холоп твой, в съезжую избу тюменских служилых и ясашных и захребетных татар и бухарцов и те вести им сказывал, чтоб они на Тюмени, и в деревнях, и на зверовых промыслах жили с великим береженьем, и по вестям бы служилые люди на твою государеву службу были готовы. И в Исецкой острог и в слободы к прикащиком те вести против всех тобольских отписок писал с нарошным гонцом, чтоб в Исецком остроге и слободах от приходу воинских людей потому ж жили б с великим береженьем. И на Тюмени, государь, позаде острогу с приходу от поля надолбы згнили и развалились, и позаде тех старых надолб по обещанию служилых и всяких людей воздвигнен храм внове во имя Знамения Пречистые Богородицы, да позади ж, государь, старых надолобов твои государевы гумна и многие дворы служилых и всяких жилецких людей, которыми дворами поставились внове. И я, холоп твой, сделал с приходу от поля позаде храму и твоих государевых гумен и служилых и всяких людей дворов надолбы двойные новые добры от Туры реки и до Тюмени речки позаде рву. А тюменские, государь, конные стрельцы и казаки стоят в поле на Пышме реке на отъезжих на трех сторожах по 4 человека, в проезжие станицы в поле ездят по 4 ж человека по вся дни безперестани летом и зимою, покаместа снеги большие укинут. Да по вестям, государь, ездят в дальние станицы человек по 50 и больше, да в слободы для проезжих же станиц и отъезжих караулов посылаютца по 15-ти человек живут помесячно. А пешие, государь, стрельцы и казаки посылаютца на твоя государевы службы ежегод в Тоболеск на годовую по 50 человек, а ис Тобольска провожают твои государевы хлебные запасы в Енисейской острог, да в Тарханской острожек по 45 человек, и в Новой Исецкой острог и в слободы для береганья от воинских людей по 65 человек, да в слободы ж под твои государевы хлебные запасы и из слобод на дощаниках твои государевы хлебные запасы до Тобольска по 100 человек и больше, на Ямышь озеро по соль посылаютца конные и пешие стрельцы и казаки и юртовские служилые татаровя по 200 человек, а кочевому делу емлют человек по 20 и больше, в новую Даурскую землю послано 20 человек, а иные, государь, служилые люди конные и пешие стрельцы и казаки посылаютца в твои государевы городы и в острожки и в слободы со всякими твоими государевыми делами и с вестовыми отписками; а за тем, государь, твоими службами на городе и на остроге оставаетца служилых людей мало, и те на городе и на остроге на караулех стоят днем и ночью безпрестани. И в приход, государь, воинских больших людей теми служилыми людьми, которые за тобольскими и острожными и слобоцкими службами и зо всякими посылками на Тюмени оставаютца, и теми, государь, малыми людьми Тюменского уезда оберечь будет некем. А ружья, государь, ручного самопалов на Тюмени в твоей государеве казне нет. А которые, государь, стрелецкие и казачьи дети, и братья, и племянники подросли, в твою государеву службу пригодятца, не верстаны, а ружья у них нет, и в приход воинских людей дать им нечево. И по твоему государеву указу и по грамоте писал я, холоп твой, в Тоболеск к стольнику и воеводе к Василью Шереметеву, и стольник и воевода Василей Шереметев писал ко мне, холопу твоему, на Тюмень, что в Тобольску де в твоей государеве казне ружья ручново самопалов нет. А без запасново, государь, ружья на Тюмени в приход воинских людей быть нельзя. И о том ручном ружье, что ты, государь, укажешь.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 8, лл. 160об.–163об.

148. *1652 г. не позднее августа 20. — Челобитная енисейских всяких чинов людей архиепископу сибирскому Симеону о построении церкви Рождества и девичьего монастыря в Енисейске.*

Великому господину преосвещенному Симеону, архиепископу сибирскому и тобольскому, бьют челом Енисейсково острогу богомольцы государевы и твои светительские попы, и холопи государевы дети боярские, и атаманы из съезжей избы, и таможенные подьячие, и служилые и посацкие люди, и пашенные крестьяне. В нынешнем, государь, во 160-м году октября в 13-й день били челом тебе, великому господину преосвещенному Симеону, архиепископу сибирскому и тобольскому, а к тебе, святителю, из Енисейского в Тоболеск за руками [послали] челобитную с тобольским сыном боярским з Дмитрием Клепиковым, чтоб ты, государь, нас пожаловал, велел нам в Енисейском отсроге на посаде за Мельнишною речкою на новом месте воздвигнути храм в готовом лесу во имя Рождества Христова Бога нашего да в пределе Рождество Пречистые Богородицы и к той церкви построить девичь монастырь…

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д 22, с. 512, 513. Конец в копии отсутствует.

149. *1652 г. августа 20–31. — Отписка енисейского воеводы Афанасия Пашкова архиепископу сибирскому Симеону о челобитной енисейских всяких чинов людей о построении церкви Рождества и девичьего монастыря в Енисейске.*

Великому господину преосвещенному Симеону, архиепископу сибирскому и тобольскому, Афонасей Пашков челом бьет. В нынешнем во 160-м году августа в 20-й день били челом тебе, великому господину преосвещенному Симеону, архиепископу сибирскому и тобольскому, а мне в Енисейском в съезжей избе Енисейского острогу всяких чинов людей дали за руками челобитную, а в челобитной их написано, чтоб ты, великий господин преосвещенный Симеон, архиепископ сибирский и тобольской, пожаловал, велел им в Енисейском остроге на посаде за Мельнишною речкою на новом месте воздвигнуть храм в готовом лесу во имя Рождества Христова Бога нашего да в пределе Рождество Пречистые Богородицы и к той церкви построить девичь монастырь и дать им свою светительскую благословенную грамоту и антимис. И я тое их челобитную послал к тебе, великому господину преосвещенному Симеону, архиепископу сибирскому и тобольскому, под сею отпискою.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, с. 512.

150. *1652 г. августа 27–31. — Отписка в Москву верхотурского воеводы Льва Измайлова о найденном на Исети черенковом ревене и на Синаре — копытчатом ревене и о необходимости построения острога на речке Барневе, притоке Исети.*

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии холопи твои Левка Измайлов, подьячей Мишка Посников челом бьют. По твоему государеву указу велено нам, холопем твоим, на Верхотурье корень ревень копытчатой и черенковой у всяких людей иметь на тебя, государя, а деньги давать ис твоей государевы казны по сибирской цене, и присылать тот ревень к тебе, государю, к Москве в Сибирской приказ. И мы, холопи твои, приехали на твою государеву службу в Сибирь на Верхотурье, учинили о ревень корень заказ крепкой, чтоб из Сибири в руские городы корень ревень нихто не вывозили, и приказывали верхотурским служилым

и торговым людем, которые ездят в Тоболеск и на Тюмень, проведывать у калмыков и у бухарцов всякими мерами накрепко тайно и в разговорах роспрашивать, где они корень ревень копытчатой и черенковой добывают, и в каких местах растет, и нет ли тово кореня в сибирских степных местах или по рекам. И в нынешнем, государь, во 160-м году июля в 9-й день писал к нам, холопям твоим, из Верхотурского уезду из Ницынской слободы прикащик Григорей Барыбин: сказывали де ему Ницынской слободы пашенные крестьяне Фетька Иванов да Першка Карпов, корень ревень черенковой, сказывают, что привозят из Калмыков и из Бухар, и такой де корень растет меж Верхотурского, и Тобольского, и Тюменсково уезду по реке по Исети; и того исецково ревеню прислал он, Григорей, к нам, холопем твоим, корень. И мы, холопи твои, тот исецкой корень... корень з бухарским черенковым, что взят на тебя, государя, у дьяка у Василья Атарсково, складывали и торговым людем показывали, и тот исецкой ревень такой же, что и бухарской Василья Атарсково, и торговые люди, смотря того исецкого кореню, сказывали, что корень прямой черенковой ревень. И мы, холопи твои, для того ревеню велели из Ницынской слободы прикащику Григорью Барыбину да с ним беломесным казаком взять тех пашенных крестьян Фетьку Иванова да Першку Карпова ехати на Исеть реку, и того кореню велели для опыту копать, и того места, где тот корень растет, велели досмотреть, и какие те места, степные ли или в черных и в дубровах, и есть ли около того места какие угодья и реки. И августа, государь, в 27-й день приехал на Верхотурье и Ницынские слободы прикащик Григорей Барыбин и привез того нового кореню ревеню, укопав пуда с 4, а копал де он тот корень ревень с пашенными крестьяны с Фетькою да с Першкою меж Тобольского, и Верхотурского, и Тюменского уездов возле реки Исети к Барневе речке по верхнюю сторону Исети реки да с степной стороны и против Исецково нового острошку внизях, в дубровых местах, а того де места верст на 5 и больше, да и иных де во многих местах того кореню по реке Исете чает копать и... много. И мы, холопи твои, того нового кореню ревеню, что привез Григорей Барыбин, послали к тебе, государю, к Москве с 4 пуда с верхотурскими служивыми людьми... И только, государь, ревень мошно накопать по вся годы, по скольку пудов на год ты, государь, укажешь, и устроить в том месте острог и караул крепкой, чтоб того ревеню нихто опричь твоего государева указу не копал, и в Тобольске и в иных сибирских городех учинить заказ крепкой, чтоб черенкового кореню ревеню у калмыцких людей и у бухарцов не покупали. И вывозить ис Калмыков и их бухар того черенкового кореню ревеню не велети; и без покупки, государь, в тех местех мошно того ревеню укопать, сколько, государь, ты укажешь. Да и про копытчатой, государь, ревень сказывают исетские крестьяне и ясачные вагуличи, что де растет и копытчатый ревень в степи по реке Синаре, а та река Синара вышла ис-под Камени блиско вершины Еика реки, а пала в Исеть реку, и для того копытчатого ревеню вверх Исети реки на реку Синару послать без твоего государева указу служилых людей мы, холопи твои, не смели, для того что де по той реке Синаре часто кочуют калмыцкие люди. А ныне мы, холопи твои, на Исеть послали верхотурсково сына боярсково Понкратия Перхурова да с ним служилых людей и велели того кореню укопать и высушить, колько мочно; а колько ево пудов укопают и будет он к тебе, государю, годен, и мы, холопи твои, тот ревень к тебе, государю, пришлем по зимнему пути.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 2, лл. 267–268об.

151. *1652 г. не ранее сентября 4. — Память тюменского воеводы Ивана Веригина приказчику Нижней Ницынской слободы Григорию Загарину о калмыках, которых видели на реках Пышме и Исети.*

Господину Григорью Борисовичю Иван Веригин, Григорей Жданов челом бьют. В нынешнем во 161-м году сентября в 4 день прибежал на Тюмень с Пышмы реки с караулу тюменской конной стрелец Микифорко Мутовкин, а в роспросе нам сказал: сево ж числа прибежал к ним на караулы тюменской служилой татарин Катырко Аскетов и сказал ему, Микифорку, с товарыщи: слышал да он, Кытырко, у тюменсково ж служилово татарина, а имяни ему не сказал, от кого слышал, идут де вверх по Исети большие калмыцкие воинские люди, а он де их видел, а под городы ли или под слободы идут, того не ведомо, а допросить он, Никифорко, у Катырка не успел, побежал в город наскоро. Да того ж числа прибежал ис Тюменсково уезду с Кармаков конной стрелец Митька Пушников, а в роспросе нам сказал: слышал де он верх Пышмы реки на Беляковке у тюменсково ясашного татарина у Адарка Телбубина: прибежал де к ним серед ночи из-за Пышмы тюменской же ясачной татарин Игимбетко Турунтаев и ему, Митьке, велел бежать на Тюмень в город и сказать: идут де воинские люди, и он, Митька, допросил: сам ли он, Игимбетко, воинских людей видел или от кого слышал, и он, Игимбетко, ему сказал: тюменской де ясашной татарин Алиярко Кубердеев видел многих воинских людей, а идут, куды преж сего воиснкие люди приходили: на Чюбарово верх Пышмы на Енбаевы юрты. И тебе б по государеву указу жити в Ницынской слободе от воинских людей с великим береженьем. И Тобольсково и Верхотурсково уездов в слободы к прикащиком отписать тотчас с нарочными гонцы, чтоб они потому же жили от воинских людей с великим береженьем. И Тобольсково и Верхотурсково уездов в слободы к прикащиком отписать тотчас с нарочными гонцы, чтоб они потому ж жили от воинских людей с великим береженьем, чтоб воинские люди, пришед безвестно, не повевали и дурна какова не учинили. И какие вести про воинских людей в слободах у вас объявятца, и тебе б отписать к нам на Тюмень с нарошными гонцы тотчас.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 10, лл. 65об.–66.

152. *1652 г. не ранее сентября 10. — Память тюменского воеводы Ивана Веригина приказчику Нижней Ницынской слободы Григорию Загарину о походе башкир на калмыков и о сборе последних в поход.*

Господину Григорью Борисовичю Иван Веригин, Григорей Жданов челом бьют. В нынешнем во 161-м году сентября в 10 день писал ис Тобольска на Тюмень стольник и воевода князь Василей Иванович Хилков: в прошлом де во 160-м году августа в 21 день приехали ис калмыцких улусов в Тоболеск тобольские литовского списку конной казак Гришка Прокшин да татарин Пенеска Итеев, а в съезжей избе в допросе сказали: в прошлом же де во 160-м году посланы они были ис Тобольска в калмыцкие улусы в посланникех к Доен Онбе тайше, а живучи у Доен Онбы тайши в улусе, слышали они от калмацких людей и от русского полону, что ходили войною на торхоутов на Урлюковых детей Уфинсково уезду башкирские тотаровя и взяли у них ясырю, и живот, и скота много, и калмаки де, скопяся многими людьми, гоняли за ними в погоню, и съехав их на дороге, и убили де уфинских татар человек с 300, и их де, калмыков, уфинские татаровя убили человек с 400, а ныне де калмацкие люди

нарежаютця итти войною, а куды хотят итти войною, того они не ведают. И тебе б, господине, велеть в Нижней Ницынской слободе от калмацких и от царевичевых воинских людей жити с великим береженьем, чтоб царевичевы калмыцкие воинские люди на Ницынскую слободу безвестно не пришли и дурна какова не учинили. Да и ныне Тобольского и Верхотурского уезду в слободы о тех вестях велеть бы тебе отписать, чтоб по тому ж от воинских людей жили с великим береженьем.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 10, л. 66–66об.

153. *1652 г. не ранее ноября 22. — Отписка тюменского воеводы Ивана Веригина приказчику Нижней Ницынской слободы Григорию Загарину о вестях про Ешкептайшу и его походе под сибирские города.*

Господину Григорью Борисовичю Иван Веригин, Григорей Жданов челом бьют. В нынешнем во 161-м году ноября в 22 день писал ис Тобольска стольник и воевода князь Василей Иванович Хилков на Тюмень, что в нынешнем во 161-м году ноября в 14 день писал в Тоболеск с Тары воевода Иван Чаадаев: в нынешнем де во 161-м году ноября в 5 день, пришед де к нему в съезжую избу тарской конной казак Данилко... вверх по Иртышу в Аялымской волости в Чиплярове деревне и тое ж де Чипляровы деревни ясашной татарин Чюманачко Емышев приехал из зверовья и ему, Данилку, сказал: пришла де в Барабу весть про воинских людей от зверовщиков от барабинских татар: приезжал де в Барабу контайшин человек и сказал, что Гешкеп тайша наготове с воинскими людьми, а ожидает, штоб реки стали, а как реки станут, и он хочет итти под государевы сибирские городы войною, а под которые городы итти хочет, того он не ведает. И тебе б велеть в Нижной Ницынской слободе всяким людем жить с великим бережением, чтоб воинские люди безвестно не пришли и дурна никакова не учинили. Да и в Туринской острог к воеводе и Верхотурского и Тобольского уездов в слободы к прикащиком о тех вестях велеть отписать, чтоб в Туринском остроге и в слободах по тому же жили от воинских людей с великим бережением.

ПФА РАН, ф. 21 оп. 4, д. 10, лл. 66об.–67.

154. *1653 г. не ранее февраля 9. — Отписка верхотурского воеводы Льва Измайлова тобольскому воеводе князю Василию Хилкову о неправильной приписке Чусовской слободы к Тобольску.*

Господину князю Василью Ивановичю Лев Измайлов челом бьет. В нынешнем во 161-м году февраля в 9 день писал ты, господине, ко мне на Верхотурье: декабря в 4 день били челом государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии, а в Тобольску в съезжей избе тебе и товарыщам твоим новые Чюсовские слободы слободчик Офонька Иванов с товарыщи, 16 человек, подали челобитную, а в челобитной их написано: в прошлом де во 159-м году поселились оне вверх Чюсовые реки слободою и дворами и пашни распахали; а прилегла де та их слобода блиско Тобольского уезду слобод; и государь бы их пожаловал, велел им быть под Тобольским присудом и денежной оброк в государеву казну платить им в Тобольску; и ты и товарыщи твои тем новые Чюсовой слободы крестьяном Офоньке Иванову с товарыщи слободу устроить, и крестьян призвать, и быть им под тобольским присудом

велели; и мне б тех крестьян к Верхотурью присудом и ничем ведать не велеть, и у прикащиков, и у приставов, и стрельцов ни для каких дел к ним не посылать. И по государеву цареву и великаго князя Алексея Михайловича всеа Русии указу Верхотурье и Верхотурской уезд велено ведать мне. А та слобода строитца в Верхотурском уезде со 159-го году до моево приезду при Рафе Всеволжском. И в прошлом во 159-м году о той новой слободе ко государю к Москве писано. А государева указу ко мне такова не прислано, что мне из Верхотурсково уезду слободы отдавать под Тобольской под присуд. И ты, господине, и товарыщи твои тое Чюсовскую новую слободу из Верхотурского уезду под тобольской присуд емлите без государева указу. Да и в государеве наказе, каков вам дан из Сибирского приказу за дьячею приписью, того не написано, что вам из Верхотурского уезду слободы имать под Тобольской уезд. Что вы тое слободу емлете поблизости, что бутто таковая слобода прилегла блиско слобод Тобольского уезду, и тебе, господине, и товарыщам твоим лутчи было взять под Тобольской уезд из Верхотурского уезду Ирбицкую, и Арамышевскую, и Ницынскую, и Невьянскую слободы, потому что те слободы с Тобольским уездом смежно: Невьянской слободы Тобольского уезду до Киргинской слободы 45 верст, а от Ницынской 25 верст, а от Арамашевской до Мурзинские слободы 30 верст, а от Ирбицкой Тобольской до Киргинской слободы 7 верст. А та новая Чюсовская слобода Тобольского уезду от Мурзинские слободы, х которой вы тое слободу емлете, во сте верстах, а не в 7 верстах, и поселилась та слобода меж верхотурских ясачных вагулич Аяцкой, и Терсяцкой, и Чюсовской волостей в 5 и 7 верстах; а Тобольского уезду слобод и ясачных людей к той новой Чюсовской слободе поблиску больши 100 верст нет. И ты, господине, с товарыщи тое новую Чюсовскую слободу из Верхотурского уезду взяли к Тобольскому уезду без государева указу своим изволом, поверя ложному челобитью ведомова вора тое слободы жильца Офоньки Гилева, и приказали ту слободу ведать и строить ведомому ж вору, винопродавцу и корчемнику Мурзинские слободы прикащику Бориску Черкасову для того, чтоб ему в Верхотурском уезде в той новой Чюсовской слободе и в ясачных вагульских волостях также воровать, что и в Мурзинской слободе, продажное питье, и корчму, и зернь держать, и тем Верхотурского уезда ясачных людей разорять и розогнать. Да хотя б, господине, та слобода и снова в том месте селилась и бил челом в Тобольске, и строил б ее, и призывал крестьян в тобольскому указу, и той бы слободе под тобольским присудом быть нельзе, потому что селитца та слобода в Верхотурском уезде меж верхотурских ясачных людей. И только тое слободу ведать тобольских слобод прикащиком, и от их прикащичьих налог, и от корчемново продажново питья, и от зерни, и тое слободы от крестьянских обид и насильств верхотурские ясачные люди, которые живут около тое слободы, все розбежатца, и государева ясаку платить будет некому. И что с тех ясачных людей в нынешнем во 161-м году государева ясаку и поминков и воеводских поминков же по окладу не зберетца,

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4. д. 2, лл. 263–264.

155. *1653 г. не ранее июня 18. — Отписка тюменского воеводы Ивана Веригина приказчику Нижней Ницынской слободы Прокопию Протопопову о вестях про сбор в поход контайши и тайшей Абдулая, Гунжи и Батура против Еишепа и дербенцев.*

Господину Прокопью Семеновичю Иван Веригин, Григорей Жданов челом бьют... *<Пропуск. См.: ф. 21, оп. 4, д. 8, лл. 164–165.>* И тебе б по государеву указу велеть в Нижней Ницынской слободе всяким людем жить с великим бережением, чтоб воинские люди на Нижную Ницынскую слободу безвестно не пришли и дурна какова не учинили. Да и в ыные слободы Тобольского уезду про те вести велеть отписать, чтоб и в ыных слободах по тому ж от воинских людей жили с великим бережением.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 10, л. 67–67об.

156. *1653 г. августа 22–31. — Отписка в Москву верхотурского воеводы Льва Измайлова об уничтожении калмыками черенкового ревеня, оставленного на Исети, и о посылке туда проезжей станицы.*

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии холопи твои Левка Измайлов, подьячей Мишка Посников челом бьют. В нынешнем, государь, во 161-м году июня в 26-й день писали мы, холопи твои, к тебе, государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии, к Москве; по твоему государеву указу послали мы, холопи твои, с Верхотурья в Верхотурский уезд на Исеть реку копати кореню ревеню сына боярского Прокопья Буженинова да с ним 120 человек беломесных казаков и... государь, в 20-й день сын боярской Прокопей Буженинов писал к нам, холопем твоим, из Невьинской слободы, что укопал он с беломесными казаками кореню ревеню черенкового вверх Исети реки на усть речки Синары да в другом месте ниже Долматовы пустыни в горах с 300 пудов и того ревеню привез он з беломесными казаками в Невьянскую слободу пудов с 60, а достальной де, государь, корень ревень, высуша и устроя в сараях, оставили до зимнего пути на Исете реке, где ево копали, потому что летним путем им свесть ево всего было нельзя, и приказали де тот ревень беречь на Исете рыбным ловцам, а он, Прокопей, з беломесными казаками приехал в слободы. И в нынешнем же, государь, во 161-м году августа в 22-й день писал прикащик Ондрей Бернацкой: прибежал в Пышминскую слободу Тобольсково уезду Киргинской слободы с Исети реки Изоров рыболов, а сказал ему, что де по Исете реке рыболовов калмацкие воинские люди побили и твой государев ревень, который копан на Исете в горах и положен был в сараях, сожгли, а иной поимали с собою, и сторожей 2-х человек рыболовов, которые у ревеню жили и рыбу промышляли, убили. А которой, государь, ревень копан выше гор на усть Синары реки, и тот, государь, ревень цел ли или ево калмыцкие воинские люди сожгли, про то неведомо. И мы, холопи твои, для проведывания калмыцких воинских людей и для кореню ревеню велели из Невьянской слободы прикащику Панкратью Перхурову послать на Исеть в проезжую станицу беломестных казаков. И как, государь, с Исети беломестные казаки приедут и что про воинских людей и про корень ревень нам, холопем твоим, скажут, и те вести мы, холопи твои, к тебе, государю, отпишем.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 2, л. 270–270об.

157. *1653 г. не позднее августа 28. — Челобитная енисейских всяких чинов людей архиепископу сибирскому Симеону о присылке попа к новым церквам и игуменьи в новый девичий монастырь.*

Великому господину преосвещенному Симеону, архиепископу сибирскому и тобольскому, бьют челом холопи государевы сироты Енисейского острогу дети боярские, и атаманы, и служилые и посацкие люди, и пашенные крестьянишка. В нынешнем, государь, во 161-м году, по твоему святительскому благословенью, в Енисейском на посаде воздвигнута церковь во имя Рождества Христа Бога нашего да в пределе Рождества Пресвятые Богородицы и к тем церквам построен девичь монастырь; а попа, государь, у тех церквей и игуменьи в монастыре нет, и те, государь, церкви стоят без пенья. Великий господин преосвященный Симеон, архиепископ сибирский и тобольский, пожалуй нас, холопей государевых и сирот, вели, государь, к тем церквам прислать попа, а в монастырь игуменью, ково ты, великий господин, пожалуешь, благословишь, чтоб, государь, церкви божии без пенья, а старицы бы в подначале становились. Великий господин, смилуйся.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, с. 527–528.

158. *1653 г. августа 28–31. — Отписка енисейского воеводы Афанасия Пашкова архиепископу сибирскому Симеону о посылке к нему челобитной енисейских всяких чинов людей о присылке попа к новым церквам и игуменьи в новый девичий монастырь.*

Великому господину преосвещенному Симиону, архиепископу сибирскому и тобольскому, Афонасей Пашков челом бьет. В нанешнем, господине, во 161-м году августа в 28-й день били челом тебе великому господину преосвещенному Симиону, архиепископу сибирскому и тобольскому, а в Енисейском в съезжей избе подали мне за руками челобитную Енисейсково острогу дети боярские, и атаманы, и служилые и посацкие люди, и пашенные крестьяне, а в челобитной их написано, чтоб ты, великий господин преосвещенный Симион, архиепископ сибирский и тобольский, их пожаловал, велел в Енисейской острог к новым церквам девичья монастыря к Рождеству Христа Бога нашего и к Рождеству Пресвятые владычицы нашия Богородицы прислать попа, а в девичь монастырь игуменью, ково ты, великий господин, пожалуешь благословишь. И я тое их челобитную послал к тебе, великому господину преосвещенному Симиону, архиепископу сибирскому и тобольскому, под сею отпискою. И о том как ты, великий господин, укажешь, благословишь.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, с. 526–527.

159. *1653 г. августа 29. — Отписка в Москву верхотурского воеводы Льва Измайлова о нападении калмыков на сараи на реке Исети, где хранился ревень.*

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии холопи твои Левка Измайлов, подьячей Мишка Посников челом бьют. В ыненшем, государь, во 161-м году июня в 26-й день писали мы, холопи твои, к тебе, государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии, к Москве: по твоему государеву указу послали мы, холопи твои, с Верхотурья в Верхотурский уезд на Исеть реку копать кореню ревеню сына боярсково Прокопья Буженинова да с ним 120 человек беломестных казаков. И июля де, государь, в 20-й день сын боярской Прокопей Буженинов писал к нам, холопем твоим, из Невьинской слободы, что укопал он з беломестными казаками кореню ревеню черенкового вверх Исети реки усть речки Сина-

ры да в другом месте ниже Долматовы пустыни в горах с 300 пудов, и того ревеню привез он з беломестными казаками в Невьянскую слободу пудов с 60, а достальной де, государь, корень ревень, высуша и устроя в сараях, оставили до зимнего пути на Исети реке, гдеево копали, потому, что летним путем им свесть ево всего было нельзя, и приказали де тот ревень беречь на Исете рыбным ловцам, а он, Прокопей, з беломестными казаки приехал в слободы. И в нынешнем же, государь, во 161-м году августа в 29-й день писал к нам, холопем твоим, и Верхотурского уезду с Ирбити прикащик Ондрей Бернацкой: прибежал в Пышминскую слободу Тобольсково уезду Киргинской слободы с Исети реки Изоров рыболов, а сказал ему, что де по Исете реке рыболовов калмыцкие воинские люди побили и твой государев ревень, который копан на Исете в горах и положен был в сараях, сожгли, а иной поимали с собою и сторожей 2 человека рыболовов, которые у ревеню жили и рыбу промышляли, убили. А которой, государь, ревень копан выше сараев на усть Синары реки, и тот, государь, ревень цел или ево калмыцкие воинские люди сожгли, про то неведомо. И мы, холопи твои, для проведывания калмыцких воинских людей и для кореню ревеню велели из Невьянской слободы прикащику Панкратью Перхурову послать в Исеть в проезжую станицу беломестных казаков, и как, государь, с Исети беломестные казаки приедут и что про колмацких воинских людей и про корень ревень нам, холопем твоим, скажут, и те вести мы, холопи твои, к тебе, государю, отпишем.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 2, л. 270–270об.

160. *1653 г. августа 29. — Отписка приказчика Ирбитской, Туринской и Белослудской слобод Андрея Бернацкого верхотурскому воеводе Льву Измайлову о сохранности ревеня, оставленного в горах на Исети, и о вестях про калмыков.*

Государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всеа Русии воеводе Льву Тимофеевичю, Михайлу Анисимовичю Андрей Бернатской челом бьет. В нынешнем во 161-м году августа в 27-й день прибежали с Исети реки с рыбной ловли гулящие люди Исачко Афанасьев да Ивашко Филипов с колмацкого погрому, а в роспросе мне в судной избе сказали: были де они, Исачко и Ивашко, на Исете реке на рыбной ловле, и их де, Исачка и Ивашка, калмацкие воинские люди погромили, а бежали де они, Исачко <и Ивашко>, от колмацких воинских людей, в горах у государева ревеня были, и ревень де корень цел, а караульщик де ирбитской беломестный казак Якунка Пастухов ссечен, а другово де ево, Якункина, товарища Ивашка Тимофеева безвестно не стало, неведомо убит или в полон взят, а было де у них Исачка колмацких воинских людей легких человек с 30 в куяках, идут де вверх по Исете реке, и, чает де, те люди идут от больших людей. Да в нынешнем же во 161-м году августа в 29-й день писал ко мне ис Киргинской слободы прикащик Дмитрей Зеленой по тюменским отпискам, что де калмацкие люди шли вверх по Исете реке, на рыбных ловлях многих людей погромили, а иных побили и в полон имали. И я ныне в Ирбитской, и в Туринской, и в Белослуцкой слободах живу с великим береженьем, а на вести посылать и в проезжие станицы и на изъезжие караулы посылать беломестных казаков против государева указу и верхотурской памяти не на чем: лошади у них, беломестных казаков, выпали без остатка, а по нынешнее число августа по 29-е про них воинских людей прямой вести перенять не могли: где они отошли с Исети или где запали.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 2, лл. 271об.–272.

161. *1653 г. не ранее ноября 20. — Отписка тобольского воеводы князя Василия Хилкова тюменскому воеводе Ивану Веригину о посылке воинских людей против Кучумовых внучат Бугая, Кучука и Кансуера.*

Господину Ивану Тимофеевичю Василей Хилков челом бьет. В нынешнем во 162-м году ноября в 20-й день писал ты ко мне в Тоболеск с тюменским казаком с Ивашком Мартемьяновым, что ноября ж в 17-й день писали к тебе на Тюмень из Исецкого острогу сокольник Яков Мисюрев да прикащик Давыд Андреев: сказывал де им в Исецком остроге вдовой поп Федор Матвеев, что он слушал в пустыне у старца Рафаила: сказывал де ему, Рафаилу, тюменской служилой татарин Кутук Кутаймышев, что он был вверх по Исете реке и слышал у слобоцкого крестьянина, что тот крестьянин видел усть Суварыши речки воинских людей сакму большую, а лежит де та скама вверх Суварыша речки, а тот де крестьянин бежал в слободу. Да того де числа прибежали ис поля на Тюмень тюменские ясачные татаровя Чичкан Кочаков с товарыщи, а тебе в съезжей сказали: были де они на зверовье с товарыщи своими, 6 человек, за Тоболом рекою на урочище на Капкуле озере и наехали де на них царевичи Кучюмовы внучата Бугая, да Кучюк, да Кансюер с воинскими людьми, человек с 60, а в языках с собою водят тюменских же ясачных татар 7 человек, и они де у них убежали, а про товарыщей своих не ведают, а на дороге наезжали тюменских же ясачных татар грабленых, идут пеши, а граблено де их 4 ватаги, и сакма де воинских людей лежит вниз по Ишиму реке; да и в слободы де ты к прикащиком о тех вестях писал же. И по твоей, господине, отписке те вести мне и товарищам моим ведомы. И тебе б по государеву указу, проведав про тех царевичевых воинских людей подлинно, будет они где объявятца, небольшие люди, послать за ними тюменских руских служилых людей и татар, сколько доведетца, и велеть над теми воинскими людьми промышлять, смотря по тамошнему делу, сколько милосерный Бог помочи подаст. А на Тюмени б тебе и в Тюменском уезде всяким людем велеть жить с великим береженьем. И в слободы и в Исецкой острог к прикащиком о воинских вестях велеть от себя писать безо всякого мотчанья. А что на Тюмени вперед про воинских людей вестей объявитца, и тебе б о том писать ко мне в Тоболеск тотчас.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 8, лл. 167–168.

162. *1654 г. не ранее мая 28. — Отписка из Арамашевского острога Панкратия Перхурова верхотурскому воеводе Льву Измайлову о переходе калмыков через реку Исеть, об отгоне ими коней и коров пышминских татар и о недостатке служилых людей в остроге.*

Государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии воеводе Льву Тимофеевичю, Михаилу Анисимовичю Панкратей Перхуров челом бьет. В нынешнем во 162-м году маия в 28-й день прибежала с Пышмы в Арамашевской острог татарка Енбатиха Оксиньица, а в роспросе сказала: сказывал де ей пышминской татарин Балакуж: переехали де Исеть реку на сю сторону х Пышме реке многие калмацкие воинские люди и у пышминских де татар кони и коровы поотогнали, куды де они войною пойдут, и того де он, татарин Балакуж, не знает; а она де, Оксиньица, с теми вестьми в Орамашев острог прибежала. И вам бы те вести были ведомы. А в Арамашеве остроге ныне служилых людей стало мало: в Тоболеск послано 6 человек, а на Чюсовую к Томилу Нефедьеву 10 человек, 10 человек поставлены в госу-

дареву пашню, а в остатке всего осталось 10 человек, и у тех казаков у иных и лошадей нет ли шо им на остроге караулить, а в подъезды послать не на чем. И вам бы о том ко мне государев указ учинить.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 2, л. 273–273об.

163. *1654 г. не ранее сентября 11. — Отписка тюменского воеводы Никифора Елдезина приказчику Нижней Ницынской слободы Прокопию Протопопову о намерении людей царевича Девлеткирея воевать Тару и тарские волости.*

Господину Прокофью Семеновичю Микифор Елдезин челом бьет. В нынешнем во 163-м году сентября 11 день писали ис Тобольска стольник и воеводы князь Василей Ивановичь Хилков с товарыщи ко мне на Тюмень: в нынешнем во 163-м году сентября в 3 день писал в Тоболеск с Тары воевода Иван Чеадаев: в прошлом де во 162-м году августа во 18 день выбежали ис полону от Девлеткирея царевича две жонки татарки: одна Тарского уезду Аялынской волости Сарыбаевы деревни, а другая башкирка Уфинского уезду Чалжнухские волости, а в роспросе ему, Ивану, сказали: слушали де они у царевича в улусе говорят де многие улусные люди: будет де от руских людей станут к ним приходить... и они де хотят руских людей воевать, а похваляютца де итти под Тару и на тарские волости войною и на зверовьях ясашных людей грабить хотят; да тое Иван уфинскую полонянку прислал в Тоболеск, и в Тобольску в съезжей избе та полонянка в роспросе сказывала те ж речи, что и на Таре воеводе Ивану Чаадаеву. И тебе б по государеву указу в Нижной Ницынской слободе и в деревнях всяким людем по тем вестям от воинских людей велеть жить с великим береженьем, чтоб воинские люди безвестно на Нижную Ницынскую слободу и на волости безвестно не пришли и дурна какова не учинили. Да и в ыные слободы Тобольского уезду про те вести к прикащиком велеть отписать, чтоб и в ыных слободах всякие люди от воинских людей по тому же жили с великим бережением.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 10, лл. 70об.–71.

164. *1654 г. не ранее сентября 22. — Отписка тюменского воеводы Никифора Елдезина приказчику Нижней Ницынской слободы Прокопию Протопопову о намерении царевича Девлеткирея воевать сибирские уезды в «замороз» и в «ясашное время».*

Господину Прокофью Семеновичю Микифор Елдезин челом бьет. В нынешнем во 163-м году сентября в 22 день писали ис Тобольска стольник и воевода князь Василей Иванович Хилков с товарыщи ко мне на Тюмень: в нынешнем же во 163-м году сентября в 1 день выбежали на Тару ис полону от Девлеткирея царевича 2 полонянки жонки татарки, а в роспросе сказали: наряжаетца де царевич Девлеткирей итти войною на государевы городы и на волости на сноп, и по заморозу, и в ясашное время, как государев ясак збирают. И тебе по государеву указу велеть жити в слободе и в уездах с великим береженьем, и в станицы посылать почасту, и в слободы к прикащиком те вести отписать наскоро. А что про воинских людей у тебя каких вестей объявитца, и тебе б писать ко мне на Тюмень и в слободы к прикащиком с нарочными гонцы.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 10, л. 72.

165. *1654 г. не ранее октября 20. — Отписка тюменского воеводы Никифора Елдезина приказчику Нижней Ницынской слободы Прокопию Протопопову о вестях про калмыков Айгучи-тайши и их намерении воевать Тюмень и Уфу.*

Господину Прокофью Семеновичю Никифор Елдезин челом бьет. В нынешнем во 163-м году октября в 20 день пришли ис поля на Тюмень пеши тюменские ясашные татаровы Мелли Ахтемиров, да Исен Чулкотлешев, Агучак Колыватов, да Кучук Куйтенев, Ярosланко Акитов, Шадримамет Учеков, да 2 человека захребетных татар, а в съезжей избе мне в роспросе сказали: были де они на зверовье на Тоболе и наехали на Курдаке от Тюмени в 3-х днищах калмыцкие люди Айгучи тайши Тейчинова сына, Талаева внука, человек с 60 да с ними с 20 малых робят и их пограбили ружье, пищали, садаки, и лошади, и всякой промысел, и платье, шубы, и рубахи, и штаны, без остатку ограбили, дав им худые рубашенка, отпустили их на Тюмень, а в разговоре с ними говорили по-татарски и приказывали сказать на Тюмени: для чего де их воюют, добру де девку тайшину дочь и добрых мужиков их калмыков убили и улусных людей погромили и человек с 40 в полон взяли, и тех де людей 20 человек ясырю померло, и они де за то их воюют, хотя де вы и не одних городов, только де вы все государевы люди, ждите на себя под Тюмень и на Уфу войны, а вас де 8-ми человек и побить, тем руских людей не умирить, и велели бежать на Тюмень, только де царевичи не едут, побьют по Тоболу ж, и они кочюют ниже их, а они де кочюют на Ишиме, потеснил де их от своих городов бухарской царь Янгир, и они де пришли на прежние свои зверовья на Тобол, а вам де русских городов татаром и руским людем промышлять не дадим, управимся де с рускими людьми войною; и они, Мелля с товарыщи, пришли на Тюмень в 4-й день пеши. Да они ж де воинские люди у них спрашивали про Тюменской город, и много ль отъезжих руских деревень и татарских юрт, и есть ли богатые и людные люди, и много ли скота, и далеко ли от города уезды и слободы итти войною и промыслом по рекам и на зверовье, где ныне осенью и зимою живут руские люди и татаровя. И тебе б в Нижней Ницынской слободе от воинских людей велеть жить с великим береженьем. Да и в ыные слободы Тобольского уезду к прикащиком про те вести велеть отписать тотчас с нарочными гонцы, чтоб и в иных слободах по тем вестям от воинских людей жили с великим бережением.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 10, лл. 69–70.

166. *1654 г. не ранее октября 24. — Отписка тюменского воеводы Никифора Елдезина приказчику Нижней Ницынской слободы Прокопию Протопопову о намерении калмыцких тайшей воевать осенью Тюмень и Тару.*

Господину Прокофью Семеновичю Микифор Елдезин челом бьет. В нынешнем во 163-м году октября в 24 день писали из Тобольска стольник и воеводы князь Василей Иванович Хилков с товарыщи ко мне на Тюмень: в нынешнем де во 163-м году октября в 21 день приехал ис калмыцких улусов с Тоболеск тобольский служилой татарин Кулбаш Тиребердеев, которой посылан к Чеченю тайше в посланниках, а в съезжей избе сказал: как де ево, Кулбаша, Чечен тайша из улуса от себя отпустил, и ему, Кулбашу, сказывал втайне тюменского погрому татарин Маметко, которой взят в полон на зверовье в прошлом году: хотят де калмыцкие многие тайши и царевичи итти войною нанешней осени под государевы городы под Тюмень и под Тару и на слободы и на волости подлинно, и перво де хотят на зверовьях переимать зве-

ровщиков, и что де в городех всякие люди от воинских людей жили бережно. И тебе б по государеву указу велеть в Нижной Ницынской слободе и в деревнях всяким людем от калмыцких и от царевичевых воинских людей жить с великим береженьем. Да и в ыные слободы Тобольского уезду к прикащиком о тех вестях отписать бы тебе тотчас с нарочным гонцом, чтоб и в ыных слободах по тому ж от воинских людей всякие люди жили с великим береженьем.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 10, л. 70–70об.

167. *1655 г. марта 4. — Челобитная томских служилых и посадских людей и пашенных крестьян о разрешении отпустить в Кузнецк для сбора на строящуюся в Томске церковь посадского человека Потапа Большенина.*

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии бьют челом холопи твои томские дети боярские, и подьячие, и конные и пешие казаки, и сироты твои посацкие люди, и пашенные крестьяне, и всяких чинов люди. *В прошлом, государь, во 159-м году праведным судом Божьим за умножение грехов наших было в Томском моровое поветрие на люди и на всякой скот, и мы, холопи твои и сироты твои, обещалися воздвигнуть в Томском церковь во имя святово и праведново Алексея человека божия, и всещедрый господь свой праведный гнев утолил. И в прошлом, государь, во 162-м году воздвигнули мы, холопи и сироты твои, церковь во имя святого и праведного Алексея человека божия, а построить нам, холопем и сиротам твоим, тое церков нечем. Милосердый государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии, пожалуй нас, холопей и сирот твоих, вели, государь, ис Томсково ради збору на церковное строенье отпустить в Кузнецкой острог посацкого человека Потапа Большенина** и вели, государь, ис Томского в Кузнецкой острог дать отписку. Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 18, л. 18об.

*Текст, поставленный между знаками * и **, повторяется в прилож. № 168.*

168. *1655 г. марта 4–5. — Отписка томского воеводы стольника Никифора Нащокина кузнецкому воеводе Федору Баскакову об отпуске из Кузнецка для сбора на строящуюся в Томске церковь посадского человека Потапа Большенина.*

Господину Федору Авдокимовичю Микифор Нащокин челом бьет. В нынешнем во 163-м году марта в 4-й день били челом государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии в съезжей избе мне и товарыщу моему Оверкею Болтину подали челобитную томские дети боярские, и подьячие, и конные и пешие казаки, и посацкие, и пашенные крестьяне, и всяких чинов люди, и в челобитной их написано: *Далее повторяется текст, поставленный в прилож. № 167 между знаками * и **, после чего следует*: И по государеву цареву и великаго князя Алексея Михайловича всеа Русии указу отпущен ис Томсково в Кузнецкой острог для збору на церковное строение томской посацкой человек Потапко Большенин в нынешнем во 163-м году марта в 5-й день. А как Потапко ис Кузнецкого острогу в Томской поедет, и тебе б, господине, о том для ведома велеть ко мне в Томской отписать.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 18, л. 19–19об.

169. *1655 г. августа 8–15. — Отписка тюменского воеводы Никифора Елдезина приказчику Нижней Ницынской слободы Прокопию Протопопову о погроме уфимскими башкирами улуса Айюши-тайши.*

Господину Прокофью Семеновичю Микифор Елдезин челом бьет. В нынешнем во 163-м году августа в 8 день приехал с Уфы тюменской бухаретин Тачкалко Измайлов, а в роспросе мне в съезжей избе сказал: уфинские де башкирцы Айюши тайши улус погромили, жен и детей в полон и всякой скот без остатку взяли, а тайши ис Калмыков в ту пору никого не было. И тебе б по государеву указу по тем вестем от воинских людей жити с великим береженьем. Да и во все слободы х прикащиком от себя про те вести отписать же.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 10, л. 70об.

170. *1655 г. августа 15–31. — Отписка тюменского воеводы Матвея Полуехтова приказчику Нижней Ницынской слободы Прокопию Протопопову о намерении Кучумовых внучат воевать осенью Тобольск и уезды.*

Господину Прокопью Семеновичю Матвей Полуехтов челом бьет. В нынешнем во 163-м году августа в 15 день писали ко мне ис Тобольска стольник и воеводы князь Василей Иванович Хилков с товарыщи на Тюмень: в нынешнем де во 163-м году августа в 3 день приехали ис калмыцких улусов в Тоболеск казачьи дети Воинко Мурзин да Гришка Остреников да татарове Азанько Кызилов, Айдячко Тохтасынов, которые в прошлом во 162-м году посыланы были ис Тобольска в Калмыки в посланникех к Дор да х Караче тайшам, а в роспросе сказали: как де они были в калмыцких улусех, и при нем де, Воинке, к Дор тайше приезжали царевичи Кучюмовы внучата, и он де, Воинко, слышал от самих царевичей, а Гришка и татарин Айдячко слышали от калмыцких людей в разговорех, что Бугай царевич з братьями похвалялись к нынешней осени подлинно итти войною под Тоболеск, и на Тобольские уезды и на зверовьях, и на иных промыслах государевых людей грабити и побивати. И в деревнях всяким людем от царевичей и от иных воинских людей жить с великим береженьем. Да и в ыные слободы Тобольсково уезду про те вести писать с нарошными гонцы, чтоб по тому ж воинских людей жили с великим бережением.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 10, л. 73–73об.

171. *1655 г. августа 19–31. — Отписка тюменского воеводы Матвея Полуехтова приказчику Нижней Ницынской слободы Прокопию Протопопову о нападении воинских людей на татарские юрты Индерской волости.*

Господину Прокофью Семеновичю Матвей Полуехтов челом бьет. В нынешнем во 163-м году августа в 19 день в ноче писано ис Тобольска ко мне на Тюмень, что августа в 13 день прибежал в Тоболеск Индерской волости ясашной татарин Калматайко Янгилдеев и сказал: наехали на их татарские индерские юрты воинские люди и взяли 2 юрты и з татар и з женами и з детьми Саимамятко с товарыщи, 16 человек. И тебе б в Нижной Ницынской слободе жити с великим бережением. Да и во все слободы писать бы тебе тотчас к прикащиком, что они потому ж в слободах жили с великим бережением, по острошкам держали караулы крепкие, и в проезжие станицы посылали частые, и приказывать в других деревнях, и в татарских юртах, и на

промыслах от царевичей и от воинских людей жить бережно. А что впредь у тебя про воинских людей каких вестей объявитца, писать бы тебе на Тюмень с нарошными гонцы и в слободы к прикащиком тотчас.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 10, лл. 73об.–74.

172. *1655 г. августа 26–31. — Отписка тюменского воеводы Матвея Полуехтова приказчику Нижней Ницынской слободы Прокопию Протопопову о нападении воинских людей на Индерские юрты и о походе царевичей под Тюмень.*

Господину Прокофью Семеновичю Матвей Полуехтов челом бьет. В нынешнем во 163-м году августа в 26 день писал ис Тобольска стольник и воевода князь Василей Иванович Хилков с товарыщи ко мне на Тюмень: приехал де из станицы в Тоболеск тобольской сын боярской Яков Карвацкой, а в доезде написал: августа де в 16 день в Тобольском уезде в Ындерских [волости] Маметковых юртах Чюплеева встретил тобольских казачья сына Якунку Фадеева, а с ним дву человек татар, едут ис калмыцких улусов в Тоболеск, и сказывали ему, Якову: были де они по сю сторону Ишима и Черные речки [и видели] воинских людей 50 человек, и сказали де те воинские люди калмыцким послом, которые с Якункою идут в послах, гонят их де они за зверовщиками, да их же де воинских людей 3 царевича пошли под Тюмень, а с ними 500 человек, и наехали Индерские юрты и ясашных людей погромили, взяли в полон, а иных побили, а куды те 50 человек поехали, не ведают. Да тот же Яков встретил татарина Оудяшека Еенеева, а сказывал ему: в степе де на урочище Емшикуле видел он тех же воинских людей з 20 в куяках, а коша у них не видел. И тебе б по тем вестям велел в слободе, и в деревнях, и в тотарских юртах, и на промыслех всяким людем от царевичей и от воинских людей жить с великим бережением неоплошно, и в проезжие станицы посылать почасту, и на караулех стоять без престани, и во все слободы к прикащиком о тех вестях писать с нарошным гонцом, чтоб они по тому ж в слободах жили с великим береженьем. А что у вас про воинских людей каких вестей объявитца, писать бы тебе ко мне на Тюмень с нарошными гонцы.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 10, лл. 74–75.

173. *1656 г. января 31. — Грамота на Верхотурье воеводе Ивану Хитрово о подтверждении данных Афанасию Гилеву и Фролу Арапову на строение Чусовской слободы, о высылке из слободы приказчика и с новоприискного места поселившегося там татарина.*

От царя и великаго князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца в Сибирь, на Верхотурье, воеводе нашему Ивану Савостьяновичю Хитрово. Били нам челом Верхотурского уезду новой Чюсовской слободы крестьяне Офонька Гилев да Фролко Арапов, а сказали: *в прошлом де во 159-м году на Верхотурье воевода Раф Всеволжский да подьячей Олексей Марков дали им по челобитью их слободскую даную грамоту на пустое место вверх Чюсовые реки на прямой Сибирской дороге и велели им в том месте строить нашу новую Чюсовскую слободу и крестьян прибирать на льготные годы на 8 лет из нашего денежного годового оброку; а оброку де годового после льготных лет велено им в нашу казну платить з десятины по 40 алтын, а с полудесятины по 20 алтын; и они де, Офонька и Фролко, по

той даной воеводы Рафа Всесволжского да подьячего Алексея Маркова вверх Чюсовые реки поселились и вновь наших крестьян прибрали 20 семей и хлебною ссудою и всяким крестьянским заводом новоприборных крестьян они ссужали; и в прошлом же де во 162-м году прислан с Верхотурья в тое новую Чюсовскую слободу в прикащики верхотурской сын боярской Томило Нефедьев; и тот де Томило, живучи в той новой Чюсовской слободе, чинит им, Офоньке и Фролку, налогу и изгоню большую, и ту нашу слободу разоряет, и двор на себя велит строить, и всякие свои изделья на тех новоприборных крестьян накидывает, и сена косить, и дрова возить, и конюшни ставить, и иные всякие поделки велит на себя делать, а вново в ту слободу крестьян не прибирает; и для де той ево изгони после их прибору в ту нашу новую Чюсовскую слободу нихто во крестьяне не прибираютца; и он де, Офонька, и Фролко в прошлом во 163-м году били нам челом, а на Верхотурье в съезжей избе воеводе Льву Измайлову да подьячему Григорию Похабову на того Томила Нефедьева в той ево налоге и изгоне подали челобитную, и воевода де Лев Измайлов и подьячей Григорий Пахабов в той прикащикове налоге и изгоне ничево им с ним указу не учинили, и дали де им от тое Чюсовские слободы по реке ж Чюсовой на льготные ж годы иное новое место и велели им на том новом месте сызнова крестьян прибирать и селить; и тот де прикащик Томилко и в том в другом месте нашие слободы строить им и крестьян призывать не велел, и то место у них отнял и отдал то место сылвинскому воровскому татарину Мамайку Турсунбаеву, а от того де взял он у того тайши татарина в посул ясыря татарченка и того де татарина Мамайка на том их даном месте поселил; и от того де татарина Мамайка нашим чюсовским крестьяном в лошадиной и в коровье краже чинятца пакости и убытки великие; а тот де прикащик Томило во всем ему воровстве норовит и укрывает**; и нам бы их пожаловати, велети им дати нашу московскую грамоту против их старых верхотурских слободных данных и велети бы им по-прежнему нашу новую Чюсовскую слободу строить, и крестьян селить, и после льготных лет наш оброк платить на Верхотурье; а верхотурским бы детям боярским в прикащиках в той Чюсовской волости до их мирсково челобитья быть не велеть; а на татарина на Мамайка велети б им в ево воровстве дать оборонь. И как к тебе ся наша грамота придет, а будет там ***Офоньке и Фролку в Верхотурском уезде новые слободы строить и в них крестьян на льготу из оброку призывать велено, и о строенье тех слобод на Верхотурье данные им грамоты даны, и ты б им по тем верхотурским грамотам и по даче те новые слободы во льготные лета строить и крестьян в них призывать и селить велел с великим раденьем[а] по-прежнему, чтоб им те слободы во льготные лета крестьяны наполнить и пашнями устроить; [б]а после льготных лет с тех слобод, с пашен своих велел им наш оброк платить по нашему указу, как о том у них в наших верхотурских грамотах написано; да в том бы еси велел по них взять добрую поруку з записью[в]. А прикащика б Томила Нефедьева от них ис тех их новых слобод велел выслать вон и впредь к ним с Верхотурья в те их слободы, покаместа изо льгот выйдут, прикащиков никово посылать не велел, чтоб от тех прикащиков в тех новых слободах крестьяном никакие напрасные налоги, и тесноты, и убытков, и в строенье ни в чем помешки не было. А сылвинскому татарину Мамайку Турсулбаеву велел отказать и с того их новоприискново пашенного места выехати вон, и вперед ему обид и насильства никакого тех слобод крестьяном чинить не велел****, и про воровство его Мамайково велел сыскать; да будет то его Мамайково воровство сыщетца допряма, и ты б ему, Мамайку, за воровство его учинил наказа-

ние, да чего доведетца, по нашему указу. Да о том отписал к нам к Москве, а отписку велел подать в Сибирском приказе боярину нашему князю Алексею Никитичу Трубецкому да дьяком нашим Григорью Протопопову да Федору Иванову. Писан на Москве лета 7164-го генваря в 31 день.

На обороте: Диак Федор Иванов. — На Верхотурье воеводе нашему Ивану Са[вастьяновичю Хитрово]. — ... [гра]моту новой Чюсовской [слободы... Афонка] Гилев.

ЛОИИ, Верхотурские акты, кор. 95, тетр. 17. Пять сставов: в сставе 1 несколько строк вырвано, они восстановлены по списку XVIII в. в ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 2, лл. 286–287об.

Напеч. в ДАИ, IV, с. 44, 45, № 20, 1.

*Текст, поставленный между знаками * и **, повторяется в прилож. № 175, л. 277–277об.*

*Текст, поставленный между знаками *** и ****, повторяется в прилож. № 175, лл. 277об.–278об.*

Варианты по прилож. № 175: [а]*Далее*: неоплошно. [б]*Далее*: и государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великие и Малые и Белые Росии самодержцу и государю благоверному царевичу и великому князю Алексею Алексеевичу всеа Великие и Малые и Белые Росии им бы, Офоньке и Фролке, послужить и служба своя и работа своя объявить. [в]*Далее*: чтоб нихто новоприборных пашенных крестьян в ызбыли не был.

174. *1656 г. марта–мая. — Отписка тюменского вободы Ивана Шадрина тобольскому воеводе князю Василию Хилкову о полученных вестях про царевичей Абугая, Канзуяра и Чучелея и дядю их Девлеткирея.*

Господину князю Василию Ивановичю Иван Шадрин челом бьет. В нынешнем, во 164-м году...[1] в 31 день бежал ис поля от Кучюмова внука от Абугая царевича тюменской ясашной татарин Иленского городка Бегейко Енбаев, а мне в съезжей избе в роспросе сказали: в прошлом во 162-м году в поле на зверовье взял ево в полон Абугай царевич з братьею, и нынешнего 164-го году весною пошел он, Абугай, з братьями своими с Кансюером и Чючелеем, собрав людей своих человек с 60, с Ишиму с Верхних Бурлаков неведомо под Тару или под Уфу и на Тюменской уезд под слободы войною, в калмыцкие тайши, где в улусех хто давали людей, того он не ведает; а дядя де их Девлеткирей с племянники остались на улусе и зимовали и веснуют по Ишиму на Верхних Бурлуках; а он де, Бегейко, блудя, прибежал в третий месяц, бежал по ночем, многия калмацких людей сакмы переезжали, а днем, утаясь, жил по колкам и в камышах; а то де он слышал по многое время. А Бугай царевич, говорит, хочет, собравшись с калмыцкими людьми, итти под государевы сибирские городы и на слободы и на уезды войною. И я, господине, о том писал с Тюмени в Исецкой острог и в слободы к прикащиком и велел жити от воинских людей с великим береженьем. А что будет вперед каких вестей про воинских людей объявитца, и я, господине, тотчас отпишу к тебе с нарочным гонцом.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 8, л. 174–174об.

---

[1] *Пропуск в рукописи.*

175. *1656 г. мая 15. — Данная и наказная память верхотурского воеводы Ивана Хитрово Чусовской слободы крестьянам Афанасию Гилеву и Фролу Арапову на пустые места по рекам Чусовой, Черемшанке и Утке.*

Лета 7164-го маия в 15 день. По государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца и государя благоверного царевича и великаго князя Алексея Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии указу в нынешнем во 164-м году маия в 7 день прислана в Сибирь, на Верхотурье, государева царева и великаго князя Алексея Михайловича всеа Великие и Малые и Белые Росии самодержца грамота, за приписью дьяка Федора Иванова, к стольнику и воеводе к Ивану Савастьяновичю Хитрово, по челобитью Верхотурского уезду Новой Чюсовской слободы крестьян Афоньки Гилева да Фролка Арапова. *Далее следует текст, поставленный в прилож. № 173 между знаками * и **, после чего следует*: и по государеву цареву и великаго князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца указу и по грамоте указано: будет им. *Далее следует текст, поставленный в прилож. № 173 между знаками *** и ****, после чего следует*: А в верхотурской в данной, которая дана была из съезжей избы в прошлом во 159-м году за государевою верхотурскою печатью от воеводы от Рафа Всеволжского, за приписью подьячево Алексея Маркова, прежнему слободчику Сотке Васильеву да ему ж, Афоньке Гилеву, по сыску верхотурского стрельца Лучки Евсевьева, написано, что те места, о которых они в прошлом во 159-м году государю били челом Сенька Васильев да Офонька Гилев, Верхотурского уезду вверх по Чюсовой реке, от Утки реки вверх по обе стороны Чюсовые реки пустое порожжее лесное и дубровное место до тотарские пашни Тихонка Турсунбаева, со всеми угодьи лежит в пусте и не владеет ими нихто, и наперед сего иному никому на оброк не отдано, и не из ясачных людей татарских и вогульских вотчин и к иным ни х каким землям и вотчинам не приписаны. А тово де дубровного места от Утки реки вверх по Чюсовой реке по обе стороны на 50 верст; а межа с верхнего конца ниже Тихоновых юрт Турсунбаева да вагулятина Филатковых юрт Кучюмова 5 верст по бору, а снизу Утка река; а пашенных земель на 50 десятин, а сенных покосов по мере на 1000 копен. Да в верхотурской же в данной, которая дана была из съезжей избы в прошлом во 163-м году за государевою верхотурскою печатью от воеводы ото Льва Измайлова, за приписью подьячего Григорья Похабова, им, Афоньке Гилеву да Фролку Арапову, написано на те порожние пустые места, о которых они в прошлом во 163-м году государю били челом, выше новой Чюсовской слободы за 10 верст, с усть Черемшанки речки по Черемшанке речке по обе стороны, да с верх Черемшанки речки прямо на Утку реку, да по Утке реке вниз по обе стороны до устья с рыбными ловлями и со всеми угодьи, будет то место лежит в пусте и нихто тем местом не владеет и не ясашных земель вотчин, велено на том месте слободы строить. И по государеву цареву и великаго князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца и государя благоверного царевича и великаго князя Алексея Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии указу и грамоте и по прежним верхотурским данным стольник и воевода Иван Савастьянович Хитрово Верхотурского уезду Новочюсовской слободы крестьянам Афоньке Гилеву да Фролку Арапову Верхотурского уезду пустым проезжим местом, что вверх по Чюсовой реке от Утки речки по обе стороны Чюсовой реки до татарские пашни Тихонка Турсунбаева, владеть велел, и пашню распахивать, и сена косить по вся годы; да другим проезжим пустым мес-

там, что выше новой Чюсовской слободы за 10 верст, с усть Черемшанки речки вверх по Черемшанке речке по обе стороны, да с верх Черемшанки речки прямо на Утку речку, да по Утке речке вниз по обе стороны до устья, с рыбными ловли и со всем угодьи, будет то место лежит в пусте и нихто тем местом не владеет, и не из ясачных земель вотчин, велели на тех местех слободы строить с великим раденьем неоплошно, и во крестьяне из вольных изо всяких мест охочих гулящих добрых людей на льготу призывать, а не воров и не от бражников. А хто именем с прозваньем, и которого города или уезду во крестьяне, и в каков жеребей в оброк учнут селитца, и по тех крестьянех имати крепкие поруки з записьми в том, что им после льготных лет платить в государеву казну денежной оброк, почему государи укажут. А льготы в государеве в десятинном в годовом оброке дано с нынешнего 164-го году маия с 11 числа да маия ж по 11 число 169-го году. И писать тех крестьян в книгу имянно, да те книги за своими руками и по крестьянех поручные записи и по старых, которые будет поручные не присланы, прислать на Верхотурье, а у себя оставливати с тех записей списки слово в слово. И в те их льготные годы дворы свои поставить, и пашни распахать, и сенные покосы росчистить, и крестьяне поселить. А дворы поставя и пашни распахав, того места в пусте без государева указу ни покинуть и никому не продать и не заложить. И ко государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца и государю благоверному царевичю и великому князю Алексею Алексеевичю всея Великия и Малыя и Белые Росии к Москве с Верхотурья с тех новоприборных крестьянех для укрепленья отпишут, чтоб им было постоятельно и не поворотно до урочных лет на льготе жить по государеву указу и по грамоте. А прикащика Томилка из тех новых слобод выслать вон. И сылвинского татарина Мамайка Турсунбаева и с тех новоприборных пашенных мест выслати вон же. Да им же слободчиком Офоньке Гилеву и Фролку Арапову ехати в Верхотурской уезд в Верхочюсовскую и на Утку реку в те новые слободы для того: в нынешнем во 164-м году маия в 7 день по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца указу и по грамоте и по приказу Казанского дворца, за приписью дьяка Федора Иванова, велено им, Офоньке и Фролку, в Верхотурском уезде в новой в Чюсовской и на Утке реке быть у пашенных крестьян в слоботчиках. И Офоньке и Фролку, приехав в те слободы, старым и новоприборным крестьяном взять у прикащика у Томилка Нефедьева роспись, и по той росписи тех крестьян пересмотрить всех налицо подлинно, да о том о всем отписать, а отписку велеть подать на Верхотурье в съезжей избе стольнику и воеводе Ивану Савастьяновичю Хитрово. А которых старых и новоприборных крестьян против прежнево по росписи не объявитца, и Офоньке и Фролку тем крестьяном учинить роспись и потому ж прислать на Верхотурье. А ему, Офоньке, и Фролку в тех слободех, будучи в слободчиках, крестьян и всех людей во всяких делех, опричь разбойных и убойственных и татинных дел, по челобитным судить в 5 рублев, а больше 5 рублев не судить, с приставными памятьми и с челобитными отсылать в Верхотурье. А которых людей по их челобитным в 5 рублях судить, и росправа меж ими чинить безволокитно вправду по государеву цареву и великаго князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца и государя благоверного царевича и великаго князя Алексея Алексеевича всея Великия и Малыя и Белыя Росии крестному целованию, другу не дружить, а недругу не мстить, делать во всем правду. А пошлин со всяких судных дел имати

с рубля по гривне да пересуду и правого десятка по семи алтын по две деньги. А с кабальных не с судных дел имати по 5 алтын с кабалы. А которые люди учнут заемные кабалы лживить, и с тех лживых кабал имати пошлин вдвое, по две гривны с рубля. Да те пошлинные деньги и записывать в книги имянно и присылать те деньги и книги на Верхотурье, как год дойдет. А больши 5 рублев им, Офоньке и Фролку, не судить, присылать исцов с челобитными на Верхотурье. А от сторон и от продажи от всяких людей и от обид и насильства крестьян оберегать. И самем им, Офоньке и Фролку, крестьяном налог, и убытков, и продажи, и насильства никакова не чинить и всякие государевы дела по государеву указу и по Тобольским и по Верхотурским памятем, каковы к ним памяти о государевых делах учнут присылать ис Тобольска и с Верхотурья за государевою печатью и за дьячими и за подьяческою приписьми. А будет какие сторонные люди тех слобод на крестьянех учнут бити челом о управе, и Офоньке и Фролку тем сторонным людем [по]тому ж тое слободы на крестьян суд давать в 5 рублех, и росправа меж ими чинить и пошлины, и пересуду, и правой десяток имать по государеву ж указу, да те деньги присылать на Верхотурье. А ясашных людей судом ни в каких делех не ведать, хотя будет которые и руские люди тех новых Чюсовской слободы и с Утки реки крестьяне учнут государю бить челом на иноземцов, на ясашных людей о всяких о правных делах и по земным кабалам; и им, Офоньке и Фролку, на ясашных людей руским людем суда не давать. Да и подвод у ясачных людей отнюдь никуда потому же не имать. А к государевым ко всяким денежным доходом целовальников велеть им выбирать по вся годы тое слободы ис крестьян, людей добрых, которые б были душою прямы и к такому государеву делу были годны, и было бы кому в государеве денежной казне верить; и выбор на целовальников у крестьян за их выборных людей за руками присылать на Верхотурье; и приводить их ко государеву цареву и великаго князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца и государя благоверного царевича и великого князя Алексея Алексеевича всея Великия и Малыя и Белыя Росии х крестному целованью, чтоб им, будучи у государевы денежные казны в целовальникех, и государевыми деньгами не корыстоватьца, и никаким воровством не воровать, и над государевою денежною казною хитрости не чинить, и во всем государеве казне искати прибыли. Да им же, Офоньке и Фролку, будучи в тех слободах, всякие государевы дела в таможне с целовальником ведать, хто учнет с тех слободах какими товары торговать. И им, Офоньке и Фролку с целовальником, в верхотурских и Верхотурского уезду со всяких с русских и с ясашных людей имать на государя десятая пошлина с рубля по гривне, а с отпускных товары по оценке с рубля по 4 деньги, полозового с саней по 8 денег, печатного с человека по алтыну, с весчих товаров с пуда по деньге, явчего по 4 деньги с человека, с промышленных людей оброку с человека по полтине, с гулящих людей явчего по 3 деньги, оброку по полуполтине, печатново по алтыну с человека, а с пивных варь явчего по 2 деньги с пуда, з животин с мены и с продажи пошерсного по алтыну з животины, а с ыногородних людей по 2 алтына з животины. А которые крестьяне выйдут изо льготы, и с тех крестьян имать годовой денежной оброк, хто во что оброчен, ежегод беспереводно. И збирать им государевы таможенные и всякие пошлинные денги с целовальником вместе по государеву крестному целованью в правду безо всякой хитрости, и розни ни в чем меж себя не чинить; а писать всякой збор в книги имянно порознь по статьям, да те деньги и книги привозить им, Офоньке и Фролку, самим на Верхотурье с целовальником и отдавати

в государеву казну все сполна. А которые торговые и промышленные люди или иноземцы учнут мимо те слободы с русскими или с сибирскими товары, и з деньгами, и с мяхкою рухлядью ездить, а на те товары будет у них проезжих грамот за государевою печатью и за дьячьими и за подьяческими приписьми, и им, Офоньке и Фролку с целовальником, те товары, и денги, и мяхкую рухлядь пропускати без задержанья, а государевых пошлин имать по сей наказной памяти, как о том писано выше сего. А будет у которых торговых и у промышленных людей и у иноземцов на товары, и на деньги, и на мяхкую рухлядь проезжих грамот не будет, и им, Офоньку и Фролку и целовальнику, тех людей с приставы да самому из них одному привозить на Верхотурье с их русскими товары и з деньгами и тех людей с товары их и з деньгами объявлять в съезжей избе стольнику и воеводе Ивану Савастьяновичю Хитрово. А жити им, Офоньке и Фролку, в той слободе от калмыцких и от воинских людей с великим береженьем. А как про воинских людей учнут быти какие вести, и Офоньке и Фролку посылать на вести в Арамашеву и в ыные слободы; и в признатные места, откуда воинских людей приход чаят, посылать крестьян, сколько человек пригоже, для проведывания; а о служилых людех писать им на Верхотурье; да как к ним с Верхотурья служилых людей пришлют, и им с теми служилыми людьми и со крестьяны потому ж от воинских людей жить с великим береженьем в крепком месте, и караул и отъезжие сторожи учинить крепкие и на вести посылать почасту; а смотря по подлинным вестям, велеть крестьяном з женами, и з детьми, и з животы своими бежать в крепкое место, чтоб однолично воинские люди дурна никакова не учинили. Да им же, Офоньке и Фролку, в тех новых слободах ясашным людем, и пашенным крестьяном, и проезжим и всяким людем учинить заказ крепкой, чтоб ясашные люди проезжим торговым и промышленным и тутошным всяким людем лисиц черных, и чернобурых, и бурых добрых и бобров и соболей добрых же не продавали и ни на какие русские товары не променивали, а приносили б те лисицы на Верхотурье в государев ясак. А торговые б и промышленные люди и тех новых слобод крестьяне у ясашных людей тех лисиц черных, и чернобурых, и бурых добрых и бобров и соболей добрых же не покупали, и сами б, которые приезжие торговые и промышленные и всякие люди и тех слобод крестьяне, лисицы черные, и чернобурые, и бурые добрые на лешиех или где инде добудут, и они б те лисицы потому ж у себя не таили, а объявляли в судебной избе им, Офоньке и Фролку. А как те ясашные и торговые и промышленные люди и тех слобод крестьяне или какие люди нибудь лисицы добрые и бобры и соболи им, Офоньке и Фролку, объявят, и у тех всяких людей те добрые лисицы, и бобры, и соболи добрые ж имать на государя царя… и на государя благоверного царевича… да о том писать, и лисицы, и бобры, и соболи добрые и тех людей, у ково те лисицы, и бобры, и соболи добрые взяты будут, прислать на Верхотурье ж, и на Верхотурье тем людем за лисицы, и за бобры, и за соболи дадут из государевы казны деньги по прямой сибирской цене, чево те лисицы, и бобры, и соболи стоят. А будет в тех новых слободах которые ясашные и всякие люди и крестьяне учнут приезжим торговым и промышленным и служилым или каким людем продавать лисицы черные, и чернобурые, и бурые добрые, и бобры, и соболи добрые ж, а торговые и промышленные и служилые или тутошные всякие люди учнут у них такие добрые лисицы, и бобры, и соболи покупать или на какие товары выменивать, или сами торговые люди и промышленные и тутошние всякие крестьяне, добыв, учнут каким людем такие добрые лисицы, и бобры, и соболи продавать, и Офоньке

и Фролку у тех людей те добрые лисицы, и бобры, и соболи имать и описывать на государей, да у ково именем и какову лисицу, и бобра, и соболя на государей опишут, и Офоньке и Фролку потому ж о том отписать, и те описные листы, и бобры, и соболи, и тех людей, у ково опишут, прислать на Верхотурье, чтоб однолично тех слобод ясашные и всякие люди и крестьяне, которые сами добудут, никому торговым и промышленным и никаким людем лисиц черных, и чернобурых, и бурых, и бобров, и соболей не продавали, и торговые б и промышленные и никакие люди таких добрых лисиц, и бобров, и соболей не покупали и в русские городы не провозили. А которые гулящие люди учнут приходить в те новые слободы из русских городов или от иных откуды, и Офоньке и Фролку ис тех ис прохожих, и ис тутошних, и гулящих изо всяких людей призвать в те новые слободы хто похочет, из беломестных казаков во крестьяне; да которых призовут, и им тем прибору своего крестьяном велеть дворами и пашнями строитьца, где кто хочет; а о судных и подможных деньгах тем прибору своего крестьяном писать на Верхотурье; а по них по новых крестьянех в житье имать поруки з записьми; да тем прибору своего крестьяном порушные записи прислать на Верхотурье. Да того Офоньке и Фролку смотреть и беречь накрепко, чтоб торговые, и промышленные, и гулящие, и беглые, и никакие люди из сибирских городов в русские городы лешими и степными дорогами около тех новых слобод украдом не приходили, и тех леших и степных дорог тех новых и иных слобод и волостей крестьяне и ясашные люди никаким прохожим и беглым никаким людем не указывали, и вновь дорог ни откуды не накладывали, и никаких людей теми новыми дорогами не проводили; а как про таких людей проведают, и Офоньке и Фролку за такими людьми и за беглецами посылать погонщиков, выбирая ис крестьян добрых людей, а смотря по людям, ездити и самим; и имая таких всяких беглых людей, привозити с приставы на Верхотурье. А будет у которых гулящих и у всяких людей и у ярыжек сибирских проезжих грамот за государевыми за сибирскими печатьми не будет, и Офоньке и Фролку, роспрашивая тех всяких людей, того ж с приставы присылать на Верхотурье для того: бегают ис Тобольска, и с Тюмени, и ис Туринского, и из иных сибирских городов к Русе через Чюсовую мимо те новые слободы ссыльные и опальные иноземцы и, заворовав, служилые люди и пашенные крестьяне, взяв из государевы казны ссудные и подможные деньги и хлеб ис воеводских и из иных чинов ис дворов, люди их и всякие воровские люди и приходят к воровским же людям на Каму и на Волгу. А будет какие люди учнут оговариватьца, что они люди добрые, проезжих грамот в городех у воевод, не чаючи себе нигде прицепки, не имали, учнут сказывать, что у них проезжие грамоты и были да коими мерами утерялись, и Офоньке и Фролку таким людем речам их не верить, присылати с приставы на Верхотурье ж. А по государеву указу изо всех сибирских городов которых торговых и промышленных и всяких людей отпускают в русские городы и таким всяким людем дают из городов воеводы проезжие грамоты за государевыми за сибирскими печатьми; а бес проезжих грамот из сибирских городов по государеву указу никаких людей просто никуды не отпускают. И Офоньке и Фролку, будучи в тех новых слободах в слободчиках, смотрить и беречь накрепко, чтоб в тех слободех крестьяне или братья, и дети, и племянники, и подсоседники, и захребетники у себя в слободах и, отъезжаючи за волость, нигде не воровали, и не грабили, и не розбивали, и драки и убойства и ножевщины не чинили, и зернью и карты не играли, и лихим бы никаким людем к ним приезду и приходу не было, и корчмы у себя не держали. А для

береженья и от воровства крестьян в старосты, и в целовальньки, и в десятники велети крестьяном выбирать добрых крестьян и приказывать им над крестьяне смотрить и беречь и ото всякого их воровства и от побегу уймать; а в ком сведают какое воровство и побег, и староста бы и целовальники про то сказывали тебе, Офоньке, и Фролку и вы бы про то сыскивали и чинили им, крестьяном, за то воровство и за побег наказанье и давали их в воровстве и в побеге за крепкие поруки з записьми. А которые люди объявятца в большом воровстве, в татье, или в разбое, или душегубстве, или в отраве, или у кого в судных делах учинитца спор в 5 рублех, и им тех судных дел вершить не мошно, и Офоньке и Фролку те судные дела и пенных людей за приставы присылать на Верхотурье ж, и тем вором за воровство по государеву указу учинять наказанье на Верхотурье. А понноровки вором ни в каком воровстве не чинить, и от того у них посулов и поминков себе не имать, чтоб однолично в тех новых слободах никто никаким воровством не воровали. И будучи им, Офоньке и Фролку, в тех новых слободах, делати государевы всякие дела в правду по государеву цареву и великаго князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца и государя благоверного царевича и великаго князя Алексея Алексеевича всея Великия и Малыя и Белыя Росии крестному целованию и по сей наказной памяти, как о которой статье в сей наказной памяти написано, и по памятем же, каковы учнут присылать ис Тобольска и с Верхотурья за государевою печатью и за дьячьими и подьячево приписьми. А над крестьяны и надо всякими людьми зерни, и татьбы, и всякого воровства смотрить и ото всякого дурна унимать. И самем Офоньке и Фролку государевыми денежными доходы и ничем не корыстоватца, и вина про себя никоторыми делы не курить, судов винных не держать. А крестьяном не по делу налог, и убытков, и розгони не чинить, чтоб на них в обидах и в насильствах крестьянсково челобитья не было. И будет Офонька и Фролко, будучи в тех новых слободах, учнут государевы дела делать непрямо или их нераденьем и небереженьем учинитца в государеве денежном сборе или в каких делах какая поруха или истеря, или крестьяном учнут обиды, и налоги, и продажи чинить, и от сторонних ото всяких обид крестьян беречь не учнут, или будет на них в обидех крестьянское челобитье, и то все, что их нераденьем государевы казны в истере будет, и государеву денежную казну и крестьянские убытки по государеву указу доправят на них, Офоньке и Фролке, вдвое; да им же за то от государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца и от государя благоверного царевича и великаго князя Алексея Алексеевича всея Великия и Малыя и Белыя Росии быти в великом и жестоком наказанье. К сей данной памяти государеву цареву и великаго князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца и государя благоверного царевича и великаго князя Алексея Алексеевича всея Великия и Малыя и Белыя Росии печать земли Сибирские города Верхотурья стольник и воевода Иван Савастьянович Хитрово приложил.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 2, лл. 277–286.
Напеч. в ДАИ, IV, с. 45–52, № 20, II.

176. *1656 г. августа 27–31. — Отписка кузнецкого воеводы Федора Баскакова томскому воеводе князю Ивану Приимкову-Ростовскому об отпуске в Томск помолиться кузнецкого казака Кондратия Ерофеева с женою.*

Господину князю Ивану Наумовичю Федор Баскаков челом бьет. В нынешнем во 164-м году августа в 27-й день бил челом государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, а мне в съезжей избе подал челобитную кузнецкой пешей казак Кондрашко Ярофеев, чтоб ево, Кондрашка, государь пожаловал, велел отпустить ис Кузнецкого острогу в Томской город з женою ево с Марфуткою по обещанию помолитца в монастырь на усть Киргиски Пречистой Богородицы. И я, господине, по государеву цареву и великога князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца указу отпустил ево, Кондрашку, з женою ево Марфуткою в Томской город на время, чтоб ему быть в Кузнецкой острог на указанной срок.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 18, л. 45–45об.

177. *1657 г. марта 20. — Наказная память верхотурского воеводы стольника Ивана Хитрово Панкратию Перхурову о переводе из слобод Верхотурского уезда беломестных казаков в Катайский острог.*

Лета 7165-го марта в 20-й день по государеву цареву и великаго князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца и государя благоверного царевича и великаго князя Алексея Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии указу память Панкратью Семеновичю Перхурову. Ехати ему с Верхотурья Верхотурского уезду в слободы на Невью, в Арамашевскую, и в Ницынскую, и в Белослуцкую для того: в прошлых годех устроена на Исете реке вновь в Верхотурском уезде в Катайском остроге застава для государева денежного збору, а беломестных казаков в том остроге нет. И ему, Панкратью, приехав в те слободы, выбрать из беломестных казаков в новой Катайской острог 30 человек людей добрых и прожиточных, и перевесть их, беломестных казаков, в тот новой Катайской острог нынешним зимним путем з женами и з детьми на житье, и построить их дворами и пашенными землями и сенными покосы по рассмотренью, чтоб у них меж себя друг на друга крестьян, кроме челобитья, не было на Верхотурье избы. А сколько в которой слободе беломестных казаков есть, тому в росходной окладной книге под сею памятью роспись. А как он, Панкратей, тех беломестных казаков 30 человек выберет и построит их в новом Катайском остроге против сей наказной памяти пашенными землями, и ему б о том для ведома отписать на Верхотурье и имяном беломестных казаков под отпискою своею прислать роспись, сколько и с которой слободы имяны беломестных казаков в переводе будет в новой Катайской острог имянно.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 2, л. 290об.

178. *1657 г. не ранее марта 20 — августа 31. — Отписка Панкратия Перхурова верхотурскому воеводе Ивану Хитрово о переводе им из разных слобод 30 казаков в Катайский острог.*

Государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца и государя благоверного царевича и великаго князя Алексея Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии стольнику и воеводе Ивану Савастьяновичю, Федору Федоровичю Панкратей Перхуров челом бьет. В нынешнем во 165-м году по государеву указу и по вашей наказной памяти велено мне

Верхотурского уезду из слобод выбрать на Исеть, в новой Катайской острог, на житье беломестных казаков 30 человек добрых и семьянистых. И я по государеву указу и по вашей наказной памяти Верхотурского уезду из слобод беломестных казаков 30 семей выбрал в Катайской острог, и перевел, и государево им жалованье денежное их оклады впредь на 166-й год для новые катайские селидьбы дал. А ково имяны и с которой слободы сколько человек казаков и сколь семьянисты, и тому под сею отпскою к вам на Верхотурье послал имянную роспись за своею рукою.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 2, л. 293–293об.

179. *1657 г. июня 7. — Данная тюменского воеводы Ивана Шадрина Троицкой Исетской пустыни строителю Филарету с братией на землю по Исети.*

Лета 7165-го году июля в 7 день бил челом государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всея Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу и государю царевичю и великому князю Алексею Алексеевичю всея Великия и Малыя и Белыя Росии Троицкой Исецкой новой пустыни строитель Филарет с братьею, а на Тюмени в съезжей избе воеводе Ивану Титовичю Шадрину подал челобитную, а в челобитной ево написано, чтобы государи пожаловали, велели им на Исети реке под монастырь и под скоцкой выход, под поскотину, и под пашню, и под сенные поля земли отвести на заречной стороне за Исетью рекою, на городище выше Исетцкого острогу в трех верстах на низ до другова малого городища да вверх по Исете до Езевки речки, а по Езевке до вершины, да с тово ж нижнова малова городища со степную сторону до речки Юзи, а вверх тое речки Юзи до вершины и с Исецкою курьею пониже Езевки речки. А в доезде съезжей избы подьячево Сергея Иванова написано: от Исетцкого острогу от малого городища выше Исецкого острогу в трех верстах, а от городища в дуброву впрямь до Юзи речки по старым граням, а по Юзе речке вверх до вершины, а вверх Исети реки по Езевку речку, а с усть Езевки речки до вершины ж пашенные земли от городища до Юзи речки на яланях и на дуброве по смете на 1000 десятин в поле, а в дву по тому же, а под поскотину от пустыни и от бору вверх по Исете реке на 300 копен, а сенных покосов вверх по Исете реке и по Езевке речке на лугах на 5000 копен да по нижную сторону Езевки речки борового места поперек на версту да вдоль до Езевки речки версты на три; а в сыску понятые исецкие конные казаки Мишка Дементьев да Онишка Матвеев сказали по их государеву крестному целованью: тою де пашенную землю, и сенными покосы, и поскотинным местом владеет издавна старец Рафаило, а после ево, Рафаила, никто не владеет; речки де Юзя и Язевка татарские вотчинные. И по государеву цареву и великаго князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца государя и царевича и великаго князя Алексея Алексеевича всея Великия и Малыя и Белыя Росии указу воевода Иван Титович Шадрин велел тою пашенною землею, и с поскотинным местом, и с сенными покосы, и прорвою, и боровым местом владеть Исецкия Троицкия пустыни строителю Филарету з братьею. А прибирати ему в Троицкую пустыню вновь бобылей и трудников вольных гулящих людей, а не тяглых посацких людей и не пашенных крестьян. А на татарских ясашных их речках на Юзе и на Язевке рыбы и зверя никакова и бобров не ловить, и хмелю не драть, и орловых гнезд не сымать. К сей данной государеву цареву и великаго князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца и государя царевича

и великаго князя Алексея Алексеевича всея Великия и Малыя и Белыя Росии печать земли Сибирския Тюменсково города приложил воевода Иван Титович Шадрин.

С подлинною даною выписью читал того ж Рафаилова монастыря дьячек Григорей Дьячков.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 8, л. 189–189об.

180. *1657 г. августа 22–31. — Отписка уфимского воеводы Алексея Головина тюменскому воеводе Ивану Шадрину о полученных от него вестях про поход Кучумовых внучат — Девлеткирея с братьями и с племянниками.*

Господину Ивану Титовичю Алексей Головин челом бьет. В нынешнем во 165-м году августа в 22 день писал ты на Уфу к воеводе к Афанасью Нарбекову с тюменскими служилыми людьми конных казаков с пятидесятником с Федькою Васильевым сыном Селиверстова да с татарином с Калючаркою Меглыбаевым, а в отписке твоей писано: в нынешнем де во 165-м году июля 26 дня присланы на Тюмень ис калмыцких улусов от Алая тайши внука, от Ченеча Таджи тайши присланники Тюргеныка Сасанова да Мамык Токтеев, а в роспросе тебе сказали: хотят де итти войною под государевы городы и под слободы сей осени Кучюмовы внучата Девлеткирей з братьею и с племянники, а куды хотят итти и под которые городы и под слободы или на Уфу, того де они не ведают, а стоят де у Иртыша вскопе их сот шесть. И те вести на Уфе по твоей отписке мне ведомы. Да и впредь бы тебе, господине, что у тебя на Тюмени будет про воинских людей вестей на Уфу велеть писать же. А что у меня на Уфе каких будет про воинских людей вестей же, и я о том к тебе на Тюмень отпишу тотчас.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 8, лл. 175об.–176.

181. *1657 г. не ранее сентября 10. — Отписка тобольского воеводы Алексея Буйносова-Ростовского тюменскому воеводе Ивану Шадрину об угрозе царевича Девлеткирея с братией воевать сибирские города, если им не будут возвращены бежавшие от них тарские и тюменские полоненики.*

Господину Ивану Титовичю Алексей Буйносов-Ростовской челом бьет. *В нынешнем во 166-м году сентября 10-го дня писал ко мне в Тоболеск от соленого Ямыша озера писмянной голова Иван Полуехтов: в прошлом де во 165-м году вышли к Ямышу озеру от царевичев от Кирея з братьею тарские и тюменские полоненые татарове, 22 человека, которые взяты в прошлом во 159-м году под Тарою войною, и те де царевичи присылали к нему, Ивану, людей своих говорить, чтоб им тех выходцов выдать, а будет де тех выходцов не выдадут, и они де под государевы городы пойдут войною, а под которые городы войною пойдут, того неведомо.** И тебе б на Тюмени и в Тюменском уезде велеть всяким людем жити с великим береженьем; по городу и по острогу держать караулы крепкие. Да и в слободы и в Исецкой острог о тех вестях отписать, чтоб в слободах и в Исецком и в Тарханском острожках по тем вестям от воинских людей жили с великим береженьем. А что каких вестей про воинских людей на Тюмени будет, и тебе б о том писать ко мне в Тоболеск тотчас.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 8, л. 176–176об.

*Текст, поставленный между знаками * и **, повторяется в прилож. № 182.*

182. *1657 г. сентября 25. — Память тюменского воеводы Ивана Шадрина приказчику Нижней Ницынской слободы Воину Дементьеву об угрозе царевича Девлеткирея с братией воевать сибирские города.*

Лета 7166 году сентября в 25 день по государеву цареву и великаго князя Алексея Михайловича всея Великие и Малые и Белые Росии самодержца и государя царевича и великаго князя Алексея Алексеевича всея Великие и Малые и Белые Росии указу память в Нижную Ницынскую слободу прикащику Воину Дементьеву. *Далее повторяется текст, поставленный в прилож. № 181 между знаками * и **, затем следует*: И тебе б в Нижной Ницынской слободе по деревням всяким людем велеть жить от воинских людей с великим бережением, а по острогу держать караулы крепкие. Да и Верхницынскую слободу к прикащику Ивану Кропотову о тех вестях велеть отписать, чтоб он, Иван, в Чюбаровскую слободу о тех вестях писал же, чтоб во всех слободах прикащики жили от воинских людей с великим бережением. К сей памяти государеву цареву и великаго князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца и государя царевича и великаго князя Алексея Алексеевича всея Великие и Малые и Белые Росии печать земли Сибирские Тюменского города приложил воевода Иван Титович Шадрин.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 10, л. 76–76об.

183. *1657 г. не ранее ноября 21. — Отписка тобольского воеводы стольника Алексея Буйносова-Ростовского туринскому воеводе Леонтию Андреевичу*[1] *о запрещении вывоза из Сибири ревеня.*

Господину Левонтию Андреевичю Алексей Буйносов-Ростовской челом бьет. В нынешнем во 166-м году ноября в 21-й день в государеве цареве и великаго князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца грамоте писано в Тоболеск ко мне да и к дьяку к Григорью Углеву: указал государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец учинити заказ крепкой под смертною казнью, чтоб инозмцы, и руские всяких чинов люди, и бухарцы, и татары сибирские жильцы корень ревень копытчатого и черенкового не покупали, и в Тоболеск и в иные сибирские городы не привозили, и никому не продавали, и тайно коренем ревенем копытчатым и черенковым не торговали, и ни на какие товары не меняли, и к великому государю к Москве, и в иные руские городы, и на ярманки к Архангельскому городу, и в иные места не привозили и не торговали и на товары не меняли; а будет учнут хто-нибудь в Тоболеск, и в иные руские городы, и на ярманки к Архангельскому городу, и в иные места на торговлю и на мену корень ревень привозить и на товары менять, и тем людем указал государь сказать смертную казнь, чтоб вперед отнюдь ревеню не привозили, и ревенем не торговали, и на товары не меняли; и мне б и дьяку Григорью Углеву велети в Тобольску учинить заказ крепкой под смертною казнью, чтоб иноземцы, и руские всяких чинов люди, и бухарцы, и татаровя сибирские жильцы кореню ревеню копытчатого и черенкового не покупали, и в Тоболеск и в иные сибирские городы не привозили, и никому не продавали, и тайно коренем ревенем копытчатым и черенковым не торговали, и ни на какие товары не меняли, и к великому государю к Москве, и в иные

[1] *Барсукову («Списки городовых воевод») неизвестен.*

руские городы, и на ярманки к Архангельскому городу, и в иные места не привозили и не продавали и на товары не меняли; а будет учнут хто-нибудь в Тоболеск и в иные сибирские городы и из Сибири к великому государю к Москве, и в иные руские городы, и на ярманки к Архангельскому городу, и в иные места на торговлю и на мены корень ревень привозить и на товары менять, и тем людям велено сказать смертную казнь, чтоб никто вперед отнюдь корень ревень не привозили, и ревенем не торговали, и на товары не меняли. А которые приезжие иноземцы, а не государевы люди до сего государева указу в Тоболеск корень ревень привезли, а денег им за него не дано, и тот корень ревень велено им отдать назад и вести в свою землю. А которые иноземцы ж: приезжие бухарцы или калмыки и татаровя, не сибирские жильцы, учнут в Тоболеск и в иные сибирские городы приезжать после сего государеву указу с товары и с ревенем, и тем иноземцам велено товары свои продавать по прежнему государеву указу, а ревень запечатать государевою тобольскою печатью и держать в государеве казне до тех мест, как они свои товары в Сибири не продадут и к себе ехати похотят, и в то время велено им тот их корень ревень отдать и государев указ им сказать, чтоб они, едучи к себе, дорогою в государевых сибирских городах, и в селах, и в деревнях государевым руским людем и иноземцом отнюдь ревень не продавали, и на товары не меняли, и вперед корень ревень в сибирские городы не вывозили, для того что в Московском государстве кореню ревеню походу нет. А у которых будет у государевых у руских людей и у иноземцов взят корень ревень в Тобольску в государеву казну, а денег будет им за тот ревень не дано, и будет они похотят с тем коренем ехать в Астрахань, и им велено в Астрахани тот ревень продавать приезжим иноземцам, а не руским людем, а иноземцы б, тот ревень купя, посылали к себе за море, а в Астрахани ревень отнюдь не держали. А буде руские люди или иноземцы сибирские жильцы после сего государева указу корень ревень учнут в Сибирь привозить и продавать или на товары менять, а про то сыщетца допряма, и тем людем от великаго гоеударя быть казненным смертью безо всякие пощады. Да и в городы Тобольского разряду к вам, воеводам, против сего государева указу велено мне от себя отписать, а велеть им делать по сему ж государеву указу. И тебе б по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца велеть в Туринском остроге учинить заказ крепкой под смертною казнью, чтоб иноземцы, и руские всяких чинов люди, и бухарцы, и татаровя, сибирские жильцы, кореню ревеню копытчатого и черенкового не покупали, и в Тоболеск и в иные сибирские городы не привозили, и никому не продавали, и тайно коренем ревенем копытчатым и черенковым не торговали, и ни на какие товары не меняли, и к великому государю к Москве, и в иные руские городы, и на ярманки к Архангельскому городу, и в иные места не привозили и не торговали и на товары не меняли. А будет учнут хто-нибудь в Туринской острог и в иные места на торговлю и на мены менять, и тем людем сказать смертную казнь, чтоб нихто вперед отнюдь кореню ревеню не привозили, и ревенем не торговали, и на товары не меняли. А которые приезжие иноземцы, а не государевы люди и до сего государева указу в Туринской острог корень ревень привезли, а денег им за него не дано, и тот ревень велети им отдать назад и вести в свою землю. А которые иноземцы ж приезжие бухарцы или калмыки и татаровя, а не сибирские жильцы учнут в Туринской острог приезжать после сего государева указу с товары и с ревенем, и тебе б тем иноземцом велети товары свои продавать по прежнему государеву указу, ревень запечатать государевою туринскою

печатью и держати в государеве казне до тех мест, как они свои товары испродадут; а как они испродадут и к себе ехать похотят, и тебе б в то время им тот корень ревень отдать и государев указ им сказать, чтоб они, едучи к тебе дорогою, в селах и в деревнях государевым руским людем и иноземцам отнюдь ревеню не продавали, и на товары не меняли, и вперед корень ревень в Туринской острог не вывозили, для того что в Московском государстве кореню ревеню походу нет. А у которых будет у государевых у руских людей и у иноземцов взят корень ревень в Туринском остроге в государеву казну, а денег будет им за тот ревень не дано, и тот ревень тем людем велеть отдать; и будет они похотят с тем корнем ехати в Астрахань, и им велеть в Астрахань тот ревень продавать приезжим иноземцам, а не руским людем. А иноземцы б, тот ревень купя, посылали к себе за море, а в Астрахани ревень отнюдь не держали. А будет руские люди или иноземцы сибирские жильцы после сего государева указу корень ревень учнут в Туринской острог привозить и продавать или на товары менять, а про то сыщетца допряма, и тем людем от великого государя быть казненным смертью безо всякие пощады.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 6, лл. 168–169об.

184. *1658 г. не ранее сентября 16. — Отписка в Москву тюменского воеводы Федора Веригина о полученных вестях про поход царевичей и калмыков против сибирских городов и о недостатке свинца в Тюмени.*

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу холоп твой Фетка Веригин челом бьет. В нынешнем, государь, во 167-м году сентября в 16-й день писал ко мне, холопу твоему, ис Тобольска на Тюмень твой государев стольник и воевода князь Алексей Буйносов-Ростовский, что писал к нему, князю Алексею, и к дьяку к Ивану Михайлову от соли от Ямыша озера письменной голова Иван Полуехтов: в прошлом во 166-м году приехал ис калмыцких улусов к Ямышу озеру от Аблая тайши тобольской бухаретин Курманко Аблин, а ему, Ивану, сказал: приезжали де при нем, Курманке, в улус к Аблаю тайше царевичи и Кучюмовы внучата и просили у него, Аблая, на помочь людей, чтоб им итти под твои государевы городы войною, и Аблай де на помочь людей им не дал и отпустил их кочевать на старые их кочевья на урочище на Чететь, и царевичи де Аблаю говорили, что они идут воевать на Русь. Да ему ж де, Ивану, приехав с рыбные ловли, тюменские служилые люди Ондрюшка Смагин с товарыщи сказывали: видели де они на урочище на Каратуне многих татар и калмыков в пансырях и в куяках, стоят полками. Да к Ямышову ж, государь, озеру приехали Учюрты тайши 2 человека калмыков Измалы да Карагай, которые были в послах и зимовали в Тобольску, а сказывали, что де царевичи с людьми своими стоят вскопе, а куды хотят итти, и они того подлинно ему, Ивану, не сказали. И я, холоп твой, по тем вестям созывал тюменских всяких служилых людей в съезжую избу и те вести им сказывал, чтоб по вестям они, служилые люди, от калмыцких и от царевичевых воинских людей жили с великим береженьем и были б готовы на твою государеву службу против воинских людей со всею службою; и тюменские, государь, служилые люди мне, холопу твоему, сказали, что де им твоево государева жалованья на прошлой на 166-й год и на нынешней на 167-й год свинцу по окладу их сполна не дано и служить де им твоея государевы службы без свинцу нечем. А на Тюмени, государь, свинцу мало, в полные

их оклады дать нечево. А наперед, государь, сего о свинцу прежней воевода Иван Шадрин к твоему государеву стольнику и воеводе ко князю Алексею Буйносову-Ростовскому писал, что на Тюмени в твоем государеве зелейном погребе свинцу нет, служилым людем для твоих государевых служеб дать свинцу нечево, и от твоего государева стольника и воеводы от внязя Алексея Буйносова-Ростовского ис Тобольска к Ивану Шадрину свинцу прислано мало, и того бес приходу воинских людей давать служилым людем не велено. А ныне, государь, по вестям для приходу калмыцких и царевичевых воинских людей тюменским служилым людем дать мне, холопу твоему, нечево ж. И я, холоп твой, о свинцу в Тоболеск к твоему государеву стольнику и воеводе ко князю Алексею Буйносову-Ростовскому писал, что от приходу воинских людей оборонятца без свинцу нечем. А занял я, холоп твой, на Тюмени у прежнего воеводы Ивана Шадрина только 9 пуд 36 гривенок с полугривенкою свинцу, и того свинцу для твоей государевы годовые службы тюменским служилым людем тарханским годовальщиком дано пуд 40 человекам, а достальново, государь, свинцу тюменским служилым людем по чете гривенки человеку не будет. А преж сево, государь, присылан свинец на Тюмень ис Тобольска. И о том, великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, как укажешь мне, холопу твоему.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 8, лл. 188–190.

185. *1658–1659 гг. — Отписка в Москву тюменского воеводы Федора Веригина об устройстве слободы на месте татарского городка Явлутура.*

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу холоп твой Федька Веригин челом бьет. Ведомо мне, холопу твоему, с приезду моего потому ж учинилось, где построить твоя великаго государя слобода, острог укрепить и крестьян на твою великаго государя десятинную пашню изо льготных лет поселить. И то, государь, место блиско Тюмени города, ниже устья Исети реки и Белово яру, по городовую тюменскую сторону Тобола реки старой татарской Явлутур город. И в нынешнем, государь, во 167-м году по твоему великаго государя указу посылал я, холоп твой, того места досматривать тюменских пашенных крестьян Петрушку Ульянова да Елеска Гилева, которым пашенные и всякие земли в обычай. И по досмотру их то, государь, место от Тюмени города блиско, по городовую тюменскую сторону Тобола реки, ниже устья Исети реки и Белово яру, старой татарской Явлутур городок. И где, государь, быть твоей великаго государя слободе и острогу крепости: тому Явлутуру городку обошла з дву сторон Тобол река, а с третью сторону озеро больше Чат, от того, государь, озера с четвертую сторону тово городка выкопаны два рва глубокия, мерою глубина по три сажени, и меж теми рвами вал земляной и до Тобола реки, а въезд в тот городок однем местом дорогою через те рвы и вал земляной; а водяной звоз в тот городок рвом от Тобола реки, а окроме де, государь, тово въезду, в тот городок въехать никоими мерами нельзя. А того де, государь, городка в длину 70 сажен, а поперек 50 сажен, а под скосткой выпуск ниже того городка луг подле Тобола реки версты на две и больше. А где быти твоея великаго государя десятинной пашне и где пахать пашни на себя твоим великаго государя пашенным крестьяном и всяким людем, у тово городка з городовую тю-

менскую сторону земли добрые и сенных покосов верст на 30 и больше. Рыбных де, государь, ловель к тому месту прилегли озера большие и истоки многие. А кругом де, государь, тех пашенных мест прилегли леса темные, и места крепкие и болотные, и зыби непроходимые. А где, государь, быть твоей государеве слободе и десятинной пашне и где пахать пашенным крестьяном и беломестным казаком пашни на себя, и те, государь, пашенные все земли добрые и многие, и для сенных покосов и скотских выпусков луги великие и травные. И в тое, государь, новую слободу в пашенные крестьяне и в беломестные казаки есть вольных и охочих людей много, и поселятца вскоре, наполнитца, государь, та слобода твоею великаго государя десятинною пашнею и твоими великаго государя пашенными и оброчными крестьяны и служилыми и беломестными казаки из вольных и охочих людей. К тому же, государь, Явлутуру городку, где быть твоея государеве слободе, прилегли дороги проезжие, по которым дорогам ездят из Казани и с Уфы и ис Казанских и Уфинских уездов всякие руские люди и татаровя с Руси в сибирские городы со всякими товары, а из сибирских городов и ис Тобольска тое ж дорогою ездят в Казань и на Уфу и в Казанские и в Уфинские уезды с конми и со всякими товары и со всяких рыбных и хмельных промыслов промышленные люди со всякими промыслы. А без твоих великаго государя людей и без слободы на том месте быть нельзя, потому что и всякая твоя великаго государя десятая пошлина пропадет ни во что. А есть ли будет на том месте твоя великаго государя слобода и всякие твои государевы люди и впредь, государь, в той слободе учнется збирать на тебя, великаго государя, всякая десятинная пошлина в твою великого государя казну, и прибыль будет от той слободы тебе, великому государю, денежная и хлебная многая и впредь прочна и стоятельна. А бес твоего великаго государя указу та слобода и по се время не устроена.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 8, лл. 190–192.

186. *1659 г. января 22. — Грамота на Верхотурье стольнику и воеводе Ивану Камынину об устройстве заставы на новой дороге из Сибири через Утку и Кунгур и об отсылке проезжающих через нее в верхотурскую таможню.*

От царя и великаго князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца в Сибирь на Верхотурье, стольнику нашему и воеводе Ивану Богдановичю Камынину да подьячему Василью Богданову. В нынешнем во 167-м году генваря в 18-й день писал к нам великому государю верхотурской таможенной и заставской голова Ларивон Самсонов: по нашему де великого государя указу велено ему быть у нашего дела на Верхотурье в таможенных и в заставных головах и таможенной пошлинной збор и застава ведать, чтоб нихто мимо Верхотурскую заставу безпошлинно в Сибирь и из Сибири в руские городы с товары и без товаров не проехал. И ныне де наложена из Сибири мимо Верхотурские заставы дальная вновь окольная дорога по слободам через Утку и Кунгур на Каму реку в русские городы; и ездят де тою новою окольною дорогою всяких чинов люди сибирские дети боярские и служилые и торговые иноземцы всякие люди с Руси с русскими и из Сибири с сибирскими товары и с мяхкой рухлядью летним и зимним путем безперестанно, а на Верхотурье де в том проезде пошлинному збору для тое новые окольные дороги при прежних годех чинитца недобор многий. И мы, великий государь, указали: с Верхотурья на той дороге, где пригоже, поставить заставу и посылать на ту заставу

детей боярских добрых и служилых людей. И которые люди поедут тою новою дорогою из Казани и из Сибири с товары, и тех людей для таможенных пошлин отсылать на Верхотурье. И как к вам ся наша великаго государя грамота придет, и вы б на ту дорогу, где пригоже, посылали с Верхотурья детей боярских добрых и служилых людей, по скольку пригоже, и велели учинить на той новой дороге заставу и с той заставы тех людей, которые поедут ис Казани и из Сибири с товары, отсылать на Верхотурье в таможню, и таможенному голове велели с них и с их товаров имать наши великого государя всякие таможенные пошлины по прежнему нашему великаго государя указу, чтоб на Верхотурье нашим таможенным пошлинам перед прежним недобору не было. Писан на Москве лета 7167-го генваря в 22-й день.

На обороте: Дьяк Григорий Протопопов.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 2, лл. 299–300.

187. *1659 г. не ранее февраля 27. — Отписка в Москву верхотурского воеводы стольника Ивана Камынина о новой дороге из Сибири через Утку и Кунгур на Каму и о челобитных верхотурских крестьян о запрещении ездить гонцам через слободы.*

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу холопи твои Ивашко Камынин, подьячей Васька Богданов челом бьют. В нынешнем, государь, во 167-м году февраля в 27-й день прислана твоя великаго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца грамота из Сибирского приказу за приписью дьяка Григория Протопопова на Верхотурье к нам, холопем твоим, а в той твоей великого государя грамоте написано: наложена, государь, из Сибири мимо Верхтурскую заставу вновь окольная дорога по слободам через Утку и Кунгур на Каму реку в розные городы, и ездят, государь, тою новою окольною дорогою всяких чинов люди сибирские дети боярские, и служилые люди, и торговые иноземцы с Руси с рускими, а из Сибири с сибирскими товары и с мяхкой рухлядью летним и зимним путем беспрестанно; а на Верхотурье, государь, в том проезде твоему великаго государя пошлинному збору для тое новые окольные дороги при прежних годех чинитца недобор многой. И по твоему великаго государя указу велено нам, холопем твоим, посылать с Верхотурья детей боярских добрых и служилых людей, сколько человек пригоже, и велено, государь, на той дороге заставу поставить и с той заставы тех людей, которые поедут ис Казани и из Сибири с товаром, выслать на Верхотурье в таможню к таможенному голове; и велено, государь, с них и с их товаров иметь на тебя, великаго государя, всякие твои государевы пошлины по-прежнему. И в нынешнем, государь, во 167-м году марта в 17-й день по твоему великаго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца указу и по грамоте на ту новую дорогу и на заставу послали мы, холопи твои, с Верхотурья верхотурских детей боярских и служилых людей и приказали им того смотреть и беречь накрепко: которые торговые и промышленные люди из сибирских городов с товаром пойдут к Руси в Сибирь мимо Чюсовскую слободу новою дорогою, и тех людей с товары велели мы, холопи твои, присылать на Верхотурье в таможню и таможенному голове, чтоб твоей всякое государевой казне таможенным пошлинам перед прежним недобору не было. И в нынешнем, государь, во 167-м году в разных месяцах и числах били челом тебе, великому государю царю и великому

князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, а на Верхотурье в съезжей избе нам, холопем твоим, Верхотурского уезду разных слобод пашенных крестьян старосты и все крестьяне подали за руками челобитные, а в челобитных, государь, их написано: в прошлом, государь, во 164-м году наложена из Сибири вновь окольная дорога по слободам через Утку и Кунгур на Каму реку в розные городы, и ездят, государь, ныне тою новою окольною дорогою всяких чинов люди сибирские дети боярские и служилые люди по тобольским и иных сибирских городов по подорожным, в пахотную пору емлют, государь, у тех крестьян подводы, выпрегая из сох и из борон, и оттого, государь, тем крестьяном чинятца налоги и убытки великие. И многие, государь, крестьяне от тех подвод розбрелись врознь, пометав жен и детей, а твоя великого государя десятинная многая пашня оттого запустела; чтоб ты, великий государь, их крестьян пожаловал, не велел тою новою дорогою сибирских детей боярских и служилых людей пропущать, а велел тем сибирским детям боярским и служилым людем ездить по городам, по сторонным ямам, чтоб, государь, им крестьяном от тех подвод вконец не погинуть, и твоей государеве десятинной пашни не отбыть, и врознь не розбрестись. А при прежних твоих великаго государя боярех и воеводах, до приезду стольника и воеводы князя Алексея Буйносова-Ростовского, ис Тобольска и из иных сибирских городов к тебе, великому государю, к Москве всяких чинов люди не ездили тою дорогою, которая вновь наложена, ездили, государь, по городам, где по твоему великого государя указу устроен ям. И о том, как ты, великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, укажешь.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 2, лл. 297–298об.

188. *1659 г. октября ... — Сказка красноярского сына боярского Степана Коловского о его службе.*

Лета 7168-го году октября в... день по указу великаго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца и государя благоверного царевича и великаго князя Алексея Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии в Красноярском остроге в съезжей избе воеводе Данилу Харитоновичю Мотовилову подал скаску красрноярской сынчишко боярской Степан Воинов сын Коловской: в прошлом во 140-м году выехал я, Стенка, из Полской земли, сыща государеву неизреченную милость к нашей братье иноземцам, покиня род и племя и все свое именьишко, и на Москве я, Стенка, крестился в православную християнскую веру, и по государской милости велено мне, Стенке, быть у своей братьи у иноземцов ротмистром; а корму мне было учинено помесячно на месяц по 10 рублев да на два коня на год 4 рубли 10 алтын 4 денги на корм, а земляной оклад мне, Стенке, был учинен 550 четь, а денежново годового жалованья оклад был учинен 40 рублев денег. И будучи я, Стенка, на Москве, служил государевы всякие береговые службы. И в прошлом во 147-м году выняли без меня во дворишке у женишка моего тобак, а я, Стенка, в те поры был на государеве береговой службе на Туле. И во 148-м году сослан я, Стенка, за свою страдничью вину в Сибирь, в Красноярской острог, а велено мне, Стенке, служить государева рядовая конная служба, а оклад учинен на год 7 рублев с четвертью, а хлеба 6 чети с осьминою ржи да четь круп и толокна, 2 чети овса, 2 пуда без чети соли. И будучи я, Стенка, в Красноярском

остроге, служил всякие государевы службы: конные, и пешие, и струговые. И в прошлом во 150-м году воевода Олферей Баскаков посылал меня, Стенку, на государеву службу на изменников и непослушников на киргисских князцов к томскому воеводе к Ивану Кобыльскому на всход, и на той службе я, Стенка, служил, бился явственно и мужика убил. Да во 153-м году при воеводе Петре Протасьеве посылан я, Степан, с атаманы с Милославом Кольцовым да с Омельяном Тюменцовым на князца Илайка в Браты войною, а был я у войска ясаулом, и на той службе служил, бился явственно и мужика убил, а меня, Стенку, на том бою ранили. Да во 154-м году посылал меня воевода Петр Протасьев, а со мною посылан для толмачества Яков Савастьянов да Пятой Сидоров, в Канскую и Котовскую землицы х канским и котовским князцам и улусным людем приводить их, князцов, и с улусными людьми под государеву высокую руку в вечное холопство и в ясашные люди и к шерте, и я с товарыщи их, князцов, и улусных их людей под государеву высокую руку в вечное холопство и в ясашные люди и к шерти приводил, и ныне оне государев ясак платят. Да во 156-м году при воеводе Михайле Дурном посылан я в Канскую и в Котовскую землицы, а со мною были служилые люди Ермак Семенов да Козьма Чагин, для государева ясашново збору, и государев ясак собрал весь сполна и с прибылью и вновь ясашных людей приискал, а что вновь приискал ясашных людей и что в ясачном зборе прибыли учинил, и то писано в ясашных книгах и в доездных памятех. Да в том же во 156-м году при воеводе Михайле Дурном посылан я, Стенка, на государеву службу в стругах в Покровской городок, а со мною было 50 человек служилых людей, и, будучи мне, Стенке, на государеве службе в Покровском городке, велено городка прибавить, и бойницы вывесть, и круг городка надолбы двойные поставить, и с ясашных людей государев ясак собрать, и я, Стенка, Покровского городка прибавил, и бойницы вывел, и надолбы двойные около городка поставил, и государев ясак собрал весь с прибылью; а что в государеве ясаке прибыли учинили, и то написано в ясашных книгах и в доезжих памятех. Да во 158-м году при воеводе Андрее Бунакове посылан я, Стенка, а со мною посыланы служивые люди десятник Михайло Казаниц да Осип Ус, для государева ясашного сбору в Камасинскую и Кашинскую землицы, а я, Стенка, с служилыми людьми государев ясак собрал весь сполна с прибылью, а что в государеве ясаке прибыли учинено, и то писано в ясашных книгах и в доездных памятех. Да во 159-м году воевода Ондрей Бунаков послал меня, Стенку, с Кирилом Бунаковым в Браты войною на Узунка да на Чиначия, а я в те поры был у войска ясаулом, и на той службе служил, бился явственно, мужика убил. Да во 161-м году приходил войною в Красноярской уезд на ясашных людей и на киргизских князцов Мугальские земли Алтын царь с сыном своим Лоджаном да с племянником своим Мергень Тачин, а [с] ними было воинских людей 5000 человек, и стояли от Красноярского острогу в 2 днищах, и села и деревни хотели разоряти; и из Красноярсково острогу воевода Михайло Скрябин посылал к Алтыну царю с выговором меня, Стенку, а для толмачества со мною Ивана Аркина да служивого человека Евсю Ковригина, и мы, не дошед до Алтына царя, кыргизам, и тубинцам, и алтырцам, и керетцам, и всем ясашным людем государево милостивое слово сказали, что великий государь велит их оборонить своими государевыми ратными людьми томскими, и енисейскими, красноярскими, и кузнецкими огненным боем, и Алтын царь, послыша те речи, пошел вскоре в свою землю, а те мои службы подлинно писаны в послужных списках и в доезжих памятех. И в прошлом во 162-м году бил челом великому государю

и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу и государю благоверному царевичю и великому князю Алексею Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии на Москве за службишка свои, за раны и за кровь я, Стенка, и за ясашной збор; и по челобитью моему за службишка мои, за кров, и за раны, и за ясашные зборы великий государь и государь благоверный царевич пожаловали меня, Стенку, велели дать свою государеву грамоту за приписью дьяка Третьяка Васильева к воеводе к Михаилу Скрябину, а по той государеве грамоте велено мне в Красноярском остроге государеву службу служить в детишках боярских, а оклад мне, Стенке, учинен на Москве государева жалованья 10 рублев денег, а хлеба 8 чети ржи да 6 чети овса, 3 пуда соли. В том я, Стенка, отца духовного за рукою и сказку дал. А сказку писал красноярской пеший казачей десятничишко, а площадной подьячишко Бориско Ульянов.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 18, лл. 84–86об.

189. *1659 г. не ранее ноября 18. — Отписка заставщиков Чусовской слободы Афанасия Иванова и Елисея Иванова верхотурскому воеводе стольнику Ивану Камынину об объезжей дороге на Мурзино и на Исеть.*

Государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца и государя благоверного царевича и великого князя Алексея Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии стольнику и воеводе Ивану Богдановичю, Василью Максимовичю заставщики стрелец Офонька Иванов, целовальник Елеска Иванов челом бьют. В нынешнем во 168-м году по государеву указу и по верхотурской наказной памяти велено быти мне, Афоньке, и целовальнику в Чюсовской слободе збирать всякую государеву пошлину со всяких чинов людей с туточных и с проезжих. А наложена вновь дорога и тес... с проезжей дороги с Сылвы к тотарину к Тиконку Турсунбаеву к юрту выше Чюсовской слободы 15 верст, а от юрт в Сибирь в слободы Тобольского уезду на Мурзину и вверх Кутурские уезды и вверх Исети и в поле, и тою дорогою тот Тихонко проводит к себе в юрты всяких чинов людей татар и черемису, торговых и гулящих, и от себя проводит на Мурзину и на Исеть и в иные слободы. Да он же, Тихонко, с торговыми тотары ездит по слободам, а с иными торговыми сын ево Тихонков, а тот Тихонко татар и черемис, торговых и гулящих в Чюсовской слободе в таможне не являет, и в том их приезде государевы пошлины теряютца. А в Чюсовской слободе беломестных казаков нет, и посылать по тем объезжим дорогам неково, и для всяких и проезжих людей, которые учинятца сильны, обдержать не с кем: крестьяне из Чусовской слободы разъехались по деревням. Да в нынешнем же во 168-м году ноября в 18-й день ево, Тихонков, брат тотара Банманачко Маланин, да Илцыбанко Тушев, да Шалманаи Кобакчюлов от Тихонковых юрт проехали тою объезжею дорогою на Мурзино с товаром, а в Чюсовской слободе в таможенное мне и целовальником не являлись, а какой товар привезли, того не ведают. И вы по государеву указу об той дороге как укажете.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 2, лл. 298об.–299.

190. *1659 г. не ранее декабря 26 — не позднее 1660 г. января 15. — Отписка посланного с тобольскими служилыми татарами в поход против царевичей и кал-*

мыков тобольского ротмистра литовского Данилы Аршинского тобольскому воеводе.

...и калмыцкие воинские люди, и по вестям на царевичей и на калмыцких воинских людей ратным людем поход с Тары будет ли и что, дорогою едучи, учнет делатьца, и о том о всем отписать к вам в Тобольск. А будет стольник и воевода князь Михайло Шеховской скажет, что царевичи и калмыцкие воинские небольшие люди воюют ясачные волости, и мне с тобольскими и тарскими служилыми людьми и с татары, прося у Бога милости, над царевичи и над калмыцкими воинскими людьми промышлять, сколько милосердый Бог помочи подаст. И я с тобольскими служилыми татары приехал на Тару декабря в 26-й день числе. И того же числа стольник и воевода князь Михайло Шеховской сказал мне, что в нынешнем де во 168-м году декабря в 26 числе приехали на Тару из Барабинские волости остаточные от погрому ясачные татаровя Каимко Бичигев, да Чойской волости Бигичиев Чаранов, да Тунуской да Кулебинской волости Алтылбайко Будалин с товарыщи, и того де Каимка Бигичеева с товарыщи князь Михайло роспрашивал, а в роспросе сказали ему: приходили де на их Барабинскую, и Чойскую, и Тунускую, и Кулебинскую волости калмыцкие воинские многие люди Урлюкова сына Улузана тайши, да с ними де были дурбетцы, Ишкеповы люди, а с теми де людьми тайша был Алдар, а воинских де людей с ними и с царевичи было всех тысячи с полчетверти, а воевав де Тунускую и Кулебинскую волости, пошли на двое: Урлюковы и Ишкеповы люди большая половина пошли на Барабу, а царевичи з другою половиною воинскими людьми с ясырем пошли к себе в улусы; и тарские служилые люди, которые посыланы были до нас, шли за ними их царевичевым шляхом и наехали на том их шляху на стану воинских царевичевых калмыцких людей 50 человек, стоят в колке, и милостию Божиею тех людей тарские служилые люди побили всех и языка взяли и привезли на Тару; а царевичи де Тунуские и Кулебинские волости с ясырем ушли в свои улусы, а где ныне царевичи кочуют, и про то ведать не по чему, а Урлюковы и Ишкеповы калмыцкие воинские люди, повоевав Барабинскую и Чойскую волости, пошли на Коурчак, и, по распросу языка, которой взят и приведен на Тару, кочюют де те Урлюковы и Ишкеповы люди неподалеку от царевичевых улусов, и ныне де в Тарском уезде в ясачных волостях царевичей и иных никаких калмыцких воинских людей нет, а впредь их приходу чаяти или нет, того ведать не по чему, а сколько которой волости царевича Налдар тайша с своими воинскими калмыцкими людьми государевых ясашных людей побили, сколько в полон взяли мужского и женского полу, и о том о всем писал в Тоболеск к тебе, боярину и воеводе ко князю Ивану Ондреевичю, с Тары стольник и воевода князь Михайло Шеховской. А мне с тобольскими служилыми татары на Таре ли жить или в Тоболеск ехать, и о том по указу великих государей что укажешь.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 11, лл. 167об.–168об. Без начала.

191. *1659–1660 гг. — Отписка тобольского воеводы князя Ивана Хилкова туринскому воеводе князю Ивану Мещерскому об отпуске гонцов с делами и казною в Москву по ямам, а не на слободы, за исключением самых нужных и скорых гонцов.*

Господину князю Ивану Ивановичю Иван Хилков челом бьет. В нынешнем во 168-м году... в 16 день в государеве цареве и великаго князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца грамоте писано ко мне с товары-

щи: в прошлом де во 167-м году писали к великому государю с Верхотурья стольник и воевода Иван Камынин да подьячей Василей Богданов: *наложена де из Сибири мимо Верхотурскую заставу вновь окольная дорога по слободам через Утку и Кунгур на Каму реку в розные городы, и ездят де тою новою окольною дорогою сибирские люди и иноземцы с Руси с рускими, а из Сибири с сибирскими товары и мяхкой рухлядью летним и зимним путем безпрестанно; а на Верхотурье де в том проезде великих государей таможенному и всякому пошлинному збору при прежних годех чинитца недобор многой; да били де челом великим государем Верхотурского уезду розных слобод все пашенные крестьяне; едучи де тою новою окольною дорогою, сибирские дети боярские и служилые люди емлют у них по тобольским и иных сибирских городов по подорожным подводы в пахотную пору, выпрягая лошади из сохи и из бороны, и чинят им налоги и убытки великие, и от того де многие пашенные крестьяне, пометав жен и детей, розбрелись врознь, а великих государей десятинная многая пашня запустела, и чтоб тою новою окольною дорогою сибирских детей боярских и служилых людей пропускать не велеть, а пропускать бы тех детей боярских из Сибири по городам по сторонным ямом, чтоб им пашенным крестьяном от тех подвод вконец не погинуть и десятинной пашни не отбыть.** И по государеву цареву и великаго князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца и государя благоверного царевича и великаго князя Алексея Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии указу велено впредь отпускать к великим государем к Москве ис Тобольска со всякими их государевы делы и с казною тобольских детей боярских и служилых людей и подорожные им велеть давать против прежнего их великих государей указу по ямом, а не на слободы, опричь самых их великих государей нужных дел и скорых гонцов. Да и в городы Тобольского разряду велено мне о том к вам, воеводам, отписать, чтоб вы потому ж со всякими великих государей делы и с казною, опричь самых нужных дел, сибирских детей боярских и служилых людей отпускали к великим государем к Москве и подорожные им давали по ямам, а не на слободы, чтоб от того в слободах пашенным крестьяном напрасной тяготы и оскорбленья не было. И по указу великаго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца и государя благоверного царевича и великаго князя Алексея Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии, как к великим государем к Москве учнешь ты ис Туринского вперед отпускать туринских детей боярских и служилых людей со всякими великих государей делы и с казною, и тебе б тех туринских детей боярских и служилых людей отпускать ис Туринского к великим государем к Москве мимо Верхотурья и подорожные им давать против прежнего великих государей указу по ямом, а не на слободы, опричь самих великих государей нужных дел и скорых гонцов, чтоб оттого в слободах крестьяном напрасноя тягости и оскорбленья не было.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 6, лл. 169об.–170об.

192. *1660 г. января 15–22. — Отписка в Москву тобольского воеводы князя Ивана Хилкова с товарищами о нападениях царевичей и калмыков на Тарский уезд, о походе против них тарских сотников Юрия Шатова и сына боярского Кузьмы Заливина, о переписи ясачных людей Тарского уезда, оставшихся в живых, побитых и взятых в плен, и об отсылке в Москву калмыка, взятого в языках.*

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, государю благоверному царевичю и великому князю Алексею Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белые Росии холопи ваши Ивашко Хилков, Адинка Беклемишев, Гарско Головин, Сенька Румянцев челом бьют. В нынешнем, государи, во 168-м году декабря 20 писали к вам великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу и государю благоверному царевичю и великому князю Алексею Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии к Москве мы, холопи ваши, с тобольским сыном боярским с Яковом Карвацким, что в нынешнем, государи, во 168-м году, декабря в 8 день писал ко мне, холопу вашему Ивашку, с Тары стольник и воевода Михайло Шеховской: в нынешнем же де, государи, во 168-м году декабря в 2-й день прибежал к нему на Тару Тунуской волости ясачной татарин Салишко Истемишев, а в роспросе ему сказал: повоевали де Тарского уезду Кулебинскую волость царевичи Кучюм[овы внучата Чютчюлень] да Урлюков лутчей человек Дайкошучи, да иные де ваши государевы ясачные волости: Любайскую, Тунускую, Барабинскую волости воюет же, а воинских людей с ними царевичами 1000 человек, и чаять де их приходу и под Тарской город. И декабря ж, государи, по вашему великих государей указу по тем вестям посылали мы, холопи ваши, на Тару для обереганья от царевичевых и калмыцких воинских людей Тарского города, в прибавку к Тарского уезду тарским служилым людем тобольских ротмистра литовского Данила Аршинского да юртовских служилых татар голову Саву Турского, а с ними послали тобольских литвы и литовского и новокрещенных списка и конных казаков 100 человек, да юртовских служилых татар 100 ж человек, да промыслу на царевичевых и на калмацких людей. И мы, холопи ваши, головам Данилу и Саве, сшедшися с тарскими служилыми людьми, прося у Бога милости, над царевичи и над их воинскими людьми промышлять сколько милосердый Бог помочи подаст, чтоб над воинскими людьми поиск учинить, а себя и ваших государевых служилых людей и Тарского уезду ясачные волости уберечь. А буде, государи, почают под Тарской город царевичевы люди и калмыки, и мы, холопи ваши, велели тобольским головам с тобольскими служилыми людьми по вестям[1] быть на Таре. И декабря ж, государи, в 27 день писал ко мне, холопу вашему Ивашку, с Тары стольник и воевода князь Михайло Шеховской: в нынешнем де, государи, во 168-м году посылал он, Михайло, в степь за царевичи и за калмацкими воинскими людьми, которые приходили повоевали ваши государевы верхние Кулебинскую, и Любайскую, и Тунускую волости, Тарских сотника рейтарского Юрья Шатова да сына боярского Кузму Заливина... с служилыми людьми и с татары и велел тех царевичевых и калмыцких воинских людей дойти и, прося у Бога милости, над ними промышлять, сколько милосердый Бог помочи подаст; и декабря де, государи, в 16-й день сотник Юрья Шатов и Кузьма Заливин с служилыми русскими людьми и с татары ис походу пришли на Тару, а в роспросе ему, князь Михайлу, тарские служилые люди Юрей Шатов и Кузьма Заливин сказали: шли де они за царевичи и за калмыцкими воинскими людьми их шляхом и наехали калмыцких воинских людей за Омью рекою 50 человек и говорили им, калмыцким людем, чтоб они здались, и они де, калмыцкие люди, и учали по их стрелять ис пищалей и из луков, и Юрей де Шатов и Кузьма Заливин с вашими государевыми служилыми людьми

[1] *В рукописи:* весне; *исправлено на основании прилож. № 196.*

бились, и милостию Божьею и Пречистые Богородицы помощью и вашим, великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца и государя благоверного царевича и великого князя Алексея Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии, счастьем ваши государевы ратные люди тех калмытцких людей побили всех и одного человека калмыка привезли на Тару, да у тех же де воинских людей взяли знамя, а царевичевых де калмыцких воинских людей, а не царевичевы ли, потому что царевичи и калмыцкие воинские люди пошли на Тобол; и он де, князь Михайло, тово калмыка, который взят в языцех, роспрашивал и пытати ево велел, какие они люди и для чево они повоевали ваши государевы волости, и много ль воинских людей было с царевичем; и в роспросе де и с пытки тот взятой калмык говорил: люди де они... [Улу]за[на][2] тайши Урлюкова сына, а с царевичи де они не были, а были де с царевичи дербенцы Ишкепа тайши люди, 600 человек, да царевичевых людей 200 человек, а шли де войною Тарского уезду на волости мимо их Урлюковы улусы, а как де они, царевичи, войною пошли Тарского уезду, и товарыщи де ево калмыцкие люди, которых тарские служилые люди побили, собрав 50 человек людей, пошли за царевичи без тайшина ведома, и от улусных людей утаясь, и шли де они за царевичи их шляхом, государевых ясачных волостей; в государевых волостях людей никаких не видали, потому что от ратных людей и все руские же люди в ясашных деревнях имали всякую мяхкую рухлядь. И писал я, холоп ваш Ивашко, на Тару к стольнику и воеводе ко князю Михаилу Шаховскому, а велел ему послать в ваши государевы ясашные волости детей боярских, кого пригож, и велел им в тех волостях ясачных людей переписать, сколько ясачных людей осталося живых и что от колмацких людей побито и в полон поимано ясачных людей, и жен, и детей. И генваря, государи, в 15-й день писал ко мне, холопу вашему Ивашку, с Тары стольник и воевода князь Михайло Шаховской, пришли де к нему, князю Михайлу, на Тару Тарского уезду з Барабинской, и с Чойской, и с Тунуской, из Любайской, и с Кулебинской волостей ясачные татаровя: Каимко Бигичев с товарыщи, 10 человек, а в роспросе де ему, князю Михаилу, Барабинской волости ясачные татаровя сказали: повоевали де их Барабинскую, и Чойскую, и Тунускую, и Любайскую, и Кулебинскую [волости царевичи Кучумовы внучата][2] и калмацкие воинские люди Улузана тайши Урлюкова сына людей, а с ними де были дербенцы Ишкеповы люди, а тайша де с ним был Алдар, а воинских де, государи, с ними и с царевичи было тысячи с полчетверти, и, повоевав де ясачные волости, царевичи своими людьми пошли к себе в улусы, и Урлюковы и Ишкеповы люди пошли на Коурчак. А сколько, государи, в тех волостях ваших государевых ясачных людей... ко мне, холопу вашему Ивашку... в Барабинской волости побито ваших государевых ясашных людей 20 человек да 2 женки да в полон взято мужеского больших и малых 210 человек, женского полу больших и малых взято 199 человек; Чойской волости взято в полон мужского полу больших и малых 15 человек да женского полу 30 человек; в Тунуской волости убит ясачной один человек да в полон взято мужеского полу больших и малых 16 человек, женского полу 23 человека; Любайской волости побито мужеского полу 30 человек да в полон взято мужеского полу больших и малых 41 человек, да женского полу взято 55 человек; в Кулебинской волости побито мужеского полу 8 человек да в полон взято мужеского полу больших и малых 76 человек, да

[2] *Восстановлено на основании прилож. № 201.*

женского полу в полон взято 68 человек. И по вашему великих государей указу велели мы, холопи ваши, тобольским головам Данилу Аршинскому да Саве Турскому с вашими государевыми ратными людьми быть на Таре для обереганья Тарского города и Тарского уезду да ясачных волостей до тех мест, покаместа про царевичевых и про калмыцких воинских людей вести минутца. А которой, государи, калмыченина взяли в языцех, и тот калмыченин послан к вам, великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии, к Москве с тарским сыном боярским с Юрьем Шатовым с товарыщи.

Такова отписка послана к великим государям к Москве с тарскими сотником конных казаков с Юрьем Шатовым с товарыщи генваря в 22 день.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 11, лл. 170–173.

193. *1660 г. не ранее января 23. — Отписка тарского воеводы Михаила Шеховского тобольскому воеводе князю Ивану Хилкову о нападении калмыков на Тунусскую волость.*

Господину князю Ивану Ондреевичю Михайло Шеховской челом бьет. В нынешнем во 168-м году генваря 23 дня прибежали на Тару Тунуской волости ясачные татаровя Девлетбайко Кобагишев да Тюбейко Кучюгашев, а в съезжей избе в роспросе сказали мне: генваря в 17 день приезжали в Тунускую волость калмыцкие воинские люди, человек их 40, и той волости деревню Алтымбаеву розвоевали; а как де пришли калмыцкие воинские люди, и ево де Девлетбайка в ту пору дома не было, был в провожатых с сыном боярским с Иваном Микшиевым и с служилыми людьми, которые посланы на береженье в Барабинскую волость, а Иван Макшиев как пошел в Барабу из их деревни с служилыми людьми, и того же де дни на вечер набежали калмыцкие воинские люди и розвоевали их Алтымбаеву и иные деревни; а воинских людей они, Девлетбайко и Тюбейко, не видали, а по становьям их по смете было человек 40 да 15 логовищ верблюжих, и тово они чают, что верблюды с ними были для тово: искали побитых тел; а пришла де та война тем шляхом, которым шли служилые люди, побив калмык, да тем же шляхом, повоевав, назад поворотились; да и впредь де они, ясачные люди, калмыцкого воинского приходу чают, что калмыки кочюют блиско. А сколько в полон взято мужеского и женского полу, и тем полоненым людем послал я к тебе под сею отпискою роспись. Да я ж, господине, Девлетбайка и Тюбейка допрашивал: для чево они в острожек в Чичкасову деревню к сыну боярскому к Семену Грабинскому и к служилым людем з женами и з детьми не поехали до того воинского приходу, а сын боярской и служилые люди для береженья нарочно посыланы, да и послан сын боярской нарочно к ним, велел съехатца всем к себе в острожек; и Девлетбайко и Тюбейко сказали мне, что де они в острожек в Чичкасову деревню ехать з женами и з детьми не успели за стужею, что стужа была большая, ожидаючи теплых дней, чтоб им и детишек своих не перезнобить, а посыльщик де к ним был и за посыльщиком они хотели было ехать в острожек, и их захватила война. А что, господине, каких вестей вперед у меня будет, и я к тебе отпишу тотчас с нарочным гонцом.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 11, лл. 173–174.

194. *1660 г. не ранее января 25. — Отписка тарского воеводы князя Михаила Шеховского тобольскому воеводе князю Ивану Хилкову о нападениях калмыков на Тунусскую волость и о посылке служилых людей в верхние и нижние волости Тарского уезда для бережения от царевичей и от калмыков.*

Господину князю Ивану Ондреевичю Михайло Шеховской челом бьет. В нынешнем во 168-м году генваря во 25 день писал ко мне на Тару ис Тунуской волости сын боярской Семен Грибанской и прислал утеклеца ис полону нынешняго погрому Тунуской волости ясачного татарина Кузешка Азбечакова с тарскими служилыми людьми с Климком Жадуновым да с Панкрашкою Поморцовым, которые посланы для вестей в Тунускую волость в Чичкасову деревню. А в роспросе в съезжей избе мне тот полоненик Кузешка сказал: в нынешнем де во 168-м году генваря в 17 день приходили на их Тунускую волость в Алтымбаеву деревню калмыцкие воинские люди, Ишкепа тайши теленгутцы, 27 их человек, а начальной у них был человек Отчи, и их Алтымбаеву деревню развоевали, 33 человека всяких людей в полон взяли да лошадей со 100 отогнали, а с ними было 30 верблюдов, а верблюды с ними были для запасов, для ячменю, и для ураку и для рыбы, и для всякого борошню; а как они приехали в Алтымбаеву деревню, и оне ведали, что руские служилые люди пошли в Барабу на береженье, и калмыцкие люди мыслили итти за ними, чтоб у них отогнать лошадей, и межу собою розговорились, что итти им на русских людей страшно на вогненой бой, а люди небольшие; и повоевав и полоня их, пошли назад тем же шляхом, откуда пришли, а он, Кузешко, шел с калмыцкими людьми 3 дни и с третьего наслегу ушол с Оми реки; а вожу колмыков был первого погрому, как царевичи приходили, Любайской волости ясачной татарин Ташайко Бизяреев, и ему, Кузешку, с тем Ташайком калмыки видетца и розговаривать не дали, и украдкою де тайным обычаем он, Кузешко, свиделся с ним, Ташайком, и Ташайко де ему говорил: как де нибудь побеги ты и скажи в городе воеводе, что царевичи войною пошли, а куды пошли и сколько с ним пошло, тово де я не ведаю; да скажи де ты в Ялынской волости, чтоб одноконешно береглись от царевичев, а где царевичи кочуют, и того он, Кузешко, не ведает же; а в розговоре говорят меж собою калмыки, что царевичи кочюют по Иртышу, а на которых урочищах кочюют, и того ему Ташайко не сказал, а лошади у них не выбиты, и потому ж знать, что они блиско кочюют; да и то ему, Куземку, Ташайко говорил: как де пойдут служилые люди на калмыцких людей, и они б не шли их шляхом, а шли б Иртышем, потому что на их де шляху караулы беспрестанно, а позади их караулу нет. И я, господине, по тем вестям послал в верхние и в нижние волости на прибавку служилых людей, и на береженье от царевичев и от калмыцких воинских людей конных 30 человек да пеших 30 же человек. А что впред каких вестей у меня на Таре объявитца, и я тебе, господине, отпишу тотчас с нарочным гонцом.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 11, лл. 174–175.

195. *1660 г. не ранее января 31. — Отписка тарского воеводы князя Михаила Шеховского тобольскому воеводе князю Ивану Хилкову о полученных вестях про «кошеутов» и «теленгутцев», их нападениях на деревню Алтымбаеву Тунусской волости, о присылке служилых людей и о пополнении казны сукнами и холстами.*

Господину князю Ивану Ондреевичю Михайло Шеховской челом бьет. В нынешнем во 168-м году генваря в 31 день писал ко мне[x] ис Тунуской волости с Чичаковы

деревни сын боярской Семен Грабинской, которой послан с служилыми людьми на береженье, и прислал утеклеца ис полону от калмык Любайской волости ясачного татарина Ташайка Бизариева, и тот полоненник Ташайко в съезжей избе в роспросе сказал мне: в нынешнем де во 168-м году взят он, Ташайко, в полон на зверовом промыслу сам пять, а товарыщи де с ним были тое же Любайской волости: Сырянко Дубанов, Бердичко Кучаков, Бекшейко да Еучючко Бизараевы да он, Ташайко, пятой; и из них де один человек, Бердычко Кучаков, из рук от калмык ушел и побежал на Тару с вестью; а которые калмыки их взяли, и тех калмык было человек 60, а называются те калмаки кошеутами, а допряма ведать немошно, какие они люди; а кошеуты Аблаевы люди, неведомо они пролыгаютца, неведомо они правду сказывают; а взяв де их на зверовье, пошли в Кулебинскую волость, а ево де, Ташайка, с собою взяли в вожех, и с того зверового места шли калмыки до Кулебинской волости 3 дни, и у кулебинских ясашных татар отогнали лошадей с 300 лошадей, а отогнав лошадей, пошли к себе в улусы, а до улусу шли 13 дней, шли тихо, стан от стану неподалеку; а кочюют те калмыки на Иртыше меж Алмасом и Чигиром, к Чигирю блиско, а тех калмык, которые называютца кошеутами, которые их взяли, изб з 20, а иные калмыки, теленгутцы Ишкеповы дети, блиско того улусу кочюют вверх и вниз по Иртышу, кочевья их видеть ис того улуса, а сколько тех кочевых людей, тово он, Ташайко, не ведает, да и про царевичев, где царевичи кочюют, не ведает же; а привезши их и кони пригнав к себе в улус, калмыки побыли у себя недель с 6 и в другоряд те же калмыки поднялись 20 человек, а ево, Ташайко, одново в вожех взяли, и пришли в Тунускую волость, в Алтымбаеву деревню, и тое деревню совсем розвоевали, в полон взяли мужеского и женского полу 33 человека, о которых я к тебе, господине, писал и роспись тем полоненным людем под своею отпискою послал с тарским сотником стрелецким с Нефежом Матвеевым; а верблюдов де с ними было 35, збирали ячмени, и рыбу, и ураки, и иные запасы, и всякой борошен, совсем их забрали; и как де они пошли назад, и он де, Ташайко, с ними шел 4 дни, а в 5-й день он от них вросплох ушол пеш з дороги на лыжах, с урочища с Терейкуля, не дошед до их улусу за 3 дни; а про царевичев и про иных калмыцких воинских людей, которые после их государевы волости повоевали, он не ведает и у калмыцких людей он не слыхал, какие люди воевали и сколько воинских людей и приходило, а те калмыки, у которых он, Ташайко, в полону был, на той войне не был. Да он же, Ташайко, сказывал мне: слышал де он у калмыцких людей у тех, которые их полонили, что на весну хотят собратца царевичи с калмыцкими воинскими большими людьми тысячи с 3–4, и хотят итти под Тарской город, и над городом хотят кочевьем стати, а около города уезд и ясачные волости воевать и совсем разорять; и говорят де меж собою: хотя де мы города и не возмем, а уезд и волости около города вверх и вниз по Иртышу все розвоюем. И по тем, господине, вестям только царевичи и калмыцкие воинские люди под Тарской город и на волости с войною придут, и мне города и волости уберечь некем, на Таре служилых людей мало, розосланы служилые люди многие по государевым службам в острожки на береженье конные и пешие, и в осаде мне от воинских людей сидеть будет не с кем. А хлебных запасов для осадного времени на Таре нет. Да и наряду, господине, большого на Таре мало, а калмыцкие люди безпрестано иные приходят и государевы волости воюют урывком то тут, то инде, а обронить волостей некем. А что впредь у меня каких вестей объявитца, либо хто от царевичев или от калматцких людей утеклецы будут, и что мне в роспросе скажут, да и иные какие вести мне

про воинских людей только будут, и я к тебе, господине, о сем писать стану с нарочными гонцы. А как, господине, выходцы от царевичев и от калмытцких людей на Тару станут прибегать мужской и женской пол, а по государеву указу выходцом государево жалованье дают за выход да за полонное терпение зипуны белые, а женского полу дают зендени или холсты, и на Таре в государеве казне белых сукон и холстов нет, а в торгу сукон и холстов купить добыть негде да и купить не на што, в государеве казне денег нет. И по государеву цареву и великаго князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца и государя благоверного царевича и великаго князя Алексея Алесеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии указу велеть бы, господине, прислать на Тару для государевых расходов сукон белых и холстов. А сю отписку послал я к тебе з гонцом с конным казаком с Онтошкою Ильиным, а государева жалованья ему, Онтошку, на прошлой на 167-й год недодано 5 рублев 23 алтына 2 денег.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 11, лл. 175–177.

196. *1660 г. не ранее февраля 7. — Отписка в Москву тобольского воеводы князя Ивана Хилкова с товарищами о посылке на Тару на помощь тобольских служилых людей, о возвращении их с ротмистром Данилой Аршинским и головой Саввой Турским в Тобольск, о новом нападении калмыков на деревню Алтымбаевскую, о подготовке тобольских служилых людей к новому походу и о недостатке в Тобольске служилых людей, денег и оружия.*

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великие и Малые и Белые Росии самодержцу и государю благоверному царевичу и великому князю Алексею Алексеевичю всеа Великие и Малые и Белые Росии холопи ваши Ивашко Хилков, Адинка Беклемишев, Гараско Головнин, Сенька Румянцев челом бьют. В нынешнем, государи, во 168-м году писали к вам, великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великие и Малые и Белые Росии самодержцу и государю благоверному царевичу и великому князю Алексею Алексеевичю всеа Великие и Малые и Белые России, к Москве мы, холопи ваши, с тобольским сыном боярским с Яковом Каравацким да с тарскими конных казаков с сотником с Юрьем Шатовым с товарыщи, что в нынешнем же, государь, во 168-м году по вашему великих государей указу послали мы, холопи ваши, на Тару по вестям для обереганья от царевичевых и калмыцких воинских людей в прибавку к тарским служилым людем тобольских ротмистра литовского Данила Аршинского да юртовских служилых татар голову Саву Турского, а с ними тобольских литвы и литовского и новокрещенных списка и конных казаков 100 человек да юртовских служилых татар 100 ж человек, а велели ему, Данилу, и Саве с теми тобольскими ратными служилыми рускими людьми и с татары итти на Тару безо всякого мотчанья наспех днем и ночью, не мешкая нигде ни часу; а пришед на Тару, велели мы, холопи ваши, на Таре стольника и воеводу князя Михаило Шаховского о всяких вестях про царевичей и калмыцких людей роспросить, где те царевичевы и калмыцкие люди и не воюют ли которых ваших государевых ясачных волостей; и будет царевичи и калмыцкие воинские небольшие люди воюют ваши государевы ясачные волости, и мы, холопи ваши, велели головам, Данилу да Саве, сшетчися с тарскими служилыми людьми, прося у Бога милости, над царевичи и над их воинскими людьми промышлять, сколько ми-

лосердый Бог помочи подаст, чтоб над воинскими людьми поиск учинить, а себя и ваших государевых служилых людей и Тарского уезду ясачные волости от тех воинских людей уберечь; а будет, государи, почаят приходу царевичей и калмыцких воинских людей под Тарской город, и мы, холопи ваши, велели тобольским головам с ратными людьми по вестям быть на Таре до вашего великих государей указу и покамест про царевичей и про калмыцких воинских людей на Таре вести минуютца, чтоб под Тарской город и в Тарской уезд на волости царевичи и калмыцкие воинские люди не пришли и дурна какова не учинили. И к стольнику и воеводе ко князю Михайлу Шаховскому о том о всем холоп ваш Ивашко писал неодинова, чтоб он от царевичей и от калмацких воинских людей однолично жил с великим береженьем и тобольским головам с ратными людьми велел быть на Таре, покамест калмыцкие вести минутца, и ваших государевых ясачных волостей велел тобольским служилым людем... И в нынешнем, государи, во 168-м году генваря в 21 день писал ко мне, холопу вашему Ивашку, с Тары стольник и воевода князь Михайло Шаховской, что ныне тобольским ротмистру Данилу Аршинскому и голове Саве Турскому с ратными людьми велел итти с Тары в Тоболеск, а царевичи де и калмацкие воинские люди ис Тарского уезду из волостей пошли назад в свои улусы; и те тобольские ротмистр Данило Аршинской и голова Сава Турской с ратными людьми тобольскими пришли генваря в 22 день. И генваря ж, государь, в 29 день писал ко мне, холопу вашему Ивашку, с Тары князь Михайло Шаховской: в нынешнем же де, государь, во 168-м году генваря в 23 день прибежали на Тару Тунуской волости ясачные татаровя Девлетбашка Кобашев да Тебейко Чючюгашев, а в роспросе де ему сказали: генваря ж де, государи, в 17 день прибежали в Тунускую волость калмыцкие воинские люди человек с 40 и той волости деревню Алтымбайскую розвоевали, а в росписи, государи, какову под отпискою прислал ко мне, холопу вашему, князь Михайло Шаховской, написано, что те калмыцкие воинские люди Алтымбайковы и иных деревень ясачных людей и их жен и детей в полон взяли 33 человека. Да февраля, государи, в 7 день писал ко мне, холопу вашему Ивашку, с Тары князь Михайло Шаховской: генваря де, государи, в 31 день писал к нему из Тунуской волости из Чичкасовы деревни тарской сын боярской Семен Грабинской, который послан с Тары с служилыми людьми для береженья ясачных волостей, и прислал полоненника, который ушол ис полону от калмыцких людей, Любайской волости ясачного татарина Ташайка Бизириева, а в роспросе де ему, князю Михаилу, тот выходец Ташайка сказал: в нынешнем, государи, во 168-м году взяли Ташайка на зверовом промыслу калмыцкие люди сам пят, а товарищи де с ним были той же Любайской волости... и из них де 5-й человек ясашной татарин от калмык ушол, а калмыцких де людей 10 человек, а взяв де их на зверовье, пошли в Тарской уезд Кулебинскую волость, а ево де, Ташайка, взяли с собою в вожах, и кулебинских де ясачных татар отогнали лошадей с 300 и пошли к себе в улусы; а кочюют де те калмыки на Иртыше меж Алмасом и Чигирем, а иные де калмыки теленгутцы, Ишкеповы люди, кочюют блиско ж того улусу вверх и вниз по Иртышу, а сколько де тех кочевых людей, того де он, Ташайко, и про царевичей, где царевичи кочюют, не ведает[1]. Он же, Таша[йко], от тех калмыцких воинских людей ушол з дороги, как те ж калмыцкие люди ходили в другоред в Тунускую волость[2], с урочища с Терейкуля, не дошед их улуса за 3 дни. Да он же

[1] *Далее в рукописи* которые.
[2] *Далее в рукописи* не бывали.

де, Ташайко, слышал у тех калмыцких людей в улусе: хотят де на весну собратца царевичи с калмыцкими воинскими з большими людьми тысячи с четыре и хотят итти под Тарской город и под городом стать кочевьем, а около города Тарской уезд, ваши государевы и ясачные волости воевать. Да князь Михайло Шаховской ко мне, холопу вашему Ивашку, писал: только де царевичи и калмацкие воинские люди многи под Тарской город и на волости войною придут, и ему де, князю Михайлу, города и волости уберечь некем, на Таре служилых людей мало, и в осаде от воинских людей сидеть будет некем. И по вашему великих государей указу, по тем вестям, мы, холопи ваши, тобольским всяким служилым людем сказали, чтоб они по тем вестям были на вашу великих государей службу на Тару готовы. А будет вперед с Тары, государи, стольник и воевода князь Михайло Шаховской ко мне, холопу вашему Ивашке, про царевичей и про калмыцких воинских людей отпишет и почает их приходу под Тарской город и в ясачные волости, и мы, холопи ваши, тобольских служилых людей по вестям на Тару пошлем тотчас. А только, государи, под Тарской город придут с царевичи многие калмыцкие люди, и нам, холопем вашим, Тарского города и уезду тобольскими служилыми людьми оборонить некем, потому что ваши государевы многие служилые люди посланы ис Тобольска на ваши государевы годовые службы в сибирские городы и в острожки, а иные служилые многие ж люди на весне посылаютца по ваши государевы хлебные запасы. А которые, государи, люди по вашему великих государей указу прибраны в Тобольску в вашу государеву в службу в рейтары и в солдаты, и те все рейтары вашим государевым жалованьем, а солдаты кормовыми деньгами не пожалованы, и лошадей у рейтар и ружья у рейтар и у солдат нет, и послать тех новоприборных рейтар и солдат на вашу государеву службу не с чем. И о том, великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Великие и Малые и Белые Росии самодержец и государь благоверный царевич и великий князь Алексей Алексеевич всеа Великие и Малые и Белые Росии, как укажете нам холопем своим.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 11, лл. 177–180.

197. *1660 г. февраля 16. — Расспросные речи калмыков Бурачи и Ожги, послов Ешкеп-тайши.*

168-го году февраля в 16 день роспрашиваны калмыки Ишкеповы послы на посольском съезжем дворе Бурач да Ожго, а в роспросе те калмыки Бурач да Ожго речи свои разнили, и что в роспросе они, Бурач да Ожго, сказали, и те их роспросные речи написаны порознь. Калмык Бурач в роспросе сказал: Ишкеп де тайша кочюет на урочищах своими улусными людьми порознь, на урочище на Ремене, да на Четете, да на Илю Кабане ево улусные люди, от города до тех мест итти тихим ходом с месяц, а иные де ево люди кочюют и вверх Ишима, а людей де у Ишкепа в скопе бывает тысячи с две, а они де пошли в город месяца за два; а как де царевичи воевали с Урлюковыми людьми государевы волости, и в той войне Ишкеповых людей не было, а Дакушуци в той войне с царевичи и с Урлюковыми людьми были или нет, тово они не ведают, а он де Дакушичи не Ишкепов человек, он Чигана тайши брата Ишкепова, а полоненных ясачных людей у Ишкепа тайши в улусе нет. А царевичи де кочюют вместе вверх по Иртышу, а на котором урочище они кочюют, тово они не ведают. И Урлюковы люди кочюют по Иртышу ж поблиску с царевичевыми людьми на Ры-

жем Жеребце и ниже кочюют, и Аблаевы люди кочюют поблиску их повыше, вверх по Иртышу, а Урлюковых людей, которых побили государевы люди, про то у Ишкепа в улусе... А другой калмык Ожго сказал в роспросе: Ишкеп де тайша кочюует на урочищах на Ремене да на Четете, от города ходу месяца с полтора, а вверх Ишима у него, Ишкепа, людей нет, а они де шли в город два месяца, а иное де они зверовали, а у Ишкепа де людей в зборе бывает тысчи с четыре. А царевичи де кочюют вместе все по Иртышу, да и Урлюковы люди с ними ж кочюют поблиску, а сколько у них людей, тово он не ведает. А как де царевичи с Урлюковыми людьми воевали государевы волости, тово де Ишкеп тайша не ведал, и люди ево Ишкеповы в той войне не были. А Дакушучи с товарыщи человек Чигана тайши, Ишкепова брата, и ныне Дакушучи кочюет с теленгутцы на Иртыше, неподалеку от Урлюковых людей, днищах в 3-х ниже Рыжево Жеребца, а с царевичи он, Дакушучи, в войне был ли, тово они не ведают. А царевичи де сподобляют Урлюковых людей конми и запасы, а хотят де итти войною, а куды итти хотят, тово неведомо, а скоро ль пойдут, тово неведомо ж. И Ишкеп де нас послал с тою вестью к государю в Тарской город, чтоб от города были караулы крепкие от приходу калмыцких людей.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 11, лл. 181–182.

198. *1660 г. не ранее февраля 16. — Отписка тарского воеводы князя Михаила Шеховского тобольскому воеводе князю Ивану Хилкову о вестях про намерение царевичей и калмыков идти походом на Тару и о посылке в Тобольск расспросных речей калмыков, присланных Ешкеп-тайшой.*

Господину князю Ивану Ондреевичю Михайло Шаховской челом бьет. В нынешнем во 168-м году февраля в 15 день прибежал на Тару с вестью Аялынской волости ясачной татарин Урметко, [а в распросе] сказал мне: вчерашнего де вечера ездил на Изюк для рыбы Аялынской же волости татарин Куземышко, и видел де он, Куземышко, дву человек калмыков, ездят около Изюка, а с ними де 5 лошадей да верблюд, и сказывались де ему, Куземышку, что они Ишкеповы люди, и велели ему, Куземышку, бежать в город наскоро с вестью, а велели сказать, что царевичи и Урлюковы люди с ними подбираютца войною итти под Тарской город и на уезд и на ясачные волости большими людьми, и наш де Ишкеп тайша, сведав про ту войну, послал нас в город с тою вестью, а иных де тайш люди с царевичи будут ли или нет, тово они не ведают. И я по тем вестям того ж дни и часу посылал на то урочище на Изюк тарских служилых людей и татар проведать подлинно про тех калмыцких людей, не подъезчики ли какие они были, а будет они на Тару идут, велел их тотчас к себе привести. И февраля в 16 день служилые люди ис посылки приехали и дву человек калмыков с собою привезли, а сказали мне, что они тех калмыков взяли на дороге, идут на Тару от Ишкепа тайши послами. И я тех калмык на съезжей посольской двор велел к себе привести и их на посольском дворе спрашивал, для чево ходят и что за ними в степи. И калмыки мне сказали: прислал Ишкеп тайша на Тару с вестью, велел сказать в город, чтоб от воинских людей жили с великим береженьем, а Кучума де царевичи и Урлюковы люди на подъеме итти под Тарской город и на волости войною, а Ишкеп де тайша государю прямит, своих людей царевичем на помочь не дает, и как царевичи и Урлюковы люди наперед тово государевы волости воевали, и ево Ишкеповы люди не были, а царевичевых и Урлюковых людей будет тысячи с три,

только с ними прибылых и иных тайш людей не будет. И я тех послов от калмыков роспрашивал порознь, а что мне они в роспросе сказали, и я те их роспросные речи, подклея под сю отписку, послал к тебе в Тоболеск с тарским сыном боярским с Кузьмою Заливиным. А тех калмыков, не доверивая им, велел держать за крепким караулом до государеву указу и до твоей, господине, отписки, что об них по государеву указу укажешь.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 11, лл. 180–181.

199. *1660 г. не ранее февраля 26. — Отписка в Москву тобольских воевод князя Ивана Хилкова с товарищами о подготовке тобольских служилых людей к походу против царевичей и калмыков и о задержке послов Ешкеп-тайши в Таре.*

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великие и Малыя и Белыя Росии самодержцу и государю благоверному царевичю и великому князю Алексею Алексеевичю всеа Великие и Малыя и Белыя Росии холопи ваши Ивашко Хилков, Гараська Головин, Сенка Румянцов челом бьют. В нынешнем во 168-м году февраля 26 дня писал ко мне, холопу вашему Ивашку, с Тары стольник и воевода князь Михайло Шаховской: в нынешнем же, государи, во 168-м году февраля 16 дня пришли на Тару ис калмацких улусов калмыцкие Ишкепа тайши послы два человека, а ему де, князю Михайлу, те калмыцкие послы в роспросе сказали: прислал де их Ишкеп тайша, а велел сказать, чтоб на Таре от царевичей и от калмыцких воинских людей жили с великим береженьем, потому что царевич и Урлюковы люди на подъеме, хотят подлинно итти под Тарской город и ваши государевы волости войною, а в скопе де, государи, тех царевичевых и Урлюковых людей тысячи с три, и кочюют де те царевичи с Урлюковыми людьми вместе все по Иртышу, а сподобляют де на войну тех Урлюковых людей лошадьми и всякими запасы они ж, царевичи, а Ишкеп де тайша великим государям прямит, своих людей царевичем на помочь не дает: а как де те царевичи и Урлюковы люди наперед сего ваши государевы волости воевали, и Ишкепа де тайши людей не было. И по вашему великаго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всеа Великие и Малые и Белые Росии самодержца и государя благоверного царевича и великаго князя Алексея Алексеевича всеа Великие и Малые и Белые Росии указу писал я, холоп ваш Ивашко, на Тару к стольнику и воеводе ко князю Михаилу Шаховскому, чтоб он жил на Таре от царевичей и от калмацких всяких людей с великим береженьем, по городу и по острогу велел держать караулы крепкие и в проезжие станицы и на отъезжие сторожи посылал тарских служилых людей почасту, и Тарского уезду в острожки, и в руские деревни, и в ясачные волости приказал с большим подкрепленьем, чтоб в острожках и в деревнях руские люди, а в волостях ясачные татаровя от царевичей и от калмацких воинских людей жили потому ж с великим береженьем, и в проезжие станицы и на отъезжие караулы из острожков посылал служилых людей безпрестанно, и про приход воинских людей розведавали б накрепко, чтоб царевичи и калмацкие воинские люди под Тарской город и Тарского уезду на острожки, и на руские деревни, и наши государевы и на ясачные волости безвестно не пришли и дурна какова не учинили. А по вашему великих государей указу тобольским, государи, служилым всяких чинов велели мы, холопи ваши, руским людем и тобольским служилым татаром на вашу великих государей службу на Тару быть готовым, и как, государи, с Тары стольник

и воевода князь Михайло Шаховской ко мне, холопу вашему Ивашку, отпишет и по вестям почает царевичем и калмацких воинских людей приходу под Тарской город или на ваши государевы волости, и по вашему великих государей указу, по вестям, для обереганья и от царевича и калмыцких людей к тарским служилым людем в прибавку пошлем мы, холопи, тобольских служилых людей на Тару тотчас безо всякого мотчанья. А калмыцкие Ишкепа тайши послы ныне на Таре. И я, холоп ваш Ивашко, велел тех калмыцких Ишкепа тайши послов держать на Таре до вашего великих государей указу, а с Тары их в калмыцкие улусы отпущать не велел, покамест на Таре про царевичей и про калмыцких воинских людей вести минутца.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 11, лл. 182–183.

200. *1660 г. ранее февраля 27. — Челобитная царю Алексею Михайловичу тарских ясачных людей о защите их от нападений царевичей и калмыков и о посылке против них служилых людей «нынешные весны по пластам».*

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великие и Малые и Белые Росии самодержцу и царевичу великому князю Алексею Алексеевичю всеа Великие и Малые и Белые Росии бьют челом сироты ваши государевы Тарского уезду верхних пяти волостей: Барабинской, Чойской, Кулебинской, Любайской, Тунуской волости — ясачные люди, которые отстались от погрому царевичей и от калмыцких воинских людей. В нынешнем во 168-м году приходили войною на нас, сирот ваших, царевичи Кучюмовы внучата с калмыцкими воинскими многими людьми и нас, сирот ваших, верхние 5 волости: Барабинскую, Чойскую, Кулебинскую, Тунускую волости — повоевали, многих нас, сирот ваших, побили, а иных многих нас, сирот ваших, и женишек и детишек наших в полон взяли больше 700 душ; а которые мы, сироты ваши, небольшие людишки от калмацких людей и ушли, и у тех у нас, сирот ваших, женишек и детишек наших всех в полон поимали, и юртишка наши пожгли, и всякой живот пограбили, и совсем нас, сирот ваших, разорили без остатку; а повоевав нас, сирот ваших, и в полон взяв женишка и детишка наши, царевичи и калмыцкие люди пошли на свои жилища вверх по Иртышу реке. Да те ж царевичи и калмыцкие люди хвалятца быть в другоряд на наши ж сирот ваших волости воевать, и побивать последних нас, сирот ваших, и женишек и детишек наших в полон забрать, и иные ваши государевы волости воевать и разорять до последнево человека потому государь, что они, царевичи и калмыцкие люди, ведаючи, что ваших государевых ратных служилых людей... А только б вы, государи, изволили послать своих государевых ратных служилых людей с огненным боем на царевичев на калмыцких людей из разных сибирских городов нынешние зимы по пластам войною, которые царевичи и калмыцкие люди нас, сирот ваших, повоевали, и чаять бы, государи, царевичей и калмыцких людей сойти мочно на их кочевых зимовьях, и над ними промысл учинить, и полон отбить. А не изволите, государи, послать своих государевых ратных служилых людей из разных сибирских городов на царевичев и на калмыцких людей на нынешнее весны по пластам, и нам, сиротам вашим, и достальным людишкам, и женишкам, и детишкам нашим, и иных волостей вашим государевым ясачным людем от царевичев и от калмытцких людей не устоять и быть побитым, и в полон взятым, и совсем разореным до основания. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Великие и Малые и Белые Росии самодержец и го-

сударь благоверный царевич и великий князь Алексей Алексеевич всеа Великие и Малые и Белые Росии, пожалуйте нас, сирот своих, велите, государи, послать своих государевых ратных служилых людей из разных сибирских городов на царевичев и на калмыцких людей нынешние весны по пластам, чтоб нас, сирот ваших, от царевичев и от калмыцких людей остаточных людей и иные волости оборонить; и над ними поиск учинить, и полоненых людей отбить, и чтоб нам, сиротам вашим, и иным волостям вперед жить было прочно. Царь государь и государь благоверный царевич, смилуйтеся.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 11, лл. 168об.–170.
Напеч. в ДАИ, IV, с. 187–188, № 71, I.

201. *1660 г. февраля 27. — Грамота в Тобольск воеводе князю Ивану Хилкову с товарищами о походе тобольских, тюменских и тарских служилых людей против Кучумовых внучат и калмыков.*

От царя и великаго князя Алексея Михайловича всеа Великие и Малые и Белые Росии самодержца в Сибирь, в Тоболеск, боярину нашему и воеводам князю Ивану Ондреевичю Хилкову да Одинцу Михайловичю Беклемишеву да дьяком нашим Гарасиму Головнину да Семену Румянцеву. В нынешнем во 168-м году февраля в 21 день писал есте к нам, великому государю, что в нынешнем же во 168-м году декабря в 27 день[1] писал к тебе, боярину нашему и воеводе князю Ивану Ондреевичю, с Тары стольник наш и воевода князь Михайло Шеховской: в нынешнем же де во 168-м году декабря во 2 день прибежал к нему на Тару Тунуской волости ясачной татарин Селишко Истемишев, а в роспросе ему сказал: повоевали де Тарского уезду Кулебинскую волость царевичи, Кучюмовы внучата, Чючелен да Урлюков лутчей человек Дайкошучи, да иные де наши ясачные волости: Любайскую, Тунускую, Барабинскую — воюют же, а воинских людей с ними 1000 человек, а чаят де их приходу и под Тарской город; и он де, князь Михайло, посылал с Тары в степь за Кучюмовыми внучаты и за калмацкими воинскими людьми тарских сотника рейтарского Юрья Шатова да сына боярского Кузьму Заливина с служилыми людьми и с татары и велел тех Кучюмовых внучат и калмыцких воинских людей дойтить, и прося у Бога милости, над ними промышлять, сколько милосердый Бог помочи подаст; и декабря де в 16 день сотник Юрей Шатов и Кузьма Заливин с служилыми рускими людьми и с татары ис походу на Тару пришли, а в роспросе ему, князю Михайлу, сказали: шли де он за Кучюмовыми внучаты и за калмацкими воинскими людьми их шляхом, и съехали за Омью рекою 50 человек калмацких людей, и калмытцкие люди учали с ними битца, и они де, Юрьи и Кузьма, с служилыми рускими людьми и с татары тех калмыцких людей побили всех, взяли в языцы их калмыка, и тот де калмык в роспросе и с пытки говорил: люди де они Лузана тайши, Урлюкова сына, а как де Кучюмовы внучата войною пошли в Тарской уезд, и их 50 человек пошли без тайшина ведома и от улусных людей утаясь. Да генваря 15 дня писал к тебе, боярину нашему и воеводе князю Ивану Ондреевичю, с Тары стольник наш и воевода князь Михайло Шеховской: пришли де к нему князь Михайлу на Тару Тарского уезду з Барабинской и с Чойской волости ясачные татаровя Каимко Бигичей с товарыщи, 10 человек, а в роспросе

[1] *В рукописи* 8 *исправлено на основании прилож. № 192 на* 27.

сказали: повоевали де Тарского уезду наши великого государя ясачные волости царевича Кучюмовы внучата и калмыцкие воинские люди Лузана тайши Урлюкова сына люди, и с ними были дербенцы Ишкеповы люди и, повоевав, пошли к себе. И мы, великий государь указали послать тобольских, тарских, тюменских служилых людей для поиску за Ишимовыми внучаты и за калмытцкими людьми по нынешнему зимнему пути, по пластам, смотря по тамошнему делу, и над ними промышлять, сколько милосердый Бог помочи подаст, чтоб над ними поиск учинить, а себя уберечь. И как к вам ся наша великаго государя грамота придет, и вы б послали за Ишимовыми внучаты и за калмыцкими людьми ис Тобольска на Тару тобольских служилых руских людей и татар, сколько пригоже, смотря по тамошнему делу и по вестям. А на Тюмень к воеводе, ты, боярин наш и воевода князь Иван Ондреевич, от себя отписал и велел ему выслать с Тюмени тюменских руских же людей и татар в всход на Тару, к тобольским и с тарским служилым людем потому ж, сколько человек пригож. И на Тару от себя к стольнику нашему и воеводе ко князю Михайлу Шеховскому от себя отписал тотчас и велел ему, смотря по тамошнему делу и по вестям, тобольских и тюменских наших служилых руских людей и татар, как они на Тару придут, и с ними тарских служилых людей з головами послать с Тары по нынешнему последнему зимнему пути по пластам для поиску на Ишимовых внучат и на калмыцких людей по их задору и над ними воинскими обычаи промышлять, сколько милосердый Бог помочи подаст, чтоб над ними поиск учинить и себя от них уберечь. Да что в том походе у наших служилых людей над Кучюмовыми внучаты и над калмыцкими людьми какова поиску учинитца, и вы б о том к нам, великому государю, отписали, а отписку велели подать в Сибирском приказе боярину нашему князю Алексею Никитичю Трубецкому да дьяком нашим Григорию Протопопову да Никите Юдину. Да будет, смотря по тамошнему делу, и к Ишимовым внучатам и к тем калмыцким тайшам, которых тайшей улусные люди в Тарской уезд войною приходили, про воинской их поход, говорить послать, и вы б послали к Ишимовым внучатам и х калмыцким тайшам тобольских служилых людей добрых и велеть им о неправдах их говорить, что они приходили на наши великого государя волости в Тарской уезд войною воровски и наших ясачных людей многих побили и в полон поимали, и они б в винах своих нам, великому государю, добили челом, и наших тарских ясачных людей з женами и з детьми отпустили на Тару на старые их кочевья по-прежнему; а будет они в винах своих нам, великим государю, бить челом не учнут и наших ясачных з женами и з детьми в Тарской уезд на старые их кочевья не отпустят, и мы, великий государь, велим за их неправды и за воровство послати на них и на их улусы из Сибири, и из Казани, и из Астрахани, и с Яика, и з Дону многих наших ратных людей с огненным боем и велим их и улусы их разорити, и то им разоренье будет самим от себя; да что Ишимовы внучата и калмыцкие тайши про то тобольским посланцом скажут, и вы б о том о всем потому ж к нам, великому государю, писал в Сибирской же приказ с нарочными гонцы наскоро. Писан на Москве лета 7168-го февраля в 27 день.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 11, лл. 165об.–167об.
Напеч. в ДАИ, IV, с. 188–189, № 71, II.

202. *1660 г. февраля 29. — Грамота в Тюмень воеводе Андрею Кафтыреву о подарках, присланных калмыцкими тайшами.*

От царя и великаго князя Алексея Михайловича всеа Великие и Малые и Белые Росии самодержца в Сибирь, на Тюмень, воеводе нашему Андрею Васильевичю Кафтыреву. В нынешнем во 168-м году ноября в 1 день писал еси к нам, великому государю, что в прошлом во 167-м году пришли на Тюмень калмыцкие посланцы от Ченяя тайши Тюрбейка Скаков да Окучи Каиданов да с ними 2 кошевара, а на посольстве нам, великому государю, били челом, а тебе сказали: служили де блаженные памяти отцу нашему великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии и нам, великому государю, дед и отец их Талай тайша и Тачин, и послов своих к нам, великим государем, прислали, да они же, калмыцкие посланцы, нам, великому государю, били челом, чтоб из них одного посла Тюрбейку с кошеваром отпустить с Тюмени к нам, великому государю, к Москве, а другово б товарища ево Акучю отпустить с Тюмени в Калмыки, а наперед де сего от Ченяя тайши посланцы к нам, великому государю, к Москве не бывали, а от деда ево от Талаи тайши посланцы к Москве бывали; а в прошлом де во 163-м году в нашей грамоте писано на Тюмень к Микифору Елдезину: будет калмыцкие посланцы учнут говорить на посольстве и бить челом нам, великому государю, чтоб их отпустить с Тюмени к нам, великому государю, к Москве, и их с приставом и с провожатыми отпустить велено на Уфу через Казань; и ты де о тех калмыцких посланцах писал в Тоболеск к боярину нашему и воеводам ко князю Ивану Андреевичю Хилкову, и боярин де наш и воевода князь Иван Андреевич Хилков тех калмыцких посланцов к нам, великому государю, к Москве отпускать не велел, а велел их отпустить в калмыцкие улусы, и ты де Ченяя тайши посланцов Турбейку и Акучю отпустил в калмыцкие улусы. Да в прошлом же де во 167-м году августа в 24-й день пришли на Тюмень ис калмыцких улусов от Кунделеневых детей от Еркетачина тайши, да от сына ево Ишкепа, да от братей ево от Дохчи, да от Дала Убоши тайши посланцы Ханда Харитунин с товарыщи, 4 человека, да с ними 4 кошевара да торговых калмыков с продажным скотом и с лошадьми человек с 30, а на продажу де пригнали 1150 лошадей, 234 была и коров, 1000 овец; да калмыцкие ж де послы били челом нам, великому государю, а на посольстве говорили, чтоб мы, великий государь, пожаловали: велели к их тайшам посылать с Тюмени наших великаго государя посланников служилых людей, чтоб де им с торгом на Тюмень приходить с лошадьми и торговать повольным торгом; а что нам, великому государю, калмыцкие посланцы в дарех челом ударили барса и камку; и вперед только учнут калмыки на Тюмень лошади приводить и барсы и камки и иные товары нам, великому государю, впредь привозить, и те их подарки к нам, великому государю, отсылать ли или на Тюмени продавать, и о том бы тебе велеть наш великаго государя указ учинить. И как к тебе ся наша великаго государя грамота придет, а ис калмыцких буде улусов от калмыцких тайшей вперед на Тюмень в присылке будет к нам, великому государю, в подарках лошади иноходцы, и кони, и камки, и отласы добрые, и ты б те калмыцкие подарки присылал к нам, великому государю, к Москве, с кем пригож. А будет калмыцкие подарошные лошади или иные какие подарки в посылку к нам, великому государю, не пригодятца, и ты б к нам, великому государю, к Москве тех калмыцких подарков не посылал, а велел их продавать на Тюмени, а денги держать на тамошние наши на всякие тюменские расходы. Писан на Москве лета 7168-го февраля в 29-й день.

На обороте: Дьяк Микита Юдин.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 8, лл. 195об.–197.

203. *1660 г. не ранее февраля ... — Отписка тарского воеводы князя Михаила Шеховского тобольскому воеводе князю Ивану Хилкову о посылке в разные места Тарского уезда служилых людей для охраны от калмыков и царевичей и об Ишкеповых послах, содержащихся на Таре под караулом.*

Господину князю Ивану Ондреевичю Михайло Шаховской бьет челом. В нынешнем во 168-м году в феврале месяце выбежал ис полону от калмык в Барабу барабинской ясачной татарин Булгачейко Улчачиев з женою и з детьми, а в роспросе в Барабинской волости тот Булгачейко тарскому сыну боярскому Александру Чередову, которой посылан в Барабинскую волость для государева дела, сказал: полонен де он был в Урлюковы улусы нынешней войны, а сам он, Булгачейко, в город не пошел, для того что, бредучи ис полону, отзнобил руки и ноги, лежит болен, и как де их привезли в улус, и их де розвезли вразнь, а сколько Урлюковых людей, не ведает, а Урлюковы люди кочют на государеве земле, где барабинцы живали и где барабинских ясашных татар рыбные ловли и бобровые реки, на Чаниском озере, где повоевали, тут и кочевать стали; да те же Урлюковы люди кочюют по барабинским рекам на Чалыме, на Кагате, от тех барабинцов от остальцов в полуднище и ближе, не смеют де барабинцы от калмык ни на зверовье, ни на рыбные ловли, и ни на какие иные промыслы, ни по дрова выехать; а царевичи де Бугай, и Кучук, и Калсуер, и Чючел кочюют от Чаниского озера в полутору днищах на речке на Юргеле, а Юргель потечет в Багал речку, а та Багал речка барабинских ясачных татар из веку и бобровая речка, и барабинские ясачные татаровя ныне весною часу на час ждут на себя войны, что их и достальных, пришед, хотят розвоевать, и бьют челом государем, чтоб государи пожаловали: велели их от царевичей и от калмыков оборонить и пожаловали бы великим своим государевым ратным людем калмыцких людей с своей государевы земли збить. И я, господине, ныне послал в Барабу, и в Тереню, и в Тунус, в три места, тарских служилых людей з детьми боярскими, 60 человек, и на береженье от калмыцких воинских людей и от царевичев на перемену тем людем, которые посланы в Барабу и в Тунус; а больше тово людей в те волости на береженье послать некова: служилые люди в розсылках, конные и пешие, в Таре остаютца немногие люди, надобно кем и город уберечь. А что, господине, писал я к тебе наперед сего о Ишкеповых послех, что пришли на Тару с вестями от своего тайши, а предо мною будучи на съезжем посольском дворе, они мне сказывали, что их Ишкеповы люди с царевичи на войне не бывали, а утеклец ис той войны Кулебинской волости ясачной татарин Ташайко узнал ис тех послов одного человека, что он на войне был с царевичи и ево, Ташайка, взял, и я тово калмака с ясачным татарином ставил на очную ставку, и на очной ставке татарин говорил на тово калмака, что он был на войне, а калмак в том запирался, сказал, что ни одни Ишкеповы люди государевых волостей не воевали, а тот де татарин, что на него говорит, опознался; да и после очной ставки татарин говорил на тово калмыка впрям, что он был с воинскими людьми, узнал ево впрям, не опознался. И я тех калмык, ни в чем им не доверивая, держу за крепким караулом до государеву указу и до твоей, господине, отписки. А впредь что у меня каких вестей объявитца, и я тебе отпишу тотчас с нарочным гонцом.

ПФА РАН, ф. 21,оп. 4, д. 11, лл. 183–184.

204. *1660 г. апреля 6–27. — Отписка в Москву тобольских воевод князя Ивана Хилкова с товарищами о посылке на Тару служилых людей с ротмистром Данилой Аршинским и головой Саввой Турским и о выполнении государева указа от 2 апреля о посылке тобольских, тарских и тюменских служилых людей против Кучумовых внучат и калмыков.*

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великие и Малые и Белые Росии самодержцу и государю благоверному царевичу и великому князю Алексею Алексеевичю всеа Великие и Малые и Белые Росии холопи ваши Ивашко Хилков, Гараська Головнин, Сенка Румянцев челом бьют. В нынешнем, государи, во 168-м году марта 28 дня писал ко мне, холопу вашему Ивашку, с Тары стольник и воевода князь Михайло Шаховской: в нынешнем же де, государь, во 168-м году в феврале месяце выбежал ис полону от калмыцких воинских людей в Тарской уезд в Барабинскую волость той же Барабинской волости ясачной татарин Булгачейко з женою и з детьми, а в Барабинской волости тот Булгачейко тарскому сыну боярскому Александру Чередову, которой послан был в Барабинскую волость для вашего государева дела, в роспросе сказал: полонен де он был и иные ваши государевы ясачные люди з женами и з детьми от царевичей и от Урлюковых воинских людей нынешней войны, а как де их, ясачных людей, привезли в улусы, и их же развезли врознь; а кочюют де те калмыцкие воинские Урлюковы люди ныне в тех местах, где ясачные татарове барабинцы жили и где у них, барабинцов, были рыбные ловли и бобровые речки, на Чанинском озере; да те же де Урлюковы люди кочюют Тарского ж уезду по барабинским речкам на Чалыме и на Карагате, от барабинских ясачных деревень в полудни и ближе, и те де тарские Барабинской волости ясачные татаровя от тех калмыцких людей на зверовья, и на рыбные ловли, и ни на какие промыслы ходить не смеют; а царевичи де Бугай, Кучюк, и Калсюер, и Чючюл кочюют от Чанинского озера в полуторе днях, на урочище на речке на Брге, а та де речка барабинских татар, и те де достальные ясачные татары ждут на себя от царевичей и от калмыцких воинских людей нынешние весны воины вскоре, и ему де, князю Михаилу, для чего тарских служилых людей в ясачные волости послать неково, и в приход воинских людей Тарского города уберечь будет некем... [и бьют челом] государем, чтоб вы, великие государи, пожаловали, велели их от царевичей и от калмыцких... И по вашему великих государей указу по тем тарским вестям послали мы, холопи ваши, для обереганья от царевичевых и калмыцких воинских людей в прибавку к тарским служилым людем тобольских ротмистра литовсково Да[нила] Аршинского да с ним тобольских литвы и литовского и новокрещеных списку и конных казаков 100 человек да юртовских служилых татар голову Саву Турского, а с ним служилых татар 100 ж человек марта в 30 день, а велели им итти на Тару наспех днем и ночью, не мешкая нигде ни часу, на Тару к стольнику и воеводе князю Михаилу Шаховскому. И в нынешнем же, государи, во 168-м году апреля во 2-й день в твоей великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великие и Малые и Белые Росии самодержца грамоте писано к нам, холопем вашим: указал ты, великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всеа Великие и Малые и Белые Росии самодержец, по прежним по тарским вестовым отпискам стольника и воеводы князя Михаила Шаховского послать тобольских, тарских, тюменских служилых людей для поиску за Ишимовыми внучаты, за калмацкими людьми по зимнему пути по пластам по их задору, и над ними промысл, сколько милосердый Бог помощи подаст,

чтоб над ними поиск учинить, а себя уберечь; и по вашему великих государей указу велено нам, холопем вашим, за Ишимовыми внучаты и за калмыцкими людьми ис Тобольска на Тару [послать] тобольских служилых руских людей и татар, сколько человек пригоже, а на Тюмень к воеводе к Андрею Кафтыреву велено мне, холопу вашему Ивашку, от себя отписать и велеть ему выслать с Тюмени тюменских руских же людей и татар в сход на Тару к тобольским и к тарским служилым людем потому ж, сколько человек пригоже, да и на Тару мне, холопу вашему Ивашку, к стольнику и воеводе князю Михаилу Шаховскому от себя отписать тотчас и велеть ему, смотря по тамошнему делу и по вестям, тобольских и тюменских ваших государевых служилых руских людей и татар, как они на Тару придут, и с ними тарских служилых людей з головами послати с Тары по прежнему пути по пластам для поиску на Ишимовых внучат и на калмыцких людей по их задору, и над ними всякими обычаи промышлять, сколько милосердый Бог помочи подаст, чтоб над ними поиск учинить, а себя от них беречь, да что в том походе у ваших государевых служилых людей над Кучюмовыми внучаты и над калмыцкими людьми какова поиску учинитца, и нам бы, холопем вашим, о том к вам, великим государем, к Москве отписать. И по вашему великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца и государя благоверного царевича и великого князя Алексея Алексеевича всеа Великие и Малые и Белые Росии указу послали мы, холопи ваши, ис Тобольска на Тару к прежним тобольским служилым людем в прибавку тобольского ж сына боярского Ивана Ушакова, а с ним руских служилых людей и юртовских служилых татар 90 человек апреля в 6 день. А больши, государи, того тобольских служилых людей послать было нам, холопем вашим, ис Тобольска на Тару неково, потому что достальные служилые люди до вашего великих государей указу посланы по ваши государевы хлебные запасы на Верхотурье, и Тобольского уезду в слободы, и на иные ваши государевы службы, и для береженья от калмыцких же воинских людей в острожки и в Калмыки к разным тайшам в посланниках; а иные же тобольского ж и новокрещенных списку и конные казаки по вашему великих государей указу в Тобольску выбраны в рейтары, и без вашего великих государей указу тех рейтар на вашу великих государей службу послать мы, холопи ваши, не смели, потому что рейтары все вашим государевым жалованьем, а солдаты кормовыми деньгами не пожалованы. А в Тюмень к воеводе к Ондрею Кафтыреву против вашего великих государей указу послал я, холоп ваш Ивашко, чтоб он на Тюмени выбрал для той ваших великих государей службы на Тару тюменских литовского списку и конных казаков юртовских служилых татар 200 человек или сколько будет мошно, а выбрав, выслал их с Тюмени з головами в сход на Тару к тобольским и к тарским служилым людем тотчас безо всякого мотчанья, чтоб им тобольских и тарских служилых людей на Таре сойти и вашему великих государей делу порухи не учинить. И на Тару я, холоп ваш Ивашко, к стольнику и воеводе ко князю Михайлу Шаховскому о ратных людех писал же, чтоб он по вашему великих государей указу, смотря по тамошнему делу и по вестям тобольских и тюменских голов, с ратными людьми и с ними тарских служилых людей з головами послал с Тары однолично по зимнему последнему пути по пластам для поиску на Ишимовых внучат и на калмыцких воинских людей по их задору тотчас, будет Ишимовы внучата и калмыцкие и воинские люди кочюют блиско Тарского уезду, а люди небольшие, и велел над ними промышлять, сколько милосердый Бог помочи подаст, чтоб над нами однолично поиск учи-

нить и ваших государевых служилых людей от них уберечь. А что, государи, в том походе у служилых людей над Кучюмовыми внучаты и над Калмыцкими воинскими людьми какова поиску учинитца, и о том к вам, великим государям, мы, холопи ваши, отпишем тотчас.

Такова отписка послана с енисейским сыном боярским з Дмитрием Фирсовым апреля 27 дня.

ПФА РАН, ф. 21,оп. 4, д. 11, лл. 184–186об.

205. *1660 г. не ранее апреля 8. — Отписка томских воевод стольника Ивана Бутурлина с товарищами тобольским воеводам князю Ивану Хилкову с товарищами о полученных ими вестях про намерения черных калмыков воевать Томск, Тобольск и Тару, о походе Девлеткирея на Тарский уезд и о кочевьях сына мунгальского Алтын-царя Лоджана на реке Кемчике.*

Господам князю Ивану Ондреевичю, Одинцу Михайловичю, Гарасиму Сергеевичю, Семену Володимеровичю Иван Бутурлин, Прокопей Поводов, Алексей Марков челом бьют. В нынешнем, господа, во 168-м году генваря в 3 день писали мы к вам в Тоболеск с томским с конным казаком с Киприяшкой Потаповым с товарыщем: посылали мы ис Томсково татарина Кубаска Терешова в Орчаки для проведывания вестей, и Кубаска Тюрешов, пришед в Томской, нам в съезжей избе сказал: слышал де он, Кубаска, от орчаков: хочет итти под Тару войною Кучюмов внук Керей и хочет воевать ясашных людей барабинцев и иные ясачные волости; и мы, господа, по тем вестям посылали ис Томского чатцких татар Куртуячка да Кубаско с товарыщи для проведывания вестей. И нам, господа, в съезжей избе они, Куртоячко с товарыщи, сказали, что Тарсково уезду ясашные люди барабинцы и кулебинцы повоеваны, а воевал их Кучюмов внук Керей. И марта в 12 день посылали мы, господа, ис Томского в Белые Калмыки ко князцам к Коке Абакову и к Мачику конных казаков Елизарка Середина да Ивашка Маркова для проведывания вестей. И апреля в 8 день приехали в Томской Елизарко с товарыщем, а нам в съезжей избе сказали: были де они посыланы в Белые Колмаки ко князцам Коке и к Мачику для проведывания вестей, и сказывали им белых калмыков князцы Кока и Мачик: скажите де в Томском воеводам: нынешнего лета хотят черные калмыки приходить великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великие и Малые и Белые Росии самодержца и государя благоверного царевича и великого князя Алексея Алексеевича всеа Великие и Малые и Белые Росии под городы войною — под Томской, и под Тобольской, и под Тару: под Томской — Торхон Баатырь, а под Тоболеск де — Урлюков внук Лоджан Торогут, а под Тару — Кучюмов внук Керей, уезды и ясашных людей воевать; да он же, Кока, сказывал им, что великого государя и государя благоверного царевича ясашных людей барабинцов и кулебинцов повоевали Кучюмов внук Кирей да Торхон Баатырь. Да писал к нам ис Красноярского острогу воевода Данила Матовилов, что прикочевал мугальсково Алтына царя сын ево Лоджан со всеми своими воинскими людьми на реку Кемчик, а хочет итти в Киргисскую землю. Да послали мы ис Томского сына боярского Осипа Протопопова с товарыщи для ясашново збору и для проведывания вестей в горные порубежные волости; и приезжали к нему, Осипу, киргизские князцы, а сказали, что прикочевал мугальского Алтына царя сын ево Лоджан со всеми своими воинскими людьми на реку Кемчик,

а хочет итти в Киргизы. И мы, господа, те вести к вам в Тоболеск писали наперед сего с конными казаки с Кипрюшкою Потаповым да с Якушком Мангазеиным с товарыщи. А ныне, господа, послали мы к вам с колмацкими вестьми в Тоболеск томского конного казака Захарка Саламатова да пешево стрелца Любимка Шадрикова. И вам бы, господа, те вести были ведомы.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 11, лл. 188–189.

206. *1660 г. не ранее апреля 17. — Отписка в Москву енисейского воеводы Ивана Ржевского о наводнении в Енисейске и Енисейском уезде.*

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великие и Малые и Белые Росии самодержцу холоп твой, Ивашко Ржевской, челом бьет. В нынешнем, великий государь, во 168-м году апреля против 17 числа в ноче Божиею волею пришла вешняя большая вода ис Тунгуски, з Байкала озера, и из Енисея, и ис сторонних рек, и пошел лед, и тою, государь, большою водою Енисейский острог и в посаде дворы поняло, и льдом сломило наугольную Фроловскую башню, и той башни подле Енисеи реки выломало острожной стены до Веденские башни мерою 170 сажен, и у жилецких многих людей избы и дворы их поломало и посносило и дома разорило. А в Енисейском, великий государь, уезде, в деревнях, которые деревни стояли и пашни были на низких местах на лугах, и в тех, великий государь, деревнях у енисейких служилых и у пасацких людей и у пашенных крестьян насеянной хлеб, рожь, что сеяна была в прошлом во 167-м году к нынешнему ко 168-му году, льдом скопало и водою смыло и снесло, и на те же, великий государь, сносные земли, где были сеяны ржи, после большие воды, как та земля обсохла, многие крестьяне сеяли яровой хлеб, где была посеяна рожь. И те енисейские всякие жилецкие люди от того водного потопу обеднели и вконец одолжали, и домы у многих рознесло, и вперед, государь, чаем от воды над городом великого дурна, только бы, государь, вверх прибыло воды в села, было городу не устоять. И от тово, государь, и хлеб в Енисейском почал быть дорог, и на твои великого государя присыльные деньги хлеба сполна купить негде. И о том я, холоп твой, к тебе, великому государю, писал в другой отписке. И будет, великий государь, волею Божиею вперед над Енисейским острогом и над твоими государевыми житницами и над хлебными запасы от большой воды что учинитца, и мне б, холопу твоему, в том от тебя, великого государя, в опале не быть.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 23, с. 58, 59.
Напеч. в ДАИ, IV, с. 195, 196, № 76.

207. *1660 г. апреля 29 — мая 4. — Отписка тарского воеводы князя Михаила Шеховского тобольскому воеводе князю Ивану Хилкову о прибытии в Тару служилых людей во главе с ротмистром Данилой Аршинским и головой Саввой Турским и о неявке в Тару до 4 мая служилых людей, посланных дополнительно из Тобольска, а также тех, которые должны быть посланы из Тюмени.*

Господину князю Ивану Андреевичю Михайло Шеховской челом бьет. В нынешнем во 168-м году апреля в 28 день писал ты ко мне на Тару, что в нынешнем во 168-м году марта в 30 день по указу великих государей и по моим вестовым отпискам послал ты на Тару тобольских ротмистра литовского Данила Аршинского да го-

лову татарского Саву Турского, а с ними тобольских же литвы, и литовского новокрещеных списку, и юртовских служилых татар 200 человек. Да ты же, господине, ко мне писал, что апреля в 6-й день по указу же их, великих государей, послал ты ко мне на Тару голову тобольского сына боярского Ивана Ушакова да с ним к прежним тобольским ратным служилым людем в прибавку тобольских же руских служилых людей и юртовских татар 90 человек. Да по указу же великих государей с Тюмени воеводе Ондрею Кафтыреву велел ты послать на Тару же тюменских голов да с ними служилых руских людей и татар 175 человек и мне б к тебе отписать: тобольские и тюменские ротмистр и головы с служилыми рускими людьми и с татары на Тару пришли ль и в котором месяце и числе пришли; да буде тобольские ротмистр, и головы, и служилые люди на Тару пришли, и мне б у ротмистра и у голов взять у них служилым руским людем и татаром списки и по тем спискам пересмотреть: все ль налицо, да что по моему осмотру тобольских и тюменских служилых людей и татар в естех и в нетех объявитца, и мне велеть имяна их написать на список и прислать к тебе в Тоболеск. И апреля в 18 день тобольские ротмистр литовской Данило Аршинской да голова татарской Савва Турской с тобольскими служилыми людьми и с татары на Тару пришли. Да апреля же в 20-й день по твоей, господине, отписке я у ротмистра литовского у Данила Аршинского и у головы татарского Савы Турского списки взял за дьячьею приписью, и по тем спискам я тобольских руских служилых людей и татар смотрел, и что у меня на смотре руских служилых людей и татар объявилось в естях и в нетях, и я естям и нетям велел зделать список по статьям, и тот список послал я к тебе в Тоболеск, запечатав в столбец государевою тарскою печатью, с сотником стрелецким с Нефедом Матвеевым, и велел ему отписку и список отдать тебе в Тобольску. А голова тобольской сын боярской Иван Ушаков с тобольскими служилыми людьми и с татары маия по 4 число на Тару не бывал. А тюменской воевода Ондрей Кафтырев маия по то ж 4 число тюменских голов и руских служилых людей и татар против государева указу и против твоей отписки не присылывал, и мне на него, Ондрея, писать к великим государем, что он, Ондрей, государевым делом не радеет, их государеву делу учинил мотчанье большое и о том, что великие государи укажут, а я, исполняя их государев указ, как мне по их государеву указу указано промышлять над царевичи и над калмыцкими людьми, ныне посылаю вскоре тобольских и тарских руских служилых людей и татар, сколько зберетца, по наряду, на царевичев и на калмыцких людей и велю над ними промышлять, сколько милосердый Бог помочи подаст, и что по Божьей милости и по их великих государей счастью учинитца, и я к тебе о том тотчас отпишу. А царевичи, господине, кочюют на Рыжем Жеребце, а Урлюковы Улузана тайши люди кочюют около Чаны на Барабинских местах.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 11, лл. 186об.–188.

208. *1660 г. мая 3–5. — Отписка из Тары тобольского головы Саввы Турского тобольским воеводам князю Ивану Хилкову с товарищами о прибытии его с служилыми людьми на Тару 16 апреля, о вестях, полученных им от тарского воеводы и от сына боярского Ивана Макшеева, о походе последнего к озеру Чаны против калмыков, о местах кочевий калмыков и об отпуске пленников, взятых калмыками в Барабинской волости, и о намерении отправиться в поход «после Николина дни вешнего вскоре».*

Государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всеа Великие и Малые и Белые Росии самодержца и государя благоверного царевича и великаго князя Алексея Алексеевича всеа Великие и Малые и Белые Росии боярину и воеводе князю Ивану Андреевичю, дьякам Герасиму Сергеевичю, Семену Володимеровичю Савка Турской челом бьет. В нынешнем во 168-м году апреля в 1 день по указу великих государей, а по вашей наказной памяти послан я ис Тобольска на Тару с тобольскими юртовскими служивыми татары, и пришед на Тару, велено мне явится стольнику и воеводе князю Михаилу Микитичю Шеховскому, а явяся, роспросити ево, князя Михаила, про всякие царевичевы и калмацкие вести, где царевичи и калмацкие воинские люди кочюют и не воюют ли которых государевых ясачных волостей, да что стольник и воевода князь Михайло Шеховской про царевичей и про калмыцких воинских людей какие вести скажет, и по тем вестям на царевичей и на калмыцких воровских воинских людей… з царевичевыми ратными людьми поход с Тары… о том о всем велено мне отписать к тебе, боярину князю Ивану Ондреевичю, да к дьяком к Герасиму Сергеевичю да к Семену Володимеровичю. И я з царевыми ратными служилыми и юртовскими татары приехал на Тару апреля в 16 день милостию Божьею дал Бог здорово самым последним нужным путем. А приехав на Тару, стольника и воеводу князя Михаила Шеховского про царевичей и про калмыцких воинских людей допрашивал, и стольник и воевода князь Михайло Шеховской про царевичей и про калмацких воинских людей, где оне нынче кочюют, ничего не сказал, потому что де после барабинского выходца Булгачейко Улчачиева, который сказывал про царевичей и про калмацких воинских людей в Барабинской волости тарскому сыну боярскому Александру Чередову, где они кочюют, вести к нему по наш приезд не бывали, а на которые де места отпустит ратных людей, и ему князю Михаилу неведомо ж, а как де из Барабы или из иных волостей про царевичей и про калмыцких воинских людей к нему вести будут, и он нас и тарских служилых людей, сождався с последними тобольскими и тюменскими людьми, на царевичей и на калмыцких воинских воровских людей вышлет с Тары тотчас. И маия в 3 день приехал из Барабы на Тару тарской сын боярской Иван Макшеев с тарскими служилыми людьми, которой послан был с Тары в Барабинскую волость зимою для обереганья от калмыцких людей, а с ним, Иваном, послано было тарских служилых людей 30 человек, и он, Иван, сказывал мне: в нынешнем во 168-м году великого поста на четвертой неделе в субботу взяли де ево, Ивана, с собою неволею Барабинские волости ясачные татаровя итти на калмыцкие… улусы, и он, Иван, взял с собою тарских служилых людей 19 человек, а барабинских татар пошло с ним, Иваном, 150 человек, а конных де было из руских и татар в том походе только де 40 человек, а 130 человек было с ними руских же и татар пеших на лыжах, и дошли до урочища до Еркела, не доходя Карасу Ибихиня, возле Чан озера, и на том Церкеле кочюет Улузанова улусу калмыки изб з 20, а пришли де они по тот улус и били на них на пятой неделе в пятницу, а убили де они того улусу калмыков мужского полу, которые сами луком владели, человек с 50, а в полон взяли женского полу и робят человек с 40, а погромя де тот улус и взяв полон и живот, сами того ж дни, пошли назад к себе в Барабу, а они де и барабинские татаровя отошли с того погрому и в Барабу дошли на шестой неделе в пятницу милостию Божьею дал Бог здорово, и того де полону ему, Ивану с товарыщи, дали барабинские татаровя только 4-х ясырей, а 36 человек взяли себе для розмены с калмыками своего Барабинского полону; а тот де улус кочевал на том мес-

те блиско от Барабы, потому что после снегу хотели они итти войною, собрався под остальных остальцов барабинцов, а Улузан де тайша сам и ево калмыцкие воинские калмыки в те поры кочевали по Иртышу реке, на Рыжем Жеребце, ниже Ямышева озера, от их погрому в 5-ти днях, а царевичи де с своими улусы кочюют выше Улузана тайши улусов по тому ж Иртышу вверх в 3-х днищах. Да он же, Иван, сказывал мне, что вышел с ним в Барабу барабинской полоняник татарин Юртыкилдейко Икбугин сын, а сказал ему, Ивану, тот Юртыкилдейко, что де Улцзан тайша отпустил своего улусу ево, Юртыгилдейко, с отцом и с матерью да и иных барабинцов всякого люду человек с 50, а отпустил их с того же стану с Рыжево Жеребца, а царевичи де отпустили от себя из улусы Тунуские волости полоняников Акбеляка да Таяка з женами и з детьми, человек с 40, да барабинского мужика Кинкилдейко з женою и з детьми, а отпустили де тот полон царевич и Улузан тайша по приказу контайшиных детей и Аблаи тайши. А мы, прося у Бога милости, пойдем в поход после Николина дни вешнего вскоре.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 11, лл. 189–190об.

209. *1660 г. мая 8. — Расспросные речи прибывших из Тары в Тобольск казака Григория Лукьянова и татарина Кабыла Турмаметева о походе против калмыков русских и татар во главе с сыном боярским Иваном Макшеевым.*

168-го году маия в 8 день приехали с Тары в Тоболеск тобольские пешие казак Гришка Лукьянов да татарин Кабыл Турмаметев, а в Тобольску в съезжей избе боярину и воеводе князю Ивану Андреевичю Хилкову да дьяком Гарасиму Головину да Семену Румянцеву в роспросе сказали: пришли де на Тару тобольские ратные руские люди и татаровя, которые посланы з головами з Данилом Аршинским да с Савою Турским до ево Гришки Лукьянова приезду, а тюменские де ратные люди и последние тобольские служилые люди, которые посланы с Иваном Ушаковым на Тару, не бывали, и слуху де про них на Таре нет, и он, Гришка, и татарин Кабылко, где те тюменские и тобольские последние ратные люди, ни от кого не слыхали. Да они ж, Гришка и Кабылко, сказали: ходили де с Тары своею охотою всякие руские люди и барабинцы татаровя, 160 человек, на калмыцково Урлюкова сына Улузана тайшу, которые громили Тарского уезду ясачные волости, и Улазановых людей побили человек с 50 да в полон взял 47 человек, а при них де те охочие ратные люди ис походу с полоном на Тару не бывали, потому что де у них лошади пристали, ис тех людей пришли при них на Тару тарских служилых людей 3 человека, и тех де служилых людей, которые пришли ис походу на Тару, воевода князь Михайло Шаховской велел посадить в тюрьму для того, что де они в походе калмыцких людей ходили своею охотою, а голова де у тех ратных людей был тарской сын боярской Иван Макшиев. Да они ж де слышали на Таре у тарских у всяких чинов людей, что де царевичи выслали в Тарской уезд в громленые волости тарских ясачных небольших людей, а сколько человек, того подлинно ни у ково не слыхали. А тобольские ратные люди, которые пришли на Тару с ротмистром з Данилом Аршинским да з головою татарским Савою Турским, с Тары в поход воевода князь Михайло Шаховской против калмыцких людей не выслал, для того что дожидаетца на Тару в поход тюменских и тобольских достальных ратных людей, а как де с Тюмени и достальные тобольские ратные люди з головами на Тару придут, и он же, князь Михайло, с Тары тобольских,

и тюменских, и тарских ратных людей вышлет на царевичей и на калмыцких людей тотчас всех вместе.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 11, лл. 190–191.

210. *1660 г. мая 11. — Расспросные речи прибывшего из Тары в Тобольск тарского сотника стрелецкого Нефеда Матвеева о походе сына боярского Ивана Макшеева против калмыков Улузан-тайши и об отпуске последним и царевичами пленников.*

168-го года мая в 11 день приехали с Тары в Тоболеск тарской сотник стрелецкой Нефед Матвеев, а в съезжей избе боярину и воеводе князю Ивану Андреевичю Хилкову да дьяком Гарасиму Головнину да Семену Румянцеву в допросе сказал: в нынешнем де во 168-м году стольник и воевода князь Михайло Шаховской послал с Тары в Барабинскую волость для обереганья ясашных людей от калмыцких воинских людей тарского сына боярского Ивана Макшеева да с ним руских служилых людей 30 человек, и в тое де Барабинскую волость весною выбежал ис полону ис Калмыков от Лаузана тайши ясачной татарин и сказал им, Ивану Макшееву и казаком, что те калмыки, которые громили Тарского уезду ясачные волости, стоят недалеко и громленые ясачные люди у них есть, и Иван де Макшеев да с ним руских служилых людей, отобрався 19 человек, да барабинских ясачных татар 130 человек на тех калмацких людей ходили, а водили де их на калмыков тот ясачной татарин, который выбежал ис Калмыков в Барабу, и они де, Иван с служилыми людьми и с ясачными татары, в степи наехали Урлюкова сына Улазана тайши людей изб с 30 и калмыцких людей побили человек с 50 да в полон взяли мужского полу и женского человек с 40, а погромя, поворотились назад в Барабу, на иных ево Улузановых людей итти не смели, потому что их было немного, а калмыцких Улузана тайши людей было во многих местах много; а которых де калмыцких Улузана тайши людей тарские служилые люди и ясачные татаровя погромили и в полон взяли, и те де погромленые калмыцкие люди сказывали им, Ивану Макшееву с товарыщи, что присылали де к ним до их погрому и в иные улусы, в которых местех ево Улузановы люди зимовали, он, Улузан, людей своих и велел им всем к весне совсем итти к реке Иртышу, а для чего он, Улузан тайша, людям своим велел итти к Иртышу; а до того де погрому Улузан тайша в Барабинскую волость выслал громленых ясашных людей, старых и увечных, а сколько человек, того де он доподлинно не ведает, потому что из Барабы подлинные вести при нем на Тару не бывало; а сказывают де те высылные громленые ясачные люди: как де их Улузан тайша от себя в Барабу отпустил, и он де им велел в Барабе ясачным людем сказать, чтоб де они нынешнего лета сеяли ячмени большие для того, что де они зимовать будут, к ним в Барабу отпустили де их ясачных людей Улузан тайша, потому что де присылали велели их отпустить в Барабу калмыцкие контайшины дети, а будет де он их государевых ясачных людей в Барабу не отпустит, и они хотели на него Улузана тайшу итти войною, и он де их для того и отпустил, а лутчих людей оставил у себя в улусе; да и царевичи де Ишимовы внучата тарских же ясачных людей, которых они громили, выслали Тарского уезду в волости старых же и увечных людей, а сколько человек, того не ведает же; а слышал де он про то все на Таре от тех людей, которые ходили из Барабы на калмыцких людей с Иваном Макшеевым.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 11, лл. 191об.–192об.

211. *1660 г. не ранее июня 7. — Отписка тарского воеводы князя Михаила Шеховского тобольскому воеводе князю Ивану Хилкову об отправке в поход против калмыков и царевичей тобольских и тарских служилых людей, о прибытии после того новых тобольских и тюменских служилых людей и об отправке их также в поход, об отсутствии сведений о намерениях царевичей и калмыков, о новом кочевье Улузан-тайши и об отпуске им и царевичами пленников.*

Господину князю Ивану Ондреевичю Михайло Шеховской челом бьет. В нынешнем во 168-м году маия в 19 день писал ты ко мне на Тару с тарским сотником стрелецким с Нефедом Матвеевым, чтоб мне отписать к тебе: тобольские и тюменские ротмистр и головы с ратными людьми на Тару все ли сошлись, и в котором месяце и числе на Тару пришли, и с Тары я тех тобольских, и тюменских и тарских голов с ратными людьми и барабинцов в поход на царевичев и на калмыцких воинских людей выслали, и где ныне Ишимовы внучата царевичи и калмыцкие люди, и сколько с ними людей, и какой над царевичи и над калмыцкими людьми у государевых ратных людей промысел. И маия, господине, в 31 день по государеву указу послал я с Тары в степь на Кучюмовых внучат на царевичев и на калмыцких людей тобольских ротмистра литовского Данила Аршинского, да татарского голову Саву Турского, да тарских сотника райтарского Юрья Шатова, и детей боярских Кузму Заливина, да Олександра Чередова с ратными людьми, не дождався тобольских и тюменских голов с ратными людьми. И как я тобольских и тарских голов с ратными людьми в степь отпустил, и назавтре июня в 1 день по твоей, господине, отписке пришли на Тару тобольской и тюменские головы — ис Тобольска Иван Ушаков, а ис Тюмени Петр Онтуфьев да Карп Ошурков с служилыми людьми, и кой час весть мне учинилась про приход на Тару тобольских и тюменских служилых людей, и етот час послал к тобольским и к тарским головам, где их ныне дойдут, велел им на месте побыть, покамест к ним тобольской и тюменские головы с служилыми людьми на сход придут. И июня ж, господине, в 3 день тобольского и тюменских голов с ратными людьми к тобольским и к тарским головам и к ратным людем в прибавку на ход послал, и велел им по государеву указу всем без розни итти в степь на Кучюмовых внучат на царевичев и на калмыцких людей, и, где их сойдут, прося у Бога милости, велел над ними промышлять, сколько милосердый Бог помочи подаст, чтоб над ними промысел учинить, а себя б оберечь. А по милости Божией какой над царевичи и над калмыцкими людьми у государевых у ратных людей промысел будет, а мне про то учинитца ведомо, и я к тебе о том отпишу тотчас с нарочным гонцом. Да ты ж, господине, пишешь ко мне: не чаят ли царевичев и калматцких воинских людей под иные государевы сибирские городы и на слободы войною. И калмацкие, господине, люди разных тайшей кочюют у Тарсково города за хрептом, кочюют они по Ишиму вверх, меж Тарою и Тобольским и Тюменью степь не согорожена, и будет ли у калмыцких людей под государевы городы или на волости какой приход или нет, и мне про то неведомо, потому что люди стали многие промеж государевых городов, а вестовщиков и утеклецов ко мне июня по 7 день не бывало, вести перенять неоткуды, а зверовщиков ни по которой стороне Иртыша нет: заняли воды. Да приехали из Барабинской волости на Тару маия в 25 день тарские служилые люди, которые посланы были в Барабинскую волость на береженье, Данилко Пелымской с товарыщи, а в роспросе в съезжей избе сказали мне: выбежал де от Улузана тайши Барабинской волости ясачной татарин и сказал де им, что Улузан тайша перекочевал из-за Иртыш-

ша з барабинской стороны на другую сторону Иртыша против Рыжево Жеребца по льду, а где де он кочевать станет, и того он не ведает. Да выходцы же сказывали Кулебинской волости ясачной татарин Акбеланко Яманчюрин да барабинец Итаячко Сарагулов, что де Кучюмовы внучата и Улазан тайша отпустили их по присылке контайшиных детей Чечена тайши з братьею, что они присылали послов своих с угрозою, велели посланникам своим говорити: будет вы не отпустите государевых ясачных людей на старые их жилища з женами и с детьми, и мы на вас придем войною, повоюем всех вас, и они де их отпустили немногих старых и худых людей, а лутчей ясырь — молодых людей, оставили у себя, а иной полон ели от большова голоду, что у них был большой голод, лошадьми и скотом опали, а к государю отпустили старых да малых, которые государю в ясак старые не годятца, а молодые в ясак не поспели.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 11, лл. 193–194об.

212. *1660 г. не ранее июня 18. — Отписка тарского воеводы стольника князя Михаила Шеховского тобольскому воеводе князю Ивану Хилкову о замыслах Абулай-тайши и о нежелательности отпуска из Тобольска его посла Иркемула.*

Господину князю Ивану Ондреевичю Михайло Шеховской челом бьет. В нынешнем во 168-м году июня в 18 день выбежал ис полону Барабинской волости ясачной татарин Алдарко Алтыбаев да Любайской волости ясачной же татарин Дюрелко Чюгашев — тово полону, как приходили с войною царевичи и Урлюковы Улузана тайши люди и государевы волости повоевали в нынешнем во 168-м году по зимнему пути. А в роспросе в съезжей избе сказали мне: барабинской татарин Алдарко был в полону у Улузана в улусе, а любайской татарин Деренко был у царевичев в улусе, и при них де, Алдарке и Деренке, приезжали к царевичем и к Улузану тайше от Абулая тайши посланники, забрали царевичев Девлеткирея, и Бугая, и Кучука Челея, и Кансурея з женами и з детьми и со всем кочевьем да и полон тот государевых волостей, которой был у царевичев в улусе, весь к Абулаю забрали; да Улузану тайше те же посланники приказывали, чтоб Улузан тайша не кочевал блиско государевых волостей; и ныне де Улузан тайша кочюет выше соляного озера, неподалеку от соли, а их де Алдарка Улухан тайша и Деренка царевичи Бугай з братьею дали в дарех Абулаевым послам. И шли де они с царевичи и с Абулаевыми послы к Абулаю и, не дошед де они до Абулая тайши за два дни, з дороги ушли. И ныне де царевичи у Абулая тайши, а Улазан тайша со своими улусными людьми выше соляного озера, от солянова озера на заречной стороне. И то, господине, знатно, что от царевичев и от Урлюковых людей на государевы ясачные волости война [и ра]зорен[ья] по заводу Абулая тайши, по ево пота[чке], а только бы не ево Абулаев был завод и не ево потачкой, и он бы царевичей не зберегал, и Урлюковым бы людем в дальные места отходить не велел, и то Абулай тайша, ведаючи царевичев и Урлюковых людей воровских и знаючи то, что за их воровство по государеву указу от государевых ратных людей над царевичи и над Урлюковыми людьми поиск будет, для тово царевичев к себе брал на збереженье, а государева полону... старых да малых, выбрав десятой жребей, велел отпустить на старые их жилища, будто радеючи им государем, а лутчей полон мужеского и женского полу к себе забрал; и царевичев, и калмыцких людей воине весь завод Абулая тайши, он, Абулай, царевичи и калмыкам на войну по-

водку дает. И про то тебе, господине, вестимо ль, как в прошлом году Абулай тайша царсвичем на волю дал воевать; а те вести из Абулаева улусу были у соляново у Ямышева озера от тобольских и от тарских детей боярских, которые на ту пору были у Абулая тайши в улусе; и по той ево Абулаеве поволке, что ныне над государевыми волостьми и над ясачными людьми чинилось, которыя ево Абулаева правда к ним к государем. А ныне Абулаев посол Иркемула в Тобольску; и по государеву указу не велеть бы тебе, господине, Абулаева посла Иркемулы к Абулаю отпускать, покамест государевы ратные люди ис степи будут или от них весть будет; а как от ратных людей весть будет, и я к тебе тотчас пришлю, а будет, господине, Абулаева посла отпустишь, не дождався ратных людей, и государеву делу и ратным людем поруха будет большая. А выходцы сказывают, что весь завод о воине Абулаев, и государева полону отыскивать будет негде, будет ево Иркемулу отпустишь. О что учинитца над государевыми людьми в его Ирк[ему]ле отпуске какая поруха или неотдача полону, и мне о том писать к государю к Москве, Абулаевой помалкене, в чем верить не мочно. Да и послу его Иркемуле верить нельзя, что он человек лазуковат, и чаять от него тово, что он ездит для проведыванья в государевы городы. И о том бы, господине, тебе помыслить: Абулаева посла Иркемулы отпустить не поспешишь до прямых вестей и покамест государевы ратные люди ис походу воротятца. А у меня впредь какие вести на Тару поновятца из степи про царевичевы или про калмацких людей от выходцов, и я о том к тебе отпишу тотчас с нарочным гонцом.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 11, лл. 194об.–196.

213. *1660 г. не ранее сентября 10. — Отписка Панкратия Перхурова верхотурскому воеводе Ивану Камынину о количестве людей, прибранных на оброк в Катайский острог в 166–169 гг.*

Государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всеа Великие и Малые и Белые Росии самодержца и государя благоверного царевича и великаго князя Алексея Алексеевича всеа Великие и Малые и Белые Росии стольнику и воеводе Ивану Богдановичю Камынину, Василью Максимовичю Панкрат Перхуров челом бьет. С прошлого 166-го году и по нынешней 169-й год сентября по 10-е число прибрано в Катайском остроге на денежной оброк 5 семей руских людей да 36 семей татар и черемис на льготные годы. А льготу им указаны по 170-й год, и по 171-й год, и по 172-й год; а как льготные годы отойдут, и им платить великим государем в казну руским людем, и тотаром, и черемисе по 18 рублев по 20 алтын на год. А государева им жалованья дано на ссуду до льготных лет 61 рубль. А что по них взяты в государеве тягле поручные записи и в государевых в ссудных деньгах кабалы, и те поручные записи и в ссудных деньгах кабалы к вам на Верхотурье послал с катайским беломестным казаком с Елескою Ильиным. А у меня в Катайском остроге в остатке государевых денег осталось за расходом всево 4 рубли 24 алтына 2 деньги. И только укажите впредь прибрать в Катайской острог на денежной оброк руских людей, и татар, и черемису, и вам ко мне о государевых денгах и о хлебе, что давать им на ссуду, государев указ учинить.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 2, л. 302об.

214. *1660 г. декабря ... — Память верхотурского воеводы стольника Ивана Камынина в новую Чусовскую слободу верхотурскому стрельцу Петру Конно, таможенному целовальнику Андрею Варфоломееву и слободчику Афанасию Гилеву о назначении туда двух таможенных сборщиков и о сыске про окольную дорогу, проложенную мимо Чусовской слободы.*

Лета 7169-го декабря в ... день по государеву цареву и великаго князя Алексея Михайловича всеа Великие и Малые и Белые Росии самодержца и государя благоверного царевича и великаго князя Алексея Алексеевича всеа Великие и Малые и Белые Росии указу память Верхотурского уезду в новую Чюсовскую слободу верхотурскому стрельцу Петрушке Коно, да таможенному целовальнику оброчному крестьянину Ондрюшке Варфоломееву, да слободчику Афоньке Гилеву. В нынешнем во 169-м году по указу великих государей велено быть Верхотурского уезду в новой Чюсовской слободе у таможенного денежного пошлинного збору армашевским беломестным казаком 2 человеком, и о том с Верхотурья в Арамашевскую слободу князю Семену Пелымскому память послана, велено ему в Арамашевской слободе беломестных казаков выбрать в Чюсовскую слободу 2-х человек добрых к таможенному збору и выслать их в Чюсовскую слободу тотчас. И как из Арамашевской слободы князь Семен Пелымской беломестных казаков в Чюсовскую слободу пришлет, и вы б тем беломестным казаком, по чему им великих государей пошлинной збор и застава ведать, отдали им наказную память за верхотурскою печатью, какова была дана верхотурскому стрельцу Офоньке Долгому в прошлом во 168-м году. Да в нынешнем во 169-м году декабря в 18-й день писали на Верхотурье зборщики стрельцы Петрушка да целовальник Ондрюшка: проложена де вновь окольная дорога мимо Чюсовскую слободу к Тихонку Турсунбаеву в юрты, а приезжают де к нему, Тихонке, многие незнаемые татары, и бухарцы, и черемиса с торгами, и тех людей он, Тихонко, к вам, Петрушке с целовальником, в Чюсовскую слободу не отсылает, торгует де он с ними, татары, втаи и отпущает их от себя в Сибирь окольною дорогою; а сказывает де он, Тихонко, тех татар, и бухарцов, и черемису себе роднею; да у него ж де, у Тихонко, живут черемиса и вотяки, а в казну великих государей оброку не платят. И вы б, Петрушка и Ондрюшка з беломестными казаками, которых пришлет в Чюсовскую слободу князь Семен Пелымской, с слоботчиком Офонькою Гилевым про того Тихонка Турсунбаева сыскали накрепко рускими людьми по святой непорочной евангельской заповеди господней, а иноверцы по их шерти: иноверцы с торгом к нему, Тихонку, приезжают ли, и великих государей пошлину платят ли, и в Сибирь окольными дорогами втаи от себя татар пропущают ли, и под нею себе ково называл ли, и черемиса и вотяки у него, Тихонка, живут ли, и в казну великих государей оброку зачем не платят; да хто что про то сыски сыскные скажут, и вы б тех людей имена и речи велели написать на список да тот список за своею и сыскных людей за руками привезли с собой на Верхотурье. А что у тебя, Петрушки, великих государей денежного збору по се число есть, и ты б те деньги с слоботчиком Офонькой Гилевым привезли на Верхотурье тотчас, а приехав, явитца в съезжей избе подать стольнику и воеводе Ивану Богдановичю Камынину да подьячему Ивану Актемирову. А тебе, Ондрюшке, быть в новой Чюсовской слободе у денежного збору з беломестными казаками вместе по-прежнему. Да Чюсовские ж слободы на оброчном крестьянине на Фролке Арапове 17 скотин доправили в казну великих государей пошлинные деньги тотчас без всякого мотчания по на-

казной памяти, за то что он, Фролко, в Чюсовской слободе с тем скотом в таможне не явился.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 2, лл. 301–302.

215. *1661 г. не ранее сентября 5. — Отписка тобольского воеводы князя Ивана Хилкова верхотурскому воеводе Ивану Камынину о запрещении арамашевским казакам Ивану Смоле с товарищами селиться на землях Мурзиной слободы по рекам Режу, Бобровке и Глинке.*

Господину Ивану Богдановичю Иван Хилков челом бьет. В прошлом во 169-м году августа в 17-й день писал ты ко мне против моей отписки, что в прошлом во 166-м году по верхотурской памяти, по челобитью Верхотурского уезда арамашевского беломестного казака Ивашка Смолы дано ему, Ивашку, в Верхотурском уезде, что он, Ивашко, прислал с верх Режи реки с усть Глинки речки да вверх по Режу по обе стороны до верхних Сапов речки на вершину Глинки речки, а сверх Глинки речки до устья тое ж Глинки речки да по Бобровке реке по обе стороны лесные и дубровные места и чистые поля, а то де место бутто лежало в пусте, и велено де ему, Ивашку, на том месте слободу строить и крестьян призывать вновь на денежный оброк изо льготных годов. И в прошлом же во 169-м году августа в 21-й день писал ко мне и к дьякам в Тоболеск из Мурзинские слободы приказщик Кондратей Хворов и под отпискою своею прислал мурзинских крестьян за руками челобитную Верхотурского уезду Арамашевские слободы на беломестных казаков на Ивашка Смолу с товарыщи, а в челобитной их написано: пашут де они, Ивашко Смола с товарыщи, пашни и слободу хотят строить на мурзинских отводных землях на Бобровке реке с ними мурзинскими крестьяны вместе, и пашни у них, мурзинских крестьян, паханые Ивашко Смола с товарыщи поотымали, и с пищалей и из луков их стреляли, и скот с собаками травят, и всякое им насильство чинят; а живут де на той Бобровке реке мурзинских крестьян 2 человека своими дворами, а иным де мурзинским крестьяном пашни пахать и дворами строитца они, Ивашко Смола с товарыщи, не дают; а опричь де того места, где ныне поселились Арамашевские слободы беломестные казаки Ивашка Смола с товарыщи, мурзинским крестьяном пахать пашен негде и вновь за великих государевых крестьян призвать не на што; и чтоб великие государи пожаловали их, велели им о том ево государев указ учинить; в мурзинском чертежу, каков прислан в Тоболеск в 147-м году к боярину и воеводе ко князю Петру Ивановичю Пронскому с товарыщи, верхотурской сын боярской Андрей Буженинов то место, где пашни пашут и слободу строить хотят Ивашко Смола с товарыщи на Бобровке реке, преж и Бобровка и Глинка речки с пашенными и с непашенными землями и с сенными покосы со всякими угодьи написаны к Мурзинской слободе; да и в переписных книгах 166-го году писмянного головы Варфоломея Головнина те ж урочища Реж, и Бобровка, и Глинка реки с пашенными и с непашенными с землями и со всякими угодьи написаны к Мурзинской же слободе, а на Бобровке речке жил в то время, как переписывал Варфоломей Головнин, мурзинской крестьянин Васька Лукьянов з женою, и з детьми, и со внучаты своим двором и пашню на себя пахал большую; а как переписчики земли около Мурзинские слободы переписывали, и в то время на том месте на Бобровке реке у Ивашка Смолы с товарыщи никаких пашенных заводов и дворовово строенья никакова не было. Ивашку Смоле с товарыщи ве-

лел ты двор построить и землю пахать Мурзинские слободы на отводной земле после переписных книг Варфоломея Головнина неведомо почему, не отыскав про ту землю мурзинскими крестьяны и не отписався о том со мною. Да и то учинено не против указу великих государей, что велел ты Ивашку Смоле крестьян прибирать на денежной оброк; а по указу великих государей велено в тобольские слободы и Тобольского разряду в пашенных городех и в слободах за великих государей крестьян призывать в пашню и в оброчной хлеб, а не на денежной оброк. Да и самому тебе про то ведомо, что по указу великих государей велено Тобольского уезду и Тобольского разряда во все слободы призывать за великих государей крестьян на пашню и на оброчной хлеб, а ты велел Ивашку Смоле с товарыщи призывать крестьян на денежной оброк и велел их строить на пашню мурзинских крестьян в чертежу. А мурзинские крестьяне платят государев оброк хлеб большой. Да и вы б к мурзинским крестьяном в Мурзинскую слободу велено за великих государей на оброчной хлеб призывать крестьян на Мурзинскую и на отводную землю на то место, где ныне Ивашко Смола с товарыщи пашни пашут и дворы строить хотят, и вам охочих людей подрядился за великих государей на хлебной оброк вновь много. А по государеву указу довелось было тебе слободы строить на хлебной оброк на таких местах, которые б были земли Тобольского и Верхотурского уезду от слобод далеко, чтоб с тобольскими слободами были не смежны; а то место, где ныне слободу строит Ивашко Смола с товарыщи, к Мурзинской слободе близко в мурзинском отводе. И в нынешнем во 170-м году сентября в 5-й день послана ис Тобольска в Мурзинскую слободу к приказчику х Кондратью Хворову память, а велено ему, Кондратью, чтоб он Ивашку Смоле с товарыщи на Бобровке речке пашни пахать и слободы заводить не велел. И по указу великаго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всеа Великие и Малые и Белые Росии самодержца, и государя благоверного царевича и великого князя Алексея Алексеевича всеа Великие и Малые и Белые Росии, и государя благоверного царевича и великаго князя Федора Алексеевича всеа Великие и Малые и Белые Росии отписать бы тебе Верхотурского уезду в Арамашевскую слободу к приказщику тотчас з большим подкрепленьем, а велеть ему беломестных казаков Ивашка Смолу с товарыщи, где они пашни пашут и слободу строить хотят на Бобровке реке, с того места свесть и велеть им пахать пашня под Арамашевскою слободою или где пригоже на порозжих землях, а Мурзинские слободы на отводных землях, на Режу, на Бобровке и на Глинке реках, пашни им пахать, и дворами строитца, и слободы заводить однолично не велеть, для того чтоб мурзинским крестьяном Ивашка Смолы с товарыщи в пашне утесненья не было и новым крестьяном, которые подрядились за великих государей на оброчной хлеб на мурзинских отводных землях, было где дворами строитца и пашни на себя пахать. А будет ты Ивашка Смола с товарыщи с мурзинских отводных земель з Бобровки речки свести не велишь, и я учну о том твоем непослушанье писать к великим государем к Москве.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 2, лл. 304об.–307.

216. *1661 г. не ранее октября 4. — Отписка верхотурского воеводы Ивана Камынина тобольскому воеводе князю Ивану Хилкову о своде арамашевских казаков Ивана Смолы с товарищами с Бобровки-реки и о запрещении им пахать пашню на реках Режу, Бобровке и Глинке.*

Господину князю Ивану Андреевичю Иван Камынин челом бьет. В нынешнем, господине, во 170-м году октября в 4-й день писал ты к нам на Верхотурье: отписати б мне Верхотурского уезду в Арамашеву слободу к приказчику тотчас з большим подкрепленьем, а велети б ему беломестных казаков Ивашка Смолу с товарыщи, где они пашни пашут и слободу строить хотят на Бобровке реке, с того места свести и велеть бы им пахать пашня под Арамашевскою слободою или где пригоже на проезжих землях, а на Режу, и на Бобровке, и на Глинке реках пашни им пахать, и дворами им строитца, и слободы заводить не велеть, для того чтоб мурзинским крестьяном от Ивашка Смолы с товарыщи в пашне утесненья не было и новым крестьяном, которые подрядились за великих государей на оброчной хлеб на мурзинских отводных землях, было где дворами строитца и пашни на себя пахать. И по указу великаго государя... и по твоей, господине, тобольской отписке послал я с Верхотурья Верхотурского уезду в Арамашеву слободу к прикащику к Измаилу Коптеву память, а велел арамашевских беломестных казаков Ивашка Смолу с товарыщи, где они пашни пашут и слободу строить хотят на Бобровке реке, с того места свесть и велеть им пашню пахать под Арамашевскою слободою или где пригоже на порозжих землях, а на Режу, и на Бобровке, и на Глинке реках, в тех урочищах, которые написаны поблиску к Мурзинской слободе, пашня им пахать, и дворами строитца, и слободы заводить не велел.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 2, л. 304–304об.

217. *1662 г. не ранее января 25. — Отписка верхотурского воеводы Ивана Камынина тобольскому воеводе князю Ивану Хилкову о том, что он писал в верхотурские слободы близ Исети о запрещении ездить за пошлинами в Мехонину курью, Царево городище и Бариево.*

Господину князю Ивану Андреевичю Иван Комынин челом бьет. В нынешнем, господине, во 170-м году генваря в 25-й день писал ко мне на Верхотурье, что писал к тебе к дьяком в Тоболеск из Исецкого острогу приказчик Давыд Андреев: в нынешнем во 170-м году ездил он, Давыд, по Исете реке для збору государевой десятой пошлины со всяких с промышленных людей, и наехал он, Давыд, в новой слободе на Цареве городище, что на Бариеве речке, збирает другие пошлины с тех же со всяких промышленных людей, с которых он, Давыд, имал государеву десятую пошлину, Тобольского уезду ис Катайского острогу беломестной казак Ефсевей Афонасьев с товарыщем; а сказал де ему, Давыду, то Ефсевейка: збирает пошлины по моей наказной памяти ис Катайского острогу приказчик Илья Бакшеев... в неволю; а по указу де великих государей в прошлом во 168-м году писал ты ко мне, что тое Мехонину курью, и Царево городище, и Бариево к Верхотурью ведать не велено, и с рыбы, и с хмелю, и со всяких промыслов десятые пошлины со всяких людей с Верхотурья збирать не посылати; и по указу великих государей отписати б мне Верхотурского уезду в Катайской острог к приказчику к Илье Бакшееву и в иные верхотурские слободы к прикащиком з большим подкрепленьем, чтоб ис Катайского острогу и из иных верхотурских слобод приказщики вперед на Исеть реку на Мехонину курью, и на Царево городище, и на Бариево и Мехонины курьи, и Царева городища, и Бариева в уезд для пошлинного збору никово не посылали, для того что збирают государеву десятинную пошлину на Мехонине курье, и на Цареве городище, и на Бариеве

со всяких промышленных людей в Тоболеск, чтоб в двойных пошлинах промышленным всяким людем изгони, а государевым пошлинам недобору не было. И я, господине, по указу великих государей и по твоей тобольской прежней отписке Тобольского уезду Мехонину курью, и Царево городище, и Бариево к Верхотурью не в чем не ведаю; и с рыбы, и с хмелю, и со всяких промыслех государевы десятые пошлины со всяких людей с Верхотурья збирать не посылывал, и Катайского острогу приказчику Илье Бакшееву наказной памяти, что ему, Илье, збирать на Исете реке с промышленных со всяких людей с их промыслов государевы десятые пошлины не давывал, и таможенных зборщиков Ефсевейка Афонасьева с товарыщи посылать не велел. А Илья Бакшеев ис Катайского острогу ко мне и к подьячему к Ивану Артемьеву писал: посылал де он, Илья, ис Катайского острогу вниз по Исете реке, где промышляют Верхотурского уезду из слобод крестьяне рыбу, Катайского острогу таможенного зборщика беломестного казака Ефсевейка Ерафеева да беломестново ж казака Фетьку на великих государей пошлины збирать по-прежнему; и на Царево де городище Верхотурского уезду слобоцких крестьян у Меркушка Заикова с товарыщи десятые пошлины взял 3 рубли; и слоботчик де Юшко Соловей тех Ефсевейка да Фетьку посадил в студеную баню и держал 3 дни и послал на Мехонину курью по прикащика по Давыда Ондреева; и Давыд де Андреев, приехав, тех пошлинных денег доправил на нем, Ефсевейке, 2 рубли 29 алтын 2 деньги, для того что Царево городище Тобольского уезду, и впредь им для пошлинного збору ездить не велел. А по твоей, господине, тобольской отписке Верхотурского уезду в Катайской острог к приказщику к Илье Бакшееву и в иные верхотурские слободы, которые блиско Исети реки, к прикащиком я писал з большим подкрепленьем и на Исеть реку, на Мехонину курью, и на Царево городище, и на Бариево, и в уезды их для пошлинного збору вперед посылать не велел.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 2, лл. 307–308об.

218. *1662 г. июня 10. — Грамота в Тюмень воеводе Михаилу Павлову о сношении с Тобольском по делу о татарских выходцах.*

От царя и великаго князя Алексея Михайловича всеа Великие и Малые и Белые Росии самодержца в Сибирь, на Тюмень, воеводе нашему Михаилу Даниловичю Павлову. В нынешнем во 170-м году генваря в 17-й день писал еси к нам, великому государю, что в нынешнем во 170-м году по нашему великаго государя указу послан с Тюмени в Исецкой Долматов монастырь тюменской сын боярской Сергей Ушаков с тюменскими служилыми людьми для оберeганья от царевичей Кучюмовых внучат, от Бугая з братьею и с племянники и от калмыцких воинских людей, и от Бугая де царевича и от племянников ево приехали к нему, Сергею, в Долматов монастырь тюменские ясашные татаровя Тимошка Анткулов, Будятка Кочаков с товарыщи, 14 человек, з женами, и з детьми, и с лошадьми, и скотом, которые татарове в прошлых годех взяты были к царевичам в полон, а иные были в измене, и он де, Сергей, тех татар, Тимошка с товарыщи, прислал на Тюмень, а в роспросе де те татарове тебе сказали: в прошлых де годех, как приходил Аблай царевич с воинскими людьми в Тюменской уезд войною, и их де, Тимошка с товарыщи взял в полон на их жилищах на Исети реке з женами и з детьми, и как де взяли под Уфою наши великаго государя ратные люди и Аблая царевича, и они де жили у детей ево Аблаевых у Чичеля

да у Кансюера, а иные де — у Бугая царевича, и ныне де они, помня нашу великаго государя милость к себе, вышли на наше великаго государя имя и били челом великому государю, чтоб им жить на старых своих жилищах на Исети реке от Тюмени в 5-ти днищах, и ты де их на старые жилища без нашего великаго государя указу отпустить не смел, а велел им жить для лошадиного конского прокорму от города Тюмени в 20-ти верстах, на Пышме реке, а от семьи по человеку з женами велел жить в городе до нашего великаго государя указу. И как к тебе ся наша великаго государя грамота придет, и ты б о том писал в Тоболеск к боярину нашему и воеводе ко князю Ивану Андреевичю Хилкову, а от нас, великаго государя, к нему, боярину нашему, и воеводам ко князю Ивану Андреевичю с товарищи о таких калмытцких выхотцах наш великаго государя указ послан. Писана на Москве лета 7170-го июня в 10-й день.

На обороте: Дьяк Григорий Протопопов.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 8, лл. 206об.–207об.

219. *1680 г. февраля 26. — Грамота в Енисейск воеводе Александру Салтыкову о землях, угодьях и промыслах Спасского Енисейского монастыря.*

От царя и великаго князя Федора Алексеевича всеа Великие и Малые и Белые Росии самодержца в Сибирь, в Енисейск, воеводе нашему Александру Петровичю Салтыкову да подьячему Богдану Софонову. В прошлом во 186-м году послана нашего великаго государя грамота в Сибирь, в Енисейск, к боярину нашему ко князю Ивану Петровичю Борятинскому да дьяку нашему к Василью Телицыну: велено в Енисейском уезде монастыри, и монастырские земли, и сенные покосы, и скотские выпуски, и всякие угодья, и крестьян, и бобылей, и всяких людей, которые живут за монастырем, переписать, а земли перемерять в десятины, и тем землям учинить межи и написать в книги, и выписать из указов деда нашего государева блаженные памяти великаго государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии самодержца и отца нашего государева блаженные памяти великаго государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великие и Малые и Белые Росии самодержца и из грамот подлинно: по какому указу и в которых годех те монастыри построены, и сколько пашенных земель, и сенных покосов, и скотских выпусков, и рыбных ловель, и крестьян, и бобылей, и иных людей, и по сибирским дачам дано или что без дачь владеет, и сколько в тех монастырях нашего великаго государя жалованья дают; а людей распросить: в котором городе или в уезде и за кем именем наперед сего жили, и в котором году за те монастыри пришли, и те земли, и всякие угодья, и рыбные ловли всяких чинов люди за что или на оброк в монастырь давали, или те земли и угодья и люди купленые и закладные и вклады даваны, про то про все розыскать и роспросить енисейских и Енисейского уезду всяких чинов русских людей и иноземцов вправду; и которые люди объявятца за монастыри тамошних сибирских городов и острогов жители, и ссыльные, и прихожие из руских городов какие люди или иноземцы купленые и крещеные, и тех руских людей, сибирских жителей, и ссыльных из-за монастырей взять и послать в те сибирские городы и остроги, где кому быть указано; а на новокрещенных взять крепости и розыскать про них и допросить: не ясачные ли они люди и их дети и братья, и племянники были и в монастыри куплены ль или в полон взяты и проданы; и тем новокрещеным и прихожим из руских городов людем велеть быть за монастырем до нашего великаго государя указу; а зве-

риные всякие угодья и промыслы, что по досмотру и переписке и по сыску за монастыри объявитца, взять и отдать тем людем, чьи они были; а впредь никаких земель и угодей в монастыри не давать, и не покупать, и не закладывать, и за вклад не имать, и не оброчить, и крестьян беглых и никаких пришлых людей в крестьяне и в бобыли не принимать; а звериных бы никаких промыслов и угодей нигде за монастыри не было. И в нынешнем во 188-м году генваря в 21-й день писал к нам, великому государю, из Енисейска боярин наш и воевода князь Иван Петрович Борятинской да дьяк Василей Телицын, а в отписке их написано: по переписке де и по описи письменного головы Дмитрея Старова да енисейских детей боярских Алексея Клеопина да Ивана Перфирьева в Енисейску за Спасским монастырем объявилось разных городов прихожих людей 25 человек крестьян, и тех де крестьян велели они отписать на нас, великаго государя, и велено им пахать нашу великаго государя десятинную пашню; да земли отписать: из за Спасского монастыря по Усолке и по Тасееве 289 десятин с полудесятиною, сенных покосов 48 десятин, скоцкого выпуску 147 десятин, пометной выпаханной земли 75 десятин, да по Каме реке, и на Ленивице, ниже Зырянки, и в Попковской, и в Пучеглазовской, и на Стрелке, ниже Сполошного лугу, в купленых и в закладных и что им давали вкладу енисейские всяких чинов люди отписали на нас, великаго государя, пашенной земли 248 десятин с четью, сенных покосов 215 десятин с четью, скотного выпуску 128 десятин, пометной плохой земли 210 десятин; да на тех же землях 2 мельницы да третья на Караульной речке, вверх по Енисею со всяким мельнишным строеньем; да на Усолке речке усолье и варница со всяким заводом, да у того усолья пашенной земли 154 десятины, сенных покосов 20 десятин, скотного выпуску на версту. И ныне били челом нам, великому государю, Енисейского Спасского монастыря архимандрит Матвей да келарь Илья с братьею 45 человек: в прошлом во 156-м году по нашей де великаго государя грамоте дано им на пропитанье из проезжих земель с усть Усолки реки вверх по обе стороны до межи посадского человека Алексея Жилина речки от Ралиды и с соляным промыслом и по Тасееве речке по обе стороны, и они де ту пустую проезжую землю распохали, а сенные покосы росчистили, и дворы построили своими трудами и монастырскими работники людьми, и соляной промысл завели, и в нашу великаго государя казну с того соляного промыслу по всякой год соли пятой пуд платили. И в прошлом де во 175-м году прислана в Енисейск наша великаго государя грамота, велено им теми розчистными пашенными землями, и сенными покосы, и рыбными ловлями, и всякими угодьи по данным и по отводным владеть. И они де на те земли посадили монастырских своих трудников, которые породились и взросли у них в Спасском монастыре, из гулящих людей, которые поженились на монастырских девках и женках. И в прошлом во 187-м году по нашему великаго государя указу ту их монастырскую землю и с бобылями, и сенные покосы и всякие угодья, и с насеянным хлебом, и мельницы со всяким мельнишным заводом и с помольными денгами, и писмянные крепости на те пахотные земли, и на сенные покосы, и на бобылей взяты и отписаны на нас, великаго государя, а соляной промысел с небольшою пашенною землею до нашего великаго государя указу велено владеть им. И нам, великому государю, пожаловать бы их, велеть им теми пашенными землями, и бобылями, которые были за Спасским монастырем, и сенными покосы, и мельницами, и с соляным промыслом, и со всякими угодьями владеть по-прежнему. И мы, великий государь, указали: земли, которые даны в Спасской монастырь по нашим государевым грамотам и по воеводским да-

чам, и те земли и со крестьяны, которые на тех землях поселены, быть за Спасским монастырем и велеть владеть до нашего великаго государя указу, для того что сколько в тех землях десятинные пашни, и сенных покосов, и всяких угодей, того в переписных книгах 187-го году имянно не написано. А соляную варницу и три мельницы, и которые подле варниц и мельниц земли и всякие угодья, и на тех землях поселены пашенные крестьяне, отдать по-прежнему в Спасской монастырь, потому что в тот Спасской монастырь церковной руги и братье хлебного и денежного жалованья из нашей государевы казны не дают, да и потому: с варниц в нашу государеву казну емлют соли пять пуд, а на мельницах мелют наши государевы хлебные запасы без помолу. А земли, и сенные покосы, и всякие угодья, которые в тот Спасской монастырь поступились, и давали в заклад за вклад служивые и иные всяких чинов люди, не бив челом нам, великому государю, а тем людем те земли даваны за наше государево хлебное жалованье из пятого снопа из порозжих и изо всяких пустых земель, и те земли отписать на нас, великаго государя, и поселить на тех землях наших великаго государя пашенных крестьян или роздать служилым людем за наше великаго государя хлебное жалованье. А хлеб, которой взят в прошлом во 187-м году на тех землях, которые отписаны были на нас, великаго государя, Спасского монастыря, а ныне те земли велено отдать в Спасской же монастырь по-прежнему, и тот хлеб потому ж отдать Спасского монастыря архимандриту с братьею и с мельницы помольные деньги с того числа, как отписаны на нас, великаго государя, что собрано, и те помольные деньги отдать в Спасской монастырь, потому что деньги с мельниц и хлеб взяты в нашу великаго государя казну без нашего великаго государя указу. А по нашему великаго государя указу и по грамоте, какова послана в Енисейск, те земли и угодья велено отписать, а на нас, великаго государя, тех земель и угодей отписывать и хлеба и денег имать не велено. И Спасского монастыря на пашенные земли и на всякие угодья наши великаго государя жалованные грамоты, и воеводские данные, и иные всякие крепости, которые взяты были в Енисейском в приказную избу Спасского монастыря у архимандрита Матвея с братьею, потому ж отдать по-прежнему в Спасской монастырь. И как к вам ся наша великаго государя грамота придет, и вы б учинили по сему нашему великаго государя указу, а с сей нашей великаго государя грамоты велели списать список и оставить в Енисейску в приказной избе тебе, Богдану, за своею приписью, а сю нашу великаго государя грамоту велели отдать Спасского монастыря архимандриту Матфею с братьею впредь для иных наших воевод и приказных людей. Да что против сего нашего великаго государя указу о тех землях, и о варнице, и о мельницах, и о рыбных ловлях будет учинено, и вы б то все велели написать в книги подлинно порознь да те книги за руками прислать к нам, великому государю, к Москве с очисткою и велели подать в Сибирском приказе боярину нашему князю Ивану Борисовичю Репнину, да стольнику нашему Кирилу Аристарховичю Яковлеву, да дьяком нашим Семену Румянцеву, Льву Ермолаеву, Саве Таркову. Писан на Москве лета 7188-го году февраля в 26-й день.

На обороте: Дьяк Лев Ермолаев.

ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 24, лл. 22–25об.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВАМ 10–13 «ИСТОРИИ СИБИРИ»

К главе десятой

§ 1. Каракула, или Хара-хула, происходил из западно-монгольского племени чорос. Ему удалось организовать и возглавить борьбу за объединение ойратов в Джунгарии. После его смерти, в 1634 г., ойратов возглавил его сын Баатырь (Баатур, Батур, Батыр, Батырь), который именовал себя хунтайджи (рус. контайша). Баатырь продолжил успешно политику объединения ойратов и первоначально стремился к установлению дружественных отношений с Русским государством. Однако после того как Баатырь укрепил свое главенствующее положение, он, изменив отношение к освоению Сибири русскими, стал поддерживать борьбу телеутских и киргизских властителей против российских подданных. В его правление было составлено известное монгольское «Степное уложение» 1640 г., которое в этом же году было принято на сейме монгольских князей. Баатырю наследовал сын Галдан (воспитывался при жизни отца в Тибете у далай-ламы), который успешно продолжал практику создания общемонгольского Джунгарского государства и носил титул Бошохту, т.е. благословенный. Умер Галдан в 1697 г. (см.: *Бичурин.* Историческое обозрение ойратов). *П.*

В дополнение к примечанию Л.П.Потапова отмечу, что упоминаемое здесь монгольское «Степное уложение» 1640 г. известно также как «монголо-ойратские законы 1640 г.» (см.: *Голстунский.* Монголо-ойратские законы 1640 г.) В работе Голстунского, который перевел на русский язык законы 1640 г., даны родословные таблицы торгутских, дербетских и ойратских князей. Этот труд рассматривается как один из важных источников о происхождении калмыков и их обычном праве (см. также: *Златкин.* История Джунгарского ханства; *Авляев.* Происхождение калмыцкого народа, с. 58–59). *В.*

О «джунгарском родоначальнике» Каракула-тайше и его потомках см.: *Чимит-Доржиев.* Из истории взаимоотношений России с Джунгарией; *Кычанов.* Повествование об ойратском Галдане Бошокту-хане; *Чернышев.* К характеристике административного управления; *он же.* Общественное и государственное развитие ойратов; *Санчиров.* История ойратов XIII–XVII веков. *Бат.*

§ 2. О Байбагачеве улусе см.: *Златкин.* История Джунгарского ханства, 1983, с. 91–101. О калмыцком посольстве в Томск в 1734 г. см. также документ № 103 в сб. Русско-монгольские отношения. 1607–1636. *Бат.*

§ 3. Предположение Миллера, что орчаки были не калмыками, а теленгутами, т.е. не монголоязычной, а тюркоязычной группой, имеет серьезное основание. Если

трудно сказать, были ли орчаки именно теленгутами~телеутами, то в тюркоязычности орчаков вряд ли можно сомневаться. Прямым потомком орчаков XVII в. следует считать «сеок» (род) ооржак у современных тувинцев. См.: *Катанов*. Письма из Сибири и Восточного Туркестана, с. 14; *Африканов*. Урянхайская земля и ее обитатели, с. 34–59; *Ярхо*. Алтае-саянские тюрки, с. 19; *Дулов*. Пережитки общинно-родового строя, с. 57–76; *он же*. Социально-экономическая история Тувы, с. 121–122; *Вайнштейн*. Очерк этногенеза тувинцев; *Вайнштейн, Маннай-оол*. Завершение формирования тувинского этноса, с. 304–309. *П.*, *В.*

§ 4. Миллер упоминает здесь несколько калмыцких посольств в Россию. Согласно исследованию И.Я.Златкина, годы правления Баатыря (Батура) — период чрезвычайно интенсивного обмена посольствами между Россией и Джунгарией. В источниках говорится о 33 посольствах, из которых около 20 — от самого Баатыря и лично к нему. Златкин полагает, что их было гораздо больше (см.: *Златкин*. История Джунгарского ханства, 1983, с. 120). *Бат.*

§ 6. О войнах калмыков с Казахской ордой в XVII в. см.: *Златкин*. История Джунгарского ханства; Казахстан в XV–XVIII веках; *Конкашпаев*. Некоторые сведения о пребывании ойратов на территории Казахстана; *Султанов*. Кочевые племена Приаралья; *Сулейменов*. Внешнеполитические связи Казахстана; *Моисеев*. Джунгарское ханство и казахи; *он же*. Джунгаро-казахские отношения. *Бат.*

§ 10. О бухарцах в Таре и в других сибирских городах в XVII в. см.: *Джамалов*. Торгово-дипломатические отношения Бухарского ханства с Россией; *Евсеев*. Тара в свои первые два столетия; *Башкатова*. Торговля и промыслы г. Тары; *Сукач*. Торговали с Бухарою. *Бат.*

§ 11–12. «Порубежные» волости барабинских татар (барабинцев) периодически являлись предметом спора между Россией и Джунгарией: «Вопрос о сборе ясака с енисейских киргизов, тувинцев, барабинцев и других обитателей Южной и Западной Сибири ставился послами обеих сторон почти при каждой встрече». В процессе этих споров сложилась практика «двоеданства» (*Златкин*. История Джунгарского ханства, 1983, с. 122, 123 и др.), сохранявшаяся в отдельных районах Южной Сибири в течение более двух столетий. Так, еще во времена путешествия В.В.Радлова по Алтаю теленгиты платили «дань» как русским чиновникам, так и китайским, а в российской документации значились как «двоеданцы» (*Радлов*. Из Сибири, с. 127, 128 и др.). См. также: *Боронин*. Двоеданничество в Сибири. *Бат.*

§ 14. О российско-джунгарских культурных и торговых связях в XVII в. см.: *Котвич*. Русские архивные документы по сношениям с ойратами; *Шастина*. Русско-монгольские посольские отношения; Русско-монгольские отношения. 1654–1685; *Преображенская*. Из истории русско-калмыцких отношений; *Слесарчук*. Архивные документы по истории сношений с Джунгарией; *Гольман, Слесарчук*. Русские архивные материалы о взаимоотношениях России и Монголии; *Чимитдоржиев*. Взаимоотношения Монголии и России; *Златкин*. История Джунгарского ханства. *Бат.*

§ 16. О поездках казачьего головы Назара Жадобского к калмыцким тайшам см. также: Русско-монгольские отношения. 1636–1654. Документы № 22, 30. *Бат.*

§ 17. В архивной описи XVII в. (грамоты тобольской воеводской избы за 1636–1637 гг.) Миллер нашел описание грамоты за приписью дьяка Микифора Шипулина «о колмацких кон да Кулы тайшах, о послех о Кумяке Ишикове с товарищи, что они

просились ко государю к Москве, и их отпустить не велено, а велено отпустить ис Тобольска назад в Колмаки, и впредь и иных тайшей послов по тому ж отпускать не велено, а велено отговариватца для далекого пути всякими обычаи» (ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 11, л. 19, № 29). *А.*

§ 21. Перевод того места «De scriptis tanguticis», где Миллер дает описание Аблай-кита, см. в «Сибирских древностях» В.В.Радлова (т. I, вып. 3, с. 61–66). *А.*

Подлинное описание городка Кубаксара <Кубак-Сары>, «по доезду конного казака Осташка и юртовского служилого татарина Аллагулка», см. в РГАДА (Сибирский приказ (далее: Сиб. прик.), стб. 81, л. 335). Дело идет о «кит'е», т.е. буддийском монастыре, который одновременно служил и крепостью. Таким же укрепленным монастырем был построенный Аблай-тайшой Аблай-кит. В литературе известны, кроме того, «мечеть калмыцкая, кирпич жженой» в Кабангусане (*Радлов.* Сибирские древности, т. I, вып. 3, примеч. 60), «Учерту-хан-кит» — город брата Аблай-тайши Очурты, в 5 днях пути от Аблай-кита, построенный около 1672 г.; Бушухту-хан-кит, построенный знаменитым Галданом около 1676 г. близ оз. Зайсан; Цорджин-кит, или Дархан-Зорджи-кит (так называемые Семь палат), близ нынешнего Семипалатинска, построенный в 1648 г.; Лауцзан-кит на берегу р. Тасы, построенный алтын-ханом Лауцзаном; два калмыцких монастыря на р. Или и др. Все эти монастыри помимо культового значения имели стратегические цели. Кроме того, они являлись центрами земледельческих культур, обслуживавшими кочевников. В этих целях при них селились пленные. *Б.*

К примечанию С.В.Бахрушина необходимо сделать дополнение, так как кроме перечисленных С.В.Бахрушиным девяти памятников известно еще некоторое количество объектов «поздней археологии» (XVI–XVIII вв.), достаточно уверенно связываемых с деятельностью джунгарских правителей и буддийских лам. Безусловно, значительная часть ойратско-джунгарских памятников расположена на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, но мы не можем привести сведения о них ввиду практической недоступности соответствующих публикаций и коллекций.

Появление ойратско-джунгарских («калмыцких») памятников в Казахстане и на Алтае стало результатом миграции ойратов в Восточное Семиречье и Прииртышье, а также экспансии Джунгарского ханства в западном и северном направлениях. Относительно полное представление о казахстанских памятниках (развалинах монастырей, крепостей и других сооружениях, погребальных памятниках, наскальных изображениях и надписях) дает сводное издание «Археологическая карта Казахстана», номера реестра: 1402, 1404, 1588, 1661, 2690, 3036, 3043, 3074, 3081, 3271, 4171, 4342 и № 410 реестра памятников без точного местонахождения — с. 104, 105, 114, 118, 119, 186, 208, 210, 221, 300, 313, 372. Там же дана обширная библиография. Из последующих оригинальных исследований см.: *Черников.* Памятники архитектуры ойрат-калмыков; *Конкашпаев.* Историко-географические сведения о пребывании калмыков (джунгаров) на территории Казахстана; *он же.* Некоторые сведения о пребывании ойратов на территории Казахстана. Полевыми археологическими исследованиями ойратско-джунгарских памятников на территории Казахстана в XX в. практически занимался только С.С.Черников. В реальности их значительно больше, чем фигурирует в литературе. Например, буддийские изображения и выполненные старомонгольским (ойратским?) или тибетским письмом надписи хорошо известны археологам, изучающим петроглифы. Но поскольку их изучение требует специальных

знаний, а сами петроглифы относятся к «поздним», то они не только не публикуются, но часто и не фиксируются должным образом.

Не лучше обстоят дела и с ойратско-джунгарскими памятниками юга Западной Сибири (в основном нынешних территорий Республики Алтай и Алтайского края). Попытку дать сводку сообщений письменных источников см.: *Кызласов.* Письменные известия о древних городах Сибири, с. 64–66, 69, 102–107, 115, 118–121. Серьезным археологическим раскопкам алтайские памятники до последних лет не подвергались. В 1990-х годах на плато Укок (юго-запад Республики Алтай) экспедиция Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН параллельно с раскопками известных курганов пазырыкской культуры исследовала развалины, вероятно являющиеся остатками буддийского монастыря или ойратско-джунгарской крепости. Но эти материалы в научный оборот пока не введены. *К.*

§ 24. Посольство к контайше, об отправлении которого говорилось в государевой грамоте 1640 г. мая 30 тобольским воеводам, было направлено в том же, 7148 (1640) г.: сохранился статейный список посольства тобольского сына боярского Меньшого Ремезова 7148 г. к озеру Ямышеву для поднесения контайше «государева жалования» (РГАДА, Сиб. прик., стб. 115, лл. 18–40); содержание этого статейного списка изложено довольно подробно в статье Н.Н.Оглоблина «Сибирские дипломаты XVII века» (с. 151 и сл.). *А.*

§ 28. Тураш (Кулеба), Люба (Любай) и Тунус (Чангула) — западные волости барабинских татар. По данным 1625 г., в волости Тураш было шесть деревень, в волостях Люба и Тунус — по три. См. о них: *Долгих.* Родовой и племенной состав, с. 49–55. *Бат.*

§ 29. Речь идет о енисейских кыргызах. См.: *Миллер.* История Сибири, II, примеч. к § 66 гл. 7. *В.*

§ 31. Мат-киргизы — племя в составе енисейских кыргызов. Именовались также матами, матцами, матскими людьми. Обитали в горных районах бассейна Енисея на юге Сибири. См.: *Бахрушин.* Енисейские киргизы, с. 178, 198. *В.*

§ 32. Керсагалы — тюркоязычная родоплеменная группа, родственная кондомским шорцам, которая вошла затем в состав кумандинцев (северных алтайцев), проживающих в настоящее время по р. Бие в Алтайском крае. Миллер правильно предположил, что местожительством керсагалов была река Бия. В 1674 г. в Керсагальскую волость был послан из Кузнецка конный казак Тимошка, который доехал до «керсагальских татар» на третий день. Из документа видно, что в пределах Керсагальской волости протекала река Бия (ДАИ, т. VI, с. 317). Жители этой волости обитали от Бии на запад до низовьев Катуни, т.е. на местах расселения современных кумандинцев, включая совершенно обрусевших, живущих в низовьях Катуни. В Барнаульском архиве имеется дело «Об устройстве кочевых инородцев Кумандинской волости», где в прошении от 15 сентября 1906 г., поданном от имени «верхних кумандинцев», говорится, что верхние кумандинцы состоят из четырех «сеоков» (родов), а именно: керзал, солу, алтон, ере (см.: *Потапов.* Этнический состав и происхождение алтайцев, с. 58). У современных кумандинцев жива память о керсагалах. Им приписывают керамику из городищ, находимую иногда в районе обитания кумандинцев; иногда «керзагалами» пугают маленьких детей: «придет керзагал и тебя возьмет». *П.*

С 1991 г. кумандинцы в документах Госкомстата значатся как самостоятельный народ и входят в группу малочисленных народов Севера. О кумандинцах см. также:

Алексеев. К происхождению кумандинцев; *Потапов.* Из этнической истории кумандинцев; *Сатлаев.* Кумандинцы; *Боронин.* Кумандинцы между Россией и Джунгарией. *Бат.*

§ 33. В источниках нет точных сведений о местонахождении ставки контайши — городка Кубак-Сары. Миллер, основываясь на донесении посланника к джунгарскому контайше Григория Ильина, высказывает здесь предположение, что этот городок находился «неподалеку от реки Имыла». По мнению И.Я.Златкина, Кубак-Сары располагался между озерами Зайсан и Улюнгур (*Златкин.* История Джунгарского ханства, 1983, с. 167). *Бат.*

§ 34. В фонде Сибирского приказа (стб. 455, лл. 642–643) хранится другой перевод послания контайши, который был сделан в Москве, в Посольском приказе, с тюркского («нагайского») языка. Приводим его в версии, опубликованной в сб. «Русско-монгольские отношения. 1636–1654» (№ 63, с. 235–236).

«1644 ранее февраля 12. — Письмо Эрдени Батура-хунтайджи царю Михаилу Федоровичу о возвращении ясырей без выкупа и о присылке ему просимых даров.

Перевод с нагайского письма.

Великому государю.

Из дальние земли ближним сердцом Бадурхон-тайша великому князю и великому государю челом бьет.

Соблюди господи вас, великого государя, в своей милости, а мы здесь здоровы. А вас бы, великого государя и великого князя, господь в своей милости сохранил. А в сей стороне я, Бадурхон, — оба мы над своими государствами государи. А как наши государства будут в миру и в совете, и нашему имени будет добро. Да албавут [воевода] ваш, которой пришел в Тумбы и взял Карсагила, по вашему ль государеву указу или нет. Только будет по вашему указу взял, и вы б юрты отдали. А только без вашего указу взял, и он бы ясырей наших отдал без откупу. А только будет похотите меж обеих юртов тишины, и вы б тому албауту велели за вину учинити наказанье; а просит 10 лет за робенка четырехсот соболей. А только без вашего государева веленья воевал, ино вы, государь, велите отдать.

Да послал вам, государю, в поминках 2 бабра да аракчин камчатой да 2 коня. Да прошу у вас, государя, пищаль мерную, чтоб в дву перестрелищах из лука била в цель да 4 петуха неметцких, да 8 куров неметцких же, то нам годно. А что вам, государю, в сей стороне будет годно, и вы б велели о том пожаловать, к ним в грамотах своих отписать. И вели, государь, ко мне прислати с послы моими алабутов своих.

А внизу у грамоты написано киноварью калмытцким письмом.

По склейкам и под текстом помета: 152-го июня в 8 день боярин князь Микита Иванович Одоевский, слушав выписку, приказал писать в Тоболеск, а велел х Контайше послати куров немецких против ево письма. А вперед будет у него Контайша о чем писати, и он бы присылал листы татарским письмом, а не калмацким». *Бат.*

Упоминаемые в обоих переводах названия «елбарс» и «бабр» — соответственно тюркского и иранского происхождения, служившие в XVII–XVIII и даже отчасти в первой половине XIX в. для обозначения тигра. *К.*

§ 40. Г.Ф.Миллер прав, указывая в примечании к этому параграфу, что в данный период времени калмыки жили в кибитках, юртах. Лишь во второй половине XIX в. в связи с переходом к земледелию часть калмыков перешла к оседлому образу жизни. Они жили в деревянных и глиняных мазанках или в турлужках, построенных из

плетня, обмазанных глиной и снабженных печным отоплением. См.: *Небольсин.* Очерки быта калмыков, с. 168; *Эрдниев.* Калмыки, с. 124, 125. *В.*

§ 43. Статейный список посольства к контайше тобольского сына боярского Данилы Аршинского см.: РГАДА, Сиб. прик., стб. 455. *А.*

§ 49. Статейный список посольства к контайше тобольского сына боярского Ивана Байгачева см.: РГАДА, Сиб. прик., стб. 455. *А.*

§ 50. По мнению И.Я.Златкина, Баатырь-контайша (Батур) умер не около 1660 г., как указывает Миллер, а зимой 1653 г. Именно на эту дату указывает наиболее достоверный источник — биография Зая-Пандиты — видного деятеля ламаистской церкви. Кычанов полагает, что Батур умер не в 1653 г., а позже, где-то до 1662 г. (*Кычанов.* Повествование об ойратском Галдане, 1980, с. 28). После смерти Баатыря взаимоотношения Джунгарии и России ухудшились: участились набеги джунгаров на российские территории, почти на десятилетие прервались дипломатические связи между этими государствами. См.: *Златкин.* История Джунгарского ханства, 1983, с. 102, 107, 135–136 и др. *Бат.*

§ 51. История сношений хошотского тайши Аблая и его сына Чагана с московским правительством с 1658 по 1670 г. по поводу предполагаемого панциря Ермака изложена в моей статье «Туземные легенды в „Сибирской истории“ Ремезова», а также в примечаниях к «Истории Сибири» (I, с. 486–487). *Б.*

Упоминаемый здесь Миллером российский посланник в Китай Ф.И.Байков писал о строительстве Аблайкита следующее: «А на той речке Бешке Аблай-тайша делает город, а про то подлинно неведомо — каменный ли или деревянной, а лесу навожено много. Лес сосновой тонок, как у нас на Руси в городех около городов оплоты ставят. А ставит тот город промеж гор каменных, а мастеры к нему присланы из Китайского царства» (текст статейного списка Ф.И.Байкова см.: *Демидова, Мясников.* Первые русские дипломаты в Китае, с. 116). В работе Е.А.Княжецкой «Новые сведения об экспедиции И.М.Лихарева» дана библиография об Аблайките (с. 34–35). *Бат.*

§ 54. Башкиры-кипчаки жили в XVII–XVIII вв. в следующих волостях Ногайской дороги: Кипчацкой (близ места, где впоследствии стоял Оренбург), Карагай-Кипчацкой, Гирей-Кипчацкой, Бушмас-Кипчацкой, Сарыш-Кипчацкой и Сугуну-Кипчацкой — и в волостях Казанской дороги: Сарыш-Кипчацкой (по р. Ику) и Кипчацкой (см.: Материалы по истории Башкирской АССР. Указатель). В 60-х годах XVII в. кипчаки кочевали вместе с потомком Кучума царевичем Кучуком «на Еицких вершинах» (РГАДА, Сиб. прик., стб. 663). *Б.*

О башкирах-кипчаках см. также: *Руденко.* Башкиры; *Кузеев.* Очерки исторической этнографии башкир; *он же.* Происхождение башкирского народа; *он же.* Историческая этнография башкирского народа; *Кузеев, Рафиков, Юмагужина.* Этногенез и генетическая дивергенция восточных башкир; Исследования по исторической этнографии Башкирии; *Акманов.* Башкирия в составе Российского государства. *Бат.*

§ 55. О Далматове Успенском монастыре см.: *Самойлов.* Историческое описание Далматовского Успенского мужского монастыря; *Дежнев.* Первый монах Зауралья. *Бат.*

§ 57. Упоминаемая Миллером здесь и в последующих параграфах Аялынская (Аялы) волость являлась самой многонаселенной ясачной волостью Тарского уезда. В 1651 г. в ней насчитывалось 188 плательщиков ясака. См.: *Долгих.* Родовой и племенной состав, с. 50. *Бат.*

§ 64. Перевод того места «De scriptis tanguticis», где Миллер дает описание Калбасунской башни, см. в «Сибирских древностях» В.В.Радлова (т. I, вып. 3, с. 57–60). *А.*

О значении и содержании термина «дербен-ойрат» см.: *Грумм-Гржимайло.* Западная Монголия и Урянхайский край, т. II, с. 563–566; *Владимирцов.* Общественный строй монголов, с. 135, 157, 186. *П.*

В дополнение к примечанию Л.П.Потапова следует отметить, что этнической основой Джунгарского ханства (1635–1758) были западномонгольские (ойратские) племена. Их прямыми потомками (кроме коренного населения Республики Калмыкии) являются современные этносы западной части Монголии и севера Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР: дербэты (также дербеты, самоназвание «дөрвөд»), торгуты (также торгоуты, самоназвание «торгууд»), баиты (самоназвание «баят»), хошуты (также хошоуты, «хошууд»), дархаты («дархад»), захчины («захчууд»), олёты («өөлд»), мингаты («мянгад»), хойты («хойт»). В этом списке мы находим и верно переданные названия этносов (племен), которые фиксировались в XVIII в., в частности Г.Ф.Миллером.

Гораздо сложнее вопрос о том объединении, которое Г.Ф.Миллер назвал «дербень-уйрят» (дербэн-ойрат). Практически все авторы считают, что «дербэн-ойраты» были союзом (конфедерацией) западномонгольских племен, предшествовавшим созданию в 1635 г. Джунгарского ханства, которое сравнительно уверенно можно назвать государством или, учитывая его этнополитическую неустойчивость и постоянно проявлявшиеся центробежные тенденции, «кочевым государством», «государственным образованием» и т.п. Однако до сих пор неясно, когда возник дербэн-ойратский союз и каков был его состав. Б.Я.Владимирцов сомневался в самой исторической реальности такого союза. Особняком стоит гипотеза Г.О.Авляева, который считает, что ойратский союз племен возник в бассейне верхнего Енисея и Прибайкалье уже в IX в. и сохранял относительную стабильность, несмотря на миграцию в Западную Монголию в XIII в. и все последующие исторические перипетии. При наличии этих крайних точек зрения («гиперкритической» Б.Я.Владимирцова и «удревнительной» Г.О.Авляева) относительное большинство авторов считает, что дербэн-ойраты были реальным объединением племен, возникшим в Западной Монголии не ранее конца XIV в.

Нерешенность дербэн-ойратской проблемы обусловлена противоречивостью и неясностью нарративных свидетельств. Это относится прежде всего к неойратским письменным источникам — китайским, русским, персидским, тюркским, халха-монгольским. Аутентичные (собственно ойратско-джунгарские) источники практически не проливают свет на эту проблему. В какой-то мере аутентичными (возникшими в родственно-преемственной среде) источниками можно считать калмыцкие исторические сочинения — «Сказание о дербэн-ойратах» Батур-Убаши Тюменя (начало XIX в.) и «Сказание об ойратах» Габана Шараба (1730-е годы). Оба они содержат конкретные, но противоречащие друг другу данные о составе союза дербэн-ойратов.

Различные авторы реконструируют племенной состав дербэн-ойратского союза в зависимости от того, склоняются ли они к тому или иному решению следующих вопросов. Первый: является ли «дербэн» числительным «дөрвөн» («четыре») или этнонимом «дөрбөт» (дербэты); в первом случае подыскиваются четыре этноса–компонента «союза четырех ойратов», во втором случае союз называется «дербэтско-ойратским». Второй вопрос: является ли «ойрат» собирательным термином (как сей-

час) или конкретным этнонимом подобно современным «олётам», в названии которых видят искаженный или китаизированный этноним «ойрат». Третий вопрос: являются ли «джунгары» (зунгары, зюнгары) конкретным этнонимом (к этому склонялся Н.Я.Бичурин, отождествлявший джунгаров и цоросов~чоросов) или собирательным термином с первоначальной военно-административной функцией («зун гар» — правая рука, правый, т.е. западный, фланг имперской военно-административной системы). Отсутствие ответов на эти вопросы (притом что количество известных этносов гораздо больше четырех) порождает множество реконструкций племенного состава дербэн-ойратов. В данном случае анализировать и оценивать эти реконструкции не имеет смысла. В общем, сохраняет справедливость заключение И.Я.Златкина: «Вопрос о составе ойратского союза и времени его образования всегда был неясен и запутан». *Златкин.* История Джунгарского ханства, 1983, с. 19–24, 44–58; *Авляев.* Происхождение калмыцкого народа, с. 124–150; *Бичурин.* Историческое обозрение ойратов, 1991, с. 20–30; *Владимирцов.* Общественный строй монголов, с. 145–158; Калмыцкие историко-литературные памятники, с. 19–21, 140–144; Очерки истории Калмыцкой АССР, с. 53–72; *Эрдниев.* Калмыки, 1985, с. 18–30; *Эрдниев.* Историческая судьба ойратов, с. 16–29. *К.*

К главе одиннадцатой

§ 2. Об истории покорения бурят см.: *Окладников.* Очерки из истории западных бурят-монголов; История Сибири. Т. 2, с. 50–52; История Бурят-Монгольской АССР, с. 89–115; *Нимаев.* Буряты, с. 124–137. *В.*

О посылке на Нижнюю Тунгуску и в Братскую землицу Поздея Фирсова и Якова Алексеева см. «наказную память», данную им енисейским воеводой Яковом Хрипуновым (РГАДА, портф. Миллера, № 482, II, д. 5, лл. 8об.–9об. См.: Актовые источники по истории России и Сибири. Т. 2, с. 71). *Бат.*

§ 4. По данным Г.М.Василевич, река в ряде тунгусских языков обозначалась словом «бира». См.: *Василевич.* Эвенкийско-русский словарь, с. 56. *В.*

§ 5. Ср. отписку тобольского воеводы А.Хованского кетскому воеводе И.Кологривову, полученную 28 сентября 1626 г., о приходе под Маковский острог и на волок «изменников волостных людей» (РГАДА, портф. Миллера, № 478, II, грам. № 14). *А.*

§ 6. Причиной недовольства енисейских служилых людей, перешедшего в мае 1626 г. в открытое возмущение, была борьба между ними и торговыми людьми за недавно открытую Тюлькину землю. В торговле участвовал енисейский воевода Андрей Ошанин, который послал в 1626 г. с торговым человеком Мамруком Косицыным своего товару в Тюлькину и Качинскую земли на 600 руб. Мамрук «наметывал сильно» воеводские товары жителям. Служилые люди утверждали, что «от того-де земли его Андреева насильства от великого государя отложились». Толчком для мятежа послужило обстоятельство, описанное Миллером. Посланные для усмирения енисейского князца Тасейка (служилые люди) под начальством атамана Василия Алексеева, вместо того побили и забрали в плен ясачных питских тунгусов. Опасаясь ответственности, они «поставили между собой образ Пречистые Богородицы», чтобы

«под суд не даватися». Воевода из страха перед служилыми людьми, грозившими его убить, перестал ходить в съезжую избу. Раздражение служилых людей направилось не только против воеводы, но и против торговых людей, пользовавшихся его покровительством: они «его и торговых людей хотят побивать досмерти, а животы и товары грабити и хотят бежать неведомо куда». 9 мая Мамрук Косицын, «исторговався», вернулся из Тюлькиной земли и по приказу воеводы стал носить мягкую рухлядь на воеводский двор. Служилые люди во главе с Василием Алексеевым выломали замок и цепь у острога и пошли на приступ воеводского двора, стреляли из пищалей и из луков по окнам, «мало из лука не убили воеводу, двери у сеней пищальными дулами сломали и окна и стены из пищалей насквозь испробили». Воевода едва отсиделся с торговыми и промышленными людьми. Было убито несколько человек, в том числе торговые люди Якушка Михин и Федоска Курсин. Служилые люди представляли дело иначе: будто они явились к Андрею Ошанину, у которого «в ту пору пир был на торговых людей», с заявлением, что Мамрук Косицын, «приехав из Тюлькиной земли с мягкой рухлядью, того товару на гостин двор и в лавки не носит, а носит к тебе на двор»; Ошанин будто бы сам первый напал на служилых людей, «и с той поры сносили на его Андреев двор его Андреев товар, мягкую рухлядь» (РГАДА, Сиб. прик., стб. 12, лл. 18 и сл., и портф. Миллера, № 478, II, грам. № 12). Для сыска по этому делу был отправлен тобольский сын боярский Богдан Аршинский (РГАДА, Сиб. прик., стб. 12, лл. 465, 496), установивший не только «воровство» атамана Василия Алексеева, но и «многие обиды и насильства» воеводы Андрея Ошанина (РГАДА, Сиб. прик., стб. 12, лл. 36–79; ср.: *Оглоблин.* Женский вопрос в Сибири, с. 203–204). *Б.*

О событиях, упоминаемых Миллером в этом параграфе, см. также отписку тобольского воеводы Андрея Хованского енисейскому воеводе Андрею Ошанину (РГАДА, портф. Миллера, № 482, II, д. 5, лл. 14об.–15. См.: Актовые источники по истории России и Сибири. Т. 2, с. 71). *Бат.*

§ 8. О постройке Рыбенского острожка на р. Верхней Тунгуске, на месте, где были разбиты атаманом Максимом Перфирьевым тунгусы, см. отписку 7138 (1630) г. в РГАДА (Сиб. прик., стб. 12, л. 484). *А.*

§ 10. «Именная роспись», упоминаемая в приложении № 10, сохранилась в РГАДА, Сиб. прик., стб. 12, лл. 472–484 (ср.: *Оглоблин.* Обозрение, III, с. 239); она была приложена к отписке о необходимости увеличить число енисейских служилых людей до 300 человек ввиду многочисленности и тягости их служб (Сиб. прик., стб. 12, л. 467), ответом на которую явилась грамота (прилож. № 10). К отписке была приложена «Роспись имянная рекам и новым землицам и князцом», с которых можно собирать ясак, но куда «за скудостью служилых людей послать неково» (Сиб. прик., стб. 12, лл. 475–483); в этой росписи указаны народы, жившие по Енисею («конные люди: аринцы и качинцы и тубинцы»), по Верхней Тунгуске и ее притокам (Тасеевой, Каменке, Иркинеевой, Уде и др.) и по Лене («имяна землицам, которые живут по Лене реке, конны и оленны: первая землица Наляги, другая землица Шаляги, третья землица Сычюги», всего 14 землиц; «да на Лену же реку есть конная дорога от Оки реки, езды два дни конем. а Ока река впала в Тунгуску»). Вопрос об увеличении числа служилых людей поднимался енисейскими воеводами неоднократно; так, об этом они писали в 7136 г., причем на отписке сохранилась помета: «...государь слушал и указал: писать в наказ томским воеводам, которых ныне и указал

государь послати в другой сибирский разряд, а Енисейскому острогу по росписи быти к Томскому разряду, а велеть того рассмотреть накрепко: надобны ль, смотря по тамошнему делу, в Енисейском прибыльные служилые люди» (Сиб. прик., стб. 12, л. 229). *А*.

Упоминаемые выше «Роспись имянная рекам и новым землицам и князцом, с которых государев ясак збираетца в Енисейский острог, которые реки прилегли к Енисейскому острогу и с которую сторону впала которая река в Тунгуску реку» и роспись «Имяна землицам, которые живут по Лене реке, конны и оленны» напечатаны в статье Н.Н.Степанова, «Заметки по исторической географии и этнографии Сибири», с. 298, 299 и 301. *С*.

§ 14. В 1626 г. енисейским стрелецким пятидесятником Терентием Савиным было сообщено, что в Аплинской и Шаманской землицах на реке Тунгуске есть серебро, которое «идет из горы, а у той горы живет князец Окунь», до которого ходу из Енисейска «водяным путем» больше году. Вследствие этого в 7135–7136 (1627–1628) гг. была отправлена из Москвы экспедиция стольника Якова Игнатьевича Хрипунова, бывшего енисейского воеводы, с «плавильщиком и серебряным мастером» Иваном Репой (РГАДА, Сиб. прик., стб. 12, лл. 177–201, 253, 255, 458; стб. 16, лл. 98, 256). Обозрение особого дела Сибирского приказа 7135–7138 (1627–1630) гг. о серебряной экспедиции Я.И.Хрипунова см.: РГАДА, Сиб. прик., стб. 18, лл. 1–293; *Оглоблин*. Обозрение, III, с. 347–350; *Новомбергский*. Слово и дело государевы; *Окладников*. Очерки из истории западных бурят-монголов, с. 44–49. *А*.

§ 19. Миллер прав, что «Ангара» — бурятское название. В бурятском и монгольском языках «ангар», «ангарка» — ущелье, трещина, расщелина в скалистых горах, теснина. См.: *Э.* и *В. Мурзаевы*. Словарь местных географических терминов, с. 26. *В*.

§ 26. Об убийстве Дунайки Васильева имеется краткое известие в отписке енисейского воеводы Андрея Племянникова от 1634–1635 гг. (РГАДА, Сиб. прик., стб. 53–54, лл. 15–16). Его предшественнику воеводе Кондыреву писали из Братского острожка десятник Бажен Поленов и Фомка Ковригин с товарищами, «что-де братские князцы Баракай, да Кодогон, да Торгоурда, да Уныггидей тебе, государю, учинились непослушны, ясаку с себя давать не хотят; да братцкой же князец Баракай велел братцким людем твоих государевых людей побивать и тунгусских людей, которые живут блиско братцких улусов, и тех-де тунгусских людей взяли к себе в улусы и ясаку им с себя тебе, государю, давати не велели, а емлют с них ясак братцкие люди на себя и тунгусским людем твоих государевых людей велят побивать» (РГАДА, Сиб. прик., стб. 53–54, лл. 15–16). В 1633–1634 гг. самому Племянникову писал из Братского острога пятидесятник Васька Черемнин о посылке им служилых людей к названным братским князцам для ясачного сбору, о том, что они ясака не дали, держали их у себя две недели и «насильство им всякое чинили и хотели их побить». Воевода послал в Братский острог в перемену Черемнину Дунайку Васильева с 60 служилыми людьми. «Братские князцы с своими улусными людьми учинились непослушны, ясаку не дали» и «Дунайка Васильева с товарищи 52 человека побили и пищали, и зелье, и свинец поимали» (РГАДА, Сиб. прик., стб. 53–54, лл. 16–17). Тогда же Братский острожек «сожжен до основания» (РГАДА, Сиб. прик., стб. 53–54, лл. 18–19). Некоторые детали см.: *Окладников*. Очерки из истории западных бурят-монголов, с. 69–75. *Б*.

§ 27. Подробное описание похода Николая Радуковского в Бурятскую землю в августе 1635 г. см.: РГАДА, Сиб. прик., стб. 53–54, лл. 17 и сл. *Б*.

§ 29. Обрисованный Миллером процесс присоединения Бурятии к России, когда основное внимание он уделяет борьбе бурят и русских, несколько односторонен. Присоединение Бурятии, как и Сибири в целом, было сложным и длительным процессом, в котором наряду с вооруженными действиями имели место и дипломатические контакты представителей сторон, в том числе отражавшие стремление части бурятских предводителей к установлению дружественных отношений с Россией, к развитию торговли и пр. Так, в 1626 г. отрядом подьячего Максима Перфирьева было доставлено донесение, что «ждут брацкие люди к себе твоих государевых служилых людей, а хотят тебе, великому государю, брацкие люди поклониться и ясак платить и с служилыми людьми торговати» (Сборник документов по истории Бурятии, с. 14–15). Развитие мирных контактов наряду с вооруженной борьбой подтверждается рядом документов. Последний по времени и в целом верный анализ процесса присоединения Бурятии к России дан в работе Д.Д.Нимаева (*Нимаев.* Буряты, с. 124–137). См. также: *Окладников.* Очерки из истории западных бурят-монголов; *Токарев.* Расселение бурятских племен; *Залкинд.* Присоединение Бурятии к России; *Александров.* Русское население Сибири. *В.*

§ 32. О путях с Енисея на Лену в первой половине XVII в. см.: *Бахрушин.* Очерки по истории колонизации Сибири, с. 123–128; *он же.* Научные труды. Т. 3. Ч. 1, с. 121–125. *С.*

§ 37. Межродовые войны тунгусов были часты и в других районах их расселения в XVII в. К каким результатам приводили эти межродовые войны, показывает одна из записей в якутской ясачной книге. В ней отмечено, что в Чаринское зимовье платили ясак 38 тунгусов, в том числе 4 человека, переведенные из Тугирского зимовья, «для того что… тех 4 человек ясачных тунгусов товарищи ясачные тунгусы все без остатку побиты от тунгусов же, которые тунгусы приходили на них, ясачных тунгусов, войною с реки Нюгжи» (РГАДА, Сиб. прик., кн. 346, л. 643). О межродовых столкновениях тунгусов в XVII в. см. также: Колониальная политика Московского государства в Якутии, с. 4, 20, 149. Фольклорные материалы об этом см.: *Рычков.* Енисейские тунгусы; *Василевич.* Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору; *Анисимов.* Родовое общество эвенков (тунгусов). Документальные материалы см.: *Степанов.* Социальный строй тунгусов в XVII в.; *он же.* Тунгусы в XVII в. *С.*

См. также: *Андреев.* Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 2, с. 9, 286–310; *Туголуков.* Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири; *Сирина.* Катангские эвенки. *В.*

Шиляги (шаляги, шелеги, шилягиры) — одна из наиболее крупных родоплеменных групп тунгусов, кочевавшая между Нижней Тунгуской и Леной. Мучуги (мучугиры) — тунгусское племя, жившее на Лене выше шилягов (*Долгих.* Племена Средней Сибири в XVII в.). *Т.*

В отписке в Москву енисейского воеводы Семена Шаховского в конце 20-х годов XVII в. встречаем такой текст о шилягах и мучугах: «...а на Лене реке и по сторонним рекам, которые впали в Лену реку, живут тунгусские, и наленские, и сычегурские, и брацкие многие люди, а люди... все сидячие, а внизу на Лене реке шиляги и мучюги, а те-де... мучюги и шиляги многие ж люди и тебе, государю, непослушны, а тем-де... всем землицам тунгусским, и наленским, и сычегурским людем они сильны, и их-де, приходя, громят по вся годы… в те-де... мучюги скотные люди, а живут по край Лены реки» (РГАДА, Сиб. прик., стб. 245, л. 116; ПФА РАН, ф. 21, оп. 4,

д. 22, лл. 97–98). А.П.Окладников на основании этого документа пришел к выводу о существовании тунгусов-скотоводов в Северном Прибайкалье по Лене (*Окладников.* Очерки по истории западных бурят-монголов, с. 257). Между тем при сопоставлении со всеми другими данными о мучугах данные об их скотоводстве в отписке Шаховского оказываются ошибочными. Мучуги были оленеводы, кочевавшие в основном по Нижней Тунгуске, летом прикочевывавшие на Лену «для рыбы и зверя» и громившие здесь местных тунгусов (Колониальная политика Московского государства в Якутии, с. 104, 105; ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, лл. 106–107). *С.*

О тунгусах-скотоводах см. также: *Туголуков.* Конные тунгусы; *Уварова.* Структура социальной организации и этнокультурная специфика нерчинских тунгусов. *В.*

§ 39–40. Приведенные здесь Миллером сведения о первом походе атамана Галкина на Лену в 1631 г. неполны. Этот поход отнюдь не закончился постройкой острожка при устье реки Куты. Галкин со своим отрядом спустился по Лене до Якутской земли, взял первый ясак с нескольких якутских князцов, по их указаниям двинулся дальше до устья Алдана и поднялся вверх по Алдану на четыре недели пути. Галкин впервые столкнулся во время этого похода с якутским тойоном, главой кангаласцев Тыгыном (см. примеч. к § 17 гл. XII). Об этом походе Галкина см. его челобитную (РГАДА, Сиб. прик., стб. 31, лл. 384–388) и ясачную книгу 140 г. (Енисейского у.) (РГАДА, Сиб. прик., кн. 34, лл. 560–563).

Происхождение слова «якуты» («якольцы», «Якольской земли») от тунгусского «яко» («еко») указано Миллером правильно. Сама форма «якольцы», «Якольская земля» (встречающаяся в ранних текстах) объясняется, по-видимому, из тунгусской формы мн. ч. «jeko-l», а установившаяся в настоящее время форма «якут», «Якутская земля» и пр. — из тунгусской формы прилагательного «jeko-di» («якутский»). Неясным остается до сих пор вопрос о взаимной связи этого тунгусского имени якутов с их самоназванием «саха». *Т.*

В ранних (1630 г.) отписках енисейских служилых людей встречается наименование ясачных по Лене — «якольские люди», а земли их — «Якольск». Впервые термин «Якуцкая земля», «якуцкие люди» встретился в отписке 1634 г. не ранее января 4 Ивана Галкина, который в более ранней отписке 1633 г. не ранее ноября... употребляет еще старую терминологию; впрочем, в отписке 1634 г. наряду с названием «якуцкие» встречаем и прежнее — «якольские» люди. *А.*

О якутской этнонимии см. также: *Сидоров.* Этноним саха; *Ермолаев.* Еще раз об этнонимах йако и саха. *Бат.*

§ 43. «Лама» — по-тунгусски «море». Так назывались Ледовитый океан (Доп. к АИ, II, № 86), Байкал и Охотское море. Отсюда название «ламуты», или «ламутки», присвоенное племенами тунгусов, обитающими на побережье Охотского моря (см. примеч. к § 24 гл. 12). *Б.*

§ 44. О походе енисейского сотника Петра Бекетова в Якутскую землю в 7139–7141 гг. см. его послужной список (РГАДА, Сиб. прик., стб. 368, лл. 181–182); в списке даются подневные записи всех обстоятельств похода; о ясаке, собранном Бекетовым на Лене в 7140 г., см. ясачную книгу этого же года (РГАДА, Сиб. прик., кн. 48, лл. 214 и сл.; кн. 40, лл. 119 и сл.). *А.*

§ 45. Миллер преувеличивает «дикость» якутов XVII в. Подлинные документы XVII в. показывают, что якуты накануне прихода русских находились на сравнительно высокой ступени культуры. У них было хорошо развито скотоводческое хо-

зяйство; им были известны сенокошение и заготовка фуража на зиму; было распространено изготовление из молока масла. Кузнечное ремесло было настолько развито, что якутское оружие имело спрос у русских. О высоком состоянии материальной культуры у якутов свидетельствует и то, что русские заимствовали у них некоторые виды одежды, приспособленные к условиям Севера, и элементы архитектуры (*Бахрушин.* Исторические судьбы Якутии, с. 286–293). *С.*

§ 48. Здесь Миллер вновь ссылается на «Экстракт из ясачных книг города Мангазеи 7115–7152 гг.» (ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 21, лл. 13–72об.) тот же «Экстракт» был уже использован Миллером в гл. 6, § 43, 47, 48 («История Сибири». Т. II, с. 27–29 и 650–651). В примеч. к § 43 гл. 6 было указано, что «Экстракт из ясачных книг города Мангазеи 7115–7152 гг.» был составлен на основании хранившихся тогда (в июне–июле 1739 г., когда Миллер работал в Мангазейском архиве в Туруханске) ясачных книг Мангазейского уезда. Самой ранней из них была ясачная книга 7115 (1606–1607) г.; кроме нее были также ясачные книги 7118, 7122, 7123, 7126, 7128, 7132, 7137, 7140–7142, 7144, 7145, 7148, 7151, 7152 гг. Как известно, в фонде Сибирского приказа РГАДА ясачные книги Мангазейского уезда имеются только с 7134 (1626) г. (*Оглоблин.* Обозрение, I, с. 325; здесь упомянуты книги 7134–7138, 7140–7152 гг.). *А.*

§ 50. О походе Пенды см.: *Окладников.* Пенда — забытый русский землепроходец; История Якутской АССР. Т. II, с. 27–28. В статье А.П.Окладникова (с. 97–98) напечатан текст § 50. *С.*

О промышленнике — землепроходце Пантелее Демидовиче Пянде см. также: *Полевой.* Новое о Пянде. *Бат.*

§ 51. В 733 г. с верховьев Нижней Тунгуски, «из новой Шилягинской земли», казаки — тобольский Ивашко Куимов и березовский Нечайко Яковлев — привели в Туруханское зимовье двух шилягинских людей в качестве аманатов; здесь они получили подводы и сторожей для следования далее в Мангазею, но на дороге аманатчики у тех казаков «ушли безвестно на лес». Казаки, прибывшие без аманатов в Мангазею, были отправлены оттуда в Москву, где они на допросе сообщили, «как они привели под царскую руку новых шилягинских людей и ясак с тех людей взяли, а взяв ясак, взяли у тех людей в заклад дву человек закладчиков: Долножая да Докуная, и ехали они от тех шилягиров с собольми и с теми закладчики на низ Нижнею Тунгускою до Туруханского зимовья 4 недели»; здесь они получили от «приказных людей» — литвина Юрия Воеводского и казака Василия Кокоулина — судно, гребцов и сторожей, и поехали далее «рекою Туруханью вверх, и ехали тою рекою ден с семь, и как приехали на усть речки Волочанки, и учали на берегу, в зимовье, есть варить, и те закладчики остались на судне, туруханских сторожей за сторожею; и у тех сторожей с судна ушли в леса...»; грамотой 1626 г. приказано тобольским воеводам произвести строгое расследование этого дела и выяснить: «тех закладчиков отпустили казаки или сторожи, и хитростью ль тех закладчиков отпустили, взяв у тех закладчиков откуп»; в случае отпуска «хитростью» виноватых «бить кнутом нещадно»; если же закладчики ушли «не по отпуску», казаков и сторожей все-таки «бить батоги» (РГАДА, Сиб. прик., кн. 6, лл. 579–583об.). *А.*

§ 52. В «Сибирской истории» Фишера (с. 10) напечатано вместо 28 каюков и 44 каюка 28 «казаков» и 44 «казака». Эта описка или опечатка, вызванная небрежностью, затем повторялась в сочинениях, черпавших свои сведения из книги Фишера (*Бахрушин.* Мангазейская мирская община, с. 53). *Б.*

Упоминаемая здесь Миллером «отписка» 7134 (1626) г. была отправлена из Туруханска в Мангазею приказным человеком Иваном Патрекеевым (РГАДА, портф. Миллера, № 482, II, д. 11, л. 130–130об. См.: Актовые источники по истории России и Сибири. Т. 2, с. 160). *Бат.*

§ 53. Наказ 18 января 7135 (1627) г., о котором пишет Миллер, см. в РГАДА, портф. Миллера, № 482, II, д. 11, лл. 101об.–106об. (Актовые источники по истории России и Сибири. Т. 2, с. 159). *Бат.*

§ 54. Поход сына боярского Самсона Навацкого состоялся при следующих обстоятельствах. В 1627 г. была, как сказано в тексте, снаряжена из Тобольска экспедиция под начальством Михаила Байкашина «для посылки в Нижнюю Тунгуску реку для обереганья торговых и промышленных людей, где их иноземцы учали побивать». Байкашин потерпел кораблекрушение и вернулся в Тобольск с 14 людьми. На следующий, 1628 г. был отправлен через Енисейский острог Самсон Навацкий с 14 служилыми людьми, вернувшимися «с морского разбою». Сборным пунктом было назначено Туруханское зимовье, где, очевидно, Навацкого должна была ожидать та часть отряда Байкашина, которая благополучно доехала в предыдущем году до Мангазеи. Всего под его начальством было 25 тобольских служилых людей, и 25 березовских, и 40 человек кодских остяков, всего 90 человек; кроме того, из Мангазеи к нему были присоединены служилые люди местного гарнизона. Экспедиционный корпус должен был «в Нижней Тунгуске реке промышленных людей от иноземцев оберегати и тех иноземцев приводити под государеву царскую высокую руку и смиряти всяким ратным обычаем, смотря по тамошнему делу». Экспедиция Самсона Навацкого открыла путь на Лену. От шамагирского аманата он узнал, что «на великой реке Лене от их Шамагирской землицы неподалеку иные многие немирные землицы, называетца киндакиреи и варакаи, а кочуют-де чумами, да на Лене же реке живут юртами якутцкие люди». Навацкий в 1629 или 1630 г. отпустил с Нижней Тунгуски на Чону-реку и на Вилюй по их челобитью 30 человек тобольских, березовских и мангазейских служилых людей под начальством Антона Добрынского и березовского казака Мартына Васильева, которые прошли на Вилюй и открыли «новые земли: людей синягирей, нанагирей, долганов, холопью орду», «а выше-де тое Якутцкие орды по великой реке Лене нашли они Шамагирскую кочевую землицу». Всего с этих народов был собран ясак в количестве 5 сороков 30 соболей, 4 бобров и 1 кошлока; у шамагиров взято было 2 аманата. Мартын Васильев доставил ясак и аманатов на «Енисейской волок» (между Мангазеей и Туруханском) и сдал мангазейскому воеводе Андрею Палицыну, но половина отряда (15 человек) с Антоном Добрынским осталась в «Якутской орде» для того, чтобы взять с якутов аманатов и ясак на 1630–1631 год и «утвердить бы их под государевою высокою рукою». В начале ноября 1630 г. отряд подвергся нападению якутов: «...якутские орды, конные люди тайши Нарыкан, Буруна, Кореней, Бойдон, Ногуй... собрався с своими улусы со многими людьми, к острожку приступали жестокими приступы; и сидели-де они от тех людей в осаде в 139-м году ноября с 9 числа мая по 9 число, голод и всякую многую нужду терпели, а под острожком тех государевых непослушников многих побили, а иных переранили; и от того-де бою те иноземцы пометали своих побитых людей в платье и в куяках, и лошади, и ружье, луки и стрелы, отошли прочь». Антон Добрынский вернулся в Тобольск летом 1632 г. и подал «доездную грамоту» 12 июня (РГАДА, Сиб. прик., стб. 16, л. 215; стб. 25, лл. 10, 151, 230; стб. 67, passim). Много упомина-

ний об экспедиции Навацкого и Добрынского в Мангазейском сыскном деле, о котором см. статью С.В.Бахрушина «Андрей Федорович Палицын».

Открытия Самсона Навацкого и Антона Добрынского легли в основание записки о путях на Лену и о способах покорения приленских народов, представленной в Казанский дворец А.Ф.Палицыным (РИБ, II, № 31; РГАДА, Приказные дела старых лет, 1632, № 46, лл. 43–44). *Б.*

§ 57. Отписку Степана Корытова мангазейским воеводам, о которой упоминает Миллер, см. в РГАДА, портф. Миллера, № 482, II, д. 11, л. 147 (Актовые источники по истории России и Сибири. Т. 2, с. 161). *Бат.*

К главе двенадцатой

§ 2. Ижиганы — искаженное казаками тунгусское родовое имя «Эджен». В документах XVII в. оно имеет ряд вариантов — Ыжиганы, Ижиганы, Жиганы, Эжяны, Эжиганский, Ажиганский, Аджанский, Адянский (ср. у Рычкова — адьяны: *Рычков.* Енисейские тунгусы, с. 3), Ажганский, Ачганский, Азянский и т.д. Имя это встречается среди тунгусских родов в XVII в. не только в низовьях Лены, но и на Оленеке, Алдане, Мае и Охотском побережье, причем на Охотском побережье род с этим именем имеется как у «оленных», так и у «пеших» тунгусов. Встречается это родовое имя и на Амуре («Жиганские люди» — ДАИ, т. XII, № 8).

Территория по нижнему течению Лены отсюда часто называется в документах XVII в. «Жиганской (Ижиганской) землицей». В росписи «землицам» Енисейского острога 7138 г. значится также «первая-на-десять землица — Ожаны» (РГАДА, Сиб. прик., стб. 12, л. 498). Объяснение Миллера относительно русского происхождения названия «долганы» не может быть принято. «Долган» — самоназвание тунгусского рода. В XVII в. это родовое название встречается в двух районах — в районе Лены, на территории от Вилюя до Алдана, и на Охотском побережье, «на Тоуйском хребте, вверх Мотыхлея реки на вершине» (ДАИ, т. IV, № 11). На Охотском побережье род с этим названием был как у «оленных», так и у «пеших» тунгусов. В конце XVII в. «долганский род» встречается, наконец, и на Оленеке, куда, видимо, перекочевала часть ленских долганов. *С.*

По данным Б.О.Долгих, более точное название рода «Инжиганский»: «Эдигэнский» (*Долгих.* Родовой и племенной состав, с. 446, примеч. 327). К началу XX в. на основе эвенкийского субстрата (родовые группы: Долган, Донгот, Эдян, Каранто) сложился самостоятельный этнос — долганы. Современный язык — тюркский, близкий к якутскому. Самоназвание — долган, тыа-кихи, саха. См.: *Долгих.* Происхождение долган; *Андерсон.* Тундровики. *В.*

В § 2, 6, 11, 22, 27, 30, 32, 60 Миллер ссылается на свои «Заметки» («Annotata»), которые он делал во время работы в Енисейском, Якутском и других сибирских архивах; эти «Заметки» хранятся теперь в РГАДА (портф. Миллера, № 507, II, лл. 1–358). *А.*

§ 11. Мнение о том, что якуты появились на Вилюе и на Олекме лишь после русского завоевания, разделяли многие исследователи (см., например: *Берг.* История географического ознакомления с Якутским краем, с. 4; *Майнов.* Население Якутии,

с. 324–327, 334–336 и др.). Однако оно, по-видимому, ошибочно. Из сообщений сына боярского Воина Шахова, первым начавшего систематически собирать ясак на Вилюе, видно, что он застал там якутские «роды»: урготов (орготов), онтулов, кыргыдайцев, кукуев, кирикийцев, осекуйцев; все они принадлежали к числу «пеших якутов»; где именно был расселен каждый из этих «родов», установить с точностью не удается, но ясак они платили в зимовье, построенном Шаховым при устье реки Вакуты, или Варки (Мархи?), и там сидели их аманаты. Впрочем, позже (с 1640-х годов) орготы, так же как и «конные якуты тагусы», известны были ближе к устью Вилюя, на оз. Токсоме. Кокуйцы во второй половине XVII в. тоже жили около устья Вилюя. Кроме перечисленных якутских групп в документах XVII в. упоминаются также Лучинская и Ланская якутские «волости» на Вилюе (ЛОИИ, Якутские акты, кор. 188, № 2, лл. 48–51; кор. 219, № 2, л. 1; РГАДА, Сиб. прик., кн. 145, лл. 183–196 и др.). О якутских племенах реки Вилюя см. также: *Николаев.* Основные этапы этнической истории вилюйских якутов).

Что касается низовьев Олекмы, то сообщения о наличии здесь якутского населения относятся к сравнительно позднему времени (1640-е годы), что, казалось бы, оправдывает мнение о приходе сюда якутов из других мест. Но в этих сообщениях говорится о якутах особого племени — о меитцах (Меитская волость), которые ни в районе Якутского острога, ни на Вилюе не упоминаются и которые, очевидно, составляли коренное население района нынешнего Олекминска. Возможно также, что именно к олекминским якутам следует отнести неясное упоминание Ивана Галкина в его первой ясачной книге 1631 г. о «первых улусах Якольской землицы» (РГАДА, Сиб. прик., кн. 34, л. 561об.).

Все это, однако, не мешало тому, что после разгрома первых якутских восстаний в бассейнах Вилюя, Олекмы и других рек появились, как правильно пишет Миллер, многочисленные выходцы из коренных якутских улусов. *Т.*

О расселении, численности и родовом составе якутов в первой половине XVII в. см. также: *Долгих.* Этнографический состав населения Якутского уезда; *он же.* Родовой и племенной состав народов Сибири, с. 352–541 и др.; *Парникова.* О расселении якутов; *она же.* Расселение якутов. *Бат.*

§ 17. Слова Миллера о господстве кангаласских князцов «над всеми якутами» основаны на той, несколько преувеличенной оценке, какую дал атаман Галкин в одной из своих отписок (1634 г.) их могуществу. Однако нельзя отрицать, что кангаласские тойоны с большим успехом, чем предводители других якутских племен, стремились к расширению своей власти и влияния за пределы собственного племени. Об этом говорят и некоторые сообщения документов XVII в., и позднейшие фольклорные данные. «Тынья», упоминаемый в тексте, — это не кто иной, как Тыгын, знаменитый герой многочисленных якутских легенд (*Худяков.* Верхоянский сборник, с. 47–50; *Пекарский.* Предания о том, откуда произошли якуты; *Носов.* Предки якутов по преданиям потомков, с. 33–35 и др.). В литературе не раз высказывалось мнение (*Серошевский.* Якуты, 1896, с. 467; *Попов.* Очерки по истории Якутии, с. 20; *Ксенофонтов.* Ураангхай-сахалар, с. 19, 46–47, 139–141), что Тыгын представляет собой чисто легендарную фигуру или, точнее, что это есть лишь персонифицированный титул древнеякутских князей — «тыгынов». Однако историческое существование кангаласского князя Тыгына устанавливается документами с несомненностью. О нем упоминает тот же Галкин, описывая свой поход на Лену в 1631 г. (см. примеч.

к § 39–40 гл. 11); но этот год, вероятно, был и годом смерти Тыгына, ибо в последующих известиях, начиная с 1632 г., встречаются имена уже не самого Тыгына, а его сыновей: Откурая, Бозеко, Челая и др. (РГАДА, Сиб. прик., стб. 368, л. 21; кн. 40, л. 124; кн. 71, л. 60 и пр.). Что касается князца Еюка, то он был, по-видимому, родным племянником Тыгына; дело в том, что Еюк был сыном князца Ники, а этот Ника, в свою очередь, был сыном некоего Мулзяка (Милзяка, Мулжака) (РГАДА, Сиб. прик., кн. 145, лл. 88–89 и др.); имя же отца Тыгына было, по одному современному известию, Мындак (РГАДА, Сиб. прик., стб. 899, л. 198), по легенде, записанной в 1740-х годах Я.И.Линденау, — Мунджан (РГАДА, портф. Миллера, № 511, II, тетр. 3, лл. 7, 9), а по позднейшим фольклорным материалам — Мунньан-Дархан (*Ксенофонтов*. Ураангхай-сахалар, с. 21). Очевидно, во всех этих известиях речь идет об одном и том же лице. *Т.*

Якутские исторические предания о Тыгыне опубликованы Г.У.Эргисом (см.: Исторические предания и рассказы якутов). Материалы Я.И.Линденау, на которые ссылается здесь С.А.Токарев, переведены и опубликованы З.Д.Титовой (см.: *Линденау*. Описание народов Сибири, с. 17–45). *Бат.*

§ 22. О походе на Вилюй Воина Шахова, о «разладе» между ним и мангазейскими служилыми людьми см. также отписку мангазейского воеводы Бориса Пушкина тобольскому воеводе Михаилу Темкину-Ростовскому (РГАДА, портф. Миллера, № 482, II, д. 11, лл. 185об.–190. См.: Актовые источники по истории России и Сибири. Т. 2, с. 162). *Бат.*

§ 24. Объяснение, которое дает Миллер происхождению слова «ламут», является правильным и общепринятым в настоящее время (*Василевич*. Эвенкийско-русский словарь, 1940, с. XIV, 123). Значение слова «лама» было известно еще в XVII в. Так, в 1639 г. Дм.Копылов послал из Бутальского острога служилых людей и казаков на Охотское море — «на большое море окиян, по тунгусскому языку на ламу» (ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 30, л. 61). «Ламой» тунгусы называли и Байкал (Колониальная политика Московского государства, с. 9, 49), отсюда и название его в актах XVII в. — «Лама» и «Лама-озеро» (Колониальная политика Московского государства, с. 232), а также и большие озера (об озерах на территории бассейна реки Индигирки говорится: «...да тут же озеро Лама, а по тому-де озеру живут тунгусы ламутки» (ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 31, л. 241). Отсюда и терминология — «Ламский хребет» у Байкала (Колониальная политика Московского государства, с. 9), «Ламский волок» — волок между речной системой Лены и реками, впадающими в Охотское море (ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 30, л. 207об.) и т.д. Отсюда и термин «ламуты» в актах XVII в., обозначающий тунгусов на территории близ Ламы. Неверным является общераспространенное представление, что в актах XVII в. «ламутами» назывались только тунгусы, жившие по Индигирке и Колыме (*Золотарев*. Новые данные о тунгусах и ламутах, с. 84). «Ламскими» назывались байкальские тунгусы (ЛОИИ, Якутские акты, карт. 189, ст. 1, с. 28) и охотские тунгусы (ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 30, лл. 79, 297об.; д. 33, лл. 155, 254об.; д. 31, л. 353). Крашенинников также писал об оленных и пеших ламутках на Охотском побережье в 30-х годах XVIII в. (ПФА РАН, ф. 21, оп. 13, д. 11, л. 151). Индигирские и колымские тунгусы, тесно связанные с охотскими и кочевавшие на территории между побережьем Охотского моря и бассейнами Индигирки и Колымы, также назывались «ламутами» (родовые названия индигирских и колымских тунгусов и охотских тунгусов одни и те же). Бес-

спорно, что термин «ламут» в XVII и начале XVIII в. еще не имел этнического значения, какое он получил позже. *С.*

О юкагирах см.: *Гурвич.* Этническая история; *Туголуков.* Кто вы, юкагиры?; Юкагиры. *Бат.*

§ 25. В примечании к этому параграфу Миллер высказывает предположение, что слово «безмен» происходит от татарского — «батман». До настоящего времени у лингвистов нет общего мнения об этимологии слова «безмен». Существуют гипотезы об исконно славянском, арабском, французском, чувашском происхождении этого слова. Некоторые из лингвистов разделяют точку зрения Миллера. По мнению М.Фасмера, «старая попытка связать безмен с батман... затруднительна в фонетическом отношении» (*Фасмер.* Этимологический словарь, с. 145). *Бат.*

§ 26. О реке Камнуне см. примеч. к § 38–39 этой главы. *Т.*

Догадка Миллера о каталинских тунгусах является вполне справедливой. Термин «каталинские тунгусы» в других источниках XVII в. нигде больше не встречается, и несомненно, что это те же буталинские, бутальские тунгусы. *С.*

§ 28–29. Хронология и подробности якутского восстания 1636–1637 гг., излагаемые Миллером, несколько неточны, они до сих пор остаются во многом неясными. Можно считать установленными следующие моменты: восстание началось до прибытия в Якутский острог атамана Галкина, по-видимому летом 1636 г. Начали его бетунцы во главе с князцами Камыком, Улта и Орту, истребившие отряд Трофима Выродова. В то же время несколько нижнеалданских родов во главе с князцами Ногуем и Тусергой (может быть, часть батулинцев и баксинцев) откочевали на восток, на Татту и Амгу. Кангаласцы примкнули к восстанию позже: в первой отписке Галкина, полученной в Енисейске 6 сентября 1636 г., об их участии в «измене» не упоминается. Однако до конца лета кангаласцы тоже восстали: они напали на отряд Парфена Ходырева, когда он еще до замерзания Лены двигался обратно в Енисейск. Борьба с кангаласцами приняла, по-видимому, очень затяжной характер. Поход Ивана Галкина против них имел место уже зимой: известно, что Галкину пришлось штурмовать ледяные укрепления якутов. Возможно даже, что этот поход, окончившийся разгромом кангаласцев, приходится на зиму не 7145 (1636/37) г., а 7146 (1637/38) г.; дело в том, что побежденные кангаласские князцы, покорившись, заплатили ясак только за 7146 г., о чем говорится в отписке Галкина и что подтверждается ясачной книгой 7146 г.; в этой последней запись о взносе ясака кангаласскими князцами находится, кстати, далеко от начала книги, после большинства других записей (РГАДА, Сиб. прик., кн. 127, л. 27), из чего можно заключить, что ясак был ими внесен не в начале года.

Неясно, кто был князец Логуй, на которого напали кангаласцы, подступившие к острогу. Это мог быть известный борогонский тойон Логуй (Лёгёй) Амыкаев, по якутскому преданию, соперник и враг кангаласского Тыгына. Но о борогонцах в русских документах до 1637–1638 гг. вообще нет упоминаний, и едва ли они жили в окрестностях старого Якутского острога; к тому же из текста отписки Галкина можно заключить, что сам Логуй был при этом столкновении убит; упомянутый же борогонский тойон жил после этого долгое время (до 1660-х годов). Вероятнее, что имеется в виду бетунский князец Логуй Ситаков, упоминаемый в ясачной книге Галкина 7143 г. (РГАДА, Сиб. прик., кн. 71, л. 59), а в позднейших ясачных записях и в других документах уже не фигурирующий. Это предположение согласуется и с географическими данными о расселении бетунцев недалеко от тогдашнего Якутского острога.

Слова Миллера, что кангаласцы и их союзники «жили» в острогах, неточны. Судя по целому ряду известий, якутские тойоны имели обыкновение строить укрепления («острожки») лишь во время войны. Еще при первом походе Петра Бекетова в Якутскую землю ему пришлось иметь дело с такими укреплениями: разбитые Бекетовым дубсунцы «изо многих улусов Дубсунской волости збежалися в один улус, и поделали острожки, и сели в острожках»; служилым людям с трудом удалось взять приступом только один из этих острожков, а другие они «взять не могли» и сожгли со всеми их защитниками, которых было 87 человек (РГАДА, Сиб. прик., стб. 368, лл. 166–167). В 1642 г. Василий Поярков с служилыми людьми тоже с трудом, при помощи пушки, взял острог бетунского князца Камыка: «...срублен... был тот острог в две стены, промеж стен сыпана земля и башни рублены»; когда острог был взят, якуты «сели было в башню», которую казаки зажгли; в этом остроге сидело до 300 человек (РГАДА, ЯОУ, стб. 22, л. 126; Сиб. прик., стб. 133, л. 65; ДАИ, т. 3, с. 55, 56). После разгрома восстания 1642 г. другие якуты тоже, «убояся, разошлись по улусам, учали острошки ставить по улусам и сели в осаде в острошках» (РГАДА, Сиб. прик., стб. 133, л. 65); бетунец «Чимча с товарищи зделали острожек неподалеку от прежних своих юрт и живут-де теперь в острожке» (ЛОИИ, Якутские акты, кор. 186, № 1, л. 10); «а Онюка-де, и Оргузей, и Косика живут, зделали острожек листеничной у Белляковых юрт» (РГАДА, ЯОУ, стб. 36, л. 20). Подобные острожки служили якутским тойонам не только в оборонительных целях, но иногда и как база для набегов и наступательных операций. В 1648 г., например, батурский тойон Тага Тарханов, «скопяся воровски со многими якуты», устроил себе настоящее разбойничье гнездо — «острожек», из которого он предпринимал грабительские набеги на окружающее якутское население (РГАДА, ЯОУ, стб. 48, л. 60). Во время восстания 1642 г. якуты намеревались окружить русский острог с трех сторон своими «острожками» («хотели делать острожки сверху и снизу и третей з горы»), с тем чтобы стеснить движения русских («из острогу никуда не выпущать, ни по сено, ни по дрова») (ЛОИИ, Якутские акты, кор. 186, № 1, л. 24). Таким образом, «острожки» были у якутов временными, чисто военными сооружениями, «жили» же они обычно в простых юртах.

Что понимать под «кыштымами», о которых говорится в тексте Миллера и в упоминаемой выше отписке Галкина, трудно сказать. Слово это в применении к якутам встречается из всех известных документов XVII в. только в отписке Галкина. По-видимому, Галкин имел здесь в виду зависимые от кангаласских тойонов племена (нюрюптейцев и др.). Вообще же таких отношений «кыштымской» (даннической) зависимости, какие существовали в то время между бурятами и тунгусами, между енисейскими кыргызами и соседними охотничьими племенами, в Якутском крае не было. *Т.*

§ 30. Морской поход Ильи Перфирьева из устья Лены на Яну был в 1635 г. В походе участвовало 25 промышленных, трое тобольских служилых людей (среди них Иван Ребров) и 9 енисейских казаков. Отряд Перфирьева достиг реки Яны, вероятно, в том же, 1635 г., так как ясачные и десятинные книги Ильи Перфирьева были начаты на Яне в это время. Осенью 1635 г. отряд поднялся к верховьям Яны, и здесь было основано первое зимовье; возможно, что это зимовье было перенесено позднее вниз по реке и таким образом было положено основание Устьянску. Илья Перфирьев оставался здесь до лета 1638 г., когда отправился в обратный путь на Лену.

Летом 1637 г. состоявшие в отряде Ильи Перфирьева тобольский казак Иван Ребров и несколько промышленных людей отправились «по морю на новую сторонную на Индигирскую реку, а Собачья тож», поставили там ясачное зимовье и острожек на земле юкагирского князца Уянды; по его имени зимовье стало называться «Уяндинским, или Нижне-Индигирским». Он оставался на Индигирке три года. Летом 1641 г. Ребров вернулся на Лену (Открытия русских землепроходцов и полярных мореходов, с. 114–118; Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах, с. 229, 320, 322). *А.*

§ 31. Миллер ссылается в этом параграфе на отписку в Москву ленских воевод Петра Головина с товарищами, в которой они сообщают о приезде на Ленский волок енисейских служилых людей Посника Иванова с товарищами 25 августа 1640 г. и Прокопия Лазарева с товарищами; дата прибытия последнего в отписке не указана, но сохранилась сказка Прокопия Лазарева 1640 г. сентября 17, которую он дал там же на Ленском волоке, когда «приехал с моря, с устья Янги реки»; эта сказка изложена в упомянутой отписке. На основании этой сказки 1640 г. сентября 17 можно и отписку датировать 1640 г. не ранее сентября 1, так как в отписке 7148 год назван «прошлым». Эта отписка ленских воевод Петра Головина с товарищами была напечатана три раза и во всех трех случаях с разными датами. М.И.Белов (Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах, с. 36–40) считает датой этой отписки «1640 г. не позже августа» на том основании, что существует еще одно свидетельство Посника Иванова о его поездке на Индигирку — челобитная царю Михаилу Федоровичу, помеченная 3 августа 1640 г. (ЛОИИ, Якутские акты, кор. 4, ст. 3, с. 84–89). Белов считает, что в августе 1640 г. Посник Иванов отправился из Якутска на Яну и, следовательно, мог дать свои показания в июне 1640 г. Челобитная Посника Иванова, на которую ссылается Белов, помечена не 3 августа, а 30 августа 1640 г. (ЛОИИ, Якутские акты, кор. 4, ст. 3, сстав 84об.); а как видно из отписки ленских воевод Петра Головина с товарищами, Посник Иванов «пришел к ним на Ленский волок» «в прошлом во 148-м году августа в 25 день», т.е. 25 августа 1640 г., и, следовательно, не мог дать свои показания в июне 1640 г. *А.*

§ 31–36. Подробности о походах Елисея Бузы см.: *Оглоблин.* Восточно-сибирские полярные мореходы XVII в., с. 50–52; *Берг.* История географического ознакомления с Якутским краем, с. 6, 7; *Бахрушин.* Очерки по истории колонизации Сибири, с. 162, 163; Якутия в XVII веке, с. 50, 51; *Белов.* Арктическое мореплавание, т. 1, с. 150, 151. *Т.*

§ 36. Сведения о походах Елисея Бузы содержатся также в «скаске» (1640 г. 17 сентября) Прокопия Лазарева Козлова «о водяном ходе их из Олекминского острогу по Лене, по морю, по Оленке до Пиридды и по прочим рекам» (РГАДА, портф. Миллера, № 482, II, д. 14, л. 92–92об. См.: Актовые источники по истории России и Сибири. Т. 2, с. 193). *Бат.*

Упомянутая Миллером «парусная шняка» — рыбопромышленная лодка длиною около 8–12 м и шириной несколько больше 2 м. Имела одну мачту и прямоугольный парус. В безветренную погоду использовали три пары весел. Ее обслуживала команда, как правило, из четырех человек. Перевозили до 8 тонн груза. Ходили на парусных шняках даже в океан. *В.*

§ 38–39. Местонахождение Бутальского зимовья до сих пор остается не вполне выясненным. Одни исследователи считают, что оно находилось при устье реки Маи (*Бахрушин.* Очерки по истории колонизации Сибири, с. 163; *он же.* Исторические

судьбы Якутии, с. 2), другие помещают его гораздо ниже по Алдану, около теперешнего села Алданского (см. карту, прилож. к ст. И.И.Майнова «Население Якутии»). На карте С.Ремезова «Чертеж всех сибирских градов и земель», 1698 г., Бутальское зимовье нанесено при устье реки Тонтуры (Тонторы), т.е. даже выше впадения в Алдан реки Учура. Однако в сметных ясачных списках XVII в. Бутальское зимовье упоминается отдельно от Тонторского, причем в росписи острожков и зимовий 1675–1676 г. (ДАИ, т. 6, с. 404–408) указывается, что до Бутальского зимовья ходу вверх по Алдану четыре недели, тогда как до Тонторского — восемь недель. Далее во многих сметных списках фигурирует Бутальское зимовье и «на усть Камнуны» как одна единица (РГАДА, Сиб. прик., кн. 346), что как будто позволяет, если верно предположение Миллера (гл. 12, § 26) о тождестве реки Камнуны с рекой Ноторой, приурочить Бутальское зимовье к последней. Но этому противоречит наиболее точное из всех имеющихся по этому поводу сообщений: рассказ о постройке Бутальского зимовья (или острога), содержащийся в челобитной служилых людей, ходивших с Дмитрием Копыловым на Алдан. В ней говорится, что служилые люди под командой Копылова после сражения с тунгусами в устье реки Маи пошли отсюда вверх по Алдану «и дошли до усть Янды реки в Бутальскую землю» и там, «после нового боя с воинскими людьми» (упоминаются «якуты и тунгусы»), которые пытались не допустить постройки укрепления, разбили их, «и берег взяли, и острог поставили июля в 20 день» (1638 г.) (РГАДА, Сиб. прик., стб. 368, лл. 183–184). Быть может, река Янда — то же, что Джукдакан (окончание «кан» — «речка» по-тунгусски); тогда цитированное сообщение будет согласовываться с тем тунгусским преданием, которое приводит Миллер (§ 39) и согласно которому Бутальское зимовье стояло когда-то близ устья этой реки. *Т.*

Точку зрения С.А.Токарева о местонахождении Бутальского острожка подтверждают специальные исследования Б.П.Полевого. В одной из статей, посвященных походу И.Ю.Москвитина к берегам Тихого океана, он пишет: «В Центральном гос. архиве древних актов мне удалось найти документ (в сноске указан тот же документ, на который ссылается в примечании к этому параграфу С.А.Токарев — Сиб. прик., стб. 368, лл. 183–184. — *Бат.*), в котором указывалось, что Бутальский острожек был основан „на устье Янды реки“. Поскольку на общедоступных картах такая река отсутствовала, весной 1989 г. я попросил В.Я.Сальникова (г. Орел) — руководителя туристической группы, решившей обследовать путь И.Ю.Москвитина, попытаться на месте разыскать р. Янду. Благодаря опросу аборигенов Сальникову удалось установить, что „река Янда“ (на карте — „Джанда“) впадает в Алдан у пос. Кутана. Так, только в 1989 г. было установлено подлинное местоположение Бутальского острожка, из которого в мае 1639 г. был начат исторический поход И.Ю.Москвитина к берегам Тихого океана» (*Полевой.* Первый русский поход на Тихий океан, с. 57). *Бат.*

§ 39. «Описание сибирских народов», на которое ссылается Г.Ф.Миллер, — труд, представленный им в Академию наук в 1744 г., оставшийся не изданным при его жизни, хранившийся затем в одном из его «портфелей» (портф. 763) и переданный в Рукописный отдел Библиотеки Московского главного архива Министерства иностранных дел (ныне — РГАДА, ф. 181, рукоп. нем., № 38/763, два тома, лл. 1–186+1–85). Кроме этого труда в портфеле Миллера 509 сохранились материалы других лиц и отдельные заметки и статьи самого Миллера, которые отчасти использованы им

в «Описании сибирских народов» (описание портф. 509 см.: «История Сибири» Миллера, т. I, с. 557–558). Следует, однако, исправить данное там описание 1-й тетр. 509-го портф. на лл. 1–13: лл. 1–9. «Ландкарт Сибирской губернии Иркуцкой провинции Верхоленского дистрикта. По силе присланнаго ея императорскаго величества указу из Иркуцкой провинциальной канцелярии по требованию действительнаго тайнаго советника господина Татищева о географическом описании, и то писано в сем ландкарте ниже сего имянно»; лл. 10–13об. «Ведомость Сибирской губернии Иркуцкой провинции Верхоленского дистрикту. В Верхоленском присутствии какие имеютца народы, и кто у них шуленги и другие владельцы, и какие веры и духовных своих имеют ли, и ясаку по скольку чего платят, и чем они довольствуются, также и русских сколько какова чину людей имеется в Верхоленском остроге по переписи в подушном окладе, и по новым верстовым мерам сколько от Верхоленского острогу до которой слободы и до Иркуцка города верст, и то показано в сей ведомости по нижеписанным пунктам имянно». 7 пунктов. — То же в ПФА РАН, р. I, оп. 79, д. 2, лл. 101–104. Оба документа — копии рукой одного из студентов, сопровождавших Миллера (Вас.Третьякова). *А.*

§ 40–41. Рассказанный здесь Миллером эпизод — столкновение между двумя русскими отрядами, на стороне каждого из которых выступали отдельные группы якутов, — очень интересен как характерное проявление того взаимного соперничества, каковое постоянно существовало между отдельными группами служилых людей на почве их грабительской деятельности среди туземного населения. Но еще более интересна другая сторона этого эпизода, оставшаяся несколько в тени у Миллера: в этом столкновении ярко обнаружилась взаимная рознь между якутскими племенами. Якутское население не было в ту эпоху объединено какими-нибудь постоянными социальными связями, хотя внутри него существовали отношения торгового обмена и культурно-бытовая общность; оно распадалось на целый ряд независимых и нередко враждовавших одно с другим племен («волостей», как они именуются в русских документах). В данном случае на стороне отряда томских казаков Копылова были якутские племена — мегинцы, накарцы и часть кангаласцев, на стороне же отряда енисейских служилых людей Ходырева — сыланцы и батулинцы (РГАДА, Сиб. прик., стб. № 361, лл. 252–254; ДАИ, т. 2, № 82). По-видимому, обе эти группы якутских племен воспользовались представившимся случаем для сведения между собой своих старых счетов. Подобные межплеменные столкновения весьма характерны для своеобразного социального строя якутов той эпохи, представлявшего собою как бы переходную фазу становления классового общества. В них сказывалась косвенно та же объединительная тенденция, которая более отчетливо и непосредственно выражалась в стремлении отдельных наиболее сильных тойонов к подчинению себе соседних племен (см. примеч. к § 17 данной главы). *Т.*

§ 43. Об экспедиции Москвитина см.: *Степанов.* Первая экспедиция русских на Тихий океан, с. 45–48. Об этой же экспедиции новые материалы опубликованы в сборниках «Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов» и «Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах».

Ковыря, один из племенных тунгусских вождей на Охотском побережье в XVII в., захваченный казаками в аманаты, был случайно убит в 1649 г. казаком в Якутске. Ответом на это случайное убийство было восстание охотских тунгусов (ДАИ, т. III, № 52). *С.*

Об экспедиции И.Ю.Москвитина см. также примеч. к § 38–39 данной главы и следующие публикации: *Полевой.* Новый документ о первом русском походе на Тихий океан; *он же.* Об уточнении даты первого выхода русских на Тихий океан; *Тураев.* И на той Улье реке; *он же.* Первая русская экспедиция на Тихий океан. *Бат.*

§ 44–45. О пути от Якутска до Охотского моря см. также документ: «1715 году февраля 14 дня доезд служилого человека Степана Максимова с показанием, что от Якуцка Леною рекою плавежу до Алдана и вверх по Алдану, Мае и по Юдоме до Креста, а от Креста чрез хребты до реки Урака и Ураком до Ламского моря и до Охоцкого острогу и сколько от реки до реки и до острогу верст» (РГАДА, портф. Миллера, № 482, II, д. 17, лл. 150–152об. См.: Актовые источники по истории России и Сибири. Т. 2, с. 224). *Бат.*

§ 45–46. Об охотских тунгусах новые материалы опубликованы в сборниках: «Колониальная политика Московского государства в Якутии», «Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов» и «Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах». *С.*

§ 47. Натканы, натки — название, записанное А.Ф.Миддендорфом в XIX в. в другой форме — «ньгатку». «Ньгатку» ему описывали как народ, живший на Амуре, выше устья Амгуни, и говоривший особым языком, отличавшимся от тунгусского; тунгусы южного склона Станового хребта находились с ним в торговых сношениях (*Миддендорф.* Путешествие на север и восток Сибири, с. 757). Л.И.Шренк сблизил натканов-ньгатку с гольдами <нанайцами> (*Шренк.* Об инородцах Амурского края, с. 116, 117). Окончательно выяснил вопрос Штернберг, установивший, что «нгатку» — название, которое дают негидальцы гольдам и ольчам <ульчам> (*Штернберг.* Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны, с. 10). В XVII в. это название было известно и в форме «натты». См. статью Н.Н.Степанова «Первые русские сведения об Амуре и гольдах». Об обмене между племенами Амура и племенами Восточной Сибири и Охотского побережья см.: *Степанов.* Межплеменной обмен в Восточной Сибири. *С.*

§ 48. Миллеру осталось, по-видимому, неизвестно имевшее место после описанных им событий на Алдане восстание якутов и тунгусов 1639–1640 гг. Восстание это было, вероятно, прямым результатом погромов и вымогательств атамана Копылова и других служилых и промышленных людей. В начале января 1640 г. в Бутальском зимовье и в Якутском остроге стало известно, что алданские якуты и тунгусы, «заворовав», перебили нескольких казаков и больше 20 промышленных людей. Против восставших был послан карательный отряд во главе с Кожевниковым, которому удалось захватить нескольких вожаков движения. От них и от некоторых якутских князцов русские узнали, что в восстании участвовали якуты одайцы, баксинцы, коринцы и сыланцы, «сослався с ламскими и с майскими тунгусы». Якуты предполагали одновременно перебить все отряды служилых и промышленных людей, но это удалось им далеко не полностью. Характерно, что видную роль в восстании играли, по-видимому, беднейшие слои якутского населения — бесскотные «балыксыты» («рыболовишка»). Одним из руководителей восстания был некто Оилга — «худой человек рыболов» (РГАДА, ЯОУ, стб. № 1, лл. 4, 7–15, 68–74). Ср.: *Токарев.* Общественный строй якутов, с. 278, 279; *Ионова.* Из истории якутского народа, с. 76–79. *Т.*

Упоминаемый Миллером «росписной список», свидетельствующий о состоянии Бугальского острога (зимовья), см. в РГАДА, портф. Миллера, № 482, II, д. 14, л. 26 (см.: Актовые источники по истории России и Сибири. Т. 2, с. 191). *Бат.*

§ 50–51. О даурах, их расселении, хозяйстве и культуре в XVII в. см.: *Огородников.* Туземное и русское земледелие на Амуре.

Высказываемое Миллером мнение, что дауры — народ, близкий тунгусам, господствовало вплоть до недавнего времени; однако теперь установлено, что даурский (дагурский) язык представляет собой один из диалектов (наречий) монгольского языка, притом диалект самостоятельный и очень архаичный (см.: *Поппе.* Дагурское наречие; *Владимирцов.* Сравнительная грамматика, с. 8). Излагаемые в тексте сведения, которые атаман Перфирьев получил от тунгусов о даурах и других народах Амура, подтверждаются многими другими источниками, и Миллер едва ли прав, подвергая их сомнению. *Т.*

§ 51. Описанные Миллером степные тунгусы, занимавшиеся скотоводством, обычно в документах XVII в. фигурируют под названием «скотные тунгусы». Любопытно отметить, что в XVIII в. не только Миллер, но и другие ученые (Фишер, Георги) давали самоназвание тунгусов в форме, более близкой самоназванию ламутов (эвенов), чем тунгусов (эвенков); ср.: *еип* — ламут (*Богораз.* Материалы по ламутскому языку, с. 72) и *ewenki* — тунгус (*Поппе.* Материалы для исследования тунгусского языка, с. 3), «эвен» (Русско-эвенский словарь, с. 686) и «эвенки» (*Василевич.* Эвенкийско-русский словарь, с. 545). И Миллер, и Фишер дают его в форме *öwön* (*Fischer.* Sibirische Geschichte, с. 113); на русском языке Фишер дает форму — «овен» (*Фишер.* Сибирская история, с. 70). Очень близко к этому и показание Георги: «...тунгусы называются сами евойенами» (*Георги.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов, ч. III, с. 34). Эта форма самоназвания также показывает (см. примеч. к § 38), что в XVII–XVIII вв. не закончился этногонический процесс и тунгусские роды и племена еще не оформились в народности с определенными, четко отграниченными самоназваниями (позднейшие эвенки и эвены). Термин «ламут», в частности, означал лишь приморского, прибрежного жителя. В противоположность ему термин «донки», «дунан», от которого иные исследователи ведут и самый термин «тунгус» (А.М.Золотарев) и который в XVIII в. мы встречаем у Линденау, Георги и др. как одно из самоназваний тунгусов, означал, по Линденау, «жителя сопок», «жителя тайги» (*Золотарев.* Новые данные о тунгусах и ламутах, с. 76). *С.*

О происхождении этнонима «тунгус» см. также примечание С.И.Вайнштейна к § 1 гл. 7 настоящего труда (История Сибири, II, с. 665–666). *Бат.*

§ 52. Сведения, сообщаемые Миллером, согласно рассказу Перфирьева, о даурском князце Ботоге на Витиме, не подтверждаются другими источниками. Все материалы, как печатные, так и архивные, говорят за то, что на Витиме жили тунгусы, а не дауры. *С.*

Примеч. 50 «...как это будет сказано в своем месте» — об этом Миллер говорит в главах 22 и 23 «Истории Сибири». «История о странах при реке Амуре лежащих, когда оные состояли под Российским владением» напечатана также Миллером в «Ежемесячных сочинениях» (1757 г.) в книгах за июль–октябрь; в основе этого труда лежала его работа на ту же тему (1740 г.), сохранявшаяся в рукописи, но во время печатания подвергшаяся большим переделкам. *А.*

§ 54. На Яне в момент прихода русских находились следующие якутские племена: ольгенцы (эльгеты), байдунцы, юсальцы, эргиты, туматы, огдурцы, одучейцы; первое из этих племен жило где-то на средней или нижней Яне, последнее (одучейцы) — на реке Адыче; местожительство остальных названных племен трудно установить с точ-

ностью, но, очевидно, они занимали те же области бассейна верхней Яны, какие заселены якутами и в настоящее время (ср.: *Долгих.* Этнографический состав населения Якутского уезда). Янские якуты представляли собой в 1630-х годах крайнюю северо-восточную группу этого народа, отделенную необитаемыми горными хребтами от основной массы якутского населения, амгинско-ленских якутов. От последних янские якуты заметно отличались в культурном отношении: русские документы XVII в. ничего не говорят о наличии у них скота, но зато многократно упоминают «звериные гоны, и лучные ловли, и соболиные промыслы», а также «рыбу и всякий корм». Очевидно, эти племена янских якутов представляли собой не скотоводческое, а охотничье-рыболовецкое население.

Но бассейн Яны, будучи крайней северо-восточной границей расселения якутов, являлся в то же время крайним западным пределом расселения юкагирских племен. Миллер ошибается, считая, что юкагирские проводники Посника Иванова были им встречены на Яне «случайно», и помещая юкагиров только на Индигирке и к востоку от нее. Территория, занятая в то время юкагирами, простирается на огромное расстояние — от низовьев Лены на западе до Анадыря на востоке. Из отдельных юкагирских племен в документах упоминаются шоромбойцы, ходынцы, олюбенцы, чуванцы, анаулы.

На Яне между якутами и юкагирами шла борьба. Якуты жаловались русским казакам на нападения со стороны юкагиров. В 1639 г., например, якуты-одучейцы заявляли русским, «что-де... те юкагирские люди их якутские звериные гонбища, и лучные ловли, и соболиные промыслы отняли». Тогда же ольгенские якуты (эльгеты) на нижней Яне жаловались, что юкагирский князец Ендарак «янских низовских ясачных якутов Анбина улуса, и Колескова, и Контугина, и всех ольгенских мужиков убивает и обидит, и своими холопи называет, и рыбу у них и всякой корм отнимает, и жены их и дети в полон емлет» (РГАДА, Сиб. прик., стб. 274, лл. 167–168; стб. 303, л. 120). Эта межплеменная вражда здесь, так же как и в других местах, облегчала России завоевания туземных народов. *Т.*

О расселении юкагиров в XVII в. см. также: *Долгих.* Родовой и племенной состав, с. 379–442; *Гурвич.* Этническая история северо-востока Сибири, с. 11–24. *Бат.*

§ 54–58. О походах Посника Иванова и Ивана Ерастова см. сборники документов: «Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов»; «Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах». По вопросу о постройке зимовья на реке Яне Миллер ошибается: зимовье было там построено еще Ильей Перфирьевым в 1635 г. (см. примеч. к § 30). Посник Иванов был первым, кто дошел до Индигирки сухим путем (1639 г.). Но еще раньше туда пошел по морю Иван Ребров (см. примеч. к § 30); последний построил на Индигирке два острога, точное местонахождение которых, однако, неясно. Ерастов тоже упоминает в своей челобитной о постройке в сентябре 1639 г. «зимовья с косым острожком» в двух днях пути выше реки Уяндиной. По вопросу о населении бассейна Индигирки Миллер тоже допускает неточность: там жили не одни юкагиры, а также и ламуты (см. примеч. к § 24). «Толстак» — переделанное на русский лад якутское название реки Тастах («Каменистая»). *Т.*

§ 60. Упоминаемая в примеч. грамота 1645 г. 16 июля (прилож. № 93) основана на челобитной Ерофея Павлова сына Хабарова, в которой он называет себя «сиротой (государевой) Соли Вычегодской», где у него «домишко», «женишка и детишки» (РГАДА, Сиб. прик., стб. 136, лл. 931–932). Но в челобитной 1634 г. не ранее марта 9

«Ерофейко Павлов называет себя „устюжанином“», с ним отправляются на соболиные промыслы на Лену «его людишки» — три человека (Яким Иванов, Василий Кузьмин и Роспута Юрьев); в челобитной 1650 г. (РГАДА, Сиб. прик., стб. 381) он просит об отпуске к нему в Якутск семьи (жены, дочери и др.) из Устюга, что дало основание историкам Сибири считать Хабарова устюжанином. Автор последней биографии Хабарова Ф.Г.Сафронов (Ерофей Павлович Хабаров, с. 5, 32) считает, что «родиной Ерофея Павловича Хабарова является Устюжский уезд», но он ничем не подтверждает свое мнение. *А*.

Предположение Ф.Г.Сафронова о том, что Ерофей Хабаров был родом из Устюжского уезда, нашло подтверждение в последующих исследованиях М.И.Белова (см.: *Белов*. Ерофей Хабаров в Мангазее и на Таймыре). Книга Ф.Г.Сафронова о Хабарове в переработанном и дополненном варианте была переиздана в 1983 г. В ней приводится мнение Белова, основанное на архивных данных, о том, что родиной Е.Хабарова «предпочтительно считать» деревню Дмитриево Вотложенского стана Устюжского уезда. См.: *Сафронов*. Ерофей Хабаров, с. 10–11. О Хабарове см. также: *Полевой*. Последняя поездка Ярофея Хабарова в Москву; *Сысоев*. Еще о Хабарове. *Бат*.

К главе тринадцатой

§ 1. Миллер ссылается здесь, а также в § 3, 6, 7, 13, 39, 54 этой же главы на свои «Заметки» («Annotata»), которые он делал, работая в сибирских архивах. Они хранятся ныне в РГАДА, (портф. Миллера, № 507, II, лл. 1–358). *А*.

О моровом поветрии в Туринске см. отписку (1633 г.) тобольского воеводы Андрея Голицына туринскому воеводе Лукьяну Полтеву, «что лошади в Туринску выпали и люди помирают с признаками» (РГАДА, портф. Миллера, № 482, I, д. 6, л. 262–262об. См.: Актовые источники по истории России и Сибири. Т. 1, с. 94). *Бат*.

§ 2. В § 2, 6, 40, 57 имеется ссылка на «летописи», под которыми разумеются сибирские летописи; о них Миллер говорит во втором томе «Истории Сибири», гл. 8, § 17. Подобные летописи XVII–XVIII вв. имели иногда следующее название: «Описание сколько в Сибири, в Тобольске и во всех сибирских городах и острогах, с начала взятия оной атаманом Ермаком Тимофеевым, в котором году и кто имяны бояр, и окольничих, и стольников, и дворян, и стряпчих на воеводствах бывали и дьяков, и письменных голов, и с приписью подьячих, и кто который город ставил, и в котором году и от которого государя царя кто был, и в коя лета устроися в Сибири престол архиерейский, и кто были архиереи». Одна из таких летописей («Записки к Сибирской истории служащие»), по рукописи принадлежавшей, вероятно, Миллеру, была напечатана дважды Н.И.Новиковым в «Древней российской вивлиофике» (ч. VI и VII первого издания 1774–1775 гг. и ч. III второго издания 1788 г.). Другой краткий «Сибирский летописец», вывезенный также Миллером из Сибири, был напечатан в конце XVIII в. в издававшемся Академией наук «Продолжении Древней Российской Вивлиофики» (см.: «Летописец вкратце»). В XIX в. был напечатан дважды еще один «Сибирский летописец» («Северный архив», 1826, ч. 19, № II и III, и отдельное издание, с предисловием Е.В.Кузнецова, Тобольск, 1892).

В архивах Москвы и Ленинграда хранится несколько «Сибирских летописцев», отличных от напечатанных и дающих нередко известия о Сибири XVII–XVIII вв., которые мы не находим в других источниках. *А.*

Библиография изданий и исследований сибирского летописания подробно представлена в работе Р.П.Дмитриевой «Библиография русского летописания». Обширный свод сибирских летописей опубликован в т. 36 ПСРЛ. О сибирском летописании см. также: *Дворецкая.* Сибирские летописи; *она же.* Сибирский летописный свод; *Скрынников.* Ранние сибирские летописи; *Ромодановская.* Сибирское летописание; *Корецкий.* История русского летописания; Летописи сибирские. *Бат.*

§ 5. «Тарские ведомости», на которые здесь дана ссылка, — это ответы Тарской воеводской канцелярии 1734 г. на вопросы Миллера по географии, экономике, статистике и истории Тары и Тарского уезда; «ведомости» хранятся в РГАДА (портф. Миллера, № 481, III и IV). *А.*

§ 6. О Софийском дворе в Тобольске см.: Тобольский архиерейский дом. *Бат.*

§ 7. В основном повторяет § 7 гл. 8-й т. II; любопытна только одна подробность: «Мангазея имела до того настоящую крепость (рубленый город), но на этот раз сожженные места были заменены только палисадами». *Б.*

§ 8. Повторяет § 78–79 гл. 8. О Туруханске см. статью С.В.Бахрушина «Мангазейская мирская община в XVII в.». Об условиях поездок по Тазовской губе, во время которых, по словам Миллера, «многие суда гибли с людьми и товарами», см.: *Бахрушин.* Очерки по истории колонизации Сибири. *Б.*

§ 9. Повторяет § 5–6 гл. 8-й. *Б.*

§ 11. О «росписи» сибирских печатей, найденной Миллером в Тобольском архиве в 1734 г., он сообщил в своих «Observationes historicae», 1735 г. мая 20 (№ 4) (ПФА РАН, ф. 21, оп. 5, д. 143); копия «росписи» находится в ПФА РАН (ф. 21, оп. 4, д. 14, лл. 83–84). *А.*

Гербы Сибири, Тобольска и, по-видимому, Мангазеи изображены на карте 1757 г., приложенной к данному тому. *Бат.*

§ 37. Об основании Новопышминской слободы см. «Память» (1653 г., мая 31) верхотурского воеводы Льва Измайлова (РГАДА, портф. Миллера, № 482, I, д. 1, л. 275. См.: Актовые источники по истории России и Сибири. Т. I, с. 32). *Бат.*

§ 41. В основном повторяет § 70 гл. 8-й, но сообщает некоторые подробности о Вагайском остроге: «В те времена часто приходивших в Тобольск калмыцких послов обыкновенно встречали на Вагае, допрашивали, осматривали, конвоем до Тобольска и обратно провожали до того же места. В этих целях на большой дороге постоянно держали проезжую станицу». Миллер отмечает далее, что одной из задач, связанных с основанием Вагайского острога, было служить «для Тобольского уезда форпостом против нападений калмыков». *Б.*

§ 42. Сообщает сведения об основании Демьянского и Самаровского ямов, которые более коротко изложены в § 71 и 72 гл. 8-й. В настоящем параграфе имеются следующие подробности. Указ 1639 г. о ликвидации слобод был повторен 18 мая 1640 г. Остяки, бившие челом об отмене этого указа, обещали предоставить ямщикам необходимую землю для пашни. Ходатайство их было удовлетворено, но ямщикам было сохранено только денежное жалованье, а хлебное жалованье предполагалось заменить предоставлением участков земли под пахоту. «В отношении Демьянского яма это не вызвало затруднений, потому что у них было более чем достаточно

пахотной земли... Но с Самаровским еще в течение нескольких лет возникали разные трудности. Грамота от 12 июня 7153 (1645) г. предписывала еще продолжать выдавать им половину хлебного оклада, но и это жалованье должно было в будущем быть отменено. Зато 15 марта 7169 (1661) г. им несколько увеличено было денежное жалованье». Миллер сообщает также данные о расстояниях: от Тобольска вверх по Иртышу до Демьянского яма «по прямому зимнему пути» 173½ версты, а водою по изгибам реки — 260 верст, от Демьянского до Самаровского яма — 293 версты. *Б.*

§ 43. Повторяет в основном § 73 гл. 8-й, но дает более точные сведения об экспедиции Федора Пущина в 1633 г., подвергшейся нападению «теленгутского князя Абака, которому помогали царевич Девлеткирей и некоторые калмыцкие тайши». *Б.*

§ 44. Не дает никаких дополнительных сведений по сравнению с § 74–75 гл. 8-й. *Б.*

§ 45. В основном повторяет § 82 гл. 8-й только с одним существенным добавлением: место, на котором поставлен Канский острог, раньше называлось «Брацким перевозом». *Б.*

§ 54. Рассказ о Введенском Красноярском монастыре основан на «Канцелярских ведомостях» (т. VII, № 24–31); под ними разумеются «ведомости» Красноярской воеводской канцелярии 1735 г. — ответы канцелярии на вопросы Миллера о Красноярске и Красноярском уезде (РГАДА, портф. Миллера, № 481, V, лл. 1–262). *А.*

§ 55. Повесть об основании Туруханского Троицкого монастыря, упоминаемая Миллером в примеч. 3, представляет интересный образец литературы конца XVII в. Хотя повесть была уже издана дважды — в 1864 и 1910 гг. (причем изд. 1910 г. — перепечатка изд. 1864 г. См.: Житие Василия Мангазейского и повествование о начале Туруханского Троицкого монастыря), но ввиду редкости этих изданий целесообразно опубликовать здесь повесть вновь:

«Великого града Устюга бяше священник некий, именем Симеон, и той имяше у себя подружие, именем Марфу. Живущима же има честно в законном супружестве, родися има сын, о нем же нам слово предлежит. И крестиша его во имя отца и сына и святого духа и нарекоша имя ему во святом крещении Тимофей. Родители же воспитоваху его во всяком наказании и учише страху Божию, еже есть начало премудрости. Егда же пришедшу отроку в возраст, учашеся божественного писания святых книг. Егда же прииде в меру мужа совершенна, бывшу же бо ему тридесяти лет, и бящи тогда остави дом свой... пути в Сибирские страны. И прииде во град Енисейский и живяша богоугодно, стяжавая пищу от труда рук своих: делаша бо свещи святым иконам и продаяше я и от того питашеся... Егда же пришед во град Енисейск, тогда имяше от рождения своего лет 42. Живущу же ему тамо, искони ненавидя добра роду християнскому, враг диявол возвиже на него брань сицевую: вложи некую злобу в сердце ту сущему воеводе, именем Максиму, прозванием Ртищеву; умысли бо той, по наущению диаволю, озлобити того и навести некую напасть, нанести же и раны, и безчестие. Сия же слышав предреченный Тимофей онаго воеводы неправедный гнев и такое коварство, умысли тот отойти от града Енисейска в пределы Туруханские да и место гневу. Утаився бо, прииде в обитель Спассково монастыря к игумену Леониду, дабы облек ево в ангельский образ. Игумен же постриже его и нарече имя ему Тихон. Он же абие, взем благословление от игумена, поими же с собою и спутники себе некоего монаха, именем Дионисия. И седши им в малую ладьицу, и нощию яшася плавания близ реки, нарицаемые Енисеи. Приплывшим же им во град в Туруханск 164-го года, и ту презимоваше. Егда приспе время весенное,

изыдоша из града и приидоша к устью реки, завомыя Тунгуска. И видевши ту место уединенно и ко пребыванию иноком угодно, и водрузиша тамо честный крест, также возградиша молитвенный дом. И живясто о Бозе, проходяще постное житие. Видевше же христолюбивыи люди града Туруханска труды их и подвиги, начаша приходить к ним и приносити потребная, инии же желающе с ними и пребывати хотяща или соиночествовати. Бывшу же число иночествующих немногое собрание, молиша настоятеля своего монаха Тихона, дабы чрез писание молил Сибирские епархии от содержащего престол архиерея о создании святыя церкви во имя Святые Троицы також-де и о возграждении обители. Он же, не хотя презрети моления братия, посла молительное писание и во скором времени получа просимое, ибо повелено ему от архиерея, по прошению его, вся исполнити. Та же яшася дела, начаша со тщанием труждатися и помощию Божиею начатое дело совершиша вскоре. По сем начаша соиночествующии ученицы его молити его, дабы изволил восприяти чин священства, також-де и о собранном малом стаде, и о святой церкви имети попечение. Он же, не хотя на ся прияти таковаго тяжкого бремяни, та же и нехотя повинуся воли их у Божьем моленьем...» (ПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 22, с. 685, 686; № 207).

Повесть в книге № 22 не имеет теперь окончания, но Миллер, несомненно, имел полный текст повести, так как рассказывает и о событиях, о которых в нашей рукописи нет известий.

Упоминаемый в ней воевода Максим Ртищев был Енисейским воеводой в 1656–1659 гг. (*Барсуков.* Списки городовых воевод, с. 73); игумен Спасского Енисейского монастыря Леонид известен П.М.Строеву под 1656–1657 гг. (*Строев.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви, стб. 323); Тихон — строитель Туруханского Троицкого монастыря — указан Строевым только под 1667 г. (там же, стб. 326).

Повесть об основании Туруханского Троицкого монастыря изучена С.В.Бахрушиным в статье «Легенда о Василии Мангазейском» (*Бахрушин.* Научные труды, т. 3, ч. 1, с. 332, 340, 343). *А.*

§ 56–58. Известия Миллера о Тобольском архиерейском доме и о тобольских архиереях Макарии (§ 56), Нектарии и Герасиме (§ 57) и Симеоне (§ 58) следует дополнить на основании «церковных дел» Сибирского приказа (см.: *Оглоблин.* Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа) по указателям личных имен. О сибирских архиереях Макарии, Нектарии и Герасиме см.: *Буцинский.* Сибирские архиепископы: Макарий, Нектарий, Герасим; *он же.* Заселение Сибири и быт первых ее насельников.

Некоторые из «церковных дел» Сибирского приказа использованы в статьях Оглоблина «Остяцкие князья в XVII в.», «Бытовые черты XVII в.», «Дело о самовольном приезде в Москву Тобольского архиепископа Симеона». *А.*

См. также: Тобольский архиерейский дом. *Бат.*

§ 56. «Известие, сообщенное... из Тобольской архиепископской канцелярии» (Канцелярские ведомости, т. VII, № 2) находится ныне в РГАДА (портф. Миллера, № 481, I, лл. 1–178, и II, лл. 1–275). *А.*

§ 58. Известия Миллера о сибирском архиепископе Симеоне хотя подробные, но все же далеко не полные. О деятельности архиепископа Симеона, видного церковного и общественного деятеля Сибири, собралось много известий в делах Сибирского приказа; в XIX в. о нем появилась довольно большая литература. На основании этих данных можно исправить и дополнить рассказы Миллера. Симеон прибыл в То-

больск 20 декабря 1651 г. Во время его управления Сибирской епархией были основаны в Сибири следующие монастыри: 1) Междугорский Иоанно-Предтеченский, в 10 верстах от Тобольска; 2) Кодинский Свято-Троицкий; 3) Спасский в Якутске; 4) Туруханский Троицкий, основан в 1660 г.; 5) Алексеевский в Томске, основан в 1660 г.; 6) Троицкий в Киренске, основан в 1663 г. В январе 1654 г. Симеон выехал из Тобольска в Москву для участия в церковном соборе об исправлении церковных книг; он возвратился в Тобольск 14 декабря 1655 г. В последующие годы в источниках отмечены столкновения архиепископа Симеона с тобольскими воеводами. Симеон считал, что в его обязанности входило «беспомочным в напастях руку помощи подавать», и он не раз выступал на защиту этих «беспомочных». В 1656 г. привезли в Тобольск протопопа Аввакума. Симеон устроил его при церкви, где Аввакум и жил около года; Симеон оказывал помощь попу Лазарю и другим расколоучителям, сосланным сперва в Тобольск, а потом за Байкал. За сочувствие и содействие Аввакуму, Лазарю и другим, а также за то, что «жестоко» наказал дьяка Тобольского архиерейского дома Ивана Мильзина Струну — «велел посадить его на цепь в хлебню», — по распоряжению патриарха Никона год и четыре месяца (1657–1658) Симеон был под запрещением. В августе 1660 г. он выехал из Тобольска в Москву бить челом на тобольского воеводу боярина князя И.А.Хилкова, которого Симеон обвинял во многих неправдах; хотя удовлетворения по делу с воеводой Симеон не получил, но почти все его просьбы о нуждах Сибирской епархии были удовлетворены; 1 марта 1663 г. Симеон по государевой грамоте выехал из Тобольска в Москву. *А.*

§ 59. В первой половине XVII в. в Сибири было два разряда (военно-финансовых округа): Тобольский, начавший складываться уже в конце XVI в., и Томский, образованный в 1629 г. Упоминаемый Миллером Енисейский разряд возник только в 70-е годы XVII в. О существовании Верхотурского разряда известий нет; по-видимому, Верхотурье и Якутск не назывались разрядами, но фактически занимали положение административных центров, которым были подчинены другие города и уезды Сибири.

Списки воевод сибирских городов и уездов XVII в. не были составлены Миллером; они напечатаны только в 1902 г. в труде А.П.Барсукова «Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам». На основании архивных источников в списки сибирских воевод XVII в., изданные А.П.Барсуковым, можно внести исправления и дополнения.

Воеводам Тобольского разряда в XVII в. посвящено ценное исследование С.В.Бахрушина; в нем рассмотрена деятельность некоторых тобольских воевод XVII в. как начальников Тобольского разряда (*Бахрушин.* Воеводы Тобольского разряда). Работа переиздана в 1955 г. в «Научных трудах» С.В.Бахрушина (т. III, часть первая, с. 252–296). *А.*

Г.Ф.МИЛЛЕР

ИЗВЕСТИЕ О ПЕСОШНОМ ЗОЛОТЕ В БУХАРИИ, О ЧИНЕННЫХ ДЛЯ ОНОГО ОТПРАВЛЕНИЯХ И О СТРОЕНИИ КРЕПОСТЕЙ ПРИ РЕКЕ ИРТЫШЕ, КОТОРЫМ ИМЕНА: ОМСКАЯ, ЖЕЛЕЗЕНСКАЯ, ЯМЫШЕВСКАЯ, СЕМИПАЛАТНАЯ И УСТЬ-КАМЕНОГОРСКАЯ[1]

Важное, но мало еще известное обстоятельство в истории Петра Великого касается до чиненных в Бухарию отправлений, которые для песошного золота, в разных тамошних реках находящегося, предприняты были. Правда, что оные желаемого конца не достигли: многие препятствия и безконечные трудности, которые в пути по неизвестным землям случаются, а особливо сие, что надлежало путь возъиметь через жилища таких народов, которые опасаются терять вольность свою и притом в состоянии находятся нарочитой силе сопротивляться, были тому причиною, что первые отправления не возъимели желаемого успеха. Однако они произвели другие весьма полезные действия, ибо при сем случае построены по реке Иртыше крепости, созданием которых споры с калмыками о тамошних землях прекращены; населенные прежде того россиянами места от неприятельских нападений и набегов в безопасность приведены, и большее знание о разных землях получено, от которых Российское государство впредь много пользы ожидать имеет.

В начале текущего ныне века были еще все страны между реками Обью и Иртышем от устья реки Оми заняты кочевыми калмыцкими[2] улусами, контайше[3] подвластными; а при начатии уже строения там крепостей теленгуты[4], того же контайши подданные, имели еще жилище свое при реке Чарыше. Калмыки по соседству обыкновенно дани требовали с барабинских татар[5], которые издревле суть российские подданные, и киргис-кайсаки[6] набегами своими сим же татарам многие чинили обиды. Все сие ныне прекратилось. Степь между Обью и Иртышем от чужих народов очищена и, напротив того, многими российскими селениями наполнена: заведены там богатые серебреные и медные заводы, а именно Колывано-Воскресенские, в таких местах, которые прежде сего россиянам мало были известны и куда пред тем никто без позволения калмыков притти не отважился. Все сие должно приписать новопостроенным по Иртыше реке крепостям. Петр Великий, как во многих других местах, так и здесь, пределы государства своего распространил, внутреннюю и внешнюю безопасность утвердил, основание положил к приобретению тех выгод, которых важность и польза уже по кончине его стала сказываться. Он открыл источники, из которых уже несколько лет вытекает больше в казну богатств и сокровищ, нежели бы кто в прежние времена себе мог представить.

Правда, что и прежде времен Петра Великого ездили в Бухарию[7], ибо еще при владении царя Иоанна Васильевича принято было намерение, чтоб чрез Бухарию учредить купечество с Индиею. Путешествия англичан, Антона Енкинзона[8] и прочих, о коих Рихард Гаклуйт[9], собрав известия, в свет издал, к тому же клонились; но все то было неудачливо. Петр Великий, то же намерение имея, рассуждал дело зачинать другим порядком. Ибо совсем есть иное отправлять для купечества караваны, которые хотя у восточных народов в великом состоят почтении, однако купечество оных от произволения тех же народов зависит; а другое есть путешествие предпринять с воинскими людьми, которые, вместо того чтоб законы от других принимать, сами другим оные предписывать в состоянии.

Сей последний способ избрал Петр Великий для избежания многих препятствий в настоящем своем намерении. Ежели б отправления его в Бухарию имели желаемый успех, то бы легко было и с Индиею учредить купечество; ибо бухарские караваны, в пограничные российские города, особливо в Оренбург и в Астрахань, ежегодно приходящие, доказывают, что между Индиею и Бухариею беспрестанное купечество производится, потому что они не только шелковые и бумажные, в Бухарии деланные, но и всякие индейские товары, которые бухарских гораздо лучше, да сверьх того драгоценные каменья, золото и серебро для продажи привозят. Приходят иногда в Астрахань с сими караванами и индейцы, из коих некоторые там поселились домами, ожидая от того себе и товарищам своим прибыли. Кто же может усомниться, чтобы россияне по той же дороге, которою индейцы к нам ходят, не могли к ним приехать?

Я нашел в Тобольской архиве подлинники о некоторых здесь упоминаемых происхождениях. О сих я, едучи вверьх по реке Иртыше в 1734 году, пространнее наведывался, дабы о всем обстоятельнейшее и достовернейшее получить известие. Я нашел таких людей, которые всему тому, что происходило, очевидные были свидетели. И потому на сем моем объявлении можно утвердиться, хотя не все на письменных доказательствах основано.

О песошном золоте, чаятельно, в Сибири и прежде знали, однако подлинное известие о том уже получено в 1714 году, когда тогдашний сибирский губернатор князь Матвей Петрович Гагарин Государю Императору Петру Великому донес письменно, что теми странами, в которых песошное золото находится, по мнению его, овладеть можно. Доношение его о том толь достойно примечания, что точные оного слова здесь внести за благо рассуждаю:

«Городок калмыцкой Эркет[10], под которым на реке Дарье промышляют песошное золото, в расстоянии от Тобольска, по сказке эркетских жителей, что доходят из Эркета до Тары, в полтретья месяца нескорою ездою, а от Тары до Тобольска в пять дней. И естьли соизволит Ваше Величество промысл чинить к тому месту из Тобольска, то кроме того не можно, что поселиться городами к тому месту: того ради, что от Ямышева озера и до Эркета кочуют калмыки и будут противиться, как им возможно, чтоб не допустить в тех местах строить городов, дабы онаго их промыслу не терять; а по ведомости в тех местах кочуют калмыки с контайшею тритцать тысяч человек. Путь к тому месту лежит от Тобольска до половины реки Иртыша, которая река под Тобольским, от того на калмыцкое кочевье, где ныне кочует контайша. И первой город надлежит делать на помянутой реке Иртыше, у Ямышева озера, и оттоле, усмотря, где надлежит, делать иные городы. На строение оных крепостей, та-

кож и на содержание их, кроме офицеров и инженера, управляться можно из Сибирской губернии. А для той калмыцкой противности надлежит быть регулярным двум или трем полкам, и те полки набрать в Сибири, а к тем полкам несколько офицеров, да к тому ж уфинские башкирцы потребны, для того что от Тобольска живут в близости и людство их немалое и люди конные. О промысле того места, о деле городов и о уфинских башкирцах что Ваше Величество повелит».

При сем доношении объявил губернатор и пробу купленого в Тобольске песошного золота, которого часть и поныне еще хранится в Санктпетербургской Императорской кунсткамере.

В то же самое время находился в Санктпетербурге посланец хивинского хана, которому велел показать полученное от князя Гагарина песошное золото, и от него уведомился, что подлинно в разных реках земли Хивинской и Бухарской такое же песошное золото находится, а особливо река Дарья оным славна.

Сие свидетельство и подлинные известия о привозившемся в Сибирь после того времени бухарскими караванами ежегодно для продажи песошном золоте опровергают учиненные на князя Гагарина обвинения, будто представление его о песошном золоте в Бухарии совсем было ложно. Донесено на него, якобы он тобольского дворянина Федора Трушникова чрез Калмыцкую землю послал в Китай, который в пограничных китайских городах, Селине и Дабе, купивши песошного золота, в Тобольск привез, и оное золото князь Гагарин будто поднес Его Величеству, объявя ложно, якобы оное собрано в бухарских реках. Приписывали князю злоумышленные намерения, которые он будто хотел произвесть в действо, естьлиб к нему присланы были в Сибирь разные военные потребности и люди, в деле оружия и пороху искусные. О сем можно читать в книге господина Страленберга[11], называемой «Северная и Восточная часть Европы и Азии», на стран. 253, или во французском переводе сей книги: «Description historique de l'Empire Russien», том I, стран. 194 и следующие.

Но князь Гагарин ни воинских потребностей, ниже людей, которые бы оные делать могли, не требовал. Разве не известно, в какой он поверенности находился у Великого Государя, и что всегда мог толикое число потребностей получить, коликое оных сам хотел. Задолго еще перед тем построил он в Тобольске как оружейные, так и пороховые заводы. Он требовал одних только офицеров; и потому мог ли он подумать, чтоб люди, лишь только из России прибывшие и уповательно от самого государя назначенные, в злых его намерениях хотят быть участниками? Он в Сибири при себе довольно имел шведских полоненных офицеров, которые в рассуждении полученных от него благодеяний много были ему обязаны. Сих бы гораздо способнее можно было склонить к произведению в действо таких намерений, ежели б вздумалось их на то прельстить; но о том никогда не слышно было. Правда, что Трушников посылан был в Китай. Он отправился туда из Тобольска в 1713 году. В китайской провинции Шензи и около озера Коконора[12] находится также песошное золото, которого оттуда Трушников довольное число с собою и вывез. Но путь его окончился позже, нежели чтоб князь Гагарин мог употребить полученные им известия к такому злоумышлению. Мы будем иметь случай говорить о сем пространнее ниже сего.

Еще князь Гагарин подал при учиненном над ним следствии 28 генваря 1719 года следующее изъяснение: «Как приехал де он в Тобольск, увидел продажное песошное золото, и зовется оное эркетское, и сказали ему о нем, что то самородное золото и промышляют его под Эркетом в реке Аму-Дарье, то для свидетельства о том при-

звал де он эркетского боярина, которой во взятье того города у бухар от калмык от убивства ушел в Тобольск; и тот боярин ему сказывал, что то золото перенимают в реке под Эркетом попонами и коврами и сукнами, а в реке той муть и прибыль воде, то в то время и перенимают; а как сбудет та прибылая вода, то де берут с берегов и вынимают из песку то золото; и того де золота купил он немалое число и привез к Его Царскому Величеству». Сверьх того могу я еще точнейшее о том приложить изъяснение, по сказкам разных бухарцев, обстоятельства своей земли знающих, которых я о том спрашивал, и их слова записал следующим образом:

Городок, что губернатор Эркетом называл, есть главный город Еркен в Малой Бухарии, которая земля около 1680 года калмыцким владельцем Бушухту-ханом завоевана[13]. Оный город стоит на западном берегу реки, которая не имеет особливого имени, но только река при Еркене по-бухарски Еркен-Дарья называется. Потому ж и все прочие реки именованы в Малой Бухарии. Напротив того река Аму-Дарья находится в Большой Бухарии и свое собственное имеет название. Она у древних Оксус, так как Сыр-Дарья называлась Яксартес[14]. И потому князь Гагарин в наименовании реки дважды ошибся, а первая его ошибка дошла и до других земель, ибо упоминается о реке Дарье в книгах, которых сочинители знаменование сего слова столь же мало знали.

Город Еркен в окружности имеет шесть верст; в нем находится двенатцать ворот, и каменнoю обведен стеною, которая, как сказывают, четыре сажени вышины имеет. Число жителей в городе и в окрестных местах простирается до двадцати тысяч человек, подвластных калмыцкому владельцу.

Другой город в Малой Бухарии называется Кашкар, который гораздо меньше Еркена и в окружности больше дву верст не имеет. В нем находятся четверы вороты и такая же городская стена, как в Еркене. В городе и в окольных местах считается двенатцать тысяч жителей.

Домы в обоих городах построены из необожженного кирпича, то есть из такого, который только на солнце высушен. Из такого кирпича строят домы как во всей Малой, так и во многих местах Большой Бухарии.

Еще есть славные города в тех странах: Аксу, Хотон, Карья, или Керья, принадлежащие калмыкам; а города Турфан и Хамыль[15] уже давно китайцами завоеваны.

Дорога из Сибири в Малую Бухарию лежит чрез кочевье калмыцкого владельца контайши, обыкновенно Урга[16] называемое. До сего места от Семипалатной крепости, которая на реке Иртыше, три недели езды на лошадях и без тяжелого грузу. Я говорю о стране, при реке Или лежащей, которая река при своей вершине Текес[17] называется, и она впала в великое озеро Балгаш.

Река Текес вытекает из горы Музарт[18], или по калмыцкому произношению Музир, которою Калмыцкая земля от Малой Бухарии отделяется. Сей хребет весьма высок. Имя значит, как то и в самом деле есть, что оный как летом, так и зимою снегом покрыт; ибо мус на бухарском языке значит лед. То же знаменование имеет и Мус-таг, которым именем названы горы, отделяющие Малую Бухарию от Большой и от Индии. Господин Страленберг с довольною вероятностью рассуждал, что слово Имаус[19] у древних такое же происхождение имеет.

Понеже места при реке Текесе, по близости сих льдом и снегом покрытых гор, прочих холоднее, то бывший контайша и по нем сын его Галдан-Черин[20] там препровождали обыкновенно летнее время, а к осени ходили они вниз по реке Или и зимо-

вали при реке Коргос[21], которая гораздо далее к северу и западу, нежели как река Текес, и течет в чистой степи, соединяясь с рекою Или с северной стороны.

И так из Сибири выезжая, приходят сперва к реке Коргос, то есть к той, которая на изданных иезуитом Дюгалдом[22] китайских ландкартах Гаркас называется, где есть и знатное жилище бухарцев, по приказу контайши там поселившихся. Оттуда ездят к реке Текесе и далее чрез гору Мусарт в Малую Бухарию.

Ближайший потом бухарский город называется Аксу и отдален от Урги, что на реке Текесе, на шесть дней езды, а стоит от нижеписанной дороги несколько в левую сторону. По оном следует город Кашкар, расстоянием от Урги на шестнатцать дней езды. Правда, что разумеют шестнатцать дней конной езды, но по такой трудной дороге, как чрез хребет Мусарт, разность не может быть велика, хотя на лошадях ехать или пешком итти. Оттуда полтора дня считается езды до города Еркена, от коего к юго-восточной стороне находятся города Хотон и Керья при реках, названных теми же именами. Они от бухарцев по большей части вместе выговариваются, будто бы то один был город. На изданных Дюгалдом ландкартах один только город в тамошних местах означен — Хотон, а Кириан на оных называется тамошняя гора. Но не можно нам упоминать о всех таких несходствах. Намерение наше не в том состоит, чтобы здесь всю Малую Бухарию подробно описать, но чтобы те только места и страны означить, в которых песошное золото сбирают.

Реки, о коих я упоминал, протекают все из хребта Мус-Таг, который там от северо-западной к юго-восточной и восточной сторонам простирается. На западной стороне сего хребта течет река Аму-Дарья, а на южной — река Гангес. Сей же хребет простирается и до самого Китая, так что и река Гоанго из сего же хребта имеет начало свое[23].

Теперь можно будет легко понять, как все сии реки песошное золото в себе содержат. Сколь богат должен быть хребет Мус-Таг золотыми жилами, когда реки, из оного истекающие, чистые золотые зернышки несут с собою! Бодакшанская область в Большой Бухарии для рудокопных золотых своих заводов и для лазоревого камня в славе; она под сим же хребтом находится.

Как реки в Большой Бухарии все в Каспийское море, или, лучше сказать, в озеро Арал, впадают, так реки в Малой Бухарии имеют противное тому течение: они впадают отчасти в озеро Лоп[24], которое в большой степи Ксамо, или, по нашему произношению, Шамо, находится, или пропадают в тамошних песках. Страны сей песчаной степи еще неизвестны. Она простирается от российских границ Нерчинского уезда в юго-западную сторону чрез землю Мунгальскую до Тибета и Индии. Чем далее она лежит к северу, тем она у́же. Там называют оную мунгальским именем Гоби. А чем она далее к югу, тем шире, и чрез оную дорога длиннее и труднее становится. Оттого происходят басни, которые калмыки и бухарцы об озере Лоп рассказывают, будто там дикие люди живут, и для сей причины опасно к нему приближаться.

И так, не только река при Еркене песошное золото с собою несет, но почти все реки в Большой и Малой Бухарии, только с такою разностию, что одна пред другою оным изобилует. А земля Кария оным богатее других, и обыкновенные подати с сей земли калмыкам платятся одним только песошным золотом. Кроме сей земли страна около Аксу за наибогатейшую оным почитается, а при Еркене сего золота меньше находится всех других мест. Таким образом разнствуют новейшие известия от прежних, сколь отдалены от российских границ те места, до коих князь Гагарин предло-

жил учинить отправление. Должно признаться, что он произведение в действо оного намерения себе представлял легче, нежели оно в самом деле было. Но, может быть, до получения тех известий, которые мы ныне о сих местах имеем, еще бы целые веки прошли, ежели бы учиненные туда по его предложению отправления к получению достовернейших известий случая не подали.

Упомянуто выше, что хивинской посланец то же самое, что князь Гагарин о Малой Бухарии представлял, объявил и о Большой. Он именно о реке Аму-Дарье упоминал, обнадеживая притом, что хан его, владеющий тою страною, где река в озеро Арал впадает, россиянам всякое вспоможение чинить будет, ежели послано будет туда некоторое число людей для получения точнейших известий. Восточные народы дают с охотою такие обещания, но на оные мало полагаться можно, ежели кто своих предприятий силою подкреплять не в состоянии. Государь Петр Великий в сомнении, кажется, находился, чье предложение легче в действо произвесть: князя ли Гагарина, которое по реке Иртыше Калмыцкою землею до Малой Бухарии клонилось, или предложение хивинского посланника, по которому надлежало бы ехать вверьх по Аму-Дарье. А дабы удача меньше была сомнительна, вознамерился Государь по обоим предложениям в одно время чинить исполнения.

Аму-Дарья, которая также Улу-Дарья, то есть Большая река, называется, в старину устьем своим впадала в Каспийское море. Что следы прежнего ее течения еще поныне видны, то и на ландкартах представляется. Но когда она свое течение переменила, то за неимением достоверных известий точно определить не можно. Не от сего ли переменного течения Аральское озеро произошло, о котором у древних классических писателей ни слова не упоминается? Сие не совсем безвероятно, ибо озеро не глубоко. Ежели Аму-Дарья когда-нибудь в тамошние низкие места разлилась, то оттого течение реки Сыр-Дарьи могло быть пресечено таким образом, что от сих двух рек Аральское озеро бытие свое получило. По крайней мере сие неосновательно, что некоторые объявляли, якобы Аму не прежде, как во время той экспедиции, о которой скоро упоминать будем, нарочно для того, чтобы успеху оной воспрепятствовать, от узбекских татар отведена в Аральское озеро. Также не можно принять мнение господина Бифона[25] о прежнем соединении Аральского озера с Каспийским морем, ибо оное опровергается великими горами, между обоими озерами находящимися. Сверьх того по следам прежнего течения реки Аму можно видеть, что берега Каспийского моря всегда были там, где они ныне.

Государю Петру Великому было донесено, что река Аму незадолго пред тем из Аральского моря течение имела в Каспийское море; но туркоманы — народ, на восточном берегу Каспийского моря живущий, который мы обыкновенно трухменцами[26] называем, — оное будто отвели, дабы себя привесть в безопасность от всех нападений, которые по сей реке в их землю чинить можно было. Того ради главнейшее и важнейшее намерение при отправлении помянутой экспедиции к тому клонилось, чтобы спознать, подлинно ли река Аму отведена? И ежели то так, то стараться, чтоб реку Аму по-прежнему ввесть в Каспийское море.

Сие дело поручено было черкасскому князю Александру Беккевичу[27], который при Императорской гвардии служил капитан-порутчиком. Сей князь принял христианскую веру. Он был женат на княжне, дочери князя Бориса Алексеевича Голицына. Известная его верность, благоразумие и бодрость подавали причину надеяться благополучнейшего успеха. Беккевич учинил первую свою поездку в 1715 году только

для наведывания о тамошних обстоятельствах. Возвратившись в 1716 году к Государю, который тогда путешествие в Гданск предпринял, он донес Его Величеству в городе Либаве о том, что получил в известие. Скоро потом Государь его отправил вторично и с ним двух морских офицеров, Александра Когина и князя Василия Урусова[28], которым для хождения по Каспийскому морю потребные велено чинить распоряжения. В Казани и в Астрахани присоединились к нему многие шведские пленники, которых он в российскую службу принял, и от них тем больше себе помощи надеялся, чем они охотнее к тому склонялись. Многие в полону бывшие шведские офицеры и солдаты, которые не природные шведские подданные, но от других наций в шведской службе обретались, давно желали того, чтоб в российскую службу были приняты. С ними не было никакого принуждения, ибо всякий по произволению своему мог в службу вступить или нет, и на каких кондициях желал. В 1717 году езда началась по Каспийскому морю.

Можно бы было в мореплавании поступать по известиям о путешествии Антона Енкинзона, в Бухарию предпринятом, которое описано в Гайлутовом собрании путешествий и в четвертом томе северных путешествий («Voyages au Nord»), но от того бы учинилось замедление. Енкинзон ездил в 1558 году из Астрахани к находящейся на восточном берегу Каспийского моря пристани Мангуслав, которое имя ныне произносится Манкишлак. Гора Манкишлак пред прочими в той стране известна, которая лежит в заливе Каспийского моря. Енкинзон шел от Мангуслава сухим путем и по прошествии без малого трех недель пришел к другому заливу, откуда он дошел в три дни до замка Селлизура и потом в два дни до города Ургенча. По той дороге, которою Енкинзон шел сухим путем, от Мангуслава до второго залива, можно заключить, что он бы лучше с самого начала в оный залив въехал морем, и потому не худо, что князь Беккевич его примеру не последовал. Он выступил с войском своим на берег в залив, который по нем Александр Бай или Александров залив назван и на карте Карла фон-Вердена под высотою полюса 44° означается. Отсюда он пошел сухим путем. Скоро потом прибыл он в землю хивинского хана, который владеет городом Ургенчем. Хива и Ургенч городы отстоят один от другого на 10 или 12 верст и построены при каналах, в которые вода из реки Аму, или Улу-Дарья, впущена. Еще другие есть города в Хивинской области, например Гуриан, Везиркент, Шабак, Казабат, Ханки, Адарус, Бектак, Кайзара[29]; а о Селлизуре там не известно. Все сии города лежат близь реки Аму-Дарьи, где она к Аральскому озеру приближается.

Вся страна от Каспийского моря до того места есть пустая степь, где и воды достать нельзя, разве нарочно вырывать колодцы. При таких обстоятельствах легко можно рассудить, с каким трудом Беккевичев путь соединен был. Наперед послал он людей, кои бы у хивинского хана, которого посланец в Санкт-Петербурге обещал всякое вспоможение, просили помощи. За ними следовал он с малым числом войска, дабы прозьба его тем была действительнее; только сие крайне было ему вредительно. Вероломный хан уговорил его под видом дружества, чтоб он войску своему велел на малые партии разделиться, дабы они, идучи по разным дорогам, тем способнее запастись могли всеми потребностями.

Ежели Беккевича в том винить можно, что он послушал такого пагубного совета, то, напротив того, должно и то объявить, что к оправданию его служит. До Астрахани вез он с собою супругу свою, которую он весьма любил, с тремя малолетними детьми, с одним сыном и с двумя дочерьми. Как он оттуда далее отправился в путь

свой, то супруга его хотела ехать назад в Москву, но судно, на котором она обреталась, стало течь и так скоро наполнилось водою, что спастись ей невозможно было. Княгиня с двумя дочерьми потонула, а сын остался жив, будучи на палубе судна, которое на мель село. Князь Беккевич, как объявляют, будучи на дороге к Хиве, уведомился чрез посланного к нему вестника о сем несчастии. Он оттого впал в глубочайшую печаль, которая его не допустила чинить распоряжения с надлежащею предосторожностию. Таким образом, может статься, он не предвидел той опасности, которой свое войско, разделяя оное, подвергает.

Правда, что хивинский хан сам собою не очень силен. В городах его владения живут бухарцы, или так называемые сарты, которые в поступках смирны и купечество отправляют. Одни узбекские татары, на поле в юртах живущие, могут хану помогать в насильственных его предприятиях. Сие делают они во всей Большой Бухарии. В Хивинской области считается узбеков не больше шести или семи тысяч человек. Но хан может в скором времени более усилиться помощию киргис-кайсаков и трухменцев, что и тогда учинилось. Как скоро хан к соседственным грабительным народам вестников послал, то они к нему, как алчные волки, устремляющиеся на добычу, в великом числе съехались. Князь Беккевич скоро потом увидел узбеков и трухменцов, в Хиву приезжающих, ходящих и величающихся платьем, которое они, отнявши у русских, на себя надевали. Не должен ли он был из того заключить, что войско его побито или по крайней мере в неволю утащено? Наконец и его самого смертная чаша не минула. Все оружие, пушки и военные потребности, которые при нем были, неприятелю в руки достались. На простирающемся в Каспийское море носу, Туккараган[30] называемом, сделан был редут, в коем некоторое число людей было оставлено. Сии, услышав о приключившемся над товарищами своими нещастии, с поспешением в Астрахань возвратились.

По прошествии десяти лет лукавому хану хивинскому отмщено за такое бесчеловечие теми же россиянами, которых он полонил при оном и при других случаях. Хива есть такое разбойническое гнездо, в котором иногда до десяти тысяч человек из россиян и персиян в неволе содержатся, которые землю пашут и для орошения полей роют каналы. Киргис-кайсаки, трухменцы и волжские калмыки, из которых иные даже до Яика и Ембы рек улусами своими простираются, обыкновенно приводят невольников своих в Хиву для продажи, где им большая за них бывает плата, а оттуда распродают их по прочим малым владениям в Бухарии. В 1728 году многие русские и персидские пленники между собою уговорились умерщвлением хана освободиться из неволи, а для того аральского хана, который Хивинскую землю требовал себе во владение, призывали к себе на помощь. Напротив того, они обещались ему чинить всякое вспоможение к получению наследства.

Аральское княжение находится у озера того же имени, в тех местах, где Аму-Дарья в оное впала. Оно прежде сего соединено было с Хивинским владением и незадолго перед тем от оного отделилось. Аральский хан произошел из роду прежних хивинских ханов. Ханское достоинство дается у аральцев по наследству, так, как оно прежде давалось и в Хиве. Но хивинцы поколение своих ханов искоренили и с того времени то того, то другого салтана из киргис-кайсаков себе избирают в ханы, которых свергают и умерщвляют столь же легко, как их избирают, когда народ почитает себя от хана обиженным. На сем основании утверждены требования аральского хана на Хивинское владение. Но сей хан, едва будучи в состоянии набрать пять тысяч че-

ловек, которые оружием владеть могут, не хотел отважиться без чужой помощи претензии своей произвесть в действо. Предложение российских пленников было ему весьма приятно. Он обещал им чинить вспоможение.

Между тем российские пленники нашли случай хивинского хана истребить. Узбеки, которые о заговоре пленников с аральским ханом уведомились и наследного над собою владельца иметь не хотели, напали на россиян, коих восемьдесят человек взошли на башню, где две недели, будучи в осаде, ожидали освобождения от аральского хана, но тщетно. Между тем временем выдержали они нападение от всей хивинской силы. Они беспрестанно стреляли по осаждающим, из которых многие были побиты; напротив чего неприятельские нападения по большей части были безвредны. Напоследок довел их недостаток в съестных припасах до того, до чего их довесть не могла сила неприятельского оружия. Россияне принуждены были сдаться. Токмо они выговорили себе спасение жизни, чем они и были обнадежены, потому что доказывали, что не они, но два персидских евнуха, которые при ханском дворе жили, его убили. Два дни спустя оказался аральский хан перед Хивою, но, услышав, что россияне сдалися, возвратился, не осмеляся предпринять ничего против города. В следующие годы некоторые из сих русских пленников, освободясь из неволи, о вышеобъявленных обстоятельствах известие подали[31].

Я признаюсь, что о сих князя Беккевича приключениях писал я короче, нежели важность сего дела требует. Надлежало было более изъяснить некоторые обстоятельства, о коих здесь вкратце только упомянуто, но за неимением подлинных письменных известий того учинить невозможно было. Напротив того, о разных вверьх по реке Иртыше отправлениях буду объявлять пространнее.

Маия 22 дня 1714 года, в самое то время, когда Государь Петр Великий вытти вознамерился с флотом в море и корабли на Кронштатской рейде стояли уже в готовности, дабы с шведским флотом, оказавшимся в Финском заливе, вступить в сражение, изволил Его Величество вспомнить, что на доношение князя Гагарина о песошном золоте не учинено еще никакого определения, того же часа приказал помянутое доношение себе предложить и под оным собственною рукою написал следующее: «Построить город у Ямыша озера; а буде можно, и выше построя крепость, искать далее по той реке вверьх, пока лодки пройти могут, и от того идти далее до города Эркети, и оным искать овладеть. Для сего определить две тысячи, или по нужде полторы; также сыскать из шведов несколько человек хотя года на три, которые умеют инженерства и артиллерии; также кои хотя мало умеют около минералов, также и офицеров несколько, однако чтоб их было не более трети.

На Котлином острову, маия 22 день, 1714».

Притом определил Его Величество начальником к сей экспедиции подполковника Ивана Дмитриева сына Бухольца[32], которой в гвардии служил капитаном. Он дал ему инструкцию, подписанную в тот же день на галере «Святыя Наталии», в нижеследующих пунктах:

«Указ подполковнику господину Бухольцу.

Понеже доносил нам сибирской губернатор господин князь Гагарин, что в Сибири близ калмыцкого городка Эркета на реке Дарье промышляют песошное золото:

1. Для того ехать тебе в Тобольск и взять там у помянутого господина губернатора 1500 человек воинских людей, и с ними итти на Ямыш-озеро, где велено делать город; и пришед к тому месту, помянутых людей в той новопостроенной крепости

и около ее, где возможно, расставить на зимовье для того, чтоб на будущую весну паки возможно было, скорее с теми людьми собравшись, итти далее к помянутому городку Эркету.

2. И как на будущую весну, собравшись с теми людьми, пойдете от Ямыша к Эркету, то накрепко смотреть того, чтоб дорогою итти такою, где б была для людей выгода. Также в некоторых удобных местах, а именно при реках и при лесах, делать редуты для склади провианту и для коммуникации, и чтоб редут от редута расстоянием больше не был, как дней по шести, или по неделе времени от одного к другому было на проход, и в тех редутах оставлять по нескольку человек людей по своему рассмотрению.

3. А когда Бог поможет до Эркета дойти, тогда трудиться тот городок достать. И как оным с помощию Божиею овладеете, то оной укрепить и проведать подлинно, каким образом и в которых местах по Дарье реке тамошние жители золото промышляли.

4. Потом також стараться проведать о устье помянутой Дарьи реки, куда она устьем своим вышла.

5. Сыскать несколько человек из шведов, которые искусны инженерству и артиллерии и которые в минералах разумеют, которых с воли губернаторской взять; также впрочем и во всем делать с воли и совету губернаторского.

6. Впрочем поступать, как доброму и честному человеку надлежит во исполнении сего интересу по месту и конъюнктурам.

На галере святыя Наталии в 22 день маия, 1714.

ПЕТР».

Другая инструкция, которую губернатор дал подполковнику, состояла в повторении того же, что Государь повелел, отчасти же в некоторых прибавочных пунктах, из коих следующие были главные:

Ежели неприятель не будет давать делать крепости, то прося от Бога помощи, противиться как можно всеми людьми.

Ежели неприятель сидеть будет, то надлежит о прибавке людей, естьли понадобится, и для чего, о том писать в Тобольск, и на Тару, и в Томской, а в Томской и на Тару посланы указы.

Сам Государь изволил определить к подполковнику сержанта и семь человек солдат Преображенского полку; а в Москве от Военной канцелярии ему приданы были майор, два капитана, два порутчика и два прапорщика, с которыми отправился он из Москвы в августе месяце 1714 года. Но тем, что он ехал водою по рекам Москве, Оке, Волге и Каме, до устья реки Чусовыя, в пути так замедлил, что не прежде, как ноября 30 дня в Тобольск приехал.

В то время были в Тобольске от контайши два посланца, Сайзан-Ерке-Тарзахой и Гендул Дундуков. Губернатор оным объявил, что подполковник Бухольц с некоторым числом войска не для войны, но только для смотрения некоторых крепостей по Иртыше пойдет. На что они ответствовали: «Ежели с Российской стороны никаких неприятельских намерений не имеется, то контайша оное допустить может». И таким образом казалось, что сие дело весьма изрядно расположено, а какой оное впрочем иметь будет конец, того надлежало ожидать от щастия.

Бухольц взял к себе в Тобольске два полка пехоты, семьсот человек драгун, небольшую команду артиллерийских служителей, которые по пехоте разделены были,

и семьдесят человек мастеровых; числом было всех две тысячи девять сот два человека. Он запасся всякими потребностями и провизиями, для дальнего и важного пути надобными. Для заготовления всего того пробыл он в Тобольске до июля месяца следующего, 1715 года и отправился оттуда на тритцати двух дощениках и на дватцати семи больших лодках. Сверьх того пристали к нему двенатцать дощеников торговых людей. В Таре даны были тысяча пять сот лошадей, на которых посадил он толикое же число драгун, которые ехали сухим путем для очищения степи от неприятельских набегов и дабы в случае какого нападения заблаговременно известить о том можно было. Офицеры и рядовые до тысячи лошадей при себе имели.

Мало сыщется больших рек, которые в своем течении так много кривизн, как Иртыш, имеют. Он течет около Тобольска не быстро, а чем далее к верьху, тем сильнее умножается его быстрота; к тому же становится он и мельче, особливо в осеннее время, в которое все реки в Сибири бывают маловодны. И для того когда езда по Иртыше была продолжительна, то должно сие приписать вышеобъявленным препятствиям. Октября 1 числа прибыл господин Бухольц с войском к озеру Ямышу, где первую крепость заложить велено было.

Сие место еще и прежде того довольно было известно: оттуда обыкновенно соль доставали и развозили по западным в Сибири местам. Тобольские, тарские и томские обыватели ходили туда ежегодно будто на ярманку и там с калмыками и бухарцами, которые для сего же намерения туда приезжали, отправляли купечество.

Имя озера вообще Ямышева выговаривается. А ежели принять татарское и калмыцкое произношение, которое без сомнения всех правильнее, за основание, то должно говорить Ямыш, а имя Ямышева должно оставить тамошней крепости. Сие озеро продолговато-круглое, имеет в окружности с небольшим девять верст и отстоит от реки Иртыша на шесть верст с половиною. Оно не глубоко, и можно везде видеть дно, на котором множество ключей, из которых истекает вода, толь много соли в себе содержащая, что соль и при умеренном исхождении паров без огня сама собой садится и дно якобы толстым черепом покрывает. По сему соль не всплывает на поверхность воды, как некоторые писатели неправильно объявляли. Ежели оного черепа из воды вынуть в летние жаркие дни и несколько минут на то место, где его вынули, смотреть, то можно глазом приметить, как соль в такое малое время опять на дно снова садится. Ежели ж в озеро опустить нечто деревянное, то оно вокруг солью покроется. Таким образом делают из соли кресты и другия фигуры, какие кто хочет. Количество соли там столь велико, что можно бы было достать оттуда больше, нежели бы во всей Сибири исходило. Того ради сие озеро пред всеми другими соляными озерами в Сибири имеет превосходство. Другое преимущество состоит в белости, чистоте и в общей доброте соли, которою она самой лучшей шпанской и французской соли не уступает. Еще у сего озера сие особливо, что оно фиолковой запах испущает, которой на некое уже расстояние чувствителен, и что в ясную погоду темно-пурпуровый цвет от воды над озером виден, однако не у самого озера, но в некотором от оного отдалении. Сие то есть славное озеро, которое на некоторых старинных ландкартах морем называется и гораздо больше, нежели как оно в самом деле есть, представляется. Еще в то время, когда в около лежащих местах калмыки кочевали, посыланы туда были суда из Тобольска для привозу соли, и временем случались за то с калмыками немалые сшибки. Но по большей части позволяли калмыки бесспорно брать соль, потому что им от того не было убытка, а напротив того, они с россиянами, которые всякими товарами запасались, торговали.

На полтретьи версты ближе к реке Иртыше находится малое озеро, которое для пресной своей воды Пресным называется. Из оного течет в реку Иртыш малый ручей Преснуха, который по обоим берегам имеет низкие луга, где трава растет и небольшой лес, чего в толь сухой степи мало сыщется. Недалеко от устья Преснухи на вышине северо-восточнаго берега при Иртыше выбрал подполковник Бухольц место под крепость, и строение без упущения времени началось. Порутчик артиллерии Каландер отправлял при том должность инженера. Сделан был земляной вал, наподобие половинного шестиугольника, которого три болверка, в степь простирающиеся, флангами к Иртышу сомкнулись. Вкруг обведен был ров, около которого поставлены были рогатки. Для артиллерии построен близ крепости малый деревянный острог, а подле оного для поклажи военных и съестных припасов два большие амбара. Для офицеров и солдат построены домы и казармы на лугу при устье речки Преснухи и окружены полисадом. Лошадей пущали там на корм. За неимением довольного лесу на строение употреблено было несколько дощеников. Земляной вал сделан не больше как в 13 дней, а именно от 29 октября до 10 ноября, что по небольшой окружности крепости и по довольному числу работных людей вероятно.

Господину Бухольцу надлежало было следующею весною продолжать путь свой вверьх по Иртышу для строения еще других крепостей, но рассудилось ему, что он с находящимися при нем людьми, из которых он имел еще часть оставить в Ямышевской крепости для гарнизону, того в действо произвесть не в состоянии. Он требовал, чтоб к нему еще больше людей прислано было, о чем писал он к Государю 26 декабря 1715 года, и представлял, что весьма трудно будет без прибавочных людей от калмыцких нападений надлежащим образом оборонятся. Государь император получил его доношение, будучи в Копенгагене, и писал в ответ на оное 7 августа 1716 года с военного корабля, «Ингерманланд» называемого, ссылаясь на данные губернатору князю Гагарину указы, чтоб он все то, что к лучшему произведению в действо сего дела служить может, согласясь с подполковником Бухольцом, распорядил вообще, а губернатору в особливом письме наикрепчайше подтвердил, чтоб о поспешествовании сего дела крайнее прилагал старание.

Между тем в новопостроенной крепости препроводили всю зиму в безопасном покое. Калмыцкие посланцы, бывшие в Тобольске, на возвратном пути туда приехавши, несколько времени там пробыли. Киргис-кайсаки отбили у них на дороге лошадей и верблюдов; чего ради они послали к близ живущим калмыцким улусам для получения других лошадей и верблюдов. Оные посланцы хотя и удивлялись крепостному строению, объявляя, что сия страна принадлежит калмыкам, однако они успокоились, как только их обнадежили, что им не должно опасаться от того никаких неприятельских действий. Они предлагали, чтоб подполковник кого-нибудь к их владельцу контайше отправил для учинения ему таких же обнадеживаний, дабы тем предупредить у него подозрение.

Сей совет был принят. Как скоро лошадей и верблюдов для посланцев пригнали и оные в путь сряжались, то отправил господин Бухольц с ними порутчика Маркела Трубникова с письмом к контайше вышеписанного содержания. Напротив того, посланцы для уверения, что и с их стороны никаких неприятельских действий чинено не будет, оставили в крепости аманатов и семь человек бухарских купцов послали в Тобольск с товарами. Спустя несколько времени уведомленось, что киргис-кайсаки вторично напали на посланцов и что порутчик Трубников, хотя при нем было пять-

десят человек драгунов для конвою, увезен в полон, из которого он, однако, следующего года освободившись, опять в Тобольск приехал. И так контайша подполковникова письма не получил: а хотя бы оно ему и вручено было, однакож не надежно было, чтоб оное его освободило совсем от опасения, которое распространившийся везде слух о идущем к его земле российском войске в нем производить мог.

Ердени-Шурукту-контайша, который перед тем Цаган-Арапшан назывался[33] и в 1697 году принял правление, последуя правилам дяди своего Галдан-Бушухту-хана[34], покорением рассеянных по разным местам калмыцких улусов под свою власть так усилился, что он не только начатую Бушухту-ханом против мунгалов и китайцев войну мог продолжать, но и Тибетской и Тангутской земле побеждением тамошнего хана и прогнанием далай-ламы сделался страшным. Некоторые из калмыцких тайшей, ему покорившихся, жили прежде сего в степи между реками Обью и Иртышем. По сей причине приписал контайша себе право владения тех мест, не рассуждая, что те же самые тайши издревле были российские подданные, которых несправедливо он себе покорил; да что и собственные его предки, не дошед еще до такой силы, до которой Сенга-тайша[35], Ердени-Шурукты отец, и Бушукту-хан, Сенгин брат, достигли, Российскому государству чинили присягу в верности.

Ердени-Шурукту имел между подданными своими, смотря на военное искусство тамошних народов, великого воина, именем Черен-Дондука, который особливо в тангутской войне прославился. Черен-Дондук был контайшин двоюродный брат. Он сам имел немалое число подданных, живущих по реке Имил[36] и по озеру Нор-Сайзан[37], которые первое нападение от россиян имели бы выдержать, ежели бы сии, как калмыки того опасались, в таком намерении туда пришли, чтоб овладеть всею тамошнею землею; того ради контайша и Черен-Дондук за благо рассудили не допущать россиян ближе. Они всех своих военных людей собрали, без которых только можно было обойтися в войне против китайцев, с коими тогда еще война продолжалась, и не взирая на зимнее время, отправили их в поход. Столь велики у них были страхи и поспешение, чтоб предупредить нападение, которого они опасались!

В ночи с четвертка на пятницу сырные недели, на которой тогда случилась такая прежестокая стужа, какая в тамошней стране и в такое время года весьма редко бывает, сделалась вдруг в Ямышеве тревога для нашествия калмыцкого войска. Солдат, который на лугу пасущихся лошадей стерег, прибежал к командующему с известием, что неприятель всех лошадей отогнал и к крепости приближается. Калмыки надеялись напасть на россиян сонных. Едва полки успели построиться для учинения обороны, то уже калмыки находились близ крепости, и первое их нападение весьма было жестоко. Иные стреляли из винтовок, другие пущали из луков стрелы. Калмыков было десять тысяч человек конных, коими командовал Черен-Дондук. Степь по обеим сторонам реки Иртыша осыпана была неприятельским войском; сообщение между оными облегчила река, тогда еще льдом покрытая.

Сначала построилась российская пехота в низких местах у речки Преснухи, перед своими казармами. Драгуны стояли от оной на несколько сот сажен, а артиллерия имела место свое на артиллерийском дворе близ крепости. Неприятели тотчас узнали, что с крепости сопротивления им будет меньше других мест, того ради они усугубляли свое на оную нападение. Она еще не совсем была достроена, и в ней находилась одна только большая палатка, в которой отправлялась Божия служба. Следовательно, калмыкам, бросившимся в оную в великом числе, никто не мог противиться.

Хотя старались с артиллерийского двора пушечною стрельбою отбить от крепости неприятеля, но в том не имели желаемого успеха. Калмыки, завладев крепостью, уже льстили себя совершенною победою, но подступившая заблаговременно команда пехоты сих незваных гостей опять из крепости выгнала.

Вскоре потом неприятели засели в двух больших амбарах, построенных недалеко от крепости для поклажи военных и съестных припасов. В оных прорубили они везде дыры, из которых стреляли как по артиллерийскому двору, так и по крепости. Они также перед амбарами из мешков, мукою наполненных, и из других вещей, там найденных, сделали себе ограду, из которой непрестанно стреляли в идущее против их российское войско, и почти до самого вечера не можно было их выбить из сего выгодного места. Две бомбы, брошенные из артиллерийского двора в амбары и перед оные, принудили наконец калмыков к отступлению, кои с того времени довольствовались тем, чтоб окружить россиян со всех сторон, дабы они не могли ни вспоможение получить, ниже о своем состоянии подать в другие места известие. На другой день все российское войско, соединясь в крепости и близ оной, сделали себе домы и казармы, в чем утомленные от храброго сопротивления калмыки никакого им препятствия не чинили. Когда ж временем приближались неприятельские партии к крепости, то стреляли по ним из пушек, и тот же час они назад отступали. Один только пушечный гром, которого калмыки до того еще не слыхали, был им страшен. Примечания достойно письмо, написанное Черен-Дондуком к подполковнику Бухольцу. Я оное здесь внесу по русскому переводу, который тогда с оного сделан и 21 февраля подписан. Из оного же можно видеть простоту калмыцкого языка:

«Черен-Дондук господину полковнику послал письмо. Наперед сего Контайша с великим Государем жили в совете, и торговали, и пословались. И прежде сего руские люди езживали и города не строивали. Война де стала, что указу Государева о строении города нет, и город де построен ложными словами. И прежде сего жил Контайша с великим Государем в совете, и будет де война будет, а я де буду жити кругом города и людей твоих никуда не пущу. Зиму зимовать и лето с весны и до осени со всем житьем буду жить здесь и воеваться, и запасы твои все издержатся, и будете голодны, и город де возьму. И буде де ты не будешь с войною, и ты де съезжай с места, и как прежь сего жили, так будем и ныне жить и торговаться, и станем жить в совете и в любви, ежели с места съедешь. И будет де ты войною будешь, и ты де против сего письма дай отповедь; а которой с сим письмом послан, и он де будет доносить тебе на словах».

Подполковник ответствовал на то, что он всеконечно по указу Его Императорского Величества прислан, дабы не только сию, но еще другие построить крепости по реке Иртышу, яко в такой стране, которая всегда Российскому государству была подвластна. А чрез то он не намерен нарушить мир с контайшею, но только искать рудокопных мест; наипаче может от того соседственное с контайшею дружество и купечество между подданными обеих сторон больше укрепиться и распространиться. Впрочем, он не обык бояться угроз и, будучи снабден довольным числом съестных припасов, может переждать без нужды до того времени, пока не придет к нему из Тобольска, куда уже он писал, больше войска на вспоможение, и тогда де Черен-Дондук увидит, может ли он намерениям Его Императорскаго Величества далее препятствовать. Следовательно, он ему советует, чтоб он сам отступил назад, ибо отступ его будет единое средство к восстановлению тишины, мира и прочего.

Но хотя Бухольц так бесстрашным в сем ответе себя объявил, однако пресечение с сибирскими городами сообщения необходимо имело по себе произвести худые следствия. Чем далее продолжалась осада, тем труднее им становилось ее выдерживать. Наконец, едва не исчезла вся их надежда, как они увидели, что калмыки целый караван, посланной к Ямышеву, взявши в полон, ведут мимо крепости.

Сей караван состоял из семи сот человек, по большей части купцов и промышленников, из Тобольска, Тары и Томска собравшихся, дабы в новостроенной крепости с калмыками отправлять купечество и снабдить российское войско запасом. Губернатор князь Гагарин послал с оным дватцать тысяч рублев казенных денег для раздачи войску жалованья, при чем был для конвою один капитан, один порутчик и некоторое число солдат. Было при том и несколько шведских пленников, которые желали отведать щастия своего под предводительством Бухольца или удовольствовать свое любопытство ездою в такие места, в коих европейские путешественники до того времени, сколько известно, не бывали. Все сии люди с товарами своими и с казенными деньгами попались калмыкам в руки; и сие сделалось за пятьдесят две версты от Ямышевской крепости в степи при Иртыше, на месте, Коряков Яр называемом. Великое множество неприятелей нечаянно их окружило, и хотя целый день храбро сопротивлялись, однако напоследок превосходящей силе уступить и в полон сдаться принуждены были.

Между сими пленными находился и шведской штык-юнкер Иоган Ренат[38], который после научил калмыков железную руду плавить, пушки и бомбы выливать; а был главным над калмыцким войском против китайцев предводителем и напоследок, нажив нейзчетное сокровище золота, серебра и драгих каменьев, в 1733 году чрез Сибирь и Россию в отечество свое возвратился.

Между тем пощастливилось осажденным, что они, не взирая на крепкое смотрение калмыков, двух человек с ведомостью о их состоянии в Тобольск отправили. Сему способствовал вскрывающийся лед реки Иртыша. Посадили вестников ночным временем в лодке на большую льдину и оклали льдом вокруг так высоко, что из оного ни лодки, ни людей видеть не можно было. Таким образом вестники между неприятелями прошли благополучно. Потом они, видя себя в безопасности, спустили лодку на воду, сели в нее и привезли губернатору в Тобольск известие о крайности, которую подполковник Бухольц с войском своим в Ямышеве претерпевает. Но сие еще им не пособило: в Сибири недостаток был в регулярном войске. К набиранию и обучению рекрут требовалось время. Напротив того, в Ямышеве страдали осажденные от другого еще неприятеля, который потому, что он в средине их лагеря оказался, гораздо был опаснее, нежели осада, кою они с внешней стороны от калмыков сносить имели.

С наступающей весны появилась между народом некая болезнь, которой тогда еще не знали, но после того многократно приметили ее в Таре и в около лежащих местах, также в 1739 году в Исетской провинции Оренбургской губернии, и за некоторый род морского поветрия почитали. В самом деле был на людях, оною зараженных, некоторый род чирьев, моровым чирьям подобный. Люди от того умирают, ежели им скорой помощи не подадут. Но помогают им тем, что чирей иглою вокруг прокалывают, кровь высасывают и к чирью тертый табак прикладывают. Жители в Таре нашли сей способ опытами и изведыванием подтвердили. Из сего уже видно, что то не моровая язва; оная болезнь и не заразительна и самим тем не опасна, которые

кровь высасывают, которую, однако, опять выплевывают. Сверьх сего оказалась в людях жестокая болезнь цынга, от которой все тело пухло, зубы шатались и ноги корчились. Сии болезни так усилились, что редко проходил день, в который бы дватцати или тритцати человек не умирало. Бухольц жаловался после на губернатора, что он ему ни лекаря, ни аптеки не дал, чем бы в сих и других телесных припадках могли пользоваться.

При таких обстоятельствах, рассуждал господин Бухольц, коль нещастливо все дело окончиться может, ежели мор в людях продолжится, а им вспоможения из Тобольска не будет. Съестные припасы час от часу умалялись. Опасно было, чтоб наконец не быть принужденным самим себя калмыцкому плену подвергнуть и чтоб артиллерия со всеми военными припасами неприятелю в руки не досталась. Дабы сие предупредить, то в военном совете определено было сие место оставить, что больше, нежели по двумесячной осаде, 28 апреля, без всякого сопротивления от калмыков следующим образом и в действо произведено.

Крепость срыта до основания, домы и казармы сломаны, все военные потребности с остальными припасами нагружены на осьмнатцать дощеников; ибо от строения домов и казарм толикое число оных осталось, коим неприятель для осторожного над оными наблюдения никакого вреда учинить не мог. Офицеров и рядовых считалось не больше семи сот человек, из коих большая часть были больны. Все, как могли, на суда вместились. Калмыки, для оказания удовольствия своего о сем отъезде, привели к дощеникам двоих при Коряковом Яру полоненных, а имянно: священника и бывшего при военной казне комисара, и отпустили их на волю.

В то время, как сие в Ямышеве происходило, князь Гагарин за благо рассудил контайшу об указе Государевом для крепостного строения при реке Иртыше письменно уведомить и его обнадежить, что сии учреждения чинятся не во вред его, но больше служить должны к защищению против его неприятелей, естьли контайша Его Императорское Величество по надлежащему о том попросит и таким же образом, как волгских калмыков хан Аюка, Российскому государству покорится. К чему увещевал он его примером того ж хана Аюки, к которому по указу Государеву для вспоможения против бунтующихся своих подданных и для прикрытия от набегов кубанских татар недавно послано пять тысяч человек регулярного и искусно обученного войска.

Вручители сего письма были тарский козацкий сотник Василей Чередов и тобольский сын боярский Тимофей Етигор. Они отправилися из Тобольска в феврале месяце 1716 года с инструкциею, по которой велено им и о всем вышеписанном контайше представить словесно. Калмыцкие неприятельские действия против крепости Ямышевской, чему они при проезде своем сами свидетелями были, продолжению их пути не препятствовали, наипаче того от Черен-Дондука они надежным конвоем до контайшиных жилищ были препровождены. Но как туда приехали, то нашли контайшу так на русских озлобленного, что ни о каком представлении и слышать не хотел. Он их пять лет у себя задержал, однако по калмыцкому обыкновению давано им довольное пропитание.

В то же время возвратился в Тобольск тобольский дворянин Федор Трушников, которого, как выше упомянуто, губернатор князь Гагарин в 1713 году посылал чрез Бухарию в Китай для наведывания о песошном золоте и каким образом его добывают, и чтоб для доказательства привез с собой с оного опыты. Трушников поднес губернатору двести лан песошного золота; а известно, что китайской лан около девяти

золотников российскаго весу в себе содержит; и репортом объявил, что он того золота в тех местах, где его промышляют, купил у китайцев и у калмыков, в подданстве у китайцев состоящих, за семь рублей лан. Первое место было в близости озера Коконора, где живут калмыки, по их языку Хошот называемое. Там де находят песошное золото в малых реках и ручьях, которые из гор протекают. Близ большой дороги застал он на сем промыслу сто пятьдесят человек, которые сказывали, что каждый из них собирает оного золота в лето по дватцати, по тритцати и по сту лан. Далее от сего места к югу оные же калмыки и народ, называемый тангуты, копают золото на горе и на берегах реки Алтан-Голь, то есть Золотая река называемой, также и по другим малым речкам. От озера Коконора в дватцать дней расстояния, проехав Китайскую стену, мунгальцами Калган называемую, видел он при каспийских городах Дабе и Селиме, из которых первый на три, а другой на дватцать верст от стены отстоят, что китайцы в двух местах песошное золото в реках собирают, которого он и у них за ту же цену купил. Те же люди и чистое золото из земли выкопывают, а каждый, который сию работу отправляет, должен заплатить хану один золотник во все лето. Сии известия с полученным от Трушникова песошным золотом поднесены Государю Петру Великому князем Гагариным, и по кончине Его Величества внесены в Императорскую Кунсткамеру.

Легко было догадаться, что дело при сих первых нещастливо происходящих опытах не окончится; но тем важнейшие средства употреблены будут, дабы предприятое намерение произвесть в действие. Того ради как подполковник Бухольц с людьми пришел к устью реки Оми, то там остановясь, о своем принужденном от Ямышева возврате губернатора известил и представлял, не угодно ли будет на сем месте заложить крепость, дабы людей и всякие воинские потребности там оставить, ежели оные впредь, как надеяться можно, в сей стране будут надобны.

Река Омь в верьхней своей части татарами населена, которые с первого завоевания Сибири Российскому государству дань платят. Их называют барабинцами или барабинскими татарами, потому что тамошняя степь именуется Бараба или Барабинскою степью. Когда еще различные малые тайши, или князья калмыцкие, в степи между Иртышем и Обью реками жили, то сии татары подарками от оных откупались, дабы от них жить в покое и ходить за звериным промыслом беспрепятственно. То же самое делалось и с некоторыми татарами в уезде города Кузнецка. Но контайша, тайшей сих под власть свою покоривши, оное признал за право, и для того от сих народов требовал ежегодной подати, в чем хотя ему с российской стороны часто выговаривано, однако дань не прекратилась, потому что сибирские начальники были тем довольны, что сии народы за тем не переставали дани своей платить России. Сверьх того в Барабинской степи не было таких мест построено, кои бы служили сим татарам к защищению. Земля отверста была частым набегам киргис-кайсаков, которые барабинцев часто грабили, взрослых мужиков убивали, а жен и детей их в плен увозили, ибо малые крепости, Тартасской, Каинской и Убинской Пас, по дороге от Тары до Томска в Барабинской степи лежащие, уже в 1722 году построены. По сему разные были причины построить крепость при устье реки Оми, хотя сии обстоятельства тогда притом и не приняты были в рассуждение.

Князь Гагарин, получа известие от подполковника Бухольца, не только представление его за благо принял, но и послал к нему для дополнения полков тысячу триста рекрут в трех партиях. И так немедленно крепость при реке Оми строить начали. Ар-

тиллерии порутчик Каландер имел опять смотрение над строением. Избрали место на южном берегу реки Оми около пятидесяти сажен от ее устья. Низкий земляной вал, в фигуре правильного пятиугольника, обнесен полисадом с пятью таких же болверков на углах и со рвом, около которого поставлены были рогатки. Сие крепостное строение еще до зимы приведено в полное состояние. Правда, что в бытность мою там в 1734 году крепость была четыреугольная и только полисадом обнесенная, из которых каждая сторона содержала в длине по сту сажен. Но как на другой год в Селенгинск я прибыл и там застал господина Бухольца бригадиром и комендантом, то он меня обнадежил, что заложенная им крепость подлинно так сделана была, как она прежде описана. Называли ее по ее положению Омскою крепостью. Она состоит от Тары в двухстах семидесяти семи верстах, а от Тары до Тобольска считается четыре ста тритцать пять верст.

Сверьх объявленных намерений, чего ради сия крепость построена, она еще другую пользу приносила. Чернолуцкая слобода, в сорока верстах ниже устья реки Оми, была последнее место при Иртыше, на котором для набегов киргис-кайсаков россияне поселиться отважились. Но с заложения Омской крепости еще шесть деревень от Чернолуцкой вверьх по Иртыше поселены, да и при самой крепости находится знатная слобода, которая оба берега реки Оми занимает. От сей слободы произошли еще три деревни, которые на сто верст вверьх по реке Оми находятся.

Несогласие между князем Гагариным и подполковником Бухольцом было тому причиною, что Бухольцу скучно стало продолжать предприятую экспедицию, а особливо для того, что Гагарин еще тем же летом 1716 году подполковника Сибирского драгунского полку Федора Матигорова с немногими людьми в Ямышев послал, дабы то, в чем Бухольц, по его мнению, погрешил, исправить. Бухольц, сдав команду приехавшему с ним из Москвы майору Ивану Вельяминову-Зернову, поехал 22 сентября в Тобольск. Там пробыл он до получения Его Императорского Величества своеручного повеления, которое его в Санкт-Петербург позвало, куда он 2 сентября 1717 года и прибыл.

В то же время, как губернатор подполковника Матигорова отправил, послал он сына боярского Алексея Маремьянинова к контайше с письмом, в котором приносил жалобу на Черен-Дондуковы неприятельские поступки при Ямышеве и требовал, чтоб пленники и взятая калмыками воинская казна возвращены были. Он также отправил к Государю о сих его новых приготовлениях известие и представлял, что ежели Его Величество соизволит приказать, чтоб экспедицию в Бухарию продолжать, то к щастливому окончанию дела вспомоществовать может, естьли бы к контайше послана была Государева грамота, в которой бы он о милости Его Величества и о мирных поступках российского войска обнадежен был. Губернаторскую отписку получил Государь на пути в Амстердам. Грамота к контайше была изготовлена и по обычаю употребляемой с контайшею переписки гласила следующим образом:

«Божиею милостию от Пресветлейшаго и Державнейшаго Великаго Государя Царя и Великаго Князя ПЕТРА Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белыя России самодержца, и многих государств и земель восточных и западных и северных Отчича и Дедича, и Наследника, и Государя, и Обладателя Нашего Царскаго Величества, Калмыцкому владельцу Контайше со всеми улусными людьми милостивое слово.

В прошлом 1715 году повелели мы, Великий Государь, Наше Царское Величество, по имянному указу ближнему боярину и Сибирскаго царства губернатору, князю

Матвею Петровичу Гагарину, в краях сибирских по Иртышу и Сайсан озеру и в вершинах иртышских сыскивать серебряныя и медныя и золотыя руды, и для того в тех местах, где потребно будет, построить городы. И понеже мы Великий Государь, Наше Царское Величество уведомились, что вы, Контайша, с улусными своими людьми близ тех помянутых мест жилища свои имеете: того ради всемилостивейше от вас желаем, дабы вы в строении тех городов, которые по Нашему соизволению означенный Наш ближний боярин и Сибирской губернатор для прииску разных руд имеет строить, никакой помешки не чинили, и с посланными от него боярина и губернатора Нашего людьми никаких ссор своим людям иметь не велели, но наипаче по желанию по письмам того Нашего боярина и губернатора, посланным от него потребное вспоможение чинили; и чего он требовать от вас будет, то исполняли, потому что он от нас о всем полной указ имеет. А мы, Великий Государь, Наше Царское Величество, милосердуя о вас, желая, чтоб вы також, как и хан Аюка и прочие калмыцкие владельцы, у нас в милости пребывали, позволяем вам и подданным вашим на тех землях жилища свои иметь свободно, хотя оныя и к Сибирскому нашему царству принадлежат. И послан наш указ к помянутому нашему боярину и губернатору, что ежели вы будете пребывать смирно и никакова препятствия в строении городов и приискании руд впрочем чинить не будете, тоб отнюдь от тех земель вас не высылал. И как вам, Контайше, також и всем улусным людем никакого разорения и обид не было б, но наипаче б вам и от посторонних неприятелей велел оборонять и охранять. Писан в Нашем Царского Величества походе, в Амстердаме, декабря в 18 день 1716 года».

С сею грамотою послал князь Гагарин еще письмо от себя, ссылаясь на то, о чем он представлял чрез сына боярского Маремьянинова, и спрашивая, для чего оный Маремьянинов к нему назад не отправлен. Оба письма дал он для вручения контайше тобольскому дворянину Григорию Велианову, которому по силе инструкции от 7 марта 1717 года приказано ответа требовать и о всем, что он на пути у контайши в Урге приметит или услышит, точный журнал держать.

Впрочем Государь положился на благорассуждение губернаторское, как он будущую экспедицию распорядит. По сему определил губернатор подполковника Прокофья Ступина, человека в воинских делах искусного, в предводители, дав ему прибавочных людей не токмо солдат, но и козаков, потому что сии к дальним посылкам лучше привыкли и во всех приключениях способнее себе пособить знают. Из артиллерии и амуниции, также и из людей, в крепости Омской находящихся, велено Ступину взять по благорассуждению своему, сколько он пожелает, а там токмо малый гарнизон оставить. Когда он прибудет к Ямышеве, где подполковник Матигоров в минувшую осень построил малый острог, тогда ему то место правильно укрепить и потом продолжать свою экспедицию. Притом весьма строго запрещено было, чтоб калмыкам, где бы ни было, ни малейшие обиды не чинить; наипаче естьли они против россиян по-неприятельски будут поступать, то б токмо обороняться и учтивым образом им говорить, что не для того пришли, чтоб с калмыками воевать, но токмо чтоб на способных местах построить крепости, дабы в оных от нападения киргис-кайсаков быть безопасным, чтоб повеленное без урону калмыков в действо произвесть. Губернатор послал еще тобольского обер-коменданта Семена Карпова с Ступиным до Омской крепости, чтоб его оттуда совершенно отправить. Сие учинилось в начале лета 1717 года. Вся езда водою отправлялась.

По прибытии в Ямышеву застал Ступин четвероугольный и полисадом обнесенный острог, в прошедшую осень Матигоровым построенной, на что остальной лес от прежних домов, казарм и амбаров весьма полезно употреблен был; но токмо то место по рассуждению Ступина мало заложено и требовало лучшего укрепления. Сие еще тем же летом под смотрением артиллерийского порутчика Каландера учинено. Вместо малого острога построена регулярная крепость полушестиугольником с двумя к стене сделанными болверками и двумя половинами, к Иртышу приведенными. За благо рассуждено крепость делать не земляным валом, но деревянным строением; и так вокруг оной с степной стороны высокие деревянные стены по образцу домового строения, а в них с внутренней стороны казармы и сверьх оных батареи построены. Напротив того по стороне от реки Иртыша поставлен токмо полисадник, потому что для вышины и крутости берега то место есть безопасно. Но сей берег час от часу рекою подмывало, и он безпрестанно осыпался, того ради принуждены были оную стену немного от реки назад подать.

Впрочем, Ямышевская крепость с первого ее строения нарочито знатным и жилым местом учинилась. По обеим сторонам крепости две слободы построены, которые с поля полисадом и рогатками обнесены, а где полисадник к Иртышу приведен, там малые четвероугольные редуты с высокими башнями построены, с которых степь вокруг видеть можно. Другой такой же редут находится в пяти верстах от крепости к Соленому озеру, однако несколько в сторону, на холме, откуда еще далее видно. Сия предосторожность нужна в такой стране, где ежечасно набегов неприятельских и такого народа опасаться должно, который, как скоро получит добычу, назад убегает.

Особливое отправление, которое губернатор в то же время определил, в том состояло, что он послал сына боярского Ивана Калмакова со сто человек конных по восточному берегу реки Иртыша до озера Сайзана, чтоб тот о состоянии сего озера и можно ли по Иртышу к оному способно ездить, подлинно наведался. Сему озеру на ландкартах Российскаго атласа поставлено имя Корзана, а надлежало быть Нор-Сайзан. В некоторых ландкартах сие озеро Кизилбас названо, утверждаясь на описании путешествия некоего российского посланника в Китай в четвертой части северных путешествий («Voyages au Nord», с. 538), но и сие несправедливо: вместо Кизилбас надлежит читать Кисалпу, потому что так сие озеро прежде называлось как у калмыков, так и у татар, и нынешнее имя Нор-Сайзан не прежде, как в половине прошедшего века, пришло в употребление, когда калмыки от великого голода для рыбной ловли к сему озеру прибегали, и, прокормившись от оного, в знак благодарности его Благородным, что у них Сайзан значит, назвали.

Для опасности, с сею ездою совокупленной, приказал губернатор всем в Тобольске колодникам, в темницах заключенным, объявить: кто из них охоту имеет туда ехать, тот будет во всем прощен и сверьх того еще получит награждение. Сим способом требуемое число скоро наполнилось. Калмаков, находясь в пути от Ямышевы до озера две недели, прибыл туда не только без всяких препятствий, но и там построил большую лодку, на которой по озеру разъезжал и назад возвратился. Он приметил, что озеро во многих местах, а особливо где река Иртыш из оного вышла, высоким тростником обросло и что река очень мелка и течет быстро. Для сих обстоятельств уже немного было пользы ожидать, но крепостное строение тем не остановлено.

Польза, которую уже тогда крепость Омская оказала, а именно что сообщение между Ямышевскою крепостью и сибирскими городами чрез то очень поспешествовано, побудила князя Гагарина по отправлении подполковника Ступина еще к другому предприятию: для большей способности к сообщению между Омской и Ямышевской крепостями, также для безопасной езды по реке Иртыше приказал он на удобном месте еще малую состроить крепость. Сие поручил он тарскому воеводе, который тем же летом 1717 года сына боярского Павла Свиерского с командою козаков туда отправил. Им построена крепость также деревянная, как и Ямышевская. Она находится на восточном высоком берегу реки Иртыша, расстоянием от Омской на двести, а от Ямышевской на двести тритцать одну версту. С западной стороны впадает в Иртыш малая река, которая от руских караванов издревле, неведомо по какой причине, именована Железенкою. А она хотя на тритцать верст в стороне от крепости, однако сия по ней прозвана. Место самым делом изрядно. Крутой берег реки Иртыша там особливо высок и кончается по обеим сторонам плодородными лугами, где есть и леса довольно. Но как сия тогда заложенная крепость не занимала больше мест, как около пятнатцати сажен квадратных, и она наконец стала ветха, то в 1733 и 1734 годах построили там новую, хотя по такому же образцу, но с большеею окружностию.

В то же время по приказу губернаторскому послан из Тары дворянин Василий Чередов с казаками, чтобы от Ямышева по реке Иртыше вверьх сыскать еще мест, к крепостному строению способных. Чередов осенью 1717 года дошел до верьхнего устья протоки реки Иртыша, Калбасунская Заостровка называемой, откуда по прямой дороге до Ямышевской крепости считается девяносто верст. Поставя зимовье, он там зимовал. Четыре версты оттуда находятся остатки языческого капища, которое под именем Калбасунской башни известно. Описание и рисунок оного можно видеть в сочинении моем о письмах тангутских, в Сибири найденных («De scriptis tanguticis in Sibiria repertis») (в десятой части старых Комментарий Академических). Сие зимовье для первого случая полисадом обнесено, и то Чередово, то Калбасунское называлось. Но за недостатком жителей совсем запустело, ибо Чередов, оттуда отъезжая весною 1718 года, никого там не оставил. Польза его езды в том состояла, что он для Семипалатной крепости место избрал, которую еще в том же году подполковник Ступин строить начал.

Тогда дворянин Григорий Вельянов из контайшиной Урги назад в Тобольск прибыл и в тамошней канцелярии маия 16 дня 1718 года о приключениях в его пути доезд подал, из которого я главное содержание с моими для большего изъяснения примечаниями здесь сообщу:

Вельянов, отправясь из Тары 5 апреля 1717 года, ехал степью барабинских татар и прибыл в Ямышеву 1 маия. Оттуда путь продолжал он 3 числа того же месяца и ехал по реке Иртыше до Каменной горы Борон-Нургун восемь дней, и при оной десять дней стоял. В сие время послал он людей для сыскания теленгутов, которые бы его до контайши проводили.

Теленгуты из Абулгазиевой родословной истории о татарах[39] известны, где их происхождение числится от уйрят, или от собственно так называемых калмыков. Правда, что они себя по большой части к калмыкам причитали и с ними вместе жили, но их язык совсем татарский; также они разнятся от калмыков лучшим взглядом, высоким и тонким тела станом и белостью лица. По сему справедливее можно их

причесть к татарам. Некоторые из сих теленгутов живут еще поныне близ Кузнецка и в Томском уезде деревнями в российском подданстве и называются белыми калмыками.

Во время Вельяновой езды кочевали из них некоторые в степи между Иртышем и Обью, которые после того в Калмыцкую землю переселились. Манзуй и Бокой были знатнейшие теленгутские князья. Как они только о Вельяновом прибытии сведали, то послали они к нему двух знатнейших из своего народа с дватцатьми человеками на встречу и его к себе просить приказали. Он прибыл к ним 25 маия. Жилище их было между реками Ануйем и Чарышом, которые обе в Обь впадают. Манзуй спрашивал Вельянова о намеренном его пути; и как уведомился, что он имеет от Его Царского Величества грамоту к контайше, то он обещался ему дать до Урги провожатых. Получив для провожания трех его родных братьев и дватцать шесть человек рядовых, 30 маия Вельянов оттуда выехал и, не дошед до Иртыша, по двум рекам, Альба, чаятельно Ульба, и Кингир называемым, переправлялся. В первых калмыцких жилищах, контайше принадлежащих, снабдили его свежими лошадьми, съестными припасами и новыми провожатыми. Оттуда прибыл он в двенатцать дней к контайшиной Урге. За день перед тем, то есть 24 июня, встретили его пятнатцать человек, посланных от контайши, которые его в двух верстах от Урги остановили, и он принужден был там пробыть два дни. Июня 27 числа был он у контайши на аудиенции, который тогда стоял при реке Харкир, под горою Музарт. Вельянов вручил ему царскую грамоту, которую контайша принял с обыкновенными знаками почтения, а ничего не говорил, но скоро потом приказал Вельянова отпустить. Губернаторское к контайше письмо принял дарука, или судья, в контайшиной Урге, к разбиранию ссор определенный. Вельянов содержался до конца февраля месяца следующего года под крепким караулом и токмо нужное пропитание получал. Последнего числа февраля имел он опять аудиенцию, и 1 марта был он у контайши на отпуске. Контайша приносил жалобы на управителей пограничных городов, Томска, Кузнецка и Красноярска, что они от подданных его дани требуют; а особливо жаловался он о крепостном строении, о чем он еще и тогда не верил, что Его Царское Величество о том знает. «Я де, — говорил он, — к Его Царскому Величеству о том писал и ожидаю ответа». Он также грозил отмщением, ежели новопостроенные крепости опять разорены не будут до основания. Сие было в обыкновенном зимнем кочевье контайши при реке Коргос под горою Талки. Оттуда Вельянов 2 марта с контайшиным письмом к губернатору назад отправился. 27 марта прибыл он к теленгутскому князю Манзую, который тогда стоял при реке, Абигон-Голь называемой. Потом 29 числа оттуда выехал и 31 того же месяца приехав к реке Иртышу к каменной горе, Таки-Тологой называемой, состроил там лодку, на которой 3 апреля следовал вниз по Иртышу. 9 числа приехал он к Калбасунскому зимовью, а 10 дня в Ямышевскую крепость, откуда он 16 числа паки отправился. 22 числа был он в Железенской, 26 — в Омской крепости, и 29 — в Чернолуцкой слободе. Наконец 3 маия прибыл в Тару, употребив на всю езду год и 28 дней.

Контайшино письмо к губернатору ничего больше в себе не содержало, как только те же заобыклые жалобы и угрозы. Но сие не за велико почитали, ведая, что контайша с других сторон занят делом. С одной стороны шли против его китайцы, Малую Бухарию себе покорить желающие, и для того два уже города, а именно Хамыль и Турфан, завоевали; с другой стороны киргис-кайсаки в контайшину область чинили

частые набеги, признавая его с начала его правления за всегдашнего себе неприятеля, который часто покушался их под свое иго подвергнуть, дабы тем распространить свое владение и до Большой Бухарии, до Каракалпаков и до Аральского озера. В сей думе киргис-кайсаков укреплял губернатор частыми к ним посылаемыми вестниками. Он обещал им помощь к их защищению, и в рассуждении того Тефки-хан, Хаип-хан и Абулхаир-хан[40], которые тогда над киргис-кайсаками владетельствовали, обещались было Российскому государству совершенно повиноваться; но в самое то время Тефки-хан умер, а князь Гагарин в Москву позван, под караул посажен и к смерти приговорен был, чрез что сие сообщение с киргис-кайсаками на некоторое время пресеклось.

По сим обстоятельствам строение крепостей отправлялось свободно. Оное уже при вторичном строении Ямышевской крепости изведано. Равномерно и при крепости Семипалатной ни малейшего помешательства не было. Крепость сия находится в двух стах дватцати осьми верстах от Ямышевской, на восточном берегу реки Иртыша. Она еще осенью 1718 года под смотрением подполковника Ступина в полное состояние приведена, который, будучи перед тем в Ямышеве, нарочно для того дела подполковником Матигоровым, между тем временем в Тобольске бывшим, сменен был. Крепость названа по имени Семи палат, которые в семнатцати верстах от оной в степи вверьх по реке Иртышу находятся. А сии того ради, как в общих речах употребительно, названы палатами, что оне отчасти из кирпича, отчасти же из дикого камня или из плит сделаны. В том одном состоит все сих палат достоинство. О развалинах их и в каком они в бытность мою в 1734 году состоянии были, находится описание в вышепомянутом моем сочинении о письмах тангутских, в Сибири найденных[41], при чем и объявлено, что об них уже под 1616 годом в Тюменской архиве упоминается. Однако до тех пор обстоятельно об них не знали, пока подполковник Ступин, отправляя еще строение Ямышевской крепости, весною 1717 года, одного капрала да четырнатцать солдат и с ними писаря туда не послал, которые о том впервые подлинное привезли известие. Там найдены первые тангутские письма, для коих изъяснения в следующих годах разные ученые люди, а особливо господа Фурмонты[42] в Париже трудились.

Семипалатная крепость, так же как и Ямышевская, деревянная построена, но токмо четвероугольна и со всех сторон в равной силе, потому что там берег реки Иртыша полог, и крепость таково ж с речной, как и с полевой стороны, может быть атакована. При ней есть же та неспособность, что река часто несколько земли с берегу смывает. До моей бытности оное уже три раза случалось, и того ради принуждены были как крепостное строение, так некоторые при реке лежащие домы сломать и подалее от реки снова построить.

В то время, как Ступин в строении Семипалатной крепости упражнялся, приказано было капитану Ивану Алексееву осенью 1718 года из Ямышевской крепости в Семипалатную на дощениках отвезть съестные припасы, но от рано наставшей зимы недалеко от устья речки Долонки, в Иртыш впадающей, взял его заморозь. Сие место прежде у калмыков называлось Долон-Карогай, а сие слово значит «семь сосен», которыми то место в прежние времена было приметно. Долонка речка ли или проток реки Иртыша, дело не важное. Алексеев для сбережения съестных припасов построил там крепостцу, в коей зимовал; ибо тогда в тамошних странах был еще в лошадях недостаток, на коих бы оные припасы сухим путем перевезти было мож-

но. Сия крепостца, Долонская называемая, от Семипалатной на сорок верст отстояла и в 1722 году, яко излишняя, сломана.

По состроении Семипалатной крепости подполковник Ступин вознамерился итти к озеру Сайзану и для того весною 1719 года наперед послал капитана Андрея Урусова и порутчика Сомова с дватцатью человеками солдат. Для оных построено при Ямышевой дватцать больших плоскодонных лодок, дабы по мелким местам Иртыша было итти без препятствия. Сии прошли везде благополучно и, прибыв к Верьхнему Иртышу, увидели по обеим сторонам калмыков; но оные никаких препятствий им не чинили, кроме того, что в одно время трижды с берегу по судам стреляли; однако никакого вреда не сделали. Употребив уже десять дней на езду по ту сторону озера Сайзана, принуждены были за недостатком съестных припасов возвратиться. Главное содержание их наведаний состояло в следующем.

По озеру Сайзану (ибо когда называют Нор-Сайзан, то слово *нор* значит «озеро») можно от того места, где Верьхний Иртыш из него вытекает, до того места, где Нижний Иртыш из него вытекает, такими же большими лодками, какие в сей езде употреблены были, в сутки доехать. Течение воды на озере не приметно. По ширине можно чрез оное простыми глазами видеть. Недалеко от южного берега есть остров нарочитой величины. Верьхний Иртыш разделяется на два устья, которые на три или четыре версты от другого отстоят и расстоянием на один только день вверьх по реке соединяются. Северный рукав очень мелок, так что едва на легких лодках по оному проехать можно. Напротив того южный к езде способен, а особливо на возвратном пути; понеже Верьхний Иртыш таково же быстро или и быстрее течет, как и Нижний. Сие все поведано собственным искусством, ибо Урусов ехал туда по северному берегу озера и по северному рукаву Иртыша, а назад по южному берегу озера и по южному рукаву Иртыша возвратился.

В то же время приказал подполковник Ступин еще новую крепость в девяти верстах от Семипалатной состроить, которую он по реке Убе Убинскою назвал. Сия река не там, но за дватцать верст выше в Иртыш втекает. Величина и строение оной крепости Семипалатной было подобно, расстояние было не толь велико, как при прочих крепостях. Для сей причины, как следующая крепость Усть-Каменогорская была построена, оную, так же как Долонскую, в 1722 году сломали.

По сим происхождениям Государь Император Петр Великий опять сам за дело принялся и гвардии майора, в ранге генерала-майора, Ивана Михайловича сына Лихарева, яко такого человека, на которого Государь много полагался, определил начальником новой экспедиции, которую бы предпринятое дело по возможности совершилось, или бы невозможность оного точным наведыванием доказана была. В собственноручном Его Величества указе, который 28 генваря 1719 году в Правительствующем Сенате записан, приказано генерал-майору Лихареву два дела: во-первых, велено в Сибири для худых поступок бывшего губернатора Гагарина по данным ему пунктам, никого не щадя, а как честному человеку пристойно, исследовать. А сие кажется сперва главное дело его комисии было, потому что в то же время князь Гагарин для принесенных на него жалоб в Петербурге под караул посажен и следствие над ним началось; однако как суд в Санкт-Петербурге прежде окончался, нежели в Сибири дело исследовали, то осталась другая комисия, которая в помянутом Императорском указе следующими словами изъяснена:

«Указ майору от гвардии господину Лихареву.

Ехать тебе в Сибирь, и там разъискать о худых поступках бывшаго губернатора Гагарина, о всем против данного тебе реэстру подлинно, не маня никому, ниже посягая на кого, но как доброму и честному офицеру надлежит. Между тем же трудиться всеми мерами освидетельствовать по сказкам помянутаго Гагарина и подполковника Бухольца о золоте еркетском, подлинно ль оное есть, и от кого он, Гагарин, сведал, тех людей сыскать, также и других ведомцов, и ехать с ними до тех крепостей, где посажены наши люди, и там разведав, стараться сколько возможно, дабы дойти до Сайзана озера; и ежели туды дойтить возможно, и там берега такие, что есть леса и прочия потребности для жилья, построить у Сайзана крепость и посадить людей. А как туды едучи, так и построя крепость, проведывать о пути от Сайзана озера к Иркети, сколько далеко и возможно ль дойти, также нет ли вершин каких рек, которыя подались к Сайзану, а впали в Дарью реку или в Аральское море. Сие все чинить, сколько возможно, а в газард не входить, чтоб даром людей не потерять и убытку не учинить. Также розъискать о подполковнике Бухольце, каким образом у него Ямышевскую крепость контайшинцы взяли; также и о прочих его худых поступках освидетельствовать, и о том о всем, что тебе к тем делам будет потребно, к ландратам и прочим управителям послушной указ послан». Подписано:

ПЕТР.

По сему Лихарев в половине февраля в путь отправился. Ему даны были из полков гвардии один капитан, один порутчик, два сержанта, капрал и двенатцать человек рядовых; из полевых полков один майор, один капитан, три порутчика; от артиллерии один инженер-капитан с некоторыми бомбардирами, кананерами и фузелерами; от Медицинской канцелярии два лекаря с полковою аптекою; от Адмиралтейской коллегии два геодезиста, выбранные из учеников Морской Академии. Все в новопостроенных крепостях находящееся войско определено ему в команду, а в Тобольске набирали рекрут для дополнения прежних полков. Сей набор и заготовление на толь дальний путь нужных потребностей и съестных припасов были причиною, что генерал-майор до 8 маия 1720 года в Тобольске пробыл и уже того же дня в путь к озеру Сайзану отправился.

Он ехал до Семипалатной крепости на дощениках, а оттуда на больших лодках, таким же образом состроенных, какие капитан Урусов на помянутом своем пути употреблял. Сии лодки с того времени между верьхними крепостями по реке Иртыше завсегда в употреблении остались и в память отправленных путешествий по озеру Сайзану сайзанками названы. Их было тридцать четыре, на коих находилось четыре ста сорок человек и с запасом, на три месяца заготовленным. Сим порядком рассуждал Лихарев дело скорее к концу привесть, нежели умножением людей и отягощением себя большим числом запаса.

Когда он к озеру Сайзану прибыл, где приказано ему крепость состроить, то он для предупомянутого тростника, которым все берега обросли, не нашел удобного к тому места. Он хотел посмотреть, нет ли какой способности при Верьхнем Иртыше. Поехав туда и вошед в южный рукав Иртыша, продолжал свою езду вверьх по сей реке двенатцать дней без остановки и подлинно далее заехал, нежели где капитан Урусов был, пока он от следующего приключения принужден был переменить свое намерение.

Калмыки приближение россиян, как только в Верьхний Иртыш вошли, тотчас приметили. Они из мест набережных, страха ли ради или для коварства, вдаль отъехали, так что Лихарев на сей езде ни единого человека не видал. Но калмыцкое войско, состоящее из дватцати тысяч конных, под предводительством контайшина сына и бывшего при нем калмыцкого владельца Галдан-Черина, находилось тогда в близости, дабы против китайцев и мунгалов, с которыми они в прошедшем году кровопролитное сражение имели, прикрыть землю. Войску подано было известие о прибытии россиян. Всех ужас обнял, ибо не инако думали, как что руские, с китайцами согласясь, чтоб здесь соединиться, калмыков совокупными силами воевать будут. Но понеже о приближении китайцев не слыхать было, то все калмыцкое войско обратилось против россиян, которые не чаяли, что вдруг толь великою силою встречены будут.

Августа 1 числа Лихарев приказал было церемонию водоосвящения при Верьхнем Иртыше отправить. Но прежде, как сие учинилось, в третьем часу дня, услышаны были первые неприятельские выстрелы, по руским судам учиненные. Тотчас всякий хватался за оружие. Не знали, сколь силен неприятель. Вышли на берег, и генерал-майор поставил свое малолюдство в порядок сражения. Нападение весьма было жестокое, но беспорядочное, которое россияне со всех сторон претерпевали. Сие привело их сперва в замешательство, так что сами не знали, с которой стороны им лутче обороняться. Некоторый сибирский офицер представил генералу-майору, как искусством известно, что полезнее встречать неправильного неприятеля таковым же неправильным образом. Сему совету Лихарев последовал. Во все стороны партии были разосланы, которые вместо того, что прежде оборонительным только образом поступали, на рассыпанных везде калмыков сильно напали. Сие так щастливо удалось, что вскоре потом неприятели несколько назад отступили и, сумневаясь российское малолюдство преодолеть, к тому ж опасаясь, что сии так храбро бьющиеся не имеют ли ожидать откуда помощи, не иное что, как только словесного изъяснения желали и часто кричали громким голосом, чтоб де толмача к ним прислать.

Но генерал-майор не почитал за нужно сперва по их желанию сделать. Он имел при себе тринатцать малых полевых пушек и 6 мортир, которые против такова народа, у которого сего совсем нет, сравнены быть могли с нарочитою армиею. Он приказал суда далее вверьх по реке вести и для прикрытия оных несколько человекам итти по берегу. Чрез то калмыки опять были возбуждены, и как они прежде с одной только южной стороны реки россиян атаковали, то перешла часть их войска чрез Иртыш, думая, когда таким образом россияне в средине будут, то скорее с ними можно управиться. Но Лихарев учинил против сего такое распоряжение, от которого калмыцкое намерение совсем исчезло. Только нужно было калмыков до того не допустить, чтоб они приблизились к берегам, потому что в таком случае их выстрелы до идущих подле другого берегу судов и до людей будут доходить, и оттого урон может причиниться. Того ради приказал он судам разделиться на двое: одна часть осталась при южном береге, а другая пошла возле северного, и как на сем, так и на другом берегу люди были высажены, которые бы берега очищали.

Таким образом прошли два дни в сражениях, а суда между тем только мало вперед подавались. Для россиян полезно было, что калмыки по большей части сверьху стреляли, и так их выстрелы нечувствительный вред делали. Ибо оба берега Верьхнего Иртыша поднимаются от воды пещаными горами.

Сверьху оных стреляли калмыки, и как они не отважились на низкие места сойти, на которых руские находились, то сии тем рассуднее могли стрелять, дабы напрасно не потерять ни единого выстрела. Но напротив того, россияне претерпели великую трудность в том, что по Иртыше чем выше шли, тем река мельче стала; суда часто на такие места садились, с которых с великим трудом оные сводили. Часто должны были люди выходить из судов и суда по мелким местам перетаскивать. И как сия трудность в последние два дни знатно умножилась, то не без причины было опасаться, что оная впредь еще больше станет и что суда наконец, ежели осенью вода гораздо сбудет, на сухом месте сядут, и к возвратному пути в Сибирь вся надежда исчезнет.

Сия основательная и важная причина побудила генерал-майора, чтоб с офицерами своими иметь военный совет. Все на том согласились, что должно заблаговременно о возвратном пути помышлять, пока оный как от мелкости реки, так и от усилившегося калмыцкаго войска совсем не пресечется. В совете определено было, как скоро калмыки станут опять требовать толмача, чтоб вступить с ними в договор. Но притом стереглись, чтоб собственным своим представлением не оказать своего бессилия, ибо генерал-майору было не безъизвестно, что гордость и неистовство варварских народов тем больше прирастает, чем им более попускается. На третий день едва паки началось сражение, то по желанию россиян исполнилось.

В последующее уже время проведано, какое поражение в прошедшие два дни калмыки претерпели. Они видели то того, то другого из их товарищей, на землю падающего, не примечая от своих стрел и пуль равного действия. Из российских покрытых судов часто новые люди выходили на смену утомленным, ибо в сем случае хороший порядок наблюдаем был. Сие подало причину калмыкам думать, что больше народу, нежели как действительно было, на судах находится. Одним словом, калмыки чаяли везде усмотреть тайности и военные хитрости, и то служило россиянам к щастию. Калмыки, будучи в страхе, требовали опять толмача, и к ним один был послан, ибо много таких в российском войске находилось, которые по-калмыцки разумели. Нарочно к тому определенного калмыцкого толмача взял Лихарев с собою из города Тары.

Во-первых, с обеих сторон заключено и объявлено было перемирие, потом выступили из калмыков до ста человек полномочных, и генерал-майор, дабы о представлениях их уведомиться, послал от себя прапорщика с сорокью человеками гранодеров. Для обнадеживания мирных поступок и для доказательства искреннего своего намерения явились калмыки безоружные, чему с российской стороны внешне подражали. Но для предосторожности от оных неприятельских нападений приказал Лихарев гранодерам своим тайно запастися гранатами и зазженными фитилями, также у всякого было за поясом по два заряженные пистолета. Но сие было излишно: калмыки в самом деле к миру были склонны.

Они объявили подозрение свое, которое от прибытия россиян имели, и ничего больше не желали, как чтоб сии по той же дороге, по которой пришли, возвратились. На то россияне представляли, что им никогда на ум не приходило войну или неприятельские действия начинать, а только хотели осмотреть, откуда река Иртыш начало свое имеет, и можно ли дойти до ее источников, а прочее их намерение было сыскать рудокопные места; также никогда бы за оружие не принялись, естьли бы калмыки к тому их не принуждали; также они не думают в тамошней стране остаться, но намерены в те места, откуда они пришли, возвратиться. По сему изъяснению вдруг мир был совершенно восстановлен, хотя о том и не сочинено письменного трактата.

После сего с обеих сторон главные начальники друг друга поздравляли. Галдан-Черин и генерал-майор Лихарев, переславшись взаимно подарками, разошлись со всяким удовольствием. Многие калмыки, радуяся о возвратном руских пути, руские суда провожали. В тридневное сражение с российской стороны убит один гранодер, а капрал и два гранодера ранены.

Тогда еще находился в Урге козацкий сотник Чередов, который в 1716 году к контайше был послан и слышал, что как контайша, так и другие знатные о сих объявленных приключениях рассуждали. Они не хвалили, что Галдан-Черин напал на руских, не уведомившись прежде о их намерениях. Они говорили: «Что он чрез то выиграл? Он много народу потерял, но ничего больше не получил, как только то, чего руские по своей воле сами желали. Как бы мог Лихарев при Верьхнем Иртыше долее пробыть? Очевидно, чтобы он сам паки возвратился». Таким образом рассуждали калмыки по своей политике. И контайша сему щастливому окончанию так был рад, что он Чередову немедленно позволил в Сибирь возвратиться.

Когда Лихарев на возвратном пути прибыл к тому месту, где Иртыш, проходя Алтайские горы, в степь взливается, то он рассуждал, что государству не бесполезно будет там построить крепость. Он, уже вперед едучи, место к тому назначил, да тогда в таком намерении, дабы та крепость, которая при озере Сайзане будет построена, имела ближнее сообщение с прочими по реке Иртышу лежащими крепостями. Вероятно было, что еще больше опытов учинено будет, дабы при озере Сайзане и при Верьхнем Иртыше поселиться. В таком случае на сем месте без крепости обойтися не можно. Буде же и довольствоваться учиненными по то время поселениями, то показалось, что тамошняя крайняя страна Сибири необходимо крепости требует, дабы тем землю от неприятельских нападений привесть в безопасность. К сему еще причесть можно, что пустые страны всегда бывают владением сумнительны и что, напротив того, население и строения в таких странах право владения подтверждают.

Сия новая крепость названа Усть-Каменогорскою[43], то есть при устье Иртыша, из каменных гор истекающего, лежащая. И в самом деле она лежит при самом том отверстии, где Иртыш из гор вытекает. Она построена на плодородном поле, на восточном берегу реки Иртыша, и от Семипалатной крепости отстоит на сто восемьдесят одну версту. Она укреплена земляным валом и представляет правильный четвероугольник. Вокруг обведен ров, и внутри сверьх вала поставлен полисадник, в человека вышиною. Для известных примеров при Ямышевской и Семипалатной крепости, что река Иртыш осыпанием берегов вред причиняет, Усть-Каменогорская крепость в некотором отдалении от реки построена. Но здесь Иртыш противное оказал действие: он от крепости еще подался далее, и только при ней малый рукав остался. Лихарев не дожидался того, пока строение совершится. Он приказал только дело при себе начать, а инженер-капитан Летранж оное строение совершал при подполковнике Ступине, которого генерал-майор из Семипалатной крепости послал туда командиром. Причиною его торопливости была болезнь. Он прибыл в Тобольск 13 октября 1720 года и продолжал путь свой в Санкт-Петербург без замедления.

Некоторые солдаты хотели во время строения крепости Усть-Каменогорской в горах, к южно-западной стороне от реки Иртыша лежащих, зверей ловить и нашли на опустошенный город, которой в половине прошедшего века калмыцким тайшою Аблаем для жилища жрецов построен был, и того ради Аблай-Кит назван. Таких мест в Калмыцкой земле много находится. Семь так названные палаты при Иртыше

того же ради построены. Также тритцать семь верст от Семипалатной при дороге, к Усть-Каменогорской лежащей, находились палаты, которые еще при моей бытности почти до земли развалились, потому что они из необозженного кирпича были состроены. Отчасти употребляют такие жилища калмыцкие жрецы, из коих многие тангутские уроженцы, и так в городах жить обыкли; отчасти же они строены для бухарцев, которые землю пашут. Описание сего места находится в моем сочинении о письмах тангутских, в Сибири найденных («De scriptis tanguticis in Sibiria repertis»). В бытность мою было там еще множество тангутских писем, из коих я послал великое число в Императорскую библиотеку. Хорошо бы, ежели бы они со временем в пользу ученого слова истолкованы быть могли.

Впрочем, езда генерал-майора Лихарева была последняя из тех, которые для сыскания песошного золота предприяты были; и едва уповательно, чтоб в том когда впредь удача воспоследовала: ибо отдаление мест и трудность дорог почти всегда будут непобедимым препятствием.

Примечания

[1] Впервые эта работа была опубликована Г.Ф.Миллером на немецком языке под названием «Nachricht von dem Gold-Sande in der Bucharen...». В переводе с немецкого на русский работа вышла под названием «Известие о песошном золоте в Бухарии, о чиненных для оного отправлениях и о строении крепостей при реке Иртыше, которым имена: Омская, Железенская, Ямышевская, Семипалатная и Усть-Каменогорская» и опубликована в «Сочинениях и переводах, к пользе и увеселению служащих» (СПб., 1760, январь, с. 3–54; февраль, с. 99–136). Перепечатано в кн.: *Чулков.* Историческое описание российской коммерции, т. III, кн. 1, с. 410–478. *М.*

[2] Калмыками здесь названы ойраты — западная часть монгольских племен, которые входили в состав Джунгарского ханства (1635–1758). См.: *Златкин.* История Джунгарского ханства. *М.*

[3] Контайша — искаженный в русских источниках титул правителя Джунгарского ханства — «хунтайджи». *М.*

[4] Теленгуты известны также под названием телеуты, белые калмыки. Употребление наименования «белые калмыки», вероятно, вызвано тем, что они длительное время находились в контактах с ойратами, а с XVIII в. большая их часть уже была под властью Джунгарского ханства, образованного ойратами, которые были известны в русских источниках как «черные калмыки» в отличие от телеутов — «белых калмыков». Та часть ойратов, которая в свое время откочевала из Джунгарии и переселилась на Волгу, получила, в свою очередь, наименование волжских (астраханских) калмыков (см.: *Дарбакова.* К этимологии этнонима калмык). В настоящее время телеуты (теленгуты) представляют тюркоязычную южноалтайскую этническую общность. Они проживают в Кемеровской области, Алтайском крае и Республике Алтай. В их составе традиционно выделялись четыре этнографические группы — бачатская, томская, чумышская и алтайская. Потомки томских телеутов — калмаки в настоящее время слились с чатами и еуштинцами и составляют этнотерриториальную группу томских татар (см.: *Уманский.* Телеуты и русские; *Батьянова.* Этнографические группы телеутов; *она же.* Телеуты; *Функ.* Бачатские телеуты). *М.*

[5] Барабинские татары, барабинцы — одна из этнотерриториальных групп сибирских татар; населяют Барабинскую степь по р. Оми — правому притоку Иртыша. Язык барабинцев относится к восточному диалекту татарского языка (см.: *Дмитриева.* Язык барабинских татар; *Тумашева.* Язык сибирских татар). *М.*

[6] Киргис-кайсаками Г.Ф.Миллер именует казахов. Их называли также кайсаками, казак-киргизами, казах-киргизами, киргиз-кайаками, киргиз-казахами, казаками. Самоназвание народа — казах (казак) — существовало по крайней мере с XV в., а в русских источниках упоминалось в XVI–XVIII вв., что отметил еще в начале XIX в. А.Левшин (см.: *Левшин.* Об имени киргиз-казачьего народа, с. 432–433; *Радлов.* Из Сибири, с. 249–354). *М.*

[7] «Бухария» — термин, употреблявшийся в русских источниках для обозначения территории расселения узбекских и туркменских племен, известной под названием «Туркестан» (т.е. «страна турок/тюрок»). Термин появился в связи с возросшим торговым значением Бухары, ставшей начиная с XVI в. главным городом узбекской династии Шейбанидов, затем Аштарханидов и Мангытов. Наибольшее распространение термин «Бухария» получил в XVI–XVIII вв., когда им стали обозначаться все культурные области Центральной Азии. Причем тогда за территорией, подвластной Бухаре, закрепилось название «Великая Бухария». Государство узбеков со времени усиления власти Абдулла-хана и подчинения ему среднеазиатских земель стало называться Бухарским ханством. Во всяком случае, уже в конце XVII в. французский ориенталист Бартелеми д'Эрбело де Моленвиль (Barthelemy d'Herbelot de Molainville, 1625–1695), автор составленного в форме энциклопедического словаря первого собрания сведений о мусульманском Востоке, «Bibliothèque orientale, ou Dictionnaire universel... 1697» знал, что русские называют «Бухарией» страну между владениями русского царя и китайского императора. Название «Бухария» распространилось в европейской литературе, когда в Европе стали широко известны русские сведения о Центральной Азии. При этом название «Бухария» произвольно переносилось на все культурные области Средней Азии, даже на совершенно независимые от Бухары области к югу от Тянь-Шаня, которые в противоположность «Великой Бухарии» именовались «Малой Бухарией». Публикациям англичан научная география обязана тем, что название «Великая Бухария» было в XIX в. заменено термином «Туркестан», хотя термин «Великая Бухария» еще в 1824 г. употреблялся русским востоковедом О.И.Сенковским при издании рукописи «Тарих Муким-хани», посвященной истории Бухарского ханства. Таким образом термину «Великая Бухария», обозначавшему земли, населенные узбеками, подвластные им и образовавшие в составе Российского государства Туркестанское генерал-губернаторство, стал соответствовать термин «Русский Туркестан». В отличие от области с тюркоязычным населением, находившейся под китайским управлением, его начали именовать «Восточным» или «Китайским» Туркестаном, несмотря на то что в административно-территориальной структуре Китайской империи отсутствовал административный район, под названием «Туркестан» (см.: *Бартольд.* Соч., т. IX. Указатель географических и топографических названий: «Великая Бухария» и «Малая Бухария» и «Бухара»). *М.*

[8] Антон Енкинзон — Энтони Дженкинсон (Anthony Jenkinson, конец первой четверти XVI в. — 1610 или 1611). В течение 26 лет (1546–1572) регулярно осуществлял морские и сухопутные путешествия. В 1557–1572 гг. предпринял четыре путешествия из России в Среднюю Азию и Китай. Являлся одним из наиболее активных участников английской Морской компании, пытавшейся проложить через равнины России торговый путь к богатствам Индии, т.е. при определенном стечении обстоятельств английским купцам представлялась тогда вполне осуществимой задача восстановления того водного пути между Индией и Каспийским морем, о котором писали в свое время античные географы. Упоминаемый Миллером текст путешествия Дженкинсона по публикации Хаклюйта переведен на русский Ю.В.Готье (см.: Английские путешественники в Московском государстве). *М.*

[9] Рихард Гаклуйт — Ричард Хаклюйт (Richard Hakluyt, 1552–1616) — английский публицист, географ, первый профессор географии в Оксфордском университете. Г.Ф.Миллер имел в виду основную публикацию Р.Хаклюйта «Важнейшие мореплавания, путешествия и открытия английской нации...» (The Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation...») — собрание сведений и записок английских путешественников XV–XVI вв., вышедшее в 1589 г. в одном томе, а в 1598–1600 гг. — в трех томах. *К.*

[10] См. примеч. 32.

[11] Страленберг Филипп Иоганн (1676–1747) — шведский подполковник, попавший в русский плен после поражения Карла XII под Полтавой и проживший в России (в том числе в Сибири) 13 лет. Вернувшись после Ништадского мира на родину, Страленберг опубликовал в 1730 г. в Любеке «Историческое и географическое описание северной и восточной части Европы и Азии». *К.*

О первых русских переводах упоминаемой книги Страленберга «Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia» см. статью Е.А.Савельевой «Русские переводы книги Ф.И.Страленберга в первой половине XVIII в.». Полный текст этой книги на русском языке впервые был опубликован лишь в 1985–1986 гг. См.: Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга. *Бат.*

[12] Имеются в виду провинция Шэньси и озеро Кукунор в провинции Цинхай. *К.*

[13] Имеется в виду то обстоятельство, что в период правления Галдана Бошокту-хана (1670–1697) сюзеренитет над многими городами-оазисами Восточного Туркестана перешел от Чингизидов — моголистанских ханов к правителям Джунгарского ханства. *К.*

[14] Гидронимы Окс, или Оксус (Амударья) и Яксарт, или Яксартес (Сырдарья) известны в географии с античной эпохи. *К.*

[15] Принятые в нашей научной литературе названия этих восточнотуркестанских городов: Аксу, Хотан, Керия, Турфан, Кумул. *К.*

[16] Урга — монгольское обозначение ставки, резиденции, дворца правителя. *К.*

[17] Река Или образуется слиянием двух истоков — Текеса и Кунгеса. *К.*

[18] Мусарт, или Музарт — старое название пика Победы — высочайшей вершины хребта Кокшаалтау (Кокшаал-Тоо) на территории Республики Кыргызстан (7439 м). *К.*

[19] Имаус, или Эмаус — известный в античной географии топоним, обозначавший горы, отделявшие Индию от остальной Азии, т.е. Гималаи, или Каракорум. *К.*

[20] «...бывший контайша и по нем сын его Галдан-Черин» — верховные правители (хунтайджи) Джунгарского ханства — Цэван-Рабдан (1697–1727) и Галдан-Цэрен (1727–1745). *К.*

[21] Правый приток Или Хоргос, пограничная река между Казахстаном и Китаем. *К.*

[22] «Иезуит Дюгалд» — Жан Батист дю Альд (Jean-Baptiste du Halde. 1674–1743) — французский литератор, географ, иезуитский миссионер. Основной труд — «Географическое, историческое, хронологическое и прочее описание Китая и Китайской Татарии» (Description géographique, historique, chronologique, etc., de Chine et de la Tartarie chinoise) — вышел в четырех томах в Париже в 1735 г. и не менее столетия служил в Европе одним из основных источников сведений о Китае. *К.*

[23] Сведения Г.Ф.Миллера, распространившего название «Мустаг» на все Гималаи, отражают уровень географических знаний XVIII в. Ганг действительно берет начало в Гималаях, но истоки Хуанхэ (Гоанго) находятся гораздо севернее Гималаев, в восточной части Тибетского нагорья. *К.*

[24] «...озеро Лоп» — озеро Лобнор на востоке Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая. *К.*

[25] Бифон — Жорж Луи Леклерк Бюффон (1707–1788) — известный французский естествоиспытатель. *К.*

[26] «Туркоманы», «трухменцы» — устаревшие названия туркмен. *К.*

[27] Беккевич — князь Александр Бекович-Черкасский происходил из кавказских горцев и носил мусульманское имя Девлет-Кизден-Мурза. Капитан-лейтенант, посол в Хиву. Одновременно с экспедицией И.Д.Бухгольца Петр I указом 20 мая 1714 г. велел А.Бековичу-Черкасскому готовить поход в Хиву и Бухару с той же целью — проведать путь к запасам золота у города Еркета на реке Дарье (т.е. у города Яркенда). В 1714 и 1715 гг. он совершил два похода, достиг на Мангышлаке гавани Тюб-Караган и убедился в существовании старого русла Амударьи, некогда впадавшей в Каспийское море. Итоги второй экспедиции заинтересовали

Петра I. 14 февраля 1716 г. он подписал особую инструкцию с поручением отыскать и описать водный путь в Индию. В 1716 г. Бекович снова проехал по восточному побережью Каспийского моря и построил крепости в трех местах. Во время последнего похода в 1717 г. на Хиву Бекович трагически погиб. См.: *Вилинбахов.* Походы князя Александра Бековича-Черкасского на Каспийское море и в Хиву, с. 60–65; *Аннанепесов.* Укрепление русско-туркменских взаимоотношений, с. 18–38. *М.*

[28] Капитан-лейтенант князь В.А.Урусов и поручик А.И.Кожин были командированы в помощь А.Бековичу-Черкасскому, потому что его экспедиции были связаны с морскими переходами через Каспий. Трагически закончившаяся экспедиция 1717 г. началась также с того, что войска были перевезены на морских судах до Гурьева в устье Урала и затем двинулись на Хиву по суше. После гибели экспедиции А.Бековича-Черкасского А.И.Кожин и В.А.Урусов занимались картографическими исследованиями Каспийского моря. См.: *Берг.* Первые русские карты Каспийского моря. *К.*

[29] О городах Хивинской области см.: Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции. Т. 1. *К.*

[30] Туккараган — Тюб-Караган — полуостров на восточном берегу Каспийского моря, в пределах полуострова Мангышлак. *К.*

[31] Сообщение Миллера о хивинских событиях 1728 г. имеет большую ценность и заслуживает особого комментария. Рассказ Миллера, вероятно, основан на воспоминаниях каких-то возвратившихся из Хивы русских пленников, что время от времени случалось. Он до сих пор является единственным свидетельством о заговоре и восстании русских рабов в Хиве. Во всяком случае, Н.И.Веселовский, опубликовавший в 1877 г. не утратившую до сих пор научного значения объемистую монографию по истории Хорезма и Хивинского ханства, при освещении событий 1728 г. смог сослаться только на статью Миллера. Косвенно подтверждает сообщение Миллера произошедший в 1728 г. очередной политический переворот в Хиве: хана Ширгази (Шергази) сменил Ильбарс, и какую-то роль в этом сыграл «аральский хан» Тимур-Султан (Шах-Темир-Султан). К сожалению, в этом случае, как и многих других, сказывается общая слабая изученность истории Хивинского ханства — отсутствуют русские переводы сочинений выдающихся среднеазиатских историографов второй половины XVIII — начала XX в. Шермухаммеда Муниса, Мухаммеда Ризы Агахи и Мухаммеда Юсуфа Баяни, а именно в их работах отразилась во всех политических подробностях практически полная история этого государства.

Кроме того, Миллер стал первым российским историком, давшим в целом верную характеристику не только внутреннего состояния Хивинского ханства, но и его напряженных отношений с Аральским владением, история которого до сих пор исследована совершенно неудовлетворительно по сравнению с тремя основными и гораздо более известными среднеазиатскими государствами XVII–XIX вв. — Бухарским, Кокандским и Хивинским ханствами.

Хивинское ханство (известное также как Хорезмское и Ургенчское) было образовано в ходе узбекского завоевания Средней Азии. Султаны-братья Илбарс и Билбарс в 1511-12 г. разгромили персидские гарнизоны в низовье Амударьи и установили свою власть над хорезмскими оазисами. Илбарс и Билбарс были отпрысками чингизидского (джучидского) клана Шейбанидов (Шибанидов), но представляли ту его ветвь, которая враждовала с основным узбекским завоевателем Средней Азии Мухаммадом Шейбани и его родственниками (не прямыми потомками), правившими Бухарским ханством до 1598 г. Шибанидские ханы, представлявшие различные династические кланы, но объединенные некоторыми исследователями в единую династию Арабшахидов, правили в Хиве до 1694-95 г.

Внутренняя стабильность Хивинского ханства, перипетии его бурной истории и судьбы отдельных правителей определялись балансом двух основных этнополитических факторов. Первым из них были крупные города-оазисы с сохранившим преобладание в XVII–XVIII вв. ираноязычным (сартским) населением, развитыми ремеслом и торговлей. Вторым фактором было кочевое тюркоязычное (преимущественно узбекское, но также и туркменское, каракал-

пакское и казахское) окружение. Кочевнический фактор был основой вооруженных сил ханства. Выходцы из этой среды, как правило, занимали и ханский трон — по приглашению или по согласованию с верхушкой городского населения.

Малоизвестное Аральское (также Кунгратское или Кунградское) владение (ханство, княжение) представляло собой не государство в классическом смысле слова, а «государственное объединение», «кочевое государство» или по крайней мере довольно устойчивый союз узбекских племен и родов. В Аральском владении не было столь характерных для Хорезма крупных городов-оазисов. Даже наиболее известные аральские «столичные» поселения Шахтемир и Кунграт русские наблюдатели называли «городками». Здесь консолидировалась та часть приаральских кочевников, которая дистанцировалась от оседло-городского уклада жизни, не признавала власти ургенчско-хивинских ханов и не без оснований рассчитывала получать выгоды во время частых в Хиве эпизодов нестабильности.

По мнению одних авторов, Аральское владение возникло одновременно с Хивинским ханством в начале XVI в., по мнению других — около 1620 г. Территория Аральского владения приблизительно вписывается в границы современной Каракалпакии, а основные земли Хивинского ханства до 1811 г. совмещаются с нынешней Хорезмской областью Узбекистана и западной частью Ташаузской области Туркменистана.

Когда в 1694-95 г. династия хорезмских Шейбанидов пресеклась, в Хорезме начались десятилетия политической нестабильности. Ханский трон занимали казахские султаны и бухарские ставленники. Кроме того, в 1740–1747 гг. Хорезм был оккупирован иранским правителем Надир-шахом Афшаром. Кратко охарактеризованная Миллером калейдоскопическая смена правителей получила у среднеазиатского историка начала XIX в. Абд ал-Карима Бухари еще более лаконичное и едкое определение — «ханбази» («игра в ханов»).

Во второй половине XVIII в. главную роль в хивинской «ханбази» стали играть представители знати кунгратов — основного или одного из основных племен Аральского владения. Они носили титул «инак», смысл которого нам неясен и, возможно, первоначально означал вождя (правителя) или военного предводителя если не всех кунгратов, то нескольких кунгратских родов, выставлявших объединенное войско.

Кунгратские инаки Мухаммад-Амин (1763-64–1790), Ауэз (Ауез, Эвез, 1790–1804) и Эльтузер (Эльтузар, 1804–1806) стали наследственными фактическими правителями Хивинского ханства при подставных ханах-марионетках. В конце концов Эльтузер отказался от такой практики и провозгласил ханом себя. Брат и преемник Эльтузера Мухаммад-Рахим-хан (1806–1825) в 1811 г. завоевал Аральское владение. На всей территории низовьев Амударьи и юго-западного побережья Аральского моря установилась власть хивинских ханов из Кунгратской династии. В 1873 г. ханство признало протекторат России, но история Кунгратской династии окончилась лишь в феврале 1920 г. отречением Сеид-Абдулла-хана (1918–1920). См.: *Андрианов.* Ак-джагыз, с. 568–574, 577–581; *Веселовский.* Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве, с. 99–364; *Задыхина.* Узбеки дельты Аму-Дарьи, с. 324–332; История Каракалпакской АССР, с. 103, 111, 113; История Узбекской ССР, т I, с. 590–606, 665–669; *Камалов.* Каракалпаки в XVII-XIX веках, с. 39–41, 56, 57, 65, 66, 70–77; *Муниров.* Исторические произведения Муниса, Агахи и Баяни; Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740–1741 годах Гладышевым и Муравиным, с. 2, 3, 10–20, 33, 35–38, 62–67, 71–81; *Шалекенов.* Казахи низовьев Амударьи, с. 23–32. *К.*

[32] Иван Дмитриевич Бухгольц (1671–1741) — подполковник. 22 мая 1714 г. Петр I повелел Бухгольцу отправиться в Тобольск, взять там у сибирского губернатора князя М.П.Гагарина 1500 воинских людей и с ними идти на Ямышево озеро, которое считалось пограничным пунктом русских владений на Иртыше, хотя Джунгарское ханство относило к своим владениям берега Иртыша до р. Оми, впадающей в Иртыш ниже озера Ямышева. Создав базу на озере Ямышеве и перезимовав там, Бухгольц должен был следующей весной направиться к верховьям Иртыша и городу Еркету, чтобы установить, каким образом и где добывается золото. Цар-

ские сановники ошибочно считали, что река Амударья и золотоносная Дарья, на которой расположен «городок калмыцкой Эркет» — одна и та же река. В начале XVIII в. в Европе еще не было известно, что Еркет (Эркет, Яркенд) находился на одноименной реке Яркенд, которая хотя и начиналась недалеко от истоков Амударьи, но текла в противоположном направлении от нее, с запада на восток, и фактически была разделена с собственно Амударьей многими сотнями километров труднопроходимых горных вершин Тянь-Шаньского хребта. *М.*

[33] Эрдэни-Шурукту-контайша, или Эрдэни-Шурукту-хунтайджи — более известен как Цэван-Рабдан, верховный правитель Джунгарского ханства в 1697–1727 гг. *К.*

[34] Галдан-Бошокту-хан — верховный правитель Джунгарского ханства в 1670–1697 гг. *К.*

[35] Сенга-тайша (Сенге, Сэнгэ) — верховный правитель Джунгарского ханства в 1654–1670 гг. *К.*

[36] «...по реке Имил» — вероятно, имеется в виду река Эмель, впадающая в озеро Алаколь. *К.*

[37] Речь идет об озере Зайсан, расположенном в Восточном Казахстане. *М.*

[38] Иоганн Густав Ренат (1682–1744) — шведский штык-юнкер, участник экспедиции И.Бухгольца, попал в плен к ойратам (джунгарам) в 1716 г. и был освобожден из джунгарского плена лишь в 1733 г. Организовал в Джунгарии производство пушек и мортир, наладил суконное производство, обучив этому ойратов, и даже устроил в Джунгарии типографию. Ренату картография обязана появлением в научном обороте карты Джунгарии, реконструированной в последние годы В.И.Волобуевым (см.: *Златкин.* История Джунгарского ханства, 1983, с. 237–244; *Макшеев.* Карта Джунгарии, составленная шведом Ренатом, с. 105–145; *Волобуев.* Некоторые итоги реконструкции карты Джунгарии И.Рената, с. 12–14). Как пишет В.В.Бартольд, «Ренату приписывалась интересная карта калмыцкого (т.е. Джунгарского. — *Ш.М.*) государства, найденная в 1879 г. в шведской королевской библиотеке в Линчёпинге (Linköping). В настоящее время доказано, что Ренат только использовал и перевел на шведский язык калмыцкую карту, полученную им от ойратского владетеля Галдан-Цэрена, причем латинская транскрипция калмыцких названий была сделана в Петербурге при участии русского знатока калмыцкого языка Василия Бакунина» (см.: *Бартольд.* История изучения Востока, с. 397; *Котвич.* Русские архивные документы по сношениям с ойратами, с. 797–799). *М.*

[39] Труд хивинского хана, историка Абулгази был найден в рукописи на татарском языке во время пребывания пленных шведов в Сибири при Петре I. Этот исторический труд, известный под названием «Родословное древо тюрков», был переведен на русский язык; с русского текста шведами был сделан немецкий перевод, который вскоре по возвращении шведов после окончания Северной войны в Западную Европу, оказался в Голландии, где был сделан его французский перевод, вышедший в Лейдене в 1726 г. Его по поручению Академии наук перевел на русский язык В.К.Тредиаковский и напечатал в 1768 г. под заглавием «Родословная История о Татарах, переведенная на французский язык с рукописныя татарские книги, сочинения Абулгази-Баядур-Хана, и дополненная великим числом примечаний достоверных и любопытственных о прямом нынешнем состоянии Северной Азии с потребными географическими ландкартами, а с французского на российской в Академии Наук».

Лишь в 1874 г. П.И.Демезон издал подлинник сочинения Абулгази. Затем в 1914 г. в Казани появился его русский перевод, опубликованный Г.С.Саблуковым (см.: Родословное древо тюрков). Что касается теленгутов, в этнографической литературе о жителях Алтая принято выделять среди них ряд различающихся между собой территориальных и этнографических групп. Так, Б.О.Долгих при установлении племенного и родового состава коренного населения Сибири в XVII в. отмечает: «...как известно, в 1609 г. „белые калмыки“ (они же телеуты, теленгуты. — Подчеркнуто мною. — *Ш.М.*) во главе с Абаком (Обаком) приняли по предложению томских воевод русское подданство» (см.: *Долгих.* Родовой и племенной состав народов Сибири, с. 115). В указателе этнических названий, составленном Е.П.Батьяновой к русскому переводу известного труда В.В.Радлова «Из Сибири» (см.: *Радлов.* Из Сибири, с. 718–747), выстраивается целая серия вариантов наименований, имеющих отношение к упоминаемым

Г.Ф.Миллером «теленгутам». В качестве самоназвания племени алтайских двоеданцев перечисляются: теленгит, теленгиты, теленгеты (см.: там же, с. 739). Теленгиты (теленгеты) выделяются как название отдельного племени алтайцев с отсылкой к терминам «двоеданцы, чуйцы» (там же, с. 739). Кроме того, выделяется наименование «теленгет» как самоназвание группы телеутов, а также наименования «теленгет, теленгеты» как подразделения телеутов (там же, с. 739). Е.П.Батьянова при этом даже подчеркивает, что группу (род — по терминологии В.В.Радлова) телеутов с самоназванием «теленгет» не следует смешивать с «теленгитами (чуйцами)», т.е. «чуй-кижи» — человек с р. Чуи. (там же, с. 96, 596, примеч. С.И.Вайнштейна, 70, 71). *М.*

[40] Тефки-хан, правильно Тауке-хан, сын хана Джангира (Джахангира) — последний из обладавших реальной властью общеказахских ханов. Ко времени его правления относится составление свода норм казахского обычного права «Жеты Жарги». Годы жизни и правления определяются разными авторами по-разному. 1651-52 г. — год рождения или год принятия титула, второе более вероятно, так как в этом году погиб его отец. Начало правления относят также к 1680 г. В качестве года смерти фигурирует 1715 год, но это противоречит описанию событий Г.Ф.Миллером, в соответствии с которым контакты казахских ханов с М.П.Гагариным относятся, вероятно, к 1717 г. Возможно, Тауке умер в 1718 г., но в последние годы его власть ослабела, и он вынужден был делить ее с ханами жузов — трех основных объединений казахских племен и родов. Ханом Младшего жуза не раньше 1710 г. и не позже 1717 г. стал Абулхаир (Абульхайр, 1693–1748). Вероятно, Средним жузом в 1715–1718 гг. правил Каип-хан, сын Ксрау-султана. Логично предположить также, что титул общеказахского хана после смерти Тауке в 1718 г. перешел к его сыну Болату (Пулату, Пуладу), правившему до 1723 (?) г. Но этот титул уже не имел реального значения, и большинство авторов считают Болата ханом Среднего жуза. Каип-хан в 1716 г. направлял специального посла к Петру I. В 1731 г. принял подданство России.

Установление регулярных посольских связей казахских правителей с Россией инициировалось и созрело в значительной степени под влиянием сибирского губернатора князя М.П.Гагарина, который на протяжении ряда лет настойчиво обосновывал в своих посланиях казахским правителям Тауке, Каипу и Абулхаиру мысль о завоевательных планах джунгарского хунтайджи в сопредельных регионах Центральной Азии в годы правления Цэван-Рабдана (1697–1727) и постоянно убеждал их искать всемерной поддержки у Петра I для заключения совместного антиджунгарского военно-политического союза. Если Джунгарское ханство воевало против казахских ханов в 1643 и 1681–1684 гг., то при Цэван-Рабдане эти войны следовали одна за другой — в 1711–1712, 1714, 1717, 1723 и 1725 гг.

Приведенное в данном случае первое упоминание Г.Ф.Миллером имени Абулхаира с ханским титулом часто ошибочно относят к последним годам жизни старшего казахского хана Тауке (см.: *Апполова.* Присоединение Казахстана к России, с. 131–132). Однако Миллер имел в виду не какой-то единичный эпизод совместного обращения трех казахских ханов, Тауке, Каипа и Абулхаира, за помощью к сибирскому губернатору М.П.Гагарину (годы правления — 1710–1717), а несколько разновременных обращений, написанных в отдельности. Именно такие тексты разновременных ханских посланий, написанных каждым в отдельности, отложились в составе знаменитых миллеровских портфелей (см.: Материалы по истории Башкирской АССР, документ № 129, с. 278–279; Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы № 12, с. 14–15; № 15, с. 18, 21; № 20, с. 25–27).

Среди использованных Миллером материалов обнаружено пять ханских посланий. Из них только одно письмо 1694 г. принадлежит хану Тауке, остальные четыре были написаны Каипом и Абулхаиром. Как известно, Тауке-хан еще 1694 г. принимал в своей резиденции в Туркестане русских посланцев — казаков Ф.Скибина и М.Трошина, отправленных из Тобольска. Первое письмо Абулхаира относится к 1715 г., первое письмо Каипа — к 1716 г., и по одному письму было отправлено обоими ханами почти одновременно на рубеже 1717–1718 гг. (см.:

Бартольд. История изучения Востока, с. 405; *Ерофеева.* Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик). Что касается Абулхаира, который хотя и был представителем маловлиятельной среди казахов младшей ветви родового древа Жанибек-хана, он был признан казахскими старшинами в 1710 г. ханом Младшего жуза. *К., М.*

[41] Г.Ф.Миллер еще до отъезда в Камчатскую экспедицию интересовался «тангутскими» письменами (так в XVIII в. назывались тибетские письменные памятники). На одном из заседаний Конференции Академии наук 1733 г. он представил «тангутский» (*тибетский*) алфавит с транскрипцией и переводами «тангутских» текстов, а во время путешествия продолжал собирать тибетские материалы. На основании своих собственных материалов он написал и в конце 1744 г. представил сочинение на латинском языке о тангутских (тибетских) письменах и о тех местах, где они были найдены. Этот труд Г.Ф.Миллера был заслушан на Конференции в начале 1745 г. и одобрен к печатанию. Он был первым его трудом, появившимся после возвращения из Сибири в 1747 г. в «Комментариях» Академии наук (в т. X) (см.: *Müller.* De scriptis tanguticis). На заседании Конференции 12 сентября 1746 г. была представлена небольшая работа, посвященная уточнению перевода тибетского листа французскими ориенталистами братьями Мишелем и Этьеном Фурмонами (см.: *Востриков.* С.Ф.Ольденбург и изучение Тибета, с. 65; *Воробьева-Десятовская.* Лист тибетской рукописи). *М.*

[42] Фурмонты — Этьен Фурмон (1683–1745) и Мишель Фурмон (1690–1746) — французские ориенталисты; авторы ряда исследований о древних надписях и восточной литературе. *Бат.*

[43] Е.А.Княжецкая считает, что «Миллер ошибся, указав, что Усть-Каменогорская крепость была основана в 1720 г. Лихаревым. Из архивных документов стало известно, что она заложена годом раньше, осенью 1719 г., по приказанию Лихарева участником экспедиции подполковником Прокофием Ступиным» (*Княжецкая.* Новые сведения об экспедиции И.М. Лихарева, с. 17–18). *Бат.*

Н.А.БАКЛАНОВА и А.И.АНДРЕЕВ

ОБЗОР РУКОПИСЕЙ Г.Ф.МИЛЛЕРА И ДРУГИХ УЧАСТНИКОВ ВТОРОЙ КАМЧАТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ПО ИСТОРИИ, ГЕОГРАФИИ, ЭТНОГРАФИИ И ЯЗЫКАМ НАРОДОВ СИБИРИ, ХРАНЯЩИХСЯ В МОСКОВСКИХ И ЛЕНИНГРАДСКИХ АРХИВАХ И БИБЛИОТЕКАХ

Часть 2

Во вторую часть «Обзора» рукописей Г.Ф.Миллера, относящихся к Сибири, вошли рукописи, хранящиеся: а) в «портфелях Миллера» <ф. 199> в Российском государственном архиве древних актов [РГАДА]: № 21, 23, 46–48, 53, 55 (I–II), 65 (I–II), 81, 83, 119, 127, 130 (I–VI), 133 (I–V), 138, 139, 140 (I–V), 143, 144 (I–IV), 147, 149 (I–III), 150 (I–XIX), 151, 152, 155 (I–XVII), 159 (I–II), 168, 184 (I–III), 185, 210, 240, 241, 243 (I–III), 244 (I–II), 245–250, 284 (I–III), 285 (I–V), 298, 299 (I–VIII), 300, 342 (I–II), 343, 344, 347, 348, 349 (I–II), 357, 359–361, 362 (I–II), 363, 365 (I–III), 366 (I–IV), 367, 368 (I–III), 369, 370, 385 (I–II), 386–388, 389 (I–II), 390, 391, 393, 394 (I–II), 407–411, 412 (I–II), 413, 414, 418, 421, 430, 431, 439, 546 (I–X), 547, 728–743, 749, 750, 752, 755, 759, 761, 771–784, 787, 790–793; <ф. 181. — Рукописный отдел Библиотеки Московского главного архива Министерства иностранных дел>; б) в фонде 21 и в других фондах и разрядах Архива Академии наук СССР (ПФА РАН) и в) в других хранилищах (в Отделе рукописей Библиотеки Академии наук СССР, в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им М.Е.Салтыкова-Щедрина). Ссылка на «портф.» определяет местонахождение его в ЦГАДА (РГАДА), указание <только> на фонд и разряд обозначает, что рукопись хранится в Архиве Академии наук СССР (Архиве РАН). Находящиеся в бумагах Миллера труды и материалы других участников Сибирского путешествия 1733–1746 гг. или лиц, с которыми он вел сношения, либо собрал их труды и материалы, также вошли в предлагаемую вторую часть «Обзора». Работа в ЦГАДА (РГАДА) была выполнена в довоенные годы (1938–1940) Н.А.Баклановой в Архиве Академии наук СССР (Архиве РАН) и А.И.Андреевым в других ленинградских хранилищах.

I. МАТЕРИАЛЫ И ТРУДЫ ПО ГЕОГРАФИИ И ЭКОНОМИКЕ СИБИРИ

1) Географические описания, составленные Миллером или под его наблюдением студентами и сибирскими канцеляриями

1. «Указатель дорог по Сибири» — содержит перечень названий почтовых станций (от Соликамска до Верхнего Камчатского острога) с указаниями расстояний между ними. Черновик рукою Миллера на нем.яз. (портф. 359, тетр. 3, лл. 1–36).

2. «О дистанциях сибирских городов» — сведения о расстоянии между городами и другими населенными пунктами в Сибири, перечень озер, рек с указанием протяженности их течения, сведения о поездках геодезистов из Нерчинска для поисков ближайшего пути к Камчатскому морю и вверх по р. Уде. Черновик на русск. яз. разными почерками, в том числе и Миллера (портф. 365, I, тетр. 1, лл. 1–132).

3. «Разные географические известия, особливо о Сибири» — отдельные черновые заметки, написанные разными почерками на русск. яз., среди них: реестр рекам и речкам (портф. 365, I, тетр. 2, лл. 1–22), указатель расстояний между сибирскими городами (лл. 23–53), описания отдельных сибирских острогов: в Якутском уезде (лл. 61, 62), Тасеевского (л. 98), Багарядской слободы (лл. 105–110), Итанцинского острога с принадлежащими к нему деревнями (лл. 111–112), Алюторского острога (лл. 113–114), Чеусского острога (лл. 178–180); сказки служилых людей сибирских городов: Аргунского острога об их поездке в Китай с посольствами Головина, Избрандта (л. 128), Читинского острога — о железной руде около Телембинского острога 1735 г., сказка дана профессорам Камчатской экспедиции (л. 123), иркутских — о постройке острога на оз. Косоголе и о поездке в Баргузинский острог для поисков «теплых вод» (лл. 124, 128), селенгинских и нерчинских — о теплых водах около оз. Байкала (л. 129), служилого человека Удинского острога о посольстве Головина (л. 140); сказки жителей Тасеевского острога об ущербе, причиненном им ураганом в 1739 г. (лл. 191–202); о постройке острогов и об отдаче их Головиным китайцам (лл. 136–139); расспрос Миллером шаманки в 1737 г. в Якутске (лл. 142–143); сказка Миллеру князцов Кангалашского улуса об их роде 1737 г. (лл. 144–147); реестр тобольским церквам (л. 103); перечень сибирских церквей. Черновик рукою Миллера на нем. яз. (портф. 365, I, тетр. 2, лл. 1–207).

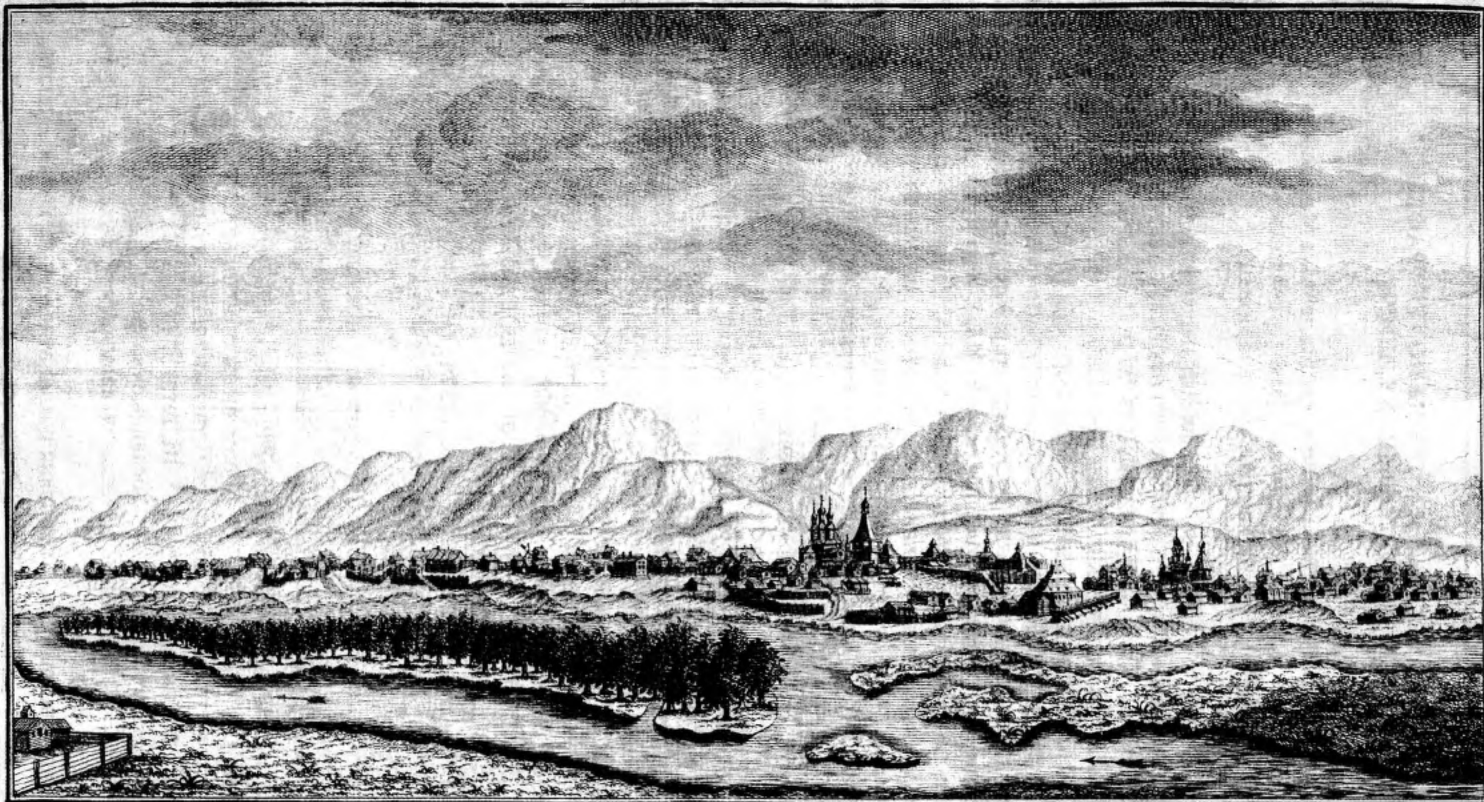
4. «Реестр губерниям, провинциям и городам, учиненный 4 ноября 1746 г.». Беловой экз. на русск. яз. (портф. 365, III, тетр. 1, на лл. 19об.–24об. помещены сведения о Сибирской губернии).

5. «Роспись всем городам и крепостям Российской империи». Черновик на русск. яз. (портф. 365, III, тетр. 2, на лл. 43–44 помещены сведения о Сибири).

6. «Известие о стране по р. Вогране». Черновик на нем. яз. рукою Миллера и беловая копия с его поправками (портф. 365, III, тетр. 6, лл. 67–70).

7. «Ответ тарского воеводы на посланные вопросы в дополнку присланным» (состоит из восьми параграфов и касается калмыков и бухарцев). На русск. яз. (портф. 344, тетр. 12, л. 1).

8. Описание Тарского уезда. Черновик рукою Миллера на нем. яз. (портф. 365, II, тетр. 6, лл. 41–42).



Видъ города СЕЛЕНГИНСКА. X Vue de la ville de SELENGUINSK.

9. «Опись тракту и вновь назначенным крепостям и редутам капитаном Иваном Новоселовым и при нем за геодезистов таболских дворянина Алексея Макшеева, сына боярского Мих. Выходцова да присланного от т. сов. Неплюева геодезии ученика Семена Морева Бутяцкого форпосту до Коркиной слободы, от Коркиной до Чернолуцкой слободы, а что при оных крепостях и редутах какого угодья и между ими расстояние, тому значит ниже» (портф. 365, II, тетр. 8, лл. 49–52).

10. «Расписание верстовому расстоянию» между Москвой, некоторыми городами Европейской России, большею частью сибирских городов и Пекином, составленное в виде таблицы, каллиграфически переписанной на русск. яз. (портф. 365, II, тетр. 16, л. 155).

11. Краткие черновые заметки на нем. яз. рукою Миллера об отдельных сибирских заводах (портф. 395, тетр. 3, лл. 1–4).

12. Описание Колывано-Воскресенского завода и сведения об Акинфии Никитиче Демидове. Беловой экз. на лат. яз. (портф. 430, тетр. 22, лл. 2–25).

13. «Описание к сочиненной ландкарте о принадлежащих к Колывано-Воскресенским заводам и рудникам, лесам и местам, в каком оные положении, качестве и количестве, также при каких реках, речках, горах и протчих урочищах и далеко ль от заводов и рудников состоят, о том значит ниже сего. Сочинена 1764 года». Беловой экз. на русск. яз. (портф. 393, тетр. 1, лл. 1–7).

14. «Изъяснение на карту генеральную о заводах». Беловой экз. на русск. яз. рукою Миллера (портф. 393, тетр. 2, лл. 1–6).

15. «О генеральной карте всех казанских, оренбургских и сибирских заводов, которую проф. Паллас прислал в Академию в 1770 г.». Черновик рукою Миллера на нем. яз. (там же, лл. 7–11).

16. «Роспись построенным и вновь строящимся заводам в оренбургском горном начальстве медным и железным заводам, состоящим в Оренбургской губернии». Беловой экз. на русск. яз. (там же, лл. 12–13).

17. «Краткая табель, сколько во всей России в ведомстве Берг-Коллегии по губерниям казенных и партикулярных заводов состоит, также сколько при оных домен, молотов и плавильных печей построено и какая сумма золота, серебра, меди, чугуна и железа делается и сколько ж от казенных прибыли, а от партикулярных заводов с чугуна десятины, а с меди натурою казна доходу в год получить должна и сколько ж из готово сделанного в заморской отпуск продано и что за тем на внутреннюю продажу в России остается, значит при сем». Беловой экз. на русск. яз. (там же, лл. 21–26).

18. Указатель всех заводов (там же, лл. 27–37, на лл. 27–29 помещены сведения о Сибири).

19. Описание Ямышевского соляного озера. Беловой экз. на лат. яз. (портф. 430, тетр. 17, лл. 1–7).

20. «Краткое описание соляных озер и их положения в Сибирской губернии». Перечисление с указанием местонахождения и величины. Беловой экз. на русск. яз. (портф. 150, III, тетр. 24, лл. 1–6).

21. «О соляных промыслах». Среди различных мест добычи соли помещены уезды Иркутский и Селенгинский и Охотский порт. Беловой экз. на русск. яз. (там же, лл. 7–8).

22. Описание пещеры, находящейся в Кунгурском уезде. На лат. яз. (портф. 430, тетр. 20, лл. 1–5).

23. Путевой журнал с 3 августа по декабрь 1735 г., писанный студентом А.Горлановым (ф. 21, оп. 5, № 73, лл. 10–38об.).

24. «Описание пути от Невьянских заводов до Екатеринбурга. Сочинено студентом Василием Третьяковым и геодезии учеником Алексеем Макшеевым (9-го июня 1741 г.)» (ф. 21, оп. 5, № 35, лл. 429об.–431).

25. «Описание пути от Верхотурья по столбовой дороге до Лалинского завода. Сочинил студент В.Третьяков». Помета Миллера о получении описания 2 сентября 1742 г. (ф. 21, оп. 5, № 35, лл. 432–433об.).

26. «Астрономические наблюдения в разных российских городах». Ряд отдельных заметок на русском, французском и немецком языках (портф. 360, лл. 1–284). Среди них встречаются наблюдения, касающиеся Сибири, а именно: «Observationes von prof. Lacroiere» (Самаровский ям — Аргунский острог); «Observationes von Dr. Messerschmidt» (Енисейск–Соликамск); «Observationes einiger Offizieren am Lenafluss»; «Observationes die bei uns gemacht sind Altitudines solis meridianae»; «Каталог высот полюсов по р. Лене в нижеписанных местах (Верхоленский острог — при урочище Столбов на острову ниже речки Столбовки в шести верстах») — все перечисленные заметки — рукою Миллера (лл. 5–8); «Описание обсервацеи в пути от Аргунских серебряных заводов до теплых вод и возвратно до Читинского острогу» 1735 г. На русск. яз. (лл. 9–11); «Описание обсервацеи в пути от г. Тобольска вверх по р. Иртышу и до г. Енисейска сего 1734 г.». На русск. яз. (л. 14); «Описание обсервацеи близ Ишимского острога 1734 г.» (л. 45); «Описание обсервацеи в пути от г. Енисейска до г. Красноярска... и до Аргунских серебряных заводов и обратно» (лл. 16–18); Астрономические наблюдения, касающиеся Тобольска, Нерчинска и Енисейска 1734 г. На лат. яз. (лл. 30–59); «Latiudines locorum Sibiriae Regno insigniorum e meridianae Solis altitudine et Tabulis declinationum Lochmanni Jupputatos» (лл. 75–83); «Таблица широт и разности меридианов мест в Сибири по наблюдениям капитана Исленьева», 1768–1771 гг. (л. 148 и др.).

27. «Географические известия о Сибири» — перечень географических названий Сибири, с указанием местонахождения. Черновик рукою Миллера на нем. яз. (портф. 150, XVIII, тетр. 6, лл. 1–6).

28. «О береге моря в Енисейском устье. Из доношения одного промышленника». На нем. яз. (ф. 21, оп. 5, № 134/59, лл. 1–2об.).

29. О песцовом промысле. Ответы якутских посадских Дорофеева и Федора Пермитинова на вопросы геодезиста А.Д.Красильникова в Якутске в 1739 г. Почерк А.Д.Красильникова (ф. 21, оп. 5, № 134/651, лл. 1–3об.).

2) Описания путей и разных мест Сибири, составленные Л.Делякройером, И.Гмелином, Г.Стеллером, С.Крашенинниковым, И.Фишером, Я.Линденау и другими лицами

(№ 1–5 составлены одним из спутников Беринга)

1. «Описание пути от Тобольска по рекам Иртышу, Оби и Кети до Маковского острогу и из оного через волок далее до Енисейска». С 19 мая по 8 августа 1734 г. (ф. 21, оп. 5, № 125, с. 405–416).

2. «Описание местам от города Тобольска вниз по реке Иртышу до Самаровского яму вверх по Обе реке до устья Кети реки, а от устья Кети реки до Маковского острогу, какое на оных реках имеется жилье и на которой стороне, также в оные реки какие посторонние реки, речки и притоки впали, и с которой стороны и в колико м расстоянии место от места о том показано ниже сего (указаны румбы, градусы, минуты и расстояния)». С 19 мая 1734 г. по 8 августа 1739 г. (ф. 21, оп. 5, № 125, с. 425–483).

3. Описание пути от Енисейска до Иркутска по Верхней Тунгуске и Ангаре, август–октябрь 1734 г. (ф. 21, оп. 5, № 125, с. 484–503).

4. «Описание пути от Иркутска до Нерчинского и до Аргунского острогу, а от оного до Селенгинского и Кяхты такожде и назад до Иркутска». С 21 января по 1 июня 1735 г. (ф. 21, оп. 5, № 125, с. 417–419).

5. «Описание пути от Иркутска до Омоцкой слободы, а от оные через степь до Манзурки и до деревни Качика, а от оные рекою Леною до Усть-Илгинской пристани». С 19 января по 28 января 1735 г. (ф. 21, оп. 5, № 125, с. 420–422).

А. Описания и материалы Л.Делякройера

6. Материалы к № 6–21: репорты о путешествии из Тобольска (с 20 мая 1734 г.) в Иркутск, откуда был послан в конце декабря 1735 г. репорт и о работах 1734 и 1735 гг.; черновик репорта (с поправками Миллера) (р. I, оп. 35, № 27, лл. 1–12 и № 37, лл. 1–75).

7. Разные материалы, относящиеся ко времени пребывания в Тобольске, на Енисее, в Иркутске и Кяхте в 1734–1736 гг. На франц. яз. (р. I, оп. 35, № 40, лл. 1–112).

8. Описание наблюдений в Иркутске с 1 декабря 1735 г. и в местах, пограничных с Китаем, с 31 января 1736 г. до 28 декабря того же года. На франц. яз. Черновик (р. I, оп. 35, № 28, лл. 1–39).

9. Материалы, относящиеся к наблюдениям в Иркутске с 1 декабря 1735 г. по март 1736 г. На франц. яз. (р. I, оп. 35, № 37, лл. 1–75).

10. Описание наблюдений в Якутске с 1 по 29 января 1737 г. На франц. яз. Черновик (р. I, оп. 35, № 30, лл. 1–9).

11. Описание путешествия из Якутска к устью Лены с 26 августа по 19 сентября 1737 г. На франц. яз. Черновик (р. I, оп. 35, № 19, лл. 1–15).

12. Описание пребывания в Сиктаке с 21 сентября по 19 ноября 1737 г. На франц. яз. Черновик (р. I, оп. 35, № 20, лл. 1–18).

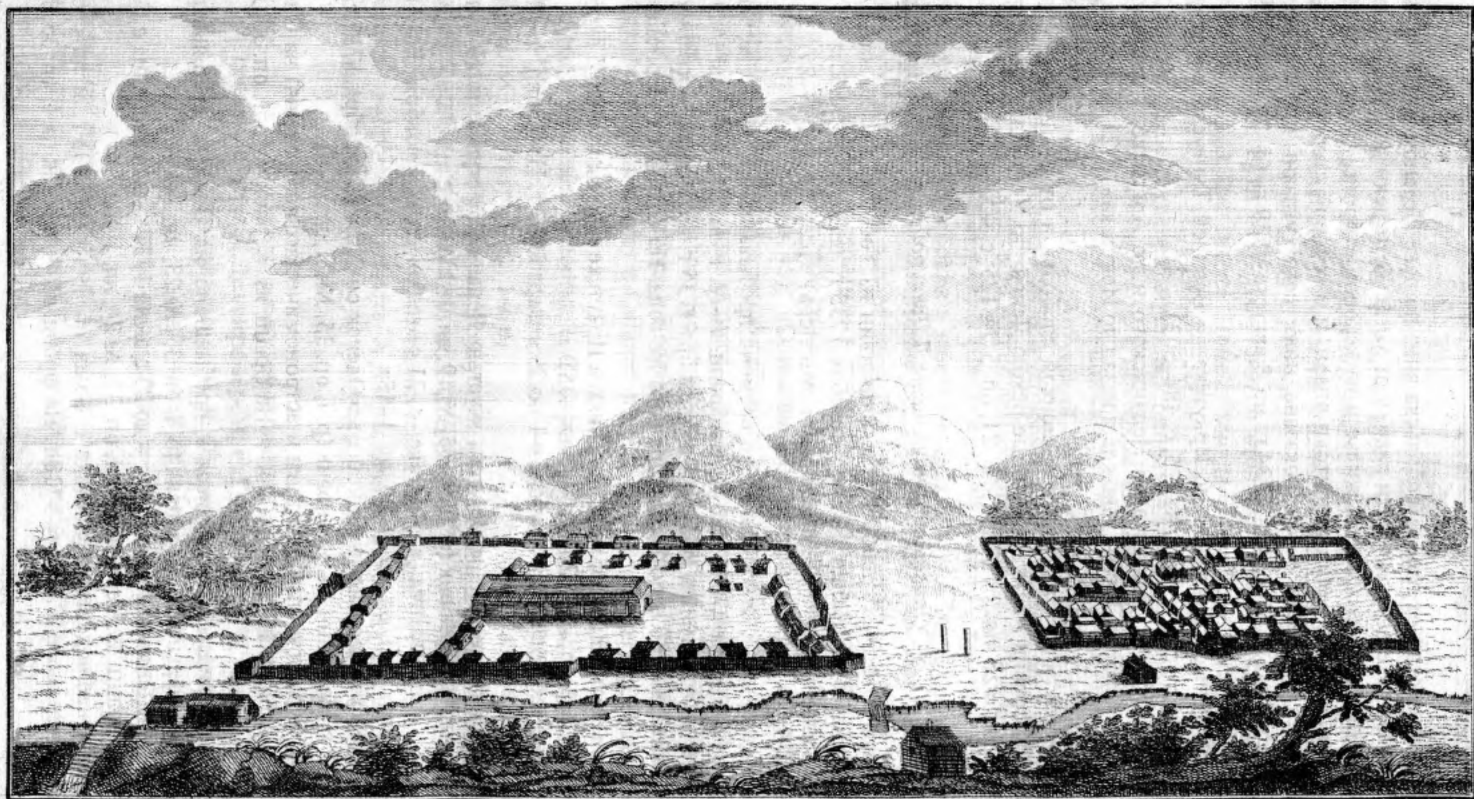
13. Описание путешествия из Сиктака на Оленек со 2 по 18 декабря 1737 г. и 9–11 января 1738 г. На франц. яз. Черновик (р. I, оп. 35, № 21, лл. 1–6).

14. Путевой журнал и описание пути и астрономических наблюдений на Оленеке за время с 16 января по 15 февраля 1738 г. На франц. яз. Черновик (р. I, оп. 35, № 22, лл. 1–27).

15. Разные материалы, относящиеся к пребыванию на Оленеке с 16 января по 4 апреля 1738 г. На франц. яз. Черновик (р. I, оп. 35, № 23, лл. 1–19).

16. Описание наблюдений за время с 4 до 23 апреля 1738 г., возвращения с Оленека в Сиктак. На франц. яз. Черновик (р. I, оп. 35, № 24, лл. 1–8).

17. Описание наблюдений в Сиктаке с 8 мая по 19 июля 1738 г. и на среднем и верхнем Вилюе в июле и августе 1738 г. На франц. яз. Черновик (р. I, оп. 35, № 25, лл. 1–21).



Видъ КЯХТИНСКОЙ слободы X Vüe de la slabode KIACHTA

18. Материалы, относящиеся к пребыванию в Якутске в июле–октябре 1739 г. На франц. яз. Черновик (р. I, оп. 35, № 26, лл. 1–49).

19. Журнал наблюдений геодезиста Красильникова в Якутске с 6 октября 1737 г. по 29 мая 1739 г. Переведено Делякройером с русск. на франц. и лат. языки (р. I, оп. 35, № 31, лл. 1–14).

20. Материалы, относящиеся к пути из Якутска к Юдомскому Кресту и Охотску и пребыванию в Охотске с 1 апреля по 5 сентября 1740 г. (р. I, оп. 35, № 73, лл. 1–36).

21. Инструкция студенту С.Крашенинникову при отправлении его с Камчатки в 1741 г. На лат. яз. (р. I, оп. 35, № 48, лл. 1–4, и № 50).

Б. Описания, составленные И.Гмелином

22. Описание Ирбитской ярмарки 1734 г. (ф. 21, оп. 5, № 18, лл. 98–102об.).

22[а]. «Отдельные путешествия г. доктора Гмелина в то время как я, Миллер, был разлучен с ним в 1740–1742 гг.». На нем. яз. (ф. 21, оп. 2, № 12, с. 27–36).

23. Описание реки Ишима от дер. Смоляной до устья Ишима в 1741 г. На нем. яз. (ф. 21, оп. 2, № 13, с. 38–46).

24. Описание реки Ишима вверх по реке от дер. Смоляной до Орлова городища в 1741 г. На нем. яз. (ф. 21, оп. 2, № 13, с. 47–64).

25. Описание реки Иртыша от устья Ишима до Тобольска 1741 г. На нем. яз. (ф. 21, оп. 2, № 13, с. 65–155).

26. Описание пути от Орлова городища до Ваганского устья (1741 г.). На нем. яз. (ф. 21, оп. 2, № 13, с. 156–159, 164–219).

27. Описание Балахлейских юрт на реке Вагае 1741 г. На нем. яз. (ф. 21, оп. 2, № 13, с. 160–163).

28. Описание пути от Томска до Тары. Черновик (ф. 21, оп. 2, № 14, с. 221–248).

29. Описание реки Ойеши. Черновик (ф. 21, оп. 2, № 14, с. 249–251).

30. Описание реки Оми, впадающих в нее рек, лежащих на ней русских укрепленных мест и татарских деревень. Черновик (ф. 21, оп. 2, № 14, с. 252–258).

31. Описание реки Тары. Черновик (ф. 21, оп. 2, № 14, с. 259–264).

32. Описание реки Бергомак. Черновик (ф. 21, оп. 2, № 14, с. 264–265).

33. О барабинских волостях и зимних деревнях в них. Черновик (ф. 21, оп. 2, № 14, с. 265–269).

34. Описание пути от Тары до Ялуторовского острога. Черновик. На нем. яз. (ф. 21, оп. 2, № 14, с. 270–292).

35. Описание реки Иртыша от устья Тары вниз по течению с приложением описания рек Уи и Ожа. На нем. яз. (ф. 21, оп. 2, № 14, с. 293–315).

36. Описание реки Ишима вверх по течению, с приложением описания рек Яузака и Иры и речек, впадающих в Вагай (ф. 21, оп. 2, № 14, с. 316–323; № 15, с. 325–328).

37. Описание Уральских заводов, составленное в 1742 г. Копия XVIII в. без начала и без конца, § 5–31 (р. I, оп. 104, № 2, лл. 1–34).

В. Описания, составленные С.П.Крашенинниковым

38. «Реестр сколько под Баргузинским острогом и Баргузинского ведомства острожками ясашных тунгусов имеется и на сколько родов разделены». Черновик (ф. 21, оп. 5, № 131, л. 29–29об.; р. I, оп. 13, № 11, лл. 17об.–18).

39. «Описание братских мужиков Иркутского ведомства». Черновик (ф. 21, оп. 5, № 131, л. 30–30об.; р. I, оп. 13, № 11, л. 17).

40. Путевой журнал за 1734 г. — март 1736 г. Черновик (р. I, оп. 13, № 11, лл. 19–40об.).

41. Описание пути от города Якутска до Охотского острога. Черновик (ф. 21, оп. 5, № 34, лл. 138–150; р. I, оп. 13, № 10, лл. 42–55об., № 57, с. 1–23 (копия), № 96, лл. 10–19об. (лат. перевод).

42. «Перечень пеших тунгусов, или ламуток, живущих около Охотского острогу 5 родов, а также оленных ламуток 7 родов». Черновик (ф. 21, оп. 5, № 34, л. 151–151об.; р. I, оп. 13, № 10, лл. 202об.–203).

43. Путевой журнал от города Якутска до Охотска. Черновик (р. I, оп. 13, № 10, лл. 56–62об.).

44. «Описание пути от Большерецкого острога вверх по Большой реке до теплых вод и оттуда до имеющейся на Аваче-реке, близ ее устья, горелой сопки». Черновик (ф. 21, оп. 5, № 34, лл. 152–159об.; р. I, оп. 13, № 10, лл. 126–133об.; ф. 21, оп. 5, № 60, лл. 72–79 (копия); № 96, лл. 20–27 (лат. перевод).

45. «Описание пути от Большерецкого острога до впадающих в Озерную реку теплых вод и оттуда возвратно до Большерецкого острога» (ф. 21, оп. 5, № 34, лл. 160–165; р. I, оп. 13, № 10, лл. 134–139об. — черновик; ф. 21, оп. 5, № 57, с. 24–31 — копия).

46. «Описание Курильских островов по сказыванию курильских иноземцев и бывалых на оных островах служилых людей» (р. I, оп. 13, № 10, лл. 214об.–217 — черновик; ф. 21, оп. 5, № 60, лл. 80–83об. — копия; № 96, лл. 28–31 — лат. перевод; портф. Миллера 513, тетр. 6, лл. 17об.–22об.).

47. Путевой журнал от Большерецка до Нижнего Камчатского острога и оттуда обратно до Большерецка. С 19 ноября 1738 г. по 1739 г. (ф. 21, оп. 5, № 34, лл. 202–205об.).

48. «Описание пути от Нижнего Камчатского острогу до реки Авачи, до Паратуна острожка». Черновик (ф. 21, оп. 5, № 34, лл. 195об.–201об.; р. I, оп. 13, № 10, лл. 157об.–163об.).

49. «Описание рек, впадающих в Восточное море, и имеющихся между ними носов от устья Камчатки реки до Олюторского носу, сочиненное... по сказыванию укинских тойонов Начики и Корича и бывалых там служилых людей». Черновик (ф. 21, оп. 5, № 34, лл. 191–195об.; р. I, оп. 13, № 10, лл. 155–157об.).

50. «Описание пути от Нижнего Камчатского острога до имеющихся вверху Камчатки ключей». Черновик (ф. 21, оп. 5, № 34, лл. 189об.–191об.; р. I, оп. 13, № 10, лл. 153об.–154об.).

51. «Описание пути от Нижнего Камчатского острога до устья реки Камчатки и оттуда до Табкачаульник-острожка». Черновик (ф. 21, оп. 5, № 34, лл. 188–189об.; р. I, оп. 13, № 10, лл. 152об.–153).

52. «Описание пути от Верхнего до Нижнего Камчатского острогу». Черновик (ф. 21, оп. 5, № 34, лл. 177–188; р. I, оп. 13, № 10, лл. 145–152об.).

53. Описание пути от Большерецкого острога по Пенжинскому берегу до Верхнего Камчатского острога. Черновик (ф. 21, оп. 5, № 34, лл. 170–177; р. I, оп. 13, № 10, лл. 140–144об.).

54. «Описание рек от Лесной на север до Подкагирной реки, сочиненное по сказыванию Подкагирной реки сидячих коряк». Черновик (ф. 21, оп. 5, № 34, л. 258об.; р. I, оп. 13, № 10, лл. 190об.–191об.). Копия (ф. 21, оп. 5, № 57, с. 133).

55. «Описание пути от Нижнего Камчатского острога по Восточному морю на север до реки Караги и вверх по Караге и вниз по Лесной до Пенжинского моря, а по Пенжинскому морю до устья Тигиля, а от Тигиля до Харчина острога, имеющегося на реке Еловке». Копия (ф. 21, оп. 5, № 34, лл. 229об.–253; № 57, с. 83–132).

56. «Описание Камчатки реки от Верхнего Камчатского острогу до устья Камчатки реки по румбам». Копия (ф. 21, оп. 5, № 34, лл. 211об.–229; № 57, с. 49–62).

57. «Описание пути от Большерецкого до Верхнего Камчатского острогу водяным путем» (ф. 21, оп. 5, № 34, лл. 206–211об.; р. I, оп. 13, № 10, лл. 163об.–168об. — черновик; ф. 21, оп. 5, № 57, с. 39–49 — копия).

58. Путевой журнал с марта по сентябрь 1740 г. Отрывок (р. I, оп. 13, № 11, лл. 254–255).

59. Путевой журнал с 24 ноября 1740 г. по 6 ноября 1742 г. (р. I, оп. 13, № 10, лл. 288–318).

60. «Краткое описание Сибири» (перевод предисловия к 1-му тому «Florae Sibiricae» Гмелина). Черновой и беловой экземпляр (ф. 21, оп. 5, № 165).

Г. Описания, составленные А.П.Горлановым

61. «Описание пути Г.Стеллера и А.Горланова от Енисейска через Тасеевской, Канской и Удинской остроги до Иркутска, составленное А.Горлановым в 1739 г.». Конец утерян (ф. 21, оп. 5, № 168, с. 335–350).

62. «Описание пути от Большерецкого острогу по берегу Пенжинской губы на север до реки Ваянпалки и при том описание впадающих посторонних речек, текущих в те реки, которые имеют течение свое от востока на запад в Пенжинскую губу и о протчем, сочиненное в 1743 г.» (ф. 21, оп. 5, № 65, лл. 2–48об.).

63. «Описание пути от Большерецкого острога до Санктпетропавловской гавани, сочиненное в 1743 г.» (ф. 21, оп. 5, № 65, лл. 53–61об.).

64. «Описание пути от Санктпетропавловской гавани до Нижнего Камчатского острогу, сочиненное в 1743, 1744 гг.» (ф. 21, оп. 5, № 65, лл. 62–86об.).

65. «Описание пути от Шапина острожка вверх по Камчатке зимним путем до Верхнего Камчатского острогу, 1744 г.» (ф. 21, оп. 5, № 65, лл. 87–89).

66. «Описание пути от города Иркуцка до города Красноярска сухим путем, сочиненное в 1746 г.» (ф. 21, оп. 5, № 65, лл. 90–96об.).

67. «Описание пути от города Красноярска до города Томска, сочиненное в 1746 г.» (ф. 21, оп. 5, № 65, лл. 97–104об.).

68. «Описание пути от города Томска до города Тары, сочиненное в 1746 г.» (ф. 21, оп. 5, № 65, лл. 105–113).

69. «Описание пути от города Тары до города Тобольска, сочиненное в 1746 г.» (ф. 21, оп. 5, № 65, лл. 114–121).

Д. Описания и заметки И.Фишера

70. Разные заметки о Сибири: описание пути из Петербурга в Москву, из Москвы в Тобольск и др. На нем. яз. (ф. 21, оп. 5, № 46, лл. 1–43).

71. «Географическое и историческое описание Иртыша, Оби, Томи и прочих рек тех округов, а также народов от Тобольска до Томска». На нем. яз. (ф. 21, оп. 5, № 41, лл. 1–102).

72. «Географическое и историческое описание пути и мест между Томском и Иркутском. 1741 г.». На нем. яз. (ф. 21, оп. 5, № 52, с. 1–49).

73. «Река Колыма». На нем. яз. (ф. 21, оп. 5, № 52, с. 50–55).

74. «О большом острове в Ледовитом океане между Святым и Чукотским носом, против устья рек Яны, Индигирки и Колымы». На нем. яз. (ф. 21, оп. 5, № 60, лл. 105–109об.).

75. Несколько заметок о путешествии из Якутска до реки Алдана. 1742 г. На нем. яз. (ф. 21, оп. 5, № 47, с. 1–9).

76. «Описание пути от Юдомского Креста до Якутска во время моего ареста в 1743 г.». На нем. яз. (ф. 21, оп. 5, № 47, с. 1–10).

77. Описание водного пути из Иркутска в Енисейск, с приложением реестра расстояний от Иркутска до Енисейска. На нем. яз. (ф. 21, оп. 5, № 48, лл. 1–24+1–3).

78. «Описание верхнего течения реки Оби, от устья реки Томи вверх по течению Оби до Телесского озера, и впадающих в Обь рек. 1746 г.». На нем. яз. (ф. 21, оп. 5, № 42, лл. 10–13).

79. «Описание пути от Томска до Колыванских заводов. 1746 г.». На нем. яз. (ф. 21, оп. 5, № 42, лл. 14–19).

80. Описание пути от Томска до Чеусского острога. 1746 г. (ф. 21, оп. 5, № 50, лл. 1–18).

81. Описание пути от Чеусского острога через Тару в Тобольск. 1746 г. На нем. яз. (ф. 21, оп. 5, № 50, лл. 1–160).

Е. Описания, «каталоги» и журналы, составленные геодезистами П.Скобельцыным и В.Шетиловым

82. «Каталог от устья пограничной речки Горбицы верстам от места до места и на которые румбы чрез знатные реки и речки протегающими хрептами до речки Еловой, 1735 г. августа с 13 числа». Скрепа: «Геодезист Петр Скобельцын. Геодезист Василий Шетилов» (ф. 21, оп. 5, № 35, лл. 293–298).

83. «Журнал каждого дня какая погода была и какой воздух и каждого дни чрез какие места шли и какой дорогой от города Нерчинска до речки Большой Еловой, 1735 г. августа с 3 числа». Скрепа: «Геодезист Петр Скобелцын. Геодезист Василий Шетилов» (ф. 21, оп. 5, № 35, лл. 299–314об.).

84. «Каталог от речки Большой Еловой протегающими хрептами до вершин реки Большого Олдекона и от оной же речки Еловой вниз по реке Нюгзе и о реке Олекме до устья ее, 1736 г. марта с 9 числа». «Сочинили... подпоручики Петр Скобелцын, Василей Шетилов» (ф. 21, оп. 5, № 35, лл. 315–318об.).

85. «1735 г. декабря с 16 числа по 31 декабря 1736 г. журнал каждого дни какая погода и воздух и какие на небе знаки». Без скреп и обозначений (ф. 21, оп. 5, № 35, лл. 319–339об.).

86. Журнал от устья реки Большой Еловой до устья Олекмы, 1736 г. мая с 7-го числа. «Сочинили... подпоручик Петр Скобелцын, Василий Шетилов» (ф. 21, оп. 5, № 35, лл. 340–342об.).

87. «Каталог от устья речки Хулугичи верстам от места до места и на которые румбы и чрез знатные реки и речки до устья речки Хаяну (впадающей в Амур), 1737 г. июня 21». «Сочинили... геодезисты Петр Скобелцын, Василей Шетилов» (ф. 21, оп. 5, № 35, лл. 343–346об.).

88. «Каждого дни какая погода и воздух» в 1737 г. с указанием «тракта каждого дни и чрез какие места шли». Без скреп (ф. 21, оп. 5, № 35, лл. 347–370).

89. «Каждого дни какая погода и воздух» в январе–мае 1738 года, с указанием «тракта каждого дни и чрез какие места шли». Без скреп (ф. 21, оп. 5, № 35, лл. 371–379об.).

90. «Каталог с прошлого 1739 году сентября 26 числа от города Иркутска вниз по реке Ангаре до Кашиной шиверы и по рекам Оке и Ие по нынешний 1740-й год февраля по 22 число». «Сочинил... геодезии подпоручик Петр Скобелцын 1740 году марта 26 день» (ф. 21, оп. 5, № 35, лл. 380–400об.).

91. «1739 году сентября с 23 числа (по 1740 г. февраля 26) каталог Иркуцкого и Илимского уезду». По листам скрепа: «Геодезист Василей Шетилов» (ф. 21, оп. 5, № 35, лл. 401–428).

92. «Каталог Иркуцкой провинции города Нерчинска и уезду и к нему принадлежащие остроги, против которой стороны и сколько от места и до места расстояния» и «Известие Нерчинского города уезду и к нему принадлежащие остроги, каких народов люди живут и каких законов и какие промыслы имеют и чем питаютца». «Сочинил... геодезист Петр Скобелцын с товарищи». Представлены в Академию наук 6 сентября 1740 г. (ф. 3, оп. 10, № 125).

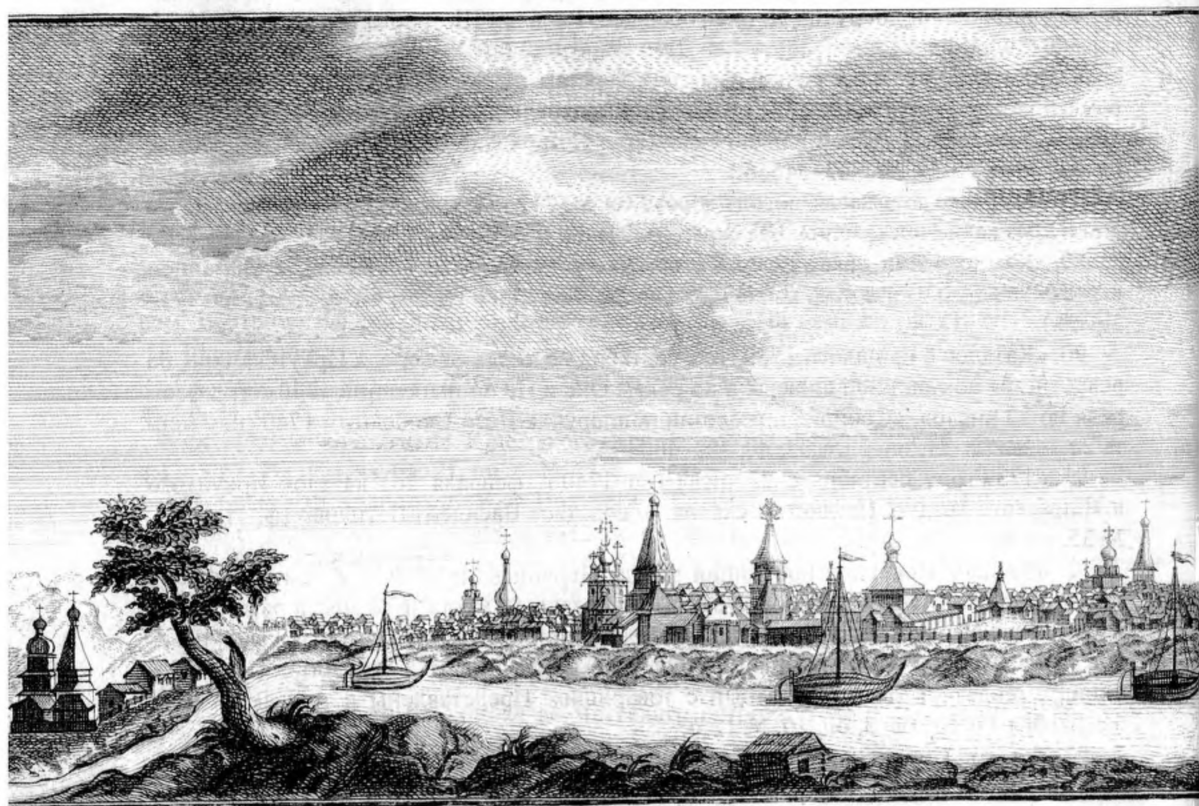
93. Каталог Сибирской губернии Иркутской провинции «города Якуцка и с уездом, от города Якуцка вниз по реке Лене до самого моря даже и до Камчатки чрез разные остроги и зимовья, против которой стороны и от места до места во многом ли числе верст расстоянием» и «Известие в Якуцком уезде и в принадлежащих к Якуцку острогах и зимовьях каких народов люди живут и каких законов и какие промыслы и чем питаютца». Представлено в Академию наук 6 сентября 1740 г. (ф. 3, оп. 10, № 125).

94. Каталог Сибирской губернии Иркутской провинции об уезде городов Иркутска, Илимска и Селенгинска, как приложение к карте и Известие о народах, живущих в тех же уездах, их законах, промыслах и пище. Сочинил геодезист Петр Скобелцын с товарищами. Представлено в Академию наук 6 сентября 1740 г. (ф. 3, оп. 10, № 125).

Ж. Материалы и описания морских плаваний

95. «Журнал морского пути, содержащийся на дубель шлюпке Надежде, флота мастера Хитрова компании 1740 году в следовании от Охотска к Камчатке, будучи на оной командиром» (Библиотека Акад. наук. Рукоп. отд., 32.15.19, лл. 1–22).

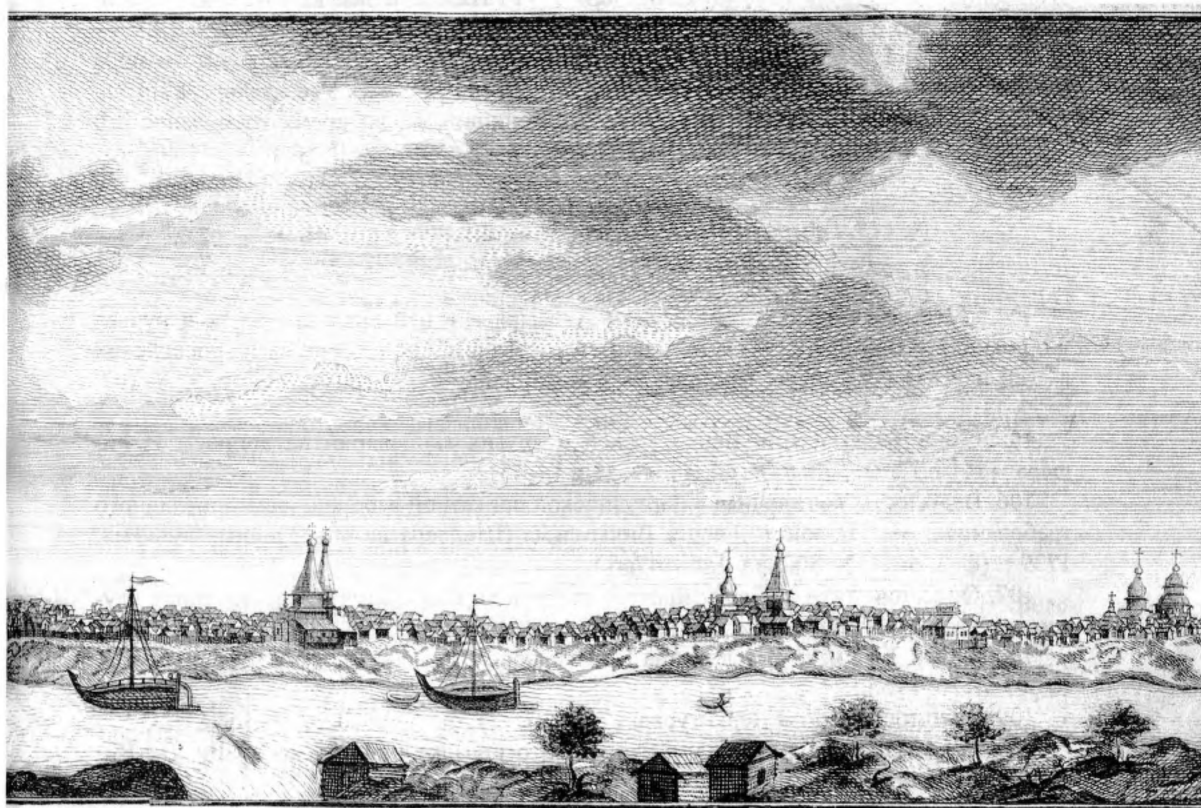
96. «Журнал пакетбота Св. Петр с 23 апреля 1741 г. до возвращения на остров Беринга, составленный флота мастером С.Хитровым» (Библиотека Акад. наук. Рукоп. отд., 32.15.19, лл. 23–128).



97. «Описание острова, на котором мы во время нещастия своего зимовали с командою и продолжали бытность свою от ноября месяца 1741 г. даже до 13 дня августа 742 году, в которое время о разных вещах я имел примечания, назвав его, соглася с лейтенантом Вакселем, остров Беренгов, потому понеже на нем бывшей капитан командор Витес Беринг по смерти своей погребен. Составлено флота мастером С.Хитровым» (Библиотека Акад. наук. Рукоп. отд., 32.15.19, лл. 128об.–130).

98. «Путевой журнал гукора Св. Петр, составленный флота мастером С.Хитровым» (Библиотека Акад. наук. Рукоп. отд., 32.15.19, лл. 131–154).

99. «Журналы морские 1740, 1741 и 1742 годов пакетбота Св. Петра и гукора Св. Петра капитан командора Беринга и лейтенантов Вакселя и Сафрона Хитрово в походех: 1) в 740-м году на пакетботе Св. Петра от Охотска до заливы Авачинской и гавани Св. Петра под командой капитан командора Беринга в Камчатку (лл. 2–16об.); 2) в 741-м году на пакетботе Св. Петра от Авачинской Камчатской губы до американского мыса Св. Ильи, найденного и названного, и возвратно от него к Кам-



Vue de la Ville de IRKOUTZK.

чатке до острова вновь же названной Берингов под командой капитан командора Беринга, по разбитие на том острову пакетбота Св. Петра и по умертвие на нем же означенного капитан командора Беринга (лл. 17–105об.); 3) В 742-м году по зделании на Беринговом острову из росломанного на берегу пакетбота Св. Петра гукора Св. Петра в походе на нем от берега тово острова до Авачинской губы под командой лейтенантов Вакселя и Хитрова» (лл. 106–121).

Второй и третий журналы — копии 1752 г. подлинных журналов, скрепленных флота лейтенантом Вакселем и флота мастером Софроном Хитровым (ф. 21, оп. 5, № 58).

100. «Журналы пакетбота Св. Павла 1741 г. и 1742 г. Копии 1752 г. подлинных журналов, скрепленных командующим флотом капитаном Алексеем Чириковым и за справою мичмана Ивана Елагина» (ф. 21, оп. 5, № 58, лл. 122–251 и 258–325).

101. «Экстракт из журналов морской секретной экспедиции под командою флота капитана Креницына и капитан-лейтенанта Левашева разных годов бытности их в той

экспедиции» с 18 июля 1764 по 22 октября 1771 г. Беловой экз. на русск. яз., писанный несколькими почерками (портф. 742, лл. 1–54).

102. «Перевод с мемориала о покушениях сыскивать проход из Ледовитого моря в Тихое» 1766–1768 гг. (РГАДА, ф. 181, № XII/81; ср.: *Пуцилло.* Указатель, с. 89).

103. «Журнальная записка штурмана Крашенинникова во время следования его вдоль берега Аляски в 1766–1768» (РГАДА, ф. 181, № XII/81).

3. Географические материалы, описания и труды, составленные разными лицами

104. «Географическое описание реки Анадыря и в ней впадших речек и ручьев и о чукчи, где они находятся и их местах и кочевании и нападения их на российских людей и ясашных коряк». Составлено Я.И.Линденау в 1742 г. (ф. 21, оп. 5, № 103, лл. 7–11об.).

105. Ответ Балаганской, Верхотурской и других канцелярий на вопросы И.Фишера, 1741 г. (ф. 21, оп. 5, № 60, лл. 11–13 и 14–15).

106. Ведомость, сочиненная в Баргузинской приказной избе «по силе присланного требования... от... адъюнкта Георга Вильгельма Штеллера на объявленные пункты», 1739 г. (ф. 3, оп. 1, № 800, лл. 144–147об.).

107. Описание пути от Баргузинского острога до озера Баунта, составленное служилым Алексеем Даниловым, 1740 г. (ф. 3, оп. 1, № 800, лл. 198–199).

108. Опись Туринского ведомства Благовещенской слободы, 1746 г. (ф. 21, оп. 5, № 60, лл. 16–17об.).

109. Ведомость города Верхотурья, 1746 г. (ф. 21, оп. 5, № 60, лл. 3–3об.).

110. Отчет служилого Михаила Бурнатова о поездке из Якутска до Верхне-Вилюйского зимовья, 1742 г. (ф. 21, оп. 5, № 45, лл. 1–7).

111. «Роспись о заводе Висимском. За скрепою шихтмейстера Семена Шилова», 1746 г. (ф. 21, оп. 5, № 60, л. 8).

112. Описание тракта от города Енисейска до города Томска сухим путем. За скрепою канцеляриста Алексея Чарошникова (ф. 21, оп. 5, № 60, лл. 6–7об.).

113. «Ведомость, учиненная в Иркутской полицеймейстерской конторе: коликое число от бывшего в Иркутске великого земли трясения учинилось какого повреждения». То же в Балаганском дистрикте, Кяхте, Селенгинске и других местах Иркутской провинции, 1742 г. (ф. 21, оп. 5, № 43, лл. 1–25).

114. «Описание от устья Большой реки до Курильской лопатки и оттуду до Первого и вокруг Второго и возвратно вокруг же Первого островов Курильских подле морской берег водным путем впадающим рекам и речкам, сочиненное чрез служивого Осипа Аргунова», 1742 г. (ф. 3, оп. 1, № 800[а], лл. 5–16).

115. Описание Курильских островов, составленное секунд-майором Михаилом Татариновым, с приложением плана II Курильского острова, 1781 г. (ф. 21, оп. 5, № 60, лл. 84–100об.).

116. О стране и климате у берегов Ледовитого океана, 1736 г. На нем. яз. (ф. 21, оп. 5, № 60, лл. 23–24об.).

117. Ответы канцелярий острогов: Охотского, Тауйского и Удского на вопросы переводчика Линденау по географии, истории и этнографии края, 1742 г. (ф. 21, оп. 5, № 142, лл. 13об.–24об.).

118. «По известиям от вожа Герасима Трутнева по левую сторону Станового хребта о реках, откуда вершиною выпадают и куда впадают, и какие звери и рыба, лес и горы», 1739 г. (ф. 21, оп. 5, № 35, лл. 340–342, и № 73, лл. 45–50об.).

119. Ведомость о Сургуте и Сургутском уезде, 1740 г. (ф. 21, оп. 5, № 40, лл. 1–13).

120. «Описание тракта от Тары до Ишимского дистрикту. За скрепою канцеляриста Дмитрия Ершова» (ф. 21, оп. 5, № 60, л. 9).

121. «Описание тракта от села Тулуна до города Иркутска на две дороги» (ф. 21, оп. 5, № 60, л. 18–18об.).

122. «Опись из Уцкого острога Уде реке и прочим рекам и Шантарским островам — тому явствует ниже сего по пунктам русских людей и ясачных иноземцев сказки за руками их» (ф. 3, оп. 1, № 800[а], лл. 310–318).

123. «Экстракт, выбранный из журнала казачьего сотника Ивана Кобелева, который посылан был из Гижигинской крепости в Чукоцкую сторону для примечания и имел поход до островов Имагнина и Гельлина, лежащих между Восточною Азиею и Северною Америкою в уском между оными землями расстоянии, что значит в приложенной при сем карте (ее нет. — *А.*)», 1779 г. (копия 1782 г., за скрепою секунд-майора Мих. Татаринова) (ф. 21, оп. 5, № 60, лл. 122–125об.).

124. Сказки разных лиц о деревнях Яланской, Черкасской, Подъяланной, Масленниковой и др. Енисейского уезда (ф. 21, оп. 5, № 49, лл. 1–24).

125. Известия д-ра Мессершмидта о путешествиях в Сибирь 1719–1727 гг. Беловой экз. на нем. яз. с поправками (портф. 150, I, тетр. 4, лл. 1–58).

126. «Перевод с нем. яз. на русский, сделанный переводчиком Вас. Томилевским из соч. Страленберга, изданного в Стокгольме в 1730 г. под заглавием: «Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asien in so weit solches das gantze Russische Reich mit Sibirien und der grossen Tartarey...» (портф. 510, <ф. 181, № 207>, лл. 1–102).

127. Вопросы проф. З.-Т.Байера, адресованные резиденту Л.Лангу в Китае, статскому советнику В.Н.Татищеву в Сибири и «историографу» И.-Г.Гейнцельману «в Татарии» (1735 г.). Вопросы проф. Винсгейма по части астрономических наблюдений, адресованные И.-Г.Гейнцельману. — Беловой экз. на нем. яз. (портф. 349, I, тетр. 2, лл. 1–8).

128. «Землетрясение в Сибири в 1761 г.». Беловой экз. на франц. яз. (портф. 150, I, тетр. 21, лл. 1–2).

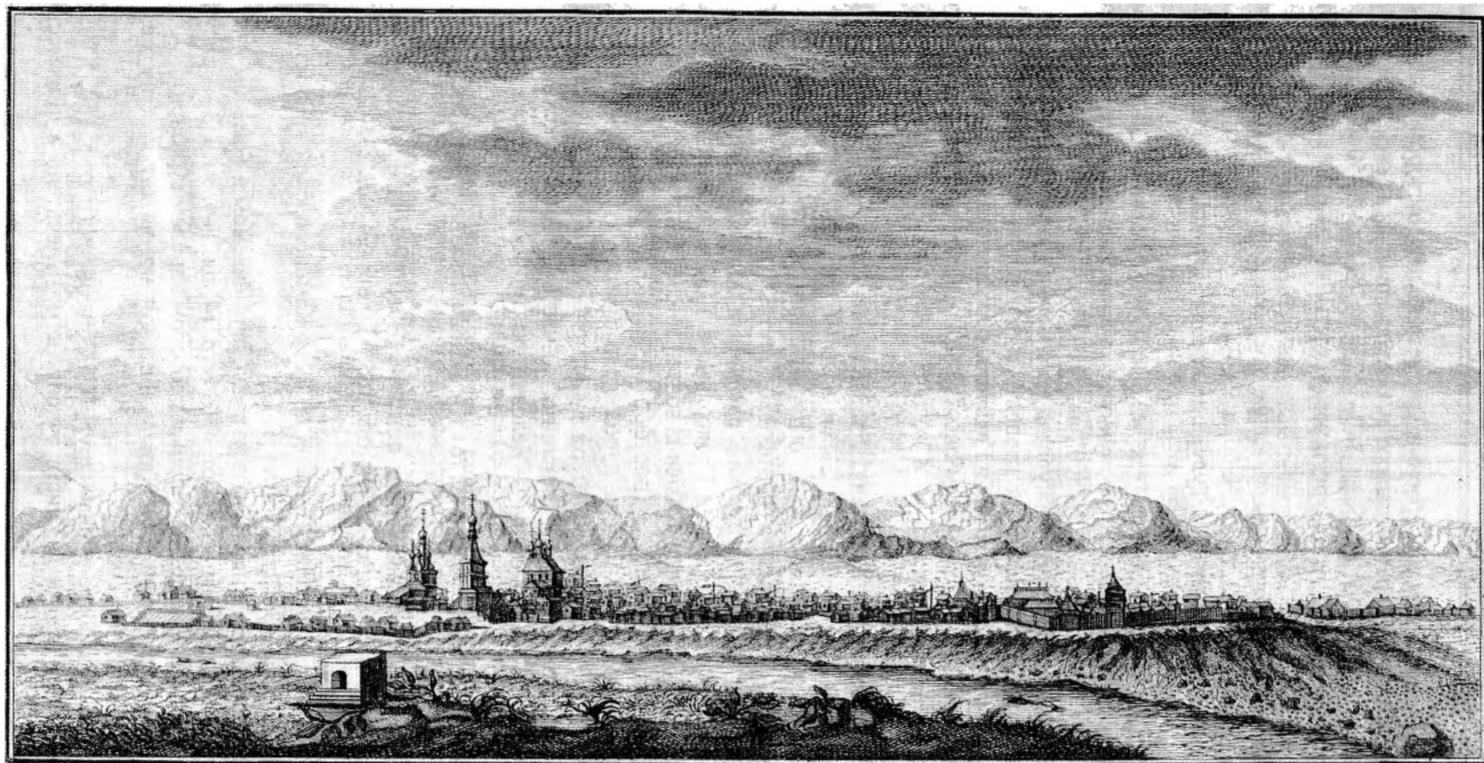
129. «Письмо, содержащее верное описание Новой Земли и выгод ее местоположения». Беловой экз. на англ. яз. (портф. 365, II, тетр. 24, лл. 235–238; на л. 236 — карта Новой Земли).

130. «Естественная история Иртыша до Усть Каменогорской крепости». Беловой экз. на лат. яз. (портф. 430, тетр. 12, лл. 1–32).

131. «О способе добывания железа из руды, применяемом в Томском и Кузнецком уездах». Беловой экз. на лат. яз. (порт. 430, тетр. 14, лл. 1–4, на л. 3 — рисунок, изображающий добывание железа кустарным способом народами Сибири).

132. «Описание дымящей горы Казыр». Беловой экз. на лат. яз. (там же, тетр. 15, лл. 1–4; на л. 3 — рисунок горы).

133. «Сибирь — золотое дно» — труд Ф.И.Соймонова (портф. 150, XVI, тетр. 16; 13 листов печатного текста и 3 листа рукописного; напечатано в «Ежемес. соч.» за 1761 и 1763 гг.).



Видъ города НЕРЧИНСКА. XC Vüe de la ville de NERTSCHINSK.

134. «Путешествие из калмыцкой урги на реке Или в Китай». Черновик рукою Миллера на нем. яз. (портф. 344, тетр. 3, л. 1 и сл.).

135. Журнал путешествия: 1) через Наунскую дорогу от Цурухайту до Пекина 1736 г. с примечаниями Лариона Рассохина; 2) из Пекина в Кяхту 1736 г. и 3) из Селенгинска до Цурухайту (портф. 349, II, тетр. 4, лл. 1–32; на лл. 33–36 — какие-то черновые заметки рукою Миллера на нем. яз.; по-видимому, краткие заметки об этом путешествии).

136. «Примечания на журнал путешествия российского каравана восточною дорогою от Цурухайтунского форпосту чрез г. Пичагар в Пекин 1736 г.». Беловой экз. на русск. яз. (там же, лл. 37–42).

137. «Журнал российского каравана в Китай 1736 г.». Беловой экз. на русск. яз. с добавлением на полях другим почерком (там же, лл. 43–50).

138. «Журнал следующему пути российского каравана из... царствующего града Пекина в Россию 1737 г.». На русск. яз. (там же, лл. 51–84). В вышеуказанной тетради 4 находится ряд планов городов и рисунков, сделанных пером.

139. «Journal von Lorentz Langes Reise nach China». Беловой экз. на нем. яз., рукою Миллера (портф. 365, II, тетр. 25, лл. 239–249 — выписки из курляндского печатного изд., с. 82–116).

3) Труды Г.Ф.Миллера и других лиц по географии Сибири, преимущественно Западной

140. Об укреплении линии по реке Уе, впадающей в Тобол. Черновик рукою Миллера на нем. яз. (портф. 365, II, тетр. 8, лл. 65–66).

141. «Предложения, касающиеся сибирских укрепленных линий» 1760 г. Беловой экз. на франц. яз. и черновики на нем. яз. рукою Миллера (портф. 150, XIV, тетр. 13, лл. 1–20 и 21–23).

Примечания Миллера на разные географические сочинения о России (отмечены те, в которых Миллер касается Сибири)

142. Примечания на 2-е издание путешествия фон Гавена (портф. 149, I, тетр. 1, лл. 1–35).

143. Примечания на «Землеописание» Бюшинга (портф. 149, I, тетр. 8, лл. 1–71).

144. «Оглавление учиненным в новонапечатанной российской географии погрешностям» (портф. 149, I, тетр. 9, лл. 1–38).

145. «Предложение 1745 г. о сочиненном проф. Винсгеймом географическом описании России» (портф. 149, I, тетр. 10, лл. 1–12).

146. Примечания на «Handlungs-Lexicon Hübner» (там же, II, тетр. 7, лл. 1–34). «Примечания» под № 142–146 имеются в копиях 1784 г. в Гос. публ. библ. в Ленинграде, Эрмитажное собр., № 540, тетр. 1, 8, 9 и 10, и № 541, том 1, тетр. 7.

147. «J.E.Fischers Sammlung zu einem geographischen und historischen Lexicon von Sibirien» (РГАДА, ф. 181, оп. 16, рукоп. нем., № 770, с. 1–365, ср.: *Пуцилло*. Указатель, с. 104).

4) Труды Г.Ф.Миллера и других лиц по географии Восточной Сибири и Камчатки

А. Труды Г.Ф.Миллера

148. Инструкция, данная профессорами Миллером и Гмелином студенту Крашенинникову при отправлении его на Камчатку в 1737 г. (ф. 3, оп. 1, № 800, лл. 88–106об.).

149. «Экстракт из описания проф. Миллера о географии и протчем учреждении Камчатки». Пер. С.Волчков (ф. 3, оп. 1, № 810, лл. 329).

150. Инструкция, данная проф. Миллером и Гмелином адъюнкту Г.Стеллеру при отправлении его на Камчатку в 1739 г. Подл. на русск. яз. (р. I, оп. 79, № 2, лл. 75–91; ф. 3, оп. 1, № 800, лл. 24–41).

151. «О происходимых на Камчатке торгах, о входящих и исходящих товарах и о прочих вещах, которые и поныне лежат в небрежении, а к торгу причислены быть могут». Беловой экз. на нем. яз. (портф. 391, тетр. 6, лл. 1–6), то же на русск. яз. рукою Миллера с его же поправками (там же, лл. 7–22).

152. «Предисловие к описанию земли Камчатки» С.П.Крашенинникова, два экземпляра: а) портф. 409, тетр. 8, лл. 1–5, черновик на нем. яз. рукою Миллера с его же поправками и б) портф. 150, II, тетр. 31, лл. 1–3, также черновик на нем. яз. рукою Миллера с его пометками на полях на русск. яз. (здесь несколько иная редакция и текст не окончен).

153. «О китовой ловле у берегов Камчатки». Два беловых экз. на нем. яз. (портф. 150, XVI, тетр. 7, лл. 1–2, и портф. 149, тетр. 8, лл. 1–6). Оба текста тождественны, но в тексте, находящемся в портф. 149, есть вставки рукою Миллера. Копия 1784 г. в Гос. публ. библ. в Ленинграде, Эрмитажное собр. (№ 541, т. II, тетр. 8, с. 1–8).

154. «Известия о кораблеплаваниях по Ледовитому и Камчатскому морю с 1742 г., т.е. с окончания 2-й Камчатской экспедиции». Труд Г.Ф.Миллера. Перевод с нем. (XVIII в.). (Центр. Гос. Военно-морской архив в Ленинграде; ф. Адмиралтейств Коллегии за 1785 г.)

Б. Труды других лиц

155. «Описание земли Камчатки». Труд С.П.Крашенинникова. Части 1 и 2 (вторая редакция, 1751 г.) (р. II, оп. 1, № 288).

156. «О горячих ключах на Камчатке». Труд С.П.Крашенинникова, 1752 г. (ф. 3, оп. 1, № 161, лл. 30–33).

157. «О горячих ключах по Сибири». Труд С.П.Крашенинникова, 1752 г. (ф. 3, оп. 1, № 161, лл. 28–29об., 34).

158. Предисловие С.П.Крашенинникова к «Описанию земли Камчатки». 1755 г. Неоконченный текст (р. I, оп. 3, № 12).

159. Путевой дневник Стеллера, веденный от Енисейска до Якутска, 1739–1740 гг. (ф. 21, оп. 5, № 113, лл. 91–112об., 1–23, 162–170об., 24–89об.).

160. «Sammlungen zu der Historie von dem Lande Kamtschatka, derer Einwohner, Sitten, Nahmen, Lebensart und verschiedenen Gewohnheiten». Подлинник труда Г.В.Стеллера 1742–1743 гг., изданного Шерером в 1774 г. (ф. 21, оп. 5, № 112, лл. 1–172об. в переплете).

161. Описание недавно открытого острова, названного островом Беринга. Составлено Г.Стеллером. На франц. яз. (ф. 21, оп. 5, № 176, лл. 232–268).

162. Перевод В.И.Лебедева из «Описания Штеллерова путешествия капитана командора Беринга» (ф. 21, оп. 5, № 167, лл. 1–59).

163–165. «Собрание путешествий, которые по высочайшему повелению были предприняты для отыскания земель, расположенных к северо-востоку от Камчатки». 1. «Первое путешествие капитана Беринга» (лл. 2–15). 2. «Второе путешествие капитана командора Беринга» (описание составлено Г.Стеллером) (лл. 16–72). 3. «Третье путешествие адъюнкта Стеллера от Большой реки на собаках в Лопатку» (лл. 73–80). На нем. яз. (ф. 21, оп. 5, № 177, лл. 1–80). То же на франц. яз. (ф. 21, оп. 5, № 176, лл. 1–17 + 1–230 +1–25). Описание 2-го путешествия Беринга, составленное Стеллером (р. III, оп. 1, № 56, лл. 1–142).

166. Записка «о камчацком состоянии и о протчих происходящих там порядках». Составлена возвращенным из ссылки на Камчатку евреем Измаилом Абрамовым (во крещении Иваном Антоновым), 1745 г. С примеч. Г.Стеллера на нем. и лат. яз. (ф. 3, оп. 1, № 800[а], лл. 433–444); то же с примеч. Стеллера на русск. яз. (там же, лл. 552–565об.).

167. Заметки Г.Стеллера о сибирском духовенстве (ф. 21, оп. 5, № 113, лл. 154–160).

168. Заметки Г.Стеллера о китайской торговле и товарах (ф. 21, оп. 5, № 113, л. 161).

169. Разные заметки Г.Стеллера по экономике, управлению и т.п. Сибири (ф. 21, оп. 5, № 114, лл. 1–90).

170. Разные заметки Г.Стеллера по истории, географии, этнографии и пр., относящиеся к Якутии (ф. 21, оп. 5, № 114, лл. 35–45, 55–59об.).

171. «Житие господина Георга Вильгельма Штеллера, бывшего адъюнкта при... Академии наук в СПб. Сообщенные поныне известия о его путешествиях и изобретениях и смерти, иное опровержено, иное дополнено и поправлено. В Франкфурте. 1748 г.». Русский перевод с изданной на нем. яз. биографии Стеллера. Список 1752 г. (р. II, оп. 1, № 151, лл. 1–28; то же: р. II, оп. 1, № 152, лл. 3–29).

172. «Некоторое описание о Амуре». Труд Я.И.Линденау 1784 г. на русск. яз. (ф. 21, оп. 5, № 33, лл. 1–4).

173. Отрывок труда В.И.Казанцева о Камчатке на нем. яз. (в отрывке: 42. Копия сказки большерецких жителей; 43. О реке Аваче. — Запись туземных рассказов о промыслах) (ф. 21, оп. 5, № 114, лл. 88–90).

5) «Описание Сибирского путешествия 1733–1743 гг.»

174. Маршрут путешествия Миллера по Сибири под заглавием: «Mein Reise Verzeichniss 1733–1743». Беловой экз. на нем. яз. (портф. 150, I, тетр. 4, лл. 59–75).

175. Описание путешествия по Сибири, составленное Миллером на нем. яз. его рукою (портф. 750, I, лл. 1–61). На обложке зачеркнутая надпись рукою Миллера: «Academische Geschichte — eigenhändige Aufsätze». Другим почерком над зачеркнутым: «Гистория Камчатской экспедиции 1733, 34, 35». Напечатано в «Материалах по истории Академии Наук». VI, СПб., 1890.

176. Выписки из 14-й главы «Путешествия Миллера по Сибири» (Описание пути от Верхотурья до Петербурга), на русск. яз. (портф. 410, тетр. 4, лл. 1–2).

177. Разные записки и выписки, касающиеся Сибирского путешествия (портф. 764, лл. 1–90). Ср.: *Пуцилло.* Указатель, с. 104.

178. «Tage Register der Kamtschatskischen Reise zusammen geschrieben von Dr. Iranne Georg Gmelin». Текст писан переводчиком Мартини с многочисленными поправками Гмелина. Оканчивается 11 сентября 1736 г. (р. I, оп. 104, № 1, с. 1–515).

179. Описание путешествия по Сибири в 1733–1743 гг., составленное Г.Ф.Миллером, на русск. и нем. яз. (портф. 517, I–III, 40 тетрадей).

179[а]. Реляция о болезни, от которой погибла большая часть команды лейтенанта Лассиниуса, и относящихся к этому обстоятельствах. На нем. яз. (ф. 21, оп. 5, № 60, лл. 113–116об.).

6) Карты, планы и рисунки

180. Карта Новой Земли (чернилами) — приложена к описанию Новой Земли (портф. 365, II, тетр. 24, л. 236).

181. План местности Ямышевского озера, р. Иртыша и Ямышевской крепости, акварель; на полях помета рукою Миллера: «14 февраля 1736 г.», приложен к статье о Ямышевском озере (портф. 430, I, тетр. 17, л. 3).

182. План города Тюмени и его окрестностей XVII в. (чернилами). На плане помещены кроме г. Тюмени речка Тюменка, речка Тура, Алексеевский девичий монастырь, Кучумово городище (портф. 365, II, тетр. 14, л. 147).

183. План течения неизвестной реки (без надписи), вероятно сибирской, XVIII в. (тушью) (там же, л. 148).

184. План течения другой неизвестной реки XVIII в. (чернилами). На плане помещены: «Сулин ручей», «Микитин ручей» и неизвестное поселение (там же, л. 149).

185. Рисунок тушью с изображением горы, из трех отверстий которой выходит дым. Подпись рукою Миллера: «Mons fumans ad ostium Abaschinae fl. im Tomun excuerentis supra Kusnezkum», — приложен к статье «Описание дымящейся горы» (портф. 430, I, тетр. 15, л. 3).

186. Рисунок тушью, изображающий добывание железа кустарным способом народами Сибири, приложен к статье: «О способе добывания железа из руды» (портф. 430, I, тетр. 14, с. 3).

187. План Ишимского острога, 1741 г. (ф. 21, оп. 2, № 13, с. 67).

188. План Коурдацкого острога, 1741 г. (ф. 21, оп. 2, № 13, с. 78).

189. План Тебендинского острога, 1741 г. (ф. 21, оп. 2, № 13, с. 69).

190. Чертеж берегов Иртыша (ф. 21, оп. 2, № 14, с. 296 и 300).

191. Рисунок пещеры, находящейся в Кунгурском уезде (портф. 430, I, тетр. 20).

192. Рисунок якутов с тунгусской татуировкой, встреченных в Казани в 1733 г. (р. I, оп. 104, № 1, с. 50).

193. Изображение наконечника тунгусской палки (р. I, оп. 104, № 1, с. 396).

194. Изображение тунгуса (р. I, оп. 104, № 1, с. 402).

195. Рисунок плашки (р. I, оп. 104, № 1, с. 422).

196. Эскиз карты Лены у дер. Таракановой (р. I, оп. 104, № 1, с. 452).

197. Рисунок «щек» на Лене (р. I, оп. 104, № 1, с. 455).

198. Эскиз карты Лены при впадении Витима (р. I, оп. 104, № 1, с. 460).

199. Рисунок остроги (р. I, оп. 104, № 1, с. 467).

200. Три карты (чернилами), приложенные к статье С.П.Крашенинникова: «О ручьях, впадающих в р. Баниу» (портф. 753).

201. «Пять чертежей, сочиненных Тауйского острога ясачным сборщиком служилым Андреем Пежемским в 1742 г.: рек Ямы, Олы, Армани, Тауи и Ковы» (ф. 21, оп. 5, № 142).

202. Чертеж побережья Охотского моря, составленный в 1742 г. переводчиком Я.Линденау (ф. 21, оп. 2 — 1743 г., ноябрь).

203. Два изображения акварелью солнца со «знаками» — «сочинено в Тигильской крепости штурманом Мих. Петушковым 23 марта 1780 г.». Приложены к письму Т.И.Шмалева к Миллеру от 25 апреля 1781 г. (портф. 150, V, тетр. 21, л. 3).

204. Карта Курильских островов на франц. яз. (ф. 21, оп. 5, № 177, л. 81).

205. Карта открытий, сделанных капитаном командором Берингом и капитаном Чириковым, плававшими на кораблях «Св. Петр» и «Св. Павел» от Камчатки к берегам Северной Америки. На франц. яз. (ф. 21, оп. 5, № 177, л. 82).

206. Список рисунков И.Беркана, относящихся к Камчатке (ф. 21, оп. 5, № 114, лл. 78–81об.).

207. Изображение Пекинской стены (примитивный набросок пером) (портф. 349, II, тетр. 4, л. 31).

208. Планы городов Пекина, Тюузюпкана, Сюань-фу, Калгана, деревень Тоулай-Суму, Лян-дянь-фан-эл (там же, лл. 31об., 53, 56об., 57, 58об., 59об.).

209. Рисунок местности вокруг горы Ялан-Тологой (там же, л. 60).

210. Рисунок местности по р. Толе (там же, л. 78об.).

211. Образцы маньчжурских и китайских букв (р. I, оп. 104, № 1, с. 262).

212. Рисунки сибирских древностей (портф. 791).

II. МАТЕРИАЛЫ И ТРУДЫ ПО ЭТНОГРАФИИ СИБИРИ

1. Выписки В.Н.Татищева из работ Страленберга и других писателей о живущих в Сибири народах: бурятах, барабинцах, якутах, канских татарах и аринских, рукою Татищева (портф. 46, тетр. 11, лл. 1–4).

2. «Описание живущих около Казани народов». Труд Миллера на нем. яз., редакция 1734 г. (ф. 21, оп. 5, № 18, лл. 20–72об.).

3. «Разные допросы при описании народов». Инструкция Г.Ф.Миллера С.П.Крашенинникову, 1738 г. (ф. 3, оп. 1, № 800, лл. 107об.–113).

4. «Описание сибирских народов». Труд Г.Ф.Миллера на нем. яз., 2 тома; т. 1-й, лл. 1–186, и т. 2-й, лл. 1–85; в приложении переписка на восточных языках и две сибирские песни (РГАДА, ф. 181, оп. 16, рукоп. нем., № 38/763).

5. «О сибирских гермафродитах». Статья И.Гмелина на лат. яз. (портф. 430, тетр. 11, лл. 1–5, три рисунка к статье — лл. 6–7).

6. «Отрицание калмыцкое при принятии христианского закона». Беловой экз. на русск. яз. (портф. 150, III, тетр. 18, лл. 1–2).

7. Разные известия о калмыках, полученные от И.Рената, беловой экз. на лат. яз. (портф. 344, тетр. 2, лл. 8–13).

8. Современное состояние восточной и западной Калмыкии. Черновик на нем. яз. рукою Миллера (портф. 344, тетр. 10, лл. 1–27).

9. «История и описание тангутской или так называемой далайламской веры и в каком состоянии она находится у монголов и калмыков». Черновик на русск., нем. и лат. яз. рукою Миллера (портф. 344, тетр. 11, лл. 1–60).

10. «Требуемые от меня воспоминания о путешествии Палласа и описание монгольских народов». Беловой экз. на нем. яз., сверху рукою Миллера: «От г. Иерига, 1778» (портф. 749, лл. 1–9).

11. Вопросы Клингштедта о разных обычаях в России с ответами Миллера. За скрепою переводчика П.Миллера (портф. 149, III, тетр. 10, лл. 1–9; Гос. публ. библ. в Ленинграде, Эрмитажное собр., № 541, II, тетр. 10).

12. «Описание соболиного промысла». Труд С.П.Крашенинникова (ф. 21, оп. 5, № 170, лл. 1–16, и № 73, лл. 116–132об., а также портф. 150, XVI, тетр. 11, лл. 1–19).

13. «Описание камчадальского праздника, который праздновали камчадалы на реке Кыкчике, в Верхнем Кыкчикском острожке 21 и 22 ноября 1738 г.». Труд С.П.Крашенинникова. Лат. пер.) (ф. 21, оп. 5, № 34, лл. 76об.–80, и № 60, лл. 42об.–46 и 68–71об.).

14. «О курилах, живущих на Поросимур и Онекута островах, которые от русских Другим и Третьим Курильским островом называются». Труд С.П.Крашенинникова. Лат. пер. (р. I, оп. 13, № 10, лл. 217об.–219; ф. 21, оп. 5, № 60, лл. 29об.–32 и 57–58).

15. Об укинских иноземцах. Заметки С.П.Крашенинникова (р. I, оп. 13, № 10, лл. 71об.–72об.).

16. «О коряках оленных». Труд С.П.Крашенинникова (р. I, оп. 13, № 10, лл. 70–72об.).

17. «Описание коряцкого народа». Труд С.П.Крашенинникова (р. I, оп. 13, № 10, лл. 113об.–125об.).

18. «Описание камчатского народа». Труд С.П.Крашенинникова, 1736 г. (ф. 21, оп. 5, № 34, лл. 284–292об.; № 60, лл. 25–40 и 51–71об. (лат. пер.); р. I, оп. 13, № 10, лл. 63–70 (черновик)).

19. «Описание камчатского народа, сочиненное по сказыванию камчадалов. Труд С.П.Крашенинникова, 1740 г. (ф. 21, оп. 5, № 34, лл. 254–283об., № 51, с. 134–192, № 162, лл. 1–30; р. I, оп. 13, № 10, лл. 95–113).

20. «Описание земли Камчатки», ч. 3-я (вторая редакция, 1752 г.). Труд С.П.Крашенинникова (р. II, оп. 1, № 288).

21. «Описание на Первом (Курильском) острову живущих курилов, о их обычаях и поведении», 1742 г. (ф. 3, оп. 1, № 800[а], лл. 17–26).

22. «Описание, как внутренние и внешние болезни живущими в Сибири русскими людьми излечены бывают». Сочинено А.Горлановым. Список XVIII в. (Архив Русского географического общества в Ленинграде, р. 114, оп. 1, № 29, лл. 1–68).

23. «Болезни якутов, смерть и похороны у них. Их промыслы и питье». Труд И.Фишера. На нем. яз. (ф. 21, оп. 5, № 52, с. 56–61).

24. Заметки И.Фишера о якутах, даурах и удских тунгусах. На нем. яз. (ф. 21, оп. 5, № 134, тетр. 80, лл. 1–14).

25. Заметки И.Фишера о походе на алюторов (ф. 21, оп. 5, № 60, лл. 101–104).

26. «О чулымских татарах». Труд И.Фишера. На нем. яз. (ф. 21, оп. 5, № 49, с. 1–24).

27. «Описание татарской свадьбы в дер. Калтай недалеко от Томска, 30 января 1746 г.». Труд И.Фишера на нем. яз. (ф. 21, оп. 5, № 42, лл. 20–21).

28. Заметки И.Фишера об образе жизни и обычаях сибиряков. На нем. яз. (ф. 21, оп. 5, № 46, лл. 1–2).

29. «Ведомость о нравах и о поведении татар Томского ведомства и о протчих их поступках», 1746 г. (ф. 21, оп. 5, № 42, лл. 1–9).

30. «О религии калмыков». Труд И.Фишера, 1738 г. На нем. яз. (р. I, оп. 81, № 5 и 6).

31. «Репорт лекаря Никиты Ножевщикова из Сибири в Медицинскую канцелярию о том, как там лечатся от моровой язвы», 1763 г. Беловой экз. На русск. яз. (портф. 150, I, тетр. 22, лл. 1–4).

III. МАТЕРИАЛЫ И ТРУДЫ ПО ЯЗЫКАМ НАРОДОВ СИБИРИ И СОСЕДНИХ ОБЛАСТЕЙ

1. Рассуждение Г.Ф.Миллера (1747 г.) о письменах тангутских <тибетских>, найденных в Сибири (портф. 2, Historia Litteraria. № 14).

2. Мунгальская и тангутская <тибетская> азбука (портф. 344, тетр. 8, лл. 4, 5, 30).

3. Переводы с тангутского <тибетского> и мунгальского языков на латинский (там же, лл. 1–35).

4. Перевод на ламутский язык молитвы «Отче наш», написанный латинскими буквами (портф. 150, II, тетр. 20, л. 27).

5. «Реестр зверям, птицам и рыбам и выбрасывающимся из моря вещам, также деревам и ягодам с русскими, ламутскими, камчатскими и коряцкими именами». Составлен С.П.Крашенинниковым (р. I, оп. 13, № 10, лл. 199–202).

6. Словарь латино-корякско-карагинский. Составлен С.П.Крашенинниковым (р. I, оп. 13, № 10, лл. 208–209об.; портф. 513, тетр. 6).

7. Словарь латино-курильско-камчатско-укинский. Составлен С.П.Крашенинниковым (р. I, оп. 13, № 10, лл. 209об.–214).

8. «Реестр зверям, птицам и рыбам и выбрасывающимся из моря вещам около Курильских островов и около I-го и II-го находящимся, также деревам и ягодам на оных растущих, с курильскими именами». Составлен С.П.Крашенинниковым (р. I, оп. 13, № 10, лл. 220–221об.).

9. Словарь латино-тигильский. Составлен С.П.Крашенинниковым (р. I, оп. 13, № 10, лл. 222–223).

10. Словарь нарымских остяков (селькупов), составленный И.Фишером (ф. 21, оп. 5, № 4).

11. Словарь латино-финско-зырянско-пермяцко-вотяцко-вогульско-тангутско-китайский. Труд И.Фишера (р. III, оп. 1, № 135).

12. «Татарские (качинцы, котовцы, чатские и сагайские) и братские песни» — ноты, текст песен и перевод русский (ф. 21, оп. 5, № 134/3, с. 1–3).

13. Словарь животных, птиц и рыб на разных языках народов, живущих по р. Оби. На нем. яз. (ф. 21, оп. 5, № 134/5, лл. 1–11).

IV. ИСТОРИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ И ТРУДЫ О СИБИРИ

1) Сибирские летописи и другие материалы повествовательного характера

1. «Ведомость о Китайском государстве, присланная из Сибири от воеводы стольника П.И.Годунова». 1667 г. Список XVIII в. (портф. 349, I, тетр. 24, лл. 1–11).

2. «Записка о бывшем в России китайском посольстве в 1688 г.» (портф. 349, I, тетр. 19, на 1 л.).

3. Ремезовская летопись. Подлинник. Скоропись двух почерков XVII–XVIII вв. На 39 листах в продолговатый лист. На каждой странице рукописи по два рисунка. На л. 39 цифровой тайнописью написано: «Писал Семен Ремезов», «Леонтеа Семенова», «Семена Семенова», «Ивана Семенова» и «Петра Семенова»; здесь же начальные буквы их имен, отчеств и фамилий, изображенные киноварью в большом щите сердцевидной формы и черным — в четырех малых щитах такой же формы. На внутренней стороне передней доски переплета — запись рукою библиотекаря Академии наук А.И.Богданова о том, что рукопись в «1744 г. принята от профессора Миллера, привезена из Сибири». Нижеследующая запись, писанная другим почерком: «А господин профессор Миллер достал сию книгу в Тобольске от коллежского асессора и провинции Енисейской воеводы Петра Федорова сына Мировича и оную книгу подписал 1759 году августа 20 числа, будучи в Библиотеки и спрося об оной у содержателей Библиотеки». На обороте последнего, ненумерованного листа, относящегося к переплету, скорописью первой половины XVIII в. написано: «Житие Ермаково как Сибирь взал с тружиною своею» (Библиотека Акад. наук, отд. рукописной книги, 16.16.5).

4. «Сказание о явлении великого иерарха Николая Мирликийского чудотворца томскому гражданину Григорию (Роженову) и о прорицании грядущего гнева Господня на град Томский и на живущие в нем люди», с приложением «чудес». «Явление» относится к 1692 г. На л. 1: «A(nn)o 1745 Tomsky d. 8 Junu» (ф. 21, оп. 5, № 110, лл. 1–13).

5. «Описание о горах Алтайских» — перевод из китайской книги Дай-цин-и-тун-джи». Беловой экз. на русск. яз. (портф. 349, I, тетр. 28, лл. 1–2).

6. Перевод оттуда же: 1) «о мунгальских владельцах вообще; 2) о родословии владельцев калкасских; 3) о пограничных с Россиею китайских горах и о р.Тугуре». Беловой экз. на русск. яз. (портф. 349, I, тетр. 29, лл. 1–7).

7. «Перевод с китайской книги под названием: „Записки путешествия послов, в последние края света посыланных“», 1712 г. (упоминаются города от Казани до Селенгинска). Черновик на русск. яз. (портф. 349, II, тетр. 12, лл. 1–97).

8. «Разные известия, до р. Амура и до рубежа с китайцами положенного касающиеся, выписанные из китайской книги, Дай-цин-и-тун-джи называемой». Беловой экз. на русск. яз. (портф. 349, II, тетр. 14, лл. 1–4).

9. Отрывок описания китайского путешествия из Пекина через Сибирь к астраханским калмыкам 1712–1715 гг. На нем. яз. (портф. 349, I, тетр. 7, лл. 1–12).

10. «Дневник, веденный родственником почт-директора барона Аша во время его ссылки в Сибирь с 9-го июля 1734 по 14 мая 1743 г.» (РГАДА, ф. 181, оп. 16, рукоп. нем., № 765, с. 1–251; ср.: *Пуцилло*. Указатель, с. 68).

2) Документы XVI–XVIII вв., извлеченные Г.Ф.Миллером из сибирских и других архивов

11. «Об архиве Сибирского приказа»: 1) две копии с указа 1768 г. о допущении Миллера к разбору дел бывшего Сибирского приказа; 2) два экземпляра донесения Миллера в Сенат от 1768 г., в котором он просит разрешения оставить при себе архивариуса для разборки дел Сибирского приказа (портф. 389, I, тетр. 3, лл. 1–5).

12. «Роспись документам, надлежащим к сочинению общей истории российской, из сибирских архив». Текст, писанный канцеляристом со многими поправками Г.Ф.Миллера, предназначался для М.М.Щербатова (Библиотека Акад. наук, отд. рукоп. книги, 31.6.10, лл. 43–66).

13. Опись делам 1640–1702 гг. Якутского архива (портф. 483).

А. Подлинные грамоты XVI–XVIII вв. и современные списки с них

14. Списки (1626 г.) с государевых грамот и с отписок из Мангазеи 1616–1623 гг. о морском ходе. Скрепа по листам дьяка Степана Угодского. В рукописи сначала копии с государевых грамот, а затем отписки мангазейских воевод; при печатании в «Русской историч. библиотеке», II, № 254, кроме пропуска, оговоренного в примечании, имеется еще один пропуск — в грамоте 18 сентября 1622 г. (лл. 50–54) — опущен текст, где содержится выговор воеводе за неприсылку ответа на грамоту 24 апреля 1620 г. и приказание ее прислать (портф. 542, лл. 1–126; то же — портф. 130, I, тетр. 11, лл. 1–30).

15. Переписка тобольских воевод 1636–1637 гг. с калмыцкими тайшами (РГАДА, ф. 181, ср.: *Пуцилло.* Указатель, с. 25, № 201/346).

Б. Подлинные дела и книги сибирских воеводских канцелярий XVII–XVIII вв. и современные списки с них

16. «Список перечневой... всяких чинов служилым людям и где они были великого государя на службах и посылках в нынешнем в 189-м году в Тобольску и Тобольского уезда в слободах, наряду и зелья... и что в нынешнем году наряду ж и всяких пушечных запасов в приходе и расходе...». Список XVII в. (портф. 543, лл. 1–114; см.: *Пуцилло.* Указатель, с. 33).

17. «Список с Пелымского города нынешнего 207-го году сентября с 1-го дня». Книга, написанная разными почерками конца XVII в., содержит в себе опись г. Пелыма, смету запасам и «окладной список всякого звания людям и недоимкам» в 1698–1699 гг. (портф. 544, лл. 1–100).

18. Книги ясачные 1715, 1716 и 1717 гг. (пять номеров Камчатских острогов, писанные на березовой коре) (РГАДА, бывшее собрание Главн. арх. Мин-ва иностр. дел, по «реестру государственным российским книгам и утвержденным грамотам (1800)», — № 50/А; ср.: *Пуцилло.* Указатель, с. 60).

В. Списки документов XVI–XVIII вв., снятые по поручению Миллера и других участников экспедиции в сибирских и других архивах

19. Списки с грамот Строгановым 7025<1516/17>–1702 гг. Всего 33 грамоты (портф. 241, тетр. 2, лл. 1–180).

20. Список (XVIII в.) с грамоты царя Ивана Васильевича к кн. Певгею и ко всем князьям Сорыкидской земли о присылке в Москву дани со всякого человека по соболю — 7065 г. (портф. 127, тетр. 11 (на 1 столбце); р. I, оп. 79, № 2, л. 105–105об.).

21. Копии с грамот 1599–1725 гг. о сибирской торговле, сборе пошлин, сборе ясака, о торговле с Китаем, о монастырском землевладении, о табачной продаже, о посольстве Избрандта, китайских посланниках, шертовальных записях и др. (портф. 133, I–V).

22. Копии с документов XVII–XVIII вв., касающихся церковной истории в Сибири, главным образом постройки церквей и монастырей, выдачи денежного и хлебного жалованья духовенству, монастырских земель, крещения сибирских народов (портф. 184, I).

23. Копия XVIII в. грамоты Михаила Федоровича тюменскому воеводе Коркодинову от января 1618 г. с приказанием сыскать о службах тюменского юртовского татарского головы Маитмаса Ачекматова и о назначении ему денежного и хлебного жалованья… (портф. 410, тетр. 9, лл. 1–2).

24. Копия статейного списка посольства, отправленного в 1620 г. из Томска к Алтын-хану (портф. 299, VII, тетр. 1, лл. 1–38).

25. 102 документа 1621–1741 гг., списанных в сибирских архивах (портф. 481, I).

26. Выписка из писцовой книги стольника Л.Поскочина 7191-го года об Ашлыцкой слободе (ф. 21, оп. 2, № 13, с. 37).

27. «Список с договора, учиненного близ Нерчинска между китайскими послами и ближним окольничим Головиным 27 августа 1689 г.». Беловой экз. (портф. 349, II, тетр. 2, лл. 1–3).

28. Копии с 33 документов 1697–1700 гг., касающихся поисков серебряной руды в Томском уезде; приложены к статье Миллера «Известие о промысле серебряной руды» (портф. 393, тетр. 3, лл. 8–124).

29. «Известия о рудных в Сибири делах», 1700–1703 гг. 4 тома копий документов (РГАДА, ф. «Горные дела», первоначально в фонде Миллера; ср.: *Пуцилло.* Указатель, с. 16, примеч. и с. 54–56).

30. «Копия с инструкции, данной из Коммерц-Коллегии назначенному в Китай посланнику Измайлову 1719 г.», на франц. яз. (портф. 781, лл. 1–2).

31. «Ведомость о пограничных китайских местах, сочиненная со сказок якутских обывателей в 1727 г.». Беловой экз. (портф. 349, I, тетр. 23, лл. 1–6).

32. «Разные записки и примечания о российской торговле с китайцами». Копии документов 1721–1756 гг., касающихся торговли с Китаем, на русск. и франц. яз.; встречается почерк Миллера (портф. 391, тетр. 3, лл. 1–46).

33. «Ответы тунгусов и якутов на вопросы у них стольника и иркутского воеводы Полуехтова о пограничных местах между Россиею и Китаем в 1727 г. На русск. яз. В двух экз. (портф. 349, I, тетр. 21, лл. 1–2, 3–6).

34. Копия «соглашения, учиненного между китайскими комиссарами и русскими Ив. Глазуновым и Сем. Киреевым о размежевании земель» 12 октября 1727 г. Беловой экз. (портф. 349, I, тетр. 22, лл. 1–2).

35. «Список с договора, учиненного при р. Кяхте между китайскими послами и российским тайным советником гр. Владиславичем 14 июня 1728 г. Беловой экз. (портф. 349, II, тетр. 3, лл. 1–10).

36. «Мнение бывшего в Пекине посла гр. Саввы Владиславича о незачатии без нужды с китайцами войны». Беловой экз. на русск. яз. (портф. 349, II, тетр. 10, лл. 1–2).

37. Копия с инструкции, данной из Коллегии иностранных дел иркутскому вице-губернатору Жолобову, о пограничной переписке с китайцами, от 4 февраля 1731 г. (портф. 349, I, тетр. 20, лл. 1–10).

38. Ведомости с 1735 по 1737 г. об отпускаемом из Сибири железе. Беловой экз. на нем. яз. (портф. 244, I, тетр. 3, лл. 1–2).

39. Копия указа о лапландских и благодатских рудокопных заводах 1739 г. (портф. 150, V, тетр. 12, лл. 1–4).

40. Копия донесений в Сенат из петербургской губернской канцелярии об осмотре и описи мест для устройства укрепленной линии: 1) от Черной слободы вверх по р. Иртышу до Семипалатинской крепости; 2) от Селенгинска до Теляцкого острога — 20 декабря 1743 г. (портф. 365, II, тетр. 8, лл. 53–56).

41. Письмо архимандрита Спасского Енисейского монастыря Иоанникия Павлуцкого вице-канцлеру гр. М.И.Воронцову от 30/V 1752 г. (портф. 245, тетр. 10, лл. 131–134).

42. Копия (исправленная Миллером) челобитной остяков на духовенство за нарекание на них, будто они убивают оленей перед шайтаном. 15 апреля 1767 г. (портф. 150, XVIII, тетр. 11, лл. 1–2).

43. «Перевод с мунгальского письма, полученного из Урги от ургинских пограничных управителей 8 мая 1771 г.». Копия (портф. 144, III, лл. 25–26).

44. «Перевод с мунгальского письма, полученного из Урги от мунгальских пограничных управителей 21 ноября 1771 г.». Копия (там же, л. 24).

45. Материалы, относящиеся к побегам Беньовского с Камчатки во Францию в 1771 г.: 1) «Копия журнала паметного вологодского купца Алексея Иванова Корнилцова о несчастном случае, над Большерецким острогом учинившимся польским мятежником и бродягой Беньовским с товарищи 1771 г. 27 апреля, и 2) Копия ведомости, коликое число отправилось ис Камчатки на судне галиоте „Св. Петре“ с венгерцом Беневским в морской вояж людей и кто имяны и ис того числа кто где и каким случаем остались и померли и за тем ныне налице состоят значит ниже сего» (портф. 150, XII, тетр. 8, лл. 1–39).

46. «Выписки и указы, относящиеся до усреждения наместничеств» — копии указов и других документов 1775 г. (портф. 365, II, тетр. 9, лл. 11–19).

47. Копии «ведомости купеческих судов, отправленных из Охотского порта» (1775–1781 гг.) и копии двух рапортов в Камчатскую приказную избу 1778 и 1779 гг. (портф. 150, V, тетр. 21, лл. 1–28, приложение к письмам Т. и В.Шмалевых).

48. «Перевод с мунгальского письма об открытии в Кяхте торгу и об отдаче перебежчика Шалина», 1780 г. Беловой экз. (портф. 379, II, тетр. 6, л. 1).

3) Материалы и труды по истории и древностям Сибири

А. Статьи и исследования по истории и древностям Сибири

49. «О г. Албазине и о происшедшей там между русскими и китайцами ссоре». Беловой экз. на нем. яз. (портф. 349, I, тетр. 1, лл. 1–8).

50. О русско-китайских мирных переговорах в 1689 г. в Нерчинске. Беловой экз. на нем. яз. (там же, лл. 9–24).

51. «Известие о промысле серебряной руды, которой в уезде города Томска при речке Каштаке с 7205 г. по 7208 г. производился». Черновик рукою Миллера на нем. яз. (портф. 393, тетр. 3, лл. 5–6); беловой экз. на русск. яз. с приложением копий документов из сибирских архивов, касающихся данной темы (там же, лл. 7–8, 8–124). На черновике рукою Миллера написано: «Сие известие сочинил я по требованию и по приказу г. тайного советника бар. Черкасова и по ордеру Академической канцелярии от 17 декабря 1750. А сочиня и набело переписавши, послал оное в Академическую канцелярию на 65 полулистах при репорте 23 января 1751 г.» (л. 6об.); его же рукою (л. 5об.): «О сем же рудокопном промысле приискал я в разных сибирских городах, а паче в Томске, между древными приказными делами подлинные писменные известия, с которых взял копии, и оные здесь сообщаются».

52. «Историческое описание братских калмык», 1770 г. Два экземпляра на русск. яз. рукою Миллера: беловой и черновой (портф. 347, тетр. 12, лл. 1–4), то же в фонде «бурятские дела», 1770 г. (бывший Арх. Мин. иностр. дел — ныне в РГАДА; ср.: *Пуцилло*. Указатель, с. 91).

53. «Известие о древних гробницах, находимых в Енисейской степи». Черновик на нем. яз. рукою Миллера (портф. 365, II, тетр. 17, лл. 156–159; ф. 21, оп. 5, № 42, лл. 22–25).

54. «Рассуждение о Сибирских надписях». Беловой экз. на лат. яз. рукою Миллера с его же поправками (портф. 347, тетр. 9, лл. 1–25).

55. «Описание реки Амура». Труд Миллера, перевод 1747 г. И.Голубцова. Черновик (ф. 21, оп. 5, № 32, лл. 1–97).

56. «История страны (селений), при реке Амуре лежащих, со времени поступления оных в российское подданство». Труд Миллера, на нем. яз. (портф. 524; ср.: *Пуцилло*. Указатель, с. 100).

57. «Рассуждение о посольстве в Китай», написанное Миллером в 1763 г. Переписанный набело экземпляр на русск. яз. с поправками рукою Миллера (портф. 349, II, тетр. 7, лл. 1–28, на лл. 29–40 — снова переписанный набело экземпляр).

58. «Рассуждение о предприятии с русской стороны войны с китайцами». Написано Миллером в 1764 г. Черновик рукою Миллера на русск. яз. (портф. 349, I, тетр. 9, лл. 1–15).

59–62. «Примечания Миллера на немецком и французском языках на разные исторические сочинения о России». Черновые заметки Миллера, среди которых встречаются упоминания о Сибири:

59. «Remarques sur l'histoire de Pierre le Grand, par M. de Voltaire» (портф. 149, II, тетр. 1, лл. 1–36; о Сибири — лл. 8, 10об, 19, 20).

60. «Remarques sur le 1-er tome de l'histoire de Russie, par Mr. de Voltaire» (там же, лл. 1–28; о Сибири — лл. 7об.–8об., 10об.–11).

61. «Anmerkungen über den 38 Theil der neuen allgemeines Weltgeschichte, worin die Geschichte von Russland enthalten ist» (портф. 149, II, тетр. 6, лл. 1–18, о Сибири — лл. 4, 10, 11об., 12об.–18).

62. «Verbesserungen zum ersten Theil des H. d-r Buffon allgemeine Historie der Natur» (портф. 149, II, тетр. 8, лл. 1–10; о Сибири — лл. 1об., 2об., 4, 7–10). № 59–62 из портф. 149 в копиях 1784 г. имеются также в Гос. публ. библиотеке в Ленинграде, Эрмитажное собр., № 541, т. 1, тетр. 1^a, 1^b, 6, 8.

63. Примечания на сочинение доктора Шобера под названием «Memorabilia (о вещах, достойных примечания)» в 7-й части Российских исторических собраний (Sammlung Russischer Geschichte). На нем. яз. Копия 1784 г. (Гос. публ. библиотека в Ленинграде, Эрмитажное собр., № 540, тетр. 8, с. 1–14).

64. «Погрешность или ошибка Христиана Шетгена в сочинении его о начале россов». На нем. яз. (о сочинении «Originem Russias. Von dem Ursprunge der Städte Moscau und Tobolskoy») (портф. 149, I, тетр. 5, лл. 1–7; Гос. публ. библиотека в Ленинграде, Эрмитажное собр., № 540, тетр. 5, с. 1–9).

65. «О завоевании Камчатской землицы, о бывших в разные времена от иноземцев изменах и о бунтах служилых людей». (Первая редакция). Труд С.П.Крашенинникова (лат. пер.) (ф. 21, оп. 5, № 60, лл. 32об.–40 и лл. 58–65об.).

66. «О завоевании Камчатской землицы, о бывших в разные времена от иноземцов изменах и о бунтах служилых людей. (Вторая редакция). Труд С.П.Крашенинникова (р. I, оп. 13, № 10, лл. 74–94об.).

67. «Описание земли Камчатки». Ч. 4-я. Труд С.П.Крашенинникова, 1753 г. (р. II, оп. 1, № 288).

68. Экспедиция против чукчей. Заметки Фишера на нем. яз. (ф. 21, оп. 5, № 60, лл. 110–112об.).

69. «Краткое известие о бывшем пред несколькими годами в зенгорском калмыцком народе смятении». Труд Фишера, напеч. в «Прибавлении к Санкт-Петербургским ведомстям» 14 декабря 1761 г. (р. I, оп. 81, № 5 и 6).

70. Заметки Фишера о сибирских воеводах и других управителях. На нем. яз. (ф. 21, оп. 5, № 46, лл. 1–2об.).

71. «Примечания на некоторые слова, касающиеся до оскорбления российских монархов и употребленные на китайском языке; писаны на русск. яз. прапорщиком Л.К.Рассохиным в 1750 г.» (портф. 349, I, тетр. 14, лл. 1–18. На лл. 1–10 помещено изложение «предосудительных слов»; далее — «примечания»).

72. «Изъяснение на Вольтеровы о Китае примечания, собранные г. Братищевым, с примечаниями г. Россохина»:

1) «Осведомление или некоторое поверение Волтеровых о Китае примечаний, собранное в краткую Братищева бытность в Пекине». Беловой экз. на русск. яз., на левой стороне листа помещены вопросы, на правой — ответы на них (портф. 349, II, тетр. 5, лл. 1–18).

2) 104 примечания к этим ответам (там же, лл. 19–35) и «прибавление» (там же, л. 36). Черновик рукою Рассохина; «прибавление» подписано Рассохиным; все на русск. яз.

Б. Материалы для «Истории Сибири» Г.Ф.Миллера

73. Черновые хронологические заметки Миллера, охватывающие время с 7126 по 7179 г., на нем. яз., его рукою (портф. 365, I, тетр. 2, лл. 171, 172–177).

74. Краткие архивные выписки по сибирской истории, начинающиеся 7092 г. (смерть Ермака) и заканчивающиеся 7198 г. Черновик на русск. яз. (портф. 150, XIX, лл. 1–3).

75. «Экстракт о церквах и монастырях в Иркутской епархии». Черновик на нем. яз., охватывает время с 1669 по 1689 г. (портф. 185, тетр. 4, лл. 1–4).

76. «Надписи около церквей в Илимске». На русск. яз. (портф. 365, I, тетр. 2, лл. 151–152).

77. Экстракт из грамот, данных Строгановым в 7025–1702 гг. Всего 50 экземпляров (портф. 241, тетр. 1, лл. 1–24).

78. Реестр спискам с жалованных грамот Строгановым в 7025 (1516/17)–1702 г., посланным в Санкт-Петербург в 1746 г., в январе (там же, лл. 25–27).

79. «О сибирских царевичах». Отдельные заметки и выписки из документов, касающиеся генеалогии рода Кучума; частью беловые, частью черновые экземпляры на русск. яз., некоторые листы рукою Миллера (портф. 284, II, тетр. 5, лл. 1–14).

80. Описание изображений на гербах сибирских городов. Черновик рукою Миллера на русск. яз. (портф. 365, III, тетр. 6, л. 96).

81. «История Калмыков». Глава 1-я. «О древних местах поселения калмыков» (портф. 365, тетр. 5).

82. «Родословие владеющего по ту сторону Алтайских гор калмыцкого рода, дзонгарским именуемого, от Каракули-тайши нач. XVII в. до половины XVIII в.». На нем. яз. (портф. 279, II, тетр. 50; ср.: *Пуцилло.* Указатель, с. 94. Котвич <Русские архивные документы>, с. 793).

83. Черновые заметки Миллера на нем. яз. о том, когда и кем построены сибирские слободы Тобольского уезда: Кайкина, Абацкая, Орлово Городище, Усть-Яминская и др. (портф. 365, II, тетр. 4, лл. 1–3).

84. «О построении новых городов, острогов, крепостей, слобод». Черновые заметки на нем. яз., касающиеся XVI–XVIII вв. (портф. 365, II, тетр. 7, с. 1–11).

85. «Ис ведомости об Исецкой провинции». Черновые заметки Миллера на нем. яз. о том, когда и кем был построен тот или другой острог (портф. 365, II, тетр. 27, лл. 1–2).

86. «Краткая ведомость о бывших из России в Китай и оттуда в Россию посольствах в 1654–1731 гг.». Беловой экз. на русск. яз. (портф. 349, II, тетр. 1, лл. 1–14).

87. «Разные сведения, касающиеся до рудокопных дел и до других частей натуральной истории». На русск. и нем. яз. (портф. 430, тетр. 23, лл. 1–26).

В. «История Сибири»

88. «Фишеровы и Татищева примечания на Сибирскую историю с ответами»:

на лл. 1–4 примечания В.Н.Татищева. Беловой экз.;

на лл. 5–10 те же примечания с ответами на них Миллера (его рукою написанными на правой стороне листа на русск. яз.). Беловой экз.;

на лл. 11–12 черновик рукою Миллера;

на лл. 13–37 на левой стороне примечания без указания автора (Фишер?), на правой — ответы Миллера. Все на нем. яз. Беловой экз., одним почерком;

на лл. 38–45 черновик рукою Миллера на нем. яз., под заглавием: «Anmerkungen über Cap. V» (портф. 150, IV, тетр. 26, лл. 1–45).

ЗАМЕЧАНИЯ К ПУБЛИКУЕМЫМ КАРТАМ СИБИРИ

В том включены три историко-этнографические карты. Две из них, составленные в XVIII в., хранятся в Отделе картографии Государственного исторического музея, и это первая их полная публикация в оригинальном цветном варианте.

Первая карта представляет собой «Этнографический вариант Итоговой карты Первой Камчатской экспедиции» (три других известных этнографических варианта этой карты хранятся за пределами России[1]. Вариант, хранящийся в ГИМ[2], известный в литературе как «Карта Беринга», или «Карта Петра Чаплина» (мичмана Первой Камчатской экспедиции), выполнен между 1730 и 1753 гг. Относительно его происхождения исследовательница М.И.Наврот высказывает два предположения. Согласно первому из них, данная карта — «копия какой-то не дошедшей до нас подлинной карты Петра Чаплина, наиболее полно отражавшей все географические данные, собранные экспедицией Беринга». Согласно второму — автором карты является Василий Красильников — «геодезии учитель», «хранитель всех материалов и карт Первой и Второй Камчатских экспедиций» (*Наврот.* Новый вариант, с. 179).

Приводим некоторые данные о публикуемой карте.

Масштаб карты около 1:4 000 000. Карта рукописная, она выполнена на одном листе бумаги с использованием акварели и туши. Размер листа 62,0×132,0 см.

Картографическое изображение охватывает территорию от Байкала до Ледовитого океана (*Северное море*) и от истоков Иртыша до Тихого океана (*Тихое море*). Береговая линия нанесена схематично и фрагментарно. Наиболее подробно показаны течение Енисея с притоками, верховья Оби, Иртыша, Лены, речная сеть Камчатки. По речной сети обозначены населенные пункты, зимовья. Имеются пояснительные тексты, расположенные рядом с объектами описания: «*Вершина реки Иртыша с реками и знатными местами положена с карты геодезиста Путилова*», «*Река Енисей с вершины до устья и часть берега морского, вершина реки оби падающими реками, кроме пути нашего, положена с карты геодезиста Чичагова*», «*Положено с карты геодезиста Шатилова*», «*Высокие каменные горы и в летех из снегов не открываются и во многих местах прилегли к морю подобно стенною крутостью и не малою высотою*».

Одиннадцать вставных рисунков на карте изображают представителей сибирских народов, у каждого рисунка подпись. В левом верхнем углу карты под изображением двуглавого орла с тремя коронами — картуш в рамке. Вокруг него — сцены из

жизни камчадалов, способы погребения (трупосожжение и выбрасывание мертвого тела на съедение собакам), изображения животных (песца, соболя, лисы, оленя), летнего жилища камчадалов и др. Изображения и надписи, имеющиеся на карте, повторяюся и на более поздних вариантах этнографических карт XVIII в.

Данная карта является важным источником для изучения маршрута Первой Камчатской экспедиции, так как на ней в отличие от всех других итоговых карт экспедиции указаны промеры глубин Анадырского залива и Берингова пролива на последнем отрезке пути бота «Св. Гавриил» перед отправлением экспедиции Витуса Беринга в обратный путь.

В черно-белом варианте с плохо различимыми надписями карта была опубликована в «Атласе географических открытий в Сибири и Северо-Западной Америке», составленном под редакцией А.В.Ефимова (М., 1964), фрагмент карты, также в черно-белом варианте, опубликован в статье М.И.Наврот «Новый вариант итоговой карты Первой Камчатской экспедиции», где содержится также ее подробное описание. Краткое описание карты имеется также в статье А.В.Псянчина «Этнические карты XVIII–XIX вв.». Четыре рисунка с карты опубликованы в качестве иллюстраций в книге В.А.Самойлова «Семен Дежнев и его время...» (М., 1945).

Вторая карта, включенная в том, известна как «Этнографическая карта Сибири Второй Камчатской экспедиции»[3]. Карта выполнена в г. Тара неизвестным картографом в 1757 г. Исправления в нее внесены в начале 1760-х годов. Карта рукописная. Она выполнена на бумаге с использованием акварели, туши, чернил и дублирована на ткань. Размер карта 83,0×143,0 см. Масштаб — около 1:4 500 000.

Картографическое изображение охватывает территории Сибири, Дальнего Востока, Курильских островов, а также часть Китая, Японии и Америки. Обозначены населенные пункты, пути сообщения, государственные и административные границы, гидрография, растительность. Даны названия океанов, морей, рек, озер, заливов, населенных пунктов, провинций, губерний, уездов, показаны места расселения народов.

На карте помещены рисованные изображения представителей ряда народов Сибири; часть из них повторяет рисунки, помещенные на первой из публикуемых в данном томе карт. Повторяются и некоторые надписи на карте (иногда в расширенном варианте) с указанием на источники, использованные при составлении карты.

У левой рамки сверху над картушем даны три герба: «Герб Сибирской», «Герб Тоболской» и герб, не имеющий подписи. Оба подписанных герба связаны с земельным гербом Сибири XVII в.: «Герб Сибирской» — на щите два соболя, стоящих на задних лапах, между ними стрела. «Герб Тоболской» — на щите два соболя на задних лапах, между ними скрещенные стрелы, увенчанные короной. Герб без подписи — на фоне голубого щита олень, скачущий в сторону Сибири. Возможно, это герб Мангазеи.

Карта отражает итоги крупномасштабных исследований, предпринятых Первой (1725–1730) и Второй (1733–1743) Камчатскими экспедициями под руководством капитан-командора Витуса Беринга (1681–1741).

Одним из главных источников рассматриваемой карты является карта, составленная П.А.Чаплиным, а также карты геодезистов, в частности Путилова и Шатилова, имена которых указаны в текстах на карте.

Датировку карты уточняет двойной вензель, помещенный над картушем с титулом: изображенный первоначально вензель императрицы Елизаветы Петровны переделан

в вензель Екатерины II. Это обстоятельство позволяет предположить, что карта была введена в оборот лишь после воцарения Екатерины.

Черно-белый фрагмент карты опубликован в «Атласе географических открытий» А.В.Ефимова (№ 136), Сведения о карте даны также в Каталоге выставки «Апостолы нового времени» (М., 2004, с. 13).

Третьей картой, включенной в данный том, является «Карта распространения этнических групп, расселения племен и родов народов Сибири в XVII в.». Эта карта, составленная выдающимся сибиреведом XX в. Б.О.Долгих, значительно уточняет и дополняет содержание карт К.Н.Сербиной, помещенных в двух предыдущих томах «Истории Сибири» Г.Ф.Миллера. Карта была опубликована в книге Б.О.Долгих «Родовой и племенной состав народов Сибири», представляющей скрупулезное исследование, содержащее данные об этническом составе коренного населения двадцати сибирских уездов, сводные таблицы ясачного населения Сибири XVII в., важные материалы о ряде народов Северной Азии XVII–XVIII вв., находившихся за пределами государственных границ России того времени. Труд Долгих основан в значительной мере на документах и историко-этнографических материалах Г.Ф.Миллера, в том числе копиях из дел сибирских архивов и его рукописных материалах о народах Сибири (ПФА РАН, ф. 21; РГДА, ф. 199 и др.).

При работе над картой Б.О.Долгих учел как опубликованные, так и неопубликованные работы своих предшественников и современников: С.П.Крашенинникова, Г.В.Стеллера, И.И.Георги, С.В.Бахрушина, А.И.Андреева, А.П.Окладникова, Л.П.Потапова, Н.Н.Степанова, М.О.Косвена и др.

Представленная карта и поныне является лучшей из всех опубликованных историко-этнографических карт Сибири.

Издатели выражают благодарность сотрудникам Отдела картографии ГИМ В.Э.Булатову и Е.Д.Маркиной за помощь в работе над картами.

Е.П.Батьянова, С.И.Вайнштейн

Примечания

[1] Об этих картах см.: *Багров Л.С.* Карты Азиатской России. Пг., 1914; *Андреев А.И.* Сибирские зарисовки первой половины XVIII в. — Летопись Севера. Сб. 1. М.–Л., 1949, с. 123–135; *Bjorkbom C.* Two Bering's Maps in the Royal Library at Stockholm. — Ethnos. 1941, vol. VI, № 3–4; *Black L.S.* Russians in Alaska, 1732–1867. Fairbanks, 2004.

[2] ГИМ, Отдел картографии. ГО-1882/3. Коллекция А.Д.Черткова. Сборный атлас рукописных карт XVIII в., л. 3.

[3] ГИМ, Отдел картографии. ГО-7712.

БИБЛИОГРАФИЯ
(список цитированной литературы)

Авляев Г.О. Происхождение калмыцкого народа (середина IX — I четверть XVIII в.). 2-е изд. Москва–Элиста, 1994.

Акманов И.Г. Башкирия в составе Российского государства в XVII — первой половине XVIII в. Свердловск, 1991.

Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII вв. в фондах Г.Ф.Миллера. Описи копийных книг. Т. 1–2. Отв. ред. Н.Н.Покровский. Новосибирск, 1993–1995 (История Сибири. Первоисточники. Вып. 5).

Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1–5. СПб., 1841–1875.

Александров В.А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964 (ТИЭ, н.с., т. 87).

Алексеев В.П. К происхождению кумандинцев. — Уч. зап. Горно-Алтайского НИИ истории, языка и литературы. Вып. 6. Горно-Алтайск, 1964, с. 53–58.

Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей XIII–XVII вв. Т. I. [Ч. I]: XIII–XVII вв. Иркутск, 1932; Т. I. Ч. II (2-я половина XVII в.). Иркутск, 1936; 2-е изд. [Ч. I–II]. Иркутск, 1941.

Алексеева М.А. Собрание российских и сибирских городов. Серия гравюр XVIII века. — Сообщения Государственного Русского музея. VIII. Л., 1964, с. 65–75.

Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Пер. с англ. Ю.В.Готье. Л., 1938.

Андерсон Д.Дж. Тундровики: Экология и самосознание таймырских эвенков и долган. Новосибирск, 1998.

Андреев А.И. Сибирские зарисовки первой половины XVIII в. — Летопись Севера. Сб. 1. М.–Л., 1949, с. 123–135.

Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 1: XVII век. М., 1960; вып. 2: XVIII век. Первая половина. М., 1965.

Андреев А.И. Труды Г.Ф.Миллера о Сибири. — *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1. 2-е изд., доп. М.–Л., 1999, с. 66–149.

Андрианов Б.В. Ак-джагыз (к истории формирования современной этнической территории каракалпаков в низовье Аму-Дарьи). — Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции. 1945–1948. М., 1952, с. 567–584 (Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. 1).

Анисимов А.Ф. Родовое общество эвенков (тунгусов). Л., 1936.

Аннанепесов М. Укрепление русско-туркменских взаимоотношений в XVIII–XIX вв. Аш., 1981.

Апполова Н.Г. Присоединение Казахстана к России в 30-е гг. XVIII в. А.-А., 1948.

Археологическая карта Казахстана. А.-А., 1960.

Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции. 1945–1948. М., 1952, с. 319–426 (Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. 1).

Атлас географических открытий в Сибири и Северо-Западной Америке XVII–XVIII вв. Под ред. А.В.Ефимова. М., 1964.

Африканов А.И. Урянхайская земля и ее обитатели. — Изв. Восточно-Сибирского отдела РГО. Т. XXI, № 5, с. 34–59.

Багров Л.С. Карты Азиатской России. Пг., 1914.

[*Байков Ф.И.*] Путешествие российского посланника Федора Исаковича Байкова в Китай 7162 (1654) года, июня 25 дня. М., 1788.

Банников А.Г. Первые русские путешествия в Монголию и Северный Китай: Василий Тюменец, Иван Петлин, Федор Байков. 2-е изд. М., 1954.

Барсуков А.П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб., 1902.

Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и в России. Лекции, читанные в Университете и в Ленинградском институте живых восточных языков. Л., 1925; то же: Сочинения. Т. 9. М., 1977, с. 199–482.

Бартольд В.В. Сочинения. Т. 9. Работы по истории востоковедения. М., 1977.

Батьянова Е.П. Этнографические группы телеутов в XIX в. Деп. в ИНИОН АН СССР, 1979, № 4188.

Батьянова Е.П. Телеуты. — Сибирь: этносы и культуры. Москва–Улан-Удэ, 1995, с. 84–119 (Народы Сибири в XIX в. Вып. 1).

Батьянова Е.П., Вайнштейн С.И. Из истории подготовки нового издания труда Г.Ф.Миллера. — *Г.Ф.Миллер.* История Сибири. Т. 1. 2-е изд., доп. М., 1999, с. 5–13.

Бахрушин С.В. Туземные легенды в «Сибирской истории» С.Ремезова. — Исторические известия. М., 1916, № 3–4, с. 3–28.

Бахрушин С.В. Андрей Федорович Палицын. — Века. Исторический сборник. Пг., 1924, с. 79–110; то же: *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 3. Ч. 1. М., 1955, с. 175–197.

Бахрушин С.В. Воеводы Тобольского разряда. — Уч. зап. ИИ РАНИОНа. Т.2. М., 1927, с. 168–218; то же: *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 3. Ч. 1. М., 1955, с. 252–296.

Бахрушин С.В. Исторические судьбы Якутии. — Якутия. Сб. статей. Л., 1927, с. 275–320; то же: *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 3. Ч. 2. М., 1955, с. 13–48.

Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М., 1927; то же: *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 3. Ч. 1. М., 1955, с. 13–160.

Бахрушин С.В. Мангазейская мирская община в XVII веке. — Северная Азия. 1929, кн. 1, с. 50–65; кн. 2, с. 83–110; то же: Научные труды. Т. 3. Ч. 1. М., 1955, с. 297–330.

Бахрушин С.В. Енисейские киргизы в XVII в. — *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 3. Ч. 2. М., 1955, с. 176–224.

Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. Ч. 1. Вопросы русской колонизации Сибири в XVI–XVII вв. М., 1955; ч. 2. История народов Сибири в XVI–XVII вв. М., 1955; т. 4. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. Сибирь и Средняя Азия в XVI–XVII вв. М., 1959.

Башкатова З.В. Торговля и промыслы г. Тары конца XVI — первой половины XVIII в. в отечественной историографии. — Историография городов Сибири конца XVI — начала XX в. Новосибирск, 1984, с. 35–60.

Белов М.И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. М., 1956 (История открытия и освоения Северного морского пути. Т. 1).

Белов М.И. Ерофей Хабаров в Мангазее и на Таймыре. — Летопись Севера. Вып. VII. М., 1975, с. 107–112.

Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Ч. 1. Мангазейский морской ход. Л.,1980; ч. 2. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. М., 1981.

Берг Л.С. История географического ознакомления с Якутским краем. — Якутия. Сборник статей. Л., 1927, с. 1–38.

Берг Л.С. Первые русские карты Каспийского моря (в связи с вопросом об уровне его в XVII–XVIII веках). — Известия АН СССР. Серия географическая и геофизическая. 1940, № 2, с. 172–174.

Бира Шагдарын. Монгольская историография XIII–XVII вв. М., 1978.

Бичурин Н.Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени... СПб., 1834; 2-е изд.: Элиста, 1991.

Богораз В.Г. Материалы по ламутскому языку. — Тунгусский сборник, № 1. Л., 1931, с. 1–106.

Бородаев В.Б., Контев А.В. Монастырь Аблай-хит как памятник социально-политической истории ойратов XVII в. — Россия, Сибирь и Центральная Азия (Взаимодействие народов и культур). Материалы II Региональной конференции 26 октября 1999 г. Барнаул, 1999, с. 12–22.

Боронин О.В. Двоеданничество в Сибири. XVII — 60-е гг. XIX в. Барнаул, 2002.

Боронин О.В. Кумандинцы между Россией и Джунгарией в XVII — первой половине 50-х гг. XVIII в. — История и культура коренных народов Южной Сибири с древнейших времен до 1917 г.: Материалы Международной научной конференции. Горно-Алтайск, 15–17 октября 2002 г. Горно-Алтайск, 2002, с. 61–66.

Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889.

Буцинский П.Н. Сибирские архиепископы: Макарий, Нектарий, Герасим (1625 г. — 1650 г.). Харьков, 1891.

Буцинский П.Н. Мангазея и Мангазейский уезд (1601–1645). Харьков, 1893.

Вайнштейн С.И. Очерк этногенеза тувинцев. — Уч. зап. Тувинского НИИЯЛИ. 1957. Кызыл, вып. 5, с. 178–214.

Вайнштейн С.И. Примечания. — *В.В.Радлов.* Из Сибири. М., 1989, с. 579–637.

Вайнштейн С.И. Судьба Бориса Осиповича Долгих — человека, гражданина, ученого. — Репрессированные этнографы. Вып. 1. М., 1999, с. 284–307.

Вайнштейн С.И., Маннай-оол М.Х. Завершение формирования тувинского этноса. — История Тувы. Т. II. Кызыл, 2001, с. 304–309.

Валеев Ф.Т., Томилов Н.А. Татары Западной Сибири: история и культура. Новосибирск, 1996.

Василевич Г.М. Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. Л., 1936.

Василевич Г.М. Эвенкийско-русский (тунгусско-русский) словарь. М., 1940.

Василевич Г.М. Топонимика Восточной Сибири. М., 1958.

Василевич Г.М. Эвенкийско-русский словарь. М., 1958.

Василевич Г.М. Эвенки: Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.). Л.,1969.

Верхотурские грамоты конца XVI — начала XVII в. (Сб. документов в 2-х вып.). М., 1982.

Веселовский Н.И. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПб., 1877.

Вилинбахов В.Б. Походы князя Александра Бековича-Черкасского на Каспийское море и в Хиву (1714–1717 гг.). — Уч. зап. Кабардино-Балкарского НИИ. Нальчик, 1959, т. 14, с. 59–80.

Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия. Л., 1929.

Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.

Волобуев В.И. Некоторые итоги реконструкции карты Джунгарии И.Рената. — Известия национальной АН Республики Казахстан. Серия общественных наук. 1993, № 6, с. 11–16.

Воробьева-Десятовская М.И. Лист тибетской рукописи из Аблай-кита. — Страны и народы Востока. Вып. 26: Средняя и Центральная Азия (география, этнография, история). Кн. 3. М., 1989, с. 36–42.

Востриков А.И. С.Ф.Ольденбург и изучение Тибета. — Записки Ин-та востоковедения АН СССР. М.–Л., 1935, т. IV, с. 59–81.

Вторая Камчатская экспедиция: Документы 1730–1733. Ч. 1. Морские отряды. М., 2001.

Геннин В. Описание Уральских и Сибирских заводов. 1735. М., 1937.

Георги И.И. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. Их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. В четырех частях. Ч. III. СПб., 1777.

Голстунский К.Ф. Монголо-ойратские законы 1640 года, дополнительные указы Галдан-хунтайджия и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-даши. СПб., 1880.

Гольман М.И., Слесарчук Г.И. Русские архивные материалы о взаимоотношениях России и Монголии в 30–50-х годах XVII в. Краткий обзор. — Краткие сообщения Института народов Азии. М., 1965, 76, с. 166–181.

Горюшкин Л.М., Миненко Н.А. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI — начало XX в.). Новосибирск, 1984.

Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. Л., 1926.

Гурвич И.С. Этническая история северо-востока Сибири. М., 1966 (ТИЭ, н.с., т. 89).

Дарбакова В.П. К этимологии этнонима калмык. — Этнонимы. М., 1970, с. 265–268.

Дворецкая Н.А. Сибирские летописи как исторический источник. — Публичная библиотека им. М.Е.Салтыкова-Щедрина. Ленинград. Сборник методических статей по библиотековедению и библиографии. Вып. 20(41). Л.,1966, с. 287–299.

Дворецкая Н.А. Спорный вопрос позднего сибирского летописания. — Культурное наследие древней Руси. М., 1976, с. 408–412.

Дворецкая Н.А. Сибирский летописный свод (вторая половина XVII в.). Новосибирск, 1984.

Дежнев А.С. Первый монах Зауралья. — Шадринская старина. 1995. Шадринск, 1995, с. 108–110.

Демидова Н.Ф., Мясников В.С. Первые русские дипломаты в Китае: «Роспись» И.Петлина и статейный список Ф.И.Байкова. М., 1966.

Джамалов К. Торгово-дипломатические отношения Бухарского ханства с Россией в XVII в. Автореф. канд. дис. Душ., 1965.

Дмитриева Л.В. Язык барабинских татар. — Языки народов СССР. Т. 2. Тюркские языки. М., 1966, с.155–172.

Дмитриева Р.П. Библиография русского летописания. М.–Л., 1962.

Долгих Б.О. Племена Средней Сибири в XVII в. — КСИЭ. 1949, т. 8, с. 35–47.

Долгих Б.О. Племена и роды коренного населения Забайкалья и Южного Прибайкалья в XVII веке. — КСИЭ. 1952, т. 17, с. 29–39.

Долгих Б.О. Этнографический состав населения Якутского уезда в XVII в. — КСИЭ. 1955, т. 24, с. 30–50.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960 (ТИЭ, н.с., т. 55).

Долгих Б.О. Происхождение долган. — Сибирский этнографический сборник. Т. 5. М., 1963 (ТИЭ, н.с., т. 84), с. 92–141.

Дополнение к актам историческим. Т. 1–12. СПб., 1841–1875.

Древняя Российская вивлиофика, или Собрание древностей российских, до российския истории, географии и генеалогии касающихся, издаваемая помесячно Николаем Новиковым. Ч. 1–3. СПб., 1773–1774.

Древняя Российская вивлиофика, содержащая в себе: собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российския касающихся, изданная Николаем Новиковым. Издание второе, вновь исправленное, умноженное и в порядок хронологической по возможности приведенное. Ч. 1–20. М., 1788–1791.

Древняя Российская вивлиофика, или Собрание разных древних сочинений, изданных Николаем Новиковым. Ч. 1–2. М., 1782; ч. 3. М., 1788.

Дулов В.И. Пережитки общинно-родового строя и родового быта у тувинцев в XIX — начале XX в. (до 1917 г.). — СЭ. 1951, № 4, с. 57–76.

Дулов В.И. Социально-экономическая история Тувы: XIX — начало XX в. М., 1956.
Евсеев Е.Н. Тара в свои первые два столетия. — Сибирские города XVII — начала XX в. Новосибирск, 1981, с. 78–109.
Ермолаев В.Ф. Еще раз об этнонимах йако и саха. — Язык, миф, культура народов Сибири. Вып. 2. Якутск, 1991, с. 37–39.
Ерофеева И.В. Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик. Алматы, 1999.
Житие Василия Мангазейского и повествование о начале Туруханского Троицкого монастыря. Под ред. П.Е.Островских. СПб., 1864; то же: 1910.
Задыхина К.Л. Узбеки дельты Аму-Дарьи. — Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции. 1945–1948. М., 1952, с. 319–426 (Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. I).
Залкинд Е.М. Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ, 1958.
Записки, к сибирской истории служащие... — ДРВ. Ч. VI, месяц ноемврий. СПб., 1774, с. 167–312; ч. VII. СПб., 1775, с. 321–432; то же: ДРВ, 2-е изд. Ч. III. М., 1788, с. 104–288.
Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого: Северная и восточная часть Европы и Азии. Ч. I. М.–Л., 1985; ч. II, М.–Л., 1986.
Зверинский В. Материалы для историко-топографических исследований о православных монастырях. Т. 3: Монастыри, закрытые до царствования императрицы Екатерины II. СПб., 1897.
Златкин И.Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). М., 1964; то же: 2-е изд., М., 1983.
Золотарев А.М. Новые данные о тунгусах и ламутах XVIII в. — Историк-марксист. 1938, № 2, с. 63–88.
Зуев А.С. Русские и аборигены на Крайнем Северо-востоке Сибири во второй половине XVII — первой четверти XVIII в. Новосибирск, 2002 (Труды гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета. Серия 1. Монографии).
Иванов В.Ф. Письменные источники по истории Якутии XVII века. Новосибирск, 1979.
Из истории семьи и быта сибирского крестьянства в XVII — начале XX в. Новосибирск, 1975.
Из сочинений академиков Г.Ф.Миллера и И.Г.Гмелина. — *Радлов В.В.* Сибирские древности. Т. 1. Вып. 3. СПб., 1894, Приложения, с. 55–126.
Ионова О.В. Из истории якутского народа (первая половина XVII в.). Якутск, 1945.
Исследования по исторической этнографии Башкирии. Уфа, 1984.
Историография городов Сибири конца XVI — начала XX в. Новосибирск, 1984.
Историография и источники изучения исторического опыта освоения Сибири. Вып. 1. Дооктябрьский период. Новосибирск, 1988.
Исторические памятники Второй Камчатской экспедиции. М., 2003.
Исторические предания и рассказы якутов. В 2-х частях. Изд. подготовил Г.У.Эргис. М.–Л., 1960.
История Бурят-Монгольской АССР. Т. I. Улан-Удэ, 1954.
История Каракалпакской АССР. В 2-х томах. Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Таш., 1974.
История Сибири. С древнейших времен до наших дней. В пяти томах. Л., 1968–1969.
История Узбекской ССР. В 4-х томах. Т. 1. С древнейших времен до середины XIX века. Таш., 1967.
История Якутской АССР. Т. II. Якутия от 1630-х годов до 1917 г. М., 1957.
Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках (Сборник документов и материалов). А.-А., 1961.
Казахстан в XV–XVIII веках (Вопросы социально-политической истории). А.-А., 1969.
Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста, 1969.
Камалов С.К. Каракалпаки в XVII–XIX веках (к истории взаимоотношений с Россией и среднеазиатскими ханствами). Таш., 1968.

Каменский А.Б. Академик Г.-Ф.Миллер и русская историческая наука XVIII века. — ИС. 1989, № 1, с. 44–52.

Книга, глаголемая Большой чертеж, изданная по поручению Имп. Общества истории и древностей Российских... Г.И.Спасским. М., 1846.

Княжецкая Е.А. Новые сведения об экспедиции И.М.Лихарева (1719–1720). — Страны и народы Востока. Вып. 26: Средняя и Центральная Азия (география, этнография, история). Кн. 3. М., 1989, с. 10–35.

Колесников А. История в чертежах: Город-крепость. — Омская старина, 1994–1995. Т. 3. Омск, 1995, с. 6–17.

Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в. Сборник документов под общ. ред. Я.П.Алькора и Б.Д.Грекова. Л., 1936 (Труды Историко-археографического института Академии наук СССР. Т. XIV. Материалы по истории народов СССР. Вып. 5).

Конкашпаев Г.К. Историко-географические сведения о пребывании калмыков (джунгаров) на территории Казахстана в XVI–XVIII вв. — Уч. зап. Калмыцкого НИИЯЛИ. Вып. 8. Серия истории. Ч. 2. Элиста, 1969, с. 247–252.

Конкашпаев Г.К. Некоторые сведения о пребывании ойратов на территории Казахстана. — Проблемы этногенеза калмыков. Элиста, 1984, с. 112–118.

Кононов А.Н. «Родословная туркмен». Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. М.–Л., 1958.

Корецкий В.И. История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. М., 1986.

Косвен М.О. Этнографические результаты Великой Северной экспедиции 1733–1743 гг. — Сибирский этнографический сборник. Вып. 3. М.—Л., 1961, с. 166–212.

Котвич В.Л. Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв. — Известия Российской Академии наук. Серия 6. Пг., 1919, № 12–15, с. 791–822; № 16–18, с. 1071–1092; 1099–1214.

Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. М., 1978.

Ксенофонтов Г.В. Ураангхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. Иркутск, 1937.

Кудайберды-улы Шакарим. Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий. А.-А., 1990.

Кузеев Р.Г. Очерки исторической этнографии башкир. Ч. I. Уфа, 1957.

Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. М., 1974.

Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978.

Кузеев Р.Г., Рафиков Х.С., Юмагужина Н.Х. Этногенез и генетическая дивергенция восточных башкир. — СЭ. 1982, № 4, с. 26–34.

Кызласов Л.Р. Письменные известия о древних городах Сибири. Спецкурс. М., 1993.

Кычанов Е.И. Звучат лишь письмена. М., 1965.

Кычанов Е.И. Повествование об ойратском Галдане Бошокту-хане. Новосибирск, 1980; 2-е изд. испр. и доп. Элиста, 1999.

Левшин А. Об имени киргиз-казачьего народа и отличии его от подлинных или диких киргизов. — Московский вестник. 1827, ч. 4, № 14, с. 432–451.

Летописец вкратце. — Продолжение ДРВ. Ч. VII. СПб., 1791, с. 173–224.

Летописи сибирские. Сост. и пер. Е.И.Дергачева-Скоп. Новосибирск, 1991 (Прошлое — будущему).

Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан, 1983.

Лысенко Т.И. Фонд А.И.Андреева в Ленинградском отделении Архива Академии наук СССР. — Археографический ежегодник за 1978 год. М., 1979, с. 292–300.

Люцидарская А.А. Старожилы Сибири: Историко-этнографические очерки XVI — начала XVIII в. Новосибирск, 1992.

Майнов И.И. Население Якутии. — Якутия. Сб. статей. Л., 1927, с. 323–420.

Макшеев А. Карта Джунгарии, составленная шведом Ренатом во время его плена у калмыков с 1716 по 1733 г. — Записки РГО по общей географии. СПб., 1888, т. XI, с. 105–145.

Материалы по истории Башкирской АССР. Вып.1. Л., 1936.
Миддендорф А.Ф. Путешествие на север и восток Сибири. Ч. II. СПб., 1878.
[*Миллер Г.Ф.*] О первых Российских путешествиях и посольствах в Китай. — Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. СПб. Т. 2, 1755, июль, с. 15–57.
Миллер Г.Ф. Описание о торгах сибирских. СПб., 1756.
Миллер Г.Ф. История о странах, при реке Амуре лежащих, когда оные состояли под Российским владением. — Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. СПб. Т. 6, 1757, июль, с. 3–39; август, с. 99–130; сентябрь, с. 195–227; октябрь, с. 291–328.
Миллер Г.Ф. Известие о песошном золоте в Бухарии, о чиненных для оного отправлениях и о строении крепостей при реке Иртыше, которым имена: Омская, Железенская, Ямышевская, Семипалатная и Устькаменогорская. — Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. СПб. Т. 9, 1760, январь, с. 3–54; февраль, с. 99–136.
Миллер Г.Ф. Московские старинные приказы. — ДРВ. 2-е изд. Ч. XX. М., 1791, с. 317–318, 395–398.
[*Миллер Г.Ф.*] Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена. Сочинено Герардом Фридериком Миллером, историографом и профессором. Кн. 1. СПб., 1750; вторым тиснением: СПб., 1787.
[*Миллер Г.Ф.*] История Академии наук Г.Ф.Миллера с продолжением И.Г.Штриттера (1725–1743). СПб., 1890 (Материалы для истории Академии наук. Т. 6).
Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. М.–Л., 1937.
Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. М.–Л., 1941.
Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. 2, доп. Т. I. М., 1999.
Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. 2, доп. Т. II. М., 2000.
Мирзоев В.Г. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII в. М., 1960.
Моисеев В.А. Некоторые вопросы казахско-джунгарских отношений в советской историографии. — Вопросы историографии и источниковедения Казахстана (дореволюционный период). А.-А., 1988, с. 134–149.
Моисеев В.А. Джунгарское ханство и казахи. XVII–XVIII вв. А.-А., 1991.
Моисеев В.А. Взаимоотношения ойратов Джунгарии и уйгуров Восточного Туркестана. XV–XVIII вв. — Востоковедные исследования на Алтае. Барнаул, 1994, с. 4–40.
Моисеев В.А. Джунгаро-казахские отношения и политика России (XVII–XIX вв.). — Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: История и современность. М., Иркутск, 1995, с. 13–18.
Моисеев В.А. Новые материалы о Ренате. — Россия, Сибирь и Центральная Азия (взаимодействие народов и культур). Материалы II Региональной конференции 26 октября 1999 г. Барнаул, 1999, с. 22–27.
Моисеева Г.Н. Из истории изучения русских летописей в XVII в. (О работах Г.Ф.Миллера). — Русская литература. 1967, № 1, с. 130–137.
Муниров К. Исторические произведения Муниса, Агахи и Баяни — источники по истории Средней Азии. Автореф. канд. дис. Таш., 1961.
Мурзаевы Э. и *В.* Словарь местных географических терминов. М., 1959.
Наврот М.И. Новый вариант итоговой карты Первой Камчатской экспедиции. — Летопись Севера. Сб. 5. М.–Л., 1971, с. 173–178.
Небольсин П. Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб., 1852.
Никитин Н.И. Русские землепроходцы в Сибири. М., 1988.
Никитин Н.И. Освоение Сибири в XVII веке. М., 1990.
Николаев С.И. Основные этапы этнической истории вилюйских якутов. Автореф. канд. дис. М., 1955.
Нимаев Д.Д. Проблемы этногенеза бурят. Новосибирск, 1988.
Нимаев Д.Д. Буряты: этногенез и этническая история. Улан-Удэ, 2000.

Новомбергский Н.Я. Слово и дело государевы. — Известия Томск. ун-та. 1918, кн. 68, с. 246–249.

Носов М.М. Предки якутов по преданиям потомков. — Сборник трудов исследовательского общества «Saga Keskile». Вып. 3. Якутск, 1926, с. 26–42.

Оглоблин Н.Н. Женский вопрос в Сибири в XVII веке. — Исторический вестник. СПб., 1890, т. 41, июль, с. 195–207.

Оглоблин Н.Н. Сибирские дипломаты XVII века (Посольские «статейные списки»). — Исторический вестник. СПб., 1891, т. 46, октябрь, с. 156–171.

Оглоблин Н.Н. Остяцкие князья в XVII в. — Русская старина. 1891, т. 71, август, с. 395–401.

Оглоблин Н.Н. Бытовые черты XVII в. — Русская старина. 1892, т. 73, февраль, с. 449–458; март, с. 675–682; т. 74, июнь, с. 681–694; т. 76, октябрь, с. 165–182.

Оглоблин Н.Н. Дело о самовольном приезде в Москву Тобольского архиепископа Симеона в 1661 г. — Русская старина. 1893, т. 80, октябрь, с. 162–184.

Оглоблин Н.Н. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа. Ч. 1–4. М., 1895–1901.

Оглоблин Н.Н. Восточно-сибирские полярные мореходы XVII в. — ЖМНП. Ч. 347, 1903, май, отд. 2, с. 38–62.

Огородников В.И. Туземное и русское земледелие на Амуре в XVII в. Владивосток, 1927.

Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). Л., 1937.

Окладников А.П. Пенда — забытый русский землепроходец XVII века. — Летопись Севера. I. М.–Л., 1949, с. 94–102.

Окладников А.П. История и культура Бурятии. Улан-Удэ, 1976.

Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии. Сб. документов. Сост. Н.С.Орлова. М., 1951.

Очерки истории Калмыцкой АССР: дооктябрьский период. М., 1967.

Парникова А.С. О расселении якутов 30-х — начала 40-х годов XVII века. — Труды Ин-та языка, литературы и истории Якутск. филиала Сиб. отд-ния Акад. наук СССР. 1960, вып. 2, с. 5–25.

Парникова А.С. Расселение якутов в XVII — начале XX в. Якутск, 1971.

Пекарский Э.К. Предания о том, откуда произошли якуты. Иркутск, 1925.

Первое столетие сибирских городов. XVII век. Новосибирск, 1996 (История Сибири. Первоисточники, вып. 7).

Письма Н.Ф.Катанова из Сибири и Восточного Туркестана. — Приложение к т. 73 Записок Имп. Академии наук. СПб., 1893, № 8.

Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740–1741 годах Гладышевым и Муравиным. Издана с приобщением современной карты Миллерова пути от Орска до зюнгорских владений и обратно Я.В.Ханыковым. СПб., 1851.

Позднеев А.М. К истории зюнгарских калмыков. СПб., 1887.

Полевой Б.П. Новый документ о первом русском походе на Тихий океан. — Труды Томского краевого музея. Т. VI. Вып. 2. Томск, 1963, с. 21–37.

Полевой Б.П. Новое о Пянде. — Сибирь периода феодализма. Вып. 2. Новосибирск, 1965, с. 283–284.

Полевой Б.П. Об уточнении даты первого выхода русских на Тихий океан. — Страны и народы Востока. Вып. XX. М., 1979, с. 93–96.

Полевой Б.П. Последняя поездка Ярофея Хабарова в Москву. — Дальний Восток. 1982, № 8, с. 140–142.

Полевой Б.П. Первый русский поход на Тихий океан в 1639–1641 гг. в свете этнографических данных. — СЭ. 1991, № 3, с. 56–68.

Полевой Б.П. Новое о местоположении Бутальского острожка. — Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (Историко-археологические исследования). Т. 2, Владивосток, 1995, с. 132–134.

Полное собрание русских летописей. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. М., 1987.

Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Имп. Академиею наук... Т. 7. СПб., 1825.

Попов Г.А. Очерки по истории Якутии. Якутск, 1924.
Поппе Н.Н. Материалы для исследования тунгусского языка. Л., 1927.
Поппе Н.Н. Дагурское наречие. Л., 1930.
Потапов Л.П. Очерки по истории Шории. М.–Л., 1936 (Труды Ин-та востоковедения Академии наук СССР, 16).
Потапов Л.П. Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII–XIX вв.). Абакан, 1952.
Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. М.–Л., 1953.
Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957.
Потапов Л.П. Тува в составе монгольских государств Алтын-ханов и Джунгарии (XVII — первая половина XVIII в.). — История Тувы. Т. I. М., 1964, с. 198–238.
Потапов Л.П. Из этнической истории кумандинцев. — История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968, с. 316–323.
Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969.
Преображенская П.С. Из истории русско-калмыцких отношений в 50–60-х годах XVII века. — Записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Элиста, 1960, вып. 1, с. 49–83.
Продолжение Древней Российской Вивлиофики. Ч. 1–11. СПб., 1786–1801.
Псянчин А.В. Этнические карты XVIII–XIX вв. в фондах центральных архивов. — ЭО. 2004, № 3, с. 115–125.
Пуцилло М.П. Указатель делам и рукописям, относящимся до Сибири и принадлежащим Московскому Главному архиву Министерства иностранных дел. М., 1879.
Радлов В.В. Сибирские древности. Т. 1. Вып. 1–3. СПб., 1888–1894.
Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. М., 1989.
Резун Д.Я. О работе Г.Ф.Миллера над источниками по истории городов Сибири XVII в. — Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск, 1982, с. 142–158.
Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989.
Резун Д.Я., Элерт А.Х. Сибирские города как памятники истории и культуры XVIII в. (по материалам Второй Камчатской экспедиции). — Памятники истории, культуры и градостроительства Сибири. Новосибирск, 1991, с. 5–25.
[*Ремезов С.*] Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г. СПб., 1882.
Риттер К. Землеведение Азии. Т. 3. Алтае-саянская горная система в пределах Русской империи и на китайской границе. СПб., 1860.
Родословное древо тюрков. Сочинение Абуль-Гази, Хивинского хана. Пер. и предисл. Г.С.Саблукова. Казань, 1906.
Ромодановская Е.К. Сибирское летописание и хронология похода Ермака. — Сибирские огни. Новосибирск, 1981, № 12, с. 134–141.
Руденко С.И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. М.–Л., 1955.
Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. 1–39. СПб., 1872–1927.
Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах: Сборник документов о великих русских географических открытиях на северо-востоке Азии. Сост. М.И.Белов. Л.–М., 1952.
Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы в 2-х томах. Т. 1 (1608–1683). М., 1969.
Русско-монгольские отношения. 1607–1636. Сборник документов. М., 1959 (Материалы по истории русско-монгольских отношений).
Русско-монгольские отношения. 1636–1654. Сборник документов. М., 1974 (Материалы по истории русско-монгольских отношений).
Русско-монгольские отношения. 1654–1685. Сборник документов. М., 1996 (Материалы по истории русско-монгольских отношений).
Русско-эвенский словарь. Сост. В.И.Цинциус и Л.Д.Ришес. М., 1952.

Рычков К.Н. Енисейские тунгусы. — Землеведение. М., 1917, кн. I–II, Приложение, с. 1–67; 1922, кн. I–II, Приложение, с. 69–106; кн. III–IV. М.–Пг., 1923, Приложение, с. 107–149.
Савельева Е.А. Русские переводы книги Ф.И.Страленберга в первой половине XVIII в. — Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого: Северная и восточная часть Европы и Азии. Ч. II. М.–Л., 1986, с. 221–240.
Самойлов Н. Историческое описание Далматовского Успенского мужского монастыря, состоящего в Пермской губернии. М., 1830.
Санчиров В.П. История ойратов XIII–XVII веков в трудах дореволюционных русских востоковедов. — Калмыковедение: вопросы историографии и библиографии. Элиста, 1988, с. 19–40.
Сатлаев Ф.А. Кумандинцы (Историко-этнографический очерк XIX — первой четверти XX в.). Горно-Алтайск, 1974.
Сафронов Ф.Г. Ерофей Павлович Хабаров. Хабаровск, 1956.
Сафронов Ф.Г. Ерофей Хабаров: Рассказ о судьбе русского землепроходца. Хабаровск, 1983.
Сборник документов по истории Бурятии. XVII век. Вып. 1. Улан-Удэ, 1960.
Селезнев А.Г. Барабинские татары: Истоки этноса и культуры. Новосибирск, 1994.
Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. Т. 1. СПб., 1896; 2-е изд.: М., 1993.
Сибирские летописи. СПб., 1907.
Сибирский летописец. — Северный архив. 1826, ч. 19, № 2, с. 109–139; № 3, с. 221–251.
Сибирский летописец: Летопись конца XVII и начала XVIII столетий, веденная в Тобольске. С предисл. Е.В.Кузнецова. Тобольск, 1892.
Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф.Миллера. Новосибирск, 1996 (История Сибири. Первоисточники, вып. VI).
Сидоров Е.И. Этноним саха. — Этническая ономастика. М., 1984, с. 39–43.
Сирина А.А. Катангские эвенки в XX веке: Расселение, организация среды жизнедеятельности. 2-е изд. Москва–Иркутск, 2002.
Скрынников Р.Г. Ранние сибирские летописи. — ИС. 1979, № 4, с. 82–99.
Слесарчук Г.И. Архивные документы по истории сношений с Джунгарией в середине XVII в. — Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961, с. 260–265.
Соболев В.И. Барабинские татары. XIV — начало XVII в. н.э. (по археологическим материалам). Автореф. канд. дис. Новосибирск, 1983.
Соймонов Ф.И. Древняя пословица «Сибирь — золотое дно». — Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. СПб. Т. 14, 1761, ноябрь, с. 449–467.
Соймонов Ф.И. Продолжение о древней пословице «Сибирь — золотое дно». — Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах. СПб. Т. 19, 1764, январь, с. 44–59.
Сперанский М.Н. Повесть о городах Таре и Тюмени (отд. отт.). [Б.м., б.г.].
Стеллер Г.В. Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 1999.
Степанов Н.Н. Социальный строй тунгусов в XVII в. — Советский Север. 1937, № 3.
Степанов Н.Н. Межплеменной обмен в Восточной Сибири, на Амуре и на Охотском побережье в XVII веке — Уч. зап. Ленинградского гос. ун-та. № 48. Серия исторических наук. Вып. 5. Л., 1939, с. 58–79.
Степанов Н.Н. Первая экспедиция русских на Тихий океан. — Известия ВГО. 1943, т. 75, вып. 2, с. 45–48.
Степанов Н.Н. Заметки по исторической географии и этнографии Сибири в XVII в. — Известия ВГО. 1949, т. 81, вып. 3, май–июнь, с. 297–302.
Степанов Н.Н. Первые русские сведения об Амуре и гольдах. — СЭ. 1950, № 1, с. 178–182.
Степанов Н.Н. Тунгусы в XVII в. в Якутии. — Якутия в XVII веке (Очерки). Якутск, 1953, с. 182–219.
Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877.
Сукач В. Торговали с Бухарою. — Омская старина. 1994–1995. 3. Омск, 1995, с. 208–211.

Сулейменов Р.Б. Внешнеполитические связи Казахстана XVI–XVIII вв. в советской историографии. — Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI–XVIII вв. А.-А., 1983, с. 8–34.
Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. (Вопросы этнической и социальной истории). М., 1982.
Сысоев В. Еще о Хабарове. — Дальний Восток. 1944, № 3–4, с. 184–190.
Тарская мозаика (история края в очерках и документах 1594–1917 гг.). Омск, 1994.
Титова З.Д. Барабинские татары (историко-этнографический очерк). — Из истории Сибири. Томск, 1976, вып. 19, с. 108–147.
Тобольский архиерейский дом в XVII веке. Подгот.: Н.Н.Покровский, Е.К.Ромодановская. Новосибирск, 1994 (История Сибири. Первоисточники, вып. IV).
Токарев С.А. Расселение бурятских племен в XVII в. — Записки Бурят-Монгольского гос. НИИЯЛИ. 1939. Вып. 1, с. 101–130.
Токарев С.А. Общественный строй якутов XVII–XVIII вв. Якутск, 1945.
Томашевский В.В. Краткий обзор источников и литературы по истории колонизации Сибири и Дальнего Востока в XVII в. — Сборник статей по истории Дальнего Востока. М., 1958, с. 89–111.
Томилов Н.А. Проблемы реконструкции этнической истории населения юга Западной Сибири. Омск, 1987.
Туголуков В.А. Эвенки бассейна реки Турухан. — Социальная организация и культура народов Севера. М., 1974, с. 58–81.
Туголуков В.А. Конные тунгусы: этническая история и этногенез. — Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975, с. 78–110.
Туголуков В.А. Кто вы, юкагиры? М., 1979.
Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М., 1985.
Тумашева Д.Г. Язык сибирских татар. Казань, 1968.
Тураев В.А. И на той Улье реке... Русский землепроходец И.Ю.Москвитин: правда, заблуждения, догадки. Хабаровск, 1990.
Тураев В.А. Первая русская экспедиция на Тихий океан: Опыт изучения проблемы. — Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX веках (Историко-археологические исследования). Т. I. Владивосток, 1994, с. 4–29.
Уварова О.Б. Структура социальной организации и этнокультурная специфика нерчинских тунгусов в XIX в. Автореф. канд. дис. М., 1982.
Уманский А.П. Телеуты и сибирские татары в XVII веке (очерк внешнеполитических отношений). — Уч. зап. Барнаульского пед. ин-та. 1972, т. 18, с. 103–143.
Уманский А.П. Телеуты и русские в XVII–XVIII вв. Новосибирск, 1980.
Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М., 1964.
Фишер И.Э. Краткое известие о бывшем пред несколькими годами в зенгорском калмыцком народе смятении. — Прибавления к Санкт-Петербургским ведомостям. 14 декабря 1761 г.
Фишер И.Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774.
Функ Д.А. Бачатские телеуты в XVIII — первой четверти XX века: историко-этнографическое исследование. М., 1993 (Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. 17: Телеуты. Кн. 2).
[*Худяков И.А.*] Верхоянский сборник. Якутские сказки, песни, загадки и пословицы, а также русские сказки и песни, записанные в Верхоянском округе И.А.Худяковым. Иркутск, 1890 (Записки Восточно-Сибирского отдела Имп. РГО по этнографии. Т. 1. Вып. 3).
Цыбиков Б. К вопросу о добровольном присоединении Бурят-Монголии к России. Улан-Удэ, 1950.
Черников С.С. Памятники архитектуры ойрат-калмыков. — Записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Элиста, 1960, вып. 1, с. 115–134.
Чернышев А.И. К характеристике административного управления в Джунгарском ханстве. — Общество и государство в Китае. Научная конференция. Ч. 2. М., 1983, с. 86–96.
Чернышев А.И. Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII в. М., 1990.

Чимит-Доржиев Ш.Б. Из истории взаимоотношений России с Джунгарией при Галдан-хане (XVII в.). — Труды Томского ун-та. 1963, т. 165, с. 149–161.
Чимитдоржиев Ш.Б. Взаимоотношения Монголии и России в XVII–XVIII вв. М., 1978.
[*Чулков М.Д.*] Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной государя императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни императрицы Екатерины Великой, сочиненное Михаилом Чулковым. Т. 3, кн. 1. М., 1785.
Шалекенов У.Х. Казахи низовьев Амударьи: К истории взаимоотношений народов Каракалпакии в XVIII–XX вв. Таш., 1966.
Шастина Н.П. Русско-монгольские посольские отношения XVII в. М., 1958.
Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. Т. 1. СПб., 1883.
Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны: Статьи и материалы. Хабаровск, 1933.
Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII в. М.–Л., 1946.
Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф.Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск, 1990.
Элерт А.Х. Народы Сибири в трудах Г.Ф.Миллера. Новосибирск, 1999.
Элерт А.Х. Г.Ф.Миллер как исследователь сибирского шаманизма. — Немецкий этнос в Сибири: Альманах гуманитарных исследований. Новосибирск, 1999, с. 44–52.
Эрдниев У.Э. Историческая судьба ойратов. Элиста, 1993.
Эрдниев У.Э. Калмыки: историко-этнографические очерки. 3-е изд., перераб. и доп. Элиста, 1985.
Юкагиры: историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975.
Якутия. Сборник статей. Л., 1927.
Якутия в XVII веке (очерки). Якутск, 1953.
Ярхо А.И. Алтае-саянские тюрки: антропологический очерк. Абакан, 1947.

Fischer J.E. Sibirische Geschichte von der Entdeckung Sibiriens bis auf die Eroberung dieses Landes durch die russische Waffen. Bd. 1–2. St.-Pbg., 1768.
Georg Wilhelm Steller. Stepan Krascheninnikov. Johann Eberhard Fischer. Reisetagebücher 1735 bis 1743. Halle, 2000.
Gmelin I.G. Flora Sibirica sive historia plantarum Sibiriae. Vol. 1. Petropoli, 1747.
Gmelin I.G. Reise durch Sibirien von dem Jahr 1733 bis 1743. Vol. 1–4. Göttingen, 1751–1752.
Hakluyt's Voyages: The Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation… by Richard Hakluyt… N. Y., 1965.
du Halde. Description géographique, historique, chronologique, politique et physique de l'Empire de la Chine et de la Tartarie chinoise… T. 1–4. La Haye, 1736.
d'Herbelot. Bibliothèque orientale, ou Dictionnaire universel contenant généralement tout ce qui regarde la connaissance des peuples de l'Orient… P., 2-е изд.: La Haye, 1777–1779.
Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-Ghâzi Béhâdour Khan, publiée, traduite et annotée par Le Baron Desmaisons. T. 1–2. St.-Pbg., 1871–1874.
Histoire généalogique des Tartares, traduite du manuscrit tartare d'Abulgasi-Bahadur-Chan et enrichie d'un grand nombre de remarques authentiques et très curieuses sur le véritable état présent de l'Asie septentrionale, avec les cartes géographiques nécessaires. Leyde, 1726.
Müller G.F. De scriptis tanguticis in Sibiria repertis commentatio. — Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. T. 10 ad annum 1738. 1747, c. 420–468.
Müller G.F. Nachricht von dem Gold-Sande in der Bucharen, von denen deshalb unternommenen Reisen, und von Erbauung der am Flusse Irtisch gelegenen Festungen, Omskaia, Schelesenskaia, Jampschewskaia, Semipalatnaia und Ustkamenogorskaia. — SRG. Bd. 4. 1760, c. 183–274.
Müller G.F. Nachrichten von der Handlung in Sibirien. — SRG. Bd. 3. 1760, c. 413–612.
Müller G.F. Nachricht von der russischer Handlung nach China. — SRG. Bd. 8. 1763, c. 504–520.

Müller G.F. Voyages et découvertes faites par les Russes le long des côtes de la Mer Glaciale et sur l'Océan Oriental tant vers le Japon que vers l'Amérique. Ouvrages traduits de l'allemand de Mr.G.P.Müller, par G.F.Dumas. 2 vols. Amsterdam, 1766.

Prévost F. Histoire générale des voyages, ou Nouvelle collection de toutes les relations de voyages par mer et par terre. Bd. 1–25. Paris–La Haye, 1756–1780.

Sammlung russischer Geschichte. Bd. 1–9. St.-Pbg., 1732–1764.

Senkowski J. Supplément à l'histoire générale des Huns, des Turks et des Mongols, contenant un abrégé de l'histoire de la domination des Uzbeks dans la Grande Bukharie, depuis leur établissement dans ce pays jusqu'à l'an 1709 et une continuation de l'histoire de Kharezm depuis la mort d'Aboul-ghazi-khan jusqu'à la même époque. St.-Pbg., 1824.

Strahlenberg F.I. Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730.

Witsen N. Noord en Oost Tartarye. Ed. 1: Amsterdam, 1692; Ed. 2: Amsterdam, 1705; Ed. 3: Amsterdam, 1785.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИ	—	Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб.
АН	—	Академия наук
БСЭ	—	Большая советская энциклопедия. М.
ВГО	—	Всесоюзное географическое общество
ВИ	—	Вопросы истории. М.
ВИМК	—	Вопросы истории материальной культуры
ВЯ	—	Вопросы языкознания. М.
ГАФКЭ	—	Государственный архив феодально-крепостнической эпохи (ныне — РГАДА)
ДАИ	—	Дополнения к актам историческим
ДРВ	—	Древняя Российская вивлиофика. М.
ЖМНП	—	Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
ИИ РАНИОНа	—	Институт истории Российской ассоциации научно-исследовательских Институтов общественных наук
ИС	—	История СССР. М.
КСИЭ	—	Краткие сообщения Института этнографии. М.–Л., М.
ЛОИИ	—	Ленинградское отделение Института истории
НИИЯЛИ	—	Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ПФА РАН	—	Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
РАН	—	Российская академия наук
РГАДА	—	Российский государственный архив древних актов. М.
РГО	—	Русское географическое общество.
РИБ	—	Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. СПб.
СА	—	Советская археология. М.
СИЭ	—	Советская историческая энциклопедия. М.
СЭ	—	Советская этнография. М.–Л., М.
ТИЭ, н.с.	—	Труды Института этнографии. Новая серия. М.
ХНИЯЛИ	—	Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ЧОИДР	—	Чтения в Имп. Обществе истории и древностей российских. М.
ЭО	—	Этнографическое обозрение. М.
ЯОУ	—	Якутское областное управление
DWA	—	Denkschriften der Wiener Akademie der Wissenschaften. Philosophish-historische Klasse
SRG	—	Sammlung russischer Geschichte. St.-Pbg.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН*

* Принятые сокращения: воев. — воевода; кн. — князь; крест. — крестьянин; см. — смотри.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ*

* Принятые сокращения: вол. — волость; гор. — город; дер. — деревня; нар. — народ; о. — остров; обл. — область; оз. — озеро; остр. — острог; п-ов — полуостров; р. — река; респ. — республика; с. — село; см. — смотри; у. — уезд.

СОДЕРЖАНИЕ

Научное издание

Миллер Герард Фридрих

ИСТОРИЯ СИБИРИ

Том III

Утверждено к печати
Институтом этнологии и антропологии
им. Н.Н.Миклухо-Маклая

Редактор *Л.С.Ефимова*
Художник *Э.Л.Эрман*
Технический редактор *О.В.Волкова*
Корректор *Е.А.Мамиконян*
Компьютерная верстка *Н.А.Важенкова*

Подписано к печати 14.03.05
Формат 70×100¹/₁₆. Печать офсетная
Усл. п. л. 48,8 + 1,9 (вкл.). Усл. кр.-отт. 62,1. Уч.-изд. л. 54,5
Тираж 1500 экз. Изд. № 7649. Зак. № 579

Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
127051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

ППП "Типография "Наука"
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

ISBN 5-02-018100-5

ISBN 5-02-018422-5

1. ИТОГОВАЯ КАРТА ПЕРВОЙ КАМЧАТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ (ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ВАРИАНТ)

2. ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТА СИБИРИ ВТОРОЙ КАМЧАТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

3. КАРТА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП, РАССЕЛЕНИЯ ПЛЕМЕН И РОДОВ НАРОДОВ СИБИРИ В XVII в.